

*В память о моем отце
Георгии Алексеевиче Орлове, офицере Добровольческой Армии,
боровшемся за сохранение Отечества,
издается отдельной книгой его дневник 1918–1921 года,
каждая запись в котором сделана на месте событий.*

*Издание стало возможным благодаря сотрудничеству Института
Восточной Европы (Берн, Швейцария) и издательства «Посев» (Москва),
которым приношу искреннюю благодарность.
Вадим Орлов, Берн*

Москва
Посев
2019

Георгий Орлов. 1917 г.

ГЕОРГИЙ ОРЛОВ

Дневник добровольца

Хроника гражданской войны

1918–1921

УДК 355.48(47+57)<1918/1921>(093.3)

ББК 63.3(2)612ю14

О 66

Научные рецензенты:

А.В. Репников, доктор ист. наук, заместитель начальника отдела Центр документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт, канд. ист. наук., специалист по учебно-методической работе Учебно-методического управления Российского государственного гуманитарного университета

Георгий Орлов

О 66 Дневник добровольца. Хроника гражданской войны. 1918–1921. / науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. — М.: Содружество «Посев», 2019. — 712 с.

ISBN 978-5-906569-19-6

Публикуемый впервые дневник штабс-капитана Добровольческой армии Георгия Алексеевича Орлова (1895–1964) охватывает события с 12 августа 1918 г. по 25 октября 1921 г. Автор воевал в артиллерийском дивизионе, входившем в состав Дроздовской дивизии, и стал участником первоначальных побед Добровольческой армии в Донбассе и на Украине, наступления на Москву в 1919 г. и последующего отступления на юг через донские и кубанские станицы, трагической эвакуации из Новороссийска в Крым (март 1920 г.), обороны Перекопа, эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Севастополя (ноябрь 1920 г.) и знаменитого «галлиполийского сидения» (до октября 1921 г.), делая ежедневные дневниковые записи на протяжении трех с половиной лет.

Дневник является не только ценным источником, реконструирующим непосредственно ход боевых действий Добровольческой армии, но и содержит множество бытовых, географических, фенологических, историко-этнологических наблюдений.

Книга предназначена для профессиональных историков и всех интересующихся историей Гражданской войны в России.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках государственной программы «Развитие культуры и туризма» на 2019 год

В оформлении обложки использован погон Дроздовской дивизии, принадлежавший Георгию Орлову, из семейного архива Вадима Орлова

УДК 355.48(47+57)<1918/1921>(093.3)
ББК 63.3(2)612ю14

ISBN 978-5-906569-19-6

© Содружество «Посев», 2019

Предисловие научного редактора

Дневник Георгия Орлова благодаря как ряду обстоятельств его создания, так и личности автора, представляет собой одновременно и исключительно ценный исторический источник, и увлекательное произведение, способное вызвать интерес самого широкого читателя.

Во-первых, автор вел дневник не от случая к случаю, а систематически и ежедневно на протяжении трех лет (чем и объясняется столь значительный его объем). Хотя от участников Гражданской войны дошло немало воспоминаний в мемуарной форме и форме дневников, но столь полный и подробный исторический документ этого рода — очень большая редкость.

Во-вторых, это дневник боевого офицера, почти всю войну проведенного на передовой, что тоже весьма важно, так как шансы уцелеть при этом были минимальны, и абсолютное большинство таких лиц не дожили до конца войны. Собственно, обретением дневника мы обязаны тому случайному обстоятельству, что автор был отозван на два месяца для переподготовки в офицерскую артиллерийскую школу как раз накануне тяжелого отступления белой армии, в ходе которого он, скорее всего, погиб бы, как большинство его сослуживцев.

В-третьих, фигура автора представляет собой один из распространенных типов белого добровольца. Это интеллигентный молодой человек, вышедший из средней части культурного слоя дореволюционной России, при этом по натуре совершенно не военный — бывший гимназист, студент инженерного вуза, ставший офицером лишь в силу обстоятельств военного времени, когда в годы Первой мировой войны в офицеры производились практически все лица, годные по здоровью и образовательному цензу. Это позволяет современному читателю создать достаточно полное представление о свойственных этой части добровольцев настроениях, образе мыслей и тех побудительных мотивах, которые привели их в белую армию и заставили пройти весь ее тернистый путь до конца. На страницах дневника всё это выражено в полной мере и весьма эмоционально.

Всю войну автор провел на службе в одной части и одном ее подразделении: 3-й батарее 3-го легкого (Дроздовского) артиллерийского дивизиона, позже развернутого в бригаду, однако на страницах дневника мы встречаем имена и его многочисленных знакомых, служивших в других частях и учреждениях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России, причем многие из этих имен не встречаются в других документальных и мемуарных источниках и упоминания о них в дневнике Г.А. Орлова являются единственным свидетельством о судьбе этих лиц.

Вообще автора отличает стремление к возможно более конкретному и достоверному описанию происходившего, поэтому в его дневнике мы находим подробное описание боев не только его батареи, но и тех частей,

в состав которых она входила или с которыми она взаимодействовала. Более того, он стремится сообщить и все ставшие ему известными сведения о численности и потерях обеих сторон в операциях, в которых он участвовал, а также по возможности дать более широкую картину происходившего на фронте, насколько она могла быть ему известна, и привести фамилии начальствующих лиц (хотя некоторые из них в дневнике искажены).

Весьма интересно, что в дневнике Г.А. Орлова мы можем встретить огромное количество циркулировавших в то время слухов. Ложность и нелепость некоторых из них современному читателю вполне очевидна (о распространенности в то время большинства других он никогда не слышал), однако участниками событий они какое-то время воспринимались как вполне достоверные, что оказывало значительное влияние на их настроение. Кроме того, автор приводит довольно много сообщений печати того времени и высказываний разных высокопоставленных лиц. Всё это создает широкую панораму того информационного фона, на котором проходила борьба белых на Юге России.

Автор дневника принадлежит к той (относительно небольшой) части участников Белой борьбы, которая вынесла на своих плечах всю ее тяжесть. Именно эти идейные и высоко мотивированные люди, будучи неоднократно ранеными, снова и снова возвращались на фронт. Собственно, только благодаря их наличию, антибольшевистское движение, изначально находившееся в совершенно безнадежной ситуации, смогло вести борьбу в течение трех лет. Принадлежностью Г.А. Орлова к этой категории добровольцев вполне объясняется та резкость, с которой он отзывался о людях, сознательно остававшихся в тылу, не принимающих большевизм, но, тем не менее, не желающих жертвовать в борьбе с ним своими жизнями или даже благополучием. Описания в дневнике царивших в тылу порядков и происходивших там безобразий весьма ярки, хотя иногда и несколько преувеличены.

Дневник писался Г.А. Орловым как сугубо личный документ, который мог бы ему впоследствии позволить вновь пережить чувства тех лет и осознать свою жизненную позицию. Дневник чрезвычайно откровенен и совершенно лишен стремления как-то приукрасить даже свои собственные поведение, суждения и поступки, не говоря о таковых его соратников. И в этом смысле существенно отличается от мемуаров (и даже некоторых дневников), которые создаются с намерением публикации их в будущем. Но тем он особенно интересен и ценен.

Поэтому есть все основания полагать, что публикуемый здесь дневник не только найдет своего читателя, но будет полезен весьма широкому кругу наших современников.

С.В. Волков, доктор исторических наук

Об авторе дневника

Георгий Алексеевич Орлов родился 10 февраля 1895 г. в деревне Варварино Могилевской губернии в семье купца 2-й гильдии, почетного гражданина г. Могилева Алексея Емельяновича Орлова и его жены Ольги Эдуардовны. Георгий был первенцем в семье Орловых. Кроме него в семье было еще два сына и три дочери.

После окончания в 1913 г. Могилевской мужской гимназии Георгий поступает в Московский институт инженеров путей сообщения. В Первую мировую войну, когда Ставка Верховного главнокомандующего переезжает в Могилев, в доме Орловых поселяется начальник штаба Ставки, а в дальнейшем Верховный главнокомандующий, генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. В дом Орловых к генералу Алексееву часто приходят высшие офицеры штаба Ставки. Во времена приезда в Могилев императора Николая II в доме Орловых бывал и цесаревич Алексей, с которым подружился младший брат Георгия Борис. Всё это, безусловно, оказало большое влияние на воспитание Георгия в духе любви к Родине, преданности Отечеству и воинской присяге, на всю его дальнейшую жизнь. В 1917 г. его призывают в армию и направляют в Одессу для прохождения ускоренного курса студенческой школы прапорщиков. Но на фронт Г.А. Орлов так и не попал из-за Октябрьского переворота, круто изменившего жизнь в России и повлиявшего на дальнейший ход войны.

Политическая обстановка в стране не могла оставить равнодушным молодого человека, воспитанного в духе патриотизма, обладающего аналитическим складом ума, острым взглядом на происходящие события, и он решает пробираться на юг России в Добровольческую армию.

12 августа 1918 г. (по ст. ст.) Георгий Орлов со своим другом Андреем Седельниковым уезжает из Могилева на юг, в формирующуюся Добровольческую армию. С этого дня он ведет ежедневный дневник без единого пропуска. 27 августа 1918 г. Г.А. Орлов зачисляется в 3-й отдельный легкий артиллерийский дивизион, входивший в дивизию полковника Дроздовского. В первой записи своего дневника он так объясняет причину отъезда в армию: «...Решил я ехать в армию потому, что я непримиримый враг хамства и той мерзости, которую развели в России большевики, и в момент отъезда желал и думал помочь как можно скорее справиться с большевизмом, а затем поехать в Москву и продолжить заниматься в институте...».

Вместе со своей частью он проходит с боями в рядах I корпуса путь от Армавира до Орла. В октябре 1919 г. Георгия командируют на двухмесячные артиллерийские курсы в Севастополь, после окончания которых его снова направляют на фронт, к тому времени откатившийся к Ростову.

После ряда тяжелых поражений часть Г.А. Орлова отступает к Новороссийску, а затем, в октябре 1919 г., — в Крым.

1 ноября (ст. ст.) 1920 г. с остатками Дроздовской дивизии Г.А. Орлов на транспортном судне «Херсон» эвакуируется из Севастополя в Галлиполи (полуостров на территории Турции, находившийся под протекторатом Франции), где бывшие союзники выдавали полугодовалый паек своим соратникам по войне. В Галлиполи, несмотря на трудные климатические условия и голод, Белая армия сохранила свой боевой дух и воинский порядок и не подчинялась командованию стран Антанты. В тяжелых условиях военного лагеря Г.А. Орлов участвует в работе исторической комиссии, которой было поручено описать боевой путь Дроздовской дивизии. Ежедневные и кропотливые записи из его личного дневника служат ему большим подспорьем.

С горечью он пишет о тех лишениях и потерях, которые пришлось на долю солдат и офицеров, сокрушается по поводу безответственной работы интендантской службы, которая не обеспечивает армию теплой одеждой, обувью (хотя она имеется на складах), возмущается отношением союзников к Гражданской войне в России. Он пишет, что внешняя политика Франции диктовалась, конечно же, не русскими интересами, что Англия, оказывая поддержку Белой армии, вместе с тем преследовала цель затягивания Гражданской войны, увеличивая разруху в России.

В Галлиполи, несмотря на молодость, Г. Орлову поручают читать курс лекций по аналитической геометрии и вести практические занятия по высшей математике на курсах Союза офицеров и в Инженерной школе. Когда правительство Чехии пригласило 100 студентов из рядов Белой армии для

Наталья Владимировна и Георгий Алексеевич перед свадьбой.
Прага, ноябрь 1927 г.

окончания образования, то Г.А. Орлов с легкостью попадает в их число и 27 октября 1921 г. выезжает из Галлиполи в Прагу, где и поступает в пражский Политехнический институт, после окончания которого работает в Земстве по специальности. В 1927 г. Георгий женится на Наталье Владимировне Тавлиновой, русской девушке, которая окончила юридический факультет в Пражском университете. 17 декабря 1940 г. у них родился сын Вадим.

Живя в Праге, Георгий Алексеевич остается русским человеком, верным идеалам юности и воинской присяге. Он становится активным членом, а затем и многолетним председателем Галлиполийского землячества, которое было общественной организацией и проводило разъяснительную работу среди русского населения, оказывало помощь нуждающимся. 14 января 1940 г. состоялось последнее заседание Землячества.

В 1938–1939 гг. некоторые выходцы из России начали усиленно изучать немецкий язык, отправлялись на работу в Германию. Орлов категорически осуждал подобные действия. Как гражданин России он считал своим долгом помочь землякам сохранить чувство любви к Родине, ее идеалам и уверенность в том, что они получают возможность вернуться в Россию. Он тщательно собирал материалы о событиях Гражданской войны, встречался с участниками этих событий, читал лекции об этом времени. Особенно он заботился о том, чтобы взрослые выходцы из России и их дети не забывали, откуда они родом.

Галлиполийский бал в Праге. Георгий Алексеевич — второй слева, Наталья Владимировна — вторая справа

Алексей Емельянович
и Ольга Эдуардовна Орловы
(родители автора дневника)

Семья Орловых.
Стоят: Лидия и Георгий,
сидят: Ольга Эдуардовна
и Алексей Емельянович

Семья Орловых в усадьбе Варварино близ Могилева, 1908 г.

Гимназист Георгий Орлов перед
родительским домом в Могилеве

Георгий Орлов в 1906 г.

Георгий Орлов. Москва, 1916 г.

Прага. 1937 г.

С приходом немцев в Чехию Георгий Алексеевич продолжает свою просветительскую деятельность среди русского населения. Будучи в оппозиции к русским воинским организациям, находящимся в Чехии, он выступает с докладами в Народном университете, перед молодежью, в Профессорском доме, куда члены русских воинских организаций не заходили, боясь, что их обвинят в неблагонадежности. По словам его жены, он «... был русским и всё свое свободное время отдавал на пользу русской национальной деятельности в ущерб своей карьере инженера и своему здоровью. Его всегда ждали, надеясь, что он придет и всё расскажет, растолкует...».

О его отношении к России можно судить и по такому факту из его жизни. 20 октября 1940 г. он получает приглашение из Берлина от фирмы «Сименс» с предложением работы, но отклоняет его, несмотря на втрое большую, чем в Праге, заработную плату. Здесь следует отметить, что к этому времени Георгий Алексеевич становится очень известным инженером.

В 1945 г. семья Г.А. Орлова по приглашению известной строительной фирмы «Losing+Ko» переезжает в Швейцарию, в г. Берн, для работы. Именно здесь он производит все расчеты строящихся мостов, плотины в Израиле и т. п. В октябре 1963 г. совместно с инженером Г. Саксенхофером он издает книгу по расчетам всех видов балок, пользовавшуюся большим спросом у студентов многих поколений и в строительных организациях.

Однако годы, проведенные Г.А. Орловым в окопах Гражданской войны, жесточайший голод в лагере в Галлиполи, огромная просветительская работа с большой самоотдачей в последующие годы подорвали его здоровье. 19 апреля 1964 г. после тяжелой продолжительной болезни Г.А. Орлов скончался.

Сохраненный Георгием Алексеевичем дневник времен гражданской войны представляет собой четыре толстые тетради, исписанные простым карандашом и чернилами мельчайшим почерком. Бумага от времени темнела, карандаш выцветал, поэтому в 50-е годы Г.А. Орлов предпринял перепечатку дневника: он читал свои записи вслух, а супруга Наталья Владимировна печатала на машинке. Затем автор прочитывал текст и в некоторых местах исправлял опечатки. Было сделано несколько экземпляров машинописи под копирку.

Один экземпляр дневника попал в Могилев к племяннику Георгия Алексеевича (сыну брата Бориса) Олегу Макаренко, который предпринял усилия по публикации фрагментов Дневника дроздовца в журнале «Звезда», они были напечатаны в декабрьских номерах за 2012 и 2013 гг. Полностью дневник никогда не публиковался. Подлинник дневника хранится у сына автора Вадима Орлова в Берне (Швейцария).

В 2015 г. один экземпляр машинописи был передан в Москву сотрудницей Института Восточной Европы в Берне Ириной Черновой-Бургер. По этому экземпляру осуществлено настоящее издание дневника Георгия Орлова.

1918

ГОД

Отъезд из Могилева. Прибытие в Добровольческую армию

12.08.1918. День 12 августа старого стиля, назначенный мной и Андреем для отъезда в Добровольческую армию, начался обыкновенно, как и все другие, с тою только разницею, что пасмурное небо предвещало плохую погоду, а некоторое волнение и беготня в доме указывали на близость отъезда. Накануне, 11 числа, зашел к нам П.А. Сченслович¹ и остался ночевать. Как он, так и многие другие заходили, чтобы проститься и пожелать успеха нам и тому делу, на которое мы едем. Такое отношение со стороны окружающих и знакомых не только приятно, но и создает известную уверенность и твердость в начатом деле.

Около 10 часов мы с Андреем <Седельниковым>² пошли в Приютскую церковь, где папа хотел отслужить напутственный молебен. В этот день там служили панихиду, так как был 40-й день после убийства бывшего Императора.

После молебна ездил под проливным дождем на вокзал, чтобы справиться о времени отхода поезда. Решили ехать вместе с капитаном Полчаниновым³, который получил беженский вагон до Ростова. После вокзала уложили вещи и сели обедать. Во время обеда пришел о. Крымский, чтобы передать нам письмо своему родственнику в Новочеркасске, благословил нас в путь и уходя сказал: «У меня прямо слезы навертываются на глаза, когда я вижу как молодые люди несут свою жизнь на алтарь отечества». Симпатичный священник этот о. Крымский. Затем пришел Вася с целью проводить нас. Я написал еще письмо в Москву Оле с Генрихом. Папа с мамой благословили нас, мы посидели в гостиной перед отъездом и тронулись на вокзал.

Провожали на вокзале нас все, кроме бабушки и детей, были также Вася и Персианцев. В 7:06 вечера по среднеевропейскому времени мы тронулись из Могилева в вагоне 4-го класса. Так как выходить на перрон неужезжающим не разрешали, то наши пошли на переезд и махали нам платками. Не знаю, как у Андрея, но у меня состояние было вполне спокойное и уверенное. Жалел я перед отъездом только о том, что не мог увидеться с Олей и Генрихом. Предчувствий у меня не было никаких и не должно было быть, так как я в них не верю совершенно.

Решил я ехать в армию потому, что я непримиримый враг хамства и той мерзости, которую развели в России большевики, и в момент отъезда желал и думал помочь как можно скорее справиться с большевизмом, а затем поехать в Москву и продолжать заниматься в институте тогда, когда моя работа не нужна будет армии.

Итак мы выехали из Могилева с лучшими намерениями, стремлениями и надеждами и большими затруднениями, так как пропуск достать

было не так-то легко. Подъехав к станции *Старый Быхов**, мы решили пойти и проведать капитана Полчанинова в его беженском вагоне, но к нашему глубокому изумлению его вагона не оказалось, и проводник на наш вопрос об этом вагоне ответил, что его не прицепили. Вернулись к себе в вагон и полусидя, полулежа дремали до ст. Жлобин, куда приехали около 2 часов ночи **13 августа**, и где нам пришлось пересаживаться. В Жлобине закусили, подождали около 2 часов поезда, влезли в вагон 3-го класса с разбитыми окнами и двинулись дальше. Против меня на верхней полке ехал солдат, возвращающийся из германского плена; тот всё время охал и ахал, что немцы захватили так много русской территории и, в частности, ту деревню в Гомельском уезде, откуда он происходит.

Около 6 часов утра подъехали к *Гомелю*. Здесь — украинская граница, и нас, естественно, продержали перед решеткой, прежде чем пропустить на станцию, так как проверяли пропуск и просматривали вещи. На станции мы после минутного совещания решили ехать дальше на пароходе, так как весь вокзал был полон народом; надежды получить билет на скорый поезд было не много, и кроме, того поездом ехать было очень тесно, а мы хотели все-таки выспаться. Взяли «извозца» и поехали на пристань. Купили билеты 2-го класса, устроились на местах, закусили и решили «отхватить кусочек сна», как я выражаюсь. Довольно основательно пообедали на пароходе и к вечеру выбрались на палубу. В общем, нужно сказать, что на пароходе мы отдохнули, с удовольствием проделали этот путь от Гомеля до *Киева*, куда мы прибыли во втором часу дня, как следует выспавшись и предварительно пообедав на пароходе.

Прямо с пристани мы отвезли вещи на вокзал, а сами пошли в гостиницу «Прага» в бюро Астраханской армии⁴. По пути зашли в отель «Франсуа» справиться относительно Мих. Ив. Реута, который выехал из Могилева 7 августа, во вторник, и хотел нас обождать в Киеве, чтобы ехать дальше вместе.

Но оказалось, что он уехал 12 августа вместе с эшелоном Астраханской армии. Так как в «Праге» бюро было закрыто до 4 часов вечера, то мы зашли к Наде Сазоновой, передали ей письма и посидели с полчаса, а потом опять пошли в «Прагу». Там я встретил моего товарища Бориса Алекс. Томилова⁵, с которым не виделся со времени его отъезда из Гатчины в действующую армию на Румынский фронт в начале ноября 17-го года. Он очень обрадовался, увидев меня, и сейчас же предложил мне и Андрею остановиться у него. Эта встреча, с одной стороны, была приятна, так как я встретился с Томиловым, с которым был в самых лучших отношениях в дивизионе, а с другой стороны, пришлось как нельзя кстати, так как мы не знали, куда приткнуться, — в Киеве вопрос с комнатами и номерами

* Курсивом выделены при первом упоминании названия населенных пунктов, в которые попадал автор дневника во время своих частных поездок или в составе Добровольческой армии. — *Ред.*

обстоит чрезвычайно туго. Начались, конечно, обычные расспросы и воспоминания. Он меня познакомил со своей матерью, очень симпатичной и милой женщиной. Я был довольно сильно удивлен, когда увидел у него в доме его бывшую невесту, которую он вывез из Гатчины, с которой он теперь разошелся и заявил ей о том, что между ними всё кончено. Довольно пустая, ветреная и неустановившаяся девчонка. Рассказал он мне про поход из Ясс с полковником Дроздовским, и историю своего ранения, от которого он и сейчас не оправился, да и вряд ли оправится, так как правая нога у него теперь на 5 сантиметров короче левой, вследствие чего ему приходится ходить с костылем. Говорили о многом и только поздно ночью улеглись спать, условившись около 2 часов зайти к нему в бюро.

15.08.1918. С утра пошли побродить по Киеву и посмотреть город. Интересно то, что я город осматривал без особого любопытства, и хотя я в Киеве ни разу до этого времени не был, но ходил по улицам с таким чувством, будто бы мне это всё уже давно знакомо. Чем объяснить это, я и сам не знаю. Виновата ли в этом апатия, переутомление от всех этих беспокойных и безобразных времен или, быть может, то, что люди за последнее время, находясь в круговороте различных событий, сменяющихся с молниеносной быстротой, до некоторой степени отвыкли от нормальной, спокойной жизни, и обычная мирная перемена обстановки и новых впечатлений не вызывает уже никакого любопытства и волнения. Все привыкли к событиям и переменам грандиозного масштаба, а всё другое — мелкое, но даже и достойное глубокого внимания — остается незамеченным.

Зашли на Крещатике в кафе. Выпили сладкий кофе с тортом. Хотя я сладостей не люблю, но с большим удовольствием ел этот торт: уже давно не приходилось. В 2 часа зашли за Томиловым и пошли было домой. Проходя мимо Университета, решили зайти и посмотреть картинную выставку. В общем, выставка довольно бедная. Обратил я внимание на две картины, названные «После погрома». Хотя с внешней стороны они и показались мне достаточно верными, но всё же по-моему человек, не видевший разгромленных помещичьих домов в натуре, не может себе отчетливо представить той картины ужасающего разрушения и опустения, которая есть на самом деле. В Киеве есть всё, но не так уж дешево, как нам это казалось. Едим мы у Томиловых хорошо, и что особенно приятно, так это присутствие на столе белого хлеба. Вечером я почувствовал себя весьма неважно; уже с утра у меня был основательный насморк, а тут еще появилась повышенная температура, слабость и вообще болезненное состояние. Лег спать несколько раньше и к утру почувствовал, что заболел.

16.08.1918. Этот день решил провести в постели. Температура была высокая, около 40. Весь день чувствовал ломоту и находился как бы в забытьи, ничего не ел и всё время как бы дремал. Принимал аспирин. По всем признакам это испанская болезнь, которая бывает со всеми приезжающими. Андрей тоже себя неважно чувствует, его всё время клонит сильно ко сну.

17.08.1918. В этот день чувствовал себя несколько лучше, но все-таки достаточно скверно. Приходила ко мне в комнату мать Томилова, и мы с ней разговаривали. Как видно, она относится с большой заботой к нам. Вечером принял два порошка аспирина, ночью очень сильно потел, должно быть, болезнь благодаря этому пошла на убыль.

18.08.1918. Утром решил встать с постели, хотя чувствовал страшную слабость. После обеда пошел с Андреем пройтись немного по городу. Вечером Томилов сказал, что эшелон пойдет во вторник или в среду. За вечерним чаем обычные разговоры о том, о сем. Мы с Андреем начинаем чувствовать себя в доме Томиловых, как у себя дома. Только сегодня услышали о том, что прибыли в Киев кап. Полчанинов и шт.-кап. Тяжельников⁶.

19.08.1918. Ходили с Андреем по Киеву. Зашли к Томилову в бюро, а оттуда пошли в паштетную обедать, выпить пива. Относительно отъезда еще ничего не определилось, и мы начали подумывать о том, чтобы ехать совершенно самостоятельно.

20.08.1918. Зашли в бюро, записались на эшелон, но документов своих не оставили. Ходили в бюро Южной армии⁷ с целью узнать, что это за организация. Сидели в Купеческом саду, а к 3 часам решили идти вместе с Томиловым к Наде поерундить. Там мы узнали, что Борис Сазонов уезжает сегодня к дяде, и что Полчанинов будет сегодня около 5 у полковника Гринфельда. Пошли туда, оказывается, что Полчанинов едет вместе со своей милушей и вещами в Южную армию. Хотели вечером пойти в кинематограф или цирк, но основательно устали и решили отдохнуть дома. Эти горы в Киеве действуют прямо удручающе: куда ни пойдешь, всюду нужно или опускаться или подыматься по горам.

21.08.1918. С утра ходили к Украинскому коменданту за пропуском в Ростов и Екатеринодар и затем к Германскому. Получили легко пропуск. Интересно то, что у Украинского коменданта у нас спросили удостоверение в политической благонадежности, но мы сказали, что хотя его у нас нет, но мы вполне благонадежны. Тогда помощник коменданта покачал головой и со словами: «Думаю, что вам можно верить» — подписал пропуск. Затем взяли литературу до Ростова у этапного коменданта. Получивши пропуск, мы почувствовали себя значительно бодрее, так как благодаря этому создавалась уверенность, что мы можем самостоятельно доехать и до Новочеркасска. На обратном пути от этапного коменданта зашли во Владимирский собор. Собор действительно крайне интересный, но не было того надлежащего настроения, при котором можно было бы всё это рассмотреть и должным образом оценить.

Андрей в этот день начал писать дневник, но написал всего одну страницу, затем подумал, вырвал ее и разорвал. На этом его дневник, верно, и кончится. Хотя пропуска у нас и в руках, но мы еще не решили как ехать; нас смущают слухи о том, что немцы не пропускают офицеров, едущих в Армию, на границе Украины и Дона.

22.08.1918. Утром ходили в Купеческий сад, затем зашли в офицерскую столовую на Крещатике, где за 1 рубль можно получить борщ с кусочком мяса, кашу с салом и стакан чая с 2 кусочками сахара. Там встретили многих могилевцев. Вообще нужно сказать, что в Киеве очень много могилевцев — и служащих, и едущих дальше, и просто отдыхающих. На Крещатике встретили Скугаревского. Говорит, что выступает в каком-то театре. Вечером зашел к Шидловскому. Он сказал, что с таким пропуском можно свободно проехать, и просил зайти за письмами.

23.08.1918. Утром опять слонялись по Киеву, сидели в Купеческом саду и обедали в офицерской столовой. Теперь мы чувствуем себя вполне сытыми, обедая и в столовой, и у Томиловых, а то раньше один обед нас не удовлетворял. В столовой слышали, что будто бы немцы отошли из Могилева по дополнительным статьям к Брестскому договору, и город теперь снова заняли большевики. Известие чрезвычайно неприятное, но я ему не особенно верю. Видел всех трех Тарасевичей. Коля мне рассказывал, как он нес охрану Александровского Дворца в Царском Селе после революции. На улице видел Стася Гофмана. Он, прежде чем начать говорить, с прежней шутиливой физиономией ощупал меня кругом и сказал: «Руки и ноги целы. Ну, и слава Богу». Комик и очень симпатичный парень. Сегодня решили с Андреем определенно: ехать без всяких эшелонов, самостоятельно.

Часам к 4 зашли к Шидловскому, чтобы просить у него удостоверения в том, что мы будто бы командированы в область Войска Донского от Министерства внутренних дел Украинской Державы. Он согласился и просил зайти к нему завтра утром в Управление за бумагами. Такие удостоверения, как мы слышали, облегчают проезд в область Войска Донского. Вечер провели в обычных разговорах, получили несколько писем, чтоб отвезти на Дон, и решили выехать завтра вечером. Киев и это неопределенное состояние уже достаточно надоели. Настроение такое, как будто едем не на фронт, а так... куда-нибудь, вполне спокойное и несколько радостное, что едем уже дальше.

24.08.1918. Утром опять бродили по Киеву, причем я всё это время интересовался только выставками в окнах книжных магазинов; главным образом меня привлекали, конечно, книги математического содержания. Снова ходили обедать в офицерскую столовую. После обеда получил от Шидловского в Управлении удостоверение о командировке в станицу Каменскую. Теперь мы решили, что тех бумаг, которыми мы располагаем, вполне достаточно для переезда через Украина-Донскую границу. Андрей зашел к Наде на службу сказать, что мы сегодня бесповоротно уезжаем. Она обещала приехать проводить нас на вокзал.

Пришли домой, пообедали и еще раз сложили вещи. Андрей пошел с Зинаидой Евдокимовной Томиловой закупить нам провиант на дорогу. Когда мы после предложили ей рассчитаться с нею, то она сказала: «Прожили это время, всем хватило, ну и слава Богу. Времена тяжелые и Вам

деньги в дороге очень пригодятся», — и отказалась взять от нас что-нибудь за пансион. Таким отношением и в такое время она нас очень тронула; мы, совершенно чужие люди, прожили в такие времена около 10 дней, а она и слышать не хотела о какой-нибудь плате, наоборот предлагала прожить еще день и заявляла, что она очень рада, что мы прожили у нее и внесли «свежую струю» в их жизнь. Нужно полагать, что говоря это, она была искренна, так как, видя их жизнь и nelaды ее с сыном, можно согласиться с тем, что посторонние люди, как мы, могли до некоторой степени временно скрасить их внутренние несогласия.

Около 7 часов вечера пили чай, говорили на соответствующие отъезду темы, затем, уже одевшись, посидели в столовой по обычаю и, распрощавшись и поблагодарив за милое отношение, мы вышли из этой гостеприимной и радушной семьи, сопровождаемые самыми лучшими пожеланиями и просьбами писать. Когда же мы подъезжали к вокзалу, то извозчик, обратив наше внимание на надпись «Отхив потягив», обернулся к нам и сказал: «Чтоб им все печенки повытягивало!» Таково отношение в столице Украины к украинизации со стороны простого народа, про интеллигенцию я уже и не говорю.

На вокзале уже были Надя и Вера, которые приехали нас проводить. Среди разговора Надя сказала: «На Дон едут все лучшие люди, и поэтому страшно жалко, когда они гибнут». Я согласился, конечно, с нею и указал, что для того чтобы победить то вопиющее зло, которое охватило теперь Россию, нужны большие жертвы со стороны лучшего элемента. Говоришь «нужны жертвы», а сам в это время как-то и не думаешь, что ты сам можешь сделаться этой жертвой. Это даже и в голову не приходит. Чересчур как-то много у человека в таком возрасте жизни и желания жизни, и ему как-то не хочется верить и не верится, что и он может стать безжизненным трупом. Не знаю как дальше, но пока мысль о смерти не приходит мне совершенно в голову, у меня есть определенная цель и я к ней иду. Теперь же я еду в Армию и считаю это своим долгом. По-моему можно перестать уважать себя, если в такое время, безусловно тяжелое, не сделать ничего для отечества и общества.

Надя с Верой ушли через полчаса, а мы поместились в офицерский вагон 4-го класса, в котором ехали офицеры, выпущенные из Украинской школы старшин. Интересно было видеть, как эти офицеры с обнаженными шашками и револьверами и криками «держи его» ловили и поймали вора в вагоне. В 11 часов 25 минут ночи мы выехали из Киева и сейчас же залегли спать.

25.08.1918. Едем дальше в вагоне. Я всё время сплю или лежу и встаю только, чтобы поесть и покурить, хотя Андрей ворчит на меня, но я не смущаюсь и продолжаю спать. На станции Знаменка мы пообедали, а потом я опять завалился. Часов около 11 ночи прибыли на станцию *Екатеринослав* <в настоящее время Днепропетровск. — *Ред.*>. Здесь пересадка. Пришли в буфет, заняли столик вместе с одним украинским офицером,

с которым разговорились по дороге, и начали закусывать. Я вспомнил о том, как мы проезжали через Екатеринослав эшелонами в 1916 г. из Царицына <в наст. время Волгоград> в Одессу. В ожидании поезда на Ростове решили подремать, сидя на стульях в буфете. На этом решении и остановились.

26.08.1918. Часов около 5 утра я проснулся и обратил внимание на компанию из 2 дам и 3 офицеров, которые, сидя недалеко от нас, занимались решением математических и физических задач. Мне показалось довольно странным, что один из них, имевший на правой стороне груди значок об окончании, по-видимому, одного из высших специальных учебных заведений, довольно нетвердо решал задачу на 3-й закон Ньютона. Я присоединился к ним, решил несколько предложенных мне задач, в свою очередь предложил им задачи посложнее. Таким образом завязался общий разговор, из которого потом я узнал, что этот молодой человек со значком держал к нам в Институт в 1913 г., но провалился по арифметике, а значок этот он получил после окончания Офицерской железнодорожной школы. Теперь я понял, почему он слабо решал довольно простые задачи. Тем не менее компания оказалась очень симпатичной, и мы решили продолжать путь вместе.

В 9 часов утра мы в товарном вагоне выехали дальше. Молодой человек со значком, по фамилии Феттинг⁸, слез вскоре со своей женой, а остальные трое поехали дальше. В 7 часов вечера приехали на станцию *Харьковск*. Закусили там. Любопытнее всего было то, что все чайные ложки имели отверстия диаметром с винтовочную пулю, так что пить ими нельзя было совершенно. На наш удивленный вопрос: «зачем это?» буфетчик ответил, что «ложки самые демократические и чтобы их не брали с собой любители, то они сделаны негодными для домашнего употребления. Тот же, кто хочет быстро выпить чай, может пить его с блюдечка». Около 12 часов ночи сели опять в товарный вагон и устроились всей компанией так, что все могли лежать. Причем для того, чтобы публика не набиралась, закрыли двери, а если кто старался попасть в этот вагон, то тому говорили, что здесь едут арестованные или что этот вагон в Таганроге попадает в карантин. Теперь уж до Ростова нет пересадок. Посмеялись, поговорили и завалились спать.

27.08.1918. Утром около 8 часов приехали в *Таганрог*. Андрей отправился на вокзал, а я остался лежать в вагоне. Стояли на станции довольно долго. Наконец двинулись дальше на Ростов; теперь уже у нас создалась уверенность, что мы доберемся до Ростова беспрепятственно. По дороге всё время решали и предлагали друг другу с этой компанией разные задачи и загадки. Наши бумаги и пропуска так и негодились, так как у нас их ни разу и не спросили до *Ростова*, куда мы прибыли около 12 часов дня. Раньше мы думали ехать в Новочеркасск, и Андрей купил уже билеты, так как поезд отходил через полчаса. Но наш попутчик сказал нам: «Я офицер Корниловского полка. Вам незачем ехать в Новочеркасск. поезжайте

в Екатеринодар и там запишитесь». На этом мы распрощались с ним и его женой Ниной Николаевной. Фамилии их я не спрашивал. В Ростове мы побрились, помылись, я постригся, переменял белье в уборной.

Тут, на вокзале, мы познакомились с двумя корнетами, которых я видел на вокзале в Киеве и в Екатеринославе. Плотно пообедали с ними и решили поехать в гостиницу «Петроград» к одному полковнику Добровольческой армии. Корнеты эти — братья Степановы, едут из Москвы; там они были арестованы и просидели 5 дней вместе с 18 тысячами других офицеров, задержанных в Алексеевском училище⁹.

Полковник Падейский¹⁰ записал нас в 3-ю дивизию¹¹ к полковнику Дроздовскому¹² и дал предписание отправиться на станцию Кавказскую в хутор Романовский в штаб 3-й дивизии. Интересно отметить то, что на Ростовском вокзале развеивается национальный русский Флаг, а на вокзале дежурят жандармы. У полковника к нам присоединился прапорщик Архангелов¹³, с виду чрезвычайно простой деревенский парень. Говорит, что он студент Московского университета. Я сначала ему не поверил, но потом, задав ему довольно много вопросов относительно Университета и математики (он говорил, что он математик), убедился в том, что он не врет. На вокзале мы познакомились с поручиком Миролюбовым¹⁴ и прапорщиком Чижовым¹⁵, офицерами 1-го Офицерского имени генерала Маркова полка. Оба очень симпатичные парни; много говорили относительно Добровольческой армии, в которой они находятся уже около 7 месяцев.

Часов в 9 офицер принес нам от полковника литерату, и в 9 часов 10 минут вечера мы выехали из Ростова. Ехали в офицерском вагоне 3-го класса. На вокзале перед поездкой в поезде порядок; в вагонах чисто и есть освещение. Все офицеры в погонах, и нам полковник рекомендовал одеть, чтобы на нас косо не смотрели. Во время хода поезда русский офицер с тремя казаками, вооруженными винтовками, проверяли у офицеров документы. Чувствуется, что здесь распоряжаются и управляют русские, и как-то приятно делается: едешь всё равно как по своей дороге и в своих родных местах. Здесь нет ни большевиков, ни немцев, ни австрийцев, а есть русские, и это приятно. Нужно заметить, что немцы значительно вежливее и корректнее австрийцев, которые достаточно нахальны и грубы в своем обращении с русскими людьми.

28.08.1918. Приблизительно в 10 утра прибыли на станцию *Тихорецкая*. Здесь опять пересадка, уже шестая по счету. Тут мы довольно тепло распрощались с нашими знакомыми 1-го Офицерского полка. Так как поезд на Кавказскую приходится ждать довольно долго, то мы решили привести себя в порядок и закусить. Не лишним будет заметить, что почти в каждом городе встречаешься с новыми деньгами, которые в одних местах принимают, а в других нет. Это создает большое неудобство. Мы уже несколько раз меняли свои деньги на всевозможные другие. После основательной закуски пошли и расположились недалеко от вокзала

прямо на траве, чтобы «отхватить кусочек сна». После сна Андрей почувствовал себя не особенно важно: у него появились уже признаки лихорадки.

В 7 часов 20 минут выехали дальше на ст. Кавказскую, куда и прибыли около 11 часов ночи. Здесь, за рекой Кубанью, стоят уже большевики, а наши занимают позиции по эту сторону. Такое положение продолжается уже месяца полтора. Большевики всё время обстреливают ст. Кавказскую и хутор Романовский <в наст. время г. Кропоткин>, расположенный около самой станции. За 2–3 дня до нашего приезда 6-дюймовый снаряд попал в здание вокзала и разрушил часть крыши и потолка. Некоторые здания в хуторе Романовском повреждены и разрушены.

Выпив чаю на вокзале, пошли в гостиницу ночевать. В той половине гостиницы, которая выходит в сторону Кубани, разбиты все стекла, треснула стена, во всей гостинице разбиты почти все зеркала. Мы с Андреем устроились на одной постели, а прапорщику Архангелову предоставили диван. Корнеты Степановы заняли отдельный номер. У младшего Степанова расстройство желудка. Мы ему дали холерных капель, которые у нас были, но он довольно комично лечится от этого расстройства: примет капль, затем некоторое время не ест ничего, потом съест арбуза или дыни и сейчас же бежит в уборную, потом опять примет капль и через некоторое время ест опять арбуз и опять бежит в уборную, и так всё время в такой последовательности. Должно быть дешевизна фруктов сильно смущает его и он не может отказать себе в удовольствии поесть их. Нужно принять во внимание, что они едут из Москвы, где фрукты по своей цене недоступны. Но все-таки я бы ему порекомендовал побереечь свой живот, а то это не только комично, но может и печально окончиться.

29.08.1918. Утром была слышна довольно сильная артиллерийская стрельба, но мы были здорово уставши и продолжали спать, по крайней мере, я. Андрей же не спал уже, кажется, с 5 часов утра. Наша дивизия, кажется, со вчерашнего дня перешла в наступление. Большевики, как многие говорят, сражаются теперь значительно лучше, а некоторые части их ведут даже очень упорные бои. Должно быть, и они за это время привыкли воевать. Но как бы там ни было, а их песенка уже спета. В этой местности работает армия Сорокина¹⁶, в которой, как говорят, насчитывается больше 60 тысяч. Теперь ее окружают Добровольцы, и нужно думать, что скоро совсем ликвидируют эту банду.

Выпив чаю с булками, мы отправились в штаб 3-й дивизии. Андрей просил заведующего укомплектованием 3-й дивизии, чтобы он назначил его вместе со мной. Нас направили к командиру 3-го отдельного легкого арт. дивизиона¹⁷, от которого мы получили приказание отправиться в станцию Кавказскую, в батарею полковника Соколова¹⁸.

Когда мы пришли в гостиницу, корнеты были уже там, мы сели упивать дыню и персики; с младшим Степановым повторилась опять та же история. Через четверть часа пришел прапорщик Архангелов уже

с винтовкой и подсумками и сказал, что его рота сейчас уже выступает за Кубань. Мы пожелали ему успеха и распрощались. Старший Степанов сказал, когда ушел Архангелов: «Вот уж действительно многострадальная пехота, даже оправиться не дадут человеку и уже посылают». Около 5 часов вечера мы получили подводу от станичного атамана и выехали в *станцию Кавказскую*. Весь тот день шел бой, по дороге мы наблюдали разрывы снарядов; большевики отходили, удерживались только в некоторых пунктах. Так они удержались в этот день на сахарном заводе за Кубанью, верстах в 2 от станицы Кавказской. Явившись к полковнику Соколову и шт.-кап. Дзиковицкому¹⁹, к которому нас назначили, мы заняли комнату в опрятном домике, попросили хозяйку нас накормить и, устроившись на полу на одеяле, завалились спать.

30.08.1918. Утром была сильная артиллерийская стрельба. Хозяйка хотела нас будить. Я сквозь сон слышал орудийные выстрелы, но продолжал спать, чувствовалась какая-то усталость, еще, очевидно, с дороги. Хозяева наши очень боятся военных действий и этой перестрелки — всё это время до нашего приезда ночевали в погребе.

Здесь Добровольческая армия называется почему-то «кадетами». Недели две тому назад большевики ворвались было в станицу и вырезали несколько семей, и поэтому такая близость большевиков довольно сильно смущает мирных жителей. Теперь большевиков выбивают с того берега Кубани, и они отходят к станции Гулькевичи.

Хочу сказать несколько слов относительно станицы. Дома и постройки здесь очень чистенькие и опрятные. Крыты большей частью железом, а некоторые крыты черепицей и соломой. Лесу тут мало, поэтому дома строятся без досок, обмазываются глиной и белятся снаружи, некоторые же плетутся из хвороста, потом обмазываются и белятся. Внутри домов чисто и опрятно. Стены и потолок обклеены обоями, полы крашенные, двери филенчатые и тоже крашенные, на окнах, правда не везде, есть занавески тюлевые и другие. На дворе устроены летние печи с плитой. Топят их соломой. В нашем доме зимняя кухня устроена внизу, в подвальном помещении. Очень интересно то, что на дворе имеются цементные бассейны, куда во время дождей собирается вода из водосточных труб при помощи лотков. Двор от двора отделяется жидким дощатым забором около 1 аршина высотой. Едят все жители станицы очень хорошо, черного хлеба совсем не употребляют, а всё только белый. Одеваются просто, почти также как и у нас. Все очень гостеприимны и потчуют решительно всем. Так например, утром наша хозяйка сварила нам по 3 яйца и дала целую булку белого хлеба, днем угощала нас в изобилии черносливом, к обеду предложила вареной курицы, а вечером принесла кувшинчик топленого хорошего молока, целый арбуз и дыню и опять 3 яйца. Если принять во внимание, что мы кроме этого еще получаем казенный обед, состоящий из борща с мясом, и кашу на ужин, то мы не только сыты, но есть уже дальше некуда. Из разговоров выяснилось, что большевики, во

время своего пребывания в станице, мобилизовали 3 или 4 года здешних жителей и взяли их с собой. Несчастные эти люди; их положение действительно ужасно. Андрей чувствует себя совсем слабым и больным; у него, по всем признакам, лихорадка.

31.08.1918. Почти весь день я провел за едой разных вкусных вещей. Когда Андрей слабым голосом спрашивает меня, что я делаю, я отвечаю, что я ем, и смеюсь в это время. Я вообще не отличаюсь особым гастрономическим вкусом, но иногда все-таки очень приятно достаточно много и вкусно поесть. Это доставляет даже некоторое удовольствие. В общем, здесь хорошо: и ешь сытно, и большевики не схватят тебя голыми руками. Меня беспокоит положение наших, если немцы уйдут из Могилева, а также и то, как живут сейчас в Москве Оля и Генрих; я каждый день думаю об этом и сильно тревожусь за них.

Здесь в станице живут казаки и «иногородние», как их тут называют. Казаки теперь неважно относятся к иногородним, обвиняют их во всем и говорят, что выселят всех их отсюда. Наш хозяин иногородний, и поэтому естественно, что вопрос о дальнейшей судьбе его волнует.

Наши части продвинулись сегодня за Гулькевичи и продолжают наступать. Андрей всё еще продолжает болеть.

1.09.1918. Спать ложимся мы здесь очень рано, часов около 8. Спим, как я уже говорил, на полу. Хозяйка дала нам одеяло, мы его разостлали, положили поверх шинели, а накрываемся своими одеялами. Андрей по утрам обыкновенно жалуется, что ему твердо и у него болят бока. Я этого не замечаю. Днем я опять много ел всякой всячины и выругал Андрея за то, что он забыл взять у младшего Степанова холерные капли. При таком количестве разных фруктов они могут очень даже пригодиться. Вечером хозяйка предложила нам полную миску сырников с маслом и сметаной. В этот день мы поужинали особенно плотно.

За вечерним чаем разговорились с Андреем относительно любви к женщинам. Говорили серьезно, без примеси пошлости и цинизма. Под конец нашего разговора он сказал мне: «Судя по твоим словам, я могу назвать тебе твой идеал женщины — это человек в высшей степени интеллигентный, чуткий, с хорошими стремлениями и вполне резвившийся, т. е. не девчонка, а уже женщина в полном смысле этого слова». Я бы со своей стороны мог еще кое-что добавить к этому определению, но, пожалуй, лучше будет, если я больше ничего не скажу. Конечно, женщина в жизни каждого из нас имеет первенствующее значение, но из этого совсем не следует того, чтобы говорить много об отношении к ней. По-моему, чем меньше говоришь, разбираешь и критикуешь с другими свое отношение к женщине, тем непосредственнее, чище и искреннее останется оно — это весьма важно. Со всякими хорошими чувствами нужно бережно обращаться: и отнюдь не следует выставлять их напоказ для того, чтобы другой, не понимающий или не знающий их, не мог бы лишними и неуместными словами задеть или оскорбить их.

2.09.1918. Сегодня хозяйка совсем закармила нас. Сверх всего обычного испекла сдобную булку, пирог с яйцом и сладкий пирог с черносливом. Одним словом, едим так, как в мирное время.

Днем здесь очень жарко и душно. На улицах несколько спасает от жары тень акаций, которых тут много на каждом дворе. Акации тут растут не кустами, как у нас, а деревьями. Днем во всех домах закрыты ставни и окна; таким путем жители защищают свои дома и от излишней температуры, и от мух, которых здесь особенно много. В станице очень много пыли, причем, будучи поднятой, она особенно долго по вечерам держится в воздухе. Вечера здесь довольно сырые, и темнота наступает рано, вскоре после 6 часов. Стрельбы уже совсем не слышно, фронт отодвинулся довольно далеко от станицы. Мирные жители приободрились и вздохнули свободнее. Вечером по улице ходили девушки и распевали местные песни. За чаем сидели с Андреем и вспоминали своих.

3.09.1918. Из-за жары почти весь день лежу и хожу по двору без верхней рубашки. Днем захотелось мне почитать и просмотреть что-либо из математики и я пожалел о том, что не взял с собой «Элементы дифференциального и интегрального исчисления» Гренвиля — книга, с которой я с момента призыва на военную службу не расставался. Газеты сюда почти не попадают, и мы знаем только о том, что делается на нашем участке фронта, и то не достаточно подробно. Вечером заходили к нам поболтать офицеры нашей батареи — подпоручик Никольский²⁰ и прапорщик Лепарский²¹, посидели часов до 9 вечера и разошлись спать. По вечерам тут больше делать совершенно нечего.

4.09.1918. Андрей сегодня почувствовал себя много лучше, хотя жалуетса еще на довольно большую слабость; уже ровно неделя, как он хворает. Почти весь день сидели и лежали на дворе без верхней рубахи. Наблюдал за тем, как на нашем и на соседнем дворе молотили цепами подсолнечники и стручковую фасоль. Подсолнечников сеют здесь много: из семечек делают подсолнечное масло. Разговорился с хозяевами относительно обуви. Летом здесь ходят босиком или одевают на босую ногу нечто вроде кожаных галош; лаптей здесь не носят. Зимой одевают и шерстяные чулки, и сапоги, и галоши. Зима здесь не суровая; ночью бывает мороз, а очень часто, как выглянет солнце, снег тает, и на улице стоит сплошная грязь.

Вечером зашли за нами целой компанией офицеры, и мы пошли погулять по станице при луне. Рассказывали разные анекдоты и, главным образом, сальные и пошлые. Мне такое развлечение не особенно нравится, потому что среди этих анекдотов довольно мало остроумных и пикантных, и наоборот большинство из них грубые. По пути остановились около дома командира взвода, там сидела другая компания, и теперь мы все вместе попробовали пропеть несколько песен. Затем попрыгали в чехарду и около 10 часов разошлись все по домам. В этот день мы впервые за последние недели раздобыли газету «Вечернее Время», но ниче-

го особенно интересного в ней не оказалось. Говорят, что здесь вместе с большевиками работает Маруся Никифорова. Но насколько это верно, не могу сказать.

5.09.1918. Утром зашел к нам командир взвода и сказал, что мы можем получить аванс по 60 рублей, и приписал нас к подводе вместе с поручиком Ивановым Сергеем Сергеевичем²² и подпоручиком Яшке Николаем Николаевичем²³, с которыми мы и познакомились в этот день. Один из них, Иванов, приехал из Петрограда, а Яшке — из Москвы. Довольно интересен, главным образом своим разговором, Николай Николаевич; он сам присяжный поверенный и около 5 лет до военной службы занимался адвокатурой. Говорит, что он магистрант уголовного права. Между прочим, среди разговора, сообщил нам, что ему удалось выехать из Москвы, воспользовавшись услугами фальшивомонетчиков, которых он раньше защищал перед судом: они ему сфабриковали фальшивый паспорт, по которому и удалось ему ускользнуть из-под надзора советской власти. Сам он убежденный монархист, никаких социалистов и кадетов не признает; говорит, что после переворота 1 марта не присягал Временному правительству. Относительно Сергея Сергеевича Иванова хочу сказать, что хотя он и говорит, что он окончил реальное училище, держал экзамен по латыни и в настоящее время состоит студентом Военно-медицинской академии, но я думаю, что здесь что-то не так, потому что из разговора я вывел заключение, что он не только ничего определенного не знает про академию, но и о латыни не имеет никакого понятия. Он больше молчит и очень много ругается. С Николаем Николаевичем, с которым он познакомился только тут, день тому назад, и поместился в одной комнате, он уже почти на «ты».

Вечером Андрей принес два десятка яиц, мы закатали яичницу с салом, и пили кофе с молоком, и ели оладьи, которые нам любезно предложила хозяйка. Перед сном опять гуляли всей компанией до 10 часов.

6.09.1918. В 5 часов утра разбудил нас подпоручик Тимченко и сказал, что получено приказание в 7 часов утра выехать в Армавир, который был занят нашими войсками около 1 часа дня сегодня. Хозяйка сварила нам на дорогу 15 яиц, дала арбуз и дыню. Она довольно долго отказывалась взять с нас что-нибудь и только под конец сказала: сколько мы дадим, столько и хорошо. Мы заплатили ей за эти 8 дней 40 рублей, и она благодарила и осталась вполне довольна. Если всё то, что мы съели здесь, перевести на петроградские цены, то это составит, наверное, сумму в 800—1000 рублей. Перед отъездом я спросил ее фамилию. Она назвалась Рудичевой и в свою очередь сказала: «Запишите и вы мне ваши фамилии, а то, бывает, привезут кого-либо из ваших сюда раненного и будут хоронить здесь, так чтобы я знала, не из вас ли который». В общем, нужно сказать, что наша хозяйка, хотя и была совершенно простая женщина, но очень добродушная и гостеприимная и даже с небольшой склонностью к кокетству, хотя одевалась по-деревенски и ходила босиком.

Около 7 с половиной утра мы разместились на подводе вместе с Ивановым и Яшке и двинулись в путь. Всего ехало нас около 15 подвод. Жара стояла очень солидная, и от сплошной пыли не было абсолютно никакого спасения. Когда мы проезжали по мосту через Кубань, то обратили внимание на сторожевую будку и железные столбы по обеим сторонам шоссе, на которых почти не было ни одного живого места, всё было изрешечено пулями. По дороге то там, то здесь валялись трупы лошадей и других животных, которые распространяли отвратительный запах.

Около 1 часа дня приехали в *ст. Отрадо-Кубанскую*. Лицо каждого из нас представляло из себя сплошную грязно-темную маску, из которой сверкали только белки глаз. Здесь постояли часа 2, получили обед из походной кухни, состоящий из борща, есть который нельзя было, так как он был пересолен, и двинулись дальше. Когда мы проезжали мимо одной железнодорожной будки (нужно заметить, что мы всё время ехали вдоль железной дороги), то я обратил внимание всех на то, что домашние голуби сидели на дереве. Николай Николаевич посмотрел на них и сказал: «Да, от хорошей жизни на дерево не сядешь».

Около 6 часов вечера приехали в имение <З.Ф.> Щербака, с целью переночевать там. Имение довольно богатое; все постройки каменные, кругом идет каменная ограда, много сельскохозяйственных машин, паровая мельница, своя электрическая станция, телефон и водопровод. Дом двухэтажный, при нем фруктовый сад и виноградник, несколько беседок, бассейн для купанья, в саду также водопровод. Мы вчетвером пошли осмотреть сад. В конце сада на одной из скамеек сидел средних лет мужчина; он спросил нас, откуда мы едем. Андрей ответил и, в свою очередь, спросил, не служащий ли он этого имения. Тогда он поднялся и прерывающимся голосом произнес: «Я бывший хозяин этого имения; я узнал, что наша станица взята вашими войсками и решил приехать сюда и посмотреть». Как оказалось, он приехал сюда только часа за 2 до нас. Поговорили с ним и пошли в дом. В доме такая же грязь и запустение, как и в саду. В настоящее время здесь размещается «детский приют». Детей человек 150, и как выяснилось из разговора, это дети местных большевиков.

Хотя в доме всё указывало на богатую обстановку (тут была стеклянная веранда, зимний сад в одной из комнат, открытая и закрытая веранды, вставленные в стену стеклянные буфеты и шкафы, ванная, хороший клозет, большие окна, жалюзи и пр.), но все-таки всё поражало полным отсутствием тонкого вкуса, в особенности раскраска стен и потолков. И сам хозяин произвел на меня не совсем интеллигентное впечатление и напоминал собой скорее разбогатевшего купца, чем человека из общества. Несмотря на то, что имения в этой области значительно богаче, чем в нашей губернии, и приносят много больше дохода, который измеряется десятками и сотнями тысяч в год, я не согласился бы переехать сюда, потому что как хорошо не устраивай усадьбу, кругом все-таки останется та же однообразная степь и нет той ласкающей глаз природы, к которой я привык, живя у себя.

Лицо во время дороги настолько запылилось и обгорело на солнце, что я во время умыванья буквально не мог провести по лицу ни рукой, ни полотенцем, всякое прикосновение доставляло какую-то особую режущую боль. Часов около 8 выпили чай и съели жареную на сале картошку, на которую нужно было «словчиться». После чая часть офицеров ушла в соседнюю комнату, где было пианино и устроила маленький концерт, а я остался в столовой и разговорился с бывшим нашим студентом Кавериным²⁴, который в 1914 г. держал вместе со мной вторично конкурсный экзамен и в следующем году опять вылетел. Здесь я встретился с ним впервые после 1915 г. В Добровольческой армии он служил уже около 2 месяцев.

Около 11 часов вечера мы с Андреем устроились на голом полу в гостиной и задремали.

7.09.1918. В 8 часов утра, случайно попав в компанию капитанов и закусив поросенком, мы выехали из этого имения дальше. Опять та же пыль, та же жара. Едем опять по линии жел. дороги. Хочу обратить внимание на то, что тут редко можно встретить хороший, ровный телеграфный столб; все какие-то кривые и жалкие. Телеграфная проволока почти везде изрублена отступавшими большевиками. Интересно то, что они сняли и взяли с собой все карты со станции железной дороги. Отъехав верст 8 от станции Кубанской, которая находится в одной версте от имения Щербака, мы встретили казака, который сообщил, что на заводе барона <В.Р.> Штейнгеля можно получить спирт. Завод этот находился по другую сторону названной станции. Капитаны наши вызвали желающих и отправили подводу за спиртом и вином для нашей батареи. Хочу мимоходом сказать несколько слов об имении барона Штейнгеля. Его имение «Хуторок» считается самым образцовым в России и получило приз на сельскохозяйственной выставке. Говорят, что в усадьбе у него есть гостиница для приезжающих и туда может приехать всякий и осмотреть его имение. У него была большая скаковая конюшня. Около ст. Кубанской у него галетная фабрика, винокуренный завод, винный погреб. Там целое поместье с домами для рабочих. В этом имении больше 10 000 десятин. Несмотря на такое богатство, барон Штейнгель, как говорят, в последнее время находился в весьма бедственном положении.

Около полудня мы выехали в Армавир. Особых следов разрушения и боя не было заметно. По дороге только попадались подводы с гробами, которые скорее были похожи на длинные, наскоро сколоченные ящики, чем на гробы. Мы остановились прямо на улице и простояли часа 3, в течение которых успели сходить на вокзал и пообедать.

Вскоре выяснилось, что нас отправляют в *ст. Прочноокопскую*, где мы и будем пока что стоять. Станица эта расположена на Кубани, верстах в 6 ниже Армавира. Во время последних боев она очень сильно пострадала. Часть станицы, расположенная по левую сторону, буквально снесена с земли. Здесь большевики довольно упорно задерживались. Сначала наши гвоздили их артиллерией с горы Форштадт, а потом, перебравшись

на левый берег, подожгли станицу. Все дома без исключения выгорели. Эта часть станицы называется «Сибильда». Прилегающие к Кубани дома правого берега тоже очень сильно пострадали и почти все разбиты. В церковь тоже попало несколько большевистских снарядов. Остальная же часть станицы разграблена. Почти все жители ее покинули во время хозяйничанья «товарищей». Имущество и вещи обыкновенно зарывали и прятали, а дома запирали. Большевики выламывали двери, выбивали окна, проникали в дом и грабили всё наиболее ценное. Взрывали полы, распарывали мягкую мебель, перины, подушки, били лампы, посуду и очень часто находили закопанные вещи. В этот день жители только начали возвращаться в Прочноокопскую и находили в своих домах полный разгром. Мы с Андреем довольно долго искали себе дом, в котором можно было бы устроиться получше, но ничего хорошего не нашли. Все хозяева жаловались на полное отсутствие посуды и заявляли, что им самим себе не в чем варить. О хорошей еде в этой станице нечего и думать, так как у самих жителей почти ничего нет. Мы все-таки попросили нашу новую хозяйку сделать нам хотя бы постный борщ, так как есть хотелось основательно.

8.09.1918. С утра пошли посмотреть на войсковую больницу, которая была вблизи нас. Там товарищи уничтожили и перебили всё, что было. Даже портреты писателей на стенах в коридоре не были пощажены: какой-то прохвост перебил стекла в рамах и исколол лица штыком. Вчера вечером вернулась подвода со спиртом, и нам сегодня перед обедом выдали по две бутылки чистого спирта на каждого. Во время обеда мы выпили в компании Николая Николаевича и Сергея Сергеевича. После обеда мы втроем пошли осматривать «Сибильду», а Николай Николаевич остался дома, заявив, что он пьян «как собака». Здесь, как я уже говорил, ничего не осталось. Что уцелело от обстрела, то было уничтожено огнем. По сплошному пепелищу расхаживали свиньи и куры, которые очень часто с криком подпрыгивали, попадая в горячий пепел. Везде по улицам валялись человеческие трупы, одни совсем почти сгоревшие, другие только несколько обгоревшие и почерневшие. Сгоревшие трупы хотя и были ужасны, но все-таки они выглядели значительно лучше, чем не подгоревшие, распухшие от жары, голые и уже пахнувшие трупы, которых тут много больше. У порогов бывших сгоревших домов кое-где еще сидят сторожевые собаки и пробуют тихо лаять на прохожих.

9.09.1918. Когда нам привезли обед, мы угостили водкой кашевара, и он нам принес за это полпуда хорошей говядины. По этому случаю мы решили устроить вечером маленький выпивон. Хозяйка нам сделала жаркое и к 6 часам вечера у нас собралась небольшая компания, к которой мы присоединили нашего хозяина. Кроме Николая Николаевича и Сергея Сергеевича у нас были Петр Петрович — подпоручик Зиновьев²⁵, Александр Александрович — поручик Люш²⁶, Михаил Петрович Пользинский²⁷ и Александр Иванович — подпоручик Тимченко. В общем, компания пила вяло. После 6-й рюмки продолжали пить только хозяин,

Александр Александрович и я. Разводили спирт довольно основательно, так что наша водка вспыхивала и загоралась от зажженной спички. Мы втроем выпили изрядное количество, много больше, чем по бутылке на каждого; в этот день водка как-то особенно легко и гладко проходила у меня, Андрей же заявил, что такой крепости водку он пить не может. Выпивка затянулась часов до 12, в результате чего хозяин наш совсем свалился с ног, а мы с Александром Александровичем чувствовали себя совсем прилично.

10.09.1918. Чувствовали себя достаточно вяло после вчерашней прирушки. Сегодня первый раз за всё это время был слегка пасмурный день. Жара и пыль уже достаточно надоели, так что такой погоде можно несказанно обрадоваться, а в особенности после хмельного вечера. Почти весь этот день я провел в доме у Николая Николаевича. Говорили о многом, и в частности он рассказывал случаи из своей практики. Среди разговора я спросил у него, как он чувствует себя, защищая людей, в виновности которых он сам не сомневается. Он на это ответил мне так: «То-то и плохо, что здесь задето профессиональное чувство. Не шутка выиграть дело, если нет улики и нужно только доказать невиновность, а вот попробуй-ка выиграть такой процесс, когда все улики против твоего клиента». Затем перешли на дело Бейлиса. Он между прочим говорил о том, что сами евреи создали из этого дела громкий процесс тем, что они подняли суд над Бейлисом, как суд над всем еврейством, и начали всех подкупать. От этого разговор перешел к рассуждениям о движении мысли в пространстве. Тут он меня познакомил с теорией французского ученого Габриеля Тарда, который посвятил много времени изучению причинности преступлений. По теории Тарда, однажды высказанная мысль не пропадает, а продолжает оставаться или двигаться в пространстве. Доказывал он это тем, что преступления, совершенные в глубокой древности и уже совсем забытые, иногда повторяются в теперешние времена. Кроме этого Тард приводит еще много примеров в роде таких, что жизнерадостный солдат, поставленный часовым на пост, на котором раньше застрелилось трое часовых, сам застрелился.

У хозяина Николая Николаевича есть две забавные дочери-лилипуты; одной 32, а другой 28 лет, обе не выше аршина ростом. Родились они совсем нормальными, как говорит их отец, а потом перестали вдруг расти. Головы и лица у них чрезвычайно маленькие, но выражение лиц и морщины, как у глубоких старух.

Живется нам здесь значительно хуже, чем в станице Кавказской. Кроме того, что здесь почти ничего не достать, так как станица разграблена, плохо еще и то, что хозяева попались нам какие-то нелюбезные. Я даже рассердился на Андрея за его излишнюю вежливость с нашими хозяевами. По-моему, то обращение какое необходимо в интеллигентной семье, подчас даже вредит, если имеешь дело с совсем простыми людьми, как мы имеем в данном случае. Здесь обычная вежливая форма какой-либо просьбы не всегда достигает своей цели.

11.09.1918. После обеда Андрей уехал с компанией прогуляться в Армавир. Приблизительно около 5–6 часов вечера появились в Прочноокопской первые подводы с беженцами из станиц Урупской и Бесскорбной, которые сообщили, что эти станицы заняты большевиками, которые нажимают на Армавир. Лично я не придавал их сообщению особого значения. Вечер я провел у Николая Николаевича и около 10 с половиной часов ушел к себе спать. К этому времени волна беженцев значительно усилилась. После 11 приехал Андрей и сообщил, что в Армавире настроение очень тревожное и что беженцы двигаются от самого Армавира и до Прочноокопской непрерывным обозом. В Армавире Андрей слышал, что дивизия Боровского²⁸ теснит их от Невинномысской, а они собираются пробиться здесь у Армавира через нашу дивизию. Он мне советовал эту ночь, в виду такого положения, спать на всякий случай одетым. Я последовал этому совету, встал и оделся, тут он еще, между прочим, сообщил, что в Армавире Михаил Петровича встретил одного своего знакомого офицера из мортирного дивизиона, который просил его взять с собой на время, пока положение Армавира не выяснится окончательно, дочь одного полковника²⁹ — Людмилу Васильевну Вавилову. Андрей говорил, что он с Сергеем Сергеевичем были против этого, но Пользинский и Тимченко настояли на том, чтобы ее взять. Тогда они познакомились с ней и ее отцом, который сказал, что сам он вынужден оставаться в Армавире, так как его жена серьезно больна и лежит, а дочь он не хочет подвергать излишней опасности и потому просит на время увезти ее из города. Таким образом к нам, в наш взвод попала барышня.

Эту ночь спать было довольно плохо, так как всё время по улице с большим шумом мимо нашего дома двигались беженцы, стучались к нам в ворота, ища ночлега на ночь, ходили у нас в доме и поминутно попадали по ошибке в нашу комнату. Но в конце концов, и к такому шуму и гаму можно привыкнуть и перестать обращать на него внимания, и наконец, поворочавшись часа два на постели, я довольно крепко заснул.

12.09.1918. Рано утром, на самом рассвете, Андрей разбудил меня и сказал, что совсем близко за Кубанью слышна очень отчетливо ружейная и пулеметная перестрелка. Я встал и вышел на улицу послушать. Действительно, очень ясно слышались даже отдельные ружейные выстрелы. По улице тянулись нескончаемые обозы беженцев. Нужно согласиться, что вид всех этих беженцев — довольно тяжелая и удручающая картина. Идут нагруженные телеги, гонят скот, причем многие коровы нагружены, как мулы, вещами, люди в бесконечном количестве плетутся вдоль по улице тоже с вещами и на плечах, и в руках. Все измученные, со страдающими лицами. Хорошо еще тем, у кого есть лошади и телега, а каково тем, у кого этого нет? Всё время слышны возгласы: «Ох, я больше не могу идти» или «Помогите мне, возьмите к себе на подводу, я больше не могу этого нести». Это говорят главным образом старики, больные и женщины с детьми и узлами на руках. Они идут,

и многие не знают даже — куда и как, и единственное их желание — это уйти подальше и не быть застигнутыми большевиками.

Мы с Андреем постояли немного на улице, а потом пошли к командиру взвода справиться о положении. Он сразу с места в карьер налил нам по стакану водки, предложил выпить и потом сказал, что никаких распоряжений не получил и сам ничего не знает. Некоторые ходили к командиру батареи справиться о том, что мы будем делать, но оказалось, что он после вчерашней внушительной выпивки еще не пришел в себя и находится в таком состоянии, что «лежит и даже не мычит, когда его о чем-нибудь спрашивают», как сказал подпоручик Сапежко³⁰, которого за его физическую силу прозвали «восемь лошадиных сил».

Положение наше нельзя назвать особенно красивым. Почти все, за исключением 2–3 офицеров, у которых были револьверы, абсолютно без всякого оружия. Что делается кругом на фронте, мы почти не знаем, почему-то сидим и чего-то ждем. На всякий случай мы с Андреем решили пойти к себе на квартиру и сложить вещи. Хозяева наши к этому времени почти успели уложиться и убраться решительно всё. В это утро вернулся домой сын хозяина, который был добровольцем в армии. От него я узнал, что он больше не собирается возвращаться в армию. Я воспользовался этим обстоятельством и взял у него винтовку и патронташ с 50 патронами.

Около 7–8 утра в этот день произошла довольно любопытная встреча. Среди беженцев, идущих пешком, я увидел одного пожилого господина, с которым мы познакомились в пути из Могилева в Киев. Он тогда ехал из Петрограда и говорил, что по делам фирмы Нобель собирается проехать на Кавказ. Он тогда рассказывал нам о том, как его ловили красногвардейцы при проезде через границу в Орше и, проехав эту границу, думал, что он уже почти избавлен от дальнейших злоключений в дороге. Теперь он обрадовался, увидев нас, и сообщил, что все свои вещи ему пришлось оставить в Армавире и что он заплатил бы сколько угодно за подводу, если бы ее можно было достать. В данный момент он собирается пройти на станцию Кавказскую, до которой больше 70 верст, и спрашивал нас, не могут ли большевики перерезать ему дороги. Мы посидели с ним четверть часа на скамейке, поговорили, и он пошел дальше со своим маленьким ручным чемоданчиком и вместе со своей дамой.

Часов около 10 утра поднялся я на гору около церкви, откуда очень хорошо было видно место боя, можно было в некоторых случаях различить движение отдельных людей. Большевики напирали на Армавир с трех сторон. Против Прочноокопской они нажимали на Владикавказскую железную дорогу. Наш броневик работал по этой дороге, а большевистский — по Туапсинской.

В этот день к нам в батарею приехали прапорщик³¹ и юнкер Отченашевы. Из Армавира в Прочноокопскую перебралось и их семейство: родители, жена юнкера, сестра жены его с мужем прапорщиком Мяснянкиным. Говорят, что этот Мяснянкин страшно богатый человек, у него здесь больше

3 с половиной тысяч десятин и кожевенный завод в Армавире. Посмотрев на него, этого сказать никак нельзя, так как вид у него самый захудалый.

К полудню собрались и выехали наши хозяева, дом остался совсем пустой. Так как кухня по-видимому не собиралась готовить нам сегодня, то я сказал сыну хозяина, чтобы он зарезал и сварил нам двух куриц. Андрей словчил себе в обозе еще одну винтовку, таким путем мы с ним слегка вооружились. Обозы с беженцами тянулись весь день и только к вечеру этот непрерывный поток наконец прекратился. С наступлением темноты стрельба начала затихать и совсем прекратилась. Наши части удерживались по ту сторону железной дороги.

13.09.1918. С утра опять началась оживленная перестрелка, и красные снова повели наступление. Станица в этот день совсем опустела. Почти все жители успели уже выехать, за очень немногими исключениями. На улицах никого не видно, и только куры, свиньи и собаки иной раз переходят через дорогу. Семейство Отченашевых наконец нашло себе подводу и уехало в Ставрополь. Весь вчерашний день они сидели на улице около дома, в котором жил Михаил Петрович, и тщетно старались найти себе подводу. Остались здесь только прапорщик Мяснянкин и его жена Елена Ивановна.

В этот день мы своим взводом решили устроить общий ужин, для которого каждый из нас должен был что-нибудь достать. Я опять заказал сыну своего хозяина двух кур. Целый день Людмила Васильевна и Елена Ивановна что-то варили, жарили и пекли. Так как у нас в доме не осталось ничего, кроме голых досок на постелях, и кроме того мы жили несколько далеко от всех остальных, то мы с Андреем решили переехать поближе к нашим и заняли пустую комнату в другом доме, в котором жили вольноопределяющиеся и занимали там одну комнату. Хозяев и там тоже не было, и дом совершенно пустовал.

Про одного из этих вольноопределяющихся, Богурского, рассказывали любопытный случай. Он страшно любит спать и скоро засыпает, там, где можно и где нельзя. Однажды, стоя на ответственном посту, он уснул. Ему приснилось, что его сменили, тогда он встал и совершенно спокойно ушел с поста.

Вечером весь наш взвод вместе с командиром собрался к Михаилу Петровичу, и устроили выпивку с приготовленной закуской. Выпили в общем изрядное количество. Некоторые совсем были невменяемы. Николай Николаевич всё время пытался рассказать про старика Овидия, но это ему не удавалось. Конечно, пробовали петь всем хором и прокричали кому-то «ура», которое было настолько внушительно, что наши обозчики не на шутку перепугались, думая, что красногвардейцы ворвались в станицу. Устроились мы с Андреем на голом полу на ночь, подложив под себя шинели и под голову наши мешки с вещами. Довольно неудобно и жестко, но разворачивать все вещи и доставать одеяла в виду тревожного времени не хотелось.

14.09.1918. Утром я проснулся очень рано и пошел посмотреть, что делается в доме у Михаила Петровича. Там творилось что-то невероятное. Всюду на постелях, на полу и под столом спали, всюду валялись отгрызки, корки и разные кости. Одним словом, делалось черт знает что, если добавить, что некоторые вернули весь выпитый спирт обратно. Отсюда я отправился к Александру Александровичу. На балконе у него валялась отрубленная куриная голова и куча перьев, а в доме почти сырые объединенные части курицы. Оказывается, что им этого показалось мало, и, придя домой вчера ночью, они решили еще выпить. Когда они разводили спирт, Алекс. Алекс., желая испытать крепость водки, пробовал зажечь ее спичкой. В это время спирт вспыхнул и опалил Петру Петровичу руки, шею и губы, так что везде у него вскочили волдыри.

Красногвардейцы продолжали наступать, и опять слышна была сильная пальба. Когда я вернулся домой, то застал одного из вольноопределяющихся. — *Ред.* > за ловлей поросенка. После некоторых усилий он поймал его и заколол штыком. Поросенок попался не маленький, а так пуда на полтора. Кухня нас в эти дни почти не кормила, так что каждому приходилось добывать себе пищу, кто как умеет. Даже хлеб перестали выдавать. Один день выдали сухари, а потом и это прекратилось.

С утра на наш участок фронта начали подходить подкрепления, но большевики нажимали все-таки настолько сильно, что пришлось сдать им половину Армавира, укрепившись и забаррикадировавшись на улицах другой половины. Бой продолжался на улицах города.

Вечером сидели на скамейке небольшой компанией и обсуждали создавшееся положение. Когда разговор переменялся, Андрей между прочим сказал Николаю Николаевичу, что у него штатский вид. Он сильно на это обиделся. Я не понимаю такой обиды, так как сам считаю себя временным лицом на военной службе и следовательно штатским человеком.

15.09.1918. В половине четвертого утра нас всех разбудили и велели спешно погрузиться на подводы. Прошло часа 1,5–2, в течение которых мы все продолжали оставаться в неизвестности, почему нас двигают отсюда и куда; а потом обнаружилось, что это, должно быть, ложная тревога. Утром Николай Николаевич своеобразно утешил Сергея Сергеевича: когда последний встал, то он ему сказал такую штуку: «А знаешь, Сергей Сергеевич, у тебя сегодня ночью нос заострился, это брат нехорошо, ты скоро умрешь». Пустяки, предсказание.

С едой стало здесь довольно скверно. Мало того, что нужно отыскивать, что бы съесть, так еще нужно самому сварить кофе, чистить и приготавливать кур или еще что-либо другое. Молока нет, утром пьешь черный кофе без него и даже без хлеба. Куры здесь, в станице, и без того раньше были напуганы, а теперь, после того как наша братия попробовала их раза два половить, так они совсем дикими стали. Войдешь в какой-либо двор даже безо всякого злого против них умысла, а они, лишь завидя тебя,

бросаются с ужасным криком по всем сторонам, перелетают через заборы и улепетывают изо всех сил, куда ни попало. Настало такое время, что даже птицы и животные не могут жить спокойноно.

16.09.1918. В тех немногих домах, которые были заняты офицерами, скопилось такое невероятное количество мух, что жизнь из-за них стала невозможной. Волей-неволей приходится просыпаться и вставать с рассветом. Мало того, что спишь одетым, на одной только шинели, что не только не удобно и достаточно твердо для того, чтобы не спать особенно крепко, так тут еще целые стаи мух с самого раннего утра не дают ни минуты покоя, хотя и выгоняешь их и днем, и вечером из комнаты в несколько полотенец, и несколько раз, но они все-таки так настойчивы, что к утру успевают набраться в таком количестве, которое вполне достаточно, чтобы разбудить и не дать дальше спать человеку. Один из вольноопределяющихся сегодня сообщил мне, что на этих днях расстреляли какого-то большевистского комиссара, которого поймали в этой станице в форме гусарского офицера вместе с сестрой милосердия. Между прочим, в компании других офицеров 11 числа я поймал какого-то фрукта в форме ротмистра гусарского полка, который вместе с сестрой милосердия и каким-то чиновником разъезжал по станице, останавливался около некоторых домов, входил к хозяевам, грозил им револьвером и, должно быть с провокационной целью, забирал у них разные вещи. Мы его накрыли, обезоружили и доставили к начальнику гарнизона, а дальнейшей его судьбой в связи с положением на фронте не интересовались.

17.09.1918. Хочу отметить, что дождевая вода, которой мы всё время пользуемся и для питья, и для умывания, нам уже достаточно-таки надоела. Она имеет какой-то особый, не могу сказать чтобы приятный вкус, и кроме того мыло от нее очень скверно мылится. Днем мы заложили пульку в преферанс, которая около 3 часов ночи перешла в небольшое «очко». Кончили мы играть около 8 часов утра. В результате всей этой операции я выиграл несколько больше 40 рублей.

18.09.1918. Утром подпоручик Шульман³² разыскал где-то и заказал для всей нашей компании баню. Нужно сказать, что он вообще всюду поспевает. Как он сам говорит, ему еда за всё время с середины августа ничего не стоит. Он всюду ходит, всюду его угощают, и таким путем он ловчится. После всей этой грязи, пыли чрезвычайно приятно помыться, и я почувствовал себя прямо обновленным. Интересно, что Шульман и тут начал заговаривать зубы хозяйке бань и устроился у нее на чай с черносливом, так что она не выдержала и смеясь сказала: «Ну, и прошельга же, прости Господи».

Сегодня мы почти не слышали никакой перестрелки. Против нас большевики перестали напирать, а главные действия теперь сосредоточились в самом городе Армавире. В результате боев им все-таки удалось занять весь город, наши же части отошли и окопались, не доходя до Кубани, таким путем препятствуя большевикам прорваться через речку

в направлении на Ставрополь. Вся беда в том, что сил у нас, и особенно технических средств, не так много, чтобы сжать то полукольцо, в котором они находятся. Нажмут наши на них с одной стороны, они тогда бросаются в другое место; толкнут их оттуда, тогда они бросаются почти всей массой еще куда-нибудь. Такая картина получается и сейчас: выбили их из Армавира, они бросились на Невинномысскую или, как сокращенно называют эту станицу, — на Невинку; нажали на них оттуда — и они опять лезут на Армавир. В этих двух пунктах они тщетно пытаются пробиться, но все-таки удержать их натиск подчас бывает довольно трудно. Главная наша беда в том, что вооружены они значительно лучше, чем мы: у нас мало орудий и, самое главное, снарядов не всегда бывает в необходимом и достаточном количестве для удачного выполнения операции.

19.09.1918. Сегодня говорили о том, что генерал Деникин приезжал на наш участок фронта. По всем признакам, здесь затевается довольно серьезная операция. На прикрытие переправ осталось только 7 эскадронов 2-го конного офицерского полка и 2 орудия на <горе> Форштадте, а все остальные части передвинули куда-то. Говорят, что на большевиков будут нажимать с другой стороны с целью припереть их к реке. Деревянный мост через Кубань наши сожгли, чтобы уменьшить число переправ. Около мостов остался конный полк, а по немногим бродам расположились казачьи заставы.

С едой стало совсем неважно. Поневоле вспоминаешь о том, как хорошо жилось и как кормили нас на Кавказской. Хорошо еще, что Андрей где-то на краю станицы нашел дом, в котором рано утром за 1,5–2 рубля можно получить горшок молока, а то черный кофе по утрам пить довольно грустно.

Вечером около кухни я встретил полковника, который последнее время был воинским начальником в Могилеве. Он теперь командует батальоном в Самурском полку³³. К 7 часам нас с Андреем пригласил поужинать к себе наш прежний хозяин. Было довольно приятно покушать жирной свинины, после чего мы по обыкновению пошли пить чай к Александру Александровичу, где всегда необыкновенно долго разжигали и раздували сами самовар, пока наконец он не начинал кипеть.

20.09.1918. Никаких особых боевых действий не было, должно быть наши неправильно сообщили о намерении прижать большевиков к реке, или они сами не поддались на этот маневр. Под вечер я встретил младшего Степанова, он ехал на заставу и потому кроме обычных приветствий я не успел с ним ни о чем поговорить. Вечером заложили небольшую «железку» в доме у Владимира Владимировича Булгакова³⁴. Через несколько часов игра должна была прекратиться, так как офицеров 1-го орудия потребовали на ночь на заставу. Говорят, что с этого дня офицеры нашей батареи будут нести ночное дежурство на заставе около орудия. Игра прекратилась как раз в самый невыгодный для меня момент, т. е. тогда, когда я проиграл более 200 рублей. Когда я вернулся к себе домой, Андрей уже

спал. Я его разбудил и сообщил о том, что проиграл все свои деньги. Он вострепнулся и жалобным со сна голосом спросил меня: «Значит уже не на что утром купить молока?»

21.09.1918. Пребывание в Прочноокопской всем уже достаточно надоело. Есть совсем уже нечего и, кроме того, живешь в отвратительных условиях. Мы, например, с Андреем уже столько времени спим на голом полу, подложив под себя только шинели. Прямо уже кости начинают болеть от такой постели; дело в том, что наиболее важная точка соприкосновения тела с полом получается в самом тонком месте шинели, тогда как ватная подкладка идет под голову. Газет здесь тоже совсем нет никаких, и после 11 числа неоткуда их получить, так что совершенно не представляешь себе не только того, что делается в России, но даже не знаешь, как обстоят дела на наших фронтах. Прямо-таки непонятно, почему всё еще продолжаем оставаться здесь. Все воинские части и обозы уже ушли из этой станицы. Нас хотели передвинуть на другой конец станицы, там все-таки кое-кто из жителей остался и можно хоть немного чего-нибудь доставать себе для более сносного питания. Но посланные туда офицеры выяснили, что там нет помещений, где мы все могли бы разместиться. Приходится оставаться здесь.

22.09.1918. Утром от скуки и от нечего делать заложили пульку в преферанс, но ее не пришлось окончить, так как около 1 часу дня было получено приказание перейти нам в станицу Григорополисскую, и меня назначили квартирьером от 4-го взвода. Так что пришлось в два счета сложить вещи и отправиться вместе с другими квартирьерами на отдельной подводе.

Прибыли в *Григорополисскую* уже в сумерках. Я с большим трудом разыскал пять свободных комнат для своего взвода. Дело в том, что здесь скопилось очень много беженцев из Армавира, так что в какой дом не войдешь, везде их полно. Благодаря этому на первый взгляд мне показалось, что и с едой здесь дела обстоят не особенно густо, но все-таки значительно лучше, чем в Прочноокопской. На ночь мы устроились вместе с Люшем и Зиновьевым, и опять-таки на полу. Нужно заметить, что всю ночь, не переставая, нас всех грызли и ели блохи, которых здесь насчитывается поражающее количество. Спать, конечно, почти не пришлось, всё время было посвящено вытряхиванию, ловле и охоте за этими насекомыми.

23.09.1918. Рано утром нас разбудил техник Остапов и сообщил, что в 10 часов двигается дальше в станицу Кавказскую, а квартирьеры должны отправляться сейчас. На этот раз назначили квартирьером Андрея, и ему пришлось выехать, почти ничего не евши. Мы же целой компанией устроились с едой у хозяйки Михаила Петровича.

Она нам всё время рассказывала про своего сына, сотника, и во время разговора несколько раз приговаривала, обращаясь к нам в то время, когда мы довольно усердно уплетали борщ со сметаной: «Мне всех вас

жалко, всех вас мне жалко». В ее словах слышалась неподдельная искренность и материнское чувство. Славная старушка, но что собственно случилось с ее сыном я так-таки хорошенько и не понял, а из ее разговоров уловил только, что в настоящий момент он находится в рядах Добровольческой армии в районе Ставрополя.

Еще утром на дворе у хозяина, у которого мы ночевали, Андрей заметил пулеметную двучолку. Я доложил об этом командиру батареи, и ее решено было взять с собой и пристроить к повозке с волами. Около 10 часов все с подводами собрались на сборный пункт и оттуда двинулись из Григорополисской. Жара стояла солидная, и по-прежнему было до невозможно пыльно.

На этот раз на пяти или шести из 15 подвод ехало по одной или две дамы в компании офицеров; Людмила Васильевна ехала тоже с нами. Не могу сказать, чтобы такое путешествие с дамами было особенно приятно уже по одному тому, что у многих из нас было расстройство желудка, а соскакивать и прятаться было почти некуда, так как мы ехали почти голой степью. В станице Темижбекской был устроен привал часа на полтора, за которые мы небольшой компанией успели зайти к одному из казаков и поесть там вареников, простокваши и завершить всё это двумя арбузами. Стало уже совсем темно, когда мы прибыли в Кавказскую. Так как расквартировали нас в прежнем районе и Андрей был в числе квартиреров, то мы с ним устроились у прежних хозяев. Людмила Васильевна устроилась с Михаилом Петровичем на его старом месте у хозяйки Тимченко, который в момент отъезда из Прочноокопской получил бумагу о переводе в конно-горную батарею. В этот день я с большим удовольствием разделся и растянулся на относительно мягкой постели в знакомой комнате; ведь мы с Андреем не раздевались как следует с 11 числа.

24.09.1918. Около полудня обоз 1-й батареи, который в это время нас довольствовал, двинулся обратно в Григорополисскую, и мы должны были следовать за ним туда же. Но командир батареи после переговоров с командиром дивизиона устроил так, что мы перешли на собственное довольствие и перестали зависеть от передвижения этого обоза. Результатом этого нового положения было то, что мы на более продолжительное время остались в Кавказской и на несколько дней вперед могли быть гарантированы от получения казенного обеда и ужина, пока наладится наше хозяйство. Но, несмотря на это, мы после голодухи, в некотором роде, сейчас начали питаться хорошо. Самое приятное — это то, что самому не надо заботиться о еде. Утром встаешь, а кофе уже готов и на столе разные вареники, булки, молоко и арбуз.

25.09.1918. В этот день умер Верховный руководитель нашей армии генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев³⁵. Болел он не особенно долго, но тяжело и скончался от «испанской болезни», осложнившейся и перешедшей в крупозное воспаление легких. Нужно сказать, что нашей армии в этом отношении не везет, так как смерть уносит от нас

лучших боевых генералов. За сравнительно короткий промежуток времени ушли в могилу генералы Корнилов, Марков³⁶, а теперь — Алексеев. Это всё лица, имена которых пользовались громадной популярностью и на которых, как на избавителей, смотрела и сходит вся интеллигентная Россия. Умер он как раз в то время, когда созданная им Добровольческая армия после невероятных трудов и лишений, ценою крови лучших людей завоевала себе настолько прочное положение, что можно уже смело рассчитывать на то, что она будет тем здоровым началом, вокруг которого объединится будущая Россия. Тяжела эта утрата не только для армии, но и для всего русского народа. Таких людей у нас не так уж много.

26.09.1918. С этого дня начали получать газеты, т. е. покупать. В развитии международной борьбы произошло много перемен. Союзники разгромили Болгарию и вынудили ее на сепаратный мир. На Западном фронте немцы терпят большие поражения. Обстановка сложилась такая, что Германия просит мира, соглашаясь на все 14 пунктов условий Вильсона. Всё это, конечно, весьма приятные известия, тем более что в скором времени можно будет ожидать помощи со стороны союзников, которые предъявили Турции ультиматум: пропустить их флот через Дарданеллы. Немцы вследствие своих поражений и потерь начинают эвакуировать оккупированные области и перебрасывать свои войска на Западный фронт. Естественным следствием этого будет то, что большевики снова займут освобожденные от немцев губернии. Судя по газетным сведениям, население начинает оттуда в панике бежать. Меня прямо охватывает ужас, когда я подумаю, что немцы уже очистили Могилев и туда вошли эти мерзавцы. Отсюда не только нельзя помочь нашим хоть чем-нибудь, но даже нельзя написать. Положение Могилева, по-моему, весьма скверное. Хуже всего то, что по отрывкам из газет нельзя вывести никаких определенных заключений и совершенно не знаешь, что, собственно, там делается.

27.09.1918. В газете появились сведения, что большевики в связи с поражением Германии начали действовать: аннулировали Брестский договор, объявили войну Турции и прервали мирные переговоры с Украиной. Какая все-таки наглость и какое безграничное нахальство. Прямо-таки приходится удивляться, откуда что берется. Не стесняются и не брезгают решительно ни чем и открыто перед всем миром показывают свою подлость. Прямо-таки приходится удивляться, что другие государства до сих пор терпят эту шайку и стесняются с ней. Они смеются и играют со всеми международными положениями и законами, а с ними еще разговаривают как с представителями Великороссии. Относительно положения Могилева нет ничего определенного и утешительного. Думаешь, думаешь и не знаешь как там. Этот вопрос меня сильно удручает. В Москве продолжается красный террор и таким образом оба близких мне дома находятся в постоянной опасности. Если бы можно было еще переписываться отсюда, то было бы как-то легче, а то уж очень погано и тяжело на душе. Абсолютное неведение и неопределенность — это самое скверное положение.

28.09.1918. Так как только вчера были получены относительные сведения о смерти ген. Алексеева, то сегодня мы всей батареей решили отслужить панихиду. Из господ офицеров был составлен небольшой хор, который после коротенькой спевки под управлением поручика Выдренко³⁷ решился пропеть в церкви. Хотя у меня самого слух и не особенно развит, но все-таки, стоя на панихиде, я мог заметить, что что-то уж слишком мало всё это походило на довольно стройное обычно зауспокойное пение. Но что же делать, лучшего не было и это было достаточно, если говорить относительно. Вечером у шт.-кап. Дзиковицкого всем взводом устроили маленькую выпивку. Так как спирта у большинства уже не было, то собрали у всех остатки. Мы тоже отдали последнее — $\frac{1}{4}$ бутылки. Кто-то из разводивших этот спирт, вероятно смутившись его небольшими количествами, решил добавить туда «денатурату». После первой рюмки я почувствовал, что это что-то не то, а после второй потерял всякую охоту пить дальше.

29.09.1918. Судя по сообщению газет, большевики за последнее время начинают довольно неосторожно шутить. У нас два каких-то фрукта, недалеко от Прочноокопской переправившись через Кубань, явились на Форштадте в качестве парламентаров и тут же заявили, что Екатеринодар взят ими, что все «кадеты» в кольце у них и что если им сейчас наши части в том районе не сдадутся, то они всех перестреляют из пулеметов. Довольно-таки веселый народ. Приходится удивляться тому, что им в их положении приходят такие шутки в голову. С ними наши тоже слегка пошутили, т. е. короче говоря, их расстреляли.

30.09.1918. От нечего делать по утрам сочиняем пульки в преферанс, которые в большинстве случаев не оканчиваем. Так как денег уже почти ни у кого нет, то играем на запись до получения жалования. Приблизительно выяснилось, что мы здесь будем стоять теперь довольно продолжительное время. Поэтому мы решили устроить маленькое собрание для офицеров нашего взвода и, как это обыкновенно бывает, взялись как будто довольно рьяно за организацию этого собрания.

В приказе по батарее вольноопределяющихся пробрали за распушенность. Я хотя далек от всякого цука, но все-таки нахожу, что излишняя фамильярность и распушенность в обращении тоже не годится, а потому не повредит их слегка подтянуть. С этого дня начинаются дежурства офицеров на батарее, а вольноопределяющихся, юнкеров и добровольцев начали назначать посыльными.

1.10.1918. Сергей Сергеевич ездил в хутор Романовский и выкопал там откуда-то двух сестер милосердия, которых решил привлечь к организации нашего собрания. Женщин у нас в батарее набралось видимо-невидимо. Две официальные сестры, Людмила Васильевна и еще несколько человек временно гостящих. Интересно, что когда соберется небольшая компания и кто-нибудь начнет что-либо рассказывать, то нередко забывают, что тут присутствует кто-либо из женского общества и загнет такое

крепкое слово, что хоть святых выноси. Нужно сознаться, что офицеры вообще мастера ругаться и нередко какое-либо твердое слово неизбежно сопровождается какой-нибудь рассказ, особенно из военной жизни. Это получается как-то непринужденно, потому что, находясь постоянно в мужском обществе, многие привыкают не стесняться.

2.10.1918. Вновь приехавшие сестры весь день что-то готовили на дворе у Сергея Сергеевича и вечером наш взвод, целиком, собрался в доме, отведенном под собрание, для вечерней беседы и пустых разговоров. Сергей Сергеевич объявил, что с завтрашнего дня желающие могут получать обеды в собрании, и решил угостить всех пирожками и бутербродами домашнего приготовления. Мысль, конечно, хорошая, но едва ли выполнимая. Между прочим, сахару у нас нет уже почти неделю, так что пьешь кофе с молоком так просто. Не безынтересно будет отметить, что здесь как-то совершенно не считаешься с состоянием желудка. Так, например, у меня было несколько раз довольно основательное расстройство, а я не обращал на это никакого решительно внимания: ел всю арбузы, дыни, черносливы и всё это в довольно внушительном количестве, причем иногда с раннего утра прямо начинал с арбуза.

3.10.1918. К 2 часам нас пригласили на обед в собрание. Хотя вчера вечером на обед записались все без исключения, но сегодня к назначенному времени собрались далеко не все и ровно ничего из этого не потеряли, так как этот обед убедил всех собравшихся, что мысль об общем питании нужно оставить надолго, если не навсегда. На первое был постный суп, а на второе что-то такое со специфическим запахом, что никак нельзя было разобрать. Оказалось, что это протертая и особым способом приготовленная тыква. Запах и особый вкус ее объясняли не совсем хорошим салом, которое туда входило. Одним словом, есть эту комбинацию было довольно трудно. Такой обед и нужно было ожидать, потому что денег нет ни у кого уже решительно, поваров также не имеется, а получить провизию отдельно для нашего взвода нельзя, так как обед варится общий для всей батареи. Кстати, хочу упомянуть, что мы после некоторого перерыва начали получать снова, хотя и не совсем хороший и вкусный, казенный обед.

4.10.1918. Под Ставрополем сильно пострадал наш Сводно-Гвардейский полк³⁸, и Корниловский³⁹ также понес крупные потери. Говорят, что в этих полках существуют традиции не залегать, когда идут в наступление. Я не могу оправдать такой традиции, тем более в такое время и при нашем положении. Слишком мало пользы от того, что люди красиво умирают. Такие потери очень чувствительны уже по одному тому, что гибнут не простые солдаты, а интеллигентные люди, временно исполняющие обязанности солдат. Важно не только разбивать большевиков, но бить их с наименьшими для нас потерями, все эти люди еще много раз понадобятся и после окончания Гражданской войны при мирной обстановке. Наши дела на Ставропольском направлении идут не совсем хоро-

шо. Большевики получили там солидные подкрепления, и их становится там довольно трудно сдерживать. У нас большой недостаток артиллерии и главным образом нет достаточного количества снарядов, а тут говорят, что мы за последние бои потеряли одно или два орудия. Особенно удивительного в этом ничего нет, потому что наша артиллерия в большинстве случаев находится сейчас же за пехотной цепью, а в некоторых случаях даже и выскакивает впереди нее. Был даже такой случай, что артиллеристы с винтовками в руках бросились в атаку и захватили пленных.

5.10.1918. Хозяйка варила сегодня из арбуза мед и дала нам попробовать: нужно сказать, что это довольно вкусная штука, если есть ее с булкой. Мед этот готовится очень просто: вырезают из арбуза середину, наполняют кусками котел, а потом кипятят его на огне до тех пор, пока останется темная густая масса. Из такого цельного котла получится едва 0,1 часть меда.

Попутно хочу указать еще несколько подробностей, касающихся устройства здешних станиц. Здесь много таких хозяйственных построек, которые сильно напоминают какие-то переносные здания. Дело всё в том, что у многих служб, небольших размеров в особенности, основанием или фундаментом служат 4 или 6 камней. Свиной тут откармливают в особых, очень маленьких помещениях, которые представляют собою особые постройки и называются «сажем». Эти «сажи» по-своему наружному объему, может быть, только несколько превышают 1 кубическую сажень. В доме обычно два входа: один с улицы, которым никогда не пользуются, а другой со двора. Ступеньки на крыльце в большинстве случаев каменные. Крыльцо почти всегда от дождя защищено железной крышей. Коридор всегда холодный, снаружи он деревянный дощатый, в то время как весь дом обмазан глиной и побелен. По своей форме коридор, или передняя, представляет собой несколько продолговатую комнату, которая у всех служит столовой; в ней обыкновенно широкое окно, вроде венецианского. Печей в этой передней-столовой нет. Обе входные двери выходят в эту комнату.

6.10.1918. Последнее время начали сильно дохнуть куры и утки во всех станицах. У нашей хозяйки было раньше больше 100 штук, а теперь осталось не больше 30. Ежедневно околевают сразу по 2—4 штуки. В чем заключается эта болезнь, я не знаю, но несомненно, что она носит эпидемический характер.

Испанская болезнь⁴⁰ добралась и досюда, и теперь во многих домах лежат почти все члены семьи. Офицеры тоже довольно основательно болеют, мы с Андреем пока что держимся, хотя он говорит, что чувствует, что каждый день у него уходят силы. Дело в том, что хотя и хорошо питаемся, но едим очень мало мяса, а всё больше растительное и мучное и довольно часто куриное белое мясо. Что же касается до обычного мясного питания, то в этом отношении дело обстоит хуже, так как казенный суп с вареным мясом мы берем сравнительно редко, так как он обычно бы-

вайт невкусен, а хозяйева наши не покупают и не едят мясо. Денег у нас абсолютно нет, и Андрей всё время мечтает о том, чтобы съест целого гуся, когда мы получим наше жалование.

7.10.1918. Несколько дней тому назад прибыл в батарею один прапорщик, настолько нудный и надоедливый, что прямо не знаешь, куда от него деваться. Человек он уже пожилой, ходит с бородой, но это очевидно нисколько не мешает ему приставать ко всем с самыми ничтожными пустяками. Фамилия его Добровольский и зовут его Андрей Андреевич. Здесь интересно будет указать, что в нашей батарее очень много офицеров с такими «квадратными» именами. Так, у нас есть Владимир Владимирович Булгаков, Николай Николаевич Петров⁴¹, Николай Николаевич Яшке, Петр Петрович Зиновьев, Сергей Сергеевич Иванов, Александр Александрович Люш, Андрей Андреевич Добровольский, был еще переведен в конно-горную батарею Михаил Михайлович, фамилию его не помню сейчас.

Все наши дамы и сестры надоели решительно всем. Мы с Андреем чересчур мало ими интересовались и очень мало были в их компании, но и то с большой радостью выпроводили бы их отсюда. Михаил Петрович, взявши на свое попечение Людмилу Васильевну, устроил ее у себя на квартире, а сам ходил ночевать к Люшу и Иванову до тех пор пока к ним не приехали эти две сестры. Теперь он ночует у нас, а Люш, Иванов и Зиновьев ходят куда-то в другой дом на ночлег. Такая возня, по-моему, — лишняя затея, тем более, что хозяйева, в чей дом офицеры привозят эту публику, естественно морщатся, так как им приходится кормить больше народу.

8.10.1918. Ночью была довольно основательная гроза, сопровождавшаяся сильным ливнем. Для нас гроза в октябре месяце довольно редкое явление. На улицах сразу стало грязно и настолько холодно, что я не мог согреться, одел свою верхнюю фуфайку. В доме тоже моментально стало сыро и холодно и немудрено, потому что все здешние постройки носят определенно только летний характер. Днем дождя не было, но пронзительный холодный ветер дул всё время. Единственное утешение было в том, что всю пыль прибило к дороге, а то до этого времени было и жарко и, что хуже всего, пыльно. К вечеру в доме стало настолько холодно, что я спал в свитере, покрылся одеялом и шинелью и то никак не мог согреться. Во всех домах абсолютно такой же холод, так что в течение дня не к кому было даже пойти, чтобы хотя бы немного отогреться.

9.10.1918. Этот день до некоторой степени богат приключениями не особенно приятного для нашей батареи свойства. Вольноопределяющийся Богурский, который имеет обыкновение засыпать на посту и о котором я уже говорил, всё время хлопотал о том, чтобы его отпустили домой, так как он прослужил в армии уже больше четырех месяцев. Ему только 16 лет, и он говорил, что собирается продолжать дальше учиться, а если ему это не удастся, то он снова вернется в армию. Он получил уже увольнительный билет и собирался уезжать, но в эту ночь ему почему-то пришла

мысль о самоубийстве, как говорят, — на почве отсутствия денег и венерической болезни. Он взял лезвие безопасной бритвы и пытался вскрыть себе на руках вены. Но этот способ, очевидно, его не удовлетворил и он, потеряв довольно много крови, встал с постели и тем же лезвием перерезал себе горло. Но, к счастью, обе раны оказались не смертельными. Его отправили в больницу, сделали перевязку и привели в чувство. Всё время он сохранял поразительное хладнокровие и после перевязки заявил, что теперь у него раз и навсегда пропала всякая мысль о самоубийстве.

Другой случай, произошедший вчера вечером, тоже довольно интересен. Сергей Сергеевич в компании с двумя сестрами милосердия поздно вечером поехал в хутор Романовский. Лошади не могли удержать с горы и побежали рысью. Нужно заметить, что здесь в упряжи почти никогда не бывает шлей, а на одном хомуте довольно трудно тихо спуститься с горы. Так как было совсем темно, то линейка одним колесом попала в глубокую канаву и на момент остановилась. Сергей Сергеевич и подводчик сидели впереди и от толчка упали под повозку, остальные соскочили в сторону. Их обоих протащило под повозкой некоторое расстояние. В результате этой комбинации Сергей Сергеевич пробил себе голову, разорвал брюки и выхватил совершенно из шинели целый кусок размером в полтора квадратных аршина. Подводчик же разбил себе ногу и руку и потерял свою шинель, а лошади спокойно прибежали обратно в Кавказскую. Линейка тоже пострадала: половина левого крыла совершенно отломалась и где-то потерялась. Несколько некрасиво получилось то, что ехавшие офицеры заставили подводчика заплатить 330 руб. хозяину линейки за починку крыла, обвинив в этом падении исключительно его. На мой взгляд, это неправильно, так как эту линейку брал у ее владельца офицер, а не подводчик и, по-моему, они и должны были отвечать за случившееся.

Попутно с этими приключениями расскажу еще один случай, имевший место в Прочноокопской, но о котором раньше я забыл упомянуть. Произошло это в 15-х числах сентября. Сидел я как-то на скамейке около дома на улице и обратил внимание на довольно странную группу в 5 человек, приперевшихся к забору у больницы. Один из них, в солдатской форме, размахивал винтовкой, собираясь ударить кого-нибудь прикладом. Мы взяли с собой винтовки и пошли узнать, в чем дело. Оказалось, что пьяный казак из местного гарнизона задержал на улице ни в чем не повинных четырех армян и вел их к обрыву расстреливать, заподозрив их почему-то в шпионстве. Они, поняв в чем дело, подошли к забору и в смертельном ужасе упирались, не желая идти к обрыву. Мы расспросили у местных жителей-казаков про этих армян, оказалось, что это известные жители станицы. Мы их отпустили, а у конвойного отняли винтовку и наложили ему по шею.

10.10.1918. Уже третий день держится довольно серьезный холод. Ночью вода даже замерзает. Весь день ходишь в шинели и даже в комнате, не снимаешь ни шапки, ни шинели, и все-таки холодно. Какая-то стран-

ная сырость сразу проникла в дома после этой грозы и ливня и держится всё время. Домов еще никто не топил, так что, к кому бы ни зашел, — у всех такая же точно картина. Иной раз невольно является желание попасть в теплый дом, одеться приличнее и хотя бы на время почувствовать себя в своей знакомой обстановке. Тут же ходишь страшно грязный, рваный, сапоги мазью чистишь только раз в 1,5—2 недели, а то только смахиваешь с них щеткой пыль; белье тоже меняешь через 2 недели, пока оно совсем не станет окончательно грязным. С момента отъезда из дому спим без простыней и с минимальным комфортом. Я нисколько не жалею об обстановку, но говорю, что очень приятно было бы на день, на два попасть в приличные, хорошие условия.

11.10.1918. Погода резко изменилась, и опять стало значительно теплее, хотя конечно, не так как было раньше, до грозы. Ветер по-прежнему сильный, но так можно хотя немного прийти в себя от этих холодов. Мы уже было совсем отчаялись в том, что хорошая теплая погода может вернуться. С этого дня начались занятия в нашей батарее. Юнкер, вольно определяющийся и доброволец по утрам занимаются пешим строем, затем теорией. Пешим строем командует шт.-кап. Дзиковицкий, и ему в помощники даются поочередно младшие офицеры. Для офицеров тоже с этого дня установлены занятия по теории. С нами занимается капитан Слесаревский⁴². Занятия продолжаются с 11—12 через день, и особой пользы от них я не жду. Мы с Андреем несколько дней тому назад сами начали почитать артиллерию, но здесь беда с руководством; почти никаких нет ни у кого книг. О регулярных занятиях, кажется, и думать не приходится.

Дни здесь удивительно короткие, в 4 часа уже темно, а керосина у жителей станицы почти нет. У наших хозяев хотя и есть и лампа и керосин, но все-таки вследствие общего недостатка этих предметов приходится лампой пользоваться по возможности меньшее количество часов. Днем же постоянно заходит то один, то другой, так что, с одной стороны, делать совершенно нечего, а с другой, для чего-либо серьезного нельзя найти в течение всего дня даже пары часов, в которые можно было бы спокойно позаниматься.

12.10.1918. После продолжительных боев на Армавирском направлении наши части сегодня в третий раз заняли город Армавир. В этом направлении нам определенно не везет. Армавир и Невинномысская — это два таких пункта, которые всё время берут и отдают. На этот раз большевики обошлись довольно мягко с оставшимися в городе жителями. Говорят, что за всё время их последнего пребывания в Армавири не было особых расстрелов и безобразий. Пострадали только дома и имущества тех армавирицев, которые ушли вместе с Добровольческой армией перед сдачей города. В таких домах они разграбили и переломали решительно всю обстановку.

Поговаривают о том, что союзники в качестве представителя от России на мирных переговорах решили признать представителя от Добро-

вольческой армии. Если это действительно так, то нужно считать, что с этого момента наша армия получает общегосударственное значение; отсюда понятно, почему Украина уже начинает заигрывать с нами. Всё время ждем появления союзников в Черном море, но пока определенного ничего не слышно.

Относительно Могилева я узнал, что там пока что находятся немцы. Это до некоторой степени меня немного успокаивает, хотя все-таки положение Могилева остается неопределенным. Очень жаль, что ни оттуда, ни из Москвы нет никаких известий.

13.10.1918. Здесь у жителей станицы какая-то особая страсть снимать покойников в гробу. В редком доме не встретишь фотографию с покойником, висящую на стене. Сегодня в первый раз как хоронили молодого молоканина. Впереди несли крышку от гроба, затем в толпе гроб на высоте пояса, без священника, конечно, и пели что-то такое протяжное и заунывное, но что — разобрать было совершенно невозможно. Это пение великолепно воспроизводил Василий Сергеевич Неручев⁴³, делопроизводитель нашей батареи. Он говорил, что если бы это были не похороны, то он обязательно присоединился к этой компании и подтягивал бы им. Вообще, нужно сказать, что он очень веселый и остроумный комик, и вообще очень симпатичный человек, хотя сначала совсем и не кажется таким. Все в станице его знают под именем «Васенька», и он тоже успел во время своих вечерних походов, со всеми перезнакомиться, и как он сам выражается, «со всеми тут любовь крутил».

14.10.1918. Появились слухи, что большевики совершенно разгромили Астраханскую армию. По некоторым сведениям, отряд Жлобы, который оперировал против нас на Ставропольском направлении, зашел им в тыл, сбил их к какому-то болоту, окружил и чуть ли не всех перебил. Передают, что Астраханцы мужественно защищались и умирали с криком: «Да здравствует император». Не знаю, насколько это всё верно, но все-таки то, что Астраханцев, если не совсем разбили, то во всяком случае очень сильно потрепали, кажется, придется принять за достоверный факт. Таким образом, армия, которая формировалась с согласия немцев и на немецкие средства, потерпела, тоже по расчету тех же немцев и с их помощью, крупное поражение. В этом и состоит их политика в русских делах: бей друг друга и истекай своею кровью. Я понимаю, что можно помогать формироваться армии, поставившей себе целью борьбу с большевиками. Но помогать этой армии и одновременно с этим помогать большевикам разбивать эту армию — это уж совсем гнусно. Даже в международной политике нельзя преследовать только свою личную выгоду, не соображаясь ни с чем.

15.10.1918. Несколько дней тому назад начались довольно серьезные бои под Ставрополем. Большевики очевидно получили подкрепление из России и начали довольно сильно нажимать на нас. Здесь они впервые провели ночную атаку. Говорят, что ракет у них появилось громадное

количество, и они пускали их всё время. Сначала они было близко подошли к Ставрополю, потом наши отогнали их сразу на 18 верст, но потом все-таки должны были отойти и очистить Ставрополь. Там остались склады обмундирования: 25 тысяч полушубков, 20 тысяч пар сапог, сукно и многое другое. Волей-неволей будешь возмущаться. Все сидят без теплой одежды, ходят черт знает в чем, сапоги у большинства совсем без подметки, а тут держат в Ставрополе для чего-то такие склады, да еще не успевают ничего вывезти — и всё остается большевикам. Денег тоже ни у кого из нас нет. За всё это время ни разу не получали, если не считать аванса в 60 руб. в начале сентября, и когда получишь, еще ничего не известно. По всем признакам, эти интендантства, как и чиновники, работают точно также, как и в германскую войну, не считаясь ни с чем.

Опять потянулись беженцы из Ставрополя, а беженцы из Армавира начали возвращаться туда. Несчастный народ эти мирные жители, всё время им приходится уезжать, когда нападают большевики. Мало того, что им приходится испытывать волнения и лишения во время таких переездов, так они в большинстве случаев при возвращении находят всё свое покинутое имущество совершенно разграбленным. Но, спасая свою жизнь, волей-неволей приходится бросать все свои вещи.

16.10.1918. От нечего делать играли небольшую пульку в преферанс. Многие офицеры — от скуки или от чего другого — довольно часто ездят в хутор Романовский. Я же всё время сижу довольно плотно на месте. Не знаю, почему-то совсем не хочется никуда ездить: с одной стороны, совершенно нет денег, а с другой, не вижу в этих поездках ровно никакого удовольствия. Интересно то, что для поездок в Романовский большею частью пользуются случайными посторонними подводами, которые направляются туда. Днем таких подвод туда и обратно довольно много, и они получили у нас название «трамвай», которое стало почти официальным термином в нашей батарее.

Михаил Петрович Пользинский всё время скулил, надоел уже порядком, теперь получил отпуск домой и пристаёт ко всем за деньгами. В таком положении он мне кажется смешон, потому что у него нет никаких важных причин, заставляющих его ехать. Но вообразите себе человека, которому необходимо спешно съездить хотя бы домой и он не может выехать и поехать из-за отсутствия каких-то 50–100 рублей. Такое положение действительно ужасно, и в нашей батарее его нельзя никак поправить, потому что ни у кого нет денег. Михаил Петрович достал у прапорщика 25 рублей, и больше нигде не смог, и так как ему, чтобы доехать до Геническа, нужно было бы, по меньшей мере 50–60, то он принужден пока не ехать.

17.10.1918. Сегодня наконец получил жалованье за сентябрь. Все и мы с Андреем прямо воспрянули духом. Просидеть столько времени совершенно без гроша не совсем приятно. Андрей лечил себе зубы в хуторе Романовском, но так как ему нечем было платить, то перед концом

он должен был временно прекратить это занятие и, пока не получили жалованья, не показываться зубодерше. Заболела в этот день испанкой наша хозяйка, и нам предстоит не очень интересное время, так как кроме нее никто в доме готовить не умеет, и вся стирка и варка моментально остановились. Андрей с большим старанием и вниманием начал ее лечить с целью скорее поставить на ноги.

18.10.1918. Уехал наконец в отпуск Михаил Петрович и, судя по его последним разговорам, можно ожидать, что он больше не вернется. Он жил у той же хозяйки, у которой раньше помещался Тимченко, и сам больше всех возмущался, что тот ничего не заплатил ей за 6 дней, а теперь сам почти за месяц предложил ей 12 рублей 50 копеек (купон) и говорил еще, что она осталась довольна. Нет ничего удивительного, что в некоторых местах жители остаются недовольными Добровольческой армией. Что можно ожидать от солдат, когда сами офицеры выкидывают такие штуки. Кроме этого номера поручик Пользинский вывернул еще другой, не менее некрасивый. Несмотря на то, что он получил деньги, он, располагая целыми 24 часами времени, не мог отдать те 25 рублей, которые за 2 дня перед этим одолжил на поездку у поручика Шелкунова. Забыть об этом он не мог, потому что об этом обстоятельстве ему несколько раз напоминали. В общем, народ пошел аховый, так что даже в компании своих офицеров волей-неволей приходится держать ухо востро. Ну и времена... Буквально все распустились и разболтались.

19.10.1918. Несколько дней тому назад нам пришла в голову мысль воспользоваться временно теми охотничьими ружьями, которые отобрали у иногороднего населения и хранятся здесь на складе в крепости, и немного поохотиться. Мы в этом отношении сразу же предприняли шаги и после целого ряда хождений по разным управлениям из-за обычной российской канцелярщины получили наконец сегодня разрешение взять на время для охоты по ружью. Но после того как мы явились в крепость с соответствующей бумажкой и осмотрели все эти ружья, то оказалось, что буквально ни одного из них нельзя выбрать, так как все они были лишь сплошной хлам. При всём желании нельзя было найти даже ни одной целой шомпольной одностволки.

На дворе в крепости стояли две довольно новые походные кухни; соответствующей заменой частей и винтов Андрей из этих двух кухонь составил одну, вполне исправную, и обменял ее на нашу старую. Таким путем наша батарея стала обладать вполне приличной кухней.

20.10.1918. Еще в то время, когда у нас не было денег, Андрей всё время говорил о том, что хорошо было бы хотя бы раз как следует поесть чего-либо мясного и сытного. Мучная пища его, как и меня, не совсем и не всегда удовлетворяла. Он в выборе блюда почему-то остановился на гусе и всё время мечтал о нем. Теперь, получивши деньги, мы могли превратить эту мечту в действительность. Хозяин наш поехал в хутор Романовский, и мы просили его купить гуся, а если гуся будут на базаре

неважные и дороги, то поросенка. Он привез нам поросенка, довольно жирного и плотного, за 15 рублей. Зарезать этого поросенка мы просили хозяина, но он эту операцию проделал очень неудачно: во-первых, несколько раз дорезал его, а во-вторых, когда он его принес в кухню, по-видимому, уже совсем мертвого и положил в лоханку, чтобы обдать его кипятком, то поросенок выскочил из лоханки. Пришлось еще раз дорезать. Тем не менее, мы в этот день очень плотно пообедали и поужинали этим самым поросенком, причем оба раза ели его в кухне, а не в своей комнате, чтобы кто-нибудь из случайных посетителей во время обеда не мог бы к нам присоединиться.

21.10.1918. От нечего делать и от других непонятных причин почти все офицеры начали грызть эти несносные семечки. Здесь кроме наших обычных и белых тыквенных, очень сильно распространены сушеные арбузные семечки. Буквально все ходят и сидят и шелкают эту дрянь, от которой довольно-таки трудно отвязаться. Гуляя сегодня, я невольно обратил внимание на то, что несмотря на глубокую осень, холод и очень сильные ветры, здесь до сих пор на всех деревьях еще очень много листьев. Удивительнее же всего то, что эти листья сохраняют еще до сих пор вполне зеленую окраску и только кое-где слегка начинают светлеть. Кстати скажу, что здесь растут исключительно только одна акация и фруктовые деревья, других же пород в станицах мне пока еще не приходилось видеть. Мы с Андреем и прапорщиком Лукиным ходили сегодня в крепость пострелять в тире и испробовать наши винтовки. Результаты этой пробы были не особенно важные, так как теперь почти все винтовки запущены и расстреляны. У меня в винтовке во время стрельбы разорвался патрон, и прорвавшимися газами мне обожгло лоб, причем довольно много порошинок застряло в коже на лбу. Одно счастье, что глаза не пострадали.

22.10.1918. Утром Андрей раздобыл карабин австрийской работы. Его нашел какой-то мальчишка в канаве во дворе против нас и собирался уже нести его в станичное управление, а тут Андрей и перехватил этот карабин, который в настоящее время достать довольно затруднительно. Карабин совсем новый, только слегка заржавлен, и он принялся его сейчас же чистить.

У меня собралась небольшая компания, и мы сочинили пульку в преферанс. Вечером зашел к нам полковник Шеин⁴⁴, и мы устроили с ним вторую пульку. Вообще нужно сказать, что у нас в доме, почти каждый день, собирается компания; иногда играем в преферанс, а то так сидим и разговариваем, и нужно сказать, что в большинстве случаев, всегда ведется беседа на научные и серьезные темы. Сами же мы редко к кому ходим.

23.10.1918. Газеты принесли известия о перемирии между Турцией и союзниками. Участь Болгарии постигла и Оттоманскую империю. Условия, которые предложили ей союзники, отнюдь не являются для нее почетными и говорят о полной ее капитуляции. Дарданеллы открываются для прохода союзнической эскадры, и наша армия в недалеком буду-

шем получит самую действенную поддержку от наших союзников. Только одна Добровольческая армия имеет право называть Державы Согласия своими союзниками, потому что за всё это время грозных и переменчивых мировых событий оставалась верна им и не переменяла своей ориентации. Теперь, когда Германия стоит на пороге своего разгрома и находится накануне своего собственного «Бреста», не мудрено всем другим начать говорить о союзнической ориентации. Но вправе ли все они будут назвать Державы Согласия своими союзниками, если они во время успехов Германии устремили на нее свой взор. Этого нельзя сказать только про Добровольческую армию, и поэтому естественно, что она ждет от своих союзников самой широкой и действительной помощи.

В Австрии и Болгарии развивается революция, и эти государства начинают идти по знакомой нам дороге советов и прочих революционных комитетов.

24.10.1918. Наконец уехала Людмила Васильевна в Армавир; она почему-то боялась ехать, ей его положение казалось непрочным. Два дня тому назад она пришла к нам со слезами на глазах и жаловалась, что ее выгоняет хозяйка. С одной стороны, было ее жалко, как беззащитное существо, а с другой стороны, если подумать, то ей здесь совсем-таки незачем сидеть. Андрей прикрикнул на ее хозяйку и порекомендовал ей во избежание неприятностей несколько осторожнее обращаться с барышней. Тем не менее, Людмила Васильевна решила, к нашему общему удовольствию, уехать, потому что никому нет особого интереса брать на себя заботу об этой барышне. За это время, как мы слышали, умерла ее мать. Сестры, привезенные Ивановым, тоже уехали несколько раньше, и таким путем наш взвод освободился от не совсем желательного постоянного дамского общества, которое всех стесняло.

25.10.1918. Прочел сегодня в «Приазовском Крае», что 17 октября состоялась передача г. Могилева-губернского советской власти по какому-то дополнительному договору. В газете «Россия» было даже сказано, что большевики вошли в Могилев церемониальным маршем с музыкой. Таким образом, мое волнение хоть и было преждевременным, но оказалось не напрасным.

Как тяжело и печально знать, что судьба и жизнь твоих близких, как в Могилеве, так и в Москве, находятся в руках этих извергов, которых я при всем желании не могу назвать даже людьми. Положение их, безусловно, отчаянное, но помочь ничем и никак нельзя, остается только желать, верить и надеяться, что всё может обойтись благополучно — конечно, до известной степени. Когда же больше вдуматься в это положение, то прямо страшно становится.

26.10.1918. Среди германских солдат, расквартированных на Украине, происходят довольно сильные волнения, начинает пахнуть от всех этих сообщений чем-то революционным. Последние сообщения с французского фронта говорят о полном разгроме австро-германских армий, и это обсто-

ятельство еще более усиливает волнения и беспорядки внутри Германии. Близится и для нее час расплаты за русский большевизм и страдания сотен тысяч русских интеллигентных людей. Они производили у нас на Украине запись в красную гвардию и церемонились всё время с большевиками, теперь это можно порекомендовать им самим. С одной стороны, мне бы самому хотелось, чтобы они немного поближе и поосновательнее познакомились с этой прелестью, которую они без всякой совести разводили и поддерживали у нас, а с другой, — все-таки неприятно видеть власть темной массы где бы то ни было. С некоторых пор у меня каждый день сильно увеличивается и растет против большевиков такого сорта озлобление, которого я раньше не замечал. Раньше я готов был бороться и просто уничтожать их, так как людям такого сорта нет места на земле, теперь же по отношению к ним я замечаю в себе некоторые признаки кровожадности, под влиянием чего я способен на самое дикое обращение с ними.

27.10.1918. У большевиков появилась целая серия новых комиссаров, так например, они додумались до «комиссара паники» и «комиссара дезертиров». Прапорщик Отченашев ездил в имение Мяснянкина, расположенное недалеко от станции Овечка. Отец его служил там управляющим. Он рассказывал, что там везде — в доме, на огороде и в разных сараях и на стройках — валяются трупы большевиков, умерших от ран. В нашей армии санитарная и медицинская помощь налажена очень слабо, так как почти нет перевязочного материала и медикаментов, а у большевиков совсем абсолютно ничего нет, и раненые довольно редко выживают, в особенности теперь, когда благодаря холодам они застуживают свои раны; таким образом самые легкие раны влекут у них за собой в большинстве случаев смертельный исход. Страшно много гибнет их, но еще много больше их остается, и по своей численности они превышают нас в этом районе. Но, несмотря на это успех в военных операциях всё время склоняется на нашу сторону, хотя и у нас бывают временные неудачи. За последнее время их усиленно вытирает Добровольческая армия из пределов Кубанской области; это очищение идет довольно успешно; жаль только, что нам не повезло под Ставрополем в боях 15–16 числа. Но что же делать, если у нас не хватает сил; если мы сильно нажимаем в одном месте, то волей-неволей приходится ослаблять фронт в другом. Говорят, на этих днях, когда генерал Деникин объезжал фронт на Ставропольском и Армавирском направлениях, то он сказал: «Я вам натяну кожу, а то она больно коротка стала; натяните в одном месте, так она рвется в другом, натяните во втором, тогда она порвется в первом».

28.10.1918. Сегодня уехала компания из 7 офицеров из нашей батареи. Они перевелись на бронированный поезд к полковнику Гонорскому⁴⁵. Среди них уехали Влад. Влад. Булгаков, Сапезко, «прощельга» Шульман, пор. Выдренко, капитан Головач⁴⁶; с остальными же двумя, подпор. Шпаковым и пор. Гросбергом⁴⁷, я был довольно мало знаком. Некоторые из них были очень симпатичные, и жаль было, что они уехали, и они сами жалели, когда расставались с нами.

В «Приазовском Крае» прочел сообщение о том, что всё большевистское посольство во главе с Иоффе выперли из Берлина за распространение прокламаций на немецком языке и воззваний, призывающих население к волнениям, беспорядкам и массовому террору. Можно сказать, что они доигрались, хотя на них такое обращение мало действует. Немецкое посольство тоже отозвано из Москвы. Не будет ли этот разрыв Германии с Совдепией уже чересчур запоздавшим шагом со стороны Германского правительства.

29.10.1918. Андрей уехал в Новороссийск погостить к своему приятелю и устроиться как-нибудь с деньгами, которые лежат на его имя в Тифлисе в штабе пограничного округа. Холода в последнее время стоят довольно основательные. Мерзнешь днем и ночью. Почти весь день я провожу в кухне и ем вместе с хозяевами. В кухне все-таки немного обогреваешься, а когда ложишься вечером спать, то ежишься и жмешься, кутаешься и спишь в такой атмосфере, которая бывает только в погребу. Это обстоятельство до некоторой степени отравляет спокойное существование в этом краю, где тебя лично не трогают никакие дикие декреты и распоряжения неистовствующих комиссаров.

30.10.1918. Последнее время хозяева нас кормят очень хорошо. В двадцатых числах мы заплатили хозяевам 100 руб. за месяц. Сумма, конечно, по теперешним временам очень скромная, но мы в течение того месяца обедали у них довольно редко, получали только по утрам и вечерам закуску к чаю или кофе. Кроме того, хозяйка несколько дней болела, и тогда мы ничего не получали. Должно быть, эта плата показалась им достаточной, и они с большой охотой продолжают нас кормить и даже в усиленном размере. На днях они зарезали двухлетнего бычка и теперь ежедневно кормят нас мясом, даже 2–3 раза в день. Так что завтрак, обед и ужин состоят у нас из трех блюд, причем на третье подается хороший арбуз.

31.10.1918. Германия согласилась на все предложенные союзниками условия перемирия и подписала их. Нужно сказать, что условия крайне тяжелые для нее. Кроме очищения территории, в руки союзников попадает громадная военная добыча, после передачи которой Германия уже не в состоянии будет воевать. Кроме того, союзники получают 5 тысяч паровозов и 180 тысяч вагонов, весь флот Германии разоружается и вводится в союзнические или нейтральные гавани. Блокада же остается в силе. Хотя перемирие заключено на 30 дней, но из условий его определенно видно, что уже в дальнейшем война для Германии невозможна. Так что Мировую войну для Германии можно считать оконченной.

Прошло 52 месяца со времени начала этой кровопролитнейшей войны народов, из которых около 50 месяцев военное счастье, успех и победы сопутствовали германскому оружию, и только за последнее время успех резко склонился на сторону Держав Согласия, и, таким образом, эти 4 с лишним года войны закончились разгромом сначала союзников

Германии, а затем полным поражением ее самой. Император Вильгельм отрекся от престола. Незадолго до этого было широкое изменение конституции, но и это не помогло. В здешних газетах промелькнуло сообщение, что император Вильгельм заявил, что он не считает возможным стоять во главе той армии, которая принимает такие позорные условия и поэтому слагает с себя верховную власть. Так это или не так, но факт в том, что теперь Германия в своем историческом пути стала на наклонную плоскость, идя по которой можно, повинуясь законам инерции и ускорения, докатиться до русской катастрофы. Итак, великая европейская война закончена — и в итоге 9 разгромленных государств: Болгария, Сербия, Черногория, Румыния, Россия, Бельгия, Австро-Венгрия, Турция и Германия. Нужно думать, что в будущем государства придумают более остроумный, чем война, способ разрешать между собою споры.

1.11.1918. Четверг. Наконец, 30-го закончилось полное очищение от большевистских банд всей Кубанской области. Дон тоже весь уже очищен, и, кроме того, Донцы занимают уже целых три уезда в Воронежской губернии. В ночь на сегодня не повезло нашим частям, оперирующим в районе Ставрополя. Город был окружен со всех сторон, и предполагалось запереть там 40-тысячную большевистскую армию. Но сил у наших не хватило, и большевики прорвались оттуда в направлении на Торговую. Хотя наши заняли Ставрополь, тем не менее, говорят, нас сильно потрепали, так что в некоторых ротах Самурского и 2-го офицерского⁴⁸ полков осталось по 5–7 человек.

Люди гибнут массами, борясь с самыми ничтожными средствами против более сильного и по численности, и по техническим средствам врага всего цивилизованного мира. Но зато последнее время всех воодушевляет самая скорая и действительная помощь, главным образом вооружением, со стороны наших союзников, которых со дня на день ожидают в Новороссийске, так как, по сведениям, их эскадра частью уже вошла в Черное море.

В Германии развивается революция, появляются совдепы и прочие «симпатичные учреждения». В Болгарии и Австрии тоже идет «углубление». Таким образом, расчет большевиков на мировую революцию до некоторой степени оказался правильным. Нужно думать и надеяться, что все эти новоявленные революции не пойдут по большевистскому руслу. В Петрограде большевики устроили грандиозную манифестацию, процессия подошла к Германскому консульству, консул вышел и высказался за «интернационал». Нечего сказать, хороших товарищей приобрела себе Германия в лице русских большевиков. Желал бы ей на своей шее испытать всю эту прелесть. Но, как бы там ни было, пока сильны союзники, дни правительства Ленина и Троцкого сочтены.

Мы скоро получаем в большом количестве артиллерию, которой нам всё это время не хватало, и поведем беспощадную войну, находясь уже в совершенно других условиях, чем до этого времени. Дон, Южная ар-

мия и другие организации объединяются с нами, а с такой силой да еще с оружием союзников разговоры и шутки довольно плохи. Поговаривают о том, что наша дивизия перейдет на Украину. Ходят слухи о том, что генерал Деникин уже издает некоторые приказы на Украине и туда выехала целая комиссия от Добровольческой армии с целью взять на учет и выяснять количество военного имущества, амуниции, орудий и лошадей. Будет формироваться, думают, около 50 артил. дивизионов для Добровольческой армии, которая в скором времени, по особому приказу будет уже именоваться «Русской армией».

2.11.1918. Ночью пошел дождь; погода сразу смягчилась, и ветер стих почти совсем. Утром, когда я вышел на двор, состояние погоды было такое, какое у нас бывает только весной и даже не особенно ранней весной, а тогда, когда снег уже почти совсем сошел. Даже пахло в воздухе чем-то особенным, как будто весенним, как мне казалось. Деревья за это время сильно обнажились, и листья очень заметно пожелтели, хотя некоторые сохраняют еще почти зеленую окраску. Несмотря на присутствие в атмосфере чего-то весеннего, дыхание осени уже очень сильно стало заметно за последние дни. До сего времени только холода и сильные ветры напоминали о том, что лето уже кончилось. Интересная все-таки здесь осень, мало похожая на ту, которая бывает у нас. Теперь уже начинается дождливая пора.

Союзническое верховное командование опубликовало последний боевой приказ, в котором содержится обращение к армии. Приказ заканчивается словами: «Вы выполнили задачу, возложенную на вас родиной, враг побежден, он просит мира. Война закончена». Какое приятное чувство должно быть у этих людей, к которым в этом приказе обращаются. Нужно думать, что и для России скоро наступит такое время, когда Командующий Добровольческой армией издаст для этой армии в Москве приблизительно такой же боевой приказ, возвещающий о полной победе над большевиками. Только вместо слов «враг побежден» будет и должно стоять «враг разбит и уничтожен», потому что ни о каком мире с большевиками не может быть и речи. Здесь война идет на уничтожение, борьба ведется между совершенно разными началами, и никакое согласие недопустимо и невозможно.

3.11.1918. Почти весь день шел дождь. Последние вечера я проводил у полковника Шеина, где играл с ним и Василием Сергеевичем в преферанс. Замечательно милый, простой и симпатичный полковник, одним словом, славный человек, только немного медлительный и нерешительный.

Сегодня я почему-то не пошел играть к ним, остался дома и читал «Вестник иностранной литературы». Часов в 7 неожиданно явился Андрей, усталый, мокрый, полуголодный и полубольной. По его словам, условия передвижения здесь в настоящее время не особенно привлекательны. Англичан в Новороссийске всё еще нет, их поджидают и деятельно готовятся к встрече. Мы на днях переходим под Екатеринодар, в ста-

ницу Пашковскую, которая соединена с ним электрическим трамваем. Командира батареи в Екатеринодаре, по словам Андрея, капитан Владимир ловил целый день, он по обыкновению был пьян «в лоск». Особых новостей он мне, в общем, не сообщил. Рассказывал только, что видел расстрел четырех матросов, причем одному из них стало дурно и он упал в обморок, но на него вылили ведро холодной воды для приведения его в чувство и после этого расстреляли.

В Новороссийске страшный шторм, ветром вырывает телеграфные столбы и сбрасывает железные крыши. Это, должно быть, и задерживает временно союзников. Выяснилось, что мы 6 числа переезжаем в Пашковскую, сегодня туда едут квартирьеры. Меня чуть было не упекли в эту поездку. А мне как раз почему-то сильно захотелось поесть завтра баранины, я попросил купить фунта 3. Но потом выяснилось, что я не поеду, а то я уже начинал жалеть, что мне не придется ее поесть.

Между прочим, хочу сказать, что в этих краях петуха называют «кочет», шенка — «кутенок», а скотину разного рода — «худоба». Не знаю, почему это ни с того, ни с сего пришло мне в голову, и я решил записать это. Бывают иногда довольно странные скачки в обычном, спокойном течении мысли. В газете сегодня нельзя было прочесть ничего нового, потому что по ошибке 2-я, 3-я и 4-я страницы представляли из себя буквально содержание вчерашнего номера, и только первая страница была с новым содержанием. Очень жаль, так как каждый день приносит много новых известий о событиях, которые имеют колоссальное значение для ближайшего будущего. Нужно согласиться, что мы переживаем теперь хотя и тяжелое, страшное, но крайне интересное время.

5.11.1918. Умер работник у хозяина, у которого живет шт.-кап. Дзиковицкий, пленный турок. Человек он был очень симпатичный и работающий. Андрей давал ему порезать табак, который мы получали из батареи. Заболел несчастный «испанкой», перешедшей в воспаление легких. Во время болезни всё боялся умереть здесь, в чужой стране, вдали от дома, от семьи. Немного не дожил до того времени, когда можно было бы вернуться на родину. Такая смерть очень тяжела и невольно наводит на грустные размышления. На днях во Львове погибло много русских военнопленных, ожидавших отправки на родину, во время столкновения, происшедшего между поляками и украинцами. Ничего не поделаешь: «лес рубят щепки летят», но все-таки очень печальный факт.

Получили жалованье за октябрь и всё донскими деньгами. Говорят, теперь Дон будет печатать для нашей армии деньги; нужно предполагать, что теперь такой задержки в получении монеты не будет.

Хозяева наши с утра ушли на свадьбу, и благодаря этому мы с Андреем просидели весь день голодными. Тоже «в чужом пиру похмелье» — нечего сказать. Завтра в 8 часов утра выступаем отсюда в Пашковскую, а мне нужно уже в 6 утра быть у канцелярии для наблюдения за погрузкой имущества батареи.

6.11.1918. Проснулся в 5 с половиной утра. Ночь спал крайне скверно: то по всему телу ползала неугомонная блоха, то замерзал и никак не мог отойти. Около 7 с половиной утра получили из Екатеринодара телеграмму от командира батареи, в которой указывалось, что впредь, до особого распоряжения, остаемся здесь. Со слов приехавших позже квартирьеров узнали, что в Пашковской абсолютно нет помещений. Недели полторы тому назад мы тоже собирались переехать и тоже были высланы квартирьеры, но их вернули ни с чем. Вообще у нашей батареи с переездом получаются всё какие-то неудачные истории. Теперь хотят всех нас перевести в центр станицы Кавказской, на Красную улицу. Андрей пошел уже с другими офицерами подыскивать там помещение для батареи.

На Украине начинают появляться дружины, признающие командование Добровольческой армии⁴⁹. В «Голосе Киева» появился следующий приказ генерала Деникина, не знаю только, насколько это положение соответствует действительности: «Сего числа я вступил в командование всеми военными силами. Все офицеры, находящиеся на территории бывшей России, объявляются мобилизованными».

В германской и австрийской армиях происходят номера, похожие на то, что делалось у нас, причем матросы на этом пути у них также стоят впереди всех. В Киев прибывают бежавшие из своих частей австрийские офицеры со своими денщиками. Срывание погон и другие мерзости у них тоже практикуются. Каким бы культурным народ ни был, но темная, разнузданная толпа всегда будет бандой, способной черт знает на что, если ее во время не сумеют остановить. Будет печально, если в Германии разложение дойдет до нашего положения дел, хотя отчасти ей это полезно. «Победит тот, у кого окажутся крепче нервы» — это сказал в начале войны один из германских полководцев. Он надеялся на выдержку и дисциплину Германии, но, как видно, и у них не хватило нервов, а какая предстоит еще трепка всей нервной системы в связи с этой революцией...

7.11.1918. Переехали на новую квартиру на Красную улицу, к одним старикам. Комната хорошая, люди тоже очень симпатичные. Хорошо то, что комната всё время отапливается, и температура в доме очень приятная. Скорее можно сказать, что жарко, чем нормально. Плохо будет обстоять вопрос с питанием. Наши старые хозяева очень трогательно с нами распрощались, причем Андрей заметил даже на глазах хозяина признаки слез.

На Украине правительство Скоропадского окончило свое существование, и сам Павло Скоропадский ушел от власти. Власть перешла к генералу графу Келлеру⁵⁰ и офицерским организациям. В газетах уже начинают называть Украину Малороссией. Насчет прихода союзников ничего определенного не слышно. Здесь поговаривают о том, что они направились в Одессу и Севастополь, а в одесских газетах помещают слухи о том, что они уже высадились в Новороссийске.

8.11.1918. После занятия нашими частями Ставрополя выяснилось, что большевики расстреляли там своего бывшего главнокомандующего

Сорокина, сегодня это появилось в газетах. Сначала он расстрелял членов какого-то комитета, а затем его объявили контрреволюционером и вне закона. После этого он отправился в Ставрополь, где его поймали и посадили. Один из красноармейцев пришел к нему в тюрьму и без всяких лишних слов убил его из револьвера, объясняя этот поступок тем, что Сорокин объявлен вне закона и поэтому всякий имеет право сделать с ним всё что угодно⁵¹. Веселый народ эти большевички, только зря они не стреляют сами в себя и во всех своих на том основании, что их самих союзники объявили тоже вне покровительства законов.

В Пятигорске во время празднования годовщины октябрьской революции были расстреляны генерал Рузский⁵², бывший министр путей сообщения С.В. Рухлов⁵³ и много других видных лиц. Нечего сказать, хорошая амнистия, о которой перед этим днем они всё время писали.

Шалапин, судя по газетам, тоже оказался порядочным шутником в дни большевизма: сочиняет какие-то большевицкие гимны, за что не забывает получить 100 000 руб. и предлагает беспощадно расправляться с врагами советского правительства. А в прежнее время пел перед государем «Боже, царя храни» на коленях. Публика всё такая, что любит шутить не только с убеждениями, но и со своей собственной персоной. Когда-нибудь с ними в их духе пошутит кто-нибудь другой, но уже несколько более серьезно. Такие штуки начинают уже приедаться и надоедать другим, смотрящим на вещи несколько иначе, чем эти господа. Достал в библиотеке очень популярную книжонку о беспроводном телеграфе и присидел над ней вечер.

9.11.1918. Утром Андрея вызвали в канцелярию и сообщили ему, что он посылается в командировку в Новороссийск с целью походить там по складам и привезти всё, что можно, для нашей батареи. Около 4 часов он получил все нужные бумаги, пришел домой и сказал, что меня тоже командируют вместе с ним. Я наскоро собрался, и в 6 часов мы выехали из Кавказской вместе с юнкером Кононовым и добровольцем Мусиенко, гимназистом 7 класса.

Всё это время, начиная с момента прибытия в Добровольческую армию, я никуда и ни за чем не ездил и передвигался только вместе с батареей. На станции Кавказской народу тьма, места все заняты, кругом лежат и сидят на всем, на чем только можно. За последнее время, живя в Кавказской, я отвык от таких картин. Там живешь всё равно как в мирной обстановке, а приезжаешь на станцию и видишь знакомую картину войны. Выехали из станции Кавказской в 11 часов ночи. Ездить теперь здесь отвратительно: тесно, никаких удобств, все ругаются, в офицерском вагоне 3-го класса холодно и неудобно. Всю ночь до самого Екатеринодара мы с Андреем сидели и разговаривали. Говорили главным образом о семейной жизни, о хороших отношениях и о прочем.

10.11.1918. Около 7 утра приехали в Екатеринодар. Здесь на вокзале точно такая же давка. Люди спят везде в самых разнообразных по-

зах, даже шкаф (вроде прилавка в буфете) использовали для этой цели. Офицеры спят не только сверху, но и внутри этого прилавка, на нижней полке. С большим трудом удалось нам достать местечко у стола и успеть закусить. В 8 с лишним выехали дальше. На этот раз забрались в отапливаемый вагон 2-го класса, где я и завалился спать на верхней полке. Проснулся я уже под *Новороссийском*, когда мы проезжали туннель. Тут 2 туннеля: через один поезд идет минут 6, а через другой минуты 2 с половиной.

С вокзала мы поехали на извозчике в город, к коменданту. Ехали мы всё время по набережной бухты. Сюда в это время как раз подходили суда союзников: два истребителя, английский крейсер «Ливерпуль» и французский 6-трубный крейсер-броненосец «Эрнест Ренан». Говорят, что их сегодня еще не ожидали в Новороссийске, и потому к встрече ничего не было подготовлено.

Между прочим, с их приходом получилась довольно интересная история. Так как никто не выехал их встречать, то они подошли к бухте с белым флагом и в полной боевой готовности. Всё было сделано чисто по-русски: всё время ожидали и писали о приходе союзников, а когда они пришли, то ничего не оказалось готовым, и те, не видя никого, выбирали сами себе места для стоянки и, кроме того, подходя к Новороссийску, не могли решить, кто в нем находится. Уже на наших глазах начали в городе прибивать флажки и устраивать арки для встречи.

Устроились мы в офицерском общежитии, большом, холодном, совершенно не отапливаемом помещении (признаков печей там не было), абсолютно без всяких удобств. Отсюда сейчас же пошли к одному знакомому Андрея, его товарищу по выпуску из Ташкентской школы, прапорщику Долганову⁵⁴. Он рассказал нам интересный случай из времени взятия Новороссийска Добровольческой армией: в то время, когда Добровольцы обстреливали находящихся в Новороссийске большевиков, немецкие и турецкие суда, стоящие здесь же в бухте, подняли белые флаги. Около 11 часов вечера мы отправились к себе в общежитие ночевать.

Здесь в эти дни свирепствовал норд-ост. Таких ветров я еще ни разу не видел: на ходу буквально останавливало и сносило в сторону. От вокзала к городу там ходит небольшой паровозик с несколькими вагонами, вроде трамвая. В Новороссийске эта комбинация называется «кукушка». Так вот, эту самую «кукушку» останавливал встречный ветер. Город окружен горами версты в 2–2,5 высотой. Из какой-то щели в этих горах и дует такой ветер. В общежитии, до которого нам пришлось идти версты три из города, мы легли, конечно, не раздеваясь, закутались в одеяла и шинели, а я оставил для теплоты на голове фуражку.

11.11.1918. Утром в этом самом общежитии дали нам теплой воды и предоставили возможность послать человека за хлебом, который тот и принес часа через 1,5. В России, как посмотришь, живут все комики и шутники. Из того, что офицеры добровольно взяли в руки винтовки

и делают всё сами, публика, очевидно, вывела заключение, что они могут теперь ездить черт знает как, жить где угодно, спать как угодно, абсолютно без всяких удобств и питаться также, чем придется. Такое обращение вошло в моду не только со здоровыми, но и с больными и ранеными офицерами, которые находятся поистине в ужасных условиях.

Около 1 часу дня произошла официальная встреча союзников. Около 2-й пристани, куда они подъехали, был выстроен караул из офицеров Сводно-гвардейского полка. Комичное впечатление произвели французские матросы. Шли они в своих шапочках с красными кисточками довольно свободно, причем один из них, находясь в строю, вел на цепочке фокстерьера. В гостинице «Европа» в честь приезжих гостей был устроен обед, а матросов потчевали в Народном доме. К вечеру появилась на улицах уже несколько подвыпившая «союзная» публика. Говорят, что союзники пришли в восторг от нашей водки и довольно сильно навалились на нее. Рабочее население Новороссийска, среди которого много большевиков (по окраинам там вечером, как говорят, опасно появляться в военной форме), по-видимому, не с особой радостью встретило союзников. Говорят, что как только показалась союзная эскадра, то среди толпы, наблюдавшей ее подход, слышались такие слова: «Это наш флот идет кадетов бить, а не союзники» или «Чего они идут, когда их никто не просит». Многим гуляющим теперь пока еще на свободе не мешало бы повисеть на прочной веревке, хотя бы минут 15, этого было бы достаточно.

Ветер немного утих, хотя оставался еще довольно сильным. Один лейтенант при разговоре с нами сказал, что эти дни норд-ост дует еще очень милостиво. «Настоящий норд-ост, — сказал он, — кладет вас, когда вы выходите из-за угла, на обе лопатки и катит вдоль улицы, вот это норд-ост». Не мудрено, что так часто срывает железные крыши и выворачивает телеграфные столбы.

Вечером мы были в кафе «Чашка чая». Я давно не был в кафе, не слышал музыки. Было очень приятно посидеть и помечтать о Москве, где я так хорошо и замечательно симпатично проводил время в кругу своих. Теперь же остается только погрустить о том времени да пожелать, чтобы со всеми моими всё обошлось как можно более благополучно. О себе и о своем настроении не приходится особенно много говорить в теперешнее время; еще много времени пройдет до восстановления более или менее нормальной жизни и до того момента, когда я буду в состоянии вернуться к своим мирным занятиям.

12.11.1918. С утра начали ходить по разным складам и учреждениям, разыскивая подходящее имущество для батареи. Когда мы были у военного губернатора, то там один полковник Генерального штаба приказал спросить в нашем присутствии дежурному телефонисту о том, находится ли англичанин Керн сейчас в гостинице «Европа» или нет, а затем, обращаясь к нам и показывая серебряный портсигар, сказал: «Не представляю себе, каким образом этот портсигар англичанина оказался у меня

в кармане. Ну и налился же вчера этот англичанин». Как видно, их солидно угостили.

В этот день нам пришлось походить довольно много; концы все-таки порядочные, а на извозчике за свой счет нет смысла ездить. Мимоходом я заходил во все книжные магазины, которых здесь совсем не много. Хороших книг здесь совсем не достать. Нашел я только Ницше и один томик Сен-Симона. По дороге из Екатеринодара в Новороссийск и здесь каждый день на улицах и в кафе я встречаю одного подпоручика-летчика, с которым я не был знаком, но с которым мы встречались в Гатчине, в клубе за игрой. Это выяснилось после того, как мы с ним разговорились. Вечером мы были в довольно приличном кинематографе.

13.11.1918. Утром получили ордер из Военно-промышленного комитета и затем начали получать и упаковывать те предметы, которые были отпущены для нашей батареи. Пока мы упаковали всё это, перевезли на вокзал и сдали на литер в багаж все эти 37 мест весом в 55 с половиной пудов, наступил уже 7-й час вечера.

В город не хотелось возвращаться, и мы решили как следует поесть на вокзале, тем более что утром только выпили теплой водицы и съели небольшой кусочек хлеба. Андрею продуло в этом общежитии шею, и он всё время держит голову на бок. Чай на вокзале подают без всего, и поэтому, когда мы заказали себе его после обеда, то официант сделал какую-то зловещую физиономию и сказал: «Я вам удружу по кусочку своего собственного сахару». При расчете пришлось заплатить около 35 рублей за всю эту музыку. Одним словом «удружил», посчитав за эти 2 куса больше 3 рублей. Тут целая возня с деньгами: одни берут, другие не принимают. Всё время слышим такие разговорчики: «Вы обязаны принять эти деньги, да кроме того у меня других нет». «А я их не принимаю» или «Хорошо, я их возьму, но сдачи вам не дам».

Около 11 вечера выехали из Новороссийска, забравшись в вагон 2-го класса. Ночью в наш вагон залезла группа пьяных казаков и начала рассаживаться чуть ли не на ноги спящим офицерам. Им заявили, что здесь офицерский вагон, но это на них мало подействовало, и один из них даже буркнул в ответ: «Ну, так что же, еще неизвестно, кто кем держится, мы вами или вы нами». После таких слов всю эту веселую компанию моментально выпроводили из нашего вагона. Эта публика имеет не совсем правильное представление о своих собственных заслугах и воинской доблести, которые, вообще говоря, не очень-то далеко и простираются. Сколько раз я слышал, как наши офицеры останавливали их во время «тиканья» нагайками и вновь гнали в наступление.

14.11.1918. Утром прибыли в *Екатеринодар*. После легкой закуски, не в зале, а внутри буфетной перегородки, отправились походить по городу. На одной из улиц совершенно случайно встретили m-me Кавернинскую, жену бывшего директора Могилевской городской электрической станции. Выехала она из Могилева в середине октября. Относительно

наших она ничего подробно не знает, но думает, что они тоже должны были выехать. Большевики вошли в город 25 октября нов. ст.; немецкая же комендатура оставалась там до 30 числа, причем немцы всячески содействовали выезду интеллигенции. В распоряжение Союза земельных собственников немцы предоставили для выезда 1 или 2 поездных состава. Бюргер и Фибих⁵⁵ еще раньше исчезли из Могилева, а затем все, кто только мог, тот и выезжал. Так как она куда-то торопилась, то направила нас к своему мужу полковнику⁵⁶ (я раньше не знал, что он военный). Он нам несколько подробнее рассказал то же самое. Положение наших очень неважное, и я ломаю голову и не знаю, выехали они из Могилева или остались там. Оставаться там невысказано при существующих условиях, а с другой стороны, как они могли выехать с такой семьей и без денег и куда? В общем, очень печально; не знаю, что и думать.

Перед отъездом в Екатеринодаре встретились с командиром батареи. Он благодарил Андрея за службу. До Кавказской мы доехали вместе с полковником Голубятниковым⁵⁷. Он рассказывал нам про последние бои под Ставрополем. Между прочим сообщил про интересный случай с одной группой пленных большевиков. С ними занимался военным строем какой-то унтер-офицер, который во время занятий пользовался общепринятыми ругательствами. Когда он дал «оправиться», то из строя вышли 2 человека и заявили, что они не позволят себя ругать, так как они русские офицеры. За такое признание их через весьма малое время расстреляли по приговору военно-полевого суда. Если среди пленных большевиков попадают офицеры, то им, конечно, уж нет пощады. Рассказывал он еще, как прапорщик Горохов из Ростова во время боя удрал в тыл. Его тоже моментально расстреляли по приговору военно-полевого суда.

Приехали мы в Кавказскую уже в 10-м часу вечера; так как подвод в станичном правлении нельзя было достать для перевозки имущества, то остались там ночевать. Мы за эту командировку достаточно устали, и хотелось уже один день поспать как следует. Андрей нанял на хуторе *Романовском* номер в гостинице и предложил там устроиться, а не сидеть до утра на вокзале. Номер был довольно ужасный и грязный и кроме того стоил 15 руб., что никакого успокоения не мог нам дать во время нашего в нем пребывания. Я сильно возмущался такой ценой за такой отвратительный номер и чуть не выгнал хозяина, когда он что-то хотел возразить мне на то, что я назвал цену большевицкой.

15.11.1918. Утром вернулись, наконец, в свою квартиру в станице Кавказской. Здесь за это время не произошло почти никаких изменений. Довольно серьезно заболел только Николай Николаевич Яшке. Для батареи за это время тоже ничего не получили. Привезли только откуда-то несколько шинелей и полушубков довольно слабого качества. Нужно думать, что только через некоторое время мы обзаведемся всем необходимым. Пока в Новороссийск прибыл только один транспорт союзников, другие пока ожидаются. Когда мы были в Новороссийске, то один офи-

цер рассказывал нам, что будто бы англичане говорили, что они доставят нам полное обмундирование и снаряжение на армию в 150 тысяч человек, начиная от носового платка и кончая орудиями. Хорошо, если бы это было действительно так.

На Украине, или Малороссии, как ее теперь называют, в газетах прямо не разберешься, что делается. С одной стороны, там уже нет как будто гетмана, а с другой, получается, что власть его еще существует. Крестьянское восстание там разгорается. Петлюра то почти было соединился с большевиками, как здесь писали, то он разбил где-то большевицкий отряд на голову. Несколько отряднее то, что немецкое революционное правительство, по всем признакам, начинает понемногу отстраняться от русских большевиков. Послов Советской республики начинают изгонять почти из всех государств, и пребывание Иоффе в Берлине признано немцами нежелательным. Одним словом, все они в довольно некрасивом положении, а все-таки не унывают. Втемяшили себе в голову, что революция это то же самое, что уголовные преступления, и удивляются, если таких «передовых людей», как наши «товарищи» не везде соглашаются переваривать. Везде люди, не связывающие двух слов, читают публичные лекции на тему: «Перспективы мировой революции», а тут вдруг их представителей с треском гонят вон; но в некоторых местах с ними еще считаются.

До сих пор не могу понять, почему в Киеве в течение всего лета терпели пребывание представителя советской мирной делегации. Всё лето на Бибикивском бульваре провисел этот отталкивающий флаг узаконенного беззакония, эта красная тряпка — символ легализации бандитизма, при одном виде которой в памяти болезненно оживляется всё то безобразное, весь тот ужас, в котором тонут несчастные Москва и Петроград. Совершенно случайно вспомнил один случай с этим самым Раковским, про который рассказывал мне Томилов, когда я еще был в Киеве. Во время ранения Ленина 3 офицера Астраханской армии в погонах и со своими шеvronами пришли к Раковскому и начали выражать соболезнование по случаю этого ранения. Тот возмутился и почти крикнул: «Что это за издевательство». Они ему ответили: «Обождите, мы еще не всё сказали. Когда будет убит Троцкий, мы тоже придем выразить свое сочувствие», — и с этими словами удалились.

16.11.1918. Ездили в хутор Романовский на хозяйской лошади за косоном. Со вчерашнего дня опять стало тепло и даже, можно сказать, жарко. Такая погода очень сильно, как я уже раньше говорил, напоминает весну. Солнце очень ярко светит, по дороге ходят и перелетают грачи, распевают какие-то птички, которые похожи на наших жаворонков, и даже в атмосфере чувствуется какая-то весенняя влажность и мягкость. Прямо удивительно, какие дни бывают здесь уже глубокой осенью; до сих пор еще без настоящих дождей и невольной сопровождающей их грязи, так что пока здешнюю осень можно назвать приятной и не такой надоед-

ливой как у нас. Несмотря на то, что мы во время командировки проели, кроме казенных суточных 3 руб. 24 коп., больше 350 руб. своих денег, мы питались в общем не так уж хорошо и в разных местах ели разную дрянь. Результаты этого теперь сказываются, и мы с Андреем получили солидное расстройство желудка. Я от этого нездоровья избавляюсь очень быстро тем, что ем всё что попало, не обращая на желудок никакого внимания. Такое лечение, вообще говоря, нельзя назвать правильным, но в применении ко мне оно пока что оказывается действенным. Андрей же, несмотря на некоторую диету и лекарства, собирается проболеть подольше.

17.11.1918. Полученное для нашей батареи имущество складывают теперь в крепости в сарай, у которого поставлен караул. В караул ходят пока только одни офицеры. Сегодня мы попали на это дежурство, но Андрей подал рапорт о болезни, так что я ушел с другим в этот караул, а он остался дома дежурить по ватер-клозету. Публика в карауле вся своя, так что чувствуешь себя довольно свободно, хотя стоять на посту весьма надоедливая штука. Невольно вспоминаешь, как стоял в школе на посту, и чувствуешь неизгладимую разницу между тем и этим. У подпоручика Яшке всё еще держится высокая температура, и он начал чувствовать себя настолько неважно, что его отвезли сегодня в войсковую больницу. Хотя говорят, что у него нет ничего опасного и что это только испанка в довольно сильной форме, но у меня такое чувство почему-то, что он больше не выздоровеет. Хотя я считаю себя свободным от всяких примет и предчувствий, но тут я почему-то вспомнил умершего пленного турка, которого дня за 2 до смерти, тоже отвезли в эту самую больницу, и здесь мне тоже безо всяких по-видимому оснований показалось, что бедного Яшке постигнет та же участь.

18.11.1918. 16 числа был год со времени разгрома нашего имения и имения Андрея. Нечего сказать, приятная годовщина этого гнусного и чисто разбойничьего темного события. В прошлом году я, как и многие другие в это время, думал, что это позорное большевицкое правительство продержится очень недолго и вместе с ним наступит конец разным «углублениям революции» и тому подобным безобразиям. Я вспоминаю теперь, как Оля год тому назад говорила, что она предчувствует, что так легко всё это не окончится и что настанет страшное гонение и резня интеллигенции. Тогда я почему-то не думал, что положение в России дойдет до такого кошмара, и пробовал успокоить ее в этом отношении, соглашаясь отчасти с мнением большинства, которые говорили про создавшуюся обстановку так: «Чем хуже — тем лучше». Но делалось хуже и не становилось лучше, и это постоянное «хуже» не влекло за собою конца. Теперь невольно соглашаешься с ее предчувствиями, которые довольно редко ее обманывали, в чем я уже имел случай не раз убеждаться за это время. Мне вспоминаются следующие слова А.К. Шеллера: «В жизни, как в море, нередко случаются внезапные бури, смущающие ее будничный покой. Мы приходим в замешательство, спешим отстоять себя, бросаем-

ся из угла в угол, сталкиваемся с близкими, воюем за свое существование, теряем рассудок... Но вот, мало-помалу буря стихает, ее следы исчезают, мы успокаиваемся и хладнокровно осматриваемся кругом. Кое-что из нашей прежней обстановки погибло, кое-что надорвалось и в нас самих; но наступившая тишина все-таки дает нам возможность плыть дальше и с обломанными мачтами и с попорченным рулем и с ослабевшими силами, — и мы пускаемся в путь».

19.11.1918. В 5 часов утра умер в больнице Николай Николаевич Яшке. От чего он умер, так и неизвестно: одни говорят, сыпной тиф, другие — испанка в сложной форме. Человек он был совершенно не приспособленный к самостоятельной жизни. Постоянно нуждался в посторонней помощи, ничего не умел сам для себя сделать. Умер он 37 лет от роду, и до самой своей смерти не знал за всю свою жизнь ни одной женщины, о чем он сам несколько раз говорил в минуты откровения. Он был уроженец Москвы, и мы не раз мечтали с ним о том, как мы попадем туда с Добровольческой армией. Он всё время говорил о том, как мы в ресторане «Прага» будем есть белорыбицу. И тут глупая простуда и слепой случай унесли его в могилу. Смерть его вообще как-то неприятно подействовала на меня, и, кроме того, жаль его как человека. Но «живя на кладбище, всех покойников не оплачешь», и потому такому настроению поддаваться не приходится.

20.11.1918. Около 12 часов состоялись похороны Николая Николаевича. Все офицеры нашего полка и часть солдат шли за гробом в строю с винтовками под звуки похоронного марша, и я, конечно, в том числе. Хоронили его с соответствующими почестями за счет офицерства нашей батареи. На кладбище, при опускании гроба в могилу, был дан трехкратный ружейный залп. С кладбища мы возвращались тоже строем, причем с места пошли под шумный и веселый марш. Довольно странный обычай возвращаться с кладбища с веселым маршем. Несмотря на то, что похоронный марш оркестр исполнил довольно плохо и идти под него, не сбиваясь с ноги, было очень трудно, тем не менее, как говорили полковники, мы шли очень прилично, причем видна была известная сколоченность.

21.11.1918. На этих днях вернулся из Анапы поручик Пиленко⁵⁸, командированный туда к себе домой за вином. Получили мы с Андреем по 3 бутылки белого и красного вина. Вино это очень молодое, нельзя назвать его очень хорошим, но все-таки немножко выпить было довольно приятно. Довольно печальный случай получился из-за этого вина с прапорщиком Добровольским. Он довольно основательно подвыпил и в таком состоянии появился на вечере в хуторе Романовском. Номеров он там никаких не выкидывал, так как его довольно быстро оттуда отправил кто-то из офицеров домой. Тем не менее, это дошло до командира, который арестовал его на 7 суток и отправил в Екатеринодар на гауптвахту. Дело это может принять еще более серьезный оборот, так как не особенно давно был приказ генерала Деникина о том, чтобы офицеры, замечен-

ные в нетрезвом состоянии в общественных местах, подвергались строгим взысканиям, вплоть до разжалования в рядовые. Если этот случай окончится только 7 днями ареста, то можно сказать, что Добровольскому не мешает немного посидеть, потому что он, как человек и как офицер, вполне заслуживает такого с ним обращения, не за этот именно случай, а во всех других отношениях. Печален только тот факт, что кто-то из младших офицеров донес официально командиру об этом случае на вечере.

22.11.1918. По газетным сообщениям, большевики в данное время направляют главные свои усилия на борьбу с Донской и нашей армиями. В этих районах они сосредотачивают довольно крупные силы. Но изо всех этих усилий у них ничего не получается. Донцы за последнее время одерживают довольно крупные победы: забирают в плен много красных и захватывают много технических средств и снаряжения. Кроме того, некоторые части красных на этом фронте целиком уничтожаются. Наша армия на Ставропольском направлении тоже ведет с ними очень успешную борьбу и наносит им очень чувствительные удары. Дела в общем обстоят хорошо. Было бы значительно веселее, если бы помощь от союзников подходила бы быстрее, а то пока что это всё идет медленно.

23.11.1918. Прямо-таки приходится удивляться русским людям. Казалось бы, что теперь все борющиеся с большевизмом должны были сплотиться как можно теснее, а не преследовать ни собственных выгод, ни каких-нибудь других идей. Но на деле выходит наоборот. Рада в последнее время начинает артачиться, и между армией и ею назревает конфликт. Донской атаман генерал Краснов, несмотря на то, что союзники признали главенство только Добровольческой армии, не хочет предоставить все свои силы в распоряжение генерала Деникина. В газете сегодня сообщается, что союзники оставляют в распоряжение Добровольческой армии те танки, которые предназначены для Донской армии до тех пор, пока генерал Краснов не признает единое командование в лице генерала Деникина. Всякие такие несогласия отдаляют окончательный разгром большевизма, а между тем каждый лишний день владычества компании Ленина и Троцкого приносит неизгладимый вред. Вечером мы с Андреем у одного казака-кожевника, к которому мы зашли посмотреть товар, разговорились с его сыном, который служит в «волчьей сотне» полковника Шкуро. Он нам говорил, что во время их набега на Кисловодск они освободили оттуда больше 500 офицеров и, кроме того, бывшую великую княжну Ольгу Николаевну, которая теперь ездит с их отрядом вместе с женой полковника Шкуро⁵⁹. Он уверял даже, что Ольга Николаевна принимала парад их отряда, а в Кисловодске она жила под чужим именем⁶⁰.

В газете «Россия» не так давно были сообщены ужасные подробности расстрела всей царской семьи, описанные со слов приехавшего из Сибири генерала Гришина-Алмазова⁶¹. Чему теперь верить, прямо-таки не знаешь.

24.11.1918. В первый раз в жизни ел сегодня соленый арбуз. Здесь готовят еще зеленые маринованные помидоры и, как их здесь казаки называют, «бадражаны» вместо баклажаны. Это довольно вкусная и очень острая вещь; арбуз же мне соленый совсем не понравился. Весьма возможно потому, что я совсем не привык к такого рода комбинациям. Вечером устроили довольно веселую игру в «железку». Выиграл я около 300 руб., но так как игра была достаточно крупная, то эту сумму нельзя было бы назвать даже нормальным выигрышем. Андрей всегда возмущается, когда я играю в карты, но теперь он ничего не говорит.

25.11.1918. Сегодня я опять почему-то попал в дежурные, на этот раз только по батарее. В караул начали назначать теперь солдат, а в качестве караульных начальников — прапорщиков. За последнее время в батарею начало прибывать довольно много солдат из мобилизуемых. Компания всё не совсем надежная. Последняя группа в 92 человека перед отправлением сюда из Ставрополя устроила митинг и даже, как говорят, начала срывать с офицеров погоны. За это дело 8 человек из них расстреляли там же на месте, и только 84 прибыли к нам. Наиболее ненадежный элемент представляют собою мобилизованные из станицы Песчанокопской, они попали как раз в наш и 3-й взвод. Их, по всей вероятности, будут держать пострее.

Вообще нужно сказать, что в армии нет той дисциплины, которая была до революции; распушенности среди солдат довольно много. При прежних условиях можно было бы в кратчайшее время привести всю эту митингующую компанию в надлежащий и приличный вид. При теперешних условиях на это нужно несравненно больше времени. Андрея командир батареи назначил артиллерийским каптенармусом, подметив в нем известную хозяйственность и любовь к разного рода оружию и инструментам. Он же всё еще до настоящего времени возится с лечением желудка. Вечером пошел легкий снег, на улицах забелели дорога и крыши. Чем-то приятным и родным повеяло от этого случайно и ненадолго запорошившего крыши домов и землю мокрого снега.

26.11.1918. Снег шел всю ночь, и к утру открылась уже санная дорога, так как толщина снежного покрова доходила уже до 3—4 вершков. Стало довольно холодно, и ноги начинают уже подмерзать на улице. Я вообразил, как мерзли бы мы, если бы до этих пор оставались жить у Рудичевых. Здесь все-таки в комнате всё время держится нормальная температура. Никак только не можем устроиться со столом, с нашей кухней одно безобразие. Считается, что мы состоим на казенном довольствии, а между тем там варят такие обеды и ужины, к которым редко бывает можно притронуться. Несколько раз возбуждали вопрос о том, чтобы нам выдавали вместо казенной еды деньгами или те продукты, которые на каждого из нас отпускаются натурой, но из этого ничего не вышло. Пришлось махнуть на кухню рукой и питаться, пока можно, на стороне за свои деньги. В этом, конечно, мало интересного.

Вечером собралась опять компания поиграть в «железку». Я принял в этом деле участие, но на этот раз не совсем удачно, так как эта комбинация обошлась мне свыше 600 рублей. Андрей страшно возмущался, узнав про этот номер, и всё время брюзжал и ворчал. Я же ему доказывал, что всякая неудача, в том числе и проигрыш, оказывают на человека некоторое хорошее влияние и имеют отчасти воспитательное значение, так как приучают человека к известной выдержке, спокойствию и заставляют его спокойнее относиться ко всему, конечно, в том только случае, если этот проигрыш не настолько велик, что заставляет себя чувствовать в течение очень долгого времени. На меня лично иногда проигрыши действуют очень хорошо; получается невредная встряска, которая отнюдь не мешает среди общего равновесия. Как бы там ни было, я успокоил Андрея тем, что сделанного не поправишь, а поэтому говорить об этом много не приходится. На жизнь деньги у нас еще остались, а покупку каких-либо вещей придется отложить до более благоприятных финансовых обстоятельств.

27.11.1918. Сегодня по случаю девятого дня со смерти Яшке устраивали общую панихиду в главной церкви станицы. Андрей всё еще не может прийти в себя после моего проигрыша и продолжает на меня дуться. В общем, живем мы с ним очень хорошо, несмотря на то, что характеры и привычки у нас совершенно различные. Он ведет всё хозяйство нашей общей и несложной жизни, моет после чая посуду и следит за порядком и чистотой. В этом отношении я ему вполне доверился и почти всегда соглашаюсь со всеми его проектами. Деньги у нас тоже общие и тратятся они также на общие потребности. Когда я выигрывал, то деньги тоже поступали в общее распоряжение. На себя лично каждый в месяц тратил очень немного и приблизительно одинаково. Жаль только то, что за последнее время он стал очень раздражителен, волнуется и возмущается из-за всякой мелочи и усвоил себе привычку немилосердно ругаться и выражаться не совсем литературными сравнениями. Я нередко его останавливаю и сам никогда не ругался еще в жизни, но это на него не действует.

28.11.1918. Несколько офицеров нашей батареи отправили в Керчь. Поговаривают о том, что скоро части Добровольческой армии будут выдвинуты на Украину. Если судить по газетам, то там такое положение, что спасти его может только скорый приход союзников и нашей армии. Как оказывается, борьба с большевизмом и анархией даже для организованной армии совсем не такое легкое дело. Нужны очень большие силы для того, чтобы не только восстановить, но и поддерживать порядок. Когда я ехал сюда в армию, то мне казалось, что восстановление порядка пойдет значительно более скорыми шагами, чем всё это получается на самом деле. Чересчур уж сильно распустился народ, и, кроме того, среди всех сил, борющихся с Совдепией, нет того единения, которого можно было бы ожидать. Кроме того, советские войска представляют собой теперь нечто уже значительно лучше организованное, чем раньше. Иногда они выдерживают очень упорные бои и дерутся с большим ожесточением.

Рассказывают, что недавно большевики атаквали в пешем строю наш бронированный автомобиль и, подбежав к нему вплотную, с редкой яростью набрасывались на него, били по бронированным щитам прикладами и в бессилии кололи их штыками.

29.11.1918. У нашей хозяйки есть несколько интересных кур и петушки совсем небольшой величины. Куры эти относятся к породе «корольков». Один из этих петушков всё время взлетает на бочку и почти непрерывно кричит своим тоненьким голоском, а другой важно расхаживает по двору и очень часто даже задирается с людьми. Догонит кого-нибудь, подскочит и ударит крыльями по ноге. Довольно забавна вся его манера задирается, в особенности, если принять во внимание, что сам он по величине только немного превосходит голубя. Хозяйка говорит, что он в драке побивает и больших петухов, и даже индюков.

По вечерам мы с Андреем обыкновенно читаем. Он по-прежнему изумляет меня своим быстрым чтением: в очень короткое время он проглатывает что-то очень много страниц и успевае прочесть раза в три больше, чем я. В последнее время я занялся чтением Шеллера-Михайлова; и нахожу, что он совсем не так скучен, как мне казалось раньше. За этот год я сильно пристрастился к чтению и с большим удовольствием просиживал в Могилеве целыми днями и вечерами за книгой. Сколько раз невольно вспоминаешь свои гимназические годы и до глубины души возмущаешься тем времяпрепровождением, которое в то время казалось более интересным, и занимательным. За те свободные часы и дни, которые тогда тратились на пустую игру в карты и на выпивку, которая нередко принимала не совсем красивые и интересные формы, можно было очень многое прочесть и вообще значительно больше сделать для своего развития и образования, чем это было сделано на самом деле. Скверно то, что сознаешь это всё значительно позже, чем бы это нужно было. В этом виноваты и мы сами, и общая постановка дела, и общая всем русским черта, благодаря которой «у нас всё делается своевременно или даже несколько позднее», вследствие которой мы всегда бываем умны только задним умом. В этом всё наше несчастье.

30.11.1918. Сегодня день Ангела Андрея. Совершенно случайно этот день ознаменовался приятным и радостным событием. За всё это время мы получили сегодня первую весть относительно положения нашего дома. Андрей получил из Киева от Нади Сазоновой письмо, в котором она сообщает, что наши перед вступлением большевиков в Могилев переехали в Гомель и живут теперь где-то за городом на даче. Им дали целый вагон и они перевезли почти все свои вещи. Из Могилева, по ее словам, бежали решительно все. Сазонов же остался в Могилеве. Свирилин тоже куда-то уехал. Этих сведений о доме, конечно, недостаточно, но лучше что-либо, чем ничего. Кроме того, теперь можно быть несколько спокойным в том отношении, что непосредственная опасность их жизни пока не угрожает. Я раньше ломал голову и не знал, переехали они или остались.

Конечно, остаться они там не должны были, несмотря на то, что переезд стоит весьма солидную сумму. Положение их весьма неважное, и как подумаешь об этом, то голова прямо-таки кругом идет, так как вследствие отсутствия средств я не вижу никакого выхода из создавшейся для них обстановки. Теперь можно было бы списаться с нашими через Надю, но тут опять появилось новое препятствие: из-за восстания Петлюры всякая связь с Киевом отсюда прекратилась и письма, адресованные туда, идут только до Ростова или просто отсюда совсем не отправляются.

1.12.1918. Суббота. С некоторого времени я стал очень плохо засыпать по вечерам. Ложимся мы по-прежнему очень рано, часов около 9—10; раньше такой бессонницы я не замечал за собою. С другой стороны, лечь позже не предоставляется никакой возможности, потому что из-за ограниченного количества керосина, остается или сидеть в темноте, если спать не хочется, или идти искать какую-либо компанию, которая играла бы в этот вечер в карты. Как то, так и другое не представляет особого интереса. Волей-неволей ложишься и ворочаешься часов до 2 ночи пока не уснешь.

Несколько дней тому назад хозяйка согласилась взять нас на полный пансион. Едим теперь вполне сытно и прилично, жаль только, что она всё готовит несколько жирновато. Каждый день в довершение обеда съедаем целую миску компота.

2.12.1918. Часу в 10-м вечера вдруг ни с того ни с сего поднялась в станице ружейная и револьверная стрельба. Мы с Андреем вышли на двор и ничего не могли сообразить. Стреляли, как казалось, со всех сторон; кроме того, слышались какие-то дикие крики и непрерывный собачий лай. Мы взяли винтовки, зашли к Люшу и Зиновьеву и хотели пойти узнать, в чем дело, тем более что стрельба происходила совсем вблизи нас. Оказалось, что это ради шутки и пущей важности стреляют напившиеся ради воскресенья казаки. Через полчаса стрельба прекратилась, причем за это время было сделано более 60—70 выстрелов.

Какие-то неуместные забавы и пьянство практикуются здесь в такое серьезное время. Начальника местного казачьего гарнизона есаула Гливенко редко можно застать в трезвом виде. По крайней мере, я видел его только пьяным и вследствие этого в сонном состоянии. Говоришь с ним по делам службы — сегодня он обещает одно, а на следующий день от него слышишь совсем иное.

3.12.1918. По приказанию командира батареи ездил на станцию Кавказскую, для того чтобы переправить вагон, который пришел для нашей батареи из Новороссийска с грузом, на полустанок Гетмановский. Для того, чтобы в настоящее время раскатать и растолкать публику на что-либо, нужно потратить немало времени. Так и я потратил на это дело целый день, начиная с 6 утра.

Грязь везде от растаявшего снега стала прямо непролазной, так что с трудом ходишь и вытаскиваешь ноги. Вечером еще пришлось прогу-

ляться на Гетмановский пешком, чтобы справиться относительно этого вагона, и так как его еще не оказалось там, то пришлось напомнить о нем телеграммой в Романовский. С некоторых пор я стал замечать, что у меня появилась привычка очень часто пользоваться словом «так что», которое несомненно вошло у меня в такое широкое употребление под влиянием пребывания на военной службе.

Дело в том, что солдаты в большинстве случаев начинают свои доклады с этого именно слова. Отсюда и получилась эта привычка, так как прочие офицеры и я сам очень часто вставляли это «так что» для комизма, в каком-либо рассказе или даже в обычном разговоре. Кроме этого недостатка в этих заметках у меня появился еще другой: я стал писать как-то очень неразборчиво, буквы в большинстве случаев сливаются и очень похожи одна на другую. От каких причин получается это последнее я, право, сам не могу сказать; тем более что стараюсь писать аккуратно и не спешу.

4.12.1918. Закрыли газету «Россия» за то, что в статье «В поисках нашей наилучшей республики» там было написано что-то против Рады. С этой Радой постоянные недоразумения. Почему происходит такая церемония прямо-таки непонятно. До сих пор всё еще не научились объединяться и хотя бы на некоторое время забывать партийную рознь; всё идет по-старому; ни сколько не задумываясь, люди вносят разлад и разложение во всё что ни попало, а между тем до полного поражения большевиков еще далеко. Теперь, с закрытием «России», не будешь даже знать, что делается на всех участках нашего фронта, потому что в других газетах оперативная сводка нашего штаба появляется довольно редко. Говорят, что типография «России» опечатана, вследствие чего пока нет надежды на то, что она скоро начнет выходить под другим названием.

Андрей всё это время возится с табаком. Так как денег у нас почти нет, то нам приходится курить казенный табак, который несколько крепковат. Для того чтобы эту крепость несколько смягчить, он по чьему-то совету мочит его, потом сушит, затем еще что-то делает и в результате выбрасывает его вон, так как получается что-то черное, что курить совсем нельзя. Все эти манипуляции он производит уже второй раз по двум различным методам и оба раза одинаково неудачно. Больше всего меня занимает то, что последние дни он вследствие насморка смазывает свой нос внутри моим французским кремом, который имеет специальное назначение и по-моему для носа не совсем подходит.

5.12.1918. Сколько раз раньше и теперь я задумывался над строением нашего общества и условиями службы и, чем старше я становился, тем более безотраднее заключение я выводил из этих размышлений. Чем больше встречаешь людей и знакомишься с ними, тем больше убеждаешься, что «люди — не братья», между ними нет ничего общего, а у каждого из них в отдельности в большинстве случаев нет ничего твердого, основательного и устойчивого настолько, чтобы никакие внешние причины не могли его поколебать, если действительно его убеждения не ошибочны.

На примере этой революции можно было убедиться, каковы отношения людей друг к другу и насколько люди вообще тверды в своих убеждениях. Каждый почему-то счел для себя более выгодным остаться пассивным зрителем всей этой мерзкой картины и очень немного делал для того, чтобы избавить других и себя от всех этих насилий, несмотря на то, что он сам был безусловно против этого. При каждом известии, что кого-то из знакомых или такого-то из людей одного круга и положения расстреляли или обобрали, каждый вздыхает только, охает и думает про себя, что хорошо, что это случилось не с ним, и дальше продолжает только возмущаться и ничего не делать в этом отношении. Я говорю здесь только про тех людей, которые не имеют ничего общего с большевизмом, так как про последних и говорить не приходится, их нельзя считать не только членами общества, но даже вообще людьми. Так люди относятся друг к другу, когда всех постигает общее страшное несчастье и разорение. Не лучше условия людей при обычных мирных условиях жизни. Каждый строит свое счастье на несчастьи других и, преследуя свою выгоду, не думает о том, что получается из такого образа действий для других. При таких условиях, когда подумашь о будущей службе, то не особенно как-то тянет к ней и хочется занимать какое-либо независимое и более обособленное положение в жизни, тем более что в высшие чины обычно пролезают более ловкие и не всегда более достойные люди. Я говорю здесь не про военную службу, а вообще, так как на военной службе я считаю себя временным человеком, до окончания операций и установления более или менее твердого порядка. Здесь мне хочется привести несколько слов из сочинений Сен-Симона, с которыми в некоторых отношениях я соглашаюсь и который в одном месте говорит так: «Ибо невежество, суеверие, лень и пристрастие к дорогим удовольствиям составляют удел высших руководителей общества, а способные, экономные и трудолюбивые люди служат им лишь орудием и подчинены им. Ибо, одним словом, во всех родах занятий неспособные люди руководят способными, самые безнравственные люди призваны блюсти добродетель, а самые большие преступники поставлены карать провинности мелких». Такими словами он доказывает, что «человеческий род с политической точки зрения еще погружен в безнравственность» (Парабола из «Организатора»).

6.12.1918. Получили на батарее 3 ящика ружейных патронов немецкого изготовления. Патроны прибыли, судя по надписям на ящиках, из Софии. Изготовлены эти патроны специально для русских винтовок в Карлсруэ, и нужно заметить, что работа их значительно превосходит нашу собственную. Не только патроны, но и упаковка их и сами ящики прямо замечательны. Всё сделано очень прочно, красиво, просто и чрезвычайно удобно и для переноски, и для того, чтобы вынимать их из ящика. Даже ручки на ящиках прибиты так, чтобы тесемка как можно меньше резала руки при носке. Пули заключены в медную оболочку. Одним словом, видно, что там каждый был на своем месте и работал не за страх, а за совесть. Жаль, что

такая совершенная техника теперь может сильно пострадать в связи с переходом революционным состоянием Германии. Хотя нужно думать, что там таких бессмысленных уничтожений, как у нас, не должно быть, там простой народ будет поумнее нашего, и, кроме того, революция там не принимает нашего «российского» широкого направления с углублением.

Вечером Александр Александрович предложил нам по случаю праздника составить небольшую компанию с целью выпивки, но мы с Андреем отказались и из-за отсутствия денег и из-за того, что не особенно уже хотелось пить «самогонку», а другой водки тут не достать. Вместо выпивки мы провели вечер за мирным чтением.

7.12.1918. Андрей все-таки решил шить здесь полушубки. Купил сегодня 14 свежих овчин и отдал их для выделки. Обещали приготовить их числу к 17-му. Всё будет хорошо, если мы до этого времени не уйдем отсюда, а то что-то последнее время начали очень часто поговаривать о нашем скором уходе из пределов Кубанской области. Днем приехала сюда Людмила Васильевна и решила навестить всех своих знакомых. Михаил Петрович сообщил мне, что она вместе с ним собирается вечером сегодня зайти к нам. Дом наш стоит во дворе и от всяких таких случайных визитов нас предохраняет высокий забор, калитка которого около 6 часов запирается на замок. Те офицеры, которые у нас часто бывают, знают это и прямо перелезают через забор, а прочие не догадываются, очевидно, этого делать. Людмила Васильевна тоже не зашла к нам сегодня, несмотря на свое обещание, и я не интересовался узнать, что ее задержало: забор или какая другая причина. После чая сыграли небольшую пульку в преферанс с братом Дзиковицкого, Люшем и Ивановым. Выиграл всего только 12 копеек.

8.12.1918. Начались офицерские занятия под руководством бывшего преподавателя Михайловского артиллерийского училища полковника Высоцкого.

Газет теперь не читаешь, а между тем в настоящее время происходят довольно важные события. В составе здешнего Краевого Правительства произошли перемены, происходят выборы нового войскового атамана. Ходят слухи и подтверждается известие о падении Уфимской Директории⁶² и исчезновении генерала Болдырева⁶³, после которого власть перешла к адмиралу Колчаку. С Украинской Директорией тоже не понять, что делается: то говорят, что союзники признали ее, то что они идут против нее.

Тут происходят какие-то недоразумения с украинским послом бароном Боржинским, который был временно арестован, в посольстве был произведен обыск, и со здания посольства снят украинский флаг. Барон Боржинский жалуется на это Раде, во время разбора этого инцидента члены Рады выступили как горячие защитники не столько обиженного барона Боржинского, сколько украинизма и петлюровщины. В Раде объявляется перерыв до 1 февраля 1919 г.

В 3 часа дня в Екатеринодаре на Соборной площади напротив собора была совершена церемония вручения булавы вновь избранному войско-

вому атаману генералу А.П. Филимонову⁶⁴ и приведения его к присяге. После молебствия к атаману подошел старый седой казак с булавой в руках. Нагнувшись, он взял горсть земли и, по древнему обычаю, посыпал ее на голову атаману. Затем, вручая булаву, сказал: «О це тобі, батьку, казачья булава, символ твоєї влади. Держи її крепко и захищай казачество».

9.12.1918. Дежурил по батарее. Начал грузиться для отправки наш дивизион. Выяснилось, что мы отправимся отсюда с 21 эшеленом, что произойдет около 13 числа. Благодаря этому у нас с Андреем не выгорает дело с нашими овчинами, которые к этому времени, безусловно, не будут готовы. Мне, как дежурному офицеру, было поручено командиром батареи справиться относительно погрузки управления дивизиона. Звонил я по телефону отсюда на станцию что-то около часу и за это время узнал только то, что провод идет от центральной станции, а железнодорожный вокзал снят приблизительно неделю тому назад и, очевидно, чинится.

Вечером прочел в газете «Новое утро Юга» не совсем приятное сообщение относительно соглашения между германским совдепом и большевиками насчет Гомеля, где большевики собираются в силу этого соглашения начать открытую организацию советской власти. Если это так, то нашим не особенно хорошо будет оставаться там, а с другой стороны, куда и как переезжать им оттуда? Петлюра и Винниченко, судя по сообщениям, находятся в Киеве, а около Харькова основательно нажимают большевики. Союзники насчет помощи, кажется, не торопятся.

10.12.1918. Отправка эшеленов задерживается: говорят, что вагоны нам даются только до Батайска, где вследствие этого происходит перегрузка. Не совсем интересный номер получается с вагонами, в особенности, если принять во внимание, что все эти вагоны отбиты у большевиков исключительно нашей армией. На фронте сейчас, по всей видимости, не делается ничего особенного. Большинство наших частей снято с фронта, и там остаются почти исключительно казаки. Наши части, за исключением немногих, которые пока останутся на этом фронте, все уходят на Украину. Мы, говорят, пойдем теперь в Мариуполь. Вышла новая газета «Единая Русь». В оперативной сводке нашей армии появился еще Одесский район. По сообщению штаба, Одесса занята нашими частями 5 декабря после упорного боя на улицах, причем союзники поддерживали наши части десантом и огнем судовой артиллерии.

Союзники высадились в Ревеле. В Балтийском море союзники после боя затопили советский заградитель, «Петропавловск» затонул от неизвестной причины, а «Олег» сдался. Очень похоже на то, что Кронштадт пал, хотя официальных сведений об этом нет.

Правительство Л.Л. Быча⁶⁵ подало в отставку. Формирование нового кабинета поручено В.С. Сушкову. Между Германией и Польшей дипломатические сношения прерваны; было даже столкновение между польскими и немецкими войсками. Против Польши произошло соглашение между Украиной и Галицией. Выясняется, что все сведения о соглашении

между большевиками и Петлюрой ложны, и советские газеты повели усиленную кампанию против петлюровцев, как против «предателей революции» и «контрреволюционеров».

11.12.1918. В «Приазовском Крае» прочел любопытное сообщение относительно обороны Петрограда. «Обороны Петрограда, — говорят большевицкие комиссары, — не будет. Будет только демонстрация. Наше оружие — пропаганда и вера, что тот пролетариат, который отливает пушки империалистам, направит их на них же». Интересная оборона столицы «Северной коммуны»⁶⁶, нечего сказать. Пока что-то совсем не похоже, чтобы их оружие оказывалось действенным против союзников. Французский генерал Бертело, стоящий во главе всех союзных войск, предназначенных для действий в России, в своем воззвании приравнял повстанцев Петлюры и Винниченко к большевикам. Разрешат, конечно, снова выходить газете «Россия». Тогда будешь все-таки больше в курсе событий, а то без осведомленных газет очень трудно разбираться в том, что сейчас везде делается, в особенности, если несколько дней не видел совсем ни одной газеты.

Последние дни я увлекся решением разных интересных и курьезных задач. Больше всего по поводу задач я вел беседы с прапорщиком Паносянцем, окончившим математическое отделение Физико-математического факультета. Интересно то, что всякую задачу он старался решить, пользуясь общими методами, я же ему в большинстве случаев предлагаю такие, которые требуют некоторого ухищрения и особых приемов, так как под общее правило подведены быть не могут. Благодаря такой комбинации те задачи, которые он мне дает, я решаю значительно быстрее, чем он мои. Чтобы не забыть условий всех этих задач, я решил записывать их в тетрадку.

12.12.1918. Солдаты нашей батареи, среди которых подавляющее большинство составляют мобилизованные, ведут себя здесь, в станице, довольно странно. Распространяют какие-то ложные слухи, что Ростов взят большевиками или дела кадетов очень плохи и сюда скоро придут большевики. Среди местного небольшевицкого населения, как я замечал и как мне говорили, в связи с нашим уходом отсюда не совсем уверенное настроение, так как они, очевидно, не совсем надеются на казаков как на защитников «родной Кубани». А тут еще солдаты подливают масло в огонь. Вообще, солдатский состав батареи совсем не надежный, и среди них не так уж мало большевицки настроенных элементов, а их у нас держат не особенно строго. Мне кажется, что в два счета нужно выбить весь этот дух из их голов и особенно нянчиться с ними в этом отношении не следует. На простого русского человека, если он не находится в руках, надеяться нельзя, как показал опыт этой революции. Довольно уже церемонились с этой публикой, давно пора уже ее стеснить для общей пользы, а то чувство меры и предела у них окончательно может потеряться. Таково уж свойство русского народа.

Сегодня выяснилось, что наши овчины могут быть готовы, самое крайнее 15 числа вечером, а относительно отъезда пока ничего не слышно, хотя эшелоны пошли уже дальше. Было бы недурно остаться здесь числа до 20, а то уж больно коряво ехать в такую длинную дорогу без копейки денег, да еще бросить здесь невыработанные овчины, что могло бы получиться, если бы нас двинули еще на этой неделе.

13.12.1918. Андрей с утра на всякий случай начал упаковывать в цейхгаузе всё казенное имущество, которое находилось в его ведении, как артиллерийского каптенармуса, и которого за всё время слегка подкopiлось. У него почему-то последнее время нервы дают себя чувствовать, что сильно влияет на его общее равновесие, благодаря чему он стал очень раздражительным и довольно часто подпадает под влияние плохого настроения и заявляет мне, что у него на душе что-то «погано». Сегодня он совершенно случайно выпил хорошего чистого спирта, которым его угостил аптекарь, к которому он пошел за покупкой чернил. Но и это не повлияло особенно хорошо на его общее состояние, хотя на несколько часов он слегка повеселел. С отъездом пока ничего более определенного не выяснилось, хотя то, что мы очень скоро отсюда двинемся, стало уже достоверным фактом, относительно же дня и часа отбытия нам сказали, что известят за несколько часов до того времени, когда эшелон будет подан на разъезд Гетмановский, где мы будем грузиться. Больше ничего не слышно.

Вечером вольноопределяющийся Юкельсон достал где-то шахматы, и мы с ним срезали у нас несколько партий. После такого большого перерыва было приятно сразиться в эту игру, за которой я с удовольствием могу провести несколько часов подряд, как это часто случалось летом.

14.12.1918. Время по-прежнему проходит в неопределенном и томительном ожидании. Утром сыграл несколько партий в шахматы, а вечером играли в преферанс. Интересно, что в эту игру за очень редким исключением я выигрываю иногда даже довольно крупные суммы, так что если бы не азартная игра, то наши с Андреем денежные дела обстояли бы довольно прилично, но вследствие неудачной азартной игры частые и мелкие выигрыши в преферанс не могут покрыть крупных, хотя и редких проигрышей в железку.

15.12.1918. Что-то уж очень стало похоже на то, что мы не сегодня-завтра тронемся отсюда. Мы с Андреем начали на всякий случай готовиться к отъезду. Вечером мы устроили с ним целую мастерскую, так как самостоятельно взялись за починку брюк и пришивание пуговиц, которые мы обычно пришиваем настолько крепко, что они держатся минимум 6 месяцев.

16.12.1918. В 3 с половиной часа нас разбудили и сообщили, что в 8 часов наш эшелон должен уже отправиться с разъезда Гетмановского. Сложиться нам было, конечно, пара пустяков.

Овчины наши не успели быть в надлежащем состоянии к этому времени. Пришлось войти относительно них в соглашение с нашим хозяином.

Он согласился взять их себе, а нам предложил вместо них или деньги, которые мы за них уплатили, или тулуп уже разорванный, который всё равно пришлось бы переделывать. Мы решили взять все-таки тулуп, так как на Украине овчины нам будут стоить значительно дороже. Хозяева очень мило простились с нами, наотрез отказались взять деньги за стол и угостили нас еще на дорогу довольно плотно. Наш старик просил обязательно написать ему о себе и даже слегка прослезился, когда мы с ним расставались.

Вместо 8 утра мы выехали с Гетмановского в 11 с лишним, а с Кавказской только около 4 часов дня. Солдат разместили в теплушках, а для офицеров было дано 2 классных вагона: один 3-го, а другой 4-го. Мы с Андреем разместились в 4-м классе среди своей компании, подальше от наших батарейных дам и начальства, которые заняли вместе с некоторыми офицерами вагон 3-го класса. Когда мы шли из станицы за подводами к разъезду Гетмановскому, то я, шутя, сказал нашим офицерам, что «с движением на Украину начинается новая эра нашей истории и мы, можем быть, счастливы, что присутствовали при ее зарождении». Интересно, что каждому из нас сулит это движение?

17.12.1918. Вчера вечером на станции Тихорецкой встретил прапорщика Бекаревича, с которым учился вместе в гимназии. Служил он на броневом поезде. Говорил, что из наших могилевцев он встречал здесь Завишо, который в данное время лежит здесь раненый в госпитале, и Яковенко, который пристроился в Екатеринодаре в каком-то учреждении, ничего общего с фронтом не имеющем. Днем мы приехали в Ростов, там общество «Белого Креста» предложило всем нам бесплатный обед. Я с небольшой компанией пошел прогуляться по городу, так как наш эшелон должен был двинуться дальше только часа через три. На улице встретил Сашу Воронца, уже в чине капитана; он, как оказывается, всё время служит здесь при каком-то управлении и с фронтом тоже ничего общего не имеет. Он сообщил мне, что Е.А. Шацилло⁶⁷ служит здесь в команде Икаева⁶⁸ и занимается полицейскими обязанностями. Кроме него я видел здесь еще Христофора Геннэ⁶⁹, с которым был вместе в Одессе в школе. Он состоит теперь студентом местного университета и тоже далек от военных действий. При прощании преподнес мне сотню папирос и жалел, что до нашего отъезда осталось мало времени, так как он мог бы дать мне с собой пару тысяч папирос, если бы мы могли успеть зайти к нему домой. Он имеет какое-то отношение к дирекции фабрики Осмолова. От него я узнал, что бывший наш помощник курсового в школе прапорщик Крапивкин⁷⁰ убит большевиками, а бывший фельдфебель младшего курса Восканьянц⁷¹ потерял в настоящей войне глаз и сейчас находится в одном из офицерских полков.

На какой-то станции машинист, требуя себе смены, отказался везти нас дальше, но, после того как к нему на паровоз были поставлены 2 офицера с винтовками, мы без особых разговоров поехали дальше. Интересно то, что большевиков они возили без всяких разговоров, сколько угодно времени, а теперь, если им на какой-нибудь час-другой приходит-

ся везти поезд дальше обычного, то уже начинают отказываться и рассуждают. Такие фортели они выкидывают нам не в первый раз.

18.12.1918. Год тому назад я выехал в этот день из Москвы. Тогда мне казалось, что я уезжаю оттуда ненадолго, но обстоятельства сложились совсем не так, как тогда можно было предполагать. Страшно хотелось бы побывать там хотя бы несколько часов или, в крайнем случае, получить оттуда письмо, но ни то, ни другое в данном случае невыполнимо. За последние 5 лет я настолько привязался и привык к Оле и Генриху, что буквально не могу назвать дня, в который я бы не думал и не беспокоился о них точно так же, как за судьбу своего родного дома. Печально сложились дела, но зато как приятно и радостна будет встреча, если со мной и с ними всё будет благополучно.

Утром приехали на станцию Иловайскую, где, по всем признакам, мы пока остановимся. Остались мы все жить в вагонах, наш эшелон поставили на запасной путь, где мы и начали обосновываться. Большое неудобство заключается в том, что для того, чтобы попасть на вокзал, нужно пролезать под несколькими составами, которые отделяют нас от станции. Под вечер распространился слух, что на 21-м пути стоит вагон с конфетами какого-то спекулянта, который предназначен для растаскивания. Все устремились туда, причем в этом деле принимали участие, кроме солдат, почти все обер-офицеры и даже некоторые штаб-офицеры. Из этого примера видно, что даже нас, ведущих борьбу с большевиками, тоже отчасти коснулся большевизм, потому что раньше ни один офицер не позволил бы себе заниматься такими номерами, а теперь все смотрят на это, как на обычное явление. Общая распушенность коснулась абсолютно всех. Мне кажется, что для многих из нас этот случай должен иметь воспитательное значение, так как на будущее время не все будут так сразу поддаваться такому дикому непонятному чувству.

19.12.1918. Человек удивительно быстро ко всему привыкает. Так и мы уже привыкли и приспособились к неудобной жизни в вагоне 4-го класса. Сначала эта жизнь казалась очень корявой; народу много, тесно, грязно, холодно, нельзя хорошо расположиться. Все полки всё время подняты, так что даже нельзя сидеть, выпрямившись, но всё это вошло в нормальное состояние, и целый день в вагоне идет игра в преферанс и слышатся веселые песни. Очень трудно только привыкнуть к отсутствию освещения. Вечером Андрея вызвал к себе командир и поручил ему съездить в Екатеринодар за выпивкой к праздникам. Его в батареях считают за дельного и расторопного малого. По всем признакам, командир к нему очень хорошо относится. За какие-нибудь 10 минут он сложился и уехал с Юкельсоном в командировку.

20.12.1918. Днем получили жалованье, а часов с 6 вечера наш вагон уже представлял из себя сплошной клуб азартной игры. Игра почти во всех отделениях небольшими группами, причем на это время много офицеров из низшего штабного вагона 3-го класса перешли к нам. Вместо

стола служил чей-либо чемодан, который играющие держали у себя на коленях, а освещалась вся эта музыка простой, коптящей масляной лампой с гарным маслом <нефтяное осветительное масло>. Я довольно долго не принимал участия в этой импровизированной игре, а затем присоединился к самой крупной компании и проиграл по обыкновению мелочь.

21.12.1918. Вечером поймали какого-то провокатора, который явился в солдатский вагон под предлогом купить у них конфет и начал распространяться в нежелательную для нас сторону на политические темы. Его водили к коменданту, затем опять обратно, о чем-то его расспрашивали и опять куда-то повели. Тут он, очевидно, решил, что довольно шутить таким образом, юркнул под вагон и бросился убежать. Прапорщик Диденко и два юнкера выстрелили ему вслед, но из-за темноты промахнулись, и он вышел из всей этой истории безнаказанным. Часов с 7 опять началась в вагоне игра. Я снова принял в ней участие и потерял остаток моих денег. Нужно будет или совсем бросить играть в железку или изменить систему игры, а то это начинает уже слегка надоедать. Немного крупно и чересчур свободно играю, имея на руках сравнительно небольшую сумму в 250 рублей.

22.12.1918. Вагон с конфетами, очевидно, настолько понравился солдатам, что они сегодня без всяких видимых причин решили растащить вагон с эмалированной посудой. Это расхищение было скоро замечено и быстро остановлено. Безусловно, на такой шаг толкает их необходимость, так как котелков в батарее очень мало, и в среднем один котелок приходится на 15 человек солдат, что при получении обеда и ужина весьма заметно сказывается, поэтому им волей-неволей приходится ловчить себе где-нибудь какую-либо посуду, так как надежды на то, что они со временем получают ее законным путем, чересчур ничтожна. Во многих отношениях Добровольческая армия настолько бедна, что если бы солдаты для добывания необходимых предметов не проявляли бы собственной инициативы, то им туго бы приходилось. Оправдывать такие приемы, безусловно, нельзя, но с ними приходится до некоторой степени мириться, в силу необходимости.

Большая часть наших офицеров уехала в город Юзовку на вечер, который устраивает наш дивизион с благотворительной целью. Я из-за отсутствия монеты остался с несколькими офицерами здесь в вагоне; да кроме того, меня несколько не тянет всё это время к разного рода развлечениям и увеселениям; совсем не на этот лад я настроен в это тяжелое для всех моих родных и для меня самого время.

23.12.1918. Нам прибавили с 1 декабря жалованье; прибавку эту мы получим только в январе месяце вместе с добавочными за декабрь. Благодаря переезду на Украину эта прибавка в 30% сводится совершенно на нет, так как здесь всё значительно дороже: уже со станции Батайск, где я покупал баранки, можно было почувствовать, что цены здесь совсем не те, которые были на Кубани. Там великолепный белый хлеб стоил 42–45

коп. фунт, а тут за сравнительно небольшую франзолу <длинный батон> приходится платить 1 руб. 75 коп. Всё остальное тоже значительно выше в цене, приблизительно 2,5–3 раза. Главное хуже всего то, что чем дальше будем двигаться на север и на запад, тем всё будет становиться еще дороже. Что касается сахара, то он за последнее время здесь так вздорожал, что по цене своей приблизился к кубанской стоимости и кроме того ни в одном буфете нельзя получить чаю с сахаром.

24.12.1918. Дежурил сегодня по батарее. Много бегал и возился с тем, чтобы солдатам вечером устроить что-либо сладкое, вроде кутьи. Удалось сделать только сладкий компот из сушеных фруктов. Утром приехал Андрей. Ему ничего не удалось достать. На пути, в Ростове разыскал Шацкило. Тот ему сообщил, что наши сравнительно хорошо устроились в Гомеле. Перед отъездом они заложили дом за 15 тысяч. Про остальных знакомых Андрей мало у него узнал; сообщил он только о том, что все выехали из Могилева кто куда, и что за это время умерла Идалия Михайловна Парчевская. На свою службу у Икаева Евгений Александрович много жаловался Андрею, говорил, что живет крайне скверно, получая всего около 100 руб. жалованья. На фронт же в действующие части перейти отсюда не хочет, предпочитая в целях собственной безопасности служить в полуграбительском отряде. Тоже — комик.

Вечером мы перебрались из вагона на частную квартиру. Хозяева — железнодорожный машинист с женой, по-видимому, довольно симпатичные люди. Они пригласили нас поужинать скромно с ними по случаю наступающих праздников. Квартира наша довольно приличная, и я очень рад, что мы наконец-то выбрались из этого вагона 4-го класса. По-моему, даже в плохой комнате жить все-таки удобнее и лучше, чем в самом хорошем вагоне 1–2-го класса.

25.12.1918. Услышал, что тот бронепоезд, на который перевелись 7 наших офицеров, сильно пострадал. Говорят, что в поезд было около 10 прямых попаданий гранатой. В этом деле убит капитан Головач, ранен в лицо подпоручик Шпаков и контужен подпоручик Сапезко. Приехали наши офицеры с вечера. В общем, почти все остались довольны. Рассказывают, что там на вечере все воинские части держались совершенно отдельно. Такого общего единения между всеми офицерами нашей армии нет и совсем. Все как-то держатся замкнуто и ко всем другим относятся в высшей степени безразлично.

Сегодня большой праздник, но ничего такого особенно радостного или светлого совершенно не чувствуется. Погода здесь премерзкая: всюду мокро, туман и пронизывающий ветер. Всё время думаешь о том, чтобы не заболеть, а то в противном случае будет весьма слабо. Я видел, как здесь лечат и ухаживают за больными и как отправляют их отсюда в госпиталь, и приходил в невольный ужас.

26.12.1918. Утром приехал из Ростова шт.-кап. Дзиковицкий и привез с собою ведра 2 водки к праздникам. Часов в 12 я получил предписа-

ние отправиться в гор. Юзовку за лошадьми для нашей батареи. После получения необходимых бумаг меня затащили к себе в вагон полковники и довольно основательно угостили водкой. Кроме этого, мы получили еще приличное количество этой влаги на руки и вечером целой компанией устроили у нас на квартире соответствующий выпивон. В результате этой комбинации я сразу после ужина завалился спать, а выезжать мне в Юзовку надо было в 2 часа ночи. Я удивляюсь только тому, как я не проспал поезд и сумел выехать в таком состоянии с командой солдат. Правда, я не сообразил и ничего не взял с собой, а выехал в том, в чем был.

27.12.1918. На станции Юзово встретил подпоручика Горлова⁷², сослуживца по дивизиону в Гатчине, о многом разговаривали и рассказывали друг другу. Служит он на броневом поезде «Вперед за Родину». Других офицеров из бывшего нашего дивизиона он не встречал и не слышал о том, чтобы кто-нибудь был здесь из наших. После него я здесь встретил еще шт.-кап. Россовского⁷³, с которым учился вместе в гимназии в 7 классе, из которого он ушел. Просидел я на этой станции до 6 вечера, так как не было поездов в гор. Юзовку. Мне эта история надоела, и я сам влез на паровоз, а солдат разместил на платформах, груженных углем, и таким образом добрался до гор. Юзовки. Комендант указал мне роскошную квартиру, и я поместился в семье владельца нескольких рудников некоего Гаргера. Вечером меня пригласили на ужин, и я роскошно поел и с удовольствием посидел в хорошей обстановке и за хорошо убранным столом. Количество и разнообразие блюд вполне напоминало мирную обстановку. В тот день в этом доме был детский вечер. Все носились, шумели вокруг елки, всё время раздавались веселые крики и хлопанье хлопушек. Одним словом, всё было так, как бывало раньше, до войны.

28.12.1918. Сегодня был первый день реквизиции, или мобилизации лошадей. Несмотря на военное положение в городе много лошадей не было выведено на осмотр. Владельцы лошадей делали всё, чтобы у них не взяли ни одной. Просили, приставали, подавали разные удостоверения и прошения. Удивительный народ; многие из них, безусловно, не хотят возврата большевиков, а принести для этого со своей стороны, хотя какую-нибудь жертву не соглашаются. Платили за лошадей, вообще, довольно прилично — от 700 до 1000 рублей. За весь день комиссия могла выбрать только 25 лошадей, которых по теперешнему времени можно назвать вполне приличными. Мне страшно много пришлось повозиться, чтобы достать для них сено.

29.12.1918. Произошло соединение нашей армии и Донской⁷⁴. Генерал Деникин в приказе объявил себя Главнокомандующим вооруженными силами на Юге России. Нужно думать, что теперь наши дела начнут двигаться еще успешнее.

Получил еще 15 лошадей для нашей батареи, но отправить их не мог, так как ни в одном вагоне досок-перекладин нет. Больше половины из этих лошадей — жеребцы, и притом довольно беспокойные; всё

время срываются, грызутся, дерутся, так что для них необходимы весьма прочные приспособления для коновязи, а тут даже ничего нет. Я приказал солдатам разобрать какой-то забор, если он будет подходящим, но даже и этого не нашлось, а между тем нет совсем фуража. Одно несчастье теперь с отпавкой чего-нибудь. С одной стороны, их необходимо отправить из-за отсутствия корма, а с другой, эта отправка должна задержаться из-за досок. Пришлось задержать их до завтра. Со мной произошел довольно забавный случай; один из жеребцов сорвался, его начали ловить солдаты со всех сторон, тем не менее, он бросился полным карьером как раз в ту сторону, где я стоял. Я его зацепил уже слишком поздно, шагах в двух от себя, и не имея возможности остановить его или направить в другую сторону, так как я стоял в узком проходе между деревьями, я хотел отскочить хотя бы немного в сторону, но при этом поскользнулся и упал, а он в этот момент перепрыгнул через меня. Если бы я не упал, то он, безусловно, сшиб бы меня с ног и солидно бы помял, если бы не совсем раздавил. Было бы очень обидно пострадать довольно серьезно ни с того ни с сего.

30.12.1918. Бегал сам на завод Новороссийского Общества, чтобы получить оттуда лесного материала для перекладин. С большим трудом удалось всё устроить так, чтобы эта партия лошадей отправилась с этой станции Больфуровка только около 7 часов вечера. Вообще теперь во всяком деле различные затруднения, о которых совсем даже не предполагалось, встречаются на каждом шагу, вследствие чего за целый день со всеми этими хлопотами так устаешь, что положительно не чувствуешь абсолютно под собой своих собственных ног. Вечером играл со своими хозяевами в преферанс и слегка заработал.

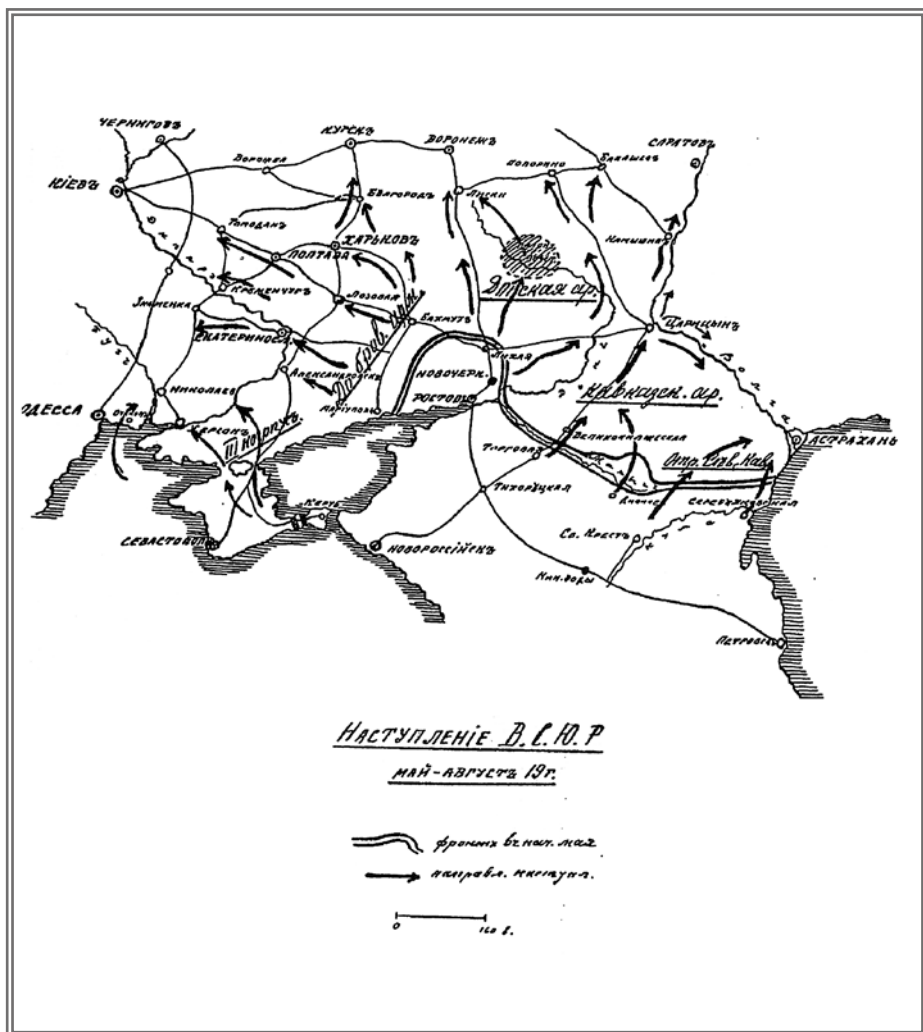
31.12.1918. В ночь на 1 число предполагалось восстание рабочих, которых здесь на рудниках больше 40 000. Все меры были приняты, и все офицеры были об этом предупреждены. Во многих кафе и клубах предполагалась и устраивалась встреча Нового Года. Но в силу таких обстоятельств ни один офицер не принимал участия в общественной встрече Нового Года. Я сегодня спешно отправил вторую партию лошадей, чтобы не возиться с ними в том случае, если выступление действительно состоится.

Никакого особо тревожного настроения в городе не было заметно; хотя некоторые из частных лиц знали об этом. В таком ожидательном и тревожном состоянии суждено было окончиться этому весьма гнусному и безрадостному 1918 году. Действительно, для наших и для меня трудно придумать более скверное время, чем весь этот год. Было бы хорошо, если бы вскоре после него окончились бы все испытания и несчастья, которых уже было больше, чем достаточно. Встретил я Новый Год в семье Гаргера за хорошим ужином, с рюмкой вина и стаканом пива. Было тихо, светло, тепло, но не весело. Интересно, что делали в это время наши и Арнак.

Выступление рабочих не состоялось.

1919

ГОД

Наступление ВСЮР май — август 1919 г.

Юзовка. Подготовка к началу боевых действий

01.01.1919. Вторник. Ездил на завод Новороссийского общества реквизировать лошадей, но там так устроили, что мы хороших лошадей не видели и нашли всего 4 подходящих для нас. Председатель комиссии в этом направлении действует немного нерешительно. «Должно быть, — как говорит полковник Самуэлов⁷⁵, — он был сильно напуган в детстве». Нужны энергичные меры, а то ничего хорошего от русского человека никак не дождешься.

Весьма любопытно получается здесь в смысле обстановки военных действий. Кроме петлюровцев в этом районе встречаются банды разбойника Нестора Махно и, кроме того, еще большевики, причем все эти три компании воюют, каждая в отдельности, между собой и с нами. Кроме того, фронт здесь такой, что я до сих пор не могу в нем хорошо разобраться, так как карт нет, а в сводке помещаются только краткие сообщения.

Отличительным свойством Махно является то, что он никого не расстреливает, а или рубит шашкой, или сжигает живым, или что-либо в этом роде. Должно быть, патроны он бережет и пользуется ими только при столкновениях с нашими или другими воинскими частями. Банда у него в настоящее время достигает 5 тысяч человек с орудиями и пулеметами, которые, как говорят, он купил у австрийцев перед уходом. В самые худшие условия попадает население в том месте, где оперирует «батько Махно», как его называют, со своей шатией; творятся ужасы, одним словом. Скверно то, что у нас здесь не так много сил, чтобы быстро продвигаться вперед и покончить с ними как можно скорее.

Вообще здесь, по всем признакам, будет труднее вести борьбу, так как во всех занятых нами населенных пунктах придется держать довольно большие гарнизоны. Население здесь очень мало испытало на себе большевицкое насилие и поэтому не всегда в должной мере отрицательно относится к ним. Здесь совсем не то, что на Кубани, где в каждой занятой станции население встречало наших, как родных.

2.01.1919. Вечером я вместе с комиссией выехал из города Юзовки в немецкую колонию Мариановку. Ехали мы на извозчике, знаящем дороги, но благодаря туману и абсолютному отсутствию дорог, заблудились и еле попали к месту назначения. В колонии нас встретили очень радушно. Живут они все очень хорошо. Дома и обстановка напоминают мне старые дома помещиков нашей губернии. Мы ехали и поместились вместе с полковником Самуэловым. Нас сытно накормили ужином и обставили нашу спальню возможными удобствами. Постели были мягкие, с двумя простынями и двумя подушками. Я с большим бы удовольствием согласился провести в этой колонии несколько дней. Здесь я чувствовал себя много лучше, чем в богатой семье Гаргер. Спал я там на худшей по-

стели и всего только с одной простыней и подушкой. Здесь эта тишина и некоторая патриархальность успокоительно действуют на меня. У нашего хозяина я впервые видел довольно любопытный инструмент — это соединение пианино с фисгармонией, причем играть можно как на совершенно отдельных этих инструментах, а можно устроить и соединение. Он проиграл нам 2—3 вещицы с такой соединенной комбинацией. Получается в общем довольно мелодично и симпатично. Выписал он этот инструмент из Германии лет 15 тому назад. Стоил он тогда 1000 рублей.

3.01.1919. Утром был осмотр лошадей. Взяли здесь всего 6 штук. Никаких просьб относительно освобождения не было: видно было, что они охотно помогают нашей армии. По словам этих колонистов, им и при большевиках и при немцах жилось скверно: большевики у них грабили, а немцы очень много забирали, в этом только и была разница. Земли у каждого из них порядочно: у некоторых есть даже по 400 десятин, а обычно около 150. После хорошего обеда нам дали на каждых двух офицеров парные сани и почти всем предложили по теплой бурке, чтобы доехать до Андреевки, так как в этот день стукнул мороз при порядочном ветре. Все деревья покрылись очень толстым инеем, так что отдельные сучки гнулись и ломались под его тяжестью. Этот иней на деревьях представлял собой очень красивую картину. Перед самым отъездом наш хозяин угостил нас еще великолепным кофе «мокко» еще мирного времени. После всех тех желудевых суррогатов, которыми мы по утрам наполняем свои желудки, этот кофе показался больше чем роскошью. Сливки к нему были тоже восхитительны. Мы с полковником всю дорогу до Андреевки говорили про это угощенье.

В Андреевке нас встретили совершенно иначе. На улице кружками стоял народ и что-то обсуждал по поводу нашего приезда. Лица у всех какие-то неблагонадежные и не внушающие доверия. Народ тут живет довольно богато, но повсюду такая же грязь, как и в бедных деревнях. Вообще после Мариановки эта деревня произвела на меня не совсем приятное впечатление, как и своим видом, так своим настроением. Вечером с горя заложили преферанс, который затянулся часов до 3 ночи, так как спать в этой обстановке и при данных условия нас не особенно тянуло.

04.01.1919. Тут с реквизицией лошадей целые сцены. Всё время ходят за нами и просят не брать ту или иную лошадь, некоторые становятся даже на колени и начинают умолять. Это «свободные» граждане, а между тем у каждого куча денег и в среднем по 4 лошади. Мы же у одного хозяина редко брали больше, чем по одному коню. Лошади здесь очень хорошие. Нужно сказать, что нашей батарее в этом отношении повезло: все лошади здоровые, рослые, сильные. Такой комплект в теперешнее время редко удаётся получить.

Население здесь или абсолютно не разбирается в военной и политической обстановке, или притворяется. Некоторые у меня спрашивали, кто мы такие: махновцы, петлюровцы или большевики? Вопрос стран-

ный, тем более что этот район уже давно занят нами. Говорят, что дальше в деревнях настроение гораздо хуже и почти все крайне враждебно относятся к нам. Одни ждут Махно, другие большевиков, но что-то не слышно, чтобы какая-нибудь деревня хотела видеть нашу армию. Оно и понятно, русский мужик сам очень не скоро образумится и отвыкнет от своих вольных привычек. Ему в этом отношении нужно помочь: как следует подержать его в руках, покрепче, чем это делается здесь до сих пор. А разговаривать с ним особенно нечего.

5.01.1919. Так как здесь я получил остальных до 70 лошадей, за которыми я был командирован, то я сегодня решил выехать отсюда в батарею в Иловайскую. Все говорили, что отсюда до Иловайской 28 верст с гаком, благодаря чему я решил отправиться походным порядком, а не по жел. дороге. Ни один из подводчиков, с которыми я выехал, не знал дороги до колонии Каменской, где я должен был менять подводы; самому же не было никакой возможности правильно ориентироваться, так как дорог тут совсем нет, ездят просто по полям и, кроме того, по пути почти никого не встречаешь. Это навело меня на мысль захватить в Мариановку и взять оттуда еще одну подводу, хозяин которой знал бы дорогу. К этому вынудило еще то обстоятельство, что жеребцы, привязанные к подводам, всё время грызлись и срывались, так что лишняя подвода совсем не мешала, потому что к ней можно было бы привязать наиболее беспокойных лошадей. Когда я приказал ехать в Мариановку, то подводчик заявил, что он туда тоже не знает дороги, несмотря на то, что она расположена всего в 10 верстах. Тут я уже разозлился, выхватил из винтовки шомпол и ударил им подводчика, после чего мы весьма благополучно без всяких указаний доехали до Мариановки. Там меня опять угостили роскошным кофе наши бывшие хозяева и без замедления дали подводу. В этом отношении весьма приятно пользоваться услугами немцев-колонистов. Совсем другая картина получается, чем в русских деревнях, где эти самые подводы снаряжали и собирали часа 3—4.

Приехал в Иловайскую я уже совсем вечером и солидно промерз вследствие сильного ветра в поле, несмотря на то, что ехал я в шубе, которую дал мне староста колонии, чтоб добраться до батареи. Вместо 28 верст с гаком оказалось около 50 с гаком. Здесь каждое названное расстояние нужно умножать приблизительно в 2 с половиной раза, чтобы получить действительную величину.

6.01.1919. За последнее время я настолько основательно устал, что за целый день не мог как следует прийти в себя. От Андрея я узнал, что Новый год встретили в батарее прилично. Было много водки и вина, так что почти все основательно намокли. За это время многих офицеров откомандировали в 4-ю батарею и в Армавир, где будут формироваться батареи с французскими пушками. Остались здесь те, которые раньше всех прибыли в батарею, как и мы с Андреем. Андрей за последнее время здесь совсем завертелся с оборудованием мастерских батарей.

Только сегодня узнал, что 1 января умер генерал Дроздовский — начальник нашей дивизии. Он был ранен под Ставрополем в ногу, получил заражение крови, и даже ампутация ноги не спасла его от смерти. Он всё время находился на передовых линиях и, по-моему, чересчур много и даже излишне рисковал собою во время боев.

07.01.1919. Получили приказ, по которому взвод нашей батареи по первому требованию должен быть готов к отправке на позицию. Нужно думать, что это требование не заставит себя долго ждать. За последнее время дело борьбы с большевиками значительно продвинулось вперед; наша армия здорово громит их на Кавказе, где нами занята часть Минераловодского района и Святой Крест <в наст. время Буденновск>, а Донская армия почти вплотную подходит к Царицыну. На этом только участие, в занимаемом нами районе, по-прежнему тихо.

Махно в начале января занял было Екатеринослав, теперь же Петлюровцы выбили его оттуда. Сообщают о больших зверствах и разрушениях, произведенных им в городе. Приходится удивляться тому, что более 300 тысяч населения Екатеринослава попряталось в погреба; там выжидали результата схватки 3000 банды Махно с 300 Петлюровцев, защищавших город, вместо того, чтобы самим помочь отбить эту разбойничью шайку. Ну и народ стал в наши дни. Привыкли люди за это время представлять из себя затравленных, покорных овец.

8.01.1919. Газеты всё время трубят о разгроме стальной комнаты с сейфами в Ростове. Действительно, разгром произведен колоссальный при помощи подкопа в 50 саженей длиной. При этом разгроме преступники использовали все новейшие технические средства, благодаря которым они взломали 445 ящиков и похитили оттуда на несколько миллионов ценностей. Всю эту историю они проделали в дни Рождества, приступив к выполнению этого своего плана еще в сентябре месяце 1918 г. Случай, безусловно, очень редкий и крайне возмутительный. Теперь разводится в газетах целая полемика по вопросу об ответственности банка в данном случае. Оправдать такой разгром совершенно невозможно ни с какой стороны, но всё же я должен сказать, что такой удар для ростовской публики совсем не так уж вреден за всё ее поведение в течение этой войны. В Ростове делается прямо-таки черт знает что. Прокучиваются и проигрываются десятки тысяч рублей, а когда дело касается пожертвования на ту самую армию, за спиной которой все эти люди так спокойно себя чувствуют, то со всего города собирается только каких-нибудь 400 рублей. Разве это не возмутительно, если указать на то, что наша армия совсем не одета и не обута, о чем все эти господа хорошо знают, и между тем, имея средства и растрачивая их в собственное удовольствие, нам не помогают.

Стало похоже на зиму: наступили холода, начал дуть резкий, холодный ветер. От инея всё побелело, и земля покрылась чем-то вроде снега. В поселке начали появляться подводы на санях. Утром зашел Александр Александрович, и сообщил, что сегодня состоится маленькая экспедиция

с целью обыска где-то в деревне и ареста участников какой-то шайки, производившей здесь разгром хуторов. Около 4 часов дня мы выехали отсюда для этой цели в количестве 10 офицеров и 15 вольноопределяющихся на парных санях, вооруженные винтовками. Чтобы ближе познакомиться с обстоятельствами дела, мы заехали к владельцу одного хутора, на который было совершено нападение. Он довольно счастливо отстрелялся от этой компании. Везде в ставнях и окнах видны следы пуль, одной из которых ранен в руку его сын. Нас очень радушно встретили и накормили.

Часов в 12 ночи мы решили нагряться в деревню Крепоки, где, по показанию владельца хутора, у жителей имеется много оружия, включительно до пулеметов, и где довольно спокойно могут прятаться члены этой шайки. На полях вследствие сильного ветра снег сдуло совершенно, и нам пришлось отпустить наши сани домой, чтобы из-за них не задерживаться, а самим отправиться. Тут уже своими собственными ногами пришлось покрывать эти нескончаемые гаки, так что в общей сложности отмахали пешком верст 15. Почти всю ночь мы производили в этих Крепоках обыск, но ничего не нашли. Жители многих домов страшно перепугались от такого ночного визита; одна баба, например, со страха, вместо того чтобы открыть дверь, выставила сразу целую оконную раму и в одной рубашке выскочила в сад; в другом доме все обитатели забрались на чердак и только угрозой и приводом для переговоров с ними одного из соседей, их можно было заставить спуститься и открыть дверь. Народ в этих деревнях живет бедный, а при допросах прикидывается совсем уж несчастным. Относительно оружия все как сговорились, отвечают одной и той же фразой: «Бог миловал, оружия у нас здесь никогда не водилось». Здесь мы потребовали себе подвод на колесах и направились в деревню Кутейниково, на которую нам также указал хуторянин.

10.01.1919. В Кутейникове невозможно было произвести поголовного обыска, так как там около 1000 дворов, поэтому мы обратили внимание на наиболее неблагонадежную часть населения. Здесь мы арестовали двух типов, служивших в Красной армии, и повезли их с собой в Иловайскую. Я в Кутейникове обратил внимание на постройки и некоторые дома. Строят их на манер бутовой укладки из камней, имеющих форму лещадок <плиток. — *Ред.*>, и притом связующего элемента употребляют очень мало, по крайней мере, в разных сараях и каменных заборах, которых там очень много, совсем незаметно ни извести, ни цемента.

Тем двум типам, которых мы привезли, командир приказал всыпать по 25 шомполов и оставить их в батарее в качестве мобилизованных. Наши солдаты довольно рьяно исполнили приказание и во время порки сломали даже шомпол. Мы с Андреем основательно устали за эту поездку, пробыв целые сутки на морозе без сна и без еды, вследствие чего сразу после приезда, слегка закусив, завалились спать с вечера.

11.01.1919. Из комиссии по реквизиции лошадей приезжал на один день в батарею полковник Самуэлов. Он рассказывал, что за всё это вре-

мя они мобилизовали только 2 лошадей со времени моего отъезда. В одной деревне их просили выйти на митинг по поводу мобилизации и когда они отказались, то к ним в хату принесли целую простыню-плакат, на котором была написана просьба: не брать лошадей. В другой же совершенно отказались выводить лошадей на осмотр и кроме того не дали им ни одной подводы для передвижения дальше, так что им пришлось уйти отсюда пешком под гул и шум 2000-й толпы. В каком-то третьем месте крестьяне убили какого-то офицера и 8 солдат, которые приехали туда зачем-то. На усмирение той деревни была послана рота, но ее так основательно обстреляли из пулеметов, что она не могла даже приблизиться к деревне. Одним словом, с русскими деревнями тут придется повозиться довольно основательно. Единственным надежным элементом здесь являются немцы-колонисты, которых теперь наша армия вооружает. Если фронт подойдет сюда ближе, то начнутся везде восстания, многие деревни успели уже связаться с какими-то бандами «батьки» Махно.

12.01.1919. Устанавливается постоянная связь с Сибирской армией адмирала Колчака. По последним сведениям, дела обстоят там очень хорошо. Большевики имели временный успех только в момент свержения Уфимской директории, которая вошла с ними в соглашение. Теперь наступление Колчака продолжается, недавно им было взято в плен 30 тысяч большевиков.

Наши дела на Кавказе обстоят блестяще. Большевики основательно разгромлены, весь Минераловодский район очищен и занят нами. Сегодня получены официальные сведения о занятии Пятигорска и Горячеводска. Неважно обстоят дела на Северном Донском фронте, где до сих пор ликвидируют тот прорыв, который образовался вследствие перехода трех полков Южной армии на сторону большевиков.

По сегодняшним сообщениям, Троцкий арестовал Ленина и объявил себя диктатором всей советской России. Либкнехт и Роза Люксембург убиты вблизи Берлина. Они были арестованы в предместье Берлина. По официальной версии, они следовали на автомобиле, тот сломался, им пришлось идти пешком. Либкнехт пытался бежать, но был убит. Люксембург застрелена также при попытке бегства по пути в тюрьму.

Швеция накануне объявления войны советской России. Дипломатические отношения уже прерваны. Французы зашевелились, заняли ст. Раздельную и начинают продвигаться дальше на север.

13.01.1919. Александр Александрович Люш перевелся из нашей батареи в авиацию. Жаль, что так случилось, он все-таки был приличный парень и хороший офицер.

В Севастополе арестован бежавший туда генерал Сытин⁷⁶, служивший у большевиков. Он подвизался, насколько я себе представляю, на Донском фронте. Довольно много все-таки русских генералов перешло на сторону большевиков. Из принимавших участие в боях против нас и Донцов я уже знаю генералов: Болховитинова⁷⁷, Снесарева⁷⁸, Королькова⁷⁹,

Гутора⁸⁰, Сытина⁸¹. Офицеров Генерального штаба у большевиков прямо тьма и вообще офицеров у них не так уж мало, как некоторые думают. Понятно, что красные не могли бы столько времени держаться, организовывать такую армию и вести такие сложные операции, какие они теперь ведут на нескольких фронтах, если бы у них не было опытных и умелых руководителей из знатоков военного дела. Мне только непонятно, что думают, на что надеются и рассчитывают все эти бывшие офицеры, как они рисуют себе весьма недалекое и весьма печальное для них будущее. И что, собственно, могло их заставить руководить подонками общества и отбросами человеческого рода, толпой негодяев и убийц против бывших своих товарищей и сослуживцев.

14.01.1919. В 4 часа утра пришел солдат, разбудил Андрея и сообщил, что с 7 утра взвод нашей батареи начинает грузиться, так как получен приказ выступить на позицию. Направляется он через станицу Криничную на Пологи против банд Махно. По дошедшим до нас сведениям, у Махно имеется довольно сильная артиллерия. Говорят, что он разбил три орудия нашей конно-горной батареи. Кроме этого, его шайка проявляет некоторую активность, он здорово потрепал один из наших кавалерийских полков, который, считая эту банду слабым противником, слишком углубился в их расположение.

С петлюровцами у нас пока нет столкновений, они сейчас дерутся только с большевиками и Махно, и выбили первых из Харькова, а вторых из Екатеринослава. Пока у нас здесь тихо, но на этих днях, очевидно, начнут прописывать большевикам, так как теперь освобождается большое количество войск с Кавказа. Там уже окончательно прекратила свое существование «Северо-Кавказская Советская Социалистическая республика»⁸².

Вечером мы с Андреем замечательно помылись в ванне в общежитии телеграфистов. Нужно сказать, что за время нашей жизни в вагоне мы обзавелись приличным количеством вшей, которые за последнее время очень сильно надоели. Как ни странно, но до прибытия в Добровольческую армию я не знал даже, как выглядит эта самая вошь. Теперь же по вечерам приходится выискивать их в складках своего белья.

15.01.1919. На Кавказе наша армия добывает разрозненные части большевиков, захватывая у них орудия, пулеметы и обозы. Корниловский полк прошел сегодня в направлении на Дебальцево. Марковский полк⁸³ пошел туда же, только другой дорогой. Вообще на этот участок фронта начали усиленно перебрасывать войска, результаты чего не замедлят сказаться, а то под влиянием некоторого успеха красногвардейцев местные большевики начали уже подымать головы и потирать руки. Особенно сильное впечатление произведет Корниловский полк. Это действительно весьма надежный боевой полк, хотя немного озорной в мирной обстановке на отдыхе. В местечке Нырково жители, с целью воспрепятствовать движению наших эшелонов, разобрали железнодорожный путь. Говорят, что генерал Деникин приказал при взятии просто стереть его с лица зем-

ли. На будущее время это послужит некоторым уроком, а то местное население, рассчитывая на гуманные меры, сильно обнаглело.

16.01.1919. Наступили сильные холода при продолжающемся сильным ветре. Сегодня около 12 градусов мороза и такой ветер, что трудно ходить, захватывает дыхание. Я едва не отморозил себе нос и уши, которые с трудом удалось оттереть и привести в нормальное состояние. Мы живем на окраине поселка, за эти дни тут намело целые сугробы снега пополам с землей, которая летит с голых полей вместе со снегом по причине сильного ветра. В моих краях зима с более сильными морозами переносится значительно легче, так как там, очевидно, леса задерживают холодный ветер, который здесь периодически дует.

Штаб Южной армии расформируется, а ее части будут влиять в нашу армию. Интересно, как чувствует себя капитан Полчанинов и другие, которые предпочли поступить туда, находя условия Южной армии более выгодными и подходящими, чем служба в Добровольческой армии. Я думаю, что мы с Андреем, поступив сразу в нашу армию, теперь будем в более выгодных условиях, чем они.

В последнее время в Ростове снова усиленно циркулируют самые разнообразные и совершенно нелепые слухи, которые в значительной мере пугают население, создавая порой среди граждан даже панику. На фронте наши дела обстоят блестяще почти на всех направлениях, а тут какие-то провокаторы в тылу мутят публику. Большевики, как видно, пользуются всеми методами при борьбе с нами. Между украинцами и поляками, между поляками и большевиками, между украинцами и большевиками, судя по газетным статьям, идут ожесточенные бои. Одним словом, приличный мир дали большевики русскому народу. Теперь абсолютно везде идет война. Живуч все-таки русский народ, право.

17.01.1919. Устроились с Андреем у хозяев на стол по 12 рублей в сутки с обоих. Кормят нас основательно и очень хорошо. Пока с едой нам везет. Мы всё время случайно попадаем в бездетные дома и с хорошим столом. Я Андрею говорю, что это я такой счастливый на бездетные дома и симпатичных хозяев. Теперешний наш хозяин — машинист Андрей Семенович Кленяев — тоже приличный и хороший человек. Он в 1905 г. сидел в тюрьме за революционное направление, а теперь весьма отрицательно относится к советской власти и весьма сочувственно относится к Добровольческой армии, о чем можно судить по всем его разговорам.

Вечером приехали, наконец, капитан Гудим-Левкович⁸⁴, мичман Минович и подпор. Яковлев⁸⁵, которые еще в октябре уехали в отпуск и задержались там из-за всех этих переворотов. Им пришлось там просидеть в тюрьме больше 3 недели. Относительно положения дел на Украине и порядка там они сообщили очень мало утешительного. Говорят, что там развивается тот же большевизм почти с теми же приемами, анархией и грабежами. В газете появилось сообщение, что петлюровцы хотят до-

биться соглашения с союзниками, хотя бы ценой колоссальных уступок и просить у них помощи для борьбы с большевиками, которые нажимают уже на Киев. Харьков снова занят красногвардейцами.

18.01.1919. Утром выехал на тачанке вместе с подпоручиком Татарниковым в имение Сапунцова реквизировать фураж для нашей батареи. Ехать предстояло около 15 верст, вследствие чего я напялил на себя все имеющиеся у меня теплые вещи, а на голову для защиты от ветра одел женский платок, который попросил у нашей хозяйки. Здесь землевладельцы совсем не похожи на наших помещиков. Большая часть из них обычно разбогатевшие кулаки; при всем желании трудно отыскать в них что-либо интеллигентное. Одеваются они крайне скверно, лицо и руки у них такие, как у простых мужиков, говорить правильно не умеют, а между тем у некоторых из них по несколько тысяч десятин земли и богатое хозяйство. Этот Сапунцов, к которому мы ездили, ходил за нами, как нищий и просил всё время и плакал, чтобы мы у него взяли как можно меньше фуража. От кого ожидать тогда помощи и у кого доставать всё необходимое для лошадей армии, если такие люди скрупятся отпустить по твердой цене лишний фунт зерна, сена и соломы. Прямо стыдно делается за русский народ в таких случаях. Разговорился я в этом имении со старушкой, родственницей хозяина, о секте молокан и баптистов и в основных чертах познакомился с сущностью этих вероучений.

На Кавказе нашими частями захвачен в плен весь кисловодский совдеп. Терские казаки начинают присоединяться к Добровольческой армии. В Херсоне скопилось до 20 тысяч германцев, решивших пробиться домой силой оружия. Печально и для них сложились дела.

19.01.1919. Сегодня начальник гарнизона, наш командир, назначил меня комендантом поселка Иловайский. С места в карьер мне пришлось ознаменовать свое назначение двумя не совсем приятными для других распоряжениями: отменить, вследствие развивающейся эпидемии, назначенное на сегодня выступление фокусника Берестова, и предложить начальнику стражи очистить занимаемую им квартиру для штаба пешей казачьей сотни. Начальник стражи здесь, как видно, порядочный гусь, вследствие чего командир сказал мне не церемониться с ним и поставить его на «должную точку». Я это принял во внимание и начал посылать ему бумажки довольно основательного содержания.

В Екатеринодар прибыл А.И. Гучков, но при свидании его с Нератовым⁸⁶ выяснилось резко отрицательное отношение к нему в кругах Добровольческой армии. Сообщают, что англичане подошли к Хасавюрту. Таким образом, на Кавказе остатки большевиков находятся в тисках. Ожидается соединение англичан с казаками в Кизляре или Грозном. Фельдмаршал Гинденбург ждет лишь открытия учредительного собрания в Веймаре, чтобы начать действовать в пользу возвращения императора Вильгельма.

20.01.1919. Развивается эпидемия сыпного тифа. Количество заболевших достигает громадной цифры. На Минеральных Водах оставлены большевиками тысячи больных красногвардейцев и сотни трупов умерших от этой болезни.

Среди железнодорожных служащих занятого нами участка Владикавказской дороги насчитывается до 70 % больных. И без этой эпидемии борьба, которую ведет теперь юг России с Совдепией, трудна, а тут присоединяется еще такая серьезная болезнь, как сыпной тиф.

По сообщению из Бирзулы <в 1935–2016 Котовск, в наст. время Подольск Одесской обл.>, Киев окружен большевиками, но куда еще не взят. Если бы наша армия начала занимать Украину еще в сентябре-октябре прошлого года, получалась бы совсем иная картина. Тогда можно было бы без боя пройти до границы Великороссии, а теперь приходится довольно основательно задерживаться. Вообще из этого угольного района мы не так уж скоро выберемся, потому что здесь придется выдержать довольно серьезные бои, прежде чем удастся занять всю эту местность. Большевики работают здесь вместе с Махно. Здесь сосредоточена 1-я советская армия, в состав которой входят латыши, матросы, магометане, китайцы и обычные красногвардейцы. Интересно, что разбойник Махно объявил мобилизацию. Ну и времена настали на Руси!

По сообщению «Донских Ведомостей», в Москве было совершено покушение на Троцкого, но он остался невредим. Парижский муниципалитет решил потребовать от Германии возврата военной контрибуции, которой Париж был обложен в 1871 г. Солидный счет предъявят Германии за всякие комбинации. Португалия тоже собирается получить значительную часть бывшего германского Камеруна.

21.01.1919. После обеда попробовали немного заниматься артиллерией. Последнее время я стал замечать у себя некоторую рассеянность и известное притупление умственных способностей. Уже нет той прежней ясности, быстроты понимания, интереса и усидчивости при чтении какой-либо научной книги, которая была раньше. Читаешь как-то невнимательно, не стараешься запомнить и довольно быстро забываешь. После окончания этой войны придется здорово взять себя в руки и искоренить эту лень и вялость при дальнейших занятиях в институте. Вечером увлекся чтением журнала для женщин, который, начал издаваться теперь в Ростове. Довольно интересная была в журнале анкета: «Умер ли красивый и изящный женский костюм». Довольно занятно в настоящее время проследить за рассуждениями женщин относительно этого вопроса. Всё время говорят только об ужасах, о кровавых кошмарах, в которых тонет наша жизнь, о страшных эпизодах гражданской войны, в которых человек не только опустился до дикого кровожадного зверя, но по чудовищности злодеяний оставил позади себя всё звериное царство..., а тут изящный женский костюм. Конечно, это вещь хорошая, и я сам большой поклонник красивых и изящных женских костюмов, но как-то странно

получаются все эти рассуждения в то время, когда у некоторых любителей изящных женских костюмов не всегда бывает тряпка, чтобы вовремя перевязать свою рану. Одним словом, принимавшие участие в анкете ждут, что после восстановления порядка мужчины также начнут одеваться иначе; они ждут, что войдут в моду короткие, до колен, брюки и длинные чулки. Защитный цвет и солдатское сукно, как видно, уже сильно утомили женский глаз, который начинает уже требовать чего-либо более изящного. Все-таки эту анкету я прочел с удовольствием и известным умилением, несмотря на то, что она несвоевременна.

22.01.1919. По сообщению из Одессы выясняется, что в последнюю минуту решено было послать приглашение на конференцию на Принцевых островах также и в Совдепию. В случае отказа большевиков от участия в конференции, с ними предстоит беспощадная война. Если совещание русских представителей решит, что необходимо оккупировать Россию, союзники двинут свои войска. Не понятно, зачем такие церемонии с Советским правительством. Я думаю, что за это время союзники имели возможность уже достаточно хорошо познакомиться с приемами и сущностью Советской власти. Вообще, союзники всё время как-то удивительно медлят. В каждом номере читаешь, что там или здесь высаживаются такие-то союзные войска или прибыл такой-то транспорт с таким-то грузом, но до сих пор нельзя дожидаться, чтобы союзники вошли в соприкосновение с советскими войсками и начали наступать. А между тем, громадное впечатление произвели бы союзные войска на нашем фронте, и большевики едва ли оказывали бы им какое-либо сопротивление, видя это бесполезным.

По сообщению крымских газет, Троцкий на заседании совета народных комиссаров заявил, что советская армия не выдержит наступления союзных войск, так как, хотя она и многочисленна, но лишена организации. Между тем победа союзников над Германией показала народным массам их могущество. «В настоящее время достаточно, — сказал Троцкий, — чтобы фронт узнал о приближении хотя бы самого незначительного отряда союзников, чтобы там произвели такой колоссальный беспорядок в рядах красной армии, что всякое сопротивление станет невозможным». В борьбе с нами большевиков подбадривают наши временные неудачи и малочисленность в сравнении с ними, а в войне против союзных сил им не на что надеяться.

23.01.1919. Утром командир попросил меня съездить к одному из здешних помещиков-молокан с воззванием о пожертвовании белья для нашей батареи и просил организовать этот сбор в поселке. Часов в 12 я выехал по железной дороге на ст. Кутейниково, а оттуда на лошадях отправился в экономию Курьянова. В Иловайской мне говорили, что до экономии Курьянова рукой подать от железной дороги, а оказалось на самом деле не меньше 20 верст. Здорово все-таки здесь определяют расстояния. Курьянов обещал мне содействовать, но принял меня очень

сухо и не предложил даже поесть, угостив двумя стаканами голого чая, а между тем, сообразуясь с расстояниями, мог бы решить, что мне негде и некогда было сегодня обедать. Посидел я у него всего около часу и уже при сумерках выехал обратно. По-моему даже крестьяне при значительно худшем отношении к нам и то бы всегда накормили и предложили бы остаться ночевать. Здесь в экономиях, как видно, живут весьма несимпатичные кулаки, которым, после того как их освободили от большевиков, нет никакого дела до нашей армии. От кого, спрашивается, тогда нужно ожидать активного участия? Все-таки более бедная публика значительно отзывчивее, чем эти толстосумы.

В 6 часов утра я вернулся в Иловайскую на паровозе воинского поезда, не положив за весь день себе ни кусочка хлеба в рот. Теперь придется брать с собой закуску в следующий раз, если нужно будет ехать куда-нибудь в богатую и не разоренную экономию.

24.01.1919. Прибыла в батарею партия мобилизованных офицеров. Сидели-сидели и досиделись до того, пока их насильно не заставили послужить еще немного. Удивительный народ, сами не могут рискнуть и стать на защиту своих поруганных прав, а ждут приказа об этом. По словам некоторых из них, они решили не вмешиваться в эту войну. Тогда, по-моему, таким людям нечего кричать и возмущаться большевиками. Как видно, народ у нас «жидок на расправу», как говорят у нас в деревнях в Могилевской губернии.

Приговором Донского военного суда начальник 1-го партизанского отряда войсковой старшина А.И. Икаев за умышленное (в состоянии раздражения) убийство был осужден к ссылке в каторжные работы на 10 лет с лишением чинов, орденов, офицерского и воинского званий, но командующий армией ген.-лейт. Денисов, вследствие ходатайства того же суда, даровал ему полное помилование. Не мешало бы этому Икаеву все-таки посидеть для укрощения своего нрава, а то он и его компания слишком уж распустились. Ростовский градоначальник полковник Греков⁸⁷ раньше писал в своих юмористических приказах в стиле Ростопчина, что «Икаев хоть и не юрист, а дело понимает». Но он уж очень односторонне понимает дело, только в свою пользу. Все проводимые им обыски и карательные экспедиции — это сплошной грабёж. А Шацилло по-прежнему продолжает служить у этого темного «не юриста».

25.01.1919. До сего времени не было абсолютно никаких сведений относительно нашего ушедшего на позицию взвода. Только сегодня оттуда приехали несколько человек и сообщили не совсем утешительные подробности. Работать им пришлось под станцией Пологи в весьма трудных условиях. Гвардейские части, которые после довольно долгого формирования попали, наконец, на этот участок фронта, после нескольких неприятельских артиллерийских выстрелов разбежались, и таким образом наша артиллерия осталась без прикрытия. Им пришлось отходить и отстреливаться на весьма близком расстоянии, винтовок же у наше-

го взвода почти не было. Говорят, что только благодаря хладнокровию и распорядительности капитана Слесаревского не произошло паники, и они отошли в порядке. На ст. Пологи обоз нашего взвода со всеми офицерскими и солдатскими вещами попал в руки большевиков. Поручика Ващинского, которого я называю «граф Сольферони-Петручио» за то, что он меньше всех других похож на графа, так как произведен из солдат и имеет вследствие этого соответствующие манеры, ранили пулей в шею. Передают, что большевики на этом участке хорошо стреляли и нисколько не стеснялись в расходе снарядов, пехота их развезжает по фронту на тачанках.

26.01.1919. Несколько офицеров этих гвардейских частей отдали под суд из-за этой передряги на фронте. Не понимаю, зачем нам эти гвардейские полки. Они формируются Бог знает сколько времени, все одеты и обмундированы великолепно, на каждого солдата шинель шьется по мерке, а толку абсолютно никакого, один только вред, когда они сменяют какую-либо часть и от выстрелов разбегаются. За это время они участвовали в сражениях только два раза: один раз под Ставрополем, где они нагадили основательно, после чего формировались чуть ли не 3 месяца снова, и теперь опять такая же картина. Задают какой-то тон, а чуть дело до боя коснется — так никуда. Прямо опасно быть с ними на одном участке. Все солдаты носят красные погоны, что дало повод называть их всех «красногвардейцами». Не мешало бы их расформировать и послать на некоторое время для хорошей военной переделки в Марковский или Корниловский полк. Там бы выбили у них дурь и научили бы как следует.

27.01.1919. На побережье для восстановления в Сочинском округе порядка и прекращения кровопролития между грузинами и армянами наши части заняли город Сочи. У грузин потерь 12 человек убитыми, а у нас 7.

В газете приведен любопытный афоризм Ленина, который нашел место на столбцах советской прессы: «Мы вовсе не против лозунгов Добровольческой армии и стоим за единую, неразделенную Россию (только советскую)».

Вечером читал новый номер журнала для женщин. Все-таки интересно знать, как думают и рассуждают в это время женщины. Дело в том, что с момента отъезда из дома в армию я совершенно не встречался с интеллигентными дамами и барышнями и не говорил ни о чем ни с одной образованной женщиной. В силу этого даже через журнал было любопытно познакомиться с тем, о чем думают и чем интересуются в связи с настоящими событиями представительницы другого пола. Особенного ничего не нашел я в этом журнале. Целая статья была посвящена обсуждению призыва французского премьера Клемансо, который обратился к женщинам Франции с воззванием, в котором призывает их спасти страну — родить новое поколение людей.

28.01.1919. Ходил днем пробовать привезенный в батарею новый пулемет Льюиса, переделанный под русский патрон. Эта машинка, в об-

шем, ни черта не стоит, всё время задержки и перекосы патронов, так что из винтовки можно вести более интенсивный огонь. Вечером я позвал к себе на дом старшего фейерверкера нашего орудия Луковникова и расспросил его об условиях службы в советской армии. Он был мобилизован в Совдепии и отправлен на Донской фронт, где вместе с батареей перешел на сторону казаков, после чего изъявил желание служить в нашей армии. Он довольно отчетливый и дельный парень. Ничего особенно нового он не сообщил, потому что нам более или менее известно всё про Красную армию, но поговорить было интересно.

Через станицу Иловайскую стали проходить части Воронежского корпуса Южной армии. Публика, в общем, не особенно симпатичная. В одном штабе корпуса у них 147 офицеров-дармоедов. Дисциплины что-то не видно, а приезжают сюда и начинают тут себя чувствовать хозяевами. Большая часть солдат этой армии на Донском фронте перешла к большевикам. Теперь их будут обтирать между нашими частями, пока они примут, наконец, христианский вид.

29.01.1919. Сегодня мне исполнилось 24 года. Я как-то сказал Андрею, что хотя лета у меня уже достаточно солидные, но особенной солидности у себя я не замечал. Он мне так ответил на это: «Хотя мне уже 28 лет, но до сих пор я считаю себя только большим мальчиком». Всё это ненормальное положение вещей не дает возможности считать себя вполне определенно, для каждого из нас чересчур неясно наше личное будущее и положение, которое займешь потом в государстве и обществе, если останешься живым.

Раздобыл московские советские «Известия» от 15 января старого стиля. Тон у них стал теперь значительно умереннее и, кроме того, нет таких ругательных слов, в подборе которых они изошрялись раньше. Газета эта попала к нам вместе с ее обладателем на одном из участков этого фронта. У нас здесь военные дела обстоят прилично, на Кавказе совсем хорошо; только на Северном Донском фронте казаки отступают. Там опять три сотни с орудиями на днях перешли на сторону красных. Под Пологами в руки большевиков попала часть бронированного поезда «Вперед за Родину», на котором служит мой сослуживец по Гатчине подпоручик Горлов. Интересно было бы узнать что-нибудь про его участь.

30.01.1919. Случайно встретил на вокзале Бориса Борисовича Боркенгагена⁸⁸. Он служит в стрелковом полку Воронежского корпуса Южной армии. В Могилеве он ходил с капитанскими погонами, а здесь у него чин поручика. Говорит, что Петя Шуликов⁸⁹ тоже в этом полку и в данное время еще прапорщик, а в Могилеве, он говорил, что выслужил уже штабс-капитана. Когда Андрей увидел Боркенгагена, первые слова его были такие: «Вы служите в Южной армии, какой позор». Это он бухнул в зале 1-го класса, где в этот момент находилось много офицеров Южной армии. Боркенгаген страшно смутился и не знал прямо, что отвечать на это. Про Могилев он говорил, что там творятся ужасы с момента прихода

большевиков; относительно наших общих знакомых он знает очень мало; слышал только, что всю семью Сазоновых вырезали там, удалось бежать только одному Борису, который, очевидно, вопреки своим словам, остался там и при большевиках. Какое ненасытное зверство у этих негодяев... Скорее бы со всеми ими поговорили на их собственном языке и расправились бы по их собственному методу. Немудрено самому мирному и тихому человеку войти в ярость, когда узнаешь про советские дела.

31.01.1919. Заболел что-то поручик Лонгвинов. Он ездил несколько раз, в Харцызск в лазарет за медицинской помощью. Про положение лазаретов рассказывает прямо ужасы. Больных так много, что им буквально не подают никакой помощи. Кладут в лазарет и предоставляют собственной судьбе, другими словами, дают возможность прямо умереть на постели. Кто только в состоянии немного двигаться, тот как можно скорее бежит из лазарета, потому что вылечить его не вылечат, а заразной болезнью заразиться там пара пустяков. Подпоручик Ващинский — граф Сольферино-Петруччио тоже не остался в лазарете, а ходит с раной в шее только на перевязки. На Кавказе тоже десятки тысяч больных и раненых красноармейцев достались нам после разгрома большевиков. Что с ними делать, прямо нельзя себе представить, если кругом свирепствует такая сильная эпидемия сыпного тифа.

Город Грозный взят уже несколько дней тому назад, а сегодня в сводке сообщается о взятии Владикавказа. Войска адмирала Колчака взяли Вятку. Интересно, что после занятия Грозного, цена на нефть упала в Ростове с 200 руб. до 6 руб. за пуд. Это называется удар по спекуляции, которая и здесь уже слишком глубоко пустила свои ветвистые корни.

1.02.1919. Пятница. Начиная с понедельника, у нас в канцелярии идет прием добровольно пожертвованного белья для нашей батареи, организованный мною. Больше всего в этом деле помог нам наш квартирохозяин, благодаря которому количество собранного белья превзошло уже наши ожидания. Донцы тоже собирают белье по принудительным мерам. Случайно получилось так, что оба сбора совпали, что и заставило думать о том, что наша затея провалится, так как, казалось бы, люди понесут туда, где этот сбор белья является обязательной реквизицией. Но, как видно, многие охотнее дают нам, а там выполняют только обязательную норму. Интересно отметить то, что более бедная публика значительно отзывчивее относится к чужой беде и просьбе. Многие из жертвовавших белье сами были беднее бедных и нуждались в помощи и между тем все-таки несли.

Я обратил внимание на одного бедняка со вставным серебряным горлом, который принес кусок марли, которую он с трудом достал для себя. Я у него спросил, как он себе достанет, если ему она нужна, а он ответил: «Ничего, это для вас, а я себе как-нибудь раздобуду». Более состоятельная публика не только не хочет чем-либо поделиться, но даже ждет, что ей чуть ли не сейчас должны возместить все те убытки, которые она понесла

вследствие хозяйничанья большевиков. Сейфонаниматели Ростова после разгрома сейфов как будто немного сделались мягче и начинают тоже немного уделять армии из своих сбережений. Почин сделали, кажется, пострадавшие. Интересно, искреннее это пожертвование или оно объясняется тем, что благодаря такому случаю широкой публике стало приблизительно известно количество хранящихся в сейфах мертвых сокровищ.

2.02.1919. В Ростове и Таганроге публика под влиянием разных панических слухов и успехов большевиков начала сильно волноваться, а многие уже складывают свои чемоданы и собираются перебраться в Крым. Всё время жили, шутили, веселились, отдыхали, а чуть стало плоховато на Донском фронте, так все эти господа, не думая совершенно о том, чтобы помочь Донцам и своею грудью задерживать красных, взяли да и «наострили лыжи». За чужими спинами только умеют прятаться, а сами ничего не хотят делать. Возмутительный все-таки народ. Сегодня комендант Ростова в приказе говорит о том, что многие обращаются к нему с просьбой дать какую-нибудь тыловую службу призываемому по мобилизации; одни убегают от призыва, другие умышленно увеличивают или уменьшают лета, третьи стараются доказать, что их деятельность в тылу более нужна, чем на фронте и, одним словом, подобно насекомым лезут в щели, лишь бы избежать призыва. А между тем считают себя врагами большевиков и возмущаются ими, а сами по себе поступают так, как будто вся их работа заключается в том, чтобы жить в городе подальше от фронта и прокучивать в разных там кафе и ресторанах десятки тысяч рублей. Разврат в Ростове, Крыму и Одессе дошел до небывалых размеров, а на Донском фронте казаки всё отступают и отступают. Большевики в занятых станицах мобилизуют все подводы и людей; людей отправляют на Сибирский фронт, а на тачанках дуют дальше. Вечером прокатался довольно хорошо верхом на невыезженном жеребце. Дорога за сегодняшний день сильно испортилась; еще вчера был мороз, и стояла великолепная погода, а сегодня наступила оттепель и слякоть.

3.02.1919. Едим мы здесь у нашего хозяина великолепно: утром завтракаем, на обед два блюда и кофе, а вечером ужин с чаем. По праздникам на третье блюдо обязательно бывает что-либо сладкое. Хозяйка наша готовит хорошо и составляет самое разнообразное меню. Когда мы уезжали с Андреем из дому, то мама беспокоилась о том, как мы будем питаться в армии, а между тем до сего времени мы едим в несколько раз лучше, чем едят теперь у нас дома, где съестных припасов гораздо меньше, чем в этих благословенных краях Кубани и Украины.

Через Иловайскую проехал сегодня вместе с 1-м Конным полком Михаил Иванович Реут. Мы с Андреем случайно встретились с ним на перроне. Он первый увидел Андрея из своего вагона и выскочил к нему. Встреча была весьма приятная. В Добровольческой армии он находится с 17 августа. С астраханским эшелоном он доехал только до Зверево, где и расстался с ним. Он совсем не изменился и по-прежнему ухаживает за

своими ногтями. Едет он теперь из Моздока. Вечером нас пригласили на именины к знакомым наших хозяев, которые довольно часто бывают у наших. Там я в первый раз играл в «21» с двойками и, конечно, по обыкновению проиграл все бывшие у меня деньги, которые исчислялись копейками вследствие того, что до сих пор мы не получили еще жалованья за январь.

4.02.1919. Уже несколько раз посылали от нашей батареи офицеров за деньгами, но всё время без результата. Выяснилось, что интендант потерял списки на жалованье всей 3-й дивизии. Хороший номер, нечего сказать. Говорят, что получим деньги только через 4–5 дней. В батарее нет совершенно никаких денег. Фуражного аванса тоже никак не можем получить. Все ругаются, возмущаются, и не мудрено, если столько времени все сидят буквально без копейки. Заведующий хозяйством наш действует как-то не энергично, а интенданту за такую потерю списков не мешало бы влить десятка три шомполов для аккуратности. Многих нужно сильно подтянуть, чтобы всё шло хорошо и делалось вовремя, а то немало скучно становится.

Погода окончательно испортилась: всё время идут дожди, кругом всё течет, плывет, и грязь стоит непролазная. Тут какие-то странные переходы в феврале месяце от сильных морозов при невыносимом ветре к оттепели и дождю. Говорят, что морозы еще будут, и что этот дождь «просто так себе». Благодарю за это «так себе», если каждый день ходишь в сплошном тумане и с совершенно мокрыми ногами.

5.02.1919. Всё последнее время дела на Донском фронте шли неважно, а теперь выясняется, что положение у них близко к катастрофическому. Дух под влиянием большевицкой агитации упал, и Донцы отступают даже при виде только неприятельских разездов. Естественно, что красные под влиянием этого сильно обнаглели и быстро продвигаются вперед. За короткое время фронт от ст. Лиски и Поворино приблизился к ст. Миллерово, и таким образом, весь север Дона занят и разграблен большевицкими отрядами.

Атаман Краснов в заседании Большого Войскового Круга в своей речи весьма печально характеризует положение дел: «И то, чего не могли сделать большевики силою оружия — победить, они сделали тем, что потрясли усталый дух донских казаков и влили в него яд сомнения и недоверия. Сначала тихим шепотом, потом открыто в прокламациях и листовках стали писать донским казакам, что они обмануты, что никаких союзников нет, что союзники идут не с нами, а против нас, что они поддерживают большевиков. И стал падать дух усталых бойцов, и началась измена. Сначала были колебания в отдельных частях, в декабре совершилась первая измена. Одна часть вдруг встала и с оружием в руках перешла на сторону большевиков... Произошел прорыв фронта, наши части смутились и стали отступать. Мы перестали наступать на Северном фронте, перешли к обороне и стали погибать». Дальше он говорил так: «И развал на

Северном фронте становился столь большим, что нужно было принимать экстренные, чрезвычайные меры, о которых не место говорить в открытом заседании». Как видно, Дон опять начал болеть прошлогодней весенней большевицкой болезнью. Про союзников и их помощь генерал Краснов сказал так: «Они не знали России. Глубокое заблуждение по русскому вопросу царило в Версале на конференции, и американский президент Вильсон приказал приостановить посылку помощи России, потому что он не верил в то, что большевики — не что иное, как банда разбойников, грабителей и насильников, врагов всякой культуры, но считал их лишь за крайнюю социалистическую партию и считал невозможной борьбу с нею. Напрасно представитель Добровольческой армии, Дона и Кубани С.Д. Сазонов⁹⁰, напрасно русские общественные деятели Милюков, Маклаков, князь Львов в частных беседах рассказывали о неистовствах большевиков, — им не верили. И помощь задерживалась. Сказывалось и утомление войною. Никому не хотелось теперь, когда заключен уже мир, идти снова в холодную и голодную, неприютную страну, опять на бой с неизвестным врагом. И помощь откладывалась. В начале января прибыл в Версаль датский посланник в Петрограде и несколько американцев из Москвы. Их доклад о том, что сделали в России большевики, подтвержденный целым рядом фотографий, произвел потрясающее впечатление. И американцы первыми постановили поддерживать всеми силами Россию, борющуюся за свою свободу. И вот тогда-то стали быстро формировать дивизии и отправлять их морем в Одессу и Севастополь на юг, в Либаву — на север».

На заседание Круга 3 февраля прибыл генерал Деникин, которого встретили очень тепло. В своей речи к членам Круга он сказал следующее: «А те, кто предал Дон, кто в тяжелый момент перебежал к врагу, — пусть те знают, что им отдыхать не придется. Если некоторых из них большевики не пошлют на сибирский фронт против их же братьев — оренбургских и уральских казаков, то здесь они встретятся с нами в страшном беспощадном бою. Я широко развернул помощь Дону. Я послал самый крепкий лучший корпус, я пришлю на помощь Дону все силы, которые только освободились от разгрома большевиков на Кубани и Тереке и которые могут перевезти несколько расстроенные железные дороги». После этих слов Круг устраивает генералу Деникину шумную овацию. Войсковой Круг по обсуждению дел на фронте единодушно выразил недоверие командующему Донской армией и управляющему военным и морским отделом генерал-лейтенанту С.В. Денисову. После такого заявления округов Донской атаман Краснов заявил в заседании Круга, что так как он является верховным руководителем армии, то это недоверие он относит к себе, а потому он отказывается от должности и просит Круг избрать нового атамана. Круг принял отставку генерала Краснова и предложил генералу Богаевскому⁹¹ временно вступить в исполнение обязанностей Донского атамана.

6.02.1919. Сегодня исполнилось 25 лет со дня свадьбы папы и мамы. В какой обстановке пришлось им праздновать свою серебряную свадьбу?.. Несомненно, что в любом случае их положение весьма незавидное.

Большевики теперь заняли уже Киев и двигаются дальше, так что или в Гомеле, или где-либо в другом месте, если наши уехали оттуда, большевики их все-таки настигли. На Украине заварилась громадная каша, которую петлюровцы самостоятельно не могут расхлебать.

На станции встретили бывшего гимназиста Новгородского. Он теперь служит в одной из батарей Южной армии. Говорит, что отец его⁹², отставной полковник, пристроился где-то в интендантстве. Владимир Павлович Полчанинов служит теперь в управлении дежурного генерала Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Удалось ему все-таки перекочевать из штаба Южной армии в штаб нашей. Интересно было бы встретить его в строю где-либо в пехотной цепи, как мы смеялись с Андреем летом, а то он за всю войну и эту передрыгу не понюхал ни разу пороха. Живет он теперь со своей «милушей» в Екатеринодаре.

7.02.1919. Газеты полны теперь известиями о Донском фронте. Все говорят о помощи Дону. Сообщение о том, что Донцы перешли, на Чертковском направлении в наступление, печатается крупным шрифтом. Большой Войсковой Круг опубликовал Указ армии, который заключается такими словами: «Воодушевляйте, герои, своим примером колеблющихся и немощных духом, зовите малодушных к бодрости и дружно плечом к плечу сдерживайте натиск врага до прибытия Добровольческой армии и Кубанцев». Харламов в своем докладе указывает на то, что генерал Краснов нежеланием признать командование генерала Деникина затягивал получение помощи. В общем, опять много, очень много начали заниматься говорением.

В окрестностях Туапсе появилась шайка «зеленых». Эта шайка образовалась сначала из нескольких человек скрывающихся большевиков, пополнялась затем всякого рода людьми, любящими «вольную жизнь», наконец, военнообязанными, бежавшими от мобилизации.

Донским атаманом выбрали генерала А.П. Богаевского, командующим Донской армией назначается генерал Сидорин⁹³. Приговором военно-полевого суда генерал-майор П.П. Сытин за то, что состоял на службе у властей Советской республики, присужден по лишению всех прав состояния на 4 года каторжных работ. Каторжные работы генерал Деникин заменил ему разжалованием в рядовые с назначением в партизанский генерала Алексева пехотный полк. <Эти слухи оказались вымышленными. — *Ред.*> Все-таки очень мягко обращаются с преступными генералами.

8.02.1919. По сообщению газет, Троцкий вследствие неудач на Северном фронте предложил усилить террор на Дону и на Кубани, которая в настоящее время уже давно целиком очищена от большевиков. Не так-то легко будет привести эти слова в исполнение. К нам в батарею некоторое время тому назад прибыло несколько офицеров из Изюмского отряда, ко-

который пробивался оттуда к Добровольческой армии. Один из них, капитан Раткевич, выкинул сегодня такой номер, которым совершенно «угробил» себя в глазах командира. Когда полковник сказал ему, что назначает его начальником пулеметной команды в 1-й взвод, куда ему и надлежит выехать, то капитан Раткевич, вытянувшись, сказал: «Господин полковник, у меня жена». Ну, и сказал! Тут человека отправляют на фронт, а он такую штуку отколол. Командир прямо-таки руками развел; ему верно, в первый раз приходилось слышать подобную вещь при назначении человека на позицию. Погубил себя человек этими словами навеки.

Андрей занялся разборкой пулемета «Льюис». После некоторой возни он разобрался во всех деталях и начал составлять описание этого пулемета, так как эту систему у нас никто почти не знает. В общем, по чертежам этой брошюры и по модели самого пулемета он составил довольно складное описание этой машины «Льюиса». При наличии английских патронов он действует довольно хорошо.

9.02.1919. В Ялте поручик Сердюков убил москвича-миллионера Титова за резкий отказ жертвовать на Добровольческую армию. Он признан одержимым нервным расстройством. По-моему, всякий на его месте поступил бы так же с этим Титовым. Иной раз нежелание помочь нашей армии со стороны очень состоятельного класса делается прямо-таки возмутительным. Не хочешь ничего делать в пользу добровольцев, так сиди в Совдепии в Москве, нечего тогда сюда ехать, тут и своих таких достаточно найдется.

В Харькове большевики наложили контрибуцию в 40 миллионов, из которых 20 уже внесены населением. Такие суммы у публики сразу находятся, когда их заставляют большевики, а приди мы туда и объяви сбор пожертвований, ничего не выделили бы. А между тем состоятельный класс, безусловно, нам сочувствует больше, чем большевикам. Вот и психология русского человека: все здорово любят сидеть на деньгах, и раскочевать их бывает подчас затруднительно.

Расспрашивал поручика Ильинского о походе Изюмского отряда. Говорил, что по пути они «расшелкали» все деревенские «советы», которые успели уже образоваться и на которых они неожиданно для последних навалились. С этим отрядом из Изюма вышло много невоенных молодых людей — сыновей помещиков и городской буржуазии. Но вся эта публика, как добралась до Добровольческой армии, так поехала в Ростов кутить и не собирается даже поступить в армию. Их заставила, очевидно, смерть уйти оттуда, и они поэтому не рискнули присоединиться к отряду, а теперь они не хотят уже дальше воевать. Какие все-таки прохвосты! Все-таки нет у буржуазии и интеллигенции такого общего единодушного порыва, которого следовало бы ожидать. Каждый слишком дорожит своею жизнью и удобствами, а на остальное ему наплевать, лишь бы его не трогали. Кто, как и в каких условиях борется с большевиками, таких людей очевидно не интересует, они по-видимому почему-то решили, что

другие должны вести эту войну, а сами они имеют какое-то основание не принимать в ней участия. У каждого должно быть столько чести и достоинства, чтобы понять это. Я бы себе никогда не простил, если бы даже под влиянием каких-либо обстоятельств мне не удалось быть в военных действиях против большевиков. Потом крайне неприятно было сознаться, что в такое время сидел где-то в тылу. Некоторые же думают, как видно, на этот счет несколько иначе.

10.02.1919. В Екатеринодаре на квартире Родзянко было первое частное совещание бывших членов Государственной Думы. Личное впечатление, вынесенное председателем Государственной Думы из беседы с представителями союзников, — самое безотрадное. Скорой активной помощи от союзников ожидать нельзя. Очевидно, на некоторое время Россия будет предоставлена самой себе. Говорят о том, будто солдаты союзников отказываются идти воевать в Россию, что союзники будут направлять сюда только добровольцев. Несколько раз в газетах сообщалось о формировании союзнических добровольческих дружин для борьбы с большевиками. Союзники не оправдали тех надежд, которые возлагались на них при приходе первых судов в Новороссийск. Если бы они закрепили хотя бы тыл нашей армии, и то было бы уже весьма хорошо. Если бы нам удалось поскорее соединиться с адмиралом Колчаком, то получилась бы совсем иная картина. Скверно, что «Донцы» подкачали, и теперь вопрос о взятии Царицына опять отложен на неопределенное время, а то было наши дела совсем хорошо стояли. Теперь в связи с посланными на Дон подкреплениями от нашей армии нужно ждать в ближайшее время резких перемен в военной обстановке. Там опять начали пощелкивать «красных».

11.02.1919. В нашем районе сосредотачивается довольно внушительное количество войск. Идут сюда Кубанцы и Терцы, прошел сегодня эшелон частей генерала Шкуро. На фронте сейчас ничего особенного не делается. Везде грязь такая, что по полю совершенно нельзя двигаться; подводы из окрестных мест приезжают только на передке. Очевидно, как только немного подсохнет, наши здесь произведут основательный нажим. Много частей тут Воронежского корпуса Южной армии. Все эти части расформируют теперь окончательно. Офицеры у них по большей части не особенно симпатичны и какой-то нехороший дух у них у всех. У одного из «южных» офицеров я просил подводу на 1 час, которая была нужна нам экстренно. Тот мотивировал отказ лишь тем, что скоро станет темно, и он по дороге может вывернуться при проезде через овраг и сломать себе шею. Если бы он сказал всё что угодно другое, вроде того, что он устал или спешит, я бы не тронул его подводу, на которую он еще не начинал переносить своих вещей, но такой ответ меня прямо-таки возмутил и я, воспользовавшись своим правом коменданта, сказал ему после этого, что по приказанию начальника гарнизона я беру у него подводу на 1 час, не спрашивая его согласия. Комики все, как посмотреть.

Сегодня, наконец, выдали жалованье за январь. У нас с Андреем к этому времени уже набралось 1022 руб. долгу, с которым мы чуть-чуть справились только благодаря тому, что получили, кроме жалованья с прибавкой за декабрь (на двоих 1000 руб.), еще командировочные за поездку в Новороссийск. Ездили в ноябре, а получаем деньги только теперь, в середине февраля месяца.

12.02.1919. Через Ростов проехал генерал Шкуро. Приняв почетный караул, он заявил: «Я уверен, что не пройдет и недели, как боевая обстановка на Донском фронте изменится в нашу пользу. Не только Бог и правда, но и сила на нашей стороне». Боевой и бедовый генерал. Подбор в его частях тоже соответствующий. Один из его отрядов называется «Волчьей сотней», и действует действительно основательно. Большевики от одного имени генерала Шкуро способны, кажется, побежать. После своего производства в генералы Шкуро проехал по главной Красной улице Екатеринодара вместе со своими людьми, которые криком, пением, пляской, бубнами и выстрелами в воздух праздновали производство своего начальника, причем все эти манипуляции производились во время шествия по улицам.

В Пятигорске по распоряжению командующего войсками генерала Ляхова⁹⁴, имущее население облагается чрезвычайным налогом в 2 миллиона 200 тысяч рублей. Собранная сумма предназначается на борьбу с эпидемией, содержание лазаретов, а также городской стражи. Так и нужно, а то добровольных сумм совсем нельзя дожидаться. На киевскую буржуазию большевики наложили контрибуцию в 200 миллионов рублей. Жертвовать в нашу пользу там не умели, когда можно было, а теперь вы платят этой сволочи.

Андрей усиленно взялся за наше с ним домашнее хозяйство. Самостоятельно скомбинировал себе чемодан и отделал его так сам, как специалист этого дела. Из моей палочки, которую я вожу с собой с Кубани, он наделал несколько штук довольно приличных мундштуков. Одним словом, хозяин.

13.02.1919. Довольно странные отношения создались между Добровольческой армией и Грузией. В Тифлисе они арестовали несколько видных русских генералов и председателя Русского совета Лебедева. Отступающие на Терском фронте большевики обратились к грузинам с просьбой пропустить их в Грузию, обещая выдать оружие и передать в распоряжение грузинского правительства всю свою казну в 10–15 миллионов рублей. Грузины согласились на это предложение под тем предлогом, что они не могут допустить истребления большевиков добровольцами. Ныне эти большевики находятся в Тифлисе и других пунктах Грузии, откуда через Батум и Поти на пароходах просачиваются в Новороссийск и далее в Ростов, с целью пробраться на север к своим. Хороши грузины!

Вильсон предлагал большевикам прекратить военные действия, на это Чичерин в конце своего ответа сказал следующее: «Предложение

о приостановлении военных действий не было сделано в то время, когда советская республика испытывала затруднения в военном отношении, но делается теперь, когда контрреволюция находится накануне окончательного краха». Я что-то не вижу, чтобы слова Чичерина были похожи на действительность.

На станции встретил Колю Судзиловского⁹⁵. Он выехал из Могилева через неделю после нас и служит теперь в Астраханской армии, мать его находится в Ростове. Федя в Новороссийске служит по автомобильной части, а Гортынские живут в Одессе. Говорил, что брат Пети, Александр Шуликов⁹⁶ пропал без вести, в то время, когда большевики прижали Астраханскую армию. Тот служил с ним в одном полку. Про наших он ничего особенно не знает. Говорил только, что Зина заболела довольно серьезно и теперь можно ждать или смерти или значительного ухудшения в общем ее положении; в Гомеле к нашим хорошо отнесся тот еврей, который купил у нас лес. Коля заходил к нашим в день нашего отъезда и говорит, что мама в этот вечер была довольно сильно расстроена.

Вчера исполнилось ровно 6 месяцев со дня нашего отъезда из дома в Добровольческую армию. Тогда мы предполагали, что за 6–8 месяцев большевиков всех сотрут окончательно, а теперь приходится желать, чтобы с ними успели покончить к осени текущего года или зиме. Вечером заложили дома пульку в преферанс по полкопейки, которую не успели разыграть из-за солидных ремизов до 5 часов утра, и отложили.

14.02.1919. Масленицу мы празднуем в смысле еды и блинов почти по мировому образцу, нет только совершенно никакой выпивки. Андрей что-то слабо настроен и говорит, что ему страшно хочется «надраться». К нам в батарею прибыл полковник Бирилев⁹⁷, служивший раньше в украинских частях и выехавший всего месяц тому назад из Киева. Я с ним разговорился относительно политической обстановки на Украине в период падения гетмана. Про Петлюру он говорит, что тот обещал всем участникам восстания: раздать по 25 десятин земли и дать на разграбление Киев. Этим и объясняется большое число сочувствующих. Сражаться с большевиками петлюровские части, по его словам, не в состоянии. Про Винниченко он говорил, что тот форменный большевик. Грушевский то же самое.

Донцы на Северном фронте перешли в наступление и захватили бронепоезд, 6 орудий и 10 пулеметов. Выздоровление армии как будто начинается. Во всех станицах и городах начали усиленно вылавливать бежавших с фронта казаков. Вечером прошел слух, будто бы три полка Донцов опять перешли на сторону большевиков. Это уже совсем черт знает что такое, если эта измена имеет место.

15.02.1919. Объявили призыв студентов рождения 1899 г. и старше. Давно уже пора принять им участие в этой войне, потому что почти никто не занимается, а только слоняются без дела и спекулируют. Измельчал народ и теперь все, оставшиеся в высших учебных заведениях студенты

представляют собой сплошных шкурников, от которых ничего хорошего не дождешься, а потому церемониться с ними совершенно не следует. Донской атаман кончает свой приказ такими словами: «Уверен, что все призываемые студенты вполне понимают свой высокий долг и честно отнесутся к исполнению его. Уклоняющихся, думаю, не будет, но если таковые окажутся, пусть знают, что они понесут строгую кару по законам военного времени».

Радио из Лондона сообщает, что генерал Юденич формирует в Финляндии Добровольческую армию для борьбы с большевиками. В Одессе по лестнице Ришелье поднималось 6 танков. Поднимались они самостоятельно, без всяких приспособлений (в лестнице более 100 ступеней), цепляясь за ступени своей непрерывной цепью, идущей по поверхности танка, ни на минуту не замедляя темпа. Зрелище было настолько поразительно, настолько фантастично, что публика, наблюдающая за танками, не выдержала, и с криком ужаса все бросились в стороны. Танки же вскарабкались и, как черепахи, расползлись по шумным улицам Одессы. Всего танков в Одессе около 100.

16.02.1919. Радио из Лондона сообщает о смерти Брусилова, который якобы казнен по приказанию советской власти. Князь Кропоткин был арестован красногвардейцами по обвинению в участии в английском заговоре против советской власти и заключен в тюрьму, где его и убили. Нынешние коммунисты не дали даже снисхождения старому анархисту. По приказу Троцкого генерал Сытин назначен верховным главнокомандующим Красной армии. Одни говорят, что это брат судимого в Екатеринодаре генерала, а другие утверждают, что это тот же самый разжалованный рядовой Сытин, перебежавший в бою к большевикам.

Предпринятая генералом Юденичем экспедиция на помощь Риге и Либаве сопровождается большими успехами: записалось значительное число шведских офицеров.

Вечером Андрей собрался и уехал в Ростов по казенным делам. Я сильно возмущался этой поездкой, так как, по-моему, особой необходимости ехать ему не было и, кроме того, собираться без него выступать и возиться со всеми вещами одному не особенно-то приятно, а выступить отсюда на позицию мы можем на этих днях. В настоящее время я остаюсь за командира 4-го орудия, так что кроме забот о личных вещах у меня будет достаточно хлопот. По случаю Масленицы сыграли в преферанс по полкопейки, который окончился для меня выигрышем в 130 рублей.

17.02.1919. Наступила хорошая, ясная погода с некоторым морозом, при достаточно противном ветре. Хорошо то, что нет той грязи, в которую буквально погружался по колено при ходьбе на улицах поселка, а в поле, говорят, совсем можно утонуть. Снег уже совсем сошел, так что в этом году мне так и не пришлось видеть нашу настоящую снежную зиму. Тот снег, который держался здесь некоторое время, нельзя назвать настоящим «нашим снегом». Этими днями я решил основательно заняться нашими

артиллерийскими науками. Последнее время я стал очень рассеян, благодаря чему очень многое ускользает от моего внимания и не очень долго задерживается в памяти. Той тренировки, которая была у меня в институте конечно, далеко не хватает. С громадным удовольствием засел бы я теперь за изучение какого-либо серьезного предмета, хотя на первых порах это показалось бы не совсем легким.

На станции Велико-Анадоль и Волноваха прорвалась банда советских войск, захватила там пассажирский поезд и перестреляла всех бывших в вагонах офицеров, которые сначала отстреливались, а потом были схвачены. Всего погибли, как говорят, 1 генерал, 4 штабных офицера и 17 обер-офицеров. Весьма печальный случай, если на железной дороге в тылу совершаются такие мерзкие нападения. Возможно, что с нашей стороны здесь была некоторая халатность, которая, в связи с тем что там не было сплошного фронта, и породила такой случай.

18.02.1919. Утром устраивалась поездка нашего взвода в поле. Я ездил за командира 4-го орудия. Все слегка сбивались, так что после обеда полковник Шеин устроил конное ученье на спичках с немymi командами для командиров орудий и ящичных вожатых. В связи с приездом студентов в Ростове было устроено общее собрание воспитанников высших учебных заведений, которое выработало тексты ходатайства перед Войсковым Кругом и Донским Атаманом. Как видно, студенты совсем не хотят воевать и начинают говорить о каких-то культурных силах. Прямо возмутительно; это, верно, всё работают евреи, процент которых в ростовских учебных заведениях очень велик. Между прочим, они говорят в этом ходатайстве так: «Вследствие своей слабой подготовленности студенчество, как физическая воинская сила представляет гораздо меньшую ценность, чем как сила культурная; собрание полагает, что максимум пользы для армии студенчество могло бы принести в тех отраслях обслуживания нужд фронта, которые требуют применения преимущественно культурных сил». В другом месте они говорят о «громадном значении многих уцелевших в России от большевицкого разгрома высших учебных заведений, как питомников молодых культурных сил, которым предстоит строить будущее России». Сначала нужно получить Россию, а потом уже отстраивать ее. Пусть они помогут справиться пока с первой задачей. В заключение они говорят, что если они всё же необходимы как бойцы, то они просят формировать из студентов отдельную часть с младшим командным составом из студентов-офицеров. Если бы мне пришлось попасть когда-либо в такую часть, которой, конечно, никогда не будет, то я показал бы этим спекулянтам-студентам всю разницу между ними и студентом-офицером.

19.02.1919. Утром приехал Андрей с Колей Судзиловским. Тот хотел перевестись к нам в батарею, но это не устраивается, и он собирается перебраться теперь в офицерский полк из своей Астраханской армии. В Ростове Андрей заходил к Анастасии Константиновне. Она ему говорила,

что наши всю ценную обстановку взяли с собой, а книги и остальное оставили у Сазоновых. Михаил Голынский с женой выехал из Могилева, а остальные Голынские остались. От испанки умерла Валя Щербинская; такая здоровая была на вид дама, и вдруг такая история. Как-то не верится даже. Ездил на станцию Кутейниково за вещами, собранными для нашей батареи Курьяновым, к которому я ездил с возвращением в январе. Я думал уже, что мы ничего от него не получим. В общем, в Иловайской нам повезло. Этими сборами собрано довольно порядочное количество самого необходимого, так что каждый-таки получил то, что ему более или менее надобно.

20.02.1919. Донцы всё продолжают отступать. Красными занята ст. Глубокая; таким образом, до Новочеркасска остается от линии фронта около 100 верст. Работает там преимущественно конница красных, и казаки, как говорят, всё еще продолжают отступать перед одними только разбедами. Части генерала Шкуро, проследовавшие на наш фронт, теперь перебрасываются на Донской. Генерал Покровский⁹⁸ тоже прибыл с Кубанскими частями на Донской фронт. Дела обстоят там не совсем важно на всем фронте, и для восстановления декабрьского положения придется много поработать. Получены сведения, что вершина Эльбруса уже несколько дней дымится. Тысячелетние льды и снега, покрывающие Эльбрус, начинают таять. Ближайшие три аула, находившиеся у подножья горы, смыты совсем водными потоками, образовавшимися от таяния льдов и снегов. На вершине Эльбруса, по заявлениям компетентных лиц, на днях можно ожидать извержения вулкана. Коля Судзиловский ночевал у нас и сегодня уехал в Горловку в штаб 2-го офицерского полка устраиваться.

21.02.1919. Утром узнал, что получена телеграмма: быть готовыми к немедленному выступлению на позицию. Это известие я встретил с радостью, настроение сразу стало как-то бодрее, уж больно долго засиделись мы без действия. Начались сборы и укладка вещей. Весь день прошел в приведении всего в порядок: сначала казенные дела, а вечером начали приступать и к личным. У нас с Андреем по заплечному мешку, куда мы складываем немного белья и самое необходимое в походе, а остальное придется оставить в цейхгаузе, который пока останется здесь, с хозяйственной частью батареи. Вещей у нас порядочно, много больше, чем мы брали с собой из дому: разжились мы за это время. Хозяйка, узнав что мы выступаем, начала печь нам в дорогу пирожки. Наши хозяева замечательно милые, симпатичные и отзывчивые люди. Редко в интеллигентной семье будешь чувствовать себя так хорошо, как мы чувствовали себя здесь в продолжение этих двух месяцев.

22.02.1919. Утром была окончательная подгонка амуниции и небольшая проездка со всеми повозками и двуколками. Узнал, что вчера денщик убил командира полка полковника Падейского, у которого мы записывались в Добровольческую армию. Всё это время полк стоял здесь, и я поч-

ти каждый день встречался с ним. Говорят, что характер у Падейского прямо несносный, и с солдатами он обращался крайне сурово. Кроме того, как говорил сам полковник, денщик этот был из матросов.

Вечером получили распоряжение отправить 3-е орудие на ст. Неклиновку под Таганрогом. Мобилизованные выворачивают какие-то штуки. Печально, что у нас в тылу происходят такие комбинации, которые приходится успокаивать артиллерией. Всё получается на почве нежелания мобилизации в селах. Недалеко от Иловайской за подобную же историю, как говорят, расстреляли человек 70, несколько повесили, а других выпороли.

23.02.1919. Был в батарее командир дивизиона. Выяснилось, что наше орудие выступит завтра и пойдет на Никитовку на смену 1-й батарее. Как говорят, каждое орудие будет работать отдельно. Это несколько скучновато.

Железнодорожный врач обратил внимание командира дивизиона на то, как больных перевозят в вагонах, с ними обращаются, как с трупами. Целые вагоны посылают даже без проводников, не говоря уже о присутствии хоть какого-либо санитаря. Он при мне сказал комдиву, что если и дальше так будут возить наших больных и раненых, армия будет очень быстро таять. При переезде действительно очень много больных умирает, почти на каждой станции снимают трупы. Заболеть здесь — это сплошной ужас.

Говорят, что начнут скоро призывать гимназистов и реалистов старших классов. Занятия в средних учебных заведениях уже прекращаются. Седьмому классу женских гимназий выдадут свидетельство об окончании, и всех будут назначать по лазаретам — ухаживать за больными и ранеными. Эта война такая, что она, безусловно, должна стоять на первом плане всего и всё должно быть принесено в жертву.

Вечером проходил не особенно далеко от церкви, зазвонили к вечерне, и меня почему-то потянуло зайти на церковную службу. Стоя в церкви, я думал о том, как Оля меня всегда убеждала не забывать Бога и молиться, и сама она, будучи лютеранкой, во всех важных случаях прибегала к православной Церкви, к которой ее привлекала, главным образом, наша обрядовая сторона.

24.02.1919. В 2 часа должна была начаться погрузка, но она конечно задержалась, и мы были готовы к отправке только часам к 8 вечера. Около 9 часов мы наконец двинулись. Нам переменили маршрут, но куда именно, мы этого пока сами не знаем. Классных вагонов на станции совершенно не оказалось, и под офицеров отвели теплушку без печки. Холодно было довольно основательно. Андрей оставил было шубу у хозяев, но потом передумал и послал уже с вокзала за ней денщика. Вернулся из отпуска шт.-кап. Дзиковицкий, удивительно счастливо он подъехал к самому моменту отправления на позиции.

Настроение у меня несколько приподнятое, радостное. Немного скучновато, правда, идти только с одним орудием. С хозяевами распро-

шались очень тепло. Нам в дорогу хозяйка дала целый мешок с провизией и в этот день накормила нас особенно сытно. Утром и в обед предложила нам наши любимые блюда. Хозяин пришел проводить нас на вокзал. Прощаясь, он сказал: «Если кто-либо из вас будет ранен или заболеет, приезжайте к нам, не стесняясь, как домой, мы всегда с удовольствием поделимся с вами всем, что у нас есть».

Начало боевых действий

25.02.1919. Около 8 утра подъехали к ст. Железной. Ночью мне спать не пришлось, так как было холодно, а кроме того, в Криничной провозились часа 4, пока получил седла для разведчиков. Мы наскоро сгрузились и к 8 с половиной были уже на позиции. Красные основательно нажимали и подходили к станции. Говорят, что по воскресеньям они собирают всю свободную публику, платят им по 100 рублей в сутки и начинают нажимать. Эти гастролеры участвуют в бою только один день, а потом уже после такого нажима советские войска сами дерутся дальше. Такую комбинацию они выкидывают здесь уже третий раз и занимают ст. Константиновку. До Железной они сегодня дошли в первый раз.

У нас было всего 100 снарядов, но по пути мы отдали 50 в 1-ю батарею, так что остались только с 33 шрапнелями и 17 гранатами. Стали на позицию недалеко от станции и со словами «Благослови, Бог» послали первую шрапнель наступающей пехоте красных. Та была совсем недалеко, и ружейные пули всё время долетали до нас со свистом, некоторые пули попадали в забор, который был в трех сажнях позади нас. Я не испытывал абсолютно никакого волнения, было как-то интересно и занимательно всё это. После 18 выстрелов мы снялись и отошли версты на 2 с половиной; у нас испортился подъемный механизм, и часа 2 пришлось потратить на его починку. Исправив это, мы снова выехали на позицию, начали обстреливать броневик, который после одного нашего попадания поспешно отошел.

Подошло подкрепление Корниловцев, и наши части перешли в наступление, и погнались красных. В этот день мы заняли Нелеповку, Щербиновку, ст. Кривой Торец и Плещеевку. Сил до подхода подкрепления у нас здесь было мало. Вообще война тут ведется ничтожными силами с нашей стороны. Сплошь и рядом бывают случаи, что в обход красных посылаются только 3—4 человека. На ночь мы остановились на ст. Кривой Торец в доме некоего Гомоюна, в котором красные произвели полный разгром.

26.02.1919. У нас осталось всего 11 снарядов. Командир участия в боях не принимал и еще вчера уехал обратно. С нами остался полковник Шеин. Выезжали к будке за ст. Кривой Торец, но за весь день ни разу не стреляли. Часам к 4 наши вновь заняли ст. Константиновку и захва-

тили броневик «Роза Люксембург» с бронированным паровозом «Карл Либкнехт» с 4 орудиями и 15 пулеметами. На броневике было написано красной краской: «Дело рук рабочих Краматорского завода» и «Война дворянам, мир хижинам». Мы несколько запоздали и получили с этого броневика только 19 гранат и кое-какие принадлежности. Газет абсолютно нет, поэтому знаешь только то, что делается на своем участке фронта, а про остальное ни «бум-бум».

27.02.1919. Опять выезжали на прежнюю позицию к железнодорожной будке и опять ни разу не стреляли. Делается уже несколько скучновато. Перед приходом большевиков тут была объявлена мобилизация, но она совершенно не удалась, так как все подлежащие призыву разбежались, а когда большевики заняли это селение, то они присоединились и ушли с ними. Население настроено большевицки. Социалистического рая здесь еще не испытали совершенно. Когда мы отходили у Железной, то многие плакали и безнадежно качали головами, но не все проделывали это искренне, как мне показалось. Ночевали мы на старом месте, и я даже решил совсем раздеться.

28.02.1919. Стоим у той же будки. Стало тепло, воздух совсем похож на весенний, в небе весело запели жаворонки. Грачи, всё время молчавшие, начали кричать и садиться на деревья. Этот день здесь можно считать за начало весны. Большевики здесь не портят ни телефонной линии, ни железнодорожного пути. Иногда они развинчивают болты на рельсах или незаметно уширяют линию. Так было и теперь, из-за чего наш броневик сошел с рельс при преследовании красных.

Мы на этом участке вдаемся клином в большевицкое расположение. К вечеру стало известно, что верстах в 6—7 западнее Кривого Торца начали накапливаться красные в количестве 600—700 штыков. Интересная здесь война: конницы у нас здесь нет совсем, связь налажена весьма плохо. Эта группа, верно, начнет нажимать ночью или утром, а тут всего только 13 штыков и наше орудие. Наша публика начала слегка волноваться, указывая на серьезность положения. Как будто собираемся ночью занять позицию верстах в двух от станции. Так и получилось. После ужина пришло распоряжение двинуться на вчерашнее место. Ночь была великолепная, лунная, отдельные дома на горе видны были замечательно, так и напоминали картину «Украинская ночь». Однако, несмотря на всё это, ночью было достаточно сыро и холодно, так что я довольно основательно продрог, дежуря у наведенного орудия.

1.03.1919. Весь день простояли на этой позиции. Днем пробовал поспать на земле и теперь раскаиваюсь; еще немного рановато входить в такое общение с природой — к вечеру заболела шея, и начало ломить всё тело. Наши части оставили Константиновку. Там находилось всего 18 человек с пулеметом. Силы с нашей стороны здесь ничтожнейшие, так что прямо удивляешься, как мы еще держимся. С левой стороны фронт прерывается, и оттуда можно ожидать нажим красных. Вообще, обста-

новка здесь совершенно неясная и никому, кажется, в точности неизвестна. Везде стоят такие маленькие горсточки наших, которые, по словам полковника Петрова, представляют из себя «миф один».

Выяснилось, что наше попадание по броневнику 25 февраля было очень удачным, граната попала прямо в дуло пушки красных, перебила прислугу и произвела приличные разрушения. Из 1-го взвода к нам приехали два офицера с пулеметом. Говорят, что под Юзово захвачен броневик «Товарищ Троцкий». Они привезли с собой газеты, в которых было сообщение о том, что Ленин ушел от власти, и гетман Скоропадский убит на ст. Матвеевка отрядом республиканских войск, узнавших его.

2.03.1919. С утра сегодня первый раз не выезжали на позиции. Достали вчера вечером снаряды, доведя общее количество до 100 патронов. Большевики стали что-то очень щедро разбрасывать снаряды. За вчерашний день они выпустили более 600 снарядов и сегодня всё время дуют безостановочно. Часов около 10 мы выехали на позицию. Затем, когда наши части оставили Плещеевку, мы тоже отошли слегка назад и задерживали наступление красных, которые слева нажимали на Леонидовку, стремясь отрезать Кривой Торец от Железной. Вечером мы пришли в Железную и довольно гнусно расположились на ночь: в холодном доме, на голом полу. Спать было плохо.

3.03.1919. Воскресенье. В 5 часов утра было начато наше наступление против левого фланга. Мы двинулись целым отрядом из 80 человек пехоты, 40 всадников и нашего орудия. Все пешие ехали на подводах. Часов около 8 вошли в соприкосновение с противником, занимающим колонию Ролоновку. После двух шрапнелей, выпущенных по мельницам, красные, под давлением нашей пехоты и конницы, оставили колонию и отошли на Смоляниново. Мы двинулись на Екатериновку. Здесь начальником нашего отряда была допущена большая ошибка: он двинул нас на Екатериновку, не заняв Смоляниново, которое было влево и несколько в тылу по отношению к первой колонии. Для большевиков представлялась возможность обойти нас слева или даже совсем отрезать нас от тыла. Сначала мы при помощи нашей пушки заняли Екатериновку и начали вышибать красных с бугров за колонией, но потом смоляниновская группа красных подошла сюда и обошла наш левый фланг. Говорят, что в общем их было до 600 человек при 6 пулеметах. У нас же было всего 2 пулемета, из которых один испортился. Наша пехота начала отходить, красные же, ободрившись, открыли ожесточенный огонь; таким образом, успех этой операции решился в их пользу. Как-то неприятно было сознавать, что нас поколотили. Потерь у нас было 6 человек.

Вечером было сильно холодно, и мы здорово продрогли, пока добрались до Железной. За весь день ничего не ели, кроме кусочков хлеба.

4.03.1919. Сегодня никуда не двигались. Днем полковник Шеин попросил меня переснять 2-верстную карту. За этой работой я просидел почти весь день в кабинете начальника левого боевого участка на вокзале.

Наши части вновь заняли Константиновку, на этот раз наступление велось не с нашей стороны, а со стороны Никитовки. Вечером большевики, перейдя в наступление со стороны Очеретино, подошли к Ново-Бахмутовке и начали артиллерией обстреливать ст. Скотоватую. Таким образом получается, что они заходят нам в тыл. На разъезде Петруньки в 6–7 верстах в тылу от Железной явилась партия большевиков и требовала от сторожа, чтобы тот начал разбирать путь. Это, должно быть, была местная группа. Еще в субботу часов в 11 вечера, после нашего отхода в Железную, около этих самых Петруньков было произведено 3 взрыва железнодорожного полотна, но повреждения были самые незначительные.

Ночью нам было приказано быть наготове, и мы прямо со двора навели нашу пушку на гребень горы за Железной. Хорошо, что сегодня мы довольно спокойно простояли и успели привести себя в некоторый порядок: слегка выпались, отдохнули, переодели белье. Теперь опять можно хоть куда.

Вообще, здесь заботишься только о завтрашнем дне, а на остальное наплевать. Все старания направлены на то, чтобы во время отдыха поесть и поспать, как следует, потому что неизвестно, как в этом отношении дела будут обстоять через несколько часов, а потому и пользуешься моментом. До сих пор никакого впечатления бои на меня не произвели, сам не знаю даже, чем это объяснить. Общее впечатление от всего того, что делается сейчас на нашем участке фронта, указывает на какую-то несогласованность и беспорядочность с нашей стороны, не видно, по крайней мере, централизации. Будь большевики порасторопнее и посмелее, они могли бы здорово нас захлопнуть здесь уже не раз. Было бы обидно ни с того ни с сего попасть в эту ловушку. Зная, что в военном отношении они не представляют особо грозной силы, всё время остаешься спокойным, несмотря на то, что положение наше сейчас не из лучших, если не удастся завтра же ликвидировать их прорыв на Скотоватую.

Всё время я почему-то напеваю два мотива: «Ах, я влюблен в глаза одни» и «Кто любит свою королеву, тот молча идет умирать»; последняя очень хорошенькая песенка из репертуара Вертинского. Слова и мотив ее мне замечательно нравятся, сильные слова.

5.03.1919. Получили сведения, что наши части из другой группы, назвав с Авдеевки, заняли Очеретино и отрезали наступающих на Скотоватую большевиков. Таким образом, окружающие сами оказались в роли окруженных. Благодаря этому наш поход для ликвидации прорыва отменили, и мы остались спокойно в Железной, хотя к 5 утра у нас уже всё было готово для выступления. С нами должны были идти еще человек 70 пехоты и до 50 конных партизан. Здесь мы настолько привыкли уже к микроскопическим силам, что этот отряд должен был представлять собою уже внушительную силу.

Сплошного фронта здесь нет, как я уже говорил, и война ведется исключительно маневренная. Каждая сторона старается окружить дру-

1917

гую или обойти ее с какой-либо стороны. Эти маневры для большевиков очень часто оказываются неудачными, так что они хотят, как слышно, установить сплошной фронт и перестать окружать «кадетов». Многие из местных, ушедших к большевикам, начинают возвращаться обратно и, как говорят, с винтовками. Это не особенно приятный номер в нашем тылу. Нет лишних сил для того, чтобы переловить всю эту публику и разоружить их.

Днем мы воспользовались свободным временем и сходили в баню, в расположенную близ станции колонию Нью-Йорк. Хорошо живут в этой колонии: приличные домики, магазины, электрическое освещение, большой завод земледельческих орудий, шикарная паровая баня. Ночью, по сведениям контрразведки, большевики предполагают прорваться к железной дороге и взорвать мост позади Железной с целью отрезать нас от Скотоватой. К мосту выслана была охрана, а нам снова приказано быть готовыми в любое время.

6.03.1919. Наши солдаты вообще довольно славные и остроумные ребята. На этих днях я от них услышал довольно интересный случай проверки умножения, основанный на том, что «произведение сумм цифр множимого и множителя равно сумме цифр произведения» получается замечательно скоро и хорошо. Наш денщик Иван Заболотнев тоже занятый парень. Капитан дал ему что-то и сказал передать по принадлежности и спросил у него, знает ли он, что это такое. Тот сначала как будто обиделся, а потом бухнул: «Так что по случаю отъезда, значит». Все так и расхохотались от такого объяснения.

Днем получена телеграмма от командира батареи, в которой тот срочно просит прислать ему инструменты, людей и Андрея. Андрей, как видно, с радостью согласился на эту поездку в Иловайскую. Командир, очевидно, очень ценит хозяйственные и организаторские способности Андрея и очень хорошо к нему относится. С ним вместе поехал и Дзиковицкий привести свое одеяние и сапоги в порядок. Это немножко странно: он 24-го только вернулся из 2-месячного отпуска с опозданием и теперь опять чинится. Можно было несколько раньше об этом позаботиться.

Людей у нас с каждым днем убывает, все заболели, так что нашего денщика временно посадили за ездового. Лошади тоже сильно сдали, их уже начинает не хватать. Сюда должны подойти солидные подкрепления, а то довольно неинтересно получается с такими незначительными силами сдерживать довольно основательные, тысячные группы красных. На Пологском направлении наши оставили Б. Токмак и Волноваху, благодаря чему перерезано сообщение с Мариуполем.

Вечером разбирали наш поход на Екатериновку, и только теперь поняли, в каком безвыходном положении мы оказались бы, если бы красные несколько иначе зашли бы из Смоляниново. Такие положения здесь встречаются на каждом шагу. Полковник Шеин очень спокойно, хладно-

кровно относится ко всему этому, а полковник Петров и капитан Дзиковицкий все-таки сильно волнуются.

7.03.1919. Наши части вчера вечером опять отдали Константиновку. Красные начали уже обстреливать Кривой Торец ружейным огнем. Выезжали на позицию у Железной, на то место, где в первый день стояли и откуда подбили броневик. День для нас прошел спокойно, часам к 5 мы снялись и разместились на прежних квартирах. Здесь после 6 часов боевые действия совсем затихают. И та и другая стороны на ночь обычно располагаются в ближайших селениях.

Сегодня первый раз появился над нашим расположением большевицкий аэроплан, который полетал несколько минут, сбросил 3 бомбы, пострелял из пулемета и скрылся.

Вечером вернулся из командировки на Кубань прапорщик Лернер⁹⁹, он проезжал теперь через Иловайскую, где пробыл 3 дня. Наши последние хозяева передали через него нам целый мешок провизии и пирожков, и письмо. Замечательно симпатичные и отзывчивые люди. Относятся к нам, как видно, вполне искренне и совсем так, как близкие родные. Вечером мы целой компанией устроили настоящий чай. Как-то веселее себя чувствуешь, когда плотно и вкусно поешь. Один казенный обед все-таки весьма недостаточен, и кроме того не вкусно.

8.03.1919. Ни с того ни с сего выпал снег вершка на два. Для нашей обуви такое состояние атмосферы просто беда, всё будет насквозь мокрое.

Константиновка опять в наших руках. Тут всё время происходит какое-то топтание на одном месте. И не мудрено, если в ротах Белозерского полка¹⁰⁰, с которым мы оперируем вместе, насчитывается по 8–11 штыков. Всего в этом полку пока 4 роты, на долю которых приходится солидное пространство с 4 станциями.

Раздобыли от пленных большевицкую газету «Борец за коммунизм», издающуюся в Харькове. Ликуют они по случаю взятия Херсона и говорят о том, что Николаев сдастся им без боя. Насколько я знаю, дела там обстоят несколько иначе: Херсон взят обратно, а Николаев ничего такого не думает. Одна из статей посвящена союзникам. В ней уверяют, что союзники, кроме обороны Одессы, никаких военных действий против советской власти предпринимать не будут, так как, по их словам, французский пролетариат отказался идти против русских бедняков. По их сводке, на Западном и Сибирском фронте они терпят поражение. Тон у них не настолько нахальный и ругательный, каким они отличались раньше, а более умеренный. Относительно нас они говорят, что мы придем в себя только в последнюю минуту перед расстрелом. Пусть бы лучше они о самих себе позаботились.

9.03.1919. Получились сведения: якобы в Москве поднялось восстание. В данное время обычное восстание в центре России едва ли поможет чему-либо, так как поднимается только незначительная кучка людей. Однако невинных жертв при подавлении восстания будет очень много.

В Изюмском уезде крестьяне тоже пошли против советской власти. Фронт тут недалеко, и такие восстания могут принести существенную пользу.

Красные верны своему последнему обычаю и сегодня, под воскресенье, начали сильно нажимать. Мы успели как следует пообедать, как пришлось уже собираться на позицию. Красные нажимали основательно со всех сторон и обошли нас справа и слева. Впереди Железной они опять заняли Константиновку, Плещеевку и Кривой Торец и сзади нас заняли Ново-Бахмутовку и ст. Скотоватую.

Наши сняли с броневика пушку и пулеметы, так как железнодорожная линия была перерезана сзади и спереди. Стреляли мы сегодня почему-то очень неважно. Когда стемнело, мы отошли на восточную окраину селения Железного. Обоз наш ушел по направлению к Горловке, в результате чего мы на весь день остались без пищи. Ночью поднялся сильный ветер, стало холодно. На улице невозможно было оставаться, и мы зашли в одну из хат, где полусидя дремали до рассвета.

Днем мы чуть было не сбили наш аэроплан. Он неожиданно появился над нашим орудием и летел очень низко. Нам было приказано приготовиться к стрельбе, и чуть было уже не сказано стрелять. Сбить его на таком расстоянии не представляло никакой трудности. Только в самый последний момент на хвосте «Вуазена» различили наши национальные цвета. Через минуты 2 аэроплан опустился; оказалось, что у него испортился мотор.

10.03.1919. Наши части из Авдеевки ночью заняли Ново-Бахмутовку, выйдя таким путем в тыл большевикам, занимавшим Скотоватую, благодаря чему они после короткого боя оставили последнюю. Таким образом, их обход нашего тыла был ликвидирован, и мы, выйдя из почти безвыходного положения, перешли в наступление на Кривой Торец. Туда же, справа от полустанка Дылеевка, наступала рота 2-го офицерского полка. Это был уже четвертый воскресный поход большевиков на Железную, и он в четвертый раз им не удался. На этот раз наступление обошлось нам довольно дорого: убит капитан Шераевский и ранено 15 человек, что очень чувствительно для тех сил, которыми мы располагаем. Если бы наше войско здесь было побольше, мы могли бы каждый раз окружать и «отхватывать» довольно большие группы красных и таким образом отучить их от этих ежедневных наступлений. Однако с нашими настоящими силами приходится ограничиваться только водворением противника на прежнее место, нанося им незначительные, в сравнении с их общей численностью, потери. Вообще большевики наступают только тогда, когда их собирается не менее 1000 человек, с меньшими силами они почему-то не рискуют.

Наше орудие сегодня не принесло той пользы, какую мы смогли бы принести нашей весьма незначительной пехоте, будь полковник Петров несколько смелее и решительнее. Мы передвинулись вперед вслед за нашей пехотой, остановились на горе на позиции. Вскоре красные открыли

убийственный огонь из нескольких пулеметов и начали стрелять пачками. Наша пехота начала отходить, и мы, вместо того чтобы поддержать наши цепи, тоже снялись с позиции и отошли назад, не произведя оттуда ни одного выстрела.

К вечеру рота офицерского полка заняла Кривой Торец. Путь у Скотоватой исправили, и всё опять погрузилось в относительную тишину. Почти весь день шел дождь, и мы изрядно промокли. Было приятно снять шинель и помыться.

Говорят, что вчера жители Железной выражали радость по поводу нашего тяжелого положения и говорили: «Кадеты теперь в бутылке». В некоторых случаях с мирным населением следует поступать круче и серьезнее, чем это практикуется на самом деле.

11.03.1919. День прошел относительно спокойно. Большевикам продвинуться не удалось, хотя они и нажимали. При нашем наступлении они уже начинают пользоваться небольшими окопчиками.

Сегодня части Белозерского полка сменяются ротой 2-го офицерского полка, в котором насчитывается 76 человек. Жаль, что вместе с ними уходит и броневик «Белозерец». Хотя оборудован этот поезд и неважно, но на этой линии он приносил весьма существенную пользу, являясь большой поддержкой тем незначительным силам, которые здесь держат довольно большой участок фронта. Вместо полковника Радченко начальником боевого участка стал подпоручик 2-го офицерского полка; кажется, он не совсем опытный военный начальник.

Оказывается, что почти на всех участках фронта сил также мало, как на нашем. О наступлении пока думать не приходится, важно лишь удерживаться на этой линии и не пропускать красных в угольный район.

Вечером из Иловайской приехал Дзиковицкий. Говорит, что там где-то красные прорвались, в связи с чем в Иловайской были тревожные настроения. Ее даже собирались эвакуировать, по крайней мере, 4-я батарея оттуда ушла. Красные нажимают там, заняв Дебальцево и Чистяково. Наше 3-е орудие всё еще вместе с Лабинским полком ликвидирует восстание. Оказывается, что они там наткнулись на хорошо организованную банду, которая располагает опытными руководителями, артиллерией, большим количеством пулеметов, прожекторами и т. п.

12.03.1919. Красные заняли Кривой Торец и подошли к Нелеповке, где мы их задержали и откуда сами перешли в контр наступление. Мы стреляли из нашей пушки очень хорошо, обстреляли их цепи французскими гранатами с замедленным разрывом. К вечеру мы снова вошли в Кривой Торец. На этот раз их довольно прилично пощипали. Вместе с нами сегодня работал броневик «Дмитрий Донской», на котором работают исключительно моряки-офицеры. Сегодня он хорошо взял красных в пулеметы в одной из балок у деревни Леонидовки.

Сегодня утром приударил солидный морозец. В 5 утра мы были уже на позиции. После вчерашнего дождя буквально всё промерзло так, что

сегодня утром фуражка, башлык и перчатки покрылись ледяной корой. Работать при пушке было трудно.

13.03.1919. В 1 час ночи нас разбудили и приказали отойти к Скотоватой. Оказалось, что красные прорвали наш фронт на стыке наших частей с Донцами. Вследствие этого все наши части пришлось оттянуть назад. Нас отодвинули верст на 26 от Кривого Торца. После удачной вчерашней операции жаль было уходить и оставлять без боя Железную. Всё время до этого красных к Железной не подпускали, а теперь вдруг — «пожалуйте без боя».

В Скотоватую мы пришли уже совсем днем. За нами тянулись беженцы из колонии Нью-Йорк. Картина, в общем, печальная. В Скотоватой в смысле еды дело совсем табак: тут и продовольствия мало, и жители ничего не хотят продавать. Фуража тоже нет, говорят, что жители разбирают даже старые соломенные крыши и ими кормят скот, которого здесь тоже немного.

Обоз наш ушел в Ясиноватую, а мы заняли позицию на грузовой площадке у самого пакгауза. Весь день прошел спокойно. Красные, видимо, очень осторожно продвигались по оставленной нами территории, хотя от местного населения они должны были узнать о нашем отходе. Контрразведка у них хорошо поставлена, кроме того, частные подводы всё время переезжают линию фронта. Подводы, которые возили нас, тоже вернулись туда.

14.03.1919. На левом фланге наше положение упрочилось. Опять нашими частями занята Авдеевка; Никитовка и Горловка тоже очищены нами без боя. Выяснилось, что дальше мы отходить не будем, будем защищать Скотоватую.

Получены сведения, что генерал Шкуро, забравшись в тыл красных, занял город Луганск. В смысле изменения военной обстановки тут, кажется, можно скоро ожидать красивых номеров. Говорят, что «Осваг» сообщает об аресте советского правительства и захвате власти генералами Гутором и Клембовским, и о связи их с адмиралом Колчаком. Если это так, то вся советская лавочка может уже очень скоро ликвидироваться. Уже давно пора. «Довольно этой колбасы», как принято здесь почему-то выражаться в военной среде. Откуда ведет начало такое странное выражение, сказать трудно.

15.03.1919. Пятница. Утром красные подошли и начали нажимать. В их распоряжении было много пехоты и около 7 орудий, из которых 5 было на броневиках. У нашего самодельного «Белозерца» испортился паровоз, кроме того, почти не было снарядов. Мы расположились около станции у завода и открыли интенсивный огонь. После нашего первого выстрела в расположенном в 30 шагах правее нас частном доме вылетели все стекла, и даже лопнула одна рама. Обитатели дома кубарем выскочили оттуда. Стрельбу мы открыли неожиданно, не предупредив их. Полковник Петров вел стрельбу очень нерасчетливо: за каких-нибудь

полтора часа мы выпустили 42 снаряда и остались всего с двумя. Полковник Шеин в этот день получил предписание отправиться и временно принять какой-то дивизион. Жаль, что он ушел от нас, он очень спокойный и хладнокровный человек и совсем не похож на Петрова, который все-таки довольно панический господин.

Пехота противника продолжала наступать и приближаться к нам, а наши части начали постепенно отходить, а тут у нас нет снарядов. Обещают вскоре доставить из Ясиноватой. Мы снялись с позиции и отошли к разъезду Землянки. Красные глубоко зашли с правого фланга и начали обхватывать наши цепи. Нам необходимо было оставаться на разъезде и ждать снарядов, но полковник Петров перетрусил и выкинул не совсем интересный номер. Снаряды красных начали ложиться у станции, у завода, где мы перед тем стояли, и несколько залетело даже к разъезду Землянки. Всё время был слышен визг и свист полета, разрывы и жужжание осколков. Разрывы у Землянки так подействовали на полковника, что он, не думая совсем, приказал двигаться в Ясиноватую. Дорога была невероятно тяжелая, лошади с трудом везли. Уже подошло к нам подкрепление и броневик, так что двигались в Ясиноватую мы без особых оснований. Снаряды тоже, как оказалось потом, прибыли к нам через несколько часов. Колеса настолько обляпались грязью, что начинали буксовать. Идти было невероятно тяжело: на каждую ногу налипало до 30 фунтов грязи. Я первый раз в жизни видел такую плотную и липкую грязь. Если отстанешь на пять шагов от орудия, то уже никак не догонишь его при всем старании. И по такой дороге мы тянулись 12 верст пешком, так как лошади и без того отказывались двигаться. Под конец начали уже шататься люди, не говоря уже про лошадей. Если бы было на полверсты дальше, то мы бы не добрались. И всё это, собственно, напрасно, так как особенно угрожающего ничего не было. С полковником Шеиным мы бы этого путешествия не делали.

В Ясиноватой узнали, что большевики только на полчаса успели занять Скотоватую, и к ночи уже были выбиты оттуда. Естественно, что нам было приказано немедленно вернуться. К 3 часам ночи мы должны будем погрузиться в эшелон и ехать обратно. Не евши целый день, окончательно мокрые (у меня пот прошел даже через суконную рубашку) мы завалились полежать пару часов, держаться на ногах было прямо-таки невозможно. Вершков на б снизу у меня шинель покрылась полувершковым слоем грязи.

16.03.1919. К 5 часам утра стояли уже на позиции у Скотоватой. Настроение в общем не совсем важное, и чувствуется солидная усталость. Вчерашнее путешествие было не совсем красивым из-за излишней боязливости полковника Петрова. Полковник Шеин сказал как-то про Петрова, что «его осторожность граничит уже с трусостью». К сожалению, оно действительно так, а иметь такого начальника совсем неинтересно. К тому же он и стреляет совсем неважно. Во многих домах, на станции

и в селениях, стекла в окнах переклеены накрест бумагой; говорят, что это предохраняет от выстрелов, но как видно, это средство приносит мало пользы; действие артиллерийской стрельбы можно было наблюдать на многих разлетевшихся стеклах с бумагой в Скотоватой. Говорят, что из Ясиноватских хуторов, расположенных при станции Скотоватой, ушло вчера вместе с большевиками довольно много народу. Вообще, молодежи теперь в деревнях мало видно, одни только старики, младенцы и женщины. У нас очень мягко обращаются с теми домами, члены которых сражаются в рядах большевиков. Когда местным красным приходится туго или надоедает воевать, они, по их собственным словам «бросают винтовку, возвращаются домой в деревни, занятые нами, снимают сапоги, ложатся на печь, и никто их не трогает». И сколько таким путем действительно остаются безнаказанными. Слева со стороны Андреевки была слышна тяжелая стрельба. Это наш броневик «Иван Калита» кроет из 6-дюймовых.

За эти 3 дня сегодня впервые поели горячую пищу из котла 2-го офицерского полка. Готовят у них намного лучше нашего.

17.03.1919. Большевики открыли основательную артиллерийскую стрельбу по станции. Снарядов они, как видно, не жалеют. Дуют они преимущественно из броневика, дымок которого виден в направлении на Петруньки (разъезд за Скотоватой).

Под вечер я дежурил на наблюдательном пункте. В это время большевики обстреливали наш броневик «Генерал Алексеев», который отходил к станции. Их снаряды падали с большим перелетом и попадали на линию наблюдательного пункта, где я находился. По мере хода броневика снаряды разрывались всё ближе и ближе ко мне. Один разорвался совсем чуть ли не рядом. Довольно неприятное впечатление производит свист, когда слышишь, как снаряд летит прямо на тебя и всё время снижается. В общем, за вечер они гвазданули до 300 снарядов и пристрелялись к станции довольно прилично. Обычно они стреляют из нескольких орудий и снарядов не считают. Не так, как мы: всего с одной пушкой и каждый выстрел на учете, поскольку приказано расходовать не больше 7 в день.

Телефонисты на станции довольно часто подслушивают разговоры большевиков. Передают, что красные затевают какое-то наступление на участке нашего фронта.

Сегодня день Ангела папы. В этом году у наших он проходит в еще более худших условиях, чем в прошлом году. Тогда было спокойнее у немцев, а теперь у большевиков.

18.03.1919. В 4 с половиной утра мы стали на позицию, а около 6 уже обнаружилось приличное наступление красных на д. Новоселовку, откуда они после короткого боя выбили полуроту Самурцев. Завязался солидный бой. На всех буграх нашего левого фланга появились густые цепи противника. Мы на рысях направились на левый фланг и сбили красных с двух бугров. Местность здесь очень пересеченная, и, будь у нас побольше

ше войска, можно было бы проделывать красивые маневры. В настоящем же положении приходится довольствоваться тем, что видишь как со всех сторон лезут с бугров красные.

Под Новоселовкой встретился с младшим Крокосевичем¹⁰¹. Он теперь в Самурском полку. Старший брат его¹⁰² тоже приехал сюда после Рождества из Харькова и в той же роте Самурского полка. Отошли мы назад после того как наша пехота стала отступать, и ружейные пули стали пролетать над орудием.

Подошел наш броневик «Князь Пожарский» с морскими орудиями, из которых два легких, а одно шестидюймовое, но спасти положение уже было нельзя. На одном только нашем левом фланге наступало более 4 тысяч красных. Кроме того, они давили со стороны Железной и солидно обхватили наш правый фланг. Наступали они полукругом верст в 20. Мы меняли позицию четыре раза и стреляли почти по всем участкам фронта, выпустив около 90 штук. Около 2 часов дня большевики заняли Ново-Бахмутовку и начали обстреливать наших артиллерией с двух сторон.

Весь день с утра до 12 ночи шла несмолкаемая ружейная, артиллерийская и главным образом пулеметная стрельба. Отступив от Скотоватой верст на 5, мы только тогда вышли из окружавшего нас полукольца. Соотношение сил было приблизительно такое: на одного нашего приходилось до 30 человек красных. Наша пехота отходила очень медленно, приказано было удерживаться во что бы то ни стало на Скотоватой, но это было выше наших сил. Сегодня во время нашей стрельбы французскими гранатами по цепи на правом фланге видел, как одного из красных буквально разорвало на куски и разбросало.

Около 12 часов ночи наша пехота перешла в контратаку и снова заняла Скотоватую.

Под Землянками у нас сломалось дышло при повороте. Пришлось грузиться без платформы, лошадей и орудие прямо с насыпи втаскивали в вагоны прямо с насыпи по шпалам. Первый раз ели сегодня в 1 час с половиной ночи. Лошади совсем сели от наших переездов с одного участка фронта на другой. Ездим теперь на восьмерке, и то еле тянут.

19.03.1919. Утром красные при поддержке бронепоезда опять заняли Скотоватую. Наш броневик «Князь Пожарский» задержался и не мог отбить их наступление. Они опять начали крыть по Землянкам и нашему эшелону. Я в это время спал и даже не слышал разрывов, которые были недалеко от нашего вагона. Проснулся я только после того, как тяжелое орудие «Князя Пожарского» ахнуло, и все стекла в Землянках разлетелись.

Чтобы отремонтировать дышло, нам пришлось со всеми тремя вагонами ехать в Ясиноватую. При въезде на станцию встретили Андрея. Он привез с собой опять целый мешок пирожков от наших хозяев...

У нас в пушке всё время большой недокат: после стрельбы на большое расстояние всегда приходится докатывать усилиями 4–5 человек. Решили заодно уже разобрать и почистить пушку. В Ясиноватую на почин-

ку прибыло также и второе орудие нашей батареи. Они, как оказалось, уже 16 дней работают под Авдеевкой.

Спали мы в этот день около восьми часов, чего давно уже не бывало. Люди основательно устали.

20.03.1919. Сообщения газеты красных относительно Херсона и Николаева оправдались, они заняли оба этих города. Кроме того, на юге они вообще имеют огромный успех и заняли Мариуполь и Бердянск. На помощь живой силы союзников рассчитывать нечего, как говорит «Приазовский Край». Сегодня начали эвакуировать Ясиноватую. Штаб нашей дивизии перешел в Макеевку. Наш обоз тоже передвинулся туда.

Мы сегодня помылись в бане и с довольно хорошим вследствие этого чувством, со смазанным и протертым орудием и со слегка отдохнувшими лошадьми опять двинулись на Скотоватское направление. Говорят, что Шкуро занял Никитовку и Горловку и двигается на Железное. Плохо, что мы не удержали Скотоватую и главным образом Ново-Бахмутовку, которая стоит на линии Очеретино—Горловка и идет приблизительно параллельно общему направлению фронта, между тем как линия Железная—Скотоватая перпендикулярна ему. Эти линии перекрещиваются впереди Скотоватой верстах в трех. Удержись мы здесь, получилась бы совсем иная картина в положении красных. Но тут мы не виноваты, потому что 18 числа мы держались, пока было возможно, потеряв людьми более 100 человек и самодельный броневик «Белозерец». Он стоял у станции на одной линии и впереди «Князя Пожарского». От выстрелов у последнего сорвалась передняя предохранительная платформа и, покотившись под уклон, налетела и опрокинула «Белозерца». С него успели снять пулеметы, панораму, замок и немного испортить пушку, так как красные уже входили на станцию.

21.03.1919. Во сне видел, что я заболел сыпным тифом, и от этого пришел в ужас. Заразиться здесь этой болезнью — пара пустяков, так как спишь всё время в грязи, не раздеваясь, и от вшей буквально нельзя избавиться, а больных теперь невероятное количество. Говорят, что в Ростов чуть ли не каждый день привозят по 500 человек больных солдат, благодаря чему у нас везде такие микроскопические силы.

Часам к 12 мы заняли Скотоватую. Казалось, что этот день пройдет спокойно, так как красные уходили под угрозой операций генерала Шкуро. Но оказалось совсем не так. Сначала мы встали на старую, совсем открытую позицию, затем переехали правее сажень на 50. На станции шли работы по исправлению пути. Тут красные, заняв доминирующий желтый бугор, начали нас здорово донимать артиллерийским огнем из четырех орудий. Сначала они крыли по району станции и прогнали оттуда все эшелоны и пехоту, а потом начали покрывать и нас. Мы просили броневик «Князь Пожарский» открыть огонь по неприятельской батарее совместно с нами, но он очень быстро ушел после того, как около него упало несколько снарядов. С желтого бугра красным было

всё великолепно видно, и они стреляли, как хотели. Таким образом, мы остались совсем одни. Отойти нам было нельзя, так как версты 3 пришлось бы двигаться по совершенно открытой дороге. Под непрерывным обстрелом мы просидели с 1 часу дня до 4 вечера. Красные выпускали по несколько снарядов в минуту, и последнее время очень здорово крыли по месту расположения нашего орудия. Гранаты всё время рвались в нескольких шагах. Одним из разрывов мне забросало землей всю спину. Попади она на один шаг дальше, в каменный угол стены, мы все были бы ранены или перебиты. Все стекла в больнице, возле которой мы стояли, были разбиты. Некоторые у нас здорово передрефили, а я как-то совсем мало волновался.

Большое впечатление произвела на всех колонна, которая спускалась с бугров в Скотоватую несколько сзади нас, на 90 градусов правее от направления нашего орудия. Ее довольно поздно заметили, когда передовые разезды уже начали входить в селение. До самого последнего момента мы не могли узнать, чьи это — свои или чужие. Таким строем из Горловки могли двигаться большевики, поскольку мы только сегодня заняли Скотоватую, и они могли об этом не знать. С другой стороны, это мог идти генерал Шкуро со своими частями, но мы ничего не слышали, чтобы он в данный момент был так близко от нас. Около 4 с половиной приехал офицер от начальника боевого участка, чтобы уточнить у нас, кто это приближается. Поскольку мы не знали, то по приказанию начальника участка нам следовало это выяснить совместно с приехавшим офицером. Поднялся солидный переполох, у некоторых начали трястись ноги, Андрей тоже всполошился. Будь это красные в таком количестве, мы бы «уже таки да» не выбрались отсюда. У меня состояние было какое-то неопределенное. Примерно через 15 минут выяснилось, что это отряд генерала Шкуро. Прямо возмутительно, что здесь так слабо налажена связь: идет такая большая колонна, а никому об этом не известно. Красные с утра пустили несколько снарядов по этому отряду и прекратили обстрел. Видимо, на них этот отрядик тоже произвел солидное впечатление. Вошли «Шкурята» в селение с оркестром военной музыки. В общем, сегодня было довольно много впечатлений.

Вообще за последние дни бои стали более серьезными. Приехавшие с германского фронта говорят, что последнее время огонь достигал такого же напряжения, как и в европейскую войну. К вечеру разразилась солидная гроза с проливным дождем, от которого я спрятался в мертвецкую при больнице.

22.03.1919. Со Шкуро пришла исключительно конница, батарея горных пушек и два легких орудия. Как налажена связь здешних частей с его отрядом, до сих пор неизвестно. Угрожающий нам желтый бугор до сих пор нами не занят. Опять может получиться вчерашняя история, только на этот раз это будет стоить больше жертв, поскольку теперь войск здесь гораздо больше.

Вчера от артиллерийского огня у нас погибло около 10 солдат и 1 офицер.

Дебальцево было занято и теперь опять отдано. Говорят, что там не повезло генералу Покровскому. Юзовку тоже недавно отдали красным, и теперь Шкуро движется туда в обход, как можно судить по передвижению его конницы. Они здесь здорово пощипали население. Хотя все здесь настроены большевистски, но тем не менее казачки уж очень основательно на них навалились. Это уже ничем не отличается от образа действий самих «товарищей».

Скверно то, что все части довольствуются своими собственными средствами и попечением, без всякого интендантства. Получается, что пребывание какой-либо части в известном районе полностью ложится на мирное население. Кроме этого, постоянно требуются подводы для перевозки войск, и обозы уже окончательно заездили обывательских лошадей.

Красные собрались было занять желтый бугор. Сегодня мы дострелялись до того, что у нас оставалась всего одна граната. Хорошо, что довольно скоро получили пополнение снарядов. Вечером красные опять обстреливали Скотоватую, но после вчерашнего это казалось игрушкой. «Князь Пожарский» к станции не подходил и стрелял откуда-то издали. Что-то больно боязливы работающие на нем морские офицеры. Вчера они постыдно ушли, оставив нас на произвол судьбы под сильнейшим огнем. Этот броневик хорошо расстреливал отходящие от Скотоватой обозы красных. На другую работу он, как видно, не совсем горазд.

На деревьях около станции начали набухать почки, скворцы начали летать и петь совсем по-весеннему, хотя еще холодно.

23.03.1919. Во сне видел, что попал в Москву и разговариваю с Олей. Она меня почему-то плохо узнавала, но, тем не менее, на меня нашло такое тихое, мирное, хорошее настроение, с которым не хотелось расставаться. Как-то спокойно и радостно было на душе. Очень давно не было у меня такого чувства, и я уже солидно по нему истосковался. Не только тихой, но и вообще никакой радости я уже очень давно не испытывал. Хотелось бы отдохнуть душой, хотя бы некоторое время, а то очень уж всё беспросветно.

Сегодня именины Лиды. Дома, верно, в этот день вспоминают нас с Андреем и едва ли там весело настроены.

Последние дни я пишу эти записки урывками, где только придется. Очень часто только воспользуешься минуткой, чтобы занести что-либо в тетрадь, как поднимается стрельба, от этого теряется связь и нить событий в рассказе. Слог делается шероховатый, а от спешки страдает орфография.

В селении от хозяйничанья Кубанцев и Терцев стоит сплошной вой. Сплошное безобразия: чересчур уж они распушены и свободны в своих нравах.

Часов около 4 с половиной, когда я был на наблюдательном пункте, началось какое-то усиленное шевеление на отдаленных буграх справа и слева. Оказалось, что это красные повели наступление. Мы начали их задерживать в центре и несколько справа. Под Петруньками показались два бронепоезда противника. Пристреляться по ним было очень трудно, так как вследствие болотистой местности около места их стоянки разрывов совершенно не было видно. Мы довольно основательно обстреляли неприятельскую цепь и очень скоро остались всего с двумя гранатами. Бой начинал развиваться: их броневики стали солидно гвоздить по Скотоватой. В это время Андрей сообщил мне, что он по приказанию полковника уезжает сейчас в Ясиноватую. Я сильно возмутился, так как в такой момент важен каждый человек. Кроме того, полковник говорил ему об этой поездке, когда еще всё было тихо. Мне неприятно было видеть, что он волнуется и старается во что бы то ни стало уехать отсюда. Нервы у него, как видно, слабоваты.

Около 5 с половиной часов красная кавалерия, обойдя наш правый фланг, ложиной вышла справа несколько позади нас и стала уже спускаться и входить в Скотоватую. Поднялась страшнейшая пулеметная и ружейная стрельба. Полковник приказал браться в передки и рысью отходить назад. Поднялось волнение. Я успел собрать свои вещи в помещении, помог взяться в передки и сел на орудие. Несколько раз мне пришлось прикрикнуть на солдат, чтобы было поменьше суеты. Не успели мы отъехать и 100 шагов, как началась стрельба залпами, нас осыпал град пуль; к счастью, они пролетали несколько выше нас. Если бы мы поехали деревней, то, безусловно, все бы погибли, так как начали стрелять из домов. Раньше при наших отходах этого не наблюдалось. По-моему, за это надо благодарить казачков, которые своим обращением раздражили население.

Мы поехали полем и через полчаса вышли из-под обстрела. Полковник и капитан Дзиковицкий очень сильно волнуются, полное спокойствие сохраняет капитан Вильман¹⁰³. Сам я тоже волнения не испытывал и всё время одергивал солдат. Сегодня в первый раз нами был брошен телефонный провод, мясо, хлеб, картофель и кое-какие вещи в помещении. Ночевали мы в Землянках. Там от стрельбы 6-дюймовки «Князя Пожарского» вылетели не только стекла, но и рамы в здании станции.

24.03.1919. Утром приехал командир и второе орудие нашей батареи. Повели наступление на Скотоватую. Андрей тоже прибыл с ними и, по-видимому, рассказал командиру о вчерашнем дне больше, чем на самом деле было, хотя в самом финале он не участвовал, так как уехал за полчаса до появления большевистской кавалерии.

Часов около 11 мы заняли Скотоватую и сбили красных с угрожающего нам желтого бугра. Вечером мы снова расположились в здании больницы. Андрей раздобыл у фельдшера эфир и основательно нанюхался. Прямо не понимаю, что с ним делается.

Только сегодня получили жалование за февраль месяц. Нечего сказать, хорош наш заведующий хозяйством: ни о чем не заботится и ничего не высылает — питайся и живи, как хочешь.

Говорят, Шкуро занял Очеретино и нанес красным большие потери. Идет он фланговым движением вдоль фронта, на нашем участке он не задерживался, в боях не участвовал.

25.03.1919. С утра была обычная перестрелка, а в 4 часа было приказано наступать и занять Железное. Наступление шло быстро и энергично. Мы со своей пушкой всё время выскакивали на открытую позицию и сбивали красных, облегчая нашей пехоте продвижение. Бронепоезд красных выпустил по нашему орудью около 15 снарядов, но они только просвистели над нами. Около 6 с половиной мы с орудием были уже в Железном, второе орудие шло сзади нас. Всё шло хорошо, было радостно и приятно на душе.

Около 9 часов на северном конце селения Железное, которое тянется версты три, наш правый фланг неожиданно подвергся пулеметному и сильному ружейному обстрелу. Рота Белозерцев от этого разбежалась и бросилась вдоль фронта на левый фланг. Наш полковник тоже попал в эту переделку и, бросив свою лошадь, пустился удирать пешком. Когда левому флангу эти разбежавшиеся сообщили, что правый фланг окружен (чего на самом деле не было), то тот счел необходимым отойти. Такое блестящее начало так неинтересно окончилось. В эту ночь селение и станция Железная оставались нейтральными. Наши части расположились у южной окраины деревни.

Когда мы начали наступать, кто-то сказал, что «в Благовещенье птица гнезда не завивает», а мы идем убивать людей.

26.03.1919. Утром мы заняли ст. Железную и начали уже продвигаться дальше. Красные упорно сопротивлялись и начали нас обходить. На левом фланге у них появилось довольно много кавалерии. Мы были уже на северной окраине деревни, когда обнаружился этот обход. Цепи наши вынуждены были отходить, и мы тоже двинулись обратно. Железную пришлось оставить. Мы всё время поддерживали наш левый фланг и очень удачно стреляли с открытой позиции: подбили пулемет красных, который двигался на тачанке, чем внесли некоторое расстройство в их ряды. Но, тем не менее, пришлось отходить, так как они лезли со всех сторон. Мы отходили попеременно со вторым орудием: когда мы отступали, они стреляли, затем они уходили назад, а мы их прикрывали. По дороге двигались повозки с ранеными. Много лошадей было переранено, их как-то больше жаль, чем людей. Только у Скотоватой мы выбрались из этого обхода. Но и у этой станции нам не удалось удержаться. Кавалерия противника снова обошла нас и появилась у нас в тылу на линии Землянок. В Землянках нами была набрана команда из нестроевых, кашеваров и т. п., человек 20, и под командой мл. Крокосевича выслана против этой кавалерии. Наше 2-е орудие запустило туда две шрапнели и окончательно ликвидировало этот прорыв.

Снарядов у нас немного, всё время приходится экономить. По полевым войскам часто стреляем зажигательными снарядами. Войск тоже совсем мало, везде и всюду нас могут обойти и окружить. Мы наступали на Железную, но на нас так «наступили», что пришлось оставить даже Скотоватую и удалось задержаться только у разъезда Землянок. Полковник Петров уехал из нашего орудия, теперь он будет в Иловойской замещать командира батареи, который назначен начальником артиллерии участка. С Петровым все-таки тяжело служить, человек он крайне нераспорядительный и панический. Для этой войны он совсем не подходит: мало жизни и подвижности и чересчур много в нем осторожности.

27.03.1919. Приехал командир, и мы снова перешли в наступление с целью овладеть Скотоватой. Около полудня мы были уже за станцией и начали сбивать красных с «желтого» и других бугров. Очень удачно расстреливали их цепи и сбили пулемет, причем пулеметчику нашей гранатой отхватило ногу. Красные стреляли по нашему орудью, но их снаряды всё время перелетали через наши головы. Часам к двум мы перешли на правый фланг и начали продвигаться дальше. Во время проезда через деревню я на рысках садился на лафет, но сорвался и начал падать. Меня подхватил и с трудом поддержал старший фейерверкер Луковников. Не будь его в это время поблизости, орудие переехало бы мне шею или голову и тогда — поминай, как звали... Часам к трем мы вышли на железную дорогу Горловка—Очеретино и подошли к самым нашим цепям, которые залегли по ту сторону этой линии шагах в 50. Тут над нами разорвалась шрапнель, и Дзиковицкий сразу рысью дернул в сторону от дороги, за бугор. Немного не того, в смысле хладнокровия и выдержки, ведет он себя в бою, а ведь кадровый офицер. Он сегодня как раз уезжает на службу в управление дивизиона к полковнику Шеину. Всё время стремился к этому и, наконец, словчился. Штабная должность, конечно, спокойнее. Меня удивляет только то, что за глаза он ругал полковника Шеина, а сам просится, чтобы служить с ним. Вообще, кадровых офицеров что-то мало видно на фронте, все полюбили штабы и прочие тыловые учреждения. Воюет главным образом молодежь.

Дальше железной дороги мы сегодня не продвинулись. Второе орудие ночью ушло обратно, и мы снова остались здесь только с одной пушкой, а между тем это направление стало очень важным, так как красные стянули сюда большое количество сил, много артиллерии и бронепоездов.

К нам тоже каждый день приходят один или два броневика, но все-таки с той артиллерией, которой мы располагаем на этом участке, против них, бороться трудновато. Когда второе орудие прибыло сюда, они все время хвастались трудностью своего участка, но, повоевав здесь пару дней, сказали, что наш участок очень паршивый и красные более стойко дерутся, чем у них. Здесь каждый день идут довольно интенсивные бои, благодаря чему вот уже две недели совсем не имеешь и часу времени для того, чтобы переодеться. Лошадей тоже за всё это время ни разу не распрягали и не разамуничивали. Тяжело им.

28.03.1919. Я остался после отъезда капитана Дзиковицкого на его месте — начальником 4-го орудия. Утром мы вышли и заняли позицию у мельницы за заводом. Нужно заодно отметить, что тут невероятное количество ветряных мельниц. Куда ни посмотришь, везде их видишь. В каждой деревне найдешь, по крайней мере, не меньше десяти.

День был солнечный, но из-за сильного ветра было невозможно холодно. На батарее мы выкопали целый ряд ям, в которых укрывались от этого пронизывающего насквозь ветра. Я закутался в башлык и то никак не мог спастись от этого холода. Только в яме было тихо.

Часов около 2 фронт заметно оживился. Со стороны большевиков слева участвовало 3 орудия, в центре 2 бронепоезда, справа 4 орудия и до 3 с лишним батальонов пехоты с несколькими конными отрядами. Справа наша позиция была совершенно открытой. Часа в 3 обнаружился обход нашего левого фланга. Мы снялись с этой позиции и двинулись влево, чтобы облегчить положение левого фланга, но в это время получилось приказание начальника боевого участка обстрелять желтый бугор и мост в центре. Броневики наш начал отходить назад, и нашу пушку прямо рвало на части. Мы снова двинулись на прежнюю позицию, к которой большевики уже пристрелялись, и двигаться к которой нужно было по совершенно открытому месту. Андрей всё время убеждал меня не ехать туда и доказывал опасность того места. Мне это надоело, и я сказал ему официально: «Поручик Седельников, прошу без разговоров». Мне самому было приказано капитаном Вильманом вести орудие туда, и рассуждать было совершенно излишне. Не трудно было предугадать, что мы можем попасть в хороший переplet, потому я предупредил солдат, чтобы не было суетни и ничего бы не делалось без моей команды.

Не успели мы произвести и четырех выстрелов, как нас начали уже солидно обкладывать на перелетах. Пехота наша начала быстро отступать. На нее навалились три пушки слева, а нашим орудием заинтересовалась батарея красных справа, которая видела нас как на ладони. С наблюдательного пункта быстро было передано приказание браться в передки и рысью отойти в ближайшую балку. В этот момент я давал направление орудию на мост и находился на бугре впереди орудия; когда я подошел к пушке, мне этого не было передано. Я приказал приготовиться к отходу и оставаться спокойными. Сам я чувствовал себя удивительно спокойно и всё время следил за тем, чтобы не развилось паники. В передки мы брались под сильным шрапнельным огнем. Когда было получено приказание уходить рысью, снаряды начали рваться над самой пушкой. Я ожидал еще полминуты, чтобы дать возможность номерам сесть, и двинул орудие рысью, но никто из номеров не сел, все разбежались в стороны. Остались у орудия только Андрей, Щербак и я. Мы, с началом движения, сели на лафет, но в этот момент они закатили шрапнелью по самой пушке. Андрей упал, как сноп, прямо под колесо, всё орудие было в дыму и пыли. С громадным трудом под таким огнем мне удалось остановить

орудие, так как ездовые легли в седлах и всё время постегивали лошадей. От места падения Андрея мы отъехали всего только 30–40 шагов, остановились, подобрали его и снова под огнем двинулись дальше до балки. Только там через некоторое время собрались все наши, так как все, вполне естественно, предпочитали далеко рассыпаться по полю и не идти по той дороге, поскольку красные всё время крыли по нашей пушке.

Рана у Андрея не опасная: шрапнельная пуля попала в голову, но кость не пробил; гораздо серьезнее то, что мы переехали его пушкой. Тут его наскоро перевязали и отправили вместе с прапорщиком Егоровым¹⁰⁴, которого контузило в правое плечо и голову. Кроме них пострадал еще один солдат, и по шее лошади скользнула пуля. Потерь было мало, если считать, что за очень короткий промежуток времени по пушке попали более 70 снарядов. Какое счастье, что лошади не были переранены и перебиты.

Андрей страшно волновался, говорил, что теперь он уже отдохнет, как следует, и когда приехал в Ясиноватую, то сказал кому-то, что его бросили бы, если бы он был ранен более тяжело. Таким словам я уже возмутился. Я остановил бы орудие, если бы был ранен кто-либо из солдат, а не то что он.

Не успели мы дать возможность лошадям отдышаться, как пришлось двигаться на правый фланг и облегчить отход пехоты. Снялись мы только после того, как наши цепи совсем близко подошли к нашей пушке. Скотоватую опять пришлось оставить и удерживаться перед разъездом Землянки. На этот раз цепи наши подошли к нему версты на полторы.

29.03.1919. Начали снова наступать на Скотоватую. Наша пехота совсем измоталась, лошади тоже с трудом передвигаются. Пошли в наступление мы не совсем бодро, не было надежды продвинуться вперед. Пехоту нашу тоже с трудом подняли. Мы с пушкой сперва двинулись к Новоселовке и нашим огнем помогли занять ее. Справа от полустанка Батмановка на Скотоватую шли две роты офицерского полка, человек по 30 в каждой. Затем мы перешли к ст. Ново-Бахмутовка, в которую вскоре начала входить наша пехота. Из селения их удалось выбить часам к трем, а на станции Скотоватая они задержались до самого вечера. Мы было уж совсем начали входить в Скотоватую, но наш взвод оттуда вышибли, и пушку пришлось оттянуть на полверсты назад и снова крыть по станции и желтому бугру.

Около 5 с половиной мы вновь подошли к Скотоватой. В это время их броневик вышел из-за поворота и начал приближаться к станции. Вообще он шел очень смело и даже нахально, очевидно, не зная как следует обстановки. Наши солдаты, как я узнал потом, здорово передреифили, хотя броневик и не стрелял в нас. Мы быстро снялись с передков и закатали в него гранатой, после чего он поспешно удалился. Уже совсем поздно вечером наши заняли этот пресловутый «желтый бугор». До сих пор не понимаю, как нам удалось снова занять Скотоватую. У красных на

этом направлении было 3 бронепоезда и 2 батареи и много снарядов, расходовать которые они совсем не стесняются (так как кроют всё время), и, несмотря на это, они бежали.

Узнал, что Андрея отправили в Ростов в 16-й госпиталь.

30.03.1919. Сегодня на нашем участке было как-то особенно тихо. Только изредка прилетали к нам отдельные снаряды. За весь день мы почти не стреляли. Из-под Авдеевки всё время доносились звуки артиллерийской стрельбы. За эти две с лишним недели упорных и непрерывных боев на нашем участке перебивало очень много наших броневиков. Так мы работали с «Белозерцем» до его гибели, с «Дмитрием Донским», «Князем Пожарским», «Генералом Корниловым», «Генералом Алексеевым», «Иоанном Калитой», «Единой Россией», была у нас и одна плошадка из бронепоезда «Офицер».

Броневики всё время менялись, а мы беспрерывно защищали этот участок. Чувствуется некоторая утомленность. Приятно было бы отдохнуть дня 2–3. Пехота так та совсем вымоталась.

Сообщают, что 75-й советский полк разошелся по домам, мотивируя свое нежелание воевать дальше тем, что «это фронт украинский и украинцы должны его защищать». Это пока еще слухи, а у нас действительно в эту ночь перешло на сторону противника 23 человека. На всём фронте, около 20 верст протяжением, нас осталось не более 40–50 человек и наша пушка. Тут как-то странно делается: мобилизуют население и заставляют его драться на своих же местах, а они попросту берут и переходят в свои деревни, которые заняты теперь красными.

31.03.1919. Пошел дождь. Дорога и поля совсем было уже высохли, везде от выстрелов подымались столбы пыли, а теперь опять всё превращается в липкую грязь, а по полю уже невозможно проехать.

На нашем фронте опять более или менее тихо. Начинаешь как-то уже мирно настраиваться. Только всё поле очень густо и часто покрыто воронками, везде валяются осколки, ружейные гильзы, шрапнельные стаканы, кое-где лежат еще не подобранные трупы, по полям бегают раненые собаки и при орудийном выстреле или разрыве с лаем бросаются в стороны. Во время боев и передвижения пехоты по полям как угорелые носятся зайцы в большом количестве. Тут их очень много. Почти на каждом шагу встречаешь подземные норки и их обитателей — сусликов, которые, несомненно, здесь приносят большой вред посевам. Начался перелет уток, гусей, лебедей и дроф. Приятно было бы несколько дней поохотиться и пострелять по птице вместо ежедневной стрельбы по людям.

В один из последних дней сквозь тучу совершенно ясно было видно два солнечных диска на порядочном расстоянии друг от друга. Я обратил на это внимание наших солдат, после чего один из них сказал: «Ну, да так оно и должно быть: одно наше, другое большевистское». Занятый все-таки народ, эти русские солдаты.

1.04.1919. Понедельник. Утром пришел взвод 4-й батареи, чтобы сменить нас. Как сообщили, нам дадут сегодня отдохнуть в Ясиноватой, а завтра рано утром отправят на присоединение к нашему второму орудью. Там, как оказывается, у большевиков появилось много артиллерии, встречается даже несколько тяжелых. В Ясиноватой мы рассчитывали за этот день слегка помыться и поспать, но когда прибыли туда на станцию, то оказалось, что нас спешно, сейчас же отправляют под Авдеевку. Подвело нас, все-таки первое апреля.

На станции Ясиноватой мы узнали, что союзники оставили Одессу, правительство Клемансо ушло в отставку и что нынешнее правительство решило совершенно не вмешиваться в русские дела и отозвать свои войска из России. Приятный сюрприз, нечего сказать. Говорят даже, что в руки большевиков под Одессой попало 5 танков. Красивый будет номер, если мы познакомимся с действием этих танков с большевистской стороны. Поговаривают о полном разрыве с союзниками и о том, что Гинденбург предложил генералу Деникину двухсоттысячную армию с артиллерией и инженерными войсками и кроме того обещал снабдить всю нашу армию всем, с тем чтобы Россия, вставши на ноги, помогла Германии сбросить с себя позорные условия мира с союзниками. Одним словом, союз с Германией и война с союзниками: получается совсем даже интересно, из этого вышла бы солидная комбинация.

Часа в 3 мы встали на позицию рядом со вторым орудием. Стоим мы на огороде между домами. Большевики занимают станцию и северную окраину села, а мы — южную. Подъезд и отъезд с позиции крайне неудобен и открыт. Тут идет довольно веселая артиллерийская стрельба.

2.04.1919. Почти целый день идет легкий дождь. По утрам очень сильный туман, в 30—40 шагах ничего не видно. Большевики, очевидно, приблизительно знают месторасположение наших орудий: всё время гвоздят и попадают сравнительно недалеко. Почему-то до сих пор на этой линии нет нашего бронепоезда, приходится двумя пушками задерживать всё, что на нас движется. Фронт теперь держится исключительно артиллерией. Во многих ротах пехотных полков осталось по 7—12 человек, в одной даже всего только 3 человека, а у них на этом участке расположен целый полк 3-батальонного состава по 350—450 человек в батальоне. Днем они загвоздили 6-дюймовый снаряд в один из домов недалеко от нас, всё разлетелось к черту, полетели вверх целые стропила из крыши. Мирное население здорово страдает от всех этих комбинаций. Почти каждый день бывают жертвы от обстрела красных.

3.04.1919. С утра предполагалось их наступление. Мы пока только обороняемся и наступаем только тогда, когда нас оттеснили, и то только до исходного положения. Рано утром они открыли такой огонь и попадали настолько близко от нас, что совершенно нельзя было слышать команд при нашей стрельбе; всё слилось в сплошной грохот.

Сегодня в первый раз за всё это время номера работали на коленях, и мы даже вырыли окопчик, так как нас обкладывали целый день. Их цепи пробовали подыматься несколько раз, но мы всё время их сбивали.

Вечером на смену капитану Вильману приехал капитан Слесаревский. Он сообщил, что Колчак продвинулся в некоторых местах верст на 100 с лишним, что восточная большевистская армия почти совсем разгромлена, что поляки с галичанами продвигаются к Киеву. Под станцией Каменской Донская армия захватила 20 орудий, 52 пулемета и 1000 пленных. Шкуро взял Мариуполь, захватил оставленные нами броневики и в общей сложности взял тоже 27 орудий. В общем, настроение начинает повышаться. Скоро Колчак подойдет к Волге и пойдет на соединение к нам. Нужно сознаться, что наша армия совсем измотана, и только соединившись с ним, мы начнем делать дела.

4.04.1919. С утра обозначилось наступление красных. Часов до 12 мы держались, но затем кавалерия противника обошла нас справа, и нам пришлось уходить. Стояли мы на прежней позиции, и я до сих пор удивляюсь, как большевики пропустили тот момент, когда мы совсем открыто двигались вдоль железной дороги. Почти сразу пришлось выслать цепь из наших номеров, чтобы защитить себя от кавалерии. Цепь всё время двигалась параллельно с орудиями, шагах в 50. Версты две мы двигались под сплошным ружейным огнем. Пули всё время свистели очень близко, одна пролетела у самого моего затылка. Какой-то пехотный офицер с совершенно растерянным лицом, стоя на повозке, всё время подхлестывая лошадей криком, старался обогнать нас. Мы ехали спокойно, шагом и в полном порядке. Его паническое настроение так меня возмутило, что я крикнул на него: «Потрудитесь не создавать здесь паники».

Как только мы выехали из-за посадки на гладкое поле, нас начали обкладывать гранатами; на протяжении 2 с лишним верст нам доставили такое удовольствие. Очень часто гранаты попадали между запряжками, но, к счастью, за всё это время была ранена только одна лошадь, и то очень легко.

У блока № 4 мы остановились и стали задерживать наступление. Погода была роскошная, день на редкость ясный и теплый, везде пели скворцы, и я с утра был очень мирно настроен, а тут такая история. За весь день большевики выпустили на этом участке около 2000 снарядов, из которых на нашу долю пришлось тоже солидное количество; с этой стороны сегодня тоже не было холодно.

Говорят, что штаб в Ясиноватой сильно сдрейфил, когда туда стали доноситься звуки разрывов. Какой-то полковник с бледным лицом и трясутимися руками подошел к телефону, вызвал начальника нашего участка и приказал немедленно наступать, чтобы самому не слышать всей этой перепалки. Люди у нас были настолько измотаны, что с трудом сдерживали натиск, а о наступлении не могло быть и речи.

5.04.1919. После полудня мы начали наступать всё с теми же 100 пехотинцами, нашими орудиями и 48-линейной гаубицей. Часа в 3 гаубица заминтила свой снаряд в 1 пуд 16 фунтов в броневик красных. Эта бомбочка попала в орудийную площадку, разворотила там солидно и произвела взрыв снарядов, которых там было до 700. Всё это начало гореть, трещать и взрываться. Паровоз сейчас же бросил эту платформу, но она покатила под уклон к Авдеевке и создала большую панику в стане красных. Это облегчило нам занятие селения и станции Авдеевки. На этот раз мы своими орудиями нанесли им существенные потери. Говорят, что было подобрано до 100 трупов. Одной из наших гранат сразу были убиты командир батальона и 3 красноармейца.

Часов в 5 с половиной наша пушка попала под такой сильный и близкий пулеметный огонь, что приходится удивляться, как мы вылезли из этой махинации совершенно невредимыми. Нас буквально засыпали пулями. У меня справа и слева на уровне пояса, совсем у самой шинели, пролетело несколько десятков этих штучек. Пришлось открыть из своего пулемета огонь и повернуть пушку для того, чтобы защитить лошадей. Пулемет скоро замолчал, очевидно, под влиянием нашего огня.

К вечеру село и обе станции, пассажирская и товарная, были нами заняты. Те в панике бежали, и нашему орудью удалось собрать 9 верст телефонного провода. По всем признакам организация у них очень хорошая; всё соединено между собой телефонами по всем правилам.

6.04.1919. День был на редкость тихий в боевом отношении. С утра и до сумерек я слышал всего только 3—4 орудийных выстрела. Воспользовавшись этой тишиной, мы вызвали прямо на позицию парикмахера, и многие начали бриться, сидя прямо на пушке. Почти все раздевались прямо на воздухе и ловили вшей. Довольно занятая картина. Буквально все, и в особенности я, чрезвычайно загорели, лицо стало прямо темно-бронзовое.

Скворцы стали очень удачно подражать свисту пуль, благодаря чему солдаты иной раз при ружейной стрельбе с какой-либо стороны приходят в некоторое раздумье. Некоторые деревья заметно позеленели.

Ночь я с некоторыми другими офицерами пошел к заутрене. Обязательно хотелось побывать в этот день в церкви. Как-то хотелось согласовать свои действия, хоть один раз, с нашими и Арнак, которые едва ли пропустят эту службу.

Пришлось идти с винтовкой в церковь, которая была в одной версте от нашего расположения. Всё время мы ожидали, что большевики в эту ночь выкинут нам какую-нибудь пакость, как они обещали и предупреждали об этом мирное население. Конечно, при таких условиях не могло быть хорошего настроения. Во время службы думал и скучал о своих. Ночь, однако, прошла совершенно спокойно. Пришли на батарею и, не раздеваясь, завалились на голом полу спать. Невесело.

7.04.1919. Получил из батареи кое-какие подарки к празднику. Офицерам и солдатам будут выдавать наградные в размере месячного оклада.

День прошел спокойно, хотя нам приходилось стрелять несколько раз. Эти даже редкие выстрелы как-то нарушают тишину и святость праздника. На жителей Авдеевки это затишье подействовало ободряюще: многие выползали из своих домов и начали уже прогуливаться. Какая-то старушонка прошла мимо и проговорила: «Вот хорошо, что так тихо, прямо отдыхаешь и отходишь, вот бы всегда так». Мы ей ответили, что если нас не будут беспокоить красные, то и мы стрелять не будем.

Как только раздалось несколько выстрелов, вся эта празднично настроенная публика всполошилась и начала разбегаться. Потом опять многие выползли, когда снова всё успокоилось. И мирному населению приходится крайне туго от всех этих пертурбаций.

Красные сегодня напирали на Юзово. Оттуда всё время доносились выстрелы. Лежал на солнце у пушки и думал о Москве и о доме.

8.04.1919. Всё время стрельба доносилась со стороны Скотоватой, а у нас опять относительно спокойно. Завтра, верно, нажмут на нас, так как слева и справа по соседству они уже попробовали за эти два дня.

Приходила к нам, к орудиям, какая-то женщина с узелком, передала его и сказала: «Может, вам не пришлось попробовать святых кулича и яиц, так я вам принесла». Такое отношение со стороны простого народа весьма трогательно.

Приехал подпоручик Клим и привез мне из Иловайской целый мешочек от Кленяевых и письмо с приглашением обязательно при первой возможности приехать к ним. Замечательно милые и отзывчивые люди, относятся как к родному. Получили мы еще подарки от хутора Романовского и из редакции «Вечернего Времени». Эти дни, в общем, едим довольно плотно. В особенности довольны солдаты, раньше им не хватало хлеба, а теперь у них казенный хлеб даже остается, а едят они полубелый, кисло-сладкий праздничный. Лучше всего то, что за эти дни слегка отдохнули и отоспались днем на свежем воздухе в поле при пушках, а то всё последнее время ложишься около 10–11, а встаешь раньше 4-х, всё время ходишь, не выспавшись, и утром встаешь с трудом.

9.04.1919. Несколько дней вместе с нами работает наше первое орудие на площадке от бронепоезда «Белозерец». Этот бронепоезд самодельный, у нас его шутя называют «Вперед за штаны» или просто «Без штанов». Сооружение, в общем, весьма непрочное, это просто пушка, поставленная на обыкновенную платформу. В связи с этим последним свойством таким бронепоездам присвоено название «гроб» или «клуб самоубийц».

С утра началось наступление красных. Часов в 10 они попали в паровоз этого нашего бронепоезда, убили машиниста и прапорщика нашей батареи Костюкова, ему совершенно раздробило обе ноги.

Нас опять начали обходить и слева и справа. Красные заняли Юзово и собирались выйти на линию нашей дороги, чтобы отрезать нам пути отступления. Когда мы двинулись, и я снова увидел справа кавалерию,

смеясь, сказал капитану Слесаревскому: «Опять, кажется, повторение пройденного». Было похоже, что в точности повторится 4-е число. Впереди нас по-прежнему отходила гаубица. Капитан Слесаревский говорит мне, что он совершенно не знает, что делается справа и слева. Я на это, шутя, так ему сказал: «Если обстреляют нашу гаубицу ружейным огнем, то мы тогда узнаем обстановку и будем знать, что нам делать дальше».

Связь абсолютно отсутствует, и всё время приходится самому смотреть по сторонам. Мы снова отошли к четвертому блоку и начали задерживать «товарищей». Они здорово начали обкладываться и нащупывать наше орудие, но всё обошлось довольно счастливо.

Под вечер появилось 5 наших аэропланов. Большевики довольно прилично обстреливали их бризантными снарядами и шрапнелью. Говорят, что у них появилось много германцев-спартаковцев, но это едва ли так. У них несомненно есть немцы, но это из застрявших военнопленных. Под Горловкой одному из немецких батальонов всыпали солидно.

10.04.1919. Утром на том же броневике убит еще один из наших офицеров — поручик Еремин. Что-то стало не везти нашей батарее. Обоих убитых отправили в Иловайскую, где они и будут похоронены. С Ереминым я виделся минут за 20 до его смерти. Он всё время этот бронепоезд называл не иначе как «гроб», и он действительно для него таковым и оказался. Нервы как-то притупляются, и смерть других особого впечатления не оставляет. После этого случая полковник Соколов приказал снять пушку с этой площадки, и взамен ее стали присылать на наш участок настоящие бронепоезда.

Сегодня мы весь день простояли на открытой позиции. Днем с перерывами шел дождь, а к вечеру разразился настоящий ливень. Печально было смотреть, как семьи железнодорожных служащих, весь день скрываясь от обстрела, просидели в сырых трубах под насыпью. Незавидное у них житье в районе военных действий.

Наши части сегодня вновь заняли Юзово. Должно быть, нам теперь опять придется наступать на Авдеевку, эти танкклассы порядком надоели. Одно время говорили, что нас сменят здесь осетины, а мы всей дивизией пойдем на Царицын и дальше на присоединение к Колчаку. Это было бы гораздо веселее и, безусловно, интереснее.

11.04.1919. Неделю тому назад у нас организовалась смена на несколько дней отдельных офицеров и солдат. Сегодня приехало несколько человек, и меня отпустили на неделю для отдыха и починки обмундирования. За эти 7 недель слегка набралось усталости. Весьма приятно будет переодеться и побывать в человеческой обстановке.

Как раз в этот момент, когда я переносил свои вещи на подводу, красные закатали три 6-дюймовых снаряда близко от орудия. Подводчик всё время торопил нас с отъездом, его эти разрывы приводили прямо в ужас. Я решил воспользоваться предложением Кленяевых и поехать на эти дни в Иловайскую. В Ясиноватой я обратился с этой просьбой к полковнику,

и он отпустил меня всего только на 2—3 дня, сказав, что теперь идут серьезные операции и, быть может, мое присутствие потребуется раньше срока, а из Иловайской вызвать довольно трудно. Действительно, доехать туда теперь не так просто. Я попал туда только после шести вечера и во время дороги пересаживался 4 раза, хотя расстояние невелико, всего около 50 верст.

Хозяева меня сразу не узнали. Я оброс такой бородой, какой у меня не было еще ни разу в жизни: в ней прятались пальцы, и застревала гребенка. Приняли они меня с искренней радостью, великолепно накормили с рюмкой «Царской» водки, которую они всё время хранили, надеясь, что я приеду, и устроили в гостиной. Я на радостях, что можно поспать, как следует, разделся донага и уснул с приятным и спокойным чувством на двух простынях и подушке. Давно не имел такого удовольствия.

12.04.1919. Передел решительно всё верхнее и нижнее, и даже сапоги. За весь день не ощутил присутствия ни одного паразита. Всё заметно позеленело, на деревьях уже основательные листочки. Помылся в ванне и ходил, как обновленный.

Ешь здесь, действительно, шикарно. Наша казенная еда такова, что кроме того, что остаешься целый день голодным на позиции, еще можно быть обеспеченным в том смысле, что даже самый здоровый, каменный желудок после нескольких месяцев приобретает себе самый настоящий катар.

Сколько я ни справлялся, где находится Андрей, никак не мог ничего узнать. Одни говорят, что он в Таганроге, другие — в Ростове, а третьи — на Кубани. Поехать и самому справиться не имею ни возможности, ни времени, а он ничего о себе не сообщает.

Несколько дней тому назад, после усмирения восстания, прибыло в Иловайскую наше 3-е орудие. Все они возвратились потолстевшими и отъевшимися так, что дальше уже некуда, и кроме того с громадными запасами всего, и в частности личных вещей. Одним словом, все разбогатели. Не знаю как кто, а я рад, что наше орудие не участвовало в этой катаральной экспедиции, хотя иные дни мы ели сырую кукурузу и жмыхи.

Вечером собралась компания в «железку». Игра была крупная. В середине я был в выигрыше больше 1000 руб., а когда мы окончили, то оказалось, что я проиграл 915 руб., другими словами, остался без копейки и кроме того не спал всю ночь до 5 часов утра. Настроение от этого у меня ничуть не пострадало. Жаль только то, что благодаря 2-месячному пребыванию на фронте и праздничным наградным у меня собралась небольшая сумма, которая так сразу ухнула. Так ничего, а если заболеешь или будешь ранен, то без денег здорово скверно придется.

13.04.1919. Сегодня именины Оли. В такие дни как-то больше скучаешь по своим, хотя не проходит дня, в который бы я не думал о них. Интересно, как они живут и чувствуют себя. Я замечаю, что, несмотря на всё мое спокойствие, я делаюсь более нервным, чем раньше. Как-никак, а пребывание в неизвестности такое долгое время все-таки сильно действует даже на совсем здорового человека.

По газетным сведениям, Могилев и Гомель уже заняты поляками и украинцами. Подтверждаются слухи о занятии Киева. Колчак уже вышел к Волге и занял Самару. Всё это дает право думать, что, может быть, через каких-нибудь полгода удастся побывать у своих и в Москве. От одной этой мысли сердце останавливается и в глазах начинает рябить от волнения. Прямо невозможно представить себе эти встречи, кажется, что не выдержишь. Вечером был в гостях вместе с нашими хозяевами у Пупу и слушал граммофон. Хорошее настроение создавалось у меня от пластинки «Ах, я влюблен в глаза одни», это романс, исполненный на скрипке, рояле и балалайке.

14.04.1919. Утром приехал прапорщик Егоров нашего орудия. Он ранен в плечо ружейной пулей. Что-то здорово навалились на нашу батарею. Последние дни мы всё время несли потери. Говорят, что ранено еще несколько солдат, хотя иначе и не может получаться. На фронте очень мало людей, и им, естественно, приходится отдуваться за всех тех, которые в большом количестве ходят во френчах и шпорах на всех тыловых станциях. Прямо удивляешься, откуда тут столько военных в то время, как на фронте по крайней мере в 4–5 раз меньше того количества, какое могло бы считаться минимальным для обслуживания данного участка фронта. Части всё время тают и тают, а пополнений что-то не видно. Вся же гуляющая публика, очевидно, считает такое положение нормальным и продолжает отдыхать от долговременного отдыха. «Земля наша теперь не велика и совсем не обильна, а порядка в ней всё же нет». Находя такое положение, безусловно, ненормальным, я, тем не менее, нисколько не завидую этим отдыхающим и никогда бы не согласился быть на их месте. Говорят, что наша пушка за это время подбила еще один бронепоезд. Вечером сыграли в преферанс по полкопейки, который затянулся часов до 2 ночи. Высыпаюсь я что-то мало здесь.

15.04.1919. Собирался днем выехать в Ясиноватую, но так как поездов не оказалось, то пришлось отложить эту поездку до завтра. Отдыхать здесь великолепно, не то что на станциях недалеко от фронта. Там это просто мучение вследствие того нервного и панического настроения, которое обычно царит верстах в 10 от позиции. На самой позиции в этом отношении значительно спокойнее, никто так не волнуется и не нервничает, как в близком тылу. Газет здесь почти никаких нет, и, если правду сказать, я не особенно и стремился их доставать. Хотелось эти дни пробыть вдали от всех военных событий.

Видел двух наших офицеров, вернувшихся из госпиталя после сыпного тифа. Ну и обработала их эта болезнь. Это нечто ужасное. Редко можно встретить такие изможденные лица. Прямо можно было напугаться от одного только вида совершенно ввалившихся глаз.

Вечером опять собрались сыграть в «железку» по маленькой. В результате игра приняла опять крупный оборот, но на этот раз я выиграл 1100 с лишним рублей. Так что покрыл весь свой проигрыш 12 числа

и остался еще в «наваре» около 200 рублей. За время пребывания в Добровольческой армии это почти единственный случай, когда я выиграл в азартную игру. Стало дышать немного легче.

16.04.1919. Так как поезд должен был идти в 6 утра, то пришлось вставать в 4 с половиной. Хозяева тоже поднялись очень рано. Заботятся они поразительно. Кроме меня у них эти дни жило еще три офицера нашей батареи. Хозяйка прямо-таки засуетилась и забегалась окончательно в связи с нашим пребыванием у них. Со времени нашего с Андреем отъезда из Иловайской у них всё время, не переставая, менялись офицеры. Много перебывало у них и офицеров нашей батареи, благодаря чему они перезнакомились почти со всеми нашими офицерами. Мне на дороге опять дали мешочек с провизией. Хозяйка наотрез отказалась взять с меня деньги за пансион.

Приехал я в Ясиноватую около 1 часу дня. Положение на этом участке под Авдеевкой не изменилось со времени моего отъезда. Наши всё время удерживаются у 4-го блока. Они всё время здорово гвоздят. Теперь состязание происходит главным образом между артиллерией. Сегодня они закатали четыре 6-дюймовых снаряда в здание блока, где был наш наблюдательный пункт, и разрушили его основательно.

Говорят, что на этих днях в Ясиноватой на водонапорной башне поймали большевистского наблюдателя с телефоном, который якобы отсюда корректировал стрельбу по нашему бронепоезду. Много все-таки таких шпионов болтается в нашем тылу. Сегодня прилично всыпали китайцам, которые появились на этом участке; Белозерцев сменили Алексеевские партизаны и солидно встретили этих желтолицых прислужников советской власти.

До сих пор продолжают прибывать подарки к Пасхе. Разные организации, должно быть, думают, что на фронте много народу, и поэтому присылают подарки еще до сих пор. Благодаря этому на каждого пришлось довольно много подарков по теперешнему голодному времени.

Сегодня спал уже не с теми удобствами, как вчера. Устроился на полу и не раздевался. Можно было бы явиться в Ясиноватую только завтра к вечеру, так как срок отдыха кончается для меня только 18-го в 1 час дня, но, с другой стороны, не хотелось получить за это замечание. Отдыхать же в Ясиноватой крайне гнусно.

17.04.1919. Ночью перебежали к нам и явились в Ясиноватую 4 офицера из большевистского штаба. Говорят, что каждый день они получали приказы о наступлении. Здесь у них 10 легких и 6 тяжелых орудий. Снарядов в данный момент у них 10 000 на одном только нашем участке. Пехоты здесь целых 2 полка и несколько эскадронов конницы. А между тем они не могут продвинуться. Если бы у нас были такие силы, мы бы далеко закатились. По всем признакам на этих участках день прошел довольно спокойно. Особой стрельбы не было слышно. Только под вечер взвод конно-горной батареи вышел в прорыв между

Скотоватским и нашим участком и гвазданул по нашим гаубицам, убив там 7 лошадей и ранив несколько человек.

У большевиков между Скотоватой и Авдеевкой уже сплошной фронт, мы же пока оперируем в этом районе отдельными группами.

Командир вызвал сюда нашего заведующего хозяйством. Он всё время прохлаждается с женой в Иловайской, разводит там кроликов, заботится о какой-то экономии, сумма которой достигла уже 60 тысяч рублей, а здесь на фронте люди буквально голодают и едят черт знает что. Какой-то бездушный формалист и совершенно неопытный мальчишка. Совершенно исчезли в продаже спички. Кое-где с трудом можно их достать и по солидной цене — 6 руб. коробка.

18.04.1919. Сегодня наши начали наступать на Скотоватском и Юзовском направлении. Часам к 10 заняли и Скотоватую и Юзово. Но под Скотоватой рота из пленных кавказских красноармейцев перешла на их сторону и начала стрелять по нашим, вследствие чего пришлось снова оставить Скотоватую. Несколько невесело то, что снарядов у нас совсем мало, дают каких-нибудь 20 штук на орудие, и то приказывают экономить как можно больше, а красные по-прежнему гвоздят солидно и снарядов совсем не считают.

Около 1 часу прибыл на позицию. Пришлось от Ясиноватой идти пешком. Взвод стоит недалеко от оврага, который зарос деревьями. Всё в зелени и цвету. Цветут дикие груши и яблони и кусты, название которых мне неизвестно. Наши все основательно окопались. Стало похоже на то, что война принимает позиционный характер. Пехота тоже зарылась в землю. У третьего орудия завелась гармоника, и кто-то всё время без усталости у передков играет на ней. После заката солнца в разных концах оврага начали петь соловьи. Вся красота весеннего вечера и его стройность нарушались только орудийными выстрелами. Всеобщее пробуждение не могло вязаться со смертью, и благодаря этому не могло получиться умиротворяющего впечатления от проснувшейся природы. А хорошо было бы полежать денька два на травке. Это я говорю не потому, что сильно устал, а потому, что хочется спокойно втянуть в себя первое дыхание весны, а потом — хоть куда угодно.

19.04.1919. Весь день с 4 утра и до 7 вечера просидел на наблюдательном пункте. Пришлось лежать на насыпи железной дороги. Был сильный крутящийся ветер, всё время подымался песок и засыпал глаза. Голову приходилось держать верхом в двух от земли, чуть немного приподымаешься, начинают сейчас обкладывать ружейными пулями или запустят даже по нам несколько снарядов, чтобы мы вели себя спокойно и смирно. Под вечер запустил очень удачно две гранаты в группу большевиков. Гранаты разорвались в самой гуще этой группы и, безусловно, не могли не задеть нескольких красных. Это, собственно, первая моя самостоятельная стрельба и первые видимые поранения, нанесенные моею рукой. Стрелял я на 4 версты 100 сажень.

За последнее время участились переходы наших солдат на сторону большевиков. Это явление начало носить уже хронический характер, проделывают они эти побегии преимущественно ночью из полевого караула. К утру и выясняется, что 3—4 человек нет.

20.04.1919. Начали вставать в $2\frac{3}{4}$ ночи, а ложиться удастся только около 10 с лишним вечера. Совершенно не высыпаться. Такая история предстоит теперь каждый день. Дни становятся длиннее, и сниматься с позиции каждый день приходится на некоторое время позже, чем в предыдущий день. Подъезд и отъезд с позиции совсем открытый.

Утром, часов в 9, нам подвозили снаряды, красные заметили передок и начали обстреливать расположение нашей батареи. Мы с капитаном Вильманом сидели и мирно разговаривали. Вдруг ни с того ни с сего тяжелый снаряд прожужжал и бухнул шагах в пяти от нас. Нас оглушило, забросало землей и заволокло дымом. Около передков раздался чей-то крик. Оказалось, что 3 лошади нашего 4-го орудия ранены, 2 из которых довольно серьезно. К вечеру пошел сильный дождь, благодаря чему нам придется сегодня спать во всем мокрым.

Вечером поручик Татарников по случаю своих именин устроил ужин с водкой из запасов от карательной экспедиции. Пить совсем не хотелось. Думаешь только о том, чтобы что-либо съесть и завалиться спать.

21.04.1919. Получили посылку с ветчиной, салом и куличом от Шербака, адресованную на господ офицеров 4-го орудия. Кроме того, из Кавказской наши прежние хозяева Дубинкины лично мне тоже прислали немного пасхального угощения.

Часа в 2 нам сообщили, что наш правый фланг обошли, и чтобы мы были готовы на всякий случай. Но потом оказалось, что красные только немного нажали справа и заняли правый наблюдательный пункт нашего правого взвода. Это наступление быстро ликвидировали. К обходам здесь все так привыкли, что это сообщение не произвело у нас во взводе никакого впечатления. Наши пластуны пробовали наступать на Путиловский завод и часть его как будто заняли.

У красных появились роскошные бронепоезда с хорошими орудиями и великолепными стрелками. Бьют здорово. Вечером сегодня они в момент выпустили 60—70 снарядов через наши головы по стоявшему несколько сзади нас бронепоезду и попадали очень близко от него, так что если бы он не передвигался, то ему пришлось бы туго.

Ночью около 12 поднялась весьма солидная, очень частая ружейная и непрерывная пулеметная стрельба по всему участку этого фронта. Продолжалась она часа полтора. В смысле сна ночь была окончательно испорчена, так как всех разбудили и на всякий случай приказали быть в полной готовности.

22.04.1919. Получил от Андрея письмо. Сообщает, что он был в лазарете в Армавире. В Таганроге и Ростове все лазареты и госпиталя переполнены. За 6 дней пути до Армавира ему сделали одну перевязку. Рана

у него совсем зажила. Вся история получается только из-за переезда колесом. Он не может ни согнуться, ни поднять чего-нибудь тяжелого. Поздравляет он меня с именинами и желает не играть в карты. Поручик Никольский приехал из Иловойской, видел там Андрея, он ходит с палочкой, собирается получить деньги и ехать лечиться дальше в Екатеринбург.

Утром вследствие ночной стрельбы нельзя было совершенно ни от кого узнать обстановку. Никто не знал, где наши, и что в данный момент нами занято. На наблюдательный пункт с утра пошел я. С утра всё было довольно покойно. Часов же с 7, когда обнаружилось наступление красных, выяснилось, что впереди нашего наблюдательного пункта наших частей нет. Вся пехота была на буграх, на которых находился я. Они сейчас же высыпали и начали отстреливаться. Я тоже открыл огонь из двух орудий. Наступали, должно быть, хорошие части красных, так как они стреляли весьма недурно. Наш бугор прямо засыпало пулями. Несколько раз пули настолько близко пролетали мимо моего правого уха, что оно прямо загоралось от теплоты, и я даже раза три за всё это время попробовал рукой, не идет ли кровь. Но всё было благополучно. На пункт я вызвал капитана Вильмана. Он предложил мне пока стрелять дальше, а сам смотрел кругом на создающуюся обстановку. Красные лезли отовсюду и в неизмеримом количестве. Затем, со словами «нам здесь не удержаться», капитан передал приказание браться в передки. Пули, действительно, летели со всех сторон и попадали уже на батарею, которая стояла в одной версте сзади наблюдательного пункта. Когда мы пришли на взвод, там все уже были готовы к отходу, и мы двинулись.

Интересно то, что во время ружейного обстрела многие конные почему-то усиленно хотят быть пешими. Я, как всегда, ехал на своей Охре, которая последнее время не сразу дает на нее садиться, приходится немного потанцевать, прежде чем удастся вскочить на нее.

Ездовой среднего уноса, желая предохранить себя от пуль, совершенно лег между своими двумя лошадьми. Я возмутился и крикнул: «Такое комическое положение чтобы я видел в последний раз». Только он успел выпрямиться, как пуля попала ему в рукав полушубка, но тела не задела.

Пехота наша отходила вслед за нами. У переезда через железную дорогу выяснилось, что наш правый фланг тоже отходит. Верстах в 2 от станции Ясиноватой (впереди ее) мы задержались. Часа в 4 подошли еще взвод 5-й батареи и пехотное подкрепление. Было приказано восстановить положение. Но вследствие того, что скоро уже наступила темнота (темнеет теперь сразу после 7 вечера), мы не продвинулись дальше, а остались на занятых позициях.

Красные за последнее время начали крыть преимущественно бризантными снарядами. Рвутся они очень эффектно, с большой силой и здоровым треском. Сегодня Ясиноватая была уже под обстрелом. Они крыли по станции и по окрестностям селения.

23.04.1919. Сегодня день моего Ангела, и в этот день как раз пришлось поработать больше, чем в какой-либо другой. С ночи поднялся сильнейший ветер и, несмотря на то, что день был солнечный, от холода нельзя было нигде спастись. Я оделся совершенно по-зимнему, так граду-сов на 15–20 ниже нуля, и то совершенно пропадал.

С раннего утра красные начали нажимать с трех сторон: со стороны Юзово, Авдеевки и Скотоватой. Вся беда в том, что у нас со снарядами стало не очень густо и даже совсем скверно. Примерно до одного часу мы держались на занятой позиции, но затем все пушки ушли, и осталось только 4-е орудие. Стреляли мы на прицел 33 и снялись только тогда, когда от начальника участка пришло приказание: отойти, как можно скорее. Красные исковыряли всё поле снарядами, но по нам не попадали. И только после того, как мы двинулись, они залепили по тому месту, где мы стояли. Пока мы проходили через Ясиноватую, большевики всё время провожали нас бризантными и попадали очень близко, только несколько левее.

Вся Ясиноватая была совершенно мертва и пустынна. Во всех домах окна закрыты ставнями или подушками и досками. Жители все попрятались в погребах. На станции горел какой-то бак с 700 пудов мазута, подожженного тяжелым снарядом. Таким образом, восстановить положение не удалось, а пришлось отступать еще дальше и оставить Ясиноватую, которая представляет собою крупный железнодорожный узел.

Не успели мы присоединиться к остальным нашим пушкам, как полковник Соколов потребовал наше 4-е орудие налево, на открытую позицию. Мы выкатились рысью прямо в наши цепи и начали гвоздить по цепям красных. После 4–5 наших выстрелов большевики закатали нам гранату не особенно приятного свойства. Она пролетела над моей головой вершков на 5–6, сдула меня воздухом с ног и разорвалась шагах в пяти сзади. К счастью, никто не пострадал, но меня в первый момент все уже считали погибшим. Приятный подарок ко дню Ангела. Всё-таки чем-то особенным отметился этот день.

Пришлось взяться в передки и сняться с этого места. Кроме того, снарядов у нас осталось только два. Вообще красные за последнее время начали очень прилично стрелять. В особенности хорошо садят у них броневики, которые с 2–3 снарядами попадают куда хотят. Сегодня у нас как будто и пехоты было немало, а между тем пришлось отступать. Последние разы для подкрепления присылались наши пластунские казачьи части, а они что-то совсем не того. Говорят, что нашу пехоту сегодня солидно попугал броневой автомобиль противника.

К вечеру мы были верстах в 6 сзади Ясиноватой. Под самые сумерки большевики закатали снаряд в один из наших броневиков, который стоял на линии Ясиноватая–Криничная. Там что-то загорелось, и начали взрываться снаряды. Мы отступили с другой группой вдоль железной дороги Ясиноватая–Макеевка.

Последнее время стали приказывать перерезать все провода в сторону противника. За время нашего стояния у блока № 4 наши телефонисты всё время включались в телеграфную линию и подслушивали большевистские разговоры. Интересное всего то, что однажды наши подслушали такой разговорчик: «Мы подслушали разговор и узнали, что на наш левый фланг приходят пластуны»... Из этого выяснилось, что большевики также нас хорошо подслушивают.

На ночь мы расположились в городке *Дмитриевск*.

24.04.1919. С утра почувствовал себя крайне плохо. Еще вчера вечером у меня начала болеть голова, но я это относил к действию гранаты.

Вчера во время отступления из Ясиноватой наши разведчики раздобыли табаку, орехов и консервов. С такими мерами я не могу согласиться. Всё это можно официально реквизировать, так как всё это всё равно разберут большевики. Как только выехали на позицию, начался дележ всего этого. В общем, каждому досталось понемногу всего.

Часов около 2 мне стало совсем скверно, и я уехал в обозе 1-го разряда в Дмитриевск. Нашел себе комнатку, попросил устроить себе постель и сразу же завалился. Спал плохо, скорее находился в каком-то полубреду, но тем не менее проснулся на следующий день только около 1 часу дня, отхватив подряд почти целые сутки.

25.04.1919. Теперь я решил, что, очевидно, у меня нечто простудное. Обратиться, собственно, не к кому и нужно думать, что дня за 2–3 вся эта история должна будет пройти. Хозяева мои очень милые люди. Устроили мне сегодня великолепную постель на сетке. Каково здесь настроение, разобраться трудно. Так, как будто очень многие хорошо относятся к нашей армии. Все только страшно боятся боя в этом городке. Говорят, что, должно быть, большевики войдут сюда, так как они от многих слышали, что раз мы пришли в какое-либо место, то уж обязательно туда придут красные. В общем, как видно, не совсем надеются на нашу армию. И действительно, мы как-то не можем удерживаться на одном месте, а всегда то отходим, то опять наступаем.

Здесь много заводов и около 30 тысяч рабочих, настроение которых очень различно. Красные продолжают нажимать и заняли ст. Криничная. Они наступают по всему фронту. Со снарядами у нас совсем дело табак. На целый день дают по 7 штук на пушку, а день ведь тянется с 3 утра до 8 вечера, т. е. 17 часов. Вечером принял аспирин и решил ночью хорошо пропотеть.

26.04.1919. Часа в 3, когда я от принятого аспирина был весь в поту, влетел в дом фельдфебель Сапунов и прерывающимся голосом проговорил: «Собирайтесь скорее, нашу улицу обстреливают ружейным и пулеметным огнем. Обоз сейчас уходит». Я переменял белье, собрал свои вещи и вышел на улицу. Всё, что я услышал, это было 9–10 ружейных выстрелов, правда, не особенно далеких. Когда я увидел Сапунова, я сказал ему: «Если бы вы были в моем подчинении, то я бы послал вас на

несколько часов под винтовку за ваше паническое настроение». Вообще в этом отношении в обозе прямо-таки всегда бывает больше всего паники и панически настроенных господ.

Часа в 4 утра обоз все-таки тронулся и я вместе с ним. Остановились в нескольких верстах от Дмитриевска. Я отдал постирать свое белье, но только его успели выстирать и поставили вывариваться, как пришло приказание: отойти еще версты на четыре. Пришлось взять всю эту мокрую штуку и сушить ее на солнце и на ветру во время остановки.

Наши оставили Дмитриевск. Пехота наша рассказала, что когда они проходили через этот городок, то страшно боялись, что по ним начнут стрелять рабочие. На самом же деле почти из каждого дома им выносили хлеб, молоко, пышки и отнесли к ним так, как нигде раньше. К вечеру у меня по всей шее появилась какая-то сыпь вроде прыщей. Я никак не мог решить, что это значит, и решил ехать завтра рано утром в Иловайскую к врачу, чтобы выяснить, что это за болезнь, которая меня начала уже серьезно беспокоить.

27.04.1919. В 3 утра, когда еще пели соловьи, поехал в *Иловайскую* через Харцызск. В Харцызске всё эвакуируется. Отправляются составы чуть ли не больше 100 вагонов: за несколько верст до Иловайской все пути загромождены составами.

Заехал я сначала в Федоровку, где стоит наш обоз 2-го разряда. Тут все сады цветут. Роскошная картина и великолепный запах. Одним словом, живи и радуйся, если бы было нормальное время, а так эта весенняя красота наводит только грусть и тоску. Кроме того, в данный момент моя шея являет печальный вид. Получив необходимые бумаги, я отправился в лазарет, но оказалось, что он уже эвакуирован в Матвеев Курган. Я обратился к какому-то военному врачу, но так как он крайне поверхностно осмотрел меня с расстояния пяти шагов на перроне вокзала и прописал какую-то ересь, то я решил обратиться к частному. Тот выслушал меня как следует, сказал, что это какая-то лихорадка, и предложил мне лечиться дней 5–6.

Днем приехал в Иловайскую командующий Кавказской Добровольческой армией генерал барон Врангель. Представительный и обаятельный мужчина. «Я слышу ваш стон, — сказал он войскам. — Я знаю, как тяжело вам приходится в этой борьбе, но помните, что врагу еще тяжелее, потому что этот враг — презренный враг. Он за своей спиной имеет разоренную страну, которая его проклинает. Вы же имеете за собой родные села и станицы, которые вас поддержат. Держитесь, орлы! Через короткое время я обещаю сменить вас новыми, свежими частями».

Действительно, многие полки на этом фронте выдохлись окончательно. Говорят, будто бы от адмирала Колчака получено приказание пожертвовать всем Донбассом и все силы направить на присоединение к нему. Он бросил нам навстречу корпус. В связи с этим говорят, что по линии Ново-Николаевская—Матвеев Курган—Лихая устраивается укрепленная

позиция по всем правилам военной техники, куда мы и будем отходить. Но это опять-таки всё слухи, а определенного ничего не известно. Многие считают такой отход вполне рациональным, так как там мы уходим из этой сплошной сети железных дорог: тут всё прямо переплетено железнодорожными линиями. Кроме основных линий везде и всюду многочисленные ветки к бесчисленным рудникам, которые соединяются между собой. Нельзя указать тут место, где вас не достали бы бронепоезда; бронепоездов, и притом очень хороших, у красных развелось уж очень много.

Сегодня наши оставили Ханженково. Какой-то капитан говорил, что будто бы и Харцызск уже занят противником. В Иловайской среди жителей царит паника, начали всё эвакуировать. Мирное население тоже укладывается и приводит в порядок погреба. Красные нажимают еще и со стороны Моспино, собираясь выйти на линию железной дороги сзади Кутейниково и таким путем отрезать Иловайскую. Почему наши отходят дальше — непонятно. Подкрепления прибывают сюда, а положение не улучшается. На ночь я все-таки разделся как следует, чтобы не пропустить случая поспать по-человечески.

28.04.1919. Встретился здесь с корнетом Степановым, с которым вместе ехали от Екатеринослава в Добровольческую армию. Сообщил мне, что брат его убит на Кубани. Он был ранен и не мог отойти вместе с эскадроном при спешном оставлении одного из хуторов. Через несколько часов наши снова заняли эти хутора. Корнет Степанов нашел лишь изуродованный и раздетый труп своего брата, половые органы были вырезаны и прибиты гвоздем ко лбу. Кроме того видел двух могилевцев — Терещенко и Женю Крокосевича. Последний шел с какой-то сестрой и уверял меня, что за последнее время от непрерывных боев у него сильно расшатались нервы. В Иловайской по-прежнему достаточно тревожно. Довольно ясно слышна бывает временами ружейная и пулеметная стрельба. Мои хозяева тоже не знают, что делать: уезжать или оставаться. Обоз 2-го разряда нашей батареи тоже собирается отойти куда-то подальше.

У меня на плечах появились прыщи в достаточном количестве. Я еще раз обратился к доктору, и он снова сказал, что это от лихорадки.

Фронт теперь проходит между Ханженково и Харцызском. Наступление красных со стороны Бешево и Моспино как будто ликвидировано.

У нас уже появились батареи, вооруженные английскими орудиями, к которым имеется основательное количество снарядов. Говорят, что вся наша артиллерия будет перевооружаться и что наша батарея тоже скоро получит английские пушки. Это будет намного веселее, а то уж больно скучно у нас с нашими снарядами. Вообще, русские даже в войне с русскими имеют худшую артиллерию и значительно меньше снарядов и технических усовершенствований, чем у противника. Так было в германскую войну, так получается и теперь, в междоусобную.

29.04.1919. Получились сведения, что наши части не собираются сдавать Иловайскую и перейдут сами в наступление. Сил здесь наших

накопилось много в сравнении с тем, с чем мы обыкновенно привыкли удерживать целый участок фронта. Поэтому нужно думать, что если наши не хотят сдавать Иловайскую, то они ее удержат. Вообще, в связи с последними известиями, здесь наступило заметное успокоение. Обоз наш остался в Федоровке, благодаря чему я опять имею возможность остаться здесь, так как в данный момент я числюсь при обозе.

Часовоколо 5 вечера над Иловайской появился большевистский аэроплан. Он сделал круг и сбросил две бомбы, которые вреда не принесли. Через полчаса появился второй аэроплан, который летел прямо по направлению к станции. Его встретили довольно частым ружейным и пулеметным огнем. Стреляли все, у кого в этот момент были винтовки и кому было не лень. Аэроплан опять бросил две бомбы и завернул, не долетев до станции. На этот раз какую-то женщину ранило осколком в живот.

Вечером после наступления темноты приехал сюда Татарников. Рассказывал, что их сегодня прилично обстрелял автоброневик противника. У них здесь, по-видимому, немало действует таких автомобильчиков. На нашу пехоту и вообще на всех солдат эти авто действуют довольно сильно. За зиму все отвыкли от этой прелести, но теперь скоро снова попривыкают. Говорят, что на этот фронт ожидают 10 танков, которые будто бы 27 числа в 2 часа дня вышли из Екатеринодара и будут доставлены сюда в спешном порядке.

30.04.1919. Наши всё время топчутся здесь на этих участках, но вперед не продвигаются, а скорее отходят в некоторых местах, хотя на очень незначительное расстояние. В районе Луганска идут успешные для нас бои. Здесь предполагается какая-то операция генерала Шкуро, но его дела идут как будто не совсем важно.

Впервые за всё это время более подробно прочел относительно фронта адмирала Колчака. По прежним сообщениям и слухам казалось, что он значительно ближе, чем это выясняется теперь. Линия его фронта проходит примерно так: от Зуевки (между Вяткой и Глазовым) на Елабугу, Чистополь, Бугуруслан, Оренбург (верст 70 западнее его), Уральск, Новоузенск, Александров Гай. Говорят, что англичане сообщили о том, что уже недели через две у нас с ним будет связь, то есть, другими словами, соединимся. Но это едва ли так: две недели все-таки очень короткий промежуток времени.

Под Маньчешем наши основательно встряхнули красных: взято 13 орудий, 60 пулеметов и 3500 пленных. Если судить исключительно по газетным сведениям, то наши дела блестящи, а на самом деле они, я сказал бы, значительно хуже, хотя в общем и не скверно.

1.05.1919. Среда. Веселый месяц май. Но не многие в России так скажут. Лишь некоторые посмеются, а большинство поплачет. Общая разруха сильно затянулась и еще неизвестно, когда и чем она закончится. Хуже всего то, что такое состояние гражданской войны, когда каждому открывается широкое поле для полного произвола, во фронтовой поло-

се страшно пагубно отзывается на всём народе. И нужны будут нечеловеческие усилия, чтобы потом, при водворении порядка, заставить всех отстать от своих привычек и считаться с известной законностью и даже силой. С этой стороны вред, нанесенный России большевиками, будет чрезвычайно трудно чем-либо загладить. Всё нынешнее поколение, которое ведет эту ужасную по жестокости войну, должно быть останется больным в нравственном отношении до конца своих дней. А сколько людей окажется с совершенно разбитой нервной системой. Пока что я не могу еще жаловаться на свои нервы, но несомненно, что вся эта история и на мне может отразиться. Как хотелось бы увидеть своих и поговорить обо всём. Очень много материала и переживаний накопилось за это время. Страшно желал бы встретиться с Арнак. Говорил бы, кажется, не умолкая, с чувством и в этом нашел бы величайшее удовлетворение и тихую радость. Я думаю, что у многих из нас ощущается такая потребность, но между собой мы обыкновенно о своих переживаниях совсем не говорим. Да и где там, если на позиции приходится в любую минуту заботиться главным образом о какой-либо еде, а иначе совсем пропадешь.

Говорят, Андрей за это время совсем переменялся, мечтает только о соловьях и лунных вечерах. По всем признакам, он завел себе в Армавире какую-то даму сердца. Мне из канцелярии передали письмо на его имя. Я думал, что это какое-либо деловое, раскрыл его и, полагая, что у него секретов нет, а всё что касается его, то отчасти касается и меня, так как у нас всё общее, собирался его прочесть и, конечно, страшно удивился, когда налетел на любовное письмишко. Дело, как видно, у него заварилось серьезное, пахнет уже чем-то семейным. Лично я такими пустяками не занимаюсь и веду на редкость скромную жизнь. Вот вам и Андрей, здорово он меня этим удивил!

Распустилась сирень и многие другие кусты и цветы. Пахнет хорошо, только немножко стало холодновато за последние дни.

Некоторое время тому назад генерал Деникин объявил декларацию, главнейшие пункты которой следующие:

- 1) борьба с большевиками до уничтожения;
- 2) созыв всероссийского народного собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права;
- 3) земельная реформа;
- 4) освобождение рабочих от эксплуатации их капиталом.

Несколько запоздала эта декларация, а то многие, не зная всё это время истинную физиономию Добровольческой армии, оставались совершенно в стороне или даже совсем не сочувствовали ей, думая, что она преследует реакционные цели. Появись эта декларация раньше, и у нас было бы значительно больше сторонников из рабочего класса. Нужно сознаться, что агитация у нас развита слишком слабо, между тем как большевики на нее обращают самое серьезное внимание и забивают всем головы своей программой.

Вечером затеяли мелкую домашнюю игру по полтиннику, и я умудрился каким-то образом проиграть целых 710 рублей.

3.05.1919. Наши офицеры поехали в Армавир изучать английскую материальную часть и получать пушки. Рассчитывают вернуться через 2—3 недели. Танки всё время едут и никак не могут доехать. Говорят, что в Ростове их осматривали два дня, теперь они застряли в Таганроге. Проезжавшая английская миссия знакомялась с этим участком.

Красные всё продолжают лезть: 2-го числа они начали наступать на участке нашей батареи. Это наступление было отбито нашим артиллерийским огнем. Стреляла батарея очередями. Это первый раз за последнее время. Татарников рассказывал, что им всыпали должным образом. Я уже почти совсем поправился. Снял повязку с шеи, остригся под ноль и побрился. Стало много легче. Хочу помыться завтра и вернуться в батарею.

4.05.1919. С утра меня разбудил прапорщик Егоров и сказал, что где-то очень близко идет сильный бой. Действительно, отчетливо слышна была ружейная и пулеметная стрельба. Часов в 11 я собрался пойти в баню, но так как стрельба приближалась, то я решил немного обождать, так как выскакивать из ванны полуголым и полувымытым в случае нашего дальнейшего отступления не представляется особенно интересным.

Наступали красные со стороны Моспино. Часов в 12 стрельба как будто бы несколько стихла, и я пошел и вымылся, как следует. Часам к 3 бой снова сильно разгорелся. Они заняли Моспино и отрезали наш бронепоезд «Генерал Алексеев», который двигался по оставшемуся в его распоряжении небольшому участку пути и отбивался чуть ли не в упор. Вечером по стрельбе можно было судить, что дела наши не совсем хороши.

Часов в 8 наши части перешли в наступление, заняли Моспино, освободили бронепоезд и отогнали красных. Говорят, что человек 200 перешло во время этого боя на нашу сторону.

Приехал из Екатеринодара шт.-кап. Громов. Говорит, что там война совершенно не чувствуется, военных очень много и все они одеты с иголочки. Нашим Азовско-Донским фронтом мало интересуются, а главное внимание обращают на Царицынский.

Много говорят и пишут о большом восстании казаков в тылу большевиков в Верхне-Донском округе. По сведениям, восставшие располагают артиллерией и хорошо организованы.

5.05.1919. С утра всё тихо. В Иловайской население опять успокоилось. Красные, очевидно, довольно далеко. Вчера их все-таки встряхнули, надо полагать, довольно основательно.

Сегодня решил отправиться в батарею. У нас в батарее за последний период боев и отступлений завелись экипажи, на одном из которых я и отправился. Хозяева ничего не взяли с меня, а кормили так, что и 30 рублей в сутки было бы мало платить за все эти блюда.

Наши стоят верстах в 7 от Иловайской, недалеко от рудника, в который приходят ночевать. Здесь наша батарея занимает дом с электриче-

ским освещением и прочими удобствами. Спать, конечно, приходится на полу. Грязь во всём доме держится солидная.

В этот день на наблюдательном пункте убит наш телефонист, доброволец Шишков, гимназист 5-го класса. Ему гранатой совершенно оторвало голову. Еще в январе он поступил к нам, тайно удрав от родителей; его отыскали, приехали и взяли. Затем родные отпустили его из дома и снарядили вещами. А тут уже такая катастрофа.

6.05.1919. Вечером спустился на руднике под землю сажень на 100. Очень интересно побывать все-таки в шахтах. При спуске ощущается повышенное давление, которое чувствуется главным образом барабанными перепонками и при дыхании. В шахте внутри страшно сыро и темно, ходить приходится совсем согнувшись. В некоторых местах стоят машины, которыми выкачивается вода. Коридоры тянутся на большом пространстве и имеют много боковых ходов, благодаря чему запутаться там пара пустяков. В том месте, где выбирался уголь, выделялся какой-то неприятный газ. Работать там, по-моему впечатлению, очень тяжело. Трудно понять психологию людей, которые работают там всё время. Нет ничего удивительного, если эти люди, не разобравшись в свободе и примкнув к большевикам, делаются зверьми.

Танки наконец прибыли в Иловайскую. Предполагают, что уже завтра они должны быть на нашем фронте, на участке Моспино, и перейти в наступление. Уже пора.

7.05.1919. С утра предполагалось наступление слева от нас. Но почему-то всё было спокойно с утра и вообще весь день. По каким-то соображениям наступление было отложено до завтра.

Холод стоит адский. На позиции мы устроили шалаш из досок, разводим там костер и только таким образом слегка согреваемся. Целый день, не умолкая, по всему участку идет ружейная перестрелка. Артиллерийского огня очень мало. Мы стреляем только в крайних случаях, и то очень немного.

К полудню сменилась наша пехота. Пришли сюда казаки-кубанцы. Говорят о том, что вся 3-я дивизия будет оттянута на отдых, а потом пройдет на Царицынский фронт. Но это остается только слухом. Пехоту нашу сменили, а артиллерия осталась. У кубанцев все части значительно пополнены. В пеших сотнях у них насчитывается по 150–200 штыков. Наш участок заняла команда разведчиков 4-го пластунского батальона. В этой команде более 100 человек. Несколько неинтересно только то, что эти пластуны еще почти совсем не обучены. Как ни странно, некоторые из них гложут от своих собственных выстрелов. Обе стороны держатся пассивно и основательно окопались.

Вечером привезли нам новое английское обмундирование для солдат. Материал очень хороший. Сапоги, например, года за три не сносить.

Некоторое время тому назад наша батарея получила несколько английских мулов. Интересно то, что когда орудие подымается в гору, то

солдат обыкновенно покрикивает на единственного мула, который ходит в запряжке нашего 4-го орудия: «Мул тяни, мул тащи». Очень выносливые и почти не требующие никакого ухода за собой животные. Питается чем угодно, говорят, что у них не может быть потомства.

8.05.1919. Слева началось наступление. Всё время хорошо слышна усиленная стрельба. Говорят, что там пошли танки. Часа в 3–4 дня на нашем участке получилось что-то непонятное. Ни с того ни с сего вдруг открылся интенсивный огонь, и наша пехота начала отступать. Лошади у нас были разамуничены и паслись в поле. Пришлось спешно их запрячь. У нас оставалось только 3 снаряда. Мы выпустили 2 шрапнели для подбодрения пехоты и решили еще подождать, временно не братья за задки. Из штаба батальона все повозки уже драпанули назад на рысях. Потом команда разведчиков остановилась и вновь заняла свои окопы. Положение восстановилось. Наши подвезли снаряды, и мы начали стрелять по отступающим колоннам красных, которые, вследствие нажима наших на соседнем левом участке, отходили параллельно нашему фронту. Та пехота красных, которая была против нас, еще удерживалась до ночи, а потом тоже оставила свои окопы.

9.05.1919. Мы утром слегка продвинулись вперед. В этот день и наш участок должен был перейти в наступление. Наши пластуны сегодня встретили довольно серьезное сопротивление со стороны красных, которые удерживались на буграх за хутором Холодным. Офицеры в этих казачьих частях какие-то нерешительные, а то многое можно было бы сделать с этими солдатами, несмотря на их неопытность.

К вечеру наши части остановились верстах в 7 от города Дмитриевска. Днем купили барана и великолепно подзакусили. На ночь устроились на хуторе в комнате начальника боевого участка. Тот рассказывал про страшный разврат и упадок нравов в Екатеринодаре. В этом отношении в особенности гимназистки представляют собою проституток, по его словам.

10.05.1919. Утром пошли опять вперед. Продвигались мы с некоторой осторожностью. В хуторе Холодном наблюдал знакомую картину разграбленного хозяйства. Только здесь большевички были несколько человечнее, чем у нас. Здания, по крайней мере, остались целы и несколько экземпляров домашней птицы, которая испуганно и уныло бродила по пустому двору. Больше ничего не осталось.

В этот день я чувствовал какую-то скуку. Всё время уходил вперед от пушки и путешествовал по занятым окопам. Здесь было много китайцев. Они натаскали много досок и камней из деревни, которыми укрепили свои окопы. Жители жалуются, что китайцы перерезали почти всех кур. Жалование требуют аккуратно 1-го и 15-го числа, иначе отказываются воевать. За опоздание в его выдаче третьего дня убили своего командира и переводчика. Часов с 12 дня китайцы обычно говорят: «Мой кушать хочет» и идут есть чуть ли не за 5 верст от окопов. Стреляют они всё время,

не переставая, расстреляв же все патроны, уходят, говоря: «Мой машинка не работает, дай патроны». Местные жители передают, что назревает открытая вражда между китайцами и красноармейцами.

В обеденное время мы вошли в Дмитриевск. Появились слухи о том, что нами занята станция Ясиноватая и что группа большевиков, ушедшая из Дмитриевска, окружена. Эти слухи были настолько упорны, что когда первому оружию батареи удалось разогнать прислугу у выехавшей на открытую позицию красной батареи, командир сотни говорил начальнику оружия: «Вы особенно по ним не стреляйте гранатой, так как они всё равно наши». Взять мы их не могли, так как их защищала неприятельская пехота, а ночью их увезли. Достали в городе много большевистских газет. Они уделяют много внимания восстанию атамана Григорьева. Относительно нашего фронта они в своих сообщениях слегка переборщили. Сообщили уже о том, что ими взяты Ростов и Таганрог. Говорят, что у них нелады с «батькой» Махно, который до этого времени работал вместе с ними. Есть сведения, что Махно выступил против чрезвычайек и на своих плакатах помещает лозунг «Бей жидов».

11.05.1919. Несмотря на то что говорили, будто бы эта группа коммунистов отрезана, они всё еще удерживаются. Два раза даже пробовали наступать. Мы стояли очень близко от пехотных окопов. Целый день пули свистели по батарее. Несколько штук попало в щит и в лотки с патронами. Они основательно нажали на наш левый фланг, где участок занимал 8-й пластунский батальон. Оттуда приехал конный и комично сообщил, что «8-й батальон немножко в беспорядке отступает». По городу они закатили несколько тяжелых снарядов. Интересно то, что на поручика Пользинского тяжелые снаряды производят весьма солидное впечатление: у него ноги начинают подкашиваться. Наша левая группа заняла город Мариуполь и захватила 2000 пленных. Наступление начинает сказываться. Захвачен бронепоезд противника «Карл Либкнехт».

12.05.1919. Утром началось наше наступление: 3-е и наше оружие пошли в авангард. Двигались мы вместе с пехотными частями. Теперь нам стало ясно, что Ясиноватая не была взята и что ее нужно еще брать. Без особых задержек мы вышли на линию Ясиноватая—Криничная. Слева от нас генерал Шкуро, выйдя в тыл красных, занял ст. Юзово и Авдеевку. Таким путем в их распоряжении осталась только линия Ясиноватая—Скотоватая. Наступление наше для них должно быть было несколько неожиданным, так как начали эвакуировать Ясиноватую несколько поздневато. Мы открыли огонь по отступающим густым колоннам красных, которые очень поспешно перевалили через железную дорогу на Скотоватую и побежали дальше. Снарядов у нас, по обыкновению, было мало, и мы почти все выпустили по отступающим.

Через некоторое время начали один за другим выходить из Ясиноватой поезда. На всем протяжении они были нам очень хорошо видны, так как эта дорога проходит перпендикулярно нашему движению. Как

оказалось, наши партизаны к этому моменту уже успели выйти на эту линию и наложили на рельсы шпалы и целую кучу рельс. Когда начали обстреливать первый поезд, то он ускорил ход; машинист, должно быть, лег на пол и, не видя этой баррикады, налетел на нее. Передние колеса паровоза перескочили через часть этих шпал и рельс, всё это там перепуталось, и шагов через 200 паровоз остановился, не имея возможности двигаться ни вперед, ни назад. Второй путь тоже застопорился. Занятно было видеть, как броневики, вышедшие со станции через 10—15 минут, подойдя к этому месту, начали метаться вперед и назад. Они отстреливались еще часа 2—3, но потом принуждены были сдать. Один матрос до последнего стрелял из пулемета. Его схватили, и командир 2-го офицерского полка Манштейн¹⁰⁵ собственноручно расстрелял его. Вся башка у этого прохвоста разлетелась вдребезги.

Один из броневиков был «Военных моряков Балтийского флота» № 2. На нем была хорошая, не совсем подходящая большевикам надпись: «Никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своей лишь собственной рукой».

Всего было захвачено 7 составов и 3 бронепоезда. В одном из составов на платформах были два броневых автомобиля, которые тоже попали в наши руки. Кроме этого, была захвачена богатая хозяйственная добыча. Говорят, что в Ясиноватой чуть ли не в полном составе попал в плен какой-то большевистский штаб; одним словом, прилично шелкнули в этот день по красным. Лично я думал, что Ясиноватую будет не так легко вернуть, когда мы оставляли ее 23 апреля. Мы прошли правее станции через деревню Ясиновку и к вечеру заняли деревню *Землянки*, где и остановились на ночь.

13.05.1919. С утра двинулись дальше. Под Скотоватой они оказали нам небольшое сопротивление, но мы артиллерийским огнем сообщили им вполне достаточную скорость для того, чтобы они очень скоро убрались. Днем вошли в Скотоватую. Наша пехота сегодня дошла до полустанка Петруньки. Знаменитый желтый бугор за Скотоватой, который доставил нам в марте массу неприятностей, теперь был взят очень быстро, без сопротивления.

Нужно сказать, что наши цепи во время этого наступления поражают своею численностью. Как-то прямо странно видеть так много своей пехоты, в то время как за все эти бои привык с 30—40 человеками защищать целый участок против 1000 красных.

Легли спать сегодня что-то часов в 8 вечера. Это редкий случай за всё это время, и вставать завтра будем часов в 7 утра. Можно будет слегка ожить, а то уже духу не хватало вставать в 2 с половиной утра и устраиваться на ночлег только часов в 10.

14.05.1919. Двинулись на полустанок Бетманово. Предполагалось сначала, что сегодня будет дан отдых. Но разведка выяснила, что большевиков вблизи нет, и мы двинулись на Горловку. Прогнали со станции нашим

огнем бронепоезд красных и пошли левее Горловки, которая была сейчас же занята нашей пехотой, на Никитовку <ныне в черте г. Горловка>. В нескольких верстах от станции вступили в бой, который затянулся до ночи.

Коммунисты задержались у Никитовки, другие части красных, как говорят, отступили дальше. Бронепоезда их после ясиноватской ловушки стали много осторожнее и значительно пугливее, чем раньше. Ночевать пришлось в поле прямо на дороге. Ночью развели костер и самостоятельно варили уху из мелкой рыбешки, которую наглушили днем ручными гранатами. Удивительно, что до этого времени здесь так холодно, сыро и идут всё время дожди. Спать было скверно: одному боку от костра было жарко, а другой замерзал от холода. В таких условиях в два счета можно получить солидную болезнь.

15.05.1919. Утром пролетали над нашими позициями 3 самолета красных. Они сбросили несколько бомб и целую кипу прокламаций, в которых заключалось обращение к офицерам. Там указывалось на то, что мы якобы находимся в безнадежном положении, что они нас приперли к морю и окружили со всех сторон. Шутники, право... Говорят это тогда, когда мы наступаем по всему фронту, а их армия бежит. Заканчивалось это обращение такими словами: «Всякому честному офицеру найдется достойное место в Красной армии, и если Вы не потеряли способность, то Вы должны понять, что Вас обманывают, и т. д.».

Днем мы вошли в *Никитовку*. Это большая узловая станция. Тут они взорвали 2 порядочных железнодорожных моста, чем преградили на несколько дней путь нашим бронепоездам. По словам жителей, красноармейцы под влиянием последних поражений решили отступать до Харькова. Вообще, как видно, боевой дух у них в данный момент сильно упал, и начинается разложение. Отсюда мы двинулись по направлению на Бахмут и к вечеру заняли ст. Майорское.

16.05.1919. Целый день пришлось задержаться в Майорской. По Константиновской ветке всё время подходил к нашему расположению большевистский бронепоезд, который своим огнем приводил в ужас обитателей Майорской. По Бахмутской линии тоже всё время появлялся бронепоезд, но тот вел себя значительно скромнее. Вечером наша разведка дошла до станции Курдюмовка. Завтра двигаемся дальше.

17.05.1919. Мы изменили направление и пошли на Константиновку через станцию Магдалиновка. Наступали мы вдоль железной дороги. Всё это расстояние в 25 верст я прошел пешком. К вечеру мы добрались до станции *Константиновка*. Интересно то, что жители крайне удивлялись количеству наших войск. Они говорили, что они привыкли видеть нас самое большее в количестве 80 человек, а теперь наши цепи по своей густоте начинают приближаться к большевистским. Действительно, пластунов много, но наступают они крайне вяло и нерешительно. Артиллерии приходится идти вместе с ними в цепи, а то они совсем чувствуют себя неуверенно. Так, сами по себе казаки как будто и ничего себе, но команд-

ный состав у них никуда не годится. Скверно то, что они страшно распушены и грабят всюду, где только можно. Прямо возмущаешься, что их не могут прибрать к рукам. Наши солдаты в этом смысле держатся очень хорошо, да и мы постоянно за ними следим. Ночью казаки растащили пиво с одного из заводов, принадлежавшего какому-то еврею.

18.05.1919. Командир предложил мне быть у него, как у начальника артиллерийской группы, адъютантом. Я отказался и просил оставить меня в боевой части. Взамен себя я нашел желающего — поручика Пользинского. Вообще, службу в Добровольческой армии, я понимаю как службу именно на фронте и в боевой части.

Днем наш взвод перешел в экономии Феттера около колонии *Екатериновки*, на которую мы не совсем удачно наступали 3 марта. Приятно было вспомнить более тяжелое время и побывать в хорошо знакомых местах. Теперь на Константиновку мы наступали совсем иным путем. Получены сведения о взятии Бахмута. Наши части там везде вышли на ту линию, которую занимали в январе и феврале месяце. За 10 дней мы вернули почти всю ту территорию, которую медленно с упорными боями оставляли в течение 3 с лишним месяцев. Наступление это не только для большевиков, но даже и для нас было полной неожиданностью. Развивается оно очень успешно по всем направлениям, причем почти всё время наши части выходят в тыл красных, наводя на них панику.

19.05.1919. Был тихий и спокойный день. Ходил по окрестностям и чувствовал себя, как на даче. Достал где-то удочку и пробовал ловить мелкую рыбешку, но очень неудачно: совсем не клевала. Ел в колонии мед и беседовал с жителями. Большевики их сильно обобрали, но у них все-таки много еще кое-чего и осталось. Живут в колонии очень хорошо. В экономии Феттера была коммуна, и там почти ничего не осталось.

20.05.1919. Большевики попробовали было наступать на Константиновку, но их порыв довольно скоро охладили. Мы двинулись дальше, перешли заветную линию, дальше которой во время весенних боев не ходили, и заняли Новоселовку и Кондратьевку. Здесь Добровольческая армия появляется впервые, если не считать того, что перед Рождеством, когда мы воевали с Петлюровцами, в этих местах мимоходом бывали наши разъезды в количестве 5—7 человек, не больше. Жители как-то с любопытством смотрят на нас всех. Похоже на то, что большевики им порядком надоели и насолили.

21.05.1919. Наступали на ст. Дружковка. По вине пластунов мы не дошли до станции и вынуждены были ночевать в открытом поле, оставившись верстах в трех. Почему-то пластуны не рискнули наступать дальше. Мы, смеясь, говорили, что пластуны не решились ночью занимать «незнакомую станцию». Скучновато все-таки наступать с пластунами. Конечно, зарываться не следует, но теперь необходимо как можно быстрее гнать эту дрянь, и всё время наносить им возможно более чувствительные удары.

22.05.1919. Утром заняли *ст. Дружковка*. Большевики еще вчера уверяли жителей, что ими заняты Ростов и Таганрог и что «они нас совершенно окружили». Отходят же они потому, что мы, находясь в безнадежном состоянии, бросаемся кучками в разные стороны с целью куда-то прорваться. Эту наглость, ложь и нахальство у них не так легко вывести. Говорят даже 11-й советский стрелковый полк, который представлял собой наиболее стойкую боевую часть, предложил коммунистам самим защищаться, а сам уехал в Краматорскую в эшелонах.

В местном кооперативе я достал сахару и спичек по дешевой цене. Этих предметов у нас очень мало и достать их почти невозможно. Через несколько часов двинулись дальше на Краматорскую. Верстах в 6 от станции нас с бугров встретили сильным огнем. Оказалось, что 11-й и 14-й советские полки решили защищать Краматорскую. Нас осыпали пулями настолько густо и основательно, что пришлось подумать о рытье окопов. Большевики вырыли себе окопы во ржи, которая достигла вышины среднего человеческого роста. Мы выпустили по этим окопам 80 снарядов и доставили им много неприятностей, так как стреляли на малом прицеле и почти каждым снарядом мы низким разрывом попадали прямо по окопчикам. После каждого выстрела по нашей пушке прогуливался пулемет красных.

До ночи не удалось сбить красных. Наш правый фланг даже немного отступил, но потом опять выдвинулся. Только ночью красные вынужденны были оставить эти окопы и отойти.

В этот день получили сведения, что полковник Ягубов¹⁰⁶ младший, прапорщик Диденко и поручик Ассен-Аймер¹⁰⁷ погибли на танке. Это наши бывшие офицеры, которые в феврале перевелись в бронедивизион. Казалось бы, что на танке можно быть почти гарантированным от смерти, а тут оказалось иначе.

23.05.1919. Заняли станцию *Краматорскую*. Здесь раньше находилась бронебаза противника, а на заводе строились бронепоезда для советских войск. Отсюда вышли два «Карла Либкнехта», которые очень скоро попадали последовательно в наши руки, «Роза Люксембург» и др. Под Миллерово захвачена «Непобедимая советская площадка» со многими орудиями.

Наша левая группа одновременно с занятием нами Краматорской с фланга заняла город Славянск. Там был захвачен весь Краматорский совдеп, начальник дивизии, 60 паровозов и много другого, в том числе и солидное количество спирта. В Краматорскую эшелонном пришел наш первый взвод, который перевооружился в Константиновке. Мы тоже сегодня получили английские пушки, а наши старые русские мне было приказано отвезти в Горловку в артиллерийский склад. Перевооружились мы только по той причине, что у нас нет русских снарядов, а английские нам будут давать в произвольном количестве. Как-то жаль расставаться с нашими пушками, они много изящнее и как будто лучше. В 1 час ночи мне пришлось выехать с эшелонном в Горловку.

24.05.1919. Приехал в Горловку, но оказалось, что огнесклад переехал из Криничной в Бахмут. Пришлось ехать назад через Никитовку на Бахмут. Хорошо, что я ехал совсем отдельным эшелонем со своим паровозом. Благодаря этому я довольно быстро слонялся по всем линиям и станциям, пока наконец добрался до огнесклада. Если бы мне нужно было прицепляться к другим эшелонам, то на такое путешествие из Краматорской в Бахмут через Горловку мне пришлось бы потратить минимум трое суток. Вез я с собой очень много частной публики — и в вагоне со снарядами, и на платформе с пушками. На каждой остановке мирные обыватели слёзно умоляли меня подвезти до той или иной станции, так как пассажирского движения еще нет и они могли передвигаться только воинскими эшелонами, если начальники эшелонов разрешали им садиться. Я впускал почти всех.

25.05.1919. Утром сдал пушки, но выехать не мог почти до вечера. Я воспользовался этим случаем, походил по городу, довольно плотно поел в столовой и основательно помылся в бане.

Город так себе, вокзал для этого города очень приличный. Мне рекомендовали ехать не прямо из Бахмута в Славянск, а по другой линии, через Никитовку. Когда я приехал туда, то мне сказали, что на Славянск эшелоны по этой линии ходят редко, и советовали ехать или в Бахмут или в Ясиноватую, во избежание того, чтобы в Бахмуте вторично мне не дали бы еще более остроумный совет относительно железнодорожных передвижений в данное время. Получилась теперь с моей ездой такая картина: для того, чтобы двигаться вперед, мне нужно сначала проехать внушительный кусочек назад в Ясиноватую. Прибыл я туда около 1 часу ночи. Так как на вокзале совершенно нельзя было найти места даже для сидения, то я пошел в дом к какому-то еврею, разбудил его и просил устроить меня на ночлег.

26.05.1919. Весь день пришлось проторчать на вокзале, справляясь о том, когда пойдет эшелон Самурского полка. Все наши старые Добровольческие полки за это время отдохнули в резерве и значительно пополнились, доведя свою численность почти до нормального состава.

Часов около 9 вечера мне наконец удалось выехать. Устроился я на тормозе вместе со своими солдатами и под дождичек слегка задремал. Погода всё время отчаянная: почти без перерыва идут дожди. Такого лета я еще в своей жизни не видел.

Большевичкам отступать, действительно, не интересно, и они иногда предпочитают уходить эшелонами, благодаря чему иной раз их бывает довольно трудно догнать.

Из эшелона, в котором я ехал, под Скотоватой на ходу поезда из вагона выскочила лошадь, вполне благополучно; вслед за ней принужден был выскочить и ездовой. Правда, поезд шел не быстро, так как в составе было более 70 вагонов.

27.05.1919. От Краматорской до Славянска ехал в эшелоне «одесситов» бригады Тимановского¹⁰⁸. Встретил двух сослуживцев по Гатчи-

не, подпоручиков Гудара¹⁰⁹ и Ольшанского. Посмотрел я на эти войска и офицеров и сразу увидел, что эти части «неваженец», далеко им все-таки до наших Добровольческих частей. Они говорили, что чуть было не решились ехать к Колчаку, так как в прошлом месяце у них были слухи о том, что наши дела почти безнадежны. Я им сказал, что в конце апреля дела наши были действительно неважны, но, по-моему, именно поэтому они и должны были прийти к нам, чтобы помочь. Говорят, они перед уходом разделили какие-то экономические суммы, так что на каждого младшего офицера пришлось по 12 тысяч, и занимались кутежами. Большого толку из этих войск, как видно, не будет. Я открыто выражал им свое удивление, что они сдали Одессу 4 тысячам наступавших большевиков, в то время как их было около 6 тысяч.

Эти дни наш взвод знакомился с английскими пушками. Приехал я в Славянск как раз вовремя. Взвод уже погрузился, и через 2 часа мы двинулись на станцию Гусаровка. Между Гусаровкой и ст. Барвенково шел небольшой бой.

28.05.1919. Пришли в *Барвенково*. Интересно, что эта станция была занята нашей батареей без помощи пехоты. Пластуны что-то медлили и опять не хотели наступать ночью. Тогда капитан Слесаревский рассыпал наших разведчиков в цепь, а первому взводу приказал ночью открыть артиллерийский огонь. На красных навели солидную панику, и они удрали. Интересно то, что один из снарядов попал в вагон эшелона и тем придал им еще больше жару.

Побывал я здесь в тех домах, где помещение было занято чрезвычайной; разгром был полный: всё перевернуто и валяется на полу; нашел, между прочим, фотографию всех большевистских заправил, много прокламаций и агитационной литературы.

29.05.1919. Большевики во время своего отступления оставили много консервов, которые они отравили трупным ядом, бациллами заразных болезней и прочим. Об этом было официальное сообщение в газетах. Может же дойти до такой подлости обезумевший народ.

В кооперативе мы достали по дешевым ценам много неотравленных консервов и с удовольствием поели их во время похода, хотя они не были особенно хороши. Занятие Барвенково нам очень понравилось, и наша батарея решила попробовать продвигаться дальше и подловить бронепоезд без нашей пехоты. Теперь с 10 нашими разведчиками пошел наш взвод. Мы выдвинулись верст на 7 вперед нашей пехоты и заняли разъезд Языково.

Ночью полковник Самуэлов приказал мне стать в заставу с двумя пулеметами в одной версте от места расположения пушек. Интересно то, что мы начали без пехоты воевать и за артиллерию и за пехоту. Около полуночи я задержал проходившего в Барвенково железнодорожника, который сообщил, что большевики завтра собираются наступать большими силами при поддержке двух бронепоездов и наземной батареи. Бороться

с бронепоездами и артиллерией мы сможем, но настоящего наступления с пехотой, конечно, не будем в состоянии выдержать, так как они могут обойти нас со всех сторон, а наша пехота к утру еще не сможет подтянуться к нам. В общем, посмотрим.

30.05.1919. На рассвете начался бой. Железнодорожник, действительно, не соврал. Громадные цепи противника начали появляться на всех буграх. Пока было возможно, мы отгоняли бронепоезда и очень удачно стреляли по цепям. Но, не рискуя быть обойденными со всех сторон, мы снялись и, останавливаясь несколько раз во время отхода, чтобы задержать красных, часов около 6 утра подошли к нашему пехотному расположению.

Наступление такими силами со стороны большевиков было довольно-таки неожиданным. Пластуны держались как-то вяло и с определенным намерением отступить. Пока цепи противника были далеки, они еще держались, но когда те приблизились вплотную и мы начали расстреливать их чуть ли не в упор, то пластуны перевалили через бугор, сбились какими-то беспорядочными группами, перестали стрелять и ждали того момента, когда мы снимемся, чтобы им самим уйти. Работала только наша 4-я пушка (3-е орудие отошло назад, чтобы потом своим огнем прикрывать наш отход) и наши пулеметы, пехота бездействовала. Я несколько раз входил в нашу цепь, спрашивал у пластунов, где находятся в данный момент их офицеры, и старался привести их в порядок. Они всё время указывали мне на левый фланг, где действительно положение было угрожающим. Слева наши довольно быстро отступили, и громадные цепи красных начали уже входить в селение Барвенково, а нам между тем приходилось отступать мимо селения.

Вдруг левый фланг сотни, которая была с нами, побежал. Я побежал туда, наорал на казачьего офицера, сказал ему, что такой пехоты я еще не видел, и потребовал, чтобы он остановил это безобразие. Тот начал останавливать пластунов и даже стрелял в своих, но ничего не помогло, и было уже слишком поздно. Наше орудие не успело еще как следует сняться, как на наших буграх появились цепи красных и осыпали нас градом пуль. Расстояние было близкое, и, кроме того, у них должно быть были хорошие стрелки, так как все пули «шли» на уровне пояса. Орудие с ящиком пошло рысью. В этот момент был ранен в верхнюю часть ноги наш наводчик, которого подобрали на нашу пулеметную повозку. Казаков и след простыл. Красные, не встречая с нашей стороны отпора, спокойно обкладывали нас пулями.

Я втянул шею в плечи и скорым шагом пошел вслед за орудием. Одно счастье, что они не зацепили наших лошадей, так как под таким огнем перепрыгнуть другую лошадь было бы невозможно. Нам приходилось спускаться в ложину, а потом подыматься вверх на гору. Под таким огнем мы шли версты две. Когда мы проходили мимо окраин селения, нас обкатывали с улицы пулеметным и ружейным огнем те красные, которые

слева заняли Барвенково. Пришлось отходить без задержки, это уже было похоже на бегство. Мы бывали в солидных переплетах и раньше, но так никогда не отступали. Тогда были наши полки, а не пластуны.

В тот момент, когда мы выезжали на бугор, большевики ахнули по самой дороге впереди нас 2 гранаты. Казалось, что наше положение стало весьма скверным, но и эту комбинацию мы прошли благополучно.

В Славянске к нам поступило несколько добровольцев-студентов. Один из них был прямо вне себя. Этот переплет на него так подействовал, что он от страха не мог даже идти и решил проситься в нестроевую часть. Да, теперь артиллерия сплошь и рядом попадает в такие переплеты, которые не снились артиллеристам в германскую войну.

Верстах в 5 от Барвенково привели наконец в порядок пластунов, и мы остановили красных. Стреляли мы очень много и очень удачно. Вечером подбили пушку противника, которую они все-таки сумели вывезти, оставив на этом месте 9 трупов и 32 снаряда. Это наступление им стоило солидно. У нас кроме Луковникова ранен еще подпоручик Петр Петрович Зиновьев; у пластунов потери тоже очень невелики. Устали мы солидно, я, кроме того, не спал эту ночь. Когда бой затих, то буквально все заснули мертвецки тут же, у наших орудий. Работали мы, в общем, не за страх, а за совесть. Но с пластунами трудно становиться в пехотной цепи, так как благодаря их «драпу» мы в один момент очутились между своими и большевистскими цепями и едва вышли из этой истории с нашей пушкой.

31.05.1919. Большевики опять начинают нажимать. Мы стреляли очень много и очень удачно и все-таки только на время задерживали цепи красных, которые лезли со всех сторон и в несметном количестве. Сюда прибыло несколько полков из Москвы и из центральных губерний. Мне по приказанию полковника пришлось ехать с зарядным ящиком за снарядами на разъезд Гусаровку. Благодаря тому, что пластуны очень быстро отошли налево, я чуть не въехал в большевистскую цепь, которая неожиданно выросла перед моими глазами из-за бугра. С трудом выскочил оттуда на рысях со своей запряжкой. На Гусаровку я попасть не мог и, кроме того, оттуда ушли уже все составы. Снаряды пришлось получить на станции Бантышево в 9 верстах сзади Гусаровки. По дороге встречал группы казаков, которые не могли мне объяснить, почему собственно они в данный момент находятся не в цепи, а в этом месте. Возвращаясь из Бантышево, я с трудом нашел свой взвод, они продвинулись на несколько верст. Не могу сказать, чтобы было интересно, не зная совсем обстановки, ездить с запряжкой по фронту и разыскивать свой завод. Вся беда в том, что как-никак, а ящик со снарядами приходится везти осторожно, не подвергая его лишнему обстрелу. Вечером мы устроили обыск в деревне Ивановка и захватили там какого-то комиссара, но за недоказанностью его преступления, его отпустили.

1.06.1919. Суббота. Утром мы вследствие отхода левого фланга должны были тоже отойти. Слева большевики уже подошли близко к Гуса-

ровке. В этом наступлении у большевиков принимали участие красные юнкера, так называемые «курсанты». Они дрались довольно стойко, но все-таки им влили солидно, остановили и заставили отступить. Мы крыли сегодня до того, что нельзя было дотронуться до пушки. Потери у них велики. По показаниям пленных, на этом участке у них было больше 1000 раненых и убитых. Между прочим 5 шрапнельными пулями мы сильно ранили командира советского 12-го Московского полка, бывшего поручика князя Кикодзе, который скоро умер.

Днем мы перешли в наступление и к вечеру вновь заняли Барвенково. По дороге в пшенице встречали много неубранных трупов. Жители Барвенково говорили, что красные отправили 3 больших эшелона с ранеными. Это наступление им обошлось солидно.

Мы слышали, что Троцкий был теперь в Лозовой и приказал взять Славянск в 24 часа. После занятия ими Барвенково, они надменно говорили, что сегодня они будут обедать в Славянске, а между тем мы сейчас садимся ужинать в Барвенково. Красные отошли до Гавриловки; наш броневик проходил далеко вперед, так как они не успели взорвать нигде ни путей, ни мостов, — им было не до того.

2.06.1919. Мы двинулись обходной группой на ст. Панютино, которая находится сейчас за Лозовой в направлении на Харьков. До Лозовой отсюда 60 верст. Говорят, что там они выкопали окопы и решили ее основательно защищать. Мы пошли правее Лозовой, а слева на нее двинули, кроме пластунов, роту Дроздовцев, две батареи, 3 танка и бронепоезд. Принимая во внимание важность этой узловой станции, наше командование повело на нее наступление солидными силами.

В кооперативе в Барвенково я достал сукно на брюки и рубаху по 133 руб. 30 коп. аршин. Член кооператива преподаватель среднего учебного заведения отказался поместить свою резолюцию на бумажке, которую я ему представил от командира батареи, мотивируя тем, что если сюда войдут большевики, то они повесят его за это. Дело в том, что этот кооператив товары отпускает только потребительным обществам по оптовым ценам, а частным лицам совсем ничего не продает. Он просил меня, чтобы я устроил бутафорию с вооруженными солдатами, чтобы все видели, что он подписал, подчиняясь силе. Он мне сказал, что хуже всего для них, когда мы просим, а не требуем с оружием в руках. Я возмутился и сказал ему: «Жалкий вы человек, большевикам вы делаете всё потому, что вы их боитесь, нам вы не решаетесь делать ничего, потому что вы опять-таки боитесь большевиков. Не будьте таким безличным и станьте определенно на чью-либо сторону, чтобы мы знали кто наши друзья и кто наши враги». Младшие служащие мне с удовольствием отпустили сукно, хотя я не настаивал на этом, и тут же благодарили в моем лице всех нас за то, что мы выбили большевиков отсюда. Простые люди не боятся этого делать, а запуганный безличный интеллигент не решает-ся. Позор!

Двигались мы вперед с излишней пластуновской осторожностью. За день прошли меньше 20 верст и остановились в колонии Рыжово, которая дала нам несколько добровольцев. В районе ст. Гавриловка шел солидный артиллерийский бой.

3.06.1919. До Панютино нам пришлось пройти 35 верст. Как и следовало ожидать, мы несколько запоздали. Несколько эшелонов успело уже пройти из Лозовой на Харьков, мы подбили только бронепоезд, который уходил по этому направлению последним. Все эшелоны большевиков, за исключением оставшихся, прошли по другой линии на Полтаву. Панютино мы заняли примерно на 1 час позже, чем наша левая группа заняла Лозовую. На защиту Лозовой приехали из Севастополя, но они тоже не помогли. Жители говорили, что большое впечатление на красноармейцев произвели эшелоны из Барвенково с ранеными, многие из которых умерли по дороге. В Лозовой наши захватили бронепоезд, погруженную в вагон 3-орудийную батарею с лошадьми, снарядами, упряжью, которую во всякий момент можно пустить в дело, так как оттуда ничего не взяли и ничего не испортили; около 700 вагонов с разными грузами, много паровозов под парами и пр. Артиллерийский огонь по станции вызвал среди красных невообразимую панику. Они поняли, что теперь с нами бороться не так просто. Занятие Лозовой большевистскому Крыму, очевидно, доставило немало огорчения и существенных неудобств. Заправилам красных придется подумать о своем положении.

4.06.1919. Утром перешли в *Лозовую*. Здесь нам приказано войти в сторожевое охранение, т. е. просто говоря, слегка отдохнуть. В нескольких местах от Лозовой в направлении на Полтаву захватили еще 3 орудия без замков и панорам. Красные в панике вчера бросили их. Как оказывается, очень много красной артиллерии защищало Лозовую, у них здесь было без числа орудий, и не смогли они все-таки удержаться. На ст. Ближнюки перед Лозовой у них отхватили солидное количество грузов. Нам выдали по 5 фунтов сахара на человека и по 1 бутылке спирта.

Я устроился на квартире у какого-то еврея, который сразу же завел со мной разговор относительно отношения Добровольческой армии, офицеров и казаков к евреям. Насколько мог я удовлетворил его ответами в этом вопросе, хотя указал ему, что известное озлобление наблюдается, в чем можно обвинить самих евреев, которые чересчур сильно присосались к большевизму. Он уверял меня в том, что только подонки еврейского общества пошли за большевиками.

Спал я в этот день на постели и разделся совершенно. Начиная с 4 мая, ни разу не удавалось спать не одетым.

5.06.1919. Днем я узнал, что в Лозовой осталось несколько чинов чрезвычайки. С разрешением командира и с ордером коменданта я отправился с прапорщиком Мардиросевичем¹¹⁰ и несколькими солдатами ловить их в городе. Но, несмотря на все старания, не удалось зацапать ни

одного из этой своры. Когда я вернулся после обысков, то комендант, хорунжий 8-го пластунского батальона, с которым мы работаем последнее время, сказал мне, что офицера 3-й батареи он так просто не отпустит, и предложил мне выпить вместе с ним. Он всё время восхищался работой нашей батареи в бою, которая действительно чуть ли не каждый раз бывала не только в пехотных цепях, но даже впереди них. Я указал ему на то, что за эту неделю у нас 10 человек потерь (3 офицера и 7 солдат) и не постеснялся упрекнуть пластунов в их слабости и некоторой нерешительности, которая помешала нам нанести красным еще большие потери. Естественно, что он согласился со мной и обвинял главным образом своих казачьих офицеров.

Возвратился я от казачков в приличном подпитии и сразу отправился к портному, который за эти дни успел мне сшить рубаху и брюки. Ходил я последнее время в совсем ужасном виде. Брюки мои были зашиты в шести местах мною самим и притом белыми нитками. Кроме этого на колене была громадная дыра, с которой я никак не мог справиться. Всё это, вместе с разодранными локтями на рубахе, сообщало мне не совсем приличный вид, если не сказать хуже. Не успел я одеть нового костюма, как за мной прислали и сообщили, что мы выступаем на позицию.

Было уже почти темно. Слышалась какая-то стрельба. Большевики наступали со стороны Синельниково и были уже в 4 верстах от Лозовой. Наш первый взвод был послан раньше днем в этом направлении. Теперь они вернулись и сообщили, что в этом бою погиб разведчик Гордиевский, которого не удалось вывести, и ранен еще один вольноопределяющийся. Сегодня мы не выступили, но вследствие тревожного положения всем пришлось быть в сборе и спать у пушек на площади. Я с несколько тяжелой от водки головой лег на сырую траву и почти в момент уснул.

6.06.1919. В 2 с половиной часа двинулись, чтобы ликвидировать это наступление красных. Двигались мы всё время по северной дороге, с горы на гору. Получились откуда-то сведения, что красные большими силами пошли нам в обход с целью занять ст. Близнюки и отрезать Лозовую. Туда была послана сотня пластунов на тачанках, а мы пошли вперед дальше. Когда мы дошли до ст. Самойловка, то оказалось, что левая группа заняла Павлоград. Синельниково тоже занято нами; таким образом, вся линия Лозовая-Синельниково теперь освободилась. В довольно интересном положении теперь очутилась Красная армия большевиков. В 3 верстах от Самойловки мы нашли место, где красные зарыли вчера труп нашего разведчика Гордиевского. Говорят, что они сначала сильно издевались над ним, а затем один из них предложил бросить это гнусное занятие и зарыть.

Из Лозовой мы потребовали состав, погрузились и вернулись обратно. На станции в буфете мы закатали приличный ужин с солидной выпивкой. Кончили мы это занятие в 3 ночи, после чего я отправился будить своего квартирохозяина-еврея.

7.06.1919. Вышел приказ генерала Деникина о том, что он подчиняется генералу Колчаку, как Верховному Правителю. Как видно, у Колчака в настоящее время военные дела идут не так гладко, как раньше. В центре он как будто продолжает отступать. Говорят, что там у него подняли волнение пленные австро-германцы и, кроме того, взбунтовались пленные красноармейцы в его армии. Теперь эти восстания уже ликвидированы. Интересно то, что подчинение генерала Деникина адмиралу Колчаку произошло в то время, когда операции нашей армии, в связи с нашим успешным продвижением, начали иметь первенствующее значение.

По Полтавской линии наши части пока не продвигаются и держатся совершенно пассивно. Всё время говорили относительно Царицына, но он до сих пор еще не взят. Почти все бронепоезда пошли туда. Там красные, сосредоточив большие силы и много артиллерии, упорствуют.

Донцы за это время тоже очень сильно продвинулись и почти восстановили декабрьское положение. Украинцы тоже где-то слегка продвинулись. Одним словом, советские войска что-то не совсем хорошо начали себя чувствовать, везде их начали малость поколачивать.

8.06.1919. Приехал Андрей. Он, оказывается, под конец был в школе и изучал на курсах английскую пушку. Говорит, что почти совсем поправился. Командир назначил его начальником учебной команды. Теперь к нам поступает много добровольцев: с ними и будет заниматься Андрей, чтобы сообщить им воинский вид и необходимые сведения по артиллерии и строю. Будет он пока находиться с командой в обозе 2-го разряда.

Нашими войсками занят город Белгород верстах в 80 севернее Харькова по Харьковско-Курской линии. Таким путем наши части вышли в тыл Харькову. Жиды заговорили уже о том, что, по слухам, занят уже и Харьков и якобы там, внутри города, восстали против большевиков рабочие в момент подхода наших войск.

9.06.1919. Выехали на разъезд Страстное по Полтавской линии верстах в 12 от Лозовой. Дальнейшее продвижение пока не предполагается. Поставили нас здесь только на случай появления бронепоезда красных. Расположились мы в деревушке, в половине версты от линии железной дороги. Жители здесь какие-то удивительно неласковые и страшно скупые. Только по дороге сюда нас пригласили к себе две старушки-помещицы и угостили простоквашей и кофе. Основной нашей заботой здесь стало наладить вопрос с питанием, и все довольно усердно принялись за организацию этого дела.

Хочу, между прочим, сказать, что уцелевшие имения после прихода наших войск попали не в совсем интересное положение. Дело в том, что почти во всех усадьбах были коммуны, благодаря этому весь скот и имущество, оставшееся в этих имениях, совершенно ложно рассматривается как коммунистическое и разбирается проходящими частями. И хозяину, которому действительно всё это раньше принадлежало, почти ничего не остается, даже если красные не успели ничего захватить при своем паническом отступлении.

Хотел поспать на вольном воздухе, но дождь помешал. Надоели страшно эти вечные непроходящие дожди.

10.06.1919. Утром было приказано грузиться и двигаться дальше. Наш 1-й взвод проехал уже на *ст. Орелька*. Но потом вдруг всё изменили. Наши войска были оттянуты без всяких видимых причин назад, и снова наши передние части остались у разъезда Страстное, и мы естественно с двумя нашими пушками опять застряли в этой самой деревушке. Поговаривают о том, что нашу батарею должны сменить, и мы уйдем в дивизионный резерв. Хотя мы работаем с февраля месяца без смены, но отдых теперь совсем не интересен и отнюдь не желателен. С одной стороны, мы теперь не так уж и устали во время нашего наступления, а с другой, в такое время совсем не хочется отдыхать, когда всё стремится и движется вперед. Совсем иначе мы посмотрели бы на отдых в середине апреля, когда нас действительно выматывали почти в конец непрерывными и притом крайне тяжелыми боями с 8 с половиной часов утра и до 8–9 вечера каждый день. Тогда нам смены не было, а теперь она нам не нужна. Едим мы здесь прямо до неприличия много. Садимся есть 6–7 раз в день. То баранина, то свинина и кроме того молоко, яйца, сметана, простокваша и творог в произвольном количестве. Сверх всего еще 2 раза в день казенная еда из котла.

11.06.1919. Живем по-прежнему, как на даче. Одни читают, другие спят, третьи играют в преферанс и т. д. Штабс-капитан Касенский ловит по вечерам на пищик в сетку перепелов. Хотел и я посмотреть и поучаствовать в этом деле, но мне не удалось.

В 10 часов вечера занят Харьков. Подробностей я не знаю, потому что газет мы уже давно не видели, но говорят, что, по официальной телеграмме, количество добычи не поддается учету. Захвачено 3 бронепоезда, броневые автомобили и даже танк, который попал в руки Красной армии под Одессой. Говорят, что там французы бросили только подорванные танки; в каком виде был этот танк — не знаю. Всё последнее время большевики кричали о необходимости защищать красный Харьков. Появилось много статей вроде «Рабочий, подтянись», «Рабочий, равняйся». Тон у них опять очень нескромный: всё время ругаются и угрожают красным террором. Но, как видно, им и это не помогает. При некотором нажиме они быстро уходят. В Харькове, говорят, были бои все-таки в центре города и даже упорные.

12.06.1919. Утром начальник участка сообщил, что на станции Орелька появились цепи противника. Мы выехали на позицию; было страшно жарко и невыносимо душно. Нельзя было найти себе места, пришлось спасаться в незначительной тени под осью пушки. Тревога оказалась ложной, как это выяснилось через несколько часов. Мы опять перешли на дачное положение до конца этого дня. Завтра предположено наше продвижение.

В Крыму зашевелились наши части. По официальным сведениям, наши войска перешли в наступление и заняли Феодосию. Говорят, что

туда переброшена конница генерала Покровского. Красные, в связи с нашим наступлением, едва ли будут в состоянии оказать упорное сопротивление нашей Керченской группе. Эвакуировать Крым им тоже едва ли удастся.

13.06.1919. Погрузились и двинулись эшелоном дальше, через Орельку на станцию Сахновщина. Впереди шел бронепоезд с 4-й сотней пластунов. За Сахновщиной, у разъезда Вольный, он довольно неожиданно подкатил близко к большевистскому бронепоезду «Гром» и закатил туда 6 гранат, которыми два орудия из 10 были разбиты и поповерканы пулеметы. Большевики почему-то любят нагромождать на бронепоезда бесчисленное количество орудий. Интересно то, что с большевистским «Громом» состязался только что захваченный большевистский бронепоезд «Гром», который у нас ходит под тем же названием.

Ехал я до Сахновщины на платформе. Тут панорама делается уже несколько веселее и разнообразнее, начинают встречаться кусты и деревья, хотя и не особенно часто, но все-таки приятно ласкают взгляд, уставший от всего этого степного однообразия, жары и пыли.

14.06.1919. Двинулись дальше, на разъезд Вольный. Совсем небольшой разъезд и вблизи него нет селения. Здание же очень хорошее и чистое. Объясняется это близостью нескольких имений, владельцы которых позаботились о своем разъезде. Здесь мы разгрузились и пошли левее железной дороги с тем, чтобы наступать на Константиноград «в лоб».

Между Вольным и станцией Кегичевкой мы ввязались в бой. Сперва мы подошли к неприятельским цепям на очень близкое расстояние, так что из-за наименьшего прицела по бугру не могли даже стрелять. Большевики попробовали наступать и вышли на бугор, с которого нас здорово обложили из винтовок и ручных пулеметов. Нам пришлось отехать назад сажень на 200, а то они могли бы перебить нам всех лошадей. Мы стояли у высокой ржи, пули красных летели и срезали целый ряд колосьев. На новом месте грунт был настолько мягкий, что пушку было чрезвычайно трудно ворочать, благодаря чему стрельба стала задерживаться. Было крайне душно и жарко. Все были мокрые, как из воды. Пот стекал настолько крупными каплями, что они проходили даже сквозь ресницы и заливали глаза. Тем не менее, мы остановили красных и после 50–60 снарядов заставили их бежать. Как выяснилось, в этом бою с их стороны кроме обычных красноармейских частей принимали участие жидки и коммунистическая молодежь (гимназисты, реалисты и пр.). Троцкий приказал им наступать и во что бы то ни стало занять Лозовую. Бежали они на этот раз чрезвычайно панически, и, кроме того, мы своим огнем подгоняли их. Под влиянием жары они побросали винтовки, сапоги, шинели, рубахи, фуражки и всё, что могло помешать их бегству.

В результате они сели на подводы, и покатали рысью. Жаль, что у нас не было конницы. Наша пехота тоже села на подводы и за ними. Мы тоже шли на рысях. Прошли мы за этот день больше 33 верст, часам к 9 по-

дошли к деревне Поповка, в 5 верстах от Константинограда. В этой деревне я имел удовольствие вместе с лошадей провалиться в полторасаженную яму, однако выбрался оттуда благополучно и для себя и для коня.

Подступы к Константинограду защищали 15 с лишним тысяч советских войск. Нас же справа и слева наступало не больше 2 тысяч. Бежали большевики отменно, все коммуны из имений едва успевали спастись за каких-нибудь 15–20 минут до нашего прихода. Они, очевидно, не рассчитывали, что уже сегодня им придется расстаться с их вольной, беспечной жизнью. В некоторых хуторах большевики целиком расстреляли всех членов семьи владельца. Вечером они взорвали железнодорожный мост, который имеет в длину 40–50 сажень. Пострадал только один пролет.

15.06.1919. В 3 утра мы снова начали наступление. До Константинограда всего 5–6 верст. Мы чуть ли не с места ночевки начали обстреливать станцию. У Шахово, в песках, они, попав под пулеметный огонь, бросили 2 пушки со станинами, только без лошадей и амуниции, зарядный ящик и 168 снарядов. Сейчас же нами был открыт огонь из их же пушек. Одним словом, весело!

Часов в 8 утра *Константиноград* <в наст. время Красноград> уже был в наших руках. Пластуны сразу не решились войти в город, первыми вошли в Константиноград наши разведчики и офицеры. Одна дама прямо на улице подошла и предложила пожертвование в 250 рублей. На вокзале красные оставили 11 трупов заложников, которых они расстреляли этой ночью. Как и везде, большевики здесь тоже утешали публику тем, что они вернутся не позже чем через 2 недели. Под городом они бросили еще одну пушку и зарядные ящики.

Из Константинограда мы поговорили по прямому проводу с Полтавой. Оттуда красные сильно ругались и пугали нас тем, что они через 2 дня выбьют нас, послав на нас матросов-курсантов, которые нам покажут. Мы предложили им в таком случае быть более осторожными со своими пушками, так как они им могут пригодиться, и не бросать их так легко.

По рассказам жителей, в артиллерии у них появилось много евреев. Как видно, красные здесь многим сильно надоели. Крестьян загнали в гроб коммуной, которой они совсем не хотят. Начинает наконец народ приходить в некоторое сознание. Я почти везде пользуюсь случаем, чтобы поговорить с населением, разъяснить им положение вещей и узнать их настроение и отношение к происходящим событиям.

16.06.1919. Вчера приводили в порядок мост, и мы уже рассчитываем на то, что сегодня на этом участке появится наш бронепоезд. Совсем уже вечером командир бронепоезда, несмотря на заверения инженера о том, что мост не выдержит, повел поезд. Две площадки прошли, а бронированный паровоз провалился. Мост осел. Теперь начали вытягивать паровозы броневика.

По офицерским сообщениям, вчера наши заняли г. Екатеринослав. Когда-то Харьков, Екатеринослав казались нам какими-то далекими,

почти недосыгаемыми, а теперь оба этих города в наших руках. В Харькове большевики страшно свирепствовали перед приходом наших войск. Приехавшие отсюда рассказывают, что жители, не обращая внимания на бой на улицах, высыпали из своих домов и встречали наши войска. Большинство из них плакало от радости. Харьков красные почти не эвакуировали, так как Троцкий приезжал незадолго до этого и уверял, что Харьков ни под каким видом не будет сдан. Здесь тоже жители к нам очень хорошо относятся. Зашел в парикмахерскую, там меня угостили хорошей сигарой. Когда я пришел к портному починить мою новую рубаху, которая разлезлась уже в 10 местах, то меня угостили чаем, печеньем и вареньем. Часто приходится слышать от населения такие слова: «Наконец-то мы увидели свет», или «Помоги вам Бог делать ваше доброе дело», или «Спасибо, что освободили нас» и т. д. А казачки между тем ведут себя отвратительно и занимаются по-прежнему солидным грабежом. Кто-то из нашей батареи поймал еврея, который занимался реквизицией скота для Красной армии. Его привели к нам и всыпали 48 шомполов по предназначенному месту и при этом заставляли не кричать.

Часа в 3 дня нашим офицерам пришло в голову устроить сегодня вечером бал в бывшем коммунистическом клубе. Сразу все принялись за организацию вечера. Мне выпало отправиться на разъезд Разживьевка за ведром водки. Часов в 9 началось это увеселение. Была музыка, водка, баранина, мороженое, клубника, цветы. Веселия особого не было, но необычная (фронтная) обстановка как-то странно на всех подействовала. Водки определенно не хватило. Вместе с дамами пьющих набралось более 100. Несмотря на это некоторые офицеры надрались до «положения риз». Нужно заметить, что публика порядком одемократизировалась и распустилась, что весьма печально. Было много ненужных и лишних тостов за 8-й пластунский батальон, который не так уж был «виновен в занятии Константинограда». Наш полковник Самуэлов, хотя и не был сильно выпивши, всё же как-то умудрился потерять свою фуражку и одну шпору. Это было весьма занятно.

17.06.1919. Занялся чтением большевистской литературы. Прочел «Жизнь и деятельность товарища Ленина» и несколько других брошюр. Отдел пропаганды у них действительно поставлен великолепно. Нам бы нужно было поучиться у них той неиссякаемой энергии, с какой они всё время забивают уже и без того одурманенную голову русского человека. Все старания у них направлены к тому, чтобы толкнуть и направить нужных им людей в наиболее выгодную и необходимую им сторону. Для этого они использовали сторону, кажется, дальше идти уже некуда. Говорят, что в Харькове оставшиеся большевики подстрекают к еврейскому погрому с целью подорвать престиж нашей власти. Нужно сознаться, что разными слухами и прокламациями они многого достигают. На ст. Ланной, в 10 верстах от Кон-града по направлению к Полтаве, захвачено много сахара. Наша батарея вывезла отсюда около 4000 пудов. Из интендантства нам

уже перестали месяц тому назад отпускать этот продукт, так как в запасе у армии его уже нет.

18.06.1919. Прибыли к нам в батарею два новых офицера, мобилизованных в Харькове. Как-то невольно смотришь на них, да и думаешь, что если бы было поменьше таких нерешительных, уклоняющихся, то нам не пришлось бы переносить того, что мы перенесли. Все они говорят, что они не могли раньше приехать, так как это было невозможно, у каждого семья и так далее и каждый начинает чуть ли не сразу говорить, как ему было тяжело у большевиков, как он скрывался, как над ним издевались и что он пережил, а между тем во всём этом виноваты исключительно они сами. В старых добровольческих частях им все-таки будет трудно служить: нет, нет да кто-либо и пройдет по адресу таких офицеров, как выясняется. Расспрашивал их про Харьков. Большевики всё время пугали рабочих известной фразой, что сколько фонарных столбов в городе, столько там будет повешено рабочих после нашего прихода. Теперь рабочие говорят: «Добровольческую армию видим, фонарные столбы тоже видим, но повешенных не видим». Успокоившееся население они пугают тем, что якобы после прихода наших войск должны прийти наши карательные отряды (каковые не существуют в действительности), которые будут чуть ли не всех избивать. Про жизнь рассказывали они много интересных вещей; так дрова отпускаются только по рецептам врачей для больных, которые по состоянию своего здоровья должны принимать горячую пищу. Хоронят уже не в гробах и даже не в ящиках. Гроб за 100—800 руб. отпускается только напрокат. Андрей, со своей учебной командой, поймал какого-то комиссара-коммуниста какого-то советского полка и собственноручно расстрелял его из своего карабина.

19.06.1919. Утром пластуны создали какой-то ложный переполюх. Мы совершенно напрасно стремились привести себя в боевую готовность. Большевики и не собираются наступать, наоборот мы ждем исправления моста, чтобы самим перейти в наступление на Полтаву. Скорее бы, так как сейчас без дела довольно скучновато. Хотелось бы не затягивая закончить всю эту большевистскую историю. Уже пора. Под Царицыном красные сильно защищаются. Наши опять были у самого города, но принуждены были отойти версты на 4, понеся большие потери, как сказано в сводке. Кроме большого числа бронепоездов, Царицын защищает очень много артиллерии: тяжелой и легкой. Говорят, что там сосредоточено до 100 батарей. Бои там весьма нелегкие.

20.06.1919. Красные что-то зашевелились на нашем участке. Оно и понятно, если мы держимся здесь пассивно. Они вытеснили наши разъезды из деревни Мариановки и Тишинковки и начали сосредотачивать силы против Константинограда. Третье орудие выехало под вечер на всякий случай на позицию, мое же орудие оставалось в городе. Пока всё тихо и спокойно. Андрея хотели взять казначеем в управление дивизиона, но он как будто предполагает остаться в батарее. Полковник Соколов

ушел от нас, получив 3-й дивизион нашей бригады. Командовать батареей будет полковник Ягубов¹¹¹. Он сразу же предложил Андрею заняться заготовкой фуража для нашей батареи на зиму. Сегодня Андрюшка уже уезжает в какое-то имение на ст. Беляевка близ Харькова, чтобы начать эту работу, которой ему хватит месяца на три.

21.06.1919. В 2 с половиной ночи встал и повел свое орудие на позицию в Песчанку. Есть сведения, что красные хотят наступать, сосредоточив в этом районе сильный отряд, бронепоезда и броневой автомобиль. Наблюдательный пункт я устроил на колокольне Песчанской церкви. Жители начали сильно волноваться. Одна дама подошла к церкви, спросила у меня про положение и сказала дрожащим голосом: «Вы поймите, что если им удастся занять Песчанку и Константиноград даже только на 3 часа, то они наделают здесь столько зла и ужаса, что мы этого в 300 лет не забудем». Я ответил ей, что отступать мы пока совсем не собираемся, так как положение достаточно прочно.

К вечеру я чувствовал некоторое утомление, после 19-часового непрерывного сидения на солнце в душной колокольне, но тем не менее пошел в 12 часов на вечер, который устраивал Кубанский батальон по случаю взятия Царицына. Наконец-то нам удалось проникнуть в это осиное гнездо красных. Три раза наши части подходили в разное время к этому городу, и только 17-го числа сопротивление красных у этого опорного пункта на Волге было сломлено. Мы узнали об этом только сегодня. По официальным сообщениям, там захвачена огромная добыча и больше 2000 пленных. В этом деле работали танки. На вечере, кроме военных, была и частная публика. В городе замечается тревожное настроение.

22.06.1919. С утра красные начали нажимать на наш правый фланг. Тут достаточно курьезный и возмутительный случай получился с офицерской ротой, составленной из местных мобилизованных офицеров. Они попали в небольшой переплет, смешались и побежали. Один ухитрился сойти с ума, а остальные сильно подвержены панике. Все-таки эти застрявшие офицеры — большие трусы, которые в большинстве случаев ничего не стоят. Из 106 человек этой роты к вечеру собрали в городе около 50 человек, остальных не нашли. Всё у нас осталось почти на месте, верстах в 8 от города, а они, бросив вещи, драпанули в город. Пришлось из номеров и батарейных пулеметчиков составить собственную «пехотную цепь» и останавливать красных.

С 4 часов красные начали крыть артиллерийским огнем по Песчанке, а вскоре и по Константинограду. Не особенно весело было смотреть, когда от их снарядов начали загораться дома. К счастью, ветер был очень слабый, а то охватило бы всю левую часть перепуганной Песчанки. Крыли большевики основательно, до позднего вечера. Мы уже снялись и легли спать, а они всё еще продолжали бить в нашем направлении. Опять у них появились бризантные снаряды, всё это рвалось в стороне от батареи, не ближе 50–60 сажень. Два раза шрапнелью закатали по наблюдательному посту около колокольни. Очень эффектно рвались эти «бризантемы» вечером.

Жители в Константинограде спешно начали собираться и разъезжаться. Наш обоз тоже ушел.

23.06.1919. В 2 часа мы встали на свою «работу». Наш взвод двинулся на правый фланг, а 1-й встал на наше место. К 2 часам дня после солидного нашего артиллерийского огня нам удалось сбить красных и самим перейти в наступление. На этот раз офицерская рота, в которой осталось только 40 человек (остальные какие-то прохвосты) наступала и дралась довольно странно: бегали вместе с сестрами милосердия по полю под артиллерийским огнем, не зная куда приткнуться, и спрашивали у меня, куда им лучше пойти, на что я строгим и несколько сердитым голосом отвечал: «Это ваше частное дело». Смешно все-таки на новичков смотреть в бою, но иной раз и возмутить же они могут своим поведением и вопросами. К вечеру Тишинковка, сахарный завод и Мариановка были очищены от красных. В Мариановке один мужик спросил меня: «Какая это ваша партия, — и просил нас идти за Учредительное собрание, — а то нам очень страшно, кабы опять не было бы царя». Публика тут сильно напугана большевиками, которые про нас наговорили им всевозможнейших ужасов и страхов.

24.06.1919. Утром пришло приказание всему отряду вернуться в Константиноград. В Мариановке осталась только сотня Хоперского полка. На нашем участке наступление почему-то пока еще не предполагается.

Когда мы выезжали оттуда, я поблагодарил крестьянина, у которого ночевал, за угощение, он в ответ на это сказал: «Спасибо вам, что нас не били». Основательно вошло им в голову запугивание красных.

Поход обратно был не из приятных. 18 верст нам пришлось тащиться по весьма солидной жаре. Ни кусочка тени, ни единого деревца на этих степных дорогах. На мокрое тело в изобилии садилась пыль. Вчера тоже была солидная жара. Тяжело было наступать, но воображаю, каково было отступать красным. По всему полю они побросали бочки с водой. У нас за вчерашний день тоже были случаи солнечных ударов. Урожай везде в этих краях роскошный. Засеяно очень много полей. В особенности хороши ячмень и пшеница. Вчера я имел полную возможность не спеша обратить внимание на поля.

Левый фланг нашей армии соединился с Крымским корпусом. 17 числа Крым очистился от красных войск. Газеты теперь сплошь покрыты жирным шрифтом о занятии городов и захвате трофеев. При взятии города Балашова нами захвачено 70 орудий. Жаль, что газеты очень редко попадают к нам, благодаря чему при не сплошном фронте совершенно не знаешь, что делается на всех прочих участках фронта.

25.06.1919. Встал поздно. За всё это время привык вставать рано, и часов в 7—8 уже не спится дольше. Хорошо было бы сохранить эту привычку и на то время, когда уйдешь от военной службы. Днем был приглашен на обед к одному петроградскому студенту-путейцу, прапорщику офицерской местной роты. Его жена путешествует вместе с ним в качестве

сестры милосердия. Она восхищалась тем спокойствием и, как она говорит, торжественностью, с какой двигалась наша пушка вперед под обстрелом при наступлении на Шинковку. С другой стороны, она возмущалась тем, что 21-го числа устраивался вечер. По-видимому, ей казалось, что раз ее муж 22-го должен был отправиться на позицию, то никто в этот вечер не имел права веселиться. Заняты такие рассуждения, право. Вечером сыграл в преферанс по 3 коп. и заработал за это дело 428 рублей.

26.06.1919. В 3 часа утра нас неожиданно разбудили и сообщили, что начнем сегодня наступать на ст. Карловка. Пришлось опять тянуться 18 верст до Мариановки, а оттуда пройти еще верст 5 к Карловке. Позиции у большевиков тут великолепные. Карловка расположена на высоком бугре, который далеко тянется вправо и влево. Перед бугром река с болотистыми берегами, мосты через которую взорваны. Хуже всего то, что подходить к Карловке приходится по совершенно открытому полю, на котором нет ни одной складочки, ни одного кустика. Скат этого поля обращен к противнику, благодаря чему противник видел наш подход, начиная верст с 9 от Карловки, как на ладони. Двинулись мы на Карловку только потому, что были получены сведения, что там осталось немного большевиков с 2 орудиями и 2 броневиками. Мы наступали в количестве двух пеших сотен, офицерской роты (50 штыков), 2 конных сотен и 2 наши пушки. Сначала большевики нас прозевали, мы успели пройти версты 3 с половиной по открытому полю. Это дало нам повод думать, что Карловка ими оставлена. Но на самом деле оказалось, что они стянули сюда довольно значительные силы. Сначала они постреливали из одной пушки. Мы скоро обнаружили ее и принялись ее обделявать. После нескольких выстрелов она замолчала, притом видно было, как там все стремительно разбежались, бросив пушку. Но в этот самый момент мою 4-ю пушку начали обделявать слева, с центра и справа. Пришлось отправить подальше передки и прекратить стрельбу. Третье орудие наше тоже сбили с позиции. В это время мне пришло приказание от командира: сняться с позиции и отойти в балку. Абсолютно все наши движения им были видны отчетливо, и, располагая шестью орудиями и 2 бронепоездами, они могли оставить от нас только одно мокрое место. Только я успел взять свое орудие в передки, как они с удвоенной энергией начали нас обкладывать со всех сторон. Гранаты рвались всё время по сторонам, впереди и сзади нас. Несмотря на то, что они выпустили по нас больше 100 снарядов, только около 10 были опасны по месту своего падения, так как все остальные рвались сажень в 20—30 от нас. Одна из гранат ахнула от меня в 2 с половиной шагах. Место ее падения не трудно было предугадать и я лег вплотную на землю, чего раньше не делал, и нужно сказать, что во-время, так как иначе бы представлял из себя кусок окровавленного мяса; все осколки со свистом пронесли над моей головой, меня окутало дымом и забросало землей. Впечатление от разрыва было такое, как будто меня сильно хватили чем-то по голове. До самого вечера звенело в ушах,

и основательно побаливала голова, но больше никаких прочих следов не осталось от этого неприятного взрыва.

Выпутались мы из этой истории очень удачно, потеряв только 1 человека. К вечеру и мы, и пехота отошли к Мариановке. Во время пути я сказал полковнику Ягубову: «Кто-то пошутил с донесением относительно сил противника в Карловке». На это он ответил: «Да, кто-то злостно пошутил». Как оказалось, у красных на буграх окопы полного профиля, а в районе Карловки сосредоточены 8 пехотных полков и кавалерия. Пришлось временно оставить мысль взять Карловку со стороны Мариановки и оперировать здесь, на совсем открытой позиции, с нашими пушками. Немного не интересно получается, когда на каждую нашу пушку приходится 3 с разных сторон.

27.06.1919. По приказанию командира батальона весь отряд опять вернулся в Константиноград. Там остались опять одни только кавалеристы для разведки и сторожевки. Утром командиру батареи пришла телеграмма, по которой командир бригады требовал, чтобы меня откомандировали в управление бригады на должность начальника связи. Прямо странно, что так получилось, тем более что я никогда не просил и сам не собирался устраиваться в тылу. Я как-то с поручиком Ващинским спорил относительно индукции, микрофонов и электричества, и он, должно быть в силу этого, и порекомендовал меня командиру бригады. На эту телеграмму я ответил командиру батареи, что до тех пор пока я здоров, я из боевой части не уйду и не собираюсь уходить. Андрей мне передал, что когда полковник Ягубов получил эту телеграмму, он сказал: «Безобразия, у меня берут всех лучших офицеров». Несколько дней тому назад приходило требование на офицеров в управление дивизиона на место казначея дивизиона, которое пока вакантно.

Вечером устроили открытие офицерского собрания, завернули ужин с водкой. Публика с места поднакачалась от весьма незначительного количества живительной влаги. Ослабел и изнервничался народ за время этой гражданской войны.

28.06.1919. За последние дни красные снова начали приходить в себя. То тут, то там они начинают наступать и в некоторых пунктах потеснили даже наши войска; они опять заняли Лиски и Балашов. Наше же наступление почему-то приостановилось почти на всех направлениях. По всем данным, готовится новый удар красных, и сейчас идет перегруппировка войск.

Генерал Деникин посетил Царицын и Харьков. Везде его встречали очень тепло и восторженно. В Харькове дамы, по сообщению газет, падали на колени, плакали и целовали генералу руки. В своей речи 2 дня назад он сказал, что им отдан приказ южным армиям двинуться на Москву. Я этого приказа не видел, но говорят, что он состоит из трех слов: «Вперед на Москву». Это весьма знаменательный и радостный приказ. Нужно думать, что армия наша уже готова для этого и очищение Великороссии от большевиков закончится к осени текущего года.

По сведениям из газет, адмирал Колчак начал общее наступление. Уральские казаки подходят к Хвалынску. Красным за Волгой скоро придется отходить на север по длинному и узкому коридору, так как Донцы находятся уже в 60 верстах за Волгой. Рассказывают, что перед Царицыном было 18 рядов проволочных заграждений и минированные поля, на которых якобы пострадало несколько наших рот. Говорят, танки сильно помогли в деле взятия Царицына.

29.06.1919. Сегодня открывается сезон охоты. В связи с этим на батарее с утра начались охотничьи разговоры. Было бы весьма приятно позаниматься охотой, тем более что здесь в этом отношении богатая местность. Но это пожелание придется отложить до того времени, когда наша главная «охота» на большевиков закончится.

По случаю праздника казаки сегодня изрядно напились. Под вечер по всему городу пошла стрельба ради развлечения и удовольствия, в результате которой один офицер-казак был ранен в живот. В городе жители были настроены тревожно. Вообще, казачки ведут себя очень скверно и всё время возбуждают население против себя. Там, где расположены только добровольческие части, всё тихо и спокойно и население действительно отдыхает, а где казаки — там стоят стон и вой. Они не хотят ни с чем считаться. Этим они сильно вредят Добровольческой армии в деле восстановления в стране правового порядка.

30.06.1919. Почувствовал себя что-то совсем неважно. Днем поднялась температура до 38,1, страшно заболели и заныли все кости. В этот день дивизионный врач осматривал всех у нас в батарее. Он осмотрел меня, выслушал, нашел признаки какой-то сыпи и заявил, что у меня сыпной тиф. Я как-то странно отнесся к этому заявлению, оно на меня не произвело ровно никакого впечатления. Не то я ему не поверил, не то мне было всё равно. Это я объяснял весьма скверным моим состоянием, в котором всё мне было безразлично. Почти весь день я провалялся и ничего решительно не ел. В этот день мне страшно захотелось попасть в Москву или домой, лечь на мягкую, хорошую постель и видеть вокруг себя своих, которые отнеслись бы к моему состоянию с известной заботливостью. Пришлось же проваляться на разостланном на полу ковре и совсем одному. От такой твердой постели, которая меня вполне удовлетворяла в здоровом состоянии, кости еще больше болели и ныли.

1.07.1919. Понедельник. Весь день пролежал в постели. Вечером пошел к частному врачу. Он осмотрел меня, но ничего определенного сказать не мог. Посоветовал мне беречься и прописал какую-то микстуру, которой я не смог достать в Константинограде. При таких условиях мою болезнь придется лечить довольно долго. Когда я хотел заплатить ему за визит, то он мне сказал: «Со своих защитников денег не беру и лечу их с удовольствием». Он всё время удивлялся, что нас так мало, и боялся, что большевики могут снова занять Константиноград, сказав при этом, что, по слухам, красные накапливаются здесь.

2.07.1919. Получили приказ, по которому нашу батарею требуют немедленно, по окончании Полтавской операции, в свой корпус, в свою дивизию. Уже указан путь для дальнейшего нашего наступления. Наш I корпус, как самый старый в Добровольческой армии, получает самое главное направление: Харьков-Курск-Орел-Тула-Москва. Приятно было услышать это сообщение. При одном только слове «Москва» прямо-таки сердце останавливается.

3.07.1919. На нашем участке всё еще нет оживления. Несколько раз в день подымается артиллерийская перестрелка, главным образом между бронепоездами. По сведениям разведки, красные стянули на наш участок значительные силы, которые превышают 30 000 человек, с солидной артиллерией и большим числом конницы.

Вечером опять ходил к тому же врачу. Он выяснил, что тифа у меня нет. Конечно, я с ним разговорился и проболтал часа 2–3. Довольно симпатичный немец. Приглашал меня завтра зайти поболтать. Температура у меня все-таки держится около 38 с лишним, и состояние довольно паршивое.

4.07.1919. Красные наконец зашевелились и раскачались. Они потеснили наше сторожевое конное охранение и заняли Тишинковку и Мариановку снова. Этого и нужно было ожидать вследствие того, что мы всё время, за исключением неудачного похода на Карловку, держались здесь совершенно пассивно. Одно наступление на Константиноград не удалось; теперь они уже в значительно более солидной степени предпринимают второе, причем слева и справа от Кон-града собирают тоже значительные группы. Как видно, наше направление делается одним из наиболее важных, и не дальше как завтра предостоят уже серьезные бои. Сюда подошла гвардия — пехота и артиллерия. Этот факт нас несколько смущает, потому что наши гвардейцы обязательно не удержат того, что им поручено будет оборонять. Таково уж их основное свойство. Не люблю с ними воевать.

Всё последнее время едим очень много сладостей. Дошли в этом отношении до одурения. Кажется уже абсолютно всё посыпано сахаром. На конфетной фабрике нам приготовили из захваченного нами сахара разных конфет, мармеладу, зефир-тянучек, помадок. Целый день подслащиваешь себя всей этой историей. На каждого офицера и солдата вышло по 5 фунтов. Кроме этого, отдельные группы самостоятельно варят себе варенье, разные компоты и другие комбинации.

5.07.1919. В 2 ночи мы уже выехали на позицию, опять на правый участок. Чувствовал себя еще достаточно скверно, температура была 38, но я решил поехать, так как, по моим соображениям, сегодня должен быть здоровый бой.

Против нашего небольшого участка наступал 2-й Золотоношский полк красных с артиллерией и конницей в 1500 всадников. Нас было 2 сотни, 2 наших пушки, и кроме нас правее сотня кавалерии. Красные на-

чали очень энергично наступать, и мы, благодаря этому, попали под приличный огонь и обкладку. Пластуны быстро отошли, так что перед нашими пушками не осталось ни одного человека. Пришлось и нам сняться и отойти на северный край Песчанки. В это время вместо полковника, командовавшего нашим участком, сегодня впервые был назначен капитан Шарай. Он быстро привел пластунов в порядок, и мы почти тотчас же снова перешли в наступление, к вечеру большевики уже бежали. Нам оставалось около 4 верст до Тишинковки. Но в это время разразился страшный ливень. Такого дождя я еще не встречал. Лило как из ведра. Пришлось из-за погоды остановить преследование противника. Видно было, как целые полосы воды падали на землю. Такая история продолжалась все 8—9 верст нашего пути до Константинограда. Я решил, что теперь уже заболел окончательно и схвачу воспаление легких, если не хуже. Всё промокло насквозь: шинель, верхняя рубаха, брюки и всё белье. Из сапог я вылил по полстакана воды, несмотря на то что всё время ехал верхом.

День был в общем неудачный: мы потеряли в бою 3 лошадей, не могли до конца преследовать противника и, кроме того, все буквально промокли. В Константиноград мы вернулись только в 11 с половиной ночи, а вставать завтра снова часов около 2—3. Завтра эта 30 000 группа красных, несомненно, опять произведет сильный нажим на нас.

6.07.1919. Всей батареей мы вышли сегодня налево от Константинограда на то место, где стоял 1-й взвод нашей батареи. Прямо против Кон-града стал батальон осетин с гвардейской батареей, правее были пластуны на нашем вчерашнем участке. Не успели мы встать на позицию, как нас начали основательно обкладывать. Эта обкладка была совсем непонятна, тем более что мы еще не начинали стрелять, а позиция была закрытая. Кто-то высказал предположение, что стрельбу корректируют красным по телефону с нашего тыла, так как снаряды рвались всё время на батарее и даже между орудиями. Такое удовольствие предстояло нам в течение всего дня. Боёк сегодня был солидный. Не умолкая трещали пулеметы и винтовки. Мы выпустили около 600 снарядов. Чувствовал я себя вполне прилично, несмотря на вчерашний дождь. По всем признакам, моя болезнь прошла.

Под вечер бронепоезд красных подошел к нам очень близко и «угощал» нас из-за поворота железной дороги. Наши бронепоезда сегодня как-то очень нерешительно работали. До самой ночи мы не отошли, удержав утреннее положение. Осетины несколько отступили и пострадали в этот день, они обвиняли в этом гвардейскую батарею. Я рассчитывал, что мы будем ночевать на старом месте, и поэтому немало удивился, когда мы начали уходить из города. Оказалось, что наши фланги отошли, и красные переправились уже через реку Берестовую у Лебязьего на левом фланге и у Берестовеньки на правом. Гвардейцы, охранявшие наши фланги, отошли. Чтобы выйти из этого обхода, нам пришлось отойти верст на 7 к деревне Поповка. Еще вчера ночью группа кавалерии крас-

ных прорвалась к ст. Кегичевка и взорвала там мост. Сначала распространился слух, что это сделали жиды, но потом выяснилось, что это кавалерия, которую отчасти ликвидировали. Было как-то неприятно оставлять Константиноград. Очень эффектно среди полной ночной тишины раздались три взрыва в городе. Это взрывали железнодорожные мосты наши отходящие части. Не завидую оставшимся в Константинограде жителям. Много семейств успело выехать уже несколькими днями раньше.

7.07.1919. Красные вошли в Константиноград только около 10 часов утра и начали обкладывать Поповку. После небольшого боя мы без давления отошли к ст. Балки. Тут была небольшая перестрелка с кавалерией противника. Через некоторое время после окончания ее мы почему-то снова двинулись назад без давления. Говорят, что большие группы кавалерии обходят наши фланги. Остановились мы у деревни Крутоярówki около разъезда Шляховой. Наша батарея расположилась в разгромленном имении Третьякова. Судя по всему, отходить дальше мы не собираемся. Сюда должны подойти войска для наступления на Полтаву. Как нужно думать, Полтавская операция теперь несколько удлинится и затягивается. Верст на 15–18 мы стали теперь еще дальше от Полтавы. Как выяснилось вчера, осетины потеряли около 40 человек, но зато и красных стало много меньше. Осетины роскошно стреляют.

8.07.1919. Утром вся батарея вышла на позицию, но ввиду того что на фронте всё было довольно спокойно, две наши пушки сняли с позиции часов в 18 дня. Воспользовавшись этим случаем, я с поручиком Баженовым¹¹² отправился побродить по запущенному саду имения, сидели у заросшего пруда и у фамильного кладбища. Настроение было тихое и слегка поэтическое. Хотелось представить живших здесь людей. Всё время вспоминался Тургенев, описываемые им типы и обстановка. Приятно было мысленно перенестись в те времена.

К вечеру бронепоезд противника прошел уже взорванный мост. Очень скоро все-таки они починили мосты. Очевидно, наши не сумели как следует подорвать их. Вечером под гул артиллерийского огня сыграли в шахматы. Во время ужина все основательно и солидно выпили. Некоторые офицеры даже перепились.

9.07.1919. Утром будить публику было очень трудно. Почти каждый со сна передавал командование взводом и орудием другому, который в свою очередь передавал по старшинству третьему и т.д. Но через полчаса всех все-таки раскачали. Только мы стали на позицию, как бронепоезда начали обстрел площадями того места, где мы стояли. Обстреливали они 42-линейными. У нас этой обкладкой выбили двух лошадей и одного солдата. Попадали очень близко от нас. Довольно внушительные осколки летали по полю. Я нашел один около аршина длиной. По всем данным, красным кто-то сообщил о месте нахождения нашей батареи. Эти два бронепоезда вели себя довольно нахально. Мы с четвертой пушкой выехали вперед наших пехотных цепей версты на 3 и обкатали ос-

новательно эти бронепоезда. В результате подбили бронепоезд «Товарищ Егоров» и вспомогательный. Этим выездом мы дали возможность нашим бронепоездам продвинуться к ст. Балки. Хорошо, что пехота противника не наступала в этот день, а то нашей пушке пришлось бы кисловато.

10.07.1919. Начали подтягиваться на наш участок войска. Через день-два должны будем двинуться в наступление. Ничего особенного не было, только мелкие перестрелки и бои бронепоездов. Красные, должно быть, решили укрепляться. В своих сообщениях они пишут, что ими прочно занят Константиноград. Сыграл несколько партий в шахматы с поручиком Баженовым. Бродил вечером по помещицкому саду, варил яблочный компот с вишнями.

11.07.1919. Сегодня день именин мамы и Оли. Как-то грустно на душе стало с самого утра. Захотелось побыть вместе со своими. Они наверно сегодня тоже вспоминают меня. Часов в 8 мы двинулись в наступление отдельной обходной группой, состоящей из 8-го пластунского батальона и нашей батареи целиком. Пошли мы через хутор Разсоховатый, деревню Циглировку на Берестовеньку. Двигались мы без задержек и сопротивления. Очень скверно было переправляться через реку Берестовую. Пушки грузили выше боевой оси в болоте, и их с трудом оттуда вытягивали. Хорошо, что эта переправа происходила не под огнем, а то было бы совсем неинтересно. Здесь мы немного задержались и, воспользовавшись этим случаем, выкупались в реке.

Слева от нас центральная группа вела бой вдоль по железной дороге. Без всякого труда мы выбили небольшие кавалерийские части из Берестовеньки и заняли ее. Тут красные солидно побезобразничали. Одна женщина, к которой я заехал выпить молоко, почти в слезах обратилась ко мне: «Где вы, господа, были эти дни? Они нам жить не давали». Всех хуторян здесь красные обобрали и поразгоняли. Завтра мы должны будем выйти в тыл Константинограду и этим облегчить задачу нашей центральной группе. Брать Константиноград в лоб довольно трудно, так как город стоит на высоком бугре, и кроме того, нужно еще с боем овладеть переправой. Первый раз брать Конград было легче, потому что мы их потрепали под Кегичевкой и на их плечах вошли в город. Так или иначе нам приказано занять завтра Константиноград, а к 17-му и город Полтаву.

12.07.1919. С утра у меня было какое-то паршивое настроение и скверное предчувствие каких-то роковых событий. Часов около 6 утра неприятельский разезд приблизился к Берестовеньке, но его быстро отогнали ружейным огнем. Первые выстрелы неприятно подействовали на меня, видимо, под влиянием этого предчувствия. Вскоре мы двинулись дальше и на протяжении нескольких верст не встречали противника. Вдруг, совершенно неожиданно, мы столкнулись с кавалерией красных. Наши разведчики съехались с ней шагов на 300–400 и сначала думали, что это наши, но, когда обнаружилось, что это красные, они по-

вернули и галопом прискакали на батарею. Лошадь разведчика Скосарева была ранена пулей, упала, и он остался.

По кавалерии мы открыли артиллерийский огонь, причем пушки стреляли не сразу, а кто как успеет. Пулеметным и нашим огнем мы рассеяли эту кавалерию. Выяснили обстановку и двинулись дальше. Справа и слева скакали какие-то конные, которые в конце концов оказались нашими. В это время на повозке привезли тело Скосарева. Красные нанесли ему шашечный удар по шее, несколько штыковых ран и убили выстрелом в рот, причем подбородок продавили ударом приклада, срезали погоны, обобрали и сняли с лошади седло и уздечку. Его лошадь намного раньше, шатаясь, присоединилась к нам. Ее пришлось пристрелить, так как пули пробили ей заднюю часть крупа, и у нее хватило сил только дойти до нас, после чего она легла. Этот случай подействовал очень неприятно на всех. День начался очень неудачно и усугубил этим мое предчувствие. Когда мы узнали, что нескольких кавалеристов захватили в плен, то потребовали, чтобы их дали нам в батарею, чтобы показать им дело их рук и сделать с ними то же самое. Но пленных к этому времени увезли далеко назад, а нам нужно было двигаться вперед. Случилось это недалеко от хутора Цебиха.

Через короткое время мы совсем близко столкнулись с пехотой противника. Когда мы становились на позицию, в это время из-под самой пушки вылетела дрофа, ее можно было уложить винтовочными выстрелами, но об этом никто не подумал. Первым артиллерийским выстрелом был оглушен дрофёнок, которого мы подобрали. Очень скоро мы сбили пехоту противника. Но всё сегодня как-то не клеилось и выходило не совсем удачно.

Мы продвинулись еще вперед, свернули влево и вышли на ту дорогу, по которой красные наступали на Константиноград и Песчанку. Под Константиноградом шел бой. По всем данным, красные не собирались его оставлять. Как оказалось потом, гвардейцы подходили уже к переправе, но их отбили. Мы рысью пошли по этой дороге, остановились верстах в 4 от Песчанки и закатили по Песчанке 25–30 снарядов. Наша пехота дала несколько залпов, и всё смолкло. Большевики увидели, что мы наседаем на них с тыла, бросились уходить по железной дороге через опытное поле, на котором стояла наша батарея 6 июля при защите Константинограда. Наш маневр решил участь боя за Константиноград. Всё было тихо, и я уже было решил, что мое предчувствие меня обмануло.

Мы начали въезжать в Песчанку. Поручик Баженов предлагал мне пойти пить чай. Я думал о том, где бы зажарить дрофёнка, — одним словом, начались мирные разговоры. Батарея проезжала через мост и начала подниматься в гору перед церковной площадью. Вдруг на улицах, выходящих на эту площадь, показывается группа красных, которые с красным флагом бросаются направо и налево и открывают по нам пулеметный огонь. Батарея останавливается, все ездové, как по команде, соскаки-

вают. Я хватаю винтовку и начинаю стрелять по тем красным, которые бегут левее нас по огородам. Поднимается страшнейший пулеметный и ружейный огонь и крики: «Пулеметы сюда». Тут появляется полковник Самуэлов, командует: «Ездовые, садись, налево, кругом». Мы рысью отъезжаем шагов 150, снимаемся с передков и начинаем садить картечью из 4 пушек по трем направлениям. Скверно было то, что мы все стояли на площади, а красные перебежали по огородам и стреляли в нас из-за всех углов. Эта схватка происходила сначала шагов на 40, а потом это расстояние уменьшилось до 15–20 шагов. Красные со всех сторон лезли на батарею. Мы изо всех сил отбивались пушками, пулеметами, винтовками и даже револьверами. В английской пушке все шрапнели стоят не на картечь, а на удар. Это страшно задерживает стрельбу в таких случаях, так как надо срывать колпачок и устанавливать дистанционное кольцо. На моих глазах несколько человек от нашей стрельбы были разорваны на клочки.

Я всё время стрелял из винтовки. Страшно неприятно было видеть, как в 15–20 шагах из-за угла высовывается морда и начинает в тебя стрелять. В этих случаях я старался успеть бухнуть в него раньше, чем это успеет сделать он, и даже не интересовался знать, попал я в него или нет, только каждый раз видел, как эта морда исчезала.

Часть красных обошла батарею и начала стрелять в нас сзади. 4-е орудие, откатываясь на сажень после каждого выстрела (подрывать хобот, конечно, не было возможности), подъехало к 3-му. В этот момент кто-то крикнул: «Бросай пушки». Тут раздается еще выстрел 3-го орудия, и нам картечью разбивает колесо. Пушки, действительно, нужно было оставить и идти в атаку, потому что иначе, если бы мы еще задержались на этой площади, у нас не осталось бы ни лошадей, ни людей. Но этот крик подействовал как-то неприятно. Все бросились к церкви. Я сначала шел, держа лошадь в правой руке, и всё время отстреливался. Потом, когда увидел, что сзади меня почти никого нет, пробежал шагов 50–60. В этот момент я видел, как падал с передка поручик Баженов, он упал лицом вниз и остался неподвижен. Не очень далеко от него лежал солдат нашей батареи, ездовой 2-го орудия, убитый наповал.

Тут со мной произошел такой случай. Всё это время я носил ботинки с обмотками. От продолжительной езды рысью верхом они ослабли и слегка размотались. Во время этой истории кто-то наступил мне на ногу и придавил конец обмотки, которая снизу начала уже совсем разматываться. Заметил я это слишком поздно, поскольку из-за града летевших пуль не было возможности обратить на это внимание — пришлось отстреливаться. Я дернул несколько раз и хотел оборвать сверху шнурок, но мне это не удалось. Я прошел еще шагов 30–40 и запутал вторую ногу так, что уже не мог двигаться дальше. Товарищи, видя, что мы отходим, открыли еще более интенсивный огонь. Тут я остановился, отпустил свою лошадь, которую всё время держал за повод в локтевом

сгибе правой руки, поскольку она после каждого моего выстрела прыгала и вообще сильно волновалась, положил винтовку и начал развязывать и распутывать обмотки. Я остановился прямо на дороге, по которой немного впереди меня красные пропустили пулеметную очередь, которая оставила сплошную линию пыли за собой. В этот момент я перестал обращать внимание на весь этот рой свистевших и шлепавших по дороге пуль и в первый раз за всю свою жизнь подумал «неужели из-за простых обмоток я погибну». После этого на меня нашла полная апатия и безразличие, я наконец распутал свою обмотку, взял винтовку и, не смотря по сторонам и не стреляя, пошел к церкви. В это время шагах в 70 передо мною выросла цепь наших пластунов. Я увидел капитана Шарая и нашего командира — полковника Ягубова, который с винтовкой в руках кричал, чтобы подбодрить пластунов перейти в атаку. Вся эта цепь начала стрелять: одни — лежа, другие — с колена, третьи — стоя.

Я уже не слышал выстрелов и пуль сзади, потому что передо мной всё трещало, пули наших летели мимо меня и через мою голову. Мне стало жутко: в два счета при такой стрельбе меня могли уложить своей пулей, но в то же время я решил, что мы, то есть батарея, спасены. Пластуны вперемежку с нашими офицерами с криками «ура» бросились на товарищей, я тоже влился в эту цепь. Красные в момент оставили Песчанку и начали выскакивать и прятаться во ржи. Как оказалось, это отступал 2-й Золотоношский советский полк. По-моему, он имел полное основание сдать, но они почему-то лезли на батарею.

Все основательно устали за эту схватку, которая продолжалась около 20 минут между 3 и 3 с половиной часами дня, и кроме того были основательно раздражены. Даже я в конце этой передеряги, увидев большевика, шедшего по дороге без винтовки, остановил его и приказал прапорщику Лернеру расстрелять его.

Мы отделались очень легко от этой истории, потеряв 2 лошадей и 2 человека, у казаков тоже вышло 2–3 человека. Золотоношский же полк был совершенно разбит. Около 200 человек остались в районе этого места, считая убитых и расстрелянных. Те, которые выскочили из Песчанки, были перехвачены спешившей нам на помощь офицерской ротой и сотней пластунов. Вообще было свезено более 500 трупов красных, а остальные попали в плен. Максимум, что могло остаться от полка, — это человек 20, и то едва ли. Красные, которые с трудом успели выскочить из этого грязного дела, теперь разведут панику в большевистских частях своими рассказами об этом бое.

Когда стрельба успокоилась, начали делиться впечатлениями. Почти все офицеры говорили, что за 4 года германской войны они ни разу не были в такой перепалке. Капитан Гриневиц, который не мог бежать, схватил уже было револьвер и хотел стреляться, но его удержали. Капитан барон Майдель¹¹³ тоже был близок к мысли о самоубийстве. Один из вновь поступивших вольноопределяющихся, преподаватель Харьков-

ской гимназии, бежал и кричал: «Всё пропало, мы все погибли». Вольноопределяющийся Петрик говорил, что у меня было довольно спокойное и хитрое выражение лица с прищуренным левым глазом, когда я отходил с лошадей и стрелял примерно через шаг. Откуда он нашел хитрое выражение — не знаю, а спокойным я мог быть только наружно, потому что, должен сознаться, волновался. После я нашел у себя в кармане около 10 пустых обойм, я зачем-то собирал их, не знаю для чего. Из винтовки я выпустил около 50 патронов. Одно счастье, что у нас у всех были винтовки, а то пришлось бы лечь костями. Почти ни одной рожой мы не давали высунуться из-за угла, и они могли стрелять, только перебегая от хаты к хате. Этим и объясняется, что, несмотря на такой сильный огонь, у нас так мало потерь.

Вообще нужно сказать, что поведение батареи в этой схватке более чем удовлетворительное. Нашей ошибкой было то, что мы повернули на площадь у мельницы, а не сразу проскочили к площади у церкви, но туда в первый момент не было оснований двигаться, если нас оттуда покрывали из пулемета. Вначале пластуны открыли огонь из пулеметов, но поскольку мы с красными перемешались, то они попадали и по нам и по своим. Хорошо, что капитан Шарай приказал им прекратить эту стрельбу и перейти в атаку.

Баженков оказался тяжело раненным и, почти не приходя в сознание, вечером скончался. На таком близком расстоянии пуля делает страшную рану.

Под вечер через *Песчанку* вели внушительные партии пленных. Большевикам основательно обошлось взятие Константинограда. Вся их группа, насчитывавшая 30 000, теперь бежала.

Спать я лег с большим удовольствием; как ни говори, а за сегодняшний день все устали весьма основательно. Сегодня день именин Генриха; он у меня надолго останется в памяти, также как день моего Ангела под Ясиноватой. В будущем во время празднования этих дней будет что вспомнить и о чем поговорить. Пока мне везет.

13.07.1919. Пластунский батальон остался отдыхать, а мы вместе с остальными утром выступили дальше, с целью вести наступление на Карловку. С пластунами мы теперь расстались если не навсегда, то надолго. Жаль, что не было времени на прощанье выпить с капитаном Шараем, он очень дельный и боевой офицер. Произведен он из подпрапорщиков и, несмотря на это, заворачивает боевым участком лучше всякого другого офицера. За вчерашний случай мы получили много благодарностей, и командир бригады в телеграмме указал, что он гордится нашей батареей. Слышать всё это очень приятно, но сам по себе случай хотя и лихой, но не очень приятный. Повторение его ни для кого больше не желательно.

Теперь наступали мы через деревню Нижнюю Ланную. Без всякого труда подошли верст на 6 к Карловке. На этот раз мы шли правее, чем 26 июня. Здесь можно было найти закрытые позиции. Как я уже указы-

вал раньше, взобраться на этот карловский бугор очень трудно. И сегодня нам тоже не удалось сбить красных оттуда. Осетины страшно бояться артиллерийского огня; на меня они сегодня произвели не совсем хорошее впечатление; мне казалось, что это очень стойкие люди. Ружейных пуле они, действительно, совершенно не бояться, а гранат не переваривают. Русские солдаты-крестьяне все-таки дерутся гораздо лучше казаков и всяких туземцев. В батарее у нас после вчерашнего случая тоже было более нервное настроение во время сегодняшнего боя, чем обычно. Ночевали мы в Мариановке. Я расположился у того же хозяина, как и в прошлые два раза, и пил вишневый чай из веток вишни.

14.07.1919. Вчера Терская дивизия, которая вот уже 2 недели бродит по тылам красных и основательно их беспокоит, приблизилась к нашему участку и начала брать деревню Максимовку. Под влиянием ее операций красные оставили ночью эти бугры. Мы не рассвете прошли через Варваровку и наконец взобрались на эти весьма основательные бугры. Тут у них сплошной линией тянулись глубокие окопы; было построено много шалашей и укреплений вроде легких блиндажиков. Нужно быть идиотом, чтобы так скоро сдать такие позиции с таким хорошим обстрелом и естественными препятствиями. Через реку мудрено было переправляться в то время, когда в их руках были высоты. У деревни Максимовки мы задержались больше чем на полдня. Тут впервые мне пришлось видеть крайне нахальную батарею красных. Она отстреливалась до последнего, потом снималась и через какие-нибудь 15 минут снова открывала огонь из другого места. Правда, условия местности позволяли ей незаметно передвигаться и оставаться во время стрельбы не открытой.

Часов около 7 мы прошли Максимовку и двинулись на Ладыженские хутора. Когда стемнело уже совсем, во время похода было получено сообщение, что сюда должен приехать и посмотреть нас начальник всей нашей операционной группы командир 7-й дивизии ген. Бредов. Мы выстроились в поле и часа 3 ждали его. Хорошее занятие стоять в голом поле ночью после боев и похода, когда валишься с седла от сна и усталости. Он не приехал, и мы наконец двинулись. Дошли до Ладыженских хуторов мы около 1 часа ночи и расположились спать под повозками и орудиями. Слева от нас гвардейцы всё постреливают. Они что-то последнее время доставляют красным такое приятное удовольствие как ночные бои и основательно их нервируют.

Сегодня левой группой занято Селещино. Там был громадный запас снарядов, но красные за этот месяц успели, кажется, всё вывезти из всех 150 сараев, которые наполовину были эвакуированы немцами.

15.07.1919. Мы начали принимать вправо с целью выйти на дорогу Полтава—Харьков. Те группы, которые были правее нас и с которыми мы вошли уже в связь, забрали еще правее. Часа в 2 мы заняли имение инженера Старицкого, в котором помещался штаб большевицкой дивизии. Видно было, что этот штаб слегка торопился выехать, так как на дворе

осталось брошенными около 200 снарядов в ящиках. С некоторых бугров на горизонте верстах в 25 уже видна Полтава. Позиция у них там такая же, как у Константинограда и у Карловки. Тут у них три таких линии роскошных позиций с высотами и рекой, из которых две мы уже прошли благополучно, а третья — Полтава — должна быть занята нами, согласно приказу, 17-го числа. К вечеру мы вышли на железную дорогу и заняли ст. Божково. До Полтавы остается около 17—18 верст. Во время ужина была предложена офицерам водка, но у меня не было настроения, и я не выпил ни одной рюмки.

16.07.1919. Ночью была занята *Полтава*. Того сопротивления, которого ожидали, мы здесь не встретили. Очевидно, красные не успели еще оправиться от удара, нанесенного им у Константинограда. Все бежали отсюда в страшной панике. Большую роль сыграли здесь наши бронепоезда. Все мосты остались целыми. Начиная от Константинограда, красные не успевали взорвать ни одного моста. Мы почему-то простояли несколько часов в предместье города, из-за этого не видели той встречи, которую устроило население нашим войскам. Говорят, что в центре на улицах дамы целовались с офицерами, плакали и т. д.

В городе красные бросили или, как я постоянно говорю, «забыли случайно», 20 орудий, несколько площадок-пульманов, приспособленных для бронепоездов, 4 эшелона со снарядами, эшелон с ранеными, очень много автомобилей, склады летних рубаш и палаток, которыми мы разжились, и много другой военной добычи. Всюду на улицах стояли повозки с патронами, множество кухонь и всего, чего хотите.

За несколько дней до нашего вступления в Полтаву приезжал Троцкий. Военный комиссар поклялся ему, что Полтаву красные войска не отдадут, и что только через его труп мы можем войти в город. Троцкий устраивал парад войск на шведской могиле, на который, как говорят, все части опоздали на один час, чем привели его в бешенство.

Занятно то, что в первом приказе, который был расклеен по городу, указывалось на то, что Полтава занята доблестными частями гвардии. Интересно было бы видеть, как гвардия заняла бы Полтаву, если бы не было других групп. Входили они даже не первыми, так как Терская дивизия с другой стороны вошла раньше. Мы, не останавливаясь, прошли через город и к вечеру заняли д. Полуозерье-Рипчанское в 13 верстах за Полтавой, и таким путем вышли еще сегодня на ту линию, на которую должны были прийти только 17-го, так как по приказу сегодня должны были идти в бой за переправу через реку Ворсклу у города. Большевики же решили отдать нам город раньше, чем мы на это рассчитывали.

17.07.1919. Красных что-то совсем не слышно. По всем данным они откатились довольно далеко. Днем варили разные варенья, вареники, и ели вишни и вообще насыщались, насколько можно. Пластуны и осетины основательно тряханули жидов в Полтаве за вчерашний день и ночь. Говорят, мало можно найти среди не пострадавших «правосверных», как

я их называю. В Константинограде тоже теперь им устроили основательный «гермидер» <суматоха, кутерьма (укр.) — Ред.> Красные Константиноград тоже дочиستا разделили: до 400 квартир тех семейств, которые выезжали вместе с нами при нашем отступлении. В особенности они набрасывались на квартиры священников, которые тоже все выезжали.

Полтавская операция теперь закончилась и мы скоро уже должны будем уйти в свою дивизию. За последний месяц, со дня взятия Константинограда 15 июня до взятия Полтавы 15 июля, наша батарея понесла очень большие потери, как людьми, так и лошадьми. В некоторых боях мы теряли больше, чем наша пехота. Работали, одним словом, на совесть и наступали хорошо. С 11-го по 16-е мы прошли с боями больше 100 верст — от Крутояровки до Приозерья-Рипчанского.

Ночью осетины открыли какую-то здоровую стрельбу в деревне. Оказалось, что сюда подъезжал разъезд красных. Они его и он их обстреляли. Кого-то поймали, повели в штаб, тот бросился бежать, один хотел его догнать, а другие открыли огонь. В результате тот убежал, а их огнем был убит свой же прапорщик. Это довольно неинтересно, если по ночам устраиваются такие тревоги. Кроме того, они сильно грабят население, и ничем это приостановить нельзя. Их били, пороли, — не помогает. Начали теперь от нас высылать по улицам патрули.

18.07.1919. Поехал с компанией в Полтаву. Город интересный очень много зелени, красивое местоположение. Смотрел и удивлялся, что несмотря на такие позиции, мы так скоро смогли взять город. Осматривал памятник «Славы», на котором 5 дней тому назад ораторствовал Стеклов-Нахамкис, памятник на месте отдыха Петра Великого после Полтавского боя. Встретил здесь двух наших студентов — Вагачова и Иванова. С первым поехал на поле Полтавского боя. Был на Шведской могиле, на редутах, на месте которых стоят теперьobelisks. Заходил в церковь и в музей в память Полтавского боя. В ограде — могилы русских павших воинов, которых похоронили здесь, — 1345 человек. Говорят, что шведов похоронено до 13 000. Большевики и тут не постеснялись и основательно разграбили музей. Был у дуба, под которым Карл XII перевязывал себе ногу. Какое-то особое чувство охватывает тебя, когда бываешь на таких исторических местах. Я очень доволен, что мне удалось побывать на историческом поле, большая часть которого в настоящее время засеяна различным хлебом. На небольшом участке сражались 27 июля 1709 года 9 тысяч наших войск и 18 000 шведов. Совсем не похоже на то, как происходят теперь боевые действия. Бой с таким количеством участников теперь назвали бы стычкой.

Цены в Полтаве, однако, серьезные. Мы вчетвером зашли в ресторан со своей водкой. Взяли по порции жаркого и за это удовольствие заплатили 250 рублей. В городе по вечерам, и в особенности ночью, всё время слышна ружейная стрельба.

19.07.1919. Днем получили приказание: завтра с рассветом перейти в наступление и продвинуться вперед верст на 20–30. Очевидно, другие

наши группы уже выровнялись с нами, и мы опять начнем планомерное движение, чтобы не давать красным особенно отстаиваться и приходить в чувство. По чьему-то доносу было задержано 8 человек из этой деревни, якобы принимавших участие в организации советской власти. Полковник Самуэлов приказал мне допросить их и предложить им ряд сбивчивых вопросов, в чем, по его мнению, я являюсь большим специалистом. Определенных и точных обвинений у меня против них не было, поэтому после допроса я их отпустил. Часов в 8 вечера прибыл к нам командир одной из гвардейских батарей и сообщил, что его батарея идет нас сменять. Мы теперь, согласно приказу, который был чуть ли не месяц тому назад, возвращаемся в свою дивизию. Приятно расстаться с осетинами. Они сегодня ночью опять закатали здоровую стрельбу с криками по деревне, нас всех разбудили. Оказалось, что это они кого-то собирались обобрать, но это им не удалось. Пришлось наших солдат выслать на усмирение всей этой весьма неприятной истории.

20.07.1919. Встали мы сегодня в 9 часов, и не торопясь, двинулись в Полтаву. Остановились мы в центре города. Часа в 3 все офицеры батареи собрались в ресторане Чиновничьего сада, где хозяин собрания устроил нам обед с водкой. Случайно встретил в саду Колю Тарасевича. Он служил в каком-то советском управлении и остался в Полтаве. Говорит, что Борис Сазонов служит у большевиков в управлении инженерных войск. Ведь он собирался со мной ехать в Добрармию и имел возможность это сделать...

Вскоре после обеда пошли всей компанией в городской театр на балет. Балет под рояль в исполнении учениц школы Райской, сам по себе не представлял ничего интересного. Это еще совсем маленькие девочки исполнили довольно неважно несколько танцев и отдельных сцен. Но побывать в театре было особенно приятно. С грустью вспоминалось то время, когда я с Олей и Генрихом при совсем других обстоятельствах посещал московские театры. После балета пошли в тот же сад на общий ужин на открытой веранде. Выпили довольно основательно. Все разошлись в очень веселом настроении. Перед концом ужина наш край стола приказал подать порцию мороженого сидевшей недалеко от нас с выпившими офицерами даме, как будто довольно легкого поведения. Она взяла мороженое и начала есть. Офицер закатил ей сцену и начал бить посуду, что нам в этот момент замечательно понравилось; в общем, слегка разыграли эту компанию. Когда мы возвращались домой, то у меня на улице чуть-чуть не разыгрался скандал с одним выпившим капитаном, который первый задел меня. Кончилось дело тем, что он предложил пойти и выпить вместе, от чего я отказался. Ночевал я у Коли Тарасевича, так как за весь день не успел перенести своих вещей в реквизированный для нас номер гостиницы «Тулон».

21.07.1919. Попав в Полтаву, мы все сразу набросились на развлечение. Оно и понятно, если сказать, что с февраля месяца мы непрерывно

1917

были на позиции. Встал я сегодня не рано и попал прямо на обед с возлиянием в собрании. Вечером почти все собираемся пойти в кабаре с участием Кавецкой. Так как водка там страшно дорога, то нам выдали из собрания по $\frac{3}{4}$ бутылки на человека, чтобы можно было взять с собой. Идя домой, я встретился с одним инженером, у которого было полбутылки спирту. На этом мы объединились, пошли в номер и под приличную закуску выпили. Сразу после окончания этой истории пошли в кабаре. Я был уже слегка нагрузившись. Ничего интересного не видели и обратили внимание только на Кавецкую, которая несмотря на свои 53 года всё еще хорошо поет и замечательно свистит. Столик получить было совершенно невозможно и, кроме того, в буфете совсем ничего не было. Мы с трудом раздобыли два столика, послали за своим поваром, яйцами и служителями и в кухне этого ресторана наладили себе «закусон». К этому времени раздобыли неизмеримое количество водки и прочно обосновались целой компанией во главе с полковником Самуэловым. Когда нам подали второй раз блюдо с яичницей, к нам подошли какие-то артисты местной труппы. Мы все встали и, перейдя на одну сторону нашего стола, начали с ними о чем-то говорить. В этот момент какая-то штатская компания налетела на наш стол и стала с большим удовольствием и аппетитом наскоро уписывать нашу яичницу. Случай, конечно, характерный для настоящего голодного времени, но он нам не совсем понравился, и полковник Самуэлов, схватив одного за шиворот со словами: «Это черт знает что такое», оттолкнул его из-за стола. После этого мы без особых приключений досидели до рассвета и разошлись по домам в таком состоянии, которое совсем не удерживается в человеческой памяти. Я опять ночевал у Коли, так как опять не успел перенести вещи в свой номер.

22.07.1919. Чувствовал себя довольно скверновато и только после купания в Ворскле отошел от вчерашнего окончательно. Днем в один из еврейских магазинов зашел какой-то пьяный поручик, набрал товару на 1240 рублей, а заплатить хотел только 240 и на этой почве устроил целый скандал. Я случайно проходил мимо, и хозяин обратился ко мне за помощью. Я прекратил это безобразие и отправил его к коменданту. После этого хозяева магазина, которые собрались к этому скандалу целиком со всеми родственниками и знакомыми, начали называть меня своим спасителем и избавителем. Приглашали пойти к ним обедать, выпить чаю с вареньем, покурить и т.д. и всё с такими чисто еврейскими привычками и обращениями: «А может Вы есть хотите, а может Вы чай пить хотите, зайдите пожалуйста к нам». Но я ни на что не соглашался.

Вечером решил уже не идти на симфонический концерт, на который собирались наши, а слегка отдохнуть. Разговорился с Колей Тарасевичем относительно его положения. Теперь застрявшие в городах бывшие офицеры принимаются к нам в армию не так просто, как раньше. Они все проходят через контрразведку и, кроме того, должны дать вполне точный письменный ответ на 5 предложенных им вопросов, среди которых есть

один такой: «Почему названный офицер до сих пор не пробрался в Добровольческую армию». Причины этого должны быть выставлены вполне удовлетворительные и заслуживающие внимания. Это вполне правильно: каждый должен ответить за то, что он делал во всё это время.

23.07.1919. Вечером погрузились и уже ночью отправились в Люботин. Там мы получим распоряжение о дальнейшем нашем следовании и направлении. На станции встретил студента приема 1913 г. Ильина. Он мне сообщил, что человека 2–3 из нашего приема уже закончили в этом году. Сам он работает здесь, в Полтаве, на железной дороге и воевать, как будто, совсем не хочет. В Институте занятия совсем замерли, посещают их человек 5, не больше и то не всегда. Балловая система отменена, экзамены же можно держать каждую неделю, но заниматься некому. Несмотря на весь этот круговорот в Полтаве я успел все-таки сшить себе летний костюм из палаток. За время этой войны привык всё делать наспех. Хотелось бы хоть раз иметь в своем распоряжении достаточно времени, чтобы совсем не торопиться, а то такая спешка всегда действует на нервы. Устроился на платформе с сеном и основательно уснул. По ночам уже начинает чувствоваться холод.

24.07.1919. Утром прибыли в *Люботин*. Как оказывается, нас поставят в Харьков в армейский резерв недели на 2–3. В корпусе все уверены, что нас очень сильно замотали, и нам хотят дать небольшой отдых. Правда, мы ни разу не отдохали с февраля месяца, и в период стояния и отступления нам очень тяжело приходилось, в то время как за наступление мы уже успели оправиться. Отдохнуть в Харькове, только не так долго, все-таки будет очень приятно.

Командир дивизиона сообщил нам не очень приятную новость о том, что полковник Самуэлов получает батарею и уходит от нас. Очень жаль расставаться с таким спокойным и боевым командиром взвода, каким он был. Весь 2-й взвод опечален этим событием. Вместо него у нас будет капитан Гриневич, но это далеко не то.

В Люботине простояли почти до вечера и только в сумерки попали в *Харьков*. На вокзале мельком видел Турчанинова¹¹⁴ — нашего студента, с которым были вместе в школе в Одессе. Он в железнодорожном батальоне с марта месяца. Когда он у меня спросил, почему я не ушел в железнодорожный батальон, я ему ответил: «Вам в этой войне нечего делать и, кроме того, я ни разу не видел на фронте за всё время никого из вашего батальона». На это он обиделся. Ловчиться в эту войну я лично считаю недостойным человека. У каждого должно быть достаточно самолюбия для того, чтобы при упоминании всех оскорблений и произвола красных, его незамедлительно тянуло на фронт. Тут, кроме других высших целей, дерешься за свое собственное существование, за право жить. А это почему-то не хотят понять очень многие люди. Сегодня мы не разгрузались, и на ночь нас поставили на Сортировочную станцию верстах в 3 от города.

25.07.1919. Утром выгрузились в каких-нибудь 15–20 минут. Все приоделись, подтянулись и стройно проехали через центр города в Москалевскую улицу, где мы будем пока стоять. Со стороны батарея производит очень хорошее впечатление. Нельзя и сравнить с тем, что было в апреле и мае, когда все ходили грязные, оборванные, босые, совершенно уставшие и полуголодные. Харьков — город очень приличный. По-моему ему совсем не подходит слово «красный», как об этом до его сдачи всё время кричали большевики. Тут очень много роскошных зданий и домов. Трамваи очень похожи на московские, в особенности номера линий на вагонах совсем такие же. Я как увидел цифру «4», так у меня прямо замерло сердце; с болью в душе вспоминал Москву. Оживления и движения на улицах куда больше, чем в Полтаве. Посмотришь на людей на улице и забываешь про все эти ужасы и эту войну. Население здесь уже окончательно успокоилось.

После того как мы разместились, я с прапорщиком Лернером пошел побродить по городу. Прошли мы в центр. Ходили по главной Сумской улице. Всё время останавливались и отыскивали похожие на Москву места, улицы и дома. Даже страховое общество «Саламандра» сильно напоминает дом, кажется, этого самого же общества на углу Сретенки и Кузнецкого моста. Настроение какое-то грустное, хочется к своим, и их вспоминаешь на каждом шагу. Мы добродились до того, что идти ужинать в батарею было уже поздно. Тогда мы решили пойти и поужинать в человеческой обстановке в приличном ресторане. Зашли в отель «Стелла» на Екатеринославской улице и довольно вкусно поели с водкой в саду под музыку. Подают там очень хорошо, но зато всё стоит основательно. Бутылка водки — 300 и нет ни одного блюда дешевле 75 рублей. Ужин этот нам обошелся в 960 рублей, но зато вспоминали хорошее старое время и в приличном подпитии уже на рассвете вернулись домой. Вещей своих мы не успели перенести в отведенную нам комнату, так что пришлось спать на голых постелях без подушек, без всего, и ничем не укрываясь.

26.07.1919. В 9 часов встали на занятия. В этом отношении стоять в резерве отвратительно: начинаются эти мирные занятия, которых я прямо-таки не выношу. Среди наших солдат сразу поднялась дисциплина, которая уже близко подходит к дореволюционной. Температура стоит основательная в смысле жары. После вчерашнего ужина чувствую себя скверновато. Плохо еще то, что нет денег. Пришлось занимать, для того чтобы облегчить свое состояние несколькими стаканами молока, что я всегда делаю. Всё это время я каждый день выпивал, по крайней мере, горлач молока, а то и больше в разных деревнях, а тут, в городе, не особенно разопьешься, если стакан стоит 5 рублей. После занятий мы с Лернером легли спать, проспали обед и ужин. Пришлось с голодным желудком оставаться всю ночь. Ведь ни в «Стеллу», ни в какую-либо столовую поесть без денег не пойдешь.

27.07.1919. Днем занесли в один дом по соседству с нашим собранием 10 фунтов сахару, а к вечеру нас обещали там угостить китайским чаем, который мы давно не видели, коржиками и пирогами. Пошли мы туда небольшой компанией вместе с полковником Самуэловым, основательно навалились на чай, варенье, коржики, печенье и пироги и валяли дурака чуть ли не до полуночи. Обитатели этого дома нас мало интересовали, а поесть ни с того, ни с сего довольно много вкусных вещей было приятно.

28.07.1919. Утром получил приглашение от жены поручика Баженова зайти к ней вечером. С ней я не был знаком, но должно быть, он писал ей обо мне. Прибыл Баженов к нам в батарею с капитаном Шинкевичем¹⁵ очень недавно, 18 июня (я о них писал в этот день), и, несмотря на то, что оба они служили до взятия Харькова в окружном управлении артиллерии у большевиков, к ним наши офицеры отнеслись довольно хорошо. Это им очень понравилось, и они сразу полюбили батарею. Меня только несколько удивляло то, что Баженов всё время говорил о том, что он мог бы устроиться в тылу, но сам добровольно пошел на фронт, чтобы загладить свою вину перед нашей армией. В пребывании на позиции он видел какую-то особую заслугу. Я ему говорил, что все должны быть здесь, и никакой особой заслуги в этом нет. Он довольно сильно нервничал во время боев и своим поведением выделялся из нас, старых, основательно обстрелянных и побывавших в здоровых переделках добровольцев. Видно было, что наружное спокойствие ему трудно давалось даже при известном усилии воли. Мне как-то сразу казалось, что он скорее других должен быть задет неприятельским огнем, и 12 июля для него оказалось роковым.

Часов в 6 командир полковник Самуэлов Эдуард Карлович и я поехали к Баженовой. Увидев ее, я вспомнил, как он мне постоянно говорил, что он удивительно приспособлен к семейной жизни и что ему страшно жаль двух малолетних детей. Мне показалось, что она не очень удручена, хотя нужно думать, что я мог и ошибаться. Она рассказывала нам про любопытную психологию одного из знакомых ей офицеров, который тщательно спасается от того, чтобы попасть на фронт. Когда она получила телеграмму с извещением о смерти мужа и показала ему, он сказал: «Пустяки, не верьте, разве на этой войне убивают. Разве это война, это игрушки, а не война». А сам между тем только и думает о том, как бы не попасть на фронт, и наверно умер бы от страха, если бы попал в какую-либо основательную передрагу, которых в эту войну гораздо больше, чем в международную. Скоты, а не люди, и к сожалению таких подлых трусов у нас в России более чем достаточно; а после будут говорить, что тоже воевали. Жалкие наглецы. Когда ехали обратно, встретили на улице одного одноклассника по гимназии, Виктора Захарова. Он в Дроздовском полку. Наш выпуск и вообще наша гимназия дала Добрармии довольно много офицеров. Многих уже нет.

29.07.1919. Встали в 4 с половиной утра. Сегодня парад, вернее смотр, нашей батарее и Сводно-стрелковому полку, с которым, по-видимому, мы будем работать в дальнейшем. К 7 мы уже выстроились в центре города на Павловской площади. В одной из рот этого полка увидел Петю Шуликова. Вышло так, что принимали участие в одном параде. Поговорить много не удалось, так как около 8 уже прибыл командир нашего корпуса генерал Кутепов¹⁶. Поздоровавшись с нами, он обратился к батарее с такими словами: «Вы всё время были в деле, но я следил за вами и радовался, узнавая про ваши дела и подвиги. Спасибо вам за вашу работу». Командир наш, полковник Ягубов, получил сегодня благодарность и услышал много лестных отзывов о нашей батарее от высшего начальства. Во время церемониального марша полил основательный «дождишка». Говорят, что прошли очень хорошо. Полк был отлично обмундирован и все в касках; у нас тоже всё сияло и горело. Получилось стройное впечатление.

Едва мы успели приехать к себе и лечь немного поспать, как нас разбудили и сообщили, что инспектор артиллерии армии, генерал Лахтионов¹⁷, хочет нас посмотреть и едет уже на батарею. Едва успели построить батарею, как его превосходительство уже пожаловал. Он захотел посмотреть работу при орудиях и вообще познакомиться с английскими пушками, которые ему, как видно, не знакомы. Замечательно, что при орудиях сегодня в спокойной обстановке работали медленнее, чем на позиции под огнем. От него командир получил тоже много лестных отзывов о нас и благодарностей за нашу боевую работу.

После этого смотра генералу предложили пообедать с нами. Водку командир приказал давать до тех пор, пока не зашумят на столах во время разговора. Часа через 3 генерал ушел, видимо, очень довольный, и тогда мы принялись за наливку. Каждый принял довольно серьезную порцию. Напрасно солдатам не дали сегодня выпить. Народ они хороший, и угостить их совсем не мешает.

30.07.1919. Наши заняли Кременчуг, Знаменку и Елизаветград <позднее Кировоград. — *Ред.*>. В Кременчуге и Знаменке красные забили, торопясь отходить, 61 исправное орудие, из которых 29 тяжелых, 6 бронепоездов, 2 броневика, 46 пулеметов, 2 парохода, 50 паровозов, 500 вагонов, из них 20 со снарядами и 240 груженых, инженерный склад с большими запасами и много испорченных орудий. Это слегка тряхнули советскую власть. На ст. Глобино они бросили громадные составы, растянувшиеся больше чем на 5 верст. Население Елизаветграда, в связи с нашим продвижением, восстало против советской власти и свергло ее.

Там было захвачено 2 автоброневика и 2 бронепоезда противника. Шикарно было бы, если бы примеру Елизаветграда последовали бы другие города, теперь мы вошли уже в такие губернии и места, где можно будет ожидать посильной помощи от населения и разных повстанческих отрядов, с которыми большевики ведут не совсем успешную войну. Есть

сведения, что Григорьева они где-то поймали и убили. Но вместо него появилось много отрядов, присутствие которых в прифронтовых местах слегка действует на нервы советских деятелей. Как ни считайте, а для них это удовольствие не из приятных. Странно то, что у нас около Туапсе всё еще до сих пор бродят «зеленые». Их несколько раз прогнали в горы, но переловить так и не удается. Сегодня опять есть сообщение об ограблении ими в 10 верстах от Туапсе почтово-пассажирского поезда.

В Харькове «случайно» застряло немало советских деятелей. Каждый день читаешь о вынесении 2–3 и больше смертных приговоров через повешенье. В приговорах очень хорошо сказано, что все эти лица обвиняются в том, что они «вступили в преступное сообщество, именуемое партией большевиков-коммунистов». И действительно, разве можно большевиков рассматривать как-либо иначе, чем преступников.

Вечером за ужином провожали полковника Самуэлова. Из Люботина на ужин прибыл командир дивизиона полковник Шеин. Все накачались более чем основательно. Под конец начали поить командира дивизиона наливкой из рюмки с руки и основательно облили ему половину френча. Он же в это время блаженно улыбался. Барону Майделю кто-то случайно, произнося тост, опрокинул стакан наливки на голову. Несколько рюмок было разбито о голову поручика Никольского. Когда все вышли из собрания на улицу, чтобы расходиться по домам, то поручик Зиновьев лег на тротуар и уверял всех, что его положили. Командир дивизиона, увидев каких-то барышень, начал прыгать перед ними козлом, а командир батареи пустился через улицу бегом догонять какую-то женщину в белом. Я зашел в соседний двор, сел на ящик помойной ямы и задремал. Меня разыскали только минут через 20, после чего все с трудом разбрелись по домам уже почти к полному рассвету.

31.07.1919. Наши части, продолжая наступление, заняли узловую станцию Ромодан. Скоро у красных на Украине останется не так уж много железных дорог и станций. Вспомнил довольно забавный случай, который произошел в Полтаве и о котором своевременно позабыл рассказать. Часа в 4 дня 16 числа, когда большевики уже были верстах в 20, если не больше от города, у одного из складов заметили часового-китайца с винтовкой, который преспокойно продолжал себе стоять. На него раньше как-то никто не обратил внимания. Этот чудак, помимо всего прочего, когда наши войска еще ночью вошли в город, простоял без смены около суток. Бой в городе и уход советских войск на него, очевидно, не произвели особого впечатления, и он продолжал нести караульную службу. Когда, наконец, проходящий казак спросил у него: «Что ты стоишь здесь?», то он, не пропуская казака в склад, ответил: «Совет меня поставил и только совет может меня снять». Тут казак выстрелил ему в упор в лоб и снял полчерепа.

Занятно то, что мы сейчас стоим собственно на отдыхе в резерве, а между тем, на кого ни помотришь, все за это время похудели и осу-

нулись. Спасибо за такой отдых, когда от совсем ненормальной жизни изматываешься больше, чем на позиции. Я хотел сапоги и свое обмундирование привести в порядок, но ничего не успел сделать. Мало того, мы с Лернером до сих пор «увы, не успели еще» перенести своих вещей из обоза в комнату и всё это время спим на голых постелях. Всё утро до обеда в собрании ничего не ешь, питаешься довольно скверно, а тут еще эти выпивки. В Харькове холера, а по утрам, чтобы утолить водочную жажду, пьешь сырую воду прямо из рукомоЙника. Ну его к черту, такой отдых.

1.08.1919. Четверг. С утра походным порядком отпавились из Харькова в Люботин. Стоять дольше в Харькове было довольно неинтересно: всё дорого и, кроме того, большая возня с доставкой фуража. Погода как-то сразу резко изменилась: стало прохладно, и повеяло осенью. Хлеба почти все уже убраны и свезены. В том районе места веселее, так как лесов довольно много. Эти бесконечные степи, по которым всё время приходится путешествовать с боями, уже достаточно надоели. Воевать же в этих лесах будет несколько труднее, чем в степи. Пришли мы в Люботин часов через 5 после выступления из Харькова и расположились в имении князя Святополк-Мирского. Тут очень приличный и большой парк с несколькими прудами и громадный фруктовый сад в 121 десятину. Дом довольно неважный, старый, и перед ним несколько недействующих фонтанов. Владельцев самих в имении нет. Жаль, что в саду ни одного фрукта; говорят, что сад роскошно цвел, но его повредило морозом. Солдат разместили в доме, а все офицеры расположились по частным квартирам в поселке. Здесь жизнь будет здоровее и проще, чем в Харькове. К вечеру собрался приличный осенний дождичек.

2.08.1919. Наши заняли города Сумы и Херсон. Захвачена приличная добыча. На всех направлениях фронта дела нашей армии весьма успешны. Каждый день наши продвигаются: занимают большие пространства и всё новые и новые города.

У Донцов дела идут не совсем хорошо. Они топчутся на одном месте или отходят. Донской фронт никак не может перейти через занятую линию Поворино—Тыловая—Лиски. Красные, должно быть, отчаявшись сделать что-либо с нами, решили попытать счастья на Донском фронте и уже начали там слегка нажимать. На Курском направлении у нас идут серьезные и ожесточенные бои, но наши неизменно продвигаются вперед.

У адмирала Колчака дела идут что-то не совсем хорошо. Еще в начале июля красные, перейдя в наступление значительными и превосходящими силами, заняли Пермь, Кунгур и Красноуфимск и продолжают наступать. Теперь они уже практически везде перешли через Урал. По всему фронту войска адмирала Колчака отошли на весьма внушительное количество верст. Говорят, что в связи с неудачами Сибирской армии у нас пока главным направлением будет не северное — на Москву, а на Киев.

Уже около двух месяцев у нас говорят о разложении советской армии. Я же должен сказать, что по последним боям этого не видно. Прямо,

даже странно, что красные после таких поражений сумели наладить дело обороны и даже наступать в некоторых местах. По сведениям отдела пропаганды, в Красной армии появилось много германских офицеров, а во главе генерального штаба стоит германский генерал Блюхер.

На фронте генерала Юденича тоже какое-то затишье. Говорят, что у него были трения с адмиралом Колчаком по поводу взятия Петрограда. Колчак якобы стоит за то, чтобы Петроград был взят русскими войсками, чтобы в этом деле не принимали участие шведы, финны и прочие нерусские войска. Так до сих пор и не понять, будут брать столицу Северной коммуны или обождут это делать.

Вообще, сейчас довольно трудно решить, успеют ли все противобольшевицкие армии покончить все дела с красными в этом году. По-видимому, зимней кампании нам избежать не удастся, уж больно большие расстояния еще остаются, а осень уже начинается. В Сибири и на Севере скоро уже совсем зима.

3.08.1919. Отрадное известие — переворот и конец советской власти в Венгрии. Правительство Бели Куна арестовано. Раковский всё время не оставлял мысли о временном отступлении в Венгрию и о новом завоевании Украины соединенными силами красных венгров и украинцев. Теперь же провал коммунистической власти Венгрии, нужно думать, внесет некоторое расстройство в планы Раковского, а продолжающееся наше наступление может заставить его окончательно забыть идеи защиты и борьбу за Украину. Члены нового венгерского правительства, собравшись на первом заседании Совета министров, после недолгих прений твердо высказались, с ведома дипломатического корпуса, за единогласное признание эрцгерцога Иосифа верховным правителем Венгрии. Состоялась уже присяга ему всех министерств, которая была торжественно обставлена. В Турции последнее время тоже происходит какое-то брожение; на Балканах весьма неспокойно, Персия накануне переворота. Грузия тоже что-то замышляет. Грузины уже давно взяли у нас снова Гагры и расширили свои границы. Их можно было бы очень легко успокоить, но англичане не дают наступать на них.

4.08.1919. Поговаривают о том, что в очень скором времени из нашей армии будут отправлены к Колчаку офицеры. Теперь ехать к нему не особенно интересно. Говорят, что армия у него не совсем важная и притом ощущается большой недостаток офицеров. Несмотря на то, что до начала нашего наступления все надежды возлагались на Колчака, теперь можно почти безошибочно и с уверенностью сказать, что к Москве мы подойдем раньше Сибирской армии. Всё внимание теперь обращено на нашу армию, которая получает первенствующее значение в деле освобождения России от советской власти.

Целый день идут дожди. Прямо опротивело такое состояние погоды. Везде грязь, сырость, лужи. По случаю праздника немного выпили сегодня в собрании. Интересно, что от весьма малого количества водки

все офицеры почти сразу приходят в веселое состояние и очень быстро пьянеют. Измоталась, должно быть, сильно публика.

5.08.1919. Вечером катался верхом по княжескому саду и парку. Из парка проехал в соседнее имение другого брата Святополк-Мирского. Дом здесь весьма приличный, напоминает княжеский. Большевики устроили здесь детский приют и поселили в нем голодающих детей Олонецкой губернии в количестве около 300 человек. С подобными приютами приходилось встречаться в Константинограде, где были петроградские младенцы, и в других местах. Дети эти до сих пор живут в этих приютах. Отсюда я проехал на хутор; поел там вдоволь фруктов и выпил солидно молока с хлебом.

1917 Вечером адъютант дивизиона капитан Дзиковицкий пригласил всех офицеров 4-го орудия к себе на ужин. Живут они в вагонах очень прилично. Из пульмановского товарного вагона устроили себе столовую и гостиную с пианино. Пьют каждый день вино, едят хорошо, причем обедают в 8 вечера. Одним словом «воюют». Он солидно угостил нас водкой, вином и «ликером», причем последний представлял собой чистый спирт, без всякой примеси и сахара. Выпили по 6 «ликерных» рюмок и запивали кофе, причем минуту-другую после рюмки трудно было сказать что-либо, всё связывало. Вспоминали бои под Скотоватой до 28 марта, когда Дзиковицкий, «убоявшись премудрости», ушел в адъютанты. Под конец ужина прослушали романс «Я тебя бесконечно люблю» в исполнении экс-сестры дивизиона, теперь гражданской жены Дзиковицкого. Мотив довольно хороший.

6.08.1919. Встал по случаю праздника довольно поздно. Пришел прямо к обеду, за столом как-то «вспомнили», что сегодня Преображение Господне, и довольно прилично выпили в собрании. После обеда сели играть в железку, мне сильно не повезло. Проиграл 1700 рублей; 1000 у меня была, а 1000 взял в счет августовского жалованья. Таким путем несколько выигрышей прошлых 2 месяцев свел на нет. Жалованье нам, говорят, по новым штатам теперь солидно надбавили; будем получать по 1000 монет в месяц. Кроме того, должны будем получить еще большие суточные за весь период, что составил приличную сумму.

7.08.1919. Утром очень неудачно закурил. «Безопасная» спичка отскочила прямо в глаз на роговицу и обожгла ее. Образовался белый пузырек, и глаз плохо открывается. Местный железнодорожный врач, посмотрев, сказал мне, что я счастливо отделался, так как, по его словам, в таких случаях прожигает насквозь. Он мне положил повязку и советовал ехать врачу-специалисту. Почти весь день возился с глазом. Нужно сказать, что как-то очень неудобно смотреть одним глазом, состояние неприятное.

8.08.1919. Поехал в Харьков к врачу. Тот нашел, что у меня с глазом в общем благополучно. Сегодня я уже снял повязку. Заходил в книжный магазин Дредера и купил несколько книг по математике. Слонялся и ос-

матривал город. Получено телеграфное сообщение о взятии города Николаева. На юге Красная армия трещит последнее время основательно. Большевики там всё отходят и очищают основательные кусочки и солидные города.

Вернулся я в Люботин в 5 часов; встретил в городе командира, его вызывали в штаб. В 7 часов вечера батарея выступает, и вместе с тем нас перевели из армейского резерва в корпусной резерв. Вечером зашел к нам в собрание Дзиковицкий. По случаю его прихода за ужином подана была на стол водка. Нагрузились основательно, шт.-кап. Дзиковицкий пригласил меня и кап. Гриневича к себе выпить вина. И мы опять начали с водки, перешли на вино, а потом опять на водку. Под конец ужина всё исчезло перед глазами, и я перестал уже видеть сидевших за столом. Не помню, как я нашел в отделении вагона постель и лег, не раздеваясь. В таком состоянии я был тоже впервые за всё мое существование. Обычные наши выпивки всегда отличались скромностью, так как командир следил за настроением и вовремя прекращал дальнейшую подачу водки на стол. Сам не знаю, почему я хватил сегодня без меры, обыкновенно я вовремя останавливаюсь.

9.08.1919. Утром страшно удивился, так как в 6 часов проснулся в вагоне и сначала ничего не мог сообразить. Почти весь день чувствовал себя отвратительно. Часа в 4 с целью проветриться и прийти в себя поехал с капитаном Гудим-Левковичем в экипаже на хутора. Роскошно прокатились, поели фруктов, попили вдоволь молока, и только после этого окончательно пришел в себя. Он вчера тоже хлебнул через край и ночевал в парке на земле.

10.08.1919. Наши заняли узловую станцию Гребенка и находятся всего в 3—4 переходах от Киева. Падение его неизбежно в скором времени. На юге и западе они не могут уже остановиться, между тем как на севере упорно обороняются и, сосредотачивая крупные силы, переходят в наступление. Приехал с базы Андрей. Он ночевал у меня, и мы с ним проболтали часов до 2 ночи. Не виделись месяца полтора с лишним. Он весь ушел в хозяйственные дела и провозится за заготовкой фуража для батареи еще месяца два. Не представляю, как он выносит это сидение. Я не так много, благодаря стоянию батареи в резерве, болтаюсь без особого дела вместе со всеми нашими, и то уже надоело и хочется поскорее на позицию, чтобы уж покончить с этими красными. Как-то много грустнее и медленнее проходит время. С какой-то особой болью в сердце каждый день вспоминаешь тут дом и Москву. На фронте хотя и каждый день думаешь о своих, но там как-то меньше грустишь, потому что всё время бываешь занят и, кроме того чувствуешь, как с каждым боем продвигаешься дальше.

11.08.1919. Во время обеда часа в 2 получили телеграмму с приказанием немедленно прибыть в Харьков. Около 4 мы уже выступили походным порядком и к вечеру были там. Оказалось, что большевики, прорвав

фронт на стыке нашей и Донской армий, двинули в этот прорыв весьма солидные силы — около 6 дивизий при большом количестве конницы. Они заняли Валуйки, наши очистили Купянск и утром сегодня оставили город Волчанск. Ходят такие слухи, что это им удалось вследствие того, что два донских полка бросили позиции, и что в настоящее время разьезды противника находятся уже в 25 верстах от Харькова. Нас вызвали для защиты города, в котором мы будем пока стоять. Разместились мы на Ст. Московской улице в Тамбовских казармах.

Генерал Шкуро завтра должен начать наступление на эту группу противника со стороны Белгорода, с севера на юг и на восток. Направление забавно переменялось. Этим своим маневром красные выходят в тыл всей нашей группе, работающей на Курском направлении и находящейся уже под самим Курском.

12.08.1919. Наши заняли Одессу, Бахмач, Конотоп, Корсунь. Кроме того, конница генерала Мамонтова¹¹⁸, прорвав фронт и выйдя в глубокий тыл противника, заняла Тамбов и Козлов. В Тамбове была база Южного советского фронта. Там захвачена громадная добыча и распушено до 30 000 мобилизованных. Занятие Тамбова безусловно временно, но это роскошная тыловая прогулка. Фронт теперь очень интересный. Приблизительное направление его к сегодняшнему дню таково: Одесса—Черкассы—Гребенка—Бахмач—Конотоп—Рыльск—Обоянь—Короча—Волчанск—Купянск, причем только два последних города заняты красными, остальные — наши. Кроме того, в районе Тамбова и Козлова еще наш «островок» в тылу красных. У Купянска и Волчанска у нас довольно серьезный прорыв, меры ликвидации которого уже приняты. Прорвав наш фронт, красные сначала загибали крайний левый фланг Донцов, а теперь всей силой своего удара обрушились на нас. Поговаривают о том, что эта невыгодная комбинация будет ликвидирована дня за 4.

Сегодня год со дня нашего отъезда с Андреем из дома в Добровольческую армию. Наши, должно быть, в этот день обязательно вспоминают нас. Хотел вечером пойти куда-нибудь вместе с Андреем, но он оказался занятым, и я виделся с ним только днем в продолжении двух часов. Я же все-таки с небольшой компанией, несмотря на дождь, отправился в один из театров миниатюр.

13.08.1919. В 4 утра нас разбудили и приказали выступить вместе с Самурским полком в д. Веселую. Как выяснилось, мы будем принимать активное участие в ликвидации этого прорыва. До Веселой более 30 верст, на покрытие которых пришлось потратить целый день. Дорога тяжелая, очень много песчаных мест. По дороге на ходу попробовал поохотиться и убил из охотничьего ружья чайку, вернее чибиса. Приятно было выстрелить. Когда выезжал из Харькова, встретил Восканьянца, с которым вместе были в школе в Одессе, и Осю Низяева¹¹⁹.

14.08.1919. На рассвете выступили и пошли на село Старицу. Наше 4-е орудие двинулось вперед в авангарде, а три остальные пушки шли

с главными силами. После почти 20-верстного перехода, пройдя Старицу, завязали бой у переправы через реку Северский Донец. Красные, разобрав часть моста, расположились на берегу реки в имении графа Гендрикова и в селе Графском. Позиции для нас были весьма неудобные, нас всё время обкладывали фланговым огнем. Мы с пушкой стояли на открытой позиции на дороге и с расстояния 300—400 сажень прямой наводкой гвоздили по цепям и пулеметам противника. Переправу защищали 3 батальона и 3 эскадрона кавалерии красных.

Защищались и дрались они очень упорно и осыпали нас градом пуль, которые очень основательно постукивали по стволам сзади стоящих деревьев. Огонь был настолько силен, что из-за треска винтовок и пулеметов, которые непрерывно выпускали целиком ленты, ничего не было слышно. Так продолжалось часов с 11 до 2, когда подъехал к нам генерал Шифнер-Маркевич¹²⁰ со своим конвоем. Несмотря на такой огонь, он спокойно поздоровался с нами и начал руководить боем. Огонь с обеих сторон еще усилился, и через полчаса красные побежали. Самурцы перескочили через мост, и вслед за ними было очень эффектно пушено человек 400 Шкуринской кавалерии. Командир бригады генерал Шифнер-Маркевич вместе с генералом Ирмановым¹²¹ в числе первых бросились на тот берег. В этот момент справа, по улице с. Графского, на них налетела кавалерия красных. Генерала один из них рубанул даже шашкой, но попал плашмя по плечу, а в этот момент генерал убил его из револьвера. Произошло маленькое замешательство, но перескочившая к этому времени наша кавалерия врезалась уже в цепи противника и начала их рубить. Казалось, что всё уже кончено и наши войдут в Волчанск, до которого оставалось верст 6. Мы часа на полтора задержались у переправы, пока починяли мост, и пошли дальше.

По дороге видна была работа кавалерии: по полю везде валялись трупы, от шашечных ударов остаются ужасные раны, и такая штука действительно производит впечатление; я видел труп, у которого полголовы совсем было снесено, а мозги целиком валялись на расстоянии полушага от остатка головы. По дороге к мосту всё время вели партии пленных. Часам к 5 красные внушительными цепями перешли в контратаку и стали теснить нас. Кто-то крикнул, что переправа занята сзади нас, и все обозы понеслись назад по дороге, — это довольно неприятное зрелище. Мы открыли огонь батареями (остальные пушки к этому времени уже подошли) и стреляли на самых маленьких прицелах. Воевать в таких кустах и перелесках довольно неинтересно, так как не видишь, как подходит противник на очень близкое расстояние. Пули шли очень густо, и мы под сильнейшим огнем принуждены были взяться в передки и отойти сажень на 200.

Когда мы выехали на дорогу, нас надлежало обложили из пулемета, причем одна очередь пролетела у меня возле самой шеи. В добавление ко всему этому красные закатали возле самой дороги несколько тяжелых 6-дюймовых снарядов, которые в лесу рувались со страшным треском.

Самурцы 7 раз, поддержанные нашим огнем, переходили в контратаку и наконец остановили красных. Кавалерия в этих кустах ничего не могла сделать и оставалась пассивным зрителем. На этом небольшом участке со стороны красных действовало до 30 пулеметов, из которых 7 были нами захвачены.

Их сегодня тряхнули, но у нас тоже тяжелые потери: выбыло из строя больше 100 человек и 30 лошадей. Ночевать мы ушли в *Старицу*, куда были подтянуты почти все части, за исключением одной или двух рот, которые остались у переправы. Вся наша группа состоит из полутора батальонов Самурцев, полка кавалерии и нашей батареи, в общем около 1200 человек.

15.08.1919. На рассвете начала раздаваться какая-то странная стрельба. Во сне казалось, что это красные пытаются нажать на переправу. Но потом оказалось, что они подошли к Старице с тыла, со стороны Муром, и хотят сзади взять нас в оборот.

Пока всех разбудили и собрали, а на это потребовалось более 15 минут, красные успели уже вскочить в деревню. Чувство было неприятное, но паники в боевых частях не было, только обозы немного в расстройстве потянулись к лесу, в сторону Графского, тоже занятого красными. Получилось что-то вроде окружения. Нашим огнем, Самурцами и кавалерией примерно через час красные были выбиты из деревни. Тем не менее, командир запасного батальона говорил, что дорога на Харьков уже отрезана и что мы теперь будем пробиваться на деревню Муром. Одна пушка осталась защищать деревню Старицу, а мы пошли брать Муром. После тяжелого боя в лесу к полудню мы заняли эту деревню, основательно потрепав 107-й полк красных. Разговоры относительно дороги на Харьков были преждевременны. Из окружения мы, после занятия Мурома, вышли.

К вечеру подошел 2-й Партизанский конный полк из Харькова со своей батареей. Наблюдал я стрельбу казачьей батареи и должен сказать, что она весьма неважная. Вообще их батареи во всех отношениях слабые.

Утром красные в Старице все-таки успели поймать конных казаков, отрубить им кисти рук и распороть животы. Звери.

Наевшись основательно фруктов, мы расположились в *Муроме*. Завтра идем брать Волчанск с другой стороны.

16.08.1919. Основательно поев, часов в 10 выступили вместе с кавалерией на Волчанск. Нужно сказать, что с конницей передвигаться довольно трудно. Горы и ямы им нипочем, а нас они сильно задерживают, а потом приходится подтягиваться. Через Сев. Донец мы перебрались у д. Огурцово. Мосты были взорваны, но к счастью недалеко был брод. Многие из нас основательно выкупались поневоле, в одежде. Лошади вязли, падали, и их приходилось распрягать и подымать. У командира батареи жеребец просто взял и лег в воду, чем немало удивил его.

В Волчанск мы вошли около 3 часов дня. Сплошные пески прямо измучили лошадей и людей. Мы останемся здесь и пойдём в свою дивизию.

Теперь их сбили основательно, и только конница будет их преследовать. Дрались они здесь действительно упорно и хорошо. Сил у них тоже было немало: 9 пехотных полков, 1 конный, 15 легких орудий и 3 шестидюймовых. Говорят, что это войска, снятые с Сибирского фронта. Среди них много китайцев и татар. Но все-таки им основательно всыпали. Жители говорят, что раненых и убитых у них прямо тьма. Получено сообщение о занятии нашими войсками Киева. Для нашей батареи после отдыха такая переделка с затыканием этого прорыва была весьма оздоравливающей; все как-то сразу пришли в надлежащее боевое чувство.

17.08.1919. Сначала предполагалось, что нам здесь, в Волчанске, дадут дневку, но потом выяснилось, что нас немедленно требуют за Готню, где идут сильнейшие бои. Теперь придется затыкать прорывы после стояния в резерве — дело не совсем-то легкое. Так как составов нам сегодня не успели приготовить, то погрузку пришлось отложить до завтра. Есть сведения, что Купянск тоже занят нами. Теперь одна только кавалерия будет преследовать эту группу противника. Донцы подходят к Бирючу, а Шкуро уже, кажется, занял Новый Оскол. Получается, что вся эта группа совершенно отрезана. Ликвидировать их совершенно было бы недурно, так как в этот прорыв успело войти до 6 дивизий красных. В районе одного Волчанска их было 40 батальонов пехоты при нескольких эскадронах кавалерии и до 20 орудий, из них три тяжелых. Рассказывают, что на днях произошел довольно интересный случай. Один из наших автоброневиков, проскочив через пехотные цепи противника, влетел на батарею красных. Батарея растерялась и сдалась. Тогда броневик заставил ее открыть огонь по своим. Сами этого они не могли сделать, так как буквально не было ни одного артиллериста. Те же, говорят, прилично стреляли по своим.

18.08.1919. Должны были начать грузиться часов с 4 утра, но я, будучи дежурным офицером, проспал и только около 5 утра поднял батарею. Сразу же отправились на вокзал и начали грузиться. Мы довольно скоро кончили эту процедуру, но Самурцы, с которыми мы теперь вместе идем, копались что-то до 4 вечера. Двинулись мы одним эшелоном в 80 с лишним вагонов. Совсем уже вечером мы прибыли в *Белгород* и оттуда ночью выехали в направлении на Готню. Спал я в конском вагоне. В классных вагонах уже давно разучились ездить. Теперь понятие об удобствах и о комфорте совершенно другое, чем было раньше. Под утро кожаный подсумок с 30 патронами сорвался с гвоздя сверху и основательно треснул меня по лицу. Со сна мне показалось, что это меня хватило шрапнельным стаканом по голове. Я вскочил и начал присматриваться, откуда это стреляют. Но всё было тихо. Мы только начали подъезжать к Готне. Я уснул опять.

19.08.1919. Из Готни мы отправились к ст. Псел. Фронт проходит в данный момент по реке Псел. Разгрузились мы прямо на пути у деревни Вишневой. Первый взвод нашей батареи остался в Вишневой, а наш 2-й

взвод пошел на ст. Псел. Интересно, что немцы дальше реки Псел в этом месте не продвинулись, так что на той стороне уже закоренелая Совдепия. Народ здесь уже совсем не тот и сильно разнится от украинских «хохлов», пошли уже настоящие «кацапы». Живут много грязнее и беднее. Все какие-то скупые, ничем не угощают и всё только плачут, а у самих припрятано всё в солидных количествах. Верить им никак нельзя, и если просишь, то тоже ничего не получишь. Разговаривая, вставляют всё время такие слова как: «Ягодка ты моя», «Золотце ты мое», «Деточка ты моя», «Защитники вы наши». Мерзкий в общем народишко. Бои идут здесь очень серьезные. Красные весьма солидно лезут на переправу через Псел. Тихих дней тут как будто не предвидится, а жаль. Тут очень много дичи, в особенности много диких уток. Весьма приятно было бы поохотиться, и ружья охотничьи есть.

20.08.1919. Утром сменили взвод 4-й батареи, который стоял на позиции у д. Камышной. Командир взвода рассказывал нам, как они отступали сюда из-под Суджи. Отходили с Белозерским полком, который по его словам, дерется и сейчас весьма слабовато и оставлял их почти совсем без пехоты. При этом отступлении погиб наш автоброневик «Верный», который застрял в песках. Фронт тут проходит как-то по дуге. При отступлении неприятно то, что придется идти довольно большой кусок вдоль фронта. Красные тут располагают довольно сильной артиллерией. Всё время гвоздят 6-дюймовыми и 42-линейными. Нас они уже сегодня успели слегка обложить. Станции же довольно сильно достается. Вообще участок очень оживленный. Они всё время проявляют активность. Хорошо, что мы здесь работаем с таким надежным полком как Самурский.

За последнее время красные стали здорово предприимчивы. Здесь много частей, переброшенных на наш фронт из Сибири. Говорят, что они сняли оттуда и бросили на нас 11 дивизий с того фронта. На Донцов они тоже навалились основательно и заняли г. Камышин. Вот тебе и развал советской армии... Как видно, еще солидно повоевать придется с ними. Эти их части весьма приличны и дерутся гораздо лучше, чем прежние. Ночью они опять полезли на переправы, но их отбили. Всё дело кончилось только ночной тревогой на 1,5 часа, и всё смолкло до утра.

21.08.1919. Сразу на том берегу Псела, прямо против *Камышной* расположена д. Белица. У переправ у нас заставы, а по берегам речки в промежутках между переправами нет ничего, кроме слабых дозоров. Каждую ночь оттуда сюда и отсюда туда перебираются люди и сообщают красным относительно нашего расположения. Прямо не понимаю, почему на это у нас так мало обращают внимания, тем более что из этих деревень у них немало комиссаров, которые знают здесь все ходы и выходы.

С утра красные начали нас солидно обкладывать. Мы стояли сейчас же за деревней. После нескольких десятков снарядов, выпущенных ими по ближайшему к нам краю деревни, Камышная загорелась. Благодаря ветру пожар очень быстро распространился, и за каких-нибудь 2 часа вы-

горело 47 дворов со всеми постройками. Во время пожара в каждом доме, не переставая, рвались целыми пачками патроны. Их тут припрятано десятки тысяч. Солидно вооружены теперь наши деревни. После обеда по приказанию начальника участка мы переехали версты на 2 левее: к д. *Крупец*, на левый фланг Самурского полка. Левее нас стоят Белозерцы. К вечеру их потеснили, и в нескольких верстах от нас красные перешли Псел.

Получено было сообщение, что они выходят нам в тыл. Мы с 9-й ротой Самурского полка загнули фланг и отошли к Пселу (станции). Положение было какое-то неопределенное. Чуть-чуть было свои по своим открыли огня. У нас положение было не особенно интересное, потому что во время стрельбы в нашей 4-й пушке сломался курок, и орудие бездействовало. Всё обошлось благополучно. От Камышненской переправы Самурцы тоже отошли, вследствие всей этой истории, налево.

22.08.1919. К утру положение было восстановлено, и всё опять осталось на прежних местах. Большевики уже начали пристреливаться к тому месту, где мы стояли. Должно быть, кто-то уже успел им сообщить о месте нашего стояния. Шпионство здесь развито весьма солидно. Решительно всё передается туда. В этом смысле эта позиция не совсем интересная. Жители тоже как-то панически настроены. По вечерам всё время шепчутся: подходят и сообщают самые нелепые вещи вроде того, что красные там-то и там-то ночью собираются переправиться, или в таком-то месте у реки собралось 2 полка красных и т. д. В общем, обстановка такая, что лошадей мы ночью не разамунчиваем, а сами не раздеваемся, потому что ночью почти всё время красные пробуют то там, то сям устроить тарарам. Самурцы — молодцы, основательно их сдерживают и каждый раз весьма солидно всыпают им.

Жители здесь разводят гусей и домашнюю птицу в большом количестве. Наши солдаты не зевают и всё время основательно пощипывают птичью стаю. Едим мы благодаря этому весьма прилично, но это дело придется приостановить, потому что истребление гусей, уток и кур принимает стихийный характер.

23.08.1919. Правее нас красные солидно нажали у д. Белой. Один из прапорщиков Самурского полка, бывший в заставе с 18 солдатами, хотел пропустить красных на эту сторону реки, а затем опрокинуть их в воду. Пропустить-то он их пропустил, но отбросить их назад не смог, так как их переправилось неожиданно около целого полка. Началось это с утра и было ликвидировано только к полудню, когда ко 2-му батальону после упорного боя подошло подкрепление. Красных солидно пощелкали и опрокинули в реку. Они потеряли около 300 человек.

Сегодня наш взвод попал под сильный артиллерийский огонь. Хорошо, что у нас были вырыты окопчики, а то это дело могло весьма печально окончиться. Красные выпустили по месту нашего расположения больше 100 снарядов, из которых много было 42-линейных. Попадали они в общем прилично. Осколки всё время летели у самых орудий и по-

падали в насыпь наших окопов. Прапорщику Лернеру, когда мы с ним высунулись посмотреть далеко ли разрывы, один из осколков скользнул по бедру правой ноги. Один из легких снарядов разорвался в шагах в 4 сзади, а один 42-линейный шагах в 7. Обложило солидно, но благодаря окопчикам всё обошлось благополучно. Во время этой обкладки нам самим пришлось стрелять раз 10. Это было уже совсем не интересно. Завтра придется менять позицию. Здесь решительно всё передается большевикам, и о результатах их попаданий им сообщат к завтрашнему дню, и тогда на этой позиции придется весьма слабо.

24.08.1919. Стали на другую позицию, сажень на 200 левее. С утра красные гвоздили по старой нашей позиции, а к полудню начали шупать нас на новом месте. Днем приезжал к нам на позицию полковник Шеин. Говорил, что на Сумском участке наши дела сейчас не совсем удачны. Красные там прорвали фронт и повели наступление на Сумы. Сейчас это ликвидируется, но с трудом. В районе Волчанска и Купянска всё еще не могут до сих пор ликвидировать прорвавшихся туда красных, количество которых весьма внушительно. Инициатива теперь, по всем данным, у красных. Волчанскую группу обрабатывает теперь генерал Шкуро. Говорят, он прислал командующему армией лаконическое донесение: «Крошу. Генерал Шкуро». Ночью красные выпустили по д. Крупец, в которой мы ночевали, несколько 42-линейных снарядов.

25.08.1919. Нас должен был сменить 1-й взвод, который стоит в резерве в Вишневой. Артиллерия там необходима, так как всё время приходится ликвидировать истории, если красным удастся где-либо переправиться через р. Псел. С утра справа слышна была здоровенная стрельба у д. Белой. Красные опять как раз сумели переправиться на этот берег, и наш взвод ушел туда на поддержку. Днем красных водворили на место. На этот раз им тоже не повезло; это удовольствие им солидно стоило. У Камышной они тоже пробовали шевелиться, но безрезультатно. Надоело уже стоять на месте и только отражать удары. Молодцы Самурцы, право! С Белозерцами или пластунами было бы плохо при таких ударах. Самурцы тоже просятся в наступление, потому что такое стояние у нас тоже без потерь не обходится. Наступать и гнать несравненно легче, хотя через реку и нам будет не особенно легко под огнем перебираться.

26.08.1919. Красные нажали на Белозерцев, и они довольно скоро отошли в район у Спальной и Борки. Таким образом, обнажился левый фланг нашего участка. Мы немало были удивлены, когда увидели вырастающие цепи красных на буграх. Пришлось стрелять налево-назад и помогать своим огнем не нашему участку. Белозерцы всё отходили, и через некоторое время нам пришлось оставить д. Крупец и отойти к Камышной, т. е. вдоль фронта. Когда мы проходили мимо старой позиции, нас солидно обложили артиллерийским огнем. Наше орудие осталось на открытой позиции задержать красных, а 3-я пушка пошла дальше, т. к. большевики начинали выходить нам немного в тыл. Мы до-

вольно скоро уложили цепи и заставили их окопаться. Какой-то смельчак подошел к правому леску и обкатил нас из пулемета, но мы предложили ему отойти назад с разбитым пулеметом и оторванной нашим снарядом рукой. Фронт у нас получился под прямым углом, так как с переправы у Камышной наши не ушли. Там красные, решив, что, отдав Крупец, мы не сможем держаться в Камышной, полезли солидным количеством на железнодорожный мост. Самурцы со свойственной им выдержкой пропустили их на середину моста (мост больше 50 сажень), и тогда взяли с обеих сторон в переплет, а с центра — залпами. Бедные советские воины сбрасывали под таким огнем всё и прыгали с моста в воду.

До темноты мы удержались в таком положении, а ночью всё было восстановлено, и наши заняли прежнюю позицию по р. Псел, причем в Крупце были захвачены при атаке сонные товарищи, в количестве около 30 человек, остальные успели бежать. Белозерцы тогда вышли на занимаемую ими утром линию. 1-й взвод наконец сменил нас, когда мы собирались уже ложиться спать, и мы ушли в *Вишневу*. С некоторым удовольствием прошли эти 12 верст при полной луне.

27.08.1919. Чувствовалась какая-то усталость, и я почти весь день спал. На нашем участке красные хотя и лезли, но нигде не могли переправиться. Как оказывается, Киев был занят не 16-го, а 18 августа, причем туда одновременно вошли наши и галицийские войска. В городе чуть не произошло столкновение между нашими и галичанами, но потом галичане были выведены из города до выяснения взаимоотношений. С петлюровцами в районе Фастова у нас тоже небольшие столкновения, причем взят их бронепоезд «Черномор», который добровольно не хотел разоружиться. Сегодня год моего пребывания в Добровольческой армии.

28.08.1919. Получил здоровое расстройство желудка, за которым не слежу, и ем что попало несмотря ни на какое его состояние. Такая комбинация продолжается у меня уже дней 10 и измотала она меня весьма солидно. Ослаб настолько, что по утрам еле тяну ноги.

В скором времени возможно соединение нашей и польской армии. По сообщениям, нас разделяет всего 110 верст, которые при удачном наступлении можно будет быстро покрыть. У нас дела развиваются в общем прилично. Красные, сняв с Восточного фронта внушительные силы, в настоящее время наступают на наиболее важных участках. Под Царицыном они имели некоторый успех и ворвались было на окраины города. Положение наших там было довольно тяжелое. Личный конвой генерала Врангеля принимал участие в бою. Теперь туда подошли наши подкрепления, и красные отброшены, оставив у нас больше 15 000 пленных. Левее нас красные заняли Ворожбу и ведут наступление на Бахмач и Конотоп. Непонятно, почему с нашей стороны нигде не работают танки в данное время.

29.08.1919. Завтра у нас батарейный праздник. Сегодня как раз год моего пребывания в 3-й батарее. Предполагалось снять на полтора су-

ток наш 1-й взвод с позиции и временно вместо него поставить у Крупца пушку 4-й батареи. Эта пушка пошла было сменить наш взвод, но ее вернули, так как красные начали наступать у Песчаной, и двух стоявших там пушек 4-й батареи оказалось недостаточно. Если завтра будет спокойно, то это, может быть, удастся сделать.

Часов в 5 вечера отслужили панихиду по убитым. За всё время пребывания батареи на позиции убито около 12 человек, ранено больше 50 и попало в плен 7. В общем, около 70 человек. Принимая во внимание, что боевой состав батареи насчитывает только 75–78 человек, процент потерь получается весьма внушительный. Большинство ранений происходит от винтовочных пуль. Нужно сказать, что наша батарея здорово дерется и заслужила себе уже весьма солидную репутацию.

Вечером слушал, как крестьянские девушки играли на «кугиклах» — инструменте, состоящем из тростника, в который дуют. Играли они втроем, причем у каждой два-три разных по величине тростниковых стебля.

30.08.1919. К сегодняшнему дню велись довольно широкие приготовления. Из Харькова были привезены разные вкусные вещи, и предполагалась солидная выпивка и угощение для солдат. Но не только не удалось снять 1-й взвод с позиции, но и мы сами не смогли отпраздновать этот день нашего батарейного праздника. Получено было приказание о том, что сегодня мы переходим в наступление по всему фронту. Нам приказано в 2 часа ночи выступить и сбить красных у переправы в д. Песчаной против д. Суходол.

Подошли мы к Песчаной после 5 часов. Около 3 верст ехали по открытой дороге вдоль фронта, всего в каких-нибудь 300–400 сажнях от того берега реки. Они определенно нас прозевали и открыли артиллерийский огонь только после того, как мы уже стали. Если бы они не запоздали, то нам было бы не совсем весело ехать. Часов в 6 мы начали выбивать их. После нашей артиллерийской подготовки в 120 выстрелов, пехота довольно легко перебралась на ту сторону. В Камышной наш бронепоезд проскочил через мост и высадил там роту Самурцев. После такого маневра красные очень быстро оттуда бежали. В Крупце 9-я рота тоже перебралась одновременно с нами. Задержались только несколько Белозерцы. Пехоте переходить было довольно просто, а нам пришлось обходить кругом на Крупец, так как все мосты были солидно попорчены. Из-за этого наш взвод перебрался на ту сторону только часа в 3 дня. Переправа и здесь весьма скверная, приходится версты 1,5 крутиться буквально на одном месте, объезжать овраги, болота и рукава Псела по отчаянной дороге. К этому моменту выяснилось, что красные оттеснили Белозерцев за реку, благодаря чему левый фланг Самурцев тоже должен был отойти, и нам пришлось снова вернуться за Псел и удерживать переправу.

Наступление началось очень удачно. Уже наши бронепоезда были в 67 верстах от Суджи, и справа Самурцы продвинулись далеко, но бла-

годаря Белозерцам пришлось без давления отойти. По всему участку Самурского полка противоположный берег был в наших руках. Ночевали мы на самом берегу реки в *дер. Гирьи*.

31.08.1919. Утром стали на позицию у Камышной, сбили красных с бугров, на которые они на рассвете опять вернулись, и перешли окончательно Псел в Крупце. Пески здесь вдоль реки почтенные, лошади еле тянут. На ямах и ухабах во время переезда в нашем орудии три номера свалились с ящика и попали под колесо. Отделались они как-то благополучно, никто ничего себе не сломал. Мы прошли через Белицу Введенскую и стали на позицию за Белицей Богоявленской, чтобы выставить красных из лесков. Так как номеров после этого падения у нас не хватало, то я сам сел за наводчика и стрелял. К сумеркам красные оставили лески.

Жители в Белице еще не могут прийти в себя от всех этих боев во время нашего стояния на реке. Действительно, почти во всех домах следы пуль, а некоторые разбиты снарядами. Для них это невеселое время; все дни они сидели в погребках или вырытых ямах. В одну из таких ям попал снаряд, и сразу было убито 11 человек. Белозерцы сегодня тоже не смогли переправиться и сами с трудом удержали переправу в д. Борки. Они сильно нас задерживают и тормозят всю операцию на город Суджу, который можно было бы уже взять.

1.09.1919. Воскресенье. Мы продолжали медленно двигаться вперед и подошли к д. *Щеголек*. Часов в 7 утра поднялся здоровый туман, который продержался часа 2. Воспользовавшись этим, красные потеснили справа от нас 1-й батальон и отодвинули его к Суходолу. Мы всё время наступаем с 3-м батальоном Самурского полка. Благодаря этой истории с 1-м батальоном мы довольно основательно оказались впереди всех. Благодаря чему, выставив красных из Щеголька, мы, не занимая его, должны были остановиться и подождать пока наши соседи справа и слева не выйдут на одну с нами линию. Под Щегольком мы захватили около 150 пленных, в том числе попал к нам «заградительный отряд» из 57 человек. Назначение этих отрядов — стоять верстах в 2 от фронта и задерживать бегущих. Этот отряд благодаря прорыву справа неожиданно подошел к нашей роте шагов на 200. Наши, хотя и опешили сначала, но все-таки, направив на них пулемет, закричали: «Бросай винтовки, а то всех перебьем», и те сдались. Левее нас красные открыли ураганный огонь по наступающей роте. Минут за 40 они выпустили больше 300 снарядов и гвоздили чуть ли не в одну точку до того, что кроме пыли и дыма ничего нельзя было разобрать. Наши же продвигались и сбили их, не понеся потерь. Под вечер верстах в 7 от нас на горизонте мы заметили отходящие обозы противника и своим огнем внесли туда заметное расстройство.

2.09.1919. Весь день было тихо. На нашем участке наступления не было. Мы ждали, пока наши соседи не выровняются с нами. Мы прошли немного вперед и расположились в имении графини Клейнмихель. Дом ее находится верстах в 3, около сахарного завода, а здесь только разбитые

товарищами службы. Вторую половину дня занимались едой. Варили гу-сей, кур, жарили шашлык, пили наливку, чай, ели омлет с вареньем.

Сумерками проезжал вдоль фронта командир полка полковник Зе-ленин в автомобиле. Мы его чуть не обстреляли, потому что ни с того ни с сего услышали звук мотора. Что движется, не было видно и легко можно было решить, что это автоброневик противника. Он сообщил, что завтра мы пойдем дальше. Про Белозерцев он сообщил, что они не только сами не переправились, но пропустили через реку красных и отошли от деревни Борки. Не смущаясь этим, мы все-таки двинемся. К Белозерцам на днях приходят танки. Правее нашего полка Марков-цы тоже продвигаются, а правее их Корниловцы заняли город Обоянь и захватили там батарею. Там тоже идут танки. На участке Бахмач—Конотоп красные продолжают наступать, вводя в бой свежие части, и за-няли обе эти весьма важные станции. Говорят, что в Харькове по этому поводу население начинает волноваться.

3.09.1919. Белозерцам сузили участок, а между нами и ими постави-ли Олонецкий батальон¹²². Часов в 6 прошли через Щеголек и двинулись дальше. Мы должны были наступать на Будище, Саморядово и Растворо-во. Не идя на Будище, мы во фланг ударили на Саморядово. Красные это-го никак не ожидали. Когда появилась на бугре наша цепь, они сначала приняли ее за свой 59-й полк. После нашей первой шрапнели, Самурцы бегом бросились в деревню. Всё красное побежало. Они бросили кухню с обедом, хлеб, продукты и пулемет. Через несколько минут мы увидели, как из деревни карьером выскакивала их артиллерия. Мы открыли по ней беглый огонь, в результате которого и пушка с зарядным ящиком, и две подводы со снарядами были брошены.

В этом направлении наша пехота не шла, поэтому мы эту брошенную пушку всё время держали под огнем, так как с их стороны были попытки выручить ее, до тех пор, пока наши разведчики не взяли ее. При пушке осталась пара здоровых корневых лошадей (остальных они успели уг-нать), на которых она и была доставлена. На передках было полно вещей номеров и ездовых, которые были разделены между нашими солдатами. Так как справа и слева наши не успели выдвинуться на нашу линию, то мы дальше не пошли. Полковник Григорьев, помощник командира 3-го батальона, всё время волновался из-за флангов и боялся, что мы не удержимся на этой позиции. Он не так давно прибыл из Франции и совер-шенно не освоился с ведением этой войны. Привыкши видеть густые «массы пехоты», он всё время думает, что нас слишком мало на нашем участке для того, чтобы вести серьезные бои.

4.09.1919. Двинулись дальше и заняли *Растворово* и *Бирюковку*. В этих местах у крестьян очень много садов с весьма хорошими фрукта-ми. Всё время едим великолепные яблоки, груши и сливы. Сады обыва-телей малость страдают от наших солдат, но ничего не поделаешь. Часа в 4 приехал из Суджи офицер и сообщил, что город еще вчера занят. Наш

бронепоезд прорвался в город и высадил там две роты Самурцев, которые ударили на красных сзади. Те в панике бежали, оставив более 500 пленных и много разнохарактерной добычи. Подслушали разговор красных по телеграфным проводам. Они отходят «в порядке» и совершенно не знают, где находится левый фланг. Говорили они из деревни Скородное и вызывали конницу из Нижнепаровой, чтобы отыскать этот самый затевшийся левый фланг.

5.09.1919. Заняли *Большое Солдатское* на речке Судже. Сначала предполагено было, что мы простоим здесь до вечера, но потом было получено приказание продвинуться еще верст на 25 и занять д. Солдатское на Реуте.

Перед нашим выступлением к полковнику Григорьеву явилась какая-то барышня от командира 63-го советского полка, принесла боевой приказ и сообщила, что весь полк хочет сдаться со всем оружием, но боится, чтобы их не расстреляли. Мы им гарантировали жизнь и указали условия сдачи. Барышню эту отправили на подводе, чтобы она успела им это сообщить, и сами немного задержались с выступлением. Не встречая противника, мы прошли д. Ершанку и начали подходить к д. Широково-Немчино. В указанном месте мы не увидели 63-го полка в сомкнутом строю, как ему было приказано построиться для сдачи. Быть может, они раздумали сдаваться или, весьма возможно, что им помешала наша 3-я рота, которая вместе со взводом нашей батареи наступала левее на д. Ржава. За Широково-Немчино мы увидели отходящие цепи красных, по которым незамедлительно открыли огонь.

В это время прибыл командир батальона капитан Житкевич¹²³ и приказал двигаться дальше, несмотря на то что становилось уже темно. Слева от нас горела д. Ржава, подожженная артиллерийским огнем. Двигались мы колонной довольно медленно, почти ничего не было видно. Перед каждой деревней наши открывали залповый и пулеметный огонь и кричали: «Кавалерия вперед!» Кавалерии с нами не было, делалось это для наведения на красных паники. Таким путем мы заняли хутор Нелидовский, деревню Боршень, Гусино и Ново-Сергиевскую (иначе Каменец). Там захвачен пулемет и много винтовок, повозки и пленные.

6.09.1919. На рассвете распространился слух, что вся 10-я рота наша попала в плен в д. Ново-Сергиевской. Известие это казалось маловероятным. С другой стороны, это могло легко случиться, потому что вчера во время ночных атак весьма трудно было ориентироваться; со всех сторон стрельба, а где и кто стреляет — разобраться в абсолютной темноте не так легко. Оказалось, что на 10-ю роту сзади наехал разъезд красных, который был взят нашими целиком в плен. Перепуганный же ординарец, не разобрав в чем дело, привез такое ложное известие о 10-й роте. Утром по полям бегали оседланные лошади красных, которых постепенно подбирали. Часов около 8 утра мы поймали на окраине деревни начальника команды подслушивателей вместе с аппаратом. Он всю ночь оставался

в занятой нами деревне и только поздно утром хотел удрасть на подводе. Его за это дело отправили в безвоздушное пространство. В 9 часов наши 4 пушки с 9-й ротой двинулись на Солдатское на Реуте. Мы выкатились вперед наших цепей и начали крыть по отходящим обозам красных с открытой позиции. Пушка красных заставила нас взяться в передки. Только мы успели это сделать и поехать рысью, как нас сразу взяли в оборот целых 6 орудий красных. К счастью, они стреляли с небольшими перелетами. Мы проехали немного в сторону и вперед и стали на закрытую позицию. Часа через 2 мы одним артиллерийским огнем выбили красных из деревни. Пушки их тоже ушли. Пока они стояли, подвезти нам из-за их огня ничего нельзя было совершенно. Дальше мы не двигались и деревни не занимали. Жителям было приказано исправить мост через р. Реут. Вечером мы выпили под весьма хорошую закуску.

7.09.1919. Пришел наш первый взвод из Стремоухово-Бобрика, и часов в 12 мы двинулись дальше. Командир с 1-м взводом двинулся на Лукашевку, а наш взвод с 9-й ротой на д. Успенское. К вечеру мы вышли на железную дорогу Льгов—Курск, перешли ее и начали входить в д. *Успенское*. Позиции у красных здесь роскошные — река Сейм и громадный бугор, подход к которому виден начиная с 9—10 верст расстояния до него. Подошли мы благополучно и только уже при въезде в деревню попали под пулеметный огонь. В этот день стреляли мы мало, так как становилось уже темно, а переправу решено было брать завтра утром. На ночь пришлось отъехать из деревни версты на полторы, так как всё время пули целым роем летели по всем направлениям и попадали очень близко от наших лошадей. Наши солдаты при раздаче корма довольно громко заговорили. Красные выпустили несколько очень приличных очередей по голосам. Курск и Льгов заняты нашими частями. В Курске захвачено 47 орудий, из которых большинство тяжелые, 4 бронепоезда, 40 вагонов с патронами и т. д. Вот и «красная крепость». Весь фронт двигался равномерно, и Курск ни на один лишний день не задержал нас. У Бахмача дела наши поправились: и Ворожба, и Конотоп, и Бахмач снова заняты нами.

8.09.1919. С утра мы развили такой солидный огонь по окопам красных на той стороне Сейма, что они оттуда не могли даже отстреливаться. Артиллерийским огнем были сбиты их пулеметы, а наша пехота не давала им высунуться. Они не могли уже бежать из своих окопов, а только ползали на карачках. Через полтора часа такой подготовки, Самурцы перескочили по не совсем разобранному мосту на ту сторону, захватили там 3 пулемета и пленных. Весьма занятно наши брали переправу в д. Глушковка, в 7 верстах левее нас. В темноте там выкатили 2-е орудие нашей батареи на самый берег реки и с расстояния 200 шагов начали дуть на прицеле 2 по окопам красных. После 30 снарядов пехота с криками «ура» бросилась по горевшему мосту, и две линии окопов с ходами сообщений полного профиля мигом были очищены от красных. Опомнившись, они

переходили в контратаки, но их отбросили. В Лукашевке на переправе тоже было взято 3 пулемета и пленные.

Из Успенского мы пошли на Лукашевку, перешли Сейм в Глушковке и по отчаянной дороге двигались (почти всё время ночью) через Дроняево, Жмакино, Соголасьево, Рогово. Всё время были бесчисленные остановки по этим оврагам, падали лошади, люди, переворачивались повозки. Колонна наша растянулась версты на 3, считая обозы, и даже больше. До деревни Рогово добрались что-то после 12 часов ночи все усталые и измученные. Большевики всего только несколько часов тому назад прошли через эти деревни. В *Рогово* ночью столкнулись с разездом красных. Погиб в этом столкновении фельдфебель 10-й роты Самурского полка. Этим хождением по пятам и ночными боями мы, по всем данным, красным сильно действуем на нервы.

9.09.1919. Наш 2-й взвод весь день простоял в Рогово. На позицию выезжал только 1-й взвод. Красные окопались в д. Мухино и Черный Колодезь.

Днем наши артиллерийским огнем несколько раз разгоняли их, когда они принимались возводить более солидные земляные укрепления. Ночью рота Самурцев решила занять эти окопы, но красные, удачно выставив заставы, не подпустили наших. Они стали теперь малость бдительнее, осторожнее и предусмотрительнее. Мы этими ночными комбинациями их кое-чему научили.

10.09.1919. Началась перегруппировка. Курская операция закончилась, теперь начинается Брянская. Мы переходим ближе к железной дороге, и входим в состав ударной группы. К вечеру мы должны, пройдясь вдоль фронта, прийти на ст. Шерекино. С этой перегруппировкой всё немного перепуталось. Многим частям назначено прибыть в такие места, которые заняты еще неприятелем. Пошли мы через деревни Мармыжи и Ольшанку. Через Ольшанку днем пройти было трудно, так как она находилась под ружейным близким огнем. Здесь большевики задерживаются по ту сторону р. Пруча. Еще в Мармыжах жители говорили нам, что в «Ольшанке шекочат из пулеметов и гладят из орудий». Выражение довольно забавное. Прошли мы через Ольшанку, когда уже стемнело. Обстановку из-за этой перегруппировки выяснить было совершенно невозможно, известно лишь было что ст. Шерекино, в которую нам нужно было прибыть, пока еще в руках красных, то мы пошли на Льгов и около полуночи прибыли в *Подгородную*. Я попал с 4 офицерами на квартиру к какому-то странному дьякону. Кроме своей странности он был еще перепуган и думал, что мы отступаем.

11.09.1919. Только теперь дошла до нас благодарность, объявленная начальником 7-й дивизии генералом Бредовым¹²⁴ в приказе по дивизии нашей батарее за бои Полтавской операции. Полковник Шеин передал командиру батареи, что командир нашей 3-й артиллерийской бригады считает нашу батарею лучшей во всем I корпусе¹²⁵. Довольно приятно ус-

лышать такие отзывы высшего боевого начальства. Правда, мы довольно часто выворачивали рискованные и красивые номера.

Из Льгова нас отправили опять в Ольшанку. Прошли мы туда незаметно, балкой, и прибыли часа в 4 с половиной вечера. Первый раз за всё это время мы стояли в сфере огня, не принимая участия в бою. Тут выяснилось, что десять рот Самурского полка, конная команда полковых разведчиков, 3 орудия 4-й батареи, взвод 6-й батареи, взвод 8-й гаубичной батареи и наша батарея должны будем сегодня ночью переправиться через р. Пруч и р. Вабля и, выйдя на 20 верст в тыл красным, перерезать им железную дорогу. Два орудия нашей батареи исправлялись в Льгове и не успели подойти к моменту начала нашего движения, которое было назначено в 8 часов вечера.

Двинулись мы без всяких кухонь и обозов, прошли через д. Мармыжи и правее ее переправились через реку у д. Журавлинка. Мы должны были идти прямо на север до д. Волково и оттуда круто повернуть на запад и выйти на дорогу. Мы шли с соблюдением всех мер тишины и предосторожности. Курить запрещалось. Все деревни мы обходили; кроме того было запрещено отвечать на стрельбу, если бы таковая открылась по нас. Одним словом, мы должны были проделать это движение, совершенно не возбуждая никаких подозрений. Шли мы всю ночь; сначала с частыми остановками, а потом уже почти нигде не задерживаясь. Прошли мы очень удачно, никто нас не заметил, без выстрела.

12.09.1919. На рассвете мы подошли к деревням Рыжково и Орлянка. Сначала Самурцы (одна рота и конные разведчики) со стрельбой и криками ворвались в Рыжково. Все обозы красных остались в деревне, ни одна подвода не успела выскочить. Захвачено было около 150 повозок казенного образца с лошадьми и различным имуществом. Среди них полковая канцелярия, 28 телефонных аппаратов, пулеметы, винтовки, бинокли и пр. Сейчас же мы навалились на Орлянку. Там в резерве стояли 62-й и 63-й полки и батарея. Все бросились в разные стороны, преследуемые нашим артиллерийским огнем. Красные не успевали даже одеться и выскакивали из домов сонные и недоумевающие. Не повезло им в смысле отдыха в резерве. 3-й батальон с тремя орудиями 4-й батареи остался здесь, а мы двинулись дальше. В это время на него налетел батальон 61-го полка и китайцы. 4-й батарее одно время пришлось отбиваться почти на картечи. Интересно было то, что мы и 4-я батарея стреляли одновременно по диаметрально противоположным направлениям. Потом мы своим огнем помогли немного 4-й батарее. Весь батальон 61-го полка был захвачен целиком в плен.

Отсюда мы пошли на д. Рожню, а затем в Машкину Белицу. В последней мы захватили начальника штаба обороны всего этого района. Он этого боя не слышал и немного удивился, когда ни с того ни с сего мы появились. Мы в свою очередь тоже крайне удивились, когда от него узнали, что весь фронт красных в этом месте остался на старом месте. По

его словам, наши наступали сегодня в районе Ольшанки (мы теперь как раз в тылу этого места), но были отброшены. На разъезде наши разведчики натолкнулись на экипаж, в котором разъезжал матрос с пулеметом и шесть красноармейцами, вылавливая дезертиров. Его немедленно задержали, кроме того поймали еще политического комиссара. Наши разобрали путь в нескольких местах. Всё было тихо, и эта тишина начала нам уже не нравиться. Они могли бы узнать об этом только ночью и проскочить, тем более что между нами и 1-м батальоном был разрыв в 12 верст. Капитан Житкевич послал телефониста, чтобы он сообщил красным на ст. Конышевку, что они могут быть совсем спокойны, так как мы уже здесь. Должно быть, в ответ на это через некоторое время оказался их бронепоезд. Мы его обстреляли и он, обложив нас прилично, пошел назад.

Был уже 5-й час вечера. До темноты было всё спокойно. Расположились мы на ночь в *Машкиной Белице*. Часов около 9 подошли к нам по разгромленной нами дороге 2 наших орудия, и приехал полковник Шеин с английским капитаном, который приехал посмотреть, как мы работаем с английскими пушками. Ночь тоже прошла очень спокойно, хотя с вечера было заметно какое-то движение, но после получасовой ружейной перестрелки всё замолчало. Со стороны города Дмитриева подходила сюда в эшелоне пехота, но ее обстреляли и не дали ей высадиться. Воображаю, как они были удивлены. Всякую связь большевицкого тыла с этим фронтом мы теперь порвали благодаря этому выходу на железную дорогу.

13.09.1919. С утра мы собирались наступать в тыл фронту красных, но получилась совсем иная картина. На рассвете на нас со всех сторон ринулись громаднейшие цепи. Они пошли в разрез между нами и 1-м батальоном и глубоко обошли наши фланги. Мы сначала полагали, что это они повернули свой фронт, чтобы прорваться. Наши роты были разбросаны на расстоянии 20 верст, а тут они здоровым кулаком ударили на участок, на котором у нас было всего 3 роты. Оказалось уже потом, что они готовились наступать на Льгов и стянули сюда 3 дивизии пеших и полк кавалерии. Наши с фронта не могли нам помочь, так как у красных было достаточно сил, чтобы удерживать фронт и прорвать нас, имея кроме всего этого солидную артиллерию и 2 броневика. 9-ю роту, которая была правее железной дороги, они отрезали совершенно. Часа через полтора после начала боя стало ясно, что удержать их мы не в состоянии. Если бы 1-й батальон ударил бы им во фланг, тогда бы могло еще что-нибудь получиться, но он был далеко, и нас обходила их кавалерия. Пришлось рысью отступить на Машкину Белицу, оттуда на Булгаковку. Хуже всего было то, что нам приходилось отходить на север через деревни, не занятые нами. Ловлю бронепоездов противника приходилось уже отставить, и нужно было думать о том, как бы самим не пойматься, а выкарабкаться. С Булгаковки мы начали отступать на Яндовище, но идти уже туда нельзя было, так как оттуда нас обстреляли. Тогда мы пошли на Заслонки.

Всё время приходилось двигаться по полю без дороги и под ружейным и пулемётным огнем. Орудия попеременно останавливались и отбивались на самых близких прицелах. Пулеметы наши работали беспрерывно (нужно сказать, что у нас в батарее завелось уже 7 пулеметов: 4 Льюиса и 3 Максима). Одну часть дороги мы больше получаса шли под сплошным фланговым огнем. Товарищи крыли из пулеметов и залпами. После *Заслонок* мы круто свернули на юго-восток и вышли из-под удара, подойдя к д. Узник, которая вчера была занята 1-м батальоном, теперь же он ушел на помощь нам. Мы своим движением описали здоровую дугу. Сначала мы двигались на север и северо-запад, а потом, на юго-восток. Отделались мы от этой истории довольно дешево: ранен командир батареи, солдат и 5 лошадей. Хорошо, что красные сгустились у железной дороги и сами думали только о том, чтобы прорваться, а то из этой истории; тяжело и даже почти невозможно было выкарабкаться без весьма основательных потерь.

Интересно, что в этот «гермидер» попал англичанин. Он удивлялся, что мы отступаем на север и говорил: «Ведь там большевики». Держался он очень хорошо под огнем и боялся только, что пулей может ранить его лошадь. Все обозы, отбитые у большевиков, нам удалось сохранить полностью. Устали все солидно. Ясно было, что мы не можем удержаться, когда на нас лезли, одна за другой несколько цепей, но все-таки это поспешное отступление в неизвестном направлении как-то странно и неприятно подействовало. Да, на такое количество сил мы никак не рассчитывали нарваться. Задача наша исполнена. Прямо от *Ольшанки* трудно было перейти в наступление, так как у них были роскошные и тяжелые для нас позиции. Кроме того, вся их ударная группа теперь расстроена и о наступлении их на Льгов теперь не приходится говорить. Мы два раза заходили в тыл противника, это в Песчанке и теперь, и оба раза дело кончилось «гермидером», хотя оба раза этим маневром принесли громадную пользу.

14.09.1919. Постепенно начала собираться 9-я рота, которая была окружена и отрезана у железной дороги. Сначала было только 7 человек, а сегодня к вечеру собралось уже около 40 из 84. Они описали круг еще большим, чем мы, радиусом; некоторые из них были всего в 8 верстах от Дмитриева. Занятно было, когда подъехало 10 человек 9-й роты и привезли с собой еще пленного. Они скрывались по лесам и деревьям и вернулись, но не сдались в плен. Молодцы, право. Только сегодня днем фронт выдвинулся на нашу линию. Красные всё время медленно отходили. Оказывается, что в Брянске красные основательно перепугались, когда позвонив в разъезд, они поговорили с нашими и узнали, что три дивизии их отрезаны. Будь у нас здесь на 500 человек больше или даже подойди наш 1-й батальон вовремя, из этих трех дивизий весьма мало народу прорвалось бы к своим, и тогда Брянску пришлось бы окончательно подумать о своей защите и испугаться.

Вечером подошел наш обоз. За эти дни очень мало ели и пили; питались исключительно почти яблоками. За ужином была водка, и мы решили накачать англичанина. Занятый малый — по-русски ни слова. Укачали его действительно солидно; под конец ужина его начала уже интересовать дорога в Ригу, после чего его уложили раньше окончания выпки спать.

15.09.1919. Первый взвод остался в Узнике, а мы перешли в д. *Яце-но*. Красные опять слегка зашевелились. Говорят, в д. Заслонки появилось что-то вроде цепей, но пока всё тихо. Я решил воспользоваться этим кратковременным затишьем и солнечным днем и устроил себе на свежем воздухе баню с полутеплой водой. Вымылся отлично, хотя было немного холодновато. Все-таки уже половина сентября, и ветерок дует уже далеко не теплый, не летний. Погода держится великолепная, ясная. Днем даже жарко. Интересно, что на мой вопрос «как нравится эта война», англичанин ответил: «Больше германской, потому что мы работали там как машины, а здесь нужно думать, маневрировать». Его очень удивляло, что у нас в этом бою было так мало пехоты. 13-го числа он первый раз был в бою в этой нашей гражданской войне.

16.09.1919. Пошли опять вперед. Пошли мы теперь в наступление по той дороге, по которой отступали 13 числа. Интересно, что и отступали и теперь двигаемся в том же направлении, то есть Машкина Белица, Булгаковка, Яндовище, Мармыжи. Сейчас же за последней деревней мы натолкнулись на красных. Двигались мы колонной. На развертывание колонны на этот раз ушло довольно много времени, хотя у нас было только 3 роты и 2 наших пушки. Стали мы на позицию очень близко от противника, не больше чем на 1000 шагов. Вообще за последнее время мы всё время становимся в пехотной цепи и попадаем под солидный ружейный огонь. На этот раз через нас пролетело весьма почтенное количество пуль, и почти сразу у нас было выбито 3 лошади. Это и достаточно приличный артиллерийский огонь заставили капитана Гудим-Левковича оттянуть одну пушку назад, а наше орудие осталось на месте и в первый момент мы наугад обстреливали ложину, в которой задерживались красные. Сначала красные пробовали было двинуться вперед, но их остановили, и потом наши начали двигаться. Стреляли мы удачно и за короткое время заняли деревни Шербачево, Петраковка, Соповка, Генеральшино.

Как выяснилось, красные после нашего обхода 13-го сами очистили все эти деревни, но вчера вернулись и собирались наступать. Через Генеральшино проходило несколько человек нашей окруженной и рассеявшейся 9-й роты. Теперь уже там не так много не хватает. Жители говорят, что кавалерия красных, которой здесь не так мало, состоит преимущественно из казаков-кубанцев. Ночевали мы в *Генеральшино*. Тут везде пошли хаты с земляными полами. Блох в них целые кучи. Всю ночь безбожно ели.

17.09.1919. Около 6 утра двинулись дальше. Красные тоже решили наступать от Карманово и занять бугор перед д. Генеральшино. Произошел встречный бой. Благодаря тому, что мы успели выйти на этот бугор всего на каких-нибудь 10 минут раньше, чем они, нам очень скоро удалось повернуть их наступательный порыв в обратную сторону. Сегодня тоже мы попали под близкий ружейный огонь с 1000—1100 шагов. Отделяемся мы довольно дешево от таких выездов, но лошади за последнее время у нас начали заметно таять. Часам к 9 с половиной мы уже заняли деревни Снецкое и Мокрыж, то есть то, что нам было приказано, и вышли на р. Свапу. Но вследствие того, что полковник Григорьев не вышел еще на указанную ему линию справа от нас, то нам пришлось вышибать красных из деревень *Погорельцево* и *Карманово* и отбросить их за р. Свапу, чтобы обеспечить себе правый фланг. Эту комбинацию мы завершили к началу 1 часа.

На полях валялись красные, совершенно разорванные нашими рядами. Были захвачены пленные 61-го, 367-го и 369-го советских полков и пулемет на тачанке. Только около 2 часов дня показалась колонна полковника Григорьева (2 роты и наш 1-й взвод) и начала подходить к Карманову справа. Если бы это случилось на 3 часа раньше, то можно было бы всю эту группу красных ухлопать. Вообще Григорьев движется очень осторожно и предпочитает, чтобы справа и слева от него выдвинулись сначала, а потом уже он. Капитан же Житкевич всегда лезет вперед и сравнительно редко влипает в историю. Теперь мы не будем двигаться дальше, пока не будет взят г. Дмитриев. Наступать здесь без переправ и через болото, в то время как слева-сзади не взят Дмитриев, мудрено. Красные упорно защищают город. У них работает там 2 бронепоезда, и автомобиль с пушкой по шоссе. наших бронепоездов там нет, так как взорванный красными дорожный мост в Конышевке будет исправлен только к 21 числу.

Сегодня с первым батальоном Самурского полка, наступающим на Дмитриев, получилась не совсем интересная история. Из штаба дивизии ошибочно было сообщено, что Дроздовцы, работающие левее Самурцев, выдвинулись к Кузнецовке, в 10 верстах западнее Дмитриева. На самом же деле Дроздовцы прошли верст на 20 назад (2-й полк). Когда Самурцы под влиянием этого сообщения с боем вышли на эту линию, то слева красные вышли им в тыл. Пришлось спешно уносить ноги. Потерь было немного, но пришлось бросить больше 70 шинелей, а в настоящее время не так легко их достать. На этот участок должны прибыть наши броневые автомобили. Я прямо удивляюсь, что их так редко применяют. Гораздо проще мять противника бездушной машиной, чем человеческой грудью. Под вечер мы ушли на свой участок (с занятием Карманово мы отклонились от него вправо) и выставили из Расстрыгино застрывших там с пулеметом красных за Свапу.

18.09.1919. Приехал из Льгова командир батареи. Рассказывал много про поведение офицеров в тылу. В Харькове — сплошной кутеж, безобра-

зие, дебоши. Вернувшийся из Одессы и Херсона капитан Слесаревский говорит то же самое. В контрразведке, состоящей из местных офицеров, процветает самое широкое взяточничество. Вообще в крупных городах наша братия ведет себя отвратительно. Хотя какая это братия, когда ты всё время воюешь, а они себе сидят в тылу и хулиганят. Действительно, надо очень долго учить русский народ. Никто не считается с тяжелым временем. Стало немного легче в тех местах, которые освободились от большевиков, и они себе уже в ус не дуют. Черт знает что такое! Говорят, Деникин обратил внимание на такое поведение и в письмах к командирам частей указал, что «сами офицеры разрушают то, что начали создавать». Обидно за русский народ: нет у него ни выдержки, ни сдерживающих начал, ни твердости, ни государственного самосознания.

Андрей меня тоже удивил. Подал рапорт о разрешении жениться. В Армавире обручился с одной, теперь в Беляевке решил жениться на другой. Сидит себе в базе и с жиру бесится. Я просил командира, чтобы он перевел Андрея в боевую часть. Здесь ему такие детские мысли не придут в голову. Чудак, право.

В *Мокрыже* блохи тоже не дают покоя. Ночью сплошной кошмар: ни на минуту не переставая, эти милые животные, действуя скопом, сразу начинают грызть в 15–20 местах и едят до самого утра. Удивительно, как они не устают работать напролет всю ночь. Уже третью ночь совсем не удастся уснуть.

19.09.1919. Стоим в д. Мокрыж по-прежнему. Тут по одной стороне живут однодворцы. Их постройки чище, опрятнее и уютнее прочих крестьян. Невольно вспоминается однодворец Овсяников Тургенева. Теперь мы воюем как раз в Тургеневских местах — Льгов, Щигры — всё исторические названия. Под вечер, влево у города Дмитриева, слышна была весьма солидная артиллерийская стрельба. Видны были разрывы шрапнелей красных, которые, по всем данным, были прямо под городом. Правее нас красные оставили большое село Михайловку по ту сторону Свапы. Там стоит наш 1-й взвод. Говорят, что капитан Вильман два дня тому назад основательно разбил орудие красных. К вечеру положение было таковым: Дроздовцы заняли г. Севск, Самурцы под г. Дмитриевым, а Корниловцы верстах в 30 севернее г. Фатежа в Высоцком. Теперь мы, кажется, выползаем на более ровное место, зато попадем в болотистые места. По реке Свапе почти везде болота. От самого Псела мы шли по такой изрезанной местности, что прямо ужас. За последнее время часто приходилось двигаться ночью, было прямо зарез. Все эти балки, ямы, овраги, бугры вымотали дух.

20.09.1919. В час с половиной дня было получено сообщение, что г. Дмитриев занят 1-м батальоном Самурского полка и Дроздовцами. Теперь мы опять движемся вперед. Так как через Свапу из-за болотистых берегов и отсутствия переправы нельзя было перейти, то мы пошли на Дмитриев, чтобы оттуда, взяв сразу направо, занять наш участок по ту

сторону реки против настоящей нашей линии. Шли мы через деревни Расстригино, Снижа, Старая Першина. У Старого Города перешли через Свапу.

Позиции тут у красных были неприступные — река и за рекой сплошной отвесный обрыв высотой в 18—20 сажень. Вошли в город мы уже сумерками. Красные часа в 4 повели наступление на город. Наступали они силами до 3 полков. Говорят, что в 7 верстах от Дмитриева высадилось два эшелона латышей, которых насчитывают целую бригаду. Настроение в городе тревожное. Все боятся, что мы можем отступить, хотя сегодня только утром наши части вошли в город. Город был взят следующим образом. Заняв город Севск, полковник Туркул¹²⁶ со своим 1-м батальоном Дроздовского полка на подводах двинулся против *Дмитриева* и, ударив слева, вечером 19 числа произвел у красных страшный переполох. Они бросили там 6 орудий, причем два с запряжками, а 4 без передков. Жители рассказывали, как эти передки, сломя голову, улепетывали по городу. Благодаря такому маневру Дроздовцев два конных красных полка оказались отрезанными и теперь болтаются где-то левее железной дороги у нас в тылу. Состоят они главным образом из казаков-кубанцев. Жители жалуются, что эти кавалеристы ограбили положительно весь город. Жаль, что их не удастся здесь захлопнуть, а было бы весьма не вредно научить уму-разуму эту уж слишком разнуздавшуюся шайку.

21.09.1919. Ночью, незадолго до рассвета красные начали артиллерийский обстрел города. Все снаряды перелетали через нас и разрывались за городом. По всем признакам они крыли 42-линейными с бронепоездов; выстрелы и звуки разрывов от бомб раздавались как-то особенно в этой ложине, в которой расположен город. Вскоре началась и ружейная стрельба. Красные, очевидно, сразу очень близко подошли к городу, так как вслед за первыми выстрелами пули начали попадать в забор и дома на нашей улице, а мы стояли на южной окраине. Стало совершенно ясно, что на свой участок мы уже физически сейчас пройти не можем. Через некоторое время подошел к нам капитан Житкевич и сказал, обращаясь к нашему командиру: «Ну что же, господин полковник, не будем впутываться в это грязное дело и отойдем в Снижу». Мне несколько непонятно почему те части, которые оказываются случайно в таких местах и отношениях к данному участку, не ввязываются в дело (мы сейчас), не помогают своим, когда их начинают давить. В настоящий момент 1-му батальону пришлось тяжело, на него сильно наседали со всех сторон; как оказалось, пехота ночью прижалась к городу и не занимала указанных ей позиций, поэтому первое столкновение началось уже на окраине города.

Около 5 часов утра наши оставляли город. Не знаю, успели ли наши вывести захваченные при взятии города 6 орудий. Из Снижи мы постреляли немного по цепям красных, а затем было приказано занять старые позиции, так как у Дмитриева наши отошли за р. Свапу. Рассказывают,

что в Дмитриев приезжал Троцкий. Он благодарил те бронепоезда, которые были нами отрезаны 13-го числа, за то, что они прорвались, и раздал красноармейцам серебряные портсигары за храбрость. Часа в 2 подошли 3 наши бронепоезда. Часов около трех 1-й батальон перешел в наступление, а к 5 часам город снова был занят нашими.

Громадное значение в эту войну имеют бронепоезда. Без них воевать довольно трудно, тем более, что у красных войск на каждой линии курсирует по крайней мере один бронепоезд. Мост перед Дмитриевым они, уходя, не успели взорвать. Прошлый раз с железнодорожного моста было снято 18 пудов пироксилина. Воображаю, какое впечатление произвел бы такой колоссальный взрыв на обывателей. Ночевали мы опять в д. *Мокрыж*.

22.09.1919. Утром пошли опять по-вчерашнему — через г. Дмитриев на д. Килекина, но дошли до Моршнево и заняли указанную линию. 1-й батальон продвинулся далеко за Дмитриев и занял станцию Дерюгина. Полковник Григорьев страшно медлил, и мы только около 18 часов прошли через город. Высланный к начальнику боевого участка прапорщик Егоров с целью узнать обстановку, страшно удивил полковника Зеленина¹²⁷, сказав, что сегодня весь день у нас ушел на прибытие в Дмитриев. Тот страшно возмутился, опасаясь за правый фланг центра, и прилетел на автомобиле к нам в тот момент, когда наши части только что занимали свой участок. Капитан Житкевич в отпуске, на несколько часов командование вверено было нашему батальонному командиру полковнику Ягубову. По этой стороне Свапы красные вырыли окопы полного профиля с траверсами, но это ничуть не задержало нас, так как форсировали реку мы в совершенно других местах.

23.09.1919. Утром стоял сплошной туман; на 10–20 шагов ничего не было видно, так продолжалось до 10 с половиной часов. Около 7 мы выступили, прошли через д. Пальцево, из которой красных выбили вчера сумерками, и направились в местечко *Михайловку*. Теперь мы все начинаем принимать вправо и будем двигаться на север от Михайловки, в которой мы сошлись с 1-м взводом и сейчас же двинулись дальше; наш взвод с правой ротой, а 1-й — в центре. Без боя заняли деревни *Гнань* и Остапово и подошли к д. Веретенино, откуда после легкой перестрелки выставили красных.

Здесь лесная местность. Воевать с нашими силами в этих местах было бы чрезвычайно трудно, если бы они упорно задерживались. Но красные сами, очевидно, основательно боятся всяких обходов, которые великолепно можно было бы устраивать, если бы у нас была кавалерия. Для партизанской войны такая местность является наиболее подходящей. Из Веретенино мы должны были пойти на д. Чернякова, но командир роты почему-то не рискнул ночью (было уже темно) идти туда оврагом, имея с обеих сторон лес, и повернул на д. Разветье, которую должна была занять наша центральная колонна. Из-за этого чуть было не полу-

19

чилось печального случая ночью. Дело в том, что мы предполагали, что наши еще не успели занять той деревни. Поэтому командир роты хотел подойти к ней тихо, обстрелять и занять ее. Все уже приготвились к этому. К счастью в самый последний момент натолкнулись на обоз, который не успел еще втянуться в деревню. Выяснилось, что наши вошли в деревню уже полчаса тому назад. Чуть-чуть не получилось уже основательной перепалки между своими. По случаю соединения батареи мы за ужином прилично выпили под хорошо зажаренного поросенка.

Всё это время не удавалось читать газет. Сегодня случайно достал одну из старых наших газет. Наступление развивается довольно прилично. На участке нашей и 1-й дивизии дела обстоят совсем великолепно. На Воронежском направлении наши что-то отстали. В 20-х числах генерал Шкуро занял Воронеж. И тут Донцы не могли обойтись без нашей помощи. Поговаривают о том, что нашу дивизию перебросят на Воронежское направление, чтобы подровнять наш фронт. На наше место, по слухам, станет кавалерия. С Петлюрой идут бои, официально объявлена война. Есть сведения, что он объединился с Махно, который теперь опять вышел на сцену. Говорят, что у него образовался отряд тысяч в 6 человек. Большевики в своих газетах стали писать совсем интересные вещи, вроде того, что «Деникин теперь уже не воюет, а ведет азартную игру и заранее знает, что он ее проиграет. Он поставил на карту всё». Или: «Деникин делает последнее отчаянное усилие. Смертельно раненый зверь последним рывком хочет задушить власть рабочих и крестьян». Забавно, право. Шутливый народ эти большевики.

24.09.1919. Двинулись всей батареей и дошли вместе до большого села Лобанова. Тут было большое имение «Лобаново» Сергея Александровича с роскошным винокурненным заводом, которое перешло затем в удельное ведомство. Из Лобанова наша пушка пошла с ротой вправо, а остальные орудия двинулись с центральной колонной, которая должна была идти левее нас верст на 5. Двигаться нам пришлось по солидному лесу версты 3. Не нравится мне все-таки воевать в таких лесах. У д. Авилово столкнулись с заставой красных. После небольшой перестрелки они спешно бежали. Отсюда двинулись на Опойково и *Хальзево*. Несмотря на то, что в последней деревне стояли у них две пушки, мы их оттуда безо всякого труда выбили. Печально то, что отходящие справа цепи красных мы приняли за Корниловцев, которые были совсем близко от нас справа, и потому не успели как следует по ним пострелять. Зато сегодня чуть не перебили своих. Дело в том, что центральная наша колонна пошла через лес по той же дороге, по которой шли и мы. Бой у Опойково уже кончился, как вдруг сзади из леса галопом с горки выскакивает человек 30 конных. Благодаря сумеркам и сильной пыли было трудно что-либо разглядеть, а конные были уже совсем близко. Мы повернули спешно на них пушку, направили пулемет, все схватили винтовки, а некоторые выхватили даже револьверы. Приготвились и стали выжидать их действий. Через

несколько минут выяснилось, что это разведка 3-го батальона; они сами перепугались, увидев все эти наши приготовления.

Часов около 10 вечера мы заняли *Игнатьево*, откуда красные стремительно бежали, бросив свои вещи и винтовки. Первый батальон почти ночью занял город Дмитриев Курской губ. Интересно то, что на местном языке г. Дмитриев Орловской губ. называется «Митровск», а г. Дмитриев Курской губ. «Митрослав». В Михайловке мы перешли границу Орловской губернии. Тут везде какой-то странный обычай рыть погребов прямо на улицах деревень. Входом в такой погреб является небольшое отверстие, в которое с трудом может протиснуться человек. Вернее, это не погреб, а подземная яма. Эти «входы», которые не выступают над уровнем земли, покрываются досками, старым колесом или чаще всего ничем. Прямо иди ночью и ломай себе ноги. Приходится смотреть в оба.

25.09.1919. Встали рано и начали выбивать красных из села Кошелева. Одним из наших снарядов был убит комиссар, ему выворотило гранатой все внутренности. При движении вперед нас сильно обстреляли. Мы переехали через бугор по открытой дороге, в то время как артиллерия противника пристрелялась к этому месту и всё время обстреливала дорогу. Двигались мы рысью и пока прошли версты полторы открытого пространства, они успели выпустить по нас приличное количество снарядов, причем несколько разорвалось в непосредственной близости от орудия. Как только мы вскочили в балку и снялись с передков, красные пушки (они стояли на открытой позиции) немедленно прекратили огонь и весьма спешно ускакали. Наши солдаты смеялись, говоря, «что мы с пушкой неслись в атаку на батарею противника». Очень скоро мы выставили красных из деревень *Лубянки* и *Брусовец* и вышли, таким образом, на большую дорогу Дмитриевск—Кромы. Характерно то, что пехота противника сегодня почти не принимала боя, так что всё решалось исключительно артиллерийским огнем.

Примечательно, что в здешних деревнях громадное количество советских дезертиров. Как только мы входим в деревню, они вылезают из всех ям, подвалов, погребов и сараев. Куда ни войдешь, везде крестьяне жалуются на красных. Наконец-то раскусила деревня рабоче-крестьянскую советскую власть. С дезертирами в Совдепии расправляются весьма сурово: бьют и расстреливают, если находят их, а если они ускользают, то красные забирают из дома почти всё, и если после трех дней скрывавшийся дезертир не является, то это всё увозится. Недостаток продовольствия, и в особенности соли, сильно возбуждает население против советской власти. В деревнях настроение сильно нервное. Одна баба жаловалась мне: «Без соли все нервы расходились». Все мобилизованные не хотят воевать и думают о том, как бы сдаться, но боятся нас. Около д. Бычки сдался 60-й полк в количестве 200 человек. Сильно поредели полки красных за это наступление.

26.09.1919. Вследствие того, что левее нас Дроздовцы не вышли на указанную линию и оставили даже г. Севск, мы дальше не пошли. В Брусовце и Лубянках было оставлено по одному взводу, и нас оттянули в село *Кошелево*. Вечером мы собирались как следует поужинать и слегка выпить и сели уже было за стол, как вдруг в Лубянках раздалась пулеметная и ружейная стрельба. Оказалось, что красные выбили наш взвод из Лубянок. Пришлось оставить ужин и выбивать их из Лубянок. Мы по направлению деревни сделали 6–7 выстрелов, после чего пошла наша пехота, и всё успокоилось. На товарищевой сильно действует, если мы останавливаемся. Тогда они оправляются и начинают уже подумывать о наступлении и в этом направлении предпринимают даже некоторые шаги.

27.09.1919. Налево дела выровнялись. У ст. Комаричи Дроздовцы одержали крупную победу. Там захватили 3 бронепоезда, 200 вагонов, 5 паровозов, разбит полк латышей и взято много пленных. Бронепоезда и эшелоны захоплены во время движения. Наши гаубицы расквасили эшелоны с войсками, которые и отрезали бронепоездам путь отступления. Нам тоже приказано двинуться вперед. Приказ только получился очень поздно, и мы уже в сумерках подходили к Брусовцу. Довольно странно было увидеть во время движения нашу цепь позади Лубянок и услышать там ружейную стрельбу. Мы остановились и прямо с дороги начали гвоздить по красным, которые, входили уже в огороды деревни. Оказалось, что на Лубянки наступал 62-й советский полк. Это было быстро ликвидировано. Правее, в Крупышино, тоже появились красные. Оттуда бежало всё призываемое население. Узнав, что мы двигаемся вперед, они целой толпой человек в 100 шли за нами. Многие говорили, что если бы им выдали винтовки, они сами пошли бы и выгнали красных из своей деревни. Здорово насолили им красные. В Брусовце стало совсем темно, пошел дождь, и наступление отложили до утра. Мы вернулись в Кошелево.

28.09.1919. Всю ночь шел дождь. К утру он стал слабее, но в течение всего почти дня он не прекращался. Дорога основательно растворилась. Подыматься на горы пушкам довольно тяжело. Лошади у нас всё время скользят и падают. Почти на руках приходится втягивать орудия на гору. На этот раз мы шли в главной колонне и без особого труда заняли Гнездилово, Толмачево, Дерюгина, Кирово, Старо-Гнездилово, сделав около 85 верст. Вообще за последнее время переходы в 20–30 верст в день с боями для нас не редкость. Идти сегодня было скверно: сыро, мокро, грязно, холодно. С обувью у меня совсем слабо. В такую погоду весь день ходишь с мокрыми и холодными ногами. Правее нас Корниловцы весьма серьезно поступили с Кромами: они взяли город и захватили 4 орудия, штабы 4-х полков, 3000 пленных и два громадных обоза. Кроме того, многих перебили.

29.09.1919. С утра красные начали наступать против нашего участка. Сперва они потеснили было наших. Я прямо недоумеваю, как это они, потерпев такие неудачи слева, у Комаричей, и справа от нас у г. Кромы,

могли думать о наступлении здесь. Оказалось, что сюда к ним подошли латыши и китайцы. Затем наши перешли при поддержке нашего огня в контратаку, и в третий раз заняли д. Мелихово. В то время как наши проходили через деревню, слева выскочила кавалерия красных, и в момент ответил наш левый фланг. Всё сразу побежало. Некоторое роты попали в очень тяжелое положение. 6-я и 9-я роты почти целиком попали в плен, так как солдаты сразу растерялись и после крика красной кавалерии: «Бросай винтовки, а то всех зарубим», бросили ружья на землю и сдались. Один взвод 6-й роты не растерялся и залпами отстрелялся от этой кавалерии. Наш полковник пошел вперед, чтобы выбрать другой наблюдательный пункт перед этим «гермидером» с кавалерией, и чуть не попал в плен. Он с трудом, не имея оружия, убежал от них, причем под конец уже падал от усталости. Эти кавалеристы были опьянены своим успехом («Скачем забирать батарею»), но этот номер у них не прошел. Пулеметным и артиллерийским огнем их остановили. Тем не менее, нам пришлось спешно оставить Старо-Гнездилово и Кирово. Задержались мы у Ново-Гнездилово. Потери у нас за этот день весьма чувствительные — около 50 раненых и около 100 попало в плен. В 9-й роте осталось человек 17, в 6-й человек 20, а из 12-й один взвод тоже попал в плен. Один из офицеров-Самурцев пор. Новиков, отбиваясь от кавалерии, получил два удара шашкой по голове и свалился без чувств. Красные сочли его за убитого, ограбили и оставили, после чего он добрался до своих.

Еще днем были получены сведения, что на наш участок прибыли латыши, китайцы и кавалерия в солидном количестве. Сегодняшний день оставил весьма неприятное впечатление. Кроме этого, почти весь 3-й батальон теперь совсем расстроен и к серьезным боям в ближайшие дни не способен. В 12 ночи латыши и китайцы заняли слева от нас г. Дмитровск. Наши такой прыти от них не ожидали и, кроме того, должно быть, были выпивши, так как в городе оставалось большое количество солдат.

30.09.1919. День прошел довольно тихо. Восстанавливать положение под Дмитровском кроме Дроздовцев пошли еще офицерская рота и еще одна рота Самурского полка. К 12 часам дня город снова был занят нами, причем на улицах осталось до 600 трупов китайцев и латышей. Говорят, что красные на радостях «дернули» и почти целый день их вылавливали после взятия города из различных домов и «протрезвляли». Корниловцы на своем участке продвинулись дальше и заняли *город Орел*. Наш отход может отразиться на их левом фланге не совсем интересно.

Двигаться дальше с нашим потрепанным батальоном мы не можем. Нужно сказать, что от самого Псела мы идем без подкреплений. Сегодня как раз месяц со времени начала нашего наступления от р. Псел. За это время мы продвинулись больше чем на 200 верст к северу по прямому направлению по всему фронту, совсем растрепали те части красных, которые были перед нами, но и сами тоже устали порядком. После вчерашней переделки у всех какое-то отступательное настроение, и действительно

держаться нам нечем, если не будет подкрепления. На Самурцев одно слово «кавалерия» наводит ужас.

1.10.1919. Вторник. Ночью стало известно, что в деревни Бородинка и Волчьи Ямы, которые находятся на одной с нами линии соответственно в 3 и 2 верстах влево, прибыли латыши. Полковник утром ходил в штаб батальона, но там после вчерашней выпивки все только начинали приходить в себя и никаких сведений ни о чем не имели.

Наш 1-й взвод стоял на позиции у д. Толмачево, а мы стояли пока в *Ново-Гнездилово*. Надлежащих мер охранения не было выставлено, и красные свободно подошли к нашей деревне. Хорошо, что полковник сам поехал посмотреть, что делается слева, и заметил эту историю. Было отдано приказание спешно запрячь и замуничить лошадей. Скверно то, что выезжать нам пришлось по оврагу деревни сначала в сторону противника, а потом обратно. Пока мы собрались, красные уже начали входить в деревню. На завороте мы столкнулись уже с красными и едва выскочили. Минуты на две позже, и вывести пушку уже было бы нельзя. Спас положение наш батарейный пулемет, который их слегка задержал. Во время этого драпа повозка с вещами 3-го орудия перевернулась, и почти все вещи вылетели и остались лежать. Лазаретная линейка нашей батарее не успела выехать, и была брошена. Хорошо, что обоз пошел по другой, более скверной, но прямой дороге, без этих выкручиваний и заездов сначала туда, а потом обратно. Только благодаря этому он выскочил, а то ни одна повозка не ушла бы. Во время этой перепалки уже во второй раз был легко ранен наш командир и одна лошадь 3-го орудия, которое по дороге потеряло, кроме вещей, 16 снарядов.

Как раз во время этого «герמידера» уезжал из батареи 1-й старший офицер наш командир 1-го взвода капитан Слесаревский. Он получил батарею.

За Гнездилово мы стали на позицию, но очень скоро было приказано отойти за Лубянки, вследствие обхода правого фланга кавалерией противника. За Лубянками мы остановились и сделали несколько выстрелов, после чего было приказано отходить без боя. Цепи красных действительно имели внушительную величину и густоту. Без боя оставили мы Кошелево и ушли в деревню Кузьминку. В Игнатьево осталась одна рота, а вся пехота ушла с нами. Правый батальон сегодня тоже должен был отойти под давлением.

2.10.1919. Стояли на позиции у Кузьминки. Всю ночь шел дождь и испортил основательно дорогу. Как раз хорошо было бы наступать в такую погоду, тогда у красных много кой-чего застряло бы в грязи, а тут самим приходится отходить. Выяснился состав ударной группы красных, которая потеснила нас, и ее движение. Тут у них сосредоточено было более 9000 латышей, 1200 сабель при 17 орудиях и 400 пулеметов. Они собираются отеснить нас, оставив заслон, взять Кромы и двигаться на г. Малоархангельск (верстах в 50 южнее Орла), чтобы отрезать всю

нашу Орловскую группу. С нашей стороны для ликвидации этого удара пока приняты следующие меры: из города Дмитровска во фланг им идет ударный батальон полковника Туркула (800 штыков и 6 орудий), со стороны Кром на них должен будет наступать батальон Марковцев, а из Орла два Корниловских полка должны будут двигаться им в тыл на юго-запад. Все эти части будут двигаться в направлении на Холодовку. Нам приказано удерживаться на линии Кошелево—Бычки. К вечеру мы выдвинулись и заняли *Кошелево*. Противника здесь не было. По сведениям жителей, в районе Лубянок и Брусовца болтаются 300 конных. На ночь Брусовец был занят одной ротой, конных этих там не оказалось; сумерками по большой дороге Кромы—Дмитровск двигались какие-то обозы противника, и видна была в бинокль кавалерия.

3.10.1919. Утром наших выставили из Брусовца. Недалеко от Кошелево на 8-ю роту налетела кавалерия. На этот раз Самурцы не растерялись, быстро свернулись в колонну и, отстреливаясь, отошли. Благодаря этому кавалерия очень быстро очутилась близ батареи. Мы отбивались от нее батарейными очередями и остановили ее в балке у Кошелево, которое пришлось очистить. Весь день продолжался весьма напряженный бой. Сначала артиллерия противника не принимала участия в бою, но часов в 12 она открыла огонь. Стреляло с их стороны 7 орудий. Две их пушки были влево от нас и дули прямо во фланг нам. Весь день на батарее летали пули и основательно надоедали. Под сумерки мы их выбили из Кошелево. Слева у Дмитровска слышна была сильная стрельба. Это красные нажимали на город, но полковник Туркул сбил их и сам двинулся вперед.

4.10.1919. Справа у нас получился здоровый разрыв. В Хальзево была 12-я рота, но она куда-то отошла. Утром распространился слух, что Хальзево занято красными. Получилась такая неприятная история, что почти прямо в тылу у нас красные. Это заставило нас отойти немного от Игнатьево и Кошелево в хутор в лес. Часов в 10 красные снова двинулись и заняли опять Кошелево и остановились на буграх. Вторая половина дня прошла спокойно. Слева красные обстреляли Кузьминку артиллерийским огнем и заставили наш обоз выйти оттуда.

Ночевать в этих хуторах не особенно интересно. Хат очень мало и все маленькие. Нас размещается в хатке 24 человека. Воды здесь нет, приходится ходить за ней версты за 2. Случайным совпадением обстоятельств у нас нет ни хлеба, ни сахара, ни соли одновременно. Настроение у частей довольно скверное. Все так привыкли наступать, что никак не могут примириться с мыслью об отходе. На наших солдатах это, по крайней мере, очень заметно.

5.10.1919. Утром стали на позицию у Игнатьево; насчет Хальзева выяснилось, что там наша полковая разведка, красной кавалерии нет и не было. До 12 было всё тихо. В 12 с половиной наши двинулись вперед. Из Кошелева их выбили довольно легко, но за кладбищем натолкнулись на солидные цепи противника, которые сначала начали отходить, но потом,

получивши видно подкрепление из Лубянки, начали теснить наших. На наш левый фланг налегла кавалерия и заставила левую роту поспешно отойти. В это время наше 4-е орудие переехало через Игнатьево, чтобы, выбравшись на гору, обстреливать во фланги наступающие цепи красных. Позиция была в том отношении скверная, что пути отступления были отвратительны — сзади балка с промоинами, а для того, чтобы возвращаться через деревню, нужно было сначала ехать вперед к противнику и крутиться по сплошной грязи и мостам в деревне, в балке. Скоро красные заняли половину Кошелево, и со всех сторон от командира и от капитана Майделя летели к нам конные: чтобы мы снимались и отходили, тем более, что справа красные тоже нажимали, а мы из-за бугра их не видели.

Штабс-капитан Гудим-Левкович продолжал стоять, и мы начали крыть по цепи влево. В этом направлении начало стрелять 3-е орудие, наш первый взвод, орудие 4-е батареи и гаубица слева с участка 1-го батальона. Эту цепь совершенно разметали, и красные дальше половины Кошелева не продвинулись. Наступали они солидными силами: цепь была длиною верст в 5 и весьма приличная по густоте: человек от человека на расстоянии 8—10 шагов. Справа от Брусовца они тоже нажали. Наши начали отходить, а красные начали бегом преследовать. Это заставило нас с орудием перейти на старую позицию и присоединиться к 3-му орудью. Справа спасла положение 5-я рота, которая ударила во фланг наступающим красным, после чего они бежали.

Сегодня нам было приказано занять Кошелево и побеспокоить противника в районе Лубянок и Брусовца. Побеспокоить-то мы побеспокоили, но занять целиком Кошелево не удалось. Так и остановились на половине селения, хотя днем всё Кошелево было в наших руках. Вся эта операция развивается пока успешно для красных: г. Кромы уже несколько дней ими занят, а сегодня пошел слух, что они перерезали железную дорогу Курск—Орел, выйдя на эту линию у ст. Еропкино. Наш правый фланг совсем висит в воздухе, верст на 40 справа у нас нет никого. Ночевали мы опять на хуторах.

6.10.1919. На рассвете выбили красных из Кошелева. Захватили там пленных и небольшой обоз. Как только наши цепи прошли Кошелево, мы снова пошли на правую позицию через овраг. Через некоторое время послышалась весьма солидная стрельба впереди немного влево. Это полковник Туркул крыл по красным батарейными очередями. Часа через 2 разрывы появились уже над Лубянками. Большевики начали отходить с запада на восток.

Вторая половина дня прошла спокойно. Туркул через Лубянки не проходил и задел их только артиллерийским огнем. Впереди нас до вечера в версте оставались заставы противника. Перед сумерками в 8-ю роту вскочил фельдшер 63-го полка. Из его опроса выяснилось, что Туркул занимал Волчьи Ямы и Ново-Гнездилово. Этот фельдшер бежал из Волчьих Ям, и так как Туркул шел с запада и немного с севера, то тот перепутал

все направления, бросился на юг и у д. Кошелево был захвачен нашей 8-й ротой. За эту операцию Туркул захватил громадный обоз, который нас сначала привел в смущение, так как с севера на юг по направлению к Бычкам двигалась длиннейшая колонна, и никто не знал, что это такое.

Вечером в Брусовец и Лубянки была послана разведка, но вопреки предположению и там оказались «товарищи». Ново-Гнездилово прямо на север от Лубянок и поэтому было непонятно, как красные могут там оставаться. Оказалось, что Туркул, захватив в Гнездилово обозы, куда-то отошел отсюда.

Отыскалась, наконец, 12-я рота Самурского полка. Она ушла из Хальзево вместе с обозами во время нашего отступления под влиянием каких-то сообщений или донесений, и откатилась чуть ли не до Лобанова. На наш правый фланг в Чернь пришел 3-й Дроздовский полк полковника Манштейна. Теперь, когда обеспечен наш правый фланг, дышать много легче, а то они могли нам устроить здоровый камуфлет, и вообще была какая-то неуверенность. Завтра мы начнем наступать. Слух о выходе красных на железную дорогу у ст. Еропкино не подтверждается. Город Орел нашими частями, вследствие последнего маневра красных, оставлен без давления. В районе Кром идут солидные бои.

7.10.1919. Утром к Лубянкам подошли колонны красных с кавалерией и через 2–3 часа они снова повели наступление на Кошелево. На нашем участке им не дали продвинуться. На участке 1-го батальона красная кавалерия 3 раза ходила в атаку лавой. Два раза их отбивали пулеметным и артиллерийским огнем, а в третий раз во фланг атакующей коннице красных была пущена наша кавалерия с пиками. Красные так основательно драпанули, что, не оглядываясь, скакали верст 12. Хорошо, что, наконец, к нам прибыли части V конного корпуса, а то без кавалерии было трудновато. За последние дни мы прилично трепанули красную конницу, а то они уже стали чересчур назойливыми и самоуверенными. Вечером мы, наконец, заняли село Лубянки и Брусовец и вторично вышли на большую дорогу Дмитровск–Кромы. Всё это место у Игнатьева и Кошелева прямо опротивело. Нужно сказать, что всю последнюю неделю шли весьма серьезные и упорные, а нередко напряженные бои. Эта музыка начиналась с раннего утра и тянулась до позднего вечера. Настроение в батарее стало заметно нервным, и чувствуется некоторое утомление, главным образом из-за того, что за ночь из-за тесноты и скученности расположения в хатах не удалось хорошо выспаться.

8.10.1919. По утрам начали появляться приличные морозики. Днем тоже уже достаточно холодно, а главное, сыро. Боевой день заметно уменьшился. Встаем в 5 и около 5 вечера снимаемся с позиции. Выспаться, если попадется хорошая хата, можно в достаточной степени. Спать приходится в большинстве случаев на соломе на земляном полу. Полежать же в поле днем, как это бывало летом, уже, к сожалению, нельзя. С утра начали наступать на село Ново-Гнездилово. Пройдя Лубянки, сра-

зу натолкнулись на занятую историю. Рядом, справа от нас, шел сильный бой — это наступал Манштейн, рядом слева и немного сзади слышна была сильная пулеметная и ружейная стрельба, несколько дальше влево и впереди шел сильный артиллерийский бой, по-видимому, это был Туркул. Когда мы выехали на бугор, то прямо перед собой увидели человек 200 конных верстах в 2 от нас. Они стояли лавой по всему полю, фронтом направо, и не обращали на нас внимания. Трудно было решить, кто это, тем более что наша кавалерия должна была работать слева от нас. После пятиминутного размышления наш полковник, не увидев ни у одного из конных пик, открыл по ним беглый огонь. Все бросились кто куда, и тогда только выяснилось, что это красные. Тут в этих местах получается что-то вроде слоеного пирога, и поэтому сразу трудно решить, свои это или красные.

К вечеру мы заняли Гнездилово и огнем соединились с Туркулом, то есть и он и мы крыли по одним и тем же цепям, которые прямо-таки поражали своей густотой и численностью и, попав под огонь с двух сторон, весьма стремительно убежали. За этот день латышам прилично всыпали. Полковник Туркул взял 150 латышей и больше 100 красноармейцев. Наши Самурцы захватили 21 латыша. Полковник Манштейн днем почти не мог продвинуться из-за сильного артиллерийского огня, а вечером сам с цепями пошел в атаку и положил приличное количество латышей у Красной Роши (правее Старо-Гнездилова) и захватил пленных. Непосредственно левее нас латыши потеснили 1-й батальон.

Линия фронта здесь имеет очень извилистую форму и всё время колеблется. Из опроса пленных латышей, которых сейчас же всех расстреляли, выяснилось, что они сняты с Северо-Западного фронта. Латышских полков здесь 9, а всего на этом участке у красных до 16 полков. Теперь они нажимают не только правее и прямо на нас, но и слева от нас. Город Севск снова нами оставлен, на него красные наступали с севера и с запада. Эти свежие части, по сведениям, высаживались на ст. Зерново. Бои в этом районе, очевидно, затянутся. На нашем участке всё благополучно, мы снова заняли ту линию, на которой были 29 сентября, до нашего отступления, а на остальных участках всё еще не совсем налаживается. Говорят, что сам генерал Май-Маевский¹²⁸ приезжает сюда, чтобы лично руководить операциями.

Командировка в Севастополь в артиллерийскую школу

9.10.1919. Утром получил предписание отправиться в Севастополь в учебно-подготовительную школу. Сразу как-то не хотелось уезжать из батареи. Солдаты 4-го орудия были опечалены известием о моем отъезде. За всё время с февраля месяца я никуда не уезжал с фронта, и 4-е ору-

дие привыкло во всех боях и переделках видеть меня около себя. Вольноопределяющийся Петрик перед моим отъездом сказал мне, что «в трудную минуту солдаты все смотрят на меня», хотя я и не являюсь теперь начальником орудия.

С деньгами у меня довольно скверно, как раз вчера потерял ночью кошелек, а из жалованья почти всё уже целиком получил вперед. Батарея двинулась вперед в наступление, и кап. Вильман, пор. Татарников, пор. Куландин¹²⁹ со мной заехали в обоз 1-го разряда в Кошелево. Вильман с Татарниковым едут в базу для ревизии: ходят слухи, что там публика занимается не совсем чистыми делами. В обозе 1-го разряда мы роскошно пообедали (4 блюда со сладким). Вообще, едем на редкость хорошо. Теперь наш собранский повар ездит с обозом 1-го разряда, готовит там и к обеду и ужину присылает всё это на позицию, почти каждый день присылается 3—4 блюда и холодец, поросенок, куры, гуси, утки, баранина и сладкое. Вечером за ужином выпиваем 3—4 рюмки водки ежедневно.

Из обоза поехал дальше на батарейных экипажах. Тишина, царившая кругом, была как-то непривычна и поражала. Все последние дни с раннего утра кругом всё трещало, свистело и кипело. Поехали мы через Игнатьево, Трофимово на Лобаново. В непосредственном тылу у нас всё держится на «честном слове»: едешь, едешь и даже солдата не встретишь. По дорогам попадают только кучки «советских дезертиров», которые, узнав, что мы продвинулись, начинают возвращаться в свои села. Из Лобанова мы хотели попасть в Трояново, но благодаря наступившей темноте сбились с дороги и заблудились: сначала въехали в лес, и, проехав версты 4, уперлись в тупик. Пришлось возвращаться обратно и искать дорогу, которая привела нас в д. Студенек. Отсюда мы взяли проводника и только ночью попали в Трояново, где устроились с относительным комфортом у богатого купца.

10.10.1919. Утром хорошо помылись в бане, заказали старосте для себя съестного и, захватив с собой жареных гусей и утку, двинулись дальше уже на крестьянских подводах. Ехали через Лубашево, Чернево (имение Михаила Александровича) и Бычки на ст. Дерюгина. Хлеба мы с собой не догадались взять, а в деревнях его достать трудно. В Бычках уже сейчас едят хлеб из вики, не знаю, что будет дальше. Под Дерюгина хорошо слышна была артиллерийская и пулеметная стрельба. На станции узнали, что красные наступают из Севска и стремятся выйти на железную дорогу у разъезда Евдокимовка (8 верст севернее ст. Дерюгина). Здесь у них тоже много латышей и китайцев. Тут положение дел на фронте менее устойчивое.

Из газет я узнал, что с 1-го по 5-е красные занимали часть города Киева, бои происходили на Фундуклеевой улице, Бибиковском бульваре и пр. В настоящее время Киев очищен от красных. Нашего дивизиона мы в Дерюгине не застали и, устроившись в первом эшелоне, уже ночью прибыли в Дмитрияев. С нами вместе ехало много беженцев из прифрон-

товой полосы, главным образом «большевистские дезертиры». Станции Брасово, Комаричи и Евдокимовка нашими эвакуированы; на ночь сняты даже аппараты. На участке V кавалерийского корпуса что-то не совсем успешно.

11.10.1919. Двинулись дальше через станции Сербузово, Коньшевку, Машкину Белицу (памятное место), Марицу, Шерекино на Льгов. Я в обозе 2-го разряда, и пересаживаясь раза два из эшелона в эшелон, вечером только добрались до места. Между разъездами Марица и ст. Шерекино всё поле, прилегающее к полотну железной дороги, весьма густо усеяно воронками разных калибров. Тут одно время топтались на месте, пока мы не зашли им в тыл у Машкиной Белицы.

Настроение в тылу не особенно важное, и вообще, тыл у нас не совсем спокоен. Махно до сих пор еще не ликвидирован. О том, что он прорвался у Умани и пошел к себе в Гуляй-Поле, было слышно еще и раньше. Он занял г. Александровск и перерезал железную дорогу в Крым, с которым до сих пор нет прямого сообщения, так что мне придется ехать кругом, через Новороссийск. Одно время Бердянск кем-то занимался. 4 октября г. Полтаву занимал отряд какого-то Шубы. Эта компания, одетая во всё черное, перебила там многих офицеров и видных лиц города. В Харьковской губернии появилось много шаек. Неприятно, что кроме того, что делается в действительности, носится целая масса самых невероятных слухов. В этом отношении на фронте гораздо спокойнее и определеннее. Появилось сообщение о том, что войсками генерала Юденича занят Петроград. Известие это официально подтвердилось. Должно быть снятие советским командованием с того фронта латышей и переброска их на наш фронт, ускорили падение столицы Северной коммуны.

12.10.1919. Остался на день в обозе II разряда, чтобы привести в порядок хотя немного свое обветшавшее обмундирование. Днем ходил по прудам близлежащего имения и смотрел, как неводом ловили рыбу. Настроение в обозе и в тылу вообще довольно поганое. Питаются самыми невероятными слухами. Полтава еще II раз пережила нашествие этого самого Шубы. Действия Махно принимают весьма серьезный и затяжной характер. В Бердянске махновцами взорвано около 1 000 000 снарядов. В Харькове тоже беспокойно. Ожидают выступление местных большевиков и коммунистов. Там стоит наготове взвод 9-й батареи. Сегодня туда экстренно вызывали полный расчет людей и офицеров на взвод от 10-й батареи капитана Слесаревского. За эту историю можно поблагодарить господ офицеров контрразведки. Это всё публика, захваченная в освобожденных городах, воевать они совсем не хотят, а для того чтобы разъезжать на дутиках по Харькову и прокручивать громадные суммы, им нужны немалые деньги. Естественно, что при таких условиях им выгодно за солидную мзду выпускать важных и ответственных коммунистов. Когда образумится и сделается порядочнее русский народ, не знаю.

Между станциями Арбузово и Камышевка разорвался состав. Вагоны покатались под уклон и налетели на головной парк; произошло крушение, в результате которого взорвался вагон со снарядами. Пострадало около 50 человек. Что-то в тылу последнее время нам не везет. Ялтинская и Полтавская контрразведки в полном составе отданы под суд за какие-то не совсем скромные дела. Веселый всё народ. Говорят, что на нашу базу было нападение, но они отстрелялись. Интересно, что делал там в свою защиту Андрей в это время?

13.10.1919. Получил все бумаги и 300 рублей кормовых на дорогу до 24 числа. Так как за сентябрь мне пришлось, вследствие старых вычетов, всего только 104 рубля с копейками, то мне пришлось уговаривать казначея дивизиона, чтобы он мне выдал содержание за октябрь, что он после некоторого запирательства сделал.

Решил я ехать через Курск. На ст. Льгов-1 (здесь 3 вокзала: Льгов-1, Льгов-2 и Льгов Северо-Донецкой жел. дороги) узнал, что поезд пойдет только ночью и совсем утром вместо часа дня. На станции стоял экстренный поезд генерала Юзефовича¹³⁰, всего 2 вагона 1 и 2 класса с роскошным паровозом. Я стал ловчиться попасть на этот поезд, так как он должен был идти в Курск. На перроне встретил Осю Низяева, оказалось нам по пути. Он переведен из 1-й батареи в 9-ю и сейчас занят формированием и поэтому раскатывает по всем штабам и учреждениям и ругается. Ждать генерала Юзефовича нам пришлось недолго, и мы за полтора часа покрыли без всяких остановок в хорошем вагоне пространство в 75 верст между Льговом и Курском. На вокзал в *Курске* мы прибыли уже поздно вечером. Мне раньше почему-то казалось, что в этом городе роскошный вокзал, но в этом я сильно ошибся. Я решил составить Осе компанию: проехать с ним в город по железной дороге (8 верст от станции) и завтра вместе двинуться дальше в Харьков. Хотелось посмотреть город и сходить в кино и театр.

На грех прошел дождь, который усугубил и без того не совсем важное впечатление, которое я вынес об этом городе. Сплошная темнота, жители ходят со своими фонарями, с помощью которых только можно безопасно ходить по улицам. Везде ямы, наполненные водой, на тротуарах постоянно срываешься и чуть не падаешь со ступенек (город расположен на горах) в этой крошечной темноте. Никакие кинотеатры не работают. Мы поужинали в общественном клубе и остались голодными, несмотря на то, что это удовольствие нам обошлось по 100 рублей каждому. Отведенный нам комендантом номер на Ендовищенской улице в гостинице Перистера оказался занятым. Все гостиницы переполнены. Мы категорически заявили в гостинице Перистера, что не уйдем, пока нас не устроят, а если они долго будут нас устраивать, то мы сами на их глазах у них устроимся, причем тогда ни с чем стесняться не будем. Для всех гостиниц устраивать офицеров невыгодно и поэтому всегда получаешь один и тот же ответ: «У нас все номера заняты». В результате нас устроили в какой-то комнате,

ремонтируемой для хозяина, без стекол. Всю ночь мы мерзли с мокрыми ногами под нашими промокшими шинелями. Не рады были, что и заехали в этот Курск. Ну и город...

14.10.1919. В довершение несчастья у меня разболелся глаз. Был у меня как-то ячмень. Под Гнездиловым от ударившей по колесу пыли мне в этот самый ячмень отскочил кусочек твердой грязи. Сначала эта история улегалась, а теперь пришлось снова завязать глаз и промывать его в аптеке. Ничего особенного в Курске, кроме сгоревшего здания чайки с большими круглыми и длинными подвалами, я не видел. Говорят, что при пожаре сгорело около 80 человек заложников. Тут две главные улицы: Московская и, кажется, Херсонская, несколько приличных зданий — и только. Мы решили, что наш Могилев много лучше, а раньше я Курск представлял себе как большой, хороший город.

Ося быстро справился со своими служебными делами и до 9 вечера мы, устроившись в настоящем номере этой же гостиницы, слегка поругивали и возмущались событиями. Никаких скорых поездов с офицерскими классными вагонами, на которые я так рассчитывал, между Курском и Харьковом нет. Пришлось устроиться в скотском вагоне, где продолжал оставаться навоз какого-то товаро-пассажирского тихохода. Вскоре пошел дождь, и наше положение еще более ухудшилось. Народу было так много, что нельзя было даже удобно сесть, а кроме того почти сразу после начала дождя наша дырявая крыша начала равномерно протекать по всему вагону целыми струями. Всюду лила вода, и нельзя было найти места, на которое не попало бы это своеобразное орошение «крытого» вагона. Все, кто имел, одели плащи — занимательно, нечего сказать. С нами в вагоне в таких же отвратительных условиях ехало много раненых в последних боях. Несчастные люди, о них совсем мало думают и не предоставляют им ничего в смысле хотя бы сносного передвижения до лазарета. А их за последние солидные бои очень много. В Курске всё переполнено — и лазареты, и летучки. Занятно, что мы никак не могли сразу выехать из Курска. Благодаря большому составу паровоз никак не мог в один прием взять подъем. Мы разогнались, но ничего не вышло, вернулись обратно в Курск, снова разогнались и опять ничего, еще раз вернулись и, наконец, после еще более сильного разгона, спустя 3 часа после первого начинания, с трудом одолели злополучный подъем. Весело, право, ездить теперь по службе.

15.10.1919. Несмотря на то, что глаз еще болел, я решил все-таки развязать его; уж больно гнусно ходить с одним глазом. Часов около 12 прибыли в *Белгород*, переехав знаменитый Псел недалеко от ст. Клейнмихелево. Тут мы стояли несколько часов. На вокзале одна дама, живущая в Волчанском уезде, рассказывала мне о солидных шайках, оставшихся после знаменитого Волчанского прорыва, из-за работы которых ей пришлось удрать из имения. В районе села Печенеги эти шайки настолько осмелели, что всыпали даже карательному отряду, который в Печенегах

выжег около 50 домов. Теперь туда выслали для ликвидации этого отряда до 600 человек. Да, теперь в освобожденном имении жить невесело.

От Белгорода до ст. Сортировочной ехали с солидной скоростью, развивая подчас ход до 50 верст в час, отчего наши теплушки основательно бросало в стороны. У ст. Казачья Лопань, вблизи какого-то разъезда наш состав разорвался, причем мой вагон был последним. Оторвавшиеся вагоны покатались под уклон и начали нагонять нас. Впереди нас шел вагон со снарядами, у которого между прочим неоднократно загоралась букса; возможность крушения и взрыва вследствие столкновения так подействовали на публику, что многие начали прыгать из вагонов, не обращая внимания на довольно сильный ход. Счастье, что этот разрыв произошел недалеко от разъезда и был своевременно замечен. Мы развили еще больший ход, пролетели этот полустанок, а оторвавшиеся вагоны были направлены на другой путь и остановлены. Таким путем было предотвращено неизбежное и солидное крушение со взрывом снарядов. Наш вагон, будучи последним из не оторвавшихся, безусловно, разлетелся бы в щепки.

На станцию Сортировочная в Харькове мы прибыли часов в 5 и под дождем в этом же протекающем вагоне ждали часа 3—4, пока нас передали на главный вокзал (версты 4 от Сортировочной). Поезд на Ростов уже ушел, и я поехал к Осе ночевать на Юрьевскую улицу. За эти дни в Харькове арестовали до 1000 человек в связи с предстоящим выступлением большевиков. Взвод же 9-й батареи (как раз Осиной) стоит по-прежнему наготове на Холодной горе. Тут я уже окончательно узнал, что прямого сообщения с Крымом еще нет, и мне придется ехать через Новороссийск. Банды Махно еще далеко не ликвидированы и принимают нешуточный характер. Борьба с ними сильно усложняется и затягивается.

16.10.1919. Утром на вокзале узнал, что билеты на скорый поезд по Северо-Донецкой дороге уже давно распроданы, и мне предложили записаться на место на завтра на поезд по Южной дороге. Интересное положение с этими записями, если офицеры, следующие с фронта по службе, должны записываться заранее и ждать днями, пока получают билет. Это могут делать офицеры-жители, а не фронтовые. Кроме того, с некоторого времени отменены экстренные отзывы, а введены какие-то предложения. Столкнувшись со всеми этими препятствиями, я решил плюнуть на всё и ехать безо всяких билетов. Из Курска со мной в одном вагоне ехал раненый шт.-кап. Серг. Вас. Михайлов¹³¹. Тут мы с ним разговорились и оказались попутчиками до Севастополя (он едет в Симферополь в отпуск, лечиться). На этой почве мы с ним объединили и решили в дальнейшем действовать вместе.

В 6 часов вечера мы забрались в скорый поезд и заняли в плацкартном вагоне «не плацкартное место» на вещевой верхней полке. В вагоне, естественно, были почти исключительно штатские, большинство которых принадлежало к классу спекулянтов. Под нами купе занимали четы-

ре харьковские буржуазные дамы (вернее 2 дамы и 2 барышни), которые ехали в Крым отдыхать. Последние 3 года они никуда из Харькова не выезжали и, несмотря на то что каждая из них занимала место, они все-таки всё время говорили, что не представляли себе, что в 3-м классе так плохо ехать. С собой они везли целую кучу вещей, чемоданов и коробок. Занято было наблюдать за этой компанией. Естественно, что им казалось очень твердо и неудобно, и устроиться со сном им никак не удавалось. Эта разговорчивая компания угощала меня роскошными фруктами и весьма хорошими конфетами, которых у них было до 18 фунтов и 5 различных сортов (ирис, тянучки, шоколад, монпансье и конфетная смесь в бумажках). Одним словом, люди ехали в Крым так, как ездили в мирное время. По этому поводу я слегка проезжался относительно их привычки путешествовать с удобствами и предсказывал и пугал их трудностями дальнейшей дороги от Ростова и на пароходе.

17.10.1919. Несмотря на свое название «скорый» поезд тянулся довольно медленно. Разнился он от прочих тем, что он не на всех станциях останавливался. Во всяком случае, тем, что я поехал по Северо-Донецкой, а не по Южной дороге, я много выгадал. Во-первых, не пришлось ждать целые сутки, а кроме того удалось избежать пересадки в Лозовой. Раньше по Южной дороге поезда отходили на Ростов тоже вечером, но со вчерашнего дня их стали пускать утром. Дело в том, что в районе ст. Никитовка несколько раз останавливали эти поезда ночью и грабили. Теперь, чтобы этот перегон поезда проходил днем, его стали отправлять из Харькова рано утром. Всем офицерам, едущим в командировки, приказано обязательно иметь при себе винтовки и не менее 40 патронов. В случае неисполнения этого приказа их будут задерживать и не пускать дальше. Я ехал с карабином, имея около 50 патронов. В этом смысле по Северо-Донецкой ехать как будто спокойнее, чем по Южной.

Ехали мы так: Харьков—Змиев—Изюм—Лиман—Яма—Сентяновка—Родаково—Лихая—Зверево—Сулино—Шахтная—Новочеркасск—Ростов. В этих местах питаться на станциях много дешевле, чем в районе Курска, но все-таки это удовольствие обходится рублей в 60—100 в сутки. Я угостил буржуазную компанию арбузом, а они меня зернистой икрой, гусем и всеми сортами своих конфет. По дороге одна из дам рассказывала мне, как она в период советской власти в Харькове, попав на принудительные работы буржуазии, в течение трех недель под присмотром комиссаров чистила снег на улицах и всё время боялась, что ей дадут какую-либо еще более грязную работу.

В *Новочеркасске* мы были около 4 с половиной 5 вечера. По внешнему впечатлению он представляет собою всего только большую станцию и на город совсем не похож. В *Ростов* прибыли около 6 часов. На вокзале наши дамы со всей своей кучей вещей чувствовали себя удивительно беспомощно. Самостоятельно они не могли найти даже носильщика, чтобы выгрузиться из вагона. Пришлось им помочь в этом и устроить их

на линейку, об извозчике с такими вещами им не приходилось и думать. Номеров в Ростове, как говорят, нет; по 2–3 тысячи платят только за то, чтобы указали или впустили в номер. Занятно было смотреть на них, когда их обрадовали таким известием. Выбрали же они время для поездки в Крым с целью отдыха. На этом я с ними распрощался.

Народу на вокзале тьма, пройти трудно. Поезд на Новороссийск отправляется в 10 вечера, и уже сейчас у кассы стоит офицерская очередь за номерованными местами. Для получения билета нужно иметь предложение, а не экстренный отзыв. Мы с капитаном Михайловым, наслушавшись вдоволь о самостоятельном самодурстве Кубани и вообще нашего глубокого тыла, решили дальше ехать легально, т. е. с билетами. Для того же чтобы получить предложение у этапного коменданта, приходилось оставаться до завтра. Ночевать мы решили у сестры вольноопределяющегося моей батареи Петрика, которой я решил лично передать от него письмо, чтобы устроиться там с ночевкой. Но оказалось, что она уехала в имение и в квартире в настоящее время больная старуха, мать ее мужа, которая принять нас, по заявлению прислуги, не может. Пришлось попроситься на ночлег и устроиться у них. Нужно сказать, что я никого из членов семьи Петрика раньше совсем не знал. Но я решил не стесняться; уж больно паршиво ночевать, сидя на полу на вокзале, да, кроме того, в настоящий момент на Ростовском вокзале едва ли можно было найти такое сидячее место. Я сегодня наблюдал, как там полустояли-полусидели на полу полковники.

18.10.1919. Пошли утром вместе с капитаном к этапному коменданту, но увидев, что там делается, решили ехать по-старому, без билетов. Для получения предложения, или литеры, нужно почему-то подавать рапорт и прикладывать свои документы и только вечером приходиться за получением их. Присмотревшись к схеме получения этих литер и услышав возмущенные голоса многих офицеров, бумаги которых комендантский писарь не может отыскать, мы сразу решили, что тут мы рискуем потерять свои бумаги, не получив литеры.

В Ростове стоят великолепные дни, и еще совсем тепло. В Купеческом саду я встретился с Томиловым и поручиком Самсоновым. Первый служит в управлении начальника артиллерийских снабжений и уже женат, только не на той, в которую он был влюблен, когда я проезжал в августе 1918 г. через Киев. Второй занимается неопределенной службой, роскошно одет; где находился всё время с момента отъезда из Гатчины, по его словам, трудно ясно представить. Ему где-то отрубили мизинец на левой руке; он тоже успел за это время жениться и успел уже застрелить свою жену. Вообще, странный и загадочный господин.

По случаю встречи с Томиловым мы с моим спутником капитаном решили остаться еще на день в Ростове. Сначала думали прямо из Ростова ехать на пароходе, но потом этот план оставили и решили без билетов завтра садиться в новороссийский поезд. Целый день бродили по городу,

ходили на пристань, а вечером закатились в оперетку на «Прекрасную Елену» с участием Пионтковской и Сабинина. Исполнением остался доволен, хотя, по-моему, Сабинин для оперетты не подходит.

В антракте встретил в фойе Яковенко и Левданского. Яковенко состоит при предполагаемом Могилевском отделе пропаганды. Увидев меня, он сказал: «Наконец-то после 15 месяцев пребывания в Добровольческой армии, встречаю Вас. Долго мы не виделись». На это я ему ответил: «Нет ничего удивительного. Вы всё время жили в Ростове, а я всё время не уезжал с фронта». Левданский во 2-м Корниловском полку и 9 числа ранен в руку в бою под Орлом. После оперетты мы в комнате Томилова устроили маленький выпивон. Спирт у него был, а закуску мы приобрели на собственные средства. Приятно посидели и поговорили. Капитан, мой попутчик, тоже застрял со мной вместе. Он Марковского полка и ранен под Ливнами в ногу. Слегка задерживает меня при передвижении пешком, хотя ходит почти нормально, несмотря на то, что ранен был 8-го этого месяца.

19.10.1919. На нашем участке, судя по газетам, дела обстоят не совсем хорошо. Кромы и Дмитровск опять отданы, и по какой линии идут сейчас бои, составить себе более или менее определенное впечатление по газетной сводке совсем невозможно. Факт тот, что наши отходят, но как — об этом судить трудно. По линии железной дороги наши оставили Брасово, Комаричи, Дерюгина, оставляли даже Дмитриев, но после упорного боя, он снова занят нами. Бои идут серьезные и весьма напряженные. Как ни верти, а наши цепи всё еще слишком малочисленны и редки. Вообще уже пора ставить погуще линию фронта, а против латышей и китайцев это даже необходимо. На позиции же чересчур мало народу, а между тем в тылу, в городах видно колоссальное количество офицеров и молодых, сильных, здоровых и опытных людей. Что они делают в городах и почему не хотят принять участие в этой героической борьбе, непонятно. Смотришь на них, и противно делается. Я уже не только потерял всякое уважение к русскому человеку и интеллигенции, но начал уже ненавидеть его и ее. Почти все так не хотят возвращения красных и боятся их. А между тем, сами испытывают страх перед фронтом и всячески стараются увильнуть от него, предпочитая сидеть в тылу и выезжать на нашей шее, не считаясь совсем с тем, что подчас мы, несмотря на все усилия, из-за нашей малочисленности не в состоянии удержать красных.

Довольно интересен, приведенный в «Вечернем Времени», высказанный Лениным в одном из последних заседаний взгляд по поводу будущей тактики: «Мы уйдем в подполье с огромным запасом денег, станками для их печатания и с оружием в руках. Русская буржуазия доказала свою глупость и тупость. Она получит от нас в наследство разоренную и голодную страну и не в состоянии будет оправиться с выпавшими на ее долю задачами. Ныне она сочувствует Деникину, но только платони-

чески, а не фактически. После своего освобождения, считает, что настал час ее торжества, начинает заниматься своими мелкими делами и старается вновь обогатиться, не понимая, что мы ей пощады не дадим и что в ее же интересах помогать Деникину. Когда после нашего ухода водворится новое, буржуазное правительство, то оно не только не сумеет дать народу всё нужное, но наоборот, буржуазия захочет вознаградить себя за понесенные ею убытки и будет править корыстно. Мы сделали ошибку, раздражив народ произволом наших комиссаров. Буржуазия повторит ту же ошибку. Кроме того, она разделится на партии, которые будут бороться между собой за власть, раздражая всё больше и больше народ. И тогда наступит наш час. Крестьянство, враждебное ныне к нам, пойдет тогда за нами. И новая социальная революция станет уже непобедимой». Я думаю многим ясно, что в этом отношении Ленин довольно правильно охарактеризовал нашу русскую публику.

Несмотря на большой газетный шум о взятии Петрограда и почти официальные сообщения об этом английского радио, он, по самым последним сообщениям, еще не взят. Бои идут в районе Гатчины и Красного Села. Наступление на Псков развивается, но он не занят, как о том сообщалось ранее. В течение последних дней красные снова подходили вплотную к Царицыну, но теперь их снова отбросили верст на 20. Войска генерала Врангеля в смысле дисциплины и стойкости значительно уступают нашему I корпусу, который больше других выдержал в этом отношении. Втянутость у нас все-таки громадная и выдыхаемся мы очень и очень не скоро, чему приходится прямо-таки удивляться. Это несомненное превосходство над красными в выдержке и упорстве главным образом дает нам возможность, не отходя много во время здоровенного нажима, охладить пыл и ослабить энергию наступающих красных. Даже латыши у них и то начинают довольно скоро сдавать, несмотря на то, что сразу наступают и идут очень хорошо. Мы же можем весьма долго с сильными боями танцевать на месте и, вымотав противника, обычно начинаем двигаться быстро вперед.

С глазом у меня опять несчастье. Образовался нарыв. В госпиталях и лазаретах мне не могли оказать помощи; пришлось обратиться к частному врачу профессору Орлову, который, проколов нарыв, снова завязал мне несчастный левый глаз и прописал какие-то компрессы и примочки. В других городах, когда мне приходилось обращаться к медицинской помощи, врачи обычно говорили: «Я с офицеров Добрармии ничего не беру», а этот спокойно взял.

Обедали мы с капитаном в столовой Белого креста и насытились за 12 рублей довольно основательно. На вокзале перед отходом поезда я разговорился с одним офицером из ставки Главнокомандующего. Он рассказывал мне про свою поездку с генералом Деникиным в Одессу и указал мне на то, что они из-за движения Махно раньше уехали из Одессы и не посетили других мест, которые предполагали, так как Главнокомандую-

ший спешно должен был вернуться в Таганрог. По его словам, разьезды Махно были на окраинах города, где на каком-то заводе они успели даже собрать митинг. В окрестностях Таганрога автоброневик Махно обстрелял автомобиль какого-то штабного полковника. Как выясняется, у Махно не так мало артиллерии. В Александровске они захватили орудия, кроме того у какой-то кавалерийской части, которая была послана для его ликвидации, они отняли батареи. Вот так рейд, это почище рейда Мамонтова, который к совету народных комиссаров все-таки так близко не подходил, как Махно к ставке. Между прочим, Мамонтов уже благополучно прошел назад через фронт, несмотря на грозные слова Троцкого в боевом приказе: «Тяжелые массы нашей пехоты навсегда захлопнули дверь, через которую прошел Мамонтов». Что сделал под конец своего рейда генерал Мамонтов, — не знаю, об этом писалось мало. Он довольно быстро очутился в районе ст. Лиски, где помог взять этот пресловутый узел. Основательно нашумел Мамонтов в тылу красных, но и Махно в нашем тылу усиленно дает себя знать и чувствовать.

Около 10 вечера мы с капитаном с трудом влезли в плацкартный офицерский вагон 2 класса и, с большим трудом устроившись там, наконец-то выехали из Ростова. От выпитых на вокзале 6 кружек чаю (с собой я взял запас сахара) в переполненном вагоне бросало в пот и клонило ко сну.

20.10.1919. Часов в 9 утра прибыли в *Екатеринодар*. Для слезающих здесь устроен какой-то пропускной пункт. Ничего не поделаешь — самостийная Кубань. Не знаю, нужно ли офицерам тоже проходить через этот пункт. Стояли мы недолго. Я наскоро успел выпить молока, которое здесь совсем не дешево, и мы двинулись дальше. У ст. Туннельной — граница Кубанской области. Вывозить с Кубани ничего не разрешается, и потому всем пассажирам приходится показывать свои вещи. Во время осмотра в вагоне стоит ругань и общее возмущение. Многие довольно ядовито острят по адресу Кубани и выполняющих на месте самостийные ее распоряжения лиц. Между прочим у ст. Туннельной довольно красивые места. Справа по ходу поезда высокие горы, слева — равнина, затем идет глубокая выемка с отвесными, каменными краями и потом уже приходится последовательно проезжать через два туннеля.

Около 5 часов были в Новороссийске. День был солнечный, тихий и теплый. Сначала мы отправились к этапному коменданту за получением литеры на проезд на пароходе. Замечательно то, что этапные коменданты имеют обыкновение забираться в какие-то отдаленные от вокзала кварталы; там толпились целые кучи военнопленных, возвращающихся из Германии. Они говорили, что большинство пленных еще до сих пор остается в Германии. Почему-то не выпускают.

Выяснили, что прием у коменданта начинается с 6 вечера, и попутно с этим узнали, что сегодня в 8 вечера отправляется пароход «Константинополь». Мы рассудили, что если мы будем брать литеру, потом пойдем с ней к коменданту порта за разрешением на проезд (кстати, комендант

порта уже не выдает разрешения на этот пароход вследствие того, что он перегружен) и потом будем возиться с получением билетов на пароход, то мы сегодня не успеем выехать, а ждать следующего придется дня 3—4, так как еще неизвестно, когда и какой пароход будет. Поэтому мы плюнули на всю эту канцелярию, взяли свои вещи на вокзале и пошли безо всяких бумаг на пристань. Там мы в толкучке смешались с командой в 17 человек какого-то капитана и по его билету благополучно проскользнули среди его людей на «Константинополь». Тут уже мы пробрались в каюту 2-го класса и в плацкартной каюте с нумерованными койками заняли не плацкартные места, то есть расположились на полу. Большинство пассажиров на нумерованных местах оказались, как и нужно было ожидать, штатские и главным образом евреи, а офицеры расположились, где и как попало. И тут, также как и в поездах, всё время слышишь возмущенные возгласы: «Когда это, наконец, обратят внимание, как ездят офицеры». На пароход было продано на 1000 с лишним билетов больше того, что разрешается нормой. Скученность была солидная. Скверно то, что мы из-за спешки не успели поесть чего-либо горячего и взять что-либо съестное с собой. Удалось купить только 5 фунтов белого хлеба, на который мы с голоду сразу набросились. Часов около 7 поднялся сильный ветер, что-то вроде норд-оста. Публика начала уверять, что в эту поездку нас непременно «качнет». В каюте было душно и очень тесно. На полу вплотную лежали бесплацкартные пассажиры, так что пройти было почти невозможно. Я устроился между умывальниками и уснул, подложив под себя спасательный пробочный пояс. В 8 мы тронулись.

21.10.1919. Пароход действительно покачивало, но не особенно сильно. Около 5 утра мы прибыли в Керчь. Ветер усиливался. В порт мы не заходили, а простояли целый день в открытом море верстах в 5 от Керчи. К полудню волны достигли солидной величины. Какой-то мелкий пароход совсем заливало водой, он тонул и подавал сигналы о помощи. Его в конце концов вытащили на буксире. Около 1 часу дня к нам подошел знаменитый керченский катер «Бабушка», чтобы взять слезающих в Керчи пассажиров. Его основательно раскачивало и бросало.

С едой дела обстояли совсем скверно. Завтрак на пароходе стоил 80 рублей и обед 100 рублей. Удовольствие не по нашему карману. Пришлось удовлетворяться исключительно только булкой и чаем, но и в этом нам не повезло. В пресную воду, которую набирали в Новороссийске, попало каким-то образом довольно много морской воды. Поэтому, несмотря на то что сахару в чай я не пожалел, он всё же сохранил горько-солёный вкус. Все ругались и возмущались, но пить все-таки приходилось. В каюте было душно, а на палубе, вследствие сильного ветра температура была чересчур бодрящей для того, чтобы там можно было оставаться больше 5—10 минут. Со многих, во время выхода на палубу, сорвало шапки и унесло в море. Вообще на пароходе и в смысле питания и в смысле всего, по-моему, хуже ехать, чем по железной дороге.

Разговорился с одним пассажиром, который едет из Омска. Много рассказывал про армию Колчака и про разгромленную красными Южную армию¹³², которой сначала командовал Дутов¹³³, а потом Белов¹³⁴. По его словам, Колчак ни разу не занимал Оренбурга, как об этом у нас сообщалось. Около 4 месяцев сибирские войска простояли в 5 верстах от Оренбурга, но взять его не могли, по его словам. Много интересного рассказывал он про Хивинское и Бухарское ханства и Туркестан. По его словам, те сведения, которые мы получаем теперь и принимаем за последние события в Сибири, относятся к июню-июлю месяцам. Ни о какой измене Уралова, которой у нас объясняли неудачи Колчака, он, находясь там, не слышал. Пополнение в широком масштабе армии пленными красноармейцами Колчаку не удалось: бывшие красные дрались не стойко и сдавались, между тем как, попадая в часть в небольшом проценте, они зарекомендовали себя отличными солдатами. Во время отступления Колчака боев почти не было; красные занимали только то, что он освобождал. Левый фланг армии был обнажен после разрыва с Южной группой, и пришлось отходить. Настроение в Сибири какое-то неопределенное.

Часов около 10 вечера мы наконец двинулись с места и тут-то вскоре нас основательно «качнуло». Все советовали наесться как можно больше и потуже затянуть пояс. Булка наша кончилась и поэтому я, будучи совсем голодным, мог воспользоваться только вторым советом относительно пояса. В каюте было страшно душно, из-за волнения на море целый день окна не открывали. Я хотел выйти наверх. В кают-компания к этому времени делалось уже что-то ужасное. Проходить или стоять, не держась за что-либо, из-за качки нельзя было, так и падали. По стенам, в проходах, у всех лестниц и дверей буквально везде стояли люди, уже начавшие страдать морской болезнью — их сильно «тянуло и рвало». Благодаря тесноте не все успевали стать к сторонке и обдавали других. Весь пол, все углы и лестница были изгажены. Ежеминутно раздавались крики: «Ой, больше не могу», «Ой, спасите меня», «Помогите». Это постоянные возгласы. Какая-то дама истерически заорала: «Спасайся, кто может!» А один господин умолял бросить якорь. Всё время выводили дам под ручки и на ходу советовали им: «Не смотрите вниз», а те бедные уже ничего не видели, так как глаза у них бессмысленно закатывались. Из кают пулей выскакивала публика и тут же на пороге освобождала свой желудок от принятой пищи. Стены парохода, действительно, прямо прыгали перед глазами от качки. Я не избежал общей участи и, отойдя в уголок и схватившись руками за какую-то ручку, очистил свои внутренности от сухой булки и горько-соленого чая. Подвязал еще туже теперь уже совсем пустой живот и вышел на самое высокое место на пароходе — на капитанский мостик.

Ветер был классический, приятно было стоять на воздухе после этой истории. Роскошно шумели волны и с треском разбивались о борт парохода. Палубу всё время заливало водой, и волна прокатывалась через нее. Несмотря на то что капитанский мостик возвышается над поверхностью

воды, по крайней мере, сажени на 4–5, один за другим два налетевших шквала достали и туда и основательно обдали и освежили меня целым столбом воды. Находившиеся на пароходе моряки сегодняшнюю качку тоже считали весьма солидной. Вскоре я спустился к себе в каюту и довольно быстро уснул на пробках. История эта продолжалась всю ночь. Здоровое волнение поднялось у публики, когда мы чуть не столкнулись со встречным пароходом. Капитан мой тоже страдал сегодня, хотя он и говорил, что привык ездить по морю и качки не особенно боится.

22.10.1919. Проснулся я уже в Феодосии. Море стихло. Накрапывал мелкий дождик. Стояли мы тут немного. Я успел вылезти, пройтись по главной улице и купить булок и винограду. Было еще рано, всё по случаю праздника было закрыто и ничего горячего, даже чая несоленого не удалось хлебнуть. Напихался баранками и виноградом.

Город по внешнему впечатлению не интересный и особого внимания не заслуживает, по-моему. Расположена Феодосия у основания довольно высокой горы и по занимаемой ею площади очень невелика.

Часов в 8 с чем-то мы двинулись. Разговорился с пассажирами своей каюты. Почти все — одесситы и едут в «Одессу-мату». Любопытную вещь рассказывали про формирование в Одессе во времена большевиков одного занятого полка. Известный вор, громила и налетчик «Мишка Японец» (воровское прозвище) формировал для отправки на фронт для защиты советской власти полк из темных элементов, которых так много в Одессе, какой-то коммунистический полк. Два раза они садись в эшелоны, но сразу же разбегались. Даже большевички сами побаивались этого почтеннейшего собрания «честных» людей и старались как можно скорее отправить их на позицию. В конце концов, их было уже отправили, но больше половины в тот же день предпочли вернуться обратно и по-прежнему заняться «налетами» на частные квартиры. Сам же Мишка Японец все-таки доехал до фронта и где-то был убит довольно скоро после отправки.

От лиц, едущих из Киева, узнали, что красные не жалели снарядов по городу. Основательно обложили они Фундуклеевскую улицу и Рейтарскую; говорят, что в редкий дом попало меньше 3–5 снарядов. К счастью, до 90% совершенно не рвалось.

К полудню погода разгулялась, выглянуло солнышко. Я поднялся на палубу. Места здесь довольно красивые. Берега очень высокие и обрывистые, изредка попадаются затерянные в этих горах отдельные домики. Рядом с пароходом целыми компаниями плыли дельфины. Один вольноопределяющийся постреливал в них из винтовки и за некоторый промежуток времени убил двух. Занятно и очень быстро они играют и догоняют друг друга, несмотря на свой солидный вес, ловко и изящно выскакивая на поверхность моря, чтобы набрать через дырочку в голове себе воздуха. Жалею, что прозевал Алушту, мимо которой мы тоже проплыли, не оставиваясь.

Часам к 3 дня подъехали к Ялте. Замечательный вид открывается на этот городок с моря. Сзади сейчас же громадные горы, на середине которых задерживаются, как туманы, самые низкие облака. Дома издалика выглядят очень уютно и чисто. Много красивых и приличных зданий. Стоять мы будем здесь до 1 часу ночи. Пошли в город поесть и побродить. Так как обеды в столовых уже кончились, то нам пришлось первое есть в одном месте, а второе — в другом. За последние 3 дня впервые сегодня ели горячее. После обеда послонялись по главной Набережной улице. Зашли в сад и посидели на скамейке. Хорошо здесь; красивые кипарисы, в одной из клумб цвели хризантемы и розы; дорожки посыпаны хорошим песком; в саду чисто; воздух чистый, слегка пахнет цветами и морем; было тихо и светло от луны. На душе была какая-то тихая грусть, вспомнил своих и хотелось их увидеть. Под влиянием этого настроения я предложил зайти в кафе-ресторан с музыкой. Забрели в «Уголок», сели почему-то поближе к музыке и всё время заказывали вещицы. Публика здесь очень предупредительная. Нам с охотой переиграли все те вещи, которые мы просили; вино здесь не дешево, как это ни странно. Мадера и портвейн обошлись нам по 200 рублей, а вино по 80 рублей бутылка. К 1 часу ночи перебрались в душную каюту надоевшего уже нам парохода и уснули.

23.10.1919. Часов в 9 прибыли наконец в Севастополь. Ночью нас опять укачивало, но я этого не замечал, так как не просыпался. Только утром узнал про эту историю, прислушиваясь к разговорам, впечатлениям последней ночи и по довольно заметным следам на полу. Попав на сушу, я распрощался со своим попутчиком шт.-кап. Михайловым, оставил вещи на хранение и отправился к коменданту узнать, где школа, и закусить немного.

Цены здесь артистические, я прямо ахнул. Школа оказалась на Северной стороне; для того чтобы попасть туда, надо переехать через главную Северную бухту. Море было бурное, катера не ходили, лодок тоже почти не было. Только некоторые лодочники рисковали сегодня выехать и за этот перевоз с риском брали по 10 руб. вместо обычных 1 руб. 30 коп. Мы очень быстро, за 10 минут, благодаря сильному ветру пролетели с парусом версту с лишним по морю, отделяющую Северную сторону от города. Нашу лодку-ялик основательно подбрасывало волнами и 2 раза даже захлестнуло водой. Один раз так нырнули, что у меня захватило даже дух. Хотя в море я раньше не бывал, но шторм 21-го числа, качка и ныряние в волнах на меня впечатления особенного не произвели, по крайней мере, во время всех этих историй я несколько не волновался и ни малейшего страха не испытывал. После всех переплетов на фронте представление об опасности как-то совершенно изменилось.

Этот переезд был последним в моем весьма длинном путешествии из батареи в школу. Ехал в общей сложности 14 дней, и обошлось мне это удовольствие около 1000 рублей. К началу занятий я, конечно, опоздал.

Новая группа начнется около 1 ноября, а пока временно я попал в кончающую 7-ю группу. Курс теперь продлен до 6 недель. Довольно невесело сидеть здесь столько времени. Устроился я в офицерском общежитии, помещаемом в казематах Михайловской батареи. Исторические казармы 1846 года, игравшие роль в Севастопольскую компанию 1854—1855 годов, но жить в них совсем не интересно и погано. Сыро и полное впечатление конюшни, в особенности, когда вечером посередине коридора повесят ряд тусклых фонарей. За эту дорогу набрался столько «симпатичных» паразитов, что не мог спокойно сидеть на одном месте, выносить их присутствие дольше не было никакой возможности, переодеться же не мог, потому что попасть в город из-за шторма за вещами не удалось. При беглом осмотре в общежитии этих «крошек» оказалось достаточно.

Начало занятий в артиллерийской школе

24.10.1919. Просидел впервые после громадного промежутка времени подряд 6 часов в классе на так называемой лекции. Нужно оказать, что сами преподаватели и руководители основательно «плавают» во время объяснений самых простых вещей. С большим удовольствием посидел бы и послушал настоящую лекцию хорошего профессора, слушать же эти школьные объяснения далеко не интересно, с трудом удерживаешься от того, чтобы не уснуть тут же на скамье. С едой здесь совсем скверно: обеда и ужины отчаянные и, кроме того, в весьма микроскопических порциях. Был бы более сыт, если бы давали такой борщ как у нас в батарее один раз в сутки. Так есть, как мы питались на фронте, здесь не представляется возможным, даже имея колоссальные деньги. Такое разнообразие и обилие блюд тут не достать за 300—400 руб. в день да еще со сладким, куда там, а с нашими деньгами остается только восполнять пробелы в ноющем желудке чаем и сырым, как здесь выпекают, хлебом. Аттестата на жалованье у меня, как почти у всех, нет с собой, поэтому здесь получаешь только кормовые по 24 руб. 33 коп. в сутки. Этих денег, безусловно, не хватает, так как обед и ужин в общежитии обходятся по 18 руб. ежедневно и чай с хлебом рублей 10. Офицеры, прожившие здесь с месяц или больше, находятся в весьма скверном положении. Свои скудные деньжонки уже окончились, а масса прикладных расходов (табак, бумага, карандаши, пособия и починка обмундирования) заставляет их совсем почти не ужинать и очень часто даже не обедать. В тихую погоду многие ходят на море ловить рыбу и крабов и этим питаются по вечерам. Весьма не весело. Вечером перевез на ялике свои вещи из города. Кое-как устроился, спал на мешке с соломой и вшами. После всей этой дороги сразу показалось как будто хорошо, но в общем скверно.

25.10.1919. С газетами тут весьма скверно. Выходят два поганеньких издания — «Юг» и «Крымский Вестник», информированы они весьма

слабо, все сообщения сильно запоздавшие и весьма неточные. Сводка почему-то совсем не попадает на их страницы, о положении фронта судить почти невозможно. На нашем участке конница красных прорвалась было в Фатеж, но ее оттуда выставили. Дмитриев как будто наши удерживают, но вообще там наши слегка отходят. Даже про Махно в этих газетах ничего нет. Из Артиллерийской школы против него уже с месяц назад отправили 3 батареи (запасные), батарея полковника Высоцкого ушла в числе их тоже. Поговаривают о том, что Александровск очищен от махновцев. Вообще эта ликвидация идет тяжело и с большим трудом. Чересчур много банд появилось, всюду и везде довольно беспокойно, почти всюду ожидают выступления большевиков. В Севастополе тоже коммунисты предполагали не так давно выступить. Слишком много наши с ними миндальничали, в результате чего они и обнаглели. Сейчас идет весьма тяжелая борьба на фронте, и тут вдруг такая катавасия в тылу. С фронта едва ли можно будет много снять, а местные гарнизоны слишком слабы. Командующий армией генерал Май-Маевский в своем обращении к населению предлагает не рассчитывать исключительно на помощь правительственных войск, а принимать самим меры к искоренению и недопущению в городе этих преступных шаек, организуя охрану, формируя отряды и т. д. Наша публика, действительно, даже для собственной безопасности боится что-нибудь сделать. Все хотят, чтобы всюду и везде их защищали другие.

26.10.1919. После занятий пошел осматривать Северное укрепление Севастопольской крепости. Грустный вид представляет в данное время эта оборонительная укрепленная линия. Французы, уходя из Севастополя, сознательно «удружили» нам, взорвав все эти тяжелые орудия. Сооружения были здесь весьма солидные и приличные. Роскошные цементированные погреба для снарядов и пороха, бруствер залит асфальтом, оборудованные, забронированные наблюдательные пункты с дальномером, сильные прожекторы. Тут было около 20 батарей разных систем и калибров — 6-дюймовые каннэ-пушки, 9-дюймовые мортиры, 10- и 11-дюймовые пушки. Все эти орудия взорваны и печально смотрят во все стороны своими оторванными дульными частями; башни тоже почти у всех оторваны, всюду валяются снаряды. Проходишь по всему этому длинному ряду укреплений и не встречаешь ни одного человека. Несколько мелких мортир «союзнички» прямо бросили в море с обрыва высотой в 60 с лишним сажень, они и сейчас лежат на берегу у самой воды.

Я лично думаю, что если бы все эти орудия не испортили французы перед уходом и сдачей Севастополя большевикам, их можно было бы при вторичном его занятии получить снова в исправном виде, и едва ли красные могли бы ими отдалить день падения города, так как наше продвижение к Лозовой и Синельникову в июне месяце заставляло их подумать об эвакуации Крыма. Возможно, что при производстве этих взрывов французами руководила задняя мысль. Почти все наши военные суда

они тоже подорвали и потопили в гавани. Из неиспорченных остались дредноут «Генерал Алексеев» (бывший «Воля») и крейсер «Генерал Корнилов» (бывший «Кагул»), которые стоят теперь здесь, и несколько миноносцев, канонерок, подводных лодок. Военный крепостной лагерь тоже представляет собою полную безжизненную картину. Довольно хороший и красивый лагерь: много деревьев, причем яблоны растут прямо между фундаментами палаток, разбиты дорожки, фонтаны, приличные здания, хорошие лестницы.

27.10.1919. Поехал в город с одним поручиком осматривать исторические места и вообще побродить по Севастополю. Погода была роскошная: тепло и солнечно; пошли без шинелей, и то было жарковато, несмотря на начало ноября. Походили по Приморскому бульвару. Хорошее местечко, занятные беседки, углубления в камнях, лестница к морю, гrotтики и виадук. Недалеко от набережной в море в воде стоит памятник «В память затопления судов в 1854 г.» для заграждения фарватера. В восточной части бульвара памятник графу Остен-Сакену, начальнику гарнизона во время обороны Севастополя. На площади перед Графской, или Екатерининской пристанью, памятник Нахимову. Отсюда мы прошли на Исторический бульвар. Он разбит на месте 4-го бастиона; в центре — памятник Тотлебену. Железные плиты кругом указывают место расположения и названия частей, принимавших участие в обороне этого бастиона. В одном месте реставрированная часть укреплений: в амбразурах стоят пушки того времени. Здесь же находится в особом роскошном здании, по бокам кругом украшенном бюстами видных защитников Севастополя, замечательная панорама, изображающая день 6 июля 1855 г. Действительно роскошно исполнена, можно просто стоять и смотреть целыми часами. Эта панорама является лучшей в мире. Немцы ею чрезвычайно заинтересовались и хотели вывезти, но не успели. Французы предлагали за нее после занятия Севастополя теперь баснословно большую сумму, но им отказали. Англичане тоже предлагали взамен нее какое-либо свое известное произведение искусства, но и на это наши не согласились.

После осмотра панорамы поднялись наверх, на купол этого здания, оттуда виден весь Севастополь, все бастионы и исторические места. Один старик нам довольно подробно нарисовал сверху всю картину этих боев, живым свидетелем которых он был сам, но не участвовал в них, так как был еще слишком молод. Закончили мы день музеем Севастопольской обороны. Много и здесь интересных вещей. Здесь я купил путеводитель по музею, исторический путеводитель по Севастополю и «Вооружение русской армии в Крымскую кампанию». За все эти объемистые издания я заплатил только 10 рублей. Удивительно дешево, в обычной же продаже — классические цены.

28.10.1919. Прочел сегодня в газете полный список расстрелянных в Москве в сентябре после открытия заговора Национального центра.

В этом списке я нашел Алек. Александровича Волкова¹³⁵ — преподавателя нашего института. Вскоре после этих расстрелов в заседании ответственных коммунистов была брошена громадной силы бомба, которая убила около 10 человек и ранила около 30. В ответ на это все большевистские организации высказались за применение массового беспощадного террора. Воображаю, что там делалось. Говорят, что в Москве страшно свирепствует сап. Заболевших людей не лечат, а просто расстреливают, как лошадей, целыми партиями.

Читал о состоянии вооружения нашей армии в Крымскую кампанию. Действительно, жуткая картина. Союзники почти сплошь были вооружены нарезным оружием, позволявшим открывать огонь на 1200 шагов, а наши, за редким исключением, имели гладкоствольные ружья, которые били только на 300 шагов. При наступлении и отступлении наши, находясь под действенным и губительным огнем противника, не могли поражать его из-за ничтожной дальности наших ружей. Этим и объясняется то, что почти в каждом бою наши несли потери в 2—3—4 раза больше, чем союзники. Подойдя шагов на 800 к нашим укреплениям, зуавы (они часто получали задачи обстреливать ружейным огнем исключительно нашу артиллерию) открывали огонь по нашим орудиям и основательно выбивали артиллерийскую прислугу, оставаясь сами без потерь, так как картечное действие наших снарядов распространялось только шагов на 300, а гранатами и бомбами им наносили мало потерь, так как они прикрывались складками местности. При таких условиях построение войск не будет особенно веселым. Кроме этих неудобств, ружья сами по себе были весьма плохого качества и очень часто были совсем не годны для стрельбы: «стволы почти все с расстрелами имеют раковины, больше половины не дают огня, винты в замках стерлись и чуть держатся, замки не плотно прилажены на месте или их нет вовсе, много курков или не взводятся или опускаются сами собой...» — таковы все донесения о состоянии оружия в то время. Кроме того, имел место недостаток патронов, пороху и свинца для отливания пуль. Солдаты плохо одеты и снабжены. Если проследить за историей нашего последнего столетия и всеми нашими войнами и теми условиями, в которых вели их наши войска, то не особенно приходится удивляться наступившему в данное время развалу и большевизму. Почва для такой уродливой и безобразной революции была исторически подготовлена. За всё прошлое мы теперь платим дорогой ценой.

29.10.1919. Прочел относительно переговоров с галичанами. Соглашение как будто состоялось. Воевавшие до этого момента с нами 3 галицийских корпуса, теперь войдут в состав нашей армии. В связи с этим соглашением ставят ликвидацию в ближайшем будущем всего петлюровского фронта. Приезжал для каких-то переговоров и представитель петлюровских войск к генералу Шиллингу¹³⁶, но последний его не принял. Петлюровцы входят в соглашение с махновцами и большевиками.

Между прочим, сегодня в газете сообщалось об очищении от махновцев Екатеринослава, о сдаче его до сего времени ничего не было известно. Солидно бродит этот проклятый «бацько» по нашим городам. От офицеров 2-й артиллерийской бригады, которая почти вся стоит на юге, узнал, что борьба с зелеными еще не закончена, довольно часто у них бывают столкновения с этой «малой» компанией. В Дагестане и Терской области тоже продолжаются стычки с бродячими бандами дезертиров, горцев, ингушей и им подобных.

30.10.1919. Публика тут, в школе, занимается довольно солидно. Занятно, что на последнем испытании провалился капитан мирного времени, окончивший офицерскую артиллерийскую школу. Занятные бывают все-таки случаи. Руководители школы смотрят на нее как на зарождающуюся академию и, не обладая сами достаточным запасом знаний, довольно часто устраивают собрания, на которых многие вопросы подвергаются жарким дебатам и горячим спорам. Постоянный состав школы весьма основателен: чуть не на каждого обучающегося приходится по полтора школьных офицера. Очень немногие из них участвуют в преподавании, а остальные живут здесь так себе — только и занимаются выжидательной политикой, в смысле получения тепленьких местечек. Такую же позицию занимает и наш могилевец, полковник Некрашевич-Поклад¹³⁷. Здесь он совсем без дела, в боях с большевиками не участвовал и не имеет на это никакого желания. С августа 1918 г. он был начальником резерва в Астраханской армии, потом командовал запасной батареей и затем попал в школу. При школе формируется тяжелый тракторный дивизион (8-дюймовые гаубицы), офицеров в нем около 80. Все получили английское обмундирование, подшучивают солдат и друг друга, заботятся о восстановлении своего старшинства и дальнейшем производстве. А между тем почти исключительно все они только какой-нибудь месяц благодаря нашему продвижению освобождены из-под власти советов; все иначе как на командные места не согласны, и нос основательно задирают. Многие из них от одного переезда на ялике через бухту в город «ездят к своим родственникам в Ригу». Воображаю, какие это вояки. Когда они сформируются и выедут, одному Богу известно. По-моему в эту войну как-то неудобно и быть при 8-дюймовых гаубицах. Таким орудиям не придется совсем и пострелять в этой исключительно полевой и маневренной войне. Такая артиллерия попадет только на тот участок фронта, где положение совсем прочно; а в таком месте ее пребывание, по-моему, излишне, если и без нее устойчиво. От двух легких пушек пользы больше, чем от такого дивизиона. В будущем для России такая артиллерия безусловно нужна, но сейчас ее назначение не представляю себе.

Под Киевом во время наступления красных целиком погибла 2-я батарея 2 отделения тяжелого дивизиона (6 гаубиц). Гвардейцы там потеряли 2 легких орудия. Что-то не везет нам последнее время с артиллерией.

На днях красные в том же направлении захватили 3 орудия 7-й конной батареи. Там у них тоже работают, по словам офицеров с того фронта, латыши, китайцы и мадьярская конница. Интересно, что во мнениях о работе гвардии все офицеры сходятся. Воюют они неважно и часто подводят свои соседние участки. Это нисколько не помешало одному из гвардии полковников прочесть в Киеве, после его занятия в августе, публичную лекцию на тему: «Путь гвардии от Константинограда до Киева». Занятно. Интересно было бы прочесть про путь ее до Константинограда.

С глазом у меня снова история: на левом в четвертый раз ячмень.

31.10.1919. Из запоздавших сюда сообщений узнали, что наши оставили Чернигов. Красные в том районе пытались переправиться по льду через Десну, но успеха не имели. Очевидно, там приличные морозики, если Десна стала. Кто-то говорил, что в Киеве установился временно санный путь. Здесь же еще совсем тепло. В Орловском направлении наши оставили Щигры, теперь бои развиваются в 5 верстах севернее их. Щигры почти на одной линии с Курском. Здорово наши откатились в том направлении. От Курска до Орла наши двигались непрерывно в течение 23 дней, с 7-го по 30-е, и почти за такое же время оставили весь этот кусочек. На нашем участке снова отдавали и опять взяли Дмитриев. С 29 сентября тянется у нас там такая история: Дмитровск, Кромы, Севск и Дмитриев неоднократно переходят из рук в руки. Со времени начала нашего наступления ни разу так не танцевали на месте и по 10 раз не отдавали городов, как на этом проклятом месте. За то, что эти города переживали все ужасы оставления и занятия их 10 раз, не меньше, можно ручаться.

1.11.1919. Пятница. От нечего делать довольно подробно ознакомился с пулеметами Кольта и Льюиса. Хотя у нас в батарее всё время были 4 пулемета Льюиса, но разборку его я совсем не знал, умел только заряжать и стрелять. Во время практической стрельбы из пулеметов 7-й группы (на пулеметы теперь в школе обращено серьезное внимание, и действительно в теперешних условиях войны батареи совершенно не могут существовать без пулеметов) пострелял довольно много из Кольта и запустил даже две очереди по диким уткам, опустившимся в море версты на полторы от берега. Убить не убил, но полил их хорошо пулями.

Занятный и очень симпатичный доктор в тяжелом тракторном дивизионе (многие офицеры и он живут вместе с нами в общежитии). Редкая и непосредственная натура, фамилия его Баккал. Он, очевидно, очень мало пережил в своей жизни. То, что на тебя уже не действует, на нем сильно отзывается. Сильных потрясений у него, очевидно, совсем не было. И только теперь, после моего приезда, он получил известие, что у него в Одессе умерла мать, а когда он собрался туда ехать, то узнал от родных, что 8 числа убит его брат¹³⁸ — поручик в батарее нашей бригады. Это известие его совсем убило, он сидел и плакал всё время. Любил я с ним говорить и иногда долго сидел на его кровати, он тоже приходил ко

мне. Теперь, увидев его слезы, я подошел к нему и он сквозь слезы процедил, обращаясь ко мне: «Понимаете, плачу, плачу, но не могу выплакать своего горя и успокоиться...». Жаль его.

2.11.1919. Сегодня праздник — двухлетие существования Добровольческой армии. В этот день в 1917 г. в Новочеркасск прибыл генерал Алексеев и опубликовал свое обращение к офицерам. Этот день и считается официальной датой зарождения Добровольческой армии. Волею истории большевистская годовщина только на несколько дней разнится от нашей. Почти одновременно в разных местах страны — в центре и на южной окраине — началась великая разрушительная и великая созидательная работа в обезумевшей России. Обе эти даты: 25 октября 1917 года и 2 ноября 1917 г., несмотря на всю свою противоположность и непримиримость, войдут в историю родины.

Утром с тем же поручиком Молодцовым пошли на Малахов Курган. Интересное место. На месте смертельного ранения Корнилова — плита с выложенным из ядер Крестом. Тут же рядом ему воздвигнут памятник. Недалеко от башни — мраморная плита на том месте, где был убит Нахимов. Теперь рядом с ней две могилы с деревянными крестами и красной надписью «Борцы за свободу 3-го Заднепровского полка». Это большевики, убитые во время наступления их весной этого года на Севастополь. До сих пор их почему-то не вырыли отсюда.

Малахов Курган основательно был изрыт в эпоху его обороны, о чем свидетельствуют еще не совсем сравненные с землей рвы, ложементы, траншеи и насыпи. Недалеко от входа стоит памятник павшим защитникам и завоевателям кургана. Тут похоронены вместе русские и французы, в числе около 4000 человек, убитые в последний день обороны кургана. Хоронили их французы, на памятнике оставили такую надпись: «Юни пур ля виктуар, Реюни пар ля мор. Дэ солда — сэля глар. Да брав — сэ ля сор» (стихами). Всех наших павших хоронили на Северной стороне — на Братском кладбище, а эти были оставлены при сдаче кургана. В Малаховой башне — часовня: среди икон икона с корабля «Три святителя». В часовне указаны места, где стояли кровати Истомина и капитана 1-го ранга Юрковского, а также место смерти последнего обозначено доской на наружной стене.

24 августа <1855> неприятельские подступы были всего в 17 сажнях от Кургана, с этого места 27 числа союзники пошли на штурм Кургана. Эта линия обозначена небольшой каменной стенкой с надписью: «Французы 1855 года». На Камчатском люнете в непосредственной близости от кургана у французов стояли 28 орудий. Правее видны рвы и места стояния английских батарей. 24 августа — день шестого бомбардирования, атакующие открыли по кургану огонь из 110 орудий. На штурм Малахова Кургана было назначено около 25 000 союзников. Как вся эта картина не похожа на теперешнюю войну. Поставили бы теперь 4 орудия верстах в 45 от кургана, и попробуй усиди там в течение одного только часа.

С Малахова Кургана пошли на Камчатский люнет. По пути посмотрели памятник на том месте, где контр-адмиралу Истомину оторвало ядром голову. Памятник на Камчатском люнете в эту войну разбит совсем (осталась груда камней). Французы, стреляя с моря по красным, закатали в него 2 тяжелых снаряда.

Отсюда мы через 2-й бастион двинулись в Инкерман. Шли по каким-то оврагам, горам, рвам и проволочным заграждениям; эти последние — следы недавней гражданской войны. Позиции здесь действительно чертовские, кроме пехоты ничто не может работать в этих местах. Прошли через железнодорожный туннель и вдоль по полотну пошли на ст. Инкерман — верст 8 от города. Дорога замечательно красивая — слева море, справа совершенно отвесные горы и скалы, во многих местах достигающие высоты 100—200—300 сажень. Между морем и подножием скал очень узкая полоска, по которой проходит железная дорога. Во многих местах эти скалы приходилось подрывать при проведении полотна. Проходили мимо устричных заводов. Хозяин был обвинен красными в буржуазности и убит; теперь всё здесь запустело. Всю дорогу сплошной вереницей тянулись мужчины, женщины и дети с хворостом. Тут до революции были на горах густые и порядочные леса. За эти 2 года жители их самостоятельно вырубали на топливо. Теперь остались только мелкие кусты и те уже приходят к концу. Более пологие склоны покрыты людьми сплошь: все копошатся и выбирают там всё, как в муравейнике. В самом Инкермане замечательные и очень интереснее места. Не доходя нескольких сот шагов до станции, у самой железнодорожной линии, в совершенно отвесной скале высечена церковь, не выходящая наружу. Здесь была когда-то, в глубокой древности, пещера-усыпальница византийских полководцев. Недалеко от церкви находится скала, с которой сорвалась во время атаки наша кавалерия в Крымскую кампанию. На другой стороне каменоломного оврага на высокой скале стоит монастырь. Несколько ниже на уступе расположен старый монастырь, а в самой скале находится древний пещерный храм. Подыматься к нему приходится по высеченному внутри скалы коридору со ступеньками. Здесь в 60-х годах по Р. Х. проповедовал Андрей Первозванный. После него сюда был сослан Св. Климент, именуемый «первым папой римским». Мы осмотрели маленький храм, высеченный его руками, храм, высеченный братией, и трапезную. На скале наверху у нового монастыря сохранились развалины Генуэзской древней крепости IV века. Железная дорога делает здесь крутые повороты и проходит от Севастополя до Симферополя через 7 туннелей. Сами по себе горы здесь тоже замечательно красивы.

В результате этих походов и осмотров мы основательно захотели есть. Достать ничего не могли; пошли на одну дачу и хотели купить там молока. Хозяева оказались интеллигентными людьми, но молока у них не нашлось. Они нам предложили пообедать, на что мы охотно согласились. На фронте в незнакомом доме довольно просто поесть, а в тылу это

гораздо сложнее. В общем, нам повезло. Население в Инкермане паршивое, живут какие-то торговки и настроены неважно к нашей армии, хотя во время большевиков ругали последних. Пришли домой мы после 6 часов, одолев пешком по горам больше 25 верст. Других средств передвижения при современной дороговизне не придумаешь, а так устаешь.

3.11.1919. Утром пошли осмотреть Херсонес, или Херсонес-Таврический. Познакомился слегка с историей этого города. Колония Херсонес была основана в V в. до Р. Х. греками и в течение первых 300 лет развивалась и обогащалась беспрепятственно со стороны соседей. Начиная с конца II в. почти каждые 50 лет на Херсонес периодически были набеги, и его основательно грабили и разоряли все кому не лень. Около 1219 г. до Р. Х., во время Троянской войны здесь появилась Ифигения, дочь греческого царя Агамемнона из Микен, обреченная в жертву богам за успех похода, но чудесно спасаясь от жертвенного ножа. Прибыв в Тавриду, она сделалась жрицей Девы и приносила ей в жертву иностранцев, занесенных бурей к берегу. Веселенький обычай, нечего сказать. Был тут апостол Андрей Первозванный, побывал и св. Климент — епископ Римский, который и был затоплен здесь у берегов по приказанию Трояна. В 858 г. здесь были Кирилл и Мефодий, в 988 г. тут крестился Киевский князь Владимир. В 1363 г. князь Литовский Ольгерд ограбил и разорил совершенно город, не оставив ни одного не разрушенного дома, после чего Херсон опустел и окончательно пал.

В XV в. Херсонес перешел под владычество татар и турок, а в 1783 г. присоединен к России. В 1822 г. императором Александром I был издан приказ о сбережении развалин Херсонеса. В 1850 г. здесь был основан монастырь в память крещения князя Владимира. В 1854 г. он был занят англо-французскими союзниками, монастырь был превращен в пороховые склады, проведены были траншеи и возведены батареи. Огнем нанесены были основательные повреждения.

В 1861 г. был заложен собор во имя Св. равноапостольного князя Владимира. 13 июля 1888 г. за 2 дня до юбилея 900-летия (15 июля) крещения Владимира был освящен нижний храм, а в 1891 г. был освящен и верхний. В нижнем храме осталась часть стены древнего храма, в котором крестился Владимир. Место, на котором он стоял, обозначено мраморной плитой с крестом. Верхний храм богатый и очень веселый внутри. В теплой церкви хранится часть мощей Св. Владимира. Побывали мы еще в церкви старого монастыря с парусиновым иконостасом. Обстроено монастырь прилично, жить там можно.

Из монастыря прошли на развалины и раскопки. Ведутся они не так давно, и всё более ценное отсылалось в столицу. Осматривали развалины древнего византийского храма (сохранилась только мозаика на полу и часть стен), лазили по раскопкам и древней оборонительной стене. Закончили осмотр музеем древностей; много интересных вещей, скульптуры, надписей, урн, ваз, туалетных принадлежностей древности, камней,

черепов, искусственно деформированных (при помощи особенного пеленания в детстве), амулетов и т. д. Обратил я внимание на мраморную доску, на которой херсонитяне приносили жалобу на притеснения солдат римского гарнизона. Прошло с тех пор очень много времени, но в этом отношении мир вперед не ушел. То же самое делается и теперь, с той только разницей, что в настоящее время всех жалоб на одной доске не уместить, нужны 10 000 км таких досок, в особенности мирным жителям Совдепии.

4.11.1919. Приехал из Новороссийска один офицер и рассказывает, что там был весьма основательный и ошутительный шторм. Дул здоровеннейший ветер, так называемый «моряк». По его словам, волнами немало поломало пристань, и во время разгрузки с мола смыло несколько танков, которых прибыло вновь в Новороссийск из Англии около 30 штук, теперь их вытягивают из воды. На каком-то пароходе во время шторма с палубы смыло до 40 человек. Вообще, во время поездок по морю в это время каждый раз нескольких укачивает до смерти, умирают от разрыва сердца. Поговаривают о том, что французы хотят снова начать помогать нам и загладить то гнусное прошлое свое поведение в Одессе и в Крыму, которое весьма основательно не только подорвало доверие к ним с нашей стороны, но совсем дискредитировало их в наших глазах.

Какие шаги они предпримут для реабилитации себя, об этом пока еще не слышно. Ну и ругали и до сих пор еще ругают этих французов все, а в особенности те офицеры, которые были на Крымском и Новороссийском фронте. Такие пакости, какие они там наделали весной этого года, не так скоро можно забыть. Я слышал, но не могу ручаться за достоверность, что они теперь оправдываются тем, что им совершенно неправильно представителем какой-то русской миссии было обрисовано положение дел в России. Странно, что иностранные державы по настоящее время считают, что в России два правительства — наше и советское, и с последним считаются, как с чем-то законным. Правда, со стороны довольно трудно разобрать, кто прав, кто виноват; да этого и не ищут — такова уж дипломатия и межгосударственные отношения.

5.11.1919. Прочел сводку от 3 ноября. На участке нашего I корпуса всё что-то неблагополучно. Бои идут южнее Дмитриева, Севска, Щигров. Значит, всё опять оставлено. Судя по всему, положение Курска весьма слабое. Раньше на участке нашего корпуса правый фланг был всё время севернее центра и левого фланга, а теперь линия фронта в этом месте наклонилась в другую сторону, так как правый фланг основательно отошел. Сегодня откуда-то появились слухи, что Курск оставлен; если судить по линии теперешних боев, это вполне возможная вещь. Левее оставлен город Глухов — и в том направлении наши тоже прилично отошли. На Новороссийском фронте как будто всё хорошо; занята Жмеринка и захвачено много составов. На остальных участках без изменений. С махновцами бои идут у Мелитополя, и на близкую развязку с ними пока не похоже.

В 7-й группе, при которой я временно находился, закончились сегодня испытания. Несколько человек провалилось. Интересно, что во время занятий, и в особенности экзаменов, офицеры напоминали собою юнкеров или даже учеников средней школы. Совсем не видно известной выдержки или даже степенности, приличествующей возрасту и положению. Попав в аудиторию, большинство превращается в каких-то мальчиков и совсем теряет достоинство взрослого человека. В этом отношении я уже давно освободился от ученических привычек. Немудрено, что руководители, администрация школы и в особенности полковник Дашков обращаются с офицерами, как с юнкерами. Опять история с глазом. На этот раз вследствие ячменя образовался нарыв, из которого идет гной и кровь. Пришлось снова закрыть его совсем и завязать. Повторяется это уже регулярно каждую неделю в пятый раз. Прямо извело.

6.11.1919. Новая группа собирается крайне медленно; приехало пока 4 человека, поэтому, когда я сегодня спросил в канцелярии школы о том, когда наконец составится группа, мне на это ничего определенного не ответили. Из-за этой махновщины все опаздывают, некоторые совсем не могут сюда пробраться; бывают случаи, что на промежуточных станциях распоряжением воинских начальников задерживали всех ехавших офицеров и составляли из них отряды для защиты этих пунктов от Махно. Сюда прибыл один такой офицер, задержанный и влипнувший в Бердянске в грязную историю. Там автоброневой дивизион взял на себя руководство операциями по защите этого города. В их распоряжении было 4 автоброневика, но, к несчастью, никто из офицеров этого дивизиона не был еще на фронте. Они выбрали позицию чуть ли не на улицах города и, располагая такой технической силой, дали махновцам неожиданно влететь в город, а сами побросали все машины. Пеший отряд благодаря этому был приперт к морю, так как стал отступать по косе. Некоторые хотели спастись на лодках, но из-за шторма их сейчас же тут у берега выворачивало; какая-то баржа, переполненная народом, затонула; пароходы, попав под огонь, отходили, не посадив того количества, которое было возможно; на косе стоял стон и вопль. Сам этот офицер вскочил в подвал к своим знакомым и просидел там 16 дней, пока были махновцы. Если можно ему верить, то количество этой банды весьма солидно — до 30 000 человек. Теперь, по его словам, весь состав этого «геройского» броневоего дивизиона передают суду за такую операцию. В Бердянске погибло немало офицеров. По сводке, на Орловском направлении «противник теснит наши части к городу Тиму и к югу от Фатежа», а на Брянском «конница красных пыталась прорваться ко Льгову. Приняты меры противодействия». Судя по всему, за это время верно был не один «гермидер» с нашей батареей. С галичанами соглашение близится к концу, а петлюровцев наши бьют основательно и заметно продвигаются на том участке.

Стало холодно, дует какой-то северный ветер, сегодня ночью что-то такое вроде мелкого и редкого снега. В общежитии печей много, но то-

пить их, верно, совсем в этом году не собираются. Приходится весь день ходить в помещении в шинели.

7.11.1919. Видел номер махновской газеты, кем-то случайно сюда завезенной. Издавалась она в период пребывания этой «компании» в Бердянске и называлась «Вольный Бердянск». Этот город они объявили «вольным городом». Занятно, что у них печаталась официально «сводка революционно-повстанческой армии Украины имени Батько Махно» и в ней было указано четыре направления за подписью начальника штаба — одним словом, всё как следует. Теперь не особенно удивись, когда прочтешь специальную сводку какой-нибудь воровской организации. По нашей сводке: «продолжаются упорные бои за обладание городом Курском». По официальным сообщениям, в советском командовании произошли какие-то перемены, заворачивает ими теперь как будто какой-то Сталин. Это наступление красных, по нашим сообщениям, не явилось неожиданным для нашего командования, а некоторая заминка вызвана событиями в тылу, которые связывают с новым направлением деятельности большевиков, решивших создать в глубоком нашем тылу эти затруднения. Осложнения действительно серьезные и требуют серьезных мер и оттягивания больших сил. В районе Киева сейчас тоже начались весьма серьезные бои. С Кубанью опять какая-то история. Члены Кубанской делегации в Париже — Быч, Калабухов, Намиток и генерал Савицкий¹³⁹, — превысив данные им полномочия, и подписали «договор дружбы». Войсковой атаман Филимонов в заседании 27 октября заявил: «Мне постоянно указывалось на недопустимое поведение делегации за границей. Вчера мною получена телеграмма, адресованная всем войсковым атаманам, командирам войсковых частей, губернаторам и прочим, о немедленном задержании и предании полемому суду за измену четырех членов делегации, подписавших договор с меджлисом. Краевая Рада должна в первую очередь заслушать этот вопрос и выслушать представителей обеих групп парижской делегации, прибывших обратно, и сказать свое искреннее, правдивое слово, чтобы предотвратить последствия указанной телеграммы» (приказ об аресте и предании суду отдан генералом Деникиным). Далее атаман, излагая программу работы рады, предложил обсудить тяжелое экономическое положение края и вопрос об открытии рогаток. Заканчивая свое приветствие раде, войсковой атаман сказал: «Если мы не уедем отсюда примиренными, мы не дождемся конца ужасной бойни». Рада отклонила предложение атамана о немедленном рассмотрении вопроса о парижской делегации. Совет Кубанского правительства постановил «договор дружбы» считать недействительным, как заключенный самочинно и для Кубанского краевого правительства необязательным. Терское войсковое правительство горячо осудило поступок Быча, подписавшего «договор дружбы» с самозванным меджлисом горских народов. Зимний театр, в котором заседает крайняя рада, с 28 октября охраняется усиленным нарядом войск, который занимает все

входы и выходы. 29 октября член рады Калабухов присутствовал в заседании рады. Дело пахнет неисполнением приказа главнокомандующего. По всем данным, называют там серьезные события. Вечером от скуки заложили преферанс по маленькой.

8.11.1919. Дежурил по офицерской столовой и общежитию. Занятие нельзя сказать, чтобы было особенно интересным. С некоторого времени с ушами у меня что-то совсем скверно. Даже на близком расстоянии почти ничего не слышу, если тихо говорят. Все-таки основательно хватило меня 23 апреля и 26 июня. Нужно было бы обратить на это должное внимание, но на это нет ни времени, ни средств. Остается лечение предоставить времени.

Вечером с одним поручиком попробовали порешать задачи по интегральному исчислению. Основательно и даже весьма подзабыл методы и приемы интегрирования дифференциальных уравнений. К тому времени, когда наконец, откроется возможность заниматься дальше, даже и то, что сейчас еще сохранилось в памяти, улетучится окончательно. Заниматься же, хотя бы совсем даже немного, совершенно не представляется возможным в данное время; а на фронте уже совсем не до того. Печально и даже очень, но, тем не менее, ничего не поделаешь.

В правительственных кругах с удовлетворением отмечают благоприятную для нас перемену в общественных настроениях союзных стран. Недавний правительственный кризис в Англии разрешился упрочением влияния сторонников энергичной помощи России в борьбе с большевизмом. У власти остались Ллойд Джордж и Черчилль. На юг, в ставку вновь послан Англией генерал Бриггс, который уже проявил себя как деятель, стоящий за энергичную поддержку Англией Вооруженных сил Юга России. Франция командировала в качестве начальника военной миссии генерала Манжена — друга России и, как говорят, приняла меры к снабжению нашей армии теплым обмундированием. Румыния и даже Болгария послали своих представителей в ставку, чтобы подготовить почву для восстановления дружественных отношений.

9.11.1919. Ездил вечером в город. Еще раз не мог не удивиться существующим здесь ценам. В этом отношении Севастополь опередил все другие города юга России. От покупки даже тех вещей, которые в данное время крайне необходимы, поневоле нужно отказаться, имея в своем распоряжении одно только наше жалованье. На последний катер мы опоздали. Море было бурное. Нас 5 человек наняли за 50 рублей лодку и поплыли на Северную сторону. Гребли сами и роскошно проехали. Было уже совсем темно, и тут я впервые обратил внимание на свечение воды в Черном море. Замечательно эффектно получается, когда гребешь веслом, и в этом месте внутри начинает светиться от движения затронутая веслом волна. Это свечение продолжается до тех пор, пока перемещаются затронутые веслом частицы воды. Успокоившаяся вода уже не светится. Гребни волны еще роскошнее светятся ночью.

Мелитополь и Александровск освобождены, наконец, от махновцев, и на днях будет восстановлено железнодорожное сообщение с Харьковом. По сводке от 7 числа, наши оставили ст. Бахмач. Донцы сдерживают наступление в направлении Боброва. Появились сводки штаба войск Северного фронта. Как будто на Архангельском фронте делать нечего. Есть сведения о том, что наши оставили город Нежин.

10.11.1919. Гулял по берегу моря. Благодаря сильному ветру и волнению на море весьма интересно было наблюдать прибой волн у берегов. Большими фонтанами поднималась вода у Константиновской батареи и на противоположном берегу у Херсонеса. В Одессу шел какой-то пароход, его основательно покачивало уже в бухте; воображаю, как будут себя чувствовать весьма многие пассажиры, когда они выйдут в открытое море. Очень многим приходится переживать довольно солидные и не совсем приятные ощущения — и едущим поневоле по морю, и господам спекулянтам, которые после такой поездочки считают своим неременным долгом колоссально поднять цены. Прислушивался к рассуждениям офицеров тракторного дивизиона относительно нашего положения на фронте. Все фронтовые офицеры, и я в том числе, не придают особенного значения временным неудачам и временному отступлению. Что всё это временно, мы все глубоко уверены. У них же, очевидно, этой уверенности нет. Нужно сказать, что тыл всегда был и остается гнилым в сравнении со здоровым духом, который царит на фронте, даже при порядочных неудачах. Все эти господа скулят, чего-то боятся, критикуют всех и возмущаются теперь тем, что мы отходим и отдаем города, в которых остаются их семьи (они почти все недавно мобилизованы в оставленных теперь городах и местах), обвиняют всех в этом и т. д. Я предложил им не заниматься пустыми разговорами, а самим помочь отстаивать их родные города вместо того, чтобы ловчиться по тракторным дивизионам и обвинять армию в слабости и неустойчивости. Это предложение им, конечно, не совсем нравится. Другие должны защищать их интересы, а они, будучи трусами и малодушными, сидят у других на шее и еще важно рассуждают и осуждают. Мало нас еще учили, нужно еще много и основательно прочить. При всём своем человеколюбию начинаешь ненавидеть и презирать людей. Вечером в той же компании сыграли в преферанс.

11.11.1919. Несколько дней тому назад пронеслись слухи о том, что Кубанская рада разогнана, 10 членов рады арестовано, а Калабухов казнен. Говорили о том, что Екатеринодар был окружен и занят 7-го числа генералом Покровским. Сегодня эти слухи нашли себе подтверждение в газете. Приказом Главнокомандующего Кубань отныне включается в армейский район Кавказской армии.

6-го числа генерал Врангель издал следующий приказ: «Прикрываясь именем Кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклись от матери России. Своими преступными действиями они грозили свести на нет всё то, что сделано сынами Кубани для воссоздания России, всё то, за что

10 000 кубанцев пролили свою кровь. Некоторые из них дошли до того, что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, договор, предающий в руки врага младшего брата Кубани — Терек. Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу атамана и правительства в деле снабжения и пополнения армии, преступники оказывали содействие врагам России, той красной нечисти, которая год тому назад залила Кубань кровью. Как командующий армией, я обязан спасти армию и не допустить смуты в ее тылу. Во исполнение отданного мною приказа командующим войсками тыла армии генералом Покровским взяты под стражу и преданы военно-полевому суду в первую голову 10 изменников: Калабухов, Макаренко¹⁴⁰, Манжула, Омельченко, Балабас, Воропинов, Феськов, Роговец, Жук и Подтопелный. Пусть запомнят эти имена те, кто попытались бы идти по их стопам».

Приговором военно-полевого суда 6 числа Калабухов приговорен к смертной казни через повешение. 7 ноября состоялась казнь на крепостной площади. К трупу была привешена дощечка с надписью: «Повешен за измену России и предательство казачества».

Среди членов краевой рады, не принадлежащих к самостийничеству, чрезвычайно нервное настроение. Заметно серьезное течение в пользу отказа от депутатских полномочий, дабы не брать на себя ответственность за возможные последствия в связи с обострившимися отношениями о Добрармией. Тон сразу спал, а то они уж больно нахальными стали за последнее время, как я указывал в записи 7 ноября. Перед арестом рада вынесла еще такую занятную резолюцию: «Заслушав и обсудив телеграммы генерала Врангеля за № 560 (кубано-тыловой район) и о назначении генерала Покровского командующим тылового района и, принимая во внимание, что на территории Кубанского края может действовать только власть, установленная на основании временного положения об управлении Кубанским краем, краевая рада постановляет: а) вышеприведенные распоряжения не имеют и не могут иметь никакой силы по отношению к кубанскому краю; б) вся гражданская и военная власть в пределах территории Кубанского края принадлежит исключительно органам высшей власти кубанского края в порядке законодательства и управления; в) кубанскому, войсковому атаману и правительству наблюсти неукоснительно за соблюдением кубанской конституции и настоящего постановления всеми мерами».

Невзирая на резолюцию рады генерал Покровский вступил в должность командующего войсками тылового района Кавказской армии и расправился с радой со свойственной ему решительностью и суровостью. Человек он, действительно, страшно крутой и жестокий, здесь же с радой других разговоров не должно было и быть. Остальные члены рады, преданные генералом Врангелем военно-полевому суду, приговорены к смертной казни. Генерал Деникин обещал сохранить им жизнь, но мера наказания пока, еще не выяснена. Конституцию Кубани изме-

нили. Скверно то, что находясь на фронте, не имеешь возможности следить за событиями благодаря отвратительно поставленной информации на позиции. Поэтому никогда не знаешь крупных событий, а мелкие уже совсем не доходят туда, благодаря чему очень трудно разбираться и представлять себе все причины и следствия. Никогда я не думал, что рада настолько подло вела себя. Из речи генерала Врангеля только узнал я, что в стенах рады вожди Кавказской армии были названы «непорядочными», что рада отказывала армии в пополнении, в мобилизации лошадей и даже в хлебе. Да, тыл у нас оказался более гнилым и деморализованным, чем это можно было бы предполагать. Скандал прямо.

12.11.1919. Председатель краевой рады — Макаренко — главный самостийный воротила умудрился бежать из-под ареста и скрылся из Екатеринодара. По сводке от 10-го, нами на Орловском направлении оставлен г. Курск. На Брянском направлении оставлен г. Льгов. Бои идут в верховьях Суджи. На Волошском направлении нами занят г. Проскуров. Наконец произошло соединение с поляками, об этом на заседании Донского Войскового Круга заявил главнокомандующий генерал Деникин. Особых выгод от этого я не жду. Поляки что-то совсем почти не воевали, так что большевики имели возможность снять с их фронта почти все силы. Кроме того, поляки собирались воевать до тех пор, пока будет очищена только Польша. Хорошо, что Петлюровский фронт кончает свое существование, но будет часть сил посылать центру в помощь. Относительно Кубанской истории генерал Деникин в закрытом заседании Донского Войскового Круга заявил, что он был бы преступником, если бы не отдал этого приказа и вообще указал на «необходимость прекратить игру в политику и создать твердую власть». Давно пора.

13.11.1919. Благодаря излишней сырости схватил весьма приличную простуду и чувствую себя довольно слабовато. Такая история не со мной одним, почти все хворают в этой «приспособленной для жизни» обстановке и «квартире». Под вечер установилась замечательно тихая погода. На море наступил полный штиль. Поверхность воды в бухте была удивительно спокойна; не только не было абсолютно никаких волн, но даже зыби и ряби. Странной какой-то казалась эта необыкновенная тишина. Раньше даже при отсутствии ветра слышен был всё время всплеск воды (наши казармы Михайловской батареи стоят на самом берегу, так что даже совсем слабые волны докатываются до южной стенки этого старинного здания), а тут вдруг такое спокойствие. Как-то удивительно сильно оно действует и грустно настраивает, в особенности при теперешнем положении вещей. Я вышел к морю, сел на самом берегу и долго думал о Москве, Оле, Генрихе, о доме, о своих. Каждый день я вспоминаю и думаю о них, но в такие дни их отсутствие делается заметнее и тяжелее.

14.11.1919. Прибавили кормовой оклад с 24 руб. 33 коп. до 45 руб. в день с 1 октября. Получили приличную сумму за все эти дни в качестве разницы. Плохо то, что у нас набавляют всё не вовремя, то есть тогда, ког-

да этими надбавками не только нельзя улучшить положение сравнительно с недавним прошлым, но и нечего и думать о том, чтобы быть в таких же условиях, какие были месяца 2 тому назад. Поэтому, несмотря на все эти надбавки, наше материальное положение с каждым днем ухудшается, так как дороговизна жизни прогрессирует значительно быстрее, чем все эти запоздавшие надбавки. В общезнании нам обещали улучшить обеды и ужины с таким расчетом, чтобы вместо четверти фунта мяса в день мы получали бы теперь уже по три четверти фунта и естественно с 18 руб. увеличили плату до 27. Как выяснилось, за этот месяц в столовой набралось до 8000 рублей экономии, что составляет 3 руб. 25 коп. с офицера в день. Прямо безобразие — кормить черт знает как и стремиться к этой проклятой экономии. Какая польза от этого нам, переменному составу?

15.11.1919. Начали поговаривать о том, что дела у нас на фронте изменились к лучшему; прошел даже слух о том, что нами снова занят Курск. Этот слух, должно быть, не имеет основания, так как по последней сводке бои идут по линии р. Псел и положение там в достаточной степени напряженное. Большевики взялись за военные дела не на шутку и весьма основательно навалились на наш Центральный участок. Всё время они вводят в бой значительные свежие силы, которые снимают отовсюду: с польского фронта, который по-прежнему бездействен, с фронта Колчака и генерала Юденича.

16.11.1919. Днем ездил в город, а вечером устроили на квартире прапорщика Аплаксина¹⁴¹ небольшой преференс, который закончился приличной «железкой». Я выиграл против обыкновения довольно приличную сумму с прапорщика Лукина, но ни гроша не получил, а наоборот самому еще пришлось заплатить за него. Последнее время мы с ним держимся вместе. Интересный индивидуум. Человек без всякого образования, курс 3 класса гимназии ему уже не знаком. Занимался он тем, что в мирное время жил в Москве и усердно посещал все рестораны и прокучивал деньги. Сам он очень интересен как мужчина и избалован легкими победами у женщин. Лет 10 тому назад он в продолжение года учился пению, теперь поет как любитель и очень прилично. Лет ему уже немало — больше 33. В обращении с женщинами он очень прост. Два дня тому назад познакомился с женой прапорщика, а вчера уже имел ее.

Игра у нас затянулась до 4 с половиной часов ночи. После этого мы вышли на берег моря и решили прокатиться по морю на лодке. Разбудили яличника и за 120 руб. в час наняли ялик. Вода светилась изумительно, бросишь какой-либо предмет в воду, и вокруг него образуется целый маленький огненный вулканчик. Зрелище прямо поразительное, не только наша лодка оставляла огненный след, но каждая самая маленькая рыбка при движении светилась. Мы выехали в открытое море версты за 3 и наблюдали там роскошную картину: дельфины хрюкая ловили рыбу и оставляли после себя целые светящиеся пятна, которые были разбросаны по всему морю. Наш яличник рассказывал нам, что рыбаки пользуют-

ся такими ночами и благодаря свечению узнают ход рыбы. Вперед мы ехали молча, а когда возвращались назад, Лукин всё время весьма прилично пел. Я почти не сказал ни одного слова за всю дорогу; думал о своих, и на душе было как-то грустно. Вернулись назад мы после рассвета.

17.11.1919. Отправились с Лукиным в город. Послонились немного, посидели в кафе, послушали музыку и после пошли в театр «Ренессанс». Программа не особенно интересная. Составлена она для публики, стоящей ниже среднего уровня по своим требованиям в смысле театра. Измельчало всё. Говорят, что на хорошую программу публика менее охотно идет, чем на всякую ерунду. Среди артистов «Ренессанса» — Петипа, Лорен, Икар, <М.С.> Марадудина. После «Ренессанса» отправились было домой в казармы, но проходя мимо кинематографа, увидели, что там дается какой-то фарс только для взрослых. Эта приписка «только для взрослых» нас почему-то подбила и мы зашли туда. Давали какую-то бессодержательную дрянь, совсем не фарс и наряду со взрослыми сидели 5-летние дети и всё понимали.

18.11.1919. Началась наконец группа. Попал я не на повторительные курсы для младших офицеров, а на какие-то 2-недельные инструкторские курсы в группу полковников и капитанов. Нас, младших офицеров, было всего только трое: подпоручик Сергеев, прапорщик Лукин и я. Всех нас туда и закатали, так как создавать отдельно для нас троих группу не входило в расчеты школы, вследствие же плохого сообщения не было надежды, что скоро подъедут еще офицеры. Подпоручик Сергеев, между прочим, весьма занятный тип. Произведен в офицеры он в 1915 г., всё время работал на заводе и воевать не собирался. Теперь в Добрармии он недавно и на фронт совсем не хочет и открыто говорит об этом. Мы с Лукиным разбили все его рассуждения, обезличили его в конец, втоптали в грязь; причем я ему сказал в лицо, что такую публику нужно вешать, чтобы она наконец пришла в себя. Назвал я его «Пинчером», и эта кличка очень скоро утвердилась и весьма прочно за его персоной. Несмотря на такие крупные разговоры, мы с ним не поссорились.

19.11.1919. Ллойд Джорж на банкете в своей речи коснулся русского вопроса. Речь такая, что обрадовать совсем не может. Он говорит об ужасах гражданской войны, о том, что без мира в России не может быть общего мира и в тоже самое время высказывает такое пожелание, что «сторонам необходимо сговориться». Это нам-то с большевиками?! Невозможное нельзя сделать возможным. Дело клонится к тому, что нас хотят оставить без помощи в том случае, если мы откажемся от всяких переговоров с красными, что мы вне всякого сомнения, не задумываясь, должны, обязаны и принуждены сделать. Чем вызвано такое отношение Ллойд Джоржа, не знаю. Сложна и запутана международная политика, и во что выльются все эти разговоры, сказать трудно. Все эти трения сильно осложняют нашу борьбу с красными. Дела на фронте идут неважно; теперь развиваются бои в районе жел. дороги Курск—Белгород.

Всё это ничего, и фронт мог бы быстро выправиться и с новой энергией снова бодро наступать, если бы привели в порядок наш тыл. В тылу делается черт знает что, и всю эту сволочь, сытую и одетую, не так скоро удастся оздоровить.

Газеты всё время посвящают статьи преступлениям тыла, число которых, увы, бесконечно. Всё время продолжается этот бешенный «пир во время чумы». Кабаки наполнены, платят тысячи за шампанское, которое пьют как нарзан, люди щеголяют сотысячными брильянтами. Нет меры, нет предела наглости, жадности и тупости этой тыловой мерзости и сволочи. Какая-то безудержная, развратная скачка без предела. Почему ее не могут остановить одним движением твердой руки? О фронте никто из этой тыловой публики не думает и умеет только критиковать и возмущаться, если наши отступают. А в этом отступлении виноваты только мы сами. Нельзя на немногих людей взвалить ту ношу, которая им непосильна, в то время как сотни тысяч празднующихся за их спиной устраивают свои гнусные, разлагающие свистопляски. Шкуро в беседе высказал свое отрицательное отношение к тылу и напомнил: «Не забывайте, что мы боремся не за буржуазию, а за Великую, Единую, Неделимую Россию. Мы сражаемся за самое существование родины, за свое существование».

20.11.1919. Наступление красных продолжается. Линию р. Псел наши оставили и теперь бои идут у ст. Юсупово. Правее нами оставлены Обоянь, а левее красные продвинулись почти до г. Сумы. В общем, наши сейчас занимают такую линию, какая была в положении фронта приблизительно в начале августа месяца. В Харькове, говорят, начинается паника. Вся эта кутящая публика лучше ничего, конечно, не придумала, как начать разбегаться заблаговременно. О том, чтобы помочь, не думают, все спешат подальше от того места, где только через солидное время может запахнуть порохом и смертью. Хорошая психология.

21.11.1919. Последняя сводка опять неутешительна: оставили мы Сумы и Корочку. На Царицынском фронте тоже появились крупные силы красных. Бои идут на укрепленных позициях под самым городом. По всему фронту у них появились внушительные силы. Генерал Сидорин, рисуя положение на фронте, указал, что неудачи на фронте генерала Юденича и адмирала Колчака дали возможность красным стянуть на наш фронт весьма крупные силы. По его словам, участие немцев, встречающихся теперь на фронте целыми частями, в этой борьбе на стороне красных установлено с несомненной очевидностью. Колчак отступил слишком далеко, красные взяли Омск и Барнаул, положение Сибирской армии весьма слабо.

На фронте у Юденича большая неудача. Когда он был под самым Петроградом, его разбили и разоружили, и ему пришлось отступить в Эстляндию. Говорят, что там произошла такая история. Авантюрист Бермонт-Авалов¹⁴², который когда-то раньше наступал вместе с Юдени-

чем на большевиков и армия которого состояла из немецких волонтеров и русских добровольцев, ударил по левому флангу союзных Юденич эстонских войск. Те принуждены были повернуть фронт против него. Благодаря этому Юденич остался совсем один, был разбит, отступил в Эстляндию и, говорят, был разоружен. Теперь, по газетным сведениям, его армия пополняется и реорганизуется.

22.11.1919. Когда началась группа, мне казалось, что мне будет довольно трудно успевать проходить курс, рассчитанный для старших офицеров. Теперь я вижу, что дело обстоит много проще в этом отношении. Вообще знания у офицеров весьма слабые, и в настоящее время я чувствую себя вполне уверенно, старшие офицеры не совсем быстро разбираются с приборами и синусами и постоянно обращаются ко мне. Много уже ими забыто совсем и вспоминается с трудом. Зато Лукин при таком быстром чтении курса, рассчитанного на подготовленную публику, ничего не понимает. В «Ялтинском Вечере» прочел, что Ленин и некоторые другие наркомы ушли из Совнаркома. Вместо них вошли видные деятели из партий меньшевиков и правых с-р-ов. Условием соглашения правыми социалистическими партиями было постановлено изменение Совнаркома, Совнархоза и свободное избрание советов. Есть сообщение о занятии поляками Смоленска. Боев там не бело. Поляки вышли на намеченную линию во время нашего наступления и остановились. Это дало возможность красным снять всё оттуда и перебросить против нас, оставив на польском фронте только одиночные пограничные посты. Почему теперь поляки не наступают, — не понимаю. Хорошая координация действий после объединения нашей армии с поляками, нечего оказывать. Те стоят и не «рыпаются», а на нас дуют вовсю.

23.11.1919. Если кто-либо прочел бы мои заметки, то, по всей вероятности, сказал, что это писал разочарованный и отчаявшийся человек. Между тем, это совсем не так. Уныние, отчаяние и разочарование мне даже в это время совсем чужды. Обстановка же кругом такая, что при всем желании нельзя видеть в ней одно хорошее. Я сам хочу работать и работаю. Мне три раза предлагали тыловые должности, но я каждый раз категорически отказывался. Я верю в это дело и готов на жертвы. Развал нашего тыла не уменьшает у меня энергии, но вызывает возмущение, презрение и ненависть к преобладающему большинству нашей широкой публики. Обидно делается, когда то, что мы могли бы сделать скорее, легче и надежнее, благодаря такому отношению делается с большим трудом и временами терпит неудачи. Лишних же потерь из-за этого столько, что не считаешь. Тыловой публике до этого нет дела, от своих привычек они не в состоянии отказаться. Жалкий, презренный, лишний, ненужный люд.

Вечером Лукин принес две бутылки вина, и мы выпили его с яблоками во славу русского оружия. Приятно было немного отвлечься от этой серой действительности, помириться с которой никак невозможно.

24.11.1919. Сегодня в 4-й школьной батарее — праздник. Устраивали состязания, скачки, конное ученье. Вымуштрована батарея очень хорошо. Командир ее полковник <Б. Н.> Гонорский (в августе и сентябре 1918 г. он был в нашей батарее) сам очень ловкий и энергичный человек и много поработал над батареей. Всё это очень хорошо, но держать при школе несколько батарей — так называемых образцовых, по-моему, в теперешнее время слишком большая военная роскошь. Гораздо лучше было бы, если бы они все эти фигуры проделывали теперь на фронте. Весь этот натиск красных сдерживается главным образом нашей артиллерией, на долю которой выпало много трудностей.

Вечером поехал в город в кинематограф. Давалась очень хорошая картина от Алексеевского комитета «Жизнь — родине, честь — никому». Картина относится к последним событиям зарождения большевизма в России и началу существования Добровольческой армии. Во время демонстрирования картины играл морской оркестр и концертное трио. Народу было видимо-невидимо. У входа была основательная давка. Картина идет несколько дней по три сеанса, и несмотря на это у кассы всё время очередь, не взирая на высокую плату — 25 руб. Закончился сеанс очень интересно: в золотых лучах восходящего солнца, вдали видна была Москва и оркестр играл «Коль славен». Все слушали стоя.

25.11.1919. Занятий у нас не было. Вчера господа руководители основательно подвыпили на празднике 4-й батареи. Кроме этого, сегодня 99-я годовщина основания Михайловского артиллерийского училища и академии. Обе эти причины повлияли на преподавательский персонал школы в том смысле, что занятия были отменены. Мы воспользовались этим и принялись за изучение материальной части, которую читают нам быстро старшие и, кроме того, еще не впускают в материальный класс. Странно как-то смотрят на это в школе. Разве можно хорошо знать пушку, если тебе не дают возможность каждую шайбочку, каждый винтик подержать в собственных руках. Несмотря на то, что наша группа солидная, с нами поступают также как со всеми: даже наши полковники находятся на положении юнкеров.

26.11.1919. Сегодня опять нет занятий — праздник Георгиевских кавалеров. В начале занятий было довольно трудно просиживать вечер и почитать. Всё казалось очень простым и легким, но удерживалось в памяти очень ненадолго. Я уже решил было, что моя память за это время сильно пострадала, но через несколько дней втянулся в это дело и уже мог сконцентрировать достаточно внимание на каком-нибудь предмете, которого у меня с начала занятий не хватало. Из Харькова прибыл в школу полковник. Говорил, что там уже основательные холода; в армии распространился тиф. Под Льговом наши оставили 4 бронепоезда. По его словам, среди них оставлен «Иоанн Калита», который работал с нами под Авдеевкой. Хороший бронепоезд. Ушли они из Курска, который занимался уже большевиками и из которого штаб Кутепова уехал

в последнюю минуту; пошли на запад в сторону Льгова, так как на юг уже отступить нельзя было. В переднем бронепоезде оказалась какая-то неисправность, которая их задержала. Когда они прибыли во Льгов, последний уже был занят красными. Пришлось взорвать всё это и оставить. Здоровая неудача.

27.11.1919. С Махно всё еще не могут разделаться. Екатеринослав до сих пор, уже больше месяца, всё еще занят этими бандами. Туда отправили группу генерала Слащева¹⁴³, которая работала в Новороссии против красных и Петлюры. Говорят, что теперь Екатеринослав окружен ими и дело близится к ликвидации. Уничтожить эти банды очень трудно, их разгоняют, а они потом опять собираются. Пленных там, конечно, не берут, а всех без исключения и без всяких разговоров расстреливают. Только таким образом можно с ними разделаться. В районе Мелитополя до сих пор еще бродят эти шайки и иногда даже обстреливают проходящие скорые поезда.

28.11.1919. По сводке, нами оставлены Грайворон, Белгород, Волчанск, Богодухов, Меркик. Последняя станция на линии Харьков—Полтава, т. е. на юго-западе — западе от Харькова. Говорят, что все последние дни в Харькове среди населения царил здоровая паника. За возможность достать билет на юг платили десятки тысяч рублей. Рассказывают, что какой-то спекулянт заплатил даже 400 000 руб. за спальное место. Печально то, что на этих билетах спекулировали главным образом харьковские офицеры. Воображаю, как разбогатели там офицеры контрразведки. Какая мерзость, низость и пакость!

С теплой одеждой на фронте совсем скверно. Говорят, что чуть ли не 75% выбывших из строя прибывают с отмороженными конечностями. Вспоминаю, что во время нашего последнего наступления в Орловской губернии все жители освобожденных деревень в один голос утверждали, что большевики будут воевать только до наступления первых морозов, а потом разбегутся. Об этом говорили им сами красные воины. Такую же историю говорили перед зимой 1918 г., но и тогда и теперь все эти предсказания не оправдались. Наши же весьма недостаточно подготовились к зимней кампании. Результаты теперь ощутительно сказываются. В Донской армии объявлена мобилизация теплой одежды — наконец-то. Решили раздеть тыловую буржуазию и одеть фронт.

29.11.1919. Здесь всё время стоит роскошная погода. Тепло, можно свободно ходить без шинели, а ведь уже начало декабря. Небо чистое, солнечное, напоминающее наши теплые августовские дни средней полосы России. Жить здесь, безусловно, хорошо, хотя скучно как-то без снега. До сих пор попадает еще зеленеющая травка, а в поле можно найти полевые желтенькие цветочки, которые до сего времени еще сильно пахнут. Будь более приличные условия жизни в каземате и хорошая пища, — здесь фронтовые офицеры могли бы отдохнуть во время прохождения курса, а при настоящих условиях пребывания здесь — не отдых.

У всех расстройство желудка, кроме того, не знаю от каких причин, у всех мочевые пузыри здесь пришли в расстройство. Приходится бегать чуть ли не каждый час и путешествовать несколько раз ночью. Сегодня день похож уже на осень или на здешнюю зиму; пошел дождь, и стало относительно холоднее, чем во все эти дни. Скверно то, что эта погода влечет за собою грязь.

30.11.1919. Утром поехали на грузовых автомобилях на артиллерийский полигон, чтобы присутствовать на стрельбе 6-дюймовой школьной батареи. Стрельба у них прошла далеко не так гладко, как состязание, и даже, по-моему, совсем слабо. Номера пугались звука выстрела, веер был поставлен неправильно, на батарее была какая-то сутолока, передаваемые команды понимали неправильно и запрашивали относительно них по несколько раз на наблюдательный пункт. Стрельба велась так называемая «точная» со всеми приборами, стреляющие офицеры волновались и не могли, очевидно, достаточно хорошо справляться с английскими приборами, которые сами по себе детски просты. Попадали скверно на дистанции 4 версты. Направленную батарею в цель по приборам с закрытой позиции пришлось доворачивать после первого выстрела на 17 градусов. На меня эта стрельба произвела безотрадное впечатление. Воображаю, что было бы, если бы эта стрельба протекала не в спокойной обстановке, а под огнем неприятеля. У нас в батарее не было ни разу регулярных занятий, но порядку во время огня неизмеримо больше и уже будьте покойны, что разделали бы эти цели под орех, а у них попаданий не было. Придется им еще основательно сколачивать свою батарею.

1.12.1919. Воскресенье. Англичане что-то крутят и вертят. Ллойд Джордж проводит параллель (несуществующую и абсурдную) между этой борьбой и борьбой якобинцев в эпоху Великой Французской революции против иностранного вмешательства. Вывод отсюда крайне ложный — не будь на нашей стороне англичан, большевики с нами не боролись бы, что совсем не похоже на действительное положение вещей. Кроме того, он сказал: «Если мы будем помогать дальше антибольшевикам — мы обречены на банкротство». В общем, сразу со всех сторон посыпались несчастья. Наше спасение зависит от нас самих: когда у нас дела идут хорошо все стараются помочь нам и предлагают свои услуги, если же дела наши на фронте ухудшаются, нам перестают помогать и отказывают во всём. Сказали бы они раз навсегда твердо и определенно «да» или «нет», и тогда мы бы знали, что нам делать. В связи с этой намечающейся переменой в союзнической политике, начали циркулировать слухи о перемене ориентации с союзнической на германскую. Говорят о падении Харькова. Официально бои идут на линии Люботин—Ольшанка—Ордынка. Судя по этому, участь нашего «центра» уже решена. Не весело.

2.12.1919. По сводке 29 числа: вечером без боя оставлен Харьков. Говорят о том, что Полтаву постигла та же участь. Офицеры здесь настроены достаточно панически. Объясняется это тем, что в данный момент на

курсах очень мало фронтовиков, а почти исключительно офицеры запасных частей. Они всё время говорят о том, что дело плохо, и строят планы, куда лучше будет эвакуироваться и бежать в том случае, если большевики займут то-то или это. Никто ни разу не сказал и не подумал о том, чтобы пойти на фронт. Хорошо в мирное время быть настроенным мирно, а в такое время высказывать такие «мирные» мысли, по-моему, — преступление, и не невинного свойства. Позор.

О перемене ориентации заговорили еще усиленнее. Все сразу заговорили, что мы сами не сможем справиться (отлично бы могли, если бы все хотели и были бы там, где им нужно), что только немцы могут дать нам действительную помощь, и что давным-давно нужно было бы бросить союзников и обратиться к Германии. Тем более, что немцы сами нам предлагали эту помощь. Немцы будто бы обещают чуть ли не в две недели выдать всех главарей большевизма и перебросить к нам пять отлично вооруженных, снаряженных и уже готовых корпусов. Говорят, что немцы концентрируют Железную дивизию на границе Восточной Пруссии. В случае нашего согласия они будто бы фланговым движением идут прямо на Петроград, а оттуда на Москву и т. д. Пока это одни разговоры, и я не особенно склонен им сразу и легко верить.

3.12.1919. По сегодняшней газете, много перемен. Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант Владимир Зиновьевич Май-Маевский смещен, а вместо него командовать будет генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель, который последнее время командовал под Царицыном Кавказской Добровольческой армией. На место Врангеля назначается генерал Покровский. Говорят о том, что Май-Маевский со своим штабом весьма основательно пристрастился к Бахусу и последнее время его частенько выносили после попойки «замертво». Разве это не позор для нас всех.

Генерал Деникин в ближайшем будущем будет пользоваться полной независимостью, как сообщают из авторитетных источников, вследствие отдаленности ставки адмирала Колчака от района действий Добровольческой армии и невозможности в виду этого получать своевременные указания в политических вопросах. На будущей неделе ожидается опубликование акта большой политической важности. Вслед за этим актом ожидается опубликование новой декларации.

Дела Колчака обстоят совсем плохо. Относительно ориентации ничего не поймешь, наряду со статьями, указывающими на то, что союзники своим отказом помогать нам в дальнейшем развязывают нам руки и предоставляют свободный выбор друзей, встречаются заметки о том, что Добрармия будет свято хранить союз с державами Согласия.

По сообщениям газет, в ставке появились немцы. В Киевском районе красные заняли Бравары и там нажимают. Полтава, как указывается, была сдана не большевикам, а каким-то бандитам, вроде Шубы, которых вышибают.

Несмотря на наступившие холода, вода в море еще довольно теплая. Благодаря этому вода сильно испаряется, и море в течение этих дней представляет красивую картину: оно как-то дымится. Черное море очень красиво: масса самых разнообразных цветов и оттенков — голубой, синий, зеленый, серый, черный, желтый, розовый. Между этими цветами бывает мягкий последовательный переход, и встречаются резкие линии — границы между ними.

4.12.1919. Нашу группа, хотя и серьезная по своим чинам, но довольно дружная. Полковники — очень милые люди. С одним из них, полковником Мрозовским¹⁴⁴ (племянником генерала Мрозовского¹⁴⁵, бывшего командующим Московским военным округом) я по вечерам занимался, и он, не стесняясь, говорит, что он много перезабыл. Человек он молодой, разговорчивый, компанейский. Вообще все ребята ничего, но тыловые. За короткое время успели стать все друг с другом на «короткую ногу». Поручика Сергеева все так и зовут «Пинчером». Штабс-капитана Архангельского прозвал «Нумой Помпилием», подпоручика Вебера — «Составителем планов». Лукина полковники прозвали «исполнителем цыганских романсов» и «певцом свободных песен». Прапорщик Остриков у нас идет под кличкой «товарищ прокурор». Несмотря на то, что завтра у нас экзамены, настроение у всех было какое-то веселое и за ужином за столом мы развели классическое «количество смеха». Заниматься уже порядком надоело.

Сюда приехал генерал Май-Маевский. Наш певец Лукин встретил своего знакомого среди чинов его штаба. Тот ему говорил, что в данный момент на фронте против одного нашего полка приходится 9 полков красных. Наши всё время отходят, прикрываясь небольшими заставами. По его словам, такое отступление будет продолжаться до границ Донецкого бассейна, где предположено задержаться и оттуда снова перейти в наступление. Неужели это действительно так?

5.12.1919. В 8 утра начались экзамены. Спрашивали самую ерунду: было прямо обидно, что офицеры предъявляют такие маленькие в смысле знаний требования. Полковников экзаменовали отдельно от нас. Несмотря на такие легкие требования 5 человек все-таки умудрились провалиться. Пролетели «Певец», «Пинчер», «Нума Помпилий» и еще два капитана, причем один командовал раньше батареей, а другой, Фертик Медынский¹⁴⁶, поразил всех безнадежностью своего ответа и преступным незнанием простых вещей. «Товарищ прокурор» совсем отказался держать экзамен. Это здорово «обрадовало» нашего руководителя полковника Жаркова¹⁴⁷ такими «блестящими» результатами, если из 13 человек группы один не держит, а 5 провалилось.

6.12.1919. Сегодня последний экзамен — материальная часть. По всем экзаменам я прошел без запинки. Не знаю как другим, но мне пребывание в Школе принесло существенную пользу, и я доволен, что попал в нее, хотя вначале страшно ругался. Занимался я значительно шире про-

граммы нашего курса и прилично познакомился с теорией артиллерии и правилами стрельбы с закрытых позиций и пристрелки. Теперь у меня нет совсем в этой области неясных вопросов. Несколько неинтересно вышло то, что здесь пришлось проторчать уж больно долго. От сырости или от каких-либо иных причин у меня в правом колене появились ревматические боли, и по вечерам и ночью основательно ноет моя нога. Всем не выдержавшим в свидетельстве указали, что должность младшего офицера они занимать в батарее не могут. В интересное положение попали наши провалившиеся капитаны.

7.12.1919. Киев и Полтава нами оставлены. В сегодняшней сводке упоминается уже Константиноград, севернее которого идут бои. На Новооскольском направлении идут бои в районе Купянска; на Лискинском нами оставлен город Богучар. Под Царицыном как будто затишье. Почти вся конница Буденного переброшена красными из-под Царицына на центральное направление. Генерал Улагай¹⁴⁸ принял на себя командование конными массами на Харьковском фронте. Очевидно, нашу конницу тоже начали перебрасывать в центр, до этого отступления там никаких конных масс, кроме 5-го кавалерийского корпуса¹⁴⁹ генерала Юзефовича, не было. Корпус этот был малочислен, потрепан и довольно слаб. Он самостоятельно держал участок левее нас и всё время то брал, то отдавал город Севск.

В Севастополе быстро разрастается эпидемия сыпного тифа, больницы переполнены, и средств для борьбы с ним у города мало. С 10 числа закрываются все учебные заведения.

28 числа Екатеринослав наконец очищен от банд махновцев группой генерала Слещева. По сведениям газет, город сильно пострадал.

По случаю окончания занятий и экзаменов решили освежить водкой память. Сначала, как обыкновенно, многие собирались принять участие в пирушке, а под конец остались только полковник Мрозовский и я. С большим трудом достали мы водки, предварительно обегав много ресторанов и погребков. Сегодня объявлена всеобщая мобилизация и поэтому усиленно следили за тем, чтобы не было абсолютно никакой продажи вина (водка вообще запрещена в продаже). Помог нам в этом деле номерной в гостинице «Бристоль». Вечер провели прилично; в меру выпили водки, вина, хорошо поели и приятно поговорили с полковником. Удивительно компанейский человек этот Николай Дионисиевич. Удовольствие это обошлось нам около 1000 руб. на обоих вместе.

8.12.1919. Утром под окном Пинчера, выходящим к морю, я подобрал разбившегося орла. Каким путем погибла эта громадная птица и очутилась у самого окна, прямо непонятно. Я сообщил об этом Пинчеру. Он положил орла на свою постель, распростер ему крылья и сказал: «Это неспроста, что орел чуть не влетел в мое окно и разбился насмерть — это моя смерть». Чудак этот Пинчер. Вначале я возмущался им и презирал его, а потом мне стало его жаль. Через некоторое время я увидел Пинчера

около его постели. Он стоял, понунив голову над орлом, и плакал самыми настоящими слезами. Определенно стало его жаль.

Собрались мы с подпоручиком Козицыным в город. Катер ушел у нас под самым носом; тогда мы решили прокатиться просто по морю на ялике под парусами. С нами поехал еще прапорщик Скуратовский¹⁵⁰ с женой. Занятная пара: он — определенный дуб, а она — сплошная дура. Скуратовский провалился на экзаменах в середине ноября и, ловчась от фронта, пристроился к школе на должность какого-то каптенармуса (сколько таких пристроившихся субчиков в школе — прямо ужас!). Ветер был приличный. В бухте было довольно тихо, когда же мы выехали в открытое море, то там начало покачивать довольно прилично, волны достигали приличной величины, и подбрасывало нашу маленькую лодочку основательно. Отъехали мы от берега версты на 4, и около самого «ревуна» (ревуший буюк для предупреждения судов во время тумана, когда не видно створного маяка: он устроен таким образом, что благодаря волнам, когда он то опускается, то подымается через особый клапан выходит и входит воздух и производит особый гудящий, ревуший звук) нас так покачало, что прапорщик сидел ни жив, ни мертв, а его жена начала почти плакать и кричать, что больше она никогда под парусом в такую погоду не пойдет. Еще больше их напугало то, что мы некоторое время не могли отъехать от места.

Мне лично очень нравятся такие поездки; ни одной минуты я даже не думал о каком-либо несчастье. С удовольствием могу сказать, что за всё это время мне удалось воспитать в себе самом известный твердый дух и достаточное самообладание, это весьма важно в особенности при нынешних условиях. Моря я раньше не знал, но оно мне страха не внушает, несмотря на то, что плавать я почти не умею. В этом я убедился во время шторма 21 октября около Керчи и при поездках тут во всякую погоду на лодке. Прокатились мы действительно роскошно, и стоило это удовольствие тоже прилично — 100 руб., но их не жаль. После поездки дошли вдвоем с Козицыным в кафе есть простоквашу. Вечером я решил поесть как следует и забрался в Морское собрание; кормят там паршиво, я ожидал лучшего. После ужина случайно попал на 3-е действие «Мечты любви» с участием Плевицкой в театр Морского собрания. Всё ничего, но уж больно холодно сидеть там без шинели. Впервые за всю свою жизнь был в театре, не имея билета.

9.12.1919. Вечером в городе встретил Мих. Петр. Пользинского. Уехал он из Харькова 23 ноября. Про положение фронта сказал мало утешительного. Силы большевиков весьма внушительны, кроме того, по его словам, конница Буденного работала у них идеально. Наш V кавалерийский корпус драпанул, благодаря чему красные охватили фланг нашего корпуса. В то время, когда фронт был в 25 верстах севернее Льгова, кавалерия красных заняла город; в этом деле погиб обоз 1-го разряда нашей батареи и одно орудие, которое находилось в обозе на починке. Ускакал

только «Лепарнаки» с 7 солдатами, а всё и все были оставлены. Подпоручик Куландин, наш техник и хозяин собрания, был ранен в голову из револьвера.

После наши, отступая на Льгов, выбили оттуда красных и удерживали город в течение 2 дней. Наша артиллерийская бригада пострадала прилично. Целиком были захвачены две красные батареи: 2-я и 6-я. Во время этих боев страшно падали лошади, и были дни, когда почти на всём фронте не было наземной артиллерии. Отступление наших прикрывали только бронепоезда. Пехотные части тоже основательно пострадали, от некоторых полков мало что осталось. В Харькове наши несколько подкрепились лошадьми; было приказано к известному времени свести лошадей, а буржуазию принудили выплачивать стоимость забранных коней их владельцам. Мера, безусловно, правильная, без палки у нас ни за что не обойдешься. Несмотря на это батареи на фронте не в полном составе из-за недостатка коней; почти от всех батарей, по его словам, смогли выставить только по взводу. Формировавшиеся батареи отдали свои орудия батареям, потерявшим пушки.

Вернувшись на Северную сторону, я примкнул к компании, игравшей в преферанс; пулька перешла в «очко», в результате которого я выиграл 500 руб. и хорошую зажигалку.

10.12.1919. Хлопочу всё относительно отъезда. Поезда не ходят, так как нет угля, и когда пойдут неизвестно. Придется ехать, кажется, опять через Новороссийск; будет как будто бы скорее дело, хотя относительно дня отправки парохода пока еще ничего не слышно. Погода здорово испортилась: весь день идет сильный дождь при основательном ветре. Моя обувь уже окончательно не выдерживает такой погоды. Ходили по магазинам с подпоручиком Козицыным; я купил себе прескверной работы кошелек; правда, кожаный, но зато за 135 руб., немного лучше уже стоит 275; он приобрел себе материал на одну пару белья за 1200 монет. Шли и думали, что при таких условиях в тылу, трудно бороться с большевиками. Эта ненасытная алчность волей-неволей толкает людей, живущих на небольшое жалованье, на спекуляцию и преступления — иначе они не в состоянии держаться на поверхности.

Дня 3 тому назад распространились слухи, что нами снова занят Харьков, но это оказалось выдумкой. За это время фронт здорово подвинулся к Лозовой. Ллойд Джордж в палате заявлял, что союзные державы в русском вопросе держатся выжидательной политики: «Мы восстановим нормальные отношения с Россией, — сказал он, — как только там водворится настоящее законное правительство, которое будет действительно представлять собою русский народ». Из ставки категорически опровергают всякие олухи о перемене ориентации Добровольческой армии и о каких бы то ни было соглашениях с немцами.

11.12.1919. Ночью ветерок разыгрался приличный. Даже в бухте море основательно шумело, и волны достигали весьма солидной вели-

чины. Наутро можно было видеть много оторванных и унесенных барж. Справлялся относительно пароходов на Новороссийск, — до будущей недели ничего, зато узнал, что сегодня или завтра подвезут уголь на станцию и завтра или послезавтра пойдет скорый поезд на Ростов. Весь угольный район в наших руках, а между тем из-за недостатка угля нет движения, оригинально. У коменданта мне сказали, что, возможно, до Лозовой мне не удастся доехать, так как есть пока еще не подтвержденные сведения о том, что Лозовая оставлена нами. Решил я ехать до Иловайской на скором, провести там день у Кленяевых и уже оттуда отправляться разыскивать батарею.

В школу прибыло много офицеров. Результаты экзаменов нашей группы на всех их навели панику, среди них распространились самые нелепые слухи об этих детски-легких испытаниях и они уже с первого дня засели основательно за науку, несмотря на то, что они попали на шестинедельные курсы и времени у них много больше, чем нужно для того, чтобы усвоить этот несложный курсик.

12.12.1919. Справлялся относительно средств передвижения на вокзал. Извозчик берет с пристани до вокзала 250 руб., а если ехать с Северной стороны до вокзала на лодке морем, то это удовольствие будет стоить 150 руб. И то и другое весело, прямо не знаешь, что придумать. В довершение несчастья мне дали из Школы больше 170 книжек, чтоб я отвез их инспектору артиллерии армии. Без этого пакета я, может быть, доставил бы свои вещи на себе, а с ними уже невозможно, не хватает рук для этого.

Генерал Врангель относительно положения на фронте сказал, что придется оставить еще кусочек территорий. Заходил к Пользинскому, он катается как сыр в масле у своей невесты и настроен совсем не воинственно.

13.12.1919. Утром получил билет на курьерский поезд «Молния», Севастополь—Ростов и пешеходным порядком с помощью солдата перенес свои вещи на вокзал. В то время, когда я осматривал исторические места Севастополя, я решил, что Братское кладбище, которое находилось на Северной стороне, ближе, чем всё другое от Школы, и я успею осмотреть всегда и в любое время, и потому сначала посещал более далекие места. Теперь оказалось, что осмотреть его я уже не успею. Так обычно всегда бывает. Поезд уходил в 6 с половиной вечера и свободное время я решил все-таки употребить с пользой. Пошел осмотреть Институт физических методов лечения. Роскошная постановка дела и единственное в мире учреждение. Оттуда пошел осматривать аквариум; очень маленький аквариум и мало рыб там, но есть интересные экземпляры. Обедать пошел в ресторан «Эсмеральда» и по пути затянул туда Пинчера. Чувство какого-то страшного одиночества охватило меня во время обеда. Играли 3 совсем маленькие девочки в возрасте от 9 до 13 лет с отцом на мандолинах (сплошной разврат по-моему такой оркестр; у этих детей с самых малых лет должно появиться презрение, отвращение и ненависть к людям,

которые под их музыку пьют, едят). Думал о доме, главным образом о том, как бы прошел этот день, если бы я был дома. Из ресторана пошли с Пинчером в кафе, и оттуда он проводил меня немного на вокзал. Прощаясь, он сказал мне: «Вот вы едете на фронт, а всей этой гуляющей, фланирующей публике ни до вас, ни до фронта нет никакого дела». Страшно жалел, что уезжал из Севастополя во время темноты. Я стоял у окна при тусклом лунном свете (начало 1-й четверти), смотрел на роскошные места, лежащие вдоль жел. дороги. Проезжал через 7 туннелей, Бельбек, Инкерман, Бахчисарай, ст. Альма, г. Симферополь.

1917

Возвращение из Севастополя на фронт

14.12.1919. Едем довольно тихо, несмотря на название поезда курьерский и «Молния». Ехали через Джанкой, Мелитополь, Федоровку, Большой Токмак, Верхний Токмак, Цареконстантиновку. На ст. Большой Токмак въехали в снежную полосу. Температура резко изменилась, было около 10° ниже нуля. На всякий случай, от нападения разных банд на поезд, из офицеров были установлены караулы в вагонах и на паровозе.

Мне пришлось ночью 2 часа продежурить на паровозе. Паровоз наш ни к черту. На каждом перегоне раза 3 останавливались в поле и больше чем по часу набирали пар. Двигались же вообще после перехода на Токмакскую линию не больше, чем по 10 верст в час, не считая остановок. Сплошное преступление такое состояние железных дорог. Делается это, должно быть, не случайно, а умышленно. Прямо жаль смотреть на всё это. Шутки вообще плохие. Меньшинство лезет из кожи, затрачивая все усилия, а остальные все — безответственные или преступные лица. Как бы ни было, полный беспорядок налицо.

15.12.1919. Утром прибыли в Волноваху. Казалось бы, здесь хлебный район, и всё съедобное должно быть недорого. Но цена хлеба, не говоря уже о прочем, меня поразила. Черный хлеб здесь в 3 раза дороже, чем в Севастополе белый.

Прочел очень строгий приказ генерала Врангеля о всех «ловчашихся». Довольно много народу, говорят, уже повешено. Между прочим говорят, что Врангель повесил 4 генералов и около 20 офицеров из штаба Май-Маевского, причем последнего чуть ли не постигла та же участь. Всё это время «Май» проводил со своим штабом в безудержных ежедневных кутежах, и зачастую его выносили буквально замертво. Фронтом он не интересовался и купался в шампанском и деньгах, которыми его подкупали жиды. Невинное занятие «Мая» — и море невинной крови, к которой он не имел права относиться так просто, как к выпитому им шампанскому. В Севастополь при мне еще приезжал какой-то подпоручик из штаба «Мая», устраивать свою жену на квартиру после эвакуации Харькова.

Насчет фронта он сказать ничего не мог, говорил только об ужинах и обедах и нагло заявлял, что у них в штабе могут служить офицеры только в том случае, если у них не меньше 100 000. Говорил с офицерами с махновского фронта; они говорят, что у Махно немало офицеров, они находятся на командных должностях и носят шинели мирного времени, только без погон. Самое замечательное то, что у «зеленых» тоже есть русские офицеры, эти уже ходят, как ни странно, но в погонах. Где только нет нашего брата, даже в мелких шайках дезертиров его можно найти.

До ст. Велико-Анадоль тянулись несколько часов, а на Еленовке совсем застряли. Наш паровоз пошел в Рутченково за углем, а там его захватил какой-то поручик и приказал вывозить свой эшелон. Тут я узнал, что везде все эвакуируются, на всех станциях громадное скопление эшелонов и здоровые пробки. Разнесся слух, что красными заняты Дебальцево и Бахмут. На Иловайской скопилось до 140 эшелонов. Все пассажиры страшно ругают нашу курьерскую «Молнию». Я утешаю их и говорю: «Удивительного и ненормального ничего нет, зимой молнии не бывают». Морозик здесь уже весьма основательный; дело дошло до -20° .

16.12.1919. Дотянули нас до разъезда Доля, где выяснилось, что наш курьерский будет стоять по крайней мере сутки. С большим трудом после целого ряда переговоров нескольких офицеров, и я в том числе, устроились в караульный вагон английской миссии, которая отправлялась через Иловайскую в Таганрог. Доехали до ст. Караванной и там выяснилось, что на Иловайскую мы уже никак не попадем. Говорят, что 25 эшелонов из Иловайской будут пропущены через Караванную в Крым, а остальные будут уничтожены. Кавалерия красных прорвалась у Дебальцево, там влипли Марковцы, оставлена была батарея. Корниловцам тоже не повезло, красные захватили весь штаб Корниловской дивизии, успел выскочить только начальник штаба. Теперь эта кавалерия пошла двумя группами: одна на Иловайскую, другая на Матвеев Курган. Попасная, Бахмут, Дебальцево действительно заняты красными. Никогда не думал, что положение дел настолько серьезно.

17.12.1919. Ровно 2 года тому назад я выехал из Москвы. Сколько раз вспоминаю слова Оли и ее боязнь. Очень много из того, что она предчувствовала, оправдывается. Как хочется и как очевидно не скоро еще удастся увидеть ее и всех своих и поговорить по душам со всеми. Истосковался прямо, нет уже сил больше. Так хочется почувствовать теплое родственное отношение, заботу, ласку и немного отдохнуть от этой серой, суровой действительности. Весь день прошел в воспоминаниях. Тихо и грустно было на душе.

Миссия должна была отправиться в Севастополь. Мороз был больше 25° . Это и отсутствие подвод заставило меня отказаться от мысли ехать до Иловайской на лошадях. Поэтому я решил вернуться в Долю и оттуда попробовать проехать в район Ясиноватой и там поискать батарею. Англичане по дороге к Доле выбрасывали из вагонов части аэропланов и це-

лые ящики с патронами. С болью в сердце смотрел я на это безобразие. Все они были весело настроены и говорили: «Домой» и «Русский — финиш». В Доле я узнал, что в сторону Ясиноватой, во-первых, нет поездов, а во-вторых, там мне нечего искать батареей, так как почти все батареи походным порядком, без боев отходят в сторону Ростова. Понять что-либо было трудно.

Тогда я сел в эшелон огнесклада Кавалерийского корпуса и решил ехать в Мариуполь, а оттуда пароходом в Ейск. К вечеру добрались до Волновахи и застряли там. Тут я увидел одного полковника, который сказал мне, что наши думают задержаться на позициях в 50 верстах от Таганрога, а Донецкий бассейн будет очень скоро очищен. Это известие подействовало на меня весьма неприятно. Столько трудов было положено в начале этого года во время защиты его, и теперь без всякого сопротивления всё это оставляется. Выяснилось, что огнесклад пойдет не в Мариуполь, а в Керчь и оттуда морем будет переправляться в Новороссийск. Я решил оставить всякую мысль о передвижении по железной дороге и завтра же махнуть на лошадях прямо в Таганрог.

18.12.1919. Около 10 утра мы небольшой компанией, на двух парных санях выехали из Волновахи. Ехал полковник Большев, командир дивизиона как-то стрелковой бригады, Лукин с барышней, с которой он познакомился в дороге и разводил с ней что-то вроде любви; еще одна барышня, которая со слезами на глазах просила взять ее, еще один поручик и я. Полковник в Криничной отстал от своего дивизиона, который отправлялся на Кубань, и никак не мог отправиться в ту сторону. На железных дорогах делается черт знает что, везде пробки, и уже сейчас видно, что очень много не успеют вывезти. Двинулись мы через Ново-Карань, Старо-Карань (греческие колонии, живут грязно, ничего не достать и вообще как будто весьма ненадежный народ. В прошлом году они дрались с большевиками против нас и крутили то туда, то сюда). У деревни Мариенталь (Косоротово) переправились через р. Кальмиус. Паршивая река в том отношении, что нигде нет мостов, и посередине еще не замерзла. Пришлось перебираться по дощечке. Приехали мы сегодня до немецкой колонии Ортгейм, сделав 53 версты. Мороз был весьма приличный. Уши я замотал в дамские чулки знакомой Лукина Елены Васильевны Лерхе и сверху обвязал белой косынкой сестры милосердия. Немцы в колониях страшно волнуются и боятся прихода красных. Прямо жаль на них смотреть. Говорят, что из всех колоний, которые теперь оставлены, ушли все мужчины и вместе с лошадьми влились в армию.

19.12.1919. Утром двинулись дальше на Грузско-Еланчинский (Грекова)—Михайловку—Мазаево—Оффериталь (Меленьево)—Щербаково—Грибово—Мало-Николаевку. Меня удивляло то, что всюду по этим деревням и волостям эвакуировались. Стража уже несколько дней тому назад выехала из всех этих мест. Я никак не мог найти подходящего объяснения всему происходящему. Во всяком случае, пахнет чем-то очень нехоро-

шим. В деревнях ходят самые неприятные зловещие слухи. Говорят о том, что Таганрог уже оставлен нами. Где проходит фронт, — никто ничего не знает. Хорошо еще, что без отказа дают нам подводы, а то прямо неизвестно было бы как себя вести в случае нежелания жителей дать лошадей. По всем данным, мы сейчас находимся в пространстве не занятом не нами, не ими.

20.12.1919. Переехали по льду через Миус в Лакедемоновку, а затем махнули в Федоровку и оттуда на хутора. Здесь нас уже совсем смутили. Жители удивленно на нас смотрели, а один солдат посоветовал не ехать через Таганрог, так как, по его словам, там уже никого нет и власть в руках рабочих. Я спросил, было ли там восстание, он ответил, что восстания не было, но все наши выехали, поезда не ходят и поэтому там учреждена самоохрана из рабочих. Никак нельзя было понять, почему в тылу фронта совершенно оставлен целый город. Сообразить что-либо невозможно. Все встречающиеся подтвердили нам слова солдата. Какая-то группа спросила даже нас, какой мы партии. Одним словом, чувство было совсем не из приятных. Главное — куда и как теперь ехать, если через Таганрог нельзя? Похожи мы были на загнанных зайцев. Решили все-таки ехать через город (прямо двинуть через море в Ейск нельзя было, так как вчера прошел ледокол, а на Мариуполь махнуть — далеко и можно было не успеть доехать до его сдачи).

Поехали к Балтийскому заводу, там действительно ходит штатский народ с винтовками; всё тихо и спокойно. До самого вокзала не встретили ни одного военного и только там начали встречать отставшие обозы. Публика как-то странно на нас смотрела. Мы, не останавливаясь, двинулись дальше. Говорят, что кавалерия красных собирается выйти на жел. дорогу Таганрог—Ростов, где-то около Ростова. После выезда из города начали догонять обозы, которых у ст. Морской было уже очень много. По дороге валялись повозки, сани, лошади, брошенные автомобили и грузовики. Все куда-то спешили и торопились. Что-то похожее на панику, но в чем дело, нельзя было разобрать. В Вареновке мы хотели переменить подводы, но ни там, ни в Армянской косе нельзя было достать ни одной лошади. Все подводы были мобилизованы под обоз.

Часа 3 отдохнули в Вареновке и двинулись дальше. Обозов идет видимо-невидимо. Оказывается всё проходило севернее Таганрога, между выходным семафором Марцево и разъездом Кошкино. Часа в 2 ночи добрались до ст. Синявка, сели там в эшелон с больными (мы попали в вагон сыпно-тифозных) проехали версты 4 и застряли. Все пути забиты. Стоят эшелоны с танками, со снарядами, орудиями, и ничего не могут отправить. У кого что ни спросишь, никто ничего не знает. Описать всей этой картины невозможно. Нечто катастрофическое.

21.12.1919. Утром двинулся дальше. Надежды на отправку эшелона было очень мало, подводы тоже нельзя было достать. Свои вещи положили на приставшую подводу, а сами пошли пешком. Скверно то, что нигде

не узнаешь о месте нахождения батареи. До Ростова остается 35 верст. Встретил 3 солдат нашей батареи. Они 19 числа бежали из обоза 2-го разряда. Рассказывали, что на ст. Амвросиевка погиб наш обоз 2-го разряда. Солдаты с пор. Татарниковым, Брауном¹⁵¹ и шт.-кап. Андреевским верст 15 драпали пешком. Все мои вещи пропали там. В Севастополь я брал с собою белья меньше, чем у меня обыкновенно было на позиции. Кроме того, я взял с собою самое плохое белье в надежде починить его там в спокойной обстановке.

Говорят, что количество брошенных эшелонов в Донецком бассейне не поддается никакому учету. Их можно считать десятками верст. Армия была раздета и гибла от морозов, а теперь было сожжено, роздано жителям и оставлено несметное количество обмундирования, белья, сапог и пр.

Дошли до армянского селения *Мокрый Чалтырь* (17 верст от Синявки), встретил здесь капитана Шинкевича, который сообщил мне, что все батареи нашей бригады, которая теперь называется уже официально Дроздовской, должны прийти сюда. Таким путем я попал на след батареи и остался ждать ее здесь.

Вечером увидел полковника Шеина. Узнал, что Андрей из-за каких-то историй с базой перевелся из батареи в управление нашего дивизиона и застрял вместе с эшелоном управления на ст. Мушкетово. Надежда на то, что удалось протолкнуть куда-то дальше этот эшелон, никаких. Судьба же личного состава управления совершенно неизвестна. Кавалерия красных прорвалась у Льгова и второй раз у Щигров. Заткнуть эту дыру было нечем, с этого и началось. От ст. Суджа наши отходят почти без боев. Артиллерия почти не участвовала в боях всё последнее время. Катастрофа в Донецком бассейне произошла из-за прорыва кавалерии у Дебальцево, которая оттуда пошла двумя группами на Иловайскую и Матвеев Курган. Громадная ошибка была допущена в том смысле, что все эшелоны были согнаны на многочисленные станции густой сетки железных дорог Донбасса, имеющей в конце концов, только одну основную магистраль Иловайская—Таганрог, по которой это всё можно было эвакуировать. Нужно было всё пропускать без задержки, а не рассовывать эти составы по станциям и не пытаться этого разгрузить там и «ставить» все эти обозы, парки и управления на подводы. Полки все основательно истрепаны. Все порастерялись; одним словом, налицо форменный разгром армии. Описывать всё это в настоящее время сколько-нибудь складно совершенно невозможно. Полный хаос.

22.12.1919. Вечером наша батарея прибыла в Чалтырь. Материальная часть расхлябана, пушки в паршивом состоянии, никаких запасных частей нет, лошади с трудом передвигаются. Жалованья не получали 2 месяца, ни у батареи, ни у кого из офицеров на руках нет ни гроша. У всех пропало много вещей и все плохо одеты. Вид невеселый. Настроение тоже паршивое.

Рассказывают такой случай: в одной из деревень солдат спросили: «Долго ли мы будем так отступать?» Те ответили: «Вот проводим своих офицеров, посадим их на паром и разойдемся по домам». Сами офицеры виноваты, что в батарее появились такие разговорчики, потому что сначала шутили при всех в таком духе, а потом некоторые уже серьезно начали задумываться о теперешнем положении и высказывать подобные предположения. Никогда не думал, когда выезжал в Севастополь, что застану батарею в таком виде. Обнищала в полном смысле, и настроение паршивое. База наша тоже пропала, много добра было там: тысячи пудов зерна и сена, обмундирование, амуниция, масса необходимых инструментов и принадлежностей, 1500 пудов сахара, больше 100 пудов хорошего сала, много меду, варенье, повидло, 20 приготовленных к праздникам окороков, много водки, спирту и пр., прямо не перечесть. База оставлена в районе Юзовки. Сам командир ездил туда, доставал паровоз, но протолкнуть дальше не мог. Представить трудно и невозможно, что оставлено армией!.. Большевики отступали во много раз стройнее. Мы с громадной скоростью очищаем занятые нами места и почти ничего не успеваем вывезти. В чем дело, никто ничего не понимает. Отходят даже в тех местах, где можно было бы спокойно бить большевиков. На какой-либо маневр тоже совсем не похоже.

Почти во всех городах забрали всех пожарных лошадей и слегка грабнули население. Все станции, водокачки и прочие сооружения настолько основательно взорваны, что нужно очень много времени, чтобы восстановить движение. Кроме того, на всех станциях уничтожали составы и взрывали вагоны со снарядами, что на целостности станционных сооружений тоже не совсем полезно отзывалось. Говорят, что красные, заняв Донбасс, не смогут оттуда почти ничего вывезти из-за этих разрушений. В общем, по-моему, у мирных жителей осталось не совсем приятное воспоминание о нас. Многое из того, что не имеет ни военного, ни железнодорожного значения, было разрушено. Говорят, что бронепоезда расстреливали станции практически в упор. Этим красные могут воспользоваться в качестве пропаганды и спросить население: «Кто же после этого варвары, мы или они?» Прямо кошмар.

По приказу генерала Врангеля Добровольческая армия перестала существовать. Штабы расформируются, а нас свели в один Добровольческий корпус, включили в состав Донской армии и подчинили генералу Сидорину. Наиболее боеспособной осталась наша Дроздовская дивизия. Поэтому мы остались на фронте, а всё остальное оттягивается в район города Батайска.

23.12.1919. Занятно живут армяне. Мокрый Чалтырь — большое и богатое армянское селение. Живут они грязно. В данное время чуть ли не в каждом доме большие тифом. Спят они на каких-то войлоках на полу. Женщины у них совсем почти не говорят по-русски. Во всяком случае, приходится объясняться больше знаками, чем языком. Они за всю

жизнь не выезжают из пределов своего селения, работают, сидя на полу, и спят почти не раздеваясь; между тем как мужчины раздеваются совсем догола. Едят сытно, но не вкусно.

Наконец-то устанавливается нечто похожее на фронт, который будет проходить от ст. Хапры на селение Крым—Султан-Салы, далее в 12 верстах севернее Новочеркаска, а оттуда в направлении на Черный Яр, не доходя до которого линия сворачивает вправо на юг по линии озер. На нашем участке будет работать несколько танков (предположительно 6).

Царицын оставлен без боя. Вообще, на Донском фронте, как говорят, положение устойчивое, и отойти там пришлось из стратегических соображений. Что делается слева от нас — сказать трудно. Армия теперь разрезана на две части. Интересно, успели ли к этому времени достаточно укрепить Перекоп? Мне один капитан рассказывал, что в начале осени кем-то был разработан план укрепления Перекопа. По этому поводу обращались в ставку в Таганрог. Там это предложение встретили смехом и ответом: «Мы подходим к Москве, а вы тут думаете о защите Крыма». И только в середине ноября было приказано укреплять этот перешеек и ставить туда морские орудия с подорванных в Севастополе судов. Ко времени моего отъезда из Крыма еще ни одна пушка из Севастополя не была туда доставлена. Во всей этой катастрофе (в наличии разгрома и катастрофы сомневаться не приходится) виноваты исключительно мы сами.

Союзники, по всем данным, уже умыли руки и выбираются на родину. Просвета нигде не видно, несмотря на это во мне все-таки живет надежда, что наше дело не кончится. Я всё еще жду резкого перелома, но как это получится — сам себе не представляю. В данное время буквально все подавлены этим головокружительным разгромом.

24.12.1919. Наступили праздники, невеселое для них вышло время. Мне основательно не повезло: страшнейший понос и почти адская зубная боль. И рад был бы не обращать теперь внимание на физическое состояние организма, но нельзя.

Красные, очевидно, поджидают подхода своей пехоты, потому что на нашем участке везде спокойно. В районе ст. Синявка видны были мелкие разъезды, а других сведений о противнике не имеется. Похоже на то, что в этом районе мы должны или задержаться, или уже, во всяком случае, выдержать солидный бой. И сил как будто у нас немало, артиллерии достаточно, кроме того, танки и сплошной уже фронт. Ростовскую публику выгнали рыть окопы в этом районе. Занятно было видеть в этом селении на работах компанию в буржуазных пальто. Только слишком поздно привлекли эту публику к общему делу. Всё это надо было проделывать год тому назад и более целесообразно, чтобы всю энергию во всех ее видах приспособить к этой борьбе.

Вечером был общий ужин. Была кутья с узваром и выпивка. Публика подвыпила, и некоторые переругались. Во всём видна раздраженность и повышенная нервозность. Условия жизни и настроение такое, что

до ссоры совсем недалеко. Хотелось быть среди своих, в более чистой, опрятной, уютной и сердечной обстановке. Вспоминал Рождество и елку у себя в Москве. Как хорошо тогда было...

25.12.1919. Говорят, генерал Врангель ушел на Кубань формировать кавалерию. Между генералами солидные интриги, каждый хочет получить кавалерию в свои руки, оспаривают свое старшинство, ссылаются на свои заслуги и удачи. Что делает Шкуро, — не известно. За какие-то дела, связанные с грабежом, он был отставлен, когда Врангель получил нашу армию. В такое тяжелое время еще и споры между высшими командными лицами...

В 7 вечера наши оставили Новочеркасск. Что делается с Донцами — не понять. Говорят, у них основательный развал.

26.12.1919. Поехал в Ростов рвать зуб. Вырвал его безо всяких замораживаний и приспособлений, с самой настоящей болью. Еврейка-врач расколола мне его на две части и вытягивала в два приема. Ощущение весьма солидное, не было бы греха, если бы я начал кричать от боли. Не везет мне с вырыванием.

Настроение в Ростове такое, что, похоже, он долго не удержится. На нашем участке красные наступали и заняли село Султан-Салы, несмотря на то что с нашей стороны работало 4 танка. Под танками красные в порядке отходили, а между тем в стороне нажимали и обходили нас. В общем, их кто-то привел в порядок, дерутся они хорошо. Русская сила — все-таки могучая вещь.

Вечером у командира дивизиона узнал, что красные надвигаются в направлении на Ростов и находятся уже в 6 верстах от Нахичевани. Правее нас были пластуны-терцы, они в сегодняшнем бою чуть ли не все целиком сдались; таким образом, наш правый фланг открыт. В этом районе находился корпус Мамонтова, на который нет надежды, так как сегодня он в беспорядке отступал. Мамонтов увлекся победой и преследованием, во время которого подвергся неожиданному нападению.

За нашей спиной — Дон, через который один мост в Ростов в 18 верстах от нас. Таким путем, мы получаемся в некотором роде в подкове. Ложась спать, я решил, что, если нас ночью или вечером не оттянут ближе к городу, мы уже не будем в состоянии благополучно выйти из этой подковы. Плюнул и уснул.

27.12.1919. В час с половиной ночи мы выступили из Чалтыря. Нам приказано идти в Батайск. Вместо нас в 8 верстах от Ростова фронт должна занять Алексеевская дивизия¹⁵², которая пришла с побережья. Погода была препаршивая. Было холодно, сыпалась крупа, и шел дождь; всё мокло, и вся одежда покрывалась толстой ледяной корой. Я щеголял в своих паршивеньких штиблетиках, болела десна и челюсть после удаления зуба, кроме того, живот не давал покоя.

Мы вышли на ст. Хапры и оттуда вдоль железной дороги двинулись на Ростов. Всюду, без малейшего промежутка, по всей линии стоят эше-

лоны в несколько рядов. На станции их начали уже уничтожать. Только что мы прошли станцию, там начали взрывать снаряды и бронепоезда. Дорога была препаршивая, до ст. Гниловской нам пришлось перебираться через четыре больших оврага, каждый из которых задерживал нас часа на полтора: лошади скользили, падали, пушки переворачивались, вытянуть их в гору запряжки самостоятельно не могли.

Не доходя до Гниловской, наши солдаты раздобыли из горевшего эшелона обмундирование, белье, сапоги, сахар, табак. Горели миллионы. К ст. Гниловской (6 верст от Ростова) мы подошли около 9 с половиной утра. Тут выяснилось, что Ростов уже занят «товарищами». Оставалось переправляться через Дон по льду, причем в этом месте 3 дня тому назад прошел ледокол. Благодаря морозу это место замерзло, но не основательно. Сначала переправили обозы и пехоту, а потом уже начали переводить пушки. К счастью, прошли благополучно, провалилось только 4-е орудие, но и его вытащили. Все с замиранием сердца смотрели, когда, перекрестив, начали переправлять 1-е орудие.

На ст. Гниловской зажгли нефть и начали взрывать склады со снарядами, порохом, динамитом, патронами. По всей линии от ст. Хапры до ст. Гниловской всё горело и взрывалось. В особенности сильные взрывы были на Гниловской, от горевшей нефти шел густой черный дым, всё клочкотало и трещало от рвавшихся ружейных патронов, сильнейшие взрывы ежеминутно следовали один за другим. Несчастные жители бежали из поселка. Они, должно быть, немало пострадали. Когда сначала зажгли эшелоны, солдаты 1-го Дроздовского полка начали разбирать из вагонов вещи, в это время взлетел на воздух вагон с динамитом и силой взрыва похоронил около 50 человек. Танки, бывшие на нашем участке, тоже взорвали.

Часа в 4 вечера мы прибыли в Койсуг, в 3 верстах южнее Батайска. Я в этот день с мокрыми ногами покрыл 25 верст пешком. Хорошо, что получил новые сапоги из горевшего эшелона, а то прямо пропадай.

28.12.1919. С Ростовом выяснилась такая история. В ночь на 27-е какие-то пулеметные полки и запасная батарея подняли восстание в городе. Юнкера и кавалерия им здорово всыпали, но, тем не менее, около 10 часов наши оставили город. Говорят, на мосту творилось нечто ужасное. Достаточно будет сказать, что Ростов почти совсем не удалось эвакуировать. Там осталось почти всё, в том числе лазареты, летучки и пр. с ранеными и больными. При этом погибло много бронепоездов. Никто не ожидал такого быстрого падения Ростова. Это весьма неожиданный, очень сокрушительный и чувствительный удар.

3-й Дроздовский полк Манштейна, который вчера шел впереди нас, подходил к окраине города, где его совершенно неожиданно обстреляли. Манштейн не рискнул занимать город только для того, чтобы пройти через него, и переправился у Гниловской. Хорошо еще, что на нас во время переправы не нажали «товарищи», а то многого бы не вывезли.

Наступают они вообще «жестко» и последовательнее, чем мы, преобладание живой силы дает им эту возможность. Говорят, что на наш фронт они перебросили около 400 тысяч. Это не совсем скромное число прибавлено к тому, что было раньше на фронте; на участок нашего корпуса, насчитывавшего немногим более 15 000, прибавилось до 100 000 красных. Достаточно наглядное соотношение сил.

Утром перешли в село *Кулешовку*. Весь день страшнейший туман, санная дорога совершенно пропала, всюду грязь.

29.12.1919. Перешли в дер. Петрогоровку в 2 верстах от г. Азова. Наша дивизия занимает фронт от Азова до Батайска. Фронт идет от моря по левому берегу Дона до Усть-Маньчской, а там по озерам. Азов занимал запасной Корниловский полк, который вчера куда-то драпанул. Сегодня туда поставили батальон 2-го Дроздовского полка. Прямо непонятно, что делается. В Азове был армейский склад Донской армии, в оставленном войсками городе почему-то безо всякой военной охраны в течение суток оставались большие запасы зерна и очень много снарядов. Всё пришло в расстройство. Уходя из города, Корниловцы взяли всех лошадей пожарной команды и вообще много чего увезли. Когда сегодня в Азов вошел батальон нашего полка, жители решили, что это красные, кто-то снял шапку и сказал: «Здравствуйте, товарищи». Ему за это вкатили ногой по голове.

Благодаря дождю есть надежда, что Дон станет непроходимым, по крайней мере «товарищи» не будут рисковать перешагнуть через это естественное препятствие. Пока снова стукнут морозы, пожалуй, удастся привести всё в порядок и поднять настроение армии. Все настолько подавлены этим ударом, что уже близки к отчаянию. Сейчас небольшие команды и разъезды красных несколькими выстрелами могут сбить и гнать наши части, что чуть не случилось уже сегодня. Разведка красных подошла к Батайску, из которого благодаря этому драпанул Корниловский полк. Его остановили только на южной окраине города, завернули и только тогда восстановили положение. Люди потеряли веру в свои силы.

30.12.1919. Разместились мы в *Петрогоровке* прескверно. В весьма небольшой комнате нас семь человек. Везде грязь, спать приходится на полу на сырой, грязной соломе. Весь день идет дождь, грязь невылазная на дворе и в доме. Кроме того, у нас в доме больна сыпным тифом дочь хозяина, и всё это тут, рядом с нами. Разве в мирное время или 2 месяца тому назад остался бы хоть на один час в таком доме, а теперь уже не обращаешь внимания. В теперешнее время заболеть — это кошмар и ужас, но об этом не думаешь и совсем не бережешься.

Среди офицеров батареи всё время обострены отношения, вызвано это исключительно тяжелыми условиями настоящего времени. Все раздоры и ссоры совершенно не обоснованы. Если относиться к положению дел сознательно, то невольно можно прийти к довольно грустным

размышлениям. В данном положении можно согласиться с тем, что чем меньше думают и размышляют люди на военной службе, тем лучше. Я не отчаиваюсь и всё время жду резкого перелома в нашу сторону. По-моему, в Совдепии должно что-то стрястись, уж больно долго они хозяйничают.

31.12.1919. Из Азова наши достали пива и вина, начали хлопотать о встрече Нового года. В 8 часов все собрались за столом, веселого ничего не было, не было и особенного праздничного настроения, а главным образом, не хватало водки. Вино оказалось весьма скверного качества, а глинтвейн из него получился уж совсем никуда. Около 10 часов простучали в какой-то таз 12 раз, и мы поздравили друг друга с Новым годом. Командир сказал, что нынешняя встреча Нового года проходит для нас в исключительно тяжелых условиях, когда многие уже близки к отчаянию и считают себя обреченными, и пожелал, чтобы в новом году укрепились наши силы и вера в них. Конец года был гнусный, и закончили мы его препаршиво.

Многие предполагали встречать 1920 год в Москве, а тут всё так неожиданно и с поражающей быстротой переменялось. Достаточно было только беглого взгляда на наш тыл, чтобы сказать, что головокружительный успех красных совсем не является неожиданным. Если у большинства была установлена такса на различного рода сделки с властью, то не приходится уже указывать на страшнейшие кражи, спекуляцию, пьянство, разврат, шкурничество, подлость и предательство. Всё было принесено в жертву личной безопасности, сытой, развратной жизни и собственному обогащению. Идея, долг, обязанность, государственность — это было забыто. Забыта была и армия в снегах Орловской губернии, воюющая без смены и отдыха, без пополнений и одежды. «Храбрость города берет» — говорит пословица, но одною храбростью не возьмешь целого государства. Дела шли хорошо, все решили, что и без них обойдутся; стало прескверно — все начали торопиться уехать подалее. Вот психология тысяч. В Новом году придется начинать сначала. Силы у нас, как будто большие, чем в январе 1919-го, но качество войска и настроение хуже. Тогда фронт был в Донбассе, а теперь на Дону; тогда грезилась Москва, а теперь по вечерам видишь огни Ростова и думаешь, как бы отойти дальше.

1920

ГОД

ПОЛОЖЕНІЕ въ ноябѣ 1919 № 5

Карта боев в ноябре 1920 года (из дневника Г. Орлова)

1.01.1920. Среда. Весь день идет дождь, да такой, что лучше не выходить на улицу. Дорога испортилась до того, что нам с пушками передвигаться будет очень и очень тяжело. Дон по льду, покрылся водой, но переправа через него возможна, что доказывается переходом людей и лошадей. Что же касается переправы частей, то она, хотя и возможна, но во всяком случае очень затруднительна.

Прямо против нашей Петрогоровки <позже Красногоровка, в наст. время район г. Азова. — *Ред.*>, на той стороне реки — богатая станица Елизаветинская, оставленная нами, но не занятая противником. Каждый день у нас на всякий случай стоит на позиции одно орудие. До Елизаветинской версты 2 с половиной — три. Весь тот берег от нас отлично виден верст на 6–7 в глубину и верст на 10 и даже больше по фронту. При достаточном количестве снарядов всякое передвижение там стало бы невозможным от одного артиллерийского огня. Окопов у нас здесь нет, и эта линия почему-то совсем не укрепляется, хотя на переход в наступление в течение этого месяца рассчитывать не приходится. На нашем и ближайшем к нему участках соприкосновения с противником нет. Красные, должно быть, занимают позиции по линии Мертвого Донца. Активности в этом районе они не проявляют; они или не рискуют (при данном состоянии погоды) переправляться через Дон или у них идет какая-либо перегруппировка, и приводятся в порядок железные дороги, что не так-то просто после нашего отхода. Только далеко вправо слышна отдаленная артиллерийская стрельба.

По слухам, в Ростове у красных идет сплошное пьянство и грабеж. В этом городе они солидно поживятся. Уже одной военной добычи им выпало больше, чем достаточно. У нас в батарее каждый день по несколько человек заболевают сыпным тифом; кроме того, на небольшой в данное время состав батареи приходится 36 больных-венериков. В это число не входят господа офицеры, среди которых можно найти также не совсем непорочных, в этом отношении. Несчастье редко приходит в одиночном количестве, обычно целая серия бед обрушивается сразу. Таковы уж законы подлунного мира.

2.01.1920. Прочел приказ командующего Донской армией и нашего генерала Сидорина. В нем говорится, что упадок духа, апатия, отчаяние и растерянность — не только среди частей, но и среди высшего командного состава — объясняются полной неосведомленностью о настоящем положении дел. Неудачи последних двух месяцев он объясняет отчаянными усилиями красных, сосредоточивших все свои последние силы на нашем фронте, с целью во что бы то ни стало к началу 20-го года завладеть хлебной Украиной и Донецким бассейном, без чего Советская Россия должна была бы погибнуть.

Об этом, по его словам, имелись достоверные и документальные данные, и еще в октябре месяце главным командованием был решен вопрос

об отходе тремя группами на Кавказ, в Крым и Одесский район. Непонятно, почему в таком случае так плохо нам удалось эвакуировать освобожденные места, если глубокий отход был так давно предрешен и почему нам не приготовили заранее хорошо укрепленной линии, на которой мы могли бы без труда удерживаться. Далее, всем командирам корпусов приказано лично ознакомиться с состоянием своих частей, привести всё в порядок и начать самую усиленную подготовку к предстоящему наступлению. К 1 февраля будут готовы три конных казачьих корпуса, кроме того, из Болгарии месяца через полтора ожидается корпус в 30–40 тысяч человек. Наступить мы начнем не раньше февраля.

Получены официальные сведения, что 1-й Донской корпус потрянул слегка большевиков, взяв 3 орудия, 30 пулеметов и 2000 пленных. Чрезвычайно глупо отдали мы Ростов и всё то, что там осталось. Будь такое же положение два месяца тому назад, мы, не задумавшись, прямо из Гниловской ударили бы на занятый уже город, вместо того чтобы переправляться через Дон, как это было 27 декабря, заняли бы его безусловно, наделали бы там тарараму и много бы вывели и спасли, если бы дальше удерживать его были бы не в состоянии. 27-го же числа на это не хватило решимости, и не было для этого настроения, а это последнее — чрезвычайно важная вещь в войне. Всем, и мне тоже, хотелось только переправиться, а о Ростове мы мало думали. Удержи мы его тогда, — совсем иная вещь в положении всего фронта. Да, глупо и обидно всё получилось. Мы в этом, правда, не виноваты, потому что нашу дивизию сняли, и нам приказано было идти в Батальск, что мы и выполнили. Но все-таки мы должны были ахнуть по Ростову, хотя и не имели бы на то приказания. Положение дел диктовало это.

Говорят, что не так давно в ставке было совещание относительно положения дел. Решено было в виду исключительного положения прибегнуть к диктатуре. Деникин, отказываясь от этого поста, выставил кандидатуру генерала Врангеля. Начальник штаба Донской армии генерал Кельчевский¹⁵³ указал на то, что почему-то в таких делах игнорируют Донскую армию и указывают только лиц Добровольческой армии. Говорят, что генерал Деникин на это сказал: «Кто же из вас, господа, возьмет на себя эту власть? — И, обращаясь к генералу Кельчевскому, добавил: — Может быть вы, Ваше Превосходительство?» Вопрос по всем данным до сих пор остается открытым.

Вечером поднялся небольшой морозик и сильный снег, при отчаянном порывистом ветре. Очень быстро намело по колено снегу, причем дуло так, что стоять на дворе было трудно. Редко мне приходилось видеть настолько сильные метели. Воображаю, каково отступать теперь по полю...

3.01.1920. Снова шел дождь. Ноги проваливались в снег по колено и вязли в подснежной воде и грязи. Наше орудие с большим трудом протянули лошади до позиции. Если бы пришлось отходить, не далеко удалось бы провести батарею, не вывезли бы, пожалуй, ни одной пушки.

Начинают приводить в некоторый порядок боевые части. Наконец-то нашлась Марковская дивизия, которая пропала было и о местонахождении которой никто не имел понятия. Ее поймали у Тихорецкой. За такой маневр начальника дивизии отрешили от командования и предадут, кажется, суду. Наш обоз 2-го разряда до сих пор не могут найти, и попасть на его след не удастся. Известно только, что 27 декабря он прошел через Батайск. Драпанул он весьма солидно. В это время пропажа обозов, частей не производит особенного впечатления. Трагические положения, в которые попадают отдельные люди, проходят совершенно незаметно. Англичанин капитан Меерс, который приезжал к нам в батарею 12 сентября во время «гермидера» в Машкиной Белице, где-то около Иловайской после крушения поезда был брошен с поломанными ногами и руками и попался красным. В эшелоне нашего обоза 2-го разряда было немало больных. 19 декабря, бросая эшелон в Амвросиевке, поручик Татарников оставил их на произвол судьбы. Кадет Сокало-Поповский, несмотря на сыпной тиф и высокую температуру, выскочил из эшелона и после целого ряда мытарств 22-го вечером присоединился к батарее в Мокром Чалтыре, где после прибытия через полчаса скончался. Есть основания предполагать, что весь состав управления нашего дивизиона, вместе с Андреевым и больными Лернером и некоторыми солдатами, попал в руки красных. Поручик Пользинский, с которым я виделся в Севастополе и который выехал оттуда раньше меня на один день, до сих пор тоже не приехал в свое управление.

4.01.1920. Мичман загнал несколько отрезвов материи, и на эти деньги решено было устроить выпивку для офицеров нашего взвода. Рано утром мы с поручиком Люшем, который вернулся в нашу батарею из авиационного отряда после того, как во время его дежурства был оставлен эшелон отряда в Киеве, когда последний занимался красными, поехали в Азов произвести необходимые для этого закупки.

Азов — город довольно паршивенький, немногим лучше наших Чаус. Несмотря на свое географическое положение, Азов не играет никакой особой роли. Рыбы тут очень много; говорят, что еще в мирное время тут в устьях Дона за одну тоню вытаскивали на 10—12 тысяч разнообразной рыбы. В данное время стоимость вылавливаемой рыбы измеряется миллионами рублей. Рассказывают, что кто-то из рыболовов-казаков (иногородним здесь не дают заниматься этим промыслом) вытянул на 7 млн рублей. Несмотря на это, рыба тут все-таки не дешевая. Все последние дни мы питались исключительно рыбой различных сортов. Было бы совсем хорошо, если бы ее жарили на коровьем масле, а не на подсолнечном, как нам приходится всё это время. Должно быть, благодаря этому маслу я до сих пор не могу отделаться от поноса, который продолжается уже две недели. Рыбы мы купили на 1000 рублей, и не так уж много ее вышло: сом фунтов в 10, несколько судаков и донских селедок. Вина достать не удалось. Получили через коменданта только 3

ведра очень приличного пива. Чтобы увеселить настроение, пришлось, за неимением водки, купить четверть «самогону» первого сорта за 1250 рублей. Я лично никогда бы за этот последний не заплатил бы и трети указанной суммы. Ко всему этому приобшили подстреленного одичалого гуся (в Азове такой экземпляр стоит 500 руб.). Нужно заметить, что тут целые стаи одичалых и никому не принадлежащих домашних гусей. Летают они очень хорошо и поднимаются на такую высоту, что дробью их нельзя было бы достать. По утрам пехота подымает иногда целую пальбу по ним, теперь такая охота уже запрещена командиром полка, а то не разобрать, что за стрельба: летят ли гуси или наступают большевики.

Ужин получился очень приличный: были приготовлены на настоящем масле вкусные пироги с яйцом и сомом, рыба тоже хорошо получилась. С гусем немного не повезло: его зажарили в перьях и, кроме того, подали совсем сырым. Почему так странно с ним вышло — непонятно. После каждой рюмки всех, и особенно командира, передергивало, но все продолжали пить. На пиво все набросились с удовольствием; я выпил его не меньше 5 бутылок.

1-й взвод наш всё последнее время, благодаря нашим неудачам на фронте, настроен особенно мрачно и уже совсем было вешал голову. Вчера мы составили на офицеров 1-го взвода довольно, длинного «журавля», где порядком прохватили его похоронное настроение. В ответ на это они описали в стихах устроенный офицерами 2-го взвода 15 декабря в Юзовке кутеж, результатом которого было получение шт.-кап. Гудим-Левковичем и мичманом Мировичем солидного трипера.

Офицеров 1-го взвода на нашем ужине не было. Под конец выпивки пропели «журавля» на 1-й взвод и прочли доморощенную поэму 1-го взвода в присутствии командира, который смеялся от души. И наши «журавли» и их «поэма» в общем не лишены остроумия.

5.01.1920. Одну из рот нашего 3-го Дроздовского полка выдвинули на ту сторону Дона на станицу Елизаветинскую. Красных там не было. Перед 1 января туда заявлялся разъезд красных, который объявил запись добровольцев в красную армию и уехал после того как никто не записался. Пока у нас всё тихо. Этот перерыв очень благотворно на всех подействовал. Всё более или менее приводится в порядок и, кроме того, подымается настроение, а то оно принимало совсем уже гробовой оттенок. Офицеры, прошедшие всю германскую кампанию, говорят, что согласились бы лучше 10 лет воевать при бывших тогда условиях, чем полтора года при существующих положениях гражданской войны. По их словам, «слишком тяжелая эта война и уж очень треплются на этом фронте нервы».

Нелегкая заварилась каша. Много правее нас красные продолжают продвигаться. Бои идут у Святого Креста <ныне — Будёновск> и Торговой. Это захождение их левого фланга мне не особенно нравится. Верстах в 20 правее Батайска красные переправились через Дон. Там прорвалось несколько дивизий, которые успели уже порядком продвинуться и занять

ст. Ольгинскую. Для ликвидации этого прорыва пошла Терская дивизия генерала Топоркова¹⁵⁴ и кавалерия генерала Барбовича¹⁵⁵. Если не водворят их там на место, придется нам отойти.

Узнал, что при оставлении Ростова было взорвано не менее 12 танков. В середине декабря были посланы для защиты Перекопского перевалка 1000 каких-то особых тяжелых снарядов, которые удалось с большим трудом и за большую стоимость получить из-за границы. Но их не успели привести в Крым, и на какой-то станции они были брошены. Должно быть, вся Донская военная флотилия, которая была достаточно сильной и основательной, теперь тоже погибла независимо от того, где бы ее ни поставили на зиму, так как фронт проходит или по самому Дону или южнее его, но ни в одном месте мы не занимаем оба берега.

Относительно настроений в тылу, кроме того что там везде паника и тяга на Новороссийск, различные люди говорят разное. Одни утверждают, что мобилизация идет очень успешно и казаки сами, не считаясь с возрастом, поднимаются на защиту своей области и прав; другие же передают, что на Кубани публика не хочет воевать и говорит, что они не допустят войны на их территории, а разоружат нас, когда мы перейдем границу области, и заключат мир с большевиками. Последнее маловероятно и было бы весьма для нас печально.

6.01.1920. Усиленная разведка из трех рот с пулеметами нашего полка ходила верст на 6 вперед от Елизаветинской на хутор Чернов, но красных нигде не обнаружили и вернулись обратно. 2-й Дроздовский полк, с которым теперь работают наша и 4-я батареи, вообще довольно слабый, в нем всего около 200 штыков. 1-й полк полковника Туркула и 3-й полковника Манштейна имеют не менее, чем по 600—700 штыков каждый. Туркул занимает участок правее, Манштейн — левее нас. Красные наступали сегодня правее нас на Батайск и Койсуг, но там отбили и захватили даже пленных, которые показали, что завтра большевики будут наступать на Елизаветинскую, то есть на нас.

Часа в 4 вечера (в 4 с половиной уже основательно темнеет, хотя день как будто заметно прибавляется, что для нас, в особенности при настоящем положении дел, даже неприятно) северную часть Елизаветинской заняли два эскадрона и одна рота красных, которые распространились было до церкви, но от последней их наши согнали. На южной окраине станицы всю ночь оставалась одна наша рота.

7.01.1920. Вчера, до получения донесения о занятии красными северной опушки Елизаветинской, командиром были назначены в батареях занятия. Каждый раз, когда после нескольких спокойных дней на фронте командир назначает занятия, всегда получается какая-либо пертурбация, а занятия отменяются сами собой. Поэтому мы ему уже предлагали, шутя, ссылаясь на это странное совпадение, не назначать занятия, если он хочет дальше спокойно стоять. Вместо мирных занятий в парке вышли «занятия при орудиях» на позиции во время боя. Оригинальное стечение обстоятельств.

Сегодня очередь дежурства была моему 4-му орудью. Вследствие вчерашних действий красных мы стали на позицию еще до рассвета. Часов до 9 всё было тихо и спокойно. Вначале десятого замечена была далеко колонна красных, которая двигалась полуоборотом, справа налево, — от Гниловской на Елизаветинскую. Вскоре после этого все орудия нашей батареи выехали также на позицию. Часов около 11 завязался бой. Сначала красные вытеснили наших из Елизаветинской и уже выскакивали на лед. Тут мы их взяли в оборот артиллерийским огнем. В 12 часов кроме нашей батареи по ним начал крыть еще взвод 4-й батареи. Положение их под огнем 6 орудий было не особенно приятным и прочным. Командовал наступавшим отрядом красных какой-то полковник Бахмутов. В это время было получено сообщение о том, что генералы Топорков и Барбович основательно заткнули дыру в прорыве, потрепав солидно красных и взяв в плен несколько тысяч, 9 орудий и 57 пулеметов южнее Ольгинской. В связи с этим нам приказано переправиться через Дон, занять Елизаветинскую и продвинуться дальше, а Корниловской дивизии — к 7 часам вечера занять Ростов.

На нашем участке пехота продвинулась верст на 8 севернее Елизаветинской и заняла хутор. Мы с пушками не могли пройти по льду и снова остались в Петрогоровке. Левее нас, против Азова, 6-я батарея пыталась перейти по льду Дон, но ей это не удалось, причем они потопили один передок. Обидно — пехота, ее обоз, штаб полка перешли туда, а наши орудия оказалось невозможно переправить на ту сторону. Корниловцам не удалось занять Ростов, так как красные сами в том месте наступали, и их только поколотили и отбросили обратно. Вечером получено было сообщение, что наши заняли Ольгинскую, захватив там еще одно орудие и 500 пленных. Говорят, что там хорошо поколотили конницу Буденного. Ночью была отбита атака красных на нашем участке.

8.01.1920. Прочел газету «Кубанское Слово» от 4 января. Относительно положения на фронте нет ничего заслуживающего внимания. Вновь заговорила Кубанская законодательная рада. Она восстанавливает прежнюю, до «насильственного переворота в ноябре» конституцию и требует освобождения арестованных и возвращения выгнанных тогда за границу членов Рады. Атаманом Кубанского войска сейчас генерал Букретов¹⁵⁶. Прежний атаман генерал Филимонов и следовавший за ним Успенский¹⁵⁷ умерли. Народу за эту осень умерло порядочно. От сыпного тифа умерли генералы Семилетов¹⁵⁸ и Тимановский. Сейчас болеет тифом генерал Улагай.

По тону газеты видно, что Кубань собирается основательно защищаться от красных. Формируется Кубанская казачья армия. Штатской публике запрещен въезд в Новороссийск и за границу.

Приехавшие из командировки два офицера нашей батареи рассказывают, что сначала паника везде была солидная, теперь же всё успокаивается и приводится в порядок. Корпусного интенданта, к которому они ездили, они найти не могли, хотя разыскивали его дней 10. Никто им не

мог указать его местонахождение. Пустяковое дело, если пропадает целое бывшее армейское интендантство. Зато верстах в 80 отсюда разыскался наш обоз 2-го разряда. Мы опять обречены на сидение без денег. О жалованье никто и не думает, скверно то, что у батареи нет сумм для дальнейшего пропитания и существования и неоткуда их получить, так как не разыскать интендантства. В смысле отношения к войне они привезли утешительные известия: идет усиленная мобилизация и формирование кавалерии, только в некоторых отделах вопрос с мобилизацией обстоит скверно. Формируются 3 конных корпуса. Всей кавалерией будет командовать генерал Шкуро, первым корпусом генерал Науменко¹⁵⁹, вторым — Шифнер-Маркевич и третьим — Бабиев¹⁶⁰, причем I корпус уже почти готов. Генерал Врангель формирует регулярную кавалерию. Англичане, по их словам, продолжают доставлять всё в Новороссийск; недавно туда прибыло 80 паровозов, много лошадей, снарядов. Всё стоило непомерно дорого — фунт стерлингов дошел до 4000 руб., а между тем чуть ли не месяц тому назад он стоил 1300 рублей.

Отношение к главному командованию Добрармии на Кубани, вследствие истории с Радой в ноябре прошлого года, неважное. Говорят, что из-за этого ставка Деникина находится не в Екатеринодаре, а на станции Крымской. Особого совещания при главнокомандующем не существует больше. Председателем верховного правительства при генерале Деникине назначен Донской атаман генерал Богаевский. Он выступил в Краевой раде и указал на необходимость единения казаков с Добрармией, ссылаясь на то, что англичане помогают не казакам, а Добровольческой армии, что Деникин имел полную возможность отойти на Крым, и не понес бы в таком случае таких чувствительных потерь, и что последний заявил, что он сам не оставит казаков, если они не вернуться от нас. Во время речи Богаевского раздался голоса с места: «А Калабухова все-таки не вернешь». Поскорее бы унялись все эти трения и волнения страстей.

Красные сегодня несколько потеснили нас. Сразу за Доном, вокруг Елизаветинской, обширное болото. Благодаря мягкой погоде и дождям передвижение там не только для артиллерии, но и для пехоты стало весьма затруднительным. Вследствие этого выяснилось, что в этом месте в данное время мы не можем наступать. Для пушек уже было приказано соорудить салазки, чтобы мы могли пройти по проламывающемуся льду на ту сторону; но теперь не только отставили это, но и пехоту перевели обратно сюда, оставив там только заставу, так как появилась опасность, что река может стать совсем непроходимой: по льду пошла уже довольно интенсивная вода.

За эти 2 дня у нас большие потери: убиты 1 офицер и 11 стрелков, ранены 13 офицеров и человек 40 солдат. Красным это дело тоже даром не прошло: захвачено 24 пленных и от одного только нашего артиллерийского огня убито больше 25 человек и ранено не меньше 80; кроме этого, огонь нашей пехоты едва ли был безрезультатен.

9.01.1920. Утром красные без труда выбили нашу заставу из южной окраины Елизаветинской и хотели даже переправиться на нашу сторону, но дальше выхода из деревни мы их в течение целого дня не пустили. Ходить по льду под артиллерийским огнем не особенно приятно. Жаль, что как раз в этот момент, когда почти половина людей ушла с батареи обедать, они высыпали и пробовали перейти реку. Завернуть-то их завернули, но «навернули» им недостаточно, так как смогли открыть огонь только взводом, а не целой батареей. После обеда красные начали переправляться через Дон правее нас, у хутора Усть-Койсугского, и заняли этот последний. Почему так получилось и почему там почти не было наших, мне не совсем понятно. До вечера туда успело перебраться не менее 1000 человек, в числе которых было не менее 500 всадников. Вечером левее нас они открыли артиллерийский огонь примерно по центру города Азова и этим ограничились, а часов с 8 в темноте начали наступать правее от Усть-Койсугского и выбили роту из хутора Шведова, заняв последний. Благодаря такому положению дел у нас на ночь всё было замуничено, и все были наготове.

Около 1 часу ночи всех разбудили; прямо перед нами у Елизаветинской поднялась здоровая стрельба. Раз 10 ахнула пушка с их стороны, кроме того слышны были разрывы ручных гранат. Тревога оказалась напрасной — это наша разведка наскочила на их разведку почти у самой станции, и через 1 час всё совершенно успокоилось.

10.01.1920. Утром на Усть-Койсугский начал наступать наш 1-й полк Туркула и конница Барбовича. Оказалось, что туда успели уже переправиться до трех полков пехоты и около 500 сабель. Бой разгорелся солидный. У красных в этом деле кроме легких участвовали тяжелые орудия. Тем не менее, их вышибли из Усть-Койсугского. Туркул хотел занять еще Колузаево, но переправиться на ту сторону не смог. Первый полк понес крупные потери: около 60 человек ранено и 5 убито. Тяжело ранен командир 1-го дивизиона нашей бригады полковник Протасович¹⁶¹. Красные в Усть-Койсугском оставили до 200 трупов. Пленных Туркул, говорят, не брал. Некоторое время тому назад нами оставлены Кизляр и Святой Крест. По Маньчу бои идут севернее Великокняжеской.

11.01.1920. Наши почему-то снова без давления ушли из Усть-Койсугского и туда снова переправились небольшие группы красных. В батарею вернулся ушедший в конно-горный дивизион в ноябре 1918 г. прапорщик Лукин. Про настроения тыла (с февраля 1919-го он служил в парке) говорит, что царившая последнее время паника и растерянность постепенно исчезают, и всё, хотя и очень медленно, начинает налаживаться. В некоторых местах мобилизация идет плохо. Казаки поговаривают: «За что мы будем воевать? наших избранников вешают, а мы будем драться за какую-то кучку монархистов». Но в большинстве случаев идут охотно, мобилизуются все — от 17 до 55 лет.

Дряблая наша интеллигенция показывает еще раз полное свое ничтожество, она совершенно устала и говорит: «Или те или другие; только бы

это поскорее окончилось». Мы разве не устали больше ее, но ничего похожего не говорим. Самостийное течение на Кубани сильно. Новый атаман Букретов в данное время тоже является выразителем этого течения. Когда генерал Богаевский докладывал в Раде о необходимости единения казачества с Добрармией, и что в этих целях он принял пост председателя верховного правительства, ему кричали с мест: «Позор! Зачем?» Созывается Верховный Казачий Круг, куда войдут представители Тихого Дона, Вольной Кубани и Буйного Терека. Одни стоят за передачу ему всей полноты власти, а казаки-линейцы хотят оставить ее генералу Деникину. Теперь в приказах начали печатать выдержки из газет с целью хоть немного осветить фронту положение дел, а то ведь на позиции сидишь и ни черта не знаешь, что делается. Сегодня я читал впервые такие выдержки. Хоть какое-то понятие будешь иметь о главном.

12.01.1920. Начались морозы, и даже весьма приличные, сегодня температура опустилась до -10 примерно. Это уже хуже для нас; удерживаться на этой позиции будет безусловно гораздо труднее, если по льду через Дон переправлять можно будет всё что угодно. Во всяком случае, стало много беспокойнее и тяжелее, а нам тут необходимо задержаться, по крайней мере, на 3–4 недели, пока всё будет готово для нашего наступления с нашей и новой Кубанской армией.

Читал сегодня сводку за несколько последних дней. За всю операцию под Ольгинской и Хомутовской нами взято 12 орудий и больше 100 пулеметов; причем там указано, что много орудий и всадников провалилось под лед при отступлении. Там же разбита дивизия Буденного. 9 числа нами снова занят Святой Крест, а 11-го Кизляр; взято много пленных и орудия; преследование продолжается. Относительно Крымской нашей группы сведения довольно смутные; бои идут у Елизаветграда и 9 числа на линии Геническ–Алешки. Бронепоезд «Пластун» делал набег на Жмеринку, захватив там 2 бронепоезда противника и несколько человек в плен. Говорят, под Батайском к нам во время боя перешли и открыли по красным огонь человек 100 пластунов-терцев, захваченных в бою 26 декабря. Тогда их захватили немного-немало, а человек 700; офицеров, не успевших подделаться под общий вид, красные зарубили, а остальных поставили в строй и заставили наступать.

Вдоль северной опушки нашей деревни сегодня начали рыть окопы.

13.01.1920. Утром красные снова пробовали наступать на Азов и на нашем участке; они даже довольно близко подходили к нам, выйдя из Елизаветинской очевидно перед рассветом. Почти исключительно артиллерийским огнем их водворили на место. Всё ничего, но уж больно холодно стало; мороз дошел, должно быть, градусов до 15; на позиции за целый день здорово намерзнешься. Когда спокойно, на батарее днем дежурят люди только одного орудия.

Часа в 3, во время дежурства нашего орудия, над Азовом и над нашей позицией совсем низко пролетел аэроплан красных. Мы сначала приня-

ли его за свой, потому что уж чересчур низко он летел, а потом отчетливо увидели на крыльях красные звезды. Не особенно весело было бы, если бы он обкатил нас из пулемета. Он бросил прокламации, в которых содержалось требование к 13/26 января очистить Азов и вообще эту линию без давления. В противном случае никому пощады не будет, и город будет подвергнут усиленной бомбардировке. Довольно наивно. Поручик Люш уверял, что красный летчик пролетел на английском аппарате «Сопвич». Почти все наши авиационные отряды достались красным во время этого отступления.

Из Новороссийска стали отправлять на Принцевы острова семьи офицеров, у которых нет абсолютно никаких средств. Тем семьям, у которых есть средства, предложено переехать на другие острова (Мальту, Корсику) и за границу. Говорят, что англичане, в случае крушения Добрармии, гарантировали вывоз всех офицеров и их семей и обещали не отдавать Новороссийска до тех пор, пока не закончится погрузка всех.

14.01.1920. День был довольно спокойный на нашем участке. Ездили в Азов в баню. В городе тиф производит солидные опустошения, хоронят ежедневно десятками. Лечить больных, по-видимому, нечем; эвакуированные из батареи больные солдаты возвращаются обратно, их некуда было поместить. Здесь, в деревне, тоже во всех хатах лежат. Состав батареи сильно поредел. У большевиков тиф, говорят, развит еще сильнее. Почти каждый день оттуда перебегают к нам одиночные люди; порядку там, по и их словам, нет совершенно, воевать дальше они не хотят. От нас тоже на днях перебежало к ним 5 офицеров знаменской роты 2-го полка. Что настроило этих подлецов таким образом, прямо непонятно.

Из штаба дивизии потребовали, чтобы взвод нашей батареи завтра утром прибыл в Азов, где он будет стоять временно на позиции. Говорят, что под Кагальником зашевелились красные, поэтому нас туда и требуют. В Азов должен будет пойти наш 2-й взвод завтра на рассвете.

15.01.1920. Часов в 6 с четвертью оба взвода были уже готовы: 2-й к отправке в Азов (все вещи были сложены), а 1-й через 15 минут должен был стать на позицию. Дежурным офицером был как раз я. Я стоял на перекрестке улиц и пропускал мимо себя наверх повозки. Случайно посмотрев в сторону Елизаветинской, я в предрассветном тумане около тростников заметил что-то, не совсем похожее на камыши; и это что-то оказалось весьма приличной цепью красных. Я успел только вскочить в квартиру командира и сообщить об этом, и сейчас же началась здоровенная стрельба. Ловко их прозевали и чуть ли не впустили в самую деревню. Пришлось довольно быстро эвакуироваться из деревни. С прежней нашей позиции мы успели сделать около 15 выстрелов, после чего пришлось отходить дальше, так как благодаря поднявшейся сильной метели не было ничего видно дальше 50 шагов. 2-й взвод из этого «герמידера» выскочил довольно благополучно, так как все наши вещи были заранее приготовлены для отправки в Азов, 1-й же взвод оставил все свои вещи,

кроме того, остался ящик с патронами и всей запряжкой, много повозок с лошадьми и строевых лошадей. Это поднакрыли нас.

Ветер был настолько основательный, что всё время то нос, то щеки покрывались ледяной корой и отмерзали, прямо нельзя было успевать оттереть. Смерзались даже ресницы на глазах. Никого из нашей батареи не зацепило, хотя пуль по всем улицам летело весьма серьезное и внушительное количество. В тот момент, когда мы переходили железную дорогу (в 1 версте за Петрогоровкой), 1-й батальон на правом фланге отходил, и красные ворвались уже было в деревню, а между колонией Ново-Александровской (в 2 верстах правее нашей деревни) и Петрогоровкой там стоит 3-й батальон нашего полка и взвод 4-й батареи. Они уже подходили к линии железной дороги. На левом краю деревни 2-й батальон быстро собрался, погнал красных перед собой, затем свернул вправо и вышел в тыл тем большевикам, которые теснили 1-й батальон. На левом краю деревни 2-й батальон захватил человек 30 пленных, а на правом — человек 60 и 2 пулемета, и успел отбить наших, которых красные уже было взяли в плен и хотели вести в Елизаветинскую.

Благодаря такому маневру наши смогли снова удерживаться на нижней (северной) улице деревни. Мы открыли огонь, сначала не видя противника из-за метели, а когда часов в 8 с половиной немного прояснилось, начали отбивать повторные атаки красных на Петрогоровку и правее ее — между нами и колонией. Часов в 11 из Азова подошел к нам на помощь полковник Туркул с двумя батальонами 1-го полка и 2-й батареей, но в это время мы уже загоняли красных артиллерийским огнем в Елизаветинскую, так что Туркул посмотрел только и ушел обратно в город.

Из опроса пленных выяснилось, что красные часа в 3 ночи двинулись сегодня в наступление по всему этому фронту силою до 7 полков, начиная от Азова с запада и кончая Батайском. Везде их отбросили и потрепали. В районе Кулешовки их взяли в приличный переплет и, кроме того, им в тыл вышла конница Барбовича, которая заскакивала даже в Усть-Койсугский. На нашем участке они, кроме пленных, потеряли 15 убитыми и не особенно мало ранеными. Некоторые раненые, даже не особенно тяжело, замерзали на снегу и льду. Говорят, что во время сильного мороза остановить сильное кровотечение гораздо труднее. Я сам сегодня увидел обледеневшие и сильно окровавленные трупы раненых в ногу. Убитые большевики не русского происхождения, напоминают больше всего татар. Из пленных расстреляли 4 человек, и в том числе бывшего поручика. У нас убито 3 офицера, ранено 11 солдат, и 7 человек из обоза 2-го полка сдались в плен (бывшие красноармейцы). Большевики ничего не успели захватить из того, что нами было брошено вначале в деревне. Они успели только разобрать вещевую повозку телефонистов, но большинство этих вещей было снова захвачено вместе с пленными.

Жителям Петрогоровки не особенно повезло: снарядами красных разбито было несколько домов, и во многих окнах повывлетали стекла.

В первом часу всё успокоилось и перешло на обычное положение. Около 4 с половиной красные начали редким артиллерийским огнем обстреливать нашу деревню. Стреляли они то одним орудием, то взводом всё время. Мы решили, что они хотят беспокоить нас по ночам и не обращали особенно внимания на этот назойливый огонь.

Мне казалось, что они начнут наступать ночью, но против этого говорила отчаянная погода и то, что им сегодня везде всыпали. Около 9 часов я задремал, но мне уже к этому времени надоело, как и всем другим, непрекращающийся обстрел нашей деревни. Минут через 15 раздался у камышей сильный ружейный и пулеметный огонь, поднялись 2 ракеты, и артиллерия красных участвовала своей очереди. Быстро все смотались и, несмотря на ночной «гермидер», в момент запрягли пушки и выехали на позицию. Молодцы наши солдаты: всё это было проделано с удивительной быстротой. Из всех дворов выскакивали рысью повозки обоза, и на этот раз уже ничего не оставили в деревне. Пехота быстро начала отстреливаться, мы дали несколько очередей, и вскоре всё начало успокаиваться. В деревню красных не пустили; они отошли в камыши, а так как дальнейшая обстановка не была выяснена, то мы всю ночь оставались на позиции. В нашем распоряжении была железнодорожная будка в одну комнату, в которой греющаяся публика помещалась посменно, и то с трудом можно было там стоять, столько туда входило народу. Паршивая вышла ночь. За этот ночной «гермидер» у нас в батарее ранен один солдат и 6 лошадей. Пехота отделалась благополучно.

16.01.1920. Пребывание вне дома делается почти невозможным. Дует какой-то отчаянный северный ветер при сильном морозе. Прямо задыхаешься, если идешь против ветра, и в момент всё отмерзает. Сплошной ужас. Вот тебе и зима на юге. Похуже будет, чем на севере. К вечеру поднялась еще метель. Наши сегодня ночью нанесли большевикам ответный визит. Левее Елизаветинской на Обуховку пошел Манштейн с двумя батальонами своего 3-го полка; прямо на Елизаветинскую отсюда пошел командир нашего 2-го полка полковник Титов¹⁶² с двумя батальонами; правее Елизаветинской — между ней и хутором Шмат — прошел Туркул с двумя батальонами своего 1-го полка и одним орудием. Туркул дошел до курганов «Пять братьев» (верст 7 отсюда) и оттуда, с севера, обрушился на станицу. Правее Туркула должен был пройти еще Корниловский 4-й полк, который должен был прийти в Кулешовку и уже оттуда начать движение. Около полуночи большевикам был устроен настоящий «гермидер». Им показали, как нужно наступать ночью. Наш полк ничего не захватил, обстрелял только станицу с юга, наделал тарараму и вернулся. Туркул захватил команду связи, пулеметную команду, 33 пулемета, 138 пленных и повозок 35 обоза. Манштейн захватил 2 пулемета, 150 пленных, 4 легких орудия и 48-линейную гаубицу. Вот это «гермидер»! Говорят, красные во время переполоха несколько раз ахнули по своим картечью.

Поход удачный, но люди измотались сильно. Погодка была собачья, а они проболтались всю ночь и вернулись после рассвета. Туркул, возвращаясь назад, заблудился и вместо Азова попал в Кулешовку. Корниловский полк в том деле не участвовал. Он сильно опоздал и подходил к Кулешовке уже тогда, когда его там никто не ожидал. Застава у Кулешовки приняла Корниловцев за красных и обстреляла их, после чего Корниловцы вернулись обратно. Жаль, что так вышло. Манштейн захватил пушки вместе с запряжками, ездовыми и номерами и благополучно доставил их в Азов. Говорят, что у красных там была еще гаубица, но она успела ускользнуть. Елизаветинскую наши не занимали. Захваченные пленные оказались четырех различных полков. У Туркула проводниками были казаки из ст. Елизаветинской. Интересно, что предпримут красные в ответ на это?

17.01.1920. Этот циклон всё продолжается и с каждым днем всё свирепеет. Простоять 2 часа на позиции у пушки уже делается делом трудным. Разводим костер, но и это очень мало помогает. Замерзаешь пока дойдешь до места, а идти всего-навсего не более 200 сажень. Сегодня метели не было, но ветром подымало снег с земли и мело настолько основательно, что шагах в 100 ничего не было видно. В доме у нас тоже не особенно тепло. Топят здесь теперь соломой или стеблями подсолнечников и камышом (каменного угля, конечно, нет). Пока печь горит, — тепло, а когда ее затушат, температура быстро понижается. В особенности это чувствуется ночью и под утро. На случай всяких ночных «гермидеров» приходится брать к себе в дом вещи. Спать приходится, не раздеваясь совершенно, даже в сапогах и папахе. Я лично укрываюсь шинелью, но даже те, которые располагают полушубками, и то к утру замерзают в комнате. Вшей развелось невероятное количество, днем как-либо снимешь нижнюю рубаху и поймашь без особого труда около сотни. Почти все простужены; кроме этого почти каждый день у нас в батарее заболевают сыпным тифом всё новые и новые люди. Что было бы, если бы не достали еще сами обмундирования из горевших эшелонов во время отхода 27 декабря? Почти все ведь были совсем не одеты, а главное, батарея была без сапог. Некоторые из солдат успели захватить даже очень немало. За это время чуть ли не все деревенские девушки Петрогоровки начали ходить в английских носках. В данном случае солдатики оказались выгодными ухажерами. Очень занятые здесь в деревнях обеденные столы: круглые, около 1,25 аршина в диаметре, на 4—5 ножках, высотой меньше пол-аршина; во время обеда и ужина семья садится за этот стол посреди комнаты на особых маленьких скамеечках. В остальное время этот стол стоит прислоненным доской к стене или печке. Настроение здешних жителей не поймешь. Боятся страшно боев и хотят только, чтобы линия фронта передвинулась куда-либо подальше.

18.01.1920. Разговорился с командиром относительно преступлений нашего тыла — интендантств, снабжений и прочих богоспасаемых учреждений. Узнал прямо-таки ужасающие подлости, проворовались все: генералы, стоящие во главе этих учреждений, полковники, обер-

офицеры и чиновники. Продавались казенные вещи из складов в розницу и, главным образом, оптом. Фронтвые части на свои законные требования получали отказ; для того чтобы получить только то, что предназначено, нужно было давать взятки разным генералам и полковникам из интендантства и отдела снабжений. Начальника отдела снабжения генерала Деева¹⁶³, говорят, предали суду, но он до суда от чего-то умер. Чтобы разные тыловые люди, интендантства были роскошно одеты, получали каждый месяц бесплатно отрез сукна на брюки (из этого отреза можно было сшить несколько брюк) и всё, что только можно было. Когда наш командир обращался с просьбой отпустить нам, за деньги, этого сукна по расчету на наличный состав батареи, то ему в этом наотрез отказали, а между тем это сукно распродавалось направо и налево частным людям с целью спекуляции. Было всё и в достаточном количестве. Но нам ничего не отпустили даже и за деньги. Даже мадаполаму или бязи, от которых ломились военные склады, нам не дали. Фронт ходил раздетым; начались морозы, вьюги, снег; люди ходили в буквальном смысле без сапог и подметок, и ноги заворачивали в мешки. Всё можно было дать и еще бы осталось. Лучше не говорить обо всех этих делах. Теперь всё брошено, многие на этом сделали большие дела и сняли с себя всякую отчетность и ответственность, сказав, что нельзя было вывезти.

Возмутительней всего то, что за день до сдачи Ростова многие командиры частей обращались в разные интендантства с просьбой выдать обмундирование и указывали на то, что всё равно всё это будет брошено, и то получили отказ. Вся эта публика решила, что всё абсолютно для них, а нас считали за каких-то дурачков, которые могут и должны, находясь всё время на фронте, жить в отвратительной обстановке, рисковать всё время здоровьем, не говоря уже о жизни, не получать даже того, что нам положено, и своими силами поддерживать свое существование и прикрываться от наготы и непогоды. Говорить с ними нечего, их нужно тысячами вешать.

19.01.1920. Начали поговаривать о том, что нас скоро сменят, и наша дивизия пойдет, быть может, в район Новороссийска, для борьбы с зелеными. Говорят, что зеленые сильно обнаглели. Передают такие подробности, что штаб зеленых помешался в Новороссийске в одном доме с нашим штабом. У нас эти дни проходят спокойно. Справа и слева на соседних участках тоже ничего не делается. Последние дни левее Азова начала работать броневая площадка бронепоезда «За Русь Святую» с 6-дюймовой пушкой.

Ходит масса всевозможных слухов о перегруппировках противника. Говорят, что Буденный идет из Таганрога по морю в направлении на Кавказ. Такой поход теперь вряд ли возможен из-за погоды. Сегодня по Реомюру – 19 без ветра, а еще этот всё продолжающийся неистовый циклон. Пройти верст 25 по льду при таких условиях не так уж просто.

Поляки, говорят, заняли Могилев, а в районе Гомеля бои. Были сведения, что они заняли Двинск, Коростень и находятся в 30 верстах от Киева. Сведения об их фронте доходят крайне редко, всё ограничивается только слухами. С Махно красным тоже, кажется, придется повозиться. Говорят, что у него снова около 30 000, разоружить которых большевикам не удастся. Приятно, что они между собой основательно повозятся. Жаль только население. Борьба с Махно вообще трудно, так как его банды состоят из местных жителей. Когда им приходится туго, они рассасываются и превращаются в мирных жителей, а через некоторое время шатия снова собирается.

20.01.1920. Красные подвезли опять артиллерию в Обуховку и Елизаветинскую и озаменовали это бомбардировкой Азова. Ветер немного сбавился, но мороз заметно усилился, всё потрескивает прямо. Роскошные ночи, луна почти полная, видно как днем.

Красные часов около 9 пустили несколько ракет на нашем участке и в районе Усть-Койсугского, кроме того, от перебежчика были получены сведения, что сегодня ночью они будут наступать. В силу этого нас разбудили часов около 11 и приказали стать на позицию около железнодорожной будки. От пехоты были назначены усиленные караулы. У нас всё прошло благополучно, на нас они не наступали, а часов около 12 повели наступление на Батайск и несколько правее его. У нас в эту ночь пропала разведка в 8 солдат с 2 офицерами. Заблудиться было трудно (слишком светло), влипнуть — тоже. Перекочевали, должно быть, к красным. Интересно, офицеры участвовали в этом или их потащили?

21.01.1920. Приехал из командировки Мардиросевич, привез некоторые новости и газеты. 16-го числа было историческое заседание Верховного Круга, на котором генерал Деникин выступил с большой политической речью. Я приведу здесь некоторые выдержки. Начал он так: «В дни наших неудач все ищут причин, поколебавших фронт. Правые видят их в недостаточно твердом проведении своих программ, левые — в реакционном правительстве, одни в самостийных стремлениях, другие в нетерпимости к новым государственным образованиям, третьи — в главном командовании, и все видят их в грабежах и бесчинствах войсковых частей, даже те, кто толкает их на эту измену. И вот теперь, когда всё горит и пылает в огне политических страстей, я отмечаю всякие личности, всякие ошибки, всякие социальные и политические нетерпимости. Умудренные печальным опытом прошлого, мы должны напрячь все силы, чтобы искупить свои большие и малые, вольные и невольные вины перед Родиной, в безысходных страданиях жаждущей избавления. Что же случилось на фронте? Если на Воронежском направлении мы имели перед собой огромные силы противника, стянутые со всех сторон, под напором которых отодвинулся наш фронт, то под Ростовом и Новочеркасском, к стыду нашему, мы имели превосходство над противником и в технике, и в силе, но дух был подорван. Мы отступали вследствие безудержной

пропаганды, подрывающей авторитет командования и отметающей цели борьбы. И вот, в начале декабря южнее Купянска расплылись сильные конные казачьи группы, которые должны были, решить участь всей армии. Шли горячие бои под Ростовом, и я видел под Батайском целые вереницы веселых здоровых всадников на хороших лошадях, уходящих с фронта в тыл. И еще больше болело сердце за погибших добровольцев, которые имели возможность безболезненно уйти в Крым, и вместо этого направились к Дону, чтобы вместе с казачеством своею грудью прикрыть Дон. Болело сердце и за те тысячи казачьих жизней, павших безрадостно, не увидевших победного конца.

Но это в прошлом. Фронт поправился и стал прочным. На Донском фронте даже численный перевес противника невелик. Конные казачьи части разбили недавно Буденного, и вчера снова получилось сообщение, что славные Донцы одержали победу и отбросили конницу Думенко, которая оставила большую часть своей артиллерии. Добровольческие части в течение двух недель отбивали яростные атаки громадной массы противника и сохраняли фронт. Теперь Терцы отбросили противника далеко за Кизляр. Крым и Новороссия охраняются добровольцами. Возможны еще неудачи, но дальнейший отход не страшен при изменении настроения нашего фронта и при неременном условии немедленного выхода на фронт Кубанских частей для наступления и для прикрытия некоторых направлений, совершенно открытых и угрожаемых. В самом деле, не кажется ли вам странным, что в часы грозной опасности из всего Кубанского казачьего войска на боевом фронте держится только 3 с половиной конных дивизии и 3 пластунских бригады (силою в 2 с половиной тысячи шашек и 6 тысяч штыков). К сожалению, преступная пропаганда продолжает делать свое преступное дело: нежелание хоперских полков идти на фронт, большая утечка из других частей, — всё это отзвуки нездоровой екатеринодарской атмосферы».

Относительно настроения фронта Деникин говорил в другом месте так: «Собрание 12 декабря всех старших военачальников армии выяснило яркую картину положения и настроения фронта. Все с полным единодушием заявили: 1) продолжение борьбы возможно и необходимо и обещает успех; 2) необходимо немедленное выдвижение на фронт Кубанских частей для наступления и прикрытия обнаженных направлений; 3) Донская и Кубанская армии имеют право на существование по своим историческим заслугам, но составляют часть единой Русской армии под управлением единой русской власти, которая использует армию на тех фронтах, где это потребует стратегической обстановкой. Без этого единства армии, без единства России продолжать борьбу невозможно. То тягостное неопределенное положение, в котором живет сейчас армия, выносить дальше нельзя. Необходимо немедленное разрешение вопроса о власти, ибо русское добровольческое офицерство готово сложить свои головы за Россию, но за благополучие одного лишь казачества умирать не

будет. Это положение было высказано не только твердо добровольческими начальниками, но и командующими Донской и Кубанской армиями; 4) Добровольческая армия и части, входящие в состав казачьих армий, и русское офицерство местной власти не подчиняются; 5) горские народы Северного Кавказа власти Верховного Круга не признают».

Далее: «Если Верховный Круг всё же найдет возможным принять рискованное решение отказаться от организации общерусской власти и создаст казачье государство, отдельную армию и поставит ей задачей только самозащиту, то и мне, и Добровольческой армии здесь не место. Надо искать других путей для освобождения России. Я постараюсь нарисовать вам картину ближайшего будущего, основанную на ярко образных докладах всех казачьих и добровольческих военачальников. Я с Добровольческой армией уйду. Русское офицерство и добровольцы, заполняющие почти все технические казачьи части, уйдут с нами, уйдет значительное число казачьих начальников и того казачества, которое не в силах пойти под большевиков, или не ждет от них пощады. Помните, что это ведь та сила, которая могла бы воспрепятствовать движению другой силы. В тот же день рухнет весь фронт. Большевики залиют кровью Задонье и Кубань, они не забудут ни чрезвычайных судов, ни порок. Пощады не будет. Для Европы они ведь недавно отменили смертную казнь, а сами заливают кровью Ростов, Новочеркасск и Донские станицы. Через 2–3 месяца ограбленные дочиста казаки, недосчитывающие многих замученных, восстанут и вновь начнут борьбу, помянув недобрым словом тех, кто их сбил на это.

Не скрою и того, что если мне придется уходить, то я сделаю это с глубокой скорбью, с жгучей болью за разрушенные надежды и за погибшие идеалы того честного, славного казачества, с которым я так долго делил радость и горе. Зачем же нужно разрушать жизнь? Какое непримиримое противоречие возникло между казачеством и главным командованием? Почему рождавшееся в таких долгих муках положение конференции об общегосударственной власти оказалось неприемлемым сейчас? Зачем нужно расчленять Юг России на призрачные государства, лишённые силы и голоса в международной политике? Я веду борьбу за Россию, а не за власть, но эта борьба невозможна без полноты власти Главнокомандующего. Эта власть, конечно, не может быть компромиссом».

Закончил генерал Деникин так: «Если возможно будет идти дальше с казачеством рука об руку, я пойду с радостью и с глубокой верой в конечный успех. Если же нельзя, — разойдемся, и пусть Бог и Россия рас судят нас».

С ответной речью выступил председатель Круга Тимошенко. После некоторого вступления он сказал так: «Несмотря на талант Главнокомандующего и блестящую плеяду полководцев, его окружающих, вахмистры Буденный и Думенко отбросили нас к исходному положению. Не будем прислушиваться к тому, что говорят правые, что говорят левые, но давай-

те учтем причины этого нашего поражения. Великую идею освобождения родины, этот драгоценный сосуд, можно принести в Москву только с народом и только через народ. Мы ценим талант Главнокомандующего и его соратников, но в Гражданской войне кроме таланта стратегического и учета обстановки военной нужно учесть и сторону политическую. Гражданская война — это не племенная борьба, это борьба за формы правления. И поэтому воссоздать Россию мы можем лишь такой политикой, таким лозунгом, которые близки и понятны народу. Мы приветствуем заявление Главнокомандующего о том, что земля должна принадлежать трудовому народу и казачеству, но мы думаем, что этот лозунг должен был быть написан на нашем знамени еще в самом начале борьбы. Мы приветствуем лозунги, провозглашенные сегодня Главнокомандующим об учредительном собрании, но мы думаем, что этот лозунг нужно было провозгласить еще в самом начале борьбы, при выходе из Екатеринодара. Диктатурой России не победить...» Далее: «Кубань много принесла жертв и много их еще принесет, но Кубань не мыслит себе диктатуры, не мыслит такого положения, когда народ безмолвствует. И с диктатурой, т. е. властью насилия Кубань не примирится. Весь мир сейчас объят движением народным, и наши русские события — лишь волна этой общей стихии, и расценивать нынешние народные движения по-старому — как смуту, клеймить их как предательство и измену, как прежде, — это крупная, тяжелая ошибка. Мы пойдем сражаться, но не как рабы, а как свободные граждане, которые не подчинятся никакой диктатуре, как бы велик диктатор ни был. Верховный Круг, объявив себя верховной властью на Дону, Кубани и Тереке, не мыслит себя совершенно отдельным от России государством. Идея единой России Верховному Кругу близка, но борьбу за ее воссоздание Круг мыслит себе иначе. И если между Верховным Кругом и Главным Командованием возникли разногласия, они могут быть устранены. Это только разногласия относительно построения власти и организации аппарата управления. Соглашение возможно и необходимо в общих интересах, а для этого нужно не подходить с заранее предвзятым определением друг к другу. Мы никогда не говорили, что во всех неудачах виноват Главнокомандующий, но и не нужно говорить, что мы, здесь собравшиеся, — смутьяны и изменники. Это неверно. Изболевшиеся душой, мучимые вопросами, как устроить нашу жизнь дальше, собравшиеся здесь люди корнями вросли в народную душу. Это полномочный орган Дона, Кубани, Терека. Кому как не ему решать судьбу Дона, Кубани, Терека. Верховный Круг понимает и знает, что уход Главнокомандующего и Добровольческих частей — это гибель для казачества, но вряд ли этот разрыв спасет и добровольцев. Но не в этом дело. Нас смущает другое. Мы смущены тем, что наши разногласия погубят идею великой России, и осуществляются мечты Троцкого об единой, неделимой Великой Совдепии. Вот та угроза, которая повисла в этот исторический момент над нами. И поэтому во имя интересов единой, сплоченной России до-

говоримся, господа, о том как, куда и какими путями мы дальше пойдем. Верховный Круг будет стремиться не рвать, а договориться с Главным командованием». (Бурные аплодисменты на всех скамьях.)

Заседание, действительно, историческое. Хорошо, что приходят к соглашению.

Англичане, по всем данным, продолжают помогать. Начальник военной английской миссии генерал Хольман опубликовал даже воззвание к казакам. Генерал Врангель оказался не у дел. Жаль, это человек в высшей степени порядочный. Он в Новороссийске заведует погрузкой семей на английские пароходы. Генерал Покровский в связи с переворотом 6 ноября также должен был уйти. Говорят, требовали даже его выдачи. На совещании в Тихорецкой он предлагал повернуть свою армию и пройти с ней с успехом по Кубани.

В 10-х числах умер от сыпного тифа Пуришкевич¹⁶⁴. Похоронили его довольно торжественно в городе Новороссийске.

Нас еще утром должен был сменить 1-й полк и с 1-й батареей, но вследствие того, что бои у Кулешовки еще не были закончены, эта смена затянулась до вечера. Около 6 часов нас сменили, и мы пошли в дивизионный резерв в Азов, на место 1-го полка. Мороз несколько стих, а ветер как будто прекратился. Замечательно приятно было пройти при полной луне эти 2 версты от Петрогоровки до *Азова*. Роскошно прокатиться при такой погоде с любимой женщиной. Поместились мы в Азове на приличной квартире с электричеством. Скверно то, что она почти не отапливается и спать не на чем. Тут уже соломы не достанешь на ночь под бок. Около 1 часу ночи красные начали основательно обкладывать снарядами город. К нам начала стучаться публика — соседи, которые проходили через нашу квартирку и прятались от обстрела в каменном подвале нашего дома.

22.01.1920. Днем часов около трех 6-я батарея и 2 гаубицы навалились на Обуховку и Елизаветинскую по тем местам, откуда ночью видны были вспышки неприятельских орудий. В отместку за ночное беспокойство им было послано около 200 снарядов. Захваченная 16 числа 48-линейная гаубица была на этот раз использована против красных. Ночью большевики не беспокоили нас, а под утро часов в 6 снова начали крыть очередями. Против нас на этом участке у них не менее 3-х батарей. Нужно заметить, что большинство их гранат не разрывается. Очень много домов было бы совсем разрушено, если бы все снаряды рвались. Не понимаю, какая цель такого обстрела — страдают исключительно только мирные обыватели.

Стояние в Азове для 2-го полка и нашей батареи считалось резервом, а между тем мы стоим только в нескольких сотнях шагов от передовой пехотной линии. В случае приличного боя нам придется участвовать в нем, а кроме того, нас могут послать вправо и влево на участке дивизии, если где-нибудь красные нажмут сильно или прорвутся. В этом отношении здесь может быть спокойнее, чем в Петрогоровке; там знаешь только

свой участок и больше ничего. Условия жизни здесь, в смысле помещения, много лучше, зато самим приходится готовить пищу на обед и на ужин. Еда последнее время настолько примитивная, что сами справляемся с варкой.

23.01.1920. Бродил по городу, осматривал земляные валы — остатки бывшей крепости Азова. Позиции здесь кругом приличные. По всем улицам идут усиленные занятия солдат 3-го полка. Манштейн здорово шпигует своих, даже офицерская рота каждый день занимается ружейными приемами и пешим строем. Ходят все-таки господа офицеры не совсем уж хорошо.

Часа в 3 получил предписание отправиться в командировку в штаб корпуса за пополнением и за телефонным имуществом. Так как по железным дорогам ездить теперь в районе фронта крайне долго, то мы с «Танкой» (шт.-кап. Пиленко) решили ехать на ст. Каяла на лошадях. Двинулись на село Высочино и оттуда в Ново-Николаевку, где решили заночевать. Поместились в тифозном доме и спокойно, не ожидая никаких «гермидеров», переспали ночь. Подводчик попался очень занятный: старик лет 85; он утверждал всё время, что хорошего ожидать нечего, так как, согласно Писанию, начали уже люди летать по воздуху, стали ходить огненные колесницы и пр. Вообще, со стариком поговорить интересно. В громадном большинстве это порядочная публика. До Каялы нам осталось верст 8—10, остались мы ночевать здесь потому, что на станции была бы не ночевка, а мука.

24.01.1920. Часов в 7 поехали дальше через хутор Кочеван в Каялу. Около 8 я был уже в штабе корпуса. Это, конечно, оказалось слишком рано и меня там не могли еще принять. С едой тут очень скверно; даже за деньги ничего не достать, на станции нет ничего, а в каждом доме села Самарского расквартированы солдаты. Ничего кроме 16 человек пополнения мне не удалось получить. Пока я лазил по штабным вагонам, кто-то должно быть из штаба корпуса, спер мою подводку. Публика в штабе корпуса живет прилично, запасы водки и провизии у них основательные. Пьют себе и ругают тяжелые времена и условия. Пришлось идти по чьей-то милости — из-за номера с подводой — пешком. Дошел я с командой до Высочино, где и остался ночевать. Опять попал на тифозную квартиру. Эпидемия этой болезни приняла ужасающие размеры. Почти в каждом доме в этом селе лежат больные конницы генерала Барбовича.

Разговорился с офицером этой конной группы. У них, оказывается, очень много учащейся молодежи — гимназистов, реалистов, студентов. Работают они, по словам офицеров, довольно хорошо, но все-таки не могут сравниться с настоящими солдатами-крестьянами. У Барбовича в данный момент около 1 тысячи здоровых сабель. В деревнях крестьяне умирают от тифа в большом количестве. Этой болезнью затрагивается, главным образом, молодая часть населения. Больше всего страдают больные на станциях, где их положение прямо-таки кошмарное.

По сводке от 22-го, нами занята станица Старочеркасская и хутор Красноворский. Частями генерала Гусельщикова¹⁶⁵ и конницы генерала Старикова¹⁶⁶ разгромлена 12-я дивизия красных, взято в плен больше 2 тысяч и много пулеметов. Зеленые зашевелились на побережье и заняли город Сочи. Новое дело.

25.01.1920. Дошел до д. Мило-Яковлевка (Андреевка); там, наконец, достал 4 подводы и довольно быстро доехал до Азова. Ветер переменял свое направление, теперь дует с запада. В этом отношении мне повезло, если бы эту командировку я получил дня на 2 раньше, пришлось бы дорогой отморозить себе что-либо или ехать поездом через Батайск и страдать на станциях.

Последние заседания Верховного Круга были посвящены обсуждению соглашения казачества с Главным Командованием. Все три казачьи области — Дон, Кубань, Терек — представили Кругу свои проекты соглашения. Предложения Терцев в основных вопросах сходились с положениями, выдвинутыми генералом Деникиным в его речи на Кругу: главою власти является Главнокомандующий, который назначает председателя правительства; правительство ответственно перед Законодательной палатой, за исключением министров военного, снабжения и путей сообщения. Правителю генералу Деникину предоставляется абсолютное «вето». Донцы, принимая также эти положения, предложили кроме того признать обязательными следующие цели, во имя которых идет борьба с большевиками: Всероссийское Учредительное Собрание, земля трудящимся, охрана рабочего труда, раскрепощение всех национальностей по вопросам их быта от Всероссийской центральной власти. Иную позицию заняли Кубанцы: возглавление южно-русской власти представляется, по их проекту, Главнокомандующему по обстоятельствам военного времени. Правительство несет полную ответственность перед Законодательной палатой. Верховный Круг как ячейка будущей палаты принимает участие в образовании правительства вплоть до председателя его. Главнокомандующему предоставляется право относительно «вето». В результате длительного всестороннего обсуждения этих 3 предложений Круг принял следующий наказ своим представителям, которые ведут переговоры с ген. Деникиным: 1) Южно-русская власть устанавливается впредь до созыва Всероссийского Учредительного собрания; 2) первым главою южно-русской власти по соглашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, с одной стороны, и главным командованием Вооруженных сил Юга России, с другой стороны, признается генерал Деникин; 3) преемник его избирается палатой народных, представителей от государственных образований и областей, освобожденных от советской власти, на срок, определяемый палатой; 4) законодательная власть на Юге России осуществляется Законодательной палатой из представителей, избранных по принципу пропорциональности. Примечание: впредь до «формирования Законодательной палаты функции этого органа отправляет Верховный

Круг Дона, Кубани и Терека; 5) функции исполнительной власти кроме возглавляющего южно-русскую власть лица, ответственной как в целом своем составе, так и в лице отдельных членов перед Законодательной палатой, за исключением военного министра на время Гражданской войны; 6) председатель Совета министров назначается лицом, возглавляющим южно-русскую власть, а члены совета министров утверждаются им же по представлению совета министров; 7) Лицу, возглавляющему южно-русскую власть, принадлежит право относительного «вето». Есть сведения, что в главных вопросах соглашение уже достигнуто и не сегодня-завтра нужно ожидать, что оно будет подписано и опубликовано.

26.01.1920. Война приняла явно позиционный характер. Ни с той, ни с другой стороны последнее время не наступают. Угощаем только друг друга каждый день снарядами и живем довольно спокойно. Раньше во всё время этой войны на позиции, хотелось, чтобы как можно скорее прошел день и наступила ночь, теперь же наоборот — ночь неприятнее, чем день. Днем пусть попробуют полезть, а ночью все-таки они смогут устроить тарарам. Из посланных в минувшую ночь в разведку 8 офицеров и одного солдата 1-го батальона 1-го полка вернулся только солдат, который заявил, что офицеры, сорвав с себя погоны, все перебежали к красным.

27.01.1920. В сводке от 27-го прочел такую вещь: «По дополнительным сведениям, при взятии нами города Ейска, нами захвачено у бандитов 10 пулеметов, много винтовок и самодельный броневой поезд. Очищение от банд района села Александровки идет успешно». Оказывается, в Ейске, Екатериновке, Александровке и Глафировке при посредстве зеленых, поддержанных большевиками из Таганрога по морю, было восстание, благодаря которому весь этот район с железными дорогами некоторое время находился в руках бандитов. Туда была направлена Марковская дивизия, которой было приказано быстрыми решительными и беспощадными мерами всё ликвидировать. Часть этих бандитов бежала из Ейска по льду по направлению на Таганрог. Эта угроза, которую пытались было создать красные на нашем крайнем левом фланге и даже собственно в тылу, им не удалась. Нужно все-таки отдать им справедливость и согласиться с тем, что в борьбе против нас они показали неисчерпаемый запас энергии. Всем, чем только можно было, они всегда пользовались и в этом отношении оставили далеко позади нашу дряблую предприимчивость.

Мороз сегодня достиг небывалой силы, хорошо, что не было ветра. Старожилы уверяют, что таких морозов, как в этом году, они за всю свою жизнь в этих местах не помнят. Шутка ли — 25.

Батарея получила несколько комплектов английского обмундирования. Сегодня впервые я получил казенное белье и одежду. За всё время моего служения в Добрармии до сих пор я одевался за свой счет, а теперь дальше уже не имею этой возможности. Говорят, что англичане снова доставили всего больше, чем надо.

28.01.1920. Последние дни в тылу у красных слышна отдаленная стрельба и видны разрывы в районе Гниловской. Газеты сообщают о восстаниях казаков станицы Грушевской и г. Новочеркаска и одновременно с этим о восстании рабочих в Ростове. Ростов и Новочеркасск, по сообщению той же газеты, обстреливаются артиллерией противника. На это указывает генерал Сидорин в своей речи на заседании Верховного Круга. Обрисовав положение дел на всех фронтах, Сидорин закончил речь так: «Ни на минуту не сомневаясь в нашей победе, мы ждем, чтобы к нам пришли на поддержку те, которые нам помогали в прошлом году, в феврале месяце; тогда Кубанцы выручили нас. Теперь мы выручаем их, ибо сейчас преимущественно на фронте ведут борьбу только Донцы и Добровольцы, а кубанских частей нет. Но, помня те услуги, которые они нам оказали в прошлом году, мы безропотно ведем борьбу в полной надежде, что близок час, когда они помогут нам своим мощным оружием. Медлить нельзя. Восстания зеленых учащаются. Для подавления их приходится выделять лучшие части. В эту минуту мы должны оказать друг другу полную поддержку. Я знаю, что эта поддержка нам будет оказана, но всё же я прошу Верховный Круг принять все меры к тому, чтобы они были посланы своевременно, чтобы к 1 февраля все кубанские части были на фронте, а не в тылу. Это задача всех наших казачьих войск и это задача Круга. И если Круг эту задачу выполнит, то историческое значение его будет огромное».

23-го Круг объявил амнистию красноармейцам — жителям Дона, Кубани и Терека: 1) всем офицерам, казакам и солдатам, перешедшим на сторону Донской, Кубанской и Добровольческой армии с оружием или без него, объявляется полное помилование; 2) все перешедшие офицеры, казаки и солдаты освобождаются от военной службы на 2 месяца, если сами добровольно не захотят сразу же поступить в ряды войск; 3) воспрещается отбирать у сдающихся какие бы то ни было личные вещи. Оригинальное постановление, особенно второй пункт.

29.01.1920. Сегодня мне исполнилось четверть века, но ознаменовать этот день, который прошел также обычно, как и остальные, ничем не удалось. Красные открыли днем сильный артиллерийский огонь по всему городу, с какой целью они выпускали один за другим снарядов 20 подряд, довольно много раз, мне было не совсем-таки понятно. Часов около 12 нашей батарее устраивал смотр командир бригады. Не особенно часто удостаивал он нас своим присутствием. За всё время существования батареи комбриг полковник Ползиков¹⁶⁷ был у нас всего только 3 раза. Нельзя сказать, чтобы особенно заботились о батареях нашей Дроздовской бригады. По сведениям, полученным от перебежчиков, красные на нашем участке готовятся к активным действиям. В Елизаветинскую и Обуховку они подвезли до 16 орудий, там же сосредоточено до 5 полков большого состава, а в Ростове сконцентрировано, не считая конницы, 4 дивизии пехоты.

30.01.1920. Выезжали на позицию и пристреляли несколько пунктов для того, чтобы можно было бы навалиться на них, если красные снова вздумают усиленно обстреливать город. Сюда приехал и остался ночевать командир нашего корпуса генерал Кутепов; говорят, что ожидается завтра генерал Деникин. Ночью, часа в 3, всех нас разбудили и приказали было приготовиться. Ожидалось ночью наступление «товарищей», 3-й полк вышел на позицию и вел усиленную разведку, а 2-й спал наготове одетым. Но всё было тихо и спокойно всю ночь.

31.01.1920. Утром стало известно, что генерал Деникин объезжает фронт и сегодня около 3 часов будет на нашем участке в Азове. К этому времени на парад на площади у вокзала выстроился 2-й полк (2 батальона, стоящие в городе, 2-й батальон стоит на позиции в Кулешовке), наша батарея и Иркутские гусары¹⁶⁸. Красные, очевидно, кое-что слышали относительно приезда Главнокомандующего, потому что всё утро, часов до 8 с половиной, обстреливали район железной дороги и вокзала. Ровно в 3 часа из дверей вокзала показался генерал Деникин и начал обходить нас. С пехотой здоровался: «Здравствуйтесь, славные Дроздовцы», а с нами: «Здравствуйтесь, славная Дроздовская батарея». Затем он благодарил нас за боевую работу и указал, что там, где стояли Дроздовцы, всегда было прочно и устойчиво на фронтах, что имя «Дроздовцы» многое говорит, но и ко многому обязывает. «Не сомневаюсь, — сказал он, — что в предстоящем в ближайшем будущем наступлении, которое, надеюсь, будет последним, вы впишете не одну славную страницу в вашу героическую боевую историю». Одет был Главнокомандующий очень просто: в бекеше с защитными погонами, белой папахе, с кавказской шашкой, правый глаз у него был перевязан защитной повязкой. Человек он уже не молодой, но очень бодрый, борода уже совсем седая.

Впечатление на меня он произвел очень хорошее и приятное. Чувствуется в нем какая-то особенная сила. После парада генерал Деникин на тройке проехал в город в штаб дивизии. Объезд фронта генералом Деникиным почти все ставят в связь с ожидающимся на днях приказом о переходе в наступление по всему фронту. Интересно, кто начнет раньше, — мы или красные? Говорят, что Марковцы пройдут через нас; мы с ними пройдем до Ростова, где станем на некоторое время на отдых.

1.02.1920. Суббота. На рассвете обнаружилось наступление красных; их цепи успели пройти половину расстояния между Елизаветинской и Азовом, прежде чем их заметили. Около 6 с половиной раздались первые выстрелы, и вскоре завязался весьма солидный бой, какого уже очень давно не было. Выяснилось, что красные предприняли серьезное наступление громадными силами по всему этому фронту на участке, на несколько верст левее Кагальника вплоть до Батайска и даже правее. Канонада поднялась везде здоровая: мы стреляли непрерывно беглым огнем из 3 пушек; 4-е орудие испортилось. Кроме того, из города еще крыла 6-я батарея и гаубицы. На нашем участке мы часам к 9 уложили цепи про-

тивника. Около этого времени красные заняли хутор Петровский (несколько левее и почти под самым городом). Прямо против, на плацдарме между Елизаветинской и нами, пехота наша занимала выжидательное положение на самой окраине города, а у Петровского полковник Манштейн перешел в контратаку, выбил их оттуда и захватил около 200 пленных и 2 пулемета. У Кагальника несколько раз бросалась в атаку кавалерия красных, но ее каждый раз отшибали. Против нас мы своим огнем довольно быстро водворили обратно всех конных в Елизаветинскую. Справа ружейный и пулеметный огонь не умолкал. Против Петрогоровки красные залегли в камышах, а правее здорово нажимали на немецкую колонию Ново-Александровку и Кулешовку; последнюю они заняли около 10–11 часов, захватив там в плен две роты 2-го батальона 2-го полка. Туда на помощь была вызвана конница генерала Барбовича, и отсюда по железной дороге были высланы еще две роты 2-го полка. Барбович довольно энергично разделался с красными, выйдя в тыл Кулешовке и захватив до 500 пленных и 1 орудие. Приди он на полчаса раньше, он успел бы освободить попавшие в плен 2 роты Дроздовцев, которых чуть ли не за несколько минут до его появления красные успели отправить за Дон. Преследуя «товарищей», Барбович занял хутор Шведов.

Перед нами цепи противника лежали часов до 3 с половиной на льду. Когда под влиянием нашего огня они пробовали подыматься и убежали, их из Елизаветинской свои встречали и заставляли возвращаться. Мы очень много своим огнем помогали правому участку, так как в 6-й батарее одно время не было снарядов, а в Петрогоровке у 1-й батареи что-то случилось с пушками. Под вечер Туркул из-под Петрогоровки перешел в контратаку и вышиб их из камышей. Когда всё стемнело, только тогда затих бой. На ночь мы остались на позиции.

Таким образом, красным не только не удалось ничего сделать, несмотря на то, что в сегодняшнем бое их участвовало до 10 тысяч с сильной конницей, но их кроме того основательно трепанули. Мы за день выпустили около 700 снарядов из 3 пушек, гаубичная батарея — 380 и 6-я батарея — больше 100. Красные по городу крыли всё время и поразворотили немало домов. У нас всё обошлось благополучно. 4-й батарее не повезло, она потеряла 10 человек и 16 лошадей. Ночь прошла спокойно, хотя можно было ожидать, что они ночью еще раз попробуют полезть.

2.02.1920. Около 11 часов они снова повели наступление на Кулешовку, снова ее заняли и перешли жел. дорогу Азов—Батайск. Отсюда послали батальон 2-го полка и, кроме того, туда вызвали еще Самурцев. Барбович ушел со своей конницей под Ольгинскую, а в Кулешовке остался только батальон 2-го полка. Заняв Кулешовку, красная кавалерия хотела распространиться в сторону Копаней, но там ее, несмотря на повторные атаки, отбивали, нанося им большие потери и захватив 2 пулемета. Кулешовка была занята нами, и положение восстановлено, лишь только туда подошли Самурцы; на этот раз они там и остались. Нашей дивизии еще

сузили участок; батальон 2-го полка из Кулешовки перешел сюда. Сил здесь наших теперь достаточно. Говорят, что Марковцы уже подтянулись к нам и стоят вблизи.

По газетным сведениям, генерал Врангель получил предложение от Главнокомандующего Новороссийским краем генерала Шиллинга сменить Главнокомандующего войсками Новороссии. Дела там не особенно хороши. Одесса и Херсон, по официальному сообщению, оставлены нами, войска эвакуированы. В Крыму бои идут на перешейке.

Генерал Деникин в штабе сообщил некоторые подробности относительно последнего положения дел. Командир, получив эти сведения из штаба дивизии, собрал всех офицеров и передал их нам. Наконец-то можно было услышать вполне достоверные данные относительно всего, а то все эти частные сведения не давали ничего определенного. Дела обстоят так. С фронтом Колчака совсем скверно, большевики находятся у Нижне-Удинска; в Иркутске было какое-то восстание; Колчака арестовали; теперь союзные державы принимают меры, чтобы его освободить, но чем это кончится, неизвестно. Железная дорога находится в руках японцев, так что нужно думать, что по железной дороге красные дальше продвигаться не будут. Северный фронт застыл около Архангельска и не двигается дальше до настоящего времени. Дела Юденича тоже очень плохи. Большевики заключили союз с Латвией, у той армии, кроме людей, почти нет, получать вооружение и снабжение ей неоткуда. Поляки перед наступлением холодов остановились и этим дали возможность красным перебросить против нас 42 тысячи. Болгария, желая загладить свою вину перед Россией, выразила желание прислать нам для борьбы с большевиками корпус. Согласно условиям мирного договора, она не имеет права иметь у себя под ружьем больше 1-го корпуса. Поэтому формированию второго корпуса на болгарской территории противятся греки, румыны и т. п. В силу этого она собирается выслать нам людей в штатском платье, а вместе с ними обмундирование и вооружение по частям и формировать этот корпус уже у нас. Это очень длинная песня.

Деникин обращался за помощью к сербскому королевичу Александру, тот всей душой готов помочь, но как конституционный монарх лично сам ничего не может сделать. Кроме того, Сербия сильно вымоталась за прошедшую войну и у нее на границах не особенно спокойно. В результате на помощь от Сербии надежды нет почти никакой. В период нашего отступления все английские миссии высказались в том смысле, что помогать нам больше не стоит, и только один начальник английской военной миссии генерал Хольман стоит за продолжение этой помощи. И теперь, хотя англичане и помогают нам, но одной рукой посылают, а другой задерживают. Так, например, задержан громадный транспорт со снаряжением и вооружением для кавалерии (холодное и огнестрельное оружие и патроны). Размер помощи будет зависеть от нашего наступления и успеха.

Зеленые, сосредоточившись в нейтральной 5-верстной полосе между нами и Грузией, заняли Сочи. По глубокому убеждению генерала Деникина, это не обошлось без участия Грузии, хотя последние всеми мерами стараются доказать свою непричастность. На Кубани мобилизация идет очень скверно. Лабинский отдел дал 3 с половиной тысячи, а в остальных идут в армию крайне слабо. Донцы на фронте настроены очень хорошо и хотят наступать, чтобы скорее освободить область. Вследствие того, что Дон скоро может распуститься, предложено начать наступление теперь с теми силами, которыми мы сейчас располагаем. На совещании Деникин настаивал, чтобы начали сначала двигаться Донцы, а после того как они выйдут в тыл Ростову, двинулись добровольцы. На чем решат, пока неизвестно. Начнут наступать 4 февраля. Это всё, что мы узнали от Деникина.

Таким образом, как и следовало ожидать, в самое тяжелое время мы предоставлены исключительно только самим себе. Это наступление — наша последняя ставка и, нужно думать, что оно будет последним или для красных или для нас. Когда-либо эта история должна, наконец, кончиться, и нам представляется возможность без посторонней помощи окончить начатое дело или с честью умереть. Момент решающий.

Вечером на квартире у командира было что-то вроде блинов. За бутылку спирта пришлось платить по 2000 рублей. Закуски было мало: только селедка и по 2 блина на каждого. Закончили вечер «железкой», в которую я взял около 5000 рублей.

3.02.1920. Поехали в баню, но там оказалось настолько холодно, что нельзя было даже снять шинель. Пришлось воспользоваться предложением пленных красных и устроить себе нечто вроде ванны в котле в прачечной. Подложил себе под ноги 2 кирпича (стоять в этом котле, под которым горела печка, было чересчур горячо) и вымылся очень прилично, можно было хорошо окунуться, так как котел был аршина 2 в диаметре и больше аршина высоты. К каким только ухищрениям не приходится прибегать на военной службе. Целая серия самых разнообразных приключений.

Разговорился с офицером парка. Русских снарядов для легких батарей у нас совсем не много и выдают их очень скупо; английских и 48-линейных русских пока хватает и то только потому, что парку удалось погрузить для нашей дивизии 3—4 вагона снарядов из Азовских складов, так сказать «нелегально», воспользовавшись тем, что Азов был оставлен нашими частями в конце декабря (до прихода сюда нас — добровольцев Дроздовцев), и склады были брошены администрацией; теперь же все снаряды вывезены отсюда и отправлены в распоряжение высшей инстанции. Мы же благодаря этому из своего парка получаем пока столько, сколько нам необходимо, не обращая внимания на то, как эти дела обстоят в других частях.

4.02.1920. Донцы, как будто, двинулись. Заняты станицы Старочеркасская и Богаевская. Всего 10 орудий, около 50 пулеметов и больше 1000

человек в плен. Для начала успех приличный. Скверно то, что сегодня опять сильный мороз. Температура упала до -20 градусов. Мы должны были идти сегодня с одним нашим 4-м орудием в Кагальник, но вследствие того, что наша пушка испорчена и завтра представляется возможность ее починить, пока вместо нас пошло туда 3-е орудие. Говорят, что стоянка в Кагальнике хорошая в смысле еды. Там наши сменяют орудие 4-й батареи, которое отправляется Кулешовку.

5.02.1920. Весь день чинил наше орудие. Наш батарейный техник подпоручик Куландин во время прорыва неприятельской конницы у Льгова был ранен револьверной пулей в лицо навывлет, уехал в госпиталь и во время отступления куда-то пропал. Теперь мне иногда придется следить за починкой орудий.

Мороз был классический. Возьмешься рукой за какую-либо металлическую часть, так прямо как огнем обожжет тебе руку. Весь этот месяц с Крещения не было дня, чтобы было меньше -15 . Сегодня же мороз подходит к -25 . У нас, в Могилевской губернии таких морозов почти не бывает, а тут все-таки юг, в двух шагах море и такая погода. Относительно фронта и наступления ничего не слышно. Говорят, что из-за этих холодов на несколько дней действия приостанавливаются. У нас на участке обычная перестрелка. Ночью нас разбудили и приказали быть наготове. Пришел какой-то перебежчик и сообщил, что красные ночью хотят наступать. Я вышел на двор, всё было тихо, и решив, что по такому холоду только идиоты без особой надобности могут начать наступление, вернулся в комнату и снова уснул. И действительно ночь прошла совсем тихо.

6.02.1920. Перешли с нашим орудием в *Кагальник*, чтобы сменить нашу 3-ю пушку. Здесь мы поступили в распоряжение Черноморского полка (конного) и некоторое время будем работать. Верстах в 3 севернее Кагальника хутор Государев занят заставой этого полка. Ночевать будем в Кагальнике, а на позицию выезжать придется в Государев. Вообще, работая с кавалерией, приходится ночевать по приказанию самих же командиров кавалерийских полков верстах в 2–3 от передовой линии, а то в случае какого-либо герמידера кавалерия уж очень быстро сматывается, а пушки могут быть предоставлены сами себе.

Сегодня начало широкой Масленицы. Вечером у горки на улице было довольно оживленно. Много детишек и парней с девчатами катались на салазках и «громаках» (из коровьего помета вылепливается нечто вроде сковороды с несколько более толстыми и загнутыми краями, так что один человек может сесть в нее; обливается эта история, которая бывает не больше полу-аршина в диаметре, водой и замораживается). Я сам несколько раз, заразившись общим весельем, съехал с горки.

К 8 вечера нам приказано быть в полной боевой готовности. Сегодня ночью начнется наступление по всему Добровольческому фронту. Мы сейчас находимся на крайнем левом фланге. К Кагальнику подходит уже море. Скверно то, что жестокий мороз совсем не уменьшается.

7.02.1920. Около 4 утра началось наступление. Красные знали о готовящемся наступлении от наших перебежчиков (к сожалению, мы тоже не застрахованы от этой прелести), но решили, что по этому морозу мы не начнем двигаться, и поэтому прозевали нас. В Елизаветинской и Обуховском хуторе даже приготовились и до 2 ночи держали людей на морозе в цепях, после чего у них всё успокоилось, а в 4 им уже везде устроили хороший тарарам. Черноморцы наступали на хутор Рогожкин, чуть не захватив там двух орудий, и очень легко выбили их, взяв несколько пулеметов и 2–3 человека в плен, несмотря на то, что в Рогожкине было 2 партизанских полка с 3 пушками, а наших наступало человек 150. Мы с орудием несколько опоздали по вине командира полка. Мы потеряли 3 человек убитыми. В Черноморском полку многие отморозили себе руки, ноги, и у нас в батарее от мороза пострадало двое.

Партизанские эти полки сплошь состоят из повстанцев Екатериновки, Глафировки, Александровки, которые вместе с зелеными и красными занимали Ейск; об этом я писал 27 января. После того как Марковцы выбили их оттуда, они совершили переход по льду в Таганрог, в результате которого у них человек 200 превратилось в обледенелые трупы, а человек 500 осталось в лазаретах. Уцелевшие были отправлены красными в Рогожкин, на фронт, где они сменили стоявший здесь до них 81-й советский полк. Когда мы вошли в Рогожкин, один из не успевших бежать с остальными, подошел к нам и довольно твердым голосом сказал: «Здравствуйте, господа, а вот и я с вами». Его отправили в полк и там расстреляли. Часа в 3 дня сюда пришли Иркутцы и Архангелогородцы¹⁶⁹, или «Архангелы», как их все называют. Этот соединенный кавалерийский дивизион слаб как по численности (около 80 сабель), так и по боевым качествам. Черноморцы, как будто, ничего себе, и состав у них приличный — сабель 300. У них только мало седел, потому они ездят на подушках, набитых соломой, перетянутых ремнем с приделанными к нему стремянами.

Мы ушли после смены в Кагальник, а часов в 8 вечера красные снова заняли Рогожкин. На этот раз их вошло сюда около 5 регулярных полков. Станица Елизаветинская, хутор Обуховский были заняты довольно легко. Полковник Манштейн вышел отходящим красным в тыл и наделал там много шума. Говорят, некоторые из большевиков драпанули по такому морозу чуть ли не в одном белье.

На участке нашей дивизии захвачено 5 орудий, 57 пулеметов, около 360 пленных и пр. Правее заняты Усть-Койсугский, Колузаев, Гниловская (станция и станция). Наши начали входить в г. Ростов. Красные к этому времени успели починить железнодорожный мост, по которому на вокзал в город ворвался наш бронепоезд. Вообще всё пошло очень удачно. Еще не было случая, чтобы задуманное нашей армией наступление в начале, хотя бы раз потерпело неудачу. Все, даже солдаты, когда становится известным о наступлении, верят в него и наперед знают, что то, что приказано взять, будет нами занято. Так было и на этот раз. Настро-

ение у всех великолепное. В дальнейшем успехе и продвижении вперед никто не сомневается.

8.02.1920. В 2 часа ночи мы двинулись из Кагальника, чтобы снова брать хутор Рогожкин. Холод опять адский. Красные собирались после занятия Рогожкина и двинуться на хутор Дугин с целью вернуть Елизаветинскую и Обуховский. На рассвете перед Дугиным их встретили 3 роты Дроздовцев с оружием и начали наступать на Рогожкин с юго-востока; мы с Черноморцами и Иркутцами начали нажимать с юго-запада и запада. Часов в 6 с половиной поднялся туман, который мешал и очень скоро вынудил совсем прекратить артиллерийский огонь. Около 10 часов Рогожкин, тем не менее, был снова занят нами, несмотря на то, что на этот раз красных было до 3 тысяч. Северо-западнее хутора их слегка взяла в работу наша кавалерия и человек около 50 рубанула.

Приходившие из Таганрога части были одеты очень прилично — во всем английском. Дальше Рогожкина мы не двинулись, вправо тоже всё было тихо, и только в районе Гниловской и Ростова слышен был отдаленный бой. Красные переходили в контратаки на эти два пункта, и снова заняли было половину города. До позднего вечера шел ружейный, пулеметный и артиллерийский бой на улицах города Ростова, и только к ночи закончилось полное очищение и Ростова и Нахичевани от красных. Им там, говорят, всыпали прилично; среди убитых оказалось много китайцев. Ростов нам тоже не особенно дешево дался, хотя брали его главным образом со стороны Гниловской. Со стороны Батайска он был защищен колючей проволокой, кроме того, на улицах были баррикады и проволока.

В нашей дивизии 1-й полк понес довольно крупные потери: убитых офицеров 6, стрелков 16, раненых 9, без вести пропавших 16 и обмороженных 106. Морозы сильно мешают развить успех, много из-за них выбывает из строя народ. Относительно потерь других частей не имею сведений. Говорят, что Корниловцам тоже слегка досталось. Остальные 3 орудия нашей батареи остались пока в Азове. Командир послал в Ростов за добычей капитана Неручева, подпоручика Зиновьева и 4 разведчиков.

9.02.1920. Опять всё тихо, и никакого движения пока не замечается. Сюда на фронт новости почти не доходят. Я написал в батарею капитану Вильману и просил возможно подробнее обрисовать мне положение дел. В ответ на это он известил меня, что командир разрешил мне приехать в Азов на несколько часов, чтобы самому получить интересующие меня сведения. Вообще у нас в батарее к этим моим заметкам все, и даже командир, относятся с уважением. Около 7 вечера по приказу командующего армией наши начали без всякого давления отходить назад, к старым позициям. Вся история получилась из-за нажима кавалерии красных на Торговую и продвижения ее на ст. Тихорецкую. Там появились конные части Буденного и Думенко. Из состава нашего корпуса на ликвидацию этого дела идут Марковская и Корниловская дивизии; кроме того туда отправляют еще III донской корпус. Мы же переходим к активной обо-

роне. Кроме Дроздовской и Алексеевской дивизии здесь осталась еще конница генерала Барбовича. Страшно обидно, что такое удачное начало наступления не удалось развить в весьма крупный успех и основательное продвижение. За последние операции частями одного нашего Добровольческого корпуса взято 22 орудия, 163 пулемета, 6 бронепоездов в составе 13 площадок («Товарищ Ленин», «Троцкий», «Гром», названия других не знаю), 2 танка, 2 броневедомки, около 4000 пленных, зарядные ящики, кухни и пр. Странно, что в район Торговой в последнее время отправили немало Кубанцев. Туда пошел корпус Науменко, который сам просил, чтобы его назначили против Буденного и Думенко. В Екатеринодаре, говорят, хвастались этим корпусом, в котором будто бы до 12 000 Кубанцев. Когда корпус появился на фронте, то получена была телеграмма генерала Романовского, который сообщил, что корпус прибыл в совершенно не боеспособном виде. В то же время генерал Деникин в телеграмме благодарил за отличное состояние корпуса и высказывал сожаление, что болезнь (он упал с лошади и разбил себе лицо, на нашем смотре он был с подвязанным глазом) мешает ему лично приветствовать сформировавшуюся конницу. Теперь и понимаешь, как хочешь, эти разно-речивые слухи в телеграммах. Факт только тот, что Буденный продвигается дальше.

От тифа не так давно умер генерал Мамонтов.

10.02.1920. Поехал в Азов за новостями верхом. Неручев с компанией вернулся из Ростова. Кроме мыла для батареи он ничего не успел раздобыть из-за неожиданного отхода наших из города. Красные бросили там около 30 эшелонов. Наши же едва ли успели оттуда много вывезти, так как приказ об отступлении получился крайне внезапно, паровозов же в Ростове на станции было мало, большинство замерзло. За ночь ушли оттуда все наши части, и только Алексеевский конный полк остался до вечера на южной стороне города. Красные еще днем были верстах в 15 от города. Встречали в Ростове наших на редкость хорошо, и все страшно недоумевали, что без боя оставляется город. Большевики не особенно свирепствовали там. Грабежи и солидное пьянство процветали. Расстрелянных мало.

Говорят, сожгли лазарет с больными и ранеными офицерами. Рассказывают, что многие здоровые офицеры, оставшись в Ростове, начали ложиться в госпитали под видом больных. В результате в одном месте арестовали всех — и больных и здоровых — и отправили в тюрьму. Восстания в Ростове не было (см. 28 января). Стрельба была по случаю поднесения Буденному золотого оружия. Говорят, что у Ростова, нет связи с Москвой. В Харькове не то восстание, не то его занял «батько» Махно. Красные в Ростов своего привозили мало, они главным образом вывозили оттуда-то, что было оставлено нами и что имелось у города. Несмотря на это теперь ими все-таки было брошено еще столько добра, что, по словам Дзиковицкого «в нем можно было бы купаться». Задержись наши

там дня на два, и вывезти можно было бы целую уйму. Да, здорово Буденный сорвал наступление. Говорят, что он уже непосредственно угрожает Тихорецкой. Есть даже слухи, что связи с Тихорецкой у нас уже нет. Это, во всяком случае, солидный маневр, и как его не предусмотрели, — непонятно. Настроение довольно уверенное и спокойное за успех. Этой операции придаю громадное значение. Оно и понятно, если сказать, что Тихорецкая у нас в тылу верстах в 150, если не больше, и если не удастся ликвидировать всю эту историю, то это для всех наших армий грозит полной катастрофой. Нужно думать, что Буденного основательно зажмут.

На нашем фронте первоначально предполагалось остановиться на линии хутора Рогожкин—Обуховский—Елизаветинская—Колупаев, а потом, вследствие невыгодности удержания за собой этой линии, к 23 часам сегодня приказано без боя отойти на старые позиции хуторов Государев—Азов—Петрогоровка—нем. колония—Кулешовка—Койсуг—Батайск—Ольгинская. Это участок оставшихся здесь двух дивизий нашего корпуса.

11.02.1920. Вернулся в орудие, которое ночью перешло в Кагальник. Всё тут идет по-старому. Живем мы довольно хорошо. Заботимся главным образом о том, чтобы есть как можно лучше или, как мы смеемся, «стремимся к тому, чтобы у нас был “харч людный”». Это удовольствие нам обходится рублей по 50—70 в день на человека при том условии, что мы все казенные продукты получаем целиком на руки. стакан молока дошел до 15—20 руб. Едим в общем здорово, хорошо, сытно. Я пристрастился здесь к свежей хорошей рыбе и налегаю на судаков во всех видах.

За последние полтора месяца деньги страшно упали в цене. Коробка спичек в 25 штук дошла до 75 рублей. Какое жалованье нужно теперь любителям хорошо покушать и много покурить. В обиходе появились уже 5- и 10-тысячные билеты, разменять которые не совсем просто. 250 рублей превратились в заурядную мелочь.

К вечеру красные подтянулись к Рогожкину, Обуховке и Елизаветинской. Начинается снова повторение пройденного. Спал сегодня роскошно. Последнее время раздеваться почти не приходилось. Сегодня же я снял с себя всё буквально, даже сорочку.

12.02.1920. Началась оттепель. Все прямо ожили после этой необычно суровой и немало стоившей нашей армии зимы. Замечательно приятно было смотреть, как по улицам в селе ручейками начала бежать вода. Днем даже было несколько жарко. Вечером, часов в 11, к Елизаветинской пошла разведка 3-го полка. Красные решили, что это опять началось с нашей стороны наступление, и по всему этому участку фронта открыли сильный ружейный и артиллерийский огонь, продолжавшийся часа два.

13.02.1920. Днем нас сменил взвод 4-й батареи, после чего мы пошли снова в Азов. Красные под вечер затеяли какую-то перестрелку по городу и начали прилично по нему шпарить. Опять население начало прятаться по погребам и сидеть в темных подвалах. Одним словом, здесь тоже старые знакомые картины. Новостей особых нет. Говорят, что генерал

Павлов¹⁷⁰ начал Буденного брать в работу. Между прочим, относительно самого Буденного говорят, что он был сильно ранен и умер не то в Ростове, не то в Таганроге.

Узнал довольно оригинальные сведения относительно мобилизации в Черноморской губернии. Когда там была она объявлена, все жители разбежались. После этого им всем предложили вернуться на места и мобилизацию отменили, указав на то, что считают более полезным, если все они будут работать, чем если они будут призваны. Зеленые, оказывается, развивали свое наступление по широко задуманному плану и хотели занять Екатеринодар. Против них отправлена 2-я Донская дивизия. Все разговоры относительно ухода нашей дивизии в Сочи для борьбы с зелеными остались только разговорами. Грузии была уже объявлена нашим командованием война из-за событий в Сочинском округе (зеленые сосредоточились в 5-верстном нейтральном пространстве, заняв г. Сочи), но затем Главнокомандующий признал их объяснения удовлетворительными и приказал действие телеграммы об объявлении войны приостановить. Должно быть события у Тихорецкой заставили наше командование примириться с объяснениями Грузинского правительства.

Вечером мы с поручиком Люшем сыграли 5 партий на бильярде. В гимназические годы я играл несколько раз, теперь решил мимоходом слегка подучиться. С одной стороны, времени свободного достаточно иногда бывает, с другой же, ни за что более серьезное братья нет смысла, потому что всегда отрывают самым неожиданным образом, и на неопределенное время. Даже начинать читать длинную вещь нет никакого расчета.

14.02.1920. Около 7 утра красные начали наступать большими силами из Рогожкина на Узьяк и Государев, желая обойти Азов слева. Около 10 часов эти хутора были заняты нами, после чего они начали нажимать на Кагальник. Ликвидировать это дело пошли мы с двумя батальонами 2-го полка. Около 11 с половиной мы уже ввязались в бой и, развив весьма солидный огонь, начали теснить красных обратно к Рогожкину. По своему напряжению бой был очень солидный. Как много мы могли бы сделать, если бы у нас было побольше народу, если мы с этими силами бьем их, как хотим, несмотря на то, что в 1-м батальоне 2-го полка всего только 54 штыка. На Азов же наступало 3 полка пехоты и два полка конницы при 5 орудиях, не считая тех, которые из Елизаветинской и Обуховского открыли по городу почти ураганный огонь. Часам к 2 против нас почти всё было восстановлено, но в это время положение под городом становилось угрожающим. Полком пехоты красные заняли Петрогоровку, а со стороны Елизаветинской их цепи подошли настолько близко к городу, что начали уже пулеметным и ружейным огнем обстреливать улицы и центр. Нас спешно начальник дивизии потребовал в город, и мы на рысях пришли и стали на позицию на площади. Когда командир подъехал к вышке, с которой начальник дивизии генерал Витковский наблюдал за боем, тот

сказал ему: «Выручайте, ради Бога, скорее становитесь на позицию». Часа в 3 их высадили из Петрогоровки с помощью бронепоезда, и мы своим огнем отбили их атаку на город. Вообще нашу батарею в дивизии высоко ставят, и нужно отдать справедливость — мы здорово работаем.

Часам к 5 положение везде было восстановлено полностью. Как оказалось, сегодня они наступали по всему фронту нашего корпуса силою до 3 дивизий пехоты и 6 конных полков с большим количеством артиллерии. Вначале они имели временный успех, так как ими были уже заняты хут. Шматов, северо-восточная окраина Батайска, северная часть Койсуга, хут. Шведов, Петрогоровка, Узьяк и Государев. Но зато им не особенно весело приходилось к вечеру эвакуироваться из этих мест.

Восточнее Кулешовки пострадал один из Корниловских полков, который был послан туда на поддержку. Одна из рот перешла на сторону противника и открыла огонь по своим. Как оказывается, Корниловцы и Марковцы остались здесь и не были отправлены против Буденного (см. 9 февраля). С Буденным бои идут в районе Средне-Егорлыцкой и пос. Иловайского. Есть сведения, что в районе Торговой разбита 28-я советская дивизия.

В Ставропольской губернии восстание местных большевиков и крестьян. 5 числа бои с красными шли в том районе в 25 верстах от города. Ночь сегодня мы провели на позиции.

15.02.1920. Из газет узнал некоторые подробности выступления в Крыму капитана Орлова¹⁷¹. В этом году в Крыму повторилась прошлогодняя история. Также как и тогда, Перекоп защищала горсточка людей, а штабы буквально пухли от укрывающегося в них элемента. Генерал Слещев отдавал строгие приказы, но они результатов не давали. На фронт вместо здоровых комиссии отправляли инвалидов-офицеров. Чаша терпения, наконец, переполнилась, и произошло выступление капитана Орлова <Ник. Ив.>, объявившего себя начальником гарнизона в Симферополе и арестовавшего генерала Субботина¹⁷² и др. Местные большевики попытались было использовать момент и организовали военно-революционный комитет. Однако Орлов арестовал большевистских главарей и объявил, что всякие попытки захватить власть будут пресекаться в корне. В полку, которым командовал Орлов, находился герцог Лейхтенбергский¹⁷³, который во время выступления вел переговоры с ген. Слещевым, и, как говорят, выставил это выступление в другом свете, чем оно было на самом деле.

В Севастополе выступление Орлова вызвало растерянность. Генерал Май-Маевский предложил ликвидировать восстание за несколько часов. В его распоряжение предоставили бронепоезд и команду гардемаринов. Капитан Орлов разобрал путь; бронепоезд был остановлен, а гардемарины походным порядком двинулись на Симферополь. Некоторые офицеры из отряда Орлова, смущенные этим обстоятельством, отшатнулись от него и пошли навстречу гардемаринам, разграбив предварительно

казначейство. Тогда Орлов ушел в горы, отряд его быстро пополнился, и он вскоре занял Алушту, Ялту и арестовал прибывшего в Крым генерала Покровского. При переговорах с генералом Слащевым он требовал отставки генералов Шиллинга, Чернавина¹⁷⁴, Субботина, вице-адмирала Ненюкова¹⁷⁵, контр-адмирала Бубнова¹⁷⁶, начальника Симферопольского гарнизона (за попустительства и злоупотребления). Из Севастополя была послана команда мелких судов для обстрела Ялты. Офицерской эскадре было заявлено, что Орлов — большевик, однако они выслали делегацию для переговоров с ним, подойдя к Ялте. Орлов заявил им: «Вы приехали обстреливать меня, но я отвечать не буду. Все мы горим одним желанием спасти Россию и искоренить негодяев, спрятавшихся в тылу». Эскадра возвратилась в Севастополь. Здесь большинство офицеров уже открыто говорит о готовности примкнуть к Орлову. Генерал Слащев собрал офицеров и заявил: «Я убежден господа, что вы, так же как и я, все Орловцы, но выступления подобные этому грозят фронту. И только этим объясняется приказ, отданный об Орлове». Вначале приказано было казнить Орлова. Деникин же на это дело взглянул несколько иначе. Приказ о казни был отменен, Орлову с отрядом предложили отправиться на фронт, а в Крыму для разборки деятельности властей была назначена сенаторская ревизия. Обычным порядком у нас по-прежнему ничего нельзя добиться. До этого не подошли еще.

13 числа бригада конницы красных, заняв станицу Расшеватскую, повела наступление на Темижбекскую, но была отбита. Здорово они продвигаются на правом нашем фланге. В станицах Успенской и Ново-локинской, казаки большевиков встречали колокольным звоном. Теперь же начинают уже бежать оттуда. Это нежелание воевать Кубанцам дорого будет стоить. Красные и иногороднее население многое им вспомнят. Возмутятся за ум, да будет поздно. Из каких-то особо достоверных источников получены были сведения, что ночью красные будут наступать на нас. Пришлось ночь провести на позиции. Всё было тихо. Правее была какая-то слабая вспышка, но она чрезвычайно быстро была остановлена.

16.02.1920. В районе Ольгинской и Хомутовской красные сильно нажали и заняли обе эти станицы и сильно потрепали Марковскую дивизию. Они весь день вели настойчивые и непрерывные атаки, которые каждый раз отбивались нашими частями. Говорят, что под конец у наших не хватило патронов. В Ольгинской 8 всадников красной конницы захватили взвод одной из Марковских батарей, хотя последний отстреливался из пулемета.

Запахло настоящей весной. Слышен уже особый весенний страстный крик грачей. Люблю этот крик в эту пору. Вечером составила крупная игра в «железку», причем я на этот раз взял с компании около 10 000.

17.02.1920. В 2 ночи по приказу комкора мы начали оставлять Азов из-за событий под Ольгинской и Хомутовской. Часов в 12 дня в городе должны были оставаться наши заставы. На рассвете группа местных

большевиков, которых в Азове было больше чем достаточно,ые винтовками, начали уже по улицам обстреливать оставшихся еще в городе одиночных конных. Говорят из города утром в Елизаветинскую была отправлена жителями депутация с красным знаменем. Часа в 2 дня город был занят несколькими эскадронами кавалерии, вошедшей со стороны Петрогоровки. У меня пропал там, в союзе портных, полушубок, который шился и должен был быть вчера готов. Я до вечера не посылал за ним, а около 8 часов, когда некоторым частям уже стало известно об оставлении города, несколько магазинов и в том числе и этот союз были разгромлены солдатами не без участия офицеров. Правда, в этих мастерских были исключительно казенные вещи, но забирать имущество других частей таким образом едва ли удобно.

Двинулись мы на *Пешково*. Дорога уже весьма скверная. Снега уже почти нет, а между тем половина всех обозов, как боевых, так и хозяйственных, у нашей дивизии передвигалась на санях. Уже сегодня начали попадаться по дороге одиночные брошенные сани. Тянулись мы эти 8 верст часов до 6 утра. Хотя говорят, что мы отошли только временно сюда из-за Марковцев и Донцов, что тут будет произведена перегруппировка и мы снова двинемся вперед, но по сути дела, пока этого не видно, наоборот всё говорит за то, что мы без боя отойдем дальше.

18.02.1920. В 2 ночи опять пошли дальше. Снега тут уже совсем нет ни одного кусочка. Там и сям по дороге попадались брошенные сани целыми пачками. В повозки впрягали уносами из саней лошадей и двигались дальше. Вначале всё содержимое из саней перекладывали на повозки, но вскоре можно было видеть брошенные снаряды и патроны. Только несколько саней дотянулись до Кугея, где у нас был небольшой привал для обеда, и уже там были оставлены на дороге. Нам приказано в два перехода дойти до ст. Канеловской. Поэтому, не особенно задерживаясь в селе Кугей, двинулись дальше, на хутор Орлов и затем на хутор Марков. Часов с 4 пошел немаленький дождь, который сделал еще более «приятным» этот 40-верстный переход по сплошной грязи. Пришли мы на назначенное место часов в 7 с половиной вечера, причем в довершение всего удовольствия, всю промокшую батарею разместили в 4 хатах. Ни отдохнуть, ни просохнуть, ни поесть как следует после 17 с половиной часов тяжелого пути не предоставляется возможным.

19.02.1920. Часов в 6 утра двинулись из хутора Маркова дальше, до ст. Канеловской 12 верст. Расстояние это мы покрыли в 10 часов, вчерашний дождь и ветер сильно усугубили дело. Сегодня брошено было очень много. Прямо по дороге в одиночку и целыми вереницами стояли оставленные и выпряженные повозки, линейки, экипажи, и в них можно было найти что угодно: снаряды, патроны, винтовки, мясо, крупу, зерно, соль, амуницию, обмундирование, личные вещи, разные хозяйственные принадлежности, вроде весов и пр. Дальше стали уже попадаться выдохшиеся лошади, люди, коровы и другой скот. Благодаря тому, что столько

повозку было брошено, освободелось много лошадей. Почти каждую повозку запрягли четверней, но несмотря на это наша колонна чрезвычайно медленно двигалась и всё время останавливалась и застревала. Хорошо, что мы отходили без давления, а то оставлено было бы всего неизмеримо больше, в особенности, если бы за нами шла кавалерия красных. Последнее соприкосновение с красными было на линии Пешково, эти же два дня двигались без выстрела.

Часа в 4 пришли в *Канеловскую* и попали на «родную Кубань». Встретили нас казаки не особенно приветливо, даже, можно сказать, совсем паршиво. Ничего не продают, не дают и вообще из-за ерунды много разговоров. Наши солдаты решили не стесняться с ними, указывая на все те грабежи и насилия, которые они чинили в Ставропольской губернии над их семьями.

Говорят о том, что на этой линии мы задержимся. Позиция будет проходить по реке Ея. На этой линии намечались укрепленные позиции в то время, когда мы оставляли Ростов. Тут рылись окопы и делались некоторые приготовления для защиты этого рубежа. Ея — река маленькая, но болотистая, удерживаться было бы довольно легко. Больше всего меня удивило то, что в Канеловской оказался сосредоточенным весь наш Добровольческий корпус. Для какой цели нас сосредоточили сюда, никто не знает. Многие думали, что вышли осложнения с Кубанью, но это ни на чем пока не основанные предположения.

20.02.1920. Утром пошли в *Старо-Минскую*. Дорога стала еще хуже. С трудом в 7 часов прошли 8 верст. На колесах от грязи не было видно спиц. Нет ничего хуже этой липкой грязи. По дороге опять много было оставлено. В Канеловской остался 1-й полк нашей дивизии, куда еще должны будут подойти Корниловцы. В станице грязь прямо непролазная, это что-то прямо-таки кошмарное. От казаков узнали, что Кубанцы усиленно формируются и собираются все выступить против большевиков. Сюда приезжал член Круга, говорил, что с большевиками не может быть никакого мира, предлагал и им защищаться, всем встать в ряды армии и воевать до победы. Говорят, что Кубанцы откликнулись на этот призыв охотно. Вообще в станице страшно бояться прихода большевиков. Воюют же Кубанцы теперь, даже в это время, скверно. Под Белой Глиной красные захватили весь штаб конного корпуса Кржановского, вместе с ним самим. Корпус же целиком разбежался. Кроме того, казаки не особенно бояться сдаваться в плен целыми частями. Кубанской армией командует уже не Шкуро, а Улагай. В общем, опять всё начинает перемешиваться, и абсолютно никто ничего не понимает.

Вечером в Канеловскую ворвалось два кавалерийских и один пехотный полк красных. Они мигом повесили там 7 человек местных казаков. Очень скоро их выбили обратно, причем местные казаки помогли нашим частям, и даже старички ходили в конную атаку на улицах станицы. Мы двигаемся быстро, но и красные тоже основательно идут за нами. Крас-

ные здорово обнаглели и дерутся с остервенением. Они хотят нас как можно скорее докончить и развязаться со всей этой историей.

21.02.1920. Утром пошли влево, на свой участок, в направлении на станицу Старо-Щербиновскую. На этом участке нет жилых строений. Всё поле застроено одиночными летними домиками, которые отстоят друг от друга в среднем на полверсты. Сюда хлеборобы выезжают на время уборки хлеба и полевых работ. В настоящее время ни в одном из домиков нет ни одного стекла. Мы прошли было уже верст 8, после чего получено было приказание, по которому часть пехоты и взвод нашей батареи должен был вернуться в Старо-Минскую.

В 11 часов вечера мы двинулись дальше. Опять что-то случилось справа, и мы принуждены были оставить эту линию. Перед отходом сдали на бронепоезд наше 4-е орудие, так дальше вести пушки по этой дороге на 6 лошадях было уже не в состоянии. Повез сдавать пушку по-моему приказанию подпоручик Лукин. В станице по дороге пушка застряла, я ему выслал еще 2 уноса с тем, чтобы он, сдав орудие, на 10 лошадях вывез ящик. Он вернулся с вокзала примерно на полчаса позже того как мы тронулись, покрутился около ящика и, убоявшись отстать, или Бог знает чего, не вывез его. За эту историю он попал под суд. В Канеловской огнесклад Алексеевской дивизии не мог вывезти 8 вагонов с русскими снарядами. Их подожгли, но неудачно.

22.02.1920. Часов в 9 утра пришли в *Ново-Минскую*, сделав за ночь 25 верст. В поле дорога подсохла и накаталась, но в станицах нет никаких сил передвигаться. У меня снялся сапог в этой грязи, а ведь я его с трудом натягивал. По дороге ко мне подошел Эдуарде Карлович Вильман и сказал: «Ну, это конец». Под утро шел с целой компанией офицеров и всё время слышал такие разговоры: «Неужели это конец», «Кажется, пора раскланиваться», «Что с нами будет», «Всё кончено», «Надежды никакой». Всё говорит за то, что будем катиться без задержки до Новороссийска, а там — неизвестно, что будет.

Солдаты начали говорить, что занята Кавказская, что фронта нет, что корпус отступает с целью куда-то пробиться, что в Одессе при эвакуации было брошено 6 тысяч офицеров (а там действительно штабы позаботились исключительно только о себе, а строевые части были брошены), и что их такая же участь ждет в Новороссийске. Для характеристики настроения этих выражений и разговоров вполне достаточно. Опять никто ничего не знает и не представляет. Одним словом, гнусно.

День проспали в Ново-Минской, а в 10 снова пошли дальше. Утомительны и даже очень эти ночные переходы. Меня перевели после расформирования 4-го орудия в 3-е. Жаль было расставаться с прежним составом. Пробыл я в 4-м орудии 18 месяцев и прошел там все должности.

23.02.1920. Утром пришли в *Старо-Деревянковскую* и начали переправляться через реку Челбас. Кошмарная переправа. Все столпились. Грязь невылазная. Прямо душа раздиралась при виде этой поистине

кошмарной картины. Стоит сплошной крик, понукание, стоны; лошади выбиваются из последних сил, падают; повозки ломаются, застревают, переворачиваются. Если бы сюда несколько шрапнелей или пулеметных очередей, был бы сплошной ад. Вообще с обозами двигаться в такое время и по такой дорожке — сплошное огорченье. И откуда столько обозов? Везут всякую дрянь... Боевых частей не так много и они крайне малочисленны, а обозов видимо-невидимо. Повторяются опять прежние ошибки. Давно пора расформировать их основательно.

Перейдя Челбас, пошли в станицу *Каневскую*. Вечером прибыли в батарею офицеры хозяйственной части, которые вместе с эшеленом управления дивизиона попали в Керчь. Они только теперь пробрались сюда. Привезли они для меня печальную новость: 2 февраля умер Андрей. Его похоронили на военном отделении Нового кладбища в Керчи. Он заболел сыпным тифом, перенес эту историю (сердце у него было весьма слабое и, кроме того, последнее время он пристрастился к эфиру и кокаину), стал уже поправляться, но получил нарыв на легком, и от заражения крови скончался. Жаль беднягу. У меня перед отъездом из дому было такое чувство, что он не вернется живым домой, но такой развязки я все-таки не ожидал.

Говорят, что в Крыму на фронте положение довольно прочное. Всё там сравнительно дешево. На разных хозяйственных эшелонах наших здешних частей многие члены разных приемных комиссий Крыма нажили себе колоссальные деньги. Буквально ничем нельзя прошибить этот народ. На гнилой почве начали воссоздание России — и результаты лицо.

24.02.1920. Начали говорить, что Донцы где-то кого-то потрепали и возможно, что мы будем снова выдвигаться за линию реки Еи. Есть даже сведения, что мы перейдем в общее наступление, только с чем — прямо непонятно. От Марковской дивизии осталось чуть ли не 150 штыков всего. Всё с каждым днем прямо тает. Дезертирство в наших частях приняло угрожающие размеры. Бегут не только солдаты, но и офицеры. В Новороссийске офицеры занимаются разгрузкой и погрузкой и зарабатывают большие деньги. В станицах казаки собираются и идут к Екатеринодару. Что они там собираются делать или сделают ли что-либо, — предугадать трудно. Во всяком случае, если они взялись серьезно за ум, то пожалуй уже поздно. Но на то, что они взялись за ум, пока еще нет намеков, а про дела их на фронтах ничего не слышно. Оставшиеся в станицах, бабы и старики говорят, что «наши казаки все пошли на фронт, а вы оставляете и уходите с фронта», указывая этим на то, что мы по вине их же казаков должны оставлять без боя те рубежи, на которых свободно могли бы удерживаться. Вообще на Кубани отношение к нам и настроения мне не нравятся. Нет ничего общего с тем, что было в 1918 г., а между тем большевиков бояться как огня. В Старо-Щербиновской на призыв члена Круга не откликнулись, и никто не пошел. Они говорят, что против

нас они ничего не имеют, за большевиков не пойдут, но войны не хотят. Желая себя спасти, решили в Старо-Щербиновской встречать большевиков с хлебом-солью.

25.02.1920. Утром 800 казаков при поддержке бронепоезда сделали налет на Ново-Минскую. Устроили там тарарам, захватили 400 человек, несколько пулеметов, несколько сот порубили и вернулись обратно. Красным такие ванны необычайно полезны. Если бы казаки всё время устраивали бы подобные налеты, и то было бы необычайно хорошо, а то они ограничиваются тем, что собираются и куда-то уходят.

Справа что-то опять случилось. Донцы должны были перейти в наступление, но вместо этого отошли под давлением. Барбович тоже отошел. Его, говорят, слегка потрепали. В 2 часа дня мы двинулись опять назад и около 1 часу ночи пришли в станицу *Переяславскую*. Сегодня мы прикрывали отход и поэтому остались в этой станице, чтобы дать возможность всем переправиться через реку Бейсуг. Гребля здесь очень скверная. Пушка какой-то батареи застряла, и не могли ее вытащить. После этого всё начали переправлять по железнодорожному мосту, а для этого приходилось не менее 3 верст сделать по ж/д насыпи. Прямо преступление, что не могут заранее поправить всех мостов, переправ, частей и пр. Об этом, кажется, можно было бы заблаговременно подумать, кое-что можно было бы сделать, чтобы при случае не получилось бы классического герמידера на переправе.

26.02.1920. Перешли днем через Бейсуг и Бейсужек и устроились в ст. *Брюховецкой*. Тут везде по берегам паршивенькой болотистой речонки располагаются сразу две станицы, а затем опять идет верст на 18–20 абсолютно ровное поле без всяких складок. Весна началась уже по-настоящему, днем можно свободно ходить без шинели. Уже несколько дней тому назад начали петь жаворонки. Грязь замечательно быстро высохла, в поле дорога уже пылит и в станицах тоже, даже можно довольно сносно передвигаться. Начался тут весенний перелет птиц. Отличительным свойством кубанских станиц в это время является то, что тут и день и ночь в разных местах идет стрельба из винтовок. Хлопают, не переставая. Мы тоже заразились этим и открыли стрельбу по сычам, которых тут в садах немало, с целью проверить бой своих винтовок.

27.02.1920. Взрвали мосты. Летит вся Россия на воздух, но иначе ничего не поделаешь. Наши взрывают мосты и переправы крайне скверно. Красные довольно быстро наводят их снова. У нас в батарее солдаты тоже начали уже понемногу бежать. Такого явления не замечалось даже в самое трудное время борьбы в Угольном районе в прошлом году. Кроме того, тиф всё еще не прекращается. Две недели боев нам не дороже бы обошлись, чем этот отход без выстрелов. В 1-м батальоне 2-го полка осталось 40 человек, и то 20 из них подловили где-то по дороге из числа оставших из других частей. Пока некоторые плетутся, а дальше будет еще хуже. Наши солдаты тоже в замешательстве.

28.02.1920. Утром к Переяславской подошли красные. Левее нас участок занимают Черноморцы, а левее их до самого моря — казаки-старики Ейского гарнизона. Там всё болота, так что до некоторой степени левый флаг у нас обеспечен природными условиями, но отнюдь не этими казаками. Правее нас Алексеевцы, а затем Барбович и уже Донцы. Корниловцы в резерве, а Марковцы после своего разгрома совсем вышли из состава боевой части корпуса и теперь опять пополняются где-то, главным образом мобилизованными в Новороссийске офицерами, которых ловят там.

Часов в 11 красные переправились через речку у Екатерино-Лебяжского монастыря, легко отбросив находившийся там эскадрон Черноморского полка. Мы пошли туда ликвидировать это дело. Версты 4 нужно было идти по чистому полю под артиллерийским огнем. Позиция у нас тоже была паршивая и совсем открытая. Оказалось, что весь Черноморский полк спокойно себе находится в Брюховецкой. Вышли они из станции много позже нас и благодаря этому чуть не атаковали нас, в то время как мы становились на позицию. Они даже было рассыпались в лаву и двинулись на нас. Переправу эту решено было не брать и ограничиться тем, чтобы препятствовать красным распространяться дальше. У Брюховецкой до вечера продолжалась солидная артиллерийская перестрелка. Наш район солидно обложили, а дом командира сгорел от снаряда. Алексеевцы справа тоже отдали вечером переправу, но возвращать ее не собирались, так как задерживаться здесь мы не будем. Говорят, что останемся на линии ст. Тимашевской.

29.02.1920. В 4 утра пошли дальше на Тимашевскую. Отсюда мы взяли налево по фронту на свой участок в хут. *Роговский*. За этот день у нас в батарее сбежало 6 человек. На этой линии тоже задерживаться не будем. Все обозы отправляются за Кубань. В Славянской и Троицкой наводятся понтонные мосты и приспособляются для переправки жел. дороги, так как там, кроме паромов через реку Протоку и Кубань, других переправ не существует. Начал дуть свирепый ветер, почти вроде норд-оста. Стало опять холодно. Как обстоят дела на правом фланге — ничего неизвестно. Ставрополь уже давно оставлен нашими частями, Святой Крест, Кизляр, Минеральные Воды — то же самое. В настоящее время положение там еще много хуже.

1.03.1920. Воскресенье. Правое крыло нашей армии весьма основательно загнули. Пошли к женскому монастырю, Мариинской обители, чтобы удерживать переправы через какой-то паршивенький ручеек. Паршивенькие мостики через эту лужицу наши не могли даже как следует испортить. Положи на это несколько досок, то можно перевезти что угодно. До вечера мы задержали красных. Вообще, хотя наши силы и слабеют с каждым днем, красным пока не удастся сдвинуть нас с той линии, на которой мы хотим задержаться, хотя бы только одну ночь для ночлега. Алексеевцы были правее нас, у Тимашевской, на северной стороне этой

речонки. Красные заняли ближайшие к переправе у плотины бугры и артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем сделали переправу обзоров совершенно невозможной. Фактически они зажали всю Алексеевскую дивизию на этом участке; туда на выручку и были посланы два батальона 3-го полка нашей дивизии с артиллерией. Вечером они под покровом поднявшейся метели начали оставлять Тимашевскую и беспрепятственно переправляться. Метель поднялась классическая. Мы растерялись даже с нашими разведчиками и чуть не заблудились. Влево прошли две колонны красных. Если они будут еще и слева подгонять нас, то это уже совсем слабо.

2.03.1920. В 3 ночи пошли дальше в *ст. Половичевскую*. Вчерашняя метель со снегом сильно подпортила дорогу. Станица очень большая, и устроиться здесь было бы можно очень хорошо во всех отношениях. Беда только с деньгами. Денег мы получаем сейчас довольно много. Жалованье увеличено тысяч до 3, кроме того начали получать еще кормовые и дровяные деньги, так что в общей сложности получается тысяч до 7 в месяц. Но соль вся в том, что на эти деньги ничего не купишь. Денежные знаки в 1000 и 10 000 тысяч рублей выпущены Главным командованием Вооруженных сил Юга России, их или совсем не хотят брать или говорят, что нет сдачи, что равносильно, а мы почти исключительно получаем содержание такими бумажками. Мелочь и знаки в 1000 и 5000 рублей, выпущенные Ростовской-на-Дону конторой Государственного банка, принимаются охотно, но таких билетов у нас на руках почти нет. Эти последние называются на языке обывателя «донскими деньгами», а билеты в 1000 рублей Главного командования — «колоколом» (на нем изображен Царь-колокол). Сегодня мы все-таки устроились с едой очень хорошо. На целый «колокол» купили у бабы поросенка и молока.

3.03.1920. Около 4 утра мы должны были, согласно приказу, идти дальше. Ночью этот приказ был отменен и мы должны были остаться здесь, упорно обороняться и потом чуть ли не перейти в наступление. Справа от нас Донцы хотели что-то сделать такое с противником. Под утро это опять было отменено, и в 7 утра мы двинулись дальше, а в Половичевской остался 1-й полк нашей дивизии; правее остался Самурский. Последним не повезло: в районе Старо-Величковской на них сильно нажала кавалерия и потрепала их так, что у них из 150 штыков осталось не больше 50, благодаря чему они должны были отойти и этим подвели 1-й полк нашей дивизии, который в этот момент отбивался от наседавшей на него кавалерии и пехоты. Благодаря отходу Самурцев красные справа заняли Половичевскую в то время как бой развивался еще впереди станицы. Они успели уже зарубить человек 40 и подняли здоровый тарарам, поднявши стрельбу и крики «ура» в станице. Тогда сам полковник Туркул со своими конными разведчиками (у него их 180 человек) в конном строю бросился по улицам в атаку, рубанул слегка красных, вышиб их из деревни, захватил в плен 27, тут же их расстрелял и благополучно отошел

в станицу. Хорошо, что в эту историю попал не 2-й полк, а то он благодаря своей малочисленности не выпутался бы, пожалуй, из этой невеселой комбинации.

Дорога опять отчаянная, опять бросаются повозки и падают лошади, в станицах опять тонешь в грязи и опять у нас сбежало несколько человек солдат. Пришли мы в *Старонижестеблиевскую* станицу. Теперь переход в 20—25 верст кажется всем обычным и привычным делом и никого, несмотря ни на какую погоду, не страшит. Ночью подошел сюда и 1-й полк из Половичевской. Донцы ничего не сделали и сами тоже отошли назад.

4.03.1920. Часа в 3 вышли для движения на Славянскую. Вчера говорили о том, что в районе станицы Полтавской оперирует какая-то шайка. Затем получились сведения, что из Славянской выступил отряд в 700—800 человек при 14 пулеметах с целью обезоружения нашего корпуса. Пройдя верст 15, мы действительно в районе Полтавской, через которую нам нужно было проходить, услышали бой. Эта комбинация явилась для меня полной неожиданностью. Оказывается, что еще вчера слева нажали на Черноморцев и они здорово откатились. Таким образом, красные силою до 1000 сабель при нескольких орудиях выскочили нам в тыл должно быть с целью отрезать переправу в Славянской. Ночью туда отправлена была Корниловская дивизия. Когда мы подошли туда, почти вся станица была уже очищена и благодаря тому мы, не ввязываясь в бой, пошли себе дальше. Одна пушка красных выскочила на полузакрытую позицию и с первого снаряда здорово трахнула по нашей колонне. В обозе началось замешательство, но сейчас же 6-я батарея и гаубица открыли огонь по этой обнаглевшей пушке, заставили ее прекратить огонь и разогнали номеров. После этого полковник Манштейн послал туда цепочку, которая под прикрытием артиллерийского огня, захватила эту пушку, сняла замок, попортила и бросила, так как вывозить было не на чем. Мы прошли в общем совсем благополучно.

В конце колонны шел 1-й полк. На него нажала кавалерия, от которой он отстреливался залпами, после чего пошел дальше с музыкой. В *Славянской* мы переправились через реку Протоку (приток Кубани) по плавучему (на баржах) мосту. На этот раз Корниловцы прикрывали наш отход и переправу. Могло бы получиться очень скверно, если бы не ликвидировали прорыв у Полтавской.

У нас из батареи сегодня ушло 9 человек. Наше 3-е орудие совсем разбежалось, и теперь нет ни одного номера, а ездовых осталось только два. Весь день эти 30 верст от Старонижестеблиевской до Славянской я ехал за ездового.

Солдаты рассуждают так, что если они дойдут до Новороссийска с нами, и там их захватят, то тогда им уже не будет пощады, а «своей жизни, — говорят они, — каждому жаль». Их еще немного удерживает то, что, может быть, на линии реки Кубани дадим решающий бой и там остановимся. Всё время спрашивают, что предстоит нам в ближайшем будущем,

но мы и сами не знаем этого и, естественно, не можем дать им ответа. Скоро, очевидно, останемся без людей. Некоторые даже откровенно говорят, что дальше Кубани-реки они не пойдут уже за нами.

Славянская <в наст. время г. Славянск-на-Кубани. — *Ред.*> — большая отдельская станица Таманского отдела. Тут мужская гимназия и коммерческое училище. Жителей тысяч до 40. Большевиков в ней немало. Формировавшиеся в ней казацкие части месяца 2 рассуждали, пойти ли им на фронт или нет, до тех пор пока сюда на днях не приехали Донцы с целью карательной экспедиции. После того, как каждого 60-го расстреливали, а каждого 10-го выпороли, они наконец двинулись в район Екатеринодара. Туда собралось, говорят, до 30—40 тысяч Кубанцев.

5.03.1920. Пошли дальше. Переправились через Кубань, по понтонному мосту и остановились в станице *Троицкой*. Примерно уже от Славянской отчетливо видны горы со снеговыми вершинами. До Новороссийска остается всего два перехода. Говорят, что здесь мы остановимся и дадим последнее испытание казакам. Фронт будет идти по Кубани, а затем по реке Лабе. На предмостном укреплении перед Екатеринодаром будут удерживаться Донцы, а сейчас же правее города будут Кубанцы. Мы остались на позиции. Корниловцы и Барбович идут в резерв. Только на левом фланге Донцов остается 3-й Корниловский полк.

Вечером были получены официальные сведения, что сегодня красные заняли Екатеринодар. Донцы драпанули так, что не успели взорвать мостов и предупредить об уходе 3-й Корниловский полк, который из-за этого попал в безвыходное положение на северном берегу Кубани. Ему пришлось метаться по своему участку от Ольгинской до Елизаветинской. Из 900 штыков спаслось только 300. В Екатеринодаре осталось свыше 8000 офицеров. Все офицерские роты, формировавшиеся из тыловой публики, не пожелали выехать. Какая дикая и страшная боязнь у невоюющих офицеров попасть на фронт! Частей в Екатеринодаре было хоть отбавляй, и всё это уходило. В газете сообщалось о том, что последние дни по городу ходил генерал Деникин и, смотря на отходящие части, говорил: «Теперь наше положение лучше, нежели было под Орлом». Так ли это?

6.03.1920. У нас на участке полная тишина. Красные главное внимание обратили на наш левый фланг и направились в район Варениковской переправы у станицы того же наименования. Говорят, что эта переправа занята зелеными. Как могло прозевать такую историю наше командование, прямо непонятно. Есть сведения, что вся советская 13-я армия, численностью до 30 тысяч, начинает сосредотачиваться у Таманского полуострова с целью похода на Анапу и Новороссийск с тем, чтобы воспрепятствовать переброске наших частей в Крым. Дело подходит к ликвидации. С Юденичем красные покончили совершенно, он удрал в Эстонию. Колчак тоже уже не существует. Во время восстания его задержали, и французский генерал Жанен выдал его красным, после чего адмирал был расстрелян. Северной армии Миллера тоже не существует;

говорят, что с поляками приступают к мирным переговорам, а с Румынией у Совдепии существует какое-то соглашение. Этим и объясняется то, что отступающие из Одессы наши части не были пропущены Румынией. Успех у Совдепии головокружительный и почти полный. Остались только мы и Махно, который им чинит очень много неприятностей.

7.03.1920. Опять тихо. Зеленые много пошаливают кругом. Верстах в 8 на юго-юго-запад отсюда обстреляли сегодня наших артельщиков, поехавших на хутор за продуктами. Шаек самых разнообразных направлений развелось кругом очень много. Теперь они безбоязненно нападают и пощипывают со всех сторон нашу армию. Про фронт ничего не слышно. Справа красные сильно продвинулись на юг и загнали наш фланг. В конце февраля совершенно переменялся состав Южно-Русского правительства, и снова был провозглашена широкая декларация. Акт этот явился запоздалым во всех отношениях и кроме усмешки, по-моему, вызвать ничего не может. Совершенно не отвечающее духу времени правительство: произвол помещиков, государственной стражи, широковещательные приказы, совсем не превращающиеся в дело, грабежи, насилия, развалившийся и проворовавшийся тыл и управления уже полностью сделали свое дело: мы бесповоротно откатились от Орла, и одними декларациями не поправить дело. Дело подходит к полному банкротству, иначе и не могло быть. Но и это нас не научило, от старых замашек все-таки отказаться не могут.

8.03.1920. По официальному сообщению, на этих днях зеленые после упорного боя заняли Геленджик. На Варениковской переправе появились уже красные, которые продвигаясь, заняли город Анапу. На эту переправу были посланы Черноморцы, но они естественно ничего не сделали; таким путем красные в нужном для них месте получили совершенно целый мост. Темрюк, тоже занят красными. Верстах в 30 правее нас красные подошли к переправе у станицы Федоровской. Только на нашем участке переправа пока в наших руках. Несколько правее Троицкой, у Сушковских хуторов, ночью красные пытались навести мост на лодках, и они уже успели что-то сделать в этом направлении (не понимаю, о чем думали ночью караулы), но затем всю эту честную компанию разогнали.

Положение наше здесь довольно интересное, если справа и слева делаются такие дела. Слышна только артиллерийская стрельба где-то далеко справа позади. Приезжал сюда на совещание комкор Кутепов. Солдаты сильно волнуются и смущаются затишьем на нашем участке, они ждут обходного маневра красных. У зеленых, говорят, существует две партии: одна за красных, другая против красных. Эти партии будто бы даже сталкиваются между собой, но нам от этого не легче, так как и те и другие против нас вполне определено.

9.03.1920. В 10 утра командир собрал к себе всех офицеров и поделился результатами вчерашнего совещания и митинга. Начал он так:

«Для того чтобы выйти из того тупика, в который мы сейчас попали, предлагается 3 проекта: 1) Весь Добровольческий корпус перебрасывается в Крым, для чего пехота должна пойти в Новороссийск и погрузиться там; артиллерия, кавалерия и обозы направляются на Темрюк и Тамань (красное предложение, если там вся 13-я советская армия) и оттуда уже будут переправлены в Керчь. 2) Мы складываем оружие и уезжаем за границу, где нас англичане поселяют, где им заблагорассудится, и устанавливают казарменную жизнь с соответствующим режимом. 3) Мы будем отходить по Черноморскому побережью в Грузию с боями впереди и сзади с зелеными и красными на Геленджик, Туапсе (заняты уже) и т. д. Впереди пойдет конница, а параллельно нам морем транспорты будут обеспечивать снабжение продовольствием и снарядами. Кроме того, генерал Кутепов получил от Шиллинга (который снова выплыл в Крыму после знаменитой эвакуации Одессы) непосредственно, без уведомления об этом ставки генерала Деникина, письмо, в котором тот пишет о желательности переброски нашего корпуса в Крым. Он обещает предоставить нам транспорты и обеспечить погрузку в том случае, если с нами не будет вывезено «одно учреждение», как сказано в письме (по-видимому, это учреждение — ставка). Выходит так, что Крым в данное время как бы не подчиняется Деникину. Генерал Покровский предлагал Кутепову поехать в Крым и произвести там переворот в пользу Добровольческой армии. На это Кутепов ответил, что, хорошо зная его, он ему не подчинится, даже в том случае, если власть в Крыму будет принадлежать ему, т. е. Покровскому. Недавно там было вторичное восстание капитана Орлова. На этот раз оно было ликвидировано более основательно. Как оказывается, Орлов со своим отрядом не особенно хотел отправиться на фронт, что ему было предложено, после выступления его в первый раз.

У нас на Кубани положение такое. Наш корпус вышел из состава Донской армии, и мы сейчас предоставлены сами себе. На правом фланге фронт проходит по реке Белой. Вернее было бы сказать, что не фронт проходит по Белой, а красные, продвигаясь, дошли до Белой. Охватили нас порядком. Генерал Деникин отдал приказ о том, чтобы производить эвакуацию согласно 1 пункта. Но на собраниях-митингах командного состава и офицеров нашего корпуса решено было отходить с боями в Грузию. Первый пункт нам казался невыгодным вследствие того, что из-за определенной борьбы за власть мы в Крыму сварились бы в собственном соку. Вариант 2 не подходил потому, что это крайне неопределенная, неизвестно что обещающая в будущем, и, я бы сказал, постыдная развязка. Не все согласились с пунктом третьим, но большинством он был принят. Кроме сообщения об этом решении в ставку было отправлено ультимативное требование нашего корпуса такого характера: в том случае, если все-таки, на основании каких-либо данных решено будет перебрасывать нас в Крым, то мы соглашаемся с тем условием, что все части будут грузиться в Новороссийске и что во время эвакуации вся власть будет сосре-

доточена в руках нашего корпуса; чины штаба будут погружены не раньше нас. Генерал Деникин обиделся на это, раздукал комкора и заявил: «Все могут быть уверены, что Главком выедет последним, если до этого времени не погибнет».

Всё, как не трудно увидеть, распадается, и начинается полная дезорганизация. Как не жаль, но прочного у нас ничего не оказалось. Всё предприятие оказалось слишком «малокровным». Положение Крыма едва ли прочно и он едва ли сможет продержаться больше 1–1,5 месяцев, если на него нажмут как следует, хотя и сообщают о том, что теперь там наши наступают. В штабе дивизии имеются сведения о том, что красные с помощью крейсера «Алмаз», оставленного будто бы нашими при эвакуации Мариуполя, собираются высадить десант на Керченском полуострове. Что-то не верится мне, что «Алмаз» попал в Мариуполе к красным, а впрочем, наши так хорошо умеют эвакуировать, что удивляться не приходится.

Выйдя от командира после этого собрания, я сказал: «Да, это уже несомненно конец, хотя вчера еще, несмотря на полную безнадежность и безвыходность нашего положения, я бы этого не сказал, не хотелось верить и не верилось, тут какое-то чувство шло явно в разрез с очевидными истинами и доводами разума». Более понятно было бы, если бы мы пошли в Крым. Несколько странно, что мы сходим с арены борьбы, в то время как в Крыму она еще не совсем закончена. Если уйти в Грузию, — неизвестно, пропустят нас туда или нам придется дорогу прокладывать силою оружия, мы естественно на время, хотя вероятнее что навсегда, сходим со сцены. В том, что туда дойдут только жалкие остатки некогда сильной армии, сомневаться не приходится. Считают, что не больше 3–5 тысяч дойдет.

10.03.1920. Справа красные переправились через Кубань у Федоровской. Из района Варениковской переправы Черноморцы отошли чуть ли не к самой Крымской. Положение, в общем, веселое. Ради чего мы сидим здесь, всё еще совершенно не понятно. Нашей дивизии сильно досталось, Марковцы давно сняты с фронта, Алексеевцы были в резерве и сейчас тоже в Крымской, Корниловцы тоже были в резерве и теперь в резерве в Новороссийске. Почему-то наши Дроздовцы с лета прошлого года не видели резерва, и сейчас нам не дают. Дивизия, правда, сильная, но из того не следует, что нас можно всё время трепать. Командир корпуса генерал Кутепов сам нас держит столько времени, не меняя, на фронте, что можно было бы подумать, что он задался целью погубить Дроздовскую дивизию.

Говорят, что скоро мы дня 2–3 постоим в резерве. Утешение довольно слабое. Сегодня перед нами появились красные. Небольшой разъезд въехал в хутор на той стороне реки. Очевидно, все обрадовались, что после такого промежутка снова увидели красных, и начали по ним садить. Сразу заработало несколько пулеметов и не меньше 4-х орудий. В общем,

параллельно с пристрелкой некоторых пунктов, которая на сегодня была назначена, публика немного развлеклась стрельбой по противнику. Даже одиночных всадников не оставляли в покое, и артиллерийским огнем гоняли по полю. Стрельба была такая, что можно было подумать, что завязывается более или менее приличный бой.

Последнее время у нас в батарее вошла в моду крупная азартная игра. Сначала мне везло, и я раз 6 выигрывал порядочные суммы, но сегодня пролетел окончательно: проиграл и выигранные, и свои деньги — в общем итоге до 70 000 рублей.

11.03.1920. Утром, около 7 двинулись в Крымскую. Окончательно выяснилось, что мы пойдем в Новороссийск, будем там грузиться и направимся в Крым. За эти 2 дня все настолько привыкли к мысли отступления в Грузию, что не хотелось как-то уже менять своих решений и планов. На некоторых это известие подействовало прямо-таки подавляюще: «Ушли бы мы в Грузию, там мы могли бы быть спасены, а в Крыму мы все погибнем. Это отсрочка смерти на две недели», — говорили они. Касаясь погрузки в Новороссийске, я смеясь говорил, что там нам легко могут устроить «Вавилонское столпотворение». Вообще, все уверены в том, что нам предстоит невероятно тяжелые дни, и будет великое счастье, если мы благополучно выберемся из надвигающийся у Новороссийска катастрофы при погрузке. У всех перед глазами эвакуация Одессы, откуда выехали только штабы, и лишь маленькая, очень незначительная часть строевых частей. Дивизия Бредова вместе с ним самим была оставлена — чего уж больше. Он вместе с другими не погрузившимися побился к полякам, но там его разоружили — вот тебе и соглашение с поляками.

Сегодня у нас из батареи снова бежало много народу. Честные все-таки солдаты — ничего ни казенного, ни чужого не берут с собой и службу исправно несут до последней минуты. А ведь могли бы они ночью исчезать вместе с лошадьми. Случилось так даже, что некоторые за час до своего побега полностью выстаивали часы своего дневальства и уходили, сменившись. Справа по нашему ходу какая-то редкая стрельба. Говорят, там почти непроходимые болота, где скрываются шайки. Сказать определенно, что это шайки, а не большевики, довольно затруднительно.

Пришли мы в *Адагумскую* (в 2 верстах от Крымской) часа в 4. За нами сейчас же вышел оставшийся на некоторое время для прикрытия 3-й полк. Когда он подходил к Адагумской, на него почти у самой станицы налетела кавалерия красных. Их довольно быстро отбили, причем командир красного дивизиона был захвачен и расстрелян на месте. Все эти конные были полупьяны. Это, должно быть, передовые части переправлявшейся у Варениковской переправы группы красных.

Здесь, в *Крымской*, столпились штабы всех армий: Добровольческой, Донской, Кубанской, Верховный Круг и пр. Народу видимо-невидимо. Ночью из батареи хотели бежать на лошадях к зеленому человек 60 солдат под предводительством подпоручика Журавлева. Они нашли было себе

уже проводника, но тот собирался провести их не к зеленым, а к красным, и дело не выгорело. Красивый вид был бы у нас без лошадей, с одними пушками.

12.03.1920. Из Крымской на Новороссийск есть шоссе. Но последнее время обозы по нему не шли, так как там бродили весьма внушительные группы зеленых. Всё двигалось прямо по полотну железной дороги. В 4 утра мы двинулись прямо на Новороссийск. Алексеевская дивизия должна была прикрывать отход. Пройдя Крымскую, вошли в горы. Двигались прямо по шпалам железной дороги. Дорога проходит узким ущельем. Справа и слева большие горы. Свернуть некуда. В таких местах можно устроить здоровеннейший переплет, из которого нелегко было бы выбраться. В довершение несчастья пошел дождь.

Картина этого движения очень печальная. Кроме нас двигалось много беженцев — куда? зачем? — прямо непонятно. И на чем они только не передвигались — даже на верблюдах. Много калмыков гнало скот. Около 11 добрались до станции *Нижне-Баканской*. Здесь мы свернули прямо в горы, чтобы выйти на шоссе у станции Неберджаевской. Дорога прямо ужасная. Нужно подыматься на крутую гору. Впереди идет целая масса обозов. Лошади не берут. Подымается по одной повозке. Лошадей всё время перепрягают и т. д. Только к 4 часам мы взобрались на первые горки, а дальше вся дорога идет такими перевалами. До шоссе всего только 4 версты, но уже теперь ясно, что сегодня мы туда не доберемся. Как видно, мы двинулись по этим горам прямо без дороги. Всё ничего, но этот дождь размочил совсем почву.

В 5-м часу я заметил колонну, которая переваливала через горы и держала направление на Нижне-Баканскую, двигаясь с севера. Я кому-то указал на это обстоятельство, и мы решили, что это наша отходящая конница. В 6-м часу неожиданно раздался залп, и весь бугор перед Нижне-Баканской замелькал от ружейных вспышек. Бронепоезд в момент открыл огонь, и мы тоже самое. Сразу с нашей стороны заговорили 10–12 орудий. Весь бугор нашими разрывами был покрыт прямо идеально. Каких-нибудь 10–15 минут и всё стихло. Пыл красных моментально охладился, и они драпанули вовсю оттуда. Двигались мы до 12 ночи и успели отойти от Нижне-Баканской только версты на 2. Это за 13 часов-то. Нужно добавить, что идем без привала, без еды, питья, почти без корма лошадей. Кроме зерна у нас нет ничего с собой. За эту ночь в горах у нас разбежались почти все остальные солдаты. Положение с каждым часом становится всё более и более веселым. Вспомнить будет кое-что. Неберджаевская, через которую нам нужно идти, занята зелеными. Выбивать их оттуда послали Самурский полк. Но последние ничего не сделали, и положение осталось таким же. Почему это так и в чем тут дело — не знаю.

13.03.1920. Пятница. Двигаемся колоссально медленно дальше по этим прямо-таки непроходимым оврагам. Часам к 6 утра подошли к по-

следнему перевалу перед Неберджаевской. Тут предстоит грандиозный спуск, и тогда мы уже попадаем на шоссе. Здесь-то и разыгралась трагедия. Станица Неберджаевская занята двумя полками полковника Сухенко¹⁷⁷ с батареей. Этот самый Сухенко, который 25 февраля делал налет на Ново-Минскую, теперь, очевидно желая перейти на сторону красных и загладить свою вину, решил не пропустить нас. И действительно пройти было очень тяжело. Нужно спускаться с таких гор, переезд по которым в спокойной обстановке представляет большие затруднения, а тут нас разделяют снизу в упор пулеметным, ружейным и артиллерийским огнем. Перепалка поднялась здоровая. Самурцы, которые должны были нас прикрывать, куда-то исчезли, пришлось самим прокладывать себе дорогу.

Несколько раз нас покрывали огнем очень удачно: пули так и влипали (уже не свистели) в воздух на уровне пояса, груди, лица. Всё же мы спустились и повернули на шоссе очень благополучно. Мне вкатили только пулю в седло. Обозу нашему не повезло. Там как-то сразу попали по лошадям; несколько повозок перевернулось, застопорили дорогу, получилось черт знает что, чего уж никак нельзя было распутать под таким огнем. Кроме того, слева по лесу эти зеленые начали уже приближаться. Скот, который был закуплен батареей и который гнали всё время за собой, разбежался. Люди обоза тоже разбрелись и запутались в лесу. Всё, кроме боевой части, погибло. Я остался буквально без единой вещи в единственной, самой плохой, рваной смене белья. В таком же положении очутились все люди батареи.

Сзади нас шел 3-й полк. Его артиллерии совсем не повезло. Она отстреливалась до последнего снаряда с целью дать возможность в это время проходить мимо. Там лошади во многих орудиях были перебиты; несколько снарядов попало прямо в запряжку. Им пришлось эти орудия сбросить с кручи, так как вывести их уже не было возможности. С уцелевшими запряжками пушки они начали спускаться с горы (правее, чем мы съезжали, по нашей дороге уже совсем почти нельзя было проехать); грунт там каменистый, и все орудия с запряжками и ездовыми кувырком полетели вниз. Вся артиллерия 3-го полка и его обозы погибли.

С Алексеевской дивизией, которая прикрывала нас сегодня, тоже история: они не вывезли ни одного орудия. Дело в том, что бой начался-то с Сухенко, но очень скоро туда подошли красные в значительном количестве, с 8—10 орудиями, и начали наступать, совершенно отрезая для наших выход на шоссе. Это переплет. Несколько передохнувши, двинулись ущельем, по шоссе на Новороссийск. Тут всё время подъем и подъем. По дороге нас всё время обгоняла Донская кавалерия. Они тянулись бесконечной вереницей, сильно очевидно спешили и имели очень жалкий вид, лишь у немногих были винтовки. Одни говорят, что во время спешного отступления они побросали оружие, а другие, что их несколько раз обезоруживали зеленые. Их ведь так много, и между тем их разоружили. Теперь они спешат, чтобы захватить себе в Новороссийске транспорт. От нашей

дивизии еще из Троицкой с офицерской ротой был послан в Новороссийск полковник Туркул, чтобы подготовить там для нас транспорт и навести там некоторые порядки. В Крымскую он прислал для пополнения 150 офицеров-«жителей», не имевших определенных занятий, но они воевать не особенно захотели и сразу же в первую ночь разбежались.

Барбовичу всё же было предложено идти в Тамань. Он и пошел туда с 3—4 тысячами Донцов, но ему не удалось пройти и пришлось отступить на юг; теперь он тоже будет грузиться в Новороссийске. Уже ясно, что нас туда идет слишком много. И все обозы с разной рухлядью тянутся туда же. Вообще эти обозы нас совсем зарезали. Сколько лишних мучений и задержек из-за них всё время во всех этих отступательных походах, когда всё шло вместе. Поговаривают, что при погрузке возможны чуть ли не целые бои между частями.

В *Новороссийске*, как и следовало ожидать, нас ждала полная катастрофа. Нам оставалось еще версты 3—4 до последнего перевала, когда мы со стороны Новороссийска услышали орудийные выстрелы. Казалось, что это нам в горах неправильно слышаться и передаются звуки. Все были уверены, что Корниловцы в данный момент удерживаются на станции Тоннельной, что они, может быть, только завтра отойдут к городу, который будет удерживаться 2—3—4 дня до полной его эвакуации; тем более что в силу природных условий защищаться там не так уж трудно. На самом деле дела обстояли совсем неблагоприятно. Когда мы, наконец, взобрались на перевал, с которого далеко внизу роскошно был виден весь Новороссийск, то кроме действительно роскошной картины, открывавшейся нам с громадной высоты, на которой мы находились, можно было наблюдать далеко не такие уже интересные разрывы артиллерии. Стрелял из города бронепоезд и с моря английское судно; последнее гвоздило по бакам с нефтью, которые наши не успели взорвать.

Как оказалось, красные занимают уже кожевенные заводы. На Тоннельной Корниловцы не удержались; там всё время зеленые занимали в тылу железную дорогу, поджигали мосты и отхватывали обозы; много эшелонов и бронепоездов было брошено в том районе. Тоннель предполагалось взорвать так, чтобы красные, по крайней мере в течение 6 месяцев, ничего не могли бы вывезти из Новороссийска, но этого не успели сделать, хотя всё там уже было минировано.

Больше всего мы поразились, когда узнали, что Корниловцы и не думают прикрывать нас сейчас и что они уже погрузились. На фронте остается один только Барбович, причем его конница сильно потрепана и поредела. Нам передали, что мы будем грузиться сегодня же, что орудия будут брошены (для нас здесь будто бы погружены совершенно новые пушки), повозки всех обозов тоже не будут взяты, пойдут на погрузку только люди и лошади.

Часа в 4 мы въехали в город. Там в это время делалось что-то непонятное. Уже на окраинах стояли рядами брошенные фургоны. Жители

разбирали всё, что было оставлено, выпрягали лошадей и уводили их к себе. По улицам верхом двигались Донцы с обмундированием, которое растаскивалось из складов. Еще 3 часа тому назад, когда 1-й полк обратился с просьбой выдать ему обмундирование по числу наличного состава людей, ему в этом отказали, а теперь оттуда брали все кому не лень; склады были брошены, туда приходили люди, переодевались, брали столько, сколько можно было унести, и уходили. Мы проехали еще немного по улицам, примерно до района вокзала и остановились. Дальше двигаться уже нельзя было. Вся улица сплошь была заставлена повозками, фургонами, телегами, орудиями.

Примерно через полчаса после этого подошел командир 2-го полка и сказал, чтобы мы тут же оставили всё и шли на пристань, что никакой планомерной погрузки не будет, нам надо ловчиться попасть в хвост 1-го полка, а то мы совсем не попадем на транспорт, что город со стороны фронта почти никем не охраняется, поэтому нужно с этим торопиться. Мы вынули панорамы, замки, уровни с орудий и двинулись, конные верхом впереди, чтобы пробивать дорогу, а остальные пешком. На наших глазах, после того как мы бросили орудия, жители начали выпрягать и разбирать лошадей. Бедные лошади, они были совсем голодные (их не кормили как следует с ночи 12 числа), стояли, понутив голову, и, казалось, недоумевали.

С трудом, гуськом мы протиснулись к пристани. Нам пришлось оставить и этих строевых коней прямо на улице набережной. Мы сняли только седла и пошли на транспорт «Екатеринодар», который был предназначен для нашей дивизии, но вследствие того, что какой-то транспорт отдали для Донцов, сюда должна была грузиться еще часть Алексеевской дивизии. Мы довольно долго стояли за какой-то ротой 1-го полка, совершенно не продвигались, в то время как откуда-то публика со стороны целой толпой лезла на «Екатеринодар». Даже здесь не было никакого порядка. Мимо нас прошел Самурского полка полковник Житкевич и, обращаясь к нашему командиру, сказал: «Оставьте думать, сюда во всяком случае не погрузитесь». Тогда наш полковник протискался стороной на транспорт и вскоре провел и нас туда. Тут новое несчастье; офицеров еще кое-как пропустили туда, но солдат наших категорически отказывались брать. Это было чрезвычайно неприятно и тяжело. Они шли всё время с нами и вдруг их бросают. Разве не правы они были, когда предчувствовали это и разбежались? Мы уже сами хотели, чтобы не оказаться перед ними подлецами, слезть и остаться с ними, но в это время достали веревку и стали их вытягивать незаметно через борт. Таким путем мы втащили всех наших.

3-й полк, который прибыл позже нас, уже не имел совсем возможности погрузиться сюда. Полковник Манштейн делал всё, чтобы куда-либо погрузиться, но ничего не мог сделать. Он хотел погрузить его на транспорт Алексеевской дивизии, но на это не дал разрешения начальник дивизии генерал Третьяков¹⁷⁸, мотивируя это тем, что транспорт больше

поднять не может, хотя там было еще место, куда можно было втиснуться. Тогда Манштейн вызвал его на дуэль и после того как тот отказался, он стрелял в него и заявил, что всё равно в Севастополе пристрелит его как собаку.

Часов в 8 вечера погрузка на наш транспорт была прекращена. Когда начдиву Витковскому¹⁷⁹ сказали, что остается еще много народу на пристани, он заявил: «Ну что ж, останутся красным». Говорят, что последнее время Новороссийск, в буквальном смысле, наводнился дезертирами, которые тоже стремились уехать с нами. Они под видом солдат пролезали на все транспорты и заняли очень много мест, совсем не для них предназначенных.

Под вечер было зажжено несколько складов с патронами. На зареве пожара бродили голодные, одиночные лошади по набережной, и у пристани толпился уже отчаявшийся, но еще что-то ждущий военный люд. И тех и других забыли и бросили на произвол судьбы. Больных и раненых тоже, конечно, не сумели взять. Когда я подымался на транспорт, пропускавший меня офицер сказал: «Идите в трюм или на ту сторону, потому что эта банда откроет огонь по пароходу, если мы ее не сможем погрузить». Кого он назвал «бандой»? Нас самих он назвал так, ведь это были наши. Если бы нарочно стремились вывезти из Новороссийска как можно меньше, то едва ли могли оставить больше, чем сейчас. А между тем, всё можно было бы сделать как следует.

Наши части пришли туда в полном порядке и вооружены. Никакой паники среди воинских частей совсем не было. Растерянность и паника царили в штабах. Новороссийск можно было легко защищать несколько дней. Ведь на дивизию приходилось всего только $\frac{3}{4}$ версты. Поставь всю артиллерию на позицию (бригада в 8 батарей приходилась на тех же 2 версты фронта), и пусть кто-либо попробует подойти. Если решено было бросить старые пушки, то можно было погрузить хотя бы новые, погрузить всех лошадей, которых в Крыму ни за какие деньги не достанешь. Если мало было транспортов, то можно было бы удерживаться в таком случае до тех пор, пока подойдут еще, и вывезти колоссальное количество обмундирования, снарядов, снаряжения, амуниции и пр. Не хватает слов, чтобы сказать о всём том, что там делалось и что было зря, именно зря оставлено. Всё можно было сделать при том наличии сил, колоссальной артиллерии, громадного числа бронепоездов, танков, бронемобилей, судовой артиллерии. Когда бы всё было погружено, можно было бы испортить пушки, которые стояли на позиции, сбросить их хотя бы с гор, погрузиться самим в порядке после солидного артиллерийского тарарама, который можно было бы устроить на прощанье, и с честью уехать. Генерал Кутепов был назначен начальником Новороссийского «укрепленного района» и ничего похожего не сделал. Новые пушки так и остались на набережной, снарядами было всё завалено. Некоторые батареи довели свои пушки до самой набережной и в этой неразберихе

даже не сбросили их в море, что было уже очень просто сделать. Теперь только можно было увидеть по количеству оставленного, как широко нам помогали англичане. Мы даже в глаза не видели многих из тех вещей, которые были предназначены для армии. Спасибо нашим русским, от души спасибо за заботу о фронте. То, что полагалось, и того не давалось. Целые вагоны были брошены с шоколадом, духами, коньяком. Короче говоря, всего ведь невозможно перечислить, было брошено буквально всё имущество нашей некогда сильной армии.

Чувствительнее всего — это потеря лошадей... Их собирали 2 года, и действительно лошади были приличные, и теперь в один день бросить несколько десятков тысяч коней. Это разгром, от которого мы уже не в состоянии будем оправиться. После наступления темноты, в лучах прожектора, по временам освещавшего горы, можно было видеть, как туда вереницами подымались главным образом конные. Они уходили в горы, уже не надеясь попасть на суда. Всё было тихо. В трех местах что-то горело; слышны были только отдельные ружейные выстрелы, да англичане куда-то изредка пускали по одному снаряду. Еще до нашей погрузки к нашему начальнику дивизии протискивался корнет Степанов от Барбовича, который заявил, что если не разгрузят улицу настолько, что можно будет пройти его коннице, то он сейчас же делает заезд левым плечом, снимается с фронта и начинает грузиться. Чем это кончилось, мне неизвестно. На душе от всей этой картины тоскливо и мрачно. Кроме того, мы все ничего не ели с 11 числа, двигались без сна всё это время по такой дороге и с такими переплетами с Неберджаевской, а тут еще на этом «Екатеринодаре» ни сесть, ни встать в такой давке. Жажда прямо измучила, а воды не достать. В общем, всё как нельзя лучше. Что-то ждет нас в Крыму...

14.03.1920. На рассвете мы двинулись. На пристанях делалось что-то ужасное. Взрослые люди стояли и плакали от отчаянья, многие бросались в воду, иные стрелялись. Осталось много народу, главным образом Донцов. Когда мы тронулись, я почему-то вспомнил одну песенку и промычал ее начало: «Плачьте, красавицы горных аулов, правьте поминки по нас; вслед за последнею меткою пулею мы покидаем Кавказ».

Около 10 часов красные начали входить в город. Они было заняли уже ту пристань, с которой мы грузились, но огнем судовой артиллерии, их оттуда выбили. Некоторые из наших пробовали отстреливаться, но Донцы сдавались и не давали стрелять, в это время отходили последние транспорты. Некоторые умудрялись выехать на лодках, и там уже их подбирали на суда. В 11 часов Новороссийск окончательно был занят красными.

Некоторые части двинулись по побережью на Туапсе. Говорят, что 3-й полк ушел в горы. Между Новороссийском и Геленджиком, около Кабардинки, французский миноносец подобрал человек 200 Черноморского полка. Воды никак нельзя было достать. За бутылку воды давали бутылку спирта, фунт шоколада и пр., так что она примерно расценивалась в 2000 руб., если не выше. Я впервые чувствовал себя таким разбитым

и усталым. С 11 числа ничего не есть, не спать, почти ничего не пить, несмотря на нестерпимую жажду и находиться в такой тесноте. Тут я понял психологию тех людей, которые, будучи вполне благонамеренными, способны на возмущение и даже бунт. Обстоятельства могут вынудить даже и на это.

15.03.1920. Утром прибыли в Феодосию. Мы, оказывается, поедem дальше в Севастополь. Выбравшись на берег, я выпил чуть ли не ведро воды. Жажда заглушала всё — и сон, и усталость, и голод. В бухте тут стояло немало транспортов. Почему они не могли вовремя прибыть за нами в Новороссийск, прямо непонятно. Наша дивизия выгрузилась здесь. Дальше мы поедem на большом приличном транспорте «Рион», который почему-то из Севастополя дошел только до Феодосии. Команда этого «Риона» тоже недоумевала, почему их не отправили в Новороссийск к моменту эвакуации, так как всё это время транспорт был совершенно свободен. Лучше прямо не говорить обо всех этих наших порядках. Чересчур тяжело.

Настроение здесь как будто ничего. На фронте довольно прочно, даже наши пробовали немного наступать. Теперь прибыли сюда мы, и на нас рассчитывают быть может, но того не знают, что вся наша артиллерия не представляет собой уже воинской части — мы теперь группа беженцев в военной форме; редко у кого из артиллеристов есть даже винтовки. Довоевались — нечего сказать — за 2 года. Встретил здесь полковника Горбовского, он всё время служил в военном суде. Видел также Шидловского, тот живет в Ялте, я даже не спросил, чем он занимается. На пристани встретился с Шацилло, он служил в Кабардинском полку, от полка отбился и слоняется тут. По всем данным, в эту войну он пороха не нюхал, это можно сказать с уверенностью. Говорит, что положение вещей здесь ему совсем не нравится, и он будет пробовать пробираться к себе. Вечером мы погрузились на «Рион». Немного закусили там, причем за одно яйцо пришлось платить по 100 руб., и достали вина, тоже по крайне дорогой цене — 1500 руб. за бутылку. Мадера попалась приличная и крепкая — слона могла бы уложить.

16.03.1920. Весь день простояли в порту. Тут много свободнее, чем на «Екатеринодаре», но всё же крайне тесно. Разговор только один — про Новороссийск. Все с пеной у рта говорят про эту эвакуацию, если этим словом можно назвать наше бегство отсюда на судах. Узнал, что наш дивизион сильно отличился. Он прибыл в Новороссийск раньше нас. Дзиковицкий, по крайней мере уже несколько дней до нашего прихода, находился там. И вот при погрузке он сумел взять все свои вещи, даже постель, а всю канцелярию, все бумаги и послужные списки он бросил. Всё это было уже на набережной и небольшой сверток не так-то трудно уже было взять. Это прямо преступление! Я бы тоже мог спасти свои вещи под Неберджаевской, взяв их к себе на лошадь, поехал бы один по менее обстреливаемому спуску, и не находился бы всё время у орудия, что было

гораздо проще и безопаснее, если бы рассуждал так как он, — что сначала свое, а потом уже — казенное и должное. Возмущению нет пределов. Говорят, что штаб корпуса погрузил свои постели и устроился на время переезда комфортабельно. Это в такое время, когда другие остаются не погуженными и оставляется один из лучших полков — 3-й полк Манштейна, который за свою боевую работу имел право первым на погрузку. Разные ненужные учреждения вывозились, а для боевого полка не нашлось места. Настроение у всех такое, что все соглашаются с тем, что нужно «резать» штабы. Но у нас способны только говорить и возмущаться, а настоять на коренном изменении всего и потребовать чего-либо дельного, этого не умеют. Манштейн на военном судне поехал на побережье южнее Новороссийска в надежде спасти хотя бы часть своего полка, который двинулся в том направлении.

17.03.1920. После 12 наконец двинулись. Почти с самого рассвета я вылез на палубу и в бинокль любовался берегами Крыма. Роскошные места. Проезжали мимо горы Аю-Даг (Медведь-гора), Алушты, Гурзуфа, Ялты, Ласточкина Гнезда, Алупки, Симеиза, Георгиевского монастыря. Часа в 4 мы начали входить в Севастопольскую бухту. На нашем «Рионе» играла музыка. На дредноуте «Генерал Алексеев» и крейсере «Генерал Корнилов» выстроились команды, играли какой-то марш, все держали под козырек и кричали «ура» и бросали шапки вверх, когда мы проходили мимо них. Какое-то неприятное чувство зарождалось от таких приветствий. Мы едем после только что пережитого громадного скандала нашей армии, а тут чего-то кричат и радуются нашему приходу. «Кричали женщин ура и в воздух чепчики бросали», — сказал я про себя и зло усмехнулся, поглядев на всю эту неестественную картину. Передавали, что перехвачено на «Рионе» радио Троцкого такого содержания: «Сосредоточить все возможные силы в наикратчайший срок и в две недели покончить с Крымом». Относительно добычи в Новороссийске советское радио сообщает, что там захвачено 2500 офицеров, 17 000 солдат, 270 орудий, 9000 лошадей, пулеметы и прочая добыча не поддается учету. Относительно людей они сильно прибавили, лошадей же там осталось много больше. Жители, верно, много разобрали. Это добыча, так добыча. Мы когда-то удивлялись, что большевики так много оставили в Полтаве, но всё это бледнеет по сравнению с Ростовом и Новороссийском в особенности. Отличились мы на этот раз. Разгружаться мы будем завтра, а по какой-то странной причине никого не выпускают с транспорта. Полковник Туркул ознаменовал наш приход в Севастополь тем, что оцепил сегодня вечером чуть ли не все улицы и начал забирать к себе в полк всех офицеров и штатских, ходивших по городу.

18.03.1920. Перешли на квартиры на Ялтинскую улицу. Меня командир послал по разным складам и учреждениям, чтобы узнать, что здесь имеется из артиллерийского и интендантского имущества. Обходил я всё, но тут ничего не оказалось. Говорили, что в Крыму много орудий, но всё,

что мне могли предложить — это были старые пушки 1877 года, и то без передков и зарядных ящиков. С флота тоже всё, что было возможно, содрали и отправили на Перекоп. В школе имеется несколько французских пушек. Ожидалось около 80 французских орудий, но они как будто брошены в Новороссийске. На этих днях 1-я Школьная батарея (образцовая, как она раньше называлась), находясь на Перекопе выкинула «образцовый номер». Солдаты ночью, захватив замки от орудий, лошадей и пулеметы, и по пути уговорив человек 100 Симферопольского и Феодосийского полков, тоже с лошадьми и пулеметами, перешли на сторону красных. Теперь тут Школа ищет замки для отправки на фронт.

Перед нашим приходом в Севастополь был раскрыт заговор, имевший целью (до нашего прихода) устроить здесь большевистский переворот. Из Джанкоя приехал сюда сам генерал Слащев, взял с собою 10 гвардей и в Джанкое повесил их. Вообще Слащев довольно энергично действует и всё время говорит о том, что он заставит тыл подчиниться интересам фронта. Генерал Романовский¹⁸⁰, начальник штаба Деникина, получил отставку. Этот человек, как давно об этом говорят, принес много вреда Добровольческой армии. В газете сообщают, что генерал лично возьмет на себя руководство операциями на Крымском фронте. Сейчас он находится в Феодосии. Ожидают сюда переезда ставки.

19.03.1920. Генерал Врангель, как оказывается, выслан из пределов занимаемой нами территории. У него, как говорят, какие-то нелады с Деникиным. Вообще, сейчас не разобрать, что делается. В газетах определенно начинают намекать о том, что новый человек должен прочно взять власть в свои руки. Положение Деникина после всех этих неудач основательно поколеблено. Генерал Кутепов, наш комкор, еще до эвакуации Новороссийска, выразил Главнокомандующему свое недоверие.

У нас с орудиями вопрос совсем не налаживается. Поговаривают о сформировании из нас артиллерийских батальонов. Не знаю, что из этого получится. Части Кубанской армии, отходя по побережью, вчера выбили из Туапсе зеленых и «прочно», как сообщается, закрепились там. На Кавказе во главе оставшихся частей стоят генералы Улагай и Шкуро. Положение той армии, также как и нашей, невеселое. Там вместе с остатками воинских частей двигаются безоружные донцы, беженцы с женщинами и детьми, калмыки со своим скарбом и верблюдами. Вся эта масса, в хаотическом состоянии потерявшая остатки какой бы то ни было дисциплины, лишилась даже подобия войска, неудержимой лавиной куда-то катится. Вечером пошел в гости на Северную сторону к подпоручику Скуратовскому, с которым познакомился во время моего пребывания в прошлом году в школе. Этот господин, не слыхавший пуль с момента своего рождения, устривался везде, где только мог, и несмотря на свое цветущее здоровье теперь не на фронте, а в пограничной страже.

20.03.1920. С союзниками дела, кажется, начинают принимать более определенный характер. В газетах сообщается, что они будут нам помо-

гать до 30 июля с условием, что «мы будем себя хорошо вести». Кроме того, союзники начинают поговаривать о том, что в России существует правительство, которое подчинило себе 150 миллионов населения, между тем как население Крыма едва достигает только 1 миллиона. Они предлагают нам помириться с большевиками, хотя признать советскую власть в России и завязать с последней торговые отношения.

Говорят, что наше командование заполучило из Америки партию французских пушек. Эти пушки были заказаны Францией еще во время войны, но потом не были ею взяты. Там их расверлили под русский патрон (калибр один и тот же), а сейчас на английском транспорте они доставлены в Новороссийск. К моменту катастрофы они еще не были выгружены, но тем не менее их не оказалось. Англичане ответили, что они их ввиду этих стихийных обстоятельств при эвакуации бросили с транспорта в море. Наши эти действия англичан объясняют тем, что последние не желают, чтобы у нас на вооружении были такие орудия, к которым мы бы сами могли выдвигать снаряды, другими словами, они добиваются того, чтобы мы всецело зависели от них в наиболее важном для нас военном вопросе. Интересно, насколько это всё верно, но, во всяком случае, весьма характерно и понятно.

Вечером ходили в кино «Ампир». Там выступал Павел Троицкий, за удовольствие его видеть заплатил 250 рублей.

Марковцы ведут себя прямо-таки непристойно: в публичных местах устраивают пьяные танцы, в цирке хватают гимнастов, наводят на публику панику на улицах. Распространился было даже слух, что они выбросили из гроба покойника, но оказалось, что в цирке изображающий в пантомиме покойника, зашевелился лежа в гробу; это Марковцам не понравилось, они вскочили на арену и, пригрозив артисту револьвером, сказали: «Если ты покойник, то и лежи и не шевелись, а то мы тебя действительно пристрелим». Естественно, что этот «покойник» с перекошенным от испуга лицом постарался, как можно скорее исчезнуть с их глаз.

21.03.1920. Около 2 часов в ночь на сегодня красные густыми цепями при поддержке сильной артиллерии повели наступление от Преображенки и Перво-Константиновки на наши позиции у Перекопа. Около 10 часов нашей контратакой красные были опрокинуты. Захвачено 2 орудия и пленные, хотя противником, кроме пеших частей, было введено в бой до 2000 сабель конницы.

На вечер назначено генералом Деникиным военное совещание под предательством генерала Драгомирова¹⁸¹ с участием всех видных генералов, начальников дивизий, командиров полков, командиров бригад, дивизионов для выбора преемника генерала Деникина. Перед совещанием страсти разыгрались. За генералом Врангелем в Константинополь срочно отправлен был на этих днях английский миноносец. Сам Деникин остается в Феодосии. Его адъютант по оперативным делам полковник Колты-

шев¹⁸², старый Дроздовец, говорил по прямому проводу с полковником Ползиковым. Сообщил ему, что Деникин отказывается от власти вследствие выраженного ему недоверия и других причин. Он говорил в том смысле, чтобы представители нашей дивизии на этом совещании отказались от всякого выборного начала и чтобы наша дивизия настаивала на том, чтобы просить Деникина снова остаться у власти, мотивируя это тем, что с уходом Деникина не только рухнет всё наше дело, но погибнут все оставшиеся в армии офицеры-добровольцы. Нашей дивизией было почему-то принято это предложение, и на совещание наши представители пошли с непоколебимым решением защищать это положение и сказать «несколько приятных слов» по адресу комкора относительно Новороссийской эвакуации. Кого хотели Марковцы, Корниловцы — не знаю, но узнав о решении нашей дивизии, они начали нас называть «латышами Деникина», причем между офицерами нашей и их дивизий едва не произошло несколько эксцессов на улице. Говорят, что если на совещании кто-либо будет выбирать на пост Главнокомандующего, то наша дивизия уходит отсюда. Вообще ожидалось очень бурное совещание.

Полковник Туркул прибыл во дворец с офицерской ротой. Прошло же это историческое совещание довольно спокойно. По предложению начальника нашей дивизии генералу Деникину была отправлена телеграмма за подписью всех членов совещания (когда хотел подписаться и наш командир корпуса генерал Кутепов, то ему указали на то, что он подписал раньше бумажку противоположного содержания и что теперь ему лучше не подписываться), в которой было указано, что в виду того что Военный Совет не счел возможным вводить в армию выборное начало, он просит остаться Деникина у власти или назначить себе заместителя. Относительно Новороссийска на совете поговорили довольно резко, но не очень. Командиру какого-либо взвода, младшему офицеру потеря чего-либо даром уже не сойдет, а крупным военачальникам весьма «крупные дела» обходятся совершенно безболезненно. Таковы уж положения и законы нашего проклятого строя.

Еще ночью почувствовал себя скверно, днем тоже больше лежал, а к вечеру стало совсем худо. После этого знаменитого переезда в Крым у нас многие начали хворать.

22—23.03.1920. Председатель этого исторического собрания генерал Драгомиров получил от генерала Деникина в ответ телеграммы, в которых последний справлялся о том, приехал ли генерал Врангель, присутствовал ли он на совещании и осведомлен ли он о политической обстановке в настоящий момент. Получив на все вопросы утвердительный ответ, генерал Деникин прислал такую телеграмму: «Благословляю генерала Врангеля на его трудный путь». Сегодня генерал Деникин отдал в Феодосии свой последний приказ: «№ 2399, Феодосия 22 марта 1920 года. *Параграф 1.* Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России. *Параграф 2.* Всем честно шедшим со

мною в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию. Генерал-лейтенант Деникин».

Начинается новая эра в этой борьбе. Генерал Врангель, приняв прирветствия, указал на то отчаянное положение, в котором мы находимся, имея у себя незначительную территорию и сзади море, и уверенно заявил, что он выведет армию и флот из этого затруднительного положения.

Сегодня я заболел окончательно и чем-то серьезным. Температура 40,2. Но слечь в постель, как обычно в таких случаях делается, мне не удалось; я просто «свалился» на пол. Лежу, подо мной паршивенькая подстилка, так что я даже не рискнул раздеться и снять сапоги, а накрываюсь шинелью. Весело совсем. Все эти дни была ужасная, давящая тоска, какую мне редко приходилось переживать, а тут еще появилось это развлечение в виде болезни.

В Константинополе сегодня убит генерал Романовский. Кто-то, очевидно, не мог ему простить прошлых дел. Генерал Деникин уезжает тоже за границу. Только мы — рядовые бойцы — неизменно, всегда будем уже до конца расхлебывать эту кашу.

Вернулся из своей поездки полковник Манштейн. Ничего он не привез, кроме 2–3 офицеров, где-то им подобранных. Офицерская рота и лучшие офицеры полка пропали. Сюда прибыло не так уж мало народу 3-го полка, которые в одиночку словчились сесть на разные транспорты, но создать из всего этого боевую единицу будет не так просто, если потеряян лучший элемент. Офицеры 7-й гаубичной батареи разругались из-за чего-то со своим командиром и почти все ушли в 3-й полк к Манштейну. Эта старая батарея нашей бригады, вышедшая с Дроздовским еще из Кинтея из Румынии, и главным образом офицеры того похода и разошлись.

Мое положение по-прежнему паршиво; чувствую себя скверно, температура очень высокая, лежать очень жестко и плохо на полу; ничего не ем, выпиваю только за ночь 8–10 стаканов кипяченой воды; доктор приходит, измеряет только температуру и пока совершенно не лечит и ничего абсолютно не прописывает. Болезнь пока не определилась, похоже на тиф.

24.03.1920. Чувствую себя очень скверно. На военной службе мне болеть не приходилось. Невольно вспомнилось всё то прошлое время, когда приходилось болеть в условиях домашней обстановки, и как-то тяжело, больно и обидно делалось. Неужели и здесь нельзя было бы так устроить, чтобы больные воины могли бы себя относительно сносно чувствовать в период болезни. В лазаретах и госпиталях условия настолько отвратительны, что все всеми мерами стараются туда не попадать. Там, говорят, буквально можно умереть с голоду; ночью я почти не сплю, всё время видишь какую-то ерунду, и так ясно, что утром действительность и этот полубред совершенно перемешиваются; не знаешь, что было на самом деле и что явилось продуктом бреда. Ночью ждешь-не дожدهшься дня, но день не приносит никакого утешения и успокоения. Тяжело.

25.03.1920. Поехали наши в Симферополь за двумя пушками, которые мы должны получить от 2-й артиллерийской бригады. Очевидно, мы дальше будем продолжать свое существование как артиллерийская часть. Формироваться будет крайне трудно, ведь у нас нет самых простых и необходимых предметов, а собирать всё это снова не так легко и нужно для этого порядочное время. Как двинуться с места, если нет ни одной повозки, даже кухни нет. Мало получить только орудия, амуницию и лошадей. А тут в Крыму ничего этого нет, хотя нам говорили, что затруднения будут только с лошадьми, всё же остальное имеется и получить всё это можно без труда. Наконец, после ряда моих настойчивых просьб мне устроили постель. Купили сена и подостлали его подо мною на полу. Ноги болят невероятно. Выходить на двор для меня сплошная мука. Подымаюсь я в 3—4 приема и еле держусь на ногах. Теперь я хотя бы получил возможность раздеться; лежать на сене достаточно мягко, а главное раздетым, много легче.

26.03.1920. Сегодня доктор определил, наконец, что у меня возвратный тиф. Отправляться в лазарет он не советует; говорит, лучше перележать дома, а то в госпитале можно заразиться еще «сыпняком», и особой помощи всё равно не получишь. Лечит он меня пока тем, что 2 раза в день измеряет температуру, и больше ничего. Я, уже смеясь, сказал ему: «Стоит ли измерять температуру, потому что, будь у меня 36 или 40, вы всё равно ничего мне не пропишете и не дадите». Я по-прежнему питаюсь одной переваренной водой; температура всё еще держится больше 40.

По сводке от 26 марта, на Кавказском фронте наши, оставили Туапсе и отошли на линию реки Шенено. На нашем Крымском фронте спокойно. Говорят, что Махно сильно мешает здесь красным. Петлюра тоже развивает свои дела. Ходят слухи о том, что генерал Брусилев повернул весь польский советский фронт и пошел на Москву, что большевики в силу этого оставили Одессу, Херсон и Николаев. Поговаривают о каком-то соглашении нашей армии с Махно и Петлюрой. Из частных источников, раньше чем из официальных, мы узнали, что предполагается нашим командованием высадить в нескольких местах десант. На базаре, по крайней мере, об этом говорят все, и каждый по-своему называет место высадки; одни упоминают Одессу, другие — иные места и т. д. О, эта русская болтливость. Даже такие серьезные дела, которые при данном нашем положении может быть являются для нас вопросом жизни и смерти, и то не могут сохранить в тайне. А ведь тут всё полно большевиками и их агентами.

27.03.1920. Наши вернулись из Симферополя ни с чем. Там им сказали, что эти пушки находятся здесь в Севастополе. Неразбериха и хаос полный. Порядка Россия очевидно не дожидается.

Появляются кое-какие сведения относительно положения дел на Кавказе. Терские войсковые части, теснимые противником, стали отступать к югу. К ним присоединилась и группа войск, действовавшая в Свя-

то-Крестовском районе. Все эти части перешли границы Грузии и там разоружены. Зеленые — войска «Комитета освобождения Черноморья», во главе которого находился Филипповский-Самарин, отступали от Туапсе к реке Псебе, концентрируясь у г. Сочи. В виду желания комитета вступить в переговоры с представителями казачества, председатель совета министров Иванис¹⁸³ и представитель Дона член Верховного круга Мамонов выехали в Гагры, куда также прибыли и представители «Комитета освобождения Черноморья» Филипповский и Москвичов. В результате переговоров было достигнуто следующее принципиальное соглашение: 1) Войска Кубанского краевого правительства, вступая на территорию Черноморья не вмешиваются во внутреннюю жизнь края; 2) Все местные самоуправления и советы крестьян и рабочих в крае остаются неприкосновенными; 3) Население Черноморской губернии не подлежит мобилизации по распоряжению Краевого правительства и не призывается для борьбы с советской властью; 4) Крестьяне не разоружаются, а беспрепятственно отпускаются по домам; 5) Советы крестьян и рабочих сохраняют за собой право созыва рабоче-крестьянского съезда всего Черноморья для разрешения вопросов, связанных с взаимоотношением с Кубанским правительством; 6) Расквартирование кубанских воинских частей и взаимоотношения с местной властью производятся через самоуправления.

Генерал Шкуро, ознакомившись с этим соглашением, заключил перемирие с войсками зеленых на 3 дня, причем поставил условием созыв в течение этих 3 дней рабоче-крестьянского съезда в Сочи для разрешения вопросов о взаимоотношении зеленых с Кубанцами. 22-го в Гагры вновь прибыли председатель «Комитета освобождения Черноморья» Филипповский и член «Комитета» полковник Воронович¹⁸⁴ (и у зеленых можно встретить штаб-офицеров) и предложили главе Кубанского правительства В. Иванису выехать вместе с ним на рабоче-крестьянский съезд. На вопрос Иваниса, каковы будут гарантии неприкосновенности, Филипповский уклонился от прямого ответа.

23 марта в Гаграх было получено известие о занятии частями генерала Шкуро г. Сочи. На запрос Иваниса, чем было вызвано это выступление, генерал Шкуро ответил, что зеленые не выполнили условий перемирия, первыми неожиданно перешли в наступление против Кубанской армии, причем было ранено 2 офицера, 4 казака и 10 лошадей. Вследствие этого генерал Шкуро и отдал приказ занять г. Сочи. 23 марта выехала в Тифлис делегация Кубанского правительства для переговоров с Грузией. 27 марта в Сочи прибыл Главнокомандующий Кубанской армией генерал Улагай, который сообщил о переменах в составе главного командования. Для выяснения создавшейся обстановки кубанский атаман генерал Букретов и председатель Кубанского правительства Иванис в тот же день, т. е. сегодня выехали в ставку генерала Врангеля для переговоров.

Положение в красной Кубани далеко не спокойно. Казаки не легко подчиняются большевикам. Судя по последним сообщениям, генерал

Эрдели¹⁸⁵ с остатками Добровольческих частей прибыл в Потю. Еще до подхода красных в Пятигорске, где он в начале марта находился, вспыхнуло большевистское восстание. Оттуда он перебрался во Владикавказ, а затем отходил дальше. Пока еще красные не являются полными хозяевами на Кавказе, им придется там повозиться.

28.03.1920. Сегодня у меня наступил кризис, температура упала до нормальной, я сейчас же встал с постели и вышел на улицу на солнце. Ослабел здорово после лежания и недельного питания одной водой. Теперь доктор рекомендует мне усиленное питание, сразу же, но какой может быть разговор даже о молочном питании, если на человека в день дают по полфунта костей, 1 картошку, несколько золотников капусты и всё. Своих денег почти нет, всё так дорого, что нужно 1000 рублей в день, чтобы сносно поесть. Поправляйся при таких условиях как хочешь.

Наши хозяйственные люди ездили куда-то далеко за продуктами. Купили свинью за 56 000 рублей в 3 с половиной пуда, но когда привезли, то оказалось, что она с трихиной, пришлось выбросить; в этом отношении тоже не повезло. Дороговижна здесь прямо убивает; цены, я думаю за последнее время превзошли совдепские. Всё начало скачками увеличиваться после нашего прихода сюда. За день фунт чего-либо становился дороже на 50—100 руб. Хлеб дошел до 60 руб., фунт картофеля 150, мясо 500, фунт подсолнечного масла 900, сахар 1000, дрова 250 руб. пуд, зубная щетка 650 руб. штука, книжка папиросной бумаги 100 руб., побриться тоже 100 руб., парусн. дамские туфли 18 000 руб., общая тетрадь 500 руб., химический карандаш 200 руб. и т. п. Все эти цены на 2—3 дня, а потом всё опять увеличивается; жалованье же у нас страшно задерживается; мы например не получили еще за ноябрь, февраль и март. За ноябрь оклад в 1162 руб. 50 коп., за февраль около 4000 и за март около 8000.

Сегодня Страстная суббота. Очень хотелось бы побывать в церкви на заутрене, чтобы хотя бы через церковь в этот час иметь общение со своими и с Москвой, и быть примерно одинаково в это время с ними настроенным, но это для меня, при моем состоянии физически невозможно. Тоскливо как-то на душе; желание увидиться со своими, с Олей, с Генрихом и поговорить с ними, поделиться мыслями превосходит всё возможное. Несколько лет жизни дал бы за то, чтобы несколько дней побыть с ними.

Часов около 10 вечера по всему городу поднялась стрельба. Стреляли должно быть не только вверх, так как эта пьяная праздничная затея кончилась тем, что убили 5 человек на улице, а одного — при выходе из церкви. Хорошенькое занятие, куда уж лучше. У нас капитан Гудим-Левкович проснулся от этой стрельбы, решил, что началось восстание, схватил винтовку, перепугав свою хозяйку, и выскочил из квартиры.

29.03.1920. Первый день Пасхи. Не густо его у нас в этом году празднуют. Выдали по $\frac{3}{4}$ фунта ветчинного сала на 3 дня, 3 крашенных яйца и около 3 фунтов кулича. Кроме того, достали по одной бутылке парши-

венького вина по 670 руб. — и это всё. Часов в 12 пошли к командиру поздравить его. Выпили там 3 рюмки водки; думал, что благодаря сильной слабости она на меня подействует сильно, но заметного ощущения не получил. По рюмкам распил за день бутылку вина и несколько приободрился. Есть я начал всё без разбора, что только попадалось, не соблюдая никакой диеты и не заботясь о последовательном переходе после недельной голодовки; иначе в теперешнее время невозможно. Вечером ко мне зашел поручик Щелкунов, ушедший из батареи в ноябре 1918 г. Он болел тифом, лежал в госпитале, где и сейчас находится, голодает и сильно ругает порядки.

30.03.1920. Дроздовская дивизия в составе 1-го и 2-го полков и 1-го и 2-го дивизионов начала грузиться на суда. Наша хозяйственная часть и все больные остаются здесь. Десант будет высажен в Хорлах, в имении Фальц-Фейна, которому принадлежит здесь чуть ли не вся земля на юге Крыма. Всё семейство Фальц-Фейна трагически погибло во время бегства от большевиков. Команда этой яхты разбежалась, а их нашли всех расстрелянными. Из Хорлов наши должны будут сначала продвинуться на север, отрезать Перекопскую дорогу и затем соединиться с войсками Перекопской группы, которая 1-го числа должна начать наступление. Предполагается, что на эту операцию у них пойдет дней 5–6, после чего они вернутся обратно.

Около 12 часов ночи наших потребовали на погрузку. Всем должны были выдать винтовки и дать батарее пулемет. Сегодня неожиданно умер телефонист нашей батареи студент Лукомский; пролежал несколько дней без лечения и, не отличаясь особенным здоровьем, скончался. Вот и попробуй болеть в настоящее время. Я нахожусь теперь в приятном ожидании второго приступа возвратного тифа, который, по предположению доктора, должен наступить дней через 6–8. Веселенькая перспектива, право.

От инспектора артиллерии нашего корпуса генерала Лахтионова, получена телеграмма, в которой он сообщает, что им на вокзале в Симферополе задержаны 2 пушки образца 1902 г. для нашей батареи, за которыми нужно выслать туда приемщика. Поехал получать эти орудия капитан Вильман.

31.03.1920. На Перекопском направлении в 2 часа красные перешли сегодня в наступление и, введя в бой 9 латышских полков и бригаду конницы при 10–15 орудиях с 6 броневедомыми, в 4 часа заняли Перекоп. В 6 часов конница генерала Морозова вместе с танками, броневедомыми и аэропланами перешла в контратаку и после упорного и напряженного боя выбила красных из Перекопа. Захвачено 1 орудие, 10 пулеметов, а пленные большею частью изрублены в виду оказания упорного сопротивления. Положение восстановлено, а попытка красных перейти в контратаку остановлена. У нас выведено из строя 2 аппарата, причем летчики ранены.

На Крымском фронте с нашей стороны довольно слабые войска, пехоты мало; на всем фронте (а он крайне незначителен, верст 8–10) у нас около 30 орудий, среди которых есть старые, но есть и 8-дюймовые, как говорят. Пока это всё держится; правда и большевистских сил там немного и только теперь красные подтягивают сюда крупные силы пехоты, конницы и артиллерии. Предстоят тяжелые бои.

Наши до вечера не выехали отсюда. Всё грузились. Они получили 6 пушек и 2 дивизиона. 1-я и 2-я батареи взяли по 2 орудия, наша батарея — одну пушку, так как им досталось что-то около 10–12 лошадей. Только 4-я батарея пошла в качестве пехотной части.

Тоска смертная — прямо некуда деваться. Будь здесь со мной некоторые люди, я чувствовал бы себя прекрасно, несмотря ни на какие обстоятельства, а так прямо пропадешь. Чтобы хоть несколько разнообразить день после обеда, не взирая на мою слабость и большое расстояние, я отправился на Северный конец к Скуратовским. Там еще сохранилось подобие пасхального стола. Встретили они меня очень приветливо; пошел, поговорил, поел прилично. Зато оттуда еле-еле доплелся домой, около 11 вечера.

1.04.1920. Красные подтянули новую 3-ю стрелковую дивизию и, сосредоточив до 3 тысяч конницы, пытались снова наступать, но встречным контрударом нашей Перекопской группы были отброшены с громадными потерями. Наш правый десант, имевший целью отвлечь на себя резервы противника, благополучно высадился у Кирилловки в 40 верстах северо-восточнее Геническа и занял с. Ефремовку. Наша дивизия подошла к Хорлам, остановилась в море и простояла остаток дня, в то время как миноносцы выпустили по Хорлам около 200 снарядов.

В газетах появилось сообщение о предполагаемом издании приказа о снятии погон в Добрармии. Начали говорить уже о том, что этот приказ подписан Врангелем и завтра будет опубликован; ставили это в связи с якобы состоявшимся соглашением с Петлюрой и реорганизацией вследствие этого нашей армии. Это сообщение вызвало оживленные толки как в среде военных, так и в городе. Политика нашей армии сильно меняется. Вначале было нечто белое, потом начало сереть, мутнеть, чуть не сделалось черным, а теперь начинает розоветь. Каким цветом кончится?...

2.04.1920. На фронте Крымских перешейков спокойно. Правый наш десант (Алексеевцы) продолжают наступление от Ефремовки на юго-запад. Арбатский отряд овладел южным предместьем города Геническа. В Хорлах с целью удара по тылам Перекопской группы красных была произведена высадка нашей Дроздовской дивизии. Высадка производилась в чрезвычайно трудных условиях: красные занимали Хорлы двумя полками с большим количеством пулеметов и четырьмя орудиями, хорошо пристрелянными по единственному ведущему в порт каналу. В пред-рассветном тумане катер с 1-м батальоном 1-го полка полным ходом по узкому каналу подлетел к пристани. Несмотря на сильный пулеметный

огонь сейчас же началась выгрузка. В момент высадки убит был мичман, ведший катер, и ранено человек 40. Красные вскоре побежали; 1-й батальон продвинулся, занял высоты, после чего начали выгружаться остальные. Красная артиллерия не стреляла, и наши моряки тоже очень мало помогли своим огнем. Ночью красные перешли в наступление и сбили 1-й батальон. Полковник Туркул на узком перешейке рассыпал роту и на расстоянии около 100 шагов выставил 15 пулеметов. Всё это проделывалось под звуки оркестра 1-го полка.

Когда 1-й батальон проходил через цепь пулеметной роты, красные с криками «ура» устремились на перешеек и подошли очень близко. Заработали все пулеметы. Минуты через 3—4 Туркул приказал прекратить огонь и музыку. Вместо криков «ура» со стороны красных слышны были одни сплошные стоны. На месте осталось до 50 трупов; красные отошли в первоначальное положение, потеряв до 200 человек за эту смелую попытку.

Появился приказ Врангеля относительно организации власти. 1) Правитель и Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России принимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск сохраняют независимость в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему. 2) Непосредственно подчинены Главнокомандующему помощник Главнокомандующего, начальник штаба, начальник военного управления, государственный контролер, начальник гражданского управления (внутренние дела, земледелие и землеустройство, юстиция и народное просвещение), начальник хозяйственного управления (финансы, продовольствие, торговля, промышленность и пути сообщения), начальник управления иностранных сношений. Все эти лица составляют при Главнокомандующем совет, имеющий характер органа совещательного.

Появляется нечто похожее на диктатуру. Вводятся суды чести для офицеров. Великая российская смута внесла сильное разложение и в офицерскую среду, поэтому приказ о судах чести имеет немалое значение. Во главе военного и морского духовенства становится епископ Вениамин со званием управляющего. Он на днях выезжал на фронт и как-то заявил, что не позже чем через 2 месяца в России наступит порядок. Вообще, духовенство с момента появления у власти Врангеля начинает играть снова весьма видную роль. Как это отразится, особенно хороших признаков я не вижу. Наконец, расформируют Осваги. Многочисленный штат не обслуживающих, а составляющих только в этом почтенном учреждении военных и штатских лиц, занимался всем чем угодно, только не пропагандой. Кроме этого, расформируют еще 183 других учреждения, оказавшихся излишними. Интересно было бы сопоставить численность наличного состава армии и этих учреждений, ее обслуживающих. Получились бы красноречивые, выпуклые цифры.

25 марта японцы оккупировали Владивосток. Факт вообще для России печальный, но в газетах это сообщается как радостное известие для нас — той же будущей России. В Германии в Рурской области не понять, что делается. Там появились «красные» и стало что-то такое похожее на военные действия. Между союзниками — Англией и Францией — возникли какие-то трения, которые теперь подходят к мирной ликвидации конфликта. Из-за событий в Рурской области французы, сославшись на «безрезультатность предъявленного требования о немедленном выводе германских войск из нейтральной зоны», заняли с целью оккупации города Франкфурт, Ганау, Гамбург, Дармштадт и Дуйсбург. Приятные дела разделяются не только у нас, но и за границей.

Слухи о снятии погон оказались провокационными. Военный цензор за помещение их в газете слетел с места.

3.04.1920. Части правого десанта продолжали продвижение на Ново-Алексеевку. С целью содействовать им и овладеть Сальковским выходом из Крыма части генерала Андгуладзе¹⁸⁶ атаковали и овладели ст. Сиваш. Сивашский мост был быстро исправлен, и наши части продолжали наступление при поддержке бронепоездов и после атаки юнкеров-Константиновцев заняли Чонгарскую позицию противника и ст. Чонгар.

В Перекопском районе весь день шли сильные бои; красные, сосредоточив большое количество артиллерии, вели упорные атаки. При поддержке введенных в дело резервов все атаки противника были отбиты. План движения нашей дивизии был изменен. Вместо того, чтобы двигаться сначала прямо на север и потом уже идти на Перекоп, ей приказано было пробиваться к Перекопу.

У Хорлов осталась только 4-я батарея, которая в роли пехоты должна была прикрывать до вечера погрузку раненых и еще кое-чего из продуктов. В Хорлах были огромные ссыпки зерна и хлеба Добровольческой армии, предназначавшиеся для обмена англичанам и почти не тронутые красными. Почему там наши не захватили на суда себе запасы, — не знаю. Всех продуктов там достаточно и цены в 10 раз меньше. Но этим не воспользовались; дивизия пошла на Перекоп, а суда и оставшиеся же могли заняться погрузкой и закупкой, так как в Хорлах кроме 60 человек 4-й батареи других воинских частей на осталось. Продовольственный вопрос стоит в Крыму крайне остро, и между тем произошел такой случай. По словам командира 4-й батареи, к Хорлам приближались только разезды противника в этот день, на горизонте же были видны колонны конницы красных, которые шли по пятам нашей дивизии. Хорлы вечером были оставлены 4-й батареей без давления, а дивизия, продолжая движение, атакой овладела ст. Адаманы, где было захвачено 4 орудия в запряжках и пленные с несколькими десятками конных. Продвигаться нашей дивизии было нелегко. Со всех сторон ее окружила сильная кавалерия; наши же шли без обоза и, кроме того, ощущался недостаток патронов и артиллерийских снарядов. Пока нашему корпусу приходится воевать с весьма слабыми техническими средствами.

4.04.1920. Частями полковника Гравицкого¹⁸⁷ и правого десанта взят г. Геническ. Части генерала Андгуладзе в присутствии генерала Врангеля, выехавшего на фронт, взяли укрепленную Джимбулакскую позицию; красные с Чонгарского полуострова начали в беспорядке отходить на север. В Перекопском районе части Дроздовской дивизии, продолжая наступление и отбивая атаки конницы противника, поддержанной многочисленной артиллерией (по официальной сводке до 30 орудий), прорвали фронт красных южнее Преображенки и присоединились к Перекопской группе, привезя с собой своих больных и раненых и сохранив все трофеи. Почти у самого Перекопского вала был ранен в живот командир 2-го полка полковник Харжевский¹⁸⁸.

От генерала Витковского было принято радио; он сообщал, что наша дивизия после ряда тяжелых боев, будучи со всех сторон окружена кавалерией, присоединилась к Перекопской группе. Войска Слащева никакой помощи не оказали. Потери в частях от 30% до 50%. За время этого похода под Витковским было ранено две лошади. Говорят, что он сам замечательно хорошо работал все эти дни и не походил совершенно на себя в самом недалеком прошлом.

Я начинаю уже заметно оправляться, и чувствую только слабость некоторую, и разбитость; с ногами же совсем скверно, подействовал, должно быть, тиф у меня на ноги. Питаюсь вообще довольно слабо, хотя, кроме казенного пайка, ежедневно прикупаю всякой всячины на 600–800 рублей. При таких условиях до нормального вида и состояния не очень-то скоро дотянешься. Ходил посидеть на Исторический бульвар <в Севастополе>; хорошо там. В городе зелени совсем нет, благодаря чему весны как-то не чувствуешь, хотя уже жарко. На бульваре уже появилась зеленая травка, и цветет миндаль. Но это пробуждение природы не вносит успокоения и не действует умиротворяюще в данное время и при нынешних обстоятельствах.

5.04.1920. На Чонгарском полуострове наши части, продолжая наступление, заняли станцию Сальково. В Сивашском районе вследствие атаки значительных сил противника оставлен г. Геническ. При этом здорово пострадали Алексеевцы, которым приходилось уходить из Геническа на Арабатскую стрелку. Их где-то там прижали к морю и гвозданули так, что на Арабатскую стрелку собирались они потом чуть ли не поодиночке. Помощник командира Самурского полка полковник Кутателадзе¹⁸⁹ утонул в этой операции, должно быть, перебираясь через одно из озер. Были сообщения, что Алексеевцы продолжают прибывать на Арабатскую стрелку, пока из 400 собралось 266. Потери там приличные. Говорили, что это наступление начато с целью некоторого продвижения вперед для того, чтобы выйдя из Крыма, создать плацдарм и обеспечить за собой эти выходы, пока что удерживаться на той линии.

Не знаю, как на самом деле, но, насколько я себе представляю положение вещей, мы, ухлопав на эту операцию немало людей, ничего не до-

стигли, не воспользовавшись даже теми запасами продовольствия, какие были в Хорлах. Можно согласиться только с тем, что этими операциями были расстроены планы красных, начинавших переходить в общее наступление, и отсрочено это наступление.

Тем не менее, генерал Врангель издал приказ с извещением об этой Пирровой победе, очевидно с целью поднять дух и настроение Крыма, такого содержания: «Поздравляю войска и население со славной победой. В жестоком 6-дневном бою мы разбили 13-ю советскую армию в составе 1-й Латышской, 3-й стрелковой, 46-й пехотной, 17-й пехотной эстонской, 8-й червонной казачьей и 16-й кавалерийской дивизий, 13-й кавалерийской бригады и латышского конного полка. Мы прочно обеспечили за собою выходы из Крыма, захватили 6 орудий, из которых 4 с полной запряжкой и прислугой, 60 пулеметов, несколько сот пленных, поездные составы и много другой военной добычи. Войска проявили бессмертную доблесть. Бог не оставил нас. Победа будет с нами».

В другом приказе Врангель особо благодарил героев-Дроздовцев и конницу генерала Морозова, на которых, по его словам и в действительности легла вся тяжесть боя. Что-то ничего не слышно про доблестных Корниловцев и Марковцев. Их маринуют всё больше в резерве, хотя Марковцы и были на каком-то направлении теперь.

6.04.1920. Стало что-то похоже, что у меня начинается второй приступ возвратного тифа, но как раз в этот день мне сделали вливание сальварсана (единственное лечение за всю мою болезнь), и благодаря этому мне удалось избежать повторения этой неприятной болезни. Больных у нас в батарее набралось человек до 40, из которых немало лежат от «сыпняка» и находятся в тяжелом состоянии, а почти все остальные — больные возвратным тифом. Это последствия переезда по морю.

На фронте спокойно, красные пытались только ночью атаковать наши позиции на Арабатской стрелке, но были отбиты. В тылу зато начинает чувствоваться, что Врангель серьезно взялся за дело. Сегодняшний приказ Главнокомандующего коснулся Донской армии: «Бьет двенадцатый час нашего бытия, — говорит он, — мы в осажденной крепости в Крыму. Успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого находятся даже старшие начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями. Пример этому — штаб Донского корпуса. Передо мной издание штаба «Донской Вестник». Газета восстанавливает казаков против прочих не казачьих частей Юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России. По соглашению с Донским атаманом приказываю генералу Сидорину сдать должность генералу Абрамову¹⁹⁰. Отрешаю от должности начальника Штаба генерала Кельчевского и генерал-квартирмейстера Кленова. Начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа дю Шайла¹⁹¹ предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте

произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду. Газету закрыть. Впредь буду взыскивать беспощадно со всех тех, кто забыл, что в единении наш долг перед Родиной».

В газете из каких-то авторитетных источников появилось сообщение о том, что Махно подчинился Главному командованию и обязался действовать в согласии с нашими войсками. Теперь столько пишут самых противоречивых новостей, что буквально ни чему нельзя верить. Так, например, известие об оккупации Владивостока японцами оказалось вымышленным. Там, кроме караулов для охраны миссий, японских частей нет. Приводить все эти сообщения интересно в смысле отражения теперешней жизни, настроений и всего этого хаоса, в котором нет никакой возможности даже разобраться.

7.04.1920. Особого прилива сил после вчерашнего вливания «914», о котором мне говорили и которое должно было почувствоваться сегодня, я не заметил, но остался в нормальном состоянии слабости, и это уже хорошо по-моему, если у меня вчера дело начинало подходить ко вторичному приступу.

В Сивашском районе красные пытались наступать от Ново-Дмитриевки на наши позиции севернее Чонгарского полуострова, но были отражены. На Кавказском фронте, по сообщению от 4 апреля, наши арьергарды, занимавшие линию р. Аше, стягиваются на р. Псеузапсе <Лазаревское>. В остальных местах спокойно.

За десантную операцию начальник нашей дивизии генерал-майор Витковский произведен в генерал-лейтенанты, а командир 1-го полка полковник Туркул в генерал-майоры. Комкор Кутепов особым приказом благодарил за эти бои всю нашу дивизию, и почему-то Марковцев, о работе которых ровно ничего не было слышно.

По газетам: ожидается принятие крайне важных решений союзниками в отношении русского вопроса. Постановка русского вопроса на срочную очередь, по тем сведениям, обусловлена, прежде всего, обнаружившейся безнадежностью извлечь из России ее ресурсы в смысле хлеба и сырья при помощи того «товарообмена с русскими кооперативами», который был открыт решением Верховного Союзного Совета от 17 января, с одной стороны, и всё обостряющимся экономическим кризисом Европы, требующим неотложных мероприятий, с другой стороны. Это и заставляет правительства союзных держав признать все доселе сделанные в русском вопросе шаги не достигающими цели полумерами и предпринять шаги новые, определенные; ближе и скорее ведущие к конечной цели — к введению России, как интегрального звена, в систему экономического восстановления Европы. Интересно, как на нас отразятся эти «новые и определенные» шаги. Пожалуй, могут еще «выйти нам боком».

8.04.1920. По соглашению с Главнокомандующим генерал Богавский принял на себя командование Донской армией. Из Сочи на союзном миноносце прибыл командующий Кубанской конницей генерал

Улагай. Генерал Врангель собирается, как будто, проехать на этих днях в Сочи. По-видимому Кавказский фронт еще далеко не ликвидирован.

В ночь на 7-е раскрыта большевицкая организация носившая название «Партизанский отряд» и устраивающая порчи железнодорожного пути и мостов с целью крушения воинских поездов. На главной квартире на Северной стороне и в пос. Бареньевка арестовано 18 человек.

Наши Дроздовцы за это время успели отличиться и в тылу. В Севастополе двоих расстреляли за грабеж и трех повесили на телеграфных столбах за мародерство и вымогательство. 3-й полк Манштейна постепенно пополняется: в нем насчитывается уже свыше 1000 штыков. Одна из гаубичных батарей 4-го дивизиона получила из Школы гаубицы и отправилась на Перекоп. Вообще помаленьку наш корпус уже слегка оперился после того, как нам «пустили пух» в Новороссийске. Школа снова получила партию английских пушек.

Сегодня разыскал документ Андрея и письмо его жены. Немало я удивился, когда среди его бумаг нашел свидетельство о его браке с девицей Ольгой Николаевной Качупаловой, 20 лет. Бывшие с ним в базе офицеры говорят, что Андрей достал это свидетельство в дни оставления Харькова, и что в действительности он не венчался, а свидетельство ему нужно было потому, что его невеста не соглашалась ехать с ним не обвенчанной. Раньше же они не могли повенчаться, потому что при нашем отступлении не было некоторых бумаг и согласия командира, которого я со своей стороны просил задержать эту свадьбу, считая ее неразумным шагом со стороны Андрея, а на его любовь я смотрел как на легкомыслие и временное увлечение, примером чему были его вздохи и переписка с «серьезными намерениями», по его словам, с какой-то барышней из Армавира (до этого последнего знакомства). Эта Качупалова осталась в Харькове и, как говорят, она даже не знает, что он на ней «женится на бумаге». Я прочел около 20 ее писем к нему, нашел там достаточно грамматических ошибок, хотя она окончила гимназию, но взрослого настоящего чувства я не увидел, хотя много мест говорило о тоске, любви и пр. Каким-то детским мне всё это показалось, еще не развитым в достаточной мере. Интересно было бы ее увидеть. Последнее время Андрей до безобразия нюхал ежедневно кокаин. Это его главным образом и погубило во время болезни.

9.04.1920. Около 5 утра красные пытались наступать севернее Перекопа при поддержке сильного артиллерийского огня, но нашим артиллерийским огнем были остановлены. Приказом Врангеля смещен комендант Севастопольской крепости генерал Турбин¹⁹² за то, что до сего времени все улицы Севастополя полны военнослужащими и все ненужные учреждения до сих пор еще не расформировались (а их предполагалось к расформированию целых 183). И ни по отношению к первым — празднующимся, ни по отношению ко вторым — ничего не делающим, не было принято срочных и энергичных мер к отправке на

фронт всей этой шатии укрывающихся. Вообще Врангель начинает подчищать тылы и действует не как Деникин, а вполне твердо.

На этих днях прибыло в Севастополь два транспорта обмундирования. Флот начал получать и полными комплектами. Оно и понятно, разве можно фронтовую жизнь армии сравнить по трудностям и лишениям со стоянием в Севастопольской бухте без движения. Кроме того, у них под руками базар, на котором всё это обмундирование легко и свободно и не особенно дешево продается и можно продать. Естественно, что все преимущества на стороне флота, и его снабжают всем в первую голову и уже не в первый раз. Наши же хлопотали, ходили, но ничего не могли получить, хотя у нас нет ничего и у некоторых не больше одной смены белья. Как говорят, на всю бригаду хотят дать около 16 комплектов. Опять это дело пошло через интендантство, а все мародеры заседающие там, нам хорошо известны. От этой сволочи мы все-таки обычным путем не можем избавиться. Им необходима резня.

По всему Севастополю искал книги по математике, но ничего не достал и только случайно раздобыл довольно старое издание курса Серрэ в 2-х томах за 1500 руб., и то хорошо и можно считать, что очень дешево, если детские книги дошли до 2000 руб., а общая тетрадь подходит в 1000 рублей.

10.04.1920. Встретил поручика Шульмана, который в 1918 г. служил в нашей батарее, а теперь находится в школьной 1-й батарее. Приехал он с Перекопа и сообщил, что все школьные батареи вместе с орудиями, лошадьми перешли на фронт нашему корпусу. Они сдали их Марковцам. Личный же состав их возвращается в Севастополь для дальнейшего формирования. Это правильно, так как в боевом отношении школьным батареям далеко до артиллерии нашего корпуса.

В беседе с представителями печати генерал Врангель высказал свои взгляды на дальнейшую политику. «Я не собираюсь, — сказал Главнокомандующий, — издавать решительно никаких деклараций. Слишком их было много и слишком мало из них получило на деле осуществление. Трехлетняя анархия, неоднократная смена власти, из которых каждая провозглашала программы, имеющие целью увлечь за собой симпатии населения заманчивыми обещаниями, исполнить каковые фактически не могла ни одна власть, — настолько усложнили целый ряд отраслей промышленно-экономической жизни, что разрешить это сразу нет никакой возможности. Примером может служить хотя бы земельный вопрос, для разрешения которого в том или ином направлении потребовался бы целый ряд годов. Я стремлюсь к тому, чтобы разрешать наиболее назревшие вопросы, не предрешая пределы фактической возможности. Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире, — вот основная задача власти. Наладить совершенно расстроенный промышленный аппарат, обеспечить население

продовольствием, использовать самым широким образом естественные богатства края, наблюдая, чтобы ни одна пядь земли, могущая быть использованной, не осталась бы не обработанной и, прежде всего, обеспечить население от произвола и насилий, — вот мои ближайшие задачи.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России, крупное землевладение отжило свой век. Посредником по передаче земли в руки мелкого собственника должно явиться государство. В ближайшие дни будет приступлено к нарезке земель, числящихся за Крестьянским банком, уже созданы посреднические комиссии для облегчения самым широким образом всякого рода земельных сделок. Улучшение материального благосостояния рабочих и удовлетворение их профессиональных нужд является одной из моих главнейших задач. В частности мною созвана особая комиссия для выработки, в зависимости от имеющихся у нас запасов, снабжения рабочих пайком. Всё дело продовольствия, бывшее до сего времени в руках бесконечного количества лиц, ныне объединено в одних руках — начальника управления снабжения...»

Далее. «Местные и национальные нужды населения, в частности татарского, принять во внимание самым тщательным образом». Среди татар ген. Врангель действительно пользуется популярностью. Касаясь армии, он говорил так: «Под моим командованием находится Русская армия, переформированием которой я сейчас и занят. Существовавшие до сих пор наименования корпусов мною упраздняются. Части, составляя единую русскую армию, сохраняют имена тех великих вождей, которых чтит вся жаждущая освобождения от большевизма Россия и несущие ей избавление бойцы».

О причинах наших бывших неудач Главнокомандующий, по-моему, сказал очень метко и верно. «Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной, и проводить одну политику “русскую”, вне всяких партий, проводилась политика “добровольческая”, какая-то частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать “добровольцев” — врагов России. Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, дрались и с Грузией, и с Азербайджаном и лишь немного не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями. В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований».

К воссозданию России я вижу совсем иной путь. Пусть среди разлагающегося большого тела свободно оживают отдельные клеточки, и долг искусного врача должен быть в объединении их, не разрушая каждой в отдельности. Чем больше будет здоровых клеток, тем процесс разложения будет скорее пресечен. В конечном итоге все омертвевшие части организма распадутся и новая молодая ткань заменит потерявшее жизнеспособность больное тело. Перемена взглядов высшего командования в эти вопросы уже получила реальные результаты. Несколько дней тому назад мною заключено соглашение с представителями всех казачьих войск, между мной и атаманами установлены определенные взаимоотношения. Казачьи области остаются в своем внутреннем самоуправлении самостоятельными, их же вооруженные силы полностью подчиняются мне. Все отношения с иностранными государствами ведутся через меня. В вопросах местного характера, имеющих международное значение, я предварительно сношусь с атаманами. Представители отдельных казачьих войск за границей уже отозваны. В областях неказачьих я объединил всю полноту гражданской и военной власти без всяких ограничений, причем при разрешении вопросов внутренней жизни я намерен широко обращаться к помощи общественных сил.

Мы в осажденной крепости, и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага, прежде всего; сейчас не место партийной борьбе. Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, которая удовлетворит все круги населения. При организации гражданского управления я отмечаю создание каких-либо политических отделов, равно как и принадлежность нужных для дела работников к той или иной политической партии, считая последнее не существенным, разумеется, кроме партии большевиков. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди, знания и труд. На такой же точке зрения я стою в отношении вопроса о так называемой “ориентации”. С кем хочешь, но за Россию — вот мой лозунг. В частности, касаясь германской ориентации, о которой так много пишут и говорят в последнее время, должен сказать, что я не могу придавать ей серьезного значения. Германия, истощенная войной и занятая внутренними делами, едва ли может оказать реальную помощь другим странам.

Я верю, что несмотря на тяжесть нашего положения, Россия выйдет из всех испытаний могучей и твердой, подобно тому, как железо обращается в сталь. Я верю, что процесс оздоровления, пока проявленный лишь в отдельных клеточках больного организма, пойдет быстрыми шагами вперед, и народ найдет в себе силы сбросить натянутое на него рукой чужеродного интернационала ярмо и, опираясь на здоровые силы, ведущие борьбу с коммуной, восстановит родину. Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием, хотя бы на клочке Русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы народа, стонущего под “красным игом”.

Итак, деклараций не будет. Будут дела. Будет сделана попытка обратиться наконец из трясины на твердую почву. Начинается политика без политики».

Вечером, появился приказ Главнокомандующего, который разъяснял те «новые определенные ближе и скорее ведущие к цели» шаги союзников в решении русского вопроса. Приказ весьма интересен, в смысле могущих произойти последствий в истории этой войны. Я привожу его полностью.

«22 марта Верховным Британским комиссаром в Константинополе адмиралом де-Робек была получена нота, в коей Великобританское правительство предлагало свое посредничество генералу Деникину с целью прекращения междоусобной брани, предупреждая, что в случае несогласия на это Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, оно лишит нас всякого рода помощи и слагает с себя в этом случае всякую ответственность за последствия. Получение ноты в Константинополе совпало с отказом генерала Деникина от власти, и она была передана мне. Я, с согласия военного совета старших начальников, ответил на ноту заявлением, в коем указал на невозможность в случае прекращения помощи союзников продолжать борьбу и, совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, возлагаю на Великобританское правительство всю нравственную ответственность за последствия принятого шага. Вместе с тем указал, что долг чести тех, кто лишает помощи в самую тяжелую минуту армию, оставшуюся неизменно верной союзникам, обеспечить полную неприкосновенность всех чинов армии, всех жителей местностей, занятых Вооруженными Силами Юга России, всех беженцев, кои желали бы вернуться на родину и, наконец всех тех, кто борясь за общее с нами дело, ныне томится в тюрьмах советской России.

6 апреля Командующий Британскими силами на Черном море адмирал Сеймур передал мне копии с ноты Английского правительства, адресованной Наркому иностранных дел Чичерину, в коей правительство Его Величества короля Великобритании требует от большевиков прекращения военных действий и неприкосновенности того убежища, которое нашла армия, территории, занятой вооруженными силами Юга России, предупреждая, что в противном случае английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения советских войск. Вывод ясен. Необходимо сделать всё, чтобы удержать с помощью наших союзников в руках наших последнюю пядь Русской земли. Необходимо напрячь все силы, чтобы вырвать победу из рук врага. Собственная наша участь и судьба тех, кто томится в советских застенках, зависит от нас самих. Я верю, что армия грудью своею прикроет страну, и волна красной нечисти разобьется о доблесть войск. Я верю, что все истинные сыны Родины сплотятся вокруг меня, чтобы облегчить мне мой труд. Я верю, что Господь не оставит нас и Россия воскреснет.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

В городе этот приказ произвел впечатление и вызвал много толков и слухов. Почти сразу распространился слух, что мир уже заключен и подписан, называли каких-то 6 пунктов мирного договора и утверждали, что начинаются приготовления к манифестации по случаю мира. Не представляю себе никак мира с большевиками, никоим образом он не может устроиться ни в каком отношении, даже если всё это будет временно. Кроме того, мне кажется, что у нас всех, независимо от условий мирного договора, который хорошего нам, вообще говоря, мало сулит, — не мы же победители, — получится чрезвычайно глупый вид на этом «убежище». Последние слова приказа тоже очень мало похожи на то, что Врангель рассчитывает на мирное окончание этой гражданской войны. Не зная всех условий настоящей обстановки, невозможно предрешить вопрос о последствиях этой ноты союзников. Ответ на нее будет дан ходом событий, в зависимости от целого ряда очень сложных обстоятельств. Пока же можно сказать, что союзники действительно удружили нам в самую подходящую минуту. Переговоры по поводу этой ноты ведутся уже между Врангелем и генералом Кийзом. Прочие представители иностранных миссий, аккредитованные при Главнокомандующем, активного участия в них не принимают.

11.04.1920. На утро была назначена погрузка. Предполагалось раньше, что батарея вернется сюда после десантной операции, но теперь выяснилось, что мы пойдем туда. Батарея сейчас стоит в резерве. Погрузка хозяйственной части и разного имущества сильно затянулась из-за отсутствия лошадей; я воспользовался этим случаем и роскошно вымылся в бане Института физических методов лечения. Получил несказанное удовольствие.

Около 5 вечера мы все погрузились; выехать же сегодня не удалось: еще не всё было готово с погрузкой остальных воинских частей. У нас обычно, по русскому обычаю, так и бывает, — вытягивают больных чуть ли не на сутки раньше из квартир в голые товарные вагоны совсем непонятно для чего. Сегодня из госпиталя сообщили, что штабс-капитан Пилленко¹⁹³ 9 числа умер и уже похоронен в общей могиле, а подпоручик Красавин совсем безнадежен, у него кроме сыпняка воспаление головного мозга. Жаль нашего «Танка» — хороший был человек и храбрый офицер и так зря умер от сыпного тифа — полнота его погубила; с самого начала он был очень буйный и, ни разу не приходя в сознание, умер. Косонуло нашу батарею в этом году от тифа.

Теперь в Крыму начинается эпидемия холеры, и появились цинготные заболевания. С трудом достал паршивенькую зубную щетку за 800. Приличная щеточка стоит 2000 рублей. Эти предметы привозят сюда французы и назначают на них колоссальные цены. На этих днях они привезли и московские парфюмерные товары. За мыло Брокера хотят по 2400 руб. кусок. Удивляться особенно не приходится, если не привозная газета «Юг России» дошла уже до 75 руб.

12.04.1920. Выехали мы из Севастополя только около 8-ми утра. Дорога проходила по очень живописным местам. Жаль, что тут почти нет деревьев. Без них как-то меньше чувствуется влияние весны. От Симферополя до *ст. Курман-Кемельчи* (станция нашего назначения) <в наст. время пгт. Красногвардейское. — *Ред.*> ехал на площадке впереди паровоза. В некоторых местах мы развивали скорость до 60—70 верст в час. Выгрузившись, мы узнали, что батарея стоит в селении Кара-Найман <в наст. время Крыловка> примерно в 60 верстах западнее ст. Курман. Средств передвижения туда нет никаких, все подводы в настоящее время здесь в разгоне. Придется ожидать, пока оттуда нам их вышлют. В силу этого мы разместились в немецкой колонии *Даниловка* в 1,5 верстах от станции. Нам на всю компанию обозных и на нас выздоравливающих досталось всего только три не совсем удачных квартиры.

13.04.1920. Сегодня день рождения Оли. Не запятнай себя Добровольческая армия теми преступлениями, которые повели к нашему крушению, этот день можно было бы проводить в Москве, среди своих, в душевной, теплой и искренней обстановке среди хороших людей. Теперь же сидишь в этой Даниловке; с едой здесь очень неважно купить почти ничего не удастся. Приходится сидеть исключительно почти на одних консервах. Обычно в немецкой колонии живет хорошо, но у здешних немцев что-то ничего не раздобудешь. Правда, их уже достаточное время объедают, так как с самого Рождества тут останавливаются проходящие части. Такое положение может надоесть даже самым гостеприимным людям. В смысле зелени — здесь в колониях все-таки можно найти много больше деревьев, чем в прочих селениях. Попробовал заниматься математикой; здорово забыл, над самыми простыми вещами приходится задумываться.

В газетах появились сообщения, что Чичерин на ноту союзников ответил несогласием. Ничего не разберешь теперь в происходящих событиях. Едва ли будут доходить до нас без перерыва и своевременно газеты. Ориентироваться в политической обстановке по одиночным газетам в это «сложное» время нельзя. Подпоручик Красавин не выкарабкался из своего тяжелого состояния и, не приходя совершенно в сознание, сегодня умер.

14.04.1920. Разразилась приличная гроза, с порядочным дождем. Воздух несколько разрядился, а то уж очень было душно последние дни. Вчера вечером пришли из батареи подводы, и мы сегодня после дождя часа в 4 выступили для присоединения к батарее. В колонию Александровку, верстах в 15 от Даниловки, были направлены квартирьеры во главе с нашим делопроизводителем подпоручиком Брауном — «дедушкой русской революции». Там мы предполагали переночевать. Прибыв туда часов около 8, мы наших квартирьеров не нашли и не видели никаких попыток с их стороны к встрече нас, что они должны были сделать при нашем въезде в колонию. Пропали квартирьеры и только. Пришлось самим разыски-

вать себе квартиры, что было довольно легко, так как не вся колония была занята воинскими частями. Сегодня здесь устроились прилично, давно не приходилось есть хорошую мясную пищу, которую сама хозяйка очень дешево предложила, и решили разыграть завтра квартирьеров.

15.04.1920. Около 8-ми двинулись дальше и, наконец, в 9 немного впереди увидели наших квартирьеров. Они не нашли почему-то в колонии квартир (а их было много), и ночевали где-то на хуторе, верстах в 2 от Александровки. В довершение комизма: ночью у них удрал еще подводчик, между тем как при таких поездках с ночевками существует простой и всем известный способ, чтобы застраховать себя от подобного рода случайностей: взял к себе в комнату хомуты и спи спокойно.

Дорога тут очень однообразная — сплошная равнина. Через селения нам не приходилось проезжать. Верстах в 15 от Кара-Наймана мы остановились на один час в колонии Муний с целью привала. Тут расположились штаб нашей дивизии и управление артиллерийской бригады. Затем шпарнули дальше и около 6 вечера были уже в батарее.

Кара-Найман — селение небольшое. Тут всего несколько русских домов, которых хватило только на офицеров, а остальные — татарские. У татар полы земляные, хаты их маленькие, никакой посуды нет и вообще там не весело. Мне и другим офицерам 4-го орудия попалась не совсем удачная квартира. Хозяин разругался с женой, и сегодня она после недавней бурной сцены уходит от него. Хозяин наш, бывший мелкий торговец из Евпатории, человек даже не обтершийся, но разыгрывающий из себя начитанного и умного господина с претензиями на воспитание. Когда я спросил у него, что вызвало сегодняшнюю сцену с дракой (у него сильно поцарапана щека), он наговорил мне массу слов, значения которых он не понимал, но знанием которых ему хотелось блеснуть. Основным мотивом семейного разлада, по его словам, было то, что она женщина «ограниченная». Закончил он свое повествование такими словами: «Это не женщина, а миф». В доме сумбур, муж ходит с видом расстроенным и говорит, что нам, в смысле еды, он никак и ничем помочь не может. В общем, очень весело.

Природа здесь очень скучная: во всем селении ни одного дерева. Вода очень скверная. Во всех этих местах колодцы очень глубокие — от 20 до 40 сажень. Воду вытягивают обычно с помощью конного привода. В некоторых селениях нет совсем ни воды, ни колодцев.

16.04.1920. В батарее у нас пока 3 орудия и 16 лошадей. Две пушки были английские и одна русская, из захваченных у красных под Адамью, и одну мы привезли с собой из Севастополя. Рассказывают, что в районе Адамани ночью сбежал наводчик 4-го орудия доброволец Иваненко, захватив с собой засов замка английской пушки и панораму русской. Пропажа эта не была замечена до того момента, пока не пришлось стрелять. Хватились за английскую пушку — нельзя закрыть замка, хватились за русскую — нет панорамы; сделали несколько выстрелов

прямой наводкой по открытому прицелу по отступающей кавалерии, и этим пришлось ограничиться; момент был упущен. Хорошо, что красные отходили, а если бы наседали, что тогда могло бы получиться? Не ожидал, что Иваненко выкинет такую штуку. Поступил он к нам добровольцем 16 мая, на другой день после взятия нами стан. Майорской в Донецком бассейне, где он служил помощником начальника станции и служил всё время до рокового дня 3 апреля довольно исправно. Только в Старо-Минской он как-то странно остался, когда мы оттуда отошли, но через несколько дней вернулся, сказав, что ночью он незаметно ушел от красных, а остался там потому, что отошел от батареи и идти дальше вследствие болезни не мог.

Здесь приехавшими из Севастополя повторяются довольно нелепые слухи, которые там циркулируют. Говорят там о том, что на фронте ни одного выстрела не слышно, что происходит там братание, что в Севастополь прибыла уже советская мирная делегация, что англичане оккупируют Крым, а вся наша армия поступает на английскую службу, и мы принуждены будем прослужить на этой службе не менее 3 лет с правом получения одного 6-месячного отпуска.

17.04.1920. День сегодня был тихий, без ветра. С утра довольно ясно была слышна артиллерийская стрельба со стороны Перекопа, несмотря на то, что от нас до линии фронта около 50 верст. Эти звуки мигом рассеяли всякие слухи, толки и предположения о мире и братании. Большевики в этот день солидно наступали и заняли было Перекоп, но контратакой Марковцев их довольно скоро эвакуировали оттуда. С их стороны в этом деле главное участие принимали еврейские и латышские части. Насколько мне известно, в этот день им решительно не поздоровилось. Наша кавалерия преследовала их до Преображенки, из которой красные поспешили тоже выскочить. Передают, что в Перекопе было захвачено до 600 человек этих молодчиков. Удерживаться в Преображенке нашим частям не выгодно, так как слева она обстреливается с тыла.

18.04.1920. Делать здесь нечего, и за занятия математикой взяться не удается: всё время от нечего делать заходит то тот, тот другой, и естественно не дают сосредоточиться ни одной минуты. Кроме того, на нашей квартире живет 5 человек самого разнообразного характера и направления. Серьезный агроном подбесаул Исая Степанович Бурдюков, 38 лет; сумрачный, потерявший на наше дело окончательно всякую надежду, семинарист подпоручик Лепарский Александр Иванович; военный чиновник Соколовский Георгий Леонтьевич, прозывающийся «смешняк»; не обижающийся подпоручик Николай Николаевич Лавринович¹⁹⁴ и всё тот же неунывающий я. Весь день, иногда с раннего утра, у нас довольно оживленно проходит. Споры на разные темы не прекращаются. Затрагиваем вопрос о «нравственности» и «безнравственности», «обрядовой стороне религии», «толковании Евангелия», о том «увеличивается ли нравственность в связи с накоплением знаний», о «совести», «социализме»

и пр. Наряду с этими довольно серьезными рассуждениями, при наиболее видном участии с моей стороны каждый день «разыгрывается Лавринович под орех», отчего стоит солидный смех, который он сам больше других поддерживает. По вечерам в другой компании идет бесконечная игра в «железку». Я разорился окончательно, всё время идет мне самая беспросветная карта. Стоянка в общем гнусная, кругом кроме голого поля и хат ничего не видно. Теперь до нас доходят газеты только от 6–10 числа. О пище всё время приходится думать самому и бегать по хатам, чтобы достать себе чего-либо, так как иначе останешься голодным.

19.04.1920. Те части, которые сумели погрузиться в Новороссийске и перебросились в Крым, размещены здесь в районе Евпатории. На фронте находится Донская конница генерала Морозова, которая отошла в Крым в декабре 19-го года и стояла здесь всю эту зиму на Перекопе. Теперь она пополняется прибывшими с нами Донцами. На этих днях, вследствие отставки Сидорина и других причин, в Евпатории Донцы заволновались, отказывались воевать, говоря, что им это надоело, и требовали, чтобы их отправили на Дон в родные станицы. Туда выезжали Врангель и епископ Вениамин, уговаривали и уговорили Донцов. Говорят, Врангель сказал в Евпатории, что на мир никто не рассчитывал и не надеялся. По сводке от 17-го, на Кавказском фронте оставлен г. Сочи.

20.04.1920. Говорят, что было сообщение о том, что Япония объявила войну большевикам, заявив, что никаких захватных планов она не преследует и уведет свои войска, как только в Сибири восстановится нормальный порядок и неприкосновенность японских граждан в Сибири будет гарантирована. Там как будто большевики сожгли где-то японское консульство, перебили 150 японских солдат, творили какие-то непрекращающиеся безобразия, чем собственно и было вызвано это объявление войны. Если теперь для нас выгодно это состояние войны Совдепии с Японией, то потом все-таки тяжело придется, когда нужно будет тем или иным способом, «попросить» их увести свои войска из тех мест. Пока же, как сообщается, японцы заняли уже Владивосток, Хабаровск и двигаются дальше.

На нашем дворе помещается земский случной пункт. Наши офицеры довольно регулярно подходят в подходящие моменты и присутствуют при случке. Чем только от скуки не начинает интересоваться ничего не делающая публика. Воображаю, что делалось бы здесь, если бы в данное время водку можно было бы доставать в произвольном количестве. Некоторые из наших офицеров с помощью хозяев решили «изготовить» самогону и почти каждый час ходят и нюхают тесто — не прибавилось ли хоть немного крепости.

21.04.1920. На фронте пока спокойно. 18 числа наши части под личным руководством генерала Слащева перешли в короткое наступление на Чонгарском полуострове, севернее ст. Сальково, захватили броневомобиль красных «Молния» и вернулись обратно.

В ночь на 19-е число наш флот, пройдя Керченский пролив, вошел в Азовское море и, подойдя к Мариуполю, своим огнем подбил бронепоезд, потопил несколько шхун и захватил вооруженный катер «Республиканец». В течение 19-го и 20-го числа наши суда бомбардировали Таганрог и Ейск, где в порту тоже что-то мелкое было потоплено. В Мариуполе, кроме того, нашим судовым огнем был вызван взрыв склада снарядов.

Поговаривают о предстоящем нашем наступлении, но это, должно быть, будет не очень скоро. Теперь же ожидается сильный нажим красных. Разведывательная сводка всё время говорит о группировке в этом районе значительных сил противника. По сообщению перебежчиков, на этих днях ожидается весьма солидное наступление красных с участием 8 танков и 10 броневедомостей, внушительных сил конницы и пехоты. Красным приказано во что бы то ни стало прорвать наш фронт. Соответственно этому у нас появилось в приказе по корпусу сообщение о предстоящем наступлении красных с танками, причем указывалось, что «танков бояться вовсе нечего», что пехота должна раздвигаться, пропускать танк и всё внимание сосредотачивать на идущую за танком пехоту красных и т. п.

Интересно вспомнить, как в прошлом году, когда мы подходили к Харькову, писалось относительно танков у нас в обращении к красноармейцам, которым предлагалось бросить оружие. Там говорилось, что танк — это нечто всё сокрушающее, бороться против чего бесполезно и устоять против него на поле битвы не могут никакие железные части и т. п. Теперь же, хотя у большевиков те танки, которыми мы распорядились в прошлом году, «мнение» нашего начальства о них переменялось. Говорят, что Врангелем был принят какой-то француз, который якобы заявил, что через месяц произойдут великие события, а через два борьба с большевиками будет окончена. На что он намекал — на иностранное вмешательство живой силой в русские дела или на что-нибудь другое, — неизвестно; также как неизвестно, было ли это сказано этим французом, и вообще говорил ли Врангель с каким-либо французом.

22.04.1920. Во всех газетах говорится о том, что мы сидим в осажденной крепости, что выхода отсюда уже нет. Положение, конечно, наше пока что неважное и действительно, если красным удастся сбить нас с Перекопских позиций, то нам уже едва ли удастся удержаться где-либо. Фронт сейчас же начинает широко увеличиваться и, кроме того, мы едва ли сможем справиться на этих ровных полях с той массой кавалерии, которую противник в состоянии выставить против нас, в то время как у нас почти полное отсутствие лошадей. Настроение у меня, однако, довольно ровное и отнюдь не нервное. О плохом конце я не думаю и борьбу бесцельной, как многие из наших офицеров, пока еще не считаю. То, что может случиться, если красные прорвут наш фронт и попрут дальше, я сейчас себе совершенно не представляю. На избавление от большевиков одними нашими силами рассчитывать, конечно, не приходится, но принимая во

внимание, что последнее время советскую власть основательно беспокоят целые отряды повстанцев и что после почти 3-летнего тяжелого царствования она ходом истории должна наконец вскоре прекратить свое существование, можно думать, что наш Крым будет в состоянии сыграть в том деле немалую роль. Пока же чрезвычайно важно удержаться.

Днем побродил немного недалеке от селения по полям. В этих местах очень много журавлей и дроф; близко подойти к ним не удастся, благодаря абсолютно голому пейзажу. Штабс-капитан Гудим-Левкович ездил как-то на охоту с карабином. Правда, он убил дрофу фунтов на 20, но во время охоты умудрился потерять мой бинокль, который он для чего-то захватил с собой. Говорят, верстах в 15 отсюда много уток, но с винтовкой охотиться уж чересчур неинтересно. В селении здесь поразительное количество угодков, довольно много ласточек и скворцов, воробьев же здесь самое минимальное количество.

23.04.1920. На Кавказском фронте какая-то полная неразбериха. Каждый там действует совершенно отдельно. Бабиев работает сам по себе, Шкуро тоже со своими частями держится самостоятельно, Букретов и Улагай как-то тоже не причем. Никто не хочет никому подчиняться. В Севастополь приезжает на совещание к Врангелю то один, то другой, потом уезжают обратно, но порядок там как будто не заводится совсем. Говорят, что у Индюк-горы красным сдалось очень много Донцов. Тем не менее, в газете почти официально сообщается о занятии теми частями Владикавказа, Пятигорска, Ессентуков, а Сочи между тем давно оставлен. Понимай, как хочешь. Грузия отказалась пропустить через границу все эти части; это обстоятельство, как говорят, и вынудило их к переходу в успешное наступление.

24.04.1920. Поднялся очень сильный северо-восточный ветер. На улицу выйдешь, так прямо пробует сбивать с ног, кроме того летит пыль и песок, и в момент засоряет глаза. Птицы попрятались, и до вечера нельзя было увидеть почти ни одного представителя пернатого царства. К вечеру наступила тишина.

В сегодняшней газете более достоверное и более официальное сообщение о положении дел на Кавказе гласит, что наши части сосредоточились у Адлера, наиболее боеспособные из них погружены на суда и переброшены в Крым, а остальные частью рассеялись, частью ушли в горы, частью остались у большевиков. Вот и верь теперь газетам после вчерашнего сообщения. По-видимому, с Кавказским фронтом уже покончили красные. В Крым прибыл уже Шкуро с «волчьей сотней». В беседе с журналистами он отказался говорить на политические темы и не познакомил их со своим взглядом на ближайшее будущее, а заявил только, что благодаря последним событиям на Кавказе он сильно устал и нуждается по крайней мере в месячном отдыхе.

25.04.1920. Заходил в дивизион за газетой. Застал там занятную картину. Командир дивизиона почтенный полковник Шеин от скуки пел

в граммофонную трубу, а остальная публика тоже от нечего делать что-то мычала и говорила самые несуразные вещи. Новостей особых не нашел в газете. Есть сообщение, что после довольно длительного затишья у поляков с большевиками снова начались основательные активные действия. Не придя к мирному решению вопроса, красные бросили на польский фронт значительные силы. Поляки, выдержав этот натиск, некоторое время спустя сами перешли в наступление и, нанеся несколько ударов, стали быстро продвигаться вперед. Теперь газеты сообщают о занятии поляками Борисова и Киева. Этот Киев в прошлом году, по слухам, брался несколько раз, так что не знаешь теперь, как отнестись к этому сообщению. Обычно весна и лето бывали у красных очень тревожными, тяжелыми и достаточно шаткими в смысле прочности власти, потому ничего нет невозможного, если это лето может стать роковым.

26.04.1920. Офицеры-разведчики Костя Никольский¹⁹⁵ и Алик Егоров, согласно приказу по дивизии, выезжали в сторону Перекопа для рекогносцировки тыловых позиций. Сегодня они вернулись и поделились со мной результатами своей поездки. Сейчас ведутся работы по созданию укрепленной линии примерно верстах в 10 севернее Юшунь. Вследствие того, что Сиваш и многие озера начинают пересыхать (в некоторых местах уже сейчас через Сиваш переходят овцы), то в скором времени наши части будут отведены назад на Юшуньские позиции, так как при данном положении и наличии многих сухих бродов правый фланг подвергается большой опасности быть отрезанным. В настоящее время довольно быстро подвигаются работы по постройке новой железнодорожной линии Джанкой—Юшунь; эшелоны по новой ветке доходят уже до Воинки. Сообщение о взятии Киева поляками они передали мне, как достоверный факт, а известие о занятии Одессы русско-галицийско-украинским корпусом отнесли к еще не проверенным слухам. Больше новостей у них не нашлось.

Работы по укреплению Юшуньской линии, по их словам, идут довольно вяло, инженерные части там больше занимаются пешим строем, чем своими прямыми обязанностями, хотя солдаткам прежде всего придать воинский вид. Итак, значит, пока наступать не будем, а будем удерживать Крым, отойдя даже несколько назад на более выгодные позиции. Об этом говорится в приказе Врангеля, который попал к нам в батарею только теперь. Приказ выдан в Севастополе за № 3013 17 апреля 1920 г. Главнокомандующий говорит, что политическая обстановка вынуждает нас временно перейти к обороне, время пребывания на местах решено использовать для реорганизации армии, приведения в порядок частей и создания на фронте и в тылу ряда укрепленных линий. В дополнение к приказу 3012 об организации армии (он еще не дошел до нас) войскам приказано привести в порядок обмундирование (мудрено, если почти все ходят голые) и конское снаряжение, вычистить орудия, пулеметы, винтовки и даже отточить шашки. Запрещаются не установленные приказа-

ми отличия с разного рода надписями (в последнее время появился отряд полковника Ильина — бывшего командира Самурского полка в период борьбы в Донецком бассейне, у частей которого на рукаве надпись «Я боюсь только одного Бога»). Частям приказано обязательно окапываться. Перекопский вал приспособлять к обороне, где возможно строить блиндажи, используя материал на местах, например постройка г. Перекопа (так и сказано в приказе) причем надлежит иметь в виду улучшение обстрела Перекопа, и разорять дома с таким расчетом, чтобы образовать ряд просек и т. д.

Наблюдение за реорганизацией армии и за исполнением этого приказа возложено на генерала-адъютанта Юзефовича. Жители Перекопа должно быть будут в «восторге» от этого приказа.

В последние дни проезжает здесь немало беженцев из Армянска, который большевики начали обстреливать из дальнобойных орудий.

27.04.1920. Наше формирование что-то не двигается совсем. В настоящий момент у нас три русских пушки образца 1902 г., из которых одна может стрелять в необходимых только случаях (раньше было 2 английских и русская, но мы поменялись по приказанию с 1-й батареей; теперь там одна английская, а у нас только русские. С лошадьми же совсем слабо: всего 13 на всю батарею, из которых 7 чесоточных. Русские пушки у нас, как говорят, временно, так как вообще-то наша батарея будет вооружена английскими.

На Кавказе перед ликвидацией на сторону большевиков перешел кубанский атаман Букретов, он приехал сюда для совещания с Врангелем, после чего вернулся на Кавказ и передался красным. Помощник председателя Донского Войскового Круга Агеев¹⁹⁶ тоже окончил свою деятельность, став на сторону большевиков. Удивляться теперь ничему не приходится.

В Сивашском направлении перед рассветом группа противника до 80 человек переправилась на лодках на остров, что северо-западнее Чучакского полуострова. Артиллерийским огнем их выбили оттуда. На Геническ нашими летчиками был совершен групповой налет. Сброшено 46 пудов бомб, которыми повреждена пристань, поездные составы и уничтожено значительное количество лодок.

28.04.1920. Все эти дни проходят в заботах батареи о добывании себе пищи. Каждый день из батареи отправляется по два офицера в разные деревни, ближние и отдаленные, за покупкой баранов. Покупают их с порядочным трудом; приходится раньше уговаривать чуть ли не 2 часа и морочить голову их владельцу. Теперь по приказу Врангеля все реквизиционные комиссии, которые уже успели образоваться на местах, упраздняются, так что всякую покупку скота в будущем придется совершать на добровольных условиях, а мужички на деньги не очень лыстятся.

Узнал некоторые подробности об участии остатков войск Северного Кавказа, т. е. группы генерала Эрдели. 9 марта эта группа оставила Влади-

кавказ. Всех, с женщинами и небоеспособными, было до 25 000, бойцов же до 10 000. С грузинами переговоры велись уже заблаговременно, но только тогда, когда части очутились в ущелье, они дали окончательный ответ: войска будут пропущены, но только без оружия. Когда части проходили Дарьяльский мост, то они могли убедиться в предусмотрительности грузин: для взрыва моста были заготовлены и размещены по мосту шашки, проведены провода. Сдача оружия произошла у крепости Дарьял. В районе Мцхета были отобраны все лошади и повозки, а отсюда части были отправлены в Потги, где их и интернировали.

Сразу же появилось в лагере достаточное количество большевистских агентов, вслед за чем начался форменный распад. Почти все стали высказываться за объединение с большевиками или зелеными, только бы не с грузинами и союзниками. Положение всех достаточно скверное, если принять во внимание, что «колокола», или «ленточки», как там называют добровольческие деньги, не принимаются совсем, а за донскую тысячу дают всего 170 рублей.

Есть сведения о перевороте в Баку. Переворот совершен русскими рабочими при весьма незначительном участии татарского населения. Подготавливался он исподволь, и его не замечали только члены правительства. Все иностранцы выехали из Баку заблаговременно. Немедленно по занятии города красные начали грузить наливные волжские пароходы нефтью для отправки в Россию. Вся нефть реквизирована, и нефтепровод на Батум перестал действовать. Во главе правительства стал Нариманов, Азербайджан объявлен советской республикой, входящей в состав Советской России. Началось наступление против Грузии и Армении. Все, в общем, доигрались.

29.04.1920. Распространился слух, что красные под влиянием успехов Махно и Петлоры, оставили Преображенку и отошли верст на 30. Есть сведения о том, что Махно на днях совершил налет на Мариуполь, уничтожил там советский полк и возвратился в свой неизменный район Гуляй-Поле. Чем же вызваны слухи об отходе красных с нашего фронта, не понимаю.

Приказом Врангеля за № 3049 от 28 апреля армия перестраивается на новых началах. Основания комплектования армии изменены — части войск комплектуются не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации. «Необходимо теперь же, — говорит Врангель в приказе, — отказаться и от старых неприложимых к новым условиям организационных соединений, добровольцы и Добровольческий корпус должны иметь названия — армейские по номерам и казацки по соответствующему войску». Приказано теперь же соответственно с этой номенклатурой все старые печати и служебные бланки заменить новыми, как в штабах, так и в строевых частях.

Итак, Добровольческая армия перестала существовать, на ее месте появилась Русская армия. Алексеевская дивизия расформируется

(она сильно пострадала в операциях у Геническа в начале апреля во время десантной операции, а Корниловская, Марковская и наша Дроздовская дивизии составляют I армейский корпус под командой Кутепова. Наши дивизии сохраняют старые названия «Корниловская» и пр., а остальные идут по номерам.

30.04.1920. С утра слышна была артиллерийская стрельба со стороны Перекопа. Как и следовало ожидать, все вчерашние слухи об отходе красных оказались лживыми, всё осталось на месте. Сегодня небольшая партия красных пыталась продвинуться к высоте, что в 3 верстах восточнее Перекопа, но тотчас же была отражена.

20 апреля французский крейсер «Ля-Скарб» — вошел в Очаковское гирло, где был обстрелян красной артиллерией, пробившей котел и лишившей его возможности передвигаться. Капитан Мюзелье съехавший на берег, обратно не возвратился. 25-го числа крейсер, починившись собственными средствами, снялся; о судьбе же оставшегося в руках красных капитана ничего не известно.

По газетным сведениям, Ольвиополь занят атаманом Тютюником. Есть сообщение, что Тифлис уже занят красными.

Всё последнее время мои денежные дела были в отвратительном состоянии; в кошельке у меня не было ни гроша и, кроме того, до 27 000 долга. Сегодня состоялась довольно солидная игра, которая затянулась до 8 с половиной утра, и был момент, когда я был в выигрыше больше 200 000; к утру же я встал из-за стола с выигрышем в 60 000. Приятно, что наконец удалось рассчитаться с долгами и самому остаться с небольшой суммой денег, можно будет получше питаться.

1.05.1920. Нота Великобританского правительства о прекращении нашей междоусобной брани не достигла определенных результатов. Советское правительство со своей стороны выставило ряд условий, из которых главные: 1) Англия должна оказать давление на Польшу, чтобы она заключила мир с Советской Россией. 2) Англия должна гарантировать освобождение бывшего диктатора Венгрии Бельи Куна (ему, между прочим, Ленин собирается предложить пост народного комиссара, ведающего делами сношений с Западной Европой, и 3) Литвинов должен быть допущен в Лондон. Польша отклонила вторичное предложение Совдепии о мире. В своем воззвании к украинскому народу Польское правительство говорит, что завоевательных планов нет у Польши, хотят же они только освободить дружеский народ от насилий большевиков. Что-то много благодетелей находится. Относительно отряда Бредова газеты сообщают, что он находится на правом фланге Польской армии, а здесь у нас были сведения, что за ним посланы суда в Варну для перевозки сюда. Между Финляндией и Совдепией тоже как будто прерваны переговоры.

2.05.1920. Суббота. Получили немного обмундирования; на всю батарею прислали одну шинель, несколько пар ботинок, белья и еще какую-то мелочь. Этот вопрос, кажется, так и не наладят до конца. Всегда

фронт будет одет в несколько раз хуже тыла, и всегда будут оставаться большие запасы, а люди будут ходить голыми. Смешно сказать, что в теперешнее время, когда здесь уже достаточно жарко и душно, мне приходится вместо нижней рубахи носить теплую фуфайку, носить всё теплое, суконное и шерстяные толстые английские носки с волосом. Когда отдашь белье в стирку, то ходишь в одном шерстяном верхнем. Сейчас уже в этом одеянии почти невозможно путешествовать, а каково будет летом воевать.

3.05.1920. Приезжал сюда командир бригады генерал-майор Ползиков на совещание с командиром дивизиона и командирами батарей. Дело в том, что к 10-му числу нам надо быть готовыми в боевом отношении; поэтому предполагалось 3-ю, нашу и 4-ю батарею свести в одну батарею, из 3-го дивизиона тоже составить одну батарею и всё это вместе слить в один 2-й дивизион. Но после этого совещания, на котором наш комдив полковник Шеин, как и всегда, совершенно не отстаивал интересы своего дивизиона и за всё время не проронил ни одного слова, благодаря протестам командиров батарей это решение было отставлено. Предполагается принять более действительные меры к тому, чтобы мы в ближайшем будущем представляли из себя безо всякого соединения самостоятельные боевые части. Появившиеся слухи о скором выходе нас на Перекоп на смену Марковцам теперь опять отпадают. Постоим мы здесь, по всем данным, еще не меньше 2–2,5 недель. Если Марковцы простоят подольше, то это им во всяком случае не так и обидно, так как весь отход от Азова до Новороссийска всю тяжесть лег на нашу Дроздовскую дивизию, в то время как Марковцы и Корниловцы всячески ловчились.

4.05.1920. С 1 мая у нас в батарее начались регулярные занятия с солдатами, с сегодняшнего дня к этому делу привлекли и всех офицеров. По утрам ежедневно проводится военная гимнастика. Все раздеваются до пояса, сначала бегают, а потом проделывают вольные движения. После болезни я сегодня побегал и поупражнялся в первый раз и к вечеру основательно «почувствовал» все свои мускулы и кости. Хорошо, что за последнее время ноги у меня пришли в нормальное состояние, а то эти постоянные боли не особенно меня радовали.

Вечером снова очень неудачно игранул, заплатив за это удовольствие 75 000, и снова влез на 20 000 в долг. Никакого впечатления в настоящее время такие суммы не производят, если перешить рубаху со своими нитками стоит уже 1500 руб. Теперь тысяча уже ничто.

5.05.1920. С 1 мая учредили дежурство по дивизиону. На ночь наряжается целый дозор по деревне. Никаких практических результатов этот дозор, не дает, так как кража баранов у жителей солдатами всё равно не прекращается. Вполне понятно, что солдаты довольно просто смотрят на обывательских овец, если напомнить, что жалованье их 150 руб. в месяц и ежедневно для еды выдается по полфунта мяса и только. С 1 мая солдатам увеличили, наконец, содержание до 2000 в месяц. Эта сумма, хотя

и мало улучшает положение солдата, но все-таки не звучит так дико как 150 руб. в настоящее время. В советской армии оклад рядового 800 рублей.

В сегодняшней газете опубликовано следующее воззвание генерала Врангеля: «Слушайте русские люди. За что мы боремся? — За поруганную веру и оскорбленные ее святыни. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших святую Русь. За прекращение междоусобной брани. За то, чтобы крестьянин, приобретаемая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом. За то, чтобы частный рабочий был обеспечен хлебом на старости лет. За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси. За то, чтобы Русский народ сам выбрал себе хозяина. Помогите мне русские люди спасти родину. Генерал Врангель».

По поводу обращения и слова «хозяин», которое напечатано в некоторых газетах крупными буквами, пошли целые разговоры. В этом видят уклонение вправо.

6.05.1920. Утром в Джангаре — месте стоянки 2-го Дроздовского полка — начальник дивизии ген.-лейт. Витковский устраивал смотр 2-му полку и нашему дивизиону; мне из-за дежурства не удалось туда попасть. Этот смотр так сказать репетиция перед парадом, который назначен на 8-е в Коджамбаке и на котором будет ген. Врангель. Наши говорят, что 8-й полк, за исключением офицерской роты, представился на смотре в довольно жалком виде. Состав рот очень небольшой, одеты плохо. Не понимаю, почему на всех этих смотрах не представляют людей в таком виде, в каком мы обыкновенно ходим: а то плохо одетых совсем не ставят в строй, а на всех остальных напяливают всё лучшее, собирая для этого одежду у всей части. Нужно было бы вывести всех в том, что у них есть, и пусть бы посмотрели на полуголую публику. Это, может быть, помогло бы и тогда только приняли бы, наконец, решительные меры в смысле снабжения частей необходимым обмундированием. Но мы почему-то стесняемся того, что нас не одевают. В 24 часа сегодня стрелку переводят еще на час вперед в целях экономии топлива и увеличения дня. Всего мы теперь живем на 2 часа вперёд. Лично для нас показания часов роли не играют.

7.05.1920. Утром уехал в командировку в *Ак-Мечеть* <в наст. время пгт. Черноморское> за покупкой скота. До Ак-Мечети верст 120; за день я успел сегодня прокатиться больше 100 верст на лошадях и остановился в селении Карнов на ночлег. Везде здесь страшное однообразие; татарские селения, которые преимущественно попадают на пути, все крайне малы и лишены какой бы то ни было растительности. Самое скучное то, что у местного татарского населения довольно трудно расспрашивать дорогу; многие не знают даже, как проехать в соседнее селение, отстоящее от данного на 8—10 верст.

8.05.1920. Никакого скота я, конечно, не купил. Дело в том, что если мне в нашей батарее заведующий хозяйством сказал не платить дорожке 3000 за пуд, в то время как везде в этом районе работают реквизиционные

комиссии, которые принудительным порядком берут скот по 3100 руб. за пуд живого веса, понятно, что по добровольному соглашению я за эту цену ничего приобрести не мог. Кроме того, тот район занят войсками поосновательнее нашего. Недели две тому назад в Ак-Мечети выгрузился переброшенный из Сочи IV Донской корпус генерала Секретева, численность до 6000 человек. С ними прибыли сюда еще беженцы Донской области в количестве до 2500 человек. Все они ведь должны каждый день есть. В составе этого корпуса прибыл сюда Калмыцкий полк. Все калмыки приехали с женами. В газетах сообщалось, что вследствие недостатка мест на судах при погрузке калмыки сами утопили до 700 своих детей в море. В настоящее время в Ак-Мечети происходят не особенно забавные номера; ночью калмыки крадут подчас очень приличных лошадей и режут их на мясо. При таких условиях мудрено было даже за высокую цену что-либо достать, тем более что все хозяева, у которых было много баранов, угнали свои стада в степи.

На обратном пути заезжал в имение Воронцова-Дашкова «Токи», но и там ничего не достал. Покормить лошадей и самому подкрепиться пришлось в татарском имении «Кизил-Чоправ». Занятно живут татары. Сидят всё время на полу, женщины по-русски не говорят, курят трубки с очень длинными мундштуками, величиной в аршин. В обыкновенных татарских домах печей нет: они у них заменяются кирпичной трубой, которая, спускаясь с потолка, не доходит примерно на 1 аршин до земляного пола, на котором разводится огонь, и на треножке готовится пища. В настоящее время у татар пост — ураза (днем от восхода солнца и до захода им нельзя ничего есть, не полагается пить даже воды и курить; после захода же разрешается всё). Благодаря этому обстоятельству в момент моего приезда к татарину-помещику там у него еще ничего не начинало готовиться более интересного и поэтому меня угостили обычными татарскими кушаньями: брынзой, катыком, язьмой. Вообще в богатых домах даже в обыкновенных условиях всегда хуже принимают и кормят, чем в бедных.

До вечера добрался только до немецкой колонии Агай <в наст. время с. Чехово>. Тут хорошо: цветут акации, и деревьев довольно много, фруктовых же садилов нет совершенно. Сегодня тут была мобилизация лошадей. По приказу ген. Врангеля население Крыма по мобилизации обязано поставить до 4000 коней. Цены приличные — от 100 до 250 тысяч, но несмотря на это в селениях стоит плач и вой. Пара хороших крестьянских лошадей теперь стоит всего 1 миллион руб. и, кроме того, вообще лошадей-то в Крыму не особенно много, и понятно, что обыватели в настоящее время довольно тяжело расстаются с конем.

Днем сегодня был парад нашей дивизии в Коджамбаке <в наст. время с. Привольное>, месте стоянки 1-го полка. Принимал парад Врангель в присутствии иностранных представителей. Говорят, что офицерская рота 1-го полка роскошно проделала разные перестроения. Ничего осо-

бенного Врангель не сказал. Когда он шел по селению, то деревенские дети бросали на дорогу перед ним цветы.

9.05.1920. Около 12-ти дня вернулся в Кара-Найман, проделав таким образом за 2 дня около 250 верст на простой телеге. Появились слухи, что Буденный прорвал правый фланг польского фронта и занял Белую Церковь. Говорят, что Махно, после того как Буденный переправился через Днепр, взорвал вслед за ним переправы. Относительно нашего фронта: говорят, что красные перебрасывают сюда свои сибирские части. Корпус Слащева, занимавший позицию на Чонгарском полуострове, сменили казачьи части, а корпус Слащева к 10-му числу должен сосредоточиться у Феодосии. Предполагается какой-то новый десант. Беда в том, что не все части II корпуса надежны; время от времени его люди во время этого позиционного стояния переходили к большевикам одиночным порядком.

10.05.1920. Если вначале разношерстная компания нашей квартиры и могла назваться интересной и занятой, то теперь, по прошествии месяца общего сожительства, можно сказать, что такая комбинация не только не занятая, но до известной степени даже неприятна. Общего ничего нет. Каждый достает только для себя. Лично я противник такого сепаратизма, но если некоторые, вроде Лепарского, заявляют, что они делают только то, что им выгодно, при таких условиях конечно я тоже начинаю делать, что мне выгодно. Можно назвать очень много положений, которые одновременно будут выгодны одному и невыгодны другому. Ясно, что нормальной жизни при таких взаимоотношениях быть не может. Я решил не помещаться больше в таких сборных квартирах; за всё время моей службы в батарее впервые приходится жить вместе с такими неинтересными в житейском смысле людьми. Последнее время небольшими партиями начали с разных мест получать лошадей. Лошадки вообще неказистые. Таких запряжек, какие остались в Новороссийске, теперь не составишь.

11.05.1920. На фронте ничего существенного. От перебежчиков были получены сообщения о том, что между 11-м и 13-м большевики собираются произвести решительное наступление. В связи с этим к фронту наше командование подтягивает казачьи части. Над Керчью в последнее время начали летать красные аэропланы. В Григорьевке, в 35 верстах восточнее Одессы, был высажен наш небольшой разведывательный десант, который захватил неприятельский пост и, испортив телеграфные провода, вернулся обратно. Относительно польского фронта известно только то, что поляки приостановили наступление якобы в целях некоторого отдыха, переформирования и перегруппировки частей. На левом фланге польской армии большевики наступают на Борисов, тесня поляков. Киев объявлен на осадном положении. Положение красных там улучшилось.

Вечером снова заварили «железку», которая сильно затянулась.

12.05.1920. Корпус Слащева почему-то вернули обратно с дороги. Всё время говорят о предстоящем нашем наступлении, и начало этого наступления все хотят увидеть в десантной операции нашего корпуса. Во-

обще в разговорах, особенно в Севастополе, как говорят, появилась мода на различные десанты. Понятно, что в этом наступлении очень многие заинтересованы; каждому же это начало рисуется по-своему. В сегодняшней газете появилось сообщение немалой важности о наступлении большевиков на Персию. Официально сообщается, что вопреки переговорам с персидским правительством большевики высадили десант восточнее Казвина, в тылу Энзели, и перерезали дорогу Энзели—Решт. Британские войска, согласно приказу не входить в соприкосновение с советскими войсками, отходят к Решту. Интересно мнение англичан по этому поводу. Грузия уже кончила войну с Совдепией. Глава грузинского правительства Жордания поздравлял представителя Грузии в Москве Уратадзе с заключением мирного договора. По сообщениям, японцы заняли Иркутск и, как передают, они намерены оккупировать Сибирь на продолжительное время. Тут тоже будет интересное дело. Вечером снова игра. За эти 2 дня я выиграл 70 000 рублей.

13.05.1920. Сегодня опять была картежная игра. За эту стоянку я как-то сильно пристрастился к картам и втянулся в игру. Самое занятное то, что никто ради игры специально не собирается, а всё получается как-то само собой. Начинает обыкновенно играть несколько человек между прочим, по мелочи, а часа через 2 на этой квартире случайно сходится чуть ли не вся батарея. Веселого в игре нет ничего, но с другой стороны, иного занятия от скуки не придумаешь в этом Кара-Наймане. Читать почти нечего, да и не читается. Пробовал заниматься математикой, но остановился на 106-й странице при повторении дифференциального исчисления. Все наши стоянки и вообще вся наша жизнь на военной службе носит чисто временный и случайный характер, поэтому трудно взяться за что-либо серьезное, так как никому неизвестно, что придется делать в самое ближайшее время. Сегодня чем-либо занялся, а завтра — в бой.

14.05.1920. Начинают развиваться дела в Турции. Турецкие националисты под предводительством Энвер-паши вступили в открытую борьбу с французами и англичанами. Пока в военных делах первые имеют успех. События как на Дальнем, так и на Ближнем Востоке назревают с невероятной быстротой, и не будет ничего удивительного, если англичанам придется начать новую войну, которая может для них оказаться в несколько раз тяжелее, чем перенесенная, если принять во внимание, что английские войска, не приняв боя, отошли к Решту, что большевистская армия уже начала просачиваться через Азербайджан в Турцию, где завязывает тесную связь с турецкими повстанческими отрядами. Английский метод борьбы с большевиками полумерами не привел ни к чему. Красный большевизм стоит на подступах к Индии. Историческая ошибка уже сделана, и теперь вопрос лишь во времени. Нужно надеяться, что на этот раз тесно свяжут русский вопрос с общеевропейским. В Ирландии, по газетным сведениям, большие волнения. В одном из портов ее было задержано 2 транспорта с оружием, артиллерией и танками, которые заявили, что

они якобы «предназначались»: один для армии Юденича и второй для Деникина, и каким-то таинственным путем попали в Ирландию, чуть ли не в самый центр восстания и волнения.

Сегодня опять состоялась игра. Проиграл я всё, что выиграл за последнее время, но на этот раз остался без долгов. Хорошо, что вчера успел купить за 20 000 руб. поросенка для улучшения своего питания. Если всё это время я с известным удовольствием принимал участие в этой игре, то вчера она мне определенно опротивела, надоела сильно.

15.05.1920. Относительно польского фронта распространились слухи, что Киев уже занят красными. Хотя я никогда не верил в особую боеспособность и силу польской армии (у них больше ненужного гонора, чем дела и отваги), но все-таки кажется, что этот слух несколько преждевременный. На левом их фланге красные продвигаются и заняли уже Борисов, в центре же как будто всё было устойчиво. На этих днях, здесь тоже распространился слух, что красные высадили десант у Керчи, трудно было поверить ему, зная кое-что о тех укреплениях и флоте, который там находится, и он действительно оказался сплошным вымыслом. Теперь вообще все неважные слухи разносятся с невероятной быстротой, причем никто не рассуждает даже о их возможности.

16.05.1920. Вечером с небольшой компанией поехал в имение Пахомова (верстах в 22 от Кара-Наймана), ловить бреднем рыбу. Прилично выкупался в ставке, после чего приступил к занятию. Закинули раз 10 и вытащили около 80 раков и фунтов 30 рыбы, преимущественно мелкой. Если бы выехали раньше, то можно было бы поймать много больше, а то после захода солнца достаточно холодно разгуливать голым с бреднем по воде. Вспоминал прежние времена и удивляюсь, насколько переменялось представление о расстояниях; раньше 40 верст казалось чем-то грандиозным, а теперь в 3 часа дня едешь на рыбу за 22 версты с расчетом вернуться к вечеру. Ехать на лошадях куда-либо 150 верст уже не кажется ничем таким ужасным. В прежнее же время проехать на подводе 150 верст было целым событием, к которому бы долго готовился. Нужно заметить, что все эти поездки совершаешь на простой крестьянской телеге, про езду в рессорных экипажах все уже забыли.

17.05.1920. Сегодня праздник Троицы. Во всех русских домах полы посыпаны свежей травой. Деревьев тут нет, поэтому стены только в некоторых домах убраны мелкими веточками. Приятно было вспомнить прежние тихие времена. Вернулся из командировки командир батареи. Ездил он туда за получением английских орудий. Пока ничего не привез.

В Севастополь прибыли транспорты с английской материальной частью, но так как тела орудий и лафеты прибыли отдельно, то ему пришлось бы там ждать пока всё это составят вместе. Удерживаться же в Севастополе на поверхности в течение нескольких лишних дней тяжело, так как скромно прожить день стоит больше 5000 рублей. Новостей особых нет. Наступление, как говорят, отложено на неопределенное время след-

ствие того, что еще не выработали земельный закон и вследствие того, что в данный момент приостановились поляки.

18.05.1920. Получили сегодня последнюю партию лошадей. Общее количество теперь у нас дошло до 70 казенных и 3 собственных батарейных лошадей. Сегодня была разбивка между орудиями. Нашему 4-му орудию достались довольно приличные лошади, хотя и не особенно большие по росту, но зато крепенькие. Во всяком случае, на первое время походов они будут достаточны, а во время наступления можно будет раздобыть получше. Вообще, на это наступление возлагается очень много надежд в смысле пополнения армии людьми, лошадьми, снаряжением, обмундированием и пр. Не вылилось бы всё это в форме грабежей, как в прошлом году. Теперь рабочим стали выдавать казенное обмундирование, а армия еще недостаточно одета. И там и здесь это вопиющий вопрос, справиться с ним нелегко, а от этого зависит всё. Попробуйте удержать армию от грабежа, если она нуждается.

19.05.1920. Приезжал командир бригады ген.-майор Ползиков осматривать лошадей и материальную часть. Выяснилось, что в ближайшие дни мы, должно быть, выступим на фронт. Дадут нам амуницию, и пойдем мы с русскими пушками. В настоящее время у нас две хороших пушки, одна совсем худая и одна английская для занятий только, так как стрелять из нее в виду ее плохого состояния затруднительно. Одни говорят, что мы идем сменять Марковцев, а другие, что помогать сдвинуть красных при начале наступления, после чего будем развивать успех. Амуниция нам достанется, как будто, совсем скверная. Когда командир батареи указывал на это командиру бригады, то последний заявил, что мы все в те времена, когда всего было много, разбаловались, теперь же выбирать не приходится и нужно пользоваться тем, что в данный момент есть. Сказать, что в боевом отношении мы будем хорошо снаряжены к моменту выступления, конечно, нельзя. Ничего не поделаешь; придется возиться и с пушками, и с амуницией, и с новыми людьми, а возни будет немало.

20.05.1920. Пришлось обучать солдат действиям при русской пушке. До сих пор готовили наводчиков и номеров к английской. Первое время на фронте при быстрой стрельбе должно быть придется офицерам поработать за наводчиков, а то наши «новички» еще очень слабо разбираются в панораме. Вообще солдат у нас недостаточно. У нас в 4-м орудии всего только 2 номера — солдаты, но зато в каждой орудии не меньше 5 офицеров, среди последних «шляп» не мало. Недели через полторы 2-я батарея только начнет работать нормально; одним нужно наловчиться, а другим привыкнуть и обстреляться. Ездовые тоже все молодые и начинающие.

Повстанцы в Турции развивают свои дела, англичане как будто начинают волноваться. Кому-то в голову пришло пустить нелепый слух о том, что турецкими националистами заняты Дарданеллы. Надо же выдумать такую чушь.

21.05.1920. Полковник Петров, ездивший в штаб корпуса по своим делам, привез оттуда новость: на 23-е предположено наступление. По газетным сведениям, Слащев прибыл в Феодосию. Очевидно, его корпус предназначается для десантной операции. Казачьи части из разных районов подтягиваются к фронту. Почему такие быстрые перемены: то назначается наступление, то откладывается, то сейчас же опять назначается, — непонятно. Между прочим, относиться к этому шагу легкомысленно нельзя, принимая во внимание, что это последний шаг, когда всё ставится на карту, и он должен быть хорошо продуман, а эти скачки и нерешительность кажутся странными. О наступлении столько говорят, что красным, должно быть, всё известно. Может быть, это заставит менять сроки начала наступления, хотя едва ли так. По газетным сведениям, Махно занимает Лозовую и Синельниково уже в течение 10 последних дней.

22.05.1920. Попал в командировку в Симферополь за деньгами. Хотел отвертеться от этой поездки, но не удалось. Решил ехать прямо лошаадьми в город, тут около 100 верст. Это будет гораздо проще, чем 60 верст тянуться до Джанкоя и оттуда по железной дороге. В смысле питания передвижение лошаадьми представляет выгоды, а то на станциях ничего не достанешь и будешь голодать. Утром у солдат распространился слух, что завтра наша батарея выступает к Армянску, но в дивизионе пока еще никаких сведений не имеется. Во 2 часу я выехал из Кара-Наймана. В управлении бригады я узнал, что наша дивизия действительно завтра вечером выступает к фронту и идет в Армянск. Удивительно, что солдаты всегда как-то раньше узнают о всяких передвижениях. Проехал я сегодня верст 80 с лишним и остановился на ночевку в деревне Ново-Софиевке, куда я попал около 1 часа ночи. Красные наступали на ст. Сальково, потеснили наших и заняли было железнодорожную будку, но потом были отброшены.

23.05.1920. Днем попал в Симферополь. Сначала пришлось бегать по делам. В интендантстве всё делается таким путем, как будто там вам делают величайшее одолжение, выдавая талоны на ассигновки. По субботам в этом подчиненном учреждении вечером занятий, конечно, нет. В праздник они тоже совершенно отдыхают после тяжелых трудов своих, от 9—2 и от 5—7 ежедневно. Весёлый народ. После обеда ничего не оставалось, как побродить немного по городу. Город чистенький и приличный. Только слишком много пыли. Вечером завалился спать в грязном номере, который с трудом вытребовал у коменданта.

24.05.1920. Наступление наше 23-го не началось. На фронте всё тихо и спокойно (по официальным телеграммам) как вчера, так и сегодня. Очевидно, не подтянулись еще к фронту все силы. Дороговизна здесь солидная. Чтобы быть сытым, нужно тратить в день около 6000. Выдаются кормовые деньги по 520 руб. в сутки на командировку, это прямо издевательство. Вечером пошел в театр. Шла пьеса Потапенко «Чужие». Артисты очень приличные и сама пьеса оригинальная. После театра за-

брался с поручиком Бедге и чиновником 1-го дивизиона, с которыми познакомился только в театре, в «Дом артиста». Поужинали серьезно с 2 бутылками очень хорошего коньяка, так что под конец мы все стали уже плохо соображать. Обошлось это удвольствие в 75 000 руб.; за один ужин вылетело жалованье за 2 месяца, но об этом жалеть нисколько не приходится. До своего номера я уже не добрался, и ночевал в номере поручика Бедге.

25.05.1920. После небольшой артиллерийской подготовки, ровно в 3 часа утра пошли в наступление наши танки, а за ними двинулась пехота. Корниловцы были двинуты на Преображенку, которой они овладели около 6 часов утра, а Марковцы — на Перво-Константиновку, которая была занята около 7 часов. После полудня красные у Перво-Константиновки бросили в контратаку до двух пехотных дивизий, поддержанных конницей, и заняли было снова Перво-Константиновку. Туда был спешно отправлен 1-й полк нашей дивизии, который снова выбил красных из села, но к вечеру должен был отойти.

Вообще красные оказывают очень упорное сопротивление и дерутся очень прилично. Они разбили даже несколько танков ручными гранатами. На Перекопском участке разбита 3-я Латышская дивизия, захвачено 15 орудий и 3 броневедомоцила. Наши потери сравнительно очень малы. Корниловцы потеряли только несколько человек. Марковцам пришлось тяжелее, а в нашем 1-м полку пострадал 3-й батальон, одна из рот которого попала даже в плен. Этот батальон был поджат красными к Сивашу, но все-таки выскребся из такого положения. Кроме того у нас было из строя 5 танков и 3 броневедомоцила. На Сальковском участке II сводный Доно-Кубанский корпус генерала Писарева¹⁹⁷, на рассвете перейдя в наступление, совместно с танками, броневиками и бронепоездами овладел г. Геническом, селом и станцией Ново-Алексеевкой и селом Ново-Михайловской. 24 числа корпус генерала Слащева высадился в районе Кириловки—Горелое (севернее Геническа) и на рассвете овладел селами Давыдовкой и Ефремовкой. С десантом Слащева генерал Врангель отправил воззвание населению, которое заканчивается такими знаменательными словами: «Народу — земля и воля в устройстве государства. Земле — волею народа поставленный Хозяин». Почти нет сомнений в том, что, идя всё правее и правее, Врангель клонит дело к монархии.

В Севастополе и Симферополе развивается холера; число заболеваний доходит до 100 и большинство из них кончается смертельным исходом. Не обращая особенно внимания на эту эпидемию, я основательно навалился на черешни.

26.05.1920. С громадным трудом чисто случайно удалось мне получить из казначейства около 2 000 000 руб. для батареи. Дело в том, что в казначействе денег нет; на днях тут из полевой почты украли 1,5 пуда бумажных денег, а из экспедиции скоро получить не удастся, так как Слащев, проходя через Феодосию перед погрузкой, взял с собой чуть ли не все

имеющиеся там деньги, и кроме того, по его приказанию экспедиция была занята печатаньем исключительно донских тысячных билетов. Он вполне правильно рассчитал и, идя в наступление, взял с собой побольше денег.

Получив монету, я сейчас же выехал, но доехал только до Эльгери-Аблам. Ехать очень жарко и невероятно пыльно. Продолжая наступление, наши двигаются дальше. Корниловцам повезло в том смысле, что они двигаются прямо к Днепру, где красные не оказывают особого упорного сопротивления, так как они отходят главным образом на северо-восток, боясь быть отрезанными. Наша конница ведет бои в районе Спендиарово—Чаплинки (30 верст севернее Перекопа), 2-й полк нашей дивизии, имея слева 3-й полк, двинулся на Перво-Константиновку, выбил оттуда красных и, тесня их дальше, у Владимировки с помощью конницы, которая нажала красных с тылу и справа, прижал целых три полка красных к Сивашу. На эту группу навалились 6 наших аэропланов, которые, снизившись насколько это было возможно, разделявали большевиков из пулеметов и забрасывали бомбами. В довершение картины в эту группу врзался еще наш броневедомоцикл. Все три полка были опрокинуты в Сиваш, уничтожены полностью. Один из них назывался полком «Красных Орлов».

На Чонгарском фронте красные потеснили части генерала Писарева, который отошел чуть ли не в исходное положение. Группа Слащева заняла Мелитополь.

Вообще красные сейчас дерутся здорово и всюду оказывают очень упорное сопротивление. Настроение в их частях было уверенное, наш фронт они считали не опасным и уверяли всех, что с Перекопа нас не выпустят и скоро всех перетопят в море. Неделе две тому назад здесь у них было не особенно много сил (часть была отравлена на польский фронт), последнее же время сюда прибыло из Новороссийска много частей, и 28-го они должны были перейти в наступление (об этом говорится и в официальной нашей сводке), ожидали они только две дивизии кавалерии Буденного. Но тут, вопреки ожиданиям, получилась для них маленькая неприятная история с отступлением. В настоящий момент две дивизии у них полностью уничтожены, в плен взято более 5000 человек, 25 орудий, 6 броневедомоциклов и 3 бронепоезда захвачены уже нами и всё побежало. У всех красноармейцев были противогазы, они опасались нас и сами хотели пустить на Перекоп удушливые газы. Даже после того, как наши заняли Перво-Константиновку, красные были уверены, что разобьют нас здесь и овладеют сегодня Перекопом. Теперь настроение у них после этого удара должно упасть.

27.05.1920. Возвратился в Кара-Найман, истратив за командировку все свои, и кроме того 24 320 руб. казенных денег. Наша дивизия из района Григорьевки и Владимировки двинулась почти на север и заняла, имение Фалыц-Фейна «Чапли» («Аскания-Нова»). В этих местах почти все земли принадлежат ему: Преображенка, Хорлы, Дарнбург, Успенское, Аскания-Нова — это всё его имения. В Аскания-Нова захвачен склад снарядов, свыше 4000 штук.

Корпус Писарева снова двинулся вперед, но у него продвижение идет что-то слабовато. Казачки должно быть не особенно ретиво дерутся, а иначе непонятно, почему там до сих пор такой слабый успех. Рассказывают, что когда 25-го прилетел с Перекопа в Джанкой первый аэроплан, генерал Врангель, бывший в этот момент на вокзале, бегом бросился бежать прямо под вагонами к месту спуска аэроплана — за получением сведений относительно начавшегося наступления.

28.05.1920. Утром выехал с обозом в батарею. Начиная от Юшуни, идет несколько укрепленных линий с проволокой и окопами наших тыловых запасных позиций. В этих местах видна жизнь и работа, всё время движутся подводы, грузовые автомобили и мотоциклетки. Видно, что взялись за дело посерьезнее, чем это было раньше. Добрались мы сегодня только до *Армянска*. Более скверного места, очевидно, не найдешь. Нет воды, есть ничего не достанешь, разместиться тоже негде, много зданий разрушено; одним словом — гроб. Красные пытались наступать на Асканию-Нову, но были отбиты. Передают, что начальник дивизии ген.-лейт. Витковский приняв в сумерках животных из имения Фальц-Фейна за неприятельскую лаву, бросился сам в конном строю на них и, проскакав версты 2, обнаружил, что это не кавалерия. Вообще Витковский всё время работает и всё время находится впереди. На полчаса позже этого комического выезда, ему удалось захватить 27 человек комендантской роты штаба большевистской дивизии и скрасить этим первый случай.

29.05.1920. В 3 часа утра двинулись мы дальше из Армянска. Интересно было проехать по Перекопу. Наши укрепились тут солидно: несколько рядов проволоки, настоящие окопы, блиндажи, землянки. Город совершенно разрушен, ни одного целого дома, одни развалины. Дома, видно, разрушались там не только снарядами, но и разбирались для укрепления позиции. Вот здесь уже ясно видно, что люди воевали в продолжение 6 месяцев на одном и том же месте. Жителей не видно.

Мы махнули прямо в Асканию-Нову. Роскошное имение, хороший парк и самое замечательное — это еще до сих пор сохранившийся зверинец Фальц-Фейна. Тут много хищной птицы в больших клетках. В парке искусственный пруд и там много разной птицы: фламинго, белые лебеди и черный лебедь, гуси разных пород, утки, аисты, австралийские аисты (коричневые), фазаны и пр. и пр. Кроме того, у него много животных: зубры, бизоны, ламы, яки, олени, страусы и много других. Некоторые из этих животных приучились уже свободно ходить по степи и возвращаться в свои загородки. Теперь, под влиянием боев довольно много этих экземпляров разбежалось по степи и вчера даже, как я указал, ввели в заблуждение начдива.

Наша дивизия отсюда пошла сразу влево — помочь Корниловцам, которые наступали на Каховку. В Аскании оставалось две роты 3-го полка и гаубичный взвод 7-й батареи. Весь 3-й полк перешел в Самойловку, 1-й и 2-й двинулись на хутор Круглова, который вскоре был занят. Там

было захвачено около 300 человек бывших Дроздовцев, оставшихся в Новороссийске при нашей печальной эвакуации. Они говорили, что если бы им было известно, что против них наступают Дроздовцы, они не выпустили бы красных кавалеристов, которые успели все-таки удрать из этой деревни.

Спустя час после нашего отъезда из Аскании там разгорелся бой. Оказалось, что 500 всадников с 4 броневыми автомобилями красных налетели туда, многих порубили, роту взяли в плен. Наши гаубицы едва спаслись, потеряв 3 офицеров и всех телефонистов. В этот вечер красные занимали Асканию и Мариановку. Характерно то, что эта кавалерия порубила даже раненых пленных красноармейцев, взятых нами 27 числа и находившихся в этот момент в доме в Аскании. Говорят, это отряд из частей Буденного.

Вечером мы, наконец, догнали батарею в хуторе Круглова. Приехали мы сюда напрасно, так как наши поехали в Севастополь получать английские пушки, и все офицеры 1-го, 3-го и 4-го орудий отправлены обратно в Кара-Найман, где будут ожидать прибытия на ст. Юшунь орудий. На позиции сейчас работает одно 2-е орудие. С нашим полком кроме нашей пушки и взвода 4-й батареи работает еще 7-я батарея 34-й артиллерийской бригады.

30.05.1920. Утром выбили красных из Аскании и Мариановки. Некоторое время мы простояли в *Самойловке*. Там красные разбили склеп местного помещика, взломали два цинковых гроба, перетрясли и обшарили скелеты (похоронены они были года 3 тому назад) и разбросали кости, ища золотых вещей, нательных крестов и пр. ... На местных жителей этот случай произвел весьма сильное впечатление.

К вечеру мы двинулись на Ольховку и заняли ее без боя. Оттуда часов около 10 вечера я выехал в 1-й дивизион, чтобы взять наших лошадей, которые временно были даны в 1-ю батарею и вместе с нами уже должны были отправиться в Кара-Найман. Только около 2-х ночи я прибыл в д. Самойловку, где в это время находилась 1-я батарея вместе с 1-м полком.

Первая конная дивизия Барбовича заняла Алешки, там захвачено много обозов; говорят, что там зарубили батальон чрезвычайки. Корниловцы, наступая по сходящимся дорогам, вместе со 2-й конной дивизией Морозова к вечеру заняли Каховку.

VIII сводный корпус Писарева до сих пор успеха не имеет, оставаясь на линии Ново-Троицкое. У Ново-Троицкой пострадала туземная дивизия этого корпуса. Калмыки, как это всегда у них водится, спали безо всякого охранения и, кроме того, даже оставили на ночь все свои винтовки на тачанках. Ночью кавалерия красных (говорят, Думенко) налетела туда, зарубила начальника дивизии генерала Ревшина (оказалось, был взят в плен), штаб дивизии и около 200 человек, а человек 600 увела в плен. Писарев отстранен от командования, и корпус начинает уже двигаться. До сего времени у нас правый фланг висел в воздухе, справа связи не было, и фронт шел большим уступом.

31.05.1920. Так как, несмотря на приказания комарта командир 1-го дивизиона отказался выдать нам лошадей, то мне пришлось ехать к Ползикову. Вследствие того, что все части, наступая, двигались вперед, мне тоже, катаясь от одного к другому, нужно было ловить 1-й дивизион уже в другом месте. Я присоединился к 3-му полку, который наступал на Успенское, и после того как оно было занято, поймал там 1-ю батарею и только уже здесь получил лошадей, предъявив ей вторичное приказание.

Наша дивизия движется сейчас на северо-восток и идет почти сплошным кулаком. Оттуда я махнул обратно. Признаться веселого нет ничего, если при таком положении правого фланга приходится чуть ли не по всей линии уступа фронта ехать одному верст 40, не встречая нигде ни одного своего солдата. Около Самойловки встретился с одним из Марковских полков (их дивизия сейчас в резерве), который передвигался на север. В одном из Самойловских хуторов заночевал.

По сводке от сегодняшнего дня, у Каховки захвачены два исправных броневых автомобиля. На Мелитопольском участке частями Слащева отбиты все атаки красных на Мелитополь. Нужно заметить, что теперь у нас в частях гораздо больше порядка, чем было раньше. Грабежей пока не замечается, только в хут. Круглова кто-то взял лошадь. Связь во время наступления налажена хорошо. Всё время по дороге носятся мотоциклетки. Штаб дивизии движется непосредственно вместе с колонной, а начальник дивизии разъезжает даже впереди на своем автомобиле. Меня удивило то, что во время движения в ротах 3-го полка всё время почти подсчитывали ногу; перед остановкой заставляли топтаться на месте, равняться в рядах и по команде класть ружья. Броневыми машинами пехота не совсем довольна: работают они вяло. Относительно танков, захваченный в плен офицер говорил, что их красные не особенно боятся, так как наши танки почему-то почти не стреляют (у них всё время портятся эти пулеметы Гочкиса). Теперь роль танков уже пока что кончилась; они только помогли сделать первый сдвиг в первый день наступления.

1.06.1920. Понедельник. Всё последнее время до нашего наступления говорили, что большевики теперь стали не те, что у них завелся порядок, что жить там не так скверно и что всё приходит к известной норме и законченности. Откровенно говоря, я этому не верил и, с другой стороны, побаивался этого, считая, что если большевики переменялись к лучшему, то нам с нашими крошечными силами в таком случае будет невозможно бороться. Все эти разговоры оказались ерундой. Порядка у них никакого. Население по-прежнему плачет и жалуется. Многие говорят: «Объявите мобилизацию, и все пойдем с вами». По-прежнему они грабят, забирают всё; лошадей, подводы держат по месяцу и больше и пр. Войска у них стали лучше и дерутся серьезнее, коммунистов развелось много, почти все комиссары — евреи. Части обмундированы много хуже наших; наши теперь одеты в английское, почти все более или менее приличны. Коммунисты пользуются у них еще привилегиями, а остальные страдают.

Простые красноармейцы говорят: «Возьмем только Перекоп, а там будем воевать против коммуны». Это мне совсем непонятно. Все страдают без табаку, который выдается только коммунистам и то очень немного.

Заняв 29-го Мариановку, красные по всем хатам собирали после нас окурки. Единственно, что хорошо, это поражающая (по сравнению с нашими ценами) дешевизна. Всё в 10–20 раз дешевле и всё есть, что касается вопросов питания. Сало у нас дошло до 2000 руб. фунт, а там можно приобрести по 150 руб. и пр. Скверно то, что наши, привыкнув к крупным платежам, за всё очень щедро платят, и этим естественно поднимают на всё цены.

На рассвете поехал дальше. От Армянска татарин-подводчик предложил мне какую-то сокращенную дорогу через Сиваш. Если бы мы поехали через Юшунь, то мы попали бы в Кара-Найман сегодня часов 9 вечера, а так мы застряли в Сиваше часа на 2, перепрягли там лошадей, сломали барку и с трудом выбрались. Заночевать пришлось в Федоровке, верстах в 10 от Кара-Наймана, так как лошади подводчика в Сиваше выбились из сил, и выезжали мы оттуда, впрягши казенных, то эта пара обывательских коней последний кусок пути шла на поводу. Когда мы въезжали во двор в Федоровке, одна из татарских лошадей оторвалась у самых ворот и куда-то убежала.

2.06.1920. Вчера мы решили, что лошадь татарина пасется где-либо у деревни, но несмотря на все поиски (с рассвета до 10 часов утра), найти ее нигде нельзя было. Бедный старик-татарин, опечаленный подошел ко мне и сказал: «Мы так считаем, хороший час убежал — хорошо, плохой час убежал — плохо. Жаль лошадь. У меня всего две лошади». Этот татарин произвел на меня хорошее впечатление во время дороги, ни разу не ворчал, хотя ему со мной пришлось много покрутиться; всё делал, а тут перед самым концом так глупо у ворот дома пропала его лошадь. Мне стало его невероятно жаль. Я как-то совсем расстроился и под влиянием этого чувства сострадания находился почти весь день. Нужно заметить, что последние почти 2 года я ни разу не испытывал чувства жалости, хотя видел очень много тяжелых и печальных картин, и сам находился в таких положениях, что многие могли бы плакать, увидев других при таких обстоятельствах. Этот же случай подействовал на меня необычным образом. Около полудня прибыл, наконец, в тихий Кара-Найман.

3.06.1920. Весь день проспал. Лег вчера вечером и встал сегодня только в 7 с половиной вечера. Начиная с 26 мая, я всё время ездил, не слезая с повозки, проделав за это время верст 400. Жара последнее время стоит основательная. Если принять во внимание, что наши теперь чуть ли не каждый день совершают 40-верстные переходы, то нужно сознаться, что им теперь нелегко. Красные отступают без боя и очень основательно. Те части их, которые были на фронте перед нашим наступлением, настолько основательно разбиты, что без солидных подкреплений они не в состоянии сопротивляться. Настроение красных из победоносного переходит в паническое.

4.06.1920. Сведений о фронте сюда не поступает почти никаких. Изредка приезжает посланный из батареи солдат, который только может сообщить о месте последней стоянки батареи. Нами занята уже Знаменка — село у переправы против Никополя. Где предполагают наши остановиться, мне пока еще неизвестно, но несомненно, что особенно далеко пока забираться не будут. Говорят, что предполагено занять такой фронт: по Днепру, начиная от устья до Александровска, оттуда линия будет идти до Мариуполя. При таком расположении фронта у нас получается опасный участок в 150 верст, считая линию по Днепру вполне обеспеченной естественной преградой. Все-таки нашими силами будет довольно тяжело удерживать такой участок.

5.06.1920. Предполагается, устроившись на первых позициях, заняться пополнением армии и формированием новых частей. Говорят, что Врангель предполагает усиленно формировать конницу. Не знаю, как будет во вновь занятых местах, но здесь, в Крыму, мобилизация у нас, можно сказать, совсем не прошла. Ни один татарин не пошел, немцы тоже уклонились от этого. Прямо не понимаю, как им это удалось сделать. Печально, но приходится сознаться, что за большие деньги у нас можно очень многое сделать. Дезертиров тут тоже немало. В районе Ялты и Бахчисарая до сих пор еще удерживаются банды зеленых. Теперь генералу Носовичу¹⁹⁸ (бывшему командиру одной из советских армий под Царицыным) поручено в кратчайший срок быстрыми и решительными мерами ликвидировать все банды.

6.06.1920. Услышал интересное мнение обывателей, главным образом городских, относительно нашего корпуса. Нужно заметить, что все четыре дивизии нашего I корпуса на языке аборигенов Крыма и прочих военных принято называть «цветными войсками», очевидно вследствие той особой формы, которую все мы носим, и чем ярко выделяемся по своему внешнему виду от прочих частей. Безусловно, цветные войска являются наиболее надежными, испытанными и боевыми из всей нашей армии. Но вся соль в том, что наши дивизии громким поведением своим не только на фронте, но и в тылу заслужили довольно печальную известность. Наша публика не особенно церемонится вообще, но иногда уже переходит всякие границы. Многие севастопольские и другие дамы этих тыловых походов не могут простить нашему корпусу, несмотря на лихую и бесподобную работу на фронте. В тылу мало заботятся о том, как и чьими трудами и кровью удерживали, а теперь гонят красных. Им до этого мало дела. Передают, что на Врангеля готовилось несколько покушений. Есть слухи, что какая-то ничтожная, презренная кучка монархистов (чуть ли не в 40 человек всего) готовила переворот, собирались убить Врангеля и объявить принца Ольденбургского монархом. Приходится удивляться прямо, где у этой публики голова.

7.06.1920. Вечером решили поехать на море половить рыбу и покататься. Небольшой компанией двинулись и решили переночевать

в д. Кураевке, где предполагали выпить подходящим образом и повалять дурака. Но в этом отношении нам на редкость не повезло. Ничего из спиртного в этой Кураевке нам не удалось достать. Кроме того, нас там приняли за «какую-то облаву на что-то» и отнеслись к нам не совсем искривленно и предупредительно. В общем, не доставши ничего, пришлось переночевать под стогом соломы, так как в паршивеньких мазанках местных жителей было бы необычайно душно спать. Какой-либо сетки для рыбной ловли нам тоже там достать не удалось.

8.06.1920. Утром проехали к морю в Сары-Булат <в наст. время с. Портовое>. Здесь тоже не достали сетки и пришлось ограничиться одним купаньем. Сидели на море и валялись голыми на берегу довольно долго. Там слышали, что в Армянске развилась здоровая эпидемия холеры. Трудно будет бороться с этой историей, если везде по полям и дорогам валяются трупы лошадей и людей; а если их и зарывают, то очень не глубоко, так что собаки без труда их разрывают и едят. В Сары-Булате грузят зерно на пароходы для отправки в Керчь. Какой-то панический офицер с парохода заявил, что это делается из предосторожности, чтобы хлеб не попал в руки красных. Комично было это услышать, если сказать, что Сары-Булат верст на 40 южнее Перекопа.

Вечером барон Майдель, Ширков¹⁹⁹ и я пошли в гости к дамам 4-й батареи, которые живут в базе, стоящей пока в Кара-Наймани. Поели мы там прилично. Вечер, как обыкновенно, закончился железкой, которая обошлась мне в 10 000 рублей. Барон обобрал всех, не исключая и дам.

9.06.1920. По сводке от 8 июня, на Бердянском направлении наши частями занята ст. Нельговка, таким путем перерезана железная дорога Бердянск—Пологи. Конница совершила налет на ст. Верхний-Токмак. В данный момент фронт проходит в 15 верстах западнее Б. Токмака. Красные довольно легко бросают немало подвижных составов вместе с потухшими паровозами. В занятых местах уже объявлена мобилизация пяти сроков и реквизиция. Земельный закон уже издан. Мне не пришлось его полностью прочесть. Знаю только, что размер землевладения ограничен: 200 десятин и то только в том случае, если владелец обрабатывает их своим трудом. Вечером барон, Ширков и я, заехав за двумя дамами 4-й батареи, махнули в имение Бредихина, в 4 верстах от Кара-Наймани, где живут еще 2 дамы 4-й батареи и 3 барышни, владелицы имения. Ничего интересного и привлекательного это семейство не представляет, конечно, но от скуки было забавно туда прокатиться; всё же некоторое разнообразие, а не это надоевшее сидение на одном месте. Играли в разные детские игры, а самое важное то, что очень плотно поужинали, поели много хороших настоящих продуктов и улеглись спать на мягкой перине в гостиной.

10.06.1920. На фронтах ничего существенного. Красные на некоторых направлениях переходят в частичное наступление, но мы неизменно их отбрасываем. По советской сводке от 19-го (6-го по н. ст.), идут бои в районе Карастель—Обруч. Похоже на то, что Киев оставлен поляками.

Вообще сегодняшняя газета не особенно веселая, и мне мало нравится. Есть сообщение, что 8 июня ушли из Феодосии английские морские суда. На смену англичанам ожидается прибытие американцев, которые берут на себя задачи снабжения. Продолжаются какие-то переговоры англичан с Совдепией. Относительно нашего наступления Ллойд Джордж сказал в палате общин так: «Британское Правительство ни в коем случае не может считаться ответственным за события на Юге России, поскольку они выходят из рамок обеспечения наилучших условий для русских, нашедших себе в Крыму последнее убежище. Только к этому сводилось предполагаемое посредничество Англии. Расширение же зоны, занятой Русской армией на юге, произошло исключительно по личной инициативе генерала Врангеля». Бельгийское правительство отказалось принять на службу в армию офицеров армии Юденича. Сообщают о страданиях русских беженцев в Египте, в Баку и русских офицеров в Латвии. Где только теперь не страдают русские. По британскому официальному сообщению, у бухты Измид на азиатском берегу Мраморного моря — произошел бой между британскими войсками и отрядами турецких националистов, которыми командовал начальник XX корпуса Али-Фуад-Паша. Индуский Пенджабский полк, окруженный турками, попал в тяжелое положение. Вообще там что-то не ладно. Говорят, что англичане требовали, чтобы туда пошел наш флот, пока подойдут их силы. Жаль, что про борьбу с турками не пишут.

11.06.1920. Наши в Севастополе засели уж очень основательно. Нет ни слуху, ни духу. Сначала казалось, что за 3–4 дня они успеют получить пушки, так как там в этом отношении как будто было почти всё готово. Прямо непонятно, что могло их держать всё это время. Вечером всё той же компанией отправились к Бредихиным, а оттуда все вместе поехали в Сары-Булат, к морю. Барон с Ширковым за 15 000 приобрели четверть самогона, а дамы захватили с собой закуски. Жаль, что мы только несколько поздно попали к морю. Купаться пришлось только во время захода солнца, после чего тут же на берегу, на ковре был устроен пикник. Самогона я вообще не пью, на него навалились барон с Ширковым, причем дамы тоже не особенно брезгали этой жидкостью. Было занятно, когда после выпивки Ширков устроил «хождение по водам» в полной одежде. Вернулись домой мы уже на рассвете. Время в таких, хотя и не особенно веселых поездках, проходит несравненно глаже, чем безо всякого абсолютно дела в Кара-Наймане.

12.06.1920. За последнее время основательно разленились. Встаем обычно часов около 12 по новейшему времен. Сразу после утреннего чая обедаем, после опять или читаем, лежа в постели, или слегка засыпаем часика на 2. После этого мы слоняемся почти совсем в раздетом виде или выходим в поле пострелять из винтовки по удодам. Обычно эта охота ничем не оканчивается, так как попасть шагов на 40 в такую маленькую птичку пулей довольно мудрено. Если вечером никуда не едем, то в ос-

новательной тоске слоняемся от одной квартиры к другой. Освещения нет, поэтому другого занятия не придумаешь, если после захода солнца не тянет ко сну.

13.06.1920. Вечером с бароном поехали к болотцу у селения Федоровки, чтобы немного поохотиться. У нас было слабенькое дробовое ружье 16 калибра и карабин. Будь приличный дробовик, можно было бы настрелять не только уток себе на обед, а то из этой мешалки дальше 40 шагов стрелять было совершенно бесполезно. В результате я все-таки убил чибиса, которого мы собирались съесть завтра утром поджаренным в сметане, но кошка ночью самостоятельно решила расправиться с этой «дичью», не оставив буквально ничего от этой незатейливой птицы.

Началась уже в этих местах уборка хлеба. Урожай в этом году средних. Незасеянной площади в Крыму очень много. Дело в том, что земля здесь очень тяжелая. В однолемешный плуг запрягают 5 лошадей, хотя пахут очень неглубоко, всего вершка на 2–2,5. При том разгоне подвод, который был тут всё время, земледельцы почти не имели возможности нормально работать, так даже в этом случае, если у хозяина остается 3 лошади дома, ему с ними ничего нельзя сделать с этой землей.

14.06.1920. Вечером поехали опять к Бредихиным. Одна из дам 4-й батареи 17-летняя и совершенная во всех отношениях девочка, просила нас достать ей борзого щенка. Она так просила и говорила, что прямо по ночам спать не будет, если мы ей не привезем, что мы решили достать ей, если не борзого, то во всяком случае щенка. Сегодня мы привезли ей настоящего дворнягу, здорового, косолапого, но пока симпатичного щенка и убедили ее, что если у этого животного не полная кровь борзой, то во всяком случае мать его была борзая. Она все-таки была почти в полном восторге. Долго подбиралась кличка этой собачонке (которая без сомнения и ей очень скоро надоест и другим будет в тягость) и, наконец, я разрешил этот вопрос, предложив назвать ее «Войдите». Смеялись по этому поводу довольно много. Не особенно интересно получилось то, что тут везде распространились самые нелепые слухи относительно нашего пикника 11-го числа. Солдаты, должно быть, сказали, что мы купались одновременно, а из этого создали уже такую историю, что мы купались с дамами в одном месте, раздевали их и т. п. (между тем как мы купались на расстоянии 100 сажень одни от других). В общем, эти слухи, конечно, ерунда, но для дам они неприятны.

15.06.1920. Распространились слухи о том, что у нас на левом фланге дела неблагоприятны. Говорят даже, что у Каховки большевики прорвали наш фронт. Никаких более или менее заслуживающих доверия сведений, кроме разговоров местного населения относительно этого, нет, и лично я не представляю себе, как могли красные что-либо сделать у Каховки, если нас разделяет с ними такая река как Днепр. Должно быть это вымысел.

Мобилизация в занятых местах, говорят, проходит довольно успешно. Деревня Серогозы Мелитопольского уезда дала 200 добровольцев, по

сообщению газет. Там все эти села раньше были большевистскими, и поэтому это сообщение имеет значение. От отношения местного населения зависит всё; без его помощи мы далеко не уйдем. Вечером сотворили небольшую игру в польский банчок.

16.06.1920. День прошел по обыкновению беспорядочно, в некоторых приготовлениях к отъезду. Вечером поехали с прощальным визитом к Бредихиным. Хотели через 2 часа вернуться, но засиделись до часа ночи, плотно поужинали и посидели в человеческой обстановке; теперь это уже не так скоро нам удастся.

В 5 часов утра сегодня на транспорте «Рио-Негро» отбыла в Константинополь британская военная миссия во главе с ген. Перси. В Севастополе остается лишь часть военной миссии с полк. Уошем во главе. Миссия будет исполнять обязанности осведомительного органа. И так, мы теперь предоставлены исключительно самим себе, своим собственным средствам. Говорят, что на уход англичан повлияли неудачи у Босфора, в районе которого уже идет война между турками и англичанами. Приехавшие из Константинополя передают, что там отчетливо всё время слышна стрельба. На приход американцев, о которых мельком сообщали газеты, по-моему, рассчитывать не приходится. В этом отношении весьма не весело.

17.06.1920. Около 10 часов утра покинули теперь уже навсегда Кара-Найман. Часов в 6 были в Джанкое. Наши с пушками проследовали без остановки еще 15-го числа. Завтра мы начинаем погрузку.

На фронте все эти дни, начиная с 10-го, идут весьма упорные бои. Красные подтянули сюда 8-ю и 9-ю армии и переходят в контрнаступление. Распределение наших сил таково: на правом фланге Донской корпус от моря до д. Черниговка, левее их корпус генерала Слащева, затем кавалерия Морозова и Шифнер-Маркевича до Днепра, а по Днепру II сводный Доно-Кубанский корпус. На правом фланге Донцы продвигаются, занят Бердянск, 14-го числа взята в плен целая бригада красных с 40 пулеметами. В районе Б. Токмака, введя в бой большую конную группу, красные сильно нажимают на Слащева. В этом месте они потеснили наших верст на 30 (от Орехова до Б. Токмака) и занимали было Б. Токмак; там были введены в бой наши танки, и к 6 часам вечера 15 июня красные были отброшены от Токмака. По линии Днепра огневой бой. Наш корпус находится в резерве на фланге этой пробующей наступать группы красных. По сведениям, которые имеются в штабе нашей армии, в разбитой нами 13-й советской армии было до 300 000, на которых против нашего корпуса находилось около 220 000, а против Слащева и других — до 80 000.

Чины штаба Врангеля в восторге от работы нашего корпуса; даже ярые слащевцы говорят, что им далеко не сравниться с «цветными войсками». Слащев тоже прилично дерется. Что же касается II сводного корпуса, то говорят, что он почти никуда не годится. На этих днях должен обрушиться на красных наш корпус. На польском фронте красные продолжают продвигаться. Бои там идут в районе Мозыря и восточнее Жмеринки.

18.06.1920. Утром погрузились, но отправить нас обещали или ночью, или только завтра утром. Слонялись днем, по городу <Джанкою>, а вечером пошли в театр на малороссийскую труппу; видели: «Ой, не ходи, Грицко, на вечерницы». Ерунда страшная. Самое занятное было то, что перед театром барон нарезался, развезло его основательно и он слегка пытался выступить с места во время представления. Публика же была такая на этом представлении, что не было особенно неловко за его совсем уж пьяный вид, когда он во время последнего акта «поехал в Ригу».

По последней сводке, на всем фронте армии завязались крупные бои с подошедшими свежими частями противника. Оттеснившая наши части из района Б. Токмака и Черниговки конная группа противника была атакована нашей конницей с юга и отброшена ею к Черниговке, причем нами захвачены два орудия и пленные. Вновь подошедшие части противника остановили наш дальнейший успех. Бой в этом районе продолжается восточнее Б. Токмака. На Ореховском и Александровском направлениях наши наступавшие части нанесли красным сильный удар и заняли ряд селений, захватив военную добычу и пленных. На Днепре красные пытались переправиться в нескольких местах, но были отбиты. По неофициальным сведениям, наши оставили Бердянск. Сообщают, что большевики покушались на Махно, послав к нему под видом делегации нескольких матросов.

19.06.1920. Мы всё еще не можем выехать из этого Джанкоя. Станция страшно забита, чуть ли не до недели некоторые эшелоны ждут отправки на Мелитополь.

В боях с конным корпусом красных наши части нанесли ему большие потери. Захвачено было 8 орудий, но вывезти их не удалось и они были испорчены. На Ореховском и Александровском направлениях после упорных боев наши немного продвинулись, захватив 800 пленных. Этот конный корпус Жлобы двигался наперерез прямо на Мелитополь. Говорят, что Донцы в боях с ними проявляют чуть ли не чудеса храбрости: наносят ему громадные потери, но отбросить основательно пока не могут.

Вообще бои сейчас идут крайне напряженные и серьезные; от их исхода для нас зависит всё. По сводке от 18-го, красные силами более 2 конных бригад, поддержанных артиллерией и броневыми автомобилями, с рассветом перешли в наступление на Мариупольском направлении, но нашей конницей были отброшены, причем нами захвачено 3 орудия, пулеметы и пленные. Решающее значение в этом бою сыграли наши аэропланы, которые забрасывали бомбами колонны противника. На Александровском и Ореховском направлениях нами захвачены 2000 пленных и 8 пулеметов. На Днепре красные переправились было даже на наш берег, но были отброшены; взято 9 пулеметов и пленные.

Получил интересные сведения о том, что красные до начала нашего наступления ни минуты не сомневались в том, что они очень скоро возь-

мут Крым. В Мелитополе уже находились присланные из Москвы ревкомы, губпродкомы и пр. Симферополя, Евпатории, Керчи, Севастополя и вообще вся военная, гражданская, административная и прочая власть будущего советского Крыма. Положение этой будущей неудачной власти в данный момент весьма занято.

Наша мобилизация идет очень успешно. Как мне передавали люди близкие к штабу, мы начали наступление, имея в армии 40 000 бойцов. Теперь же у нас насчитывается до 75 000. Считая, что мы понесли больше 7000 потерь, выходит, что армия увеличилась в 2 с половиной раза. Крым в данное время основательно укрепляют: срывают большевистские укрепления, на наших позициях ставят проволоку, минируют Сиваш, устанавливают много тяжелой артиллерии, продолжают на Перекопе постройку жел. дороги Джанкой–Юшунь. Создается крепость, в которой всегда можно будет «в случае чего» задержаться. Врангель очень много работает, объезжает фронт, побывал всюду, был даже в Бердянске и находится сам в Мелитополе.

20.06.1920. Просидели еще день в Джанкое. Жара страшная, в товарном вагоне прямо невозможно обрестаться. Нашли душ в железнодорожной бане и по несколько раз ходим туда оживать и освежаться. День проходит в том, что мы торчим или в бильярдной, или в кофейной. И с этим положением уже свыклись. Вечером прибыл санитарный поезд из Федоровки с ранеными. Везут раненых Дроздовцев и красноармейцев. Потерь в нашей дивизии за последние бои много. Видно, что война уже не та, которая была в прошлом году в это время, и кроме того, у красных здесь сил до черта, с многочисленной артиллерией и техническими средствами. Шутка ли: против нас 4 армии и конница. Нашу дивизию за последние дни замотали основательно, всё время тяжелые бои и переходики верст по 60 с одного фланга на другой. Правда, дивизию перебрасывают всё время на подводах, но и это не совсем легко. Всюду она исправляет положения. Один раз наши Дроздовцы отрезали 3 бронепоезда, другой раз 2, но взять их не удалось, так как оба раза их спешно потребовали в другое место, а 34-я дивизия²⁰⁰ оба раза почти непосредственно за уходом наших отходила и освобождала путь бронепоездам.

Настроение у раненых бодрое: говорят, что конница Морозова²⁰¹, которая работает вместе с нашей дивизией, дерется и работает восхитительно. Захватили советский аэроплан, который спускался между нашим и большевистским расположением. Теперь для ликвидации конной ударной группы красных, которая очень сильна и сильно нам мешает, двинули с Днепра Корниловскую дивизию на помощь к нашей, которая пошла на Б. Токмак.

В последних боях у нас в батарее убиты телефонист Яшкин и капитан Вильман. Страшно жаль мне старика; пробыл японскую кампанию, всю германскую войну и в Добровольческой армии с начала 1918 г., куда он прибыл из Петрограда. Он был один из храбрейших наших офицеров

и мне очень нравился, хотя многие находили его несколько ворчливым. Беднягу совершенно разорвало на наблюдательном пункте снарядом, который угодил ему прямо под ноги.

21.06.1920. По официальному сообщению, вчера совершенно разбита ударная конная группа Жлобы. Захвачен весь обоз, 200 пулеметов, 41 орудие, 2 броневедомоцикла, штаб конной дивизии в полном составе, много комиссаров, автомобили (в том числе автомобиль самого Жлобы), мотоциклы, радиостанция, большое число тачанок, лошадей, седел, патронов и 3000 конных пленных. Всё поле на 50-верстном пространстве усеяно трупами людей, лошадей и брошенной добычей. Значение этой победы невероятно велико. Дело в том, что красные собирались ликвидировать всю нашу армию. Они нажали по линии Днепра и перешли было через реку в некоторых местах внушительными силами под прикрытием огня 20 орудий. Со стороны Александровки наступала группа в 12 тысяч товарища Федько, которая должна была приковать к себе наше внимание и силы, а в это время в районе Б. Токмака конница Жлобы силою в 18 полков (7—8 тысяч сабель) должна была прорвать фронт, заняв Мелитополь, и ринуться отсюда на Перекоп и запереть нас. Часть этой конницы в ночь на 19-е хотела занять ст. Лихтенау (один пролет от Федоровки) и ввалилась туда ночью, думая, что наших там нет, так как в это время эта конница была уже у нас в тылу, но там ночевала целая Корниловская дивизия. Поднялся переполох, в результате которого красные удрали, бросив 2 пушки. Прорвав фронт между Слашевым и Донцами, Жлоба очутился южнее Б. Токмака и восточнее Мелитополя. В ночь на 20-е туда двинули нашу дивизию, Корниловцев и Морозова.

Интересно, что в ту ночь, когда двинулись красные со всеми предосторожностями и не курая, наши также тихо, не курая, обходили их и обошли со всех сторон. На рассвете их атаковали Корниловцы, к этому времени красные уже знали, что они окружены. После первого сдвига они бросились на 3-й полк нашей дивизии, затем на 2-й, на 1-й, а оттуда уже почти в полном беспорядке на 13-ю дивизию²⁰², но тут их в оборот взяли бронепоезда. Нужно заметить, что почувствовав, что дело скверно, они начали галопом носиться по замкнутому кругу, причем их везде встречали огнем и кроме того пехота на тачанках выходила им всё время наперерез и стягивала таким образом кольцо. Довершили это дело Марковцы. Окончательно измотав лошадей, они начали соскакивать, с целью пробиваться, но и это им не удалось. Говорят, что была роскошная картина, когда конница вместе с артиллерией носилась, не стреляя, по этому кругу. В районе 13-й дивизии висела наша «колбаса». Красные приняли ее за свою и направили свой обоз к ней. Таким путем Слашеву достался весь обоз всей этой группы красных длиною в 4 версты. В сводке почему-то ни слова не упоминается о нас и о Корниловцах, есть только упоминание о доблестной пехоте, но из кого она состояла не сказано, между тем эти 2 дивизии нашего корпуса сыграли в этом бою решающую роль. Эта победа

является не просто весьма крупным успехом, так как в случае неудачи мы могли бы потерпеть чуть ли не полный крах. Из занятых мест всё начали уже эвакуировать. Такого успеха командование даже не ожидало.

22.06.1920. По сводке 22 июня, крупные бои не прекращаются. За этот день в разных местах взято больше 2000 пленных и 4 орудия. Красные пытаются всё время перебраться через Днепр. В 16-х числах они заняли Каховку и собирались продвинуться и распространиться к югу. Теперь они переправились у Алешек и в других местах. По Днепру работает кавалерия Барбовича. Везде положение восстановлено, причем красным эти переходы обошлись довольно дорого. В настоящий момент небольшая часть их задерживается лишь в районе Корсунского монастыря.

В 4 часа дня, наконец, выехали из Джанкоя длиннейшим эшеленом, который без труда ташил американский паровоз. Здоровая штука эти паровозы, но, к сожалению, их у нас немного, и около 40 таких машин осталось в Новороссийске. Приятно было то, что при дневном свете проезжали через знаменитые Чонгарские позиции; жилые дома в этих местах основательно пострадали, станции тоже разбиты.

23.06.1920. Утром прибыли в *Мелитополь*. Здесь мы встретились с остальной нашей публикой, ожидавшей нас с пушками. Сюда же прибыл с фронта и командир, который принял меры к тому, чтобы мы не задерживались здесь, так как, по его словам, нам предстоит снова большая операция с окружением большой пехотной группы Федыко. Командир страшно возмущался, говоря о нашем джанкойском сидении, и собирается притянуть коменданта за это дело. Часа через три двинулись в Федоровку и там застряли до ночи. Ходили на аэродром. Один аппарат должен был лететь за 200 верст в тыл противника, и в тот момент, когда летчики уже сели, обнаружилось, что в бак по оплошности вместо бензина налили воду. Из разговоров летчиков узнал, что сегодня один аппарат сбросил несколько 7-пудовых бомб на кавалерию Морозова, убито было 8 всадников и несколько человек ранено. Говорят, что из штаба не дали точных сведений, почему и произошел этот печальный случай. Ночью выехали по Токмакской дороге на станцию Б. Токмак.

24.06.1920. Утром поехали из Б. Токмака обратно на ст. Полугород (Хальбштадт). Здесь мы выгрузились. Новых и неопытных солдат в батарее довольно много, ездовые не слажены. Это обнаружилось в тот момент, когда только хотели двинуться с места. Пушки в общем приличные и почти все получены за исключением ключей для разборки. Зарядных ящика у нас пока будет два в средних (2-м и 3-м) орудиях. Ужасно скверно с лошадьми; из-за отсутствия их у нас теперь нет в орудиях ни одной вещевой повозки. Все вещи офицеров и солдат приходится складывать на передке орудия, получается целая гора и, кроме того, всё это постоянно падает; в походе тяжело так перевозить вещи, а в бою совсем будет слабо. Со станции пошли в колонию Альт-Нассау, где стоял обоз 2-го разряда нашей батареи. Жара сегодня доходила до 40 с лишним, кроме того, всё

время приходилось ехать в сплошных облаках пыли: все прямо задыхались и от того и от другого. В Альт-Нассау более основательно пригоняли амуницию и почистили пушки.

25.06.1920. Утром пошли в колонию *Грюнталь*. Таким путем снова после долгих пертурбаций батарея очутилась целиком на фронте. На всем этом участке красных нет. После разгрома Жлобы они пробовали было напирать здесь, но затем предпочли довольно быстро убраться. Таким образом, не удалось окружить эту группу, как предполагалось раньше. Наши пока не будут продвигаться дальше. Похоже на то, что несколько дней будет у нас совсем спокойно, так как говорят о том, что Александровск оставлен красными.

Устроились мы здесь не совсем хорошо, так как пришлось разместиться в школе. Настроения жителей как-то не понять, но оно скорее благожелательное, чем враждебное. Немцы хорошо настроены. В Мелитополе должен был состояться крестьянский съезд для разработки земельной реформы и выборов волостных земств. Говорят, что крестьяне не явились совсем. Объясняют это пока неуверенностью и близостью фронта. Вообще, сейчас в деревнях не особенно работают над землей. Засевают такую площадь, которая только необходима самому хозяину. Причина этого — отсутствие лошадей и неуверенность во власти.

26.06.1920. Начали немного подучивать солдат обращению с английской пушкой; ездовые тоже во время конного ученья показали себя не особыми знатоками своего дела. Понемногу приучается публика, несмотря на то, что много солдат у нас теперь из пехотных частей. Согласно приказу Врангеля, вводится внутренний устав в полном объеме, и начинают подтягивать всех. Снова появилась переключка и общая молитва. У нас в батарее в связи с этим тоже пошли новые порядки, начинают развиваться цук и строгости; не похоже на то, что было в прошлых годах. Фельдфебелем батареи назначен полковник Петров, который с некоторым педантизмом принялся за исполнение обязанностей.

Начинается разворачивание наших частей. Из нашего 2-го полка ушли Самурцы, которые составляли батальон. Теперь они снова разворачиваются в полк. Вместо них во 2-м полку формируется батальон из пленных красноармейцев. Красных перед нами нет. Александровск и Орехов ни кем не заняты, туда заходила наша конница. Говорят, что там их сильно пугнул Махно.

27.06.1920. Так как наши дальше занимаемой линии не двинулись, то естественно, что красные начали возвращаться обратно и к вечеру вошли уже в соприкосновение с нами. На днях нужно ожидать снова серьезных столкновений. В этом отношении красные сильно навязчивы. Как их не бей, а только остановишься — они снова начинают лезть, не имея даже для этого достаточных средств и сил. Так было даже в прошлом году в период наших побед. Теперь же сил у них много для производства всяких махинаций и надоедливых операций.

После обеда всем была произведена прививка от холеры и брюшного тифа. После прививки случайно завязалась неудачная для меня игра, которая затянулась до ночи. Часа в 2 ночи раздалось несколько ружейных выстрелов в нашем селении, которые почему-то в нашем помещении произвели переполох. В этот момент я уже спал, но от того шума, который поднялся, довольно быстро проснулся. Главную суматоху поднял, конечно, по обыкновению подпоручик Соколовский, который в момент вылетел с вещами и в шинели на улицу. На этих 3–4 выстрелах всё затихло. Стреляли, как будто, один дозор по другому дозору.

28.06.1920. Плечо после прививки основательно чувствуется. Мало оригинального, если всю эту историю прививают в то время, когда стоишь на фронте, а не в резерве. Некоторые чувствуют себя неважно, вообще все остальные не могут нормально работать на позиции из-за боли в плече. Получены были сообщения о том, что в Гохгейме сосредотачиваются красные. 3-му полку генерала Манштейна приказано ночью выбить эту компанию оттуда. 3-й полк пополнился основательно красноармейцами, которые составляют в данный момент почти половину его состава. По словам самого Манштейна, полк много потеряли в боевом отношении из-за этого. В особенности при ночных операциях эти бывшие красные сильно поддаются панике. Кроме того, некоторые убегают время от времени к красным. Прямо не понять, что их туда тянет. Этой ночью тоже несколько человек перебежало к красным и сообщило о предстоящей операции.

29.06.1920. На рассвете Манштейн подошел к Гохгейму и был сразу же встречен сильными ружейным и пулеметным огнем (красные были предупреждены). Несмотря на это ему удалось ворваться в колонию, но сейчас же было замечено, что красная кавалерия обходит справа. Пришлось 3-му полку отходить под сильным артиллерийским огнем. Когда он отошел к Гейдельбергу, то оказалось, что кавалерия уже заняла его. Манштейну пришлось выбивать ее оттуда. Операция в общем окончилась неудачей. Положение осталось прежним. 3-й полк потерял 103 человека. Был убит командир батальона, около 40 попало в плен, а 25 осталось на полях сражения, а остальные ранены. Как видно красные располагают здесь опять не совсем слабыми силами. В газетах от 20-х чисел помещены воззвания командиров повстанческих отрядов Савченко и Яценко (отряд имени батьки Махно), в которых они призывают к борьбе с советской властью вместе с нашей Русской армией.

30.06.1920. На рассвете красные атаковали Гейдельберг и после не продолжительного боя заняли его. 3-й полк сматывался довольно быстро: не всё успели вывести. Около 6 часов мы подготовились к выезду на позицию, а часов в 8 приказано было двинуться, чтобы поддержать 3-й полк и помочь ему восстановить положение. На правый фланг ожидался отряд кавалерии в 400–500 сабель генерала Агоева²⁰³, который должен был обойти справа Гейдельберг. Около 9 мы стали на позицию у бугра против

Гейдельберга. Красные успели уже достаточно близко подойти к этим буграм и залегли шагах в 200 от наблюдательного пункта нашей батареи в кукурузе. Занятно то, что красные уж очень смудрили; они залегли перед кукурузой так, что половина корпуса лежала в кукурузе, а ноги на дороге. Благодаря этому они ничего не могли перед собой видеть и не обстреливали наблюдательный пункт ружейным огнем. Открыли мы огонь на прицел 12—10 и за день достаточно основательно надоели красным, выпустив по ним 179 снарядов. Несколько раз появлялся броневомобиль, но нашим огнем он неизменно заворачивался обратно. Несколько снарядов махнули по своему броневнику «Иван Сусанин», который работал с 3-м полком. Странно то, что командира не предупредили об этом; сказано было только, что у красных в этом районе 4 броневика.

Агоев подошел значительно позже полудня, но встретив значительные силы и слегка порубив красных, вернулся в с. Монталь. Ограничился день сегодня исключительно артиллерийской перестрелкой. Позиция была вполне закрытая, благодаря чему красным не удалось нас нащупать, несмотря на то, что каждый выстрел поднимал облака пыли. Наблюдательному пункту досталось основательно: красные обкладывали его, почти не переставая. Снялись после наступления темноты и ушли в Грюнталь. Лошадей не распрягали, и все спали в парке на улице. Вообще все почему-то ожидали «гермидера». По колонии всю ночь, то туда, то сюда двигались обозы. Около 2 поднялась какая-то стрельба, после чего всю артиллерию и обозы стянули версты на 1,5 от колонии по дороге на Розенталь. Но всё было спокойно.

1.07.1920. Руководил всей этой операцией генерал Кельнер; он просил прибавить еще кавалерии, а если этого нельзя, придать генералу Агоеву броневомобиль, но и в этом было отказано. В шесть мы проехали через Грюнталь на старую позицию. Вчера можно было совершенно спокойно ездить по всему полю — от нашей колонии до позиции батареи — даже с пушкой (под вечер поочередно приходилось отправлять в колонию по одному орудию для того, чтобы попоить лошадей) сегодня же у красных, очевидно, появился новый добавочный наблюдательный пункт, и они успели обложить батарею при выезде на позицию. Почти одновременно с нашим первым выстрелом начался справа бой у 3-го полка, который подошел уже к Гейдельбергу. В 9 часу всё оттуда летело, а батарея наша крыла беглым огнем по отступающим. 3-й полк занял Гейдельберг, захватив 280 пленных и 4 пушки (перед самым началом боя красная батарея повела лошадей поить и не успела благодаря этому сняться); 2-й двинулся на хут. Коробочку. Батарея пошла туда же через Гейдельберг, где простояла около получаса. Жители передавали, что от огня нашей батареи красные понесли громадные потери, в особенности много было ранено шрапнелью, а одной из гранат сразу захватило 18 человек. Граната с замедлителем по-прежнему производит на красных ошеломляющее впечатление. Дальше бугров за Коробочкой наши не двигались. Вторая

позиция батареи была у хутора, но оттуда было произведено только несколько выстрелов по появляющимся конным. Часов в 7 мы оставили хутор и пошли через Гейдельберг обратно в Грюнталь на старые квартиры.

Линия фронта осталась прежней. Сегодня мы снова выпустили 172 снаряда. Последнее время стали ограничивать ежедневный расход снарядов. Полагается по 80 на орудие. Это распоряжение ставят в связи со взрывом в Килен-бухте <в Севастополе>, промежуточного артиллерийского склада, в котором взлетело на воздух до 80 000 снарядов. С назначенной нормой довольно трудно мириться, если указать, что большевиков здесь немало и дерутся они довольно упорно. Гейдельберг теперь занимала особая бригада 34-й советской дивизии в составе 73-го, 79-го и 299-го полков, при 10 орудиях, 1 броневтомобиль, 2 приспособленных грузовиках. В ротах по 90–100 штыков; среди этих частей говорят жители, много коммунистов. За эти 2 боя у красных выбыло из строя не меньше 1500 человек.

2.07.1920. Казалось, что сегодня день будет спокойный, так как красные потрясены достаточно. Но получилось несколько иначе. В 10 с половиной обозначилось и началось их наступление на Гейдельберг. Около полудня пришлось и нам выехать, так как к буграм севернее Андребурга и Грюнталья начали подходить цепи красных. Вчера, как оказывается, прибыли к красным свежие части, главным образом Оренбургские казаки, которые служили у Колчака в свое время, а затем попали к красным в плен и теперь направлены против нас. Выехали мы снова на старую позицию, но фронт батареи построили градусов на 70 левее первоначального направления. На этой позиции скоро нам нечего стало делать, так как 3-й полк почти самостоятельно отбросил красных от Гейдельберга.

Часа в 3 с половиной мы двинулись влево на помощь 1-му полку, который под давлением оставил Эристовку и Карачекрак. Мы подошли к Эристовке как раз вовремя. Сейчас же была рассыпана наша пехота, которая перешла в контратаку одновременно с началом нашего артиллерийского огня. Довольно быстро красные побежали; только с самого начала боя в этом месте на батарею летели пули. Красные крыли сегодня тяжелыми, но, не затронув батареи, сильно напугали подводчиков. Первый взвод батареи остался и продолжал стрелять, а 2-й рысью пошел влево и вперед и выкатился сначала на открытую позицию, но по приказанию командира был поставлен шагах в 500 сзади на закрытую. Красные были отброшены за дальние бугры, наша пехота 2-го полка заняла Эристовку, а 1-й полк примерно в это время выбил красных из Карачекрака. Вскоре подошел на эту позицию и 1-й взвод. Положение 1-го полка было восстановлено полностью.

По железной дороге наши тоже отбросили красных, об этом можно было судить по двигающейся вдоль дороги нашей «колбасе». На правый фланг нашего 2-го полка красные основательно нажали, но с помощью огня 4-й батареи, стоявшей в 1,5 верстах правее нашей пехоты, удалось «пихнуть» наступающие цепи на 3-й полк в сторону Гейдельберга. Часов

в 21 мы присоединились к 4-й батарее; как оказалось, красным удалось снова занять Гейдельберг. Сначала собирались брать его ночью, но потом это было отменено.

Ночью лошади опять были запряжены и все люди спали в парке в Грюнтале, но и этот раз всё было спокойно. Вновь сформированный 2-й батальон 2-го полка, и составленный исключительно из пленных красноармейцев, работал сегодня замечательно; командир полка благодарил даже их. Новые наши пушки работают не совсем хорошо, всё время неисправности — то в замке, то в механизме. Подгонка и приточка частей весьма скверные. Наши старые, брошенные в Новороссийске были лучше. Выпустили мы 143 снаряда.

3.07.1920. По приказанию командира корпуса группе генерала Бабиева было приказано ликвидировать действующую против нашей дивизии группу. В 4 утра генерал Бабиев вышел из Михайловки, в эту группу входили 5 полков конницы Морозова и 2 полка Бабиева. Они должны были пройти между Карачекраком и Эристовкой, выйдя в тыл противнику, перейти через Блюменталь, Капани (верстах в 23 в тылу у красных) и спуститься к Тифенбруну. Одновременно с этим должен был наступать 1-й полк, наш 2-й, 3-й на Гейдельберг в лоб, а конница Агоева должна была пройти правее Гейдельберга через Ниж. Куркулак, Вальдорф и выйти на бугры у Тифенбруна.

Нашему полку вместе с нашей и 4-й батареями приказано было занять Эристовку, выдвинуться несколько на север и прогуляться через Барбараштадт, Лесную, Гохгейм и, пройдя мимо Тифенбруна, через Гейдельберг вернуться на старое место в Грюнталь. Таким путем мы обходим красных по двум соприкасающимся в конце полуокружностям, причем радиус кавалерийского обхода раза в 2 с половиной превосходит наш.

В 7 утра мы столкнулись уже с выходящими из Эристовки красными. Опоздай мы на 15 минут, и было бы неважно, так как они успели бы выйти на наши бугры, и то они обстреляли ружейным огнем нашу пехоту, пока она еще не успела развернуться. После короткой перестрелки, причем пули не особенно редко залетали на батарею (убита была лошадь, возившая кухню с водой, и ранен легко поручик Зиновьев), пехота бросилась с криками «ура» на красных. Эристовка была занята, и наши начали выдвигаться на следующие бугры. В это время видно было, как слева пошла наша кавалерия. Первый взвод выехал вместе с 4-й батареей вперед на бугор, а 2-й пока остался, так как у Барбараштадта появились конные, по которым всё время стреляло 4-е орудие. Вскоре и наш взвод присоединился к общей колонне и все повернули направо. Влево от нового направления слышна была стрельба: это работала кавалерия. У Барбараштадта снова стали на позицию и обстреливали цепи красных правее этой колонны. Появлялся пушечный броневик противника, но мы своим огнем отогнали его. Красные развили сильный огонь по колонии, но через полчаса прекратили. С этой же позиции 1-е орудие обстреляло взвод

батареи противника, стоявшей в Гейдельберге и гвоздившей по 3-му полку (мы были уже в тылу Гейдельберга).

Вскоре мы прошли вправо от Барбараштадта на д. Лесная, тут баба жаловалась, что «коммуна производила сильное насилие над женщинами». Перед Гохгеймом стали еще раз на позицию, откуда снова 1-й взвод пошел вперед, а мы ждали пока пехота втянется в колонию. Около 18 часов вошли в Гохгейм, где простояли минут 15. Немцев здесь обобрали красные основательно. Один из жителей указал спрятавшегося комиссара, которого наши взяли с собой, чтобы расстрелять его на нашей территории, а не в этом месте, которое мы сейчас оставляем. Из Гохгейма мы пошли в направлении на Тифенбрун. Почти на повороте дороги на Гейдельберг еще раз вся батарея снова стреляла.

Непосредственно влево от нас была кавалерия Морозова, а на буграх против Тифенбруна — конница Агоева. Этим кончился, сегодняшний боевой день. Первый взвод менял сегодня 7 раз позицию, а 2-й — 4 раза. Выпущено было 325 снарядов. Из слов раненого командира 6-й роты я понял, что пехота была очень довольна работой нашей батареи. Пройдя через Гейдельберг мы около 23 часов возвратились на старые квартиры, пройдя с боями не менее 35 верст.

Кавалерия наша наделала красным герמידера в хут. Гладкий и других местах, там коммунисты стрелялись даже. В одном месте она ворвалась в гущу какого-то коммунистического и еврейского полков, которые оказали упорное сопротивление и были порядком порублены. Сегодня красные собирались наступать, но планы их основательно были расстроены этим маневром. Теперь наша кавалерия идет на правый фланг с целью ликвидировать конную группу, которая насаждает основательно на Донцов. Наша операция проведена была очень удачно: захвачено два бронепоезда, 4 орудия и около 3000 пленных. Интересно то, что в донесении в штаб дивизии 1-й полк весь успех операции приписал себе, по его словам Эристовку брали не мы, а 1-й полк.

Только теперь узнал, что командиры 1-го и 3-го полков генералы Туркул и Манштейн между собой в контрах после десанта в Хорлах. На обеде после этой операции Туркул неудачно сострил насчет того, что Манштейн сидел в тылу и взял себе чуть ли не всё пополнение. Это чуть не повлекло за собой серьезных последствий вроде дуэли; дело замяли, но вражда осталась.

4.07.1920. Читал, захваченные в Гохгейме «Красную Газету», «Бедноту», «Известия Московские» и «Правду». Стоимость газет не превышает 2 руб. (а у нас 200). Много сообщений относительно нас у них правильных, но зато тон и темы статей несколько, если не сказать больше, не соответствуют действительности. По последним сводкам, борьба Совдепии с Польшей, пока проходит успешно для первой. В центре и на юге Польского фронта красные продвигаются: занят город Ровно, Могилев-Подольский, Летичев и пр. В общем, они продвинулись верст на 350.

В данный момент у Совдепии 4 фронта: Северный (не знаю с кем), Западный (польский), Южный (наш) и Кавказский (тоже не знаю, что они под этим понимают: должно быть повстанцев, которые там располагают внушительными силами, занимали даже Армавир, Гулькевичи, Минеральные Воды, но теперь оттеснены к Святому Кресту). С японцами у них, по-видимому, давно уже нет военных действий. Теперь они снова начинают кричать про Южный фронт и посвящают ему много статей, вроде «Смотрите в оба за бароном», «Удесятерим усилия и на этот раз не только разобьем, но уж совсем добьем».

В 4 часа дня всем была совершена вторичная прививка от холеры и брюшного тифа. Удивительно то, что боли собственно никакой, а солдаты почему-то основательно ее боятся.

5.07.1920. Всё время идут разговоры о том, что нас сменяют Марковцы; сначала говорили 2-го числа теперь 5-го, но пока ровно ничего не слышно. На этих днях перебежал к нам полковник Генерального штаба Попов, который сообщил, что Буденного разбили на польском фронте. Относительно Жлобы он передал, что от него осталось 1000 пеших, 500 конных, 3 орудия и 40 пулеметов. Жлоба арестован, а остатки его находятся в районе Иловайской и думают снова формироваться, для чего какая-то депутация выехала на Кубань «нанимать». Часа в 3 дня снова было приказано не расходиться и быть готовыми к выступлению. Из штаба полка было сообщено, что на Эриванку снова наступают красные. В действительности они не наступали, а вошли только в не занятый нами хут. Гладкий и, желая войти в соприкосновение, высунулись оттуда и сейчас же отошли обратно в Гладкий, как только их обстреляли. Вечером выяснилось, что завтра, если не будет никаких боевых действий на нашем участке, нас сменят.

6.07.1920. Ждали Марковцев часам к 3 дня. Их сменили Слащевцы, стояли они на берегу Днепра и вчера еще прибыли и Бурчатск, в 12 верстах западнее Грюнталя. Но они не особенно-то торопились. В 6 часов вечера мы все вытянулись из колонии по дороге на ст. Мунталь, но Марковцев всё еще не было. Пролетел довольно высоко красный аэроплан и, увидев нашу колонну, пострелял немного из пулемета; довольно жалкими и смешными показались эти выстрелы с такого расстояния. Наконец, часов в 10 вечера прибыли части Марковской дивизии (разведчики, квартирьеры их болтались уже часа 4 по нашей колонии). Говорили, что они здорово пополнились и подформировались, но этого не было видно. Они выделили, кажется, недавно часть бывшей Алексеевской дивизии. Артиллерия их дивизии тоже малочисленна: всего 10 орудий. Вид как батарей, так и полков их дивизий много слабее, чем наших «Дроздов». Похоже на то, что если красные основательно нажмут, то выставят их в два счета. Наконец, в 10 с лишним двинулись в сплошных облаках пыли; минутами прямо не хватало дыхания. Хорошо, что солнца уже не было.

7.07.1920. В 4 с половиной утра прибыли в колонию *Гоффенталь*; я лично за дорогу успел немного поспать на вещевой повозке. Квартир на батарею отведено только 12, причем разведчики, как всегда, главным образом позаботились о себе. До 11 примерно все спали прямо во дворе, а после отправились купаться в жалкий ручеек «реку Молочную»; я снял с себя всё и отдал верхнее платье выпарить, а то вшей уже успело изрядно развестись. День был исключительно жаркий. Много больше 40 градусов достигала сегодня температура, прямо не хватало духа ходить в английских толстых шерстяных носках. Пробовал послоняться босиком, но очень скоро от непривычки заболели следы. Вообще же я хожу, вследствие недостатка белья, в одном верхнем платье, но это от жары не спасает. Зато пыль легко всюду проникает.

8.07.1920. Утром начались обычные занятия. Стоянка, в общем, не из важных. Хорошо еще, что на нашей квартире удастся в достаточной мере получать цельное молоко, а то в этом Грюнтале приходилось пить только сепарированную жидкость. Вскоре появилось сообщение о том, что отряд полковника Назарова²⁰⁴ (туда вошло очень немного бойцов), высадившийся между Мариуполем и Таганрогом, успешно продвигается; захвачено около 400 в плен, кроме того к нему присоединяются добровольцы, благодаря чему он возрос до 2000 человек. На участке Донцов окружена конная группа противника силою до 1200 сабель. Здесь пока всё спокойно; наша кавалерия еще раз сделала прогулку по тылу противника в районе Гохгейма после того, как туда снова вошли красные. Жара по-прежнему держится невозможная.

9.07.1920. Утром начали полную разборку орудий, чтобы привести всё в порядок. Много пришлось повозиться, почти весь день ушел на это. Под вечер через Альт-Нассау прошла в направлении на Б. Токмак кавалерия генерала Бабиева и Морозова. В этом же районе сосредоточилась и кавалерия генерала Барбовича, которая теперь достигает 5000 сабель. Говорят, что в скором времени предполагается опять общее наступление. Кавалерия, на которую теперь обращено главное внимание, за это время основательно пополнилась. Формирование же пехотных новых частей идет как-то медленно. В настоящий момент по линии Днепра остались наиболее слабые части II корпуса Слашева и VIII сводный конный корпус (бывший Писарева), все же остальные переброшены на центральный участок в район Б. Токмака. Часов в 6 пошел приличный дождь и град, достигавший в нашем районе величины голубинового яйца. В Токмаке же он доходил до размеров куриного яйца; там градом убило даже теленка.

10.07.1920. Утром было конное ученье, а в 10³/₄ весь дивизион смотрел командир бригады генерал Ползиков. Как наша, так и 4-я батареи представились в приличном виде. Говорят, что в ближайшие дни мы выступаем снова на позицию. За последние бои во время этого наступления наша батарея получила серебряные трубы с лентами ордена Св. Николая. Из нашей бригады трубы получили следующие батареи: 1-я, 3-я, 7-я

и 2-я. Предполагалось раньше отпраздновать это событие, лишь только мы попадем в резерв; с этой целью заказано было даже несколько ведер самогону (больше ничего нет лучшего), но теперь мы в резерве и этого праздника почему-то не состоялось.

В командовании у нас предстоят перемены. Командир корпуса генерал Кутепов уходит и получает место помощника главнокомандующего. Наш начальник дивизии ген.-лейт. Витковский получает наш корпус, а нашу дивизию принимает генерал Кельнер²⁰⁵. Жаль Витковского, всё время после Новороссийского позора он замечательно работал, находясь почти всё время на позиции. Вообще после того, как все штабы были выселены из вагонов по приказу Главнокомандующего, командные лица стали довольно часто появляться на фронте, а то раньше старше командира полка никого нельзя было увидеть. Теперь всё время ездят автомобили и при них мотоциклетки для доставки донесений и связи.

11.07.1920. Утром снова были занятия для номеров при орудиях, а для ездовых — конное учение с передками. Начинают занятия у нас довольно поздно, так что жара нас слегка захватывает. Для иллюстрации температуры укажу на то, что колеса орудия и ящик рассыхаются. Работать тяжело. В 6 с половиной мы выступили в Н. Куркулак. Двинулась вся дивизия. Полки выходили с музыкой. Идем мы в район Орехова для того, чтобы совместно с конницей ликвидировать появившуюся там группу красных. Наша дивизия и кавалерия генералов Барбовича, Морозова и Бабиева составляют ударную группу, находящуюся в данный момент в подчинении у генерала Калинина, который заворачивает этой операцией. Около 10 пришли в Н. Куркулак. Подъем предполагается с таким расчетом, чтобы мы выступили до рассвета. На участке Корниловцев перешло на нашу сторону 350 человек, перебив своих комиссаров. За эти дни стояния в Гоффентале в 5-м полку было расстреляно 27 человек солдат из захваченных пленных: они оказались коммунистами и начали здесь вести пропаганду, но были выданы солдатами.

12.07.1920. В 5 с половиной началось наше движение. Впереди шел 1-й полк, затем 2-й, за которым следовала наша батарея, а сзади 3-й полк. Справа от нас двигалась кавалерия Морозова и Бабиева, а слева Барбович. На Орехов двигались мы со всех сторон, причем кавалерия охватывала его и с севера. Корниловцы и Марковцы (первые правее нашей группы, вторые левее) тоже должны были несколько выдвинуться. Красные вечером появились в Тифенбрунне, но к утру оказались на буграх за этой колонией. Тут и началось первое столкновение. После непродолжительного боя 1-й полк сбил их, и вся наша дивизия двинулась дальше. Против нас была только кавалерия красных, которая быстро и основательно смоталась. Не задерживаясь, мы заняли Блюменталь и Копани. Здесь красные Донцы оставили письмо, в котором говорили, что с нами они драться не хотят и собираются сдаться, причем просили не стрелять в них, так как они выйдут против нас только с шашками без винтовок. Это, в общем, довольно слабый аргумент.

После села Копани 1-й полк пошел влево на Ново-Андреевку и Ново-Павловку, а 2-й прямо — на Орехов. Было довольно странно, когда мы вошли в Орехов, не встретив сопротивления. Кавалерия вошла несколько раньше, заняв город после слабой ружейной перестрелки. Ожидали встретить здесь большие силы и серьезное сопротивление, а вошли в город почти без боя. Некоторые офицеры выражали по этому поводу недоумение и говорили в таком духе, что это со стороны красных ловушка. Двигались мы большим кулаком, и по первому впечатлению казалось, что этот удар пришелся по воздуху. Город настолько быстро переполнился войсками, что по улицам не особенно просто было пройти батарее. Поставя около часу в городе, мы перешли в село Преображенское. В 16 часов 2-й взвод стал на позицию против бронепоездов, которые подошли со стороны Полог к ст. Малая Токмачка и вышибли наши заставы из М. Токмачки. К наблюдательному пункту подъезжал полк Бабиева, но, поставя до темноты, снялся с батареями.

По словам Бабиева, сегодня захвачено до 3000 пленных. В Сладкой Балке захвачен большой обоз конницы Морозова. Жители радовались, что город занят был без боя. Говорили, что ночью часа 1½ шла в городе ружейная и пулеметная стрельба. Рассказывали, что крестьян настолько обобрали, что те собираются поднять восстание. Перед отступлением начальник милиции на улице убил подводчика, который отказывался ехать, так как он возвращался после месячного пребывания в подводах.

Вечером 3-й полк и конница Морозова пошли на Жеребец, который ими был занят без боя, чтобы совершить рейд на город Александровск. Конница Барбовича пошла прямо на запад на с. Щербаково, где сосредоточилась довольно приличная группа красных.

13.07.1920. Днем сначала всё было спокойно, а часов в 15 обозначилось наступление красных на Преображенское с востока и с юго-востока. Дело в том, что наша группа основательно выдвинулась на север в сравнении с левым и правым флангами нашего фронта. На буграх против юго-восточной окраины Преображенского рассыпался батальон 2-го полка. На краю деревни стала батарея. Слева и справа работала кавалерия Бабиева. Сначала кавалерия вскочила было в М. Токмачку, но там появился пушечный броневик противника, который вынудил ее отойти. Наши сегодня только оборонялись, так как все части, стоявшие в Орехове, играли роль заслона. Наша пехота с бугра не двигалась и участия в бою не принимала. Батарея стреляла немало по различным целям. Около 18 часов появился наш броневик «Свирепый» (здесь в данный момент 5 наших машин, причем две из них захвачены 9-го числа у красных, одна на участке Корниловцев, а другая на участке Донцов; как у той, так и у другой было разбито по колесу снарядом). Он прошел слева от батареи по ложине, сначала отогнал несколько цепей красных, но потом, по словам командира броневика, машина застряла и ее чуть не бросили. В общем, наши броневики работают из рук вон плохо, броневики же противника достаточно нахальны, работают здорово.

К вечеру положение осталось таким: красные занимали М. Токмачку, а наши по буграм поставили сторожевое охранение. Бабиев потерял около 30 человек ранеными и несколько убитыми. Ночевать батарея осталась в Преображенском. Сегодня под вечер пострадал наш аэроплан. На аэродроме собралась толпа любопытных зрителей, которые помешали ему спуститься как следует, благодаря чему он попал в канавку, сломал себе колеса и шасси. Летчик не пострадал.

У Щербаковки Барбович разбил сегодня Латышскую и Мадьярскую дивизии и взял в плен свыше 1000 русских. Бой временами достигал крайнего напряжения, Марковцы, которые выдвинулись к Щербаковке с целью облегчить Барбовичу задачу, по ошибке обстреляли артиллерийским огнем его кавалерию. Морозов с 3-м полком продвигается к Александровску, но подробностей о их движении нет.

14.07.1920. В 2 ночи начали оставлять Орехов. Как оказывается, красные окружили нас с трех сторон. Справа они потеснили Корниловцев, заняли Копани, Сладкую Балку, слева они снова заняли Жеребец. Так как при таких условиях защищать город, стоящий в долине, было невыгодно, то командир корпуса велел все части из него вывести на бугор к Ново-Андреевке. Двинулись мы по единственно свободному направлению: на запад, на Щербаковку, которую только вчера очистил Барбович, и остановились в поле, верстах в 4 от Щербаковки. Двигаться ночью было паршиво, ничего не было, а обозы почему-то старались «драпать» усиленным аллюром. Самое паршивое, когда боевой части приходится отходить вместе с обозами даже при совсем спокойной обстановке. Поврежденный вчера аппарат наши оставили в городе.

Около 9 часов утра красные тремя колоннами вошли в город и, начав продвигаться в нашу сторону, заняли Ново-Андреевку. Группе Морозова и 3-му полку приказано было отходить назад: они добрались уже было до ст. Камышеватки. После того как мы вышли из этого окружавшего нас полукольца, дивизии Барбовича и Бабиева были посланы в Копани. Двух дивизий оказалось слишком много, так один Бабиев выбил оттуда красных, захватив 800 пленных. Два полка его, увлекшись преследованием, продвинулись на 80 верст оттуда. Часов в 15 красные были выбиты из Ново-Андреевки, причем 1-й наш полк захватил 150 пленных. Около 17 часов вошли туда и мы, причем нас красные основательно обложили шрапнелью, когда мы уже остановились в деревне (меня чуть не угробили стаканом, который пролетел в $1\frac{1}{2}$ –2 вершках над головой).

Пройдя из Копани через Ново-Андреевку, кавалерия Барбовича пошла влево на ст. Жеребец; нам было приказано ночью атаковать город. В 22 часу батареи (наша и 4-я) вместе со 2-м полком выступили по направлению на Орехов. Батарея шла в 200 саженьях за цепью. Около 22 с половиной наши уже ворвались в город после короткой, сильной перестрелки. У нас в батарее ранен пулеметчик Кирилов. С криками «ура» 2-й батальон 2-го полка бросился на автоброневик противника, появивший-

ся в улице. Орехов и Преображенка к 11 с половиной были очищены от красных. С полчасика после этого бронепоезд красных крыл тяжелыми по городу. Как выяснилось, красные успели вывезти оставленный нами аэроплан, разобрав его по частям. Почему наши этого не сделали, не знаю.

15.07.1920. С утра бронепоезд красных открыл немилосердную стрельбу по городу, а часам к 11 обозначилось наступление противника, причем в момент они успели занять юго-восточную окраину Преображенского. Три орудия батареи стали сзади села, а 4-я пушка пошла со 2-м батальоном вышибать красных с опушки села (пушка наша имела специальную задачу бороться с бронеавтомобилем). Первоначально орудие стало на улице у последнего поворота (выдвинуться дальше из-за пулеметного огня бронеавтомобиля было мудрено). В направлении улицы мы сделали только два выстрела, после чего пехота выдвинулась на окраину села. Вскоре вправо на участке 1-го полка начал разыгрываться основательный бой. При поддержке бронеавтомобиля красные чуть ли не бегом приближались к станции. Я поехал к командиру батареи выяснить обстановку, так как в данный момент красные находились уже справа и сзади нас, но сейчас же 1-й полк перешел в контратаку и отбросил их версты на две от станции. Пока это всё происходило, 2-й батальон 2-го полка отошел от опушки и остановился на линии нашего орудия, которое мы поставили во двор и начали стрелять по бронеавтомобилю и цепям, действовавшим против 1-го полка. 2-м батальоном 1-го полка было приказано пройти за буграми и атаковать М. Токмачку, а один батальон остался на станции. Таким образом, между 1-м полком и правым флангом 2-го образовался прорыв. Нам снова было приказано занять опушку села, что мы и сделали часам к 16. Третье орудие в это время тоже отделилось от батареи и пошло влево вперед. Двигались наши пушки шагах в 300 от цепей и остановились почти у самой опушки. Здесь в продолжение получаса красные основательно обложили нас шрапнелью, причем некоторые разрывы приходились прямо по орудью. В момент переезда на это место обнаружилось исчезновение ездового нашего орудия Русакова, который пошел в сад за яблоками и не вернулся. Взят он был в плен под Хорлами. Возможно, что он перебежал к красным, но весьма вероятно, что его в саду могли сильно ранить или убить, потому что это место обстреливалось ружейным и артиллерийским огнем в достаточной мере.

Около 20 часов наша пушка начала обстреливать ложину правее бугра, напротив которого мы стояли, для чего мы стали в цепи в огороде крайней хаты. Красные скоро оттуда принуждены были уйти. Капитан Гудим пошел с 5 солдатами посмотреть убитых нашим огнем (хорошо было видно, как после выстрела падали), но красные справа пулеметным огнем не дали им особенно долго постоять на месте. Они возвратились, взяв у убитого и раненого две винтовки.

Когда уже основательно стемнело, красные снова полезли на нас; мы довольно долго отстреливались и остановили это наступление главным

образом огнем с самых близких дистанций нашего орудия. Пуль летало там весьма основательное количество. На нашем участке почти всё уже смолкло, как вдруг справа у 1-го полка поднялась здоровая стрельба чуть ли не в городе и много сзади нас. Из-за этого пришлось нам отойти снова, и снова красные начали входить в деревню. Минут через 20 сообщили, что 1-й полк восстановил свое положение, 2-й батальон пошел снова выбивать красных, которые с криками «ура» вошли в деревню, а наша пушка подошла и стала у штаба полка (осталось всего 10 снарядов). Вскоре 8-й батальон снова выбил красных и занял опушку.

Казалось, всё успокоилось, стрелял только бронепоезд противника по городу и переносил свой огонь всё дальше и дальше. Мы уже хотели было войти в город на квартиры (было уже больше часа ночи), как вдруг там опять поднялась стрельба и выяснилось, что относительно 1-го полка штабу 2-го ничего неизвестно. Тут к штабу 2-го полка подъехала танка красных, великолепно слышны были разговоры «товарищей»; ее обстреляли, и она ускакала. Через некоторое время раздалась песня «товарищей», из которой я ясно разобрал несколько фраз: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...» «Красное знамя труда». Ничего нельзя было понять, но впечатление осталось огромное. Мне лично показалось, что 1-й полк оставил город, и красные входят туда с песнями. Через некоторое время опять стрельба, мотив «интернационала», и наконец, вдруг песнь Дроздовцев, и опять стрельба. Ничего нельзя было понять. Второй полк оттянули снова немного назад и передвинули вправо и ближе к 1-му полку. Оказалось, что в этот прорыв прошла часть красных, и бой развился на улицах города. Наступали со стороны красных курсанты Владимирского, Павловского, Александровского, Алексеевского и Петергофского училищ, в общем до 150 человек.

За ночь 1-й полк выдержал 5 атак, причем 2 раза сходились и дрались штыками (были раненые штыками). Красные бросились с криками «смерть дроздовцам», пели «интернационал» и нашу песнь с извращенными словами: «Мы смело, в бой пойдем за Русь трудовую и всех дроздов убьем, мы дрянь такую». Генерал Туркул стоял среди роты своего полка и говорил: «Жаль, нет оркестра, а то я сыграл бы им». Всю ночь до рассвета продолжалась такая история, причем 1-й полк выпустил до 100 000 патронов, стреляя много выдержанными залпами. Таких яростных атак что-то не бывало очень давно.

Батарея отходила на ночь в Ново-Павловку, и мы с нашим орудием часа в 4 утра пошли было туда кругом, так как через город, ввиду невыясненной обстановки, не было смысла идти, но пройдя мимо нашей заставы, вернулись обратно, так как не рискнули ехать по тем полям, которые не были заняты нами, и остались на ночь в *Преображенском* в 1 версте от города.

16.07.1920. Утром 2-й полк снова занял с боем опушку Преображенского и правым флангом соединился с 1-м. Таким образом, все просочив-

шиеся в город красные и не успевшие уйти, теперь уже потеряли эту возможность. Сегодня они пробовали наступать слева, но были остановлены. Батарея работала повзводно. Около 19 часов кавалерия Бабиева, пройдя через Омельник, Блюменфельд вышла в тыл М. Токмачки и устроила красным гермидер. Захвачено около 800 пленных и много было порублено. В Белой армии, за исключением может быть единичных случаев, попавшихся красных коммунистов не мучили, как и других. Курсантов ушло не больше 300 человек. В районе вокзала их осталось до 130 трупов. Почти всех их расстреливали, даже раненых. Трепанули их основательно. Наши смеялись, говоря, что произвели их всех в красные офицеры. М. Токмачку наши заняли, а эта группа унеслась в район ст. Пологи.

Жителям за эти 2 дня досталось основательно. Только в Орехово, не считая Преображенского, убито около 300 мирных жителей и разбито больше 150 домов. Вот и радовались они, что 12-го мы без боя вошли в город. Наши потери сравнительно невелики: не считая конницы, мы потеряли до 180 человек. Есть сведения, что отряд полковника Назарова возрос до 10 000 человек и занял уже несколько дней назад ст. Матвеев Курган.

17.07.1920. В 18 часов неожиданно вызвали на позицию. Теперь с севера и запада наседали кавалерия красных. Счастье, что она подошла после того, как восточная группа красных вчера была ликвидирована. Сегодня стрелять приходилось в диаметрально противоположном направлении сравнительно со вчерашним. Обнаружены они были несколько поздно, так как они успели вскочить в Преображенское (северо-западная окраина) раньше, чем стали на позицию, но их оттуда быстро выкурили. Слева они нажали на Ново-Павловку и слегка поколотили Морозова, который доносил, что отбивал атаки 7-ми полков. Не столько конница, сколько 4 броневедомости заставили Морозова отойти. Ему не повезло в том отношении, что его обстреляла 2-я батарея, когда он выходил из Ново-Павловки (2 убитых и 17 лошадей). Прямо возмутительно, что высшие командные лица не посвящают как следует в обстановку артиллерийских начальников. От этого всё и получается. В особенности трудно сейчас ориентироваться, не имея точных данных, если мы защищаем Орехов за эти дни уже с 4-й стороны. Справа, из Блюменфельда, должен был выйти в тыл красным Барбович и Бабиев. Барбович вел вечером там бой, захватил 9 орудий, многих порубил и, сославшись на усталость коней, вернулся обратно. Перед нами красные держались пассивно. До вечера мы стояли под ружейным огнем и понемногу постреливали. С темнотой ушли на квартиру, но лошадей не разамунчивали и спали все в парке. Обозы все ушли из города, и мы остались без кухни и без еды. Предполагается небольшой отход с чисто маневренной целью.

18.07.1920. Появившаяся перед нами конная группа противника состоит из 3-х конных дивизий 2-й конной армии. Ночью нашей дивизии совместно с кавалерией приказано было окружить в районе Жеребца эту

группу и уничтожить. Около 4-х утра мы двинулись в Преображенское, где этот приказ почему-то отменили, и мы расположились всей батареей около церкви. Разведчики наши были посланы на место вчерашней схватки Барбовича с этой красной конницей. Они привезли оттуда повозку с русскими снарядами. Больше ничем поживиться не удалось, так как всё было уже подобрано. По их словам, осталось много порубленных трупов. До сих пор еще стоят там 2 задних хода зарядных ящиков со снарядами и около них 12 порубленных артиллеристов валяются невдалеке. Зарублены 2 женщины, бывшие ездовыми в этой конной батарее.

Около 12-ти получено было приказание от комдива стать на позицию, так как со стороны Жеребца начала показываться конница противника. Батарея стала, но, простояв около часу, снялась, так как всё было спокойно. До 21 часа все спали у церкви. Хотели было идти на квартиры, как вдруг со стороны Омельника появилась конница с автоброневиками. В один момент высыпала пехота и наша батарея, которая стала повзводно. Мне эта картина страшно понравилась. Четвертое орудие было вызвано вперед и прямой наводкой начало хлопать по броневнику. За каких-нибудь 15 минут всё было ликвидировано, после чего мы опять стали на место. Около 22 с половиной часов раздалась очень близкая пулеметная стрельба, причем много пуль пролетело через батарею. Сейчас же на дорогу выкатили 1-е орудие, которое, не задерживаясь, ахнуло на звук пулемета гранатой. Пострелял пехотный пулемет, и снова всё стихло. Оказалось, что 2 или 3 автоброневика противника подошли в сопровождении мотоциклета вплотную к селу. Увидев, что это особого впечатления на нас не произвело, они ушли назад. Мотоциклист, должно быть, был ранен, так как машина была брошена и взята нашим полком. Для предупреждения подобных случаев на опушке деревни всю ночь поочередно дежурили орудия нашей батареи.

Перед наступлением темноты, когда мы отбивали кавалерию, вправо уже шел бой: это Барбович и Бабиев пошли в обход, на Жеребец. Ночью и мы должны будем выступить туда же. После полуночи начался основательный дождичек, временами переходивший в ливень.

19.07.1920. В 3 с половиной мы двинулись на Жеребец. Туда пошла по сходящимся дорогам вся дивизия. Первый полк пошел левее по ту сторону, Барбович заходил по радиусу верст в 15, а Бабиев еще севернее. На рассвете мы подошли к Жеребцу, но там всё было спокойно и как будто пусто. Получалось снова впечатление удара по пустому месту. Начдивизии остановил даже движение 1-го полка. Еще вчера сообщали, что кавалерия противника принимает вправо, по-видимому, на Пологи. За медлительность действий кавалерии отставили генерала Калинина, и теперь вместо него генерал Бабиев командиром корпуса и всей этой группы.

Вскоре было замечено, что справа в Орехов движется какая-то группа конных. Оказалось, что это красные, мы их быстро рассеяли. Около 8 часов начался бой севернее Жеребца. Второй взвод выехал вперед и от-

крыл огонь. Я ходил на наблюдательный пункт посмотреть на этот кавалерийский бой. Пришел я туда тогда, когда всё смешалось и видно было только, как сверкали на солнце шашки. Жаль, что 1-й полк был не вовремя остановлен, но должен был выйти наперерез этой отходящей коннице красных. Очень скоро всё кончилось. Конницей Барбовича взяты были 3 автоброневика, 4 грузовых и 2 легковых автомобиля, 3 легких орудия, 2 гаубицы, 3 зарядных ящика и больше 1000 пленных. Первым бросился в атаку Павлоградский эскадрон²⁰⁶, который вел сам Барбович. Сначала красные опешили и начали удирать, но увидя, что за ними гонится очень мало (главные силы были еще далеко), остановились и начали теснить этот эскадрон назад, пока не подоспели остальные. Благодаря этому эскадрон потерял около половины своего состава (до 30 лошадей и всадников).

В 12-ть мы были уже в Жеребце. Селение очень большое: около 4000 дворов, 2 церкви, заводы, банк, театр, электрическое освещение. По другую сторону реки Конской — селение Аул. Сначала мы стояли в селении, а часов в 16 разместились по квартирам; выяснилось, что дальше сегодня не пойдем, а на рассвете двинемся на Александровск.

Прочел несколько сводок, а то не имел понятия, что делается на других участках фронта. 15 июля на Мариупольском направлении разбита 40-я дивизия красных; взято свыше 1000 пленных, 7 орудий, 2 ящика, 35 пулеметов. В этот день на фронте Корниловской дивизии убит командир 2-го Корниловского полка полковник Пашкевич²⁰⁷ — создатель полка. По сводке от 18 июля, 17-го числа в Верхне-Токмакском направлении разбита 42-я советская дивизия. Наши части прорвались там в тыл этой группы и вышли на ст. Семеновку. Захвачено 4 бронепоезда: «Троцкий», «Большевик», «Красноармеец» и «№ 94», 3 поездных состава, 800 пленных, 3 орудия, 17 пулеметов. Относительно десанта полковника Назарова имеются такие официальные сведения: он занимает район Неклиновка—Иловайская, причем отряд его возрос до 10 000. Говорят, что он пойдет на Звереве. Недавно высажен снова десант на Тамани, который успешно продвигается.

20.07.1920. Около 5-ти двинулись на Александровск, до которого 40 верст. Шли через Дарьевку, Камышеватку, колонию Ново-Александровку. В районе Жеребца и Дарьевки видны были следы работы наших аэропланов: по дороге целыми группами валялись убитые бомбами лошади. Вообще жители говорят, что наших аэропланов красные боятся, и они действительно наносят им серьезные потери. 14-го числа, о чем я забыл упомянуть, 7 наших аэропланов навели целую панику в Орехове вечером и отогнали бронепоезда. В этот день интересно было видеть сразу 9 аппаратов: 7 наших над Ореховом и 2 красных над нами; и те и другие бросали бомбы. У ст. Камышевка 4 аппарата красных навалились на конницу Морозова; бросили они много бомб, но попала только одна, от которой пострадало 23 всадника и 6 лошадей.

Некоторое время поезда обстреливали гору, по которой нам нужно было подыматься, но конная батарея их довольно быстро спугнула. Той группы, которую нам приказано было разбить у Александровки, там не оказалось, и после непродолжительного слабого боя красные оставили *Александровск* <в наст. время — Запорожье>. В 5 с половиной дня мы вошли туда. На главной улице подошел почти к самой батарее оркестр мастерских Южных дорог и, спросив можно ли нас встретить музыкой, сыграл что-то вроде марша. Вообще красные тут сильно надоели. Из заводов они вывезли все станки, и оставили рабочих без заработка. Цены тут страшно высокие. Недовольных советской властью страшно много. К нам относятся хорошо. Очень хорошее впечатление произвела на жителей общая молитва после поверки. Одна старушка подошла ко мне и сказала: «За то спасибо, хорошо, что Бога не забываете».

Конница Барбовича ушла куда-то далеко; связи с ней нет. Теперь получился уже настоящий удар по пустому месту, противник выскользнул, и ничего не удалось захватить. Прогулялись сюда совсем зря, так как вообще удерживать Александровск за собой не будем.

21.07.1920. По сведениям из частных источников и по сообщению советских газет, Ростов и Новочеркасск занимают повстанцами. Относительно Польши есть сведения, что поляки предлагали мир Совдепии, на что якобы Троцкий ответил, что о мире он будет говорить из Варшавы. Кажется, французы собираются помочь Польше живой силой. Немцы на границе выставляют два корпуса с тем, чтобы соблюдать нейтралитет (красные подходят уже в некоторых пунктах к границам бывшей Российской империи). Вообще, как я узнал, жалеть Польшу особенно не следует. Она повела наступление не в целях борьбы с большевиками, а с целью сделать территориальные приобретения, другими словами, объявила войну не Совдепии, а России. К русским там относятся крайне скверно. Отряд Бредова был ими разоружен, посажен в карантин, который затем превратился в концентрационный лагерь (эти сведения являются теперь официальными). И только недавно, когда положение Польши пошатнулось, она выпустила отряд Бредова, который направляется в Крым. Часть его уже выгрузилась в Севастополе. В этом смысле я доволен, что Польшу кололят: не извлекай себе выгоды из слабости другого.

Под вечер стало известно, что в 10 часов вечера мы оставляем Александровск. Наш обоз несколько обогатился: достали несколько повозок и двуколок казенного образца. В 20 часов батарея начала двигаться. Мы вышли за город и ожидали до 22 часов полка. По городу пошли слухи, что Жеребец и Орехов заняты снова красными. В военных кругах относительно этого сведений нет никаких. Вообще стало как-то странно: никто ничего не знает. Несмотря на запрещение у нас в дивизии до сих пор практикуются уличные мобилизации: останавливают прохожих подходящего возраста и забирают в полки. Так было и теперь. Набрали немного, но разговору получается слишком много и, кроме того, на жителей такая частич-

ная самочинная мобилизация производит невыгодное впечатление. Генерал Туркул забрал даже оркестр, который нас встречал, вместе с людьми и инструментами. Это испортило всё хорошее впечатление о нас. Нужно заметить, что встретили жители нас очень хорошо и радостно.

22.07.1920. В 11 с половиной пришли в Жеребце. Никаких большевиков тут не оказалось. Говорят, заехала только конная разведка в несколько человек. В Орехов как-то въехала кухня красных в полной уверенности, что город занят ими.

Весь день спали. Эти ночные походы дают себя чувствовать. В штабе Конного корпуса появились германские офицеры. В Севастополь прибыла германская миссия, и в связи с этим пошли разговоры о помощи немцев и новой ориентации. Вечером взорвали мосты, также как и в Александровске вчера. Говорят, что отойдем на прежнюю линию Васильевск—Карачевск—Эристовка—Гейдельберг—Нижний Куркулак—Б. Токмак.

Прилетал аэроплан красных, сбросил несколько бомб и улетел. Вечером после общей молитвы подошла ко мне баба и сказала: «Вот хорошо, прямо приятно». Религиозное чувство еще живет в нашем народе.

23.07.1920. Около 8 утра все части начали уходить из Жеребца на Орехов. Наш 2-й полк остался. Приказано было в случае появления противника не вступать с ним в бой, а отойти на *Орехов*. Очень странно, что для такой истории, оставили целый полк с двумя батареями. С такой задачей могла бы справиться одна конная разведка. Мы все разместились очень кучно у маленькой церкви селения. Простоять пришлось недолго. Около 12-ти появились конные группы противника. Батарея обстреляла их в то время, когда они колоннами входили в Жеребце с северо-восточной стороны, и отошла вместе с полком через село Аул в предместье г. Орехова и Прицепилровку. Здесь первый взвод стал на позицию.

Около 19 часов красные подошли и сюда. Позиция 1-го взвода была справа открытой, и сегодня ему досталось поэтому случая. Были ранены кап. бар. Майдель и номер 1-го орудия. Кроме того, снаряд угодил в мельницу, у которой начали перевязывать барона, и обломками крыльев основательно хватило по голове мичмана Мировича и подпоручика Лернера, а капитана Егорова по руке.

Под вечер летчик привез приказание сегодня ночью отойти на Сладкую Балку. Красные наступали до темноты, но продвинуться им не удалось. Довольно щедро обстреливали город и около 12 попробовали еще раз в темноте ползть, но их встретили пулеметным огнем. Жители, как мне кажется, страшно боятся возвращения красных. Те забирают последний хлеб. В Жеребце мне говорил десятник перед нашим уходом: «Кажется, придется брать вилы в руки, иначе ничего не будет».

24.07.1920. В 3 часа утра оставили Орехов и пошли на Сладкую Балку верст 25 южнее Орехова. Около 10 мы были в Сладкой Балке, где постояли с 1 час, после чего наш 2-й полк вместе с батареей передвинулся на

I версту севернее в хут. Ильчеков. Корниловцы в данный момент находятся северо-восточнее нас в хут. Ваботин, но должны будут отойти с нами вместе и Б.-Токмак. Марковцы должны остановиться на линии Гохгейма.

Днем спали на дворе, а в 3 часа ночи мы уходим на старые квартиры в Гоффенталь. По слухам, нашей дивизии обещан абсолютный отдых в течение 3 недель Устали здорово за это время. По ночам не спишь, всё время не доедаешь, страшная жара и большие переходы. Хорошо, что вся пехота передвигается на подводах, а то замотали бы ее совсем. Но зато населению с подводами тяжело приходится.

25.07.1920. В 3 утра выступили из хут. Ильчекова и пройдя через Сладкую Балку, Большой Токмак, Ладекоп, Петерсхаген и Пришиб попали наконец в *Гоффенталь*. Мы шли в арьергарде, но столкновений с красными не было. Интересно мнение командира конного корпуса о боевых качествах нашей дивизии за эту операцию, которая дала нам 3 автоброневика, 40 орудий, 200 пулеметов, 4 бронепоезда, свыше 5000 пленных, не считая другой добычи. Он сказал так: «Дроздовская дивизия — это прочная ось, вокруг которой кавалерия может совершать какие угодно маневры». Не успели мы расположиться, как было приказано быть снова наготове. Оказывается, вчера вечером конница красных снова заняла Гохгейм, и продвигается на участке Марковцев.

В 18 часов вся дивизия вместе с бригадой конницы Морозова пошла на Нижний Куркулак, чтобы завтра ликвидировать эту группу у Гохгейма. Мы пошли той же дорогой, что и 2-го числа — через Пришиб, колонию Альт-Монталь и остановились на ночь на прежнем месте в *Ниж. Куркулаке*. Сегодня у меня почему-то было очень хорошее и легкое настроение, когда мы двинулись, — как будто не в бой, а в резерв мы шли. Жаль, что с нами нет всей нашей кавалерии. Они пошли под Каховку. Там переправились сильные силы большевиков и начали здорово распространяться. Операция, очевидно, будет серьезная, им ведь до Перекопа 60 верст.

26.07.1920. В 3 утра мы снова двинулись. Впереди шел 1-й полк. У Тифенбруна без труда сбили красных, после чего мы, минуя селение, по полям пошли на Гохгейм. На рассвете мы подошли к колонии; 1-й полк плотную, а мы несколько левее. Красные не ожидали, и мер охранения у них не было, тем более, что вчера они заняли уже Гейдельберг. Паника поднялась у них страшная. Кавалерийский полк, который стоял в колонии, оставил всех своих лошадей, обоз, платье, белье, бурки, винтовки, шашки, и почти голыми все разбежались пешком. Тут же захватили 3 орудия и грузовой автомобиль. В этот момент мы въезжали на бугор под близким ружейным огнем, от которого в момент разбежались все подводчики. Красные очень быстро бежали, после чего мы перенесли огонь по драпающей со стороны Гейдельберга кавалерии и артиллерии красных. Жаль, что не было кавалерии, а то всё это можно было бы захватить. Теперь же эти два полка кавалерии, не участвуя активно в операции, прикрывали наш правый фланг.

Сначала мы прошли в направлении на Гейдельберг, стали на позицию и обстреляли расположение противника у Барбараштадта. Вскоре со стороны Гейдельберга появились уже и Марковцы, и мы ушли в Гохгейм. Здесь, у штаба полка, я увидел троих германских офицеров. По-видимому, они хотят чем-то нам помочь. Через неделю они уезжают обратно и будут информировать о положении дел у нас свой Высший военный совет.

Третий полк продвинулся несколько севернее Гохгейма, а мы пошли на Барбараштадт. Сил у красных было здесь немало: 24 кавалерийских полка, 2 полка курсантов и 3 полка 20-й дивизии при 24 орудиях. Скверно то, что почти на улицах Гохгейма расстреливали комиссаров и курсантов. Красные развивали по колонии почти ураганный огонь с двух сторон. Из Гохгейма мы пошли на Барбараштадт <в наст. время с. Переможное>. Жители говорили, что таких больших сил у красных они еще ни разу не видели. Всё было переполнено кавалерией.

В Барбараштадте операция закончилась, и части нашей дивизии начали сматываться и направляться на Гейдельберг. У хут. Коробочка нас захватил грандиозный ливень, который продолжался более получаса. Буквально нельзя было стоять против дождя. Около Коробочки встретили Марковцев. Противника мы не разбили, а слегка трепанули и отбросили. Захвачено было около 200 пленных и 50 курсантов. Не успели мы пройти в Гейдельберг, как снова красные, оправившись, начали теснить Марковцев. На закате красные обстреляли шрапнелью уже Гейдельберг. Остались ночевать мы в колонии. Завтра должно быть опять будет бой. В связи с операцией у Каховки они нажимают здесь.

27.07.1920. Утром 3-й полк ушел в Молочное на отдых, 1-й остался временно в Гейдельберге, на который уже нажимали красные, а мы со 2-м полком должны были помочь Марковцам восстановить положение, так как Эристовка была оставлена. Начдиву почему-то хотелось брать Эристовку с востока, для чего он приказал было нам двигаться по лошине, т. е. между Марковцами и большевистскими цепями, так как к этому времени красные успели уже приблизиться к Гейдельбергу. Полк же пошел по линии фронта на Эристовку. Вскоре, вследствие сильного артиллерийского огня, мы должны были свернуть по ходу влево на более укрытую дорогу. Эта небольшая прогулка — не известно для чего, по открытому месту — обошлась нам в 23 человека из 1-го батальона, причем серьезно ранен был командир батальона полковник Кунцевич. Эристовку мы свободно взяли бы в лоб, безо всяких таких увеселительных прогулок и с меньшими, безусловно, потерями. Наша помощь оказалась лишней. Марковцы сами заняли Эристовку. Наши потери в таком случае были совершенно напрасными.

Мы ушли в Андребург и вскоре пошли «домой», т. е. в Гоффенталь по старой дороге через Нов. Монталь. Начальник штаба дивизии полковник Бредов просил об отдыхе, так как дивизия сильно переутомилась. Устали здорово. Вчера вечером я буквально шатался; не ешь, не пьешь,

не спишь, жара же буквально изнуряет. Пьешь не только грязную воду, но и настоящую грязь. Днем ешь разную зелень, совершенно белые арбузы, зеленые яблоки, груши, дыни, помидоры и пр. Питательного же ничего не проглатываешь. Все баштаны, или бахчи безжалостно опустошаются проходящими частями. Борьба с этим явлением невозможно, так как это зачастую представляет почти единственную пищу. Кухни с едой обыкновенно сильно запаздывают. Весь скошенный и неубранный хлеб идет для кормежки переутомленных лошадей.

28.07.1920. Простояли весь день в Гоффентале. Вечером красные нажали на Н. Куркулак и заняли его. Со 2 августа (по н. ст.) у них назначено наступление на нашем фронте, но им пока что удалось занять только ту территорию, которую мы оставили, без давления с их стороны, т. е. от Александровска до известной уже линии Васильевка—Гейдельберг—Б. Токмак. Шестая наша дивизия в составе Самурского и Кавказского полков уже готова и занимает фронт правее Корниловцев, сменив там Донцов. Состав ее небольшой: по 500—600 штыков в полку; артиллерии у них тоже не густо, не больше 5 батарей. Относительно Каховки разнеслись такие слухи, что там всё ликвидировано и взяты большие трофеи. В действительности это несколько преждевременно, так как красные, переправившись в четырех местах: у Каховки, Алешек, Корсуньского монастыря и где-то еще, энергично продвигаясь большими силами, потеснили основательно II корпус, который задержался около Аскании-Новой. Операция по ликвидации этого прорыва еще не начиналась.

29.07.1920. Часов с 2 ночи началась артиллерийская стрельба по всему фронту, которая, не теряя своего напряжения, становилась всё ближе и ближе. Около 9 ясно слышна была в Гоффентале уже ружейная перестрелка. Красные нажимали по всему фронту нашего корпуса — от Васильевки до Б. Токмака и правее. В 12 часу двинулась наша дивизия. 1-й и 3-й полк пошли на ст. Монталь, должны были взять Ниж. Куркулак и оттуда выйти на Ново-Монталь, пройдя мимо Гейдельберга. Мы со 2-м полком пошли по дороге прямо на Н. Монталь. У холмов «шесть братьев» мы столкнулись с колонной кавалерии красных, продвигавшейся к Гоффенталу. Нашим огнем она была рассеяна и отброшена к Нов. Монталю. Около 15 часов левее была замечена колонна конницы красных длиною в 6 верст, двигающаяся на Нов. Нассау, Вассерау и Вайнау в район Фридрихсфельда, Гохенштадта. Сначала эта колонна была принята за отступающие обозы Марковцев, но потом выяснилось, что это не обозы, а кавалерия противника, прорвавшаяся нам в тыл. Оказалось, что красные здорово трепанули Марковцев, которые отошли к жел. дороге под прикрытые бронепоездов.

Южнее Андребурга сильно пострадал 2-й Марковский полк, на который налетела кавалерия. Погибло 2 батальона, целиком батарея и командир полка. Вследствие этого прорыва нам пришлось изменить первоначальную задачу восстановления положения и повернуть фронт больше

чем на 90 градусов влево. Вскоре 3-й полк занял Нов. Монталь, и мы двинулись налево и на юг, и заняли линию у юго-западной окраины Гоффенталья в то время, когда кавалерия противника вошла в Нов. Нассау.

В тылу у нас началась паника. Из этого района все начали эвакуироваться в сторону Б. Токмака. (Утром красные ворвались было туда, но с помощью танков Корниловцы восстановили положение.) На ст. Полугород <в наст. время — Молочанск> собирались уже взрывать снаряды. Все говорили, что отступить на Федоровку уже нельзя. Говорят, из Мелитополя тоже начали эвакуироваться некоторые учреждения и стража. На нашем участке кавалерия была встречена дружными залпами, пулеметным и артиллерийским огнем и начала принимать вправо, т. е. назад. С другой стороны запасные полки нашей дивизии с юга, вмешавшись в эту операцию, начали затыкать эту дыру.

Под вечер конная батарея противника основательно обложила нашу батарею, которая слева была совсем открыта. Ранены были подпоручик Дроздовского похода Мазинг Ричард Робертович²⁰⁸ в голову (он через несколько часов умер) и ездовые Ковалев, Косов и Орещенко; 2 лошади убиты и 10 ранено. Третий полк, принимая влево от Ново-Монталья, заходил в тыл красным. Во время этого движения 3-й полк захватил подбитое орудие, но вывести его не удалось. Под влиянием всех этих движений конница красных довольно быстро начала выскакивать из этого мешка, причем 3-й полк захватил два исправных орудия и занял Нов. Нассау после захода солнца. Около 22 часов мы пришли в Гоффенталь и расположились на ночлег. Лошадей не разамунничивали. После прохода 1-го и 3-го полков через Ниж. Куркулак красные снова вошли туда. Этот прорыв красным не удался.

За операцию было захвачено 1100 пленных. В Ниж. Куркулаке было захвачено восемь 6-дюймовых гаубиц, три 48-линейных, две 42-дюймовые и 4 легких пушки; с остальных же из-за недостатка времени сняли замки и панорамы. Конница красных понесла большие потери.

30.07.1920. Утром наши выпустили несколько 42-дюймовых снарядов из вчера захваченных пушек по Ниж. Куркулаку, прямо от штаба 1-го полка. Около 10-ти нам приказано было приготовиться к выступлению. Выступили мы только в 16 часу. 3-й полк пошел на Розенталь, мы — на Нов. Монталь, а 1-й шел сзади в резерве. Начиная от бугров «шесть братьев» до Нов. Монталья местность на протяжении 7 с лишним верст совершенно открытая. Нет ни одной складки, ни одной артиллерийской позиции. Двигались мы общей колонной, имея впереди разведку и роту в цепи. Подошли версты на 3 к колонии, оттуда ни одного выстрела: казалось, что Ново-Монталь свободен. Вдруг неожиданно начался сильный ружейный огонь, который указывал, что в колонии не одни только разезды арьергарда красных. Скоро нашу колонну начало покрывать артиллерийским огнем. Первыми снарядами у нас убило одну лошадь, ранило капитана Андреевского (14 ран, два перелома левой руки) и ездового По-

лякова легко в ногу. Батарея с дороги свернула в кукурузу и стала на позицию. Наблюдательного пункта никакого, ничего не видно, кругом пыль, а нас обжаривают довольно прилично. 3-е орудие пошло вправо. Мы обстреляли опушку колонии, сбили с позиции пушку красных и двинулись за пехотой. Слева появилась скачущая кавалерия, которая вызвала небольшую суматоху в батарее, но она была отброшена без нашего участия. Операция с занятием Ново-Монталья затянулась до темноты. Часов в 20 пыль достигла таких размеров, что на 3 версты уже ничего нельзя было увидеть. Не видно было даже наших разрывов. Мы несколько раз меняли позицию и наконец пошли в Ново-Монталь. Красные здорово садили по пыли, но, очевидно, не имея наблюдений, не могли корректировать и попадали плохо.

1-й полк тоже принимал участие в бою правее нас. В 1-й батарее сегодня двумя снарядами высадили 12 человек и несколько лошадей. Дальше мы не двигались, хотя задача заключалась в занятии Гейдельберга, но она была отставлена начдивом. Мы остались в Монтале, а 3-й полк в Розентале. Ночью кавалерия два раза атакывала Монталь с автоброневиками, но ее отбивали. Наш часовой, попав под огонь наш и красных, сразу получил 28 пуль.

Жители рассказывали, что здесь были Буденовцы, страшно грабили, забрали весь хлеб. Им приказано было окружить и уничтожить нашу дивизию. Относительно вчерашней операции красные говорили, что им чуть не вышло то, что было со Жлобой. Они обвиняли комиссаров и хотели их бить. Паника и у них вчера была, не только у нас в тылу.

31.07.1920. Утром перед рассветом 1-й полк пошел занимать Гейдельберг, а 3-й Андребург. Манштейн сразу занял Андребург и Грюнталь, а с 1-м полком сегодня получилась тяжелая история, стоившая многих жертв. Как обычно, он подошел в колонне к Гейдельбергу, 3-й батальон рассыпался и, открыв огонь, начал втягиваться в колонию. К этому моменту общая колонна полка подошла еще ближе. Тут вдруг справа появляется цепь красных с белыми повязками и в погонах. Сначала ее приняли за красных и открыли по ней огонь. Сейчас же все наши, и в том числе командир полка, начали кричать (генерал Туркул): «Это наши, прекратить огонь!» Красные тоже кричали: «Свои, свои!» Когда их цепь подошла вплотную к нашей, они открыли сильнейший огонь. В 1-м полку произошло замешательство, даже офицерская рота шарахнулась назад. Передреффили все. Один только генерал Туркул спас положение. Он схватил пешую команду разведчиков полка (их в 1-м полку около 200 человек) и ринулся с нею вперед и сбил красных.

3-й батальон в период этого замешательства отступал влево, его тоже подпустили и расстреливали в упор. Результатом этого явилось 150 человек раненых (из них около 30 убито) и 26 попало в плен из 3-го батальона.

Гейдельберг наши заняли сейчас же, причем озверение дошло до того, что расстреливали и докалывали раненых. 1-й полк расстрелял всех

захваченных в Гейдельберге красных (до 200 человек). Скоро красные перешли в контратаку. Они три раза атаковывали Гейдельберг, два раза бросали густые лавы конницы, причем весь день не умолкал артиллерийский огонь. Такого огня еще не было, всё гудело. На маленьких участках они выпустили свыше 10 000 снарядов. Наши ахнули 2000, которые совсем казались незаметными среди огня противника.

Мы со 2-м полком стояли в Ново-Монтале, но к 19 часам и нас вытаскивали на позицию. Перед темнотой бой затих. Красным этот день обошелся недешево, но и у нас не меньше 300 человек выбыло из строя.

С броневедомителем «Кречет» произошел интересный случай. Когда он въехал в цепь красных, у него остановился мотор (пуля попала в бак, пройдя в маленькую щель в броне). Пулеметным огнем он разогнал красных, после чего механик-водитель вышел и произвел необходимое исправление. Во время работы он был ранен в руку. За эту работу его представили к ордену Св. Николая.

В автомобиль начальника дивизии красные закатали сегодня шрапнель, убили помощника шофера и слегка попортили машину. В Гейдельберге красные всё же оставили два орудия и сгоревший броневедомитель «Генерал Слащев».

С Корниловцами красные выкинули почти такой же номер. Они подпустили наших почти к самой деревне, открыли в упор сильный огонь и заставили отойти версты на полторы. Благодаря этому Ниж. Куркулак остался в руках красных. Марковцы же трепанули сегодня красных, разбив какую-то советскую бригаду. Два полка Корниловцев сменены 6-й дивизией сегодня. В данный момент все части нашего корпуса находятся на фронте²⁰⁹. Марковцы занимают участок Васильевка—р. Карачекрак, наша дивизия Эристовка <в наст. вр. село Широкое>—Гейдельберг, а 3-й в Н. Монтале в резерве, в районе Ниж. Куркулака Корниловцы, а правее их 6-я дивизия. Сил у красных здесь больше, чем надо: 42-я, 46-я, 1-я, 3-я советские дивизии и 2-я конная армия. Ожидается сюда к нам еще 15-я, 8-я дивизии и червонная казачья.

1.08.1920. Суббота. Около 12-ти мы со 2-м полком сменили 1-й полк в Гейдельберге. Позиция здесь отвратительная: колония стоит в яме, справа и слева к ней подходят глубокие долины. Если месяц тому назад его тяжело было удерживать, то теперь, при наличии таких сил у красных, с этой позицией совсем гроб. День сегодня прошел относительно спокойно. Красные подходили, но особенного нажима с их стороны не было. Их отшибал главным образом артиллерийский огонь. Их артиллерия снова обкладывала колонию и район нашей позиции.

Весь день на дальних буграх стояла лава красных, которая до темноты не двигалась с места. Похоже было на то, что они ночью собираются что-то делать, но ночью было всё спокойно: подходила только разведка красных, которую обстреляли. Корниловцы, перейдя в наступление, заняли сегодня Ниж. Куркулак, <в наст. вр. с. Покровское>.

Появилась официальная сводка о Каховке. Линия фронта проходила там так: Скадовск—Маячки, Черненко, Черная Долина, хут. Мариановский, Ново-Александровка. Операции по ликвидации этого прорыва развиваются. В районе Алешек был высажен десант, благодаря которому удалось полностью отрезать самую нижнюю группу. 13-я дивизия захватила 800 пленных, а кавалерия — 2000 и 3 орудия. Сегодня должна была быть занята Каховка, но по официальному сообщению, вследствие усталости частей 2-го корпуса и наличия у красных большого количества автоброневиков и укреплений, три повторные атаки Слащева на Каховку были отбиты красными. Сил там у красных очень много, но к сегодняшнему дню собираются там всё ликвидировать. Говорят, что сам Врангель заворачивает этой операцией. Туда взяты почти все наши аппараты. Здесь летчиков теперь почти не видно.

2.08.1920. День прошел в артиллерийской перестрелке. Всё время между Коробочкой, Гохгеймом и Барбараштадтом было замечено движение красных; проходила кавалерия, пехота, обозы. Одни двигались туда, другие сюда. Трудно было сказать, что всё это обозначает.

На Кубани дело развивается успешно. 1 числа высажен еще один десант (1-й, 3-й на Тамани, 2-й между Адлером и Сочи) у Ейска, который успешно продвигается. Положение Польши катастрофическое. Красные у Варшавы и наступают на нее с севера, северо-востока, востока и юго-востока. Красная кавалерия появлялась в 19 километрах от польской столицы. В наших газетах появляются уже такие заметки: «Последние дни Варшавы», в которых указывается, что всё оттуда бежит, и красные рассчитывают занять ее в понедельник 3(16) августа. Опубликовано соглашение между Главнокомандующим и правительствами Дона, Кубани, Терека, по которому все военные силы подчиняются генералу Врангелю, и им же устанавливаются сроки и года призывов. Внутренняя же жизнь казаков устраивается по их собственному желанию.

Последние дни в отношении политики дали много. Франция признала правительство Врангеля. Америка солидарна с ней и отказалась признавать Совдепию. Между Англией, Германией и Совдепией ожидается какое-то соглашение. Говорят о выступлении Румынии на помощь Польше.

3.08.1920. На рассвете красные повели наступление на Гейдельберг. Первый порыв их был остановлен, и они залегли на прицеле 20—24 от батареи. Часов до 12 они поддерживали сильный огонь, но сдвинуть их нам не удавалось. Около этого времени автоброневики красных прорвались к самой колонии и потеснили нашу пехоту. Батарея стреляла по ним на прицеле 10 и 8. Мешала церковь колонии, по которой мы закатали даже два раза, так как броневики всё время находились в створе нас и церкви. Всё-таки огнем артиллерии один броневик был подбит и ушел в Гохгейм, а другой, оставаясь у самой колонии, помог пехоте красных войти на бугры у самой колонии. Остановить ее огнем батареи не удалось, так как

оба взвода у нас были направлены в разные стороны. Правый только мог открыть огонь по ней, левый же защищал подступы слева. Наша пехота начала уходить, батарея тоже снялась, сделав несколько выстрелов на прицеле 6 по пехоте.

Мы отошли версты на две с половиной от Гейдельберга в направлении левее Нов. Монталья и остановились. Батарея стала на открытой позиции. Через один час после оставления нами Гейдельберга на правый фланг наш вышел из Н. Монталья 1-й полк с целью помочь нам восстановить положение. Примерно около 13 с половиной часов, когда мы двинулись в контратаку, из лощины через бугор Шанцы на цепи 1-го батальона 3-го полка выскочила кавалерия, которая мигом врुбилась в них. Дальнейшее движение кавалерии на Андребург было остановлено артиллерийским огнем, и кавалерия, оставив много людей, лошадей, и около 50 седел, была отброшена, но батальон 3-го полка пострадал основательно: много было ранено и часть порублена. Наш полк сразу занял Гейдельберг. Это было около 15 часов.

До вечера красных удалось оттеснить версты на 4 от колонии. Батарея не везло сегодня. Абсолютно весь день нас основательно обкладывали: с утра ружейным и пулеметным огнем, а всё остальное время — артиллерийским. Мы переменили пять позиций, но на ровном месте не спрячешься. Прямо извели за день. Разведчик подпоручик Егоров, будучи контужен вечером шрапнельной пулей в ногу, разревелся, не выдержал этого постоянного огня. За день у нас ранены: подпор. Егоров, Браун, Кононов, Мартенс, Кобяков, Крамарев, Беховский и Максименко. Две лошади убиты и пять ранено. В довершение всей истории наш аэроплан, в то время как нас крыла артиллерия красных, начал кружиться над нами, сбросил 4 бомбы и обстрелял нас из пулемета. Веселое дело.

4.08.1920. У нас на участке день прошел в перестрелке. Колонию и район нашей позиции на прежнем месте в огороде обкладывали по-прежнему. 1-й полк стал в Андребурге, а 3-й ушел в Ново-Монталь в дивизионный резерв. На Кубани нашим десантом занято всё побережье от Адлера до Сочи. Там всюду подымаются восстания, и казаки присоединяются к нам. На Днепре всё ликвидировано, по последней сводке. Красные удерживаются у предместного укрепления у Каховки. Взято там 5000 в плен, 100 пулеметов, 18 орудий, много потоплено; был подбит пароход, который выбросился на мель, причем почти все красные, переправлявшиеся на нем обратно, погибли.

Говорят о том, что Врангель обратил внимание на наш флот. Приводится в боевой вид много военных судов, стоявших в Севастопольской бухте в бездействии. Дредноут «Генерал Алексеев» и крейсер «Корнилов» с другими судами ходили к Очакову и разбили там береговые батареи противника. В районе Одессы была произведена какая-то демонстрация. У Очакова «Корнилов» сел на мель и обстреливался красными, но его скоро стянули оттуда. Во флоте есть маленькие повреждения и поте-

ри в людском составе. В общем, мы начали беспокоить красных везде, где это только возможно.

5.08.1920. Часов с 2 ночи начала слышаться артиллерийская стрельба, справа у Корниловцев и слева у Марковцев. В 5 с половиной мы стали на позицию. Не успели еще всё привести в порядок, как впереди начали сначала раздаваться отдельные выстрелы, а минут 5 спустя ожил весь участок. Красные сразу открыли огонь по батарее. Одним из первых снарядов я был легко контужен в ногу (пуля шрапнельная пробила сапог и поцарапала ногу; вообще за последние бои мне уже в третий раз попадает по ноге, но всё очень удачно). От наших выстрелов и от разрывов поднялась такая пыль, что ничего уже нельзя было увидеть, а красные уже вскочили в колонию. Пришлось сняться с позиции и отойти, так как пехота наша уже бежала. 4-е орудие мы чуть не оставили; пушку мы вытащили под сильным огнем (колеса попали в ровик, и лошади не могли вытащить). Едва мы вышли из колонии, как выскочил броневик красных. Часть пехоты (человек 70) попряталась в хатах и осталась у красных. Из-за поднявшейся пыли ничего нельзя было увидеть на расстоянии версты. Броневик вылетел на нашу батарею. От его огня пострадала пулеметная тачанка: убит подпоручик Якубовский²¹⁰ и ранен солдат Аникин.

Почти в это время справа выскочила кавалерия красных, но огнем восьми орудий и роскошными залпами пехоты кавалерия была отброшена к тому моменту, когда с фронта начала уже выдвигаться из Гейдельберга пехота противника. Мы остановились верстах в 3 от колонии и начали готовиться к контратаке. Через час 2-й батальон и 4-е орудие начали продвигаться вперед и остановились в полутора верстах от колонии. Наши цепи поднялись в атаку, но были встречены сильным огнем с близкой дистанции, после чего принуждены были снова залечь, потеряв до 100 человек. Тут справа от мельницы выскочила кавалерия на нас. Наш броневик «Кречет» махнул ей наперерез, заставив ее изменить направление и удирать по фронту. Мы на прицеле 16 покрыли ее из своего орудия и выпустили почти все имеющиеся у нас снаряды. Великолепно было видно, как целые группы лошадей скакали без всадников. Похоже было, что через каких-либо полчаса снова займем Гейдельберг, но тут приказано было отойти.

На 3-й полк в районе Нов. Монталя налетела кавалерия, один батальон (3-й) попал в очень тяжелое положение, был окружен кавалерией и сдался. Командный состав едва успел спастись. Как на грех не хватило у нас сегодня снарядов, и из парка почти ничего не получили. 4-я батарея тоже стреляла очень много и осталась без снарядов. Отходили мы без боя почти до колонии Гохштадт. 1-й полк тоже принужден был оставить Андребург. Сегодня в общем трепанули нашу дивизию основательно. В 3-м полку остался один батальон, у нас в полку человек 300. Только в 1-м полку больше 1000.

На ночь наш и 3-й полк ушли вправо в Н. Нассау, а 1-й остался со штабом дивизии в Гохштадте. За день в батарее ранены: кап. Никольский, подпор. Богданов²¹¹; солдаты: Мерзликин, Аникин, Макаров, Галей и убит подп. Якубовский. Кроме того, ранены 4 лошади. Потери несем громадные. Что ни бой, в батарее много народу прихватывает; нужно сказать, что в общем счастливо отделяемся по такому огню.

Говорили о том, что справа красные прорвались, но к вечеру выяснилось, что всё благополучно. Корниловцы понесли большие потери, но остались на месте; Марковцы то же самое. Начался разговор у нас, что пора отходить за Перекоп и ехать на Кубань, оставив заслоны на солидных, вновь возведенных укреплениях перешейка. Действительно, красных на нас прет черт знает сколько, и всё подбавляется. Сегодня наступали, например, целые тучи пехоты и кавалерии. По сводке от 5 августа, Каховка еще не ликвидирована. На Кубани дела очень успешны: захвачены 1 бронепоезд, 4 автоброневика, 2 тяжелых орудия. Заняты станицы Бриньковская и Роговская.

6.08.1920. Вместо генерала Кельнера начальником дивизии назначен командир 1-го полка генерал Туркул. Около 9 часов мы перешли в наступление с целью восстановить положение. Справа нам должны помочь Корниловцы (они будут наступать на Н. Монталь) и Донская бригада (из дивизии Морозова), которая пойдет на Гейдельберг. Мы двинулись таким образом: 1-й полк на Фридрихсфельд, а наш и 3-й правее его, на Розенталь. Верстах в 2 от Гохштадта (прошли мимо него из Нов. Нассау) была первая позиция. Огнем нашей артиллерии была разбита на две группы кавалерия противника, шедшая из Розенталя на Фридрихсфельд. Одна группа ускакала в Розенталь, а другая в Н. Монталь. Около 11 с половиной был занят 1-м полком Фридрихсфельд, после чего мы начали продвигаться вперед.

Красная кавалерия огнем 3-х батарей была сбита с бугров у Розенталя, и после часовой перестрелки колония была занята. С этой последней позиции 4-е орудие пошло впереди с пехотой для отражения возможной атаки автоброневиков. Проходя мимо Н. Монталья, пришлось стать на позицию и еще раз пострелять по кавалерии, которая только сейчас оставила Нов. Монталь. Двинулись дальше на Андребург, в то время как 1-й полк шел на левую окраину Грюнтале. Казалось, что Андребург свободен (мы подходили к нему на расстояние 1 версты), поэтому было несколько неожиданно, когда нас встретили оттуда огнем из окопов. Через 20 минут после приличной перестрелки красные оставили колонию. Вообще последнее время они обнаглели. На окраине Андребурга стояла у них пушка и имела еще наглость стрелять, в то время как наши чуть не входили в колонию. С открытой позиции на прицеле 18 мы сбили ее. Думали сначала, что они не успели ее вывезти, но кроме одного трупа и пустых гильз на том месте ничего не нашли.

1-й полк в Грюнтале захватил около 100 пленных. Часа два мы стояли у Андребурга, после чего, когда Гейдельберг уже был занят нашей

кавалерией, 3-й полк повел наступление на бугор Шанцы и занял его. Весь день сегодня ушел на восстановление положения. Первый раз мы ели только около 8 часов вечера. За день батареи потеряла ранеными: кадеты Белякова, солдат: Ворону, Алексеева и Беседина, одну лошадь.

Вчера мы отходили, а Марковцы и Корниловцы оставались на местах, а сегодня мы выдвинулись, а Марковцы отошли под давлением на Михайловку, оставив Васильевку, Бурчак, а Корниловцы оставили Ниж. Куркулак. Интересно то, что когда Корниловцы, помогая нам сегодня, заняли утром Нов. Монталь, то красные, перейдя в контратаку, выбили их снова, причем Корниловцы всё время думали, что это наши «Дрозды» выбивают их оттуда, и долго не могли разобраться. Наши аэропланы приняли свою кавалерию за красных и обложили их порядком. Ранен командир бригады, командир полка и несколько всадников.

Сегодня для связи к нам приезжали Атаманцы. Атаманский и Лейб-казачий полки прибыли сюда из Севастополя и выгрузились на ст. Федоровка. На ст. Бурчак сегодня отрезан красными и захвачен наш бронепоезд «Генерал Алексеев», который после ремонта участвовал первый раз в бою.

7.08.1920. В 3 с половиной утра наша дивизия отошла из-за отхода Марковцев на Фридрихсфельд. День у нас прошел совсем спокойно. Только около 12-ти в Андреебурге появились разъезды красных, пехота же их вошла туда вечером. Справа и слева от нас тоже ничего не было слышно.

По сводке от 6-го, на Кубани заняты нами станицы Брюховецкая и Тимашевская. Наступление севернее Екатеринодара успешно развивается. Это сообщение порождает слухи о том, что Екатеринодар уже занят нами. Официально об этом пока ничего не слышно.

Марковцы получили солидное подкрепление. Им временно придали 2-й Дроздовский конный полк, возвратившийся из Польши с частями Бредова. Сейчас он представляет собой пеший (из-за неимения лошадей) полк в 600 штыков. Бредовцам не удалось отдохнуть. Ими почти сразу начали пополнять наши потрепанные последними боями старые части. Дело с ликвидацией Каховки затягивается.

Говорят о возмутительном факте, выкинутом генералом Слащевым. Такую шутку можно ожидать только от такого кокаиниста и пьяницы, как он. Около 3—5-го числа II корпус, выйдя в тыл противнику, должен был занять Каховку, взорвать переправы и удерживать ее. Так и было. Слащев занял Каховку. Уже подсчитывали пленных и орудия, так как вся группа красных была отрезана. Но Слащев переправы не уничтожил и сам перешел на ту сторону. Красные шибанули его оттуда, да так, что он едва унес оттуда ноги, понеся большие потери и потеряв чуть ли не половину своей артиллерии. Красные овладели Каховкой, переправились на ту сторону, а мост закрепили за собой. Теперь они снова начали наступать оттуда. Все ли эти подробности соответствуют действительности, ручаться не

могу, но что общая суть приблизительно такая, почти что можно утверждать, ссылаясь на те источники, на основании которых получены эти сведения. II корпус теперь получил генерал Витковский. Нашим корпусом будет командовать генерал Писарев. Слащев же, по приказу генерала Врангеля, вследствие расстроенного здоровья, увольняется временно на покой и получает звание Слащева-Крымского. Нам же предстоит расхлебывать эту не на шутку заварившуюся кашу.

8.08.1920. Утром стали на позицию на северной опушке колонии <Фридрихсфельд>. Позиция прямо полузакрытая, а справа — совсем открытая. Первую половину дня стреляли по бронепоездам противника на очень большой дистанции. Красные починили уже взорванные нами 21 июля мосты, и сегодня на участке Марковцев сразу появилось 5 бронепоездов. После полудня против нас появились цепи, но были остановлены артиллерийским огнем. Около 16 часов красные вошли в оставленный нами еще вчера Розенталь.

Под вечер красные тремя батареями навалились на нашу батарею. Две батареи крыли с фронта (их блески были видны, и мы, стреляя одним орудием, заставляли на некоторое время замолчать поочередно то ту, то другую), а третья с фланга — из Розенталя.

Вольноопределяющемуся 4-й батарее Николаю Соколову оторвало голову на наблюдательном пункте. На батарею падало много снарядов, но, к счастью, много из них не разрывалось. Мы около полутора часов стояли под непрерывной обкладкой, после чего пришлось уйти с этой позиции примерно за полчаса до наступления темноты. Легко ранен был капитан барон Майдель, контужен шт.-кап. Стадниченко и две лошади ранены. 1-й полк вечером должен был атаковать Розенталь, но это решение было отставлено. Ночью красные атаковали нас, но, встреченные огнем, оставили раненых, несколько пленных и 4 пулемета.

Сегодня уехал наш комарт. Вместо него временно будет (до его приезда) комдив полковник Шеин, а вместо последнего наш командир полковник Ягубов. Временно батареей начал командовать полковник Слесаревский.

На Марковцев красные вели сегодня настойчивые атаки, но были отбиты. Передают, что там сегодня подбиты два наших бронепоезда, 2 танка и 2 автоброневика. На 6-ю дивизию и на Корниловцев красные тоже здорово наседали, но и те и другие остались на местах: 6-я дивизия северозападнее Б. Токмака, а Корниловцы у Ст. Монталя.

Сюда подошла вновь сформированная 2-я Донская дивизия²¹². Стоит она пока в Гохштадте, Ной-Нассау. На этой линии нам не выгодно задерживаться, так как благодаря загибу Днепра с оставлением Васильевки, которая подходит к плавням, обнажается левый фланг Марковцев. Там получается даже здоровый разрыв между Михайловкой и Днепром. Стали много говорить о том, что мы все отойдем за Перекоп, а оттуда многие части пойдут на Кубань, куда теперь переносится весь центр тяжести. Здесь

же мы будем удерживаться некоторое время, лишь пока вывезут со станций весь закупленный хлеб.

9.08.1920. Стали на новую позицию: теперь уже за южной окраиной колонии <Фридрихсфельд>. Наблюдательный пункт тоже переменили, так как вчера они пристреляли его здорово. Там целым снарядом снесло вчера голову телефонисту 4-й батареи. Вчера в общем пострадала артиллерия: 4-я батарея — 3 убитых и 5 ранено, 5-я тоже несколько человек и лошадей; и у нас потери.

10.08.1920. День прошел в перестрелке. Красные здорово обкладывали колонию, причем не стеснялись крыть сюда тяжелыми. Жители, конечно, были в «восторге» от такого положения дел. На участке Донцов красные пробовали тоже наступать за последнее время два раза. В первый раз их отбросили и захватили в плен весь 353-й полк, второй раз их тоже раскатали и взяли, по официальному сообщению, больше 1000 пленных. Редкое упорство проявляют красные в этом году. Каждый день лезут. Против нас появились цепи, начиная от железной дороги и кончая Розенталем. Их продвижение остановили артиллерийским огнем, после чего они залегли. Всё время красные поддерживали сильный артиллерийский огонь по колонии и по району нашего расположения. Особенно сильно огонь они развили около 19 часов, когда к полевым орудиям прибавились 2 бронепоезда, которые слева взяли нас в оборот из тяжелых орудий. От дыма разрывов и пыли ничего не было видно. Наш наблюдательный пункт пришлось с паровой мельницы перенести влево, так как перед нами всё заволочло, как густым туманом, пылью. Батарею обложили прилично, но мы опять отделались счастливо: убита одна лошадь и ранен телефонист Лядский. В 5-й батарее артиллерийским огнем выбито несколько человек сегодня, причем убит командир батареи подполковник Мусин-Пушкин.

До самой темноты продолжался этот огонь, после чего они начали вести редкий, изводящий огонь легким и тяжелым орудиям, который не прекращался в течение всей ночи; ясно было, что они будут наступать, но дело подходило к полуночи и всё, что можно было придумать, это, ни о чем не думая, лечь спать.

На Марковцев сегодня опять нажимали. Сначала они отошли несколько, но потом восстановили положение. На левом фланге их только красная кавалерия, воспользовавшись разрывом, заняла Армянск, имея своей конечной целью продвинуться вдоль по реке и объединиться с Каховской группой красных. В этом смысле занятие Армянска является серьезной угрозой левому флангу Марковцев и, кроме того, может обещать еще один прорывик. На Каховском направлении красные снова перешли в наступление и переправились, кроме того, еще у Горностаевки.

11.08.1920. Около 3 ночи красные подошли к Фридрихсфельду, обстреляли нас ружейным огнем. Пришлось проснуться. Наши начали отвечать, после чего красные залегли и до самого рассвета всё время постреливали. Заснуть было довольно трудно, так как пули всё время па-

дали на батарею (спим мы всё последнее время на дворе под открытым небом). Было захвачено несколько пленных, которые сообщили, что на рассвете на нас будут наступать три полка Сибирской Добровольческой бригады, а на Марковцев — 4-я дивизия. Ночью и мы получили приказ: тоже с рассветом перейти в наступление и выйти на прежнюю линию²¹³. Справа выполнить эту задачу нам будет помогать 3-я Донская дивизия, которой приказано пройти через Куркулак на Гохгейм, Сладкую Балку.

На рассвете мы двинулись: 1-й полк пошел на Грюнталь, а 2-й и 3-й на Розенталь. Батальон красных, который постреливал тут ночью, мигом был сбит.

Очень упорное сопротивление красные оказали нам у Розенталя. 3-й полк, который шел впереди, не мог выбить их из окопов. Генерал Манштейн горячился всё время, кричал «вперед!», сам на тачанке выезжал вперед цепей, но ничего не мог сделать. Харжевский предлагал ему обождать, пока наш 2-й полк подтянется, но Манштейн упорствовал.

Интересно то, что артиллерия красных драпанула, а пехота продолжала-таки стойко держаться. Наконец подошли мы версты на полторы к колонии и только через полчаса огнем десяти орудий заставили красных бежать, и то они еще пробовали постреливать, когда наши подходили к ним чуть ли не на 40 шагов. В колонии было взято больше 100 пленных, которые почти все целиком, по приказанию Манштейна, были расстреляны. При взятии Розенталя пострадал наш автоброневик «Екатеринославец». Он попал в вырытую красными по дороге канаву (они почти все дороги перекапывают для ловли автомобилей), и кроме того, был подбит артиллерией, по-видимому, нашей. Из 5 человек команды 1 убит и 3 ранено. Тут же у Розенталя ранен у нас капитан Неручев пулей в шею навылет.

Когда 1-й полк втянулся в Андребург, сабель 500—600 красных собирались его атаковать, но натолкнулись на наш автоброневик «Кречет». Всадников 100 бросились даже на него в атаку, думая, что он испорчен (он стоял в этот момент), но он огнем двух пулеметов спешил человек 40 из них, после чего смял густые лавы красных, шедшие на Андребург. 1-й полк почему-то принял эту кавалерию за своих и пропустил момент чесануть ее как следует.

Раньше 12 мы были в Андребурге: сегодня довольно быстро всё это вышло. У Нов. Монталя было захвачено 2 пушки, которые отстреливались до последнего. Все 14 захваченных артиллеристов были расстреляны. Много коммунистов попало, и их постигла та же участь. Вообще сегодня наши «Дрозды» расстреляли больше 200 человек. Во Фридрихфельде еще утром висели двое, повешенные за ноги у края деревни, причем у каждого выстрелами в упор было снесено полголовы. На дереве надпись: «Повешены за попытку бегства к неприятелю». Массовый расстрел сегодня очень плохо подействовал на наших солдат. Все они находились под влиянием очень тяжелого впечатления и всё время говорили об этом. Без этого не обойдешься, но зачем это делать в колонии, на глазах?

Марковцы заняли Бурчак, Корниловцы — Тифенбрун и Сладкую Балку. Кавалерия наша занимала Гохгейм, Гейдельберг и заскакивала даже в Орехов. Взято за операцию 6 орудий, 2 зар. ящика и около 2000 пленных. Под влиянием этого захода красная кавалерия без особого давления со стороны Марковцев драпанула из Армянска, оставив несколько пулеметов. Таким образом, мы почти уже вышли на прежнюю линию. Красным прорвать наш фронт не удастся.

Под Каховкой дела не поправляются. Туда пошла снятая с нашего фронта 6-я дивизия. Становится тяжело воевать. Красная артиллерия работает здорово и стреляет теперь очень прилично, а главное, имеет громадный запас снарядов. Всё свое внимание она главным образом обращает на нашу артиллерию, в то время как мы главным образом стреляем по целям, не имея достаточно снарядов, чтобы обстреливать площадями места стояния батареи. Шутка ли, если с выхода из Перекопа только одна наша артиллерийская бригада понесла потерь людьми до 500 человек. В 1-й батарее из-за недостатка людей и лошадей работает только взвод, в 6-й — то же самое, в 4-й 3 пушки, у нас в запряжках ходят уже давно обывательские лошади. На пополнение казенными нам заявили, чтобы мы даже и не помышляли рассчитывать.

12.08.1920. Около 10 двинулись на Эривовку, Донская кавалерия должна была сегодня, заходя правым плечом, занять Щербаковку и Янчекрак <в наст. время с. Каменское>. Предполагалось прижать эту конную группу противника к плавням. После небольшой перестрелки мы выдвинулись к буграм перед Эривовкой. Бой вели сегодня 2-й и 3-й полки, 1-й же пока оставался в резерве. Сегодня как-то удивительно нудно протекало наше наступление. Ружейного огня почти не было, и всё решалось почти исключительно артиллерией. Перед нами была исключительно кавалерия (еще вчера Донцы заскакивали в Эривовку, но к ночи оставили ее), которая, выскочив из Орлянска, задержалась здесь. Около 14 часов было замечено, что слева нас обходит кавалерия по глубокой долине, начинающейся между Эривовкой <в наст. время с. Широкое> и Карачекраком <с. Подгорное> и выходящей к Андребургу.

Вскоре туда был выдвинут 1-й полк, после чего мы, заняв Эривовку, выдвинулись на следующий за Эривовкой бугор, покрыли отступающих красных артиллерийским огнем и повернули влево на Карачекрак, который был уже занят 1-м полком. Теперь я побывал почти во всех населенных пунктах нашей основной линии фронта и должен сказать, что везде позиции самые отвратительные. Линия идет так: Васильевка—Карачекрак—Эривовка—Гейдельберг—Ниж. Куркулак и т. д. Не знаю, как в Васильевке, но все эти остальные селения прямо невозможно защищать: Карачекрак в яме, посредине болота с речонкой, Эривовка тоже в яме, про Гейдельберг говорилось уже раньше, Ниж. Куркулак тоже в яме и по бокам долины. Прямо удивительно, как сверху назначают такую линию для активной обороны. Единственное, что говорит за нее, это то, что по

этой линии получается самый короткий фронт, и севернее и, в особенности южнее, фронт сразу удлиняется благодаря загибу Днепра.

Вечером стало известно, что Янчекрак и Щербаковка заняты красной конницей по-прежнему, наша же кавалерия ушла на юго-восток в район Б. Токмака. Марковцы заняли Васильевку. Положение было восстановлено, но задача не была выполнена, так как конницу красных не зажали.

Сегодня на нас налетело 7 аэропланов красных. Они сбросили много бомб, но потерь нам нанесли очень немного; несколько человек только было ранено в 3-м полку. Довольно неприятная штука, когда эта компания кружится прямо над головой. Они последнее время обнаглели и снижаются очень низко. Бомбы весьма неприятны, пулеметный же огонь их пока не производит никакого впечатления.

Сегодня исполнилось ровно два года со дня моего отъезда из дому. Срок большой и большие, должно быть, произошли там перемены. Тяжело, что за всё это время я не получил от своих ни одной строчки. Боюсь даже глубоко подумать о том, что теперь у них делается. Вряд ли всё-таки все уцелели.

13.08.1920. Утром 1-й взвод вместе со 2-м батальоном нашего полка подымался на бугор, чтобы занять позицию. В это время выехавшим вперед подполковником Слесаревским были замечены совсем близко от Карачекрака цепи и колонна красных,двигающиеся на наше село. Когда об этом было доложено командиру батальона, он, еще не разувшись точно о направлении движения противника, скомандовал: «Батальон, в кукурузу!» Это очень характерно для метода ведения настоящей гражданской войны. Цепи в большинстве случаев заботятся о том, чтобы они были более укрыты, иной раз не считаясь с тем, какой будет обстрел. Красные, те почти всегда роют себе окопчики за гребнем на противоположном нам скате. Видит он там перед собой ровно 100 шагов, но зато его не видят, и это считается достаточным. Наши быстро стали на позицию, и красные сразу были очень удачно покрыты нашим артиллерийским огнем и ружейным огнем пехоты. После чего они сразу отскочили, остановившись на линии хутора Гладкого.

Около этого же времени на нас налетело снова 10 аэропланов красных. По ним наши открывали сильнейший ружейный огонь, и даже наша пушка пробовала два раза бахнуть, но понятно, что результатов никаких. Те, сбросив положенное количество бомб, вполне благополучно улетели. Около 13 часов мы начали уходить из Карачекрака, который передается в руки Марковцам. Шли мы в Андреебург занимать свой участок: Эристовка—Андреебург—Гейдельберг. Наш начдив генерал Туркул решил держать всю дивизию в кулаке в Андреебурге и Грюнтале, которые сливаются, а в Эристовке и Гейдельберге только конные разъезды, вместо того чтобы рассиропливать нас всех по полкам по этим гробовым местам. Так как эту линию нам приказано активно оборонять, то по мере того, как в одном из

названных пунктов появятся большевики, мы будем выбивать их оттуда. Пришли на место около 16 часов. 1-й полк и штаб дивизии разместились в Грюнтале, а 2-й и 3-й в Андребурге.

Довольно странно показалось, когда жители сообщили, что вчера около 23 часов здесь появились разьезды красных. Донская кавалерия действительно ушла в район Б. Токмака и сменила там Корниловскую дивизию, которая идет на Каховское направление. Рассматривали подробно карту и обсуждали положение дел у Каховки. В случае неудачи отход на Перекоп уже невозможен, почти к этому самому подходит и путь отступления на Чонгарский мост. Поговорили и решили про себя, что собственно уже пора и нам двинуться в том направлении, причем это движение уже обещает нам гермидер.

14.08.1920. Вернулся комарт. Комдив и комбат заняли свои постоянные должности. Сегодня командир батареи решил поочередно отправлять в обоз 2-го разряда в Федоровку по одному орудию для приведения в порядок материальной части и для того, чтобы люди могли бы немного отдохнуть и помыться, так как на резерв рассчитывать не приходится. Артиллерии же здесь, по соотношению с оставшейся численностью полков и небольшим участком дивизии, здесь достаточно. В первую очередь сегодня пошло 2-е орудие и его ящик.

Около полудня красные, заняв Эристовку, подошли к Грюнталю. Вышли на позицию и стали позади колонии в просвете между деревьями. В этом районе, кроме нас, стали еще 4-я и 5-я батареи. Нашу позицию красные довольно быстро нащупали и обложили, пришлось перейти шагов на 200 влево. Второй и третий полки пока стояли на месте и оборонялись, первый же часов в 15 начал наступать слева. Около 19 часов и мы выдвинулись вперед, имея целью очистить Эристовку и пугнуть красных. Третий полк остался на месте, так как Гейдельберг к этому времени уже был в руках красных.

Сбив противника, мы уже подходили к последнему бугру перед Эристовкой. В это время аэроплан сообщил, что в лощине Эристовки сосредоточилось до 1500 сабель конницы красных, собирающейся перейти в контратаку. Становилось темно. 1-й полк начал уходить, мы тоже свернули и ушли на старые квартиры в Андребург.

Только мы стали на место, как со стороны Гейдельберга послышалась ружейная стрельба. Мы подождали минут десять. Стрельба заметно приблизилась. Стреляли уже у самой окраины колонии. С нашей стороны не было слышно ни одного ответного выстрела. По улице неслись обозы, ничего нельзя было понять. Наша батарея двинулась из колонии. Со стороны Гейдельберга начался артиллерийский обстрел колонии, причем один из снарядов ахнул у запряжки 1-го орудия. Ружейная стрельба, бывшая до сего времени справа, почти затихла, зато слева, у Грюнтала, стреляли чуть ли не в упор. Когда мы между Грюнталем и Андребургом выехали на дорогу на Розенталь и повернули по ней, началась какая-то

каша. Обозы неслись со всех сторон, батарея сразу попала между четырьмя-пятью рядами обозов, стреляли прямо под носом, и в нашу сторону раздавался неистовый крик. Пехота выбегала из колонии вразброд, не слушая криков командиров. Только после того, как броневик выпустил несколько очередей из пулемета, она остановилась, и ее удалось собрать.

Страшный крик продолжался и продвигался вперед по дороге к Розенталю. Стрельба продолжалась на дороге между повозками, причем можно было расслышать: «куда», «стой», «вертай назад», «ай, не руби». Тут же у дороги справа раздалось несколько оружейных выстрелов. Среди этого хаоса мы двигались дальше и, наконец, въехали в совершенно непонятную кашу. Снова крики «товарищи!», свистки, стрельба. Кто-то стрелял, по-видимому, из револьвера, прямо в лошадей орудия. Куда ехать дальше, было совсем непонятно.

Я всё время был уверен, что эта паника произведена обозами, и наши стреляют друг в друга, не разобравшись, в чем дело. Но после последних криков я убедился, что на нас наскочили красные. Кто-то крикнул: «Где наши пулеметы? Кавалерия!» Стрелять в этой каше из пулемета нельзя было совершенно, так как везде в несколько рядов двигались наши повозки. Мы свернули влево, причем комбат сказал круто влево не брать, так как наших там нет. Слева тоже стреляли. Наконец в полуверсте перед нами раздался оружейный выстрел. Теперь можно было хоть несколько ориентироваться. Мы двинулись в том направлении и подошли к орудию 5-й батареи, стоявшему на позиции на дороге.

С полной очевидностью было установлено, что на нас налетела кавалерия красных. Она шла вслед за нами между нашей колонной и 1-м полком и вошла в Грюнталь в тот момент, когда мы становились на квартиры. Там поднялся страшный кавардак: красные налетели на штаб дивизии. Начальник дивизии удирал в автомобиле, который попал в яму и перевернулся, (красные порубили шины и испортили машину после этого). Штаб дивизии и управление бригады выскочили на конях под пулеметным огнем. Первая батарея, слыша выстрелы в свою сторону, встретила наших штабных картечью (ранено несколько человек, среди них адъютант бригады капитан Пинчуков).

Часть красных появилась на дороге у Андреевбурга в то время, когда батарея только сворачивала на нее. Они налетели на обозы, начали их заворачивать (крики «стой», «заворачивай», «назад» исходили от них) и рубить пехоту и обоз. Эти крики наши понимали как голоса своих и тоже кричали «стой», в то время как другие кричали «куда стой, нас рубят». Это происходило в 20 шагах правее батареи на дороге, но благодаря шуму, темноте и пыли никто не представлял себе, что рядом разыгрывается такая история.

Тут же, невдалеке, красные наскочили на 5-ю батарею, окружили ее и начали рубить. Одно орудие выскочило и удрало, а три остались. Тогда красные посадили соскочивших ездовых в один из передних выносов (сел

даже красный кавалерист) и, повернув их обратно, повели в колонию. Наш разведчик Ермилов зарубил одного из конных, ведшего батарею в тот момент, когда в это дело уже вмешивалась наша пехота, благодаря которой все три пушки и ящики были отбиты. Когда красные натолкнулись на пехоту, они начали подавать свистки и удирать. Захватить и вывезти им ничего не удалось, но переполох наделали много. В этой суматохе они сняли брюки с телефониста нашей батареи, а с ездового Вильчика — шинель. К счастью, у них поднялась какая-то паника и они ускакали, а то зарубили бы их. Чтобы выпутаться из этой каши, мы все отошли версты на две по дороге на Фридрихсфельд, постояли там около 2 часов и снова возвратились на прежнее место. Ночевать мы остановились на этот раз не во дворе школы, а в поле позади колонии. Спать оставалось немного — был уже 4-й час утра.

Такое скопление обозов в случае подобного «герמידера» совсем связывает руки: из пушки и пулемета стрелять нельзя, так как своих перебьешь больше, чем красных. В данном случае могли отстреливаться только одиночные люди, на которых непосредственно нападали, потому что разобрать ничего было нельзя.

За этот «герמידер» у нас зарублен кашевар Соколов, ранен в лицо навылет и получил шашечный удар по голове шт.-кап. Лепорский, осколком ранен шт.-кап. Стадниченко, пулей ранен в ногу поручик Люш и несколько лошадей. Из обозов боевого и 1-го разрядов пока налицо только две повозки, из телефонистов пока видно только двоих — не хватает еще несколько человек. В управлении дивизиона пострадал всё время ловчившийся и избегавший фронта поручик Иванов: у него в двух местах порублена голова, отрублен палец и разрезана ладонь. В общей сложности потери в дивизии за ночь составили: 4 убитых и 98 раненых. Красные оставили у нас около 20 трупов.

Вот и надейся на наше охранение. Без выстрела кавалерия противника ворвалась в колонию. Много всё-таки у нас излишней самоуверенности; кроме того, красные уже давно представляют собой не банду, а хорошо организованное войско, а с этим наши до сих пор не хотят согласиться. Если мы одним полком бьем 4–5 полков противника, то из этого не следует, что с ними мы можем совсем не считаться. В следующий раз мы будем умнее, беда только в том, что нам нужно очень много таких «следующих разов» для того, чтобы стать умнее и не делать элементарных ошибок.

Ночью Донцы в районе Гейдельберга и Коробочки, в свою очередь, причинили красным герמידер. Красные побросали пушки, броневики и многое другое, но вывезти наши как будто мало успели, так как быстро были отозваны обратно.

На Марковцев сегодня всё время наседала кавалерия красных, но ее неизменно каждый раз отбивали. Прямо можно выдохнуться: столько времени каждый день вести упорные бои и отбивать настойчивые не-

прекращающиеся атаки по всему фронту. Читать в газете легко и приятно о том, что новая попытка красных прорвать наш фронт не удалась, а останавливать эти новые попытки скоро станет превыше сил. На кого ни посмотришь — у всех на лице написано вполне ясно: «Необходимо отдохнуть».

15.08.1920. Стали утром на позицию. Телефонной двуколки пока нет. Пришлось стать на открытой позиции. Гейдельберг и Коробочка пока, после ночного наступления Донцов, свободны от красных. Около полудня нашлась в 3-м полку наша телефонная двуколка, и мы стали на прежнюю позицию. 3-й полк еще с утра пошел на Эрнстовку, чтобы помочь наступлению Марковцев. Правее нас Донцы наступали на Гохгейм, откуда они должны были идти на Коробочку, Барбараштадт. В Гейдельберге довольно скоро появились «товарищи», но пока оставались пассивными.

Часов с 13 начал понемногу собираться наш обоз. Сначала отыскивались отдельные повозки и люди, которые относительно остальных ничего не могли сказать, так как драпанули совершенно самостоятельно. Потом понемногу начало подъезжать по несколько повозок сразу, и наконец, собрались все. Обоз наш отделался легко (пропали ботинки, спички, табак, соль, нитки, вермишель и т.п.), растаскали это разведчики одного из наших полков благодаря тому, что правее него было еще два ряда повозок на дороге, с которых и началась рубка. Хорошо, что батарея не свернула сразу вправо по выходе из деревни, как это многие советовали вчера. Около 17 часов и мы со 2-м полком выдвинулись вперед с целью обеспечивать правый фланг 3-го полка и заняли гребень перед Эрнстовкой, верстах в 4-х правее селения. На участке нашей дивизии ничего особенного в этот момент не происходило. Правее Донцы вели бой. Они заняли Гохгейм, Коробочку и подходили к Барбараштадту, который они вскоре заняли, захватив много пленных, но под натиском четырех броневинов вынуждены были его оставить. Левее Барбараштадта горел подбитый Донцами бронеавтомобиль. За вчерашнюю ночную и сегодняшнюю операции Донцы здорово трепанули 42-ю и 46-ю дивизии красных, захватив около 2000 пленных, 3 орудия и броневую машину.

На участке Марковцев красные вели наступление. С нашего пункта было видно, как там продвигались красные, шедшие тремя густыми цепями. Мы своим огнем обстреливали Барбараштадт, цепи и конницу левее нас, против участка 3-го полка, и батарею на участке Марковцев, до которой достали на прицеле квадрант 29. Сегодня, впервые за последнее время, не обложили батарею на позиции. Только 2—3 снаряда за всё время разорвалось сажень в 100. Около 20 часов неожиданно было приказано отойти обратно в Андребург. Совершенно непонятно было, в чем тут дело.

Начали получать известия о перемене положения дел на Польском фронте. Польская армия, получив новый командный состав из французских офицеров и под общим руководством генерала Вейгана, бывшего начальника штаба фельдмаршала Фоша, перешла в наступление. В рай-

оне Данцигского коридора советские войска были окружены и отрезаны. Первоначально сообщалось о взятии в плен поляками 10 000 и 19 орудий, затем о полном разгроме, 30 000 пленных и 200 орудиях, и наконец, теперь говорится, что за всю операцию поляки взяли в плен около 55 000; около 70 000 красных перешли германскую границу и там были разоружены. Таким образом, красные потеряли свыше 120 000 и около $\frac{2}{3}$ артиллерии, бывшей на Польском фронте. Сообщается об оставлении красными Белостока, Брест-Литовска и об отходе по всему фронту. Эти сведения весьма приятны. Теперь красные в течение некоторого времени не будут в состоянии присылать новых пополнений на наш фронт. С теми же частями, которые сейчас против нас, мы, пожалуй, справимся. Это для красных здоровый удар. На нашем фронте всё время, систематически разбиваются лучшие, отборные их силы (мадяры, латыши, коммунисты, курсанты, сибирские добровольцы, кавалерия), на которых лежала обязанность в августе окончательно покончить с Крымом. Август кончается, лучшие части разстреляны, Крым не взят, на Кубани десанты продвигаются, и волнение растет, а тут еще Польша преподнесла совсем новое «дело».

В 1 час ночи начали отходить на Фридрихсфельд. Марковцы вчера отошли и оставили Бурчаук. Конная армия прорвалась на Орлянк и заняла его и Белозерку, имея целью выйти в тыл нашим частям, действующим против Каховки. Не успели мы отойти трех верст от Андребурга, как на левой окраине Грюнталя поднялась стрельба. Повадились последнее время красные бродить по ночам. Там в это время еще оставалось прикрытие 1-го полка, которое отвечало короткими пулеметными очередями на эту стрельбу, после чего всё стихло. Пришли мы во Фридрихсфельд около 7 утра. После полудня 1-й и 3-й полки ушли отсюда, чтобы занять фронт по линии Михайловка — Пришиб. Марковцы принимают влево к Орлянску, чтобы с помощью Донцов, которые к ночи должны сосредоточиться у Белозерска, зажать красную кавалерию. Наши два полка занимают участок Марковцев, а мы со 2-м полком остаемся здесь. В первый момент ухода 1-го и 3-го полков как-то сиротливо было на душе; казалось, что мы не в состоянии будем здесь удержаться, имея к тому же разрыв справа.

16.08.1920. День прошел спокойно, перед нами никого не было. Перед наступлением темноты мимо нас прошли влево обозы 2-й Донской дивизии, которую сменила 3-я генерала Гусельшикова. Теперь от моря и до нашего правого фланга весь участок занимают Донцы. Насколько мне известно, на всём том протяжении фронт у нас теперь довольно жидкий, так как на таком пространстве стоит 3-я Донская дивизия, бригада Атаманцев²¹⁴ и Лейб-казаков²¹⁵ и какой-то 18-й полк. Весь центр тяжести переносится влево и под Каховку, где дело только начинает немного поправляться, а то было совсем слабо. Говорят, что в планы нашего командования входило дать возможность красным переправиться через Днепр, чтобы отрезать эту группу и уничтожить, и таким образом освободиться на некоторое время от угрозы нажима с той стороны. Всё было бы нор-

мально, если бы наши начали там наступать с целью ликвидации вове-
мя, пока еще переправлялось не слишком много красных. Генерал Сла-
шев всё время находил, что переправилось еще недостаточно, и затягивал
их вглубь до тех пор, пока там очутилась чуть ли не целая армия красных,
с которой трудно уже было разговаривать. Затем случай с Каховкой, о ко-
тором у упоминал 7 числа, привел к тому, что мы чуть не остались со-
всем отрезанными. Левый фланг II корпуса упирался уже в Перекоп, где
участок занимали юнкера; правый фланг тоже скатился к станции Ново-
Алексеевка и Сальково, причем группе красных, действовавшей в по-
следнем направлении, приказано было занять Геничеськ, чтобы оконча-
тельно отрезать все наши силы, стоящие на фронте в Северной Таврии —
и до этого очень немного не дошло. Паника в районе Ново-Алексеевки
была изрядная. Нужно думать, что и в Крыму не все были совсем спокой-
ны. Теперь наши дела там исправляются. II корпус, получив большие по-
полнения из отряда ген. Бредова (вовремя прибыли эти отряды из Поль-
ши!), под командой ген. Витковского перешел в наступление совместно
с нашей кавалерией (конница Барбовича).

Корниловская дивизия ночевала в Покровке и Ново-Александровке;
сегодня она вела бой в районе Ниж. Серогозы. Взято 2000 пленных, 4 ору-
дия и 2 автоброневика. По всему фронту прорыва начали отходить, при-
чем Корниловцы и 6-я дивизия (ударная группа ген. Скоблина²¹⁶, началь-
ника Корниловской дивизии) теснят их на западе. II корпус продвигается
на северо-запад от Аскании-Новы, а конный корпус правее Корниловцев
на север в район Бемьяновки.

По газетной сводке от 16 августа, наш Анапский десант по выпол-
нении задачи был посажен на суда и возвратился. В связи с намеченной
операцией на Кубани был высажен ряд десантов с целью демонстрации
на всём побережье Черного и Азовского морей (от границы Грузии до
реки Миус), роль которых заключалась в том, чтобы они, поддержанные
повстанцами, приковали противника на всём указанном фронте и дали
возможность высадить части под начальством генерала Улагая у Ох-
тырской пристани. Высадившийся отряд проник в глубь Кубани, занял
станции Ольгинскую, Брыньковскую, Степную, Ново-Джерелиевскую
и достиг станицы Тимашевской, совершенно разгромив более 6 полков
красных и захватив 6000 пленных. Одновременно другой отряд меньшей
силы под командой ген. Черепова, высадился у Анапы и захватил стани-
цу Раевскую. Под угрозой быть отрезанным обеими нашими группами,
противник вынужден был оттянуть с Таманского полуострова часть 9-й
армии, что дало нам возможность начать переброску туда наших частей
из Крыма; после чего отряд, высаженный у Анапы, по выполнении зада-
чи был посажен на суда. В настоящее время операция по закреплению за
нами Таманского полуострова развивается.

К 8 августа противник стянул значительно превосходящие силы про-
тив частей ген. Улагая, вынудив его очистить Тимашевский район и на-

чать отходить по побережью. В данный момент идут упорные бои в районе станицы Гривенской (случайно узнал, что ген. Морозов не у дел, его конница сыграла важную роль в деле защиты Крыма до нашего приезда. У него в дивизии было два полка регулярных и два казачьих). Регулярные полки пошли к Барбовичу, а ему предложили только казачью бригаду, от которой он отказался. Все наши части сведены в 1-ю армию, командующим которой назначен ген. Кутепов. Ночью была непонятная стрельба между Андребургом и Монталем. В Монтале были только разъезды казачков.

17.08.1920. На нашем участке опять весь день спокойно. Правее красные заняли Розенталь; Ново-Монталь они заняли еще вчера вечером или ночью. Это соседство на правом фланге — вещь весьма неприятная. Донцы на левом фланге выбили красную кавалерию из Белозерок, Марковцы заняли Армянск (говорили, что 2-я конная армия выскочила обратно и что Марковцы якобы не успели вовремя выдвинуться и пропустили ее, но это совершенно неверно, так как красная конница пошла в обратном направлении на Каховку). В районе Михайловки и Пришиба на 1-й полк наступало два полка 7-й бригады 3-й стрелковой дивизии и два стрелковых полка Московских курсантов. Полки 7-й бригады получили пополнения, насчитывают до 2000 штыков. 1-й полк, подпустив красных на 150 шагов, встретил их пулеметным огнем. Много народу отправилось на тот свет, много было ранено и захвачено в плен. Курсантам опять не повезло. Их побили и захватили порядком, участь же их в нашем плену довольно печальная. У убитого командира полка курсантов найден приказ о том, чтобы здесь они не особенно нажимали, чтобы Каховская группа успела нас совсем отрезать, после чего приказано всех нас уничтожить. К вечеру выдвинувшиеся поезда противника были отогнаны обратно. Наша батарея, хотя и стояла весь день на позиции, но сочла более благоразумным не раздраживать их (на таком расстоянии легкой пушкой трудно что-либо сделать). Мы постреливали только по цепям, появившимся левее, со стороны Бурцацка, и пристреляли Розенталь.

18.08.1920. По сводке от 17-го в районе Нижестеблиевской продолжают упорные бои. В Таманском районе без перемен. С утра на позицию вышло только одно мое орудие. Несколько дней я временно заворачиваю пушкой, так как капитан Гудим, после истории с полк. Слесаревским, арестован им и отправлен в обоз 2-го разряда.

У нас опять всё тихо, и никого не видно. Слева тоже всё тихо, не слышно нигде выстрелов. Только около 16 часов взвод красных начал постреливать из Розенталя по нашей колонии. Около 18 часов на позицию вышли все орудия. Донцы начали наступать на Ново-Монталь, и мы будем помогать им отсюда своим огнем. За какой-нибудь час красные были выбиты из Ново-Монталья и под натиском казаков начали удирать из Розенталя. Снова стало приятнее и спокойнее, в особенности на ночь, когда очистили обе эти колонии.

Относительно 2-й конной армии противника имеются следующие сведения. Продвигаясь к Каховке, она натолкнулась на нашу кавалерию (правее Корниловцев), которая разрежала ее на две части. Причем одна рассеялась на мелкие группы, местонахождение которых неизвестно, а другая ринулась обратно на север и хотела прорваться через Марковцев. Вечером она вела там бой, но не прорвалась и пошла на юг в направлении на Большую и Малую Белозерку. По ее пятам пошла конная группа Татаркина²¹⁷. Пока не выяснилось дальнейшее движение 2-й армии, у нас было несколько неприятное состояние: а что если они вздумают ночью прорваться через нас; 2000 сабель и четыре автоброневика — вещь нештучная.

Корниловцы заняли Рубановку, разбили 51-ю пехотную дивизию, захватили ее штаб, рассеяли перед собой красных и продвигаются на Каховку. II корпус, стремительно наступая, занял Натальино в то время, когда обозначился обход его правого фланга крупными силами. Тогда генерал Витковский, оставив заслоны, отскочил назад и с главными силами, танками и автоброневиками двинулся ликвидировать эту группу.

В Кавказском районе нами занята станица Старотировская. В районе Старонижестеблиевской продолжаются упорные бои.

В штаб дивизии ездил от батареи полковник Петров для производства дознания о временном оставлении 5-й батареей 3 орудий во время «гермидера» в Андреебурге ночью 14 июля. Генерал Манштейн всецело защищает 5-ю батарею (она в его полку). Действительно, в той каше трудно было что-либо сделать.

Полковник Петров привез из штаба дивизии телеграмму командующего первой армией генерала Кутепова за № 0842 от 16.08.

«В связи с благоприятно складывающейся обстановкой в Румынии и на Польском фронте, где большевистская армия разгромлена и потеряла свыше 120 000 пленными и интернированными и находится накануне капитуляции, Главнокомандующий категорически требует напряжения всех сил для ликвидации врага и обязательного удержания Северной Таврии. Необходимо вновь собрать всю энергию и обрушиться на врага. Внушить это всем. В непродолжительном времени к нам прибывают новые подкрепления. Сейчас идет борьба на нервах, и, если противник будет сломлен нами, наш удар будет решающим для всей компании. Кутепов».

Разговоры об отходе за перешеек сами собой прекращаются. Говорят, что приказ об отходе должен был на днях последовать, но теперь это решение круто изменилось.

19.08.1920. Сегодня день опять прошел спокойно. Прямо удивляешься, что это так основательно успокоились «товарищи». В районе жел. дороги некоторое время слышна была стрельба, но и там скоро успокоилось. 1-й полк взял 300 пленных и 6 пулеметов. Последнее время все размещались в одном дворе и спали на воздухе. В комнате спать уже давно не приходилось, а когда раздевались последний раз, все уже забыли.

Сегодня прошел основательный дождь с грозой; во дворе спать было совершенно невозможно. Разместились по немногим квартирам.

Ночью в районе Нов. Монталя, Куркулака и Ст. Монталя шел приличный бой. Красные снова заняли Нов. Монталя и Куркулак, выбив оттуда Донцов. Замечательно резко были слышны оттуда выстрелы; пришлось проснуться и прислушаться к тому, что происходит. На Каховском направлении ударная группа ген. Скоблина (Корниловская 6-я дивизия) перерезала дорогу на Любимовку. Красные спешно отходят на переправу.

20.08.1920. Опять тихо на нашем участке. Ввиду того что казаки оставили Нов. Монталя, на всякий случай с утра на позицию у нас стала первая пушка.

Из штаба достали общую сводку к утру 20-го: «На Волновахском и Александровском направлениях редкая артиллерийская перестрелка. На Каховском направлении, продолжая преследование разбитого противника, части генералов Татаркина, Барбовича и Витковского к ночи 19 августа вышли на линию Константиновка—Дмитриевка—Марьевка—Тельников—Черная Долина—Черненька. Сегодня с рассветом наше наступление на Каховку возобновляется по всему фронту. Прорвавшаяся конная армия красных, пройдя Рубановку, двигается из Стрежелова на Чакрак».

Относительно Польского фронта и Кубани сведений нет. В данный момент наши полукругом, радиусом в 20 верст, со всех сторон приближаются к Каховке.

Около 19 часов над нами пролетел громадный аэроплан красных типа «Илья Муромец». По нему открыли здоровенный пулеметный и залповый огонь, но, несмотря на то, что летел он невысоко, стрельба осталась безрезультатной. Сбросил он много здоровых бомб в районе ст. Пришиб и улетел обратно.

На этих днях Донцы на своем участке сбили ружейным огнем аэроплан красных, который снизился в 10—15 верстах от Федоровки. Наши летчики на автомобиле подъехали к месту его падения, но ни летчика, ни наблюдателя захватить не удалось, те успели уже удрать.

Ночью сюда пришел 1-й полк. Марковцам в Армянске уже делать было нечего, и они приняли снова вправо. 2-я конная армия, как видно из сводки, проскочила к Каховской группе красных.

Видел какой-то странный сон (это у меня редкое явление). Видел своих в Могилеве, о чем-то говорили и плакали от радости вместе. Видел Олю в каком-то незнакомом городе и при каких-то странных обстоятельствах. Она не обращала на меня внимания, читала английский иллюстрированный журнал, затем мы с ней шли по улице, разделились в толпе и, несмотря на все мои старания, я не мог ее снова увидеть. В то время как я носился по улицам, разыскивая ее, ко мне подошел солдат и сказал, что меня ищет командир, так как батарея выступает на позицию и начала уже грузиться. Какое-то неудовлетворенное чувство было у меня весь следу-

ющий день под влиянием этого сна, настолько сильно во сне переживал я эти встречи. До встречи наяву остается еще слишком много времени, если волею судеб она не канет в вечность.

21.08.1920. У нас опять всё тихо. Часов в 9 в сопровождении двух истребителей снова прилетела вчерашняя громада. Я этот аэроплан назвал «Стариком» и теперь стоит только сказать: «Старик летит», как все высыпают на улицу колонии. Стрельба по нему подымается здоровенная. Он снова сбросил много бомб в районе Пришиба и улетел. Орудие 4-й батареи приказано поставить на противоаэропланную установку, чтобы поугагать «Старика».

Днем Донцы наступали и выбили красных из Нов. Монталя и Гейдельберга, правее заняли Ниж. Куркулак и Тифенбрунн. Марковцы получили пополнение из Бредовского отряда (в них влили часть Белозерского полка). В нашу дивизию вернулся и пришел сюда в колонию 2-й конный Дроздовский полк (он безлошадный и имеет ок. 600 штыков), который последнее время работал с Марковцами. Его в будущем собираются посадить на коней, и работать он будет при нашей дивизии. Ругают они страшно поляков и возмущаются их отношением к нам в то время, когда отряд Бредова был интернирован.

Сегодня наконец появилась у нас 42-линейная пушка для борьбы с бронепоездами. Эти дни она работала при 1-м полку в Михайловке и остается при нашей дивизии. Вечером снова прилетал «Старик» и, сделав свое гнусное дело, сопровождаемый шрапнелью 4-й батареи, благополучно улетел. По сводке, к утру 21-го наши подошли полукругом на 12 верст к Каховке, Корниловцы в 2–3 верстах от Любимовки; причем красные оказывают сопротивление, переходя в контратаки. Район переправы переполнен бесчисленными обозами, которые забрасываются бомбами с наших аппаратов. 2-я конная армия на левом фланге противника. Против нее наши конные части и группа ген. Татаркина. Около 19-ти пришло 2-е орудие, после чего пошло в обоз на починку первое.

22.08.1920. У нас весь день тишина. Даже «Старик» не появлялся. Общая сводка к утру 22 августа: «На Волновахском направлении лихим налетом Донцы овладели Павловкой и Ново-Павловкой, захватив пленных и др. трофеи. На Александровском направлении во время преследования разбитого противника доблестные Донцы овладели Гейдельбергом и Тифенбрунном, захватив целиком 2-й полк Западно-Сибирской бригады, часть 1-го полка той же бригады, всего более 300 штыков. Одновременно небольшая конная группа Донцов успешно вела бой с превосходящими силами красной конницы и после ожесточенной схватки отбросила ее на Сладкую Балку. Красный самолет большого размера с 20 августа производит ежедневные налеты, забрасывая бомбами район станций Пришиб и Плодородие. На Каховском направлении вследствие убийственного огня противника и фланкирующего огня тяжелой артиллерии с противоположного берега Днепра наши части, понеся тяжелые потери, отошли

несколько к югу для производства перегруппировки, по окончании которой будет предпринята решительная атака Каховской укрепленной позиции. 20-го числа наши части заняли Корсунский монастырь, ведется разведка на Казацьи Лагеря. Движение наших частей на Алешки и Голую Пристань успешно продолжается, встречая серьезное сопротивление противника. Таманский полуостров нами очищается. С Польского фронта новых сведений не поступило».

Большевики в своих листовках сообщают о полном уничтожении нашего десанта на Кубани. Безусловно, всё это преувеличенные сообщения; фактом остается только то, что нас там постигла неудача. Силы посланы были туда небольшие и технически, должно быть, совсем слабые. Весь расчет был на массовое присоединение к нам казаков. У красных там оказалось достаточно войск (в каждой станице стоят гарнизоны), и они имели возможность их очень быстро сосредоточить и превосходящими силами навалиться на наших. Война теперь уже далеко не та, которая была в 1918 г., и одними винтовками и доблестью очень многого не сделаешь; нужна солидная техника.

Всё это время мы располагались на южной окраине колонии. Теперь, после прихода 1-го полка, пришлось переехать на северную окраину (наш полк несет охранение). Ночью или на рассвете может получиться не совсем веселая история, если красные задумают подойти, т.к. от передовой заставы до батареи всего несколько сот шагов, и лошадям может не поздоровиться, а с ними очень туго: на все запросы отвечают, что пополнений мы не получим, а если хотим возить все пушки, можем пользоваться обывательскими. Странно отвечают, как будто мы хотим что-либо для своего удовольствия. В 1-м дивизионе осталось только два взвода, у нас во 2-м работает сейчас 6 орудий, в 3-м дивизионе 6-я батарея ушла на формирование, и в 5-й не все орудия; в 4-м дивизионе 2 легких пушки и 2 гаубицы. Наша бригада за всё это время здорово пострадала.

23.08.1920. У нас снова полное спокойствие. Донцы почему-то без боя и давления оставили Нов. Монталь и Розенталь, куда въезжало уже несколько конных красных. Вообще перед нами уже заметно некоторое движение, хотя пока очень слабое. На ночь батарея уходила на всякий случай на южную окраину колонии. Сегодня из штаба не передавали общей сводки. Относительно бывшего у Каховки боя передают следующие подробности: 6-я дивизия повела демонстративное наступление, которое вскоре было остановлено, после чего Корниловцы начали атаку укрепленной позиции. Они сначала заняли 1-ю линию окопов и пошли на 2-ю, но огнем тяжелой артиллерии были остановлены и залегли, но вследствие непрекращающегося огня должны были отойти, понеся тяжелые потери. Теперь севернее Каховки должна будет переправиться на ту сторону наша кавалерия, чтобы воздействовать на артиллерию противника. Противоположный берег намного выше, почему наступать в лоб наши больше не будут. Теперь там идет перегруппировка. По сводке,

к утру наши части у Каховки перешли к активной обороне. Кавалерия наша встретила сильное сопротивление и переправиться не смогла. Дело затянулось: уже месяц длится эта ликвидация прорыва, который является постоянной угрозой и приковывает к себе всё внимание и значительные силы с нашей стороны. Одной из бомб «Старика» на днях был ранен командир артиллерии. Комдив временно ушел в бригаду, а сегодня наш командир начал снова временно командовать дивизионом. Только на этот раз он не ушел из батареи, а совместил те и другие обязанности вместе.

Сегодня редкая цепочка 2-го конного полка наступала на Розенталь и после короткого боя заняла его. Наши оставались там до 22 часов, после чего без боя оставили колонию (пешим довольно неприятно там оставаться, особенно если их совсем немного). Лошадей мы каждый раз на ночь замуничиваем. Спим пока еще на дворе, хотя ночи стали уже здорово холодные, и по утрам сильная роса. У меня сегодня отмерз палец на ноге. Подумаешь о зиме, и тяжело становится. Мы хотя и плохо одеты, но всё же почти у каждого солдата есть шинель, в пехоте же даже шинелей не много видно, не говоря уже о чем-либо другом зимнем. Прямо болит сердце, когда посмотришь на них, а обмундирование, да еще зимой, — это один из главнейших факторов боеспособности армии.

Относительно снарядов начали говорить последнее время, что на 100 легких английских пушек остается всего только 35 000 снарядов. Предполагается перевооружать нас французскими пушками, и уже начинают требовать офицеров для изучения французской артиллерии. Гаубичных английских уже давно почти нет.

В последних номерах газет появились сведения о росте рабочего движения в Англии, об образовании «Совета действий». Есть сообщения и о том, что у германцев происходят какие-то столкновения с французами; затем очень похоже на то, что Германия накануне соглашения с Совдепией. Во внешней политике снова ожидают изменений. Пока же горизонт остается темным.

25.08.1920. По утренней сводке, вчера Донцы, с целью предупредить наступление красных, сами перешли в наступление и в районе Скелетоватая—Очереватая, полностью захватили в плен 124-ю бригаду 46-й дивизии в составе 371-го, 372-го и 373-го советских полков со всеми обозами, штабами, канцеляриями и пулеметами. Командир бригады оказывал сопротивление и был убит. На Каховском направлении перегруппировка закончена.

У нас на рассвете части 2-го конного полка пошли снова на Розенталь, но были встречены сильным пулеметным огнем и возвратились обратно. Часов в 17 наши опять повели наступление на Розенталь и заняли его без боя (красные около 12 сами ушли в Нов. Монталь) и вечером возвратились опять.

Приезжал сюда командир корпуса ген. Писарев; с ним были англичане. Говорят, что они снова возвращаются к нам и будут помогать нам, но теперь уже через посредство Франции. Сложна и темна международная политика.

На ночь сегодня перешли на южную окраину. По агентурным сведениям, последние дни наши ожидают, то ночью, то на рассвете, наступления красных. По сведениям штаба, Андребург занимается тысячью сабель.

26.08.1920. Говорят, что вчера перебежал какой-то офицер и сообщил какие-то ценные сведения. Не знаю, в связи ли с этими данными или независимо от них, на сегодня было назначено короткое наступление на участке Донцов. Мы тоже перешли в наступление с целью облегчить им задачу и привлечь на себя внимание.

Подняли нас в 3 с половиной, и вскоре мы двинулись. 1-й полк пошел на Андребург, мы — на Розенталь и Нов. Монталь, а 3-й полк тоже с целью демонстраций выдвигался несколько из Пришиба. На рассвете мы заняли Розенталь (красных там не было) и повели дальнейшее наступление на Нов. Монталь. Донцы начали тоже очень рано: у нас еще не начиналось «дело», а справа уже были видны вспышки. 2-е и 3-е орудия стали на открытую позицию впереди Розенталя, а 4-е пошло в цепи 3-го батальона с целью отражения атак автоброневиков. После довольно упорного двухчасового боя красные оставили Нов. Монталь, и мы выдвинулись на его северную опушку. Стреляли прямой наводкой по пулеметным тачанкам и цепям. Интересно, что красные в Монтале окопались с двух сторон: в сторону Розенталя и в сторону Молочной. Ночевали они в окопах. Довольно странно было увидеть, когда на восточной окраине из окопов встала цепь красных, по отношению к которой мы наступали точно во фланге. После трех-четырёх удачных попаданий она очень быстро испарилась. Редкое упорство проявили пулеметные тачанки противника, которые оставались на местах даже тогда, когда цепи начали драпать.

Третий батальон нашего полка был на днях вновь сформирован после гейдельбергских боев и состоял исключительно из красноармейцев. Сегодня для него был первый бой. Наступали они роскошно, не останавливаясь и не залегая под сильнейшим огнем.

В Нов. Монтале наши захватили 23 пленных, между которыми разведчик нашей батареи Мохов нашел своего двоюродного брата. Наши потеряли 15 человек ранеными. С окраины Монталья мы постреляли по цепям на окраине Гейдельберга и часов в 10 ушли восвояси, т. е. во Фридрихсфельд. 1-й полк к этому времени тоже начал возвращаться, выполнив свою задачу, т. е. выбив красную кавалерию из Андребурга. От этого боя у меня не осталось впечатления принесенной помощи и пользы наступлению Донцов — слишком скоро мы вернулись. Нужно было еще занять Гейдельберг и оттуда постреливать часов до 18, с целью привлечь к себе внимание, а то мы на своем участке, не считая нейтрального пространства, отбросили красных всего только на 5 верст. Монталь занимали части 46-й дивизии, которая только вчера сменила западносибирских стрелков, которые за свою неустойчивость были отведены в тыл.

Жители страшно жалуются на красных. В Розентале одна немка накормила меня роскошным борщом и рассказала, что всех девушек из колонии жители отправили к нам в тыл, а то красные всё время насилуют.

Донцы занимали хутор Куркулак и Сладкую Балку. Они подошли к Блюменталю, но были встречены сильным огнем броневтомобилей и отошли в исходное положение. За эту операцию они захватили 700 пленных, 6 орудий и 2 зарядных ящика. Наша дивизия сегодня взяла 100 пленных. В первом дивизионе ранен его командир полковник Протасович.

На Каховском направлении у 2-го корпуса артиллерийская и ружейная перестрелка. Получены сведения, что атаман Володин (из повстанческой организации имени батьки Махно) занял город Никополь и захватил там бронепоезд. Отряд этого Володина формировался недалеко от Симферополя и недавно проследовал через фронт в тыл красным. В своем воззвании Володин звал к себе «подходящих» ребят и говорил, что Главнокомандующий лично обещал ему, что простит старые грехи всем записавшимся. При следовании на фронт в железнодорожных вагонах компания эта вела себя довольно вызывающе, офицеров в глаза называли «золотопогонниками» и пр. Теперь дальнейшая запись в этот отряд прекращена, он уже выступил в составе 100 человек, а многие любители тыла, записываясь туда, думают словчиться.

О Махно официально передавали, что в районе Кременчуга он разорвал железную дорогу и со своими «частями» двинулся на Лозовую.

Привожу только теперь дошедший до нас приказ Дроздовской артиллерийской бригады от 16.08 за № 99, параграф 1: «Из произведенного расследования выяснилось, что при нападении красных в ночь с 14 на 15 августа на Андребург—Грюнталь только часть офицеров 5-й батареи оказалась у головного орудия, а остальных двух офицеров не было. Ни пыль, ни какие другие причины не должны побуждать офицеров оставлять свои места в батарее, особенно в тяжелую минуту. Были офицеры, которые оказались в эту ночь во Фридрихсфельде. Не называю их фамилий — батарея их знает и должна оказать на них соответствующее воздействие. Молодцам ездовым, повезшим орудия на голос командира 3-го полка генерала Манштейна, и бомбардиру 3-й батареи Ермилову, помогшему орудиям 5-й батареи уйти от красных, объявляю от лица службы благодарность. Приказываю представить их к наградам. Генерал-майор Ползиков».

На фронте по-прежнему сплошная тишина, красные укрепляются у Андребурга, роют окопы, ставят проволочные заграждения и пр. Вчера 1-й полк взял там несколько повозок с проволокой и кольями.

У нас в батарее публика пристрастилась к шахматам и шашкам. Солдаты всё время вырезают различные фигуры.

Читали беседу генерала Врангеля относительно событий текущего момента. Он указал, что всё это время армия сдерживала натиск 77 пе-

хотных и 16 кавалерийских бригад противника. В июле, по его словам, внешняя обстановка сложилась таким образом, что мы оставались совсем одни, это заставило его начать переброску сил на Кубань. Теперь же обстоятельства переменялись в благоприятную для нас сторону, и очистить Кавказ заставило не только одно давление со стороны красных. Говоря об армии, он указал, что силы наши сейчас сконцентрированы и Русская армия в данный момент уподобляется тигру, готовясь сделать новый прыжок.

Вечером пришло 1-е орудие, а на отдых ушло 3-е. Эти дни с утра до вечера играли в преферанс, а сегодня же с утра зарядили игру в покер.

28.08.1920. Около 17 часов по приказанию командира наше орудие ушло на 5 дней в обоз 2-го разряда в колонию Карлсруэ (в 12 верстах от Фридрихсфельда). Командир хлопотал, чтобы на батареиный праздник разрешили всю батарею снять с фронта и отвести в Карлсруэ, но это, кажется, не удастся. Легко и свободно, меньше чем за два часа, пройдя через Гохштадт, мы покрыли это расстояние. В *Карлсруэ*, против обыкновения, мы попали на самую лучшую квартиру. Поужинали знатно. Спал совершенно голым на постели с простыней, одеялом и двумя подушками. Такая простая вещь, а доставляет истинное наслаждение, особенно после того, как два месяца валялся на соломе безо всего.

29.08.1920. Вычистили сперва пушку, чтобы больше не думать о ней за эти недолгие 5 дней. Собрались в 12, чтобы обсудить, как провести завтрашний день батареиного праздника. Как-то вяло все настроены, никто не хочет ничего делать. Около 16 часов пришел сюда и 1-й взвод вместе с командиром. Нажимали со всех сторон и добились разрешения все-таки отвести сюда всю батарею. Тут началась уже совсем другая история. Всюду, куда только можно было, были посланы офицеры и солдаты за спиртом, вином, самогоном, оркестром и прочим.

В 19 часов отслужена была на улице панихида по 8 убитым за всё время в батарее. Около 21 часа для господ офицеров был устроен общий ужин: просто, без выпивки. Настроение у всех довольно хорошее. За ужином острили, смеялись, шутили. За одним столом батарея уже давно не сидела. Вспоминали прежнее время. Общего здорового, веселого начала не было, не всё же от этого простого ужина осталось симпатичное впечатление.

30.08.1920. Около 12 батарея была построена. Командир поздравил с праздником и сказал приблизительно следующее: «Этот день почти совпадает с двухлетней годовщиной основания батареи. За это время батарея своей боевой работой заслужила доброе имя. Работа батареи признана высшим командным составом: приказом Главнокомандующего батарея награждена серебряной трубой с лентами Св. Николая Чудотворца. Эта высокая награда не только честь дает нам, но и накладывает на нас большую обязанность. Подобно тому как солдат, имеющий Георгиевский крест, должен служить примером для всех других, не имеющих этой

награды, так и батарея, имеющая столь высокую награду, своей работой должна подавать пример остальным батареям. Поэтому мы должны приложить все усилия к тому, чтобы и на будущее время мы оправдали эту награду, и наша слава не только не померкла, но и увеличилась».

В 12 прибыл командир дивизиона. Он поздоровался и сказал: «Как в течение двухлетнего существования батареи, так и впредь желаю вам всего наилучшего». После этого началась обедня. Хор составляли наши офицеры и солдаты и офицеры 4-й батареи (в ней тоже отдыхает по одному орудию) и управления дивизиона.

После обеда говорил священник. Обратился он так: «Дорогие мои, воины-Дроздовцы», — и указал, что батарея получила начало в то тяжелое время 2 года тому назад, когда, казалось, всё погибало, когда враг, поправший все божеские и человеческие законы и права, захлестнул кровью почти всю русскую землю; но нашлись твердые люди, которые с помощью Господа Бога повели борьбу с ним. Много лишений и испытаний пережили они за это время, много тяжелых потерь было и будет по пути этого освобождения. Теперь же борьба близится к концу и закончится вашей победой. «Имена Ваши, мои доблестные воины-Дроздовцы, будут записаны. Сейчас мы помолимся Господу Богу и попросим, чтобы он укрепил наши силы и здоровье и ниспослал нам победу». После этого отслужен был молебен, закончившийся многолетием Главнокомандующему. После молебна говорил полковник Соколов, командир 3-го дивизиона, приглашенный и прибывший к нам на праздник. Он сказал: «Молодцы, от лица 3-го дивизиона поздравляю вас с праздником. Со своей стороны, как ваш первый командир, желаю, чтобы слава батареи, созданная ее боевой работой, на будущее время еще более возросла».

После этого батарея прошла церемониальным маршем перед командиром дивизиона. Посланные в Феодосию и Севастополь за спиртом чиновник Соколовский и поручик Лонгвинов, ничего не достали и сами не успели прибыть. Не прибыл также посланный в «самогонные места» варить эту историю шт.-кап. Зиновьев. Вовремя прибыли только 60 бутылок вина, виноград, яблоки и груши. В 15 часов в саду был накрыт стол: один для офицеров, а другой для солдат. Сервировали стол наши распорядители при участии молодых немки из колонии, которые разукрасили стол цветами. Приглашены были и прибыли полковник Соколов, из штаба корпуса генерал Веселовский, полковник Перекрестов (он несколько месяцев в прошлом году служил в батарее), офицеры управления дивизиона, офицеры 4-й батареи, бывшие в это время в Карлсруэ. За обедом произнесено было много тостов, некоторые умудрились даже подвыпить. Получены были поздравления от командира 2-го полка, 1-го дивизиона, 4-й батареи.

После обеда для солдат под руководством капитана Шинкевича были устроены игры и состязания с призами. Выигравшим давали нитки, мыло, табак бумагу, спички, сахар. Самым ценным призом была бутылка

вина, стоившая 15 000 руб. Игры прошли очень оживленно. В программе было 8 номеров: 1) бег на скорость (дистанция 200 шагов), 2) бег на трех ногах, 3) горшки, 4) колокольчик и торба, 5) бег с препятствиями, 6) борьба, 7) бег с яйцом на ложках, 8) бой кавалерии.

Очень жаль, что слишком поздно были приняты меры к тому, чтобы сюда прибыл оркестр музыки. Перед обедом я ездил в Рейхенфельд и вызывал его по телефону, но он не успел прибыть. После игры для офицеров был ужин в саду, который иллюминировали горячей телефонной проволокой. За ужином было предложено полведра самогону. После на квартире офицеров-разведчиков устроены были танцы под пианино, на которые были приглашены местные барышни-немки. Под конец артист Мариинки Яковлев, офицер 3-го дивизиона нашей батареи, попавший сегодня случайно сюда, пропел 2 вещи. Закончили день тем, что общим хором исполнили батарейного «журавля» и Юзовскую поэму. В общем, всё было довольно прилично. Выпивки только мало. Солдатам на обед было только 20 бутылок вина из доставленных 60.

Не нравится мне во время вечеров и праздников в батарее то, что наши офицеры за столом всё время думают и ловчатся, как бы побольше съесть чего-либо более вкусного и выпить, не думая совсем о других, прячут бутылки под стол, захватывают их и пр. В этом отношении батарея можно поставить большой упрек. Если кто-либо опаздывает даже по делу, то он может быть уверен, что ему ничего уже не останется. Уехавшие в командировку, например, совсем в расчет не принимаются. О табаке, папиросах, обмундировании по своем возвращении, узнают только, что всё это было без них выдано, а сами ничего не получают. Срок командировки безразличен, стоит уехать только на 2 дня, чтобы вас в это время совсем забыли. Во время стоянки в Севастополе, умерший в лазарете офицер батареи (шт.-кап. Пиленко) был похоронен в общей могиле. Батарея размещалась всего в нескольких кварталах от этого лазарета и узнала об этом случае только тогда, когда всё уже было кончено. Где находятся наши раненые и больные, никто не знает с того момента, когда они покидают батарею. Что с ними и в каком они положении, — никто не интересуется.

31.08.1920. После обеда 1-й взвод ушел во Фридрихсфельд. На участке нашего корпуса продолжается затишье. Красные сосредоточивают силы против Донцов, которым поставлена задача: овладеть Мелитополем. Всё это время Донцы переходят в короткие наступления и последовательно разбивают одну группу за другой.

По сводке от 31 числа, «наша конница на Бердянском направлении произвела внезапный налет на красных, занимавших город Ногайск, захвачено несколько десятков пленных, пулемет и 20 тачанок. На Днепре у села Широкое нашим артиллерийским огнем потоплен катер красных».

Говорил с полковником Перекрестовым относительно общего положения дел. С Кубани вернулись все наши части, причем состав их

увеличился в два с половиной раза. Из Алексеевской дивизии, расформированной после десантной операции в начале апреля у Геническа, на Кубань отдельной частью был послан Алексеевский полк, который также основательно пополнился. Говорят, что Алексеевцы снова будут разворачиваться в дивизию.

На Каховском направлении наше командование отказалось от мысли овладеть Каховкой и отбросить красных на противоположный берег. Там тоже затишье. Наши отошли в район Димитриевки верст на 25 и закапываются в землю. Корниловская дивизия и Донская бригада (бывшие Морозовцы) сняты с того направления и перебрасываются сюда к нам. В районе Андребурга и Гейдельберга красные начали усиленно окапываться против нас. В Розентале и Нов. Монтале бывают то наша, то красная разведки.

Генерал Врангель объезжает фронт и завтра ожидается у нас.

Вечером приехал шт.-капитан Зиновьев и привез самогону, таким образом, опоздав на сутки с доставкой этой «прелести», которую я совершенно не пью. Несколько странно получилось, что часть офицеров вечером «нарезалась», в то время как другим ничего не было сказано о предполагающейся выпивке. Вообще, офицеры у нас совсем не представляют одну дружную семью. Кстати сказать, что во время походов или боев если на одной квартире располагаются офицеры нескольких орудий (об офицерах-разведчиках даже упоминать не приходится), то и едят они все отдельно, по орудиям. Откуда такой сепаратизм, прямо невозможно понять.

01.09.1920. Вторник. Ночью несколько солдат и офицеров 2-го полка перебежало к красным. В 10 часов во Фридрихсфельде была репетиция парада, мы же оставались в Карлсруэ, о чем я сильно жалею. К 5 часам ожидается смотр.

В 14 часов прилетел большой аппарат и семь обыкновенных красных аэропланов и начали усиленно сбрасывать бомбы на колонию. Параллельно с этим красные обкладывали колонию тяжелыми с бронепоездов. Удачно вышло, что налетели они в промежутке времени между репетицией и смотром, а то могли бы наделать беды, от налета у нас пострадало 20 человек.

К 17 часам дивизия, кроме 3-го полка, который стоял в Пришибе, была выстроена за колонией по дороге в Гохштадт, начиная от паровой мельницы. Около 18 на автомобилях прибыли: генерал Врангель и Кривошеин, а также командующий 1-й армией генерал Кутепов, командир нашего корпуса генерал Писарев. Сопровождали их: адмирал американской службы Мак-Коли, полковник английской службы Уолш, майор французской службы Этьеван, полковник американской службы Нокс, капитан 2-го ранга британского флота Вудварт, майор сербской службы Стефанович, майор японской службы Такахоси, поручик польской службы Махальский. Кроме них было семь корреспондентов наиболее

распространенных заграничных газет. Главнокомандующий был в дроздовских погонах, а генерал Кутепов в дроздовской форме.

Во время смотра красные с бронепоездов обстреливали район паровой мельницы тяжелыми снарядами, но ближе 30 сажень от стоявших частей разрывов не было. Всё это время над Фридрихсфельдом кружили два наших аэроплана.

Врангель ничего особенного не говорил. Благодарил «доблестнейших» Дроздов и артиллеристов за славную работу. Начальнику дивизии генералу Туркулу и его помощнику генералу Манштейну (несколько дней тому назад Манштейн расстался со своим полком, которым теперь командует полковник Дрон²¹⁸) генерал Врангель сам приколот ордена Святого Николая Чудотворца. 1-й, 2-й, 7-й и нашей батареем он выдал ленты ордена Святого Николая в хороших футлярах с надписями на серебряной дощечке к серебряным трубам. На нашем футляре стояла надпись: «Третьей батарее Дроздовской артиллерийской бригады 24.6.1920». Выдавая их, он сказал: «Даю вам трубы. Пусть они протрубят атаку, а атака — это победа».

На смотре от каждой батареи было представлено по взводу; седьмая гаубичная к этому времени успела перевооружиться германскими гаубицами, которые раскопали где-то в Крыму (говорят, они остались в 1918 году после ухода германцев). Все батареи проходили мимо Главнокомандующего рысью и очень стройно. После парада генерал Врангель был на обеде в штабе дивизии. Там он, как говорят, сказал, что в этом году на зимних квартирах мы будем стоять в Харькове.

Интересно то, что сегодня красные аэропланы, кроме бомб, сбрасывали листовки примерно следующего содержания: «Сегодня у вас будет Врангель. Не верьте тому, что он будет говорить».

Два полка Донской кавалерии прошли сегодня в районе Б. Токмака из Серогоз через Карлсруэ. Правее нас Донцы уже начали пошевеливаться. На Пологском направлении уже взято несколько орудий и пленные; Донцы перешли железную дорогу Бердянск—Б. Токмак, сегодня к 14 часам там взято 300 пленных, два орудия, два пулемета и обоз интендантской роты.

02.09.1920. Начались разговоры о предстоящем грандиозном нашем наступлении, которое должно начаться на днях по всему фронту. Правее нас Донцы уже начали и весьма успешно работают. Наши тоже начали беспокоить красных. Сегодня из Фридрихсфельда на Андребург ходила с орудием усиленная разведка 1-го полка и второй роты. Абсолютной тишины, которая была последние две недели, уже нет: днем помаленьку постреливают всё время.

Среди офицеров нашей батареи началась «тяга» и стремление к теплым тыловым местам. Капитан Неручев после ранения не вернулся и устроился у инспектора артиллерии армии. Барон Майдель пристраивается туда же, сейчас он уехал в комиссию по отправке тыловых офице-

ров на фронт, а оттуда уже к инспектору артиллерии армии. Полковник Гриневич тоже собирается куда-то словчиться. Капитан Гудим-Левкович и мичман Минович вызвались ехать на автомобильные курсы и там собираются устроиться: один — на броневик, другой — во флот.

Перед заходом солнца у нас в Карлсруэ произошел довольно комичный переполох. Недалеко от колонии, вследствие порчи мотора, опустился красный аэроплан. В этом районе наши ездовые рвали кукурузу для лошадей. Один из них прискакал верхом в колонию и сообщил, что недалеко упал аппарат красных, к нему опустилось еще двое красных, которые обстреляли наших ездовых, когда те хотели приблизиться к ним. Все, кто услышал об этом, устремились в указанном направлении: одни верхом, другие пешком, одни с винтовками, другие без всякого оружия, захватили даже с собой пулемет. Было уже почти темно, до места падения мы не добрались, так как выяснилось, что аппарат уже захвачен, летчик скрылся в направлении на Карлсруэ и успел поджечь аппарат. Два других аппарата были нашими, это они обстреляли пулеметным огнем удиравшего летчика, чем и заварили у нас кашу.

03.09.1920. По официальному сообщению от 3(16) сентября, в Азовском море «наши разведывательные суда 2 сентября вели бой с вооруженными судами красных. В результате упорного боя три красных корабля нашим метким огнем были подбиты и уведены в Мариуполь на буксирах, куда после боя отошел и весь морской отряд красных. Наши потери в личном составе незначительны. В Северной Таврии 1-го и 2 сентября совершенно разгромлена Верхнетокмакская группа красных. Наши части заняли район Верхний Токмак—Гусарско-Семеновка. За два дня боя было взято до 2000 пленных, причем 357-й советский полк пленен полностью. В наши руки попали орудия, пулеметы и три бронепоезда красных, отрезанных нами на станции Верхний Токмак».

На нашем участке сегодня ночью ходила на Гейдельберг усиленная разведка с орудием и наделала там приличный переполох. В 15 часов во Фридрихсфельд ушло 3-е орудие. Через час и я получил приказание вести свое орудие туда же. Срок нашего отдыха кончался только завтра, одного дня не удалось достоять в спокойной обстановке. Теперь не скоро снова удастся поспать совершенно нагишом, как я практиковал последние дни здесь, в Карлсруэ.

Прибыли мы во Фридрихсфельд около 20 часов. Все говорят о предстоящем наступлении. Когда оно начнется на нашем участке — еще не известно (справа, как я говорил, начали наступать еще с 1 числа). Предполагают, что этой ночью 3-й полк пришел сюда из Пришиба. Настроение у всех несколько повышенное. Каждый по-своему набрасывает планы нашего предстоящего движения. Почему-то всем хочется, чтобы на этот раз наше движение вперед носило характер большого наступления, а не короткого удара, но это едва ли возможно, если сообразоваться с нашими силами.

04.09.1920. В 2 с половиной ночи по новейшему времени (по солнцу в 12 с половиной) мы двинулись на Розенталь, остававшийся нейтральным все эти последние дни. Там приказано сосредоточиться ночью всей нашей дивизии и 2-му Дроздовскому конному полку и оттуда начать наступление.

Было еще темно, когда мы прошли Ново-Монталь (красные его тоже не занимали). На рассвете подошли к Гейдельбергу и ввязались в бой. На Гейдельберг наступали 3-й и наш полк; 1-й должен был брать Андребург, но так как последний был защищен глубоким окопом и проволокой в 2 кола, которая протянута была на большом пространстве и направлена в сторону Фридрихсфельда, Розенталя и Ново-Монталья, то 1-й полк двигался за нами на Гейдельберг, чтобы атаковать Андребург со стороны последнего. После короткой, но весьма приличной перестрелки, во время которой наша артиллерия работала, не умолкая, наши цепи подошли к опушке колонии. В этот момент слева, в обход колонии было пушено 150 сабель 2-го конного полка, которые навели там здоровую панику. Красные бросили 4-орудийную батарею полностью: с 4 ящиками, запряжками, номерами, телефонной двуколкой, батарейной тачанкой и пр. В колонии захвачено было около 600 пленных. 5-я батарея выскочила за колонию вместе с кавалерией, прежде чем наша пехота прошла Гейдельберг. Тут красные со стороны Коробочки насели на нее. Кавалерия наша ускочила, а батарею минут 20 пришлось отбиваться на картечь, пока мы не вышли за Гейдельберг и не отбросили красных за Коробочку. У Андребурга всё было тихо, нас оттуда не обстреливали, хотя мы по отношению к нему двигались совсем открыто. Мне эта тишина у Андребурга была непонятна, казалось, что красные оттуда уже драпанули.

К 10 часам мы заняли Коробочку и выдвинулись за лежащие за ней бугры. Отсюда мы повернули круто влево и пошли по хребту севернее Эрстовской ложины на Эрстовку. Только в это время у Андребурга поднялась стрельба. Артиллерия 1-го полка и гаубица развили небывалый по интенсивности артиллерийский огонь и вскоре заняли колонию, захватив пленных.

Теперь мы двигались вдоль нашей, бывшей основной, линии фронта. 1-й полк — южнее ложины, а наш и 3-й — севернее. У Эрстовки наша батарея прямой наводкой сбила с открытой позиции взвод батареи противника, обстреливавший нашу колонну. После этого движение дальше совершалось почти безостановочно, если не считать того, что мы несколько раз на ходу становились на позицию.

К 17 часам мы заняли Карачекрак и лес севернее его, и таким образом, отрезали левую группу красных, бывшую против Марковцев. Отсюда мы артиллерийским огнем разогнали драпающих красных кавалеристов, и на этом успокоились. Около 18 часов приехал к нам на автомобиле наш комкор генерал Писарев, поздоровался с батареей: «Здравствуйте, доблестнейшие артиллеристы», а затем указал стоявшему здесь командиру 2-го полка полковнику Харжевскому, что мы рано остано-

лись, так как по его мнению, нам надо было бы резать красных севернее, у Янчекрака. Харжевский ответил, что дорога левой группе красных уже отрезана, что значения не имеет, в каком месте припереть их к Днепру, если вся группа уже не может отходить на север. Двигаясь же севернее, мы понесли бы несравненно большие потери, так как пришлось бы идти по ровному полю под огнем бронепоездов. Это удовлетворило комкора.

До вечера красные тяжелыми орудиями обстреливали Карачекрак и, наконец, успокоились. За день наша дивизия взяла всего около 1200 пленных и 4 орудия. Марковцы вышли к Васильевке. Конница Бабиева вышла на линию Ольгополь (недалеко от железной дороги Орехов—Пологи—Копани). Донцы заняли станцию Пологи и Гуляй-Поле, захватив 1200 пленный и 15 пулеметов. Всего же с 1 сентября взято 4100 пленный, около 100 пулеметов, 11 орудий, 3 бронепоезда и большое количество обозов и разного инженерного имущества.

Сегодня произошел довольно интересный случай с Марковским полком. Красные были выбиты из Васильевки 1-м Дроздовским полком, который оставался там до подхода Марковцев. Командир корпуса от нас поехал к 1-му полку и был в Васильевке в тот момент, когда туда втягивался Марковский полк, командир которого полковник Гравицкий не замедлил отправить донесение, что «вверенный ему полк ворвался в Васильевку». Говорят, что, получив донесение, комкор сказал: «Странно, странно, ворвались». Потери нашей дивизии за сегодняшний день крайне малы. Ранен начальник дивизии генерал Туркул. В батарее у нас всё благополучно. Выбыла из строя одна лошадь.

Утром Марковцам приказано было занять Янчекрак, что они и сделали, к 12 часам стрельба в том направлении уже стихла.

5.09.1920. Мы оставались в корпусном резерве. На нашем участке всё было тихо. Ночью только красные подходили к Карачекраку, но огнем застав были отброшены. Часов в 10 пролетало над нами 5 наших аэропланов, затем два «старика» типа «Ильи Муромца», которые сбросили в Карачекраке около 15 бомб, и затем снова прилетело 7 наших. В общем, в воздухе заметно было оживление. Кавалерия наша пошла на город Орехов и севернее.

Распространился слух, что в Гейдельберг снова вошли красные. Туда была послана разведка, но ничего похожего не оказалось. Слухи получили свое начало из-за такого случая. В том районе красные вчера при нашем наступлении разбросали много винтовок, которые не все были подобраны. Жители сносили их и сдавали старосте. Компания мальчишек, собрав несколько винтовок, решила пострелять в цель и открыла солидную стрельбу. В это время проходило несколько повозок обоза, которые, услышав это, драпанули и донесли, что их обстреляли.

Около 13 часов по нашей улице бежал, стараясь скрыться, коммунист ординарец комиссара, за ним мчался комендант 2-го полка и стрелял из револьвера. Этот коммунист вскочил в дом наших ездовых, влез на чер-

дак и забаррикадировал люк мешком с мукой, который осмотрительный хозяин дома припрятал на чердаке. Собралась целая толпа. Номер 1-го орудия Заваруев полез наверх и выстрелом в упор из винтовки раздробил беглецу ногу, после чего последнего извлекли оттуда. Он кричал: «Братцы, я не виноват, я также не перевариваю евреев». Его унесли во 2-й полк и расстреляли там.

В 16 часов наша дивизия выступила на Щербаковку, в 20 с лишним верстах к северо-востоку от Карачекрака. Шли мы через хутора Гладкий, Грозова и Пятихатки и прибыли в Щербаковку около 22 часов. Красные оставили это село часов в 15. Жители говорили, что начальник одного обоза хотел остаться со всеми обозами и всё время ожидал, что вот-вот появится несколько наших конных и долго не зааумничивал, но его мечтам сегодня не пришлось сбыться. Вчера, по словам населения, под влиянием поражения у красных была сильная паника.

Из Карачекрака ехала с нами труппа Павла Троицкого. Комично было в нашей колонне видеть верхом, на импровизированных седлах троих штатских: Павла Троицкого, Родиона Кубанского и Дудина. На повозках сзади ехали их жены и выступающая с ними девочка «Женичка». Хотели они дать концерт во Фридрихсфельде и прибыли туда вечером накануне нашего выступления, тогда они последовали сегодня в Карачекрак, но прибыли в момент нашего вступления и теперь двинулись вместе с нами дальше.

Наша конница заняла сегодня Орехов, Жеребец, Ново-Павловку и вела бой у Камышеватки. Взято около 1000 пленных, 150 конных, 5 орудий, 3 зарядных ящика, 2 автоброневика и пр. Кубанцы вскочили в город Орехов со стороны Омельника, т. е. почти с севера и произвели там переполох. Приехавшие оттуда подводчики говорят, что там захвачены городские совдепы и комиссары.

6.09.1920. На рассвете выступили всей дивизией дальше. Нам приказано выйти на линию Лежина–Трудолюбовка (первая станция жел. дороги Александровск–Пологи). Шли через колонию Ней-Базель (все дома, за исключением двух, сожжены в прошлом году отрядом Махно, который мстил жителям этой колонии за то, что вся молодежь поступила на службу к нам в кавалерию), село Ново-Яковлевку, Хитровку, Камышеватку, в которой был большой привал для обеда и через которую уже утром прошли Кубанцы на г. Александровск. Прошли мы около 40 верст и остановились в селе Степное в 3 верстах от станицы Лежина.

Еще по пути мы узнали, что Александровск уже занят. Из города всё время освещал местность захваченный там большой прожектор. Там захвачена громадная добыча: 5 бронепоездов, много эшелонов, аэропланы и пр. В сводке от сегодня подводится итог всему, что сделано за 6 дней наступления. «В шестидневной операции последовательно разгромлены Верхне-Токмакская, Пологская, Ореховская и Александровская группы красных. На фронте в 200 верст за этот период взято более 10 000 пленных, 35 ору-

дий, из которых 9 тяжелых, 8 бронепоездов, 3 автоброневика, несколько сот пулеметов, автомобильно-инженерная станция с прожектором в 90 сантиметров, 5000 пудов колючей проволоки, 7 аэропланов, 7 исправных паровозов и др. Часть нашей конницы вышла к станции Софиевка верстах в 25 севернее Александровска, и в нескольких верстах севернее первой, взорвала железную дорогу, благодаря чему сошел с рельс один бронепоезд красных и закрыл дорогу двум бронепоездам, шедшими за ним и 16 эшелонам, вышедшим со станции Александровск». Так как в этот район проскочило только 16 наших конных, то большевики продолжали еще сидеть в вагонах до тех пор, пока налетели наши аэропланы и начали забрасывать эшелоны бомбами, от падения которых на станции Софиевка начали рваться снаряды и гореть эшелоны. Тут уже у красных началась паника. Они выскакивали в чем попало, одни с вещами, другие без них и все устремились пешком на запад, в сторону Днепра. Аэропланы тогда снизились и пулеметным огнем подгоняли эту компанию, причем заставляли последнюю на ходу расставаться с последними вещами. В этих эшелонах удирали разные политработники, хозяйственные чины, семейства советских деятелей и много другой публики, не особенно привыкшей к обстрелу. Много было евреев среди этой компании; жители рассказывали, как еврейки в деревнях просили спрятать их, так как вдобавок ко всему поднялась страшная паника, благодаря тому, что у них распространился слух, что «белая кавалерия наступает на Софиевку с севера». Ближе к Александровску захвачены были 7 сестер милосердия красных, больше 100 молодых жидков-политработников, канцелярия какого-то отдела штаба 13-й армии.

Оставлено красными очень много, но всё это оставалось всю ночь без охраны (конница подтянулась к Александровску). Благодаря этому ночью красные, сделав обводный путь на маленьком кусочке, увели два своих оставленных бронепоезда, а третий, сошедший с рельс, взорвали. Жители же всю ночь грабили и разбирали вагоны эшелонов.

7.09.1920. Утром командир уехал в Александровск сделать закупки и заказы необходимых батарее предметов. В 13 с половиной вся дивизия выступила из Степной в направлении на ст. Софиевку. Шли мы через ст. Лежина, хутор Скелеватый, село Натальино, ст. Софиевка. На станции остался 3-й полк, 1-й ушел влево в село Софиевка, а мы со 2-м полком в д. Сергеевку, куда прибыли около 21 часа, сделав сегодня переход в 20 с лишним верст. Когда мы проходили мимо ст. Софиевка, там уже происходила настоящая вакханалия. На протяжении нескольких верст (конца не было видно) в сторону Александровска стояли эшелоны, около которых шныряли везде люди. За 2–3 версты от линии жел. дороги по полям валялись стулья, корзины, разная бумага, тряпки и т. д. Из вагонов выскакивали люди со всякими нужными и ненужными им вещами. Батарея и полк прошли, не задерживаясь, через жел. дорогу мимо эшелонов. От нас только были отправлены туда разведчики и пулеметчики с целью достать что-либо для батареи, причем ведший батарею полковник Гри-

невич (полковник Слесаревский уехал вместе с командиром из Степной в Александровск) всем отправляемым неизменно приказывал: раздобыть для него спирта.

Мимо меня проезжал командир 3-го батальона подполковник Потапов и сказал по поводу этой картины драпа красных: «Это Гниловская № 2». Похоже было на Гниловскую 27 декабря 1919 г., но там мы оставили всего в несколько раз больше, чем вчера красные. Около 23 часов приехал страшно возмущенный командир и сказал, что такого безобразия он еще не видел. Всё кругом пьяно-распьяно, начальник штаба дивизии не знает, куда идут полки; части дивизии и обоз растянулись по дороге верст на 15, никто ничего не знает, около эшелонов толкуются, ломают, растаскивают всё и пр. Если бы красные перешли сейчас в наступление, то могли бы нас выставить отсюда, пожалуй, с большим треском, чем они сами уходили.

Вскоре прибыли разведчики и пулеметчики. Достали они немного нужного для батареи имущества, а то больше словчили для себя личных вещей, привезли немного спирта и железную бочку с карболкой, которую приняли за бочку со спиртом. Интересно, что пока выяснилось, что это карболка, а не спирт, полковник Гриневич считал, что она привезена по его приказанию и принадлежит исключительно ему одному. Говорят, что он даже сказал: «Если командир захочет раздать этот спирт всей батарее, то я скорее прострелю эту бочку, чем соглашусь на это». Разведчики выпивали себе отдельной компанией; о том, чтобы разделить всё захваченное между всеми, никто и не подумал, а если напомнить об этом, то каждый еще обижается, считая, что если он сам взял что-либо, то он и будет этим владеть. Другие тоже могли бы набрать, если бы их послали (это не в бою и ничего тут хитрого нет), но по роду своей службы в батарее они не могут отлучаться и отходить от орудия, благодаря чему рассуждения разведчиков в корне неправильны.

8.09.1920. Утром обнаружилось, что многое из того, что должно было быть роздано сегодня всем, ночью у нас уже было в батарее раскрадено с повозок (так например, пропало больше 30 щеток для рук и ногтей). В 18 часов Троицкий на ст. Софиевка давал концерт нашей дивизии, и отдано было уже распоряжение о том, чтобы половина всех солдат была туда отправлена к этому времени, как вдруг неожиданно это было отменено, так как к 19 часам приказано было быть наготове к выступлению на Синельниково. 1-й и 2-й полки пойдут левее железной дороги и должны перерезать железнодорожную линию Синельниково—Екатеринослав, а 3-й полк и бригада кубанской конницы — с правой стороны и будут резать линию Синельниково—Павлоград.

Выступили мы в 21 час; с нами пошли все 3 эскадрона (пока у них больше конных нет) 2-го конного полка. Шли мы через Ново-Гуполовку, Михайловку, Васильевку № 2, Афанасьевку на Синельниково по отвратительной дороге, всё время с большими задержками у бесчисленного количества оврагов и лошин. Во время пути в канаву сорвался ящик 2-го

орудия, на каком-то спуске чуть не перевернулось 3-е орудие и съехало под откос. Двигались напролет всю ночь безо всяких привалов. Впереди шел 1-й полк, а мы по той же дороге сзади. В Александровке сегодня произошел занятный случай. На аэродром спустился красный аппарат, и летчик был страшно поражен, когда его сразу же задержали. Летел он из Каховки в штаб 13-й армии (хорошая осведомленность, нечего сказать).

09.09.1920. На рассвете мы подошли к Михайловке, голова колонны (мы шли за 1-м полком) в это время втягивалась в Васильевку № 2, которая занималась красными. После нескольких коротких очередей наши ворвались туда и захватили всю компанию в 80 человек, которая занимала Васильевку № 2. Во время атаки 2-й полк зарубил на улице деревни несколько человек. Когда мы подходили к Васильевке № 2, наши конники провезли мимо повозку с красной сестрой милосердия, громадным красным флагом с надписью «Да здравствует непобедимая рабоче-крестьянская Красная армия» и несколько захваченных лошадей с седлами. С этого момента начался бой, но наши наступали столь стремительно, что красные не успевали задерживаться.

Почти одновременно с нами, правее железной дороги, у 3-го полка начался бой. В районе Афанасьевки 2-й конный захватил орудие и два зарядных ящика, пушку с замком и панорамой и тремя лошадьми. Расстояние в 18 верст от Михайловки до Синельниково мы пролетели прямо в момент. Верстах в 4-х от станции мы стали на позицию и обстреляли цепи красных, после чего двинулись к жел. дороге Синельниково—Екатеринослав. Два бронепоезда красных успели проскочить на Екатеринослав, а теперь на всех парах улепетывал под огнем наших гаубиц последний состав, увозивший станционное красное начальство. 2-й полк свернулся и колонной пошел в Синельниково, а 2-й батальон и наш 2-й взвод посланы были занять разъезд.

Когда мы подымались на горку к разъезду, оттуда неожиданно (казалось, что все красные уже драпанули), нас начали обстреливать. Одним из первых выстрелов пулеметной очереди я был ранен в правую руку. Пуля застряла в мышцах, не задев ничего серьезного. Я перевязал себе рану и остался в строю. Слева сзади поднялась тоже какая-то стрельба, и начали показываться конные красные, которые задержались в хуторе в полутора верстах от дороги, по которой мы пришли. Через каких-то полчаса всё было ликвидировано и там и здесь, и мы заняли разъезд. Эти несколько человек конных всё-таки успели в одном из хуторов захватить две повозки обоза 2-го полка, отставшие несколько в хуторе, и зарубить там двух человек. Они попробовали обстрелять хвост обоза, но после ответных выстрелов, от которых они потеряли двух убитыми, ускакали. Перед нами на разъезде было несколько конных и небольшая колонка пехоты, которая отошла в направлении на север-запад.

Мы простояли у разъезда часа три, после чего смотались и, пройдя через станцию Синельниково Малое, пришли в колонию Гейденфельд

(по карте колония немецкая), в полутора верстах севернее станции, куда выдвинулся 2-й полк. Отсюда мы с сестрой поехали искать перевязочный пункт дивизии, где предполагал извлечь пулю. Мы изъездили весь поселок и всю станцию Синельниково Большое и только тогда узнали, что перевязочный пункт остался в Софиевке.

Когда мы ездил по станции, туда пришли Кубанцы. Оказалось, что они опоздали и участия в бою не принимали. Перед выступлением они пили солидно в Александровске и задержались. Говорят, что в самый разгар выпивки в каком-то саду им было объявлено о выступлении. Командир бригады там же скомандовал: «по коням», и они начали собираться. Из-за водки основательно сократили размер победы. Без кавалерии мы взяли сегодня около 1500 пленных, одно орудие, два зарядных ящика и пулеметы. Если бы кавалерия была на месте, успели бы отрезать заставы и бронепоезда, которые ушли на Павлоград. Кроме того, пленных было бы взято неизмеримо больше. Дело в том, что сегодня в одной из линий окопов красные стрелки около каждого окопа побросали винтовки, а сами ушли. Появись у них на фланге 10–15 конных — и всё это сдалось бы. Непростительное упущение.

Когда мы выходили из Сергеевки, говорили, что идем мы всего только на два дня. Так и оказалось. В 22 часа мы всей дивизией двинулись обратно. На станции взорвали путь и стрелки. Жаль, что не остались здесь и не пошли в сторону Екатеринослава.

Как говорят, станция Екатеринослав не принимает такой массы эшелонов, которая движется туда, начиная с 5 числа. По этой причине примерно со станции Илларионово (верстах в 20 от Синельниково) всё до самого Екатеринослава забито эшелонами, которые легко могли бы достаться нам, так как красные в этом районе сильно расстроены в данный момент и едва ли способны к серьезному сопротивлению. Но что же поделать, и без того сегодня их трепанули порядком.

Здорово досталось нашим лошадям: за сутки сделали больше 50 верст, и теперь еще предстоит переход в 35 верст до Ново-Гуполовки. Хорошо еще, что возвращаемся не по той ужасной дороге с бесконечными оврагами, по которой шли сюда ночью, а по ровной вдоль линии жел. дороги Синельниково—Александровск.

Ехал я уже не верхом, а в тачанке. Руку пришлось подвязать, она все-таки дает себя чувствовать. Как-то раньше не верилось, что меня может задеть, хотя 5 августа и стукнуло уже раз шрапнельной пулей в ногу. Затвердение от нее до сих пор не рассосалось, несмотря на компрессы. Просто мне казалось, что всё, что летит — пули, осколки, снаряды, — не для меня предназначены. Этим я не хочу сказать, что я их вовсе не боялся (нет людей, которые были бы к ним равнодушны и не боялись), а просто была какая-то уверенность, что я останусь невредим. Рана, в общем, легкая и никаких особых неприятностей, надеюсь, мне не доставит. Скверно то, что некоторое время нельзя будет писать свои замет-

ки. Я пока решил не эвакуироваться, на что имею право, и не ехать даже в обозе, а остаться в своем оружии в строю.

10.09.1920. Около 7 утра прибыли в *Ново-Гуполовку*. Разместились очень тесно: на батарею дали всего 6 хат. Первым делом пришлось, конечно, слегка выспаться, а в 4 часа я с сестрой Тартель поехал извлекать пулю на станцию Софиевка в перевязочный отряд при дивизии. Разрезали мне руку весьма основательно. Прodelали всё это довольно быстро и без особой боли, под кокаином.

На станции всё еще стоят эшелоны, работа там продвигается медленно. Почти все пакгаузы сгорели, много обгоревших вагонов, налицо картина войны и разрушений. Много ценного имущества, и особенно медикаментов, которые оставались в эшелонах, расташено, испорчено, побито и уничтожено. Из двух летучек, брошенных красными, наш перевязочный отряд почти ничего не смог раздобыть: всё перемешали, потоптали люди, рыскавшие по вагонам.

Рассказали мне возмутительный случай, относящийся к эвакуации красными Александровска. Часть эшелонов, и среди них санитарный поезд с ранеными, красные пустили на взорванный Кичкасский мост, чтобы всё это провалилось в Днепр. Говорят, им некогда было производить маневры, а санитарный поезд стоял впереди тех эшелонов, которые красные хотели уничтожить. Красные, не разгружая поезда, только скомандовали: «Выходи, кто хочет спастись» и пустили его полным ходом. Многие тяжело раненные не могли конечно исполнить эти приказания и теперь, по словам жителей, около моста всё время всплывают их трупы.

11.09.1920. У нас всё спокойно, пока нет даже признаков красных. Только сегодня они начали появляться в Синельниково. Слева, у Андреевки на Днепре почти весь день шла редкая артиллерийская стрельба. Наши разведчики ездили в те края за подводами и передали, что в Андреевке стоит застава Марковцев и отряд махновцев в 55 человек, последние перебираются время от времени на ту сторону и беспокоят красных в течение всего дня, а те стреляют с той стороны взводом по неуспокаивающимся махновцам. Говорят, что в том районе махновцы во время драпа красных 6 и 7 числа очень многих разоружили, причем коммунистов расстреливали, а красноармейцев совершенно раздевали и отпускали на все стороны с миром. В этих местах наша армия появляется впервые в этом году. Здесь рельефно выступает враждебное отношение населения к красным. Хлеб скошен, но до сих пор не убран. Я спросил, почему они так долго не убрали, на что мне один ответил: «Мы вас ждали. Ваши “еропланы” сбрасывали, чтобы мы не очень поспешали с хлебом».

Обирали красные здорово и увозили всё. Были такие приказания: деревне Сергеевке доставить 40 пудов кур и по 15 яиц с курицы. За 8 голов рогатого скота платили 9000 руб., за 6-месячного поросенка 500 рублей и т.п. Нам пока всё продают и дают. За 250 руб. можно достать 6–8 хороших арбузов, на которые мы сразу и налегли; я в день съедаю около 12 штук.

По газетным сообщениям, последнее время зашевелились зеленые, которые в некоторых местах Крыма появляются шайками человек в 200—300. Вооружены они винтовками, гранатами, пулеметами и располагают неограниченным количеством патронов. 26 августа при столкновении был убит предводитель одного из отрядов зеленых Васильев-Бородин, член Ялтинской коммунистической организации (комиссар при политкоме 13-й армии), командированный к крымским зеленым в качестве инструктора. В начале августа Бородин вместе с 12 товарищами на баркасе «Хаджа-Бей» переправился из Анапы в Крым, высадившись близ деревни Каленхор. Не так давно раскрыта была Ялтинская коммунистическая организация, а теперь на днях в Симферополе накрыли тоже целую организацию коммунистов, которая установила регулярное сообщение на баркасах между Крымом и Одессой. Произведено много арестов, причем все арестованные исключительно евреи. Вообще большевики здорово работают во всех направлениях. Недавно в 4-й батарее была раскрыта ячейка, члены которой были расстреляны. В пехоте, где пополнение состоит почти исключительно из пленных красноармейцев, часто бывают случаи, что разные политруки занимаются организацией ячеек. Чуть ли не каждый день там вылавливают этих господ и расстреливают то двоих, то троих в день.

12.09.1920. У нас тихо. В районе станции Славгород (в 12 верстах севернее нас) начали показываться красные разъезды. Сегодня впервые после операции перевязали мне рану и вынули оттуда тампон. Здорово больно было, когда свежее мясо обильно смазали крепким йодом.

По сводке от 12-го, Донцы «на Волновахском направлении выбили упорно защищавшихся красных из Андреевки. Захватили 2 орудия, 200 пленных и пулеметы. На Днепре в районе Александровска захвачено 12 пароходов. На остальных фронтах без перемен». Говорят, что Марковцы будут переправляться на ту сторону Днепра. В Александровск ушли 7-я и 8-я гаубичные батареи нашей бригады с целью усилить артиллерию Марковской дивизии.

13.09.1920. В Славгород пришли бронепоезда красных и высадили около батальона пехоты. Бронепоезда выходили на станцию и тяжелыми обстреляли разъезд Ново-Гуполовку. Левее железной дороги красные появились в селе Терновое (в 12 верстах к северо-западу от нас). Наши бронепоезда еще не подошли, всё еще чинят мосты в Александровске и южнее его. Марковцы пока еще не переправлялись на ту сторону, по крайней мере красные с того берега до сих пор еще обстреливают город. Здесь в селе крестьяне усиленно взялись за молотьбу. Мы играли в преферанс весь день. Пока еще рука моя находится в таком положении, что сдают карты за меня партнеры. К вечеру были получены сведения, что красные появились правее жел. дороги на одном с нами уровне в Миргородовке. В данный момент мы занимаем самое северное, наиболее выдвинутое положение всего нашего фронта: собственно даже можно сказать, что пред-

ставляем из себя сейчас выдвинутую вперед отдельную группу, подобно тому, как было в Орехове; справа и слева наши части далеко сзади.

14.09.1920. Ночью выступили 3-й и 1-й полки для ликвидации появившейся перед нами группы. Они должны обойти Славгород слева, перейти жел. дорогу и выйти в тыл Миргородовке. В связи с этим движением 3-й батальон нашего полка с 1-м взводом батареи на рассвете выступил на разъезд Ново-Гуполовку, где они будут выполнять роль заслона в течение всей этой операции. На рассвете же началась приличная артиллерийская стрельба в районе Славгорода. Около 16 часов полки возвратились. Дошли они только до Славгорода и дальше не двигались, так как справа все драпанули под влиянием их движения. Захвачено было более 700 пленных и десятка три пулеметов. Красных расстроили прилично, но всё же в тот момент, когда хвост колонны 1-го полка втягивался в Ново-Гуполовку, на дальних буграх за Славгородом снова появились отдельные конные разъезды красных.

В 18 часов в местном приспособленном для концерта сарае выступал Павел Троицкий. На концерт отпущена была половина батареи. Давал он два концерта подряд, для того чтобы возможно большее число солдат дивизии могло его послушать. В общем, смешили они изрядно.

15.09.1920. День прошел спокойно. Поговаривают о том, что красные начали перебрасывать сюда с Кубани 9-ю армию. Указывают даже, что на станции Чаплино выгружаются первые эшелоны с частями этой армии. У нас начали по этому поводу рассуждать о возможной численности этой армии и о том, на сколько времени хватит красным этой армии на нашем фронте. По официальному сообщению, сегодня Донцы заняли город Мариуполь, где захватили богатую добычу. Левее Мариуполя Донцы вышли на линию ст. Осланово—Понайдополь. У острова Хортица Марковцы отбили наступление 9 полков.

Не знаю, откуда разнеслись слухи, что против нас появились крупные силы красных. Называли даже цифру около 10 000 пехоты и 1500 кавалерии. В штабе дивизии были сведения, что перед нами совсем незначительные силы. Поэтому, когда из штаба корпуса была назначена на эту ночь подобная 14-му числу операция с обходом красных в районе Терновое, начальник дивизии просил отсрочить этот маневр, чтобы дать возможность красным еще поднакопиться в этом районе. Корпус отказал в этом, так как у него имелись несколько иные сведения относительно сил красных на нашем участке.

16.09.1920. В 12 ночи выступили. В голове колонны на этот раз шел 2-й полк. Батарея шла непосредственно за передовым батальоном. Ночь замечательная — светлая, полная луна; было только несколько холодно, у меня замерзает всё время большой палец на левой ноге, должно быть, в прошлом году отморозил его.

Шли мы довольно медленно, с остановками и перед самым рассветом подошли к деревне Александрополь (верстах в 2—3 севернее с. Терно-

вое). Было всё тихо. Мы остановились минут на 5 в полуверсте от деревни и двинулись дальше. Пехота подошла уже к крайним хатам, когда со стороны красных заработали 2 пулемета в 300 шагах от нас. Стреляли они не долго, все пули пролетели высоко над головой. Первый взвод нашей батареи снялся с передков и ахнул туда несколько гранат, а пехота с криками «ура» устремилась в деревню. Сейчас же конный полк промчался мимо нас вперед вместе с конным дивизионом 1-го полка. Начдив генерал Туркул находился в это время впереди с пехотой. Красные в момент выскочили из Александрополя и Тернового. Наша кавалерия далеко впереди перерезала балку, по которой направили лыжи красные, и захватила всю компанию, ночевавшую в этих пунктах. Попались все обозы, вся пехота и 2 орудия с 2 зарядными ящиками в полной исправности с ездовыми номерами и всеми лошадьми. В селе Терновое зарублен командир 69-й советской бригады.

Оказалось, что сегодня красные должны были окружить и атаковать Ново-Гуполовку. По захваченному боевому приказу, группе товарища Нестеровича, состоящей из 3 бригад (9 полкам) приказано было «ликвидировать Дроздовский отряд, сосредоточенный в Ново-Гуполовке при 12 орудиях» (на самом деле у нас в дивизии в данный момент 20 легких пушек). Для этого части 68-й советской бригады, двигаясь вдоль жел. дороги совместно с бронепоездами, должны были на рассвете завязать бой у восточной окраины Ново-Гуполовки. На рассвете из Терновое должна была выйти 69-я бригада и, обойдя нас слева, должна была атаковать Ново-Гуполовку с запада. За центром должна была следовать резервная бригада, которая по расписанию выходила еще позже 69-й.

Уже рассветало, когда мы, выдвинувшись севернее балки, в которой расположены Терновое и Славгород, повернули круто направо и пошли в направлении на последний. В это время в районе Ново-Гуполовки, в которой оставался 3-й полк нашей дивизии и куда вчера пришло 5 броневых машин. Шел бой: 3-й полк с помощью автоброневиков отбросил красных, наступавших на Ново-Гуполовку, и стал их преследовать в то время, когда мы вышли этой группе в тыл. Красные приняли нас за резервную бригаду и сначала не выражали особого беспокойства. Мы рысью прошли хутор Алексеенко и, став на открытую позицию рядом с 4-й батареей, сразу в восемь орудий начали обрабатывать густую цепь красных. В это время наша конница, незаметно проскочив между деревьев и зданий хутора Ремнена и Рита, быстро развернулась в лаву и вскочила в цепи красных. Сдальсь всё целиком, подавленное нашим артиллерийским огнем. Красные, будучи в четыре раза многочисленнее нашей конницы, не сделав ни одного выстрела, сложили оружие. Это был редкий по красоте бой. Всё делалось на глазах на очень небольшом расстоянии.

Пока часть конных собирала по полю сдавшихся красных, часть кавалерии вместе с нашим вторым взводом понеслась к ст. Славгород. Наши конники подскочили уже к вокзалу, когда оттуда всю драпану-

ли бронепоезда красных. Мы двигались совершенно открыто, но они нас даже не обстреляли. Бронепоезда ускользнули, дальше делать тут было нечего, мы смотались и пошли присоединиться к общей колонне, которая вытягивалась уже в направлении на Ново-Гуполовку, поскольку задача была выполнена.

В это время шедший позади нас 1-й полк вел бой: на его хвосте вышла резервная бригада красных, которую 1-й полк без труда отбросил назад. Пошли мы по дороге верстах в 4 с лишним от ж/д линии. Бронепоезда красных, увидев, что мы уходим, вновь вернулись на станцию, а один вышел даже за нее и начал нас обстреливать. Правее нас была закрытая дорога, но мы почему-то на нее не свернули. Можно было тут же недалеко стать на закрытую позицию и отогнать бронепоезд, который виден был как на ладони, но и этого сделано не было. Вместо этого мы шагом двигались по открытому месту и дали бронепоезду возможность пристреляться к нам, не торопясь. Непонятно было только то, что красные стреляли очень вяло, они имели полную возможность взять нас в серьезный оборот из 4-х орудий бронепоезда. Даже тогда, когда через нас был очень маленький перелет, не приказано было прибавить шагу. Следующий снаряд попал прямо под мое орудие. Он пролетел между спицами, попортив две из них, и разорвался под казенной частью. В куски разорвало чехол, слегка попортило тормоз и пробило щит, всё остальное осталось целым. На месте убиты были мл. фейерверкер Беляев и канонир Геллер. Канониру Обухову оторвало ногу, раздробило руку, ранило другую ногу и еще в живот попал большой осколок; серьезно ранены подпоручик Куландин, мл. ф. Хохлов, контужен мл. ф. Бочаров. Совершенно напрасные потери и крайне неприятное впечатление.

От этого разрыва меня чем-то основательно ударило по голове, должно быть твердым комком земли. Нога Обухова отлетела на несколько сажень, рука Геллера перелетела через меня и кровью забрызгала мне фуражку. Весь лафет моего орудия залит кровью. Бедный Обухов, сначала он кричал: «Спасите меня!», а затем: «Пристрелите меня, я бедный человек, кто меня без ног кормить будет». Сестра, отвозившая раненых в перевязочный отряд, передавала, что Обухов через несколько часов должен умереть. Кроме названных, еще сегодня контужен шт.-капитан Люш. Вообще же потери в дивизии крайне малы. За операцию взято более 1100 пленных, 2 орудия, 2 зарядных ящика, 20 пулеметов, зарублен командир 69-й бригады и взят в плен командный состав 205-го советского полка во главе с командиром. Планы красных прилично расстроены.

17.09.1920. Весь день спокойно. Говорят, что красные оставили Славгород и окапываются на линии разъезда Ивковка, верстах в 15 севернее станции Славгород. Бронепоезда их тоже не появлялись сегодня совершенно. Наконец привели в порядок железную дорогу. Поезда ходят в Александровск и от него до Софиевки. Только в городе нет еще передачи с одного вокзала на другой, один мост в город еще не починен. Все

составы с путей убраны. Только теперь удалось прочесть официальную сводку от 10 августа, в которой дополнительно сообщалось о трофеях, взятых на путях севернее Александровска. Там взято 33 исправных паровоза, более 1000 вагонов, 20 цистерн и пр. Между прочим, хочу сказать, что в газетной сводке ничего не было сказано о занятии нами ст. Синельниково 9 числа. Это был налет, и поэтому, должно быть, и не было указано о занятии станции. Указано было только количество пленных и трофеи, взятые в том районе, и больше ничего.

18.09.1920. Спокойно. Бронепоезда красных выходили за Славгород и постреливали. Днем еще начали поговаривать о том, что на ночь снова назначена операция с обходом красных. Наш хозяин и то сказал: «Должно быть, вы пойдете ночью, а то они опять днем дразнились». Плохо, что это так скоро всем становится известным.

Около 18 часов смотрел обмундирование батареи приехавший из отдела снабжения ген.-майор Лохвицкий. За 2 минуты записал нужды и уехал, указав, что имеющееся обмундирование будет распределено в процентном отношении между частями. Интендантство в официальной бумаге уведомило части, что оно отказывается заготавливать частям полушубки и перчатки, и предлагает поэтому самим войсковым частям принять в этом отношении самые срочные и энергичные меры. Было бы остроумнее, если бы интендантство догадалось бы сообщить об этом в декабре месяце, под Рождество. По приказу Главнокомандующего, еще с июля месяца запрещена была всякая продажа овчины и всякой пушнины; всё это бралось на учет и закупалось по твердым ценам военным ведомством для армии. А теперь вдруг извольте радоваться, если хотите.

По сводке к вечеру 17-го: за 15-е и 16-е в районе Мариуполя взято 3500 пленных, в районе станции Волноваха взято до 2000 пленных, 7 орудий, 12 пулеметов. Красная конница, произведшая налет на Ольгинскую, рассеяна и бежала на восток, оставив в наших руках пленных и пулеметы. Всего за операцию по овладению г. Мариуполем и Волновахским ж/д узлом Донцами взято больше 5500 пленных, много орудий, пулеметов, один бронепоезд, 5 паровозов, более 100 вагонов, обозы и разное другое имущество. Преследуя противника, конница заняла ст. Караванную и Мандрыкино, уничтожила там громадные склады и к вечеру 16 числа заняла Юзовку. Настроение рабочих в каменноугольном районе к большевикам отрицательное.

Около 22 часов официально стало известно, что вся наша дивизия, имея справа бригаду Кубанцев, пойдет ночью правее железной дороги перерезать ж/д линию у разъезда Ивковка и будет ликвидировать накопившуюся у Варваровки группу красных. Мы спешим скорее поесть и лечь спать, чтобы успеть соснуть часика 2 до выступления. Но как всегда бывает в таких случаях, когда торопишься, заснуть было довольно трудно, и сомкнуть глаза удалось только минут на 20.

19.09.1920. Около 12 ночи мы выступили. Впереди шел 1-й полк, затем 3-й и кавалерия, между ними броневые автомобили, а потом уже мы со 2-м полком. Нам предстоит совершить здоровый рейд, а кавалерии приказано пройти прямо-таки умопомрачительное расстояние за один день. Выйти она должна из Глебовки (верстах в 30 восточнее нас), перерезать жел. дорогу Синельниково—Чаплино, выйти севернее Синельниково, перерезать линию Синельниково—Павлоград. Занять Синельниково, потом пойти на ст. Игрель и уничтожить там мост. Наш путь был такой: Ново-Гуполовка, разъезд Ново-Гуполовки, Александровка, Богдановка, Бочары, Николаевка (местное название Рудиво), разъезд Ивковка, Варваровка, Васильевка № 1 на Днестре и Варваровка на Днестре. Части 1-го полка вышли много раньше нас; было еще совсем темно и мы еще не дошли до селения Бочары, когда 1-й полк завязал бой у Николаевки. Красные проспали, и всю компанию, которая ночевала там, прихлопнули. На рассвете уже наши успели подойти к жел. дороге у разъезда Ивковка, и на глазах у двух бронепоездов, шедших из Славгорода в Синельниково, взорвали полотно и таким образом отрезали их. После интенсивной артиллерийской стрельбы красные бронепоезда были отброшены обратно на Славгород.

Вскоре и мы подошли к переезду; колонна пошла дальше на Варваровку, а 3-й батальон 2-го полка и наш 2-й взвод были высланы вдоль железной дороги на Славгород для ликвидации отрезанных бронепоездов. В это время правее и как будто севернее Синельниково слышна была приличная артиллерийская стрельба: это дрались Кубанцы; на этот раз они выступили вовремя, не так как 9 числа. Бронепоезда красных 2 раза делали попытку выйти к разъезду Ивковка, но огнем нашего взвода отгонялись обратно, после чего они ушли на ст. Славгород. Двигались мы вперед довольно осторожно, место было не совсем удобное — открытое. Солдатам почему-то эта операция очень не нравилась; все они боялись, что бронепоезда сдадутся нелегко и наклеят нам. Мы подошли почти к самой станции, когда вправо было замечено человек 30 в цепь с четырьмя конными; шли они с юга на север. Справа в районе Терновое, то есть севернее этой цепи, шел сильный бой. Пока я с командиром батальона решал, свои это или красные, цепь начала опускаться в лошину. Я выкатил орудие на открытую позицию и несколькими выстрелами доставил ей некоторую неприятность. Два конных определенно сверзлись от гранаты с замедлителем на прицеле 46, попало и пешим. Жаль, что поздновато решили, что это красные.

Прошли после этого несколько сажень, и тут выяснилось, что бронепоезда оставлены, а эта цепь была бежавшей с поездов командой. Оставленные бронепоезда — тяжелый (морская 6-дюймовая 45 калибра) «Атаман Чуркин» и легкий «Ермак Тимофеевич» с 4-мя легкими русскими пушками во вращающихся башнях, с бронированными паровозами — были совершенно исправны. Только замки от орудий и несколько

замков из пулеметов красные побросали в паровозные топки. Легких снарядов захвачено было больше 700, тяжелых около 60, пулеметов было больше 20, лент к ним без числа. Имущество бронепоездов поделили между пехотой и нами. Нашей батарее досталось 8 мешков белой муки, 4 больших брезента, 8 телефонных аппаратов, большое зеркало, де живых курицы и одна утка, форпост, провод телефонный, катушки, изоляция и прочая мелочь. Я раздобыл там для батареи большую трубу Цейса с футляром. Бронепоезда сейчас же были отправлены с теми же паровозами на разъезд Ново-Гуполовку, куда вытребовали ремонтный поезд для починки пути.

Отсюда мы пошли на Михайловку, здесь остановился и дальше не пошел 2-й полк, и присоединились к 1-му взводу, который стал уже на квартиры. Офицеры передали мне, что перед вечером аэроплан, летевший из Синельниково, сообщил, что там Кубанцами взято до 1000 пленных, захвачен бронепоезд «Свердлов» в полной исправности, составы; зарублен начальник группы товарищ Нестерович. 1-й полк к вечеру занял Варваровку на Днестре, взяв в плен всю пехоту, обозы и артиллерию. В этих частях было много коммунистов, которые оказывали упорное сопротивление. Всё это было приперто к Днестру. Многие красные начальники бросились под пулеметным огнем в Днепр.

Наша дивизия собственно по приказу должна была к вечеру занять фронт Петровская—Синельниково. Но вследствие громадного совершенного за сутки перехода, наш полк остановился в *Михайловке*, а 1-й в районе Варваровки. Продвигаться вперед не имело особого смысла: перед нами красных не было, всё было взято в плен и разгромлено. Кубанцы в 13 часов выступили из Синельникова в сторону Екатеринослава. За эту операцию нашей дивизии взято около 1500 пленных, 2 бронепоезда, 1 сгоревший автоброневик, 6 орудий с зарядными ящиками, запряжками, ездовыми, номерами и пулеметами.

20.09.1920. Ночью была сильная гроза с проливным дождем. Днем было холодно и сыро. В 14 часов мы выступили обратно на Ново-Гуполовку, 1-й полк направляется туда же, 3-й ушел в Синельниково с тем, чтобы вывезти оттуда состав и бронепоезд «Свердлов». Кавалерия по боевому приказу должна была сегодня со ст. Игрень прогуляться на ст. Чаплино и разрушить там железнодорожный узел. В общем, конец верст в 80. Мы вчера тоже отхватили нешуточное расстояние верст в 40, а 1-й полк еще больше прошел. Вообще в последнее время переходики заворачивают здоровые.

За вчерашний и сегодняшний день на нашем направлении взято было 32 000 пленных, 3 бронепоезда, 6 орудий в полной запряжке с зарядными ящиками, 1 сгоревший автоброневик, много пулеметов, многочисленные обозы, более 100 вагонов, 5 паровозов, 15 000 пудов угля и другая добыча. Захвачен весь командный состав Синельниковской группы красных во главе с начальником группы (тов. Нестерович), начальник шта-

ба с начальником артиллерии и его помощником. Это по официальной сводке, на самом деле пленных, как и всегда, больше, чем официально сообщается.

На Волновахском направлении разгромлена ударная группа противника, взято больше 1000 пленных и пулеметы. Польская кавалерия, по сводке, в 140 верстах от Киева.

От комкора получена телеграмма: «Срочно оперативная. Начдив Дроздовской, начдив Кубанской. От имени своего и частей корпуса от всей души благодарю Вас и всех начальников, офицеров, солдат и казаков доблестной дивизии с большой победой, увенчавшейся полным уничтожением противника и многочисленными трофеями. Отличившихся представить к наградам. 20 сентября 1920 года г. Александровск № 6003. Ген.-лейт. Писарев».

Плохо только то, что Кубанцы еще отличились и в другом отношении. В Синельниково, говорят, они раздели чуть ли не весь базар и «грабанули» порядком.

Прибыли мы в *Ново-Гуполовку* часов в 17 с половиной. В это время перед селом была выстроена и окружена пулеметами вся эта масса захваченных пленных. Оттуда выбирали коммунистов, которых на этот раз попало немало, командного состава и разных политруков и военкомов тоже было порядком. Расстреляно было около 300 человек. Неприятное и тяжелее впечатление оставляют эти массовые расстрелы, но ничего не поделаешь. На Синельниково пошел уже наш бронепоезд и ремонтный поезд, ночью оттуда удалось уже всё вывезти и направить в Александровск.

Из захваченных в Мариуполе большевистских документов выяснилось, что на Кавказе развернулась армия «Возрождения России», которая занимает сплошной фронт от Пятигорска исключительно до Майкопа включительно. Командует генерал Фостиков²¹⁹, состоит она из полков: 1-го и 2-го Хоперских конных, 1-го, 2-го и 3-го Лабинских конных, 1-го и 2-го линейных конных, 1-го и 2-го Урупских пеших и двух пластуных батальонов. От Майкопа и до Новороссийска и в районе Грозного и Владикавказа повстанческие отряды полковников Дастурова, Рубашкина, Иванова и Титарова. Боевой состав восставших: 5395 штыков, 3160 сабель, 15 орудий и 89 пулеметов. Штаб армии в Черногорьеве. Эта схема относится к 1 сентября.

21.09.1920. По сводке от 21-го, «Конная группа противника, оперировавшая в районе Гуляй-Поле, заняла разъездами Федоровку, Гуйчур и Царе-Константиновку. Меры к ликвидации этой группы принимаются». Сформировался и пришел сегодня сюда 4-й полк нашей дивизии. Командует им полковник Тихменев. Состав его солидный, до 1000 штыков. Вообще за последнее время дивизия наша сильно пополнилась. В 1-м полку до 1500 штыков, у нас во 2-м больше 800, в 3-м около 700, да еще теперь 4-й в 1000. 2-му конному додадут еще 400 коней. С такой дивизией — хоть куда!

1-й дивизион запряг снова все 8 орудий, у нас во 2-м дивизионе тоже все 8 пушек в строю, в 3-м еще пока не все пушки работают из-за недостатка лошадей. Четвертый гаубичный дивизион всё еще работает в районе Александровска с Марковцами. Положение наше в общем заметно упрочилось и улучшилось. Части ведут себя прилично, население хорошо относится. Про красных всюду говорят самые невероятнейшие вещи. Надоели они и насолили всем солидно. «Уж они нам так обрыдли, так обрыдли», — говорят везде и все в один голос, и нужно думать, что совершенно искренне. Теперь крестьяне без боязни принялись за молотьбу. Почти в каждом дворе шумят и гудят машины. Как-то приятно слышать этот шум.

22.09.1920. Около 12 часов батарея построилась и в пешем строю пошла на церковную площадь, где к этому времени выстроились все части дивизии. Сюда прибыла Чудотворная икона Курской Коренной Божьей Матери. Привез ее епископ Вениамин, протопресвитер военного и морского ведомства. Епископ Вениамин сказал краткое слово относительно иконы и предложил помолиться за успех нашего дела, после чего был отслужен молебен. После молебна говорил один из военных священников, сопровождавший еп. Вениамина. Говорил довольно много, называл нас «орлами» по примеру генерала Врангеля, «доблестнейшими христолюбивыми воинами» и «бессмертными чудо-богатырями». Говорил он о том, что на нашу долю выпала чрезмерно тяжелая задача — освобождения от красного ига целой страны, и призывал нас твердо делать свое дело и со Христом и во Христе идти к великой, заветной цели. После этого по всем рядам выстроенных войск обнесли икону, а еп. Вениамин окроплял всех святой водой, по окончании чего Вениамин сказал, что за всё последнее время он не слышал ни одной жалобы от населения на нашу армию, нет грабежей и пр. Закончилась эта церемония тем, что еп. Вениамин предложил всем спеть «Спаси Господи» и сам руками управлял пение. Вышло довольно слабо. Епископ Вениамин еще довольно молодой. По виду, он с хитрецой и с большим стремлением играть видную роль в светской жизни. В его речи всё время переплетались выражения «я говорил Главнокомандующему», «мне говорил Главнокомандующий», «мы с Главнокомандующим» и тому подобное.

По сводке от 22 сентября, в районе Мариуполя заканчивается эвакуация захваченного имущества. В Волновахском районе, по дополнительным донесениям, захвачено 1 орудие с ящиком в запряжке. Конная ударная группа противника, совершая переход по ночам, ушла на север. В Екатеринославском районе продолжается ликвидация остатков 23-й и 42-й дивизий красных. Кубанцами взорван мост на ст. Илларионово (в 20 верстах от Екатеринослава) и сожжен мост на ст. Ульяновка (в 15 верстах западнее Чаплино), причем в том районе разбит и уничтожен, вследствие невозможности вывоза, бронепоезд красных. Таким образом, Кубанцы не вполне выполнили задачу 19 числа, они не дошли до Игрени

верст на 15, а в другом направлении — до Чаплино — тоже на 15 верст. На Польском фронте украинскими войсками взят г. Каменец-Подольск. С 17–18 обычные занятия материальной части с солдатами.

Размещаться на дворе уже стало невозможно. В силу этих причин 4-й полк разместился по хуторам южнее Ново-Гуполовки, а 3-й ушел в Софиевку. Оставшимся в Ново-Гуполовке прибавили жилых помещений. Нашей батарее тоже прибавили несколько хат, и сегодня состоялось перемещение. Теперь все люди разместились, хотя и не очень просторно, но зато укрываются ночью от холода.

23.09.1920. Эвакуация района Мариуполя–Волновахи закончена. Наши силы оттягиваются оттуда. В районе острова Хортица редкий артиллерийский огонь. Против нас красные пока еще не собрались. Разъезд, высланный в 10 утра в район Терновое–Варваровка, противника не обнаружил. На этот раз мы основательно «слизнули» фронт перед нами. С 11 до 12 действия при орудиях, а с 12 до 13 пеший строй.

К 17 часам полки и батареи выстроились на церковной площади для встречи командующего 1-й армией ген.-лейт. Кутепова. Прибыл он в 18 с половиной часов с командиром нашего корпуса ген. Писаревым. Генерал Кутепов был в дроздовской форме. Благодарил за лихую работу и провозгласил «ура» в честь генерала Туркула. Удивительно непринужденно держит себя генерал Туркул в присутствии высшего начальства. Войска прошли церемониальным маршем перед командующим армией. 2-й конный и полк артиллерии проходили рысью. Прошли мы очень стройно. Внушительное впечатление, когда мчатся рысью пушки. Картина, безусловно, захватывающая даже безразличную публику.

Через командира узнал новости, какие генерал Кутепов сообщил в штабе дивизии. Поляки заняли Жмеринку и Владимир-Волынский. Армия генерала Фостикова на Кавказе сосредоточилась у Адлера и будет перевезена сюда. Там насчитывают до 4000 конных и 4000 пеших. В Польше в данный момент насчитывают по 12 000 Донцов, перешедших из Красной армии. Еще раньше сообщалось, что там сдалась дивизия Буденного, которая выразила желание ехать к генералу Врангелю. Эти 12 000 Донцов соединяют почему-то с именем генерала Маннергейма²²⁰.

В Польше сформировалась армия генерала Глазенапа²²¹. Ее составили кадры бывшей армии генерала Юденича и плененные поляками красноармейцы. Генерал Глазенап заявил, что цели нашей армии совпадают с нашими и о том, что она признала и подчиняется генералу Врангелю. До этого времени временно командовал 1-м полком полковник Мельников²²². Человек он больной, без правой руки и сам отказывался от этой должности, говоря, что ему трудно и что он предпочитает оставаться командиром батальона. Сразу после того, как Туркул получил дивизию, 1-й полк предлагали командиру 1-й батареи артиллерийскому полковнику Чеснакову²²³, но он тоже отказался. Сегодня, наконец, полковника Чеснакова уговорили, и он уже получил назначение. Говорят, что 1-й полк начинал уже портиться при

Мельникове. Довольно редкий случай, что артиллериста назначают командиром пехотного полка. Чеснакова же считают идеальным командиром какой угодно части, больше же некому было предложить 1-й полк.

По сводке 22-го, дошедшей до меня только сегодня, сообщается о группировке сил противника на фронте 1-й армии к вечеру 31 сентября: всего до 15 000 штыков, 3500 сабель и 120 орудий. Здорово тряхнули красных за последние бои. Подходит еще 9-я армия.

24.09.1920. День прошел спокойно. Вечером пришел из 2-го батальона чиновник Соколовский и взбудоражил всех нас. Еще в начале сентября командир откомандировал его в пехоту за то, что тот без приказа командира взял у заведующего хозяйством 1 000 000 руб. и поехал за покупками к празднику батареи. Ничего он не купил, привез только мануфактуры, которую распродал в Мелитополе. В батарею он сдал 1 200 000 руб., но и сам, кажется, заработал. Командир, не выслушивая его оправданий, отчислил его в пехоту. Попал он в 3-ю роту 1-го батальона. Сообщил он нам, что сюда подошла еврейская коммунистическая дивизия и что сегодня ночью мы, должно быть, выступаем против нее, так как батальону приказано спать, не раздеваясь, в подсумках. Мы оставили мирные разговоры и начали укладываться спать.

25.09.1920. Несмотря на вчерашние разговоры, всё, как и следовало ожидать, было спокойно. Соколовский наерундил и напутал нам в своих предположениях. У нас всё по-прежнему было тихо и спокойно.

Ночью в районе города Александровска была слышна сильная артиллерийская стрельба.

К 15 часам была получена сводка. На рассвете наши части переправились в район острова Хортица, на правый берег Днепра. Больше недели тому назад Марковцы не совсем удачно переправились через Днепр. За эту операцию слетел с места командир одного из Марковских полков. На этот раз дела в том направлении развиваются успешно. 23-й советский полк взят целиком, с 17 пулеметами. К 12 часам наши части вышли на линию ст. Хортица—ст. Канцеровка—колония Шенеберг. На Каховском направлении спокойно. На Николаевском направлении наша артиллерия разрушает наведенный красными мост на острове Орлова. После эвакуации наши части оставили Каменноугольный и Мариупольский районы. Из Каменноугольного района Донцы вывели много донских казаков, работавших там на рудниках.

Говорил с командиром относительно предстоящих операций. Как видно, всё внимание нашего командования теперь обращено на запад. В сторону востока смотреть уже перестали. Кубанская операция с десантом уже один раз не удалась, вторичная проба в этом направлении делаться не будет.

Генерал Абрамов, командующий всеми донскими частями, просил у Врангеля разрешить ему поход на Ростов с Донцами, но в этом ему было отказано. В тех местах Донцов могло довольно основательно притянуть к родному дому.

26.09.1920. Оперативная сводка к 22 часам 25 сентября: «На фронте Дроздовцев день прошел спокойно. Доблестные Марковцы и Корниловцы, сосредоточившись к пяти часам к Бурвальдскому, под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника начали переправу через реку Речище. Доблестные полки, невзирая на сильный холод, в неудержимом порыве устремились вперед по бродам, которые местами доходили выше колен. В 5 часов 15 минут овладели высотами правого берега реки Речище. Удар частей корпуса был настолько стремительным, что противник, после короткого упорного боя, был сбит по всему фронту и начал беспорядочный отход, оставив в наших руках до 500 пленных, в числе коих 23-й советский полк в полном составе и много пулеметов. Продолжая развивать успех, Марковцы к 18 часам 40 мин овладели Лукашевкой, где предполагают ночевать, выслав свой конный дивизион на Высокое. Корниловцы к 19 часам подходили к Романовке. Кубанцы, переправившись в 5 часов через реку Речище, прорвались в направлении на Токмаковку и к 14 часам овладели вышеуказанным селением, и продолжают движение в юго-западном направлении. Дальнейшее донесение от частей корпуса и Кубанцев не получено. За отсутствием подробных донесений, трофеи выясняются. Благодаря стремительному натиску потери корпуса незначительны.

26.09.1920, Ново-Гуполовка, № 01119. Полковник Лебедев».

На Днепровском фронте наступление успешно развивается. Идут упорные бои с конницей противника. По дополнительным сведениям, вчера при форсировании Днепра в районе Александровска взяты в плен, кроме 23-го, еще 19-й и 29-й полки. У нас на участке относительно присутствия красных ближе 40 верст ничего не слышно. Наши бронепоезда «Волк» и «Севастополь» стоят на станции Славгород.

Инспектор артиллерии армии генерал Репьев²²⁴ проезжал сегодня через разъезд Ново-Гуполовку на Славгород. С ним ехал барон Майдель, который мимоходом заехал к нам. Рассказывал про действия комиссии по отправке тыловых офицеров на фронт. Эта комиссия была в управлении инспартарма. Васю Неручева и Дзиковицкого они отправили в строй и вручили им предписание; барон избежал этой участи, так как его в это время не было в управлении (это называется ревизия). На следующий день Неручев и Дзиковицкий получили другие предписания, по которым они остались в управлении. Никакого толку не получается от этих комиссий. Тыловая публика слишком основательно засела у себя на местах.

Получил оперативную сводку к 15 часам 26 сентября: «На Таганрогском направлении противником занят Бердянск. Наш флот направлен к Таганрогу. На Волновахском направлении передовые части противника заняли станцию Покровскую, ст. Розовку, Ново-Петриковку и Васильевку. 24 сентября наши части выбили красную конницу из Н. Успенского. На Екатеринославском направлении красная конница, прорвавшаяся в ночь с 25 на 26 сентября между нашими частями, произвела налет на Шенеберг, район Бурвальдской переправы, колонию Розенталь, район

колонии Хортица, причем у Шенеберга противнику удалось захватить часть обозов Корниловской дивизии. Меры к ликвидации приняты. На Каховском направлении переправа наших частей через Днепр успешно продолжается. № 01135».

Как говорят, для ликвидации этой прорвавшейся конницы красных послали 4-й полк нашей дивизии. Прорыв этот считается несерьезным. Обвиняют в нем Марковцев.

27.09.1920. По газетной сводке от 27-го: на Бердянском и Царе-Константиновском направлениях действия передовых частей. На правом берегу Днепра, на участке Александровск—Ново-Воронцовка наше наступление успешно развивается. Мы разбили 16-ю и 21-ю кавалерийские и часть 3-й стрелковой дивизии красных, захватив полностью в плен один полк 3-й стрелковой дивизии, 6 орудий, броневедомости, 4 грузовика, значительное количество боевых припасов и обозы. На нашем участке цепи противника пытались, двигаясь вдоль железной дороги, подойти к Славгороду, но отогнались огнем бронепоездов.

Поляки успешно продвигаются и захватывают большие трофеи. Мирные переговоры тоже успешно продолжаются и как будто подходят к концу.

Приезжали сегодня иностранные корреспонденты смотреть нашу дивизию. Были среди них: англичанин, француз, итальянец и двое русских — Горелов и Ксюник, издающие в Берлине какую-то газету. Иностранцы снимали генерала Туркула, артиллерию, кавалерию, пехоту нашей дивизии во всех видах. Иностранцы собираются за границей под правдивым углом зрения осветить положение дел у нас на юге. До сего времени за границей действительного положения дел у нас почти никто не представляет. Всё искажено, перевернуто, запутано. В журнале «Иллюстрасьон» перед статуей Дантона были помещены: с одной стороны Врангель в старом гвардейском мундире, а с другой — Ленин, под ними надпись: «Старая и новая Россия», причем тут же указано, что и в старой, и в новой России режим поддерживается исключительно плетками. Горелов и Ксюнин, как они сами говорят, собираются в Берлине издать книгу на 9 языках относительно правительства Врангеля.

В 16 с половиной часов стало известно, что около 22 часов мы выступаем в обход Славгороду. Как я ни старался подкрепиться сном до похода — ничего не удалось; валялся-валялся, но не уснул, да и не спалось, а с другой стороны, всё время мешали. Настали приличные холода, ночью вода уже замерзает, а под утро земля покрыта инеем.

В 21 час мы выступили по предыдущей дороге на Александровку, Богдановку, Бочары, Николаевку, Ивковку, Варваровку, Первозвановку, Ново-Гуполовку. Впереди шел 3-й полк, он несколько задержался, благодаря чему мы, выткнувшись из села, ожидали более двух часов, пока он прошел мимо нас. Было здорово холодно. Сегодня я впервые надел под шинель полушубок, который раздобыл 26 августа в окопах красных, после овладения колонией Нов. Монталь, но несмотря на это мёрз.

Были сведения, что в этом районе болтаются кавалерия красных, почему нам было приказано всё время похода быть готовыми к отражению конной атаки, вставить панорамы, уровни, развязать чехлы.

28.09.1920. Первое столкновение предполагалось в Бочарах, но там красных не оказалось. Вчера было человек 400 пехоты, но она ночью ушла. Жители говорили, что часов в 10 вечера наши сняли у них заставу, после чего у красных поднялся переполох, и они ушли в Николаевку. Было уже светло, но голова нашей колонны всё еще не вошла в связь с красными. Казалось, что на этот раз красные успеют удрать, не приняв боя, но вскоре началась перестрелка.

В Николаевке наши взяли два орудия и почти всех красных, которые там ночевали. Наш полк рысью, на повозках был выдвинут правее хуторов, но тут же выяснилось, что и без нашего участия другие успели взять всё, что было возможно. В хут. Тредьяковом 2-м конным взято два полка и четыре орудия. Сразу после этого пошли домой в Ново-Гуполовку. Начал моросить дождь. 3-й полк перешел железную дорогу и возвращался в Ново-Гуполовку через Варваровку. Мы пошли в Славгород и Ново-Гуполовку вдоль линии железной дороги. Вернулись мы около 17 часов, проделав свыше 40 верст. Почти у села встретили целую компанию беженцев из Калужской губернии. Едут они с семьями в Таврическую губернию, спасаясь от голода. Неурожай в тех местах и голод страшный. Говорят, что едят уже сухие листья с деревьев. Красные их задерживали, но сегодня, благодаря «драпу» красных, им удалось проскочить в наши края. Нельзя сказать, чтобы для нас они были желательными гостями. За операцию взято более 800 пленных и 6 орудий. Снова перед нами некоторое время не будет фронта.

Вчера был захвачен ординарец красных с донесениями, из которых было усмотрено, что сегодня красные должны были наступать. Там было указано расположение их сил. Всё, что было правее железной дороги, мы взяли. Только левее железной дороги, у Днепра, остался отряд коммунистов невыясненной численности и немного кавалерии.

Как видно, красные сильно напуганы действиями нашей дивизии. В хут. Тредьякова один крестьянин, у которого на квартире стоял командир одного из советских полков, передал мне разговор между этим командиром и комиссаром. Последний всё время нажимал на командира вчера, чтобы тот быстрее, смелее и увереннее продвигался вперед, на что командир полка ответил комиссару: «Подожди-подожди, они тебе покажут, как воевать здесь». Да, красные здесь совсем подавлены последними поражениями.

На Мариупольском, Волновахском и Чаплинском направлениях завязались бои с наступающими частями красных. На правом берегу Днепра наше наступление успешно развивается, нами освобожден от большевиков город Никополь. В Каховском районе бои местного назначения (газетная сводка за 28.09).

2

1917

Казалось, что в сентябре у нас не будет уже боев. Поэтому, вернувшись домой, мы, несмотря на усталость, не сразу легли спать, а занялись разговорами. Ко мне в орудие явился подпоручик Адамович, переведшийся из-за личных несогласий из 2-й батареи 1-й гвардейской артиллерийской бригады. Он рассказывал много интересного про гвардию. До сего времени термины «Лейб-гвардии» и «Его Величества» остались в наименовании частей, печатях, бланках у нашей ничем не отличившейся гвардии. Там всё время только и заняты тем, чтобы снова завоевать себе те преимущества и привилегии, какие были у прежней гвардии, до революции. Относительно наших Дроздовской, Корниловской и Марковской дивизий они говорят, что пусть I корпус и не рассчитывает на то, что он будет новой гвардией. «Гвардия только была старая, она ею и останется, а больше никаких других гвардейских частей быть не может. Пусть эти разные Корниловцы, Дроздовцы, Марковцы и не рассчитывают ни на что». Себя они считают весьма ценным элементом и считают, что таких людей нужно беречь для будущей России. «Нужно сохранить кадры», — говорят они про себя. Если бы можно было не иметь частей на фронтах, они бы с громадным удовольствием не воевали. Только печальная необходимость заставляет их принимать участие в гражданской войне: они не будут ничем, если у них не будет воинских частей на фронте. Странно то, что они в данное время все-таки пользуются преимуществами. У них громадные запасы обмундирования в цейхгаузах, все хорошо одеты, в то время как действительные воины полураздеты. Им на всё наплевать, лишь бы у них всё было хорошо. «Пусть у нас останется одна Москва, лишь бы мы были в ней», — говорят они. На все высшие должности они стараются пропихнуть только своих, чтобы везде иметь заручки и проводить свои заветные цели — жизнь и права гвардии должны быть те же, что и до революции, если не еще выше. Инспектор артиллерии не может им прямо назначить офицера, его принимают только с согласия командира и офицеров части. Служить там могут только потомственные дворяне. В общем, гнусности много. После победы над большевиками они хотят играть первую роль. Прослушав этот рассказ, я сказал, что если мы и победим красных, то еще одна революция будет обеспечена, если гвардии дадут возможность распоряжаться. Хороших дел ее мы что-то не помним, зато полный драп на гражданском фронте видели уже не один раз. Многое еще у нас нуждается в основательной чистке, и как можно неотложнее.

Наши разговоры прервал дежурный офицер, который сообщил, что в 1 час с половиной мы выступаем. Было уже около 22 часов, пришлось поскорее лечь. На этот раз я уснул сразу после бессонной ночи и целого дня, проведенного на холоде в походе.

29.09.1920. На этот раз мы пошли вправо, на юго-восток, с целью ликвидировать ударную группу красных в районе Ново-Николаевки. Шли мы в голове колонны, двигались довольно быстро. Было здорово

холодно. На рассвете мы подошли к Ново-Миргородовке. Из 20 с лишним верст, которые мы сделали до рассвета, я, вследствие холода, прошел более 15 верст пешком.

Красных в Миргородовке не оказалось. Последние дни эту деревню занимал отряд партизан «батьки Махно» под начальством Чалого. Красные вытеснили их оттуда и вчера весь день маячили по деревне и обыскивали квартиры. В одном из домов они нашли две шашки и после какого-то спора с хозяином зарубили его. Еще одного поселянина этой деревни постигла такая же участь, только не знаю за что.

В лежащей рядом с Ново-Миргородовкой деревне Антоновке было захвачено несколько конных красных, после чего движение наше беспрепятственно совершалось до хуторов, лежащих верстах в 7 от Антоновки. Тут на буграх перед нашей колонной довольно неожиданно выросла солидная и густая цепь противника. После небольшой заминки фланг правее ее и центр атаковал 2-й конный полк во главе с генералом Туркулом, а левый — разведчики 2-го полка. Красные своим огнем могли бы снести нашу жидкую лаву (из боязни этого полковник Слесаревский приказал 1-му взводу сняться с передков и ахнул по цепи два раза), но вместо этого бросились за бугор, и лишь отдельные стрелки поддерживали редкий ружейный огонь, да пулемет пустил две очереди. Всё, что было на бугре, за исключением конных, было взято в плен. Набралось до 600 человек. Целым лесом стояли воткнутые штыками в землю винтовки. Совсем слабо стали воевать красные, только слева отстреливалась группа в 12 человек; туда вскочил разведчик 2-го полка, у него выстрелом убили лошадь и после того, как он свалился, его прикололи штыками. Эта компания была изрублена потом за это дело.

Покончив здесь, мы двинулись на Ново-Николаевку. Перед нами появлялась неприятельская конница, но вскоре испарилась. Вправо была пущена наша конница с бронемашинами, которые несколько запоздали. Батарея, которая некоторое время обстреливала нашу батарею, в то время как мы становились на позицию и передвигались, успела уйти. Пехота же была почти вся захвачена нами.

Около 14 часов мы прошли через Ново-Николаевку и заняли бугры к востоку от нее. Операция на сегодня была закончена. Прошли мы от Ново-Гуполовки больше 50 верст, взято было больше 2000 пленных. 1-й и 3-й полки сегодня не разворачивались. В данный момент мы очутились в тылу у ударной группы красных, которую будем ликвидировать совместно с Донцами. Кстати скажу, что последнее время между нами в Ново-Гуполовке и Донцами на этом участке был разрыв верст в 70, если не считать бродившего в промежутке между нами отряда Чалого в 200 шашек.

Ново-Николаевку занимали части снова воскресшей 42-й дивизии красных. Запасной полк красных развернули в четыре полка и только вчера, выдав стрелкам винтовки, пригнали сюда эту компанию, которая уже сегодня попала к нам в плен. В бою был изрублен командир 125-й со-

ветской бригады. Туркул и на этот раз принимал участие в конной атаке. Он уж чересчур часто и много рискует собой в каждом бою.

Часов в 16 в районе нашего расположения опустился наш аппарат, который привез приказ о дальнейшем движении на юг сегодня ночью, после чего мы ушли отдохнуть в Ново-Николаевку. По словам летчика, нами занята ст. Апостолово.

Официальное сообщение за 29 сентября: «На всем фронте продолжались упорные, успешные для нас бои. На северо-восточном участке Северной Таврии наши доблестные части сильными ударами нанесли красным крупное поражение; нами разбиты морская экспедиционная, 2-я Донская, 9-я и 42-я стрелковые дивизии, взято более 5000 пленных, 12 орудий и значительное количество пулеметов. На правом берегу Днепра, к северо-западу от Александровска, и в районе к северо-западу от Николаполя нами снова нанесено противнику сильное поражение. Взято свыше 3000 пленных, 8 орудий, 6 автоброневиков, зенитная батарея. Захвачена понтонная рота с моторными понтонами. В районе Каховки попытки красных перейти в наступление успешно ликвидированы». Не особенно теряются красные: на правом берегу их бьют, а у Каховки они наступают.

30.09.1920. Сегодня мы по очереди шли в хвосте колонны. Голова колонны выступила из Ново-Николаевки около 12 ночи, наш полк вышел в 2 часа ночи. Двинулись мы на юг. Приказано было не курить и быть готовыми к отражению атак кавалерии. Есть сведения, что в этом районе болтается до 2500 шашек красной конницы. Двинулись мы в направлении на станцию Гайчур на линии железной дороги Чаплино—Пологи. Еще ночью верстах в 12 от Ново-Николаевки, в хуторе Самойловском, голова колонны вошла в соприкосновение с красными. Там целиком был взят в плен советский полк, с санитарями и сестрами. Жители страшно удивлены, что мы появились со стороны Ново-Николаевки. «Откуда это вы взялись, — говорили они. — Фронт аж под Ореховом, а вы сзади идете». Полк этот вчера сменился и встал в Самойловке в резерв, поэтому для него наше нападение было весьма серьезным сюрпризом.

Когда начало светать, стало настолько холодно, что во время остановок все подмерзало. Интересно было, что по дороге по всей линии колонны во время остановок зажигались костры из соломы, разезды и дозоры тоже буквально всю дымились верстах в 2—3 в сторону. Здорово «скрытно» мы шли, дым этот, верно, на много верст был виден.

Мы прошли Самойловский хутор часов в 8. Вскоре артиллерийским огнем противник начал обстреливать хвост нашей колонны. Предполагалось захлопнуть красную конницу, поэтому шли мы довольно быстро и не особенно обращали внимание на то, что делается в стороне от дороги. Впереди у 1-го полка шел бой, мы же пока не разворачивались и только изредка артиллерийским огнем обкладывали удиравших по сторонам красных. Отдельные группы красных удирали в районе мелких селений Тенеты, Кушевы и др. Всю эту компанию мы захлопнули бы, если бы наш

полк развернулся, но дивизии была дана другая задача, сопряженная со временем, из-за чего пришлось не разворачиваться и идти вслед за колонной.

1-й полк вел бой в районе Рождественской, захватил много пленных и продвинулся дальше к югу. Когда мы проходили к Рождественской, произошел довольно интересный случай. Из 1-го полка разворачивался только один батальон, который и работал совместно со 2-м конным полком. Двигались мы с севера на юг узким фронтом. Вправо по нашему ходу увернулась довольно внушительная группа и решила обрезать хвост нашей колонны, рассчитывая, что там идут обозы. На самом деле обозы наши шли в середине, а в хвосте — 2-й полк. В тот момент, когда мы подходили к Рождественской, часть этой группы, среди которой были красные курсанты, неожиданно встретила нас огнем с близкой дистанции и пробовала атаковать. 1-й батальон сейчас же соскочил с повозок и со своей стороны атаковал красных. Наша батарея открыла огонь на прицеле 10, 4-я батарея выехала несколько вправо, причем разведчики ее бросились в конную атаку во главе с полк. Самуэловым. Такой оборот для красных был совершенно неожиданным, но, несмотря на это, на окраине Рождественской они оказали упорное сопротивление (были раненные штыками). Наш броневладелец, выйдя во фланг красным, ускорил решение боя в нашу пользу. Красные бежали, оставив в наших руках 112 курсантов.

Прошли Рождественскую и остановились на бугре перед Воздвиженкой. Всё это время около штаба дивизии снижался аэроплан. Он летал от нас к Донцам и обратно — таким образом освещал обстановку и там, и здесь. Воздвиженка уже была занята нашим 1-м полком, таким образом, мы вышли из большевистского тыла, так как дальше на юг их уже не было. Вскоре после нашего прохода через Рождественскую красные заняли ее и начали взводом прикрывать отход уцелевшей колонны пехоты на север в направлении на железную дорогу. К ст. Гайчур подошел бронепоезд красных, который взялся было за нас, но вскоре после того, как взвод 4-й батареи специально занялся им, отошел к северу. Наша батарея, встав повзводно, согнала взвод противника и основательно, совместно с другим взводом 4-й батареи, обложила драпающую колонну тысячи в 2 красных. Нас тоже немного обстреляли, так как 2-й взвод стоял на полукрытой позиции.

Через час-два мы ушли в Воздвиженку, оставив на буграх батальон 2-го полка и 4-ю батарею. Никакой кавалерии в этом районе не оказалось, операция закончена, и мы остаемся на ночлег в *Воздвиженке*. Ударная группа красных в этом районе разбита. Из состава 42-й и 9-й армии за вчерашний и сегодняшний день нашей дивизией взято до 5000 пленных. Донцы тоже что-то много отхватили. Генерал Туркул был недоволен операцией. Если бы его сверху не торопили (на что я уже указывал выше), мы бы шире развернулись и захватили бы всё, что было. Попалась бы вся

артиллерия (которой у красных здесь очень мало, непропорционально числу пехоты) и тысячи на три больше пленных. Шутка ли — наступать сплошным фронтом с тыла. Успех, конечно, громадный, но было бы значительно больше удовлетворения, если бы удалось снять весь участок фронта этой ударной группы. Красные совсем деморализованы. Сегодня в 1-м полку разворачивался только 1-й батальон, у нас — два, а пленных уйма. Чуть что-либо — и они уже сдаются.

Наши потери крайне малы, исчисляются единицами. Сегодня весьма серьезно ранен ген.-лейтенант Субботин, состоявший последнее время при штабе дивизии в качестве командира бригады. Его спешно отправили в Орехов, куда потребовали из Александровска специальный вагон. Во время конной атаки в 4-й батарее убит шт.-капитан Стан. Бодовский²²⁵, окончивший Могилевскую гимназию в 1916 г. Мы отделались благополучно — в батарее ранена только одна лошадь. Вечером говорили, что если всё будет спокойно, то завтра в 6 утра мы полным ходом пойдем к «себе домой», то есть в Ново-Гуполовку. Переходики наша дивизия совершает за последнее время прямо-таки кавалерийские: за сутки проходим 50 верст с боями. Устаешь зато здорово. Обычно ходим ночью, всё время не досыпаешь, мерзнешь и из-за этого дуешь всё время пешком. Зато все эти трудности и лишения окупаются громадными успехами, которые нам сопутствуют.

В 24 часа перевели стрелки часов на один час назад.

1.10.1920. Четверг. Весь день простояли в Воздвиженке. Донцы из этих мест ушли в район Царе-Константиновки ликвидировать другую ударную группу красных. На правом берегу Днепра красные, стянув превосходящие силы, вынудили наши войска отойти за Днепр. Вообще последние дни было заметно усиление красных по всему фронту, причем нажим ясно обозначился почти на всех направлениях. С одной сильной группой мы разделились основательно, с другой сейчас успешно справляются Донцы; некоторый успех красные имеют у Каховки, Алешек и по правому берегу Днепра. Там вчера у деревни Шелохово шрапнельной пулей был убит генерал-лейтенант Бабиев, командовавший конной группой. Он был ранен 17 раз, а на 18-й пуля не пощадила храброго генерала. Кубанцы и наша 2-я армия понесли там потери, которые главным образом объясняются тем, что в связи со смертью генерала Бабиева было нарушено управление.

У Ново-Гуполовки спокойно. Там остался батальон 3-го полка, бронев-автомобиль, бронепоезда, теперь туда пошли гаубицы, бывшие в это время в распоряжении Марковской дивизии. Туда являлись делегаты от чеченцев, служащих у красных, которые собирались сдаваться; но в реальную форму эта сдача не вылилась. Здесь у нас тоже поговаривали, что в районе станции Гайчур красные численностью до 1000 штыков сложили винтовки и хотят сдать. Туда будто бы ездили наши конные, но дальше разговоров дело не продвинулось. Более действительными

и весьма неприятными оказываются разговоры о перемирии Польши и Совдепии, которое, увы, подписывается.

2.10.1920. Стояли весь день спокойно. Разорвались мы благодаря этому обходу по тылам красных с обозом. Сейчас у батареи нет ни гроша денег. Всюду, где только можно было, командир занимал, но этого ненадолго хватает. Лошади все эти дни получают минимальные порции. Мы тоже без денег. За жалованьем ездили еще тогда, когда мы были в Ново-Гуполовке, но вернулись ни с чем: в казначействе не оказалось денег. Последнее время это довольно частая история. Новостей особых не слышно. Говорят только о том, что в направлении на Б. Токмак прорвалась конница красных в 2500 шашек. Это та самая группа, которая была в районе Ново-Николаевки, Воздвиженки и относительно которой нас предупреждали во время наших последних ночных боев и походов.

3.10.1920. Стояли в Воздвиженке. После обеда был на похоронах штабс-капитана Бодовского. Пришли в церковь, проводили на кладбище, похоронили и с холодным спокойствием разошлись. Даже смерть хорошо знакомых людей не оставляет почти никакого впечатления. Нервы всё больше притупляются.

Донцы разделали под орех всю группу у Царе-Константиновки. Здорово они работают! За последние операции ими взято до 9000 пленных, 12 орудий. Подошедшую сюда 9-ю армию красных обработали уже порядком в немногих боях, и не так уж много ее осталось.

Польша заключила перемирие. Сегодня до нас дошли официальные сведения об этом факте. Первое перемирие было подписано 6/23 октября, но оно продолжалось всего 12 часов. Красные нарушили его, после чего поляки продолжили наступление и заняли Минск. Фактически перемирие начинается по новому договору 18(5) октября.

В Москве, говорят, была на этих днях грандиозная манифестация в пользу прекращения войны. В Александровске за грабежи арестован атаман Володин, командовавший отрядом махновцев. Говорят, что сам батька Махно дал согласие на его арест. Батальон нашего 4-го полка послали ликвидировать его отряд. Печально, если такие комбинации будут получаться с другими отрядами Махно.

Как-то в штаб дивизии приезжал Чалый. Сегодня я узнал те подробности, которыми он делился в штабе. Говорил он, что прибыл непосредственно от «батьки Махно», который якобы занимал в то время (ок. 15 сентября) Харьков. Вся Украина разделена Махно на округа, в которых работают отдельные отряды. Занятно рассказывал он про свои похождения: как он «порубал» то тех, то других комиссаров, заворачивал к себе обозы и прочее. Рассказывал он это с неподдельной простотой, но вышло так смешно, что в штабе с трудом удерживались от хохота. Вечером аэроплан сообщил, что красная кавалерия, прорвавшаяся у Бердянска, находится в районе Б. Токмака, который занимался несколько часов красными. Там они зарубили комендантов, нескольких генералов, захва-

тили поезд генерала Богаевского (сам генерал едва ускакал), взорвали 6 вагонов снарядов, бронепоезд «Святогор», захватили немного обмундирования и наделали вообще бед.

В 10 с половиной вечера мы всей дивизией двинулись на Орехов, чтобы закрыть выход этой коннице. С той же целью Корниловская дивизия направлена на Жеребец.

4.10.1920. Шли всю ночь. На рассвете прошли через село Омельник и около 10 часов пришли в Орехов, сделав переход в 35 верст. Тут постояли около получаса и пошли дальше в том же порядке (впереди 3-й полк, в середине наш и в конце 1-й) в направлении на Щербаковку. Мы уже успели было пройти весь город, когда распоряжением начдива движение было остановлено. 3-й полк только ушел в Ново-Андреевку, а мы разместились на квартирах в Орехове. Как оказалось, конница уже проскочила мимо нас. Вчера она из Б. Токмака прошла через Гохгейм на Щербаковку, где и ночевала. Ночью оттуда она двинулась на Копани, хутор Работин и прошла жел. дорогу между Б. Токмаком и Ново-Карловкой. Наш поезд восточнее М. Токмака обрезал самый конец их колонны, захватив несколько повозок, 15 пленных и другую мелочь. Из Щербаковки на север они не пробрались бы.

В Александровске Марковцы, в Жеребце — Корниловцы, а в Щербаковку шли уже мы. Наши аппараты всё время висели над этой конницей и сбросили на нее 197 пудов. По свидетельству жителей, потери она понесла колоссальные от этого бомбометания. Жаль, что нам не удалось с ней встретиться, она прошла верст на 10 восточнее нас. Остаток дня и ночь стояли в Орехове.

5.10.1920. В 5 утра выступили. Шли мы во главе колонны. Идем в район Рубановки, как говорят, в резерв. Весь наш корпус перемещается влево по фронту к линии реки Днепр. На прежнем участке нашего корпуса пока будут стоять Донцы и части 2-й армии. Часов до 12 стоял сильный туман, в 300 шагах уже ничего не было видно.

Шли мы через Ново-Андреевку, колонию Юренталь (Велихово), мимо Розенгоф на Барбараштадт и Эристовку. Тут большой привал для обеда и кормежки лошадей. Часов в 15 с половиной зарядил приличный дождь, который почти не прекращался до поздней ночи. Дорога очень быстро размокла, так что к вечеру грязи уже было достаточно. В этом отношении почва здесь паршивая, всё лето было сухое, и, несмотря на это, всего один дождь сразу испортил все дороги.

Около 22 часов мы прибыли, наконец, в большое село Михайловку, сделав переход в 60 верст. Все основательно промокли и замерзли. Под конец этого «приятного» путешествия даже пошел снег, который, падая, сейчас же таял.

В Михайловке предполагается дневка. Говорят, что мы к утру 9-го должны сосредоточиться всей дивизией в Рубановке.

По сводке от 14-го, наступление красных к югу от Каховки остановлено. По сегодняшней сводке, в районе Каховки без перемен, а на остальных

участках ничего существенного. В конце сентября и 1 октября, когда нашими частями оставался правый берег Днепра, основательно пострадали наши танки (целых 7 штук, причем 2 из них остались на той стороне). Вообще, нашу 2-ю армию за те дни на Днепре порядком потрепали, но не так уж сильно, как об этом говорили в тот момент, когда нас двигали на Днепр.

6.10.1920. Простояли весь день в Михайловке (большое село в 10 верстах от ст. Бурчаук: 45 000 населения, смешанная гимназия, верст 9 в длину и 6 в ширину).

Только сегодня вечером получили жалование за сентябрь. С сентября оклад содержания для офицеров увеличен до 24 000 рублей и, кроме того, с 15.09 будут давать еще кормовые. Вместе с пособием сегодня получили по 75 480 рублей. Это еще туда-сюда, а то все прошлые месяцы фронтовые офицеры, тратя всё содержание на пищу, еще влезали в долги. Офицерских долгов в батарее было на сумму до миллиона рублей. Это уж было форменное безобразие, если для того, чтобы относительно сносно питаться на фронте, приходится еще влезать в долги. Каждая командировка выбивала офицера из денег по меньшей мере на полгода по существовавшим окладам, а то и на целый год.

По сводке от 6 октября, на Волновахском направлении наши части в районе Святодуховки (верстах в 30 северо-восточнее Полог) атаковали 5-ю Кубанскую конную дивизию красных, разбили ее и захватили 7 орудий, много пленных, пулеметы, обозы и другую добычу. Преследование остатков дивизии продолжается. Это та самая конная группа, которая занимала Б. Токмак и которую мы 4 числа должны были ликвидировать у Щербакówki. Ей не удалось благополучно выскочить, как нам это казалось тогда в Орехове. В районе Каховки наши части перешли в наступление и отбросили красных в исходное положение. В районе Алешек переправившиеся части противника отброшены на правый берег Днепра. Наши взяли 200 пленных.

По поводу заключения перемирия Польши с Совдепией генерал Врангель сегодня опубликовал приказ: «Севастополь, № 3697, 6(19) октября 1920 г. Русские воины, Польская армия, сражавшаяся рядом с нашей против общего врага свободы и порядка, ныне прекратила борьбу, заключив предварительный мир с насильниками и предателями, именуящими себя правительством советской России. Мы остались одни в тяжелой борьбе, где решается судьба не только нашей Родины, но и всего человечества. Мы защищаем родную землю от ига красной нечисти, не признающей Бога и Родины, несущей с собой смуту и позор. Предав Русь потоку разорения, изверги надеются зажечь мировой пожар. Скоро три года, как Русская армия несет свой крестный путь. Малые числом, но твердые духом, несли мы крест свой, неизменно веря в конечное торжество нашего правого дела. Еще полгода тому назад мы были на краю гибели, и безбожники уже готовились править тризну на нашей крови. Дружным усилием всех честных сынов Родины мы вырвали еще раз победу из рук врага

и вот уже шесть месяцев неизменно бьем его. Воины, с любовью смотрит на вас освобожденная Русская земля, с надеждой — братья, томящиеся в застенках красных палачей, и с верой в своих непобедимых орлов — я, ваш старый соратник. Не первый раз выдерживать нам неравный бой. Не в силе Бог, а в правде. Генерал Врангель».

Много труднее будет теперь нам в борьбе с красными. Странно то, что это известие не произвело на меня сильного впечатления, хотя громадное значение этого факта не замедлит сказаться в полной мере.

7.10.1920. Простояли весь день в Михайловке. Днем выдавали теплое и холодное белье, первый раз за последнее время в более или менее нормальном количестве — каждый получил хотя бы по одной вещи, а то раньше присылали, например, 20 рубах и 13 кальсон на всю батарею, то есть на 200 человек.

Днем затеяли основательную игру в 21, которая дала мне около 100 000 руб. Вечером основательно закусили, съев компанией в 8 человек целого гуся и утку с соленым арбузом. Цены здесь уже не те, что существуют в районе Александровска: гусь стоит 12 000, утка — 6000 руб., небольшое яблоко — 500 руб. В этом районе дело с посевом обстоит благополучно, встречается много зеленеющих полей, в то время как в районе Александровска всё голо, пусто, не засеяно, не видно даже вспаханных полей.

Узнал некоторые отрывочные сведения о причинах последней перегруппировки. Красное командование стягивает большие силы в районе Каховки и Днепра. 1-я конная армия Буденного уже больше месяца как снята с Польского фронта и в скором времени заканчивает свое сосредоточивание в указанном районе. В том же районе концентрируется, кроме частей, ранее бывших на фронте, еще 6-я советская армия. Наш поход на правый берег Днепра, целью которого было занятие Каховки, которая была постоянной угрозой для всего нашего фронта, так как отстояла всего только в 60 верстах от Перекопа, окончился полной неудачей. Каховку не взяли, красных там не потрепали, а сами сильно влопались. 2-я армия сильно пострадала, потеряла артиллерию, танки и с треском была выставлена обратно. Командующий 2-й армией, генерал Драценко²²⁶, увлекся такими комбинациями как командование ротой, общее управление отсутствовало, части действовали порознь. После гибели генерала Бабиева, командовавшего конными частями, там совсем всё нарушилось. Результат же не замедлил сказаться. Вообще, как говорят, штаб 2-й армии производит на всех опереточное впечатление. Серьезных людей там не было. Ясно, что после этой неудачи, со стороны красных нужно было ожидать ответного похода. Вследствие этого наше командование решило сократить фронт и подтянуть к наиболее угрожаемому — Каховскому — направлению самый сильный и крепкий — наш I корпус. Линию Софиевка—Пологи приказано было оставить и отойти на линию Васильевка—Орехов. У железной дороги, начиная от Днепра, участок должны будут занять Донцы, а в районе Б. Токмака — III корпус.

Отход и перегруппировка уже начались, но в данный момент фронта в полном смысле этого слова нет, все части находятся в движении: мы идем справа налево, III корпус — слева направо. Из района Александровска отходят последние части. То направление для красных сейчас не является важным, сил там у них уже немного.

В 17 часов, во время начала выступления из Михайловки (в 10–15 верстах юго-восточнее ст. Софиевка) 4-й полк нашей дивизии подвергся неожиданному нападению со стороны махновского отряда под командованием Чалого. Благодаря этой истории «ухнула» чуть ли не половина полка. Выбираться ему было тяжело, сначала пришлось отступить на север, а потом пробиваться на юг. 7-я гаубичная батарея потеряла до 17 человек. Из 4-го полка около 200 человек попало в плен. Как оказалось, еще с 3 числа у нас с Махно произошел разрыв, и между нами и его отрядами начались военные действия. В прочность этого союза никто не верил, и все удивлялись, как Врангель выбрал себе такого союзника.

Володин в Александровске был повешен не только за грабеж. Был раскрыт его заговор с крымскими зелеными, которые уже открыто назывались советскими партизанскими полками, причем таких регулярных полков у них было целых пять. Последнее время против зеленых была направлена вновь формирующаяся 2-я кавалерийская дивизия²²⁷. Зеленые занимали ряд пунктов между Феодосией, Ялтой и Севастополем. Определенных пунктов, где они базировались, у них не было. Они близко подходили к Алуште, занимали Судак и т. п. Наши части расположились в населенных пунктах примерно по линии Карасубазар—Алушта, имея целью дальше этой линии их не пропускать. Эту линию к зиме предполагалось сузить с тем, чтобы переловить их, так как предполагалось, что пребывание в горах зимой станет невозможным.

Передают интересный факт: наши как-то, когда зеленые были близко от Алушты, обращались к военному английскому судну с просьбой обстрелять зеленых, на что англичане ответили, что войска зеленых есть не что иное, как партизанские полки Советской России, с которой англичане не состоят в войне, потому и отказываются исполнить эту просьбу. Теперь 2-я кавалерийская дивизия снимается с зеленого фронта, спешно получает лошадей и в видах ближайшего наступления красных перебрасывается в Северную Таврию. Наше командование надеется разбить эту сильную ударную группу красных у Днепра.

По газете от 7-го, в Италии началась междоусобная война между правительственными войсками и рабочими, занявшими заводы. После двухдневного боя Генуя занята повстанцами, помогали которым взбунтовавшиеся экипажи нескольких миноносцев и крейсеров. Из Фиум в Геную в срочном порядке отправлены итальянские дредноуты. Большевики сообщают, что в Риме объявлена власть совета красных солдат и рабочих. Из Ирландии поступают неутешительные сведения — там идут беспорядки. Забастовку углекопов в Англии не удалось предотвратить. В Севастополь 6 числа прибыл главный комиссар Франции на Юге России граф де-Мартель.

8.10.1920. В 7 с половиной выступили всей дивизией. День был хороший, слегка морозный и солнечный. У выхода из Михайловки проходившие части провозались музыкой военного оркестра нашей дивизии. Шли мы двумя колоннами: 1-й и 3-й полк через Тимашевку в Минчекур, а мы со 2-м полком через М. Белозерку в Пескошино.

В М. Белозерке привал для обеда. Наша компания словчилась в одном из домов на солидное количество сытного борща из молодых голубей (первый раз ел такое блюдо, и оно очень понравилось) с хорошим хлебом, молоко и арбузы, так что казенная пища совсем не понадобилась. Хозяйка была настолько любезна, что абсолютно ничего не взяла. М. Белозерка — очень большое и богатое село. Живут тут чисто и хорошо. Дворов здесь больше 5000. Следов от боев нет, кроме окопов с северной и западной стороны, в которых, по-видимому, пехота ни разу не помещалась. Поля кругом засеяны, и всходы хороши.

В Пескошино мы прибыли в 17 часов, сделав переход в 35 верст.

Прибывшие из тыла говорят о том, что в Крыму, под влиянием нашей неудачи на той стороне Днепра, развивается паника. Ничего не делающая публика до того избаловалась нашими крупными победами, что не особенно кричащий успех нашей армии никого не удовлетворяет, а маленький неуспех уже порождает панику. Теперь же, в связи с последней перегруппировкой, в тылу начали говорить, что «отступают даже Дроздовцы» и настроение у всех уже — бежать из Крыма. Большевики в Крыму распространяют и усиливают такие слухи, вздувают на всё цены и пользуются этим в своих целях.

9.10.1920. В 8 часов двинулись дальше. Шли через Гавриловку в Покровку. Переход сегодня небольшой, всего 25 верст. Разместились в *Покровке*, примерно 8—10 человек на хату. Вся дивизия сосредоточилась в двух селениях: Ново-Александровке и Покровке, расстояние между которыми не превышает 4 верст. Корниловская дивизия перешла в Верхний Рогачик. Марковцы в районе Днепровки. Как говорят, наш корпус пока будет находиться на этих местах в резерве.

Участок по Днепру против Никополя, в районе Водяное—Б. Знаменка, занимают Донцы и несколько партизанских отрядов, оставшихся пока еще верными нам. Южнее, примерно на участке против Рубановки, на берегу Днепра, расположена Терско-Астраханская бригада²²⁸ генерала Агоева²²⁹. От Каховки и южнее, вплоть до самого моря, по линии Черненька—Тельников—Дмитриевка находится II корпус.

10.10.1920. Стояли в Покровке. Приводили себя, амуницию и материальную часть в порядок. Определенно стало известно, что наша дивизия будет стоять пока в резерве.

Корниловцы заняли прибрежные селения: М. Лепетиху, Нижний Рогачик и таким путем получили участок от Б. Знаменки до Б. Лепетихи. В М. Лепетихе, еще со времени июльского отхода красных, остались в складах миллионы пудов зерна. От нашей батареи туда ездили подводы

и привезли немного зерна. Говорят, что там стоят Корниловский конный дивизион и отряд махновцев, причем комендантом является махновец, он не особенно охотно отпускает зерно. Прямо непонятно: одни отряды Махно воюют с нами, другие пока в союзе.

Привожу приказ Правителя Юга России и Главнокомандующего Русской армией № 0010843, г. Севастополь, 9(22) октября 1920 г. «Славные войска и доблестный флот Русской армии. Мною получена следующая телеграмма от генерала Семенова²³⁰, сообщенная им одновременно французскому и японскому правительствам: «Оценив настроение казаков, иногородних и крестьян, населяющих Российскую восточную окраину, пришел к неуклонному решению, во имя блага Родины, не только признавать Вас как главу правительства Юга России, но и подчиняться Вам на основании преемственности законной власти, оставаясь во главе государственной власти Российской восточной окраины, главнокомандования и выборным походным атаманом казачьих войск — Забайкальского, Амурского, Уссурийского и перешедших на ту же территорию во главе с их войсковыми правительствами — Енисейского, Сибирского, Оренбургского и Башкирского. Отрезвление сельского населения, вкусившего прелестей большевизма, уже сказалось: прибывают добровольцы казаки, инородцы и крестьяне. Части моей армии находятся в Забайкалье, Уссурийском крае и Северной Монголии. От имени своего и подчиненных мне войск и населения приветствую Вас в великом подвиге служения Родине. Главнокомандующий и походный атаман генерал-лейтенант Семенов».

Отныне всё казачество с нами. Польша заключила перемирие с врагом России, но главный союзник протягивает нам руку. Этот союзник — русский народ. Генерал Врангель».

Интересно, что в прошлом году генерал Деникин признал адмирала Колчака перед началом конца последнего, не получилось бы теперь такой аналогии, тем более что ожидается решительное наступление со стороны красных, которые на этот раз введут в бой громадные силы пехоты и преобладающие массы кавалерии.

11.10.1920. По официальному сообщению, нашими частями снова заняты Алешки, причем потоплена баржа с красными, переправлявшимися на ту сторону. Не представляю, когда II корпус успел сдать Алешки. Воюет он довольно слабо. Говорят, нет никакого сравнения между его частями и частями нашего корпуса. О личных военных качествах военачальников, офицеров, солдат и о духе говорить уже не приходится. Даже в смысле вооружения те части сильно уступают нашим. В то время как в тех полках количество пулеметов достигает 15–20, в нашей дивизии оно доходит в среднем до 100 на полк, а в 1-м полку, например, сейчас 130 пулеметов. При таких обстоятельствах немудрено, что во всех серьезных делах приходится отдуваться только одному нашему корпусу, который всё время мотают.

Здесь пока всё тихо. Слышны отдаленные, очень редкие выстрелы. Говорят, что в нашем главном штабе имеют точные сведения о подтягивании на Каховский участок конницы Буденного. Знают даже, где, когда и сколько кавалерии ночует и сколько у Каховки перешло на наш берег.

Интересно, что перед наступлением красных на Польском фронте, которое проводил Брусиллов, усиленно распространялись слухи, что Брусиллов открыто стал против советской власти. Эти слухи даже поддерживались советскими работниками и некоторыми советскими газетами. Под прикрытием этих слухов готовилось наступление, после чего Брусиллов благополучно тряхнул настолько основательно по Польше, что последняя едва не лишилась Варшавы. Теперь то же самое усиленно заговорили об измене Буденного, якобы занявшего Киев. Слухи эти идут из Советской России, они находят подтверждение в советских газетах, причем приводятся даже слова Троцкого, который якобы сказал: «Пора Красную армию избавить от Наполеонов». Наши газеты тоже полны этими слухами и разными выдержками из советских газет относительно измены Буденного.

А между тем переброска армии Буденного беспрепятственно продолжается и на этих днях будет закончена. Несомненно, существует вполне определенная связь между этими явлениями, и здесь, в этих усиленно циркулирующих слухах, скрыты вполне определенные намерения советского командования.

12.10.1920. Начались занятия, — это для меня самая неприятная сторона всякого резерва. Во время занятий приходится проделывать абсолютно то же, что и во время боев на фронте. Поэтому каждому должно быть понятно, как скучно заниматься при орудиях во время резервов, хотя иногда это является даже необходимым вследствие большой убыли номеров и замены старых артиллеристов новыми из пехоты. По вечерам от нечего делать часами играем по мелочи в «501» и в «девятый вал». В общем, скучно. Сегодня почувствовал себя довольно скверно. Приходила сестра и нашла у меня признаки серьезной болезни, вроде брюшного тифа.

13.10.1920. Утром 1-й взвод батареи ушел, согласно приказанию, в г. Мелитополь, чтобы перевооружиться там французскими пушками. Теперь в бригаде нечетные батареи будут постепенно перевооружены французскими пушками, а четные номера батарей останутся с русскими пушками. В этом отношении теперь будет большое удобство со снарядами, так как французские пушки высверлили под русский снаряд и от настоящих французских они отличаются только калибром. Французский калибр — 75 мм, а этих — 3 дюйма, или 72,2 мм. Говорят, что пушки приличные.

Сегодня почему-то вернули обратно те подводы, которые были отправлены за зерном в М. Лепетиху, говорят, что там не всё благополучно, но что именно — нам не известно. Как будто, подгуляли эти партизанские отряды и пропустили красных.

14.10.1920. С утра красные повели наступление по всему Днепровскому фронту. На участке Донцов, партизан и Марковцев красные переправились и закрепили за собой переправы на Скельке, Водяное и Б. Знаменке. До вечера положение там не было восстановлено.

На участке Корниловцев красные были переправились и заняли Нижний Рогачик. В этом районе всё время шел упорный бой. За день Ниж. Рогачик девять раз переходил из рук в руки и под конец остался за Корниловцами, красные там были отброшены на ту сторону Днепра.

На участке II корпуса положение за сегодняшний день резко ухудшилось. Там наши не выдержали натиска превосходящих сил противника и откатились по всей линии Днепра. Отошел II корпус примерно на линию Чаплинки; совершенно ясно, что своими силами в том районе он не в состоянии удержаться даже на 1 минуту. Среди нажимавших частей противника преобладала кавалерия: конная армия Буденного пушена в дело, и этот день нужно считать началом грандиозного наступления красных.

У нас сегодня ничего об этом не было слышно, и о наступлении красных по всему фронту Днепра никто не узнал. Здесь был слышен бой на участке Корниловцев, к вечеру же были получены сведения, что у них все атаки отбиты и положение на участке полностью восстановлено.

Неудачно получилось то, что начало этого наступления совпало с началом облачных и туманных дней в этом районе. Аэропланы наши вследствие этого не летают, и точных сведений о перегруппировках и передвижениях неприятельской конницы у штаба нет. Кроме разведки аэропланы могли бы еще своими бомбами сыграть немаловажную роль в деле борьбы с конницей.

Состояние моего здоровья не улучшается. Сегодня сестра нашла у меня уже почти определенные признаки брюшного тифа и хотела эвакуировать меня, но я предложил ей подождать еще день, сославшись на то, что на этот раз у меня нет предчувствия серьезной болезни.

15.10.1920. Стрельбы никакой слышно не было. Слухов тоже нет. Кажется, что везде всё так же спокойно и благополучно, как у нас здесь, тем более что об отходе II корпуса, Марковцев и Донцов у нас еще никто не знал.

Вечером у нас раздавали обмундирование: кожаные куртки, перчатки, теплое и холодное белье, френчи, брюки, носки и шинели. В общем, в этом году видна забота об армии, в смысле обмундирования, и, несмотря на то что запасов у нас меньше, чем в прошлом году, мы получаем его гораздо больше и чаще, чем при генерале Деникине. Мало присылают только обуви, а так почти все уже одеты по-осеннему, вернее, не будут страдать от холода, не превышающего —8 градусов.

В состоянии моей болезни наступил перелом, стало ясно, что нет ничего серьезного, дело ограничится непродолжительной болезнью. Я остался в батарее, отказавшись уехать для поправки в обоз 2-го разряда.

В действительности положение военных дел не было таким благополучным, каким казалось нам здесь благодаря нашей неосведомленности. Марковцы очутились в районе Бол. Белозерки, о чем не успели своевременно сообщить Корниловцам, и последние довольно неожиданно были атакованы пехотными частями противника в районе Ольгофельда и Верхнего Рогачика. В этом месте почти полностью погиб 3-й Корниловский полк, больше батальона сдалось, было много раненых. «Драп» был настолько основательным, что бросили всех раненых, все запасы и закупки, которые производились Корниловской дивизией в том районе. Два других полка Корниловцев в этот же день были сильно потрепаны в районе Нов. Рогачика. В штабе армии были такие сведения относительно потерь, понесенных сегодня Корниловцами: во всей дивизии осталось 550 штыков. Цифра эта, несомненно, сильно разнится с действительностью, но ясно, что потери у Корниловцев за сегодняшний день огромны. Легко ранен начальник Корниловской дивизии генерал Скоблин, вместо него дивизию принял генерал Пешня²³¹, который должен был принять Марковскую, там же временно остался генерал Манштейн.

Корниловцы отошли в район Зеленая, Рубановские хутора. Со 2-м корпусом дела обстояли не лучше: его трепанули еще у Чаплинки, после чего, под угрозой быть совершенно уничтоженным, он безостановочно покатился на Перекоп.

Красная конница главной своей массой прошла через Асканию-Нову на Громовку, оставив в Агамане, в качестве заслона, две конных дивизии — это против нашей кавалерии, группировавшейся в районе Торгаевки. Таким образом, сегодня красным удалось значительно углубиться в прорыв, продвинуться во всех пунктах Днепровского фронта и основательно потрепать наши части. Кроме конницы красные начали переправлять в этом весьма выгодном для них месте значительные силы пехоты. Остальные фронты для них сейчас не важны, и оттуда всё, что могло ими в данный момент быть снято, брошено сюда — на нас, на Каховское направление.

День сегодня опять облачный и туманный, летчики совершенно не могли летать из-за этой мглы.

16.10.1920. Ночью начали появляться в нашем селе повозки и обрывки обозов Корниловской дивизии, от которых впервые и были получены довольно неопределенные сведения о катастрофе Корниловцев. Было довольно неожиданно, когда в 6 с половиной часов нас разбудили и сообщили, что в 8 приказано выступать в Рубановку. Я чувствовал себя еще не совсем здоровым, но двинулся вместе с батареей. Определенного в батарее ничего не было известно: куда и по какому случаю пойдем дальше из Рубановки, никто не знал. Относительно Корниловцев ходили такие слухи, что они подверглись неожиданному ночному нападению и потеряли почти всю артиллерию, но как первое, так и второе было неверно. Ночь у них прошла спокойно, а вчерашнее их поражение произошло, как описано мною.

Шли мы через Ново-Александровку и часов в 14 были в Рубановке, покрыв расстояние в 25 верст. День сегодня холодный, морозный, по всем данным, —12 градусов. В Рубановке остановились на обед. Говорили, что часа в два двинемся в направлении на Горностаевские хутора. Тут, в Рубановке, мы соединились с нашей дивизией, которая сегодня здесь сосредоточилась полностью (нас наконец догнал 4-й полк, остававшийся в Ново-Гуполовке в то время, когда мы ходили на Ново-Николаевку, и те батареи, которые с ним были), а также соединились с Терско-Астраханской бригадой генерала Агоева. Постояли до вечера, но о движении на Горностаевские хутора ничего не было слышно. В 23 часа приказано было выступить на Вознесенку, чтобы выбить оттуда до 2000 сабель красной конницы.

После наступления темноты Рубановку атаковала пехота красных, но 2-м батальоном 2-го полка была отброшена. Когда мы двинулись из Рубановки, я увидел конных Корниловцев, которые говорили, что их дивизия вслед за нами пройдет через Рубановку на В. Серогозы. Тут сразу заговорили у нас о том, что мы пойдем на юг, что в этом районе больше 10 000 красной конницы, которая прорвалась к Сивашам и т. д. Это были, для меня по крайней мере, первые сведения о надвигающейся катастрофе.

На Вознесенку мы пошли двумя колоннами: 1-й и наш 2-й полк со 2-м конным правой колонной с тем, чтобы атаковать Вознесенку с северо-запада; 3-й и 4-й полки и Терско-Астраханская бригада — в левой колонне, намереваясь атаковать ее с востока. Ночь была на редкость холодная, всё время приходилось мерзнуть, во время даже минутных остановок по всей колонне разжигались костры из сухой полевой травы, несмотря на запрещение делать это, чтобы скрыть наше движение от противника.

Через несколько часов, еще до наступления рассвета, красные без боя заняли оставленную нами Рубановку. Идешь для ликвидации в одну сторону, а в это время гермидер готовится с другой: хвост втянули — нос увяз, нос вытащили — хвост увяз.

Облачность сегодня была несколько меньше, один из летчиков рискнул полететь и вернулся с целым открытием для всех: в 40 верстах от Ново-Алексеевки обнаружена была колонна кавалерии в 10 000 сабель. Все как будто под влиянием этого раскрыли рты в наших штабах; здоровая получилась комбинация: в самом центре нашего тыла у железной дороги — единственной магистрали — свободно передвигается неприятельская конница.

17.10.1920. На рассвете подошли к Вознесенке. Первой вступила в бой наша колонна, во главе которой шел 1-й полк. Особенно долго красные там не удерживались. Почти сейчас же начался бой и у левой колонны. Часа через 2 всё было кончено. Было захвачено несколько пленных и лошадей. Занимали Вознесенку два полка кавалерии (численностью до 1800 сабель) и одна рота 3-го латышского полка. Досадно получилось то, что под конец часть 3-го полка обстреляла 1-й полк, вступавший уже

в село, и выбила больше 30 человек. Холодно было зверски, хотелось есть и спать. В хаты для временного отдыха набилось до 50–60 человек, повернуться нельзя.

Красные заняли Вознесенку вчера после обеда, говорили, что теперь уже возьмут Крым и что в этом месте через Днепр их переправилось до 50 000 кавалерии и пехоты. После трехчасового отдыха двинулись дальше на Агайман двумя колоннами: одна от другой на расстоянии от одной до полутора верст, то есть почти рядом. Всё время справа по нашему движению нас обстреливали артиллерийским огнем, а мы шли по совершенно открытому месту и временами даже останавливались, если голова колонны задерживалась. Хорошо, что временами шел мелкий снег, и всё время была «кура», благодаря чему видимость была отвратительная. Кроме того, красные почему-то усиленно обстреливали пространство между нашей и идущей рядом левой колонной, которые для стрелявшего, благодаря рельефу местности, почти сливались. Эта обкладка продолжалась непрерывно и за день основательно надоела. В особенности назойливо вела себя одна конная батарея противника, передвигавшаяся параллельно с нами. Наш 2-й взвод один раз попытался сбить ее с открытой позиции, но она согнала нас с позиции раньше. Справа нас охраняли только слабые разъезды, и видно было, что нашему командованию или не интересен этот противник, или нам нужно спешить и не отвлекаться по сторонам. Эта группа красных не рисковала атаковать нас серьезно, и только в сумерках в районе Ново-Репьевки она сделала слабую попытку к этому, но ее быстро ликвидировали. Во всяком случае, от обстрела у нас пострадало немало людей и особенно лошадей.

В *Агайман* мы пришли около 19 часов. Тут уже были части генерала Барбовича, который сегодня выбил отсюда конницу красных. Здесь же сосредоточились и Корниловцы. Генерал Кутепов тоже прибыл сюда вместе с корпусом Барбовича. Тут я встретил подполковника Гудим-Левковича и мичмана Мировича. Из автомобильной школы они устроились в авто-пулеметный эскадрон, переданный вновь сформированной 2-й конной дивизии конного корпуса генерала Барбовича. Этот авто-пулеметный эскадрон состоял из 22 легких машин системы Форда. На четырех из них кроме пулеметов были пушки Гочкиса, а остальные вооружены пулеметами: более легкие машины имели один Виккерс и один Льюис, а тяжелые — два Виккерса и один Льюис. Форд представлял собой площадку с четырьмя бортами в две доски, толщиной в полтора-два пальца, поставленную на колеса, иными словами, вещь совсем не бронированная. В 15-х числах, когда 2-я дивизия вместе с авто-пулеметным эскадронам выступила из Крыма на фронт (с этого момента форды впервые были пущены в дело), генерал Шатилов обратился к ним с такой примерно речью: «В ближайшие дни на полях Таврии разыграются великие события. Там предстоит столкновение двух конниц: многочисленной красной и меньшей числом, но сильной духом — нашей. Надеюсь, что в этом столкновении вы, господа, сыграете не последнюю роль».

Интересно, что конный корпус генерала Барбовича к этому времени насчитывал до 4000 сабель (1300 в 1-й дивизии, 1700 во 2-й и около 1000 в Кубанской, бывшей генерала Бабиева). Армия Буденного насчитывала около 20 000 сабель, полки состояли из 6 эскадронов, в среднем по 150 сабель в каждом. Встреча, как отсюда ясно, должна была произойти в неравных условиях. Наше командование все-таки рассчитывало справиться с этим новым серьезным нажимом красных, с каковою целью мы только сократили фронт, но не оставили Северной Таврии. Главный удар предназначено было принять нашему I армейскому корпусу и корпусу генерала Барбовича. Со слов Гудима и мичмана я выяснил, что сегодня Барбович вел бой с заслоном красных силою в две дивизии кавалерии, оставленных в Агаймане. Бой разыгрался между Агайманом и Н. Серогозами. Сначала на Агайман наступала 1-я кавалерийская дивизия²³² и подошла было к нему вплотную. Ее обошли справа, и она отскочила назад и задержалась. К этому моменту обнаружился обход и слева. Из резерва туда была брошена 2-я кавалерийская дивизия, артиллерия 2-й кав. дивизии смешала конницу красных, приблизившуюся к нам менее чем на 1000 шагов. В этот момент на левом фланге были пущены форды, и красные драпанули сначала слева, а потом по всей линии, оставив Агайман. Несколько машин догнали около 30 всадников, которые без замедления были расстреляны. По словам мичмана, генерал Кутепов уверенно смотрит на современную военную обстановку и говорит, что на днях наша армия перейдет в наступление и красных удастся зажать.

К сегодняшнему дню общее положение дел на всём фронте было примерно следующее: для противодействия этому прорыву конницы наше командование сняло всё, что было на фронте севернее и правее Мелитополя, причем Мелитополь приказано было очистить. Предполагалось, что это временная мера и что дня через два он снова будет занят нами, так как на том направлении, по сведениям наших штабов, у красных почти не было сил. Таким образом, в этот момент фронт как более или менее определенная линия перестал существовать; отдельные группы шли против отдельных групп противника, или, вернее, кулак на кулак.

3-я Донская дивизия, которой был придан 1-й взвод нашей батареи, уже с французскими пушками, была двинута на юг вдоль линии железной дороги. Красные в этот день подошли к Ново-Михайловке. Там стоял запасной Корниловский батальон, сформированный в 4-й полк (люди были обучены, но еще недостаточно одеты), и конвой командующего армией с конвойным артиллерийским взводом. Для оказания сопротивления красным этот батальон, или вернее полк, который насчитывал до 2000 штыков, рассыпался фронтом на запад. Красные в лоб пустили небольшие силы, а главной массой прошли южнее Ново-Михайловки по берегу моря. Не интересуясь особенно Ново-Михайловкой, главные силы они пустили дальше на Сальково, а оставшуюся часть во фланг 4-му полку. Леофланговый батальон сдался, а остальные оказали упорное сопротивление

и были полностью уничтожены, то есть многие были перебиты и расстреляны, большинство уведено в плен. У Сальково красные были задержаны на 4 часа командой огнесклада в 30 человек под начальством чиновника, имея в своем распоряжении только один пулемет на укрепленной линии у самого перешейка. После 4 часов боя они в полном порядке перешли за перешеек, потеряв одного человека убитым и одного раненым. Интересно, что к этому моменту у ворот Крыма, то есть на перешейке, кроме этой команды огнесклада, не было ни одного вооруженного солдата.

В этот же день конница красных заняла Ново-Алексеевку, то есть перерезала еще в одном месте линию железной дороги. Группа их тысячи в 4 прошла дальше на восток и заняла Геническ. В Ново-Алексеевке красные захватили базу летчиков, перед отходом наши были вынуждены сжечь до 20 аппаратов, что составляет около $\frac{2}{3}$ всего числа. Занятие Ново-Алексеевки было неожиданным настолько, что не успели подготовить аппараты для полета. Кроме того, в этой базе погибло много бензина, газолина и много другого. Там же они захватили эшелоны со снарядами, обмундированием и пр. Попавшихся офицеров красные расстреляли, а прочих раздевали, приказывали всё сложить в одно место и зажигали. Всё это происходило на морозе в -15 градусов.

Вдоль линии Днепра, то есть где-то совершенно отдельно от других частей, сегодня наступали Марковцы и Донцы. В районе Балки ими было взято в плен до 2000 человек переправившейся пехоты. К Перекопу подошли уже пешие части противника, и сегодня они уже атаковали вал, но были отбиты II корпусом, понеся потери.

18.10.1920. Вчера я настолько основательно устал, растер ноги и промерз, что думал, что сегодня буду не в состоянии двигаться совсем. Утром еле разгибал ноги, но потом размялся; ехать дальше 10–15 минут было трудно — всё замерзло. Выступили мы на рассвете и пошли в направлении на ст. Сальково четырьмя колоннами: одна от другой на расстоянии от 2 до 3 верст, а иногда и ближе. Слева шла кавалерийская дивизия, затем 1-й и 4-й полк, правее — наш 2-й и 3-й, еще правее — опять кавалерийская дивизия. Корниловцы шли в том же направлении сзади.

Около 11 часов пришли в *Санбрун*, где был большой привал для обеда. С едой, в особенности с хлебом, прямо беда. От обоза 2-го разряда мы оторваны, где он находится — не известно, и вообще не известно, выскочил ли он, так как последняя его стоянка была в Калге, северо-восточнее Агаймана. Выпекать хлеб не удастся, т. к. мы всё время двигались, запас обоза 1-го разряда уже истощился. Уже и другие продукты в обозе 1-го разряда подходят к концу, денег нет — и получить их в данной обстановке батарея не имеет возможности. Купить на свои деньги или раздобыть хлеба или чего-либо поесть у местного населения чрезвычайно трудно, так как мы идем такой массой по одной дороге, и в одну хату, следовательно, заскакивает помногу людей, ища еды. Я посылаю на своей лошади в сторону от дороги солдата и таким путем, хотя и с трудом, но кое-что удастся раздобыть, что делится на всех.

После полуторачасового отдыха мы двинулись на село Отрада. Шли теми же четырьмя колоннами через Кучкогусь, хутора Кутузова и Сорокона. Когда мы выходили из Санбруна, верстах в 6 от нас появились разрывы со стороны Агаймана. Это Корниловцы вели арьбергартный бой с наседающей сзади кавалерией. Красные довольно энергично шли по нашим пятам. Часов около 17 мы подошли к Отраде на расстояние артиллерийского огня. Подход совершенно открытый, по чистому, ровному полю. Высыпали мы целой кучей, шли не разворачиваясь. Наш взвод двигался несколько впереди пехотной цепи. По нашей колонне открыли огонь 3 батареи противника, но они страшно разбрасывались, видя такое множество великолепных целей, и благодаря этому не нанесли нам существенного урона. Сначала 4-я батарея, затем наша стали на открытую позицию. Через полчаса кавалерия красных всю драпала в направлении на Ново-Троицкую. Разъезды 2-го конного полка уже были на окраине Отрады. Мы подвинулись вправо, причем генерал Туркул покрыл нас матом за то, что не особенно быстро переменили позицию. Красивая была картина: почти все батареи нашей бригады с открытой позиции крыли по удиравшей вправо густой лаве красных, которая была вся в дыму от разрывов. Наша пехота старалась выйти ей наперерез и открыла огонь залпами и из пулеметов, но цели они не достигали, так как расстояние превышало 3 версты. Некоторые пули от залпов ложились в 10–20 шагах от стрелявших, — настолько у стрелков от мороза окоченели пальцы и руки. Через полчаса здесь всё уже было окончено, и артиллерию потребовали на левый фланг, там у 1-го полка поднялась сильная стрельба, но и в том месте всё быстро ликвидировали.

Мы вошли в *Отраду* уже сумерками. Красные с северо-запада перешли было в контратаку и в темноте подошли близко к селу, но были отброшены. Во время этой последней перестрелки у нас в батарее была убита лошадь и сильно напуган обоз 1-го разряда, который шел сзади и чуть было не попал в переплет. Его разыскивали до ночи. Долгое время мы стояли на улице, так как не выяснено было, где мы будем ночевать. Генерал Кутепов хотел было послать нашу дивизию брать ночью Рождественское, но генерал Туркул решительно этому воспротивился, и туда посланы были Корниловцы, которые ночью атаковали село, взяли там 8 орудий и до 270 конных пленных. Ночью туда же перешли части генерала Барбовича.

Правая колонна кавалерии днем тоже вела бой северо-восточнее Отрады и захватила до 1000 пехоты в плен.

Мы остались ночевать всей дивизией в Отраде, и генерал Кутепов с нами. На батарею было отведено всего 3 хаты. За сегодняшний день в авто-пулеметном эскадроне вышло из строя 7 фордов, машины были попорчены ружейным огнем. Подбить их простой пулей совсем легко. Вещь это не практичная, а стоимость ее громадна.

Все слухи и сообщения о Буденном оказались сплошной ложью. Достоверно удалось установить, что лично он сам со своим штабом был

в Отраде и только после начала боя выехал оттуда. В доме остался обед, приготовленный для него. Из членов его штаба был захвачен офицер, служивший раньше в Дроздовском полку.

На перешейках дела обстоят так: у Перекопа наши занимали позицию по валу, причем город Перекоп оставался в руках красных. Перешеек у Сальково занимался запасными батальонами нашей дивизии, которые благополучно пришли туда. 3-я Донская дивизия выбила красных из Ново-Алексеевки и, двигаясь дальше на юг вместе с Кубанским пластунским батальоном, основательно пощипала отходившую из Геническа группу конницы, которая у Сальково переходила через железную дорогу. В этом деле участвовал 1-й взвод нашей батареи под командованием полковника Слесаревского. Взводу пришлось делать переходы по 75 верст менее чем за сутки.

Будет небезынтересным указать, что в этот день была наибольшая запутанность в расположении наших сил и сил противника. Получилось пять слоев: на Чонгарском перешейке — Дроздовские запасные батальоны; севернее Сальково — кавалерия красных; севернее, у Ново-Алексеевки, — 3-я Донская дивизия; севернее, у Мелитополя, — конница противника; севернее Мелитополя — наш отступающий III корпус; потом опять красные, затем части Донского корпуса и Марковцы; и у Днепра — пехота красных,двигающаяся на юг.

Хочу сказать еще о том, что сегодня на рассвете красные с боем вошли в Мелитополь. Есть основания предполагать, что кроме конницы Буденного на город наступали конные отряды Махно. В Мелитополе остались длиннейшие эшелоны, снаряды, 2 бронепоезда, вещевые и бельевые склады, все лазареты и аптеки, кроме лазарета нашей дивизии, казначейство с 900 миллионами рублей, семьи, жены офицеров, служивших там. Хотя Мелитополь и был практически оставлен, но занятие его так быстро не предполагалось.

19.10.1920. С рассветом начался бой у села Рождественское. Сплошной пулеметный и ружейный огонь не прекращался часа три. Потом всё затихло, но через полчаса снова началось. Около 11 часов нашему взводу приказано было передвинуться на полверсты влево в с. Александровку (красные сегодня наступали с той стороны, с которой мы вчера атаковали Отраду, то есть с севера).

В Александровке мы вошли в подчинение командиру 4-го полка. С 4-м полком утром, до нашего прихода, произошел странный случай: на роту, бывшую в карауле, неожиданно налетела кавалерия и захватила ее практически целиком.

Около 13 часов красные перешли в атаку по всему участку этого фронта и почти кольцом охватили район Рождественское, Отрада, Александровское. Оставался только небольшой сектор градусов в 20 в направлении на Сальково, с которым была уже восстановлена связь, где не было боя. До позднего вечера красные непрерывно атаковали нас в конном

строю, сопровождая эти атаки ураганным артиллерийским огнем (бывали минуты, в продолжение которых в район нашего взвода падало до 10 снарядов). Мы тоже стреляли почти беспрерывно, а пехота выдержанными залпами останавливала порыв красной конницы и отбрасывала ее. Был момент, когда конница ворвалась в западную окраину села на участок 2-го батальона 2-го полка, подошедшего сюда на поддержку. С помощью бронированного автомобиля положение было быстро восстановлено. Красные были отброшены и оставили немало трупов, лошадей и раненых. Тут был убит скакавший впереди лавы командир бригады красных в красной черкеске. Расстояние от села до бугров, которые занимались красными, было не более полутора верст, и хотя на поле оставалось много убитых, раненых и потерявших своих всадников лошадей, подойти к ним было невозможно из-за пулеметного огня. Несчастные животные бродили по полю, несколько лошадей прибежали к нам в седлах.

Сегодня я наблюдал необычайно странные разрывы: снаряд рвался на земле с белым дымом, рикошетил, пролетал еще от 100 до 250 сажень и рвался не в воздухе, а на земле, как обыкновенная граната. Первый разрыв слабый, а второй нормальный по взрыву и силе для гранаты. Таких разрывов за день я насчитал свыше 20, объяснить это явление я пока не в состоянии, и никто из тех, к кому я обращался, не мог сказать мне что-либо определенное.

Красные повторяли атаку за атакой, но все эти попытки останавливались. Кругом от Рождественской и до Александровки в разные моменты в различных местах подымалась отчаянная стрельба, причем так, что сплошная трескотня не прерывалась. Красные понесли громадные потери и к вечеру как будто временно успокоились.

Наша дивизия потеряла только 46 человек и до 100 лошадей за весь день. Потери исключительно от артиллерийского огня; нас атаковала конница, но вскочить в цепь ей ни разу не удалось. В нашем взводе легко в голову ранен штабс-капитан Соколовский. Интересно, что во время близких разрывов номера и господа офицеры 3-го орудия вместе с начальником капитаном Сулимой представляли собой гору трупов, так как все бросались под щит и на землю, почему сразу ничего нельзя было понять, всё ли там благополучно после разрыва или все пострадали. В моем орудии такую игру в прятки я не позволял проделывать.

Перед сумерками приказано было оставить Александровку и перейти в Отраду. В тот момент, когда мы снялись с позиции, красные открыли огонь одновременно из 3—4 батарей. Кругом всё летело, шипело, рвалось. Должно быть, под влиянием этого шума и треска капитан Сулима, везший свое орудие впереди, совершенно напрасно скомандовал «рысью». Получился беспорядок, и у меня благодаря этому отстал номер Воеводкин, назначенный к повозке со снарядами, и так и не нашелся.

Пришли в *Отраду*. Красные, несмотря на последний обстрел, должны быть, не имели намерения занимать Александровку, и с наступлени-

ем темноты всё стало тихо. Наши квартиры оказались занятыми, и мы остановились на улице на морозе. Простояли до 22 с половиной и пошли в Рождественское. Отраду приказано было тоже оставить. В районе Рождественское красные пострадали прилично. Там участвовал и почти целиком разворачивался корпус Барбовича, части которого принимали атаки и сами вскакивали в лаву красных. В общем, здесь Буденному не повезло. Этот день ему прилично стоил.

С едой у нас беда: ужина нет, хлеба нет, достать нигде.

Наше командование сегодняшний день считало уже поворотным. И этот поворот считался в лучшую для нас сторону. В районе Рубановки Донцы потрепали 2-ю конную армию противника, разбив 30-ю конную дивизию. Наша группа, как сказано выше, тоже трепанула конницу Буденного. Прорыв считался ликвидированным, и наше командование предполагало отдать приказ о наступлении по всему фронту, причем мы, Корниловцы и Барбович, должны были преследовать 1-ю конную армию на Каховку. Но в действительности поворот сегодня окончательно определился в сторону красных. На Бердянском направлении сравнительно близко была обнаружена новая сильная группа конницы, в районе Мелитополя — вторая группа, кроме того, сзади еще подтягивалась 2-я конная армия и громадное количество пехоты, которая за эти дни участие в боях не принимала. Об этих группах до сих пор не имелось сведений, почему наше общее положение казалось благоприятным для нас. Стало ясно, что с такими силами нам не под силу справиться. В данном месте противник располагал 20 000 с лишним конницы и свыше 50 000 пехоты. Наша армия могла им противопоставить живой силы не более 15 000 человек. В силу этого приказано было отойти в Крым, на перешейки, иначе правая группа (Бердянское направление) противника отрезала нас слева. 3-я Донская дивизия вчера после боя прошла на Таганаш.

20.10.1920. В 1 час с половиной пришли в Рождественское. В ожидании квартирьеров остановились на улице. Прошел час-другой, но о размещении ничего не было слышно. Сюда подошли уже все полки дивизии. Всё это столпилось на улице. Последняя рота 3-го полка, прикрывавшего отход из Отрады, тоже втянулась уже в село, а мы всё стояли. Было очень холодно. Все мерзли, и на улицах сразу же появилось бесчисленное количество костров, к которым все прижимались плотным кольцом. Хозяева устраивали целые скандалы из-за соломы, которую таскали со стогов и подбрасывали в огонь. Ждали мы квартирьеров более 4 с половиной часов, и только на рассвете нас развели по квартирам с тем, чтобы в 8 с половиной двинуться дальше. Размещать, правда, было трудно, так как сюда кроме конного корпуса генерала Барбовича и Корниловской дивизии подошла еще наша дивизия и Терско-Астраханская бригада, но и порядки у нас тоже аховые, можно было и поторопиться, тем более что домов тут более 5000. Нужно не забывать, что люди после ряда боев и громадных переходов с бессонными ночами вчера весь день, не отды-

хая ни минуты, отбивали атаки, ничего не ели и совсем промерзли. А тут им предоставили перед новым походом и боями снова бессонную ночь и 4 с половиной часа стояния на морозе в —12 градусов. На батарею снова пришлось три хаты, куда всех набили, как сельдей в бочку. Мы на своей квартире всё-таки хлебнули по ложке хозяйского борща, а солдаты ничего не раздобыли. Через 2 часа такого отдыха, в 8 с половиной двинулись на Ново-Дмитриевку. О том, что мы будем отходить в Крым, еще не было известно никому, кроме штабов, но направление на Ново-Дмитриевку вызвало толки об отходе.

Красные начали наступать уже на Рождественское с востока, с севера и запада, пока было всё спокойно. Шли мы в ряд четырьмя колоннами под фланговым ударом слева. Для сокращения длины колонны повозкам приказано было построиться в два ряда, а артиллерия шла в резервной колонне. Одна колонна шла по дороге, а остальные прямо по полю. Красные сильно надоедали слева, откуда нас прикрывала наша кавалерия, но атаковать нас как следует не решались. Вскоре и сзади появилась красная конница и начала нажимать на хвост колонны. Один момент конная батарея противника слева, став на открытую позицию, начала было шелкать по нашей колонне, но вскоре это занятие было прекращено огнем взвода 4-й батареи. Красные все-таки совсем не выносят артиллерийского огня и после 2—3 близких разрывов снимаются.

Время от времени провожаемые снарядами, мы дошли до Ново-Михайловки. Тут на поле лежало много раздетых трупов, валялись винтовки и погоны Корниловцев — следы боя 4-го Корниловского полка с кавалерией 17 числа.

Около 14 часов пришли в Ново-Дмитриевку, тут предполагалось остановиться, даже выслали квартирьеров. Стало ясно, что зиму придется просидеть в Крыму. Начали говорить о том, что теперь уже не придется поест так, как питались в Северной Таврии, а придется снова сесть на кашу. Укрепленные позиции, по рассказам, считались неприступными, поэтому все были спокойны. Приятно было подумать, что после нескольких тяжелых боев, которые предстоят в ближайшем будущем, так как красные, несомненно, захотят с налета овладеть Крымом, на некоторое время наступит спокойная позиционная война, без утомительных и надоевших походов. Я даже рассчитывал начать скоро в Крыму занятия по математике.

Тут в складах было громадное количество зерна. Командир приказал набрать для лошадей сколько возможно. В этот момент у западной окраины Ново-Дмитриевки начался бой. Приказано было рысью вытннуться из села. Лично я думал, что это продельвается с целью отбития какой-либо атаки, но оказалось, что мы пойдем дальше, на Сальково, до которого оставалось 6 верст. Простояли мы в Ново-Дмитриевке не более получаса. Жаль было оставлять такое количество зерна неприятельской коннице. Наша конница, прикрывавшая отход, всё время вела кругом на буграх приличный бой. Нам очень хорошо были видны разрывы.

Около 16 с половиной часов пришли в Сальково. Тут предварительные позиции с одним рядом окопов и проволокой. 2-му и 3-му полкам приказано было занять окопы — не повезло нам. Хочется отдохнуть, спать, есть, а тут оставаясь на холоде, и достать ничего нельзя. 1-й полк остался в резерве, а все остальные части проходили мимо нас на перешеек и в Крым. Сумерками прошла и кавалерия. Смотря на них, я сказал: «Теперь их работа окончилась до нового наступления или до серьезного прорыва, и они идут уже домой». Крым у нас как-то все считали «домом», или «гнездом» и верили в то, что этот дом неприступен и что там будет во всяком случае неплохо. Скоро со станции ушли эшелоны, остались только два бронепоезда.

Хочу сказать, что сегодня в последний момент со станции Ново-Алексеевка было вывезено, при непосредственном участии инспектора армии генерала Репьева, 87 вагонов со снарядами, а брошено было там около 30 вагонов со снарядами. Вообще, за этот отход удалось вывезти только $\frac{1}{2}$ всех имеющихся на фронте снарядов. На ст. Сокологорное был полностью оставлен склад снарядов конного корпуса (около 25 вагонов), много снарядов осталось в селе Петровском и Каме. У ст. Рыково сегодня оставлены были два бронепоезда: «Севастополь» и «Волк».

Долго ли мы будем тут стоять — не известно. Сначала приказано было рыть землянки для жилья (построек тут, кроме двух-трех на станции, никаких нет), но потом это было отменено. Начали говорить, что ночью мы уйдем отсюда. Окопы здесь тянулись всего версты на полторы кругом. От моря до железной дороги позицию занял 2-й полк, от железной дороги до моря — 3-й полк. У самой линии дороги был кусочек незанятого пространства, там не было и проволоки. В этом месте должны были стоять два бронепоезда.

Около 22 часов красные начали наступать. Везде поднялась стрельба. Разобрать ничего нельзя было и увидеть тоже. Мы обстреливали свой участок на прицеле 18–20–22, а 3-я и 4-я батареи на прицеле 50 — по-русски вели заградительный огонь. Бронепоезда стали почему-то не у самой линии, а несколько позади, благодаря этому красные прошли в темноте мимо проволоки по насыпи железной дороги, вышли в тыл 3-му полку и зашли во фланг нашему 2-му. Артиллерия 3-го полка почему-то не была на позиции. Часть 3-го полка сдалась, а часть отошла. Когда благодаря этому заварилась стрельба в районе 2-го полка, по нашу сторону от проволоки, бронепоезда открыли огонь на очень близком прицеле и выложили чуть ли не половину 1-го батальона 2-го полка. На батарее трудно было понять, что происходит в действительности. Стрельба то затихала, то снова возобновлялась, слышны были крики «ура». Бронепоезда отошли на линию батареи. Пуль летало много к нам и с очень близкого расстояния, но ничего не было видно и понять что-либо было трудно. Мы продолжали стрелять, хотя передали приказание: открыть беглый огонь и через некоторое время сняться с позиции. Взались в передки и двинулись на перешеек.

Моя верховая лошадь Вандея, обычно спокойно относившаяся к ружейному огню, сегодня как-то нервничала и жалась от каждой пролетавшей мимо пули. Мы отъехали сажень 100 от позиции батареи, в этот момент слева поднялась снова здоровая стрельба, я отчетливо слышал, как мимо моей левой руки прошипела пуля и хлопнула в мою Вандею. Та, как подкошенная упала, будучи убита наповал. Такой мгновенной смерти у лошадей я еще не наблюдал. Я тоже полетел и расшиб себе ногу. Снял седло, а с оголовьем завозился довольно долго, так как сначала пришлось вытаскивать голову лошади, которая подвернулась под круп во время падения. Когда сзади у меня почти никто уже не оставался, я решил бросить эти попытки снять оголовье и, захватив только седло, пешком пошел догонять батарею, которая ушла уже далеко.

Было около 24 часов ночи. Усталыми, голодными и холодными предстояло проделать еще около 30 верст. С этим поражением у укрепленной линии получилась какая-то темная история. Наши хотели было уже сами оставлять окопы, как вдруг — атака красных, стоимшая нам более 200 человек.

Отход в Крым

21.10.1920. С оставлением Сальково получилась какая-то путаница. С одной стороны, мы как будто сами должны были уйти отсюда вчера вечером или ночью, а с другой — сообщение об оставлении станции в штабе было совсем неожиданным известием, и оттуда приказано было нашей дивизии снова сейчас же занять Сальково. Генерал Туркул, сославшись на крайнюю усталость людей, отказался выполнить это приказание. Все были измучены до последнего, идти было очень тяжело и страшно холодно.

Хочу заметить, что с некоторого времени я пришел к заключению, что штопать носки на пятках — совершенно излишняя вещь. У меня на обоих парах носков нет никаких признаков пяток и, несмотря на сильные морозы, пятки не мерзнут.

Сегодня я был свидетелем следующего возмутительного случая или, вернее говоря, часто повторяющегося явления. Во время боя ранены были два офицера 1-го полка, стоявшего в резерве сейчас же сзади нашей батареи. Их положили на повозку и повезли. Холодно было настолько, что ехать верхом или на повозке, или на орудии дольше 10 минут физически было невозможно — всё застывало. Отогреться можно было только во время ходьбы. Эти двое раненых идти не могли, раны у обоих были легкие, но в ноги. Проходя мимо них, я слышал стоны: «Ой, накройте чем-нибудь, мы замерзаем». Но санитарам нечем было их накрыть. Верст через 10, около станции Джимбулук, я подходил к их повозке, они уже не стонали — оба замерзли. Вот вам и смерть от пустяковой раны, летом всё было бы благополучно, а при морозе — такой конец.

Шли мы всю ночь без остановки через станции Джимбулук, Чонгар, Сиваш по линии железной дороги на ст. Таганаш <в хат. вр. Соленое озеро>, расстояние верст в 30. Невероятно хотелось есть, спать, пить, было как-то паршиво, и чувствовалась сильная усталость.

Часов около 9 пришли в *Таганаш*. Тут всё забито, в хату попасть мучительно. Хлеба тоже раздобыть трудно, даже невозможно. Около 10 с половиной соединились с 1-м взводом, который пришел сюда еще 19 числа, и наконец попали под крышу тех двух квартир, которые ими занимались. Интересно то, что не в пример обычным отношениям г.г. офицеры встретили нас очень тепло, нажали пышек, угостили чаем. С трудом отогрелись, пришли немного в чувство и завалились спать.

Под вечер переехали на другие квартиры. На батарею дали только один двор, теснота ужасная, офицеры разместились под постелями, столами, диванами, и то не хватало места. Большая часть людей принуждена была ночевать на дворе, на морозе. Хлеба выдали только по полфунта на человека. Возмутительно то, что штаб армии разместился тут чересчур свободно, некоторые дома считались занятыми, а между тем, на вопрос «какая часть занимает дом» отвечали, что тут живет капитан штаба армии или капитан штаба армии с женой.

Днем слышна была на перешейке артиллерийская стрельба. На расвете был взорван Чонгарский мост и около 9 часов — Сивашский. Сначала возникало опасение, что у этих двух узких проходов образуется пробка и отход сильно затруднится. Но все отошло благополучно. Товарищи не успели нажать на хвост переправлявшейся колонны. Только в самом узком месте несколько повозок слетело вниз под откос крутой насыпи.

22.10.1920. Простояли весь день в Таганаше. С едой плохо. В обозе 1-го разряда почти ничего нет. Хлеба выдают по 1 фунту. На обед варят галушки и в котел на 150 человек бросают только несколько банок консервов, для навару. Удивительно, что здесь не могли устроить достаточно больших складов продовольствия. Не особенно приветливо встретил своих защитников «наш дом» Крым. Нет тебе ни еды, ни крова, ни приветов. Завтра идем на Перекоп. Говорят, что генерал Туркул указал командующему армией генералу Кутепову на то, что когда речь идет о том, с кем ночевать, и о боях, то Дроздовцы у него на первом плане, а когда вопрос коснулся резерва, то Дроздовцы, несмотря на обещание, в резерв не попадают. Кутепов, говорят, сильно разозлился за эти слова на Туркула, тот же не привык стесняться.

Ходили слухи, что красные за это время пять раз атаковали Перекоп, но это было неверно. Постепенно выясняются размеры потерь, связанные с этим молниеносным наступлением красных. II корпус во время этого отхода пострадал прилично и потерял часть своей артиллерии. III корпусу тоже досталось на Днепровских позициях и у Бурчатска, основательно пострадала его артиллерия. У Днепровки, при начале наступления красных, целиком погиб 42-й Донской стрелковый полк, там же пострадал один из

полков Марковской дивизии. Под Ново-Монталем целиком погибла одна из школьных батарей (спаслись только имевшие лошадей), и там сдался один из полков Донского корпуса. Корниловцев разбили у Рогачика. Только наша дивизия совсем не пострадала в этой передраге. Как в прошлом году во время нашего отхода, Буденный ничего не мог сделать нашей дивизии, так и в этом году бои нашей дивизии с его конницей оканчивались в нашу пользу. Относительно прочих потерь, не живой силой, я говорить не буду. Они громадны. Погибло много обозов, хозяйственных частей, складов и пр. Оставлено было 4 бронепоезда, больше 20 паровозов, много эшелонов, погибло больше половины всех наших аппаратов. Бед весьма и весьма много.

II корпус отступал через Перекопский перешеек, все остальные части — на Чонгарский полуостров, за исключением Марковцев, которые могли только попасть на Арабатскую стрелку. Туда проскочило много обозов вместе с Марковцами. Наша хозяйственная часть пока не отыскалась, и никаких следов ее присутствия не обнаружено. Можно еще пока надеяться, что все обозы 2-го разряда нашей бригады драпанули через Арабатскую стрелку и скоро выплывут на поверхность. Многие считают, что они погибли.

23.10.1920. Красные ночью атаковали Чонгар. Шли они по железной дороге и по льду (и тут-то не повезло нашей армии: благодаря сильным морозам замерзли Сиваши, которые обычно не замерзают). Донцы генерала Гусельщикова встретили их достойным образом; говорят, что положили порядком, причем красные, как утверждают, после этой неудачной попытки откатились чуть ли не до Сальково. Это должно красных несколько успокоить.

Сегодня доставили сюда из Севастополя выпеченный там хлеба, но его прислали тоже немного (прямо странно) и выдали посему снова только по I фунту. Около 11 пообедали, съев по полкотелка воды с галушками, в которой плавало для навару несколько волокон консервов. Невеселая началась жизнь, право.

В 12 двинулись всей дивизией в направлении на Армянск. Здесь, на Чонгарском полуострове и на Тюп-Джанкойском, остается Донской корпус. Сейчас на позиции стоит дивизия генерала Гусельщикова. Все остальные части передвигаются к Перекопу. Идти было не особенно весело. Предстоит переход около 40 верст до места остановки. Прошли селения Ново-Александровку, Магазинку и для ночлега около 12 часов ночи остановились в Ново-Ивановке. На батарею снова было отведено только две хаты. Хорошо еще, что сегодня догадались пораньше выслать кухню вперед, чтобы она на месте приготовила ужин, а то во время таких переходов у нас почему-то было заведено ничего не готовить в казенной кухне. Все здорово промерзли, поэтому было приятно, хотя и без хлеба, похлебать горячей водицы и съесть несколько галушек.

24.10.1920. В 8 двинулись дальше. Сегодня переход до Армянска — снова 40 верст. Шли через Воинку. Там с большим трудом в одном доме

раздобыл кусочек хлеба у жившего там офицера; купить было невозможно. Здесь тоже всё забито. Части расположены ужасным образом, сильный беспорядок, болтаются обозы и хозяйственные части различных частей.

Около 13 пришли в Юшунь, там аналогичная картина. Остановились для обеда. На батарею, чтобы обогреться, дали две хаты. Поели водицы с галушками и через два часа пошли дальше. Проходили мимо основных укрепленных позиций. В данный момент тут укреплено три линии севернее Юшуни. Раньше, когда мы воевали еще в Северной Таврии, говорили, что здесь всё оборудовано. Но оказалось далеко не так. Кроме проволочных и окопов, в большинстве случаев для роты, но не сплошных, тут ничего не было; нет ни землянок, ни блиндажей, ни каких-либо других сооружений. Мало того, нет ни досок, ни леса, даже колов для проволоки и запасной проволоки, чтобы заделать проходы. Только у первой линии видел несколько землянок у позиционной, тяжелой 8-дюймовой батареи, которая выстроила их для себя и работает над этим с конца июля месяца. Очевидно, устроители этих позиций упустили из вида, что легкие батареи не имеют возможности воевать на фронте в Северной Таврии и в то же время работать у Юшуни для создания себе землянок и жилищ. О пехоте и помещениях для нее тоже, вероятно, забыли. Начальником укрепленного района был генерал Макеев, которому всё это в будущем, должно быть, в особую вину поставлено не будет. А ведь это преступление.

Железная дорога проведена теперь уже до Армянска. Закончили ее только к 1 октября — и то только после специального приказа генерала Врангеля о том, чтобы, несмотря ни на что, к 1 октября это было сделано, а то с ней не особенно и торопилась публика. Прямо возмутительно. Ведь столько времени было, а сделано чересчур уж мало.

Сумерками прошли хутор Булгаковку и около 20 с лишним попали в *Армянский Базар*. Батарея принуждена была разместиться в одном доме: одна квартира жилая, другая разбитая (без окон, дверей, с разбитыми стенами). В первой поместились офицеры, а во второй солдаты. Немудрено, что у них поднимается возмущение и недовольство. Хорошо еще, что в городе на всю батарею удалось купить хлеба к ужину. Пехотные солдаты частью разместились на улицах при кострах, а остальные в плохих помещениях, и, конечно, черт знает сколько, народу должно было приходиться на одну комнату. Невольно приходила в голову мысль, что могло бы получиться, если бы этих плохо одетых, промерзших, изголодавшихся людей, которые не видят о себе заботы, ночуют зимой на улице, ввести в бой.

25.10.1920. На Перекопском перешейке, как я уже говорил, фронт занимал 2-й корпус. Левый участок обороняла 34-я дивизия, а правый — 13-я.

Согласно приказу, к сегодняшнему дню должна была закончиться следующая перегруппировка: Корниловцы должны были сменить 34-ю дивизию, Марковцы — 13-ю. Во II корпус должна была влиться 6-я ди-

визия из III корпуса, который расформировывался; 7-я дивизия²³³ оттуда вливалась в Кубанский корпус. Этот корпус состоял из 12 000 повстанцев генерала Фостикова, перевезенных в Крым из Адлера в 10-х числах. Из этого корпуса вышла на фронт Кубанская стрелковая бригада и заняла участок у Чувашского полуострова. Правее, у Литовского полуострова, были смешанные части 2-й кавалерийской дивизии. Дальше стояли одиночные позиционные батареи, которые имели между собой огневую связь.

На Перекопском участке временами слышна довольно оживленная перестрелка. Ожидают, что сегодня ночью, завтра или, во всяком случае, послезавтра красные должны будут всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами попробовать опрокинуть наш фронт. Совершенно ясно, что 2—3 основательных натиска со стороны красных нам придется выдержать раньше, чем мы успеем привести себя в порядок, оправиться и хотя бы немного отдохнуть (главным образом от этих холодов, недоедания и скученности помещения). В данный момент трудно подытожить и определить настроение (в смысле взглядов и надежд на ближайшее будущее и успех борьбы) у рядовой массы бойцов. Настроение, в общем, невеселое. Большинство людей молчаливо, раздражено, ругаются на сегодняшние условия жизни (теснота, холод и отсутствие еды в надлежащем количестве, главным образом — недостаток хлеба). Одни качают головой, утверждая, что 1—2 серьезных боя — и наши надломленные силы должны будут уступить напору противника, и с началом этих ожидаемых боев отождествляют наступление катастрофы на нашем южном театре Белой борьбы. Другие же считают, что в данный момент красным не удастся ворваться в Крым сразу «с налета», что, понеся при этой попытке значительные потери, на нашем участке красные должны будут временно держаться пассивно, мы за это время оправимся, отдохнем, и тогда борьба снова имеет шансы принять затяжной характер. Во всяком случае, подходят решающие и тревожные дни.

Начали, как это ни кажется странным, пропадать вещи; тащат что ни попало прямо с повозок, стоящих во дворах и на улице, так как не все боевые обозы могут найти себе пристанище во дворах города Армянска.

И днем, и вечером, и ночью на улицах и площадях Армянска горят костры, и вокруг них группами стоят, поколачивая от холода ногой об ногу, солдаты и офицеры, главным образом пехотных частей. Жуткая картина, если указать, что в таком состоянии и при таких условиях наши части находятся накануне решающих боев. Когда я проходил мимо одного из костров, один пехотный солдат, обращаясь ко мне, спросил, долго ли всё это будет продолжаться, а другой тут же ответил ему: «Скоро конец». Разговорился с офицером 2-го полка, он мне указал, что благодаря тому, что люди не располагают даже помещениями, где можно было бы отдохнуть, настроение солдат такое, что он просто боится идти с ними в бой.

1-й и 3-й Дроздовские полки выдвинуты на Перекопские позиции. Ночью наша разведка в 31 человек захватила у красных оружейный ящик

с запряжкой в районе города Перекопа (домов и построек в Перекопе нет, остались только улицы). По-видимому, красные артиллеристы в темноте несколько заблудились. Ночь на всём участке прошла совсем спокойно.

26.10.1920. Утром, часов около 9, батарея вместе со 2-м полком выступила направо, в направлении к Чувашскому полуострову. Сначала говорили, что вследствие того, что Сиваш основательно замерз и стал проходимым даже для артиллерии, теперь усиливают охрану берегов, и что поэтому мы идем в один из хуторов на побережье Сиваша.

Было совершенно тихо в природе и так же тихо на фронте, не слышно было ни единого выстрела. Когда мы отошли версты две от Армянского Базара, я подъехал к командиру батареи и спросил его относительно обстановки. Ему только что перед этим было сообщено, что красные переправились через Сиваш в двух местах, что утром на Чувашском полуострове они сняли заставу, состоящую из Кубанцев генерала Фостикова, и теперь собираются распространиться на юг.

Через короткое время слева от нас начала редко и куда-то очень далеко стрелять пушка школьной батареи в направлении Чувашского полуострова; ружейного огня слышно не было. В районе Караджанай мы подошли к последнему перевалу перед скатом к Чувашскому полуострову и остановились. Наша и 4-я батареи стали на позицию по разным сторонам дороги, 2-й и 3-й батальоны 2-го полка начали рассыпаться в цепь и переваливать через бугор: 2-й — прямо, а 3-й — в обход, направо. Батарея стояла саженьях в 40 от перевала и сразу же открыла интенсивный огонь из 8 орудий. Начавшаяся было ружейная стрельба почти прекратилась. По силе нашего огня (мы почти с места начали «беглый огонь») можно было судить, что цели перед нами серьезные. Несколько усложняло нашу стрельбу то обстоятельство, что 1-й взвод стрелял из французских пушек, 2-й — из английских, 4-я батарея крыла из русских, так что одновременно раздавалось три команды. После первых же очередей прицел начал увеличиваться и вообще создавалось впечатление, что наш огонь внес основательное расстройство в ряды красных. Генерал Туркул, появившийся незадолго перед этим, проехал вперед за гребень.

В самый разгар нашего огня, когда мы стреляли на прицеле 24—28 английских и когда противник, находившийся на льду Сиваша, не мог найти себе абсолютно никакого места укрытия и мог преследоваться снарядами еще на расстоянии 4—5 верст своего отхода, спереди раздался крик «Артиллерия, вперед!» Подобного рода крики, в особенности за Крымский период войны, хорошо были нам знакомы и повторялись в тех случаях, когда либо пехота неожиданно оказывалась в большой опасности (атака конницы, появление автоброневиков), либо артиллерия со своей позиции не замечала заманчивых и исчезающих целей. В данных условиях этот крик показался странным, и на этот единственный раз он оказался роковым и гибельным. Не ожидая приказаний с наблюдательного пункта, который был в нескольких десятках сажень впереди, и ко-

манды передавались голосом, орудия моментально начали сниматься с позиции и ринулись вперед. Последовавшие затем крики «Огонь!», «Куда?», «Кто приказал вперед?», «С передков!» — оставались без внимания, и через минуту мы на рысях перевалились вперед через бугор. Перед глазами открылась потрясающая картина: рендельная цепь 2-го батальона полковника Рязанцева, двигаясь вперед, приближалась к красным, которые отдельными, весьма солидными по численности, но расстроенными нашим огнем группами, находящимися в беспорядке, почти полукольцом окружали нашу цепь, состоящую из одного батальона полковника Рязанцева и насчитывающую около 130 человек, в то время как силы противника измерялись в 1500—2000 штыков. Единственное, что дало бы возможность избежать катастрофы — это непрерывный огонь наших 8 орудий по группам красных, шедших по льду и не могущих найти себе укрытие. С юга к красным приближался, но находился еще в полуверсте, 3-й батальон подполковника Потапова²³⁴.

Ясно было видно, как из нашей цепи 2-го батальона отдельные люди бросились назад, цепь продолжала двигаться к красным, которые бегом выравнивались и, на ходу приводя себя в порядок, при полном молчании нашей артиллерии окружали нашу пехотную цепь. Среди нашей группы раздаются 2—3 возгласа: «Смотрите, наши сдаются», и к своему ужасу я вижу, как 2-й батальон бросает винтовки. Сразу же начинается весьма сильный ружейный огонь по нашей группе, раздается команда «с передков», и мы с дистанции полторы версты с открытой позиции открываем огонь по группе красных. Каждый снаряд, попадая в группу противника, заставляет красных бросаться в разные стороны, причем на месте, на льду остается лежать несколько человек. Часть красных устремляется против 3-го батальона и начинает теснить его, в то время как находящиеся перед нами группы начинают метаться. Интересно, но ни разу не видел, чтобы снаряд, попавший на лед, оставил после себя воронку с водой — так промерз Сиваш.

К сильному ружейному огню, от которого мы несем потери, присоединяется артиллерийский огонь (с закрытой позиции) батареи красных, перешедшей через Сиваш восточнее. Мы, не имея перед собой пехоты, вынуждены быстро отойти за бугор на закрытую позицию.

На горизонте, верстах в 6, показываются длинные колонны красных, идущие по отношению к нам облическим движением с северо-запада на юго-восток. В то время как мы снимались с позиции, ружейным огнем были ранены юнкер Негреев, ездовой Соляник и две лошади. В одном из орудий 4-й батареи почти сразу убивает четырех лошадей уносных, и пушка только на корне переваливает через бугор.

В это самое время 3-й батальон у хутора Тимохина попадает в весьма тяжелое положение. Теснимый красными, он принужден фланговым движением отходить в нашу сторону. Командир батальона подполковник Потапов падает тяжело раненным (его с трудом вытащили с поля сражения), часть батальона сдается, а часть, расстреливаемая огнем, устрем-

ляется в нашу сторону, причем весьма немногие выскакивают из этого дела. Таким образом, мы почти в момент оказываемся без пехоты. Так как на Перекопе шел бой, то оттуда на наш участок не могли выслать пехотных подкреплений, только часа через полтора к нам подошла батарея 1-го полка. Остатки нашей пехоты, вернее, одиночные пулеметы и отдельные стрелки, совместно с батарейными пулеметами образовали весьма жиденькое охранение наших батарей, которые своим интенсивным огнем остановили наступление красных в сторону Армянска и вели весьма солидный артиллерийский бой до наступления полной темноты. К сожалению, не располагая пехотой, мы не в состоянии были остановить продвижение красных на юг, в то время как хребет на линии Караджанай — экономия Тимохина мы удержали за собой полностью.

Небольшие группы кавалерии безуспешно пробовали атаковать нас в течение дня. Всех тревожил вопрос: где в данный момент находится конница Буденного? За вторую половину дня ранена сестра Колубакина и убита одна лошадь.

В темноте отошли на восточную окраину Армянска.

Говорили, что 1-й полк должен выйти с Перекопского вала и совместно с должествующей подойти сюда конницей Барбовича, которая должна сюда подойти, в течение ночи и утра отрезать и ликвидировать Чувашскую группу красных. Мы простояли часа два у крайних хат Армянска, но наша конница не появлялась. Стали говорить, что 1-й полк не пошел к Чувашскому полуострову, а только выслал туда разведку. Так как угадать намерения красных было трудно, можно было предположить, что частью сил они двинутся на Армянск, который оставался совершенно открытым с запада вследствие того, что предположенная операция ген. Туркула и ген. Барбовича не состоялась. Но, чтобы не быть застигнутыми врасплох, было выдвинуто несколько застав по почину артиллерии и состоявших из батарейных номеров пулеметов.

Около 12 часов ночи я зашел в дом, где помещалось управление бригады артиллерии с целью узнать обстановку. Но ничего не узнал, там готовились к ужину, и довольно спокойно накрывалось каждому по прибору из двух тарелок.

27.10.1920. Всё время стояли на улице, а в 2 ночи приказано было начать отход на Юшунь. Со всех сторон закрипели повозки, и всё начало вытягиваться на дорогу к Юшуню.

Какой-то летчик догадался двигать аэроплан прямо по дороге с помощью пропеллера, то включая, то выключая мотор. Еще издали неслись крики: «в сторону», «аэроплану дорогу». Беда в том, что он продвигался со скоростью крупного шага лошади и всё время останавливался. Орудийные лошади шарахались в сторону, повозки чуть не переворачивались. Продолжалось это довольно долго, пока летчика не выругали со всех сторон и не перестали обращать на него внимание. Раз пять до Юшуню он то отставал от нас, то обгонял нас, тормозя движение всей колонны.

Перед наступлением рассвета подошли к укрепленной линии. После довольно долгого стояния, во время которого каждый норовил протолкнуться в единственную землянку, из которой кверху весьма заманчиво поднимался дымок, выяснилось, что позиции нашей и 4-й батареи будут тут же, у дороги Армянск—Юшунь. После короткой рекогносцировки местности мы стали почти непосредственно у дороги, у небольшого озера. Получилось так, что мы оказались левее и несколько сзади позиционной 8-дюймовой батареи, причем заметно было, что это офицерам той батареи не понравилось. Они поговаривали, что своей частой стрельбой мы навлечем и на них, стоящих очень близко от нас, огонь неприятельских орудий.

Вскоре со стороны Воинки появился наш бронепоезд. Ему приказано было продвинуться к Армянску, посмотреть, занят ли уже противником Перекопский вал, погрузить оставшиеся на вокзале в Армянске снаряды (несколько ящиков) и прикрыть отход последних частей пехоты. Приблизительно через полтора часа бронепоезд вернулся и остановился на уровне батареи. Оказалось, что в Армянске на одной из улиц появилась группа конных, которая довольно спокойно приблизилась к бронепоезду, один из этой группы крикнул: «Начдив требует к себе комброда!» Командир бронепоезда «Георгий Победоносец» подполковник Сохранский²³⁵ одел шинель и, поспешно соскочив, направился к конным. Приблизившись к ним и заметив что-то странное, он пытался броситься назад, но ему преградили дорогу. В этот момент в тендер паровоза попадает снаряд из стоящей где-то неподалеку пушки. (Эти конные были красными, которые вошли в Армянск вслед за нашими заставами, уже очистившими селение.) Бронепоезд, не дав даже пулеметной очереди по группе конных, на его глазах пленившей его командира, дал полный ход назад и, сопровождаемый не принесшим ему вреда огнем красной пушки, отошел к укрепленной линии. Команда чувствовала себя довольно сконфужено и всё время указывала на слабое давление пара и на образовавшуюся от попадания снаряда течь воды в тендере.

Всё время пропадают вещи с повозок. Сегодня наряду с пропажей целого ряда мешков с вещами уже тут, на линии окопов, в батарее обнаружена пропажа трех лошадей. Как их ухитрились украсть — прямо непостижимо.

В воздухе как-то неуютно, холодно, а при мысли, что спать придется тут же, без укрытия, так как за день ничего нельзя сделать толкового, тем более что никаких материалов нет, делается совсем грустно. Хороших наблюдательных пунктов нет, командир и старшие офицеры ругаются на выбор позиции; решили иметь два или больше наблюдательных пункта.

1-й и 2-й Дроздовские полки ушли в резерв в Юшунь, 3-й полк остался на позиции. Участок перед нами заняли Корниловцы. Вскоре начали появляться разезды противника, а после полудня на горизонте появились крупные колонны красных, начавшие развертываться с целью атако-

вать нас. Через какой-нибудь час после этого по всему участку разгорелся бой. Красные, не щадя своих сил, под сильнейшим огнем, неудержимой лавиной продвигались к нам под прикрытием массового огня своей артиллерии. Довольно сильное впечатление на них, по словам полковника Слесаревского, производили разрывы наших тяжелых позиционных батарей, которые густой шапкой прикрывали разрывы наших легких орудий. Интересно отметить, что, как только пехота красных начала приближаться, бывшие на нашем участке в окопах Корниловцы начали вылезать из них и ложиться либо непосредственно перед окопом, либо сейчас же сзади них. На вопрос, зачем они это делают, они отвечали, что, во-первых, из окопов плохо видно вперед, а во-вторых, из них настолько неудобно вылезать, что если бы красные подошли вплотную, то просто невозможно было бы успеть выскочить. После нескольких выстрелов мое 4-е орудие перестало стрелять: испортилось стреляющее приспособление. На месте исправить его не удалось, так как сильно погнулась одна часть, и полковник Слесаревский отправил меня в селение Юшунь, чтобы исправить это в обозе 1-го разряда с помощью артиллерийского техника. Как мы ни бились, но ничего сделать не могли, а запасных частей не было.

Вскоре в Юшунь привезли шт.-капитана Зиновьева и поручика Воротнюка. Непосредственно около них разорвался 42-линейный снаряд, обоим совершенно оторвало головы, в нескольких местах поломало ноги и руки и повыврывало куски тела. До темноты продолжался бой у укрепленной линии. Красные в некоторых местах временно подходили к самой проволоке, но потом их снова отбрасывали, а к ночи всё стихло. Батарея пришла в Юшунь уже совсем в темноте.

Нашему дивизиону приказано было ночью выступить в район Карповой Балки, там предполагается сосредоточить ударную группу с кавалерией для производства прорыва. Но комдив, сославшись на переутомление людей, отказался идти ночью, отложив переход на утро. Когда у полковника Слесаревского (он замещает Ягубова, последний командует дивизионом вместо Шеина) спросили, как хоронить Зиновьева и Воротнюка, он отвечал, что тела повезем с собой в Карпову Балку и там будем хоронить. А затем добавил: «Счастливые люди, для них уже не существует ни холод, ни голод, ни усталость, ни походы и бои». Видно, и он уже переутомился. Все-таки, по-моему, жизнь всегда лучше смерти, и физические недомогания и переутомления не должны заглушать этого чувства. В Юшунь тесно — завалились спать на полу.

28.10.1920. С утра начался бой впереди Юшуни. Пулеметный и ружейный огонь прямо сливались, это было сплошное клочкотание. Легкие орудия стреляли непрерывно. Огонь, по утверждению участников германской войны, не отличался по силе от бывших боев на мировом театре войны.

Во 2-м дивизионе со 2-м полком выступили в Карпову Балку. Генерал Туркул заболел, и во главе дивизии стал генерал Харжевский. Мне

было приказано отправиться на базу дивизиона, привести пушку в порядок и вместе с продуктами вернуться в Карпову Балку. Со мной пошла еще пушка 4-й батареи с поручиком Пюжолем²³⁶. Усложняло наше движение то, что со мной шли две батарейные лошади, одна была ранена в ногу, а другая в живот. Шли через Дюрмен <в наст. время д. Максимовка>, Джурчи <пгт. Первомайское>, Кият-Орка <п. Упорное>, *Учевели-Орка* <п. Пшеничное>, где и остановились на ночлег. Со стороны укрепленных позиций был всё время слышен непрерывный гул орудий. За сравнительно недорогую плату мы плотно поели свинины и впервые за последние дни уснули на постелях.

29.10.1920. Утром двинулись дальше и, передвигаясь достаточно медленно, так как раненые лошади не давали возможности идти полным шагом, дошли до колонии Сашау. Жители настроены в достаточной степени тревожно, видно, что последние бои и оставление Перекопа, о чем сведения уже широко распространились даже в одиноко стоящих хуторах, создали возбужденное состояние.

Как выяснено потом, на этот день назначено было наступление в районе Карповой Балки с тем, чтобы, сделав прорыв красного фронта, бросить в него нашу конницу, которая должна разгромить противника перед собой, выйти в тыл Юшуньской группе красных, занять Армянский Базар и Перекоп, и таким образом ликвидировать все части противника, которые к этому времени успели втянуться в перешейки. Для этой операции к Карповой Балке подтягивались части: конный корпус генерала Барбовича, два полка Дроздовской дивизии (3-й остался в Юшуню) под командой генерала Харжевского, которому была подчинена дивизия генерала Андгуладзе, Донские части генерала Гусельщикова.

Ночь с 28-го на 29-е батарея провела у хутора Бема, где ночью хоронили почти без всяких обрядов убитых шт.-капитана Зиновьева и поручика Воротнюка.

На 6 утра было назначено наступление, к этому моменту конница генерала Барбовича должна была подтянуться к проволоке, чтобы сразу броситься в прорыв, как было уговорено на совещании старших начальников накануне. Наше наступление, в котором главный удар наносился 3-м батальоном 1-го Дроздовского полка, начало успешно развиваться, хотя очень многие уже не верили в возможность нанесения с нашей стороны стремительного удара; наши части были потрепаны, и дух уже несколько пошатнулся. И вот, несмотря на это, наши пошли рвать фронт довольно энергично и очень скоро потеснили красных. Было взято более 800 пленных, 2 орудия, как будто прорыв удался, но кавалерии нашей видно не было, наступление наше начинало захлебываться.

Большевики, подтянув резервы, начали с двух сторон сжимать наших. Вскоре под давлением противника наши должны были начать отход, местами достаточно стремительный. Участники этого боя говорили мне, что за весь Крымский период они ни разу не видели, чтобы 1-й полк так

быстро отходил. 1-я батарея, попав в тяжелое положение, бросает одно орудие. Захваченные пленные разбегаются. Два броневедомола противника устремляются к проходам и проскакивают к нам в тыл. Одно время они двигаются без стрельбы, их сначала принимают за своих до тех пор, пока они появляются настолько близко от нашей батареи, что на одном из них простым глазом можно прочесть название «Красный Крым». В тот момент, когда наши части, будучи прижаты к собственной проволоке (у красных позиции тоже были укреплены уже) на некоторых участках начинают оставлять линию окопов, сзади появляется идущая к нам кавалерия. Было около 8 с половиной утра. Конница помогает удерживать линию фронта, положение восстанавливается, но опоздание на 2 с половиной часа уже не дает возможности думать о выполнении операции с прорывом, так как момент упущен. Говорили, что некоторые войсковые начальники знали, что вопрос об эвакуации решен, и это обстоятельство сыграло свою психологическую роль. Развивая энергичное наступление, красные днем овладевают Юшуньской и Чонгарской позициями. На участке Карповой Балки они не продвинулись.

Около 17 часов был получен боевой приказ, по которому нужно было оторваться от противника и почти безостановочным переходом идти в назначенные для погрузки порты. Наша Дроздовская дивизия, согласно приказу, двинулась на юг, в направлении на Севастополь.

В этот день Главнокомандующий генерал Врангель отдал один из последних приказов на Русской земле: «Для выполнения долга перед Армией и населением сделано всё, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье». Сделано всё, что в пределах сил человеческих... это не фраза, и сетовать можно только на непреодолимое стечение обстоятельств и злой рок.

30.10.1920. Ночью, около 2 часов, меня разбудил хозяин хаты и сообщил, что Юшунь оставлена и что красная конница углубляется в прорыв. Я растолкал крепко спящего поручика Пюжоля и сообщил, что нам остается немедленно двигаться дальше. У него от этого известия начали стучать зубы.

Часам к 9 утра мы были в с. Экибаш, где я сделал остановку, чтобы подкормить лошадей и поесть самим. Когда, еще ночью, мы проходили через ряд селений, где были расположены разные хозяйственные части, там появление наших орудий вызывало целый переполох. Несколько раз разбуженные и встревоженные полковники звали меня зайти и просили откровенно сообщить, почему дроздовские пушки оказались здесь.

Естественно, что нашу базу мы не застали на месте; еще версты за 3 до места ее стоянки в ночной тишине мы расслышали скрип телег и движение. Наши снялись и довольно поспешно двинулись на Сарабузы,

поймать их хвост даже не удалось. Не имея карты этого района, я решил свернуть на главную дорогу, чтобы не блуждать по проселочным и узнать хоть что-нибудь более определенное.

У Сарабузы не без труда влился в общий поток отхода. В несколько рядов, стараясь обогнать друг друга, двигались повозки с имуществом и личным составом армии. По дороге уже валялись винтовки, патроны, кто-то даже догадался саженья в 30 поставить на бугорке пулемет, направив его в сторону дороги. Я подошел к нему, остановился и, увидев, что он в полной исправности, вынул замок, чтобы кто-либо при наступлении сумерек не мог бы испугать так легко отходящих. По железной дороге двигались переполненные поезда, на буферах и крышах были видны защитные шинели. Случайно поймал в колонне батарейную повозку с хлебом и пристегнул ее к себе. Какой-то ротмистр присоединился к нам, предварительно спросив, может ли хоть одна наша пушка пострелять, если нас атакуют зеленые. У него были яблоки, у меня хлеб, и мы решили, что до Севастополя на два дня и ночь едой мы обеспечены.

Часа в 4 дня нас обогнали на «форде» подполк. Гудим и мичман Минович. Предлагали мне тут же бросить пушку и людей, сесть к ним в машину и катить в Симферополь. Там восстание, они должны будут принять участие в его подавлении и сразу же, еще сегодня, двинуться в Севастополь. Я сказал, что не могу бросить солдат на произвол судьбы и потому останусь с ними.

Верстах в 6 от Симферополя устроили остановку в стороне от дороги, в имении. Там никого уже не было. Какой-то прапорщик, разведивший от интендантства огород, начал говорить, что не понимает, почему мы отступаем, что сейчас командующим всеми Крымскими войсками назначен генерал Слещев, который уже проехал на фронт и остановит красных. После полуторачасового отдыха (кроме брынзы, мы ничего не достали) с трудом разбудил солдат, оставил раненых лошадей и двинулся на Симферополь. Проходил город ночью, на улицах зияли разбитые витрины. Днем из тюрьмы разбежалась часть арестантов, и это создало слухи о восстании. Во всяком случае, пока это не было ликвидировано, в городе был хаос и, естественно, грабежи. Теперь по всем улицам двигались повозки. Какой-то солдат, подойдя к моему орудию, передал мне сотню папирос.

31.10.1920. Без веселого чувства встретил наступление рассвета и восход солнца. Мы двигались безостановочно, местами с переменным аллюром, к Севастополю, где нас снова могло ожидать повторение Новороссийской катастрофы. Осознание этого отгоняло сон, но отнюдь не развлекало.

Начали говорить о том, что генерал Врангель издал приказ ничего не взрывать и не уничтожать при отходе, за исключением незначительной порчи железнодорожного пути, чтобы только задержать красных. Распространился слух, что вчера в районе Курман-Кемельчи конница красных весьма серьезно потрепала Марковцев, от которых будто бы остались

весьма жалкие остатки. В нескольких верстах от Симферополя начали уже появляться брошенные и стоящие почти у краев дороги орудия. По дороге у крутых спусков на шоссе, а таких пришлось пройти два, образовались заторы. На одном из спусков больше чем на версту в несколько рядов стояли повозки с действительным имуществом и главным образом с самым фантастическим хламом. Какой-то генерал заведовал очередью и, весьма медленно устраивая просеивание, пускал вперед под гору по одной запряжке. А сзади на рысях всё время подбавлялись повозки и увеличивали хвост.

В Бахчисарае сделали небольшой привал, лошадей не удалось подкормить совершенно, а сами раздобыли по несколько небольших печений прямо из печки. Двинулись дальше, лошади начали уже сдавать. Примкнувший к нам вчера на своей тачанке ротмистр усиленно убеждал меня бросить пушку, впрячь орудийных лошадей в тачанку и на рысях идти в Севастополь, а то мы опоздаем. Я отчетливо сознавал всю бесполезность везти орудие до конца, но считал, что если батарея придет на пристань полностью, то у меня будет неловкое чувство, если я свою пушку брошу раньше, и потому категорически отказался следовать его и поручика Пюжоля советам.

Часов около 7 вечера мы дошли до Бельбека. В течение некоторого времени я колебался — идти прямо на северную сторону Севастополя (7 верст) или в город вокруг бухты (18 верст). В это время справа от дороги показалась батарея, она шла из Сарабузы прямым путем, минуя Симферополь. Полковник Слесаревский приказал мне испортить и тут же бросить орудие, а лошадей перепрячь в повозки. Свои пушки батарея бросила сразу за Сарабузами, и все желающие идти дальше верхом, переменным аллюром и на повозках двинулись прямо на Севастополь.

Мне передавали наши офицеры, что на привале, сразу после Сарабуз, был прочитан приказ генерала Врангеля о том, чтобы никого не задерживать. Довольно внушительная группа, среди которой были и офицеры, решила остаться. Батарея попортила пушки и, сведя к минимуму свой багаж, двинулась дальше. «Было жутко, — говорили мне наши офицеры, — когда мы двинулись уже без орудий в темноту ночи с 30-го на 31-е мимо угрюмо стоящей толпы остающихся и не только физически, но и духовно уже отделившихся от нас людей». «А что если бы эти переутомленные, озлобленные, бросившие наши ряды, но в тот момент полностью вооруженные люди, вздумали бы открыть огонь по уходящим или просто задержать их?» — говорил мне подполк. Егоров. Но они стояли молча, и только изредка было слышно невнятное бормотание — это отдельные люди из группы прощались друг с другом.

Переход поистине был исключительный: с вечера 29-го по вечер 31-го, за 52 часа, было пройдено 240 верст. Отдельные люди так выматывались, что прямо без сил опускались на дорогу, в особенности пехотные солдаты, которые не весь путь могли двигаться на повозках. Некоторые

в изнеможении протягивали руки и просили подвезти их, но взять их было некуда, переход был почти без остановки, и лошади сильно подбились. Откуда-то появилось вино, я выпил больше бутылки, сел верхом на коренную лошадь из моего орудия, и мы все окружной дорогой двинулись на Севастополь. Лошади так голодны, что всё время рвут ветки с деревьев, хватают зубами мешки с мукой на повозках, прямо руки оторвали поводом.

Около 11 начали приближаться к городу, верстах в 4 от бухты нас встретил конный офицер и крикнул: «Дроздовцы — в Килен-бухту. Везде полный порядок». В $\frac{3}{4}$ версты от пристани пришлось остановиться, вся дорога была забита повозками, свернуть некуда, так как дорога идет по склону горы, справа — крутой подъем, а слева — обрыв. Большинство повозок уже выпряжено. Начали распрягаться и наши с тем, чтобы, двигаясь по тропинке слева, довести до транспорта вещи и главным образом всё имеющееся на руках съестное. После того, как я два раза полетел вместе с лошадью под откос и чуть не сломал себе шею, я снял с нее седло и оголовье и пустил ее. Так же поступили почти все остальные, и пешком, всё время перекликаясь, чтобы не потерять друг друга в темноте между бесчисленными повозками, среди которых приходилось пробираться, двинулись к пристани.

Все мои вещи, как я сегодня выяснил, пропали. Мой денщик, оставшийся с батареей, сам родом крымский из Кара-Наймана, ночью удрал домой с повозкой и всеми вещами вместе с несколькими солдатами и лошадьми. Кроме нескольких смен белья у меня погибло там очень много газетных вырезок, журналов, прокламаций, как наших, так и большевистских, сводок, карт и пр. — весьма ценный, с моей точки зрения, материал по истории гражданской войны на юге России. Вместе с моим вестовым бежал фельдфебель батареи Луковников, перешедший к нам в 1918 г. от красных вместе с батареей, командиром которой он был. Их исчезновение было замечено только днем 30 числа. Теперь я не мог найти на повозке двух книг Сёрре по математике, которые были со мной, и после недолгих поисков махнул рукой, в этот момент мне всё было решительно безразлично.

Когда мы подошли к пристани, то меня странно-приятно поразило то, что она совсем свободна от повозок и там царит порядок. На трапе транспорта «Херсон», на который назначено было грузиться, стоял караул и, справившись, какая часть, пропустил нас с указанием, что артиллерия размещается в трюмах. Какая разница здесь и между посадкой в Новороссийске, где у транспорта, предназначенного для нас, нам было заявлено, что для нас мест нет.

Над городом виднелось слабое зарево потухающего пожара. Где-то недалеко расхищали склад с мясными консервами, консервированным молоком и вареньем. По бухте шныряли ялики, нагруженные этими продуктами. Со стороны города доносился обычный шум от движения. Из-

редка кое-где раздавались одиночные винтовочные выстрелы, и два раза, довольно коротко, протрещал пулемет. Нам отвели весьма ограниченное пространство в трюме, где нам пришлось сразу распределить между собой места. Я, как был в шинели, перетянутой поясом с патронами, с карабином на ремне, опустился на отведенную мне часть койки. Казалось, что силы подкосились, и что меня придавила усталость не только последнего перехода, но и всей этой сверхчеловеческой борьбы, в которую лично мною было вложено столько души, сил и порыва. Где-то недалеко на часах глухо пробило полночь.

1.11.1920. Воскресенье. Около 2 часов ночи мы отчалили и стали на внешнем рейде. Подготавливать суда для эвакуации начали дня за 4 до настоящего момента. Их опять-таки не сумели нагрузить достаточным количеством продуктов и самыми необходимыми предметами, хотя в Севастополе в складах было всё, и погрузить всё это не представляло особых трудностей, тем более что в городе всё время сохранялся порядок. Если бы Главнокомандующим был не генерал Врангель, а кто-либо другой, то, безусловно, всем не удалось бы погрузиться, и получилась бы катастрофа похуже Новороссийской. Исключительно генералу Врангелю мы обязаны за тот образцовый порядок, который сохранялся до конца. Сам Главнокомандующий до последнего момента находился тут же и следил за всем. Но одного человека мало, когда все окружающие заботятся только о себе. Мы остались без продуктов, хотя в одном из последних приказов Врангеля ясно говорилось, что идем мы в полную неизвестность и что нам в течение довольно долгого времени предстоит пробыть на воде, почему и приказано было запастись продуктами. Из расспросов я выяснил, что на наш пароход зачем-то грузили старые винтовки под германский патрон, в громадном большинстве случаев совершенно неисправные, без затворов, и прочий хлам, а о необходимом не позаботились. Всевозможные консервы расхищались на глазах, а на пароход их попало крайне мало, даже доставленные туда там разворовывались. До отхода парохода с пристани офицеры 4-й батареи наняли ялик, съездили в таможню и привезли оттуда довольно приличное количество консервированного мяса, молока, варенья, пикулей, английского табаку, папирос, шоколада и пр. С ними ездил нашей батарее полковник Гриневиц, который почему-то никому из нас не сказал о том, что в таможне всё это можно достать. Правда, в тот момент почти все наши офицеры спали, но разбудить, я думаю, было нетрудно. 4-я батарея распределила всё между всеми офицерами, а Николай Николаевич достал всё исключительно для себя.

Около 13 часов на пароходе еще раз было объявлено, что никого, согласно приказу Главнокомандующего, задерживать не собираются и что желающие остаться могут струситься. Подошла баржа, и некоторые стали высаживаться. Всего с нашего парохода ушло больше 100 человек, среди которых были и офицеры. Эта же баржа привезла с берега желающих

ехать, но почему-то не поспевших вчера попасть на погрузку. В городе, по их словам, уже организовалась местная большевистская власть.

Часов около 15 генерал Врангель на катере объехал все стоявшие на рейде суда, благодарил за службу до конца и указывал на то, что мы идем на новые страдания и лишения, в полную неизвестность. Из города уже доносилась пулеметная и ружейная стрельба. Врангель еще раз подъехал к берегу, там, около пристани, кто-то выстрелил, но Главнокомандующий, стоя во весь рост, на катере причалил, попрощался с остающимися и отправился на крейсер «Генерал Корнилов». Всюду Врангеля восторженно приветствовали криками «ура». Видно было, что несмотря на эту катастрофу, все его продолжают обожать, боготворить и верить в него. На него возлагаются все надежды, только на него и рассчитывают. Совсем не то, что было после Новороссийска с Деникиным, престиж которого сразу упал после падения Новороссийска. Последнего везде ругали, позволяли себе насмешливо говорить про него «Антон Иванович», «Антоша» и т. п. Про генерала Врангеля никто не осмелится сказать что-либо подобное. Это действительно храбрый воин, хороший командующий, умеющий как-то особенно действовать на войска, и порядочный, честный гражданин. Таково мнение всех.

Сразу после объезда генерала Врангеля начали уходить транспорты. Нашему «Херсону» пришлось задержаться, так как на него хотели погрузить с баржи еще около 500 человек, несмотря на протест капитана. У нас всё было забито, ехало свыше 7000 человек (наша дивизия, Марковская дивизия, много отдельных команд, позиционные батареи, часть Самурцев, Кубанцев и кавалеристов по «кусочку», команды некоторых бронепоездов, штаб корпуса и пр.). На фронте народу в дивизиях было немного, а тут всё явилось в сильно разросшемся виде. Много народу, как оказывается, сидело в разных хозяйственных частях и учреждениях, а под конец они решили вспомнить, что входили в состав Дроздовской или иной дивизии, и присоединились к строевым частям. По предварительному подсчету, чинов в нашей дивизии набралось до 3500 человек. В результате нашему транспорту пришлось взять на буксир пароходик «Тайфун» и еще баржу. 100 человек Алексеевцев никуда не могли попасть, всюду было заполнено, и всюду им отказывали в погрузке до тех пор, пока сам Главнокомандующий не приказал генералу Кутепову принять их на «Саратов», где находился Кутепов со своим штабом. Последний, со свойственной ему грубостью и суровостью, дал этим ста Алексеевцам 10 минут на погрузку и приказал им все вещи выбросить в море. Приехавший с берега на наш транспорт офицер сообщил, что Севастополь уже занят красной конницей и что пьяные кавалеристы расстреливают на пристани оставшихся людей.

Около 20 часов наконец-то и мы двинулись (чуть ли не последними), и скоро огни Севастополя исчезли вдали. Никаких особых мыслей не возникло у меня в голове в этот момент, когда мы распрощались с Рос-

сией, должно быть, на не очень короткое время. Чувствовалась усталость, и только она и давала о себе знать. О том, что предстоит, как-то не хотелось думать. Что бы там ни было, но остаться в большевистской России никогда бы не согласился. Говорят, что еще не выяснено, какие из держав согласятся нас принять. Шли мы под французским и русским флагами. Говорят, что французы протестовали против русского флага, но генерал Врангель будто бы им ответил, что пока мы существуем как армия, то у нас есть своя честь и что Андреевского флага мы поэтому не снимем.

Корабли Русской армии ген. Врангеля покинули Крым

2.11.1920. Ночью у нас оторвалась баржа, шедшая с людьми на буксире, но сразу это не было обнаружено, удивительно право. На рассвете, когда этот случай обнаружился, пришлось возвращаться и в течение долгого времени разыскивать в море эту баржу.

Ехать здорово скверно во всех отношениях. Хорошо еще, что нет качки. Наши места — в трюме, повернуться трудно, духота. С водой скандал: почему-то в умывальники трюма не пускают воду, а на палубе громадные очереди. С пищей на пароходе пока еще ничего не организовали. У меня было немного хлеба и сала, но эти продукты к вечеру сегодня подошли к концу. Спать удивительно скверно: узенькое место с решетками, и на нем спят по двое. Некоторые наши офицеры и этого не имеют, спят вповалку на полу в проходах, по которым ночью всё время ходит публика. Вшей развелось черт знает сколько.

Мы всё время идем с большим креном, который очень часто подходит к предельному. С капитанского мостика всё время подаются команды: «Все на правый борт!» или «Все на левый борт!» Спать из-за этого крена очень неудобно, а еще постоянно будят, чтобы перейти на тот или иной борт. Тяжело и очень тяжело будет пробыть в такой обстановке даже неделю.

От нас вчера генерал Врангель поехал в Ялту. Там грузился конный корпус генерала Барбовича. Погрузка там шла 1 ноября. Нужно заметить, что Ялту наша кавалерия пограбила порядком: главным образом пострадали винные погреба, но и прочим магазинам досталось. Врангель прибыл туда сегодня утром, объехал все транспорты, говорил то же, что и у нас: благодарил за службу до конца, указал, что идем в полную неизвестность, но унывать не следует, так как нам должны предоставить место. Воевали мы не только за себя, но и за других, за мировое дело, и теперь мы вправе от этих других требовать, чтобы они позаботились о нас в нашем несчастье. Под конец Главнокомандующий предложил в последний раз на Русской земле прокричать «ура!» в честь растерзанной и измученной России. Говорят, что когда генерал Врангель после этого уходил, то

на транспорте «Крым» запели «Боже, царя храни!». После «ура» приказано было судам оставлять воды Крыма.

3.11.1920. С пищей невероятно скверно. В день получаем по одному стакану жидкого супа с консервами, кусочек хлеба в $\frac{1}{16}$ фунта на человека (черный хлеб в 3 с половиной фунта выдается на 50 человек) и по несколько галет. Всюду страшные очереди: чтобы выйти или войти в трюм, за получением обеда, за холодной водой. С сегодняшнего дня у нас в трюме 3 раза в день выдают сырую воду из умывальника, за кипятком нужно стоять часа 3, не меньше, больше 2 с половиной часов приходится стоять в очереди на клозет и пр. Ко всему этому спать отвратительно, душно, буквально съедают вши; днем сидишь, полусогнувшись, повернуться трудно и всё время смертельно хочется есть. Некоторые, конечно, голода не чувствуют — едят себе консервы, шоколад, пьют чай с молоком или вареньем, а до других им дела нет; сами они, как у нас полковник Гриневич, словчили целые ящики продуктов и о голоде не думают. Штабная публика тоже хорошо устроилась в кают-компани: там идет пьянство, еда, играют на пианино, а тут рядом люди пухнут от голода, и на это не обращают никакого внимания. Так было, и так будет.

Начали передавать различные слухи с радио о каких-то приказах Троцкого о том и другом; утверждали, что нас принимает Франция и т.п., но всё это ерунда — что мы могли узнать нового в открытом море, если радио у нас на транспорте не было, а тут передают: «Перехвачено только что радио и пр.». Высказывались разные предположения, совершенно ничем не обоснованные. Единственно, что можно было констатировать, это было то, что из едущих здесь никто воевать больше не хочет. Все очень хорошо отзывались о генерале Врангеле и ругали всё остальное начальство от мала до велика.

В 16 часов мы вошли в Босфор. Я вышел на палубу посмотреть на берега, которые значительно менее интересны, чем Крымские. Итак, мы попали уже за границу. Это путешествие нельзя назвать поездкой ради удовольствия.

Вечером нам выдали кормовые деньги за октябрь. Ясно было, что с нашими деньгами делать тут будет нечего. В узком проходе составила игра в железку, и хотя сидеть или стоять там было очень неудобно, я решил принять в ней участие. За сравнительно короткое время я выиграл 525 000 рублей, хотя игра была не особенно крупная, но везло мне на редкость.

Из Ялты Главнокомандующий отправился в Феодосию на погрузку. Там грузились Кубанцы. Говорят, что в Феодосии не хватило судов, чтобы погрузить всех. По этому случаю некоторым частям было предложено отправиться в Керчь походным порядком. Им предстояло пройти еще 90 верст. Говорят, Кубанцы отказались идти туда (мотивировалось это тем, что общая обстановка не известна: не известно, что делается в Керчи, хватит ли там судов, не известно, до какого времени Керчь вообще будет

удерживаться, и пр.). Они остались в виде частей, оставили у себя оружие, ушли в казармы и вошли в подчинение образовавшемуся местному большевистскому комитету. Это передавали мне грузившиеся там офицеры. Интересно то, что эти остающиеся ходили по городу с красными флагами, но наших отъезжающих не трогали. Сегодня наши оставили Феодосию, суда вышли в море и стали на якорь в ожидании флотилии из Керчи.

4.11.1920. Ночью мы прибыли в Константинополь и стали на рейд. Здесь уже стояло около 25 судов разной величины под французским и, на корме, русским флагами. Смотрел на европейский и на азиатский берега. Издали довольно хороший вид у Константинополя. В бинокль рассматривал Айя-Софию. Начали говорить, что здесь нам предстоит карантин.

Откуда-то распространились слухи, что генерал Слащев остался в Крыму и в настоящее время удерживает Акманайские позиции, но это было сплошным вымыслом. Генерал Слащев, конечно, не остался в Крыму, и не далее чем сегодня уже был окончательно оставлен последний клочок Русской земли частями Русской армии — Донцы выехали из Керчи. Генерал Врангель был там и руководил погрузкой. Благодаря его участию было и здесь сделано больше, чем это бывает обыкновенно в подобных случаях. Погрузка началась там еще 1 числа, нагруженные транспорты уходили из города и становились на внешний рейд. Отходившие строевые части заканчивали погрузку сегодня, причем, когда отчаливал последний транспорт, красные были уже в городе, и автоброневик красных появился на набережной. Интересно, что он даже не открыл огонь по отходившему транспорту, очевидно, не желал вызвать ответный огонь судовой артиллерии с нашей стороны. Итак, враги расстались даже без последнего салюта, без единого выстрела, тихо, мирно и торжественно. Все вышедшие из Керчи суда соединились с транспортами из Феодосии и целой флотилией, под охраной военных судов оставили воды России. Всего шло оттуда сразу до 30 транспортов.

Хочу указать, что эта катастрофа разразилась крайне быстро, молниеносно и, я бы сказал, неожиданно. (Хотя Врангель говорил, что с момента перехода на Перекоп он уже предвидел такой конец.) И несмотря на это, такая грандиозная эвакуация прошла замечательно. Части и беженцы грузились в четырех городах, всё шло планомерно, гладко; погрузились за очень малым исключением все, кто не хотел оставаться в большевистской России (за очень малым исключением). Генерал Врангель всюду действовал сам, насколько хватало у него физической возможности, и из каждого из указанных выше городов, где происходила погрузка, фактически уезжал последним. Только его необыкновенной энергией можно объяснить, что при таком плачевном состоянии нашего транспорта ему удалось в такой короткий срок на 100 различных судах вывезти из Крыма больше 120 000 человек. Всё прошло блестяще. Говорят только, что в Феодосии на пристани стрелялись люди, не сумевшие сесть, и в Керчи при погрузке перевернулась одна баржа с Донцами. Говорят, что много

большевистских подводных лодок прошло в Черное море; им якобы было приказано потопить наши транспорты. Всё обошлось благополучно, никаких нападений на нашу флотилию не было произведено; говорят, что эти подводные лодки прозевали нас или опоздали.

Несмотря на то, что мы стоим уже у Константинополя, положение с питанием за сегодня не только не исправилось, но еще ухудшилось. Ко всему прочему, доставать холодную воду стало труднее. Вши окончательно заели, прямо ужас, сколько их набралось; от недоедания и слабости начинается головокружение.

5.11.1920. Распространяются самые разнообразные слухи о нашем будущем положении. Говорят об иностранном легионе, о колониальных войсках, о том, что нас отдельным корпусом включают во французскую армию, называют даже жалованье, которое мы якобы будем получать, причем указывается точная сумма офицерского и солдатского содержания. Все интересуются пайком и обмундированием французских войск и пр. и пр. На меня все эти разговоры производят впечатление лепета маленьких детей: что-то услышали и чему-то обрадовались.

Утром приказано было сдать оружие. Офицерам разрешено оставить холодное оружие и револьвер, но без патронов. Нас предупреждали, что исполнить этот приказ нужно точно и не забывать, что тут действуют не русские законы, к которым мы привыкли относиться халатно, а французские. Мне не хотелось сдавать свой карабин и возиться с процедурой его сдачи в особенности, поэтому я взял и через иллюминатор выбросил его в море. Все пулеметы и винтовки были сложены на палубе. Патронов от револьверов, конечно, никто не собирался сдавать, их спрятали.

Голод на пароходе усиливается. Всё, что дают, съедаешь раньше, чем успеваешь дойти до своего места. У некоторых была с собой мука, из нее пекут «перепечки», или, как их еще иначе называют, «пышки». Делается пресное тесто, раскатывается некоторое количество тонких лепестков, которыми облепляют трубы паровой лебедки (все трубы — вертикальные и горизонтальные, даже проходящие по полу облеплены этими «перепечками»), тут они немного подсыхают, после чего их едят. Из тех труб, которые немного текут, по каплям собирают теплую воду, в которой немало машинного масла. Даже для того, чтобы достать себе эту воду пополам с маслом, которую противно пить, приходится стоять в очереди около часа. К пароходу на лодках всё время подъезжают турки-торговцы с хлебом. Им на веревке в корзине спускают валюту — наши старые серебряные деньги или вещи, — и они кладут в корзину 1–2 хлеба. Русские бумажные деньги, ни старые, ни новые, они не принимают. Публику, которая имеет возможность покупать хлеб, пока не особенно видно. Лично у меня нет никакой валюты.

По бухте на всевозможных катерах всё время разъезжают русские. Очень много штатских и очень хорошо одетых дам на моторных лодках объезжают транспорты и ищут среди прибывших родных или знакомых.

В этом отношении я могу быть совершенно спокоен: у меня даже на юге России не было ни знакомых, ни родственников, которые могли бы обо мне справиться, а о заграничных моих связях говорить уже не приходится. Некоторые проезжающие русские, жители Константинополя, приветствовали нас: мужчины снимали котелки и махали ими, а дамы — платками. Получалось это у них довольно мило, вспоминалось нечто прятнее, старое, хорошее, хотя эти люди были чужды и далеки мне по духу.

Вечером распространился слух, что мы отправимся в Алжир или на Лемнос. Все начали интересоваться жизнью, климатом и географическим положением названных мест. Высказывались различные предположения, надежды и пр. Получалось такое впечатление, что многие были почему-то уверены, что к нам за границей будут как-то особенно относиться и чуть ли не сразу предоставлять нам хорошие условия жизни.

Удалось мне достать номер издающейся в Константинополе газеты «Пресс дю Суар» от 18 ноября. Эта газета издается русскими, половина печатается на французском языке и половина на русском, причем русская половина почему-то стеснена цензурой. Под заголовком «Крымская катастрофа» указывалось, что русская армия, несмотря на все усилия и беспримерный героизм, не могла сдержать натиск противника, превосходящего ее в 10 раз, и принуждена была оставить Крым. Но, по словам газеты, борьба с большевиками не окончилась, она только временно приостановилась, причем проводилась параллель между нашим оставлением России и оставлением сербами в 1915 г. территории Сербии, когда сербская армия вынуждена была эвакуироваться на о. Корфу с тем, чтобы по истечении некоторого времени, реорганизовавшись, снова восстановить свое государство. Существенная разница между нами и сербами, по-моему, заключается в том, что все сербы — воины, а у нас здесь большинство беженцев (одни в действительности являются таковыми, а другие уже хотя и распрощались с военной службой и стать беженцами). За редким исключением, никто воевать не хочет, все устали, измотались, потрясены, не верят в успех при обычных у нас постановках и делах этой борьбы. А, кроме того, с нами не так много строевых, в действительности воевавших солдат, главным образом едут обозные или хозяйственные чины. У нас в батарее осталось 67 человек, из которых половина офицеров. Из остающейся половины солдат, дай Бог, чтобы $\frac{1}{4}$ была из боевой части. «Пресс дю Суар» определенно высказывала предположение, что мы остаемся как армия, и генерал Врангель остается Главнокомандующим Русской армией, причем он должен под своим началом объединить все существующие за границей русские организации. Теперь на территории Советской России осталась на западе только одна противобольшевистская армия генерала Булаховича, которая, по словам газеты, успешно борется пока что с красными. Но после нашего разгрома дни ее, безусловно, сочтены, так как по своей численности она очень незначительна и слаба, чтобы могла выдержать хотя бы один сильный натиск.

06.11.1920. Начали выгружать раненых, больных, желающих сгруппироваться с детьми и свободных от военной службы; для этих последних условием выгрузки являлось наличие денег не менее 50 лир. Прodelывалось всё это очень медленно, за целый день всех выгрузить не успели, хотя набралось их не более 200 человек.

Во время этой выгрузки к нашему пароходу на катере подъехал полковник Дрейер, бывший в штабе у Деникина. Одет он был с иголочки в штатское и в разговоре через борт со своим знакомым пшютоватым голосом бросил такую знаменательную фразу: «Теперь я уезжаю в Софию, поживу там хорошо некоторое время, а оттуда отправлюсь в Берлин». Спрашивается, откуда у этих господ такие средства? Одни воюют, и им не предоставляют даже самого необходимого, а другие в это же время, состоя на той же службе, роскошно живут в тылу и, кроме того, обеспечивают себя за чей-то счет капиталом. При таких условиях отпадает всякая охота воевать, лично я согласился бы еще повоевать с красными, но, когда посмотрел на этого Дрейера, у меня на время пропала охота рисковать собой для обогащения других. Я был голоден, у меня кружилась голова от недоедания, я уже начал пошатываться во время ходьбы, но у меня не возникло чувство зависти при виде Дрейера; я презирал подобную ему публику.

Говорят, что генерал Врангель еще не прибыл в Константинополь. Он прислал телеграмму на имя русского посла в Константинополе примерно такого содержания: «В непрерывных тяжелых боях русская армия доблестно выполнила свой долг до конца. Однако, покинутые всем миром, равнодушно взиравшим на нашу борьбу, мы под натиском во много раз превосходивших нас численно красных, принуждены были покинуть Крым. Принимая во внимание все тяжелые испытания, которые в дальнейшем придется перенести Русской армии на ее крестном пути, я разрешил всем желающим остаться в Крыму. Тем не менее, все офицеры, казаки, большая часть старых солдат бывшей армии, очень много пленных красноармейцев и гражданского населения Крыма не пожелали подчиниться игу насильников и погрузились на суда. Благоприятное состояние моря и неизменно самоотверженная работа флота позволили в течение 4 дней произвести эту беспрецедентную операцию и погрузить на суда более 130 000 человек. Я поручил мою армию, флот и гражданское население Крыма покровительству Франции. Генерал Врангель».

Пока относительно нашей дальнейшей судьбы ничего не известно.

7.11.1920. Утром распространились слухи о том, что мы после высадки будем формироваться. Откуда такие слухи и где их источник, никто не знает.

В 10 снялись с якоря и ушли в *Галлиполи*, куда прибыли только ночью. Погода была приличная. Как в Мраморном море, так и в Дарданелльском проливе, качки не ощущалось. Это счастье, а то при такой скученности было бы черт знает что. У нас и так грязи везде столько, что скоро ходить

будет страшно. Беженцев, говорят, разместят в Сан-Стефано, Кубанцы будут жить пока на о. Лемнос, Донцы — на Чаталдже, а мы — в Галлиполи. Американцы доставят нам необходимое количество полотнищ для палаток, а в вопросах продовольствия о нас будут заботиться французы. В Галлиполи мы стали на якорь посреди бухты, не подходя к берегу.

Купил себе сегодня английские плисовые брюки за 400 000 руб. наших добровольческих денег. И то, продавший их мне техник Журкин, должно быть, не совершил бы эту сделку, если бы он не проиграл казенные деньги. Наши деньги или совсем уже ничего не стоят, или имеют крайне мизерную стоимость (перед оставлением Крыма турецкая лира стоила 90 000 руб. вместо 8 в мирное время). Но Журкину сегодня нужно было сдавать деньги и поэтому пришлось продать брюки. Вечером играл в карты с офицерами 2-го конного полка²³⁷. Игра там приличная, в банке часто собиралось до 2 000 000 рублей. Я играл не особенно удачно и проиграл за сегодняшний вечер около 200 000 рублей.

С едой положение не улучшается. Скучно говорить об этом каждый день, но еще скучнее лежать целый день в грязи, имея массу вшей, и почти ничего не есть. Ослабел настолько, что уже с трудом поднимаюсь по лестнице из трюма на палубу, от этого крайне незначительного напряжения делается темно перед глазами и начинает шуметь в ушах.

Перед сном все, «не стесняясь присутствием дам, занимаются ловлей вшей». Дамы тоже, отбросив все приличия, весь день чешутся и запускают руки за воротник, внутрь кофточек, в чулки и вытаскивают оттуда, не глядя, сразу по несколько экземпляров этих созданий.

8.11.1920. Простояли весь день на якоре. Относительно разгрузки пока ничего не слышно. Ожидается приказ, по которому все генералы, штаб-офицеры, не получившие штатных должностей, и лица, имеющие категории, могут быть перечислены в разряд беженцев и освобождены. Этому предполагающемуся еще приказу начальник штаба корпуса дал неправильное толкование, благодаря чему по пароходу начала ходить совершенно иная редакция этого приказа, а именно: якобы все не желающие дальше служить могут быть освобождены. На пароходе поднялось волнение, все начали решать, как им выгоднее быть в дальнейшем. Получился целый Содом.

На лодке к нам приехал генерал Кутепов. По его приказу был смещен командир корпуса генерал Писарев и арестован его начальник штаба. Было объявлено, что все находятся на военной службе, поэтому всякие рассуждения излишни и преждевременны. За распространение ложных слухов приказано было предавать военно-полевому суду. Комендантом парохода был назначен генерал-майор Туркул. Генерал Туркул издал приказ исполнять только его распоряжения и больше ничьих не слушать. В приказе по кораблю было объявлено, что все выгружаются немедленно. С палубы слышны крики «ура». Вечером приказано было выслать в город квартирьеров, но потом это отставили.

С едой сегодня дело еще усугубилось — мизерное количество галет интенданты сочли возможным еще уменьшить.

9.11.1920. Снова простояли целый день. Разгрузка идет очень медленно, так как на берег перевозят на лодках, в которые помещается не более 36 человек. В первую голову разгружают транспорт «Саратов». Там ехали Корниловцы, штаб армии с Кутеповым и II корпус. С питанием там тоже было скверно, только штабу армии по палубе из кухни приносили обеды из трех блюд, торты, бифштексы и пр. У некоторых кранов стояли часовые и ни в коем случае не разрешали простым смертным брать воду, если ее нельзя было достать в других местах. Когда в Константинополе у подъезжающих на лодках торговцев некоторые пробовали менять белье и прочее на хлеб, Кутепов появлялся на мостике, приказывал отогнать от борта столпившихся голодных и кричал: «Расстреляю!».

С нашего парохода сгрузилась боевая часть 1-го и 2-го полков нашей дивизии. Начали говорить, что на берегу французы начнут питать нас без посредства интендантов и что сгрузившиеся уже получили полный паек. Но это было неверно. День сегодня по питанию был самый ужасный: всего получили за день одну буханку на 50 человек (по $\frac{1}{16}$ фунта на человека), стакан супа и 4 галеты на 5 человек. Скоро, должно быть, уже не поднимешься с постели.

Прибыл сюда транспорт «Крым» с частями генерала Барбовича. Оттуда к нам на лодке на часок приехал мичман. Говорит, что первые дни они питались ничем себе и выпили очень много награбленного в Ялте вина. После встречи со мной под Симферополем 30 октября они провели ночь в городе, охраняли вокзал на своих фордах. Там одну из машин отряда потребовал старший адъютант штаба армии полковник Духовский, на которой из частных сейфов банка он перевез в поезд Кутепова целый ящик драгоценностей, золота и акций Токмакской железной дороги. Он предлагал офицеру довести это всё с ним вместе до Севастополя, причем обещал заплатить ему за эту доставку трехмесячное жалованье золотом. Но офицер машины не мог этого исполнить, он был связан службой. Из банка предлагали взять под расписку тюк в 10 пудов казенных денег десяти тысячными билетами. Но поручик Кейда²³⁸, командир машины, не мог погрузить на свой форд 10 пудов, а часть тюка чиновник банка не соглашался выдать в силу трудности учета. Интересно, знал ли Кутепов о погрузке драгоценностей в свой поезд?

Говорят, что относительно погрузки Кутепов выразился в свое время так, что, дескать, напрасно все тянутся в Севастополь, так как погружены будут офицеры с семьями, находящиеся в Севастополе, все штабы и, может быть, незначительная часть фронтовых офицеров, а остальные или не успеют погрузиться, или им не будет места. И, без сомнения, оно так и было бы, если бы во главе нашего дела не стоял генерал Врангель. Погрузка по способу генерала Кутепова нам очень хорошо знакома по Новороссийску и из памяти не изгладится.

10.11.1920. Начали выгружаться Марковцы. Народу как будто делается меньше, но это пока не ощущается. Та же теснота, те же очереди всюду и тот же паек. Меня насмешил один остряк, стоящий рядом в длиннейшей очереди на ватерклозет. «Черт его знает, — сказал он, — все жалуются, что нам не дают есть, Бог знает, сколько времени, а посмотришь на эту очередь и удивляешься, откуда это всё у них берется».

Распространились слухи, что Сербия приглашает к себе на службу две дивизии. Говорят, что между Румынией и Совдепией и Польшей и Совдепией возобновились военные действия, причем передают, что красные уже заняли Бессарабию, а с поляков только хлопья летят. Ничего, подтверждающего эти слухи, больше не было, и всё это, оказывается, ерунда.

В Галлиполи сначала как будто можно было разменять наши деньги: за 1 000 000 давали 11 лир, у мальчишек на улице можно было купить кусок хлеба даже за наши пятисотки, причем их почему-то заинтересовали старые и донские полтинники. Но после того как нескольких человек наша братия надула основательно, местное население стало осторожнее и перестало брать даже наше серебро и николаевские деньги.

11.11.1920. Наши где-то в самом нижнем трюме из принадлежащего кому-то груза стянули немного перловой крупы и сварили кашу. Я словчился на кружечку этого, по настоящим временам, лакомства, и сразу стало легче на некоторое время. Вечером достал две щепотки муки и подсушил себе на трубе паровой лебедки несколько «перепечек», или «пышек». В общем, приободрился слегка.

Интересно, что на пароходе у наших интендантов было не так уж мизерно продуктов, как они нам выдавали, причем публика, пристроившаяся к ним, уплетала всё и хлеб в обе щеки. Дежуривший по бригаде штаб-офицер ходил в штабную каюту, чтобы обратить внимание штаба на существующий возмутительный порядок в смысле выдачи и распределения продуктов. Ничего хорошего от сытого штаба он не добился, только услышал, выходя из кают-компании слова какого-то генерала: «Никто не просил столько грузиться, лучше бы остались в Совдепии, а недовольных можно и за борт». Хорошо и веско сказано, прямо приятно воевать дальше, имея такие штабы.

Почти каждую ночь вижу сны, чего в обычной обстановке не бывает. Всё время снится заключительный акт борьбы в Крыму. Причем во сне каждый раз попадаю в значительно более ужасное положение, чем это было когда-либо наяву.

12.11.1920. Выгрузился 2-й конный полк, который помещался в одном трюме с нами. Стало немного просторнее. Немного почистили наши спальные места и разместились посвободнее. Сегодня, впервые за последние 12 дней, помылся и спал ночью уже один на своем узком месте. Нас уже перестали ежеминутно перегонять с одной стороны на другую, так как крен прекратился, начали мыть палубу. Вообще, жизнь на пароходе стала более сносной.

Говорят, что из сгрузившихся человек около 20 успели уже драпануть: пролив тут узок (6–7 верст), до Азиатского берега рукой подать, и турки на лодках переправляют желающих пробраться к Кемаль-Паше. Сегодня французский миноносец стрелял по пробирающейся на Азиатскую сторону лодке, но она благополучно проскользнула и скрылась вдали.

13.11.1920. Публика начала небрежно обращаться с нашими деньгами. На полу уже можно найти пяти- и десятитысячные билеты, затоптанные ногами, по ним все ходят, посмотрят, но никто не поднимает. Сегодня, наконец, и до нас дошла очередь сгружаться. Разгрузку при помощи лодок, слава Богу, отставили и теперь сгружают при помощи парохода «Христофор». Перед разгрузкой произошел довольно занятный случай с ящиками с кожей. На транспорт было нагружено три ящика (чемодана) с кожей Союза взаимопомощи Дроздовцев. 4-й дивизион почему-то собирался присвоить себе эти ящики и даже протестовал, когда ему было указано, что эта кожа должна быть разделена между всеми офицерами бригады. Кончилось это дело тем, что к этой коже поставили часовых от всех батарей.

Около 11 начали погружаться на «Христофор». Утром я обнаружил у себя пропажу фуражки — кто-то определенно взял ее себе или на память, или на голову. Хорошо еще, что штабс-капитан Стадниченко имел лишнюю папаху, которой я и воспользовался, а то был бы форменный скандал. Перевозку на берег мы ждали часа два. Какой-то русский матрос раздал нашей братии две буханки хлеба по кусочкам. Нужно было видеть, как все бросались к нему, сбивая друг друга с ног, толкались, протягивали руки и пр. Зрелище похуже, чем в стае голодных волков, нашедших кусок мяса. Около 13 с половиной, наконец, после двухнедельного страдания на транспорте, снова попали на твердую землю.

Галлиполи

Галлиполи — маленький препаршивенький городок, нечто вроде местечка. Очень много зданий совершенно разрушено — следы высадки союзников на Галлиполийский полуостров и резни греков с турками. Как раз все лучшие каменные дома окончательно разрушены, остались только домишки; прямо удивляешься, как они строят эти домишки и больше всего тому, как они не разваливаются тотчас же. Это какие-то мазанки, похожие на курятники. Продают здесь главным образом восточные сладости — инжир (винные ягоды), халву, рахат-лукум и пр.

С большим трудом пронес свой небольшой мешочек с вещами до бараков, где мы должны были пока поместиться. От пристани до бараков было версты полторы, но отдыхать пришлось три раза, настолько ослабели силы. Корниловцы еще не перешли в лагерь, поэтому бараки оказались занятыми ими. Для временного расквартирования наших частей французы отводят только разрушенные здания и бараки без окон и две-

рей. Сразу все перейти в лагерь не могут, так как не прибыло еще достаточное количество палаток, поэтому переселение с парохода в Галлиполи, а оттуда в лагерь происходит постепенно. Нам пришлось спуститься в лошину и приготовиться к проведению ночи на свежем воздухе.

Хочу записать такой интересный и характерный случай. Когда мы лежали на земле перед бараком, мимо проходил чернокожий солдат, он грыз орехи. Поравнявшись с подпоручиком Адамовичем, он небрежно бросил ему штук пять орехов, которые последним были съедены.

Перед вечером получили немного консервов. В банке от консервов мы с подпоручиком Адамовичем сварили себе немного перловой каши из крупы, взятой на пароходе, и консервов. Впервые за всё время плотно поели. Дровами служила сухая трава и стебли снятых хлебных злаков, которые пришлось собирать по полю по одному стебельку. Было здорово холодно, мерзли ноги, дул пронзительный ветер. Мы забрались в полуразрушенную усыпальницу и, спрятавшись от ветра, прислонились к каменным плитам гробниц, пробовали уснуть. Так жить можно было бы, если бы не мерзли ноги, которые я засунул в мешок, но это средство не помогало. Уснуть всё-таки мне удалось.

14.11.1920. Хлеб получили сегодня, верно, около $\frac{1}{3}$ фунта на человека, немного галет, по 125 грамм консервов, немного сушеной картошки, кокосового масла, по ложке сахара и немного кофе. Готовить приходится каждому для себя. Всё это мы разделили на две порции и в компании из трех человек (шт.-кап. Лавринович, подп. Адамович и я) начали заниматься варкой в той же жестяной банке. Получилось, в общем, довольно прилично. По крайнем мере сразу после транспорта кажется даже сытным, особенно поддерживают клецки из муки, которую я раздобыл у офицеров 4-й батареи.

После обеда перешли в бараки. Корниловцы получили палатки и перешли в лагерь, пулеметы остались у них, и они переносили их с собой. Бараки без окон и дверей с дырами в стенах. За травой для варки пищи ходить отсюда уже значительно дальше, поэтому публика навалилась на незанятые бараки и мигом разобрала их на дрова для костров. Французы по этому поводу устроили гвалт. Пришлось поставить дневального, но и это не помогало, всё равно тащили. Французы предупредили, что, если ночью будет слышен треск у бараков, сенегальцам-часовым приказано стрелять прямо на шум.

Часов в 10 вечера неожиданно получил приказание отправиться вместе с офицерами 1-й, 2-й и 4-й батарей в город в караул к коже, которую после скандала на транспорте сгрузили на берег. Своими силами мы четвером перенесли эти ящики в близлежащее разбитое здание, наполненное колючей проволокой. Кое-как легли на ящики и долго сначала не засыпали.

15.11.1920. До 12 часов дня из батареи никто не приходил. Очень хотелось есть. Я продал 125 руб. николаевских денег за 5 драхм офицеру-Мар-

ковцу (в меняльной лавке мне давали только 2 с половиной, у Марковцев же здесь существует организация по купле и продаже) и немного закусил.

Разговаривал с офицерами прочих частей, желая ознакомиться с их настроением. Все в один голос ругают Кутепова и наш командный состав, только перед генералом Врангелем все благоговейно. Между прочим, говорили о том, что последний отход от Днепра до Чонгара был совершен без фронта в кулаке, по личной инициативе генерала Кутепова. Все называли его абсолютно бездарной личностью (в смысле командования), упрекали в том, что он никогда не жалел людей, напрасно погубил много жизней, изматывал попусту лучшие части (в частности, наш I корпус), не дорожил лучшими бойцами, никогда не заботился о войсках и пр., и пр. Все удивлялись, что все неудачи сходили для Кутепова благополучно, он ничего не терял, а получал только повышения по службе, должно быть, за блестящую работу I корпуса, а не за свои заслуги.

Около 13 часов нас, наконец, освободили от этого караула. Я воспользовался солнечным днем и устроил основательную ловлю вшей во всем моем одеянии. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в наследство от парохода мне досталось до тысячи этих блондинок. Такое количество прямо-таки изнуряет, сил не хватает бороться.

Снова получили продукты на руки и варили еду сами. Выдают почему-то не сразу, а в несколько приемов, по мелочи. Весь день уходит на приготовление пищи. Едва только утром вскипятишь воду для кофе, нужно варить обед, который успеваешь приготовить часам к 14; сразу же после обеда начинаешь готовить ужин, который ешь только после наступления темноты. Если на приготовление еды из выдаваемых продуктов у нас при таких условиях уходит целый день, то спрашивается, сколько времени из суток ушло бы на то, чтобы сначала заработать продукты, а потом бы их приготовить. Суток не хватило бы. В смысле варки все разбились на компании. Все раздражены, нервничают, друг с другом не сладят. Только бараки сообщая сегодня dokonали дочиста — на тех местах уже нельзя найти и щепки.

16.11.1920. Паек понемногу увеличивается. Хлеба получаем уже около $\frac{1}{3}$ фунта на человека, консервов по 100–150 г, 25 г бульона в кубиках, грамм 20 сушеного картофеля, грамм 20–30 фасоли, 20 г соли, 12 г сахару, 20 г кофе и даже около 20 г дров на каждого, что составляет несколько палок на всех. Говорят, что скоро паек дойдет до нормального, что французы были застигнуты врасплох нашей эвакуацией и никак не ожидали такого количества, поэтому пока выдают нам то, что находится на местных складах. Французы относятся к нам крайне предупредительно и готовы помочь всем, чем только можно, но и сами пока не могут справиться с этими продовольственными затруднениями. Во всяком случае, после парохода даже такая жизнь кажется сносной: нет той убийственной тесноты, нескончаемых очередей и затруднений с водой. В последнем отношении здесь даже хорошо: на улицах стоят

колодцы с кранами, из которых всё время течет вода, по большей части теплая, больше 10 градусов. Плохо только, что холодно, мерзнешь, а если разведешь в бараке костер (что мы пробовали делать на ночь), то буквально пропадешь от дыма.

Передавали, что по приказу Троцкого объявлена амнистия всем оставшимся в Крыму, а мы подвергнуты ostrакизму на 10 лет.

17.11.1920. Утром начали перебираться в лагерь. Считают, что от города до него 6 верст, а от этих барakov — 8. С большим трудом добрался туда со своими вещами. Плохо то, что по пути приходится пересекать четыре достаточно глубоких лощины. Место для лагеря отведено в ложине, по которой протекает небольшой ручеек, перед горой, покрытой колючими кустарниками. По левой стороне располагаются пешие части со своей артиллерией, а по правую — кавалерия. Палатки выдаются четырех типов: большие зеленые с внутренним белым полотнищем, с деревянным скелетом, в 16 окон, из целлулоида, шириною в 9 шагов и длиною в 22 шага; зеленые четырехугольные, в форме коробки — одинарные, 8 на 7; зеленые, в форме крыши — тоже одинарные, 6 на 7; и белые эллипсоидальные, двойные — 8 на 15. Три последних типа без окон.

Нам сразу же пришлось заняться постановкой палаток. Оригинально получилось то, что мы начали ставить палатку для 3-го дивизиона, еще оставшегося в городе, а нашему дивизиону ставил кто-то другой. Наша бригада получила палатки первого типа. К вечеру две палатки были готовы, и мы в них заночевали. Место неровное, скат в сторону ручья довольно значительный. Сырости тут хватает. Спать пришлось на голой земле. Под утро чувствовал, как ныли кости в ногах, особенно в коленях. Ревматизм налицо.

Бригаду нашу свели в дивизион, который теперь называется 3-й стрелковый Дроздовский артиллерийский дивизион, командует им генерал-майор Ползиков. Все бывшие дивизионы сведены в сводные батареи, командуют ими бывшие командиры дивизионов, бывшие командиры батарей — теперь командиры полубатарей и старшие офицеры. Батарея разбита на 4 взвода. Наша батарея называется 2-й сводной батареей. Офицеров в батарее 85, солдат 74.

Что касается общей реорганизации, то приказано армию свести в корпус под командой генерала Кутепова. Все пешие части сводятся в 1-ю пехотную дивизию, начальник дивизии — ген.-лейтенант Витковский, начальник штаба — полк. Бредов, адъютант — генерал штаба полковник Колтышев. В 1-ю пехотную дивизию входят:

- 1-й ударный Корниловский полк (командир ген.-майор Скоблин);
- 2-й пехотный Марковский полк (командир ген.-майор Пешня);
- 3-й стрелковый Дроздовский полк (командует ген.-майор Туркул, помощник — ген.-майор Манштейн, адъютант ген. штаба полк. Колтышев); командир 1-го батальона 1-го полка полк. Чесноков, командир 2-го бат. (это остатки 2-го и 3-го полков) подполк. Елецкий²³⁹; кроме

того сформирован офицерский батальон под командой ген.-майора Харжевского; все команды сведены в одну под командой полк. Тихменева; 2-й конный сведен в Дроздовский конный дивизион под командованием полк. Кобарова²⁴⁰ (последний 8-го драгунского Кинбурнского полка и хорошо знал Валериана Петкевича);

— 4-й партизанский Алексеевский (командует ген.-майор Гравицкий), в этот полк вошли Алексеевцы, Самурцы, 13-я и 34-я дивизии и гвардейские части.

Кавалерия сведена в 1-ю конную дивизию (командует ген.-лейтенант Барбович), которая состоит из 4 полков и конно-артиллерийского дивизиона, которым командует ген. Росляков²⁴¹. 1-й бригадой командует ген. Выгран²⁴², а 2-й ген. Шифнер-Маркевич. 1-м полком командует полк. Попов²⁴³, 2-м ген. Иванов, 3-м полк. Глебов²⁴⁴, 4-м полк. Ряснянский²⁴⁵. Начальник штаба 1-й конной дивизии Ген. штаба ген.-майор Крейтер²⁴⁶.

Вся артиллерия сведена в бригаду (генерал-майор Фок²⁴⁷) из 6 дивизионов: 1-го Корниловского, в который влита Керченская крепостная артиллерия (3 батареи, ген.-майор Ерогин²⁴⁸), 2-го Марковского полка, куда влита 2-я позиционная бригада (3 батареи, ген.-майор Машин²⁴⁹), 3-го Дроздовского, 4-го Алексеевского, куда влита вся артиллерия 2-го корпуса (4 батареи, ген.-майор Икишев²⁵⁰). 5-го дивизиона (тяжелого, 3 батареи, ген.-майор Эрдман²⁵¹) и 6-го (бронепоездного, 3 батареи, ген.-майор Баркалов²⁵²). Инспектор артиллерии ген.-лейт Репьев. Начальник штаба корпуса ген.-лейт. Достовалов²⁵³.

Донцы сведены в Донской корпус (командует генерал-лейтенант Абрамов), Кубанцы — в Кубанский корпус (командует генерал Фостиков). Первые размещены в палатках лагеря в Чаталдже, а вторые — в лагере на о. Лемнос. Палатки расположены отдельными группами с небольшими промежутками, по полкам в порядке номеров справа налево, если смотреть на запад. При соответствующих полках разместились и артиллеристы. Комендантом лагеря назначен Ген. штаба генерал Штейфон²⁵⁴.

В разрушенных зданиях города разместились все юнкера, технические части, сведенные в один полк под командой полковника Лукина²⁵⁵, часть Алексеевцев, артшкола, часть бронепоездного дивизиона, запасной кавалерийский полк (полк. Апухтин²⁵⁶), интендантства, штаб корпуса, комендант города Галлиполи ген. Звягин²⁵⁷. Всего в лагерях расположено около 16 000 человек, в городе 11 000 человек. Пехотная дивизия насчитывает до 14 000 человек, а кавалерийская — до 6000. Артиллеристов здесь до 4000.

18.11.1920. Продукты получаем пока через пехоту, что представляет большое неудобство. Чем через большее число дистанций что-либо проходит, тем значительнее оно уменьшается. Продукты доставляются сюда руками самих потребителей из города или с пристани, до которой от нашего Дроздовского лагеря версты две. Хлеба выдают теперь немногим более ½ фунта (маленький хлебец на двоих); идущие в наряд за продуктами люди понемногу им подкармливаются во время обратной дороги,

благодаря чему буханки попадают сюда уже в растерзанном и обломанном виде. Принимают меры к тому, чтобы избавиться от этого положения и начинают строго взыскивать с солдат за это. Русскому человеку, конечно, трудно обойтись без достаточного количества хлеба, и это последнее удручает больше всего. Безусловно, все голодают.

Лавринович продал свой китель и брюки и часть денег дал на нашу маленькую коммуну, в смысле питания. Купили себе рису и дополнительно подкармливаемся кашей. С каждым разом увеличиваем порцию каши, но ее всё равно не хватает: аппетит увеличивается.

Из пехотных полков бегут не только солдаты, но и офицеры: до настоящего момента исчезло до 40 человек, как говорят. Из нашей батареи тоже сбежало 4 солдата. Куда они направляются и на что надеются, сказать трудно. Стремление, как будто, к Кемаль-Паше, который, как говорят, хорошо платит. Из разговоров можно вывести такое заключение: многие недовольны тем, что у нас осталась военная организация, дело наше считают оконченным, воевать больше при существующем порядке вещей не хотят и полагают, что наш генералитет стремится удержать нас, как воинскую часть, в личных своих целях, так как при этой организации он может существовать, ничего не делая. Вообще от очень многих, в особенности пехотных офицеров, слышал, что они собираются оставаться здесь до приезда к нам генерала Врангеля, послушать, что он скажет. Если не будет ничего утешительного, то попросту разойтись. Лично я уходить пока не собираюсь; думаю подождать, посмотреть. Повоевать я, во всяком случае, еще хотел бы безусловно, тогда бы снова почувствовал себя определенным и не лишним человеком.

19.11.1920. Сегодня перешел в барак-палатку, отведенную для нашей батареи. На 159 человек нам отвели две большие палатки. Все офицеры размещаться будут в одной палатке, а солдаты в другой. Таким образом, у нас в палатке будет жить 85 человек. На каждого отведено лежащее место шириною в пол-аршина и длиною в 4 аршина. Устраиваясь на отведенном мне месте, я невольно вспомнил знаменитый вопрос: «Много ли человеку земли нужно». Ответ напрашивался сам собой: каждый получил для себя голый земли меньше, чем ему отводят при погребении. В палатке здорово сыро: земля глинистая и влажная, прилипает к лопате, когда копаешь.

Начали назначать офицеров в наряды для носки продуктов в качестве простых носильщиков. Это, по-моему, вполне правильно, на одних солдат наваливаться нельзя, как это делается в некоторых других частях.

Не понравилось мне сегодня такое обстоятельство: когда мы 17 числа переходили из барakov в лагерь, то оставили там часть хозяйственных вещей батареи, которые сразу, в один прием не смогли перенести. Наряду с этими батарейными вещами некоторые старшие офицеры оставили там свои личные тяжелые вещи. Сегодня послали по наряду туда офицеров и солдат за этими вещами, причем наряженным офицерам пришлось нести вещи других офицеров по наряду (я упираю на это слово, потому что

тут не было помощи по просьбе или чего-либо похожего), причем собственники вещей не только не несли части своих вещей, но и не потрудились даже пройти туда. Лично я не попал в этот наряд, но на месте тех офицеров я отказался бы нести частные вещи, если бы меня раньше не попросили об этом. Те же офицеры возмущались этим случаем и, как они мне рассказывали, в виде протеста они совместно с солдатами решили взять выделявшуюся из узла полк. Гриневича, принадлежащую последнему банку с вареньем (фунтов в 10), оставшуюся у него еще с парохода от его экспедиции в таможно, и сообща съесть ее. Они так и сделали и решили на все вопросы по этому поводу отвечать незнанием. Проходивший мимо поручик Лонгвинов увидел этот импровизированный завтрак и сообщил о нем полк. Гриневичу. Тот, заметив пропажу варенья и опираясь на слова Лонгвинова, поднял историю, причем указал, что кроме варенья у него пропали еще какие-то вещи. Он допросил всех бывших в наряде и просил назначить расследование.

20.11.1920. Начали разбивку линеек в лагере. Работать очень тяжело: лопаты паршивые, глина страшно вязкая, копать невозможно, кроме того, мы еще не отошли от голодовки, и все чувствуют себя крайне слабыми. Хорошо еще, что пока продукты получаем на руки, благодаря этому едим больше и вкуснее, чем получили бы суп из общего котла, хотя количество продуктов на каждого в обоих случаях оставалось бы одинаковым. Получили немного бачков, вилок и ложек от французов, а то у нас практически не было посуды. Все время говорят о том, что мы многое получим, что через день-два мы уже будем получать паек полностью, но пока улучшений нет. Публика возмущается, ругает французов. Не понимаю, чего они ждали от наших покровителей, должно быть, думали, что стоит только переехать границу, как жареные голуби будут сами влетать в рот. Такое впечатление, что большинство совершенно неосновательно ожидало от этого «путешествия поневоле» за границу чего-то хорошего, приятного и во всяком случае комфортабельной и сытой жизни.

Лично я не ожидал ничего хорошего, поэтому существующий порядок вещей меня несколько не возмущает, он вполне естественный: какой интерес представляем мы в данном нашем положении для французов — лишняя обуза, и только. Ошибся я только в своей надежде, что нам может быть удастся побывать в лучших местах, чем это захолустье Галлиполи. Рассчитывал я также на то, что из этого пребывания за границей я извлеку существенную пользу: со многими познакомлюсь и выучу разговорный язык. Пока что и в том, и в другом ошибся: кроме грязного русского транспорта, моря, Константинополя издали, мерзкого Галлиполи, а теперь чистого поля, ручья, гор и ряда палаток, ничего не видел и не вижу. Говорить по-французски тоже не научишься, так как в лагере, кроме русских, никого нет, а в Галлиполи, за 6 верст от нашего места жительства, всего полтора француза. В смысле гигиенических условий я тоже ожидал большего: нигде не удается помыться после двухнедельного сидения

в грязи; спим на земле и так тесно, что трудно повернуться, а, следовательно, от вшей не избавиться.

21.11.1920. Нанесли себе в палатку основательное количество грязи. Чтобы ночью не ходила публика по спальным местам, в середине палатки прорыли проход и начали выкладывать его камнями. Место для сна почти все начали огораживать плетнем из прутьев. Я немного устроил свое спальное место: выровнял землю, в качестве матраца положил слой сухих кленовых листьев.

Во время вечерней переключки (с сегодняшнего дня начались переключки и общая молитва) проезжал генерал Кутепов. Поздоровался, обошел нас и, ничего не сказав, уехал.

По вечерам плохо с освещением, жжем кокосовое масло, которое получаем в качестве жиров для приправы в котел. Перед сном устроили железку. Меняльные лавки в Галлиполи окончательно перестали принимать наши деньги. В нашем представлении эти бумажки тоже утратили всякую ценность, только некоторые старые полковники всё еще бережно относятся к ним, говорят, что еще придет время, когда они будут что-либо стоить. Во время же игры создается некоторая иллюзия денег, так как эти бумажки дают возможность принимать в ней участие. Игра была не особенно оживленная, но затянулась до 3 часов ночи. Я играл с переменным счастьем, но окончил плохо: проиграл всё полностью.

22.11.1920. Вчера притащили из города на руках выданную нам турецкую походную кухню. Говорят, что у французов здесь не было лишних походных кухонь и для того, чтобы снабдить нас ими, они сами покупают их у турецкого интендантства.

Сегодня был обед и ужин из котла. Получилось, в общем, ничего себе, но хуже той пищи, что мы варим сами. Дело такое, что без общего котла слишком много народу занято приготовлением пищи. Из каждой компании должны варить по крайней мере два человека: один раскладывает и варит, а другой собирает так называемые дрова. Сухого здесь поблизости ничего нет, вырубаются все кусты по берегам ручья. Мы в своей компании для варки пользуемся травой и оставшимися на поле после снятия хлеба стеблями, которые собираем руками. Само собой понятно, что такого материала в огонь идет очень много. При таких условиях на приготовление пищи уходит почти весь день, сделать что-либо даже для себя не успеваешь, я уже не говорю о службе. При назначении в наряд фельдфебелю (у нас полковник Шинкевич) приходилось считаться с тем, чтобы в каждой компании оставить для варки «кашевара». Это было большим неудобством, так как некоторые компании состояли из 3 или 2 человек. Поэтому только около $\frac{1}{3}$ людей могло выйти на работу.

В нашем положении ничего не выясняется. Никто ничего не знает и всё ограничивается самыми нелепыми слухами.

Днем снова копали, устраивали свое жилище, а вечером опять железка.

Хочу сказать, что во всех отхожих ровиках появилось очень много наших бывших денежных знаков, ими пользуются как клочетной бумагой, на это идут главным образом пятисотки. По всему полю разбросаны билеты самых различных купюр.

23.11.1920. Вчера получили, наконец, причитающуюся нам кожу, из-за которой была история при выгрузке и много разговоров после выгрузки. Каждому офицеру досталось по одному куску «шеврет» довольно плохого качества и немного желтой кожи на подкладку. Сшить из этого материала ничего нельзя. Пошел в город продавать эту кожу, как это делали абсолютно все. Положение с продажей довольно печальное. На рынок сразу было выброшено очень много самых разных предметов, делали это люди, которые голодали и, следовательно, отдавали всё почти даром. Великолепные вещи можно было приобрести за бесценок. Местные торгаши, должно быть, ничего хорошего не видели в жизни и даже в золоте плохо разбираются. На бриллианты они совсем не обращают внимания, да и кому они здесь нужны. Наоборот, продукты идут нарасхват, и цены после нашего пребывания уже увеличились. Появилось немало русских, которые скупают ценности и отправляют в Константинополь на продажу.

Хочу привести курьезный случай: подпоручик Николаев продал свой портсигар, сделанный из оловянных колпачков от шрапнели, как серебряный и получил две лиры (16 драхм). В мирное время лира стоила около 8 руб. 40 коп., а за время войны упала в 4–5 раз, не больше. Цены на продукты высокие, но нашей публике, привыкшей всё считать десятками тысяч рублей, они на первый взгляд кажутся ничтожными. Если же перевести эти цены на вещи или же на наши деньги, даже по последнему курсу (перед оставлением Крыма), то всё получается дороже, чем в Севастополе. Хлеб стоит 2 драхмы 10 лепт око (2 с половиной фунта — 1 кило), инжир — 2 драхмы око, халва — 8 драхм око. Это самые ходовые продукты, на которые все набрасываются. Новую теплую рубаху можно продать за 2 драхмы, а за холодную смену белья с трудом возьмешь 1 драхму, никто не покупает. Свою кожу я все-таки умудрился продать за 11 драхм.

Газеты сюда пока не попадают, что делается на свете, большинство не знает совсем. Сегодня к нам попала сводка нашего штаба с «последними» новостями от 22 числа: генерал Врангель получил телеграммы от русских политических партий, находящихся в Париже, Лондоне, Риме, Ницце, Константинополе, в которых в различных выражениях выказывается восхищение перед героизмом нашей армии, боровшейся до конца в невероятно трудных условиях. Все партии считают борьбу не законченной, а только временно прервавшейся, предлагают всем русским сплотиться вокруг генерала Врангеля, которого считают главой единственно возможной русской власти, и его героической армии, прийти на помощь которой призывают всех, чтобы облегчить ее настоящее тяжелое положение.

Донцы обращались к Соединенным Штатам с просьбой предоставить им необработанные участки, инвентарь и бесплатную перевозку в Америку с тем, что они обоснуют там колонии. В этом воззвании говорилось, что они «не только воины, но и земледельцы».

Петлюра отошел в Польшу и обезоружен. Генерал Булахович²⁵⁸ продолжает бороться. Отношение французов к нам сочувственное, но в данный момент их внимание отвлечено греческими делами. В Греции возня с возвращением короля Константина. Восстановление Константина будет рассматриваться как утверждение Грецией неприязненных действий по отношению к Антанте и, вероятно, изменит отношение союзников к Греции в неблагоприятную сторону, и предоставит всем трем правительствам полную свободу действий. Между греческими войсками и кемалистами продолжаются бои. В результате одного «упорного боя», по сообщению, кемалисты были разбиты «наголову», причем одни потеряли одного убитым и 12 ранеными и 67 голов рогатого скота.

24.11.1920. С общим котлом дела не особенно налаживаются. Топка в походной кухне мала для дров (она предназначена для угля), а для сырых прутьев, которыми пользуются наши кашевары, совсем не годится. Полдня уходит на то, чтобы довести воду до кипения, поэтому обед сильно запаздывает, а ужин совсем не успевают приготовить. Вместо казенного ужина приходится себе один раз в день самостоятельно подваривать кашу.

По вечерам процветает железка. После ужина садимся в проходе и играем уже на драхмы. Русские деньги идут у нас параллельно с драхмами по расчету $\frac{1}{2}$ драхмы — 50 000 руб. (1000 — 1 лепта). В банк, таким образом, сразу ставится и русская, и иностранная монета. Наиболее ходовая цифра банка — это $\frac{1}{2}$ драхмы и 20–30 тысяч рублей. Карты у нас отвратительные: 1,5 колоды преферансовых карт и мелочь от двух колод, которая очень легко, даже при нашем тусклом освещении, отличается от старых карт. Обычно все ложатся очень рано, кроме играющих, которые засиживаются до 3–4 часов ночи.

Примерно с 9–10 вечера по проходу через нас публика начинает бегать на двор, причем иной раз у нашего импровизированного стола собирается чуть ли не целая очередь из выбегающих и возвращающихся обратно. Хочу сказать, что по каким-то необъяснимым причинам решительно все выбегают ночью не менее двух-трех раз, а есть специалисты вроде подполковника Гудим-Левковича, вернувшегося в батарею из автопулеметного эскадрона, которые за ночь выбегают по 9 раз. Одни объясняют это тем, что мы кроме жидкой пищи ничего не едим, другие — качеством воды, третьи видят причину в консервах, которые содержат много соли, четвертые — в бульонных кубиках, пятые ко всему этому присоединяют еще влияние холода и прочее.

25.11.1920. С утра всей батареей под командой полковника Ягубова ходили в горы за дровами. Ничего хорошего поблизости нет, почти все

кусты уже вырублены. По некоторым местам на берегу ручья еще несколько дней тому назад было трудно ходить, а сегодня уже гладко, все прутики подобраны.

К вечеру пошел дождь. Это самое ужасное, что только можно придумать в данной обстановке. В палатках страшная сырость, грязь, глина растворяется так, что ступить нельзя. Говорят, зима здесь дает о себе знать посредством дождей. Самое холодное время — это вторая половина декабря и весь январь по новому стилю. Аборигены говорят, что в ложине, где мы разместились, иногда даже выпадает снег.

26.11.1920. Дождь моросил весь день. Кашеварам так и не удалось сегодня как следует растопить кухню и довести воду до кипения. Продукты были выданы на руки, пришлось готовить самим. При такой погоде доставлять продукты очень тяжело, почти всё приходится носить из города. Повозки на дороге застревают, поэтому требуется наряд из батареи, чтобы помочь мулам вытащить повозки и донести на себе продукты в наше интендантство. Хлеб обычно запаздывает и получается неравномерно. В Галлиполи необходимое количество хлеба выпечь не могут, там уже начали строить хлебопекарни, а пока что получаем хлеб из Константинополя, из-за чего мы всё время находимся в зависимости от погоды на море.

Палатки наши здорово подмокли и подтекли, в головах образовалась целая каша из мокрой глины. Под вечер подул северный ветер, и дождь прекратился, но зато возникло опасение, что этим ветром может сорвать палатку. И не без основания, так как ночью действительно ветром снесло 4 малых палатки.

Распространились откуда-то слухи о начале революции в Англии.

27.11.1920 (10.12.1920). **Официальным приказом сегодня, наконец, состоялся переход на новый стиль.** Можно сказать, что в настоящий момент этот переход для всех пройдет безболезненно и никаких отношений между сделками особенно не нарушит, чего раньше боялись и что осложняло дело.

Говорят, что французские солдаты ежедневно получают вино и сладости. Поскольку мы, как утверждают, будем получать полный паек, то кто-то пустил слух, что вместо вина мы будем получать по одной драхме в день. Относительно молока и сладостей (варенья и пр.) говорят, что для нас у французского интендантства этих продуктов конечно «не найдется». Публика услышала про одну драхму, обрадовалась и преждевременно начала строить планы в этом направлении и предположении.

Без денег не только скучно, но печально и даже тяжело. На меня это обстоятельство действует значительно менее удручающе, чем на других. Все стали невероятно мелочными: каждая щепочка, соринка, листок папирсной бумаги — всё на учете. И оно понятно — взять не откуда.

Хочу указать еще на способ деления продуктов, выдаваемых на руки. Кто-либо делит продукты на приблизительно равные части (точно раз-

делить ни хлеб, ни консервы, ни масло, ни сахар невозможно). Другой отворачивается и гадает: ткнут пальцем и спрашивают: «Кому?» Этот способ разделения ведет свое начало от солдат со времени германской войны, мы начали практиковать его еще на пароходе. И это надоевшее «кому» раздается во всех офицерских и солдатских палатках и нашего, и других лагерей.

11.12.1920. Сегодня командир дивизиона генерал-майор Ползиков собрал около своей палатки всех офицеров нашего дивизиона и довольно бессодержательно поговорил с нами. Сначала благодарил нас за ревностную бескорыстную службу в течение всей гражданской войны, отметил заслуги дивизиона, неоднократно отмечаемые высшим командным составом, и указал на то, что, по его мнению, мы еще послужим на пользу родине. Затем он прочел приказ Главнокомандующего, по которому от службы освобождались все генералы и штаб-офицеры, не получившие штатных должностей при последнем распределении; все офицеры, получившие высшее военное образование; офицеры и солдаты, имеющие категории и возраст свыше 43 лет, в том случае, если они выразят на это свое желание.

Дальше генерал Ползиков указал, что у каждой хорошей части есть традиции, которые нужно строго соблюдать. По его мнению, мы всё время воевали вместе, страдали вместе, делили радость и горе, а поэтому нам нужно всем вместе оставаться до конца, каким бы этот последний ни был. Удерживать он никого не собирается, а запугивать тем более, но предупреждает, что те, которые уйдут, согласно этому приказу, обратно в Дроздовскую артиллерию приняты не будут. «Этим ненадежным, малодушным и ловчилам — скатертью дорога! Возврата им в Дроздовскую артиллерию не будет. Это мое слово и я заручился уже согласиём в этом отношении командира бригады генерала Фока». Дальше он просил прежних комбатов и комдивов указать всех малодушных, ненадежных и ловчил, чтобы от них можно было бы избавиться. Сбежавших и возвращающихся солдат он разрешил принять и просил не накладывать на них взысканий, они, дескать, уже наказаны за свою неосмотрительность.

Потом сообщил, что питаться мы будем отдельно от пехоты, что уже выбран бригадный интендант, которому присвоили новый термин «бригинт». Работы по лагерю и наряды за продуктами требуют громадного расхода людей, поэтому пока занятий не будет. Нам обещают обмундирование и ботинки, вывезенные еще из Крыма. Бессапожных, то есть в совершенно развалившихся сапогах, в дивизии около 50%. Флот наш признан, и этой ночью полностью прошел в Бизерту (северное побережье Африки) для ремонта. Относительно признания армии пока ничего не известно. По его словам, генерал Фок озабочен довольно интересным предметом: если нас признают и выдадут пушки, то где можно устроить парк? Несколько комично это в данное время. С пристани

в лагерь будет проведена узкоколейка, тогда наряды сократятся и у нас начнутся занятия. На этом он закончил.

Говорил он плохо, с остановками и запинаниями, причем в первой половине речи относительно традиций и приказа о малодушных так сгруппировал свои положения, что сначала никак нельзя было понять, к чему он клонит. Называть же тех офицеров, которые честно воевали и теперь по некоторым соображениям решили уйти, ненадежными и ловчилами — это, по-моему, неправильно. Нужно не упускать из виду, что даже наше ближайшее будущее темно и что вся эта история может закончиться тем, что совершенно неожиданно могут сказать всем, что с этого момента мы предоставлены исключительно сами себе. Генералы, может быть, и пристроятся, а наш брат, который сразу в массе будет выброшен за борт, что он будет делать? Каждый заботится сам о себе, другие о нем не позаботятся.

Из нашей батареи, согласно приказу, уходит подполковник Шапаровский²⁵⁹ (бывшей 4-й батареи), у которого на руках сестра, жена и ребенок.

12.12.1920. Ничего особенного. Началась так называемая обычная, крайне не интересная жизнь. Когда воевали, разве такими представлялись конец военных действий и начало мирной жизни? Тогда хотелось тишины, спокойствия, мирной жизни в нормальной обстановке, без утомительных дневных и особенно ночных походов, без боев, стрельбы, гермидеров. Теперь всё это есть, но нет нормальной жизни и снова хочется, по крайней мере мне, шума, треска, стрельбы и боев, риска жизнью и изнурительных походов, значительно больше, чем такой «спокойной» жизни, какую мы ведем здесь. Некоторые же, судя по их разговорам, предпочитают влачить здесь жалкое существование, чем снова попасть в боевую обстановку, невзирая ни на что, они довольны, что война окончилась.

Играл сегодня опять до ночи на драхмы и снова очень неудачно.

13.12.1920. Жить, в общем, здорово паршиво. Самое скверное, что у нас негде посидеть, все постели размещаются на земле в ряд, всё время ходишь ногами по своим вещам. Нет дощечки, чтобы сделать полочку или столик. Сегодня чернокожие привезли палатки и, ничего не говоря, свалили их около нас и уехали. Мы использовали этот случай и мигом растащили ящик, в котором привезены были окна. Нам с Адамовичем удалось стащить четыре дощечки. Настало время, когда каждой ерунде, на которую в свое время не обращал внимания, радуешься как ребенку. Некоторые где-то в другом месте словчили окна и из рам устаивают полочки.

Сегодня в наш лагерь приезжал епископ Вениамин, около 15 часов он был в нашей дивизии. После службы он начал говорить о том, что каждая молитва, каждая служба начинается со слов «Слава Тебе, Господи». И сегодня служба началась с этих слов, это может показаться странным, тем более что наше положение и ниспосланные Богом страдания таковы, что, казалось бы, нам не за что славословить Бога. Дальше он привел

примеры из Священной истории и указал на жизнь и страдания великих святых людей, у которых было немощное тело и здоровый дух. Предлагал нам не роптать, не падать духом, а приободриться и подтянуться. Если мы будем сильны духом и внешне производят хорошее впечатление, то французы будут считаться с нами и скорее состоится признание нас как армии. Указал на то, что Донцы в Чатаалдже отказывались переводиться в другое место по приказанию французов; тогда последние хотели силою заставить их, но Донцы силою имеющегося у них оружия решили воспрепятствовать этому, и французам пришлось считаться с этим: лагерь Донцов остался в Чатаалдже.

Относительно генерала Врангеля епископ Вениамин говорил, что Главнокомандующий собирается приехать сюда, когда выяснит, по возможности, все вопросы, и это будет через несколько дней. В настоящий момент генерал Врангель занят вопросом о признании нас как армии. На вопрос еп. Вениамина «Как Вы Ваше превосходительство себя чувствуете?» Врангель ответил: «Я спокоен». Дальше еп. Вениамин говорил о тяжелом материальном положении русских в Константинополе, они не могут найти себе никакой работы; говорил, что тут, в лагере, наше положение лучше, потому что мы находимся на положении людей и чувствуем себя здесь людьми. Предлагал не расходиться и терпеливо переждать, история обесмертит ваши имена. Кончил он балаганом и начал в смешном духе говорить относительно лир и пиастров.

Несмотря на то что Вениамина я видел только в облачении и во время службы, на меня он не произвел серьезного впечатления, а его последние шутки сегодня как-то совсем не приличествуют его священному сану.

Упорно держатся и повторяются слухи о революции в Англии. К вечеру заговорили о том, что нас армией не признали, что всякие разговоры о лирах и жалованье отпадают. Передавали откуда-то, что советское правительство запросило французскую палату о том, «долго ли будут продолжаться галлиполийские пикники».

14.12.1920. Через полковника Егорова, брата наших Егоровых, заведующего всем оборудованием построек в Галлиполи, нашей батарее неофициально из разрозненных палаток удалось достать полный комплект на одну большую палатку и несколько полотнищ. Сегодня все ходили в город и принесли всё это. За это время в городе сильно разрослась торговля: появилось много новых лавок, масса уличных торговцев; халву и инжир теперь продают везде — в кузницах, в сапожных мастерских и пр., везде появились столики с инжиром. Наш приезд сильно отразился на жизни этого захолустного местечка, до этого момента тут мирно коротали жизнь каких-нибудь 5000 человек, а нас сразу навалилось сюда 27 000. При выгрузке был объявлен приказ Кутепова, что за продажу оружия, казенных вещей и обмундирования виновные будут подвергаться военно-полевому суду, но это мало смущает всех. На толчке полно военных, и все продают всё, что только можно продать. Цены на всё невероятно низкие. Если

бы было хоть немного денег, то за сущую ерунду можно было бы великолепно одеться и приобрести много роскошных вещей. Но этих-то денег у большинства нет. Некоторые их имеют и занимаются перепродажей.

Начали появляться русские кафе и рестораны. Командир бывшей 8-й батареи полковник Абамеликов²⁶⁰ в компании с другими офицерами открыл ресторан «Яр» с крепкими напитками. Торгуют там прилично. Вся трагедия русского человека заключается в том, что, раздобыв несчастную драхму от продажи последней вещи, он с горя решает напиться.

Офицеры комендантского управления нашли себе более легкую наживу. Они появляются на толчке, вылавливают публику, продающую запретные вещи (собственные бинокли тоже нельзя продавать) и отправляют ее в комендантское управление. Там эти вещи отнимаются и владельцу не возвращаются. Вечером к ним заходит грек или турок и оптом покупает всё то, что «нельзя было ни продавать, ни покупать». Один из комендантских так увлекся этими делами, что продал 65 одеял, но с ним стряслась беда: эти одеяла не были отняты у продающих, а были только выгружены и предназначены для раздачи в лагерях, и он попался. Много подлости и гнусности было раньше, но и тут подлость на каждом шагу.

15.12.1920. Сегодня поставили новую третью палатку. Туда переходит комбат полковник Шеин, хозяйственная часть, канцелярия, женатые офицеры, или как их у нас называют «женатики» со своими женами (у нас таких трое), сестра Колюбакина и еще несколько офицеров. Все они занимают немногим больше $\frac{1}{2}$ палатки, разделенной полотнищем поперек. В оставшуюся часть переходят некоторые солдаты из солдатской палатки. Благодаря этому мы получили возможность разместиться по-свободнее: на каждого пришлось место в $\frac{3}{4}$ аршина шириною и в те же 4 аршина длиною. Пришлось заново устраивать свои постели и переставлять плетни, отделявшие нас друг от друга.

16.12.1920. По лагерю продолжают всё время нескончаемые работы: разбивают линейки, носят песок, камни, прутья, деревья, можжевельник и пр. С одной стороны, делать нечего, а с другой — всё время занят: то в наряде, то на работе, то мастеришь что-либо около своей постели. Не соберешься даже постирать себе белье.

Сегодня почувствовал себя неважно, поднялась температура, заболело горло. Весь день пролежал в палатке на своей постели.

К вечеру кто-то пустил слух относительно переворота в Германии и воцарении там императора Вильгельма. У нас это новое положение вещей начали довольно живо обсуждать. Интересно, что все слухи у нас распространяются вечером, придет кто-либо из города, услышит там что-то «новое» и передает нам здесь.

17.12.1920. Украшали палатки снаружи зеленью, ходили в горы за вечнозеленым кустарником и можжевельником и потом устраивали древонасаждение вокруг палаток по борту линейек. Я сегодня целый день пролежал в постели, с горлом стало хуже. Сегодня почему-то из Кон-

стантинополя не успели подвезти хлеб, и мы остались без него. Пришлось ужинать без кусочка хлеба, и утренний чай предстоит совсем уж невеселый.

18.12.1920. Сегодня из-за отсутствия хлеба отставили обязательные работы по устройству и украшению лагеря. С продуктами вообще не понять, что делается, до сего времени нет еще какой-либо определенной раскладки. Сегодня дают одно, завтра другое, сначала давали крупу и рис для супа, потом стали давать муку, говорят, что скоро будем получать бобы. Хлеб то хорошей выпечки и из хорошей муки, то никуда не годится. Наши интенданты известны своими «умелыми приемами» задачи, но французы, говорят, еще искуснее — это настоящие жулики: тащат всё, вес мешков с продуктами всегда фунтов на 10 меньше того, что они указывают. Теперь мы страдаем вдвойне: и от французских жуликов, и от наших негодяев. Пока на сутки нам выдается то, что французский солдат на фронте получал на обед. Вечером чувствовал себя несколько лучше и принял участие в игре. Одно время был в выигрыше, а кончил проигрышем.

19.12.1920. Вчера генерал Врангель прибыл в Галлиполи и смотрел части, расположенные в городе. Для его встречи кроме наших частей были выстроены французы и сенегальцы. Во время смотра он произвел в офицеры юнкеров старшего курса Константиновского пехотного училища.

Сегодня Главнокомандующий посетил наш лагерь. Сначала он был в кавалерийском лагере, потом у Корниловцев и Марковцев, а затем уже у нас. На площадке около знамени выстроились стрелки, артиллеристы и кавалеристы нашей дивизии, все были без оружия. Генерал Врангель прибыл в сопровождении адмирала французской службы Лебона. Сегодня я впервые видел генерала Врангеля в Корниловской форме (в шинели мирного времени), раньше он всё время ходил в казачьей черкеске. Как и раньше, он произвел на меня большое впечатление, его манера здороваться и говорить действует на меня как-то особенно. Есть какая-то нотка в его голосе, которая заставляет меня дрожать.

«Здравствуйте, Орлы-Дроздовцы», — начал Главнокомандующий и быстрым шагом обошел ряды. Старичок адмирал с трудом поспевал за ним. Затем генерал Врангель сказал, что сегодня впервые после оставления родной земли ему удалось увидеться и поговорить с нами. Не приехал он до сего времени потому, что хотел выяснить все наиболее важные вопросы относительно нашего дальнейшего положения. Уже по пути сюда, на пароходе, французское командование уведомило его по радио, что мы остаемся как армия. — «Во главе армии по-прежнему буду стоять я, и буду являться вашим ходатаем перед французским командованием о ваших нуждах. Я приму все меры и потребую, чтобы наше положение было улучшено. Мы имеем право не просить, а требовать, потому что то дело, которое мы делали, было общее дело и имело мировое значение. Мы

истекали кровью в борьбе с врагом, вдсятеро и больше превосходящим нас по численности, при гробовом молчании всего мира. Мы выполнили свой долг до конца, но не мы виноваты в исходе этой борьбы. Виновен весь мир, который смотрел на нас и не помог нам». Это приблизительно всё, что сказал Главнокомандующий. Ожидали разъяснения многих вопросов, поэтому от его речи осталась неудовлетворенность: слишком много надежд возлагалось на этот приезд. Положение по-прежнему осталось неопределенным.

После смотра Главнокомандующий отдельно говорил в палатке с лицами командного состава: нас и признали и не признали. Сначала нас совсем не признали как армию и решили считать беженцами. Но Фош и военный министр выступили против такого решения и потребовали пересмотра вопроса. Вопрос был пересмотрен, и командование решило считать нас армией. Левая же партия с этим не согласилась, и для палаты мы остались только беженцами. В общем, деньги мы получать будем, и не в виде случайной подачи от французов, а как определенное содержание. Французское правительство выдает ассигновку под обеспечение оставшегося в России недвижимого имущества всех русских, бежавших из России во время революции и находящихся в данное время на территории Франции. Паек Главнокомандующий нашел неудовлетворительным и несоответствующим потребностям русского человека. В будущем паек нам будет увеличен. Средства на это, так же как и на содержание, дают русские. Тех, кто не желает дольше оставаться в рядах армии, Главнокомандующий задерживать не собирается, с этой целью на днях будет опубликован приказ о комиссиях и освобождении от службы.

Все русские партии, находящиеся под главенством комитета, председателем которого является князь Долгоруков²⁶¹, подчинились генералу Врангелю. По мнению генерала Врангеля, наша армия нужна Франции. С французами довольно трудно разговаривать. Несколько раз, когда генералу Врангелю отказывали в удовлетворении самых необходимых требований, он ультимативно заявлял, что в таком случае он слагает с себя обязанности Главнокомандующего, тогда французы довольно быстро уступали его требованиям. Даже только в целях одного порядка французам выгодно, если у нас будет военная организация. В бумагах генерала Врангеля по-прежнему называют Главнокомандующим. Высказался генерал Врангель в том смысле, что пока он у власти, всё будет относительно хорошо. Живет он на яхте «Лукулл» в Константинополе (крейсер «Генерал Корнилов», на котором он проживал раньше, ушел в Бизерту). В городе он появляется редко, и там его основательно, помимо его воли, охраняют чернокожие. Когда он раз зашел к одному общественному деятелю, то впервые заметил, что всё это место было оцеплено неграми. На его вопрос: «Что это значит?» ему ответили, что его охраняют для того, чтобы не случилось чего-либо подобного, что произошло с генералом

Романовским в апреле 1920 г. Последний, как известно, после оставления с генералом Деникиным России, был убит в Константинополе.

В Англии усиливается большевистское течение.

Из Крыма было вывезено на транспортах «Рион» и «Бештау» достаточно обмундирования, белья, кожи и пр. Всё это в непродолжительном времени будут раздавать, причем каждому лагерю выдадут значительно больше, чем в лагеря на Лемносе и Чаталдже. Вот приблизительно всё, чем поделился Главнокомандующий с командным составом.

20.12.1920. Сегодня на обед должны были быть бобы. Их варили-варили и никак не могли разварить, так мы и остались без обеда. Несколько дней тому назад решено было в общем котле варить только бульонные кубики, картофель, крупу, овощи и прочее, что выдается вместо последних трех продуктов; если выдается мука, то в котле варить галушки. Всё же остальное выдается на руки. Таким образом, мы получаем два раза в день горячую воду с приправой из котла, а консервы, кокосовое масло, чай, хлеб, сахар — на руки. Так получается лучше; самое существенное — кокосовое масло и консервы — получают все по столько, сколько отпускают на каждого, а не по несколько волокон, как это было и котла. Такой порядок останется на всё будущее время и принят не только у нас, но и почти во всех других частях и лагерях. Каждый распоряжается этими продуктами по-своему. Лично я ем консервы вместе с водицей супа.

За эти дни, которые я провел в постели, работы по украшению лагеря заметно продвинулись. Вдоль линеек везде появились ветки, деревца и кусты, около многих палаток появились искусственные клумбы, перед пехотными палатками из разноцветных камней выложены наши национальные шевроны, номера рот и батальонов. Около знамен из камней заканчивают выкладывать громадного орла, окаймляют грядки дерном, выкладывают даты: «Яссы 19–26/2.18»)» и «Дон 19–25/4.19»). Там, в особенности в выкладке орла, видна тщательная, искусная и довольно тонкая работа. Внешне лагерь начинает принимать более интересный вид. Работы и труда на это положено много. Жаль только, что эти вечнозеленые кусты, елочки, сосенки и можжевельник, которыми пользуются для украшения, довольно быстро вянут и осыпаются.

Почти с момента высадки некоторые офицеры начали заниматься французским языком. Я тоже иногда брал книжку и переводил. У нас в батарее капитан Раевский²⁶² и вольноопределяющийся Шилов довольно прилично знают язык, с их помощью некоторые начали заниматься. Шилов занимался с офицерами за плату поурочно, а у Раевского можно было мимоходом получить справку. Генерал Георгиевич²⁶³ взял на себя заведывание обучением иностранным языкам, вызывал к себе знающих языки, побеседовал с ними относительно занятий, назначил их руководителями, освободил от всех нарядов и обещал содействовать в смысле книг. У нас руководителями будут Шилов и Раевский, они будут вести официальные занятия. Сегодня делопроизводитель батарее записывал

желающих заниматься; оказалось, что хотят все офицеры и почти все солдаты. Начали разбивать на группы.

21.12.1920. Снова на обед выданы были бобы, и снова их не разварили, и снова не было обеда. Варили бобы целый день, но они не дошли даже к ужину, так полусырыми и ели.

Сегодня приезжал и беседовал с нами князь Долгоруков, представитель Земского союза, Союза городов и Красного Креста. Говорил он в одной из пехотных палаток. Народу набралось туда много, но я все-таки сумел туда протискаться. Долгоруков — высокий и довольно симпатичный по наружному виду старик. Одет он был в потрепанное пальто и костюм. Особым красноречием он не обладал, но говорил искренне, просто и с некоторым подъемом.

Сначала он начал выяснять наши нужды, которые у всех частей были совершенно одинаковы. Ведь у каждого из нас ничего, кроме вшей, не было. Просили его помочь в смысле обмундирования, обуви, белья, увеличить паек, устроить вошебойки, бани, снабдить нас мылом. Указывали на полное отсутствие освещения в лагерях, просили присылать газеты, книги для чтения и специальные, почаще навещать нас. Всё это и многое другое он записал и обещал принять в этом направлении все зависящие от него меры.

Затем он начал говорить с нами, убеждал нас не расходиться и удерживать от этого более слабых. При этом указал, что всем тем русским партиям, которые находятся в данный момент за границей, грош цена, если не сохранится армия. Приводил пример из истории борьбы Гарибальди, который своим единомышленникам мог предложить только новые раны, холод, голод и мучения. Все были сильны духом, остались с ним, и эти 1000 человек, которых ничто не пугало, послужили здоровым ядром, при помощи которого Гарибальди удалось освободить Италию. Затем он говорил о невероятно трудном экономическом положении Франции, что она сама еле перебивается. Правительство не может самостоятельно отпустить кредит: он должен пройти через палату, которая не признает нас армией. Из этого положения вышли таким образом: правительство выдает ассигновку под обеспечение ее состоянием русских, живущих во Франции. Многие богатые русские фирмы обеспечивают ее недвижимостью имуществом, заводами, фабриками и ископаемыми недрами, принадлежащими им в России. Пакет тоже будет увеличен за счет русских. Французы и рады были бы идти навстречу нашей армии, но фактически ничем больше не могут помочь. В Англии усиливаются левые течения.

Говоря о генерале Врангеле, князь Долгоруков называл его человеком необыкновенной воли и государственного разума. Затем он начал отвечать на вопросы относительно международной политики. Германия слаба, разоружена, продолжает разоружаться, она совершенно задавлена Антантой и ничего не может сделать. Все слухи об оставлении союзниками Константинополя и Дарданелл не соответствуют действитель-

ности: у союзников нет даже этой мысли. Совдепия сейчас ни с кем не воюет. Армия генерала Булаховича разбита и ликвидирована красными. Грузия находится накануне полного захвата ее большевиками, она находится между двух огней: с одной стороны Совдепия, с другой кемалисты. В Армении был местный переворот под предводительством Дро, после чего туда подошла советская дивизия. Все мелкие окраинные государства тоже находятся в подобной опасности. В Сибири большевики — полные хозяева. Армия Семенова отошла на Маньчжурскую территорию. С кемалистами начинают считаться, с согласия Англии к Кемаль-Паше от турецкого правительства посланы 4 делегата для переговоров.

Под конец Долгоруков обещал вскоре снова появиться в Галлиполи и ушел в Алексеевский лагерь. Впечатление у меня осталось хорошее, как-то бодрее стало.

Во время вечерней переключки был объявлен приказ о комиссиях переосвидетельствования и о переводе получивших категорию в разряд беженцев. При этом командир батареи полковник Шеин заявил, что комиссия будет очень слабая и чуть ли не все записавшиеся будут освобождены независимо от состояния здоровья. Имея это в виду, на комиссию начали записываться и абсолютно здоровые. Лично я пока не помышляю об освобождении.

Вечером снова состоялась игра. Куплены были новые карты, и, естественно, пришлось их обновить. Это удовольствие обошлось мне достаточно дорого. Придется теперь продавать свой бинокль.

22.12.1920. Денег ни у меня, ни у Адамовича нет, хорошо, что остались купленные ранее продукты. Сегодня обеда опять не было, всё из-за тех же бобов. Комбат полковник Шеин прямо возмущает своим безразличием. От него ничего не добьешься, ничего не поймешь, он ни разу ни на один вопрос не дал определенного ответа. Такой размазни, должно быть, больше нигде не найдешь.

Из кухни вынут был котел: на берегу ручья была поставлена специально для кухни палатка, там вкопаны были три котла: один для пищи и два других для кипятка, сделаны печки и т.д. Одним словом, полковник Ягубов серьезно взялся за это дело в пределах возможности: хорошо, аккуратно, чисто; приведен был в порядок и расчищен спуск к ручью и пр.

23.12.1920. Начали распространяться слухи о том, что к Рождеству мы получим небольшое пособие, сумма которого, по различным источникам, была разной. От этого сообщения все воспрянули духом. Кухня уже варит исправно: обед и ужин не опоздали.

24.12.1920. Мы с Адамовичем вошли в компанию капитана Сулимы и поручика Скрипникова²⁶⁴, чтобы устроить для совместной жизни общее «купе». С утра начали земляные работы, в центре того места, которое полагалось на нас четверых, вырыли четырехугольное углубление в 6 вершков глубиной, 1 $\frac{1}{4}$ аршина шириной и 2 $\frac{1}{2}$ аршина длиной. В одном из углов прорыли проход в «коридор» палатки, расположили наши посты-

ли по четырем сторонам углубления, обнесли всё это плетнем, обсадили деревьями и в центре неподвижно установили столик на довольно жидких и шатких ножках. Почти весь день до вечера ушел на эту, с первого взгляда весьма небольшую работу.

Сегодня Сочельник. У нас почему-то пока все праздники решили считать по старому стилю. Я предложил нашей компании отметить этот день и с этой целью раздобыл в долг немного денег, на которые были куплены консервированное сгущенное молоко, половина ока инжира и немного халвы. Всё это было съедено во время вечернего чая.

Теперь хорошо то, что можно сидеть на постели и опускать вниз ноги. Поговорили немного и решили сыграть в преферанс. Настроения особенно не было: мои сожители — совершенно чуждые мне люди по характерам, взглядам, интересам, стремлениям. Вспомнил прежние Сочельники и года, и стало как-то грустно.

25.12.1920. На комиссию, как видно, записалось много совершенно здоровых людей из нашего дивизиона. Командир дивизиона отдал приказ, в котором говорил, что до его сведения дошло, что на комиссию записываются лица, не имеющие на это никакого основания, и предупреждал, что такие люди освобождены не будут. Это было полной противоположностью того, что говорил полковник Шеин 21 числа.

Вечером, после поверки, генерал Ползиков собрал дивизион и своей речью хотел поднять настроение, говорил, что многие напрасно пали духом и пр.

26.12.1920. Ходил в город. Хотел продать свой бинокль, но не удалось. Максимум давали 35 драм. Вещей на толчке самых разнообразных сколько угодно. Уже появились дамы, продающие или свои вещи на толчке, или себя на улице. Положение русской женщины в изгнании, пожалуй, похуже, чем русского офицера. Бедственное положение их усугубляется тем, что они падают на дно той пропасти, из которой нет возврата. И таких много.

В пехоте для записи на комиссию стояли целые очереди, записывалось много офицеров. Проходя мимо такой очереди, генерал Манштейн сказал: «Я вам покажу, засранцы, комиссию!» Чувствуется какая-то неуверенность и растерянность у начальства: сначала хотели отпустить всех, не желающих оставаться в рядах армии, теперь, когда стало ясно, что таких набирается много, начинают ограничивать это число и изменяют приказы.

Начались занятия по французскому языку. Все занимающиеся были разбиты на 8 групп. Я попал в самую сильную по знаниям группу, буду заниматься у Шилова. Раевский уже начал занятия, а Шилов что-то затягивает. Книг нет. Ученики Раевского начали проходить части человеческого тела.

Большинство наших офицеров страдает от полного отсутствия каких-либо книг для чтения. Лично я не ощущаю этого кризиса: мы с ба-

роном читаем и разбираем книгу Густава Лебона «Эволюция материи», догоняю записи в своих заметках, в которых я здорово отстал. Занимаюсь также немного математикой с другими, безо всякого руководства. Не могу простить себе, что перед самой погрузкой в Севастополе у меня пропал пакет с книгой Сёрре «Дифференциальное и интегральное исчисление», а также целая серия газетных вырезок. Если бы поискал основательнее, мог бы их найти, но тогда было другое настроение, чувствовал себя крайне усталым, не знал, удастся ли сесть на пароход, поэтому о пропаже в тот момент жалеть не приходилось.

27.12.1920. Утром был морозец. Это сразу все почувствовали пока спали: замерзли ноги, пришлось проснуться. Зато день был абсолютно безоблачным, ясным и солнечным. Все прямо ожили и приободрились, стали веселее и разговорчивее.

Я сегодня ходил во 2-ю батарею 6-го дивизиона к вольноопределяющему младшему фейерверкеру, Харьковскому математику, приват-доценту Даватцу²⁶⁵. Узнал о нем совершенно случайно, познакомился и договорился, что он с сегодняшнего дня у нас в батарее начнет читать лекции по высшей математике. В 5 с половиной вечера в нашем «купе» состоялась первая лекция: понятие о числе, начало теории ансамблей, ансамбль чисел рациональных, ансамбль иррациональных. Слушать его собралось много наших офицеров. «Купе» было переполнено, кругом со всех сторон стояли и сидели на перегородках и постелях нашей кабинки, так что всё трещало. Владимир Христианович читал с увлечением, часа два, и окончив, сказал, что сам получил громадное удовольствие, так как это была первая лекция, которую он прочел за полтора года военной службы. Вследствие того, что теория ансамблей большинству показалась слишком отвлекенной, его попросили со следующего раза начать чтение курса дифференциалов.

28.12.1920. Из консервной банки смастерили себе коптилку, таким образом, обзавелись собственным керосиновым освещением. Сегодня весь день прожили на казенном пайке, деньги выдыхаются, так как продавать уже почти нечего и надо привыкать к питанию пайком, без всяких дополнительных каш и пр. Мы обыкновенно прикупали рис, но он дорог для нас — 3—3,5 драхмы око. Большинство покупает кукурузную муку, которую почему-то все наши называют «мамалыгой» и которая обходится полторы драхмы око.

С помощью поручика Широкова, который занялся тем, что берет-ся продавать вещи, оставляя себе кое-какую комиссию, продал свой бинокль за 40 драхм, из которых Широков дал мне 36. Расплатился со всеми долгами, купил табаку, бумажки, немного халвы и традиционного инжира. После этого у меня осталось три драхмы, на долг ушло 27 драхм.

29.12.1920. Снова заболело горло. Эта история собирается принять хронический характер, и нет лекарств, чтобы предотвратить ее.

Вечером была вторая лекция Даватца. Народу было много, но уже значительно меньше, чем в прошлый раз. Как это характерно для русско-го человека. На меня эти лекции производят очень хорошее впечатление. На них как-то забываешь о настоящем положении вещей, встряхиваешься и обновляешься душой. С каким удовольствием я сейчас целиком погрузился бы в серьезные занятия, но обстановка не позволяет полностью отдаться этому делу. Под руками нет ни одного руководства, нет бумаги, места и даже времени: то идешь за продуктами, то за дровами, то дежурство, то какая-либо работа по лагерю, то для себя нужно что-либо сделать. Заниматься удается только урывками, но это не то. В нашей группе всё еще не начались занятия по французскому языку. Как и нужно было думать, в группах Раевского продолжает заниматься менее половины записавшихся у него.

30.12.1920. Сегодня была комиссия по освидетельствованию здоровья. Из нашего дивизиона категорию и перечисление в разряд беженцев получили 65 человек. Из нашей полубатареи (бывшей 3-й батарее) уходят: капитан Сулима, шт.-капитан Люш, Татарников и Лепарский. Осматривали вообще не особенно строго, но освободили далеко не всех, пошедших на комиссию.

Всё еще непонятно, сколько мы должны получать тех или других продуктов. Всё время меняют количество выдаваемых продуктов, получаем какие-то добавки одними продуктами за недоданные другие. Интендантская «лавочка» при этом конечно работает весьма здорово. В городе, как говорят, наша голодающая публика всё время занимается кражами, меняльную лавку периодически обворовывают. Туда выставляют караул, и даже офицерский, но и это не помогает. В Константинополе наша братия, как говорят, занимается более крупными делами в этом направлении. В декабре было совершено ограбление турецкого банка на 30 000 лир, причем в этом деле принимали участие, как передают, один генерал и пять офицеров, но «дело» им не совсем удалось: их всех захлопали вместе с генералом, только двоим удалось бежать, но и те без денег. Там в окрестностях бывают вооруженные нападения на поезда и пр.

Сегодня произошел довольно «интересный случай». Утром вошел в нашу палатку дежурный по дивизиону подполк. Сквориков²⁶⁶ 1-й сводной батарее; прошло уже около получаса после трубы, но у нас все еще лежали. Он вызвал дежурного по батарее шт.-кап. Люша и спросил, почему до сего момента не было произведено подъема. Подполковники барон Майдель и Гудим-Левкович, поддетые, должно быть, таким рвением дежурного по дивизиону, из-под одеяла ответили, что «подъем уже произведен, а все лежат потому, что это наше частное дело». Сквориков справился об их фамилиях и довольно смущенный ушел из нашей палатки. По поводу этого случая подполк. Сквориков подал рапорт командиру дивизиону и искажил факты; последний, не произведя разбора этого дела,

наложил на наших полковников дисциплинарное взыскание в размере 4 нарядов вне очереди. Довольно оригинально для штаб-офицеров.

31.12.1920. Некоторое время тому назад заболел генерал Кутепов. Почему-то начали говорить, что у него «министерская» болезнь, хотя, насколько я знаю, заболел он вполне серьезно. Временно командует корпусом генерал Витковский. Распространились слухи о том, что французы предложили генералу Витковскому сдать всё оружие, имеющееся у армии, на что последний якобы ответил отказом. Начали говорить о том, что никакого содержания мы получать не будем, так как экономическое положение Франции настолько тяжело, что нам в этом смысле она ничем не может помочь. Слухов по-прежнему много, а определенного ничего.

Новый год у нас решили встречать по старому стилю. Мы в своей компании этот вечер решили отметить преферансом и заигрались довольно поздно.

На той стороне пролива, может быть, шел здоровый бой, потому что, начиная примерно с 22 часов, отчетливо слышна была канонада не дальше 20—30 верст. Предположить, что это взрывы, было трудно. В палатке генерала Ползикова сегодня встречали Новый год, там шло пьянство, шум, крики и пр. Около 23 часов передано было приказание потушить огни в наших палатках. Мы встретили это приказание смехом и, конечно, его не исполнили. От кого оно исходило и почему — неизвестно.

Хочу между прочим указать на такой случай, каковых немало встретишь на военной службе. Больше месяца тому назад с наружной стороны палатки комдива кто-то стянул две веревочки, после чего на ночь ежедневно к веревочкам палатки комдива выставляется дневальный, и нет надежды, что этот порядок когда-либо отменят. Правда, эти веревочки для палатки — вещь весьма важная, так как при помощи их она натягивается, но из-за одного случая коптить целую вечность публику лишними нарядами, которых и без того масса, — это самодурство.

1921

ГОД

Вид русского лагеря в Галлиполи

Памятник в Галлиполи

Генерал Кутепов на параде в Галлиполийском лагере

Галлиполийский лагерь

01.01.1921. Суббота. Погода была приличная, и я решил заняться стиркой белья. В этой области я уж совсем не специалист, и ничего приличного из стирки у меня не получилось. Всё это я проделывал в холодной воде и, конечно, не вымыл белья, а распределил грязь только более равномерно, после чего, прокипятив всё, прополоскал. Белье у меня вышло желто-темно-серого цвета и вдобавок еще с темными местами. Сушить его приходилось или на ветру или на деревьях перегородки купе.

Публика что-то начала заболевать. У нас в купе заболел поручик Скрипников; определенно выяснилось, что у него возвратный тиф. Пока медицинская помощь больным не наладилась как следует, и они находятся в препаршивых условиях. В городе и лагерях заболевают в среднем до 40 человек, причем ежедневно количество смертей колеблется от 2 до 3. Вообще в смысле гигиенических условий жизнь достаточно безотрадная; вшей приходится выискивать и вылавливать ежедневно и только благодаря этому удается урегулировать их количество. Но к этому явлению прибавилось другое несчастье: начали заводиться головные вши. Это заставило меня, несмотря на довольно холодное время, побрить голову и сбрить бороду, которая отрастала в течение 2 с половиной месяцев. У очень многих появились на руках и шее чирьи, фурункулы и нарывы.

02.01.1921. Всё еще продолжают пичкать нас бобами. Эти бобы какого-то сорта, относящегося к лошадиному корму. Их варят невероятно долго, режут на части перед тем, как бросить в котел, но они не развариваются, но зато получается какой-то противный запах. Обыкновенно их не ешь, а выбрасываешь из супа, несмотря на то что они являются единственной существенной частью этой жижицы. Поручик Скрипников чувствует себя совсем скверно. Всё время бредит, а ночью даже выбегал из палатки в бреду. Сегодня удалось отправить его в лазаретную палатку и положить там на подстилке на земле. Не только постелей, но даже приличных мест для лежания там не оборудовано. Подстилки из травы меняются только после смерти.

03.01.1921. Начали говорить о том, что наше положение скоро улучшится, что генерал Врангель начал совсем уже другим тоном разговаривать с французами, что якобы у нашей армии есть связь с кемалистами и прочее, чему верить довольно трудно. По газетам выходит, что мы являемся тяжелым бременем для французов, причем там указывалось, что Франция в состоянии прокормить нас только до 1 февраля и что после этого времени заботу о нас примут американский Красный Крест и другие организации, что Врангель эвакуацию произвел по своему личному почину, не дожидаясь на это согласия союзников, и что вследствие того, что армия находится на территории нейтрального по отношению к Союдапейи государства, она должна быть дислоцирована. Что понималось под

последним словом, никто из нас не понял. Вообще всё темно, и ничего, даже близкого будущего, предугадать невозможно.

Была сегодня в моем купе 4-я лекция по математике Даватца, и слушателей было только 7 человек. Группы по французскому языку у Шиловой так и не начинали занятий; кроме того, он получил освобождение и не сегодня-завтра уедет. Поэтому его «ученики» перешли к Раевскому. Из всех желающих обучаться образовано было 2 группы. Всего к этому времени осталось не больше 20 человек желающих. Раевский почему-то решил за каждый урок брать по одной драхме с группы. Номер, по-моему, не совсем красивый, так как преподавание для него является служебной обязанностью, ведь он в силу этого освобождается от всех нарядов. Лично я сказал ему, что причитающихся с меня денег я платить не буду, так как я с ним занимаюсь по математике и что, таким образом, он мне оказывает услугу за услугу.

04.01.1921. Дежурил по батарее. Пришлось не спать всю ночь. Вместо муки получили какой-то мусор с землей, стеклом, гвоздями и прочим сором. Всё-таки из этой дряни мы сделали галушки на ужин, но есть их было невозможно, так как они скрипели на зубах и из них извлекали стекла.

05.01.1921. Всё это время держалась хорошая погода, начало было походить на весну. Во многих местах зазеленела даже трава, но сегодня всё круто изменилось: стало холодно, и пошли дожди. В палатках, где всё время было неизмеримо сыро, стало почти мокро. Некоторые офицеры сильно страдают от ревматизма. Полковник Слесаревский лежит всё время, и ему сестра делает ежедневные растирания. Поручик Мардиросевич и подпоручик Дикий²⁶⁷ тоже слегли от ревматизма. Жизнь здесь в этом отношении ни для кого не пройдет бесследно. Все обречены на болезни.

06.01.1921. Сегодня уехали категористы. От них потребовали вернуть одеяла, которые здесь выдавались. Как это мелко. Вообще по-скотски распрощались с теми, которые воевали за одно и то же дело с нами. Ничего им не было дано даже на дорогу, а они ехали в полную неизвестность абсолютно без всяких средств. Даже хлеба на сегодня они от части не получили, а между тем им целый день пришлось до вечера ждать в Галлиполи погрузки, и там их не кормили, сказав, что об этом должны были позаботиться части. Штабс-капитан Татарников, который пробыл в батарее с момента ее зарождения, при прощании расстроился и даже прослезился; я этого никак не ожидал, так как считал его сухим человеком. Из дивизии ушло по категории 65 человек, а из корпуса более 1000.

Ходил в город за продуктами. Там говорят, что Совдепия уже немало времени воюет с Польшей, и красные войска якобы подходят к Варшаве, но как будто бы французы тщательно скрывают это обстоятельство. По слухам, питание наше как будто ухудшится. Пособие в размере 2 лир для офицеров и 1 лиры для солдат мы якобы не получим на руки. Эти средства будут оставлены на черный день, так как неизвестно, что может случиться в ближайшем будущем. В городе довольно часто бывают

недоразумения между нашим братом и неграми. Публика вообще пьет в ресторанах и скандалит на улицах. Хлеб по случаю праздника (по старому стилю сегодня Сочельник) получили по 650 г: 400 от французского интендантства и 250 — дар русских армий.

07.01.1921. Продал свою фуфайку, расплатился с долгами и разошелся с поручиком Адамовичем в хозяйственном отношении. Решил с сего числа перейти исключительно на питание только казенным пайком и лишь изредка позволять себе есть рисовые каши, так как скоро уже продавать будет совсем нечего и надеяться не на что. Заговорили о том, что лиры нам будут даны на руки через несколько дней. Сегодня почему-то не дали совсем сахара. Вообще раскладки французов и нашего интендантства не поймешь. В городе наши получают одно, в лагерях другое. Начали усиленно говорить о том, что нас, как армию, перебросят на Польский фронт.

08.01.1921. Распространились слухи, что красные заняли Варшаву и что в марте месяце будет начато наступление союзных сил на Совдепию под начальством маршала Фоша. Начали говорить, что армию нашу признали и в этом наступлении мы примем участие. Говорят еще, что генерал Витковский получил от генерала Врангеля приказ ни в каком случае не сдавать оружие французам. Слух о занятии Варшавы был, безусловно, вымыслом, так как Польша с Совдепией в данный момент не воюет.

09.01.1921. Начали говорить о том, что приказано прекратить дальнейшее оборудование и украшение лагеря и постройку узкоколейки, причем эти слухи начали ставить в связи со слухами о том, что французы к 27 января уходят и к этому числу мы тоже перекочем отсюда; указывают даже, что кавалерия начнет грузиться 13-го и переедет в Сербию, артиллерия будет грузиться около 20-го и уйдет в Болгарию.

10.01.1921. Относительно того, куда направится пехота, пока еще ничего не слышно. Потребовали от нашего дивизиона около 100 человек для работы по проведению узкоколейки. Все слухи сами собой прекратились. Из примера суммирования слухов за ближайшие три дня видно, что не только ничего не разберешь, но голова может пойти кругом даже в том случае, если им не верить, а только прислушиваться. Для нашего пока безотрадного положения муссирование таких даже взаимно уничтожающих слухов вещь вполне обыкновенная. Слухами только и живут.

11.01.1921. Ходил в город в наряд за одеялами. Нес 5 штук и устал прилично. Некоторые части уже получили пособие на руки, поэтому сегодня наконец прекратились эти надоевшие разговоры о том, выдадут или не выдадут нам лиры. Вечером наконец эти пресловутые лиры были уже у заведующего хозяйством батареи. В смысле получения их почти все проявили большое нетерпение, но тут было затруднение такого свойства: мелких купюр совсем не было, приходилось набирать компанию в 12 или 25 человек, которым на всех давали 25 лир или 50.

Вернулись в Галлиполи наши беженцы. Стоят они пока на рейде. Говорят они, что французы в Константинополе заявили, что никакой армии

нет и что из одного беженского лагеря в другой переводить совершенно незачем, а потому и вернули их обратно. По пути многие бежали и разошлись. Штабс-капитан Люш бежал в Константинополь, а капитан Сулима и штабс-капитан Татарников уже отсюда дернули в Константинополь, спрятавшись на пароходе в кочегарке.

Вечером командир читал вслух очень интересное интервью с немецким генералом Гофманом, участником Брестских мирных переговоров. Он не отрицал того, что германский Генеральный штаб в свое время выдал Ленину 70 000 000 марок при отправлении его в Россию. В этом немцы сознаются и говорят «да, мы виноваты в русском большевизме», но падать на колени и просить за это прощения, как этого хотят другие государства, они не будут. Во время войны все средства хороши, а Германии нужно было разрушить русский фронт. Говоря о том, что может спасти Россию, он сказал, что, по его мнению, это международный корпус, в состав которого должны войти и германские войска. Начав операцию на Петроградском направлении, по его мнению, этот корпус в течение месяца занял бы станцию Дно, что означало бы падение столицы Северной коммуны и освобождение России от 3000 большевиков, так как остальные, по его мнению, являются только немymi исполнителями воли этих 3000 разбойников. По словам Гофмана, он основательно изучил Россию и большевизм и действительно в этом интервью дал верное определение его и меткие характеристики его деятелей.

12.01.1921. Наконец приблизительно выяснил размер нашего пайка на некоторое время, так как вообще говоря, выдаваемые продукты меняются. Получаем на день: хлеба 400–500 г, консервов 200 г, картофеля до 750 г, бульонных кубиков 2 г, сахара 17–20 г, соли и кокосового масла 20 г, чая 5 г, муки 75 г и то не всегда. Иногда выдается маленькая селедка на 5 человек или 100 г камсы, но в этом последнем случае уменьшают количество консервов, картофель заменяется также иной раз 100 граммами риса или фасоли, или чечевицы. В котле варятся кубики, картофель или то, что вместо него выдается и мука в виде галушек. Всё остальное получаем на руки. Я обыкновенно бросаю часть консервов в обеденную порцию, а часть за ужином. Сначала съедаю одну водицу «юшку», как у нас ее называют, а потом растираю картофель с консервами и устраиваю себе на второе «тюрю». Картофеля обыкновенно попадает мало (3–4 половинки). Несмотря на то, что изо дня в день получаешь одно и то же, ешь всё с нескрываемым удовольствием, так как фактически остаешься голодным и обеда ждешь с нетерпением.

Вечером состоялась приличная игра в железку. Вначале я был в весьма приличном выигрыше, а в результате даже проиграл; осталось всего только 10 драм, которые распределены на много нужд.

13.01.1921. Утром ходил в город. Хотел починить сапоги, в которых хожу уже целый год, но 4 драхмы, которые просили за эту починку, меня смутили, и решение пришлось отменить. Купил себе тетрадей и резинку

для занятий, а из продуктов только пол-ока рису. Публика в связи с получением лир ходила по улицам с разного рода покупками: главным образом спирт, халва, инжир. Встретил на улице полковника Петрова, прикомандированного временно в качестве приемщика к интендантству. Он меня пригласил поесть с ним, угостил меня приличным казенным обедом и дал достаточно хлеба. Чуть ли не впервые основательно наелся.

Наша публика в палатке готовилась к встрече Нового года. Готовились встречать его компаниями по купе. Лично я решил во избежание лишних расходов ничем особым этот день не отмечать, тем более что сам по себе я уже давно перешел на исчисление времени по новому стилю и выпивать сегодня мне как-то не хотелось. Началось пьянство у нас часов в 9, а к 12 почти все были уже готовы. Я впервые был в пьяной компании абсолютно трезвым (мне предлагали пить, но я отказывался) и нахожу, что это зрелище, которое, если сам немного подопьешь, кажется смешным, вовсе не смешно, а я бы сказал, крайне неинтересно. Попутно хочу сказать, что в то время как первая половина палатки, где помещаются офицеры нашей бывшей 3-й батареи, была освещена и оживлена разговорами и даже криками, на левой половине, у офицеров бывшей 4-й батареи, было темно. У нас все живут компаниями в устроенных на 4-х или 3-х купе, и каждое купе имеет собственное освещение, там же, пока все спят в ряд, освещения не имеют, и только теперь собираются разбиваться по купе. Публика там значительно менее дружная, чем наша, которая тоже особенной сплоченностью не отличается.

В 12 ночи делопроизводитель прочел напечатанный в газете новогодний привет армии от Главнокомандующего: «Славные соратники. Еще один год русского лихолетья отошел в вечность. Позади поруганная Родина, ряд многих могил, разбитые надежды... Впереди неизвестность... Но милостив и справедлив Господь. С мечом в руке и с крестом в сердце шла наша армия за правое дело. Она выполнила свой долг до конца. Да сохранит ее Всевышний на славу будущей России, да положит Он в грядущем году конец русскому лихолетью. С Новым годом, русские воины, с новым счастьем. Генерал Врангель».

После 12 у нас в палатке стоял уже сплошной шум. Из одного купе ходили «в гости» в другое, кричали «ура», пили за здоровье всех, пробовали петь. Полковник Ягубов заявил, что он страшно любит дирижировать и организовывать всюду хоры: получалось забавно. Во всех лагерях шла частая стрельба: по случаю «праздника» стреляли даже залпами. Говорят, что 4 человека пали жертвой этого казачьего обычая. Потом публика начала ходить «в гости» в другие палатки и поздравлять. К нам тоже приходили соседи. Наше купе больше других пострадало от этого веселья. Барон вынимал деревья из нашего плетня и шутя бил ими Лавриновича и Кутше²⁶⁸, которому основательно поцарапал лицо. Кто-то из наших же деревьев начал городить забор посреди прохода в палатку. Гудим выкинул уже совсем оригинальный номер: со спокойным видом намочил на кро-

вать полковника Гриневича и после этого мрачно завалился спать на свою постель. В городе шла здоровая стрельба ночью. Там не на шутку, как рассказывают, перепугались из-за этого местные жители и сенегальцы. Два пьяных офицера в городе решили отмыть «грязь» с лица негра и потянули его в море купаться. Одним словом, встретили Новый год и там. Закончился день картежной игрой, к которой и я слегка примазался.

14.01.1921. Из газет узнал, что по суду чести генерал Слащев-Крымский лишен воинского звания, мундира и пенсии за агитацию против генерала Врангеля. Он обвинял Главнокомандующего в том, что последний не удержал Крыма, не улучшил положения военнослужащих, окружил себя недостойными людьми и пр. Слащев выпустил книгу «Требую суда общества и гласности», в которой довольно подробно останавливается на Крымской эпопее. Говорят, что эта книга была конфискована. Печально, что получилась такая история, что на Главнокомандующего начали возводить разные поклепы. В нашем представлении его фигура окружена ореолом силы и честности, поэтому неприятно, если ее хотят очернить разной ерундой.

Вечером от генерала Репьева, инспектора артиллерии корпуса, вернулись после новогоднего визита полковник Ягубов, Самуэлов и барон. Относительно будущего положения генерал Репьев говорил им очень неопределенно. По его словам, мы пробудем здесь, вероятно, до мая. Та держава, которая примет нас после, будет, вероятно, Греция. Командования Англии и Франции считают нас армией. Вопрос о признании нашей армии будет разбираться на днях в парламенте, и есть вероятность, что нас и там признают, так как на нашей стороне большинство в 10 голосов. По сведениям генерала Репьева, кемалисты разбиты наголову, и греками занята их столица Анкара. Кроме того, барон сообщил мне довольно интересные подробности относительно лиц командного состава. Генерал Достовалов, бывший начальник штаба армии, теперь начальник штаба корпуса, находится под судом из-за дела о симферопольских драгоценностях (см. 9.11.1920). Полковники Дунсовский и Лебедев бежали во время нашей стоянки в Константинополе с ящиками. Генерал Скоблин, большой «загоняла», как про него говорят, предается суду за дело о загоне палаток туркам на паруса; генерал Манштейн попал под суд за слово «засранцы» (см. 26.12.1920); полковник Рязанцев, бывший командир роты 2-го батальона 2-го полка, теперь отрешен от должности командира роты и зачислен в штаб — офицерский резерв — за то, что в пьяном виде в околотке чуть не поколотил доктора.

15.01.1921. Ходил за продуктами на пристань. Теперь в смысле нарядов прямо гроб: приходится через день ходить то на пристань, то в город. Раз в неделю нужно принести дрова на кухню, то какие-либо работы, то еще что-нибудь; прямо не хватает времени для занятий. Недостатка в книгах я не ощущаю, так как занялся французским, математикой и своими заметками, в которых я порядочно отстал. Иногда записи в дневник

отставали на несколько дней. Тогда все события записывались конспективно в отдельную тетрадку в те дни, а затем переносились в дневник, что бывало редко. По математике ко мне приходят заниматься офицеры 1-й батареи, наши тоже всё время обращаются, так что всё время занято и скучать некогда. Не понимаю, как многие от нечего делать слоняются по палатке из одного купе в другое.

Вечером захотелось мне почему-то выпить, и за две драхмы я доставил себе это удовольствие. Подбил барона, который в этом отношении очень легко поддается, и мы выпили вместе одну бутылку водки. На меня это количество не подействовало, и настроение не создалось, а мне этого только и хотелось. В общем, не повезло.

16.01.1921. На сегодня получили консервы 1912 года. Много банок оказалось испорченных и воняли основательно, когда их вскрыли. Обещают переменить их. Днем в палатке налаживали печку. Еще в декабре у нас все живущие в палатках должны были сходить в город и принести оттуда по 6 кирпичей, которые приходилось выковыривать из разрушенных зданий. На общие средства была куплена маленькая железная плитка, если этот лист можно назвать плитой; печь сложил подпоручик Дикий, а из консервных банок штабс-капитан Журкин всухую склепал трубу, которую вывели в окно. Первый раз затопили под Новый год, но она так дымила, что во всей палатке поднялся вой. Как ни исправляли эту трубу, ничего не выходило. Произвели дополнительный сбор денег на печку, доведя обложение на каждого до 40 лепт, и сегодня была приобретена железная труба, но и это не особенно помогло; печь дымила, но ее решили топить. Дым стоит такой, что у всех слезы катятся из глаз.

Заходил профессор Даватц. Передавал содержание рапорта начальника снабжений генерала Ставицкого²⁶⁹ Главнокомандующему. Тот указывает, что его стремление — устранить те неблагоустройства, которые были замечены Главнокомандующим во время посещения лагерей, — не удалось осуществить за этот месяц вследствие страшного бюрократизма, канцелярщины и волокитства, царящих во французских учреждениях. Обмундирование и белье, вывезенные из Крыма главным образом на пароходах «Рион» и «Бештау» в таком количестве, что можно было бы одеть во всё новое 60-тысячную армию, французы забрали в свои руки и, несмотря на протесты генерала Ставицкого, сгружают его во французские склады и отправляют в Марсель для продажи. В этом отношении генерал Ставицкий просит генерала Врангеля принять самые энергичные меры. Вот так помощь союзников...

17.01.1921. Начали натаскивать публику к параду. Говорят, что к 6-му, то есть на Крещение по старому стилю, ожидается приезд генерала Врангеля. Начали на площади устраиваться площадку и купель для водосвятия. Погоду здесь не разберешь. Тихих дней без ветра почти не бывает. Если дует северный ветер, то здорово холодно, но зато сухо; если же дует южный, то начинаются дожди и от сырости прямо пропадаешь.

Я в свое время основательно устроил себе постель: сначала наложил два ряда камней для образования воздушных прослоек и для предохранения травы от сырости и гниения, потом толстый слой колючей травы и затем листья с сухой травой. Долгое время чувствовал себя более или менее нормально на этой постели, но потом сырость дала себя чувствовать и начал ощущать в костях ревматические боли. В общем слабо. Сапоги начали разваливаться совершенно, одет я в общем довольно паршиво, если не в смысле теплоты моего одеяния, то во всяком случае внешний вид у меня ужасный. Отвратительная, безобразная папаха, потрепанная шинель, развалившиеся сапоги. Должен сознаться, что как-то здорово опустился: моюсь не каждый день, ложусь спать не всегда раздетым (из-за холода). Придется подтянуться, а то самому делается противно. Вечером снова слегка проиграл.

18.01.1921. До нашего переселения в Галлиполи я всегда с жадностью набрасывался на газеты и интересовался, кроме наших перемен, иностранной политикой. Теперь как-то равнодушно отношусь к газетам и читаю их без интереса. В большинстве случаев в них очень мало существенного можно найти. Бесконечные разговоры о русском вопросе (я говорю о русских газетах «Общее дело», «Руль», «Вечерняя пресса»), совещание русских политических партий, учредителей и пр. Надоело это всё, и не видишь толку. Взгляд, безусловно, неправильный, но что поделаешь. Привыкли как-то к головокружительным изменениям, и всё то, что меняется медленно и протекает более или менее нормально, уже не производит впечатления, не интересует. С другой же стороны, сам стремишься к нормальной, не выходящей особенно из берегов жизни и тут вдруг находишь ее скучной, не заслуживающей внимания. Война испортила нас надолго и основательно.

Прочел сегодня, что Ялта переименована в Красноармейск, а остальное как-то ускользнуло от моего внимания. Вечером снова играл и снова проигрался окончательно. Эта история мне уже надоела и заставила наконец взять себя в руки на будущее время.

19.01.1921. Пошел дождь. Назначенный на сегодня парад из-за дождя был отменен. Снова страшная грязь и сырость, и мокрота в палатке. Начали поговаривать о жаловании. Указывали, что французы прислали генералу Кутепову жалованье в размере 135 лир, на что последний ответил, что пока армия не будет получать жалованья, он отказывается от получения этих денег и возвращает их обратно. Поступок, безусловно, благородный, но жаль, что так не везде и всюду поступают. Отсутствие денег вынудило меня продать золотой крестик. Сначала как-то не решался я на это дело, какое-то внутреннее чувство останавливало, но потом я задал сам себе вопрос: не является ли это странным, если я, человек неверующий, почему-то колеблюсь в этом вопросе. Мне было неприятно расставаться с ним, как с памятью от деда — крестного отца, но потом я решил, что в теперешних условиях так рассуждать не приходится, и продал его

за 10 драхм. Не играй я в карты, подобное явление не имело бы места, и я решил бросить эту дорогу для меня привычку.

20.01.1921. Дожди продолжаются; час идет дождь, полчаса нет, полчаса идет, два часа нет. Несколько раз прямо по лагерю пробегали у нас между палаток случайно заскочившие к нам зайцы (их здесь, в этой местности, немало). Всякий раз в таких случаях подымался невероятный крик, все выскакивали из палаток и принимали участие в его ловле, что иногда удавалось. Сегодня зайца погнали на 2-ую палатку нашей батареи, окружили и схватили. Достался он поймавшим его солдатам.

21.01.1921. Прочел в газете, что палата отпустила 100 000 франков на содержание нас в течение полугода. Деньги находятся уже в руках генерала Врангеля, как говорят. В связи с этим снова распространились слухи о том, что нам выдадут пособие.

Во 2-м конном полку по пьяному делу один из офицеров вошел в семейную палатку и начал себя не особенно прилично вести. На замечание мужа одной из присутствующих дам ротмистра-адъютанта полка он ответил грубостью и вызвал на дуэль. По суду чести дуэль была разрешена и окончилась тем, что виновный выстрелом из нагана наповал уложил адъютанта. Сегодня состоялись похороны последнего. Глупо погиб человек — одно можно сказать.

22.01.1921. Сегодня хороший день, снова все ожили. Интересно то, что перед хорошей погодой ночью сильно воют шакалы. Они подходят совсем близко к палаткам и заливаются. Завоет один, и сразу отзываются очень многие кругом и вдали в горах. Вой этот, вообще говоря, очень неприятного свойства, но благодаря тому, что за последнее время пришлось привыкнуть к весьма разнообразным неприятным вещам и комбинациям, он не производит того впечатления, о котором мне приходилось читать и слышать в прежнее время. На настроении, по крайней мере, это завывание ночью не отражается.

23.01.1921. В городе состоялись похороны бывшего начальника 2-й кавалерийской дивизии корпуса Барбовича, генерала Шифнера-Маркевича. Умер он от тифа. Не знаю, каковы его другие качества, но все считали его за очень хорошего генерала. Я лично видел его в бою под Волчанском и должен сказать, что он человек редкой храбрости. Жаль таких.

24.01.1921. Усиленная подготовка к параду. Говорят, что скоро сюда ожидается Главнокомандующий с хорошими вестями. Вообще последнее время начинают циркулировать усиленные слухи относительно изменения нашего положения политически, и если верить тому, что дыма без огня не бывает, то нужно сказать, что замечается перелом.

25.01.1921. В 11 часов состоялось водосвятие. Служил греческий архиерей Галлиполийский вместе с нашими военными священнослужителями. К началу служения прибыли генерал Кутепов, французский комендант, местные греческие и турецкие власти. После водосвятия го-

ворил генерал Кутепов, прокричали «ура» Врангелю, России, местному населению, которое действительно относится довольно хорошо к нашему брату несмотря на то, что еще не так давно, в европейскую войну, русские и турки были врагами. С греками отношения чинов армии хуже, чем с турками. Наши части во время парада производили очень хорошее впечатление. Полки достали откуда-то очень много винтовок (я не думал, что у нас в лагере их столько сохранилось). Несколько непривычно только видеть пехоту без штыков. Корреспондент «Пресс дю Суар» в восторженных красках описывает этот парад. Говоря о нашей дивизии, он начинает так: «Вот идут знаменитые Дроздовцы, и всё поле покрывается малиной». Правда, одеты все плохо, но впечатление стройное.

26.01.1921. С некоторого времени в настроении нашей армии начал замечаться перелом. Острота впечатления предшествовавшей крымской катастрофы начала сглаживаться. Чувство растерянности и безнадежности начинает проходить. Испытав жизнь за границей, публика научилась любить свою родину. Всех потянуло назад — к себе, в Россию. Против военной организации, чем раньше особенно сильно возмущались, здесь не говорят. Авторитет Врангеля и его обаяние растет в солдатских массах. Все живо начинают обсуждать возвращение в Россию; воевать снова на Русской земле уже соглашаются, если это будет необходимо. В общем, настроение бодрое. Всех убивают только холода и продолжающиеся дожди.

27.01.1921. Ночью страшнейший ливень, редкая по силе гроза. Всё громче, почти непрерывно. Ударом молнии в палатку беженского лагеря убито два офицера и несколько человек обожжено. Всё потекло, из палатки хоть не выходи... Ручей наш разлился. Обед и ужин варили в темно-коричнево-желтой воде с глиной и песком. Вместо кипятка во время чая получилось нечто, по цвету похожее на густое кофе. Мы не пили.

28.01.1921. Дождь и временами ливень продолжался весь день. К вечеру северный ветер, холодно, температура ниже нуля; в палатке замерзает вода. Все кутаются во что возможно, ходят взад и вперед по проходу палатки, топают ногами, потирают руки, ругаются. Начинают топить нашу печку, скоро дым застилает палатку, на глазах выступают слезы от едкого дыма, начинаются возгласы: «Прекратить топить», «Это черт знает что такое», «Завтра же печь будет сломана», — раздается из-под одеяла голос полковника Гриневича. Печь всё-таки продолжают топить, ссылаясь на холод. Кто-то начал жарить консервы, в палатке запахло горелым, снова крик возмущения.

29.01.1921. Благодаря морозу грязи нет, всё подсохло. Вследствие холода почти все лежат весь день в постели, поднимаются к обеду и снова ложатся. Настоящая зимняя спячка русского медведя. Объявили приказ, согласно которому желающие вернуться в Россию могут это проделать. Необходимо записаться у французских властей и указать порт, в котором желаешь выгрузиться. Французы предлагают только доставить в Россию, но ни жизни, ни смерти не гарантируют. У нас в корпусе что-то не слыш-

но, чтобы было много желающих на эту комбинацию, одиночные выражают такое желание; в дивизионе у нас желающих не нашлось.

Лично я не представляю себе жизни в Совдепии. Внутренне никогда не мог бы там оставаться, даже если бы мне гарантировали полную безопасность и хорошие условия жизни там. Поэтому я никогда не раскаиваюсь и не буду раскаиваться, что уехал оттуда несмотря на все условия местной тяжелой жизни. Из Чагалджи очень много Донцов выразило желание вернуться на родину. Эшелоны, предназначенные для таких лиц, были переполнены. Кубанцы тоже начали массами записываться, но потом как будто многие начали одумываться. Всех отправляющихся доставляют пока что в Константинополь.

30.01.1921. Утром погода приличная; тут прямо не разберешь ничего в этом отношении. Ходил в горы за дровами для кухни, для палатки и для себя варить обед; почему-то сегодня казенного обеда не было. Чуть донес две большие и одну маленькую вязанку. Почти не имея продуктов, сварил себе великолепную еду на обед и на ужин. Вечером чувствовал себя уставшим и не занимался совсем, что я обычно делал все предшествовавшие дни. Во французском начинаю себя чувствовать несколько увереннее, но в общем дела продвигаются слабо, с трудом оперирую с французами в самом простом разговоре. Дело в том, что я сильно разбросался, многим сразу начал заниматься и сам и с другими, и французскому языку уделяю в день не более полутора часов.

31.01.1921. Начали выдавать по второму одеялу, и белье очень хорошего качества. Белье, как говорят, заказа еще адмирала Колчака — на это указывает и клеймо на нем. Распределяют полученное поровну между взводами и во взводах уже разыгрывают по жребью; это гадание и при получении пищи, и при раздаче обмундирования просто опротивело, но иного способа нет. Начали распространяться слухи, что в ближайшие дни нас оденут с головы до ног, после чего начнется погрузка — куда, что и зачем, ничего не слышно. Очевидно, это очередная брехня или, как у нас называют всякие такие слухи, «нагло-радио». В большинстве случаев солдаты как-то раньше узнают обо всех случаях и слухах. Снова начали поговаривать о выдаче нам пособия.

01.02.1921. Вторник. Ходил в наряд в город для переноски обмундирования. Пришлось нести оттуда 192 полотенца. Для 6—7 верст расстояния эта ноша достаточно тяжела. Отсутствие денег и окончивший керосин вынудили меня сегодня продать последнее: 500 рублей думских, 1500 рублей керенок и 100 государственной 4 % ренты. Всё это пошло за 6 драм. Нужно сказать, что раньше такие деньги не шли. Сравнительно недавно как они, так и наши добровольческие охотно покупаются на толчке и постепенно поднимаются в цене. Подождать же несколько времени еще мне не позволяли средства. Для загона теперь остаются только старые брюки, которые в свое время купил случайно на пароходе «Херсон» за 400 000 рублей. Эти последние дни выдают довольно приличное

обмундирование. Солдаты говорят: «Это неспроста; даром не станут обмундировывать нас, должно быть, скоро повезут нас воевать». Довольно оригинальный взгляд.

Приказано производить занятия в дивизионах по следующей программе: с 9—10 гимнастика, с 10—11 пеший строй, с 15—16 теория стрельбы, с 16—17 уставы. Занятия должны вестись как с офицерами, так и с солдатами. Все батареи для этого установили один день для занятий, а другой для нарядов. Сегодня весь наряд от дивизиона выполняется нашей и 4-й сводной батареями, 1-я и 3-я сегодня занимаются; завтра наоборот. Занятия начинались было в ноябре, но из этого ничего не вышло. Тогда они встречались возгласами «к чему», «зачем», «на черта это». Теперь таких разговоров уже не слышно. Настроение в военном смысле крепнет.

02.02.1921. Начались у нас занятия: гимнастика и бег без шинелей. Пеший строй начали с поворотов, одиночной выправки, команды «становись». Офицеры в строю. Очень неинтересный и противный час. По теории стрельбы офицеры разбиты на три группы: слабую (занимается полковник Ягубов), среднюю (полк. Слесаревский) и сильную (полк. Гриневич). В последнюю группу попал я. Вообще говоря, уровень офицерского знания в артиллерийском смысле крайне узок, если не сказать хуже: многие не знают начал и самого элементарного; в этом смысле занятия нужно приветствовать. Но для тех, которые осведомлены в этом смысле, эти занятия скучны: нет ни пособий, ни руководств, и занятия ничего уже для них дать не могут.

Вечером была 7-я лекция профессора Даватца: начало аналитической геометрии. Приказом по дивизиону учреждена историческая комиссия под председательством полковника Генштаба полк. Булатова, 2-й батареи. От нашей 3-й батареи назначен я. Сегодня было первое заседание. Разбили всю эпоху нашей борьбы с красными на отделы, начиная с выхода из Румынии до лагеря Галлиполи. Хотят составить историю (не журнал военных действий) бригады, задаются крайне широкими целями. Материалов же нет; все батареи, как оказалось, не имеют журналов военных действий. Решили одновременно восстанавливать журналы военных действий и писать историю по отделам. Срок установлен полтора месяца для этой грандиозной работы. Сразу можно сказать, что не успеем. Приехал поручик Градов из лазарета в Константинополе. Говорит, усиленно циркулируют слухи о международном корпусе в Россию в недалеком будущем.

03.02.1921. Приказом по дивизиону батареям дан месячный срок для восстановления журналов военных действий. Нужно указать, что ни одна батарея не имеет такого журнала. Придется восстанавливать всё с самого основания батареи. Командир поручил мне эту работу. И раньше день у меня распределялся таким образом, что я не успевал сделать всего того, что хотел, а теперь эта работа совсем уже нарушает все мои занятия. Отчасти это очень хорошо, работы у меня больше, чем нужно, скучать не при-

ходится, забываешь о той обстановке, в которой находишься, не думаешь много о своих и сохраняешь душевное равновесие.

04.02.1921. Подал прошение через командира батареи главноуполномоченному Земского союза о выдаче и приобретении через него книг по математике. Там обещали достать что-либо в этом смысле в Константинополе. Кроме того, обещали выдать словари и руководства для изучения иностранных языков, но по всему видно, что надежды на успех не очень много.

05.02.1921. С пищей опять не везет. Картофель батарея получает промерзший и потому полугнилой. Около половины выбрасывается вон. Другие батареи устраиваются как-то так, что из котла у них выдается довольно приличная пища. У нас же никак ничего наладить не могут. Ни «дядя Шеля», ни хозяйственная часть никаких мер не предпринимают, принимаются негодные продукты и прочее. Ночью снова шел дождь.

06.02.1921. Запахло как-то весенней сыростью. Публика начала надеяться на наступление теплых дней. Еще в ноябре нам говорили, что тут плохо переносить будет только декабрь, январь, а в феврале уже будет тепло. Этого наступления теплоты все ждут, как не знаю чего. Ведь сидим мы 4 месяца хуже чем в погребе, все кости ноют от ревматизма. Все уже настолько ограничились в своих желаниях, что дальше некуда. Но даже самого основного недостает: полуголодными все сидят в сырости. Было второе заседание исторической комиссии. Председатель комиссии высказал предположение, что через полтора-два месяца события потребуют нашего активного участия в делах России, а потому этот единственный благоприятный момент для составления истории бригады должен быть использован, причем с работой нужно поторапливаться.

07.02.1921. Ходившие в город офицеры передавали интересный приказ, который они видели у инспектора артиллерии корпуса. Приказ содержит ответ французского парламента на просьбы генерала Врангеля улучшить наше положение. Относительно выдачи пособия якобы отвечают, что финансовое положение самой Франции настолько тяжело, что всякая выдача вызвала бы возмущение. На питание нам, дескать, жаловаться не следует, так как они кормят нас лучше, чем едят наши враги в Сов. России. Рису для каши они могут выдавать больше, но только с условием, что тогда будет уменьшен рацион хлеба на соответствующее количество граммов. Оружия и пушек для занятий они нам не дадут, так как считают, что для сохранения воинского вида вполне достаточно того оружия, которое у армии имеется. Вообще французы добавили, что они полагают, что нам более полезно было бы обучаться ремеслам и открывать мастерские, кузницы и пр., чем заботиться об оружии и воинском виде. Вот и пойми теперь, как хочешь, все эти сведения.

08.02.1921. В связи с работой в исторической комиссии времени у меня уже определенно стало не хватать. Комбат освободил меня от всех нарядов, но это тоже мало помогает делу. Придется отказаться от ранее

принятой программы моих личных занятий. Обстановка вообще неблагоприятная для продуктивной работы. В купе постоянная толкотня; за день обыкновенно ничего не успеваешь сделать, приходится сидеть ночью при паршивом освещении. Эта самодельная коптилка горит отвратительно, пламя всё время отклоняется от движения воздуха в палатке; кроме того, коптит так, что чувствуешь, как нос и рот закладывает этой черной дрянью.

09.02.1921. Вернулся в батарею служивший раньше и потом откомандированный казак-донец Горнов. Вместе с ним просились и были приняты еще человек 10 казаков. Они после скандала разбежались из лагеря в Чаталдже и пешком совершенно изорванные, изголодавшиеся добрались сюда, истратив на этот переход около месяца.

В Чаталдже произошел такой номер. В начале января приезжал в Чаталджу генерал Богаевский. Смотрел казаков, говорил с ними. Между прочим указал, что французы хотят перевести их на Лемнос (об этом ходили уже слухи), причем говорили, что на Лемносе нет воды; воду туда доставлять будут на пароходах, и расход ее будет ограничен и т. п. «Подумайте, посоветуйтесь и скажите мне, решите сами, — говорил он, — но если решите не ехать, то стойте на этом уже твердо. Только помните, что у французов есть против нас очень сильное оружие: они могут перестать давать нам продукты».

Начались по этому поводу митинги, которые принимали всё более бурный характер, а на следующий день и большевистскую окраску. Начали подбивать публику убить начальника дивизии, которого охранял французский караул. Ночью началась перестрелка (как это получилось, я не узнал) между Донцами и караулом. По лагерю начали раздаваться крики: «Все выходи, наших бьют!» Перед этим казаки с каких-то складов усиленно раздобывали в свое время сдававшееся наше оружие, пулеметы. Стрельба скоро отдалилась; французский караул отошел; потери были с обеих сторон. В эту же ночь около 1500 Донцов ушли из лагеря. В следующую ночь тоже до 1500 разбежалось. Уходили группами, сотнями, в одиночку, кто куда: в Болгарию, Сербию и пр. Через некоторое время очень многие из оставшихся записались для отправки в Россию. Остальные были посажены на пароход и отправлены на Лемнос.

Относительно нашего флота есть сведения, что, придя в Бизерту, суда были поставлены на мертвые якоря, а экипажи списаны на берег. И вот на берегу моряки начали распляться, разложились и оставили военную службу. Всю войну эта публика ничего не делала, жила хорошо и тут показала уже себя.

10.02.1921. Почти весь день приходится писать «историю». Пристроил себе для этой цели ацетиленовый фонарь. На батарею выдали два таких фонаря, один из них хозяйственная часть испортила, выдала нам в палатку и взяла себе второй. Кое-как я его исправил, но он горит очень неровно и сильно коптит. Ревматизм уже появился у меня в довольно острой мере, а при таких условиях слепота тоже не замедлит явиться. С табаком

форменный скандал. Два раза нам тут выдавали листовой табак, но он уже вышел, драхмы иссякли. Все ходят и просят оставить «бычка», т. е. окурок, причем этот «бычок» зачастую курится двумя. Я до «бычков» не дошел еще, но курю в день 10—12 раз по половинке папиросы.

11.02.1921. Не было ужина. У нас в батарее считается в порядке вещей кормить самым безобразным образом. Никаких мер не предпринимается. В других батареях на это обращено серьезное внимание, а у нас все ругаются, но полковник Шеин безнадежен: глух, нем и ничего не делает. Хозяйственная часть из рук вон, на кухне полное безобразие. Кроме кашевара и кубогрея, живут там еще два типа, которые ничего не делают, заплыли жиром, всё время варят что-то себе, и это так продолжается.

12.02.1921. Начали готовиться к параду. Отменили временно все другие занятия, кроме пешего строя, на который усиленно налегли. Поднялся сильный ветер; на море что-то вроде шторма; турецкие лодочники отказались производить разгрузку; у нас вызвали умеющих управлять парусами и отправили их в город. К вечеру, однако, они вернулись. Турки снова стали на работу. Заговорили уже определенно о лирах, потребовали даже уже списки. Стало невозможно холодно.

13.02.1921. Готовились к церемониальному маршу. Командовал полковник Шеин с обычной своей медлительностью. Стояли на месте больше, чем ходили. Скучная вещь. Батарея отвечает на приветствие пока что плохо. Генерала Врангеля ожидают на днях и, как обычно таких случаях, говорят, что он приедет с хорошими вестями. От батареи на парад приказано выставить 32 ряда. Словчиться от участия в строю на параде мне не удалось. За историю взялся довольно серьезно. Пишу пока охотно и сижу до 1—2 часов ночи.

14.02.1921. По появившимся в газетах сведениям, ген. Врангеля признали другие антибольшевистские армии ген. Юденича, Булак-Булаховича и другие. Говорят, что только генерал Краснов не признает Главнокомандующего. Вечером стало известно, что генерал Врангель приехал в Галлиполи и завтра около 11 часов будет у нас. Парад будет на площадке в районе Алексеевцев.

15.02.1921. Ночью шел дождь. Утром моросит. Некоторое время было неизвестно, будет ли парад или его отменят. Грязь стояла здоровая. К 11 приказано строиться. Наш дивизион как всегда одет был очень плохо. Дрозды все в малиновых фуражках, в белых поясах (чем-то покрасили чехлы, околыши, сделали из полотенец пояса). Вид очень приличный, правда от дождя краска немного потекла.

Около 12 прибыл генерал Врангель. Как раз в момент его появления выглянуло солнце. Он, как обычно, начал обходить быстрыми шагами построившиеся части. Сразу после ответа на приветствие раздалось мощное «ура». Минута была торжественная, от переполнения чувств у многих слезы подступили к горлу. Говорят, что во время прежних смотров Государем, последнему редко устраивалась такая торжественная встреча. Так

как части корпуса растянулись по большому плацу, то Врангель сначала говорил отдельно кавалерии, а потом с нами. Содержание было одинаковое и приблизительно следующее: «Славные воины непобедимой дивизии! Три месяца тому назад мы оставили последний клочок русской земли и 170 000 русских прибыло на берег Босфора. Вчерашние наши друзья, заискивающие с нами, пока мы были сильны, поспешили отвернуться от нас в момент несчастья, а враги, трусливо молчавшие во время наших побед, начали сводить с нами личные счеты. Они слетелись со всех сторон в Париж и начали говорить там от имени России, и старались запятнать доблестное русское воинство, которое потеряло всё, но принесло сюда незапятнанными свою честь и знамена. Но все козни врагов разбились о нашу стойкость, и они ничего не добились, а только покрыли себя позором перед лицом всей Европы. Тот мир, который смотрел на нас, не понимая значения этой борьбы, считал наше дело уже проигранным и законченным, но он не знал силы духа русского человека и его великой любви к Родине. Теперь я привез вам обращение избранников народа в то время, когда Россия была еще сильна — членов Государственной Думы всех созывов и Государственного Совета. Они шлют вам свой привет и объединяются вокруг меня и вас. Как два месяца тому назад, я говорю вам: держитесь, орлы, держитесь! Все за одного — один за всех, и нам враги не страшны. Я говорю вам, как сегодня рассеялись тучи и выглянуло солнце, так и наши невзгоды рассеются и Россия снова воскреснет. Пройдет два-три месяца и нас признают, нас попросят».

Генерал Кутепов провозгласил «ура» за Главнокомандующего, под командой которого мы снова скоро пойдем в Россию. Генерал Врангель расцеловался после этого с генералами Кутеповым и Витковским. Проходили все прилично. Наши Дрозды нарезали всех. На парад приехало много корреспондентов, фотографов и кинооператоров, которые всё записывали, с разных сторон снимали и пр.

После парада генерал Врангель ходил по лагерю, осматривал палатки и говорил с офицерами и солдатами. «Привез вам денюжат, очень немного, столько, как прошлый раз, и думаю, что на будущее время удастся также выдавать. Обмундирование друзья зажали, приходится от них понемногу выцарапывать». За Врангелем ходили толпы офицеров и солдат. После смотра в штабе дивизии был завтрак, на котором Врангель говорил, что Керенский ему предложил достать всё необходимое теперь для армии в смысле содержания и пропитания с тем, что Врангель остается только командующим армией, а всё гражданское управление будет в руках первого. На это Врангель ответил, что он принял бы такое предложение, но со своей стороны ничем не может гарантировать выполнения этого, так как, кроме двух черкесок, он ничего не имеет. Это возражение осталось без ответа. Как армию нас пока еще не признают. Одни рассматривают так, другие иначе, но официально мы всё же скорее беженцы. Не понять этой игры. Вечером внезапно изменилась погода. Стало холодно и пошел град.

16.02.1921. Настроение сильно поднялось. Из солдатских разговоров сразу можно было увидеть, насколько велика популярность генерала Врангеля и сильна в него вера. Всех тянет в Россию, против французов публика настроивается всё больше и больше. Слухи ходят самые разнообразные, но ясно, что месяца три минимум просидим ещё здесь в неопределенности.

17.02.1921. Начали говорить, что предстоит в скором времени разворачивание частей. С едой стало совсем скверно. Картофель на $\frac{1}{2}$ гнилой, приходится выбрасывать. Почему-то принимают это всё, молчат и не принимают никаких мер. Ужины у нас прекратились. Форменным образом приходится голодать. Раздают обед самым безобразным порядком, очень часты дни, когда в воде получаешь $\frac{1}{4}$ картошки или 20—30 зерен фасоли. Бульонные кубики почему-то просили заменить мукой; вместо них дают 50 г муки. Раньше хотя бы получали подкрашенную воду (кубиками) с приваром, а теперь уж совсем прозрачную.

18.02.1921. Получили по 2 лиры на офицера и по 1 на солдата. Организована была общая покупка риса, мамалыги, сахара, табаку и бумажки. Некоторое время тому назад в городе и лагере было открыто по одной гарнизонной лавочке, в которых почти всё съестное можно достать по дешевым ценам. Благодаря большой конкуренции цены в городе сильно упали. Рис вместо 4—3 драм прежде, теперь почти везде можно получить за 2—1,90. Инжир вместо 2 стал 1,5. Сахар с 7 упал на 5; табак вместо 0,25 драм за 25 г стал 1,75; теперь же с получением лир все на всё набросились, в гарнизонных лавочках стоят невообразимые очереди, а в городе цены на всё поднялись.

19.02.1921. Кто-то решил сегодня устроить игру; я по обыкновению принял в ней участие и окончил очень печально. Проиграл абсолютно всё. Из всей полочки истратил только 3,20 на рис, а всё остальное полетело в трубу. Не успел даже обзавестись курительной бумажкой. Единственно хорошей стороной такого положения можно посчитать то, что такое безденежье приучает к выдержке во всех направлениях и этим только можно утешиться и приспособляться ко всякой обстановке; деньги же считать и обращаться с ними я как-то не умею, в особенности если их крайне мало.

20.02.1921. Выпал снег. Вот тебе теплые дни, о которых мечтали в конце января и начале февраля. Стало здорово холодно. Все бегают по палатке взад и вперед в надежде согреться. Снова со скандалом начинают топить печку. Весь день все сидят в перчатках, шинелях, фуфайках. Писать почти нельзя; занятий нет, спишь не раздаваясь.

21.02.1921. К утру снег выпал около вершка. Довольно интересный вид наших палаток и лагеря: что-то похожее на лубочные картинки и на картонные домики. Количество слухов в связи с погодой значительно уменьшилось. Всё как-то застыло и погрузилось в зимний сон. Даже разговоры в палатках мало. Только в купе полк. Гриневича от холода пьют.

22.02.1921. Поднялся здоровый ветер; в палатках всё время обрывается внутреннее полотно, скрипят и гнутся стойки, внутри от ветра задувается коптилка. После 9 часов вечера началась настоящая вьюга и метель со снегом. Приятно было выйти на двор и посмотреть на эту непогоду. Чем-то знакомым, родным повеяло от всего этого. Крутило, мело по-настоящему, как у нас в средней России в рождественские времена. Около 10 минут постоял на дворе и с удовольствием вдыхал полной грудью порывы крутящего ветра.

23.02.1921. Подул южный теплый ветер. Вместо снега — сплошная грязь. Погода самая паршивая. Много народу заболевает. У нас подполковники барон Майдель и Гудим-Левкович свалились снова от вторичного приступа возвратного тифа. При таких условиях, в каких мы размещены, немудрено всем переболеть. Их отправили в лазарет. Мне пока везет, с Майделем я помещаюсь рядом, а с Гудим-Левковичем сплю под прямым углом, соприкасаясь головами; наше купе в этом смысле неудачное: болел тифом Скрипников, а теперь Гудим, который после ссоры с обитателями 1 купе поменялся с Адамовичем и перешел к нам на место последнего.

24.02.1921. Увлеклись игрой в городки. Устроили небольшое состязание между нашей и 1-й сводной батареей. Публика увлеклась футболом; наши тоже по случаю приобрели подержанный футбол за две лиры и теперь возятся всё время с починкой его, бегают по всем местам — и к Алексеевцам, и Корниловцам, и Марковцам, разыскивая резину и клей. Тут в лагере расчищены две площадки: одна у Дроздов, другая у Алексеевцев, на которых будут происходить состязания. Состояние погоды только в данный момент не благоприятствует этому спорту.

Вообще публика всё больше и больше приспособляется к существующим условиям жизни и абсолютно из ничего создают кое-что для того, чтобы хотя немного скрасить здешнее существование. Всё, что в обыкновенных условиях выбрасывалось, теперь собирается; из консервных банок делаются трубы для печей, посуда, баночки, пепельницы, разных размеров бочки для варки пищи, тазы для умывания и стирки белья; всё это склепывается безо всяких инструментов и олова; разные шепочки, прутья идут также на предметы «домашнего обихода». Случайно найденная кость обдывается в мундштук и пр.

Вот в смысле денег трудно что-либо придумать, кроме продажи собственных вещей, которые у всех, кстати сказать, дошли до минимального количества. Работы достать тут нельзя; некоторые пробуют носить в город для продажи дрова, но это здорово тяжелый и плохо оплачиваемый труд; версты 3–4 надо прогуляться в горы, чтобы насобирать дров, и оттуда нести вязанку в город, до которого из лагеря 6 верст, а с гор еще дальше; и за всё это можно получить 1–1,5 драхмы, а то и совсем не продать. Некоторые жгут в горах деревья для получения углей, которые также продают в городе довольно дешево. На толчке можно в хорошую погоду

увидеть много нашей публики, почти исключительно солдат-пехотинцев с мешком углей. Они простаивают довольно долго, по несколько часов, чтобы продать.

25.02.1921. Снова начался холодный северный ветер основательной силы. Всё подсохло и подмерзло. Около 9 часов вечера загорелась палатка конных артиллеристов Кавалерийской дивизии. От ветра оборвалось внутреннее полотнище, опустилось на трубу печки и загорелось. Меньше чем в 10 минут сгорела вся палатка; погибли все вещи ее обитателей, два офицера обгорели и один совсем сгорел; последний лежал в тифу при высокой температуре. Нужно сказать, что пожар начался в тот момент, когда большинство спало.

26.02.1921. Сегодня Дроздовский праздник: третья годовщина выхода отряда полковника Дроздовского из Ясс. Назначен был парад в 11 часов. До парада полковник Ягубов выстроил чинов бывшей 3-й батареи, поздравил с праздником, сказал несколько слов относительно похода Дроздовского и текущего момента и раздал солдатам георгиевские ленточки. Представления к крестам были посланы еще в Крыму, а приказом прошли только теперь.

Парад состоялся на площади у знамен. Сначала поздравлял с праздником генерал Туркул, потом Витковский, затем прибыл генерал Кутепов. После краткой его речи прошли церемониальным маршем. Я сравнивал настроение на параде во время приезда генерала Врангеля и теперь. Тогда все испытывали какое-то особое чувство, проходили с особым настроением, а теперь всё это получалось вяло, без особой охоты. После парада у пехоты было угощение и выпивка; накачалась публика здорово, с криками «ура» носили по линиям генерала Витковского, Туркула, Манштейна, потом уже Ползикова и качали их. Как те выдерживали, приходилось удивляться. Ноги всё время подбрасывали значительно выше головы, и в таком неестественном положении их превосходительства находились около получаса.

У нас в батарее тоже решили по собственному почину отметить этот день. Очень быстро это решение стало приводиться в исполнение. Так как 2-я полубатарея (бывшая 4-я) самостоятельно в этом направлении никаких мер не предпринимала, то решили предложить ей присоединиться к нам. За дело взялся А. П. Слесаревский. Весь день шла стряпня, топились наша печка, но на этот раз, несмотря на дым, никто не ругался и не кричал. У многих денег не было, и им из батарейных сумм в счет жалования выдали по 3 драхмы 10 лепт (столько как раз обходилась эта выпивка). Около 6 часов вечера начали. У нас в купе на этот предмет собралось 7 человек. Накрыли стол двумя полотенцами, создалась иллюзия чистоты и уюта. Вечер прошел замечательно мило. Водки было по полбутылки на человека, немножко мало. Всё шло чинно, хотя некоторые подвыпили порядком. Говорились речи с печки. Кто-то даже пытался на ней потанцевать. В нашем купе настроение всё время было замечательное,

еще немножко бы водки (за ней посылали, но не могли достать), и было бы уже совсем роскошно. Часа в два ночи завязалась игра в карты, я опять неудачно подвизался.

С исторической комиссией дела идут крайне вяло. Офицеры почти совсем не хотят принимать участия в этой работе. Пишут почти исключительно одни члены комиссии. Остальных уговариваешь, уговариваешь, даешь им бумагу, карандаш — и то ничего не выходит. Сами же члены всего не могут сделать вовремя, кроме того почти невозможно описывать те бои, в которых сам не участвовал. Сегодня было снова заседание комиссии, на котором выяснилось, что работать в том духе, который был предположен сначала, не представляется возможным. Если хотят действительно собрать ценный материал, то нужен для этого более продолжительный срок, а если необходимо в течение полутора месяцев закончить эту работу, то получается не история и даже не журнал военных действий, а не всегда проверенные отрывки. Спорили, спорили, ни к какому определенному выводу не пришли и пока по-прежнему решили продолжать эту работу; председатель почему-то усиленно торопит.

28.02.1921. Проводилась всем прививка от брюшного тифа. Почему-то сразу вливали двойную порцию; переносится эта история довольно тяжело. К тому же время для этой прививки выбрали совсем неподходящее; тут здоровые никак не могут согреться ни днем ни ночью от холода, а вам предлагается еще проболеть дня 2–3. Очень многие начали ловчиться от прививки, я же решил «кольнуться». К вечеру эта история начала уже довольно основательно чувствоваться.

01.03.1921. Вторник. Весь день пролежал в постели из-за этой прививки. Наше купе совсем не вставало, за исключением Гудима, который не прививался. Почему-то во время лежания приходило довольно странное желание в голову: хотелось поболеть немного в домашней обстановке, здорово приятно было бы полежать.

Из Константинополя по радио передали, что ожидаются ливни в течение 10 дней. От этого сообщения многие в лагере пришли прямо-таки в весьма тревожное настроение. Так как палатки расположены на склоне горы у дна долины, то начали рыть водоотводные каналы, усиленные отряды посылались за дровами в горы, чтобы сделать запас для варки и пр. У нас в батарее ничего не делалось. Полковник Шеин оставался «дядей Шелей», и только. Прямо даже противно.

02.03.1921. Всё время дует этот северный ветер, и пока еще здорово холодно. Но, очевидно, под влиянием того, что мы уже вступили в март месяц, публика заговорила о том, как здесь будет жить летом. Оказывается, здесь летом появляется очень много ядовитых змей, которые делают довольно неприятной и весьма опасной жизнь в нашей долине, которую англичане, по словам журналов, называли «долиной роз и смерти», после того как побывали здесь в 1918–1919 гг. Роз теперь, должно быть, здесь не увидишь: все кусты пошли в печь и везде кругом вырублены нашим братом, а вот со зме-

ями дела обстоят хуже, скоро они начнут просыпаться, и нам это название, по-видимому, придется укоротить несколько в «долину смерти».

03.03.1921. С едой дело всё ухудшается. Я откровенно могу сказать, что ежедневно не доедаю и голодаю. Хлеб съедаю сразу, в момент выдачи; по утрам мы уже отменили чай, так как не с чем его пить (я говорю только про наше купе), консервы съедали в большинстве случаев еще до обеда, вместо обеда выпиваешь водицу с 10 зернами фасоли и $\frac{3}{8}$ картофелинки, ужина казенного нет; пока еще держится купленный собственный рис, варим понемногу каши. Комбату заявляем чуть ли не каждый день об ужасном качестве нашего обеда, носим ему котелки, чтобы он посмотрел, сколько там приварка. Он молчит, говорит, что кашевар раздавать не умеет, снова молчит и ничего не предпринимает. Все ругаются, но дело от этого не улучшается. В других же батареях получают то же самое, а обеды у них лучше; значит, что-то можно сделать, а у нас не хотят или не считают это нужным или черт его знает что думают.

Распространились слухи, что грузины окончательно разбиты красными и около 20 000 их на чем только можно плавать по морю направились в Константинополь, ища убежища. Постепенно красные начинают сметать все окраинные самообразования. Доигрались наконец и грузины.

04.03.1921. Начали откуда-то распространяться слухи о том, что будто бы сюда, в Галлиполи, будут перевезены все западные антибольшевистские армии; из прибывших будто бы будет сформирован 2-й корпус, который вместе с нашим корпусом составит 1-ю армию, которой будет командовать генерал Юденич. Врангель остается Главкомом. В общем, на что-то рассчитывает наше командование, так как начали намечать уже штаты для предстоящего разворачивания. Говорят, что от офицерских частей решено перейти к обычным солдатским. Наш дивизион предполагают развернуть на две бригады.

05.03.1921. В газетах официально сообщается о занятии красными Тифлиса. Грузинское правительство едва успело эвакуироваться в Кутаиси, так как наступлению большевиков предшествовало восстание в городе. Как говорят, такого бегства и в таком хаотичном беспорядке, в каком предельвала грузинская армия свой отход, никто еще не наблюдал.

06.03.1921. Сегодня для нашего дивизиона в городе была предоставлена бесплатная греческая баня. Последний раз как следует я мылся 15 октября 1920 года. Нечего сказать, промежуток времени более чем основательный. Все вещи продезинфицировали как следует. Вымылся в общем прилично, хотя воды не особенно-то хватало. Чувство прямо замечательное. Быть чистым теперь стало не совсем обычным явлением; насекомые, как ни крутись, выводятся с громадным трудом, правда, их немного, но всё-таки нет-нет да и поймашь штуки три.

07.03.1921. Занимался стиркой белья. Заметил некоторый прогресс в этом отношении. Как-то больше было терпения, и белье, хотя и в холодной воде, вымыл более прилично; правда стирал при помощи щетки, что много легче.

Бывшие комбаты полковники Ягубов и Самуэлов отправились в школу в городе. Командирам дивизионов тоже предстоит такая же история. Говорят о том, что нам предстоит сражаться наряду с регулярными иностранными армиями и поэтому нужно подготовить публику, которая за три года гражданской войны привыкла к своеобразным методам.

Распространились слухи о перевороте в Совдепии. Говорят, что по радио перехвачены такие сведения: в Петрограде власть будто бы в руках генерала Козловского²⁷⁰, какого-то инженера, священника и матроса. В Москве восстания. Между Германией и союзниками будто бы начались военные действия. По газетным сведениям, контрпредложения Германии о выплате возмещения в 30 миллиардов вместо 262 не приняты Антантой.

08.03.1921. Слухи о восстании в советской России подтверждаются. Теперь сообщают, что только Кронштадт в руках восставших. В Петрограде же и Москве происходят беспорядки и столкновения между восставшими рабочими и коммунистическими частями. Настроение в лагере сильно подымается. Все живо комментируют происходящие в России события. Слышал сегодня довольно оригинальный взгляд на это полковника Булатова, который выразился так: «Внутренне хочется, чтобы большевики потеряли власть благодаря этому восстанию, хотя разум говорит противное». Большинство же рассуждает иначе: «Как бы там ни было, лишь бы скорее в Россию, как только кончится хозяйничанье коммунистов».

09.03.1921. Каких-либо определенных сведений у нас не получено до сего времени. Так как газеты сильно запаздывают в смысле прибытия к нам (обычно мы в 10-х числах месяца получаем газеты за первые числа), то приходится питаться пока только слухами. Сегодня известия менее утешительные: в Москве восстание подавлено Башкирской кавалерией, в Петроград введены надежные коммунистические части. Удерживается пока только Кронштадт, который начал бомбардировку Петрограда. Генерал Козловский дал три дня срока большевикам для очищения столицы и после того как это было выполнено, начал бомбардировку с помощью тяжелых орудий флота.

10.03.1921. Снова начали говорить о восстании: говорят, что дело разрастается, а более определенно ничего не слышно. Французы якобы в связи с осложнившимися отношениями с Германией приказали снять русское радио в штабе нашего корпуса. По слухам, совнарком в приказе требует сохранять спокойствие, образумиться, восставшим сложить оружие и выдать зачинщиков, угрожая в противном случае открыть военные действия. Снова всё сваливается на контрреволюцию, царских генералов, буржуазию и пр., между тем как восставшие — преимущественно рабочие и матросы. Часть красноармейцев на стороне восставших.

11.03.1921. Снова хорошие сведения. В штабе дивизии говорили, что $\frac{3}{4}$ Москвы в руках восставших, правительство же якобы удрало в Тулу, восстание разгорается по всей территории. Махно оперирует в районе Харьковской губернии и Северной Таврии. На Украине оперирует отряд Анто-

нова. Красное командование стягивает войска в район Бологое. В Москве подавить восстание поручено Каменеву, бывшему полковнику, который расправляется со страшной жестокостью со всеми революционерами, имея в своем распоряжении китайские части и красных курсантов.

12.03.1921. Получили сегодня по 670 г хлеба, вместо обычных 500. Целая радость и событие. Передают якобы перехваченное советское радио, по которому Троцкий назначен диктатором и в 12 губерниях введено осадное положение. Слухи о восстании сегодня таковы: совнарком перебрался в Коломну, отправленная в Тулу для подавления восстания Башкирская конница перешла на сторону восставших, образовано временное правительство во главе которого стоит генерал Козловский и среди членов которого, между прочим, бывший кучер адмирала Колчака. Красные сообщают, что восстание поднято под флагом Михаила Александровича, и призывают всех образумиться и встать на защиту рабоче-крестьянской власти. Говорят, что от восставших выехала делегация к генералу Врангелю на миноносце из Кронштадта.

13.03.1921. Были слухи, что восставшие обращались за помощью к армии генерала Юденича, но последний якобы ответил, что он признал Врангеля и теперь самостоятельно ответа дать не может, а почему предложил им снестись с генералом Врангелем. Кроме того, распространились слухи, что к Врангелю прибыла из Севастополя делегация из 12 рабочих, которая якобы сообщила, что большевиков в Крыму нет, там царит полная анархия и население якобы просит для водворения порядка возвращения русской армии. Все эти слухи, естественно, никакой ценности не имеют, и лично я им не верю, привожу же здесь только потому, чтобы отметить настроение лагеря. Кроме того, когда-либо после интересно будет вспоминать все эти слухи.

14.03.1921. Образована комиссия для издания у нас в дивизионе периодического журнала. Желаящим принять в этом деле участие записалось 25 офицеров. Почти все члены исторической комиссии являются сотрудниками этого журнала. Много разговоров ушло на название этого журнала, которого так и не подобрали. Название почему-то должно быть таким, которое указывало бы, что его издают артиллеристы-дроздовцы и в условиях Галлиполийской жизни. Так ничего пока подходящего и не придумали. Почему-то решили выпускать его с цензурой командира дивизиона. Направление хотят дать достаточно серьезное, в то время как творческих сил у нас как будто не хватает. Приезжал в Галлиполи в лагерь французский генерал Шарпи. От смотра он отказался. Одни говорили, что он мотивировал свой отказ тем, что он прибыл сюда не как военный представитель, а как частный человек; другие говорили, что Шарпи отказался принять парад потому, что, по его заявлению, он приехал смотреть не армию, которой не существует, а беженцев. Пойми теперь, как хочешь.

15.03.1921. Слухи о восстании замолкли. Стало как-то более уныло в лагере в связи с этим. Говорят, что восстание было только в 12 пунктах,

а не захватывало 12 губерний, как об этом говорили раньше. Большевики якобы пошли на некоторые уступки в продовольственном отношении, а с восставшими расправляются успешно и с большой жестокостью. В Москве всё ликвидировано. Революционеров выбивали в городе отдельно по кварталам. Весь город разбит на много районов, в которых теперь распрягаются «тройки» из чекистов и допрашивают всех, кто и где, в каком месте был в эти дни. Насчет Кронштадта пока больше ничего не слышно.

16.03.1921. Сегодня совершенно никаких слухов о России. Невероятный ветер всё еще продолжается. Как оказывается, март здесь совсем не похож на лето. Самыми холодными месяцам являются февраль и март. Спал всё время под одним одеялом и шинелью, а теперь начал уже мерзнуть под таким покрывалом и последние дни на ночь заворачиваюсь в два одеяла, шинель и кожаную куртку, ноги засовываю в мешок и укутываю их френчем и брюками дополнительно. Занятия в батарее совсем прекратились. Кроме несения нарядов, публика ничего не делает. В пехоте же, не обращая внимания ни на какую погоду, идут занятия; в особенности здорово обрабатывают учебную команду.

17.03.1921. Говорят, в России полная анархия. Распространяются слухи международном корпусе. Сообщают, что Керенский выехал в Россию и убит в Ревеле. Чернов якобы уже в Кронштадте. Генерал Врангель через Париж послал телеграмму генералу Козловскому следующего содержания: «Русская Армия, три года боровшаяся за свободу русского народа и ныне находящаяся на чужбине, шлет привет братьям, разорвавшим цепи большевистского рабства. Да будет Ваш подвиг началом конечного освобождения родины, единым порывом всех русских людей». К сожалению, дату этой телеграммы мне не удалось установить.

Говорят, французы недоумевают по поводу того, что у нас в лагере почти у всех выложенных орлов существуют короны. Почему это разрешается у нас, до сего времени совершенно непонятно. Ведь монархистов в армии как будто немного.

18.03.1921. Читали телеграмму Гучкова на имя генерала Врангеля, пересланную последним генералу Кутепову. Сведения действительно захватывающие: в руках большевиков только Москва и Петроград; в Царицыне расстреляно 150 комиссаров; Киев, Харьков, Орел, Царицын освобождены от коммунистов, везде анархия. По поводу этой телеграммы у нас в палатках кричали «ура». Настроение снова повысилось, снова усилилась надежда на более близкий конец нашим испытаниям... А между тем к этому дню положение большевиков в России вполне определилось: они справились с восстанием, но это пока не было известно у нас.

19.03.1921. Сегодня у нас появились слухи о том, что восстание подавлено. Газеты же, которые теперь до нас доходят, сообщают только о начале и середине восстания. Сообщаются подробности о боях у Кронштадта, в районе Ораниенбаума. «Общее дело» придает серьезное значение этим событиям, но скороспелых заключений не делает, между тем как «Пресс

дю Суар» широковещательно говорит уже о перевороте и агонии советской власти. Сколько раз в течение этих трех лет писалось об агониях и падении советской власти, у которой, вообще говоря, нормальной жизни еще и не было, но до падения и на этот, двадцатый по счету, раз оказалось далеко. Большевики выкручиваются из самых затруднительных положений, какие были бы не под силу другой власти и весьма цепко удерживают в своих руках господство в разоренной стране. Нужно сказать, что дело у большевиков поставлено здорово, и с ними не легко справиться даже более возмущенному народу. Наемные силы и надежные коммунистические части, притом шпионаж, которым они всё опутали, — в большинстве случаев не так много и нужно при полной дезорганизованности, запуганности и оторванности всех прочих, не имеющих в своих руках достаточно оружия.

20.03.1921. В газетах было много призывов прийти на помощь революционному Кронштадту, собирались пожертвования перевести туда: крупные суммы в сотни тысяч франков от целого ряда банков в Париже. Торгово-промышленный союз приступил к снабжению восставших продовольствием и предметами первой необходимости. Генерал Врангель и парламентский комитет обратились с воззванием к Соединенным Штатам, прося снабдить хлебом восставший Кронштадт. В Гельсингфорсе и Выборге была установлена связь с Кронштадтом, образован был комитет снабжения во главе с представителем генерала Врангеля в Финляндии проф. Гриммом и главноуполномоченным Красного Креста проф. Цейдлером²⁷¹, которые отправили пароход из Выборга в Кронштадт. Американский Красный Крест и американские власти выслали туда имевшиеся в Финляндии запасы муки, молока, консервов и т. п. и отправили из Стокгольма транспорт с мукой и предметами первой необходимости. Шведское правительство заявило о своей готовности принять на себя пересылку продовольствия в Кронштадт. Германское правительство заявило, что берет на себя снабжение всех освобожденных от большевиков областей продовольствием и предметами первой необходимости.

Кронштадтский революционный комитет установил связь с Западной Европой по телеграфу и радио. Через Выборг в Кронштадт были отправлены русские заграничные газеты и корреспонденция. В общем сделано было в этом направлении довольно много. Финляндия же под влиянием ультиматума большевиков не пропускала через свои границы ничего для Кронштадта. В смысле продовольствия восставшие располагали двухнедельным запасом питания, и не это послужило причиной падения Кронштадта. Надежды рухнули. Грузия окончательно прекратила свое существование. Батум занят кемалистами, вошедшими туда с согласия грузин с целью прикрыть эвакуацию. Не эвакуировавшаяся армия присоединилась к красным войскам. Много беженцев грузин прибыло в Константинополь.

Получил сведения, что флот наш совсем разложился (см. 9.02), и кроме старых галюш, стоящих на мертвых якорях в Бизерте, ничего не

осталось. Казаки разошлись с Врангелем и также как войско уже не существуют. Остался только один наш корпус, в котором сильна дисциплина и который представляет силу.

21.03.1921. Стало известно, что Англия подписала торговый договор с Совдепией. Одним из первых пунктов этого договора поставлено условие распыления нашей армии. В газетах появились сведения о разрыве между ген. Врангелем и казачеством. В Константинополе образовался «Союз возрождения казачества», который весьма отрицательно относится к попытке создать под главенством генерала Врангеля русскую власть в лице «Русского Совета» при Главнокомандующем. Казачество обвиняет главное командование в реакционности, ссылается на факт двух катастроф и их результаты. Казачество определенно разложилось, массами записывается для отправки в Советскую Россию. По газетам, Кронштадт пал 19 марта. Дредноуты «Петропавловск» и «Полтава» взорваны матросами. 19 марта в Риге подписан мирный договор между Польшей и Совдепией. Как сообщают, подписание англо-советского договора нисколько не изменит французской политики по отношению к Советам. Грузинское правительство в полном составе прибыло в Константинополь. Распространились слухи о том, что офицерам, окончившим пехотные училища, предстоит экзамен по артиллерии. Какую цель преследуют эти экзамены — не понять; хотят ли заставить публику подзаняться или освободить артиллерию от излишнего пехотного офицерства. Говорят, что генерал Кутепов уходит из армии.

22.03.1921. В газетах сообщается о том, что генерал Козловский с 8000 восставших перешел финляндскую границу. Американский Красный Крест высказал согласие взять на себя заботу по оказанию помощи и доставке продовольствия кронштадтским беженцам. Положение их тяжелое.

С табаком у нас целая мука: денег нет, курить хочется, а всё вышло. Объявили программы для экзаменов офицеров, окончивших пехотные училища. Программу действительно кто-то умный составлял. Там всё: и уставы, и теория стрельбы, и орудия, состоящие на вооружении русской армии, и материальная часть, и бомбометы, пулеметы, минометы, дело-производство, хозяйство, организация артиллерии, парк, транспорт, снаряды и их хранение, амуниция, запряжка лошади и уход за нею. Программа в данных условиях, безусловно, невыполнимая; руководств никаких нет — готовься как хочешь. Кроме того, распространился слух, что экзамены будут через неделю. Какую цель преследуют экзамены, не понять — если хотят заставить офицеров из пехоты позаниматься, то такой прием непонятен, если хотят освободить артиллерию от пехотных офицеров, то это в данное время не остроумно. Правда, многие из офицеров ни черта не знают, но пособить этому горю есть более совершенные способы. Всё, одним словом, делается по-русски.

Первое время пребывания здесь для каждого во всех отношениях пропало даром. Последние два месяца начали несколько заботиться

о совершенствовании армии в военном и других отношениях. Начала функционировать школа, образовались учебные команды. В городе последние дни у нас в лагере читаются лекции. В городе это поставлено довольно серьезно. Тут у нас открыто офицерское собрание — столовая. В общем, налаживается слегка жизнь. Уехали сегодня в Польшу два офицера бывшей 4-й батареи — капитан Гильцешевич и поручик Лысаковский. Перед отъездом полковник Шеин приказал им сдать одеяла. Это за многолетнюю службу. Какая мелочность и мерзость. Еще вначале, когда у нас была комиссия по освобождению, капитан Стоилов и поручик Мардиросевич возбудили ходатайство об отъезде в Бессарабию. Результат не был известен, но лир им не выписали; даже этой несчастной подачки в 2 лиры и то лишили. Названные офицеры остались в армии, и только тогда лиры были на них выписаны.

24.03.1921. Устроил скандал командиру батареи из-за еды. Просил выдавать мне продукты на руки, но ничего из этого не вышло. Публика как-то нерешительна наша, ничего сообща предпринять не могут, чтобы воздействовать на комбата и хозяйственную часть. Одно время в связи с восстанием Козловского добровольческие деньги сильно поднялись в цене, теперь же совсем снова упали, и сегодня, говорят, в городе совсем их перестали покупать; политическая обстановка, говорят, сложилась для нас крайне не выгодно. В штабе корпуса говорили, что мы отсюда скоро снимемся; называют почему-то Солоники, но ничего пока нам неизвестно, связано это движение с улучшением или ухудшением нашего положения.

Между Германией и союзниками отношения усложнились, союзники приступили к осуществлению санкций. Оккупация угольных районов пока проходит без эксцессов; всё осложняется. Вышел сегодня в свет 1-й номер батареинного журнала «Веселые бомбы». Получился довольно приличный комический журнальчик. Пока сотрудников очень мало: полк. Гриневич, барон, полк. Егоров, кап. Кутше и некоторое участие в нем принял я. Сильно навалились на хозяйственную часть батареи. Иллюстрирован журнал довольно прилично.

25.03.1921. Приехал бывший 4-й батареи капитан Конопацкий²⁷², эвакуировавшийся отдельно из Крыма и живший это время в далеком лагере. Говорит, что недавно приезжал к казакам генерал Абрамов (смотря он никакого не делал, а просто тихо с палочкой появился в центре лагеря и, собрав вокруг себя казаков, говорил с ними), который сообщил казакам, что одним из пунктов англо-советского соглашения было постановлено распыление нашей армии. В этом смысле англичане надавили на Францию, а те уже на нас. Французы Врангелю передали это в том смысле, чтобы он попросту объявил своей армии, что «пора кончать уже игру и расходиться». Французы предложили Врангелю три выхода: 1) перевезти всех в Совдепию; 2) отправить всех в Бразилию, причем на каких условиях, ничего не было сказано, и просьба Главнокомандующего сообщить о подробностях осталась без ответа; 3) разойтись кто как сумеет.

Генерал Врангель отказался выполнить эти предложения и обратился в Париж с такой просьбой: если распыление армии так уж необходимо, то он сможет ее устроить не так уж далеко от родины и не так разрозненно (2000 предлагала принять Сербия, 4000 — Венгрия на гарнизонную службу, остальных — на железнодорожные работы на о. Кипр). В ответ на это Врангель получил приглашение прибыть лично в Париж для переговоров, на что Главнокомандующий ответил так: два раза я просил и добивался личных переговоров в Париже, но мне в этом было отказано; я был оскорблен, но тем не менее ради армии сейчас принимаю это предложение при соблюдении следующих условий: во время моего отсутствия не будет предпринято никаких шагов к распылению армии и в любой момент мне должна быть гарантирована свобода возвращения из Парижа. Ответа на это Конопадский не знает, Врангель же в Париж не поехал.

26.03.1921. Слухов относительно вышесказанного в лагере было мало. Большинству это положение было неизвестно. Сегодня распространились слухи, что на военном совете в Константинополе удалось отстоять нашу армию, и мы якобы едем во Владивосток; Америка и Япония, по этим слухам, перевозят нас. Вечером барон, Гудим, Карпов и я прилично выпили. На экстренное совещание был вызван командный состав. В середине нашей пирушки пришел Кутше и сообщил, что дела наши здорово слабы. Особого впечатления на нас это не произвело. Каждый из нас видал уже столько видов, что ничто уже теперь особенно не действует. Мы продолжали мирно пить дальше.

27.03.1921. Выяснилось, что вчера полковник французской службы Томассен, командир сенегальского батальона и начальник гарнизона Галлиполи, вызвал генерала Витковского и сказал, что хотя он сам об этом сожалеет и понимает Витковского как офицер офицера, но тем не менее принужден объявить решение французов, которое он получил несколько дней тому назад, но всё оттягивал: 1 апреля французы перестают нас кормить, предлагают ехать в Совдепию (пароход уже подан и желающие сегодня же будут погружены), в Бразилию (нужно сообщить желающим), а остальным — раскассироваться. Положение создалось веселое. Максимум французы прокормят нас еще 15 дней. Прекратились все работы по оборудованию лагеря и проведению узкоколейки. Поднялись разговоры на животрепещущую тему.

Принято было это неожиданное известие довольно спокойно. В Совдепию записались ехать одиночные люди. Все остальные решили ждать Врангеля и от него услышать слово. Единодушие полное. Авторитет Главнокомандующего еще как-то усилился. Среди солдат приятно было слышать такого рода взгляды: «Как Врангель скажет, так и сделаем, скажет примириться — замиримся, скажет завоевать свои права — завоюем». Дроздовская дивизия днем устроила демонстрацию: с винтовками полк прошел мимо штаба дивизии, чтобы показать, что мы всегда на всё готовы. Настроение повысилось, определенно все сплотились больше, чем когда-либо.

В городе между нашими и французами произошло несколько эксцессов по поводу этого приказа. Сенегальцы обнеслись проволокой. Чувствуется, что, если бы это нужно было, сенегальский батальон в один момент снесен был нашими к чертовой матери. Греки настроены тревожно: ожидая эксцессов с нашей стороны, начали запирать магазины. Лично я, ни на минуту не смущаясь, в предупреждение событий занялся починкой и стиркой белья, чтобы приготовиться ко всяким случайностям.

Сегодня праздник Константиновского училища. Все артиллеристы-Константины встречают этот день здесь, в лагере. На берегу ручья недалеко от нашей кухни для этой цели специально поставили палатку. Всего пирует около 300 человек. Всё время, начиная с 13 часов, попеременно играло два оркестра музыки. Напились там здорово. Бросались пельменями, стреляли в пирог, многие выходили из палатки, падали и засыпали во рву. Такими «труппами» было покрыто всё поле. Из батарей офицеры ходили на поле битвы и отыскивали своих, которых водворяли на место в свои палатки на руках или переносили на носилках. Наши притащили 4 «труппа»: полк. Мартакова²⁷³, барона, Стоичева, Ширкова. Положение пришедших из города было хуже: для них скорой помощи организовано не было и несчастные продолжали лежать. Говорят, что по дороге в город во многих местах валялись «трупы». Многим из напившихся не повезло: с некоторых какие-то прохвосты сняли сапоги, брюки, френчи. И таких было немало.

28.03.1921. Пока еще ничего относительно ультиматума Франции дополнительно не выяснилось. Ходят слухи, но ничего не понять. В приказе по корпусу Кутепов предупреждает против враждебных выступлений по адресу союзников. Все ждут генерала Врангеля, и, насколько можно понять из разговоров солдат, публика готова на всё. Все настроены очень бодро и даже несколько заносчиво. Во Врангеля солдаты верят и говорят, что он всё устроит. По поводу вчерашнего Константиновского праздника Кутепов, как говорят, сделал соответствующее внушение генералу Фоку и указал, что подобного рода «Мамаево побоище» на глазах солдат недопустимо. Работы в исторической комиссии в связи с событиями приостановились. Вечером в компании барона, Слесаревского, Шинкевича и Адамовича распили бутылку водки, что получилось хорошо.

29.03.1921. Всё несколько успокоилось — кризис пока миновал. Генерал Врангель отказался от всех этих предложений. Говорят, что он заявил, что высадка в Совдепии даст армии 100 % смертности, поездка в Бразилию — 90 %. Дальше он указал, что может перевести армию в дружеские славянские земли или во Владивосток, а если нужно выбирать только из того, что предложили союзники, то мы можем отправиться в Совдепию только в том случае, если нам вернут оружие.

Приехал из Константинополя Кутепов, который передавал, что французы не рассчитывали на такое стойкое противодействие армии, которую они считали разложившейся подобно Донцам (в разложении Дон-

цов французы сыграли немаловажную роль и занимались некрасивыми приемами и гнусной пропагандой и подтасовыванием фактов). Теперь, после отказа Врангеля выполнить ультиматум, вопрос о нашем существовании пока остается открытым.

Французы стали предупредительны и на Пасху даже обещали увеличить паек. Передают довольно интересный доклад генерала Шарпи после посещения им Галлиполи представителю союзного командования в Константинополе относительно состояния нашей армии. Говорят, Шарпи на вопрос этот ответил так: «Вы знаете генерал Баварскую гвардию, которая была на французском фронте, так она уступает по своим качествам корпусу генерала Кутепова». — «Так, вы думаете, что они могли бы занять Константинополь?» — «Очень свободно», — ответил Шарпи. У французов, говорят, здесь всего 18 батальонов, которые распределены по разным местам. В случае какого-либо столкновения французы могли бы почувствовать себя не совсем хорошо, но это было бы безусловно нашим концом, хотя почему-то некоторые с задором говорили о победном марше на Константинополь.

30.03.1921. Говорят, что мы здесь не останемся, а через некоторое время уедем или в Грецию, или в Сербию, или в крайнем случае в Сибирь, куда, говорят, армию приглашает Семенов. Пока что всё снова утихло. Настроение как-то упало; всем хочется какой бы то ни было перемены этой обстановки, этих условий, этой давящей неопределенности.

Становится тепло и даже жарко. Консервы совершенно растапливаются в банках; открываешь, а оттуда течет что-то неприятное, жидкое; кокосовое масло тоже растапливается и прилипает не только уже к посторонним рукам, но и к посторонней посуде, благодаря этому доходит уже в половинном размере. Сегодня выдавали какое-то деревянное масло в виде лампадного — удивительно противное и жидкое. Летом будет здесь слабо.

31.03.1921. Снова всё пошло уже по-старому; продолжают строить узкоколейку, которой, кажется, не суждено быть законченной даже в том случае, если бы мы прожили здесь более 300 лет, но что же сделать, если в этом строительстве заинтересованы сами строители. С баней в нашем дивизионе тоже панама. Были отпущены деньги на баню (800 драхм), как ни уговаривали, что это лишняя затея, что теперь уже тепло, все будут мыться на воздухе, поэтому эти деньги выгоднее использовать на стол или что-нибудь более необходимое. Кому-то понадобилась всё же эта постройка. Вызвали зря людей на работы, тратили деньги, баню не построили, на середине бросили работу и продолжать не будут — всё чисто по-русски.

01.04.1921. Пятница. День обычный, как-то слухов почти нет. Нервы у публики после напряжения успокоились, и замечается даже какой-то упадок духа. Надоевшее до чертей сидение здесь еще откладывается. Настроение всё понижается, становится ясно, что публика основательно

недовольна существующими у нас порядками. И не мудрено, сами же начальствующие лица своим поведением и делами ведут к разложению. Везде воровство, ловчение; не думая ни о чем, многие считают почему-то для себя удобным жить за счет других. Назначают даже офицеров в пехоте для личных работ начальников, на уборку ровиков в штабе дивизии, что имело место, пока об этом не было доложено при опросе претензий и пр.

Теперь в пехоте целая мания с постройкой землянок. Начиная чуть ли не с командира роты, каждый решил выселиться самостоятельно в землянку на лето и заставляет подчиненных рыть себе жилище. В кавалерии, например, офицеры не несут совсем нарядов, имеют денщиков, заставляют рыть себе чуть ли не каждому отдельную землянку и пр. Понятно, что такой образ действий возбуждает недовольство, и в один прекрасный момент из всего этого может получиться плохая шутка. Кроме того, пища отвратительная: у нас ужина уже давно нет. Публика по полю ищет черепах и варит. Говорят, что это вкусная штука, но я еще не пробовал такого блюда и пока не хочется.

02.04.1921. Снова начал заниматься к экзаменам, но дело идет плохо, противно учить уже отжившие уставы, за них прямо не могу никак взяться. А кроме того, как-то впереди не видно никаких целей и поэтому к результатам экзаменов относишься совершенно безразлично.

Публика начала увлекаться спортом. По приказанию генерала Куртепова, начиная с 30 марта открылся футбольный матч за переходящий кубок 1-го армейского корпуса. Ежедневно происходит состязание между футбольными командами различных частей. Лучшие команды у Корниловцев и у Дроздовцев; их встреча произошла 30 числа и окончилась в пользу Корниловцев 2:0. Я был на этом состязании и довольно живо переживал игру. Генерал Туркул пользовался властью командира полка, чтобы улучшить и воздействовать на игру «дроздов», но это не помогло.

Прибыло, говорят, много обмундирования, но мы пока получаем одиночные комплекты белья. За всё время почти все успели получить по две пары.

03.04.1921. Пошел весенний дождичек. Деревья и трава зазеленели уже основательно. В связи со слухами о поражении греческой армии начали говорить, что нас принимает к себе в армию Греция с тем, чтобы мы участвовали в этой не относящейся к нам войне. Этому слуху, конечно, никто не придавал особого значения, но он всё-таки вызвал довольно оживленные разговоры в некоторых компаниях. В общем не понять: не то публика на всё согласна, не то ни на что не согласна. Лично я такого выхода не желал бы и предпочел бы его только в исключительном случае.

Вечером пошел в клуб, вернее в грязный кабачок в городе поиграть в карты. Давно уже никуда не выходил, поэтому промяться было очень приятно. Город принял очень чистенький и опрятный вид. Все наши сильно подтянулись. Выиграл около лиры, поел инжира и около 1 часа ночи вернулся домой.

Образовался шахматный турнир. В офицерском собрании шахматисты просиживают целыми днями.

04.04.1921. Весь день шел дождь. Снова невылазная грязь. С левым коленом у меня неблагополучно: сильные ревматические боли не дают покоя, часто от боли просыпаюсь ночью и не сплю часа полтора-два. С зубом тоже скверно: побаливает и гниет; лечить не на что и приходится махнуть на него рукой.

Был на устных занятиях генерал Ползиков, он никого не спрашивал, а только слушал; отвечала публика довольно слабо. Читал сегодня вышедший 1 числа дивизионный журнал «Лепта артиллериста». Впечатление довольно слабое, но такое начинание надо приветствовать. Никто только не хочет раскочкаться и сотрудничать в журнале. Мое участие в этом журнале выразилось в том, что я дал около 10 оригинальных задач по средней и высшей математике. Сотрудников пока там мало, и материала предоставлено было немного: выбирать было не из чего.

05.04.1921. Некоторое время тому назад генерал Шатилов²⁷⁴ уехал в Сербию, так сказать, позондировать там почву и сговориться. 3 числа генерал Кутепов снова вызван в Константинополь. Определенно говорят о Сербии, одни утверждают, что мы там будем в качестве армии, другие — на работах. Но пока еще ничего неизвестно. Привилась игра в покер. Втянули меня тоже в эту игру, и я проиграл снова всё выигранное в городе, а до лир еще далеко.

06.04.1921. Официально стало известно, что Америка протестует против отправки нас в Совдепию или Бразилию. На строевых занятиях у нас в батарее был генерал Ползиков. Много было комичных номеров, путались в самых простых перестроениях. Удивляться нечего, если у нас в батарее занятий почти не было. Всё время устраивали так, что в дни занятий у нас выяснялась постоянная необходимость идти всем за дровами или произвести какую-либо неотложную работу.

07.04.1921. Говорят, ожидается приезд генерала Врангеля. Почему-то снова появились какие-то сведения, что с французами у нас ничего не выйдет и что всё-таки до 1 мая нам придется отсюда куда-либо убраться. Французы, должно быть, не особенно довольны, что в свое время дали нам здесь приют. Теперь им довольно тяжело избавиться от таких гостей. Французы прибегают к всевозможным средствам, как говорят, не пренебрегают ничем, подсылают агитаторов, распространяют всевозможные слухи, чтобы распылить нас, но ничего пока не выходит. Угрозы не кормить дальше не действуют; одним словом, в этом отношении они встречают стойкое сопротивление; хотя внутренне между собой мы не так уж прочно связаны, внешнему давлению пока не особенно поддаемся.

08.04.1921. Везде идет усиленная работа по украшению наружного вида лагеря. Вдоль линеек устраиваются грядки и клумбы, обкладывают их дерном, а внутри выкладываются разные комбинации из камней, мелких раковин, глины и пр. Мы хотели выпустить 2-й номер нашего бата-

рейного журнала, но вследствие того что за эти дни произошло много комических происшествий, решили выпустить 2-й номер на днях. Решили обложить как следует дивизионный журнал «Лепта артиллериста». Мне поручили написать едкую критическую статью со злым смехом на статью в номере 1 журнала «Лепта» относительно английской панорамы, в которой я нашел ошибки в рассуждениях и доказательствах. Первый номер батарейного журнала понравился другим батареям и теперь во втором приняли участие офицеры 1-й батареи. Число сотрудников увеличилось, а главное, во 2 номере принимают участие наши художники Глеб Слесаревский, Лавринович, а то раньше вся разрисовка лежала на одном полковнике Егорове. Материалу набралось уже достаточно. Номер получился в общем весьма приличный. Сейчас приступили деятельно к его «печатанию», т. е. берем офицеров с хорошим почерком и усаживаем их за переписку статей и стихов.

09.04.1921. Вчера вернулся генерал Кутепов. Передавали новости, которыми он поделился. Будем жить мы здесь еще месяца полтора-два. Французы стали предупредительными. Ничего еще неизвестно, начали выяснять только вопросы относительно перевода армии в Балканские государства; для переговоров относительно этого Главнокомандующим командирован генерал Шатилов.

Передавали подробности последней погрузки и отправления Донцов в Совдепию. Французы всё время агитировали среди разлагающихся Донцов, выстроили казаков отдельно от офицеров и заявили им, что офицеры их обманывают, что начальству выгодно сохранить армию для того, чтобы остаться в тепленьких местах и кормиться, ничего не делая; что 1 апреля довольствие бесповоротно прекращается; что в Совдепии отправленные ранее партии были приняты хорошо (сведения относительно этого были совсем обратные), и всячески убеждали казаков. Во время этих разговоров у берегов Лемноса крейсировали французские миноносцы, а лагеря были окружены пулеметами. Многие записались под влиянием таких приемов, но многих грузили насильно под угрозой пулеметов. Главнокомандующему это, видимо, не было детально известно, потому что он принял решительные меры только тогда, когда два транспорта — «Дон» и «Решид-паша» — с 7000 Донцов остановились на Константинопольском рейде под охраной французских военных судов. Генерал Врангель принял меры к задержанию этих транспортов, протестовал против насильственной погрузки, разъяснил Донцам истинное положение вещей, и после этого было приступлено к опросу добровольно желающих ехать в Совдепию. Записалось, как говорят, теперь не очень много, а остальные будут возвращены обратно в лагерь.

10.04.1921. Замечается довольно резкий перелом в настроениях в худшую сторону. Сегодня в информационном листке приказ Главнокомандующего относительно описанной провокации французов, выражающий протест. По приказу Главнокомандующего, бывшему еще в начале

нашего поселения в Галлиполи, сидение всем будет засчитываться как пребывание на фронте. Благодаря этому продолжается дальнейшее производство. По этому поводу в связи с обстановкой в городе, как говорят, ходит по рукам хорошая карикатура: в строю стоят одни генералы, в отдалении единственный оставшийся в полковниках кашеварит на всех. Врангель с большой седой бородой, с палочкой, в сопровождении престарелых Кутепова и Витковского производит смотр в 1951 году и говорит: «Держитесь, орлы, пройдет еще два месяца, и нас признают».

11.04.1921. Вышел 2-й номер нашего журнала «Веселые бомбы». Издан он прилично, много рисунков карандашом и, главным образом, красками. Интересно то, что 2-я полубатерея (быв. 4-я батарея) не принимает совершенно участия в этом издании, хотя все приготовления и работа протекают у них на глазах. Номер этот понравился всем. Из 1-й батареи всё время прибегают офицеры с тем, чтобы взять его для прочтения. Публика заинтересована.

12.04.1921. Некоторое время тому назад капитан Осипов²⁷⁵ 1-й батареи получил из Сербии от своего родственника курс по высшей математике на немецком языке. Он сам занимался, я несколько раз брал у него эти руководства, но дело как-то не шло, не было регулярности в занятии. Я предложил организовать небольшую группу с тем, чтобы совместно проходить математику. Так как в бараках из-за шума заниматься нельзя, то мы ходили на бугор и, лежа на траве, приступили к серьезным занятиям. Пошло дело очень хорошо, переводили без особого труда, хотя немецких словарей ни у кого нет. Стараюсь переводить применительно к русскому математическому языку. Прямо приятно было поработать.

Как ни странно, но мне пришлось убедиться, что на меня обстоятельства совсем не действуют. Я всё время остаюсь спокойным как внешне, так и внутренне. Положение наше, вообще говоря, безотрадное. Лично я о будущем совсем не думаю, а только по временам вспоминаю прошлое, и тогда становится грустно на душе. Сегодня как-то скучно стало, захотелось выпить. Раздобыл в долг денег, и мы с Гудимом слегка ахнули. В 1-м купе выпивали основательно, там дернули наши старшие, и в разгар выпивки пригласили полковника Шеина. Согласно приказу, в 11 часов ночи (по солнцу в 10, у нас почему-то перевели часы месяца полтора тому назад применительно к приказу французского командования) в бараках должна быть полная тишина. У нас шум продолжался много позже положенного часа. Я был спокоен. Гудим же ночью решил отправиться в город и с шумом вышел, но выйдя на бугор, залег. Наши старшие устроили пение и гвалт.

13.04.1921. Говорят, с французами полный конфликт. В городе ходят слухи о перемене ориентации. Кроме Сербии, называют еще почему-то Венгрию. По поводу вчерашней выпивки генерал Ползиков разразился не особенно интересным приказом, что нарушителями тишины являются всё одни и те же лица (другими словами, 1-е купе) и что подобные

господа не могут быть терпимы в артиллерийской среде, которая всегда шеголяла своей воспитанностью и вежливостью. Сегодня вечером между 10—11 у нас без выпивки подняли шум и начали распевать пьяные песни — «Чарочку» и пр., учинили, так сказать, демонстрацию.

14.04.1921. На переключке прочли запоздавший приказ генерала Врангеля, выданный еще 22 марта после предъявления французами ультиматума о распылении: «Держитесь, орлы, — говорилось там. — Как и год тому назад, я говорю вам, что выведу с честью из создавшегося положения». Вечером мимоходом кто-то наспех объявил в нашей офицерской палатке о том, что производится запись желающих ехать в Бразилию. Это считается официальным объявлением. Я не буду касаться того, что вообще у нас из офицеров мало кто или, вернее, никто не поехал бы туда, но нужно же об этом объявлять как следует, а то получается какая-то игра в прятки. Солдатам, например, сегодня об этом не объявили совершенно. В общем, всё делается устарелыми приемами. Считают всех, должно быть, несообразными или, вернее, те, которые так умело распоряжаются, сами не соображают.

15.04.1921. Сегодня о Бразилии между прочим нехотя сообщили солдатам. Когда некоторые пошли записываться, полковник Шеин заявил, что теперь уже поздно. Это уже издевательство. Само собой понятно, что это вызвало бурю негодования среди солдат. Говорили, что тех, которые в свое время записались в Совдепию и потом не были отправлены, были отправлены нашим начальством в дисциплинарный батальон. Эта же участь, по слухам, постигла и записавшихся теперь в Бразилию юнкеров. В некоторых частях в Бразилию записалось немало не только солдат, но и офицеров. Как выясняется, французы предложили переезд в Бразилию без ведома и без согласия последней на прием туда нашей публики.

16.04.1921. Работали над украшением передней линейки. Возили на себе дерн на передке турецкой походной кухни. Цель этой работы никому не понятна, а бесполезность ее буквально всем очевидна. Говорят, что до или после Пасхи приедет генерал Врангель с представителями Русского Совета в Константинополе, которые хотят лично убедиться в духе и состоянии армии. Говорят, что самыми злыми и опасными врагами армии являются наши же русские. Политическая вражда и борьба продолжают существовать, причем многие партии добиваются распыления армии. Распространяются самые гнусные слухи, кроме того, поведение русских, ушедших из армии, как нельзя лучше способствует укоренению устанавливающегося за границей мнения, что армия не расходится потому, что тут собралась банда, которая не в состоянии работать и предпочитает, совершенно деморализовавшись, лежать целыми днями в лагере и ничего не делать. Говорят, что 3—5 мая мы отсюда двинемся в Сербию; кавалерия и легкая артиллерия якобы поступают на пограничную службу, а остальные на постройку и охрану железных дорог; точно же ничего неизвестно. Сюда приходит еще один сенегальский батальон и переводится авиаци-

онная база. Последние дни французские аппараты летают над лагерем. Настроение у нашей публики не совсем важное.

17.04.1921. Было интересное заседание исторической комиссии. Полковник Булатов²⁷⁶, говоря по вопросам, не имеющим прямого отношения к нашей работе, начал с того, что историческая комиссия, работая всё время над собиранием материалов по истории гражданской войны, была в состоянии констатировать те причины, которые повлекли за собой одну за другой Новороссийскую и Крымскую катастрофы. Все те гибельные причины налицо и отсюда неизбежное заключение, что мы снова кончим катастрофой. Продолжаются пьянство, грабежи собственного имущества, воровство, надувательство, ничегонеделание и прочее. Авторитет начальства упал, друг другу никто не верит, не уважают и пр. Получаем все одинаково, а между тем почему-то командный состав имеет возможность всё время пить, шикарно одеваться и пр. В артиллерии это еще незаметно, но в пехоте всем бросается в глаза. Командир 2-го батальона полковник Елецкий продал массу одеял и продолжает себе ходить на свободе, и таких примеров немало. Корпусная лавочка в лагере снабжает штаб дивизии за счет интересов других членов. Всё это и все другие мерзости, которые видны на каждом шагу, совершенно открыто обсуждаются в бараках. Хорошего впечатления они произвести, естественно, не могут. Все недовольны существующим порядком, и поэтому армия медленно идет к разложению, которое очень скоро может повести к окончательной катастрофе. Поэтому, по словам Булатова, мы из себя не представляем никакой силы, так даже самые старые добровольцы-офицеры начинают уже говорить, что из этой лавочки ничего не выйдет, и на переезд в Сербию они смотрят таким образом, что это облегчит только условия их ухода из армии. Потом это головкружительное производство в чинах, которое дает всё больше и больше ничего не желающим делать полковникам. Это уже не армия, если у нее нет рядовых бойцов. В общем, он говорил о многом и суммировал те беспорядки, о которых я говорил понемногу почти в каждом дне моих заметок. Предлагал он от лица исторической комиссии подать всем вроде докладной записки непосредственно генералу Врангелю и всем промежуточным начальникам, в которой открыть глаза главному на действительное положение вещей.

Относительно некоторых его взглядов у Булатова начались прения с полк. Протасовичем, после чего первый сказал, что он жалеет, что начал говорить об этом в военной среде, которая, по его мнению, с самого детства вывихнута. Ни о чем нельзя говорить как следует, сейчас же каждый начинает из себя корчить начальника, говорить, что это противно дисциплине и пр. Несомненно одно, что переход в Сербию сильно отразится на численности армии: многие исчезнут. Если же там мы попадем на работы, то почти все разойдутся: никому неинтересно, чтобы на его шее ездили и кормились другие. Вечером относительно этих положений у нас в батарее разгорелись усиленные прения, в которых я принимал живейшее участие.

18.04.1921. Распространяются слухи, что Италия и Румыния протестуют против нашего переселения в Сербию или Венгрию, боясь усиления армий тех государств. С другой стороны говорят, что соглашение уже состоялось, что мы будем переправляться туда по частям, что штаб корпуса будет размещен в Старой Сербии в Нише, в районе которого мы будем расселены. В общем, не поймешь. Здесь каждый день ловят змей. В 1-й батарее почти ежедневно в палатке убивают сколопендр. У меня в постели завелся целый муравейник. Лето, как говорят, здесь, кроме змей, неприятно еще и тем, что пересохнут все ручьи и с водой будет необычайно тяжело. Переход будет тяжелый — пешком.

19.04.1921. Попал в лагерь листок-декларация французов. Там говорится, что исключительно человеколюбие и не какие-либо политические цели побудили французов дать приют нашей армии. За это время армия отдохнула и с новыми силами может уже взяться за честный труд, а не рассчитывать на дальнейшую помощь французов, которым каждый месяц содержание армии обходится свыше 40 000 000 франков, а за всё время истрачено более 200 000 000 франков, между тем как гарантии командования армии, заключающиеся в судах, едва достигают, по их словам, 30 000 000 франков. Эти расходы, по их словам, не по силам, и они надеются, что мы это поймем и честно перейдем на собственное иждивение. Одним словом, они хотят сказать, что пора уже и честь знать. Другого ответа на этот листок, кроме усмешек, я у читающих не замечал. Некоторые, правда, ругались и возмущались.

В лагере был Кутепов. Он сообщил, что генерал Шатилов еще не вернулся и пока ничего определенного не известно: таким образом, все эти разговоры — только болтовня и предположения.

20.04.1921. Из ставки сообщают, что Югославия, Болгария, Греция, Чехословакия принимают нашу армию, переговоры о деталях успешно продолжаются; вчера получили по две лиры. Сегодня у нас в бывшей 3-й батарее состоялась солидная выпивка, принимали участие почти все. Шум и гам продолжались далеко за полночь. Дежурного по дивизиону полковника пристроили к нашей выпивке. Ночью скрылся шт.-кап. Кокорев, он устроился на службу на пароход.

21.04.1921. По поводу вчерашней выпивки генерал Ползиков снова разразился приказом, указал, что меры дежурного по дивизиону не помогли (а тот пил вместе с нами), меры полковника Шеина были недостаточными и запоздалыми, и ему объявлен выговор, а полковнику Самуэлову приказано ознакомиться с приказом по поводу прошлого пьянства. Дальше было сказано, что противно доискиваться фамилий виновных, а в случае повторения подобного виновные будут преданы суду чести и будут удаляться из дивизиона. Приказ довольно возмутительный по содержанию. Весь день пролежал. Чувствовал себя тяжело после вчерашнего.

С погодой как-то не понять. По всем данным здесь сейчас должна быть полная весна. Но этого совсем не чувствуется. Правда, всё позелене-

ло, но никакого весеннего запаха не чувствуется, никаких птиц не слышно. Если бы даже тут были только вороны и грачи, и то было бы веселее. В их весенних криках чувствуется особый страстный призыв, который наполняет душу каждого. Но и этого тут нет. Ни трава, ни деревья не пахнут, никто не щебечет; с одной стороны, это скучно, а с другой, — лучше, потому что, если бы здесь среди природы была разлита весенняя страсть, то еще больше бы потянуло к своим местам, к родным, к любимым людям и делалось бы на душе еще тяжелее, еще безотраднее.

22.04.1921. Французы расклеивали в городе листок-декларацию, о котором я говорил 19 числа; повсюду наши со смехом срывали эту декларацию. Около одной из таких приклеенных деклараций были представлены даже чернокожие часовые, но наша публика всё же ухитрилась и ее сорвать. Все обращения и угрозы французов пока совсем ни на кого не действуют. Много агитаторов работает здесь над распылением нас, и если они имеют некоторый успех, то только потому, что наше высшее начальство создает для этого удобную почву. Положение ушедших в беженцы и живущих тут особым лагерем поистине ужасно, это почти форменное издевательство над людьми, которые, как бы там ни было, а в свое время честно воевали. Всё в общем плохо.

23.04.1921. Начинают говорить о передвижении в Сербию. По-видимому, этот переход придется совершить пешком. По всем признакам, придется расстаться с частью своих вещей перед этим походом. В информационном листке было о том, что французы предлагают устроить несколько тысяч на работу на Мадагаскар и на Корсику. Предлагают ехать также во Владивосток. Пока записи ни в одно из названных мест не производится. Настроение у публики в общем падает. Нет уже уверенности, и близится час, когда не только солдаты, но и многие офицеры начнут записываться и разъезжаться.

24.04.1921. Занятия по математике у нас идут довольно успешно. По дифференциалам прошли около 250 страниц. Занимаемся за канцелярским столом в палатке Ползикова. Интересно то, что в данное время происходят собрания командиров батарей и штаб-офицеров дивизиона, которые занимаются переработкой артиллерийских уставов и тактики артиллерии. На меня такие занятия производят довольно странное впечатление: кажется, что люди никак не хотят примириться с тем, что в данное время нужно было бы основой командного состава поставить нечто другое, а то публика создает себе иллюзию какого-то дела, какой-то работы и сама этим удовлетворяется, считая, что в этом заключается в данное время служба армии и русскому делу.

Тем более такие начинания странны, что имеются сведения, что Сербия принимает на службу лишь немногих, а остальные принуждены будут работать. Если собираются воевать, то нужно прежде всего сохранить армию, а у нас это сохранение выражается только в том, что на бумаге, в приказах стараются говорить о долге, надеждах, испытаниях, добле-

сти, то есть, языком начальства выражаясь, «подбадривать дух словами», а между тем все дела наших «отцов» таковы, что противно и мерзко делается. С одной стороны, уговаривают не расходиться и даже различными путями препятствуют этому, а с другой, продолжают все перечисленные мною разные преступления. Можно определенно сказать, что этим людям не хочется расстаться только с теплыми местами, на которых они могут творить беззакония и подлости, а от какой бы то ни было идеи и от блага родины они дальше, чем кто бы то ни было. Понятно, что самые твердые и идейные люди, видя, что наша организация безнадежно и бесповоротно гнила, гниет и продолжает гнить во всех местах, решают махнуть рукой и, пожалев о том, что в течение 3 лет они в такой безнадежной компании жили утопией, думая, что такая темная публика может дать светлое будущее России, одному злу противопоставляя другое, не лучшее по своим качествам, заслужат симпатии русского народа. Лучше об этом не распространяться, а то как-то тяжело и больно делается за других и себя.

Весь день и всю ночь идет весенний дождь.

25.04.1921. В информационном листке штаба корпуса сегодня сообщалось, что согласно имеющимся из ставки сведениям, Сербия принимает нашей публики всего только 9—10 тысяч, из которых только около половины поступят на пограничную военную службу, а остальные будут привлечены на работы. В первую очередь начнут перевозить казаков, так как они, по словам Главнокомандующего, на о. Лемнос находятся в худших условиях (должно быть, в смысле большого давления на них французов вследствие меньшей дисциплинированности казаков). Интересно то, что о согласии на этот переезд со стороны французов не сказано ни слова, а это, я думаю, может сыграть в данном случае решающее значение. Вообще, хотя и говорят, что переезд в Сербию дело уже решенное и что на 3-й день Пасхи мы двинемся туда походным порядком, и только вещи и семейные будут отправлены на транспортах, но в действительности ничего пока еще нет решенного, выясненного и определенного, а тем более прочного, что не могло бы измениться и произойти так, как это может нам совсем и не желательно.

Во всяком случае, даже и те сведения, которые получены, и то утешительны: работать в Сербии на других наших же русских, не знающих ни меры, ни предела, никто не захочет. И чего, в самом деле, одни будут трудиться, в то время когда другие будут пьянствовать. Гораздо проще тогда разойтись и начать самостоятельную жизнь; по крайней мере, что заработаешь, то и получишь сам, а то эта военная организация во время работ всем нам хорошо понятна. Всё время от всех слышишь такого рода несогласие с предполагаемым новым устройством нашей жизни. И эти работы, по-моему, уже окончательно решат судьбу многострадальной армии. Очевидно, командный состав думает, что мы все страшно привязаны к военному строю, потому что обязательно подчеркивается то, что если часть армии будет на работах, то эта часть всё так же сохранит военную организацию. Это утешение действует как раз обратно.

26.04.1921. Весь день ливень. Такого еще не было. Палатка протекла даже. Ночью то же самое. Шум от этого ливня в палатке стоит невероятный, трудно даже разговаривать. Повсюду с гор текут целые желтые речки. Ручей наш разлился и шумит. Приятно было как-то смотреть на него, немного напоминало нашу русскую весну. Теперь вода сделалась невозможной для питья. Говорят, что к Пасхе получим кое-что из лир, называют 9 драм на человека. Лицам командного состава якобы будет выдано единовременное пособие, что-то вроде 15–20 лир и выше. Интересно, за что их хотят благодарить?

27.04.1921. Сегодня должна была состояться погрузка на «Рион». Так как записи у нас никакой не производилось, то ночью сегодня исчезло 8 солдат. Поступок их вполне понятен, тем более что от отъезжающих отнимали одеяла, котелки, а в пехоте даже шинели. У нас почему-то нет нормального отношения к тем, кто по тем или иным причинам и сообщениям решает расстаться с армией. Вместо того чтобы поблагодарить человека за его службу и помочь ему на дорогу, чем можно, начальство провожает отъезжающих враждебно и отнимает у них казенные вещи. Когда утром было обнаружено исчезновение солдат, то по приказанию командира дивизиона (из других батарей тоже бежали) от батарей были посланы офицеры с солдатами, чтобы задержать беглецов, а если это уже невозможно и они погрузились, то отнять у них оба одеяла и посуду. Само собой понятно, что этими способами ничего не могли добиться.

Американцы перед погрузкой выдавали отъезжающим пижамы, белье и подарки. Многие становились в очередь за получением и, получивши, не грузились. Некоторым же не удалось отвертеться, и их погрузили против желания. Несмотря на просьбы таких лиц, их не соглашались сгрузить. Это было доложено генералу Кутепову. Он вызвал две училищных роты, которые, выстроившись перед сенегальским караулом, демонстративно зарядили винтовки. Сенегальцы разбежались. У французского коменданта, говорят, был жалкий вид, когда он с рукой под козырек бежал за Кутеповым по пристани. После этого номера по требованию Кутепова французы согласились сгрузить нежелающих ехать. Таких оказалось 29 человек. Уехало вообще много. По сведениям американцев, через них прошло 4000, которым они выдали костюмы и подарки. По нашим сведениям, уехало 1800 человек.

Часов в 11 приказано было открыть запись, и тех, кто запишется до 1 часу дня, отправить на погрузку. Причем отъезжающим приказано оставлять одно одеяло и посуду. У нас из сводной батареи вместе с безавшими уехало 22 человека. В пехоте что-то не понять, записи везде производятся крайне странно. Тот, кто за этот час запишется, поедет, а кто не успеет, тот не имеет права ехать. Из учебной артиллерийской команды уехало 30 человек, из кавалерии 900. Многие солдаты, приходя прощаться, были совершенно расстроены: у них стояли слезы на глазах. Свыклись все друг с другом; батарея — это для каждого из нас второй дом, где все

люди свои. Кроме того, поехать в Бразилию — это не шутка, рискнуть поехать туда — это одно, а выкарабкаться оттуда это другое. Многие едущие туда это сознавали и не мудрено, что они с тяжелым сердцем уезжали. Из офицеров дивизиона уехал капитан Соколов 1-й батареи, человек, служивший в части с Румынского похода.

Сегодня и нам выдали американские подарки: пижамы и мешочки (в этих мешочках были вложены мыло, бритвенные принадлежности, полотенце, шоколад и пр., но всё это, конечно, кем-то было вынута, и мы получили только голые пустые мешочки для умывальных принадлежностей). Полковник Шеин поступил сегодня крайне безобразно и не тактично. Пижамы он приказал разыграть только между офицерами, а солдатам выдали только половину этих мешочков. Солдаты возвратили демонстративно эти мешочки, заявив, что они отказываются от них. В других батареях костюмы давались поровну офицерам и солдатам, а в 4-й сводной офицеры сами отказались от них в пользу солдат, а у нас такой номер, которому нет оправдания.

28.04.1921. Возмутительный номер отколол генерал-лейтенант Достовалов, бывший начальник штаба 1-й армии, а теперь наштакор. Тут произошла темная история с драгоценностями из симферопольских сейфов; эти драгоценности исчезли таинственно с парохода в Константинополе. Несколько раз против Достовалова подымалось дело каким-то подпоручиком, которому угрожали многим, если он не успокоится, но тот не унимался. Наконец дело повернулось так, что Достовалову нужно было уйти. Его хотели назначить военным представителем в Сербию, но потом эта «чаша» миновала нашу армию. Это было бы прямо вызовом Русскому Совету в Константинополе, который со своей стороны собирался предать его суду. Перед проводами Достовалова Кутепов дал 15 лир на прощальный обед, или ужин, и присутствовал там сам.

Достовалов вообще вел довольно веселый образ жизни. Из казенных денег он взаимобразно взял за два раза 1500 лир, кроме того, Кутепов на дорогу дал ему 300 лир (из каких это денег, интересно, и на каком основании). Кроме того, Достовалов в компании с полковником Чертковым²⁷⁷ и еще двумя военными занимался спекуляцией, привозя из Константинополя какие-то вещи для продажи здесь. В момент его отъезда в Константинополь по делам спекуляции там находился полковник Чертков. Достовалов, захватив с собой общие спекулятивные деньги и золотой портсигар Черткова, скрылся. 1500 лир он также, конечно, оставил себе на память. Прилично со стороны высшего командного состава? Говорят, приказано его задержать и арестовать. Таких людей у нас много, и немудрено, что можно плюнуть на всё и уйти подальше от таких благодетелей.

29.04.1921. В помещении лагерного театра слушал доклад Даватца, который был командирован в Константинополь командиром корпуса и теперь делился своими впечатлениями. Ничего особо интересного он не сообщил. Работа в Русском Совете налаживается. Из 10 мест по назначению

Врангель заместил только четыре: кн. Павел Долгоруков, Шульгин, Алексинский²⁷⁸ (плекхановец) и генерал Данилов²⁷⁹. Партийных разногласий там не бывает, идет здоровая работа. Относительно Сербии встречаются экономические затруднения в смысле перевозки. Относительно средств для содержания армии существуют такие предположения: самообложение русских живущих за границей (считают что таких до 2 000 000, если только половина из них относится благожелательно к армии и будет давать по лире в месяц с человека, то и то составляет сумма в 1 000 000 лир в месяц). Кроме того, рассчитывают на помощь американского миллиардера Форда, который всё время тратил и тратит большие суммы на борьбу с большевиками, субсидирует газеты со специальным направлением и пр.

1917 Кроме того, большая надежда получить большие ценности, находящиеся в руках наших бывших послов и представителей за границей. Все послы объединились в один дипломатический корпус под председательством посла Гирса²⁸⁰. Они заявили, что все имеющиеся у них средства они передадут только будущему русскому законному правительству. Еще генерал Деникин принимал меры к тому, чтобы получить в распоряжение Добрармии эти средства, но ничего не вышло. Генерал Врангель посылал из Крыма для этой же цели Бернацкого²⁸¹, но последний присоединился к послам. Теперь же в этом направлении достигнуты известные успехи. Миллер, посол в Японии, вернул 1 500 000 франков в распоряжение армии.

Говорил Даватц с подъемом. Во всё сквозило его восторженное отношение и преклонение перед личностью генерала Врангеля. Даватц предложил мне принять участие в чтении в лагере лекций по высшей математике. Я принципиально принял это предложение, согласившись вести упражнения по всем отделам.

30.04.1921. Утром основательно занялся стиркой белья, вымылся сам на берегу ручья, потом занялся уборкой купе. Сегодня все были в разгоне, продукты были выданы на руки, мы не успели сварить и остались без обеда. С нас, по общему постановлению, во время выдачи лир удержали по 5 драхам для общего празднования Пасхи. Вчера и сегодня наша публика пекла в городе маленькие куличи и пироги на каждого. Всех рассылали туда-сюда. На пристань сегодня по этому поводу были посланы те, которые обыкновенно не несли нарядов. Сегодня решено разговляться слегка после церкви, а весь центр тяжести с выпивкой перенести на завтрашний вечер.

Около 12 пошел в Дроздовскую палатку-церковь. Религиозного настроения не было никакого, зато вспомнились прежние года, особенно студенческие, когда мы с Олей ходили на заутреню, и стало невыносимо грустно и тяжело. Чувство это было настолько тяжелым, что я не смог от него отделаться. В церкви я был недолго. Пошел в палатку и принялся за еду: съел одно крашеное яйцо (выдавалось каждому по одному) и всё то, что сегодня из праздничной еды было уже выдано. Ощущался голод.

Врангель очень хотел приехать к нам на праздник, его ожидали, он писал об этом Кутепову, но пока его нет.

01.05.1921. Воскресенье. Первый день Пасхи. Погода приличная. На душе как-то тяжело и мрачно. Благодаря работе раньше скуке особой не поддавался, но, вообще говоря, хорошего настроения у меня давно уже не было. Всё время вспоминаю своих, Арнак, и нахожусь в состоянии тихой, непрекращающейся грусти.

Пообедали прилично, начали готовиться к выпивке и обеду. Офицеры других батарей спрашивали, когда же у нас начнется: все были в этом заинтересованы, так как ожидали, что эта выпивка, несмотря на приказы, направленные против нашей батареи, закончится каким-либо особым выступлением. Дело обошлось очень мирно; на праздник из города пришли полк. Ягубов, временно прикомандированный к школе, и полк. Слесаревский, находящийся в школе на курсах штаб-офицеров. Было довольно уютно. Выпили прилично. Песни, как всегда, объединяли всех. Под конец Гудим ворвался в палатку Ползикова, его изыали оттуда, после чего он пытался обрезать веревки генеральской палатки.

Вышел 3-й номер дивизионного журнала «Лепта артиллериста». Внешность очень приличная: много рисунков, карикатур, схем. Содержание же почти исключительно историческое: Пасха на германском фронте, Пасха в 1918 году со взятием Ростова, Пасха в Донбассе 1919, Пасха в Крыму в 1920-м и Хорловский поход, бои в Северной Таврии. Написаны эти очерки слабовато: кроме истории, почти ничего нет. Вечером вышел в свет 3-й журнал «Залетные думки» — альманах, издаваемый в нашей полубатарее компанией Богданова, Журавлева, Григорьева и Никанорыча. Пушено там много сентиментальности в рассказах о прежнем времени и любви авторов.

02.05.1921. Получил некоторые подробности относительно затеваемой у нас в армии «бури в стакане воды» — о готовящемся перевороте. Мотивы его таковы: Врангель монархист, Кутепов тоже — это больше всего мешает армии; говорят, что если бы у Главкома было другое направление, то армию давно бы уже доставили в Варшаву, и пр. Поэтому в высших кругах, не всех, конечно, возникла мысль свергнуть Врангеля, армию бы тогда возглавлял, кажется, Савинков. Считалось, что на стороне заговорщиков была бы Дроздовская дивизия, часть Марковцев и низы кавалерии. Здесь во главе этого дела стоял полковник де-Поллини²⁸², человек, не внушающий доверия. И кем они хотели заменить Врангеля? У нас абсолютно нет порядочных людей, он единственный человек, который пока что может продлить дни существования армии. Монархическое направление Врангеля (я раньше колебался в определении его политической окраски) мне не нравится, но что же делать, если других людей нет.

Начались аресты людей, причастных к заговору. По словам Колтышева, арестовывают пока только стрелочников. По-моему, начало выступления этих благодетелей будет уже концом армии. Вообще положение армии чрезвычайно осложняется. У меня создается впечатление, что не сумеем устоять против того сильного давления, которое французы всё

время повышают и принуждены будем разойтись. На это очень похоже, а тут, кроме того, затевают внутренние взрывы и перевороты.

03.05.1921. В 10 часов парад. Поздравлял с праздником генерал Кутепов. Генерал Врангель так и не прибыл, а его очень ждали. По газете «Пресс дю Суар», французы препятствуют Врангелю выехать сюда, к своим войскам. В связи с заговором арестовали полковника Шапиловского²⁸³ Дроздовской конно-горной батареи. Говорят, что он на Пасхе во время выпивки в своей компании сказал что-то про Кутепова. Это уж чересчур, — старые приемы и причины для арестов на манер охраны. В городе ходили слухи, что Врангеля арестовали французы, и другие — что он из боязни ареста переехал на японский крейсер; с японцами якобы у Врангеля намечается объединение.

К экзаменам, которые будут 7 числа, совершенно не могу готовиться. Прямо противно взяты за разную мелочь, которую включили в эту программу.

04.05.1921. Читал декларацию французского правительства, вышедшую еще в 20-х числах апреля. Кроме того, что у меня уже упоминалось о расходах, человеческих чувствах, времени позаботиться о еде и пр., тут было несколько немаловажных пунктов относительно того, что нужно изолировать армию от влияния на нее Главнокомандующего и отделить командный состав от солдат; дальше там говорилось, что никакой армии не существует, что солдаты должны понимать, что у них нет начальников, что они не должны повиноваться, что никто им не имеет права отдавать приказания и т. п. Вообще, давят они сейчас здорово. Это производит странное впечатление, потому что, согласно полученным ранее сведениям, мы скоро переезжаем в Сербию и, казалось бы, освобождаем французов от расходов и вообще уходим от них. Чего же они в таком случае добиваются? Тут либо с переездом в Сербию что-то нечисто, или французам нужно что-то большее, чем уменьшение расходов. Паек нам определенно уменьшили. Хлеба получаем по $\frac{1}{2}$ буханки (раньше по $\frac{1}{4}$), и то говорят, что нам тут добавляют на те лиры, которые полагались к празднику. Началось уменьшение пайка дня за три до Пасхи.

На русском кладбище решено тут воздвигнуть памятник, чтобы отдать дань тем, которые умерли тут за этот период. По приказу комкора каждый должен принести такой камень, из которого можно вытесать камень размеров 4 на 7 на 8 вершков. Вес такой истории солиден. Сегодня наша батарея заносила камни. Всюду вереницей шли из лагеря команды с камнями. Многие тащили камни чуть ли не от самого лагеря. Мы же пришли в город, взяли из разрушенных зданий по камню и отнесли. Нести эту историю $\frac{3}{4}$ версты или 6 верст — разница. Там, на кладбище, хоронились умершие пленные в Крымскую кампанию (пленных содержали тогда в лагере в Галлиполи) и кроме того, на этом месте хоронили когда-то запорожцев.

Забыл вчера упомянуть, что на параде был полковник Томассен, французский комендант. На праздниках отношения с Кутеповым у него опять наладились (был же скандальный случай 27-го во время погрузки в Бразилию), и он к Пасхе прислал командиру корпуса 3 бутылки шампанского. Приятная вещь.

05.05.1921. Относительно Сербии, благодаря слухам, ничего не разберешь. Теперь говорят, что туда принимают только 5000 казаков на Албанскую границу. Начали говорить, что это устроил генерал Богаевский, который еще в 1920 году сносился с сербским правительством, и что нам уже туда не удастся устроиться. В общем, понимай как хочешь и как знаешь.

06.05.1921. Всё это время говорили, что в Сербию мы будем перебираться исключительно пешком, теперь же начали утверждать, что мы поедем туда на транспортах, так как Болгария якобы отказывается пропустить нас через свою границу; средств же для перевозки на транспортах, говорят, нет. Французы не дают угля. Французы нажимают основательно в том направлении, чтобы распылить армию. Говорят, что будто бы появились и ожидаются в большом количестве агитаторы Керенского и советские, которые будут пропагандировать в смысле отъезда туда и сюда и распыления. Говорят, Керенский ассигновал на это дело значительную сумму.

07.05.1921. Приезжал епископ Вениамин. Ничего хорошего не говорил, кончил тем, что «расточатся врази армии», хотя это логически ниоткуда не вытекало. Несколько дней тому назад начали выставлять ночные караулы на буграх к Галлиполи. Эта мера предосторожности от французов, которые якобы ночью хотят разоружить нас. Ничего это не даст, я думаю. Как мы можем здесь защищаться и держаться.

Утром пехотные офицеры нашего дивизиона и я в том числе отправились в сопровождении полк. Шеина в город на экзамен. Многие (больше половины) из числа подлежащих экзамену, решили отложить экзамен до Сербии и не пошли. Особенно комических ответов не было; двое у доски отказались, а трое провалились. Замечательно, как говорят, отвечали в предыдущие дни офицеры бронепоездного дивизиона, в особенности по амуниции. Говорили, например, такие вещи: «седло пристегивается к хомуту» и «всё вместе надевается через голову лошади», на вопрос «почему именно так?» отвечали: «чтобы лошадь не пугалась». Вообще знания самые отвратительные. Требования были минимальные. Экзаменаторы были в панике и боялись спрашивать что-либо более серьезное. Все выдержавшие будут переведены и будут числиться при артиллерии.

Относительно отношения к русским в Сербии говорят следующее: русских там много, работу достать можно, но к работе интеллигенция не приспособлена и работать не умеет, поэтому ее не берут и относятся неважно. Говорили, что французы не хотят допустить перевозки казаков с Лемноса и стремятся их развести по разным Бразилиям, Мадагаскарам и пр. Туда якобы прошли 5 американских миноносцев (мы видели, как они проходили мимо нас) под охраной которых будет происходить перевозка казаков.

08.05.1921. Говорят, сербы в случае нашего переезда туда могут доставить нам только помещения и палатки и больше ничего. На пропитание, говорят, придется зарабатывать работой. Вполне понятно, что эта военная работа никому не по вкусу. Настроение в общем слабое, массами собираются записываться во Владивосток. Создается полное впечатление, что мы умираем, умираем медленно, но бесповоротно.

Баню решили разобрать и раздать материалы на руки в батарее. Говорили раньше, что лучше эти 800 драм, которые ассигнованы на постройку никому не нужной летом бани, обратить на улучшение пищи, но ничего не помогло. Высылали людей на рытье и постройку этой бани, ухлопали или сделали вид, что ухлопали на это всю сумму, ничего не окончили, а теперь разобрали и снесли доски к палаткам. Ничто не может научить.

09.05.1921. Будем сидеть здесь еще достаточно долго, должно быть, потому что всё делается так, как будто о переезде ничего не слышно. Начинается скоро в городе учебная команда, и от нас вторично требуют присылки туда солдат. Открывается на днях офицерская школа и курсы, на которые, между прочим, меня пригласили в качестве преподавателя элементарной математики. В общем по всем мелочам нашей жизни (в собрании собираются расширять буфет и прочее) замечается оживление. Говорят, что последнее время генерал Врангель объединяется с японцами. Японский представитель был у Главнокомандующего и говорил, что Япония никогда не признает большевиков и останется неизменно в дружбе с нашей армией. С Германией Франция как будто ничего не может сделать, по крайней мере, ни к чему определенному там не пришли. Внешние события в данное время весьма интересны, но наше положение тоже в своем роде «интересное», и потому перестаешь интересоваться чем бы то ни было. Мы на краю конца, и это чувствуется.

10.05.1921. По газетам, Сербия давала только словесное согласие на прием нас на свою территорию, а какими-либо официальными положениями это не подкреплено. Публика вообще изверилась, и не мудрено, если наш командный состав решил держать нас в темноте, ничего дельного никогда не сообщают, всё скрывается; сообщения, помещенные в информационном листке, слишком тенденциозны. Солдаты тоже абсолютно не верят, и каждый поступает согласно своему собственному усмотрению, а так как точных сведений ни у кого нет, то многие, естественно, могут с этим влопаться.

11.05.1921. День без слухов и политических новостей. Как я ни пробовал изменить расписание дня, ничего не выходит, почти ничего не успеваю сделать, прямо даже обидно и противно, распустился до невероятия. Встаешь в общем поздно, бесцельно идет время, а можно было бы многое сделать по математике. Скучнее стало на душе; свои, Арнак всё время на уме; думаешь о студенческих годах, о тех настроениях, взглядах на всё. Даже весна здесь как-то не веселит. Хлеб на полях уже с пол-

ным колосом, хорошо в кустах на горе, но вообще как-то неуютно. Жить в общем при нормальном пайке было бы тяжело. Такое скопище мужчин и почти совсем нет женщин. Но как-то не тянет к ним, хотя лично я не имею с ними общения 3 с половиной года.

12.05.1921. Новые ботинки, которые я получил месяца два с половиной тому назад, проносились. Нужно заметить, что я почти никуда не ходил, сидел у себя в бараке и писал почти целыми днями. От нарядов я тоже освобожден, а тут проносилась не только внутренняя, но и наружная подошва. Обращался к Шеину, но кожи в батарее нет, денег взаимнообразно мне не дали. Пришлось продать хорошую новую смену белья. Получил всего 6 драхм, а подметки, стоившие и продававшиеся нашей публикой в городе по полторы драхмы, в городе у турок и греков стоят до 5 драхм. Драхмы падают всё время в связи с положением греческих дел. Лира с 8 драхм дошла уже до 18, всё повышается в цене. Пришлось купить табаку, а то дня три не курил.

Распространились слухи, что послы, и в особенности посол Бахметьев, возвратили в распоряжение генерала Врангеля столько денег, что нам на жизнь и питание хватит в течение целого года. Во Владивосток публика записывается прямо массами. У нас в батарее записалось 7 офицеров и до 20 солдат. Одно время даже барон Майдель собирался вполне серьезно ехать на Дальний Восток. Страшит его главным образом переезд туда и условия этого переезда. Сегодня состоялся матч между Корниловцами и Дроздами. Кончился он в пользу первых 4:1.

13.05.1921. Распространился слух, что ночью у нашей долины пристала фелюга, оттуда выгрузили автомобиль, который подъехал к кавалерийскому лагерю; оттуда бежало около 120 человек, вещи были погружены на автомобиль, все сели на фелюгу, и вся эта компания отправилась к Кемалю. У нас все удивлялись этой организации и в особенности восхищались автомобилем. Оказалось же, что ночью всего только 3 человека драпанули из кавалерийского лагеря неизвестно куда безо всякого автомобиля; предполагают, что они отправились к Кемалю. В армии Кемалья, как говорят, много русских, преимущественно, кавалеристов. Приемы, которые наша публика усвоила за время гражданской войны, как говорят, сильно действует на греков, в особенности пулеметы на тачанках. В газетах сообщалось, что турецкая конница под русским командованием сыграла решающую роль в последнем наступлении Кемалья.

14.05.1921. Ничего. Начал рано вставать (по солнцу в 5 с половиной) и обливаться на реке. Публика наша ходит купаться на море. Я еще не пробовал. Уже здорово жарко, в палатках по крайней мере душно. Я перестал носить нижнее белье и сплю даже совершенно нагим. По вечерам, когда заходит солнце, публика наша выходит и садится около палаток. Говорят, оживают от дневной жары, поют. Песни все невеселые, грустные. Подошло настроение, и я с полковником Самуэловым пошел в собрание выпить 3 рюмки.

15.05.1921. Был праздник открытия офицерской инженерной школы и курсов, на которые меня пригласили в качестве преподавателя математики. Около 1 часу дня был молебен и парад, после чего не то завтрак, не то обед. Были Кутепов, генерал Репьев, много генералов и пр. Произносилось очень много тостов, совершенно неожиданных и лишних. Работу саперных частей мы на фронте ни разу не видели за всё время. На тех столах, где было начальство, было полно, а подальше, где сидели мы с Даватцем, довольно пусто. Кричали «ура» и т. д., всё по русскому обычаю. Теперь, кроме криков «ура», ничего другого не остается для поддержания своего собственного настроения. Генерал Кутепов тоже энергично и живо кричал «ура» во время обеда. Все снимались, и я запечатлел свою физиономию с независимым видом на левом фланге группы. Вечером был концерт, но я решил уйти в лагерь.

Программы я еще не удостоился получить, хотя во вторник мне уже придется читать алгебру; руководств нет никаких и не предвидится, придется вспоминать и выводить самому. Хуже всего с начальными определениями. Идти в лагерь было жарко, разделся дорогой до половины и шагал так.

16.05.1921. Ходил в город за программой. Наконец получил ее. В техническом полку довольно много Могилевцев, я видел Куксевича²⁸⁴. Как выяснилось, у меня слушателями будут люди и с высшим образованием, и не имеющие понятия даже об алгебре. Такой состав возможен только на военной службе, где, как например данном случае, и те и другие попали под общую градацию — офицеров, произведенных за боевые отличия.

Заходил к Ваське Неручеву, он мне сообщил сведения только что полученные генералом Репьевым. Вчера истек последний срок довольствия французским пайком. Они снова продлили срок и даже, как говорят, переменили свою политику по отношению к нам. Мобилизация у французов дала только 6 %, американцы и англичане отказываются участвовать в оккупации Рура. Огромное впечатление на французов, говорят, произвели похороны в Потсдаме вдовствующей бывшей германской императрицы, на которых выстроились шпалерами 12 000 офицеров всех частей бывшей германской армии. Снова появилась любезность у французов по отношению к нам; полк. Томассен, здешний комендант, давно уже не получает никаких инструкций, как вести себя с нами, на вопросы относительно дальнейшего ему пока не отвечают, между тем как раньше всё время предписывали угрожать, распылять. В Сербию мы определенно переезжаем. Французы дают уголь, и перевозка начинается на днях. В первую очередь Лемнос.

17.05.1921. Прочел в городе первую лекцию на курсах офицеров-саперов. Слушателей у меня около 50 человек. Есть люди с политехническим образованием, много студентов, а около 30 % с трудом воспринимает читаемые им основы. Мне впервые пришлось выступать перед аудиторией; только первые 3—4 минуты чувствовал себя необычно, а потом совершенно нормально. Заведующий учебной частью полковник Шамшев, пред-

ставляя меня аудитории, назвал меня ассистентом профессора Даватца. Для чего это он сделал — не знаю; должно быть, для формы.

В батарее сегодня, согласно приказу по дивизиону, была проверка знаний и занятий офицеров и солдат. Штаб-офицеры тоже подлежали экзамену. Почти никто не готовился, занималась публика только последние часы, большинство нечего не знало, но спрашивали так слабо, что даже незнающие отвечали удовлетворительно. При таких условиях эта комиссия из комбатов и комдива ничего не могла, по-моему, выяснить.

В 20 часов было собрание математиков, на которое меня пригласил Даватц. Публика там собралась всё с высшим образованием, но это меня особенно не смущало. Здесь, в лагере, открываются высшие курсы. Читаться будут: высшая математика, геология, государственное право, история новейшей русской литературы и военная история. Мы решили, что ее необходимо читать в объеме программы высших технических учебных заведений. Дифференциальное исчисление взял на себя Даватц; аналитику никто не брался читать, тогда Владимир Христианович предложил это мне, на что я ответил, что пока не хотел бы, так вопрос и остался открытым. Много внимания решено уделить решению задач; в этом направлении, кроме меня, будут работать еще 3 окончившие курс математики. Под математику решено взять не менее 3 дней.

18.05.1921. Снова было собрание, на этот раз общее, под председательством полковника Ряснянского. Выяснились различные вопросы относительно слияния этих курсов и городских. В общем всегда посвящается много разговоров разной ерунде, а по существу мало. В первую голову должны быть поставлены вопросы приобретения пособий и руководств, сначала хотя бы только для руководителей, чтобы можно было бы систематически и более точно читать курс, а то составлять программу и читать по памяти прямо невозможно. Насколько мне известно, публика выражает желание послушать и повторить математику средней школы; тогда мне придется взять на себя тригонометрию, но опять-таки курса тригонометрии я не видел с 1914 года.

19.05.1921. Читал алгебру в городе. Сапоги мои развалились. Я с трудом уговорил Лонгвинова одолжить мне до получения лир подметки и отдал их починить. Путешествую в чужих сапогах и потому растер себе ногу. Опоздал сегодня на 15 минут на лекцию из-за того, что часы наши и те не согласованы. Вызывал сегодня некоторых к доске. Показали себя с самой слабой стороны: даже простейших задач не умеют делать.

20.05.1921. Относительно лир много разговоров. Говорили, что их выдадут в конце этой недели; одни утверждали, что мы получим по 10 драхм, другие — по 27 и т. д. Драхма начала подыматься. Говорят, Антанта согласилась обеспечить Греции заем в том только случае, если уйдет Константин. В связи с отношением лиры и драхмы тут подымается разговор относительно того, как разменяли лиры: одни говорят, удачно, другие неудачно. Все эти разговоры лишены какого бы то ни было осно-

вания. По словам барона, говорившего сегодня с генералом Репьевым, лир в штабе корпуса нет, их только ожидают из Константинополя.

21.05.1921. В Сербию, говорят, мы переедем не раньше, чем через 1 ½ месяца. Вчера вечером приехал Кутепов; устраивалась тревога и вызов дежурных частей. Учебная команда Дроздов готова была в 4 минуты, а в 15 минут приготовилась к походу. Тут в общем всё было более или менее благополучно. В Самурском батальоне дела обстояли хуже: многие вышли в туфлях, командир роты попал там на 10 суток на гауптвахту, а командир батальона, полковник Житкевич, которого совсем не было в лагере, отрешен от должности. В общем, разнес публику. Досталось и коменданту лагеря, который не появился, хотя Кутепов пробыл в лагере больше 3 часов. К чему эти дежурные части, о которых я уже говорил, право, не знаю.

Вышел 3-й номер «Веселых бомб». Здорово навалились на круглую палатку и Ползикова. В ответ на его разносящие батарею приказы за пьянство от лица «Веселых бомб» в приказе первом и последнем объявляется выговор старшему круглой палатки за пьянство в пасхальную ночь. Вообще, если бы этот журнал не считался подпольным, то его, безусловно, закрыли бы, а так ничего не поделаешь; придется начальству проглотить пилюлю. Иллюстрирован хорошо. Прилична карикатура Лавриновича «Последний матч». Кутепов головой отбивает трехцветный футбол, загоняемый французами в ворота Бразилии.

Сегодня состоялся последний матч между Корниловцами и Марковцами, вышедшими победителями на всех предыдущих играх. Народу было много. Места вокруг футбольного поля были распределены между частями по приказу. Нашему дивизиону досталось 6 шагов по фронту. Часа за три до начала туда начала стекаться публика со своими скамейками. Около 18 часов прибыл Кутепов из города, и игра началась. Выиграли Корниловцы 2:0. После окончания Кутепов передал приз: серебряный «переходящий кубок 1-го армейского корпуса». По случаю победы Корниловцы веселились довольно поздно, сюда до глубокой ночи доносились музыка.

Начал купаться и загорать на солнце. Довольно приятно. Сегодня я смеялся, говоря, что мне исполнилось «1001 ночь в стане контрреволюции», если считать со дня выезда из родного дома.

22.05.1921. Утром парад. Годовщина дня Св. Николая Чудотворца. Из города прибыли все училища. Корниловскому военному училищу выданы были трубы с лентами Св. Николая. От каждой батареи выставлено было по 8 рядов. Всем приказано было быть в сапогах, синих брюках и белых рубахах. С трудом со всех набрали такую одежду на назначенных 8 рядов. Хотел быть на параде, но проспал. Музыка Корниловского училища меняла всё время темп, и благодаря этому наши сбивались с ноги.

Уменьшение пайка дало себя почувствовать в полной мере. С самого утра и до поздней ночи чувствуешь сильный голод, чувствуешь, как сла-

беешь, как падают силы, развивается малокровие. Никак не выкрутишься из этого положения. Денег не дают, продавать уже почти нечего, табаку тоже почти ни у кого нет.

Сегодня пришел пароход. Французы объявили погрузку для желающих ехать в Болгарию на работы, погружено будет 1000 человек. Для нашего командования это было неожиданным. Приказ о погрузке был получен в 20 ч. 30 минут, между тем как пароход около 19 часов уже отошел. Солдаты у нас возмутились, что им своевременно не объявили; чтобы не было своевольной погрузки, на буграх у лагеря была поставлена учебная команда, которая никого с вещами не пропускала в город. В городе самочинно погрузилось несколько свыше 1000 человек. Говорят, наши постовые задерживали шедших на погрузку, а французские солдаты под охраной водили наших на погрузку.

23.05.1921. У нас в батарее уехало 5 солдат, 4 из учебной команды и 1 из лагеря. Продолжаю купаться в море и лежу на солнце. Многие у нас загорели до темно-бронзового цвета. Я сегодня обжог себе на солнце спину. Некоторые из нашей публики снимают с себя после загорания целыми лохмотьями облезшую кожу.

Вышел приказ генерала Кутепова о переходе всех желающих на беженское положение. Те, кто остается в армии сейчас, должен оставаться уже до конца, и всякая его попытка оставить армию после этого срока будет караться военно-полевым судом. Если ты не имеешь в себе достаточно силы перетерпеть всё до конца, то уходи сейчас. В этом отношении приказ, конечно, очень желателен: нужно же было наконец разрубить этот гордиев узел. С другой стороны, там говорилось, что шкурникам, слабым духом и пр. нет места в армии. Получалось впечатление, что сразу начали ругать тех, которые прослужили честно в армии и теперь в силу тех или других условий решили ее оставить. Кроме того, согласно пункту 2 приказа, некоторых лиц, неблагонадежных и в этом духе, командиры частей имеют право, даже в случае их нежелания, принудительным порядком причислять к беженцам. Все записавшиеся до утра 27-го будут перечислены на беженское положение и должны быть сейчас же изъяты из частей и поселены отдельно в беженском лагере (чтобы оздоровить атмосферу, чтобы не было этих скулящих разговоров) и пр. Несколько странным показалось то, что приказ этот был подписан генералом Кутеповым, а не Врангелем. Ведь это собственно приказ о роспуске армии и о переходе ее на чисто добровольческие начала.

Многие обрадовались этому приказу и начали записываться. Лично я решил оставаться, сомнений у меня не было, даже при всём том отрицательном отношении к некоторым из лиц высшего командного состава. Бросить дело, за которое воевал три года, так сразу достаточно тяжело, а кроме того, в отправку французами туда, куда пожелаешь, я совсем не верю. Скверно то, что у нас в корпусе завелась охранка, во многих частях есть скрытые офицеры-контрразведчики, и за какое-либо неосторожное

слово можно попасть под ответ. Это уже гадость. Можно бороться с агитацией французов, но не такими дикими мерами.

Начались лекции на высшем отделе общеобразовательных курсов в лагере.

24.05.1921. Сегодня приказ о беженцах был получен в окончательной редакции с дополнениями, и открылась запись. У нас в батарее записалось пока 6 офицеров и 15 солдат. Вообще записывается много народу, особенно в пехоте. Насколько я выяснил, главной побудительной причиной является не разочарованность и неопределенность будущего положения для солдат, а отношение к ним ближайшего начальства. У офицеров в большинстве случаев другие мотивы. Так, много солдат уходит из учебной команды, рабочего батальона и пр.

25.05.1921. На курсах была первая лекция по математике. Читал Даватц. Настроение какое-то неопределенное. Разговоры о выдаче лир заглохли совершенно. Говорят, что на днях французы предложат еще два-три парохода для желающих отправиться в Балканские страны. Вследствие этого, как говорят, на раздумье для беженцев срок сокращен до 9 часов утра 26 мая. Из некоторых частей переселение их уже началось.

С едой по-прежнему плохо и даже очень. Одно время выдавали картофель на руки, а теперь командир в силу каких-то непонятных причин снова приказал варить в котле, а оттуда ничего, кроме воды, не получаешь. С этим явлением у нас решили бороться пассивно, т. е. попросту прекратить носку на кухню дров и таким образом автоматически питание с котла прекращается, и продукты будут снова выдавать на руки.

Переселяются беженцы в беженский лагерь. Снимают часть палаток и переносят их к этому лагерю. Тянутся вереницы солдат со своими вещами. Картина довольно грустная. Кто-то, смотря на это, сказал: «Мне вспоминается развал фронта в 1917 году». Относительно парохода, ушедшего 22-го в Болгарию, говорят следующее: отсюда он ушел на Лемнос, где было погружено еще 1000 человек; французские власти на пароходе ничего определенного относительно места отправления и прибытия не говорили, на все вопросы погружившихся о месте выгрузки грубо отвечали, что это не ваше дело и т. п. Когда пароход проходил с Лемноса мимо Галлиполи, несколько человек бросилось в воду. До берега доплыл только один офицер технического полка, который передал эту картину и подал рапорт, который был расклеен на улицах города. Те, которые в свое время отправились в Бразилию, туда не попали. Когда пароход прибыл в Тулон, то выяснилось, что бразильское правительство ни с кем не вело переговоров о принятии русских беженцев и отказывается принять их. После этого беженцев выселили на Корсике в Аячио, где до выяснения судьбы они будут размещены казарменно. Говорят, есть сведения, что их хотят приспособить к работам на ртутных шахтах. Подлость какая.

В 19 часов состоялся матч между штаб-офицерами Дроздовцами и штаб-офицерами Корниловцами. В команде Дроздов принимал уча-

стие генерал Манштейн, а у Корниловцев генералы Ерогин и Скоблин. Покрыли наши. Результат 1:0. Матч был веселый.

27.05.1921. Ушли сегодня наши беженцы. Относительно записавшихся во Владивосток в приказе ничего не было сказано, полковник Шеин почему-то решил, что они подлежат переселению в беженцы. Капитан Стадниченко против желания должен был уйти. Дело это по настоянию офицеров начал разьяснять сам же полковник Шеин и подал рапорт о его возвращении обратно. Всего ушло из нашего дивизиона 68 человек. Из нашей батареи 7 офицеров и 22 солдата. По списку со всеми находящимися в командировке у нас числится 67 офицеров и 49 солдат, налицо же 58 офицеров и 23 солдата. Из Дроздовского полка ушло до 500 с лишним человек. Всего из корпуса — более 2500.

Прочел сегодня первую лекцию на высшем отделе курсов в лагере. Начинаю в общем осваиваться с должностью и ролью преподавателя.

28.05.1921. На курсах всё время продолжают заседания чисто административного характера, составляются сметы и пр. Выяснилось, что все преподаватели курсов будут получать поурочно гонорар. Предполагается, что за май мы получим до 5 драм за час.

В 5-м артиллерийском дивизионе к некоторым офицерам применили пункт 3 приказа о переводе на беженское положение неблагонадежных и нежелательных элементов. Им в момент доставили визу и вчера под конвоем отправили на погрузку на пароход, отходящий в Константинополь. Как говорят, единственным мотивом для такого рода репрессий для некоторых из пострадавших послужило принесение ими жалоб на инспекторском смотре на командира дивизиона. Расправа и произвол по своей возмутительности не имеют себе равных.

29.05.1921. Вышел второй номер журнала «Думки залетные». В его внешней отделке принимали участие полк. Егоров и подпоручик Слесаревский. Получился довольно приличный, несколько романтического направления альманах. Вообще наша батарея, именно старая 3-я батарея, ушла далеко вперед по сравнению с другими батареями. Шутка ли, мы издаем два журнала в батарее, из которых каждый имеет свой интерес. В других же батареях ничего не издается. «Веселые бомбы», благодаря карикатуре Лавриновича, получили общую известность; всюду хотят увидеть этот номер. «Лепта артиллериста» тоже на всех произвела самое хорошее впечатление. Все говорят, что такого журнала ни в одной части не найдешь. У нас же силы разбиты на 3 журнала; правда, художники одни и те же, но общий журнал можно было сделать еще интереснее.

Сегодня предполагалось публичное заседание общеобразовательных (городских и лагерных) курсов с целью всесторонне осветить публике наше положение. Представители городских курсов опоздали на два часа, из-за чего заседание перенесли на завтра. Приходил из города полк. Ягубов. Говорил, что имеются сведения, что французы во что бы то ни стало хотят распылить нас. На переезд в Сербию нас в качестве армии они

якобы не соглашаются и не препятствуют только переезду отдельными группами в качества беженцев. Говорят, что с оружием они нас отсюда ни в каком случае не хотят выпустить и якобы уже категорически приказали сдать всё имеющееся у нас оружие.

30.05.1921. Состоялась публичное заседание курсов. У меня в это время были занятия на курсах, благодаря чему я не имел возможности быть там. Были, как говорят, дельные речи. Каждый оратор всё-таки считал своим долгом проехаться насчет беженцев. Даватц в своей речи упомянул про нашу карикатуру, и имел успех.

В информационном листке от сегодняшнего числа напечатано письмо генерала Врангеля ген. Пеллэ, в котором он смело говорит относительно политики французов по отношению к армии. Говорит, что обещанный им объезд на праздниках наших лагерей не состоялся из-за препятствий французов, что вызвало волнение в лагерях. Политика французов, призывающая солдат не подчиняться офицерам, может вызвать волнения и беспорядки и что в таком случае он не может поручиться за целостность находящихся в районе лагерей французских комендантов, которые своей недопустимой пропагандой и отношением восстанавливают против себя войска. Для того чтобы внести успокоение, необходимо, безусловно, прекращение французами их нынешней недопустимой политики по отношению к армии и немедленный объезд Главкомандующим всех лагерей с целью лично осветить войскам настоящее положение дел. Письмо написано здорово: в соответствующем тоне, с известным достоинством и независимостью. У нас его читали и снова восхищались личностью Врангеля.

31.05.1921. В информационном листке сегодня помещен ответ ген. Врангеля на письмо генералу Пеллэ. Приятно прямо читать. Одним словом, молодец. С другим Главкомом французы уже давно скрутили бы нашу армию совершенно и отправили бы куда угодно. Этот листок я целиком вкладываю в заметки.

Относительно получения лир что-то туманно. Говорят, что мы бы должны были их получить, но французы чинят препятствие тому лицу, которое должно было привезти их сюда, в смысле выдачи ему визы. Всеми способами стараются господа союзники вызвать у нас раздражение. Все сидят без табаку, голодают, а так, получивши хотя бы по 1–2 лиры, можно было бы прикупить рису и подкормиться хотя бы немного. На инженерных офицерских курсах меня заключили вчера на полный паек. Теперь имеет смысл читать там математику, а то я хотел уже было отказываться. Тяжело по жаре ходить в город, устаешь солидно. Двойной паек — совсем другое дело.

01.06.1921. Среда. Вошел в соглашение с моими сожителями по купе полковником Гудим-Левковичем и шт.-кап. Богдановым, по которому все получаемые продукты я пускаю в общее дело, но зато освобождаюсь от варки пищи. Соседи наши смеются и начали называть меня «американским дядюшкой». С едой дела как будто поправились, но с табаком —

беда. Все прошедшие дни я прямо-таки изнывал от голода. Изредка меня в смысле обеда поддерживал капитан Кутше, а иной раз приносил мне часть своего обеда из управления и со словами: «Принес вам, Геродот», передавал мне.

02.06.1921. С моими занятиями теперь установилось некоторое определенное расписание. По вторникам и четвергам я читаю в городе с 9—11 на офицерских инженерных курсах, а по понедельникам и субботам — с 19 по 21 на высшем отделении лагерных курсов. Плохо только с руководствами; приходится всё-таки подготавливаться, а книг нет; самому выводить довольно долго, а главное трудно приводить всё это в стройную и последовательную систему.

03.06.1921. Окончательно иссяк керосин, в хозяйственной части так-же нет ни капли. Весь барак сидит в темноте. Спичек и бензина для зажигалок тоже нет; только у меня действует зажигалка, и все без исключения приходят ко мне в купе прикурить, зажечь что-либо и пр. Целое паломничество. Пришлось положить на стол «неугасимую лампаду» для общественного пользования. Некоторые из беженцев начали возвращаться в свои части. По приказу комкора солдат принимают охотно. Офицеры, в случае их желания вернуться, будут проходить через суд чести.

04.06.1921. Работы у меня теперь достаточно, времени свободного совершенно не остается. Нужно тут еще сдать некоторые недочеты по истории батареи за некоторые периоды. На будущую неделю в дивизионе объявлено расписание занятий. Ежедневно по 5 часов. Удовольствие не из приятных. Опять пеший строй, сведения по стрельбе, пешие по-конному и т. д. Лично я от занятий, кажется, освобождаюсь.

05.06.1921. Относительно получения лир слухи настолько разнообразны, что ничего не понять, но одно то, что очень здорово заговорили о них, уже похоже на близость выдачи, но в каких размерах, — решить трудно. Как говорили, раньше французы не хотели ни под каким видом разрешить нам переезд с сохранившимся у нас оружием. Теперь появились сведения, что вопрос с оружием улажен: оно остается у нас.

06.06.1921. Приехал из Константинополя капитан Радионов²⁸⁵. Говорит, что турки очень предупредительны и вообще замечательно относятся к нашей публике; в особенности это было заметно тогда, когда в турецком официальном сообщении было заявлено о том, что успеху много содействовала конница под русским командованием. Генерал Шатилов, по его словам, уходит с поста начальника штаба главкома под давлением французов. Во время своего пребывания в Сербии генерал Шатилов напечатал ядовитую статью относительно отношения французов к армии. Французы потребовали от него, чтобы он сам же написал опровержение на свою статью, на что он ответил, что слов своих никогда обратно не берет. Теперь вместо него будет генерал Кусонский²⁸⁶.

Большевики, по словам Радионова, всецело забрали в свои руки газету «Пресс дю Суар». Из Севастополя и вообще из Крыма всё время

бегут. Некоторые даже решаются на парусниках переплывать Черное море. С 4 пассажирами такая лодка на днях прибыла в Константинополь и пристала к «Лукуллу». Говорят про ужасы жизни у красных. Рабочие Севастополя жалеют об уходе нашей армии и пр. Относительно нашего переезда Радионов передал следующее: Донцы уже почти все перевезены в Салоники, оттуда они перевозятся дальше очень медленно; греки по железной дороге отправляют ежедневно не более 200 человек, так как их дороги якобы заняты военными перебросками. Благодаря этому до 1 июля едва успеют выгрузить Салоники от Донцов, после чего уже начнут перевозить нас. Причем нас будут грузить отсюда большими партиями; в Салониках в ожидании перевозки часть будет разгружена, а часть будет ожидать очереди на судах.

Сегодня до нас дошел приказ генерала Врангеля о беженцах, датированный 27 мая; он по содержанию совпадает с приказом Кутепова, но более непримиримо относится к уходящим в беженцы. Обратный переход в ряды войск генерал Врангель не разрешает. Сегодня из беженского лагеря уехало 680 человек в Батум. Они нанялись к англичанам на какие-то работы на нефтяные промыслы на 2 месяца. Многих тянуло туда, конечно, не работа, а возможность вернуться домой. От Радионова получил сведения относительно жизни двух наших офицеров, покинувших армию еще в декабре. Шт.-кап. Татарников торгует шоколадом в Константинополе, живет ничего и копит деньги на поездку домой во Владивосток. Капитан Сулима еле перебивается: носит кому-то обед, за что получает часть обеда и 10 пиастров на трамвай. Сулима по-прежнему желчен.

07.06.1921. Получил наконец пособие. На этот раз выдали по 1 лире и 12 драм. Публика сразу приободрилась, настроение поправилось. В город потянулись целые вереницы за продуктами и покупками. У гарнизонной лавочки громадные очереди. В полковом и батальонном собраниях у стоек полно офицеров. Наконец-то все курят. Как-то и политических слухов слышно.

08.06.1921. Благодаря занятиям на лагерных курсах меня заключили на питательный пункт. Хожу теперь туда обедать. Дела с пищей обстоят великолепно. У нас в купе благодаря этому обстоятельству начинают появляться уже некоторые запасы продуктов. Если раньше я съедал всё с жадностью, чувствовал всё время голод и не замечал однообразия ежедневного питания, то теперь оно начинает уже замечаться: всё противно. Вечером для встряски организма организовали небольшой компанией выпивку. В нашей жизни такая встряска необходима. Всё прошло спокойно, чинно, но выпили несколько многовато. Для лета это тяжело.

09.06.1921. Ходил в лагерь беженцев к нашей компании. Шел туда без всякой предвзятой мысли, а придя туда, почувствовал, что я попал на живое кладбище. У этих людей всё старое похоронено, а нового ничего не воскресло. Нет никаких надежд, одно только стремление выбраться из этой обстановки, а куда, что, зачем — это им всё равно. Ругают они всю армию,

порядки и пр. Обращаются с ними действительно черт знает как. С некоторых из беженцев при уходе из частей сняли выданные им казенные брюки из одеял; в этом отношении перещеголяла всех кавалерия, так что эта публика в лагерь беженцев явилась в кальсонах. Для чего-то устраивают у них занятия: пеший строй, словесность и пр. Их начальство откровенно в своем мнении относительно своих подчиненных: «Это вы, сволочи, погубили Россию» и пр. говорят им. За меня все уцепились как за живого человека из другого мира, и все наши провожали меня почти до Алексеевского лагеря. Как-то приятно стало, когда ушел из той обстановки.

10.06.1921. Ожидают приезда генерала Врангеля; определенно даже указывают, что он приедет до понедельника. Говорят, что французы переменили свою политику по отношению к армии, но это пока ничем не проявляется. Вечером сыграл в карты. Странно то, что теперь, когда я в смысле пищи и денег несравненно лучше поставлен (на инженерных курсах я получил также еще 1 лиру и 12 драхм), мне повезло и я за два раза выиграл свыше 20 драхм. По случаю выигрыша устроили какао, но жаль, молока не достали.

11.06.1921. Сегодня в информационном листке появилось сообщение, что французы решили не вмешиваться в дела нашего переезда и всецело этот вопрос предоставить нашему командованию. Это сообщение сейчас же породило много самых разнообразных благоприятных для армии слухов. Относительно борьбы с красными в Сибири получают всё более и более утешительные известия.

<Страницы с 413 по 424 машинописи (с 12 июня по 20 июля 1921 г.) были вычеркнуты автором по личным мотивам. В данной публикации пропуск восстановлен. — *Ред.*>

12.06.1921. Прививали противохолерную сыворотку. Должно быть под влиянием того, что у всех организмы истощены, эта история на всех сильно подействовала в смысле желудка. Почти у всех расстройство. У меня даже прямо странная история: как выкурил папиросу, так и побежал в ровик. Сколько раз закуривал, ровно столько же раз и бегал; несколько скучновато при таких условиях. Чувствую себя из-за желудка скверно, но ем всё и в приличных количествах. Богданов ежедневно теперь устраивает два блюда — суп и жаркое из консервов. Начали говорить о большой партии обмундирования, якобы прибывающей или уже прибывшей сюда. Указывают на то, что это обмундирование было зажато у нас французами, а теперь будто бы они согласились его выдать армии.

13.06.1921. Ничего не слышно. Все разговоры как-то замолкли; даже циркулировавшие в последнее время слухи не повторяются. Начинаются здорово жаркие дни. Хлеб на полях почти везде уже убран. Турки обрабатывают здесь поля самым примитивным способом. Очень сильно пострадали от нашего здесь пребывания молодые бобы на полях. Солдаты целыми мешками носили их себе и варили. У нас полковник Гудим-Левкович ходил вечером к городу в подобную экспедицию. Теперь стали от

лагеря к ближайшим деревням Галата и Биюк-Дере высылать караулы, чтобы защитить бобы несчастных турок. Говорят, что по слухам за это опустошение корпус должен будет уплатить, и поэтому из будущих драмх якобы будут вычитать.

14.06.1921. Был в городе на инженерных курсах. Ждут генерала Врангеля. Говорят, наш переезд начинается на этих днях. После приезда Главкома якобы в первую очередь поедет штаб корпусов во главе с Кутеповым; генерал Врангель же останется в Галлиполи, будет руководить погрузкой и переездом и останется здесь до конца переезда.

15.06.1921. Начали говорить о том, что Донцы в Сербии выкинули какой-то номер, что сербы хотят поближе и получше познакомиться с тем, что мы собою в настоящее время представляем, а потому сразу не рискуют согласиться принять большое количество, а потому этот переезд задерживается и затягивается.

16.06.1921. Начали определенно говорить о том, что переезд в Сербию затягивается и отсрочивается на неопределенное время. Даватц сегодня неожиданно пропустил лекцию, и мне пришлось занять эти два часа. Прочел формулу Кардано. Уместил ее в два часа. Читал не особенно быстро, но без перерыва и достаточно подробно. Публика подготовлена слабо, и многие не разобрались в этом материале.

На курсах обсуждается новый проект уставов. Предполагается организовать нечто вроде высших курсов с прикреплением слушателей к ним, с приемом по экзамену. Сдача зачетов предполагается обязательной; на время прохождения курса слушатели будут откомандированы временно из частей и сведены в батальон при курсах и пр. Всё это хорошо, но научных сил нет. Нельзя же таких, как я например, считать за преподавателей высшего учебного заведения.

17.06.1921. Целый вечер ушел на выработку на курсах проекта устава о переходе курсов в Русские высшие курсы при 1-м армейском корпусе. Странно мне было слышать все эти споры и решения всех преподавателей этих курсов. Чересчур большую роль, по-моему, берут они на себя. Лучше, конечно, делать что-нибудь, чем ничего, и давать аудитории, что знаешь и помнишь, но нельзя же в силу этого считать себя профессорами.

Ночью у меня с полковником Гудим-Левковичем произошел инцидент весьма неприятного свойства: в компании Гриневича и барона он выпил в собрании, но против обыкновения пьян особенно не был. Барон около часу пробовал петь, но ему не удалась эта история. Во втором часу ночи, когда все уже улеглись, Гудим начал через мою голову кричать барону, который лежал трупом. Я сначала просил его, потом начал убеждать прекратить эти выкрикивания, но ничего не помогало. Я пробовал уснуть, но не мог и снова предложил ему прекратить это занятие, которое он продолжал только благодаря своей невоспитанности и видя, что оно неприятно; но ничего не выходило. Когда же я выразил свое неудовольствие по этому поводу и просил Гриневича унять Гудима, то последний

по моему адресу разразился площадной руганью. Я знал очень хорошо, что он настоящий хулиган, не только не доросший до погон штаб-офицера, но по своим поступкам и взглядам не достойный звания офицера и даже приличного солдата; видел массу инцидентов между ним и другими офицерами, когда он ни за что ни про что крыл их матом и ругался как последний бродяга, но не ожидал никак, что он позволит себе что-либо подобное по отношению ко мне; слишком много мы прослужили вместе, и кроме того, у него не было причин и повода к тому. Я многое ему раньше мог сказать того, чего другие не посмели бы, что показывало, что он относится ко мне с уважением.

Подобного рода скандалы были у него с Адамовичем, доктором Добрянским²⁸⁷, Мардиросевичем, Володиным, Лукиным и др. Выпивши, он всегда проделывал номера, достойные какого-либо босяка или того еще хуже. Я был страшно возмущен этой историей и, не считая для себя возможным тут же, на месте, ночью подымать целую историю или скандал, ограничился тем, что сказал ему: «Вы сильно ошибаетесь, если думаете, что и на этот раз подобный номер пройдет бесследно, как с другими». Случай мерзкий.

18.06.1921. Подобный случай я безусловно не мог оставить так, но не желая подымать истории, которая подняла бы слишком много грязи из жизни Гудима, я через Гриневича предложил такую комбинацию. Он должен публично и официально извиниться, взять все свои слова обратно, заверить меня в том, что всё это произошло потому, что он не признавал вчера ничего того, что говорил, благодаря пьяному состоянию. После этого я мог бы считать инцидент исчерпанным, а личные свои отношения считал бы с ним навсегда поконченными. Но полковнику эти условия не подошли, о чем мне Гриневич сообщил только на следующий день.

Несмотря на то что море здесь близко и можно было бы использовать в полной мере купальный сезон, это является невозможным благодаря истощенному организму и скудости пайка. Я купаюсь сравнительно редко, многие же, начав систематически купаться и брать солнечные ванны, принуждены были это бросить, так как чрезвычайно быстро заболели. На почве недоедания развивается, как говорят, куриная слепота.

19.06.1921. Подал на Гудима рапорт председателю суда чести г.г. обер-офицеров нашего дивизиона, полковнику Соколову. Написав рапорт, дал его просмотреть члену суда чести полковнику Самуэлову и спросил его о том, не упущены ли здесь какие-либо формальности, требуемые положениями о судах чести и вообще разные мелочи с офицерской точки зрения, о которых я, не служа в мирное время, мог не знать. Тот сказал, что всё соблюдено, теперь суд чести уже будет выносить решение по этому вопросу: извинение, дуэль и пр., что он найдет необходимым. Так как Гудим не подсудим этому суду чести, то полковник Соколов препроводил его председателю суда чести штаб-офицеров, не занимающих командных (должность командира отдельной части) должностей, полковнику Куяв-

скому²⁸⁸, командиру 1-го батальона Алексеевского полка. По случаю Троицы выпили с бароном в батальонном собрании основательно. Много говорили по этому поводу, и он очень жалел, что между такими старыми офицерами, как я и Гудим, в батарее произошел такой случай.

20.06.1921. Встал поздно и чувствовал себя тяжело. Летом всё-таки принять около бутылки водки не легко. Весь день болели ноги, следствие основательного ревматизма; как выпьешь, на следующий день сейчас же начинают ныть кости на ногах. Ожидают новостей от генерала Артифексова²⁸⁹, который прибывает от генерала Врангеля. В связи с этим относительно Сербии слухи самые разноречивые. Ничего не понять.

21.06.1921. Был в городе на лекции и поэтому не пришлось услышать того, что говорил генерал Артифексов. Ничего особенного он не сообщил. Говорил, что переезд в Сербию — вопрос решенный, что в первую очередь все будут перевезены с Лемноса, а потом начнем переезжать мы; что к началу осени и дождей здесь не останется ни одного русского солдата. В Сербии все части будут разбиты на три категории: одни будут нести пограничную службу, будут получать от сербов жалованье и содержаться на их счет, другие будут на работах и третьи в резерве Главнокомандующего, последние будут содержаться на средства русских. В общем, новостей никаких особенных не появилось.

Вечером у нас в батарее появилась газета «Общее Дело» от 4.06. Там напечатана статья «Голос Галлиполи», которую никак нельзя было заполучить. Автор указывает на то, что происходит в действительности, на то, чем живет и дышит армия, очень восторженно говорит о генерале Врангеле, ругает порядки и командный состав. Взгляды очень нормальные, и видно по тону статьи, что он сам болеет душой и желает улучшения, указывает на то, что мы сильны не теми украшениями лагеря, церквями и пр., что создается из ничего и на что обращается внимание всеми журналами, которые о нас пишут, потому что всё это создается по приказаниям, а внутренней силой, которая несмотря на различие политических убеждений, дает нам возможность делать общее дело. Статья эта вызвала горячие споры между офицерами. Большинство считает правильным со стороны члена армии писать такие вещи в газетах: нужно же чем-нибудь помочь искоренению наших недостатков, которые до сего времени сохраняются в вопиющих размерах... Меньшинство, всего два-три человека (полк. Гриневиц, Самуэлов, Гудим-Левкович) находили, что это значит выносить сор из избы в такое трудное для армии время и т. п. Договорились до того, что не офицерское дело писать в газетах статьи и что автора необходимо повесить.

22.06.1921. Через два дня будет смотреть наш дивизион командир бригады генерал-майор Фок. Поверка знаний и походной укладки. В связи с этим начались в батарее занятия артиллерией, сигнализацией, строем и пр. Занятий вообще в батарее не ведется, а только к смотрам наспех проходится наиболее необходимое. Хотя вообще-то говоря, знания у офи-

церов приблизительные, но занимаются все очень неохотно: надоело и противно; кроме того, постановка дела тоже весьма неинтересная. Точно также и с походной укладкой. Приказано для чего-то каждому иметь мешок, в который можно было бы уложить две смены белья, всё необходимое для жизни на походе, провианта на два дня и пристроить к нему скатку и одно одеяло. Этот тюк готовится и мешки шьются теми, у кого их обычно нет. Так что они годны только для смотра, но не для похода.

23.06.1921. Вечером выпил с бароном, и достаточно основательно. В последнее время мы с ним как-то сблизились. Очень симпатичный полковник. Больше всего мне нравится то, что он остается всё время интеллигентом в душе, что в настоящее время не так легко встретить. Человек он мягкий, остроумный. Несмотря на то, что кончил корпус, училище в мирное время и воспитывался в чисто военной среде, смотрит он на вещи с общечеловеческой точки зрения, а не — как обычно у таких людей — с узкоспециальной военной стороны.

Начали говорить о том, что 28 числа выдадут лиры.

24.06.1921. Опрашивал претензии и смотрел нас генерал Фок. Заставляли всех выходить с походными выюками и строиться на передней линейке. Фок на вес пробовал мешки. Почему-то нашу батарею в смысле знаний не проверяли, а навалились на другие. Номер отбыли, и батарея снова начала влачить свое дальнейшее существование абсолютно без всякого дела. Прямо удивляюсь, как живут так офицеры, без всяких запросов. Я только благодаря тому, что всё время занят то лекциями, то математикой, продолжаю не терять духовных сил и бодрости.

25.06.1921. Говорил с Даватцем относительно политической обстановки. Заключение условий с Сербией затягивается, так как сербы требуют денежного обеспечения, которого наше командование не имеет. Вообще политическая обстановка усложняется, и снова для армии наступает тяжелый период в смысле борьбы за ее сохранение и существование. Как-то совсем перестали волновать такие факты. Приходится удивляться и восторгаться тем, что ничего не имея за собой, кроме нашего корпуса, наше командование разговаривает с французами и с другими совсем не пониженным тоном. Все угрожающие приказы и мероприятия французов на нас не действуют, и мы продолжаем себе жить против их желания в качестве армии на их пайке.

26.06.1921. Утром вызывал меня председатель суда чести для дачи некоторых показаний. Завтра состоится суд. Меня интересует вопрос, как будет реагировать военная среда на подобного рода поступки хулиганствующих людей. В 18 состоялось объединенное заседание наших и городских преподавателей курсов по вопросу об утверждении предлагаемого проекта устава Русских высших курсов. Посмотрим, что из этого получится. Во всяком случае здесь такое формирование едва ли успеет претвориться в жизнь: нужно утверждение сначала Кутепова, потом главкома, согласие и средства Земского Союза Городов, между тем, как

всё-таки говорят, мы скоро уйдем отсюда, а в Сербии научных сил достаточно для того, чтобы создать что-либо серьезное, и те уж, я думаю, сами выработают для себя устав. В общем, я скептически смотрю на успех этого проекта в здешних условиях в Галлиполи. Вечером слегка выпили с бароном Майделем. Как-то начал, несмотря на жару, часто выпивать.

27.06.1921. В 10 часов в районе штаба дивизии состоялось заседание суда чести под председательством полковника Куявского (командира 1-го батальона Алексеевского полка). От нашего дивизиона членом был полковник Соколов (председатель суда чести для г.г. обер-офицеров Дроздовского дивизиона). Гудим-Левковича, как и следовало ожидать, не особенно погладили по головке за этот номер: его разжаловали в рядовые сроком на 6 месяцев. Со мной же получилась довольно странная история: во-первых, мне поставили в вину то, что этот случай произошел в ночь с 17 на 18, а рапорт был подан только 19-го, затем у меня спросили, как я реагировал на полученное оскорбление. Этот вопрос мне показался странным, тем более что я показывал рапорт полковнику Самуэлову и спрашивал у него, соблюдены ли мною все формальности, необходимые в таких случаях. Он говорил, что всё сделано. Полковник Соколов, который ко мне хорошо относится, прочтя мой рапорт, сказал только «хорошо» и больше ничего. Оказалось, что мне нужно было сначала вызвать его на дуэль в тот же момент, а потом уже подавать рапорт, на что я ответил, что по моим расчетам этот случай должен разрешиться дуэлью, но это возможно только по приговору суда чести. У меня спросили, знаком ли я с дуэльным кодексом, на что я мог только ответить, что о нем ничего не слыхал.

Как оказалось, здесь у нас недавно утвержден новый дуэльный кодекс: дело в том, что старый кодекс утерян при эвакуации. В Константинополе нашли дуэльный кодекс для офицеров германской армии, утвержденный генералом Людендорфом, его перевели на русский язык, комиссия из старых офицеров, знакомых с этим делом, переработала там некоторые места применительно к нашим понятиям, и он в общем, с малыми изменениями был утвержден Главкомандующим. Не знаю, есть ли он в Галлиполи, но в дивизионе его у нас нет и не было. За незнание этих положений мне было объявлено судом чести «внушение» с переводом в другую часть.

Особого впечатления на меня этот приговор не произвел. Конечно, приятно было мало в переходе из части, в которой прослужил почти 3 года, в совершенно новое место в теперешних условиях, когда само существование армии висело на волоске. С другой стороны, лень было перебираться на новое место, устраивать жизнь по-новому и, быть может, в будущем менять свои привычки и снова привыкать к людям и пр. Удручающего впечатления во всяком случае у меня не было. Я оставался по-прежнему спокоен и только зло усмехался, когда думал о том, что в нашей армии в теперешних условиях ставят офицеру, честно выполнявшему свой долг в течение 3 лет и порядочному во всех отношениях, в вину

такие пустяки и заставляют передвигаться на новое место в то время, когда много прохвостов спокойно себе остаются на местах и продолжают делать гнусные вещи. Но сей свет таков. И этого искоренить, должно быть, никому не удастся. Я чувствовал себя правым, а это самое главное.

В батарее сравнительно старые офицеры были удивлены этим приговором; причем, как выяснилось, они сами не знали этих подробностей. Барон рассуждал приблизительно так же, как и я, принял этот случай близко к сердцу и расстроился. Полковник Самуэлов, говоря со мной вечером, указал на то, что удручаться мне нечего, что никакого пятна на меня не ложится, что я пострадал из-за своей неопытности, суд же чести в таких вопросах чрезвычайно шепетилен во всех мелочах и этим только и объясняется такой приговор. Со своей стороны он, как председатель нашего дивизионного суда чести, предложил мне оставаться в дивизионе, если я это считаю возможным, и в этом отношении он примет все меры, если получит от меня утвердительный ответ. Я поблагодарил его за это и попросил отложить окончательный ответ о согласии или несогласии на некоторое время, на что он согласился.

28.06.1921. Относительно этого случая я говорил с очень немногими, считая это совершенно излишним. Часть публики нашей полубатареи, человек 9 офицеров, зеленых юнцов по своим понятиям, не зная в точности деталей этого инцидента, который послужил поводом к моему рапорту, и даже не зная о том, что прежде чем подать рапорт, я предлагал Гудиму извиниться, и только после того как трезвый человек не нашел в себе достаточно силы для того, чтобы извиниться в своем хулиганском поступке (из-за этого произошло промедление в один день, за что мне пришлось отвечать на суде чести), я обратился за разрешением этого случая официальным порядком, осудила меня в том, что я вынес «сор из избы» совершенно напрасно и за это человек так сильно поплатился, как разжалованье из полковника в солдаты. Если бы наказание было маленькое, то безусловно никто бы и не говорил ничего по этому поводу. Я лично считал, что поступки нужно оценивать в таких случаях с принципиальной стороны, а никак не по тем последствиям, которые не зависят от воли и желания их совершившего, — это с одной стороны. А с другой, считая себя безусловно правым во всех отношениях по отношению к Гудиму (если эта наша молодая, недостаточно развитая публика ничего серьезного не видит ни в том, что ни с того ни с сего тебя могут обругать и потом еще не хотят в этом извиниться и считают это «пустяками», то это, конечно, ее дело), находил, что объяснять ей это совершенно излишне, так как это будет ниже моего достоинства, тем более что многих из этих господ я не считал равными себе.

Офицеры 2-й полубатареи (бывшей 4-й) считали, что я иначе не мог и не должен был поступить, а в отношении Гудима были даже довольны, что его так закатали, так как подобные номера у него были уже несколько раз, и они считали его просто хулиганом, не только не офицером, да еще

полковником. Прочие офицеры нашей полубатареи меня не осуждали и говорили только, что жаль, что этот инцидент не удалось ликвидировать домашним путем. Я лично перестал уже жалеть о том, что произошло, и совершенно искренне говорил, что если бы я знал наперед о таком приговоре или еще более суровом в отношении меня и Гудима, я бы всё равно, ни на минуту не задумываясь, подал бы рапорт, потому что я невероятно возмущен этим инцидентом и простить его, Гудима, не могу. Полковник барон Майдель говорил, что если этот перевод меня в другую часть и состоится, то это будет временно, на полтора-два месяца, не больше и пр.

Вечером мы с ним пошли в собрание 1-го батальона и там здорово выпили, говорили по душам и много, не касаясь этого случая, а вообще о взглядах, отношениях уже устарелых и не приложимых в данное время в военной среде. Мне нравится, что офицер выпуска мирного времени рассуждает совсем обычно, отбросив все эти ненужные военные предрассудки и условности. Из собрания мы еле-еле добрались в палатку на свои места.

29.06.1921. Переговорил сегодня с полковником Александром Павловичем Слесаревским, как старшим нашей полубатареи. Указал ему на то, что полковник Соколов предлагает мне оставаться и уладить всё в этом отношении, я же со своей стороны прежде чем дать ему ответ, хотел бы знать, как отнеслись к этому случаю офицеры нашей полубатареи, для того чтобы потом не попасть в сложное положение, тем более что некоторые молодые считают меня неправым в том смысле, что я вынес «сор из избы» и человек из-за этого так сильно пострадал, по их мнению. Я просил его поэтому собрать общее собрание и поговорить с офицерами и точно выяснить всё в этом смысле. Он обещал мне исполнить мою просьбу и поговорить кроме того с командиром полковником Ягубовым, который жил в городе, будучи прикомандирован к артиллерийской школе на должность преподавателя, после окончания им самим курса.

Я ждал приказа по корпусу, утверждающего приговор суда чести, и рассчитывал, что если придется переводиться, то буду хлопотать либо о переходе в бронепоездной дивизион к Даватцу, либо в Алексеевский, где служит Ося Низяев, и продолжал спокойно заниматься своими делами.

30.06.1921. Даватц сегодня заявил на курсах, что он собирается пойти в артиллерийскую школу, так как ему необходимо пройти курс, тем более что ему самому надоело быть «офицером, которого нужно прятать от смотров», как он сам выразился. Поэтому ему должно быть на днях придется прекратить чтение лекций на курсах по дифференциальному исчислению. В качестве своего заместителя правлению курсов он предложил меня: других кандидатов не было, там это предложение было принято, но я пока отказывался. Во всяком случае, я его пока убедил не отказываться окончательно и, если это будет возможно, продолжать и далее читать лекции, приходя из города по субботам сюда в лагерь. На этом остановились.

Вечером из города пришел полковник Гриневиц и сообщил мне, что приказ по корпусу уже имеется сегодня, что приговор утвержден, Гудим разжалован и назначается в 6-й дивизион, а я «для пользы службы», как сказано в приказе, перевожусь в Алексеевский артиллерийский дивизион. Первую минуту это известие подействовало неприятно, но потом стало безразлично; я даже был доволен, что меня перевели прямо приказом по корпусу, а не предложили самому переводиться; благодаря этому отпали неприятные хлопоты, переговоры, беготня и пр., связанные с переводом в настоящее время.

01.07.1921. Пятница. Перевод именно в Алексеевский дивизион совпадал с моим желанием, и я хотел пойти туда, чтобы попасть в батарею, где служил Низяев. Часов около 15 увидел Соколова. Тот спросил меня, как дела. Я передал, что приговор утвержден и я ухожу в Алексеевский дивизион, который назначен по приказу по корпусу. Тот сначала сказал, что «это хуже», если назначена уже часть, но если я сам на это согласен, то он примет меры к тому, чтобы меня, несмотря на приказ, не переводили. Я ответил, что очень благодарен ему за это и вечером дам ему окончательный ответ. Пошел к Ал. Павл. Слесаревскому и просил у него ответа на мой вопрос, поставленный батарее 29 июня. Тот спросил меня, зачем мне это, раз в приказе уже есть о переводе, и сказал, что он еще не выполнил моей просьбы. На это я сказал, что «приказ, кажется, можно будет изменить, с одной стороны, с другой — мне это важно для дальнейшего образа действий и предположений на будущее время, и в-третьих, мне интересно в данный момент мнение всех членов, на что, как мне кажется, я имею право и потому прошу его дать мне ответ к 20 часам, не позже». Приблизительно к этому времени он мне ответил следующее: «Все старые офицеры, мнение которых является важным, высказались безусловно за вас, две же компании молодых в числе 9 человек, фамилии которых вы сами знаете, возможно, сводят личные счеты (я над некоторыми посмеивался и с двумя даже не говорил совсем) высказались против вас». Я поблагодарил его за выполнение просьбы и сказал, что в таком случае я решил выйти из дивизиона. На это он мне добавил, что, очевидно, к этому вопросу в батарее будут возвращаться не раз, что некоторым из молодых еще не были полностью известны все детали этого инцидента, что, например, такое обстоятельство, что прежде чем подавать официальный рапорт на Гудима, я требовал от него публичного извинения и только тогда, когда он отказался это делать, я обратился в суд чести, просрочив таким образом один день, за что мне пришлось ответить, стало известным ему само-только сегодня.

Пресловутое «нельзя выносить сор из избы», явившееся мнением «молодых» даже в применении к данному случаю, было мне противно, и если бы со мною случился сегодня же подобный инцидент, то я всё равно, несмотря ни на какие неприятные последствия, поступил бы совершенно так же, вызвавши только такого фрукта предварительно на дуэль.

Извозчичья руготня между взрослыми людьми недопустима. Я презрительно начал смотреть на людей с такими понятиями и был даже доволен, что ужоу и не буду иметь дело с подобной публикой. Вообще я считаю для себя очень полезным такие случаи и неприятности, которые дают возможность поближе узнать людей и еще раз убедиться, что, вообще говоря, уважать их нельзя: чересчур мало светлых и чистых личностей.

Зайдя к полковнику Соколову часов в 8 с половиной вечера, я сказал ему, что решил не оставаться в дивизионе. «Очень жаль, — ответил он. — Во всяком случае не советую вам навсегда расставаться с нашим дивизионом. Пройдет несколько месяцев, вы успокоитесь, всё забудется, и вы прямо подавайте рапорт об обратном переводе. Я, как председатель суда чести офицеров дивизиона, говорю вам, что никаких препятствий к обратному возвращению вам не будет, и вы являетесь желательным офицером в дивизионе». Главной причины, а именно мнение мальчишек нашей полубатареи и нежелание иметь какие-либо разговоры в этом направлении в будущем, что склонило меня к бесповоротному решению уходить, полковник Соколов, по-видимому, не знал.

Совсем уже вечером я разговорился с полковником бароном Майделем. Тот был расстроен. Говорил, что после того как батарея, хотя бы в своей части, вынесла такое решение по отношению к «наиболее старому, наиболее патриотически настроенному к ней» (это его точные слова) офицеру, она потеряла в его глазах всякую ценность, он не может уже уважать батарею в целом и хорошо к ней относиться. Вообще, по его мнению, батарея сильно переменяла свое лицо, после того как она потеряла часть своих старых представителей, и уже теперь мало походит на прежнюю 3-ю Дроздовскую батарею. «С мнением батареи я после этого не считаю нужным считаться, — сказал он, — и буду поступать по своему усмотрению и дорожить мнением только тех старых офицеров, которых уважаю». Затем он добавил: «Может быть, это покажется смешным, но я скажу больше. Этот случай не только уронил батарею, это является победой направления, возглавляемого Никанорычем, направления пустого, животного, глупого мальчишества, над нашим направлением — направлением осмысленным и интеллектуального человека...» Мы пошли с ним и основательно выпили в собрании.

02.07.1921. В 8 часов назначен смотр генералом Репьевым, инспектором артиллерии корпуса. Опрос претензий, проверка укладки, знаний и пр. Я указал комбату Шеину на то, что, собственно говоря, я уже приказом переведен к Алексеевцам, а потому не имеет смысла мне выходить на смотр. Он согласился.

Жара была солидная. Тяжело было дышать вообще, а после вчерашней выпивки в особенности. Почти весь день ушел на смотр нашего дивизиона. С Репьевым приехали полковники Власенко²⁹⁰ и Гонорский. Смотрели строевые занятия, сигнализацию, был так называемый «выезд на позицию» со стрельбой и командой штаб-офицеров, спрашивали уста-

вы у обер-офицеров, спрашивали солдат. Занятий у нас, конечно, не велось, только перед смотром несколько дней натаскивали публику, чтобы та могла сказать слова два, а не молчать бессмысленно на предлагаемые вопросы. Штаб-офицеры тоже путали пристрелку и угломер, и видно было, что всё у них может перепутаться в случае чего, «что прости, Господи». Хотя занятий у нашей публики нет, но всё-таки, как оказалось потом по приказу, Дроздовский дивизион стал по своим знаниям на 1-е место.

03.07.1921. Приказ о моем переводе дошел до дивизиона. Адьютант полковник Пинчуков предложил мне, если это мне подойдет, такую вещь: для того чтобы я мог в Алексеевском дивизионе устроиться лучше и попасть там, куда мне хочется, задержать выдачу мне предписания на одну-полторы недели и официально провести это в приказе под предлогом сдачи и приведения в порядок документов исторической комиссии. Вечером я пошел к Осе Низяеву, переговорил с ним и просил его поговорить с командиром его батареи с целью заручиться его согласием на мой перевод во 2-ю Алексеевскую батарею. Ося обещал дать мне ответ дня через 2–3. Служить, имея знакомых в части, много приятнее. Во 2-й батарее два брата Залесских.

04.07.1921. Жара стоит невозможная. В палатках настоящие парники. И так уже ничего не одето, но всё-таки жарко настолько, что буквально весь день ходишь совершенно мокрый от пота. Публика напрасно ищет тени, ее нет; в море долго не просидишь, а возвращаясь обратно, совершенно изнемогаешь. После обеда все стремятся к тени от палаток, всё-таки чувствуется некоторое дыхание ветерка. Вечером настроение подымается. Все высыпают к выходу из палатки, слышатся более оживленные разговоры.

05.07.1921. Появились слухи об аресте советских представителей в Константинополе и Лондоне англичанами. Говорили, что при аресте в Константинополе участвовала наша контрразведка, что некоторые члены советской миссии были избиты и пр. И теперь их высылают не то в Севастополь, не то в Одессу. Наша публика, не зная причин и подробностей, сильно радовалась этим событиям.

Был сегодня в городе на лекции. Там говорят, что эти аресты политического значения иметь не могут никакого, что это не более чем темная биржевая игра англичан, желающих вызвать в советских кругах сумятицу, сослаться на невыполнение Совдепией условий договора и под шумок всего этого стеснить Россию еще более тяжелыми для нее и более выгодными для Англии торговыми условиями и пр. Что же делается на самом деле, конечно, не узнаешь. Разве можно из этой дыры Галлиполи следить и правильно разбираться в политике, если мы сами о своем положении даже в самых общих чертах ровным счетом ничего не знаем.

06.07.1921. Приезжал генерал Кутепов в Дроздовский пехотный полк. Разговаривал там с офицерами и делился политическими новостями. Вопрос о переезде в Сербию решен, по его словам, уже окончательно.

Первой поедет кавалерия. Остановка только за транспортом; всё будет зависеть от того, насколько быстро французы будут предоставлять их нам.

Совдепия объявила Японии войну, придравшись к тому, что последняя якобы оказывает помощь Дальневосточному правительству. Япония якобы приняла этот вызов. Франция, Англия, Швеция и Япония якобы выразили готовность поддержать нашу армию материально. Что-то непонятно и маловероятно, по-моему. В распоряжение Врангеля якобы будет предоставлена часть того золота, которое было уплачено Россией Германии по Брест-Литовскому договору и по Версальскому миру перешло к союзникам. Вообще говорят, что в распоряжении армии будут средства, обеспечивающие существование ей в таком виде на один-полтора года. В общем, много приятных слухов, но, к сожалению, большинство из них только слухи и больше ничего.

07.07.1921. Заходил к Осе. Он всё устроил; теперь остается только представление командиру дивизиона: просить о назначении во 2-ю батарею. Ося сообщил мне, что из Константинополя приехал Юрка Крокосевич. Зашли к нему. Он что-то неопределенно говорил в таком духе, что был в армии Кемалья, что там много русских, особенно конницы, которой насчитывают до 6000. Конницей командует якобы брат генерала Улагая, а совсем не Покровский, как ходили слухи; что греки дерутся паршиво, русских принимают охотно, можно прослужить месяц и уйти; пехотным офицерам платят якобы 60 лир в месяц, а кавалеристам и артиллеристам по 90 лир и т. д. Но, судя по его рассказам, трудно ему поверить, чтобы он действительно был там; должно быть, передает просто со слухов или чьих-либо слов. Из Константинополя французы никого не пускают сюда (об этом тут объявлялось официально), и он с трудом пробрался. В Константинополе русским жить очень плохо. Я вспомнил, как мне рассказывали приезжавшие оттуда офицеры, что русские в поисках заработка придумывают разные ухищрения: открывают лото, устраивают тотализатор с тараканьими бегами, бой петухов и пр., но это всё не прочно, так как французы закрывают такие увеселения, если публика к ним пристрастится и дело широко пойдет.

08.07.1921. Говорят, что дела в России неуклонно развиваются в ту сторону, что там назревает переворот. Голод, беспорядки принимают такую якобы форму, что большевики в скором времени не в силах будут бороться с этим. В связи с этим говорят, что мы скорее попадем в Россию, чем в Сербию. С переездом в Сербию почему-то замолчали совсем.

09.07.1921. Говорят, что Греция объявила войну Совдепии, потопила какой-то транспорт в Черном море и еще что-то сделала, но что — не разобрат. Вообще до нас доходили слухи, что большевики помогают Кемалю, что они пересылают кемалистам снаряжение, и как будто решили двинуть ему на помощь целую армию, чуть ли не Буденного. Вообще слухи эти для интереса можно только записывать, но рассчитывать на какую-либо достоверность их уже совсем не приходится. Мы находимся в полной темноте относительно не только всего вообще, но даже самих себя.

10.07.1921. Жара поразительная. Снимать с себя уже больше нечего, и так ходить тяжело, несмотря на всю легкость костюма. Плохо то, что купанье так сильно утомляет, я бы сказал, что даже обессиливает наши истощенные организмы, а то сидел бы, не вылезая, в море. Вечером зато хорошо, и только поэтому пошли с бароном и основательно выпили, два раза возвращались в батальонное и один раз забрели в полковое собрание. У меня всё-таки есть кое-какие деньги, а барон уже окончательно выдохся, но против предложения пойти выпить устоять не может.

11.07.1921. Должен был идти в город на лекцию, но встать не мог, болела голова, и вообще тяжело, да еще в такую жару. Странно то, что после каждой выпивки сильно болят ноги, очевидно, у меня серьезный ревматизм. Потерял где-то в палатке кушак, но найти его не удастся. Скандальная история, страшно не люблю терять какие-либо вещи.

12.07.1921. «Тезоименитство главкома», как у нас все почему-то говорят, — день Петра и Павла. В городе состоялся парад, на который водили и части из лагеря. Сегодня состоялось производство в офицеры юнкеров Сергиевского артиллерийского и Александро-Алексеевского пехотного училищ. Оригинальная вещь, наперекор всем стихиям, несмотря ни на что, быть может, накануне окончательного краха и разгона, мы считаем себя армией, и всё идет по-старому, как в полноправной армии, имеющей свою территорию, правительство и пр. И этим всё держится. Юнкера пехотного училища не все захотели производиться; около 30 человек остались на дополнительный курс; одни, как говорят, с целью пополнить свое образование, другие — не менять положения юнкера на положение офицера. Нужно заметить, что в положении пехотного офицера утешительного мало, отношение к ним со стороны их командного состава самое хамское; какой-либо командир роты капитан там уже царь и бог.

Днем ходил в Алексеевский арддивизион являться к начальству. Попал во 2-ю батарею к Осе. Обделал всю официальную и формальную сторону. Вечером с бароном выпили снова — мой последний день у Дроздовцев.

13.07.1921. Переехал, т. е. взял на плечи часть своих вещей и вечером перенес уже на свое новое место жительства в 4-й взвод 2-й батареи Алексеевского дивизиона. Придется привыкать к публике; она значительно менее дружная, чем у нас, и не мудрено: тут офицеры со всех частей, и цельного ничего такая батарея представлять не может. Раньше я думал, что я так сравнительно легко переношу всякие истории, потому что 3-я Дроздовская батарея является для меня чем-то вроде родного дома, к которому я настолько привык, что если бы мне пришлось уйти отсюда, да еще при таком общем трудном положении, то я мог бы упасть духом. Но оказалось, что это не так. Я так легко расстался с ней, что меня прямо-таки удивило, и настроение осталось совершенно бодрое, уверенное. Мне было жаль расставаться со многими, в особенности с командиром, бароном и некоторыми другими старыми офицерами; жаль было терять

свое вполне определенное, прочное положение в батарее, но и только. И вообще я после этого решил, что эта привычка к людям, эта кажущаяся привязанность не идет дальше чисто внешних привычек и вообще по существу ничего прочного не представляет и легко может быть нарушена, хотя как будто и укреплялась годами. Ни с какой стороны даже нельзя и подумать о том, чтобы начать сравнивать это ощущение с расставанием со своими и Арнак. Чужие люди — это одно, хотя трудно быть в лучших отношениях, чем я был в данном случае с Дроздами 3-й батареи, а свои — это совсем другое, там часть своего я.

14.07.1921. В Алексеевском дивизионе дисциплина значительно сильнее. Все встают в 7 с половиной часов утра (по солнцу в 6 с половиной), если кто освобожден или чувствует себя плохо, то он всё равно должен встать, убрать постель и тогда может лечь сверху одеяла. Такой порядок, по крайней мере, во 2-й батарее в той палатке, в которой я помещился и где живет фельдфебель батареи подполковник Бреннеке²⁹¹, прибывший в нашу армию осенью 1920 года из лагерей Финляндии после падения Архангельского фронта. 4 раза в неделю очень точно, по часам производятся занятия с офицерами и солдатами. На смотрах Алексеевский дивизион отличился, как говорят, в слабую сторону, и теперь их подтягивают. В Дроздовских батареях никогда никаких занятий, и всё шло весьма хорошо, кроме того, там спать и не вставать можно хоть целый день.

Утром просидел два часа на занятиях по уставу гарнизонной службы и после конца их начал проводить по соответствующим инстанциям свое право по освобождению. Часам к 15 я уже себя и в этой батарее мог бы считать совершенно свободным, независимым. С едой устроился в компании Низяева и Залесских; варить тоже мне не придется; здесь общего котла никогда не было и все сами себе повара. Заходил к командиру Дроздовского дивизиона генералу Ползикову являться по службе по случаю ухода. Он был очень мил, предложил по-прежнему пользоваться его палаткой ежедневно для занятий по математике и сказал: «Надеюсь, вы с нами не будете порывать связи». Официально простился с батареей и комбатом полковником Шеиным, тот сказал мне: «Думаю, мы с вами еще будем служить вместе», на что у меня как-то странно вырвалось: «Бог его знает, что будет».

15.07.1921. Ходил в город на лекцию в инженерную школу. Окончательно выяснил, что преподаватели не только не будут получать двух лир пособия, но даже паек нам прекратили давать с 10-х чисел. Всего на преподавателей школа имеет лишних два пайка в день, что будет делиться пропорционально затрачиваемому труду и лично мне даст 4–5 пайков в месяц. Это большой подрыв моему хозяйству, но делать нечего. Заходил в Артиллерийскую школу официально проститься со своим командиром полковником Ягубовым. «Это не годится, — сказал он, — что вы, прослужив три года в батарее, уходите. Это временно, и вас надо вернуть. Очень жалею, что меня во всей этой истории не было, не было в батарее. А то бы

я не допустил до всего этого». Замечательный человек во всех отношениях, и с ним действительно весьма жаль расставаться. Такого командира и человека больше не встретишь.

С 5—7 вечера возобновил в палатке генерала Ползикова занятия по математике. Нажали на аналитическую геометрию. Вечером окончательно перебрался на свое новое место, т. е. перенес остатки вещей, забрал свою коптилку, доску от стола и колья для ножек, разную другую мелочь и дребедень.

16.07.1921. В 10 часов в городе, вернее, у города, состоялось открытие памятника на русском кладбище. На этом самом месте хоронили запорожцев, затем пленных русских в Севастопольскую кампанию и теперь наконец наших изгнанников. От всех частей были возложены венки, их было больше 32, от местных греков и турок; только от французов не было. Надписи на венках самые простые. Больше всего мне понравилась надпись на венке от Дроздовского стрелкового полка: «Тем, кому не было места на родине». Произносились речи по случаю открытия, выражались пожелания, чтобы и после нашего ухода местные власти поддерживали это кладбище и чтобы мы относительно этого куска земли могли бы сказать, что «здесь русская земля», подобно тому, как на французском кладбище около Севастополя стоит надпись: «Здесь французская земля», и кладбище то всё время оберегалось русскими. После открытия и богослужения состоялся парад, на который прибыли все части из города и из лагеря. Памятник, в общем, конечно, некрасивый, но на это не было никаких средств.

17.07.1921. Ничего нового. Всё замолкло. Иногда раздаются голоса «кажется, надо начинать рыть землянку, а то вторую зиму в палатках не выдержишь». Денег у публики, конечно, уже ни лепты. Тут как-то в палатке вечером еще мрачнее, чем у Дроздовцев, так как ни у кого нет света; моя коптилка является единственным слабым источником. По вечерам все подходят к моему столу, если нужно что-либо написать или прочесть. С новыми своими сослуживцами я решил держаться посуше, не входя в особые отношения, тем более что я почти не бываю дома; то идешь в город, ежедневно на занятия математикой к Дроздовцам, откуда очень часто на общеобразовательные курсы, — и день прошел.

18.07.1921. Почему-то распространились слухи, что кавалерия не поедет. Кто распространяет такие известия, не поймешь. Участвуют ли здесь французы, большевики ли, агенты которых, по-видимому, имеются здесь в достаточном количестве, или это просто плод досужей фантазии какого-нибудь отчаявшегося меланхолика-романтика, который буркнул себе что-либо под нос, а потом это разносится с быстротой мысли по лагерю, как всегда бывает у людей, не имеющих дела и определенных данных относительно даже самого ближайшего будущего и живущих только одной надеждой и желанием, как можно скорее выбраться отсюда, к тому же питающихся одними только слухами, так как другой осведомленности

у нас нет. Последнее время, согласно приказу, за распространение необоснованных, ложных и т. п. слухов начали сажать на гауптвахту.

19.07.1921. Был в городе на лекции. Там ничего нового. Говоришь с начальством школы, которое всё-таки должно быть хотя бы немного в курсе событий, но и оно ничего не знает. Каждый день бываю у Дроздовцев; там все, в особенности в те дни, когда я бываю в городе, просят новостей, а их нет. Видно, что эта обстановка вымотала даже наиболее крепких.

Жара стоит по-прежнему свирепая. Утром и под вечер по лагерю всё время ходят с осликами «кардаши» и меняют разную зелень (помидоры, дыни, арбузы, виноград и пр.) на мыло по весу — «око за око». Единственная вещь, в которой мы не ощущаем недостатка, это мыло, хотя его не так много, как будто, и выдают; если судить по количеству потребляемого мыла о культурности нашей армии, то она окажется не совсем высокой. Денег у моей компании нет, поэтому я начал субсидировать стол из оставшихся у меня после моего перехода 16 драхм почти со второго дня нашей общей еды, а попечение о фруктах пришлось пока отложить. Едим два раза: обед (целиком паек) и ужин (рис или мамалыга). Однообразие прямо-таки гнетущее, но иного выбора быть не может.

20.07.1921. Командир Алексеевского дивизиона генерал-майор Икишев собирал сегодня всех офицеров и делился с ними новостями, полученными им на совещании начальников во главе с ген. Кутеповым. Подобного рода сбор начальников с целью информации последнее время бывает периодически, но в Дроздовской батарее мы о новостях узнавали только стороной, так как генерал Ползиков передавал эти известия через командиров батарей, которые для этого собирались у него, и наш «дядя Шеля» никогда нам ничего не говорил, ходил, хуже «воды в рот набравши», несмотря на то что передать эти новости нам входило в круг его обязанностей. По словам генерала Икишева, положение рисуется следующим: в первую очередь едет 5000 кавалерии в Сербию, затем 7000 нас в Болгарию и потом снова 4000 в Сербию. Думают, что месяца через два здесь никого не останется.

В Сербии части будут на пограничной службе, очень немногие попадают на офицерские должности, все остальные офицеры будут унтер-офицерами сербской службы; жалованье, режим, служба, положение этих будут чисто унтер-офицерские; для отличия только, чисто для себя, они будут носить на рукаве небольшой погон со своим последним чином, а форма вообще солдата-сербца. Едущие в Болгарию будут на иждивении русского командования. Италия и Франция интересуются этим переездом, боятся усиления нас на Балканах и будут препятствовать. Переехавшие туда казаки встречены были хорошо. Ведут они там себя не особенно важно; сербы народ скромный и гордый, а наши, не имея средств, начали закатывать там балы и задираться с сербами — вроде того, что «Сербия должна была принять нас, что тут нет никакого одолжения с ее стороны,

так как из-за нее Россия втянулась в войну и спасла ее, но сама дошла до такого состояния» и пр. Относительно положения в России ничего нового нет; население так подавлено голодом и террором, что организовать не может и рассчитывать на взрыв и падение сов. власти изнутри не приходится, мелкие восстания не прекращаются, но это ничего дать не может.

В Сербии дела идут хорошо. Генерал Семенов предполагает к 1 сентября развернуть армию в 100 000. Двигается он медленно, задерживают его разрушенные железные дороги, исправление которых необходимо для создания прежнего порядка в ближайшем тылу. Переезд туда нашей армии невозможен, так как на это нет никаких средств. Подобного рода информация крайне желательна, по крайней мере прекратились бы эти слухи, хотя без слухов тоже скучно.

21.07.1921. В «Общем Деле» от 4.07 появилась вторая статья «Галлиполийца» под названием «Великий исход». Если первая его статья дышала благородством, и казалось, что автор скорбит о беспорядках армии, о том, что это разрушает нашу организацию и желает исправления их, то теперь эта статья, направленная против приказа Кутепова о беженцах от 23 мая, мне совершенно не понравилась. Похоже уже на обычную травлю армии. Кутепов и сам сознавался, что пункт 2 приказа — «Всех слабых духом, вносящих в ряды войск рознь, сеющих нелепые слухи, перевести на беженское положение» — оказался очень неудачным. Вообще же этот приказ был необходим; после этого «Великого исхода» стало жить много спокойнее, прекратились все эти «бразилианские и беженские» настроения и разговоры. Я согласен с тем, что многое у нас плохо, во многом мы неисправимы. Но что же делать, — армию сохранить нужно во всяком случае. Газету с этой статьей вывесили на стенках в городе, в то время как первую статью не пропустило начальство. Все говорят об этой статье хотя не многим удалось ее прочесть. Офицеры различных частей говорят, что они догадываются и даже почти наверняка знают, кто это написал, разные лица называют разных «галлиполийцев». Лично я имею почти неопровержимые данные, что это написал капитан Кутше, но с ним я об этом не говорил вовсе.

22.07.1921. В городе у греков ликование, манифестации и пр. Начало общего их наступления под предводительством короля Константина имело большой успех. Сообщают, что кемалисты разбиты, взято в плен 30 000 и 158 орудий. Наша публика как-то больше симпатизирует туркам, чем грекам. Турки значительно лучше относятся к нашим, в то время как греки во всём ищут только наживы. Их недаром наши называют «жидами», и они действительно предлагают цены за работу наших или за продаваемые вещи такие, что нужно удерживать себя, чтобы не ударить такого «купца». Лира под влиянием этой победы начала падать.

23.07.1921. Новостей никаких. Даватц сначала ходил из города на курсы и на лекции по субботам, но потом стал пропускать. Собирают-

ся навязать мне чтение дифференциального исчисления, но мне этого не хочется, так как тогда придется основательно готовиться к лекциям и времени свободного для себя уже совершенно не будет; с другой стороны, никто другой не берется читать этого курса, и слушатели выражают желание, чтобы он был закончен.

24.07.1921. Сегодня по старому стилю 11 июля — день Ангела мамы и Оли. Интересно было бы хоть два слова узнать о том, где наши и Арнак, и что с ними. Меня, верно, уже похоронили. Уже 9 месяцев прошло с тех пор, как красные ликвидировали все белые армии, и, не получая столько времени обо мне известий, наши вообще могут потерять надежду когда-либо узнать что-то обо мне. Мне почему-то кажется, что они никуда не переехали, а Арнак, если переместились из Москвы, то только в Юрьев. Положение в России настолько, по-видимому, тяжелое, что они едва ли имеют возможность предаваться различным мечтам и особым воспоминаниям, но всё-таки в такие дни, мне кажется, они думают обо мне. У меня же не проходит дня, чтобы я мысленно не перебросился на 3—4 года назад. Вечером выпил несколько рюмок за здоровье мамы и Оли, и на меня нашла тихая грусть. Будет ли когда-либо состояние тихой радости?

25.07.1921. День Ангела Генриха. Как у них проходят эти дни, угадать трудно, у меня же чувство полного одиночества на людях. Я не удручен, но подавлен в том смысле, что у меня нет чувства безнадежности своего положения, но я всё время печален, если можно так выразиться. Это мне не мешает работать, но внутри это чувство живет всё время, и будет плохо, если я перестану с ним справляться.

Снова говорил с офицерами командир дивизиона. Акт договора с Болгарией уже подписан обеими сторонами, туда едет пока что 7000, относительно следующих ведутся переговоры. Обеспечение на 1 год за этих 7000 в размере 100 000 долларов уже внесено Болгарии. Организация наша остается прежней, может быть, часть будет на работах по вольным ценам. Переезд этих 7000 в Болгарию совсем не связан с переездом кавалерии в Сербию, так что, возможно, что наша дивизия тронется отсюда даже раньше кавалерии или, может быть, одновременно. Размещены мы будем там в 11 пунктах, Болгария не имеет права применить наши силы ни в каких внешних войнах или внутренних неурядицах и только в случае народных бедствий как то: наводнения, пожара и пр. может мобилизовать нас для борьбы с ними. Мы будем управляться своими законами, носить свою форму с обязательным взаимным отданием чести с болгарскими офицерами. Те приговоры наших судов и начальства, которые противоречат болгарской Конституции, не могут быть приводимы в исполнение. Питаться мы будем по расчету болгарского пайка и, кроме того, каждый будет получать ежемесячно по 100 лев (меньше полторы лиры). Условия, по-моему, много лучше, чем попасть на должность и положение унтер-офицера в Сербии.

26.07.1921. Ходил в город на лекцию. Заходил к Даватцу. Показывал он мне акт договора с Болгарией. Говорил, что период, предшествовавший подписанию этого акта, был особенно тяжелым в смысле перспектив и самого существования армии. По его мнению, нужно было познакомить всех с тем положением, в котором мы находились до этого, и с теми условиями, в которых протекали эти переговоры, с тем чтобы поднять в глазах армии престиж и авторитет лиц, стоящих во главе ее. В связи с этим он думает (если генерал Кутепов найдет это уместным) выступить с докладом на устной газете. В России, по его словам, невероятный голод. В Поволжье калмыки едят сусликов, что способствует усилению эпидемии чумы. Целые уезды снимаются со своих насиженных мест и, обезумев, куда-то продвигаются, говорят, что идут к «индийскому царю». Как-то странно, но голод, говорят, принимает ужасающие размеры. В смысле развития дел в Сибири особенно надеяться не приходится; начались разногласия между Меркуловым и Семеновым. Меркулов якобы считает необходимым прекратить дальнейшую борьбу, а Семенов требует общего наступления.

27.07.1921. Приехала баронесса Врангель. Главнокомандующего французы определенно не пускают сюда. Он мог бы, безусловно, приехать сюда на американском пароходе, но тогда ему пришлось бы окончательно порвать с французами, что в настоящее время для нас было бы гибелью. С какой целью она приехала, — никто ничего не говорит, но, очевидно, ген. Врангель дал ей много поручений относительно изучения наших порядков и жизни; так, по крайней мере, поговаривают. Слухов нет.

28.07.1921. Баронесса Врангель в сопровождении генерала Кутепова на автомобиле приезжала в лагерь. Была в районе Корниловцев, Дроздовцев и определенно заезжала в гвардейский батальон.

Французы начали выдавать вместо 200 г консервов 150 г и 50 г повидла с апельсиновыми корками. Пить чай приятно, во всяком случае разнообразие, благодаря чему ждешь вечернего чая с некоторым нетерпением, так как в это время мы разделяем эти несчастные две ложки повидла. Иногда вместо консервов дают довольно паршивый паштет, но и ему некоторые радуются. Как мало нужно всё-таки нашей публике. Простая французская булка привела бы в восторг целую компанию человека в 4. Очень часто, хотя бы один раз хочется поесть как следует, даже так, как ели рабочие в мирное время.

29.07.1921. На следующей неделе в инженерной школе начинаются репетиции у моих слушателей-офицеров. Сегодня лекции у меня там не было, и мне нужно было только к 11 часам представить туда программу испытаний. По сему случаю я решил поехать в город на декавилю <узкоколейная рельсовая линия с шириной 500 мм, предложенная французским инженером П. Декавилем, работала преимущественно на гужевой тяге, применялась в сельской местности. — *Ред.*>. Удовольствие не из особенно приятных. Прежде всего, пришлось ждать на станции «Марко-

во» отхода этого «поезда» больше часу. До станции «Перевал» вытягивали нас мулы, причем вагонетки неоднократно сходили с рельс, откуда под уклон с незначительными подъемами, берущимися по инерции, до «Галлиполи» скорость подчас развивается приличная. Крушений, в особенности сначала, было немало, благодаря чему нервные и солидные господа просили их высадить с половины пути. Говорят, не так давно кому-то сломали ребра, кого-то придавили и одному ротмистру отрезали два пальца на руке. Теперь, говорят, за «производство крушений» вагоновожатый офицер попадает на гауптвахту на 30 суток, и они стали реже.

Кавалерия уже перевозит вещи в город. Везут много ящиков, в которых уложены завернутые в одеяла пулеметы.

Баронесса была в городе в училищах и школах. Ничего особенного не говорила и указывала только на то, что «мой муж старается, мой муж хлопочет» в смысле устройства армии. Некоторые возмущаются, что она всюду ходит по военным учреждениям, говоря: «Не женское это дело, Государыня и та никогда не позволила себе этого». По-моему, тут ничего такого нет.

30.07.1921. Была панихида на кладбище в городе. Туда были выведены все части, как городские, так и из лагеря. Говорят, что сделано специально для баронессы, так как специальный парад без причины было неудобно назначать. Всё время говорят, что кавалерия вот-вот должна двинуться, но ничего реального в этом направлении пока нет. Всё и все мы собираемся, но уже столько времени, что надоело слушать. Меня этот вопрос совсем не интересует. Мне кажется, что отъезд будет не скоро, дело у меня есть, а кроме того, особых улучшений после переезда ожидать трудно, а здесь работа у меня наладилась, а там Бог его знает, что будет. Убивает только жара.

31.07.1921. Баронесса приезжала в гвардейскую батарею. Ходила по палаткам, осматривала церковь и пр. Я надеялся увидеть тонную даму <придерживающуюся изысканных манер. — *Ред.*>, солидно и хорошо одетую; почему-то она мне представлялась в темном платье и большой шляпе. В действительности это оказалась очень живая, подвижная, очень быстро ходящая и разбрасывающаяся дама; одета в прозрачное желтое платье с короткой юбкой, обтягивающей зад, рукава короткие, просвечивает сквозь кофточку лиф, бантики, перемычки от рубахи и пр. Я сильно разочаровался. Как-то не идет такой внешний вид жене Врангеля, который сам очень тонный господин и, кроме того, занимает такое положение. Сама по себе баронесса, как говорят, весьма симпатичная. Ее приветствовали сегодня здесь дамы, после чего в палатке гвардейского батальона ей был предложен чай. Играл Дроздовский оркестр.

К армейским частям она не приезжала. Меня страшно возмущает, что гвардия до сих пор еще сохранилась благодаря своим связям как самостоятельная часть. В гражданскую войну, кроме грабежа и ряда позорных отступлений ничем себя не зарекомендовала, а кичится тем, что «наши

предки Рим спасли». По-моему, прошло уже время. У них всё еще сохранились какие-то привилегии. Гвардейская батарея входит 4-й батареей в Алексеевский артдивизион. Официально она называется 4-й батареей, они же называют ее «гвардейской батареей» и хлопочут об укреплении этого. Там у них разделение на бригады и прочее, хотя всего-то в батарее около 100 человек. Приказы по дивизиону — общие для всех батарей, почему-то для них не всегда обязательны. Капитаны там считают себя равными по чину нашим подполковникам и дежурят по дивизиону, хотя по приказу дежурить по дивизиону должны штаб-офицеры (эти у них совсем ничего не делают); по батарее у нас дежурят капитаны, у них — поручики, офицеры ниже капитана дневают у нас по линейке, там дневают и все прочие наряды несут солдаты, которых полтора человека. Форма у них прежняя и пр. По убеждениям это монархисты отъявленные, но если бы пришлось защищать монархию с оружием в руках, то они бы предпочли эту черную работу спихнуть на кого-либо другого. Давно пора разогнать.

01.08.1921. Понедельник. На устной газете в помещении лагерного театра генерал Карцов²⁹², «бог войны», как его называют здесь, выступал с историческим очерком Галлиполи. Я не был на этом докладе, очень жалею об этом, но основные его положения узнал от присутствующих. Еще в древности приблизительно в этих местах переправлялись со своими армиями великие полководцы — Александр Македонский, Ксеркс. У маяка, по его словам, развалины (хотя это здание не носит таких уж следов древности) открытой мечети — первая постройка турок на европейском берегу. Верстах в 40 отсюда на Азиатском берегу — развалины Трои; город этот не мифический, так как археологическими исследованиями в месте, соответствующем описанию, обнаружены развалины, которые сходятся по плану укреплений бывшего города с песнями «Одиссеи» и «Илиады». Против Галлиполи на Азиатском берегу отсюда хорошо виден городок Лапсаки — место родины Аристотеля, как уверяет Карцов. В городе до сего времени действует водопровод, насчитывающий тысячелетнее и даже больше существование. Трубы проведены с гор, место прохождения их неизвестно, они уже достаточно засорились, зимой вода идет прилично, летом же по каплям. В заливе, куда впадает наш ручей, Биюк-Дере (версты две от нашей палатки) произошло знаменитое морское сражение во время Пелопонесской войны, известное под именем «битвы у Эгос-Потамоса», когда Лисандр потопил Афинский флот. На том месте, где сейчас находится наш «беженский лагерь», были разбиты военные лагеря спартанцев и афинян. В том здании, где помещается наша гарнизонная гауптвахта, были когда-то заточены турками запорожцы. Вообще много интересного, исторического.

Тут группой офицеров — любителей древности устраивались экскурсии с целью ознакомления со стариной — по городу и вообще по полуострову. Жаль, что нельзя всего совместить. Я даже в ближайшей деревне Галата и Коз-Дере ни разу не был, хотя расстояние всего только 2 версты. «Нельзя объять необъятное», — сказал Козьма Прутков, и это верно.

02.08.1921. Была первая репетиция на курсах в офицерской инженерной школе. Впервые пришлось выступать в качестве официального экзаменатора и ставить отметки по 12-бальной системе. Экзаменационная комиссия состояла из заведующего учебной частью школы, его помощника и меня. Что это был за экзамен! Сплошное убожество, прямо неприятно на нем подробно останавливаться. Господа офицеры, даже бывшие студенты, показали абсолютное незнание. Я всячески помогал им наводящими вопросами, иной раз даже прямо указывал прием решения задачи, но помогало плохо. Несмотря на всю мою мягкость, из 1-й группы пришлось провалить всё-таки 4 офицеров. Они говорят, что алгебру они всё-таки знают, а вот уже по физике никто ничего, так как им подпоручик Курц настолько хорошо читает ее, что никто ничего не понимает. Воображаю, если они считали, что эта репетиция прошла хорошо. Стыдно прямо за уровень нашего современного офицерства, а между прочим распространилось мнение, что из России ушло всё интеллигентное, всё образованное.

03.08.1921. Пошла грузиться в город первая партия кавалерии. Смотришь на ту сторону ручья, и не верится: в кавалерийском лагере разбирают палатки и люди идут в город на погрузку. Настроение у публики поднялось, многие приободрились и чрезвычайно обрадованы, что наконец-то произошел «сдвиг в лучшую сторону», по их мнению. Почему всем кажется, что там будет лучше, не знаю, мне это по крайней мере не ясно. Здесь лично я — свободный человек, а там, если придется быть солдатом чужой армии, то запоешь, по-моему, иначе. Всем настолько надоела жизнь здесь, что публика говорит: «Куда угодно, только не оставаться здесь, всё равно хуже не будет». Все устали ждать перемены.

В кавалерии «домашние сцены» — офицеров на офицерские должности в Сербию требуется очень немного. Называют цифры: 70 офицеров на командные должности и 3000 солдат. Одни хотят ехать унтер-офицерами, другие нет; споры из-за командных должностей и пр.

Французы отняли у кавалерии брезенты от барачков и оставили только немного маленьких, двускатных палаток. Вид у едущей кавалерии приличный, одеты однообразно. Кутепов в приказе благодарил Барбовича.

В 18 часов на стадионе, устроенном на плацу между Алексеевским дивизионом и рекой, начались состязания членов корпуса, так называемые «Олимпийские игры», которые продолжатся три дня. Программа большая: бег, метание копья, бросание ядра, прыжки, гимнастика на снарядах, вольные упражнения, даже плавание в море и пр. Предполагалось, как говорили, плавание на Азиатский берег через пролив (6 верст), но оно было отменено из-за сильного ветра. Во время состязаний играл Дроздовский оркестр. У них ничего не было, когда мы переехали сюда. Всё это время с раннего утра и до вечера в палатке Дроздовских музыкантов шла самая изводящая подготовка, сначала на трех каких-то инструментах, потом их стало больше, и наконец в настоящее время их уже

около 15, и оркестр является лучшим в лагере. Всё-таки из ничего даже здесь можно создать что-то. Эти сыгровки и упражнения оркестра продолжают по целым дням и донныне.

04.08.1921. Была вторая репетиция на курсах. На этот раз я почти не давал подпоручику Курцу спрашивать моих слушателей. Он их смущал всё время глупыми вопросами и задачами, между тем как сама публика на основных вещах спотыкалась. Снова пришлось поставить неудовлетворительно 5 офицерам. Даватц говорил, что у него на репетиции по арифметике и геометрии дела идут не лучше. О точной формулировке чего-либо нечего и думать. Есть офицеры, которые делят 0,3 на 0,75 и получают $\frac{1}{2}$. Трагикомедия, а не репетиция.

Говорят, при погрузке кавалерии было несколько комических номеров. На этот транспорт семей офицеров, кроме семьи начальника кавалерийской дивизии, не брали. Семьи, как говорят, переедут туда на третьем по счету транспорте. Однако некоторые дамы, переодевшись в мужскую военную форму, пытались проникнуть на пароход с мужьями. Французский караул их обнаруживал и не пропускал. Происходили семейные сцены и тому подобное. Русские без историй не могут.

05.08.1921. В июле месяце лир не получили. На этот раз дело с ними затягивается. Говорят, что здесь этих денег пока нет, и вообще пока что их еще не наскребли. Ожидают, что лиры будут выданы после отъезда всей кавалерии. С деньгами во всяком случае у всех очень плохо. Курить надо, а на пайки тоже не проживешь. Мы в своей компании ежедневно должны тратить на стол лепт 70—120 в зависимости от того, варим мы рис или мамалыгу на ужин. Я почти все деньги ухлопал за это время на общий стол. Теперь Низяев носит с гор дрова, а младший Залесский доставляет их в город и продает там по 2 драхмы вязанку. Труд тяжелый и плохо оплачиваемый. Вообще публика поневоле должна пускаться на заработки, кто как умеет. Одни ходят на работу в город или деревню, но работу достать трудно, оплачивается тоже плохо и работать тяжело. Другие партией занимаются выделкой угля и целыми мешками отправляют его в город. Копают ямы в горах, жгут там древесину, выкорчевывают пни, имея в своем распоряжении паршивые кирки, мотыги или отчаянный топор. Вся гора дымится от этих угольных печей. Как говорят, раньше город питался привозным углем и дровами. Теперь же наша публика по дешевым ценам доставляет всё это в достаточном количестве. Греки по этому поводу, теряя на пошлине, обращались, как говорят, к Кутепову и указывали на уничтожение леса. Одно время солдат без офицеров не пускали совсем в горы, строжайше было запрещено жечь в горах этот кустарник, потом снова смотрели на это сквозь пальцы, теперь опять запрещено нашей публике носить в город и продавать дрова. Выделывают и продают или меняют на продукты кружки из консервных банок, бочки, лампочки, коптилки; другие что-то паяют, вырезают, делают трафареты, значки, выпиливают игрушки вроде двигающихся паяцев и пр. Работы

и умения много нужно, а цены — всё те же 2—3 драхмы. Лепят из глины фигуры, рисуют карикатуры, виды. У Марковцев офицеры выделывают портсигары, мундштуки, балалайки и др. Плохо то, что при работе люди пользуются только подручным материалом, инструментом же нет совсем. В городе открывается теперь выставка-базар работ русских в Галлиполи, после окончания которой будет производиться продажа экспонатов.

Большинство же ничего не делает и добывает лепты на курение самым легким и верным способом — продажей последних вещей. У нас в батарее подпоручик Лебедев начал выделывать сапожные гвозди и шпильки для сушки белья. За вторым перевалом нашел дубовую колоду, чуть ли не два дня, по частям распиливая, тащил ее сюда и, имея в своем распоряжении только пилу и перочинный ножик, принялся за работу. Сделал он около 3 фунтов гвоздей, сушил их, но продать ему не удалось: при пробе из 5 целых 3 согнулось. Шпилек же для белья он продал всего на 85 лепт. Над ним смеялись еще до продажи, что лучше ничего не делать, чем за несколько драхм столько трудиться. Я же защищал его, говоря, что любой труд лучше того безделья, в которое погружены все. Неудача его особенно не удручила. На берегу моря он нашел выброшенную ореховую колоду, перетащил ее сюда по частям и начал долбить портсигары. Человек крепкий, как видно, и мне нравится, как он работает. Лично я думаю, что мне такая работа не давалась бы — нет достаточно терпения, его можно было бы набраться в случае нужды, нет еще и умения.

06.08.1921. Пошла грузиться конная артиллерия. Слухи пошли такого рода, что каждые четыре дня теперь будет отправляться по транспорту. Кавалерия быстро переедет, и, может быть, не ожидая окончательного ее переезда, тронемся и мы. Вообще здесь уже, как правило, в тот день, когда случилось что-либо хорошее, сейчас же появляются хорошие слухи и чуть ли не точное указание когда и как это хорошее случится. Уже говорят, что генерал Кутепов где-то сказал, что к 1 сентября здесь, в Галлиполи, никого не будет. Беженцы из беженского лагеря уже все почти уехали. В свое время, 23 мая, после приказа генерала Кутепова о так называемом «Великом Исходе» генерал Врангель в приказе указывал на то, что он снимает с себя всякую ответственность перед иностранными правительствами за действия переезжающих туда ушедших из армии и что до полного устройства армии он о них не будет заботиться. Выходило так, что они здесь, в своем лагере, будут сидеть дольше нас, но оказалось несколько иначе.

Больше других засиделись здесь так называемые «кадровые беженцы», это лица, ушедшие еще по комиссии в конце декабря 1920 года. Но это по их личным соображениям. Остальные расплылись кто куда: в Совдепию, Бразилию, Болгарию и т. п. Часть беженцев была принята обратно в армию. Кавалерия усиленно вербовала их, так как у них не хватало нужного количества солдат, требуемых в Сербию. Из конной артиллерии оставалось здесь, как говорят, человек до 100 офицеров; одни сами не хотели ехать, других не брали.

Уехала баронесса Врангель. Она, очевидно, сможет подробно познакомиться теперь супруга с нашей жизнью.

07.08.1921. Литературная комиссия, в которую вошли все лекторы общеобразовательных курсов, рассматривала вместе с представителями Земсоюза издающиеся в Галлиполи журналы с тем, чтобы лучшим из них оказать поддержку. 1-е место среди всех журналов, по определению комиссии, занял наш Дроздовский журнал «Лепта артиллериста», 2-е — «Сергиевец» Сергиевского артил. училища. Остальные журналы: «Изгой», «Развей горе в голом поле» и пр. — ерунда, как говорит комиссия. Были там и батарейные журналы бывшей моей 2-й сводной Дроздовской батареи: «Веселые бомбы» и «Думки залетные». Относительно «Бомб» мнение такое — здоровый юмор, немало остроумия, но много уделено внимания пьянству, страдает однообразием и циничен. Высказывали пожелания, чтобы «Бомбы» соединились с «Лептой», у которой не хватает юмора.

Некоторые карикатуры и шаржи из «Бомб» Земсоюз решил приобрести, например некоторые «проекты памятников», карикатуру «Последний матч». «Лепте» определено пособие всем, что только имеет на этот счет Земсоюз; в настоящее время они дают только 500 листов бумаги, так как денег, красок и пр. у них нет. «Думки залетные», по определению комиссии, не заслуживают внимания: это пустой, неважный журнальчик, который даже вреден, так как в нем, по ее мнению, культивируется грубость. «Лепта» и «Бомбы» в данное время, а может быть и навсегда, прекратили выпуски номеров, «Думки» же продолжают работать. Дроздовская пехота собиралась выпустить журнал «Малиновое зеркало», но он почему-то не родился на свет, хотя у них есть и художники, и карикатуристы, и люди, могущие кое-что написать.

08.08.1921. По требованию общего собрания лекторов Лагерного отделения Курсов выдали нам авансом на каждого лектора по 2 лиры, так как неизвестно, когда и как расплатятся за лекции, читанные еще в июне, денег же ни у кого нет, и жить тяжело. Хорош «аванс» — в счет июньских денег выдается в августе, т. е. на два месяца назад. По этому случаю пошли с Осей Низяевым и выпили в собрании 3-й батареи. Здесь без выпивки нельзя, необходимо устроить встряску организму. На меня водка очень хорошо действует: наступает тихое, слегка меланхолически-сентиментальное настроение, которое я очень люблю. С особым хорошим чувством вспоминаешь недавнее прошлое. Половину всех денег отдал на общий стол. Здесь право «не варить обеда» обходится мне дороже, чем в Дроздовской батарее.

09.08.1921. Была третья по счету репетиция по моему предмету в Офицерской инженерной школе. Сплошной ужас. От многих офицеров я ждал только одного удовлетворительного ответа, хотя бы на один вопрос, чтобы можно было, махнув рукой, отпустить его куда угодно, но так и не дождался. Сплошное невежество. Говорят, что по другим предметам

дела у них обстоят нисколько не лучше. Даватц нарисовал мне такую же мрачную картину своих репетиций. От некоторых он так и не мог добиться теоремы Пифагора, ее заголовка, не говоря уже о доказательстве. Там есть офицеры без среднего образования, их ответы уже не удивляют, но господа, окончившие среднюю школу, тоже показали «товар лицом».

Говорят, что в константинопольских кругах у русских настроение весьма повышенное; основываясь на голоде в России, каких-то извещениях оттуда, наши общественные деятели ждут скорого и непременного падения советской власти. Из города я дошел сегодня с трудом. С 6 числа у меня весьма отвратительно обстоят дела с желудком. Я не обращал внимания на это, а теперь уж совсем скверно; еле хожу, по всем данным, какое-то гастрическое заболевание, что теперь особенно в моде. Очень многие страдают от него.

10.08.1921. Кто-то пустил слух, что Алексеевцы 5-м эшелоном отправляются в Сербию. Будто бы вдова генерала Алексеева, находящаяся в данное время там и имеющая большие связи, устраивает Алексеевцев в Сербию. Мне лично эта перспектива мало улыбается, хотя у меня нет никаких определенных данных ни об условиях и нашем будущем положении как в Сербии, так и в Болгарии, тем не менее я настроился ехать почему-то в Болгарию. На устной газете местные прорицатели говорили в том смысле, что можно ожидать в связи с событиями нашего переезда в Россию быстрее, чем в Болгарию. Под вечер даже распространился легкий слух о падении Сов. власти. Этому мало верят.

11.08.1921. С желудком совсем плохо. Я перешел на голодную диету: кроме кружки чая и нескольких сухариков, ничего не ем. Принимаю всё время слабительное, но ничего не помогает. Злостная штука у меня получилась. Без конца бегаешь в ровики по 18–25 раз в сутки, кроме того всё время боль. Тяжело.

Сегодня подпоручик Туланов получил денежное письмо, отправленное ему чуть ли не в январе. Кто здесь виноват, Бог его знает, но как видно, наши русские главным образом. Очень много денег, отправленных чинам армии из других государств, так и не дошло совсем, нет даже никаких следов. Деньги, пересылаемые в заказных письмах, тоже обнаруживаются и пропадают. Так, например, полковнику Яковлеву послано было когда-то в заказном письме 5 лир. Он получил распечатанное и снова заклеенное письмо и в нем одну лиру. Причем фраза «посылаю тебе 5 лир» была исправлена, «пять» было перечеркнуто химическим карандашом и совершенно другой рукой надписано «одну». Какой-то шутник большой руки, но всё же добрый человек, так как следующие 4 письма с лирами, которые высылались ему ежемесячно, полковник Яковлев совсем не получил до сих пор. Это определенно беспорядки в штабе корпуса со стороны заведующего корреспонденцией. Какая всё-таки подлость.

12.08.1921. Ушел второй транспорт кавалерии в Сербию. Говорят, что сербы первый транспорт встретили хорошо. После освидетельство-

вания здоровья прошедшим эту комиссию предложили подписать условия договора о службе. Негодным к службе и не желающим служить предложили все четыре стороны и свободу передвижения по всей Сербии за исключением Белграда. Говорят, что контракт подписывается на 2 с половиной года. Публика тут возмущалась, что наше командование об этом не объявило раньше. Насколько верны эти 2 с половиной года, сказать трудно, всё это разговоры и слухи.

Говорят, что по условиям соглашения Врангеля с Сербией, наши части в Сербии могут быть переброшены в Россию раньше этого срока, если там произойдут какие-либо изменения, только в том случае, если их сменяют другие русские войска той же численности. Но откуда взять эти другие части? Правда, в случае переворота можно будет мобилизовать беженцев, находящихся за границей. Вообще комбинация сложная. Мне страшно не хочется связываться где-либо с этой военной службой в другом государстве, потом не распутаясь, когда нужно будет, но обстоятельства могут заставить. Здесь свободнее.

Сегодня (30 июля по старому стилю) во всех церквях состоялась панихида по Алексею Николаевиче. В некоторых частях строем водили публику в церковь. Я возмущался страшно. Уже давно пора перестать действовать в таких случаях по приказу, совершенно ни к чему все эти церемонии; упрек в монархизме всё-таки справедлив, нужно было бы давно раз навсегда запретить приказом эти панихиды, а тут, наоборот, чуть ли не сверху приказывают их служить.

Сегодня должен был быть в городе — последняя репетиция в Офицерской инж. школе, но не мог. Совершенно ослаб, лежу, ничего не ем, с трудом подымаюсь на горку, подыматься приходится раз 20 в сутки; скоро вымотает меня окончательно. Лечиться собственно нечем. Казенного пайка есть нельзя, купить — не купишь ничего, денег нет, а без пищи силы падают.

Женился генерал Туркул. Целую ночь до нас доносились пьяные крики. Открыто жил с женой офицера своего полка, как говорят, но наконец женился. С дамами вообще здесь сплошной скандал. За редким исключением все обращаются в проституток.

13.08.1921. Немножко прояснилось с денежными делами. Определенно стало известно, что через несколько дней выдадут по полторы лиры офицеру и по 1 лире солдату. Все, естественно оживилось, хотя то обстоятельство, что выдадут не две, а полторы лиры, на некоторых подействовало удручающе, сразу нарушились все расчеты.

Жара стоит невозможная, по Реомюру в городе, как говорят, снова 55. С желудком у меня ужас. Ем только сухарики, т. е. высушенные на солнце куски хлеба, и сегодня начал пить рисовый отвар. Почти весь день лежу.

Участились случаи самоубийства. Причины самые разнообразные: упадок духа, несчастная любовь и пр. В Дроздовской пехоте регулярно

стреляются 2–3 человека в месяц. Говорят даже, что там существует клуб самоубийц, причем каждый член этого клуба знает только двух других членов, не больше, и т. п.

14.08.1921. Заходил Юрка Крокосевич. Передавал слух о мобилизации всех русских, находящихся за границей, и о предстоящем формировании трех русских корпусов: 1-й генерала Миллера, 2-й генерала Юденича и 3-й генерала Врангеля. Всеми тремя якобы будет командовать Вел. Кн. Николай Николаевич. Европейские державы будто бы наконец, как говорят, думают выступить против большевиков. Всё это слухи, и притом необоснованные.

15.08.1921. Одно время говорили, что с Лемноса все давно уже перевезены, теперь же продолжают утверждать, что там до сего времени находится еще 3 с половиной тысячи. Трудно сказать что-либо определенное, но как то, так и другое маловероятно, по-моему действительность установить трудно. Лично я вношу все эти слухи для того, чтобы обрисовать ту атмосферу, в которой приходится здесь существовать, а так как она насыщена слухами, то я их и касаюсь, в то время как действительные события до нас не доходят и потому редко нас касаются. Как ни говори, а эта неопределенность, хотя к ней уже все привыкли, вещь весьма изводящая. Лично мое состояние в связи с болезнью еще и тем неприятно, что я принужден временно прекратить занятия в Оф. инж. школе, на общеобразовательных курсах и в Дроздовском дивизионе — никуда не могу ходить, слабею и даже сам не могу для себя заниматься. Утомляют невероятно жара и боли. Это время довольно много начал играть в шахматы у себя в батарее. Каждый день начал себе ставить клизмы с мылом, но улучшения нет.

16.08.1921. Прочли в приказе по корпусу дело полковника Мальвинского. Во время погрузки кавалерии французский офицер толкнул жену Мальвинского, которая, очевидно, хотела туда пробраться, хотя семьям не разрешено было грузиться. Мальвинский вызвал на дуэль француза, прислал к нему секунданта, но тот дуэли не принял, письмом на имя старшего секунданта генерала Карцова указал, что при решении этого вопроса он не свободен, рекомендовал обратиться к командиру французского батальона, начальнику здешнего гарнизона полковнику Томассену, и что он, лейтенант Буше, был при исполнении служебных обязанностей (жена Мальвинского переодета была в военную форму). Лейтенант Буше «спешно» был командирован в Константинополь, а Томассен ответил генералу Кутепову и указал, что между французами и русскими здесь могут быть только служебные отношения, что русские получили паек и пр., занимают подчиненное положение, так как французские войска их обслуживают, а потому никаких личных отношений быть не может и дуэль немыслима. Кутепов письмом на имя Томассена указал, что то обстоятельство, что мы получаем фасоль и консервы, не могут ставить нас в подчиненное положение, а при вызове на дуэль лейтенанта Буше русские офицеры руководились общими для всех армий положениями

о дуэли, которая явилась следствием оскорбления. С этой точки зрения, каждый французский офицер, прикрываясь служебным положением, сможет теперь безнаказанно ухаживать за женами русских офицеров в явно недопустимой форме, наносить оскорбления и пр. Отказ от дуэли он считает неосновательным и об этом случае доведет до сведения высшего французского командования в Константинополе и поставит в известность представителей всех иностранных армий и всех офицеров нашего корпуса. Секунданты Мальвинского составили протокол, в котором указали, что в условленном месте в назначенный час лейт. Буше не был и не представил основательных причин отсутствия. Этот протокол при рапорте был представлен Кутепову и пойдет, очевидно, дальше к Шарпи.

17.08.1921. Получили наконец по полторы лиры. Как это водится, в городе сразу же менять их стали дешевле. Наша публика заработать здесь ничего не может, а на нас другие, пользуясь обстоятельствами, зарабатывают. Местное население достаточно разбогатело, кто сумел, конечно.

С желудком безнадежно. Ни диета, ни клизмы ничего существенного не дают. Продолжается эта кровавая комбинация несколько реже, до 10 раз в сутки, других улучшений никаких. Так можно через несколько дней против своего желания переселиться в лучший или худший из миров. Главное, что нет никакого лечения, даже касторового масла нет в околотке, не говоря о других слабительных.

18.08.1921. Говорил с дежурным врачом бригадного околотка об остро-желудочных заболеваниях вообще, не касаясь моей болезни. Меня интересовали причины столь частых заболеваний желудком у нас в лагере. Врач сказал мне, что нужно удивляться тому, что у нас пока всё благополучно, относительно конечно, в смысле желудочных заболеваний. Причин много, главных три: жара, однообразиие пищи (фасоль, консервы) и плохое качество воды. Наша же публика, по его словам, предупреждение не пить сырой воды считает «сказкой для детей младшего возраста» и дует ее вовсю. Французы и англичане потеряли в эту войну здесь очень много народу именно из-за этих заболеваний. Турки тоже недалеко отсюда стояли лагерем и начали вымирать даже, после чего были отведены отсюда. «Долина смерти»... и русские лучше других справляются с этой болезнью, несмотря на истощение и отвратительное питание, добавил врач. Многие больны москитной лихорадкой, которую здесь называют «галлиполийкой» и которая также заключается в воде, как и «колиитис». Выматывает эта дань моде людей до неузнаваемости. Некоторые не справляются и тихо умирают. В моем положении улучшения незаметно.

19.08.1921. Я начинаю терять уже всякое терпение с моей болезнью, никакого просвета совершенно не видно нигде. Все мои занятия приостановились. Вместо математики принялся за шахматы. Боли в желудке не дают возможности сосредоточиться на чем-либо серьезно, читать же абсолютно нечего, лежать весь день отвратительно и, кроме того, невероятно жарко.

Несколько времени тому назад от американского Красного Креста выдали нам по полотенцу, эмалированному блюдечку и по 8 колод карт на взвод. Везде по этому поводу началась игра. Я тоже раза три сыграл в преферанс, но потом, увидев, что в случае проигрыша сам-то будешь платить, а в случае выигрыша ничего не получаешь, я бросил это невыгодное занятие. Зато с моим соседом по постели поручиком князем Лионадзе играем раза 4 в день в «1000» без всякой расплаты. Невольно переносишься мыслями во время игры в «тысячу» на насколько лет назад в Москву, когда я одно время играл в эту игру с Олей, обычно после обеда по праздникам. Как-то грустно делается, если сравнить то время и теперь. Полотенцам и блюдечкам публика нашла применение тоже довольно быстро. Большинство «загнало» эти вещи; блюдечки, например, кардаши <в переводе с тюркского — братки> меняли на 1 драмовый хлебец. В некоторых батареях усиленно развилось занятие спиритизмом. У нас в дивизионе этим отличается 1-я батарея, там дело с «духом» поставлено, как говорят, серьезно. В 6-м дивизионе тоже упражняются с блюдечками.

20.08.1921. Скоро две недели как я сижу на диете, сначала совсем ничего не ел (дурак доктор даже сахар не советовал есть), потом всё это время пил отвар риса, вернее воду, в которой варился рис, и сухарики. Хлеба скопилось запаса дня за 4, и есть особенно не хочется. Обедал сегодня еще как больной, а вечером потерял всякое терпение, дал нашей компании денег на спирт и решил как следует поесть и выпить. Сразу начал есть консервы, лук, помидоры, паштет и пр. и водку. Братья Залесские почти не пьют, поэтому нам с Осей пришлось по $\frac{3}{4}$ бутылки на каждого. Против ожидания пьяным, несмотря на общую истощенность и слабость, не чувствовал себя. Посмотрим, что скажет живот после этой основательной встряски.

21.08.1921. Чувствовал себя весьма плохо. С желудком в общем шутки весьма плохи, так можно протянуть ноги и окончательно, а потому решил снова соблюдать диету. Кроме того, в такую жару так много пить, по-моему, неммыслимо, не находишь себе прямо места; чуть нагнешься, стучит в висках, становится темно перед глазами и буквально весь покрываешься потом. Развелось невообразимое количество блох, спать совершенно невозможно. Многие ложатся спать совсем в поле, другие вне палатки, лично я сплю совершенно без белья, но это помогает мало, по ночам всё время срывается публика со своих постелей, трясет одеяла и белье на дворе.

22.08.1921. Дошло до батареи объявленное в приказе письмо генерала Врангеля на имя командира корпуса. Я привожу его полностью и без дальнейших пояснений; из него ясно, в каком положении находится наш Главнокомандующий. Даватц говорил, что Врангель мог бы сюда приехать на американском военном судне, но тогда ему пришлось бы окончательно поварь с французами.

Письмо такое: «Главнокомандующий Русской Армией 8 августа 1921 года № 197. Яхта Лукулл. Дорогой друг Александр Павлович. Не могу

сказать тебе, как глубоко я тронут тем вниманием, которое оказали жене моей части 1-го корпуса. Вот полгода, как я оторван от родных соратников заложником Русской армии в руках вчерашних ее союзников. Находясь вдали от Вас, я сердцем и всеми помыслами остаюсь с Вами. Слушая рассказы жены моей, разделяющей мой плен, о пребывании среди Вас, я как будто на время переношусь в родные мне части 1-го корпуса. Прошу тебя принять и передать всем соратникам мою горячую благодарность за внимание и сердечные слова, которые неизменно поддерживают меня в тяжелой борьбе за честь, достоинство и самое существование армии и воплощаемое ею Русское дело. Обнимаю тебя. Твой Врангель». Дальше он благодарит офицеров, приславших ему стихи, рисунки и труд «Запорожцы 20 века на берегах Мраморного моря». Письмо, по-моему, историческое.

23.08.1921. Газеты полны известиями о голоде в Совдепии. Говорят, что большевики сами преувеличивают размеры этого несчастья, чтобы скорее склонить иностранные державы к помощи. Идут разговоры о гарантиях; тут у нас почему-то говорят о продовольственной интервенции. У нас тут подымался вопрос о посылке в Россию в пользу голодающих от нашей армии однодневного пайка, говорили о том, что такой жест, конечно, не может принести существенной помощи, но будет иметь политическое значение; 20 000 пайков — голодным от голодающих. Сначала это встретило сочувственное отношение со стороны Кутепова, и на сеансе «устной газеты» предполагалось говорить на эту тему, но затем по приказанию генерала Штейфона — начальника штаба корпуса — этот вопрос сняли с программы «устной газеты» и указали на то, что эта помощь не дойдет до голодающего населения, а попадет красной армии и что на этот голод надо смотреть как на испытание, посланное России, признавшей большевиков, а потому она должна претерпевать его до конца. После этого вопрос с пайками заглох.

24.08.1921. Говорят, что в Болгарии неспокойно, что войск там даже не хватает для того, чтобы охранять внутренний порядок, банки и пр. Коммунисты якобы чувствуют себя там довольно свободно в том смысле, что у них открыто существуют клубы, библиотеки, собрания и пр., но особенным ничем они себя не проявляют. Новостей никаких. С болезнью дела пошли на улучшение, но до удовлетворительного состояния еще очень далеко. Вечером выпили слегка с Осей под помидоры, а то скучно.

25.08.1921. Сегодня заговорили снова о том, что совсем на днях уезжает 1800 кавалерии в Сербию. И опять, как всегда, передают все подробности условий жизни и службы в Сербии, и хотя уже много раз представлялся случай убедиться, что все эти слухи, переходящие из палатки в палатку и неизвестно от кого исходящие, очень часто не имеют под собой реальных оснований, но всё же по вечерам в особенности группами собираются офицеры и начинают обсуждать положение, принимая услышанное за незыблемую действительность. Но что же делать, если беспроектное настроение многих искало в этом отдыха.

26.08.1921. Решил считать себя уже выздоровевшим и появиться на курсах в лагере. Меня давно уговаривали начать чтение лекций по аналитической геометрии, я отказывался, указывая на то, что у меня нет высшего образования и что я могу согласиться только в том случае, если никто из людей с высшим математическим образованием за это дело не возьмется. Было сделано объявление о том, что ищется лектор, запрашивали по частям, и, когда никто не нашелся, Даватц благословил меня. Сегодня прочел двухчасовую лекцию. Сам чувствовал, что прочел хорошо. Народу пришло много, было полно. Многие подходили ко мне после окончания и проявляли большой интерес. Обычная история; лекции через две, когда накопится немного материалу и когда надо будет начать разбираться в прочитанном, $\frac{3}{4}$ бросит слушать. Очень усиленно заговорили об отъезде.

27.08.1921. Выяснилось с несомненностью, что на днях уходят в город с целью погрузки и отъезда в Болгарию Дроздовский стрелковый полк, Дроздовский артиллерийский дивизион и Алексеевский партизанский полк. Люди везде основательно оживились, а среди отъезжающих нескончаемые толки и разговоры. Остающиеся с завистью смотрят на тех, кто собирается в путь в Болгарию. А чему завидуют, я думаю, никто и сказать не сможет: просто хотят перемены обстановки.

Вечером было заседание на курсах в лагере. Дело в том, что курсы находятся в районе расположения Алексеевского полка и под ними занята палатка, принадлежащая полку. Решили пока не закрывать курсов и просить оставить нам во временное пользование палатку.

28.08.1921. По случаю предстоящего отъезда Дроздовцев и Алексеевцев французский комендант полковник Томассен обратился со следующим письмом к генералу Кутепову: «Полковник Томассен, 28 августа 1921 года. № 1843. Командиру 1-го армейского корпуса. В виду отъезда из Галлиполи 15 000 русских французское правительство для уменьшения расходов по реквизиции помещений между прочим решило полностью эвакуировать город Галлиполи от русских, за исключением госпиталей. Вследствие этого все штабы, школы, управления, склады, мастерские и т. п. должны будут переехать в лагерь и устроиться там в палатках. Помещения, предоставленные в данное время для госпиталей, остаются до нового распоряжения по сему предмету в настоящем положении. Я имею честь просить Вас составить по этому поводу детальную программу общей эвакуации города русскими в лагерь Муниб-бей-Дере с указанием частей и дней таким образом, чтобы эта операция была выполнена в порядке, без задержки» и т. д. Заканчивается письмо следующим: «Эвакуация должна начаться, как только возвращена будет Вам Ваша программа по одобрении ее французским командованием. Она должна быть полностью выполнена к 30 сентября, другими словами, начиная с 1 октября никакое русское учреждение, кроме госпиталей, и ни один русский не должен оставаться в городе, равно как не должно быть ни одной палатки.

В интересах самих русских было бы быстро выполнить это передвижение в течение последнего периода хорошей погоды, не дожидаясь наступления дождей. Я обращаю Ваше внимание на категорический характер, придаваемый командиром оккупационного корпуса этому приказанию. Полковник Томассен».

В связи с известием об этом письме поползли слухи, что воспользовавшись тем, что нас численно уменьшаются всё время и что самые крепкие строевые части уходят, французы теперь начнут всё время нажимать на оставшихся и тем еще более усложнят и без того невеселую жизнь. Вечером по случаю предстоящей в связи с отъездом Дроздовцев разлуки основательно выпили с подполковником бароном Майделем. У него денег не было, а мы бродили уже навеселе по собраниям, где я расплачивался за двоих. «Ничего, — говорил барон, — где-либо еще встретимся, и тогда я вспомню, как вы меня угощали в старом добром Галлиполи».

29.08.1921. Дроздовцы начали разбирать свои палатки и уходить из города. Довольно унылая картина открывается при виде этих разоренных кустарных кабинок и постелей, лишенных палаточного покрова. Заходил в управление Дроздовского артиллерийского дивизиона, хотел взять третью тетрадь моих заметок, которые там находились для использования ее записей по истории Дроздовской артиллерийской бригады. Полк. Пинчуков сказал мне, что тетрадь уложена, забита в ящик и вместе с ним отправляется в город, и просил не заставлять его перебирать всё приведенное в походное состояние канцелярское имущество батареи и что по первому моему требованию ее мне вышлют из Болгарии. Пришлось уступить его просьбе, хотя возможность утраты части моих записей начала меня под вечер неприятно беспокоить.

30.08.1921. Дроздовский дивизион и полк полностью перебрались в город. Я ходил прощаться с нашими офицерами и проводить их. В 1 час дня на площади был молебен, и после началась довольно медленная погрузка на транспорт. Генерал Кутепов несколькими короткими словами попрощался после молебна с отплывающими в Болгарию частями.

Прибыл в Галлиполи А. Карташев²⁹³. Утром состоялся парад в лагере; все жалели, что Дроздовцы и Алексеевцы, благодаря погрузке, не могли принять участие в рядах выстроившихся частей и тем создать еще более мощное впечатление. Но несмотря на это, вид и выправка, стройные ряды и церемониальный марш создавали эффектную для Карташева неожиданную картину; он был поражен и умилен, и в восторге от виденного расцеловался с генералом Кутеповым. Вечером состоялся парад в городе и дополнил в глазах Карташева картину порядка и жизни Галлиполи. Говорили, что он был прямо растроган и всё время говорил: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Французы усиленно предлагают ехать в Баку и Батум. Появилось «объявление французского командования к русским беженцам», напечатанное на машинке без подписи. Там говорится, что Сербия и Болгария в состоя-

нии принять очень немногих и «следовательно советуется беженцам воспользоваться отправками, которые организованы для их направлений».

31.08.1921. Ушел транспорт с Дроздовцами и Алексеевским полком. Когда они двинулись, с палубы донеслось до берега громкое «ура». Я сколько раз задумывался над значением этого и такого вообще «ура» — радость ли вообще по случаю отъезда из Галлиполи; восторг ли по случаю предстоящей перемены жизни; привет ли остающимся или подбадривание самих себя на этапе нашего тяжелого пути.

По случаю их отплытия вышел следующий приказ 1-му армейскому корпусу от 31 августа 1921 года № 617/А: «Вслед за отправленной в Сербию конницей сего числа отплывает первый эшелон пехотной дивизии в Болгарию. Восемь с половиной месяцев пробыла дивизия в исключительно тяжелых условиях в Галлиполи. В этот длительный период вдали от родины, перенеся физические и нравственные испытания, доблестная пехотная дивизия не только не растеряла присущей ей стойкости, но еще отчетливее выявила свою несокрушимую силу, которую ничто не может сломить. Как в боях дивизия выковала свои блестящие боевые качества, так в условиях враждебной политической обстановки она закалила свой дух. Убежден, что все жертвы, принесенные доблестными частями, не пропадут бесследно, и надеюсь, что Балканы — наш последний этап на родину. За неутомимую работу благодарю нач. див. ген.-лейтенанта Витковского, штаб дивизии, всех начальствующих лиц, г.г. офицеров и младших солдат. Генерал от инфантерии Кутепов».

Пошли довольно оживленные и веселые слухи о том, что мы чуть ли не в начале следующей недели уедем в Болгарию, а к 14-му перебудут уже все, т. к. официально французы прекращают уже нас кормить 1-го, а неофициально 15-го. Хотя эти слухи явно шли вразрез с достоверным письмом полк. Томассена от 28 августа, многие поверили и взбодрились.

01.09.1921. Четверг. Спала жара, подул ветер. Сразу стало легче физически и приятней. Тому, кто не испытывал жары и этой духоты, трудно себе представить это изнуряющее состояние расслабленности, эти подчас кошмарные ночи в душных палатках, когда, поворачиваясь в 30-й раз весь в поту на другой бок, наконец забываешься тяжелым сном.

Проф. А.В. Карташев прочел на сеансе «утренней газеты» свой доклад на тему «Оправдание вооруженной борьбы с большевизмом». Я пришел несколько позже начала, пробраться вперед было мудрено, а потому многого не расслышал, т. к. он говорил, по-моему, недостаточно громко. Правда иногда в палатках в дождливое время зимы затрагивался между прочим вопрос о том, что наличие вооруженного сопротивления помогло большевикам организовать красную армию и тем самым как бы укрепило власть, что не будь белых армий и гражданской войны, большевики, быть может, в условиях мирной жизни уже давно в глазах своего народа выявили бы свою несостоятельность и изжили бы себя, что принесенные в жертву тысячи жизней не ускорили, а могли наоборот задержать раз-

вязку, что национально настроенные крепкие люди, оставаясь внутри страны, скорее могли бы совершить переворот, и много других гадательных «если» и «если бы», к которым мы относились как к теоретическим, нежизненным рассуждениям, понимая их несостоятельность, т. к. вооруженная борьба была и должна была быть. И вот при таком настроении в Галлиполи Карташев делает свой доклад. Если он на тему, то не по месту, если он по месту, то не на тему. Он при помощи целого ряда предпосылок и заключений приходит к тому, от чего мы исходим, к тому, что является нашей основой, к тому, что принято нами безоговорочно и не требует доказательств. Своим докладом он мог только аксиому перевести в разряд теорем, а это не нужно и даже, по-моему, опасно. Было бы гораздо интереснее, если бы председатель Национального комитета прочел бы любой другой доклад, так как видные штатские люди говорят с нами чрезвычайно редко и послушать их всегда собирается много народу.

02.09.1921. Сегодня после лекции завед. учебной частью Офицерской инженерной школы полковник Базаревич²⁹⁴ предлагал мне перевестись в штат Школы, мотивируя это тем, что после переезда в Болгарию части будут размещены в различных городах и неизвестно, попадут ли Школа и Алексеевский артил. дивизион в одно место. Я слышал, что начальник Школы полковник Цыгальский²⁹⁵ обладает не очень приятным характером (сейчас я от него совсем не завишу и в любой момент могу бросить преподавание, если мне что-либо не понравится), а кроме того не хотелось уходить из строевой части и потому не согласился, несмотря на продолжительные уговоры.

03.09.1921. Относительно нашего переезда всё замолкло, разговоры прекратились, лица в палатках помрачнели, а на многих легла печаль: общаются, что переезд следующих частей задержится, что тронемся мы не так скоро и что наш дивизион отправится в Сербию.

04.09.1921. С желудком стало опять совсем плохо. Потом со временем тому, кто будет читать мои заметки, да и мне самому при их чтении через несколько лет покажется странным и, быть может, даже неприятным, что я столько времени и места уделял своему здоровью на этих страницах. Делается это совсем не потому, что меня уж так интересует мое здоровье, а потому, что в таком положении оказывались многие с аналогичными и распространенными в Галлиполи желудочными заболеваниями, что не могло изнуряюще не отзываться не только на физическом состоянии, но и на настроении и психологии. Останавливаясь на этом вопросе довольно часто, так, как оно действительно было без прикрас, я в этой методичной и подробной записи видел верный способ наиболее правильно описать подчас жуткие переживания очень многих. Итак я чувствую себя весьма скверно, нет сомнений, что колит еще далеко не прошел. На почве этой болезни, благодаря, очевидно, ее особенности, когда потуги в желудке продолжают без конца, открылось что-то вроде геморроя; сидеть почти невозможно.

05.09.1921. Опять начались бесконечные разговоры относительно условий жизни и службы в Сербии. Всех подробностей и разновидностей этих передач, слухов и пересудов, в особенности по вечерам перед сном в палатке, передать почти невозможно, т. к. для этого понадобилось бы много страниц. Обобщить все разговоры можно впечатлением, что, по рассказам, жизнь там значительно милее и красочнее, чем на самом деле, тем более, что особенного удовольствия Сербия от нашего переезда не испытывает.

06.09.1921. После лекции в Школе зашел в госпитальную палатку, напротив Школы, где лежит мой земляк подпоручик Богдан Залесский. Его с высокой температурой перевезли из лагеря в этот лазарет, причем довольно долго не могли решить, не то у него тиф, не то желудочное заболевание. Сейчас он поправляется, но чем он болел, так и осталось неизвестным. Он страшно обрадовался, что я его навестил, и сказал, что за мое внимание меня судьба отблагодарила, и с этими словами из-под подушки вытащил кусок скомканной бумаги, по которой было переписано из газеты «Руль» № 229 от 19/6—8—21 объявление следующего содержания: «Очень прошу лиц, знающих что-либо о Георгии Алексеевиче Орлове (26 лет) и Андрее Константиновиче Седельникове, выбывших из Могилева в 1918 году на юг России, сообщить по адресу Берлин—Вильмерсдорф, Барштрассе 30, 1. П. Гризе фюр О. Арнак». Трудно передать чувство радости, которое меня охватило; сознание, что я могу связаться со своими, что меня не только разыскивают, но уже и нашли, наполнило светлым мою душу.

Так как объявление из газеты переписывал малограмотный фельдшер по просьбе Залесского и в особенности адрес написал неразборчиво, то я отправился на поиски этого номера «Руля» и наконец нашел его в гимназии, где мне после некоторой торговли удалось вырезать это объявление на память. Как раз сегодня получил за 12 лекций 6 лир из Союза, купил конвертов и бумаги, торопился к себе в лагерь, чтобы сесть и в сжатом виде описать мою жизнь за последние три года, предполагая растянуть ее сразу на три письма, которые решил отправлять одно непосредственно за другим. Счастливый день.

07.09.1921. Начали говорить, что расформированию в ближайшее время подлежит штаб корпуса, что это обстоятельство нужно рассматривать как сворачивание и наступающий общий конец Галлиполийского сидения, а следовательно все скоро двинемся отсюда. Если судить по слухам, то всё убедительно, логично и ясно; в жизни же пока всё иначе, а кроме того у меня желудок не дает покоя, снова нет сил.

Вечером по предварительному соглашению с Даватцем решили выпить в Алексеевском собрании; я днем еще заказал буфетчику маленький ужин, хорошую водку и после ужина чай. В палатке собрания пусто, мрачно и уныло; у публики денег совсем нет и, кроме голого чая, никто ничего не спрашивает. Я предложил капитану Осе Низяеву поужинать

с нами; ему хотелось познакомиться с Даватцем и поговорить с ним. Мы очень мило посидели часа три, попили крепкой водки и покушали салат и котлеты; и то и другое сильно было переперчено. В тот момент, когда мы хотели перейти на чай, к стойке подошел полковник и потребовал себе чаю, на что ему буфетчик ответил, что нет уже больше ни одной кружки. У Даватца печально вытянулось лицо, т. к. пить действительно хотелось зверски. Через минуту, когда ушел полковник, я подозвал буфетчика и заказал чай, на что он ответил, что специально для нас оставил. Даватц, обрадовавшись этой предупредительности и услужливости солдата-буфетчика, с улыбкой спросил меня: «Почему, вы думаете, он решил выделить нашу компанию из состава посетителей и попрдержал специально для нас чай, а другим отказал в этом же самом?» — «Потому, что видит вас за нашим столом», — ответил я теми словами, которые он больше всего хотел услышать, хотя для меня не было сомнений, что тут играют роль только драхмы, которые я оставил «на чай» во время моих прежних посещений этого собрания. Чудак этот Даватц, «корнет», как его называют в его 6-м бронепоездном дивизионе и добродушно подсмеиваются над его слабостями.

08.09.1921. Говорят, что транспорт с Дроздовцами и Алексеевским полком застрял в Константинополе; это мотивируется якобы тем, что еще не всё с Болгарией обусловлено относительно переезда туда наших частей, что союзники тоже, ссылаясь на условия мирного договора, препятствуют переброске нашей армии в Болгарию и что вообще с оставшимися в Галлиполи в смысле переезда будет заминка.

09.09.1921. Распространился слух, что генерала Кутепова вызвал в Константинополь генерал Врангель; пока определенно не известно для чего. В этом видят опять изменение плана нашего переезда и утверждают, что сначала будут вывозить части из города, а потом уже лагерь и что нам нужно запастись терпением, так как просидим здесь не одну пару недель. Генерал Кутепов действительно уехал. Командующим корпусом остался генерал Репьев. Начали усиленно говорить о бегстве ген. Брусилова из Советской России; не понимаю, почему некоторые трактуют это как важное событие; если это так, т. е. он действительно бежал, то кому он сейчас интересен и нужен; его дело закончилось.

10.09.1921. Начали говорить, что генерал Кутепов не вызван в Константинополь, но отозван из Галлиполи и больше командовать корпусом не будет. Что здесь вообще какая-то непонятная история, говорят все и считают, что это всё интриги. Все офицеры на стороне генерала Кутепова и не могут понять, как это могло случиться. Интересно сопоставить отношение к генералу Кутепову в момент высадки в Галлиполи и теперь. Тогда его определенно не любили и отзывались о нем в офицерской среде весьма нелестно. Ведь в первые дни он один только продолжал проявлять свою власть как командир корпуса. Вскоре начали понимать очень многие, что упусти он корпус из своего повиновения в первые дни, дисци-

плана пала бы, и тогда внутренний распорядок и условия жизни стали бы совершенно невозможными, люди бы так распустились, что оправлялись бы прямо в палатках. Это одно следствие, если бы мы не сохранились как армия, а превратились бы в толпу беженцев. Второе следствие заключается в том, что мы наверняка попали бы за проволоку и оказались бы в концентрационном лагере под командой французов, если бы не представляли из себя той сплоченной массы, опираясь на которую ген. Кутепов мог не соглашаться со многими требованиями французов. Отношение к нему постепенно менялось по мере того, как люди начинали понимать условия и совсем необычную обстановку жизни в Галлиполи и проникаться сознанием правильности, целесообразности и необходимости сохранения дисциплины и вытекающей из нее спайки тех, которые хотели бы еще в будущем сыграть роль в судьбе нашей родины.

Переворотным и весьма заметным пунктом отношения не только более сознательных, но и почти всей массы был момент предъявления французами ультиматума о распылении армии; тогда люди поняли многое, почувствовали в самих себе силу, признали и осознали значение сохранения армии. Генерал Кутепов стал тогда своим, близким, на которого большинство смотрело с гордостью, а некоторые даже с любовью. «Офицер во всех случаях жизни должен быть офицером», — постоянно говорил он, и эти слова находят отклик точно так же, как правильно воспринимается его другое выражение: «Никакой труд не может быть унижителен, если работает русский офицер». Эти несколько замечаний относительно командира корпуса мне хочется закончить словами действ. статск. советника С.В. Резниченко²⁹⁶ — представителя Всероссийского Земского союза в Галлиполи: «Во главе этой невиданной еще в истории армии в Галлиполи стоит еще молодой генерал Кутепов, человек совершенно русский, совершенно решительный, совершенно честный и весьма прямолинейный. Топором, а не резцом отесывал он то здание, которое строил. Летело много щепок, а вышло совсем хорошо».

11.09.1921. Чувствую себя отвратительно, совсем не могу сидеть, еле передвигаю ногами во время ходьбы. Если добавить, что с легкими и весьма непродолжительными просветами моя болезнь тянется с первых чисел августа, то станет ясно, что веселого во всём этом мало. Пишу письма в Германию Оле и Генриху; получаются просто простыни по своему объему; сегодня закончил описание событий последних лет; в общем получилось так, что это скорее доклад, разбросанный в нескольких письмах, чем переписка с родными и близкими людьми; как-то после такого перерыва трудно начать с личного.

Прибыли с Лемноса Донцы. Там весь лагерь уже уничтожен, а части перевезены; так что никого не осталось. Сюда прибыли остатки беглецов, которые в свое время пробовали в разных местах и направлениях искать лучшей жизни и затем снова возвращались после неудач в лагерь. Вид у них ужасный, распушенный, но тут они увидели сразу, что поряд-

ки у нас несколько иные, и начали подтягиваться. Говорили, что Лемнос — это водяная тюрьма, т. к. воды на острове нет, и потому живущие там находятся в руках тех, кто подвозит по морю воду для питья. Сообщают о сильном пожаре в Москве, которая горит три дня. В России голод; не хватает зерна для озимых посевов; большие затруднения с топливом. С фуражом в войсковых частях тоже весьма скверно вследствие неурожая трав. Приказ № 1378 Совет. командования предписывает замену части суточной дачи кормовой соломы или сена отпуском древесного сена и сухих листьев, доводя такую дачу до 10 фунтов в сутки. Теперь не только люди, но и лошади будут «в восторге» от коммунистического хозяйства.

12.09.1921. Прибыли в Галлиполи проф. В.Д. Кузьмин-Караваев²⁹⁷ и председатель Главного комитета Всероссийского Земского союза А.С. Хрипунов²⁹⁸. Очевидно, в русских общественных кругах произошел перелом настроения в пользу армии, и этим объясняется появление в нашей «долине смерти и роз» крупных представителей общественности. В городе по случаю их прибытия был парад, который на них произвел весьма сильное впечатление. Вместе с ними приехал генерал Леонтьев, вернее его приезд случайно совпал с приездом Хрипунова и К.-Караваева. Генерал Леонтьев²⁹⁹ не то является нашим военным агентом в Чехии, не то только что назначен туда на эту должность Главнокомандующим; страшно интересовался жизнью и настроениями армии и всё время с боязнью расспрашивал, нет ли у нас монархического уклона. Я сам далеко не монархист, но этот страх мне всё-таки не особенно понятен, хотя, впрочем, этих «дипломатов» не поймешь.

Собираюсь делать себе операцию.

13.09.1921. Ожидают возвращения генерала Кутепова к четвергу. Говорят, что он приедет на «Решид-Паше» и останется во главе корпуса; якобы после свидания с генералом Врангелем всё разъяснилось.

14.09.1921. Передавали, что наших очень хорошо приняли в Болгарии, население встречало прямо-таки восторженно, и даже царь Борис оказал какое-то внимание. В общем, оттуда настолько радостные вести, что под влиянием этих разговоров мы с капитаном Осей Низяевым прямо не заметили, как пришли к мысли о необходимости сегодня выпить. Посидели за рюмкой водки основательно и поговорили на ту тему, что печально, если слухи о несогласии между генералами Врангелем и Кутеповым в действительности имеют место. Оба как нельзя более на своем месте.

Еще раньше сообщалась, что из Константинополя партиями будут отправлять в Чехию русских студентов, которые там на чешские деньги будут получать образование. Передавали, что чехи чувствуют себя в долгу перед Россией за то, что в свое время у нас формировались их легионы, которые потом участвовали в гражданской войне в Сибири и при отъезде к себе на родину вывезли достаточное количество русского золотого запаса, имевшегося у Колчака. Теперь решили услышать обращенный к их советам призыв группы русских профессоров во главе с А.С. Ломшаковым³⁰⁰

и дать возможность части русских студентов, прервавших из-за войны и революции свое образование и сейчас выброшенных за борт своей родины и нормальной жизни, вновь взяться за книгу. У нас как-то никто не помышлял, что эта возможность, попасть в Прагу, может коснуться и студентов из армии. Говорили, что во-первых, наши либеральные круги не только не заботятся об интересах армии, но наоборот против нее, а потому о наших студентах там никто не думает; а во-вторых, никому и в голову не приходило, что временно покинуть ряды своих частей с целью закончить образование возможно с моральной стороны, и что это может быть разрешено нашим командованием. Сегодня же по приказанию командира корпуса началась регистрация студентов старших курсов. В связи с этим начали говорить, что возможно от армии группа студентов попадет в Прагу, там будут жить на всё готовом: книги, принадлежности, квартира, стол, одежда и даже мелочь на папиросы.

15.09.1921. Кузьмин-Караваев и Хрипунов были сегодня у нас в лагере и делились своими впечатлениями об эмиграции и о положении дел. Нас они называли «осколком России», делили эмигрантов на организованных и неорганизованных беженцев. Как пример отношения Западной Европы к несчастью России и русских, приводили Швейцарию, которая не воевала, войной не разорена и на территории которой в настоящее время находится всего 212 русских; причем Швейцария столько говорит и столько жалуется, что это является непосильным бременем для ее бюджета, что не приходится удивляться, если она воспретила русским въезд в свою страну.

Галлиполи на общественных гостей произвело весьма сильное впечатление. «Ишь ты, — говорили солдаты, — теперь стали к нам ездить, когда увидели, что мы — сила, а где они раньше были, когда нам зимой тяжело приходилось?» Эти слова произносились не со злобой, а с гордостью, и чувствовалось, что здоровая крепкая психология пронизала уже наименее сознательную часть армии. Довольно смешны и жалки потуги «Последних новостей» объяснить все явления Галлиполийской жизни «Кутеповской палкой».

16.09.1921. Сегодня собирал дивизион и говорил с нами комдив генерал-майор Икишев. Таким образом, все слухи завершаются следующим официальным сообщением: французы хотели с 15 сентября кормить только 5 тысяч, но их уломали. С Болгарией в настоящее время устанавливаются детали отправки туда следующих 7 тысяч. Через месяц, примерно к 15 октября, все должны будем переехать из Галлиполи. К сожалению, официальные сообщения здесь в той части, которая касается будущего, пусть даже самого ближайшего, не выходят из рамок предположений, подчас недостоверных. Сегодня вторично производилась регистрация студентов. Общего приказа по корпусу о регистрации не было, было распоряжение, и многие начальники частей своих студентов в известность не поставили, считая, что такая «ересь», как регистрация студентов на

предмет их возможной отправки в Прагу, не согласуется с мыслью о необходимости сохранения армии.

17.09.1921. Среди студентов пошли волнения и ловчения в связи с повторной регистрацией; слухи и разговоры о поездке в Прагу для завершения своего образования теперь начали облекаться в действительные формы, быть может, еще далекие, но уже возможные. Очень многие, оставившие высшие школы еще до войны или в самом начале войны с тем, чтобы в них уже более не возвращаться, теперь снова почувствовали себя «студентами», и начали придумывать пути и способы, чтобы за таковых сойти на предстоящем «коллоквиуме». Довольно много народу обращалось ко мне с просьбой освежить в их памяти хотя бы основные формулы высшей математики, знание которой, естественно, являлось некоторым критерием при определении курса и вообще пребывания в высшей школе.

18.09.1921. Пошли слухи о том, что уже завтра начнется коллоквиум. Производить его будет Галлиполийская академическая группа, состоящая из преподавателей курсов и лиц, в свое время готовившихся или могших стать доцентами; короче говоря, почти все лица с высшим образованием из состава корпуса образовали Галлиполийскую академическую группу. Так как России для ее восстановления понадобятся в первую голову техники, то шансы на поездку в Прагу будут иметь студенты специальных высших учебных заведений, а слушатели разных гуманитарных факультетов пока отправке не подлежат; кроме того, сейчас будут выделены студенты не ниже 3-го курса — таковы как будто достоверные сведения о предстоящей регистрации. Нестуденты ко всему происходящему относятся не совсем доброжелательно и косо.

19.09.1921. Ходил в город и говорил с Даватцем. По его словам, в Константинополе кто-то крутит с отправкой студентов. Оттуда едут все, даже только успевшие попасть в высшее учебное заведение, но еще не учившиеся там, а на нашу долю на всех студентов корпуса предложено только 100 вакансий. Вся забота направлена на то, чтобы разгрузить Константинополь, где студенты бедствуют и морально разлагаются, а об армии думают мало; если бы не настояния нашего командования, то наши студенты совсем остались бы в стороне, — таковы сведения Даватца.

Заходил к капитану Неручеву в артиллерийское управления и к капитану Кутше, в гимназию к Савченко³⁰¹. Новостей никаких. Васька Неручев и Кутше поздравляли меня с получением через газету адреса своих и возможностью в ближайшее время переехать в Пражский Политехникум, а там, может быть, и увидиться со своими. Письма из Берлина, говорят, идут дней 12, так что мое первое, может быть, уже дошло.

20.09.1921. Был в городе в Инженерной офицерской школе, читал лекцию. Чувствовал себя пока еще неважно, но уже отмахиваю эти 5 км по горам, отделяющим город от лагеря. В связи с событиями последних дней стало как-то светлее жить, и нормальное течение дней прервалось;

уже несколько дней по вечерам не занимался математикой для себя, что я обычно делал ежедневно. Хотя еще только 20 сентября, но почему-то стало весьма холодно, дует пронизывающий ветер.

21.09.1921. Сегодня должен был быть коллоквиум для путейцев и инженеров-строителей, но я узнал об этом только утром, в то время когда шел проливной дождь. Пришлось несколько переждать, надеть шинель и выйти с расчетом, что я опаздываю часа на полтора-два в надежде, что я всех застану еще на месте. В дороге два раза попал под сильную полосу дождя и вымок совершенно. Довольно невесело почувствовал себя, когда, придя в город, я никого из господ экзаменаторов уже не застал: всё было кончено. С трудом узнал адрес председателя комиссии генерала Шостакова³⁰² и отправился к нему на квартиру. Он передал мне, что, по-видимому, из-за дождя многие не пришли, в особенности из лагеря, что комиссия разошлась раньше даже назначенного времени, т. к. последние полчаса сидели все без дела и никто не являлся, и потому нашу группу проверять будут 23-го. Он страшно жалел, что я промок и что мне при такой погоде предстоит еще возвращаться в лагерь, предлагал чаю и вообще проявил очень много внимания и предупредительности. Симпатичный генерал и какой-то мягкий, отзывчивый.

Лира поднялась до 13 драхм, вернее греческие деньги падают. Их и без того у каждого из нас почти нет, а тут они еще и обесцениваются. В городе и лагере произведены сегодня аресты; говорят, что некоторые офицеры состояли на тайной службе у французов и это теперь раскрыто. Возмущению такими господами и разговорам на эту тему нет конца.

22.09.1921. Все сидят на своих постелях в палатках довольно хмуро и уныло; моросит дождь. Простоявшие зиму и лето палатки, лишенные к тому же внутреннего белого полотнища, из которого шили рубахи, перестали быть даже относительным укрытием от непогоды и собираются протекать. Слухов никаких, как будто бы ничего не предвидится. Состоялось освящение памятника в лагере.

23.09.1921. Памятник представляет из себя каменный обелиск с крестом наверху и с двуглавым орлом в верхней своей части. На этом кладбище похоронено пока 24 человека. Проект памятника подпоручика Пандуло³⁰³. На кавалерийском кладбище установлен крест из рельс.

После обеда ходил на коллоквиум. Я взял удостоверение у полковника Савченко о том, что я читал лекции по аналитической геометрии и руководил практическими занятиями по высшей математике на курсах Союза, удостоверение из Инженерной школы о том, что я там был допущен к чтению лекций по элементарной математике и, наконец, сведения о зачетах в Московском институте инженеров путей сообщения. Помню, когда я уезжал в Добрармию и собирал необходимые бумаги, отец мой страшно удивился, когда увидел, что я беру с собой сведения о зачетах и спросил: «А это зачем?» — «Быть может, пригодится», — ответил я. Теперь действительно пригодилось. Меня записали студентом 3-го курса;

обилие и содержание моих бумаг произвело весьма солидное впечатление на комиссию, так что меня даже ни слова не спросили.

Говорят, при ответах было много комичного; кроме вопросов по существу, задавались и такие: «Кто у вас читал такой-то предмет? В каких аудиториях вы слушали то-то? Как выглядит такой-то профессор? При вас кто был ректором, деканом?» и пр. Были случаи, что некоторые не знали точно, на какой улице находился университет, который, по их словам, они чуть ли не оканчивали.

24.09.1921. Привожу приказ 1-му армейскому корпусу от 24 сентября за № 68: «Сентября 23 дня корпусной суд вверенного мне корпуса, разобрав дело о подпоручике Корниловского артиллерийского дивизиона Василии Успенском³⁰⁴, признал его виновным в том, что он в августе месяце сего года в Галлиполи во время гражданской войны с большевиками вступил в тайное соглашение с агентами иностранных держав, поставивших себе, заведомо для него, подпоручика Успенского, цель — распыление Русской армии. Он, в исполнение сего, агитировал среди воинских чинов, содействуя самовольному отъезду из Галлиполи, собирал и доставлял в названное сообщество требуемые им для выше указанной цели сведения об Армии и между прочим о составе и вооружении органа борьбы с политическими преступлениями, направленными против Армии, сознавая, что этою своею деятельностью способствует властям Советской республики во враждебных против Армии действиях, а потому на основании 910 ст. 24 кн. 108 стр. Уг. Ул. и 243 ст. 24 С.В.П. 1869 года, изд. 4 приговорил: подпоручика Корниловского артиллерийского дивизиона Василия Успенского к лишению всех прав состояния, чина подпоручика, дворянства, воинского звания; исключить из военной службы и подвергнуть смертной казни через расстреляние. Настоящий приговор по утверждению мною 23 сентября с. г. того же числа приведен в исполнение. Своим приговором корпусной суд заклеил предателя Армии, а суд чести и общее собрание офицеров Корнил. артил. див. единогласным постановлением, состоявшимся еще до суда, исключил из своей среды Успенского. Я верю и знаю, что преступление Успенского побудит всех чинов Корпуса еще теснее соединиться на защиту чести и славы Русской Армии. Изменникам Русскому Делу и предателям русских знамен места среди нас нет. Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах и командах. Генерал от инфантерии Кутепов».

Говорили, что Успенский после утверждения приговора просил не сообщать его матери, якобы находящейся в Сербии, о расстреле, а указать, что он умер от тифа, и просил разрешения застрелиться самому. В последнем ему было отказано, насчет первой просьбы подробнее ничего не знаю. За весь вечер после прочтения приказа не слышал ни одного голоса против применения этого сурового наказания.

25.09.1921. Стало снова тепло, и я, вооружившись снятой со стола доской, мылом и щеткой, отправился на берег ручья заниматься стиркой

всего белья. Занятие хотя и почтенное, но здорово неприятное, и я сколько раз за это время слышал возгласы, хотя и шутливые, но всё же показательные, стирающих офицеров: «Обязательно женюсь на прачке, чтобы миновала в будущем чаща сия». Мое белье опять получилось серое.

Случайно в одной из старых газет прочел, что из заявления Лейга в парламентской комиссии выяснилось, что бывший председатель Совета министров Мильеран призвал правительство Врангеля для того, чтобы спасти Польшу. Таким образом оказалось, что во Франции ее внешняя политика диктовалась в отношении России не русскими интересами, а им враждебными, искусственно отождествляемыми с интересами Франции. В свое время Англия, оказывая недостаточную поддержку нам, тем самым, быть может, преследовала цель затягивать гражданскую войну и увеличивать русскую разруху, с одной стороны, а с другой, — ей чисто коммерчески выгодно было ликвидировать свои сомнительной денежной ценности излишние военные запасы. Какими смешными и наивными кажутся мне сейчас те чувства надежды на благородную помощь и расположение, которые я испытывал в 1918 году при известии о скором прибытии союзников.

26.09.1921. В городе состоялось общее собрание всех преподавателей курсов, как лагерных, так и городских. Заседание было посвящено вопросу относительно создания фонда, с помощью которого можно было бы открыть деятельность курсов после переезда на Балканы. Решено было не получать на руки тех денег, которые причитаются каждому за прочитанные за последнее время лекции, и из этих сумм составить основной фонд, из которого потом каждому внесшему его часть будет выплачена, если появятся деньги, или если на эту сумму в Болгарии ничего не удастся организовать. Общий состав преподавателей по внешнему облику довольно пестрый, не все имеют достаточный воинский вид.

27.09.1921. Снова пошел дождь, и снова стало сыро, неприятно, холодно. Говорят, что с отправкой студентов ничего не получается и что, по-видимому, и регистрация, и коллоквиум, и все эти волнения и ловления напрасны, т. к. никто из студентов никуда не поедет. Противники отправки студентов — некоторые офицеры, нестуденты или студенты, не могущие рассчитывать на отставку, — довольны, посмеиваются и острят с большой иронией. Я вспомнил одну из восточных легенд, по которой «каждому человеку при рождении определена известная доля счастья и горя, и когда эти доли кончаются, кончается и жизнь». Один уничтожает свою долю скорее, другой медленнее — этим и объясняется неодинаковая продолжительность жизни. Сознание, что я еще далеко не исчерпал свою долю счастья, могло бы, конечно, подбодрить меня, как и всякого представителя моего поколения, попавшего, не успев еще пожить, в самый водоворот одной из гнуснейших революций, если бы я верил хотя немного в разные легенды, приметы, предсказания.

28.09.1921. Передают, что Дрозды набедокурили уже в Болгарии, что кто-то из строптивых начальников где-то и по какому-то поводу чуть ли

не вызывал свою часть в ружье и что это явление повторилось не один раз и не в одном только месте. Правда это или нет, совершенно не разобрать.

На этих днях ожидается эшелон в Сербию, как говорят; наш дивизион идет в Болгарию. В данное время я совершенно не заинтересован в скорейшем отъезде; во-первых, я на днях жду ответа на мое письмо из Берлина (рассчитывать, что его переслали бы в случае переезда, не приходится, и тогда снова пришлось бы писать свой адрес и снова мучительно ждать ответа), во-вторых, желательно было бы дожидаться разрешения студенческого вопроса еще в Галлиполи, т. к. в случае переезда этот вопрос для уехавших заглож бы совершенно, даже если бы отправка и состоялась.

29.09.1921. Генерал Кутепов был в лагере. Говорят, что он сказал, будто бы, что нервы его не выдержат второй зимы, что мы скоро двинемся, что в Болгарию принимают только определенное ограниченное число и что туда будут перевезены лучшие части, остальные — в Сербию.

30.09.1921. Дождь весь день. Но что нужно сказать, чтобы нарисовать картину всего дня и настроения. В этом слове всё: липкая глина под ногами, на сапогах целые комья грязи, мокрые прутья не горят в кострах при приготовлении чая и обеда, палатка протекает в нескольких местах, в ней сыро, неудобно, темно (горит всего одна маленькая лампа у меня на столе в углу, вдали от входа).

01.10.1921. Снова переменилась погода, по-видимому, время для тех дождей, которых здесь ждут прямо с содроганием, еще не наступило. Генерал Кутепов был в 6-м бронепоездном дивизионе; говорил о предстоящем переезде: часть в Болгарию, часть в Сербию. Все его усилия и мысли направлены к тому, чтобы как можно меньше распылять по разным местам корпус при переезде. Теперь это желание все понимают.

02.10.1921. Весь день большими стаями, вытянувшись в треугольник, с криком летели журавли. Когда над нашими палатками пролетела первая партия, буквально вся линейка была полна народу; все повыскакивали из палаток и молча, с какой-то грустью провожали взглядами этих улетающих птиц. Лишнее ли подтверждение наступления осени, зависть ли к тому простору и той свободе передвижения, которой располагали эти птицы, быть может, летевшие из России, общее ли состояние известной меланхолии от дрящейся политической осени, когда молодые, здоровые люди не могут расправить свои крылья и заняться тем делом, к которому они готовились, какие-то, быть может, более сложные переживания, возникшие при виде этого явления — перелета журавлей, который каждый из нас наблюдал у себя в родных местах при других условиях, — или всё это вместе увеличили то щемящее чувство тоски, которое не покидает большинства. «Весной дрозды всегда летят на север», — говорили у нас в Дроздовской дивизии перед нашим наступлением в Крыму в мае 1920 года, а теперь видишь осень, и с весной не связано никаких надежд. Только подпоручик Тулинов, несмотря на свой рост и отпущенную бо-

роду, каждый день затягивает по вечерам жалобным голосом песенку Вертинского словами: «Боженька, миленький, ласковый Боженька, / что тебе стоит к весне / мне, сиротинушке, глупой безноженьке, / ножки приклеить во сне...» и останавливается, так как слов дальше не знает. «Быть может, с наших мест, с севера летят», — говорили в группах, следивших за улетевшими журавлями, и кто-то начал доказывать, что путь с севера России лежит через Гибралтар.

Мы же в небольшой компании, обсудив это чувство грусти, решили, что на мои (ни у кого больше нет) деньги сегодня вечером следовало бы выпить. Так и поступили. Во время ужина мне сообщили, что в городе у штаба корпуса вывешено, что на мое имя пришло два казенных письма.

Собравший эту радостную весть солдат получил пару рюмок.

03.10.1921. Отправился в город с тем, чтобы получить письма. Перед штабом корпуса, когда увидел своими глазами в списке вывешенных писем и свою фамилию, испытал приятное волнение. Но оказалось, что мои письма отправлены сегодня в дивизион, в лагерь.

Зашел к генералу Шостакову — председателю комиссии «студенческого коллоквиума». Он мне сообщил вторую радость: я попал в число «100» студентов, отправляемых в Прагу. По его словам, отправка обязательно состоится, только на проезд каждый должен самостоятельно раздобыть себе 8 лир, иначе будет замещен следующим кандидатом; кроме того, в ближайшее время нужно будет представить 6 фотографических карточек. Список «100» только отправляется на подпись генералу Кутепову, а потому еще не окончательный, но думают, что командир корпуса утвердит его целиком без изменений.

От генерала Шостакова быстрыми шагами отправился в лагерь, чтобы скорее получить волнующие меня письма. Прибежал в штаб дивизии, там сообщили, что посыльный из дивизиона получил уже письма, в управлении дивизиона сказали, что передали в батарею, и только войдя уже в палатку, я получил их из рук спрятавшего их поручика князя Лионидзе.

Прежде чем вскрыть конверты, я сделал солидную папиросу и выкурил ее: ведь больше трех лет я не имел никаких сведений ни о ком из своих, а время-то было необычное, тяжелое, грозное. Свое первое письмо я начал с эпиграфа из «Послания Дашкову» Батюшкова: «Мой друг. Я видел море зла и неба мстительного кары, Врагов неистовых дела, Войну и гибельны пожары...» Да, эти три-четыре года — море зла. Письма были от Оли и Генриха в одном конверте и Павла Карловича Гризе — в другом. Гризе осели в Берлине постоянно, Арнак там на несколько месяцев, в командировке от эстонской фирмы.

Кругом меня собралось довольно много офицеров, среди них земляки — капитан Низяев и братья Залесские, как будто каждый из них надеялся услышать что-либо и о своих. На первых трех страницах письма Оли никаких страшных сообщений не было; она выражала беспокойство по

поводу того, как сообщить бабушке Андрея Седельникова о его смерти: бабушка очень слаба здоровьем и всё время ждет своего Адю. Это обстоятельство, раз Оля заботится так о бабушке совершенно постороннего ей человека, навело меня на мысль, что, должно быть, у нас в доме всё благополучно, о чем я, еще не перейдя на последнюю страницу письма, не преминул сообщить Осе Низяеву, который искренне сказал: «Слава Богу. А о моих ничего не пишут?» Прочтя несколько слов дальше, я передал ему, что весной 1920 года умер мой папа, потом утонула, получив солнечный удар, сестра Аня, умерла сестра Зина, умерла бабушка, расстреляли мужа Аманды... «Вот так благополучно, — сказал Низяев. — Тут можно подумать, что и сам не живешь, если в одном письме сообщают о стольких смертях»... И мы молча закурили. Я во всё время войны мечтал том, как после окончания этой смуты я встречу со своим отцом... Не суждено... Бедная мать, в течение нескольких месяцев лета 1920 года столько смертей подряд...

04.10.1921. Писал письма Арнак и Гризе. Теперь, благодаря выяснившемуся обстоятельству о том, что они все в Берлине, у меня появляется надежда и желание увидеть их как можно скорее, и благодаря отправке студентов в Прагу это уже не досужие праздные мечты.

Денег нет... у всех без исключения ни лепты абсолютно; последняя выдача была 17 августа по полторы лиры. Многие экономят на еде, пока соберется маленькая баночка консервов, и продают ее за полторы-две драхмы на табак. Мне многие должны, и надежд на возвращение пока нет, а у самого теперь тоже почти ничего: берегу несколько драхм на марки для писем — отправляю все заказными, а это по нашему бюджету весьма ощутительно.

05.10.1921. Начал много курить; раньше довольствовался максимум 5 папиросами в день, а теперь — под влиянием писем, возможности выехать в Прагу в Политехникум, проехать оттуда в Берлин для встречи со своими — создалось приподнятое настроение и потребность в связи с этим часто курить, а табаку и денег нет. Получили вместо мясных консервов овощи. Конечно, разнообразие — приятная вещь, но... этими консервами утихомирить голод даже на время невозможно, и хотя мясные надоели невозможно, но всё же они, в силу указанного, предпочтительнее овощных.

06.10.1921. Был в городе. Вывешен список «ста» едущих студентов — разбит по специальностям так, чтобы все отрасли техники были представлены. Генерал Кутепов утвердил весь список без изменения. Теперь вопрос с 8 лирами делается серьезным, на 6 фотографических карточек каждый наскребет. Даватц собирается в Константинополь. Говорил, что будет там продвигать студенческий вопрос и подробно обо всем сообщит сюда, в Галлиполи. Обещал и мне написать.

07.10.1921. Собрались в город попавшие в число «100» студенты для того, чтобы обсудить создавшееся положение. Записали всех тех, кто мог

полностью и частично располагать деньгами для покрытия расходов по переезду (8 лир). Интересно отметить, что те лица, которые имели за душой пару лир, были в затруднении: не сказать, что у них есть на проезд — можно совсем не попасть в Прагу, если на отправку нас не раздобудут денег в Константинополе или у командования; сказать, что у них возможность проехать на свои средства — это значит ехать на свои деньги в то время, как другие поедут на казенные, если средства будут добыты. Мое положение было проще: у меня денег нет, хотя мне должны за лекции 6 лир.

Группа лагерных студентов просила меня быть их представителем и держать ее в курс всех «студенческих дел»; пришлось согласиться, тем более что в городе мне всё равно надо будет бывать часто из-за лекций в инженерно-офицерской школе. После собрания пошли сниматься, так как нужно уже представлять карточки (6). Корпусной фотограф предложил такую самую дешевую систему: набрать 8 человек, сначала он снимет 4 рядом на полуоткрытке, а затем снова 4 на нижней ее половине, а когда фотография будет готова, то он разрежет ее на 8 частей; эта система оказалась нам действительно разумной и убедительной, а так как 8 желающих сейчас же сняться набрать не представляло труда, то мы ею и воспользовались. Получил открытку от Оли из Берлина, в ней сообщалось, что получили мое письмо и пишут мне заказное, которое пришло 3-го числа, и что мне была послала телеграмма, но последней нет.

Снова стало довольно холодно.

08.10.1921. Была панихида по генерале Алексееве — основателе и верховном руководителе Добровольческой армии — исполнилось три года со дня смерти. Говорят, что генерал Алексеев последнее время, то есть вернее последний год своей жизни чувствовал и сильное переутомление, и недомогание и, образуя Добровольческую армию, говорил, что «это последнее его дело на земле». Нужно думать, что под словом «дело» он подразумевал нечто такое, что будет иметь и широкие перспективы и соответствующее значение в истории России. Зажженный им светоч дал возможность спасти честь русского народа, честь России, но самой России не мог спасти... Более трех лет продержалась в боях с красными армия Юга и свой очищающий огонь не могла сообщить и зажечь ее... потому что страна оказалась болотом, да к тому же в рассматриваемое время еще зараженным и загрязненным. И сегодня остатки белых бойцов на чужой земле в чужой палатке, приспособленной под церковь, в панихидном молении поминают своего Основателя и Руководителя, который такой конец едва ли мог предвидеть...

У Марковцев состоялся парад, на который прибыл командир корпуса. Говорят, что генерал Кутепов передавал, что между 8–12 октября должен прийти пароход для дальнейшей перевозки частей в Сербию. В Польше, по его словам, большевистские беспорядки, и европейские державы собираются как будто бы выступить против красных в Польше.

09.10.1921. Ходил в город; узнал, что договор о приеме и расселении наших частей с Болгарией подписан в прошлый понедельник; остается теперь только техническая сторона перевозки. Теперь уже появляется некоторая определенность, и можно думать, что переезд скоро осуществится. Скептики подозрительно относятся к вопросу о том, сколько времени будет требовать выяснение и соглашение о технической стороне перевозки.

Я заинтересован в том, чтобы отъезд студентов состоялся раньше переезда части в Болгарию, иначе дело с Прагой сильно затормозится. Но как туда ехать, если денег нет. Обращался к С.В. Резниченко с просьбой выдать мне 6 лир, кои причитаются мне за чтение лекций и которые я оставил для образования фонда, считая эту сумму своим паем, согласно решению общего собрания преподавателей от 26.09.21. Резниченко сказал мне, что после переезда в Болгарию я смогу получить свои деньги, а теперь нет. Напрасно я ему указывал на совершенно исключительный случай с отправкой «100» студентов и на то, что если я не соберу 8 лир, то мне, быть может, не придется ехать, он отказался дать мне мои же деньги. Ушел я от него с чувством неприятного раздражения.

Передавали, что генерал Кутепов собирается немного помочь с деньгами Георгиевским кавалерам, кавалерам Ордена св. Николая и тем, кто из группы «100» был ранен. Так как с названными боевыми отличиями никто из «100» не оказался, раненых было тоже весьма мало (в «100» попадали всё больше офицеры технического полка), то я решил, что мои шансы выехать повысились серьезно, и своевременно запасаюсь удостоверениями о ранениях в дивизионе.

10.10.1921. Новостей нет. Дело с отправкой студентов хотя и понемногу, но всё же движется. Сегодня затребовали списки студентов в ставку ген. Врангеля в Константинополь.

11.10.1921. Был в городе. Получил в офицерско-инженерной школе, как преподаватель, добавочные продукты: консервированное молоко и какао. Теперь я получаю в Школе чрезвычайно мало: за 4 двухчасовых лекции — 5 пайков. Каждый раз, когда возвращаюсь из города, меня ловят несколько студентов из группы «100» и спрашивают о новостях, но в большинстве случаев обрадовать их какой-либо даже незначительной новостью не удается.

12.10.1921. В проливе довольно основательные волны; это обстоятельство наводит некоторых на грустные мысли. «Начинается, — говорят они, — осень или, черт ее бери, по-здешнему зима, и пойдет этот самый дождь, а палатки текут...» Надо мной, например, палатка протекает в двух местах, так что на ночь приходится поверх одеяла класть на бок и на ноги по лоскутку брезента, который я купил с целью сшить себе дорожный мешок.

Банка овощей продается за 3 драхмы; как греки и турки здесь всё дешево покупают у русских: сначала за бесценок скупали вещи, вязанки дров по 2 драхмы, а теперь уже — консервы. Человек несколько дней не берет консервов, чтобы по весу образовалось содержимое целой банки,

получает ее и, продав, только тремя необходимыми ему драхмами вознаграждает себя за выдержку и недоедание в течение ряда дней.

13.10.1921. Получил сведения о докладе 8 числа в Константинополе в зале «Силлогоса» проф. В.Д. Кузьмина-Караваева. Озаглавил он доклад «Правда о Галлиполи». «Контрасты, контрасты на каждом шагу», — говорил он. — Полуразрушенный город, безжизненное население — и рядом кипучий муравейник Русской армии. Обломки старой России и первые ростки новой, очищенной страданиями. Бодрость и напряженная работа видны всюду. Везде следы большой культурной работы, произведенной за 10 последних месяцев. Галлиполи открывает широкие перспективы для будущего. Галлиполийскую армию нужно считать разрешившей проблему нормальных взаимоотношений между офицерами и солдатами, т. е. армией демократической. Верно, в Галлиполи отдают честь, но без натяжки, как раньше, а охотно и просто. Это не нравится тем только, кто считал незыблемым завоеванием революции уничтожение всего того, что имело место в 1917 году; но армия всегда армия, ее основа — дисциплина, ее смысл в повиновении, ее основание — деление на начальников и подчиненных. Был Кузьмин-Караваев на гауптвахтах: подследственной и для заключенных по суду — и страшного ничего не нашел; сидят и за расстегнутую блузу, и за плохо пригнанные обмотки, но зато в Галлиполи нет грязных, небрежных, расхлябанных. За 10 месяцев пребывания в Галлиполи 29-тысячной (по словам В.Д. Кузьмина-Караваева) армии на чужой территории было три случая грабежа и ни одного случая посягательства на женщину. Административные гарантии в Галлиполи отменены, прокурор сам начинает преследование по жалобе потерпевшего.

Присутствуя на сеансе «устной газеты», Кузьмин-Караваев слышал хохот всей аудитории в ответ на прочитанную статью «Последних новостей», в которой говорилось об арестах на 30 суток за чтение этой газеты. Докладчик подробно останавливался на деле казненного полковника Щеглова³⁰⁵. За всё время в Галлиполи было 7 казней, в первое время был даже расстрел без суда, причем обстановка была такова, что В.Д. не решается за него упрекнуть генерала Кутепова. Кузьмин-Караваев имел в своем распоряжении копию мотивированного приговора корпусного суда по делу полковника Щеглова; с юридической и формальной стороны он не вызывает возражений. По существу же Кузьмин-Караваев полагает, что едва ли бытовая обстановка была такова, что вызывалась необходимость в применении смертного приговора, ибо если бы большевики прислали десяток агитаторов, то и это было бы безрезультатно. Поэтому едва ли полковник Щеглов не наказан свыше меры содеянного. (Как известно, 1 июля полковник беженского батальона Щеглов был расстрелян за то, что призывал к распылению, брал армию и начальников, подрывал веру в успех, красную армию расхваливал, называя ее «настоящей русской армией»). Особенно отягчавшим вину обстоятельством суд считал штаб-офицерский чин полк. Щеглова. Если первое время со

стороны некоторых офицеров и солдат и раздавались резкие осуждения и высказывались сомнения в юридической и моральной обоснованности применения смертной казни на чужой территории, то к моменту суда над Щегловым эта мера, как крайняя, огромным большинством встречалась без возражений; высказывалось только недовольство утверждением формально обоснованного приговора, часть штаб-офицеров указывала на расстрел пожилого (45 лет) полковника как на революционную меру, «которая подрывает уважение к офицеру», многие говорили, что достаточно «пожилого полковника» осудить и выслать и т. д. Солдаты же говорили: «Коли греть, так уж всех без разбору. Если виноват, так должен и ответить, кто бы он ни был».

Под конец доклада, давая заключение, Кузьмин-Караваев спрашивал: «Почему же печать пишет о Галлиполи неправду? Потому что в печати выступают чаще всего слабые, обиженные, не выдержавшие испытания, тяжелого, сурового, но необходимого. Они уходили и опубликовывали свои субъективные впечатления и настроения. Их уход — огромный плюс для армии. Остались лучшие, они сплотились, преданы делу, любят генерала Кутепова. В Галлиполи, вдали от родины, перерабатывают опыт войны и революции, там сознательно любят Россию, хотят работать на ее пользу... И если суждено будет вскоре освободить хоть часть родной территории и если ее займут части 1-го корпуса, то можно будет поручиться за прочность этого освобождения и порадоваться за успех всего русского дела».

После Кузьмина-Караваева выступал Хрипунов. Обидно то, что слишком много времени должно было пройти до момента, когда в Париже вспомнили о Русской армии и начали узнавать о ней правду.

Со слухами, как говорится, мертво.

14.10.1921. Один из офицеров, выехавший в конце апреля в Бразилию с группой, покинувшей армию, прислал своему приятелю письмо из Константинополя, содержащее довольно подробное описание всех мытарств этого путешествия «за счастьем». Сегодня читали его, передавая по палаткам, и делились впечатлениями.

Пароход «Рион», на котором выехали бразилианцы, должен был вследствие порчи машины через 3 недели после отплытия из Галлиполи пристать у Корсики и выгрузить часть в г. Аяччо, которая рассеялась по острову в поисках работы, главным образом на огородах и виноградниках, с платой чаще всего «только за харчи» или по 1—2 франка в сутки. Часть, оставшаяся на транспорте, начала группироваться для отъезда в Бразилию, но выехала туда не сразу. Первая партия в 450 человек выехала только в конце июня во главе с полк. Брагиным³⁰⁶ на «Аквитании», вторая группа в 600 человек с полк. Жилинским³⁰⁷ уехала в конце июля на пароходе «Прованс», а третья группа полковника Меркулова не выехала вовсе.

Говорилось о том, что каждая семья получит по 23 гектара земли, семена, инвентарь и пр. и даже некоторую сумму денег, чтобы продержаться до сбора урожая, что русские колонисты будут жить своей особой

трудо­вой «ком­му­ной» со сво­им вы­бор­ным старостой, судьей, учи­те­ля­ми и да­же для охра­ны по­ря­дка бу­дут из сво­ей сре­ды вы­би­рать жан­дар­мов. По при­езде вы­яс­ни­лось, что ге­не­рал Бас­ка­ков³⁰⁸, об­ла­да­вший де­нь­га­ми, хо­тел при­об­ре­сти в Бразилии круп­ные ко­фей­ные план­та­ции, и что Жи­лин­ский со сво­ими по­мо­щ­ни­ка­ми, пол­ко­в­ни­ка­ми Ге­не­раль­но­го шта­ба Бра­ги­ным, Пят­ниц­ким³⁰⁹, Мер­ку­ло­вым, оче­вид­но, по пред­варитель­но­му со­гла­ше­нию с ге­не­ра­лом Бас­ка­ко­вым, со­би­рал­ся по­ста­вить ему не­сколь­ко ты­сяч деш­евых ра­бочих рук. Но Бас­ка­кову, как рус­ско­му, не бы­ло раз­ре­ше­но при­об­ре­сти план­та­ции, и вто­рая груп­па, вы­гру­зив­шись по­сле трех­не­дель­но­го пу­те­шес­т­вия в пор­те Сан­тос, бы­ла пе­ре­везе­на в Сан-Паулу и раз­ме­ще­на в эми­грант­ском до­ме. Жи­лин­ский бро­сил за­бо­ту о вто­рой груп­пе и сам ус­тро­ил­ся на ка­кое-то ме­сто.

Мест­ные арен­да­то­ры план­та­ций пред­ла­га­ли при­ехав­шим пись­мен­ные ус­ло­вия для ра­боты на ко­фей­ных план­та­циях так, как ус­тро­и­лись уже пер­вые чле­ны груп­пы полк. Бра­ги­на: на от­дель­ные план­та­ции в 500–600 км от Сан-Паулу при­ни­ма­ют­ся рус­ские не­боль­ши­ми груп­па­ми в 1–4–6 че­ло­век, куда дол­жны от­пра­вить­ся пе­шим по­ря­дком. Кон­тракт на 4 ме­сяца, ра­бота 12 ча­сов в сут­ки с пла­той 4 ми­ль­рейса (мест­ные ра­бочие по­лу­чают 15 ми­ль­рейсов за 8 ча­сов) на всем сво­ем. Пла­та вы­да­ет­ся не де­нь­га­ми, а бон­на­ми лав­ки план­та­ции. Ин­вен­тарь для ра­боты, лес для жи­лья и пр. за­пи­сы­ва­ют­ся ра­боче­му в дол­г, и ран­ее уп­ла­ты дол­га, да­же если кон­тракт ис­тек, ра­бочий не име­ет пра­ва уй­ти.

Бе­жен­цы пер­вой груп­пы при­сла­ли во вто­рую хо­до­ков, что­бы пред­уп­ре­дить об истин­ном по­ло­же­нии дел и ус­ло­виях жи­зни (спят на зем­ле в ку­ку­руз­ных ша­ла­шах, стра­да­ют от ли­хора­дки, уку­сов змей, от зем­ля­ных вшей, за­би­ра­ю­щих­ся под ног­ти). Вслед­ствие без­ра­боти­цы в Бразилии и то­го об­сто­ятель­ства, что не на­шед­шие ра­боты эми­гран­ты в те­чение 15 дней ссы­ла­ют­ся на со­ору­же­ние жел. до­рог в штате Ма­тегросс, где на­сто­ящая ка­тор­га, вто­рая груп­па на­чала тре­бо­вать от­пра­в­ле­ния об­ратно в Евро­пу и вы­еха­ла сна­ча­ла в Рио-де-Жанейро, а по­том сно­ва на Кор­си­ку почти це­ли­ком, за ис­клю­че­нием 30–40 че­ло­век, ус­тро­ив­ших­ся на ра­боту в Сан-Паулу. Ин­те­рес­но то, что мно­гие рус­ские эми­гран­ты, стар­ые, с 1905 го­да, уз­нав об отъезде рус­ских об­ратно, умо­ля­ли взять их с со­бой, пред­ла­гая вза­мен кар­точ­ки на пра­во по­сад­ки на па­ро­ход все свои сбе­ре­же­ния за всё вре­мя.

На Кор­си­ке принудитель­но бы­ли по­са­же­ны на па­ро­ход все не ус­тро­ив­шие­ся там бе­жен­цы. Это по­ро­ди­ло слух, что всех от­везут в Сов. Рос­сию, на­чалось по­ня­тное вол­не­ние; ко­ман­да па­ро­хода под уг­ро­зой пре­краще­ния ра­боты по­тре­бо­ва­ла га­ран­тий спус­ка рус­ских в Кон­стан­ти­но­поле. Не­ко­то­рые бе­жен­цы, стя­нув спасатель­ные кру­ги, бро­си­лись с па­ро­хода в во­ду и до­бра­лись до бе­рега в­пла­вь на ос­танов­ках па­ро­хода в Мессине, на Мальте и дру­гих пор­тах. В Кон­стан­ти­но­поле те­перь всех вы­гру­зи­ли, за ис­клю­че­нием 300–500 че­ло­век, ре­шив­ших, дол­жно бы­ть с от­ча­я­ния, е­хать в Со­вет­скую Рос­сию.

Сейчас автор письма на несколько дней обеспечен заботой Международного Красного Креста, и что будет дальше предпринимать, не знает. Видно из всего содержания письма, что хотя ему в этом неловко как-то сознаться, но он жалеет, что не только зря уверовал в бразильские настроения, но и напрасно расстался с армией. Жаль только, что эта заманчивая «легенда» так поздно рассеялась. По-видимому, на солдат это письмо произвело впечатление, по крайней мере то обстоятельство, что бразилианцы вернулись в Константинополь, было для них совершенно убедительным аргументом, что в данном случае жалеть о том, что они остались в армии, им не приходится. «Благодарите Бога, что вы не на своем, а на чужом опыте учитесь, кому нужно верить», — сказал я одной группе солдат, которая обсуждала мытарства тех, которые в свое время соблазнились широкими обещаниями и французов, и наших «друзей» русских.

15.10.1921. Распространились слухи, что в ближайшие дни придут транспорты и начнется переезд в Болгарию и Сербию. С утра ко мне начали приходить живущие в лагере чины, попавшие в число «100», и просили сходить в город и выяснить обстановку. Попросив всех собраться сегодня в 7 часов вечера для заслушания результатов моей рекогносцировки, я отправился в город в четвертый раз на этой неделе.

Зашел в городе в штаб корпуса к Даватцу и к генералу Шостакову. Слух о переезде в ближайшие дни частей корпуса на Балканы не подтвердился, но прихода транспортов для перевозки ждут, хотя определенного ничего неизвестно. Даватц, который должен был выехать в Константинополь, чтобы продвигать «студенческий вопрос», всё еще здесь, говорит, что французы чинят препятствия — предлагают разрешение на выезд с условием, чтобы обратно он не возвращался в Галлиполи; этот вопрос сейчас хотят урегулировать, и отсюда задержка. Генерал Шостаков сообщил, что в связи с задержкой отправки студентов возможна такая комбинация, что транспорты для переезда на Балканы придут раньше и тогда группа «100» может разбиться, если студенты будут прикреплены к тем частям, в которых они в настоящее время состоят. Чтобы избежать этого осложнения, предполагается поднять вопрос перед командиром корпуса о сведении группы в особую команду.

Больше ничего утешительного я не мог сообщить собравшимся в ожидании моего прихода лагерным студентам. В момент нашей беседы подошел с запозданием поручик Любомудров, имея за плечами охотничье ружье и убитого зайца, со словами: «Одну лиру сегодня зайцем на отъезд заработал, остается еще 7 настрелять». Охота, по его словам, здесь, в горах, могла бы быть недурной.

Вечером получил телеграмму из Берлина. Она была отправлена в день получения моего письма, в тот же день, когда Оля и Генрих написали мне первое заказное письмо, а пришла на 12 дней позже письма, которое было в дороге около двух недель. Телеграмма была написа-

на греческими буквами, и все слова шли подряд без перерыва, а потому понадобилось продолжительное время, прежде чем я установил, что она написана на немецком языке (сначала я пытался ее читать как написанную французскими словами, а затем русскими), и только тогда уловил ее содержание. Всё же для телеграммы почти месяц быть в дороге даже для нашего пустынного уголка представляется невероятным.

16.10.1921. Много разговоров в связи с делом поручика Годнева³¹⁰. Он занимался преподаванием французского языка, иногда выступал как переводчик при некоторых сношениях с французами, был в хороших отношениях с франц. комендатурой. На днях он и с ним еще несколько человек арестованы и предаются суду по обвинению в шпионаже в пользу французов. Говорят, что Годнева ждет участь Успенского. Но не это волнует публику, а то обстоятельство, что французы потребовали выдачи поручика Годнева и собираются отправить его в Константинополь. Пока наше командование ответило отказом в выдаче. Состоялось торжественное возложение на памятник венков, присланных королевой эллинов.

16.10.1921. Читал «Пресс» от 8-го. В общем положение здесь, согласно газете, беспокойное. Кемаль-паша требует очищения Анатолии; константинопольские греки требуют отречения короля Константина. Между сербами и албанцами продолжаются военные столкновения.

К вечеру распространился слух, что 15 октября пароход «Адрия» налетел на яхту Главнокомандующего «Лукулл» и потопил ее. Генерал Врангель непосредственно перед катастрофой съехал на берег и таким образом избежал опасности.

18.10.1921. В 11 часов состоялся парад и был отслужен благодарственный молебен по случаю избавления Главнокомандующего от опасности. Подробностей никаких пока нет. Говорят только, что эта катастрофа — не случайность, что пароход шел из Советской России. Известие о том, что генерал Врангель едва избежал катастрофы, всколыхнуло публику. Чувствуется, до какой степени дороги и близки армии ее вожди в настоящее время.

19.10.1921. Вечером получена была в штабе корпуса следующая телеграмма: «Генералу Кутепову: Главком приказал отослать первым пароходом 100 студентов, назначенных в Чехословакию, со всеми протоколами, касающимися коллоквиумов, и подробными списками. Семейства должны быть исключены Вами из списков и заменены одиночными лицами. 800 лир на дорожные расходы для путешествия в Прагу уже добыты. После прибытия сюда старшему явиться, остальным ждать приказаний в Сиркиджи. Кусонский». Я переписал содержание этой, телеграммы на листок бумаги и пошел в лагерь. Весть об отправке студентов распространилась, и ко мне в палатку начали приходить кандидаты на отъезд в Прагу — удостовериться в действительности передаваемых сведений. Да, теперь вопрос можно уже считать решенным; деньги на дорогу генералом Врангелем добыты, распоряжение об отправке сделано. Остается

ждать только первого парохода. Состояние неопределенности сменилось бодрым ожиданием грядущей перемены жизни, перемены радикальной.

20.10.1921. Сегодня закончил курс алгебры на курсах офицерской школы; удачно вышло, что удалось довести до конца лекции. Попрошались с начальником Школы и преподавательским персоналом. Полковник Цыгальский благодарил, по-видимому искренне, все желали успеха и счастливого пути.

Получил из Берлина письмо.

Студенты проявляют признаки жизни, всё время приходят спрашиваться о дальнейших новостях. Передаются откуда-то и снова пережевываются подробности и условия иждивения и жизни в Чехословакии. На завтра назначено собрание в городе группы «100».

Не все начальники частей разделяют целесообразность посылки студентов в Прагу, хотя этот вопрос проводится сверху приказом по корпусу. Так ко мне приходили сегодня некоторые и говорили, что на завтрашнее собрание в городе их не отпускают командиры, говоря, что без особого распоряжения они отпуска в город не дадут. Вечером был подпоручик Лупандин гвардейской пехоты и то же самое просил ему сообщить о результатах собрания, т. к. ему его начальство, как собирающемуся ехать студенту, не только не идет навстречу, но всячески тормозит всё связанное с этим вопросом, и завтра тоже не хотят его отпустить на собрание «100», говоря, что распоряжения об этом не было, собрание, быть может, незаконное, а «митинговать еще успеете в Праге».

21.10.1921. Пришлось с утра заняться стиркой, так как выяснилось, что собрание группы отъезжающих будет завтра, а не сегодня, как предполагалось. Еще пока неизвестно, кто будет старшим; в нашей группе два подполковника — Прокофьев³¹¹ и Хржановский — и кому-то из них предстоит возглавлять нашу группу не только во время путешествия в Прагу, но и во время пребывания в Политехникуме. Говорят, что сегодня обоих подполковников вызывали к командиру корпуса.

Вечером решил сходить в ближайшую деревню, а то прямо стыдно, что за всё время пребывания здесь не побывал ни разу в местных деревнях. Пошли небольшой компанией. Дорога отчаянная, прямо удивляешься, как можно по ней ездить. Хатки маленькие, грязные, неряшливые, бедность, по-видимому, большая. Турки приветливы, к нам относятся хорошо. Выпили вина и, хотя я не пью разных суррогатов водки, всё же решил попробовать здешней «мастики»; ее разбавляют водой, от чего она делается мутно-белого цвета, вкус какой-то странный, сильно чувствуется и надолго остается запах и вкус аниса. Хотя новых впечатлений посещение деревни на меня не произвело, но всё же я доволен, что собрался наконец и посмотрел здешнюю деревенскую жизнь.

22.10.1921. В приказе по корпусу от сегодня приводится приказ Главнокомандующего от 18.10, где сообщается о гибели «Лукулла»: «Не стало последнего русского корабля, над коим развевался у Царьграда родной

Андреевский Флаг», — говорится в приказе. Кроме официального сообщения Главнокомандующего, опубликованного тоже только сегодня, появились и подробности потопления «Лукулла».

Яхта стояла у европейского берега Босфора в стороне от фарватера. «Адриа», пришедшая из Батума и во время прежних своих рейсов никогда не стоявшая в Константинополе рядом с «Лукуллом», на этот раз почему-то шла быстрым ходом прямо на него и начала отдавать якоря и дала задний ход на таком расстоянии, что предотвратить катастрофу было уже невозможно. Никаких тревожных гудков или сигналов с «Адрии» подано не было. Удар пришелся под прямым углом в левый бок «Лукулла» и был настолько силен, что борт был разрезан на протяжении более трех футов. После удара «Адриа» начала сразу же отходить задним ходом. Яхта наклонилась; в широкую пробоину, пришедшуюся непосредственно в каюту Главнокомандующего, хлынула вода. «Лукулл» продержался не больше двух минут и пошел ко дну. «Адриа» не приняла никаких мер спасения; ни одна лодка не была спущена, не были поданы концы и круги.

Всего на яхте в момент катастрофы было до 50 человек команды, кроме того было несколько гостей, все были застигнуты врасплох и через минуту после удара оказались в воде; катерами и лодочниками все были подобраны. Дежурный офицер мичман Сапунов³¹² до конца оставался на своем посту и пошел ко дну вместе с яхтой; кроме него погиб корабельный повар Краса. На «Лукулле» погибли все документы Главнокомандующего и всё его личное имущество. Водолазы уже начали работу; глубина пролива 35 саженей и быстрое течение уменьшают надежду спасти многое из погибшего.

Генерал Врангель переехал в помещение посольства. «Адриа» арестована английскими властями, следствие начали французские власти при участии русского военно-морского следователя. Генерал Врангель получает многочисленные приветствия; кроме многих представителей русских организаций, его посетил начальник штаба командующего французским флотом, делегации иностранных миссий, глава американского Красного Креста полк. Дэвис и др.

Состоялось в городе собрание группы «100». Старшим у нас будет подполк. Прокофьев. Мы все получили удостоверения о командировке в Прагу для окончания высшего образования за подписью командира корпуса и будем считаться чинами армии. Пробовали разбиться на группы по специальностям, но пока это, по-видимому, не прививается, т. к. публика отошла или отвыкла от всех иных признаков объединения и организованности, кроме чисто военных армейских, а может быть, некоторые еще и не решаются на это, пока мы не уехали из Галлиполи.

23.10.1921. В 11 часов все собрались в городе в здании корпусной библиотеки — это нам устраивал проводы корпус и Галлиполийская академическая группа. Присутствовал почти весь генералитет во главе с командиром корпуса. Архимандрит Антоний отслужил напутственный молебен

и произнес прощальное слово. Затем говорил Ширяев Г.И.³¹³, полковник Савченко, генерал Шостаков. Смысл речей таков: «Вам, едущим в Прагу, повезло, вы приобщитесь в культурном центре к наукам, пополните и закончите прерванное войной и смутой высшее образование. Вам нужно зарекомендовать себя с лучшей стороны, чтобы открыть более широкую дорогу остающимся в корпусе студентам. Левая общественность препятствует вывозу студентов из Галлиполи — ведь в то время, когда из Константинополя отправляют в Прагу абитуриентов и начинающих юристов, на студентов старших курсов специальных учебных заведений удалось командованию отвоевать для корпуса всего 100 вакансий. Вы своими успехами и невмешательством в партийно-политическую русскую борьбу должны будете продвинуть студенческий вопрос в пользу армии. Генерал Кутепов пожелал нам всем успеха, просил поддерживать связь с корпусом, а старшему приказал сноситься с ним непосредственно; вы попадаете в чуждую армии среду... знакомьте русских людей с жизнью армии и состоянием 1-го корпуса... говорите только то, что сами видели и что в действительности существует здесь», — говорил командир корпуса.

С ответной речью, вернее несколькими словами, выступил поручик Базилевич-Княжиковский³¹⁴; он сказал гладко, просто, кратко, отрывисто по-солдатски. Некоторым из группы это не понравилось; они находили, что от имени 100 студентов, да еще старших курсов, нужно было бы ответить серьезнее и обстоятельнее, а не по-юнкерски. Это одно, а второе — что Базилевич-Княжиковского никто не уполномочивал выступать, да еще так убого. В этот момент вся группа не представляла еще ничего цельного, а потому трудно желать, чтобы всё было складно.

Каждый из нас получил удостоверение о командировке за подписью командира корпуса. Старшему было, по распоряжению генерала Кутепова, выдано из корпусной фотографии 2 комплекта (40 штук) фотографий Галлиполийской жизни.

24.10.1921. Командир дивизиона генерал-майор Икишев приказал всем собраться в 11 утра и сделал сообщение о положении к настоящему моменту. «Дальнейшая перевозка частей корпусов в Болгарию в ближайшее время возобновится; задержка якобы происходит из-за мелочей, в основном это вопрос решенный, и сомнений в нашем переезде быть не должно. Греция и Румыния начали переговоры и предлагают взять себе 4000. Вообще вопрос размещения армии на Балканах, хотя и разрешается в благополучную сторону, продвигается медленно и наталкивается на неожиданные, а иногда и международного характера препятствия: все боятся усиления русских, да еще крепко спянных военных в одном месте. Все остальные, не попавшие в Болгарию, Грецию или Румынию как воинские части, будут перевезены в Сербию и попадут на работы.

Здесь, в Галлиполи, в связи с переездом нашего корпуса паника: греки побаиваются турок, не особенно доверяя силам малочисленного французского гарнизона, состоящего из сенегальцев. На днях командир

прибывшего в Галлиполи французского миноносца сделал визит командиру корпуса; во время ответного визита генерала Кутепова они обменялись самыми теплыми приветствиями; общественное мнение Франции и ее военные круги якобы самого лестного мнения о нашем корпусе, прекрасно к нам относятся и считают, что наша армия может еще сыграть роль. Польша, якобы, накануне внутреннего взрыва».

Настроение у публики не особенно веселое. Положение по-прежнему остается пока неопределенно-выжидательное, а осень уже совсем на носу, а с ней связаны в Галлиполи мрачные перспективы. Какой-то остряк пустил по лагерю фразу, что для поднятия духа Кутепову придется приказать по корпусу — наступившие осенние дожди именовать и считать весенними.

25.10.1921. Был в городе. Говорят, что завтра-послезавтра приходит пароход и студенческая группа выедет в Константинополь. Зашел к генералу Шостакову проститься; он большой любитель молодежи и был тронут вниманием.

Придя в лагерь, начал готовиться к близкому отъезду. Вечером разговорился с капитаном Низяевым. На вопрос, каково мое настроение в связи с отъездом, я ответил, что и рад, что еду, и ощущаю какое-то щемящее чувство. «На твоём месте, — сказал Низяев, — я бы не бросал армии и не поехал бы». — «Теперь, когда 11 месяцев в Галлиполи сделали свое дело, когда из разношерстной толпы высадившихся после крушения образовался спаянный корпус, чины которого ощущают в себе живую связь с целым и между собой в отдельности, когда все мы начинаем походить на касту, принадлежностью к которой многие гордятся, другими словами, когда процесс идеологического распыления нам не опасен, — в это время отделение организованной группы от армии для нее не страшно; появление же ее среди беженской массы может принести армии и пользу, хотя бы в смысле правильной информации и пропаганды идей Белой борьбы. Командование, не в пример другим закоренелым взглядам, учитывает этот момент и не только разрешает группе студентов ехать в Прагу, продолжая их числить в рядах корпуса, но поощряет и субсидирует эту отправку», — ответил я.

В 22 часа была передана телефонограмма; завтра группа выезжает на пароходе «Lorelei».

Комментарии

Принятые сокращения: КК – кадетский корпус, ВУ – военное училище,
ЮУ – юнкерское училище, АГШ – Академия Генерального штаба

- ¹ **Сченснович Пол. Ал.** был учителем истории и географии в Могилевской гимназии.
- ² **Седельников Андрей Константинович.** Студент. Ташкентская школа прапорщиков 1917. Прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Подпоручик. Ум. от тифа 2 фев. 1920 в Керчи.
- ³ **Полчанинов Владимир Павлович.** Тифлисское пехотное юнкерское училище 1904–1905. Капитан отдела дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего. В Южной армии, затем во ВСЮР; помощник нач. наградного отделения управления дежурного генерала штаба Главнокомандующего ВСЮР, с 27 июня 1919 нач. 2-го наградного отделения общего отдела Военного управления, авг. 1919 нач. 3-го отделения того же отдела. Полковник. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 эвакуирован в Югославию. В эмиграции там же. Ум. 27 мая 1939 в Сараево (Югославия).
- ⁴ **Астраханская армия** формировалась рядом организаций крайне правого направления в Киеве летом 1918 независимо от Южной армии, но одновременно с ней и в отличие от последней была очень тесно связана с германским командованием. Одним из ее организаторов был полк. Потоцкий. Как и Южная, формировалась при непосредственном участии гетмана П.П. Скоропадского: ей были переданы значительные суммы из украинской казны. В армии служило также немало офицеров-уроженцев Ниж. Поволжья. Части армии, действовавшие на царицынском направлении, понесли большие потери. 30 сен. 1918 приказом Донского атамана была преобразована в Астраханский корпус (корпус Астраханского казачьего войска) и включена вместе с частями Южной армии и Русской народной армии в состав Особой Южной армии. Астраханский корпус во главе с Астраханским атаманом полк. кн. Тундутовым (нач. штаба полк. Рябов) насчитывал около 3000 чел. пехоты и 1000 конницы и оборонял степи за Манычем. Реально в корпусе был сформирован лишь 1-й Астраханский пехотный (1-й Астраханский добровольческий) полк. 12 апр. 1919 корпус был расформирован и его части вошли в состав Астраханской отдельной конной бригады и 6-й пехотной дивизии ВСЮР.
- ⁵ **Томилов Борис Александрович.** Павловское ВУ 1917. Прапорщик 10-й Сибирской стрелковой артил. бригады. В эмиграции в Югославии, к 1940 член Общества офицеров-артиллеристов.
- ⁶ По-видимому, речь идет об окончившем в 1916 г. Чугуевское ВУ **Иване Тяжельникове.**
- ⁷ **Южная армия.** Формировалась летом 1918 в Киеве союзом «Наша Родина» (герц. Г. Лейхтенбергский и М.Е. Акацатов), имела монархическую и прогерманскую ориентацию. В июле 1918 при союзе в Киеве было образовано бюро (штаб) армии, которым руководили полковники Чеснаков и Вилямовский, имевшее целью вербовку добровольцев и отправку их в Богучарский и Новохоперский уезды Воронежской губ., где формировалась 1-я дивизия ген.-майора В.В. Семенова. Начальником штаба армии был приглашен ген.-майор К.К. Шильдбах, начальником контрразведки армии в Киеве в авг. 1918 был будущий создатель Русской Западной армии подполк. П.Р. Бермондт (кн. Авалов). В авг. началось формирование 2-й дивизии ген.-лейт. Г.Г. Джонсона в Миллерово и штаба корпуса. В течение 3-х месяцев по всей Украине было открыто 25 вербовочных бюро, через которые отправлено в армию около 16 тыс. добровольцев, 30% которых составляли офицеры, и около 4 тыс. в Добровольческую армию через Донского атамана П.Н. Краснова. В Пскове вербовочное бюро армии возглавлял подполк. Бучинский. В конце авг. были сформированы эскадрон 1-го конного полка

(полк. Якобсон) в Чертково и пехотный батальон в Богучаре. В штаб армии начали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков, сохранивших свои знамена и штандарты, вступить в армию при условии сохранения их частей. Идею создания армии активно поддерживал гетман П.П. Скоропадский. Именно он передал в армию кадры 4-й пех. дивизии (13-й Белозерский и 14-й Олонецкий полки), из которых планировалось еще весной создать Отдельную Крымскую бригаду украинской армии. Кроме того, Южной армии были переданы кадры 19-й и 20-й пех. дивизий, почти не использованные в гетманской армии. Именно они послужили основой для 1-й и 2-й дивизий Южной армии. Немецкое командование, видя в Добровольческой армии силу себе враждебную, препятствовало поступлению в нее добровольцев, поощряя, напротив, комплектование Южной армии, в результате чего многие офицеры были дезориентированы и в итоге не попали ни в одну из них. Предполагалось, что Южная армия будет действовать вместе с Донской, и П.Н. Краснов требовал перевода этих формирований в Кантемировку. 30 сен. 1918 Донской атаман издал приказ о формировании Особой Южной армии из трех корпусов: Воронежского (быв. Южная армия), Астраханского (бывшая Астраханская армия) и Саратовского (быв. Русская народная армия) во главе с ген. Н.И. Ивановым (нач. штаба ген. Залеский). Осенью 1918 она насчитывала более 20 тыс. чел., из которых на фронте находилось около 3 тыс. бойцов. После перевода частей Южной армии в район Чертково и Кантемировки, обнаружилось, что их насчитывается едва 2000 чел., в т.ч. не более половины боеспособных. К октябрю боевой элемент Южной армии исчислялся всего 3,5 тыс. чел. К концу окт., после четырех месяцев формирования армия насчитывала едва 9 тыс. шт. Она (теперь под названием «Воронежский корпус»; ген.-лейт. кн. Н.П. Вадбольский) была передана Северо-Вост. фронту Донской армии, и 7 нояб. 1918 ген. Семенов со своей дивизией выступил на фронт. Однако в нояб. при 3000 шт. на фронте армия имела в тылу более 40 штабов, управлений и учреждений и в ней числилось около 20 тыс. чел. Части армии, действовавшие на воронежском и направлении, понесли большие потери. В фев.-марте 1919 они были перестроены и вошли в состав 6-й пех. дивизии ВСЮР.

⁸ **Феттинг Николай.** Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1916. Офицерская железнодорожная школа 1917. Подпоручик 12-го ж/д батальона. Во ВСЮР в составе 4-й отдельной инженерной роты. Участник Бредовского похода. Весной — в июне 1920 в лаг. Стржалково (барак 44). Остался в Польше.

⁹ Речь идет о проводившейся в Москве в августе 1918 г. в здании Алексеевского ВУ всеобщей регистрации офицеров.

¹⁰ **Падейский Сергей Игнатьевич,** р. 1876. Московское пехотное ЮУ 1897. Полковник артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; к 27 авг. 1918 в Бюро записи в Ростове. Убит 21 фев. 1919.

¹¹ **3-я пехотная дивизия.** Сформирована в Добр. армии в нач. июня 1918 как 3-я дивизия (с 21 мая 1919 — пехотная). Состав: 2-й офицерский стрелковый, 2-й офицерский конный (с 1 июля также Самурский) полки, 3-я инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, Конно-горная и Гаубичная батареи. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле 1918 за 10 дней боев дивизия потеряла 30% состава, с 16 авг. за месяц боев — ок. 1800 чел., т.е. более 75% своего состава. 11 нояб. 1918 ей были переданы 1-й и 2-й стрелковые полки расформированной 4-й дивизии. С 15 нояб. 1918 входила в состав 2-го армейского корпуса, с 27 дек. 1918 — Крымско-Азовского корпуса (в это время включала также Ингерманландский конный дивизион, Чехословацкий пехотный батальон, Петропавловский, Александровский и Романовский отряды, 3-й легкий и 3-й парковый артдивизионы, запасный батальон, 3-й авиаотряд, Чугуевский и Белгородский конные отряды). 17 янв. 1919 в ее состав был передан Сводный дивизион 9-й кав. дивизии. С 15 мая 1919 включена в состав 1-го арм. корпуса. Летом и на 5 окт. 1919 включала 1-й, 2-й и 3-й Дроздовские и Самурский полки, запасный батальон (полк. Еньков; на 5 окт. 1919 850 шт., 4 пул.), 3-ю артиллерийскую бригаду, 3-й запасный артдивизион и 3-ю инженерную роту, до 1 сен. 1919 — также Сводно-стрелковый и Белозерский полки. На 5 окт. 1919 насчитывала всего 5945 шт. при 142 пул.

14 окт. 1919 преобразована в Дроздовскую дивизию. Начальники: полк. (ген.-майор) М.Г. Дроздовский (июнь — 31 окт. 1918), ген.-лейт. В.З. Май-Маевский (врид, 19 нояб. 1918 — янв. 1919), ген.-майор В.К. Витковский (с янв. 1919). Нач. штаба: полк. Чайковский (6 сен. — 8 окт. 1918), полк. Ерофеев (с 19 нояб. 1918), полк. Н.А. Коренев (6 дек. 1918 — 28 апр. 1919), полк. Б.А. Штейфон (весна 1919), полк. Ф.Э. Бредов (с 22 июля 1919).

¹² **Дроздовский Михаил Гордеевич**, р. 7 окт. 1881 в Киеве. Из дворян, сын генерала. Киевский КК 1899, Павловское ВУ 1901, АГШ 1908. Офицер л.-гв. Волынского полка. Полковник, нач. 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте (1-я отдельная бригада русских добровольцев), с которыми 26 фев. 1918 выступил на Дон и 27 мая 1918 соединился с Добровольческой армией. В Добр. армии нач. 3-й дивизии. Генерал-майор (8 нояб. 1918). Ранен 31 окт. 1918 под Ставрополем. Ум. от ран 1 янв. 1919 в Ростове.

¹³ **Архангелов Андрей Александрович**. Московский ун-т (не окончил), 1-я Ораниенбаумская школа прап. 1915. Поручик. В Добр. армии к 27 авг. 1918; с сен. 1918 в дек. 1918 в 10-й, 11-й и 6-й ротах 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 17 нояб. 1918 у с. Устиновки. Во ВСЮР и Русской армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 в 5-й роте Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 в составе Марковского полка во Франции. Капитан.

¹⁴ **Миролюбов Александр Александрович**, р. 1892. Подпоручик. В Добр. армии с 24 дек. 1917 в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В авг. — дек. 1918 в 6-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР и Русской армии в Особой офицерской Ставке главнокомандующего роте до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции во Франции. Ум. 9 нояб. 1972 в Шель (Франция).

¹⁵ **Чижов Борис Николаевич**, р. 27 дек. 1896. Прапорщик. В Добр. армии с 7 янв. 1918 в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В авг. 1918 — июле 1919 в 6-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка; с 12 апр. 1919 подпоручик, с 9 мая 1919 поручик. Штабс-капитан (с 23 мая 1919). В эмиграции в Болгарии, издатель газеты «Русь» в Софии, затем во Франции, владелец типографии в Париже, основатель Союза Добровольцев. Капитан. Ум. 27 фев. 1952 в Париже.

¹⁶ Речь идет о Красной армии Северного Кавказа, образованной 25 янв. 1918 из красных отрядов, действовавших на Кубани, и до июля именовавшихся Войсками Кубано-Черноморской республики. С авг. 1918 она возглавлялась бывшим прап. И.Л. Сорокиным. В описываемое время насчитывала ок. 90 тыс. штыков, более 8 тыс. сабель, 185 орудий и 12 бронепоездов. 3 окт. 1918 была преобразована в 11-ю армию.

¹⁷ Этот дивизион был составлен из батарей отряда полк. Дроздовского, совершившего поход Яссы—Дон, в апреле 1919 был развернут в 3-ю (затем Дроздовскую) артил. бригаду.

¹⁸ **Соколов Павел Александрович**, р. 15 июня 1883 в С.-Петербурге. Николаевский КК 1902, Михайловское арт. училище 1905, Михайловская арт. академия. Полковник, командир 37-й артил. бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м легком артдивизионе; с 13 окт. 1918 командир 3-й батареи того же дивизиона, а затем — Дроздовской артил. бригады; сен. 1919 до 17 мая 1920 командир 3-го дивизиона той же бригады. В Русской армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Ранен. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, Греции, Сирии и Ливане (с 1929); землемер и топограф, с 30-х годов — офицер французской армии на Ближнем Востоке. Ум. 22 окт. 1955 в Бейруте.

¹⁹ Штабс-капитан **Дзиковицкий** был выпускником Константиновского артил. училища 1914 г.

²⁰ **Никольский Алексей Николаевич**. Из Астрахани. Студент Московского ун-та. Прапорщик запаса. Поручик 7-го пех. полка. В Добр. армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады, затем в Дроздовском полку. Убит 31 окт. 1918 под Ставрополем.

- ²¹ Фамилия искажена: должно быть Лепарский или Лепорский.
- ²² **Иванов Сергей Сергеевич.** Поручик. В Добр. армии с сен. 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артдивизиона. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии.
- ²³ **Яшке Николай Николаевич.** Окончил университет, Александровское ВУ 1916. Присяжный повер. в Москве. Подпоручик. В Добр. армии в 3-й батарее 3-го легкого (Дроздовского) артил. дивизиона. Ум. от тифа 19 нояб. 1918 в ст. Кавказской.
- ²⁴ **Каверин Николай Леонтьевич,** р. 1893. Реальное училище, Моск. ин-т путей сообщения (не окончил), 5-я Московская школа прапорщиков 1917. Прапорщик. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м легком артдивизионе, затем во 2-й батарее Дроздовской артил. бригады; с 27 янв. 1919 подпоручик; с 25 фев. 1919 поручик. Ум. от холеры 29 июня 1919 в Никитовке.
- ²⁵ **Зиновьев Петр Петрович.** Подпоручик. В Добр. армии; авг. — сен. 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артдивизиона. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Штабс-капитан. Убит 27 окт. 1920 под Юшунью.
- ²⁶ **Люш Александр Александрович.** Константиновское артил. училище 1915. Поручик, военный летчик. В Добровольческой армии; авг. — сен. 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артдивизиона. Во ВСЮР и Русской армии; сен. 1920 в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Штабс-капитан. В эмиграции в Канаде. Капитан. Ум. 1 мая 1967 в Монреале.
- ²⁷ **Пользинский Михаил Петрович.** Из дворян, сын действ. стат. советника. Михайловское артил. училище 1915. В Добр. армии; авг. — сен. 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артдивизиона. Во ВСЮР и Русской армии в 5-й или 6-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции там же. Ум. в с. Княжево под Софией.
- ²⁸ **Боровский Александр Александрович,** р. 6 июня 1875. Из дворян. Псковский КК 1894, Павловское ВУ 1896, АГШ 1903. Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добр. армии с нояб. 1917, организатор и командир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 фев. 1918 командир Юнкерского батальона, с 17 мар. 1918 командир Офицерского полка. С июня 1918 нач. 2-й дивизии, с 15 нояб. 1918 командир 2-го армейского корпуса, с 24 дек. 1918 командир Крымско-Азовского корпуса, 7 янв. — 31 мая 1919 командующий Крымско-Азовской добровольческой армией, с 22 июля 1919 командующий войсками Закаспийской области, с окт. 1919 командующий войсками Закаспийской обл., затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, Генерал-лейтенант (с 12 нояб. 1918). Уволен от службы 29 окт. 1919, с апр. 1920 в резерве чинов. Эвакуирован в апр. 1920 из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии, 1921 член отдела Общества русских офицеров в Королевстве СХС в Баяй. Ум. 27 дек. 1938 в Скопле (Югославия).
- ²⁹ Речь идет о **Василии Ивановиче Вавилове,** быв. нач. Пржевальской местной команды.
- ³⁰ Подпоручик **Сапезко** был выпускником Сергиевского артил. училища 1915 г.
- ³¹ **Отченашев Николай.** Произведен в офицеры за боевое отличие 1917. Прапорщик 35-го паркового артдивизиона.
- ³² **Шульман Михаил Иванович.** Подпоручик. В Добровольческой армии; авг. — сен. 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артдивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Поручик. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона во Франции.
- ³³ **Самурский полк** (83-й пех. Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 на ст. Песчаноокопской из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий

в бою 1 июля за Тихорешкую, развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 авг. 1918 в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 шт.) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившим знамя) переименован в Самурский. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 окт. (реально 4 дек.) 1919 вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апр. 1920 расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галлиполи влит в Алексеевский полк.

³⁴ **Булгаков Владимир Владимирович.** Штабс-капитан. В Добр. армии; авг. — сен. 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артил. дивизиона. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Офицерской артил. школы в Болгарии.

³⁵ **Алексеев Михаил Васильевич,** р. 3 нояб. 1857. Тверская гимназия 1873 (не окончил), Московское пехотное юнкерское училище 1876, АГШ 1890. Генерал от инфантерии, б. Верховный главнокомандующий. Основоположник Добровольческой армии. С сен. 1917 основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 нояб. 1917 прибыл в Новочеркасск; с дек. 1917 член триумвирата «Донского гражданского совета». Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 18 авг. 1918 Верховный руководитель Добровольческой армии. Избран членом Уфимской директории. Ум. 25 сен. 1918 в Екатеринодаре.

³⁶ **Марков Сергей Леонидович,** р. 7 июля 1878. Из дворян. 1-й Московский КК 1895, Константиновское артил. училище 1898, АГШ 1904. Офицер л.-гв. 2-й артил. бригады. Генерал-лейтенант, нач. штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917, с 24 дек. 1917 нач. штаба командующего войсками Добровольческой армии, с янв. 1918 нач. штаба 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 фев. 1918 командир Сводно-офицерского полка, с апр. 1918 командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 нач. 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 у ст. Шаблиевка.

³⁷ **Вьдренко Аркадий Емельянович,** р. 1893 в Витебске. Духовная семинария. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1-й тяжелой артил. бригады 1915. Поручик 21-го отдельного тяжелого артдивизиона. В Добровольческой армии; авг. 1918 в 3-й батарее 3-го отдельного легкого артдивизиона, с 28 окт. 1918 на бронепоезде «Генерал Алексеев», с 14 янв. 1919 штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии на том же бронепоезде до эвакуации Крыма. Эвакуирован на эсминце «Цериго» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 дек. 1920 в 1-й батарее 6-го артдивизиона. Осенью 1925 в составе 6-го артдивизиона в Болгарии. Капитан. В эмиграции там же. Ум. 13 нояб. 1938 в Шумене (Болгария).

³⁸ **Сводно-гвардейский полк.** (Гвардейский Сводный пехотный полк, Сводный Гвардейский пехотный полк). Сформирован в Добровольческой армии (приказ от 19 окт. 1918) как полк обычного солдатского состава путем выделения чинов гвардии из состава Марковского полка. Входил во 2-ю бригаду 1-й дивизии. Первоначально в него сводились все офицеры гвардии, но вскоре кавалеристы выделались в отдельные формирования. В конце сен. 1918 насчитывал 1000 шт. (5 рот). В бою 2 окт. 1918 под Армавиром потерял половину своего состава — ок. 500 чел., было убито 30 офицеров. 19 янв. 1919 включен в состав 5-й пех. дивизии, с 6 мар. по июль входил в отряд ген. Виноградова. 8 авг. 1919 развернут в Сводно-гвардейскую бригаду.

³⁹ **Корниловский ударный полк.** Создан приказом по 8-й армии (ген. Л.Г. Корнилова) 19 мая 1917 из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 авг. преобразован в полк (4 батальона). В авг. 1917 переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 дек. 1917, а к 1 янв. 1918 собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 шт. при 4 пул.), 30 янв. 1918 сменная офицер-

- ской ротой (120 чел.). 11–13 фев. 1918 в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в нач. 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 чел. (в т.ч. 100 чел. Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины мар. 1918 входил в состав 2-й бригады, с нач. июня 1918 — 2-й пех. дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 янв. 1919 входил в состав 1-й пех. дивизии. С 12 июля 1919 — 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 окт. 1919 Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером.
- 40 Имеется в виду эпидемия гриппа «испанки», которая в 1918 г. поразила многие европейские страны и сопровождалась высокой смертностью.
- 41 **Петров Николай Николаевич**, р. 1888. Капитан. В Добровольческой армии; авг. — сен. 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Полковник (11 янв. 1919). Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Ум. 1971.
- 42 **Слесаревский Александр Павлович**, р. 1888. Из дворян. Константиновское артил. училище 1912. Капитан, командир 180-го артдивизиона. В Добровольческой армии летом — осенью 1918 в составе 3-й батареи 3-го отдельного легкого артил. дивизиона. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде; в июне 1919, командир 3-й батареи, авг. 1920 подполковник, командир взвода 3-й батареи, в сен. 1920, командир 3-й батареи до эвакуации Крыма. Полковник (1920). Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона в Югославии. В эмиграции там же, к 1940 член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. 15 июня 1940 в Белграде.
- 43 **Неручев Василий Сергеевич**. Михайловское артил. училище 1915. Поручик 37-й арт. бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м отдельном арт. дивизионе, с 11 янв. 1919 штабс-капитан. В Русской армии до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Подполковник. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже. Полковник. Ум. 12 июля 1944 в Дьеппе (Франция).
- 44 **Шейн Александр Аристрионович**, р. 1875. 3-й Московский КК 1894, Александровское ВУ 1896. Офицер 7-й артил. бригады. Полковник. В Добровольческой армии осенью 1918 в составе 3-го отдельного артдивизиона. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма; командир 2-го дивизиона в Дроздовской артил. бригаде. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. В эмиграции там же, член Общества офицеров-артиллеристов, к 1931 нач. группы дивизиона во Франции. Ум. 26 июня 1947 в Париже.
- 45 **Гонорский Борис Николаевич**, р. 15 нояб. 1880 в Курске. Сын подполковника. Орловский КК 1898, Михайловское артил. училище 1901. Полковник. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР; 26 окт. 1918 — янв. 1919 командир бронепоезда «Генерал Алексеев», с 12 янв. 1919 командир батареи Учебно-подготовительной артил. школы, затем нач. Офицерской артшколы; в Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Офицерской артшколы в Болгарии. В эмиграции во Франции, к 1926 в Риве, член Общества офицеров-артиллеристов, 1931 начальник групп Офицерской артил. школы и 1-го армейского корпуса и предс. Общества Галлиполийцев в Риве. Ум. 30 окт. 1969 там же.
- 46 **Капитан Головач** был убит на этом бронепоезде 19 дек. 1918 у ст. Курсавка.
- 47 **Гросберг Мартин Мартьянович**. Произведен в офицеры из вольноопр. 4-го Сибирского мортирного артдивизиона 1915. Поручик. В Добровольческой армии в составе 3-го отдельного артдивизиона, с 28 окт. 1918 на бронепоезде «Генерал Алексеев», с 27 янв. 1919 штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Офицерской артил. школы в Эстонии. Капитан.
- 48 **2-й офицерский полк** (2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк; с 22 авг. 1919 1-й офицерский стрелк. ген. Дроздовского полк, с апр. 1920 1-й стрелк. ге-

нерала Дроздовского полк). Сформирован в нач. мая 1918 в Новочеркасске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полк. Дроздовского. После соединения последнего с Добр. армией получил наименование 2-го офицерского и вошел в 3-ю пехотную дивизию, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. После смерти М.Г. Дроздовского получил его имя, и с 4 янв. 1919 именовался 2-й офицерский стрелковый ген. Дроздовского полк. С 14 окт. 1919 входил в состав Дроздовской дивизии.

⁴⁹ После установления 29 апр. 1918 власти гетмана П.П. Скоропадского, на Украина и особенно в Киеве собралось значительное количество русского офицерства. В Киеве из офицеров, по разным причинам не служивших в Гетманской армии, было начато формирование Особого корпуса и Сводного корпуса Национальной гвардии. С началом петлюровского восстания ввиду небоеспособности Гетманской армии вопрос об организации частей из русских добровольцев приобрел особенную остроту. Офицерские дружины, фактически выполнявшие функции самообороны впоследствии стали единственной силой, могущей противодействовать Петлюре и оказывавшей ему сопротивление. Формирования эти имели различную ориентацию — как союзническую (считавшие себя частью Добровольческой армии), так и прогерманскую. П.П. Скоропадским в последний момент было издано распоряжение о регистрации и призвании на службу офицеров и дано разрешение на формирование дружин русских добровольцев. Непосредственно в Киеве были созданы подразделения как Особого, так и Сводного корпусов. Численность русских офицерских дружин при Скоропадском достигала от 2 до 3—4 тыс. чел.

⁵⁰ **Граф Келлер Федор Артурович**, р. 12 окт. 1857 в Курске. Сын генерал-майора. Приготовительный пансион Николаевского кав. училища, офицерский экзамен при Тверском кав. ЮУ, Офицерская кав. школа. Произведен в офицеры за боевое отличие 1878. Командир л.-гв. Драгунского полка (1906—1910). Генерал от кавалерии, командир 3-го кав. корпуса. Предполагаемый возглавитель Северной армии. 19—26 нояб. 1918 Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии. Убит петлюровцами 21 дек. 1918 в Киеве.

⁵¹ И.Л. Сорокин был убит 3 ноября 1918 по новому стилю. Описание обстоятельств его смерти в дневнике Г.А. Орлова вполне достоверно.

⁵² **Русский Николай Владимирович**, р. 6 мар. 1854. 1-я С.-Петербургская военная гимназия 1870, Константиновское ВУ 1872, АГШ 1881. Офицер л.-гв. Гренадерского полка. Генерал от инфантерии, главнокоманд. армиями Северного фронта. Убит большевиками 18—19 окт. 1918 в Пятигорске.

⁵³ **Рухлов Сергей Васильевич**, р. 24 июня 1852. Вологодская гимназия, СПб. ун-т 1873. Действ. тайный советник, министр путей сообщения, член Гос. Совета. Убит большевиками 18—19 окт. 1918 в Пятигорске.

⁵⁴ Имеется в виду **Петрос Долганов**, студент, окончивший Ташкентскую школу прап. 6 янв. 1917.

⁵⁵ **Фибих Фридрих Фридрихович**. Надворный советник, преподаватель Могилевской гимназии.

⁵⁶ **Кавернинский Владимир Измайлович**, р. 1883 в Херсонской губ. Киевское ВУ 1907, АГШ 1914. Капитан л.-гв. Петроградского полка, комендант Выборгской крепости. К 21 нояб. 1918 в гетманской армии. Войсковой старшина. Во ВСЮР с 18 окт. 1919; с 23 нояб. 1919 командир сводной роты 2-й Сводно-гвардейской бригады. В Русской армии в штабе войск армейского постового района до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии; 1923—1924 член Общества офицеров Генерального штаба. После 1945 — в США, на нояб. 1951 представитель полкового объединения в США.

⁵⁷ **Голубятников Алексей Феогневич**. Сибирский КК 1896, Константиновское артил. училище 1899, АГШ 1906. Полковник. Во ВСЮР и Русской армии преподаватель Корниловского военного училища и в Дроздовских частях до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. В эмиграции во Франции. Ум. 5 июля 1930 в Ницце (Франция).

- ⁵⁸ **Пиленко Дмитрий Юрьевич**, р. 1893. Произведен в офицеры из вольноопр. 1915. Подпоручик 50-й артил. бригады. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м отдельном артдивизионе, затем в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Поручик (с 11 янв. 1919). Ум. от тифа в начале апр. 1920 в Севастополе.
- ⁵⁹ **Шкуро Андрей Григорьевич** (Шкура), р. 7 фев. 1886 (1887) Из дворян, сын войскового старшины, казак ст. Пашковской Кубанской обл. 3-й Московский КК 1905, Николаевское кав. училище 1907. Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 присоединился к Добр. армии; нач. Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 нояб. 1918 нач. Кавказской конной дивизии, с 30 нояб. 1918 генерал-майор. До апр. 1919 нач. 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 командир 3-го Кубанского конного корпуса, 29 янв. – мар. 1920 командующий Кубанской армией Генерал-лейтенант (4 апр. 1919). В эмиграции во Франции. Участник формирования Антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 16 янв. 1947 в Москве.
- ⁶⁰ Характерный пример невероятных слухов, которые в то время распространялись относительно судьбы членов Императорской семьи.
- ⁶¹ **Гришин Алексей Николаевич (Гришин-Алмазов)**, р. 24 нояб. 1881 в Кирсановском у. Из дворян Тамбовской губ. Воронежский КК 1899, Михайловское артил. училище 1902. Офицер 8-й Сибирской стрелковой артил. бригады. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию ген. М.В. Алексеева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Новониколаевске 27 мая 1918. 28 мая — 12 июня командующий войсками Омского ВО, с 13 июня до 5 сен. 1918 командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий Военным министерством; уволен 6 сен. 1918. В сен. 1918 отбыл в Екатеринодар, с 29 нояб. 1918 в Одессе, с 4 дек. 1918 военный губернатор Одессы и (до 15 янв. 1919) командующий войсками Добр. армии Одесского р-на, с 24 фев. по 23 апр. 1919 врид командующего войсками Юго-Западного края. В апр. 1919 послан в Омск во главе делегации к адм. Колчаку. Генерал-майор (с 11 июля 1918). Застрелился под угрозой плена 22 апр. (5 мая) 1919 в Каспийском море.
- ⁶² **Уфимская директория** была образована 23 сен. 1918 Уфимским государственным совещанием, представлявшим антибольшевистские правительства Востока России. А.В. Колчак в составе правительства Директории занимал пост военного и морского министра. Прекратила существование в ночь на 18 нояб. 1918.
- ⁶³ **Болдырев Василий Георгиевич**, р. 5 апр. 1875 в Сызрани. Из крестьян. Пензенское землемерное училище 1893, Военно-топографическое училище 1895, АГШ 1903. Генерал-лейтенант, командующий 5-й армией. Георгиевский кавалер. В дек. 1917- в мае 1918 в тюрьме, затем в белых войсках Восточного фронта; с 4 сен. по 21 нояб. 1918 верховный главнокомандующий войсками Уфимской Директории, затем командирован в Японию, весной 1920 вернулся во Владивосток, с 23 мар. 1920 председатель комиссии при военном совете по разработке военных и военно-морских законопроектов сухопутных и морских сил временного правительства Приморской областной земской управы, член правительства ДВР, 7 апр. – 12 дек. 1920 командующий сухопутными и морскими силами Дальнего Востока, на 7 окт. 1921 экстраординарный проф. академии Генштаба. Остался во Владивостоке, окт. 1922 арестован, летом 1923 освобожден и служил в советских учреждениях. Расстрелян 20 авг. 1933.
- ⁶⁴ **Филимонов Александр Петрович**, р. 14 сен. 1866 ст. Григорополисской. Киевский КК 1884, Александровское ВУ 1886, Военно-юридическая академия, Археологический ин-т. Полковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 председатель Кубанского пр-ва, с 12 окт. 1917 войсковой атаман Кубанского казачьего войска до 10 нояб. 1919. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Генерал-лейтенант. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии, на 8 окт. 1921 член отдела Общества русских офицеров в Королевстве СХС в Нови-Саде, пред. Союза Первопоходников. Ум. 4 авг. 1948 в Осеке (Югославия).

- ⁶⁵ **Быч Лука Лаврентьевич**, р. 1870 в ст. Павловской Кубанской обл. Московский ун-т. Бакинский городской голова. С мар. 1917 нач. снабжения Кавказской армии. Председатель Кубанского правительства 1917–1918. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанском отряде. В эмиграции в Чехословакии. Ум. 1945 в Праге.
- ⁶⁶ «Северной коммуной» называлось в июне 1918 — феврале 1919 созданное большевиками областное объединение в составе Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний.
- ⁶⁷ **Шацилло Евгений Александрович**, р. 1883. Из Могилева. Корнет. В Добр. армии и ВСЮР; на 17 дек. 1918 в команде в. ст. Икаева в Ростове, затем в Кабардинском конном полку, на мар. 1920 в Феодосии; 1920 в Донском офицерском резерве. Вышел в отставку поручиком 30 апр. 1920.
- ⁶⁸ **Икаев Александр Иванович**. Войсковой старшина. В Добр. армии и ВСЮР; 1918 председатель Ростовского военно-полевого суда и нач. контрразведывательного отделения. Полковник. В эмиграции к 1923 в Болгарии.
- ⁶⁹ Имеется в виду **Христофор Генне**, студент, окончивший в январе 1917 1-ю Одесскую школу прап.
- ⁷⁰ **Крапивкин Иван Иосифович**, студент, окончил 1-ю Одесскую школу прап. 25 июля 1916.
- ⁷¹ **Восканьянц Саркис Давыдович**, студент, окончил 1-ю Одесскую школу прап. 8 дек. 1916.
- ⁷² **Горлов Александр Тимофеевич**. Подпоручик. В Добр. армии и ВСЮР на бронепоезде «Вперед за Родину», затем — на бронепоезде «Генерал Дроздовский», поручик с 16 авг. 1919; в Русской армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе 6-го арtdивизиона в Болгарии. Штабс-капитан.
- ⁷³ **Россовский Анатолий Перфильевич**, р. 1889 в Могилеве. Могилевская гимназия (не окончил), Гатчинская школа прап. 1916. Подпоручик 32-го стрелкового полка. В Добр. армии дек. 1918 в 10-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, затем в Апшеронском пех. полку. Штабс-капитан. Взят в плен в Баку, к 1921 в Рязанском концлагере.
- ⁷⁴ **Вооруженные Силы на Юге России (ВСЮР)** были образованы 26 дек. 1918 в результате соглашения между командующим Добровольческой армии А.И. Деникиным и Донским атаманом П.Н. Красновым об объединении их сил под общим руководством А.И. Деникина. Включали ряд оперативных объединений, важнейшими из которых были Добровольческая, Донская и Кавказская армии, Войска Новороссийской области, Войска Киевской области, Войска Северного Кавказа, Войска Черноморского побережья.
- ⁷⁵ **Самуэлов Александр Артемьевич**, р. 24 сен. 1890. Из дворян С.-Петербургской губ. Псковский КК 1908, Михайловское артил. училище 1911. Офицер 37-й артил. бригады. С конца 1917 в Армянском корпусе на Кавказе, с нояб. 1918 в Добр. армии. В янв. 1919 капитан, младший офицер, затем командир взвода, затем командир 4-й батареи, в мае 1919 командир 10-й батареи в Дроздовской артил. бригаде, с 10 нояб. 1919 командир 1-й батареи отдельного арtdивизиона 1-й отдельной пехотной бригады. Полковник. В Русской Армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й вып.). Ум. 9 фев. 1935 в Париже.
- ⁷⁶ Это один из многочисленных распространенных в то время недостоверных слухов.
- ⁷⁷ **Болховитинов Леонид Митрофанович**, р. 5 янв. 1871. Реальное училище в Москве 1890, Московское пехотное ЮУ 1892, АГШ 1898. Офицер 14-го гренадерского полка. Генерал-лейтенант, командир 12-го армейского корпуса. В Добр. армии с 1918 (перешел от красных); 8 сен. 1918 разжалован в рядовые за службу у большевиков, старший унтер-офицер в Самурском полку. 22 июля 1919 восстановлен в чине с увольнением в отставку, председатель комиссии по оказанию помощи лицам, пострадавшим от большевиков, с 5 янв., на март 1920 управляющий военным ведомством Кубанского

- пр-ва. В Русской армии инспектор классов Кубанского Алексеевского ВУ, до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле «Румянецев». Был на о. Лемнос, до 1924 инспектор классов того же училища. В эмиграции в Болгарии. Покончил самоубийством 11 июня 1925 в Тырново-Сеймене (Болгария).
- ⁷⁸ **Снесарев Андрей Евгеньевич**, р. 1 дек. 1865 в сл. Старая Калитва Воронежской губ. Сын священника. Новочеркасская гимназия, Московский ун-т 1888, Московское пехотное ЮУ 1889, АГШ 1899. Генерал-лейтенант, с 1 янв. 1917 нач. штаба 12-го арм. корпуса. 1918–1930 в РККА. В 1931 осужден к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей по делу «Весна». Ум. 4 дек. 1937 в Москве.
- ⁷⁹ **Корольков Георгий Карпович**, р. 4 фев. 1863. 2-я Моск. военная гимназия 1882, Александровское ВУ 1884, АГШ 1893. Генерал-лейтенант, командир 4-го Сибирского арм. корпуса. С 1918 в РККА. Арестован 1930 по делу «Весна». Ум. в заключении в Москве.
- ⁸⁰ **Гутор Алексей Евгеньевич**, р. 30 авг. 1868. 4-й Московский КК 1886, Михайловское артил. училище 1889, АГШ 1895. Генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, с 10 июля 1917 — в расп. Верховного главнокоманд. и в резерве чинов при штабе Московского ВО. 1918–1931 в РККА. Расстрелян 13 авг. 1938.
- ⁸¹ **Сыгин Павел Павлович**, р. 18 июля 1870. С.-Петербургское реальное училище 1890, Киевское пехотное ЮУ 1892, АГШ 1899. Генерал-майор, нач. 37-й пех. дивизии. 1918–1934 в РККА, командующий фронтом, затем на преподавательской работе. Расстрелян под Москвой 22 авг. 1938.
- ⁸² **Северо-Кавказская советская республика**, образованная в июле 1918, прекратила свое существование 11 января 1919 по нов. ст.
- ⁸³ **Марковский полк**. Сформирован 12 фев. 1918 в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в нач. 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кав. дивизии, части 3-й Киевской школы прап., Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пул. В сер. мар. 1918 в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты), входил в состав 1-й бригады. С нач. июня 1918 получил наименование 1-й Офицерский полк и вошел в состав 1-й пех. дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я — из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными (по 200 чел. против 150 в других). С 13 июня 1918 именовался 1-й офицерский генерала Маркова полк. С 14 окт. 1919 входил 1-м полком в состав Марковской дивизии.
- ⁸⁴ **Гудим-Левкович Виктор Владимирович**, р. 25 мар. 1891 в Тифлисе. Из дворян. 4-я Киевская гимназия 1911, Владимирское ВУ 1912 (не окончил), Михайловское артил. училище 1914. Капитан. В Добр. армии и ВСЮР в составе 3-го отдельного арtdивизиона и Дроздовской артил. бригады. Разжалован в подпоручики. В эмиграции во Франции, в 1932 восстановлен в чине подполковника. Ум. 1950.
- ⁸⁵ **Яковлев Александр Владимирович**. Подпоручик. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м легком арtdивизионе, осенью 1919 заведующий хозяйственной частью 6-й батареи в Дроздовской артил. бригаде. До дек. 1919 окончил курс офицерской артил. школы. Поручик. В Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Капитан. В эмиграции там же. Ум. 25 нояб. 1978 в Руане.
- ⁸⁶ **Нератов Анатолий Анатольевич**, р. 1863. Александровский лицей 1883. Гофмейстер, товарищ министра иностранных дел. В Добр. армии и ВСЮР; с осени 1918 управляющий ведомством внешних сношений Особого Совещания ВСЮР, министр иностранных дел, в начале 1920 товарищ министра ин. дел Южно-Русского пр-ва. Эвакуирован в начале 1920 из Новороссийска. Летом 1920 в Константинополе в управлении иностранных дел пр-ва ген. Врангеля, 1921–1924 посол в Турции. В эмиграции в Париже. Член правления лицейского объединения во Франции. Ум. 10 апр. 1938 в Париже.

- ⁸⁷ **Греков Константин Митрофанович**, р. 26 мар. 1872. Александровский КК 1890, Пажеский корпус 1892. Офицер л.-гв. Казачьего полка. Есаул л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии; с 5 апр. 1918 председатель «Суда защиты Дона», осенью 1918 ростовский градоначальник. Полковник (с 11 мая 1918). Вышел в отставку 1920. В эмиграции во Франции, на дек. 1924 председатель и командир кадра объединения л.-гв. Атаманского полка. Ум. 27 июля 1941.
- ⁸⁸ **Боркенгаген Борис Борисович**, р. 1 дек. 1894 в Москве. Гимназия в Москве 1915, Виленское ВУ 1915. Штабс-капитан, командир батальона. С конца 1917 в бригаде ген. Асташева в Кишиневе. В Южной армии, Донской армии и ВСЮР с авг. 1918; летчик-наблюдатель. Вышел в отставку штабс-капитаном 21 апр. 1920. В Русской армии в авиационных частях до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес». Трижды ранен. На 18 дек. 1920 во 2-й роте Авиационного батальона Технического полка в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 в составе Технического батальона в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 — в США. Член Общества Ветеранов, на 29 апр. 1968 член СЧРК в Сан-Франциско. Капитан. Ум. 12 мая 1969 в Сан-Франциско.
- ⁸⁹ **Шуликов Петр** окончил Киевское ВУ в 1916.
- ⁹⁰ **Сазонов Сергей Дмитриевич**, р. 29 июля 1860. Александровский лицей 1883. Министр иностр. дел. Представитель правительства адм. Колчака, член Особого Совещания ВСЮР. В эмиграции во Франции. Ум. 24 дек. 1927 в Ницце.
- ⁹¹ **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 дек. 1872. Из дворян Области Войска Донского, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус 1890, Николаевское кав. училище 1892, АГШ 1900. Офицер л.-гв. Атаманского полка, командир 4-го гусарского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кав. дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; янв. 1918 командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Леяного») похода: командир Партизанского полка и с 17 мар. 1918 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918, предс. Совета управляющих отделами ВВД (Донского пр-ва) и управляющий иностранным отделом, с 6 фев. 1919 войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 авг. 1918). В эмиграции с нояб. 1921 в Софи, с окт. 1922 в Белграде, с нояб. 1923 в Париже, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Ген. штаба. Ум. 21 окт. 1934 в Париже.
- ⁹² **Новгородский Михаил Иванович**, р. 1858. В службе с 1875, офицером с 1882. Капитан 199-го пехотного полка. С 1913 в отставке подполковником.
- ⁹³ **Сидорин Владимир Ильич**, р. 31 янв. (3 фев.) 1882. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Донской КК 1900, Николаевское инженерное училище 1902, АГШ 1910, Офицерская воздухоплавательная школа 1910. Офицер 2-го Восточно-Сибирского саперного батальона. Полковник, нач. штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении нач. штаба Зап. фронта, зам. председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В нояб. 1917 участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца нояб. 1917 на Дону, участник взятия Ростова, нач. полевого штаба атамана Каледина, дек. 1917 — янв. 1918 нач. штаба Северного фронта донских войск, янв. 1918 нач. штаба Походного атамана. Участник Степного похода, с 12 апр. по 5 мая 1918 нач. штаба Донской армии, с 5 мая 1918 генерал-майор, в июне—июле 1918 командующий Средне-Донецким фронтом, с июля глава делегации ВВД в Киеве. В Добр. армии и ВСЮР; с 5 окт. 1918 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 2 фев. 1919 командующий Донской армией; с 24 мар. 1920 до 6 апр. 1920 командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (с 22 мая 1919). Вышел в отставку 12 апр. 1920. В эмиграции с мая 1920 в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе), к 1933 член Союза русских военных инвалидов. Ум. 20 мая 1943 в Берлине.
- ⁹⁴ **Ляхов Владимир Платонович**, р. 20 июня 1869. Сын майора. 1-й Московский кадетский корпус 1887, Александровское ВУ 1889, АГШ 1896. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 1-го Кавказского армейского корпуса.

- Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР в резерве чинов при штабе Главногокомандующего, с 15 нояб. 1918 командир 3-го армейского корпуса, с 10 янв. 1919 главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края, с 16 апр. 1919 в резерве чинов при штабе Главногокомандующего ВСЮР, с лета 1919 в отставке. Убит 30 апр. 1920 в Батуме.
- ⁹⁵ **Судзиловский Николай Васильевич**, р. 7 авг. 1896 в Могилевской губ. Из дворян той же губ., сын действ. стат. советника. Вольноопределяющийся 180-го запасного пех. полка. 1918 в гетманской армии; нояб. — дек. 1918 в Житомирском отряде к фев. 1919 в Астраханской армии. Во ВСЮР с авг. 1919. Убит.
- ⁹⁶ **Шуликов Александр** окончил Псковскую школу прапорщиков в 1916 г.
- ⁹⁷ **Бирилев Александр Михайлович**, р. 22 мар. 1873 в Севастополе. Константиновское ВУ 1894. Полковник. 1918 в гетманской армии; с 7 сен. 1918 командир 4-го легкого арт. полка. Во ВСЮР в 3-й арт. бригаде, с 15 окт. 1919 — командир 2-й батареи отдельного легкого арtdивизиона, в Русской армии до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 во 2-й батарее 5-го арtdивизиона. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Болгарии. Ум. 2 июня 1941 в Шипке (Болгария).
- ⁹⁸ **Покровский Виктор Леонидович**, р. 1889 Из дворян. Одесский КК 1906, Павловское ВУ 1908. Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В Добр. армии; в янв. 1918 сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 янв. 1918 полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 фев. командующий Кубанской армией, с 13 мар. 1918 генерал-майор, с июня 1918 командир Кубанской конной бригады, с июля 1918 нач. 1-й Кубанской конной дивизии, с 3 янв. 1919 командир 1-го конного корпуса, янв. — авг. 1919 командир 1-го Кубанского корпуса, с 2 (21, 26) нояб. 1919 по 8 мар. (21 янв.) 1920 командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апр. 1919). В мае 1920 покинул Крым. Эвакуирован на корабле «Силамет». В эмиграции в Болгарии. Убит 9 нояб. 1922 в Болгарии жандармами.
- ⁹⁹ **Лернер Константин Максимович (Михайлович)**. В Добровольческой армии доброволец в Чехословацком батальоне, с 14 дек. 1918 прапорщик; затем в 3-м легком арtdивизионе. До дек. 1919 окончил курс офицерской артил. школы. В Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Поручик.
- ¹⁰⁰ **13-й пехотный Белозерский полк**. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сен. 1919 — 9-й, затем 4-й пехотных дивизий. Сформирован 23 мар. 1919 при Дроздовском полку. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апр. 1920. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит в 1-й Марковский полк.
- ¹⁰¹ **Крокосевич Евгений** был студентом и окончил 1-ю Одесскую школу прапорщиков в одном выпуске с автором дневника.
- ¹⁰² **Крокосевич Георгий Кондратьевич**. Полоцкий КК 1914, Александровское ВУ 1915. Во ВСЮР с янв. 1919 (прибыл из Харькова); в мар. 1919 в Самурском полку. В Русской армии в Дроздовской дивизии. В эмиграции во Франции. Ум. 24 дек. 1979 в Руане (Франция).
- ¹⁰³ **Вильман Эдуард Карлович**. Московское ВУ 1902. Офицер крепостного пехотного полка. Капитан. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Подполковник. Убит 14 июня 1920 под Янчекраком в Сев. Таврии.
- ¹⁰⁴ **Егоров Александр Николаевич**. Прапорщик. Во ВСЮР весной 1919 в составе 3-го отдельного артил. дивизиона. В Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Подпоручик. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Штабс-капитан.
- ¹⁰⁵ **Манштейн Владимир Владимирович**, р. 1894. Штабс-капитан 7-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 21 фев. (4 мар.) 1918 в отряде полк. Дроздовского; участник похода Яссы—Дон в составе 1-й роты Стрелкового полка, затем во 2-м офицерском (Дроздовском) стрелковом полку, с 4 апр. 1918 командир 4-й роты, с осе-

- ни 1918 командир батальона того же полка, с 15 мая 1919 полковник. В окт. 1919 — летом 1920 командир 3-го Дроздовского полка. В Русской армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 22 июня 1920). Галлиполиец. На 1 авг. 1922 в составе Дроздовского полка в Болгарии, осенью 1925 в прикомандировании к Марковскому полку там же. Покончил самоубийством 19 сен. 1928 в Софии.
- ¹⁰⁶ **Ягубов Михаил Георгиевич.** Константиновское артил. училище 1906. Подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й батарее 3-го отдельного артил. дивизиона, затем командир танка «Святогор» 2-го отряда танков в 1-м дивизионе танков. Убит 6 мая 1919 на танке под ст. Попасная между ст. Криничная и Ханженково.
- ¹⁰⁷ **Ассен-Аймер (Кулинич) Федор.** 4-я Московская школа прап. 1916. Поручик. В Добр. армии и ВСЮР в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Убит 6 мая 1919 на танке между ст. Криничная и Ханженково.
- ¹⁰⁸ **Тимановский Николай Степанович,** р. 1889. Произведен в офицеры (прапорщики запаса) за боевое отличие 1906. Полковник, командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии с дек. 191, командир роты офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 фев. 1918 помощник командира Сводно-офицерского полка, затем нач. штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 командир 1-го Офицерского (Марковского полка), с 12 нояб. 1918 генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. В начале 1919 направлен в Одессу, с 31 (21) янв. 1919 начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 янв. — Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пех. дивизии, с 2 июня 1919 нач. 1-й пехотной дивизии, с 10 нояб. 1919 нач. Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919). Ум. от тифа 18 дек. 1919 на ст. Чернухин Херсонской губ.
- ¹⁰⁹ **Гудар Георгий Ипполитович,** р. в Одессе. Сергиевское артил. училище 1916. Подпоручик. Во ВСЮР в Одесской добров. бригаде. Взят в плен. На особом учете с 1920 на Украине.
- ¹¹⁰ **Мардиросевич Валентин Маркович.** Сергиевское артил. училище 1917. Прапорщик. Во ВСЮР и Русской армии; на июнь 1919 в 3-й батарее 3-го отдельного арtdивизиона, затем — Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Болгарии. Штабс-капитан.
- ¹¹¹ **Ягубов Александр Георгиевич,** р. 1884. Сын подполковника. Симбирский кадетский корпус 1902, Константиновское артил. училище 1904. Полковник, командир батареи 36-й артил. бригады. Участник похода Яссы — Дон в составе артиллерии отряда. В Добр. армии и ВСЮР в 3-й батарее 3-го легкого арtdивизиона, с 3 янв. 1919 в 1-м броневом автомобильном дивизионе, затем в 3-й арт. бригаде, с 24 авг. 1919 командир 3-й батареи той же (впоследствии Дроздовской) бригады, затем командир 2-го дивизиона, 1920 врид командира той же бригады. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. В эмиграции в Болгарии и Франции, с 1923 нач. охраны вел. князя Николая Николаевича. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (2-й вып.) и преподавал на них, затем зам. начальника, в 1938 руководитель (помощник руководителя) курсов; 1934 член правления Общества Галлиполицев в Париже. Ум. 25 авг. 1955 в Париже.
- ¹¹² **Баженов Николай Парфеньевич.** Окончил университет. Подпоручик, командир батареи 18-го мортирного артил. дивизиона. Во ВСЮР в составе 3-й батареи 3-й (Дроздовской) артил. бригады. Убит 12 июля 1919 в Песчанке у Константинограда.
- ¹¹³ **Барон Майдель Яков Христофорович.** Сын генерал-майора. Суворовский КК 1911, Константиновское артил. училище 1914. Штабс-капитан. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м отдельном артил. дивизионе. Капитан (11 янв. 1919). В Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Подполковник.
- ¹¹⁴ **Турчанинов Всеволод Вячеславович,** р. 1893. Гимназия, Моск. ин-т путей сообщений (не окончил), 1-я Одесская школа прап. 1916. Прапорщик. Арестован летом 1918 в Москве, содержался в манеже Алексеевского ВУ.

- ¹¹⁵ **Шинкевич Виктор Антонович**, р. 1887. Михайловское артил. училище 1908. Капитан. Во ВСЮР (перешел от красных в Харькове); с 18 июня 1919 в составе 3-й батареи 3-й (Дроздовской) артил. бригады. В Русской армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. В эмиграции там же. Ум. ок. 9 фев. 1953.
- ¹¹⁶ **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сен. 1882 в Череповце. Сын надворного советника корпуса лесничих (усын.); наст. — личного дворянина Константина Матвеевича Тимофеева). Архангельская гимназия, С.-Петербургское пехотное ЮУ 1904. Офицер 85-го пех. полка. Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с нояб. 1917; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с дек. 1917 командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апр. 1918 командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 нояб. 1918 генерал-майор, с дек. 1918 Черноморский военный губернатор, с 13 янв. 1919 командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 генерал-лейтенант, с дек. 1919 — Добровольческого корпуса. В Русской армии командир 1-го армейского корпуса, с авг. 1920 командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 дек. 1920). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. С 1928 начальник РОВС. Убит 26 янв. 1930 при попытке похищения в Париже.
- ¹¹⁷ **Лактионов Владимир Нилович**, р. 1 июня 1872. Сын подполковника. Воронежский КК 1890, Михайловское артил. училище 1893, Михайловская артил. академия 1900. Офицер Туркестанской артил. бригады. Генерал-майор, инспектор артиллерии 8-й армии. 1918 в гетманской армии; 7 сен. 1918 назначен командиром 7-й тяжелой артил. бригады. В Добр. армии и ВСЮР; с 12 нояб. 1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 янв. 1919 — в резерве чинов при штабе войск Юго-Западного края, сен. — окт. 1919 инспектор артиллерии. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. 9 июня 1929 в Белграде.
- ¹¹⁸ **Мамонтов Константин Константинович (Мамантов)**, р. 16 окт. 1869. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской ОВД. Николаевский КК 1888, Николаевское кав. училище 1890. Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; янв. 1918 атаман ст. Нижне-Чирской и 2-го Донского округа, нач. партизанского отряда, с 11 фев. 1918 командующий Северной группой. Участник Степного похода, комендант отряда. В марте 1918 руководитель восстания во 2-м Донском округе, в апр. 1918 командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 нач. самостоятельного отряда и группы. В июле 1918 — 23 фев. 1919 командующий войсками Чирского и Цимлянского района, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 генерал-майор), с 23 фев. 1919 командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919 — фев. 1920 командир 4-го Донского отдельного корпуса, в нояб. 1919 командир конной группы. Генерал-лейтенант. Ум. от тифа 1 фев. 1920 в Екатеринодаре.
- ¹¹⁹ **Низяев Иосиф Дмитриевич**. Константиновское артил. училище 1915. Поручик. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м отдельном артдивизионе. Штабс-капитан (11 янв. 1919). В Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Алексеевского артдивизиона в Болгарии. Капитан. В эмиграции в Германии. Ум. 13 апр. 1964.
- ¹²⁰ **Шифнер Антон Мейнгардович (Шифнер-Маркевич)**, р. 4 июня 1887. Александровский КК 1904, Михайловское артил. училище 1907, АГШ 1913. Офицер л.-гв. 2-й артил. бригады. Подполковник, и.д. нач. штаба 7-го армейского корпуса. 1918 участвовал в формировании добровольческих частей на Румынском фронте. В Добровольческой армии с 7 авг. 1918; с 18 авг. 1918 начальник штаба Кубанской партизанской отдельной бригады Шкуро, затем 1-й Кавказской конной дивизии, с мая 1919 начальник той же дивизии, сен. 1919 — мар. 1920 нач. штаба 3-го Кубанского корпуса. В Русской армии авг. 1920 нач. 2-й Кубанской конной дивизии и отряда группы войск особого назначе-

ния в Кубанском десанте, сен. 1920 начальник 2-й кав. дивизии. Генерал-майор. Ум. 21 янв. 1921 в Галлиполи.

¹²¹ **Ирман Владимир Александрович (Ирманов)**, р. 18 окт. 1852. Из дворян Киевской губ., сын полковника. Московская военная гимназия 1868, Александровское ВУ 1870. Офицер 134-го пехотного полка. Генерал от артиллерии, командир 3-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР; командир 1-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии, в июле 1919 врид командира 3-го Кубанского конного корпуса, 23 окт. 1919 переименован по Кубанскому казачьему войску в генералы от кавалерии. В эмиграции в Югославии, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия, председатель отдела монархистов-легитимистов в Нови-Саде и отдела КИАФ. Ум. 27 сен. 1931 в Нови-Саде (Югославия).

¹²² **14-й пехотный Олонекский полк.** Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сен. 1919 — 9-й, затем 4-й пех. дивизий. Ячейка полка формировалась при 13-м пех. Белозерском полку. Летом 1919 насчитывал 250 шт. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апр. 1920. По прибытии из Польши в Крым сведен в роту и влит в 3-й Марковский полк.

¹²³ **Житкевич Дмитрий Венедиктович**, р. 15 нояб. 1885 в с. Дмитрошковское Тульчинского у. Штабс-капитан. В Добр. армии и ВСЮР в Самурском полку; в июне — сен. 1919 командир батальона, с 14 мая 1919 капитан (уст. старшинство в чине с 30 сен. 1919), затем командир Самурского полка. В Русской армии до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Болгарии, в 1922 подписал воззвание за возвращение в СССР, за что подвергнут взысканию по суду. Вернулся в СССР, на особом учете с 1924 в Киевском ГПУ, зав. конторой совхоза в Черниговском округе. Арестован 25 авг. 1930. Расстрелян 8 апр. 1931 в Москве.

¹²⁴ **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. 31 окт. 1873 в С.-Петербургской губ. Из дворян той же губ., сын генерал-майора. Образование: 1-й Московский КК 1891, Константиновское ВУ 1893, АГШ 1901. Офицер 13-го стрелк. полка. Генерал-лейтенант, командир 12-го армейского корпуса. В Добр. армии и ВСЮР; с 25 нояб. 1918 в Киевском центре, с 24 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; 13 июля 1919 — 2 мар. 1920 нач. 7-й пехотной дивизии, затем нач. 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 в Крыму. В эмиграции 1930—1931 в распоряжении начальника РОВСа, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, на 16 мар. 1940 заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 вывезен в СССР и погиб в лагерях.

¹²⁵ **1-й армейский корпус.** Сформирован в Добровольческой армии 15 нояб. 1918. С 15 мая 1919 включал 1-ю и 3-ю пехотные дивизии, в сер. июня — 1-ю, 3-ю и 7-ю пехотные дивизии, 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион (до 1 авг. 1919), 3-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион (с 1 авг. 1919), отдельную тяжелую тракторную батарею, 1-ю отдельную инж. роту и 1-ю отдельную телеграфную роту, к 15 сен. 1919 — 1-ю, 3-ю и 9-ю пехотные дивизии и Сводный полк 1-й отдельной кав. бригады, Горско-мусульманский дивизион, 3-й отдельный тяжелый пушечный тракторный дивизион, корпусное радиотелеграфное отделение, 5-ю отдельную телеграфную роту и отдельную инж. роту. При нем состояли также 3-й отряд танков, бронеемобили «Генерал Корнилов», «Славный», «Кубанец» и «Генерал Дроздовский». На 5 окт. 1919 насчитывал всего 15907 шт., 831 саб., 335 пул., 55 ор. С 14 окт. 1919, после реформирования дивизий, включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую, Алексеевскую и 9-ю пехотную дивизии.

¹²⁶ **Туркул Антон Васильевич**, р. 11 дек. 1892 в Тирасполе. Сын служащего. Тираспольское реальное училище. Из запаса. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1914. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. В Добровольческой армии с 4 янв. 1918 в отряде полк. Дроздовского; участник похода Яссы—Дон в составе 2-й роты Стрелкового полка; фельдфебель роты. С янв. 1919 командир офицерского батальона 2-го Офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с окт. 1919 командир 1-го Дроздовского полка. В Русской армии с 6 авг. 1920 начальник Дроздовской дивизии. Гене-

- рал-майор (с апр. 1920). Галлиполиец. На 1 авг. 1922 в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции, издатель и редактор журнала «Доброволец», с 1935 организатор и глава Русского Национального Союза участников войны, в 1945 начальник управления формирования частей РОА и командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 — в Германии, председатель Комитета русских невооруженцев. Ум. 19—20 авг. 1957 в Мюнхене.
- ¹²⁷ **Зеленин Евгений Ильич**, р. 1885 в Гжатске. Подполковник, командир 720-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Самурском полку, в фев. 1919 командир батальона, весной, в сен. 1919 командир Самурского полка, 8 нояб. 1919 утв. переименование в полковника; командир бригады 6-й пехотной дивизии, затем помощник начальника Алексеевской дивизии. В Русской армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Болгарии; 1920—1923 подвергнут взысканию по суду за участие в возвращенческом движении. Вернулся в СССР, на особом учете с 1923 в Московской ЧК, делопроизводитель Маслоцентра. Арестован 14 авг. 1930. Расстрелян 8 апр. 1931 в Москве.
- ¹²⁸ **Май-Маевский Владимир Зенонович**, р. 15 сен. 1867. Из дворян Могилевской губ. 1-й КК 1885, Николаевское инженерное училище 1888, АГШ 1896. Офицер л.-тв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добр. армии с 1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 нояб. 1918 врид командующего 3-й дивизией, с дек. 1918 нач. 3-й пехотной дивизии, 15 фев. — 1 июня 1919 командир 2-го армейского корпуса, с апр. 1919 командующий Донецкой группой войск, 22 мая — 27 нояб. 1919 командующий Добровольческой армией, с 26 нояб. 1919 в распоряжении Главнокомандующего. Ум. 30 окт. 1920 в Севастополе.
- ¹²⁹ **Куландин Семен И.**, р. 1898. Поручик. Во ВСЮР; на 9 окт. 1919 в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Ранен. Эвакуирован в конце фев. 1920 из Новороссийска в Салоники на транспорте «Брисенн». В эмиграции во Франции. Ум. 1956.
- ¹³⁰ **Юзефович Яков Давидович**, р. 12 мар. 1872. Из дворян Гродненской губ, сын полковника. Полоцкий КК 1890, Михайловское артил. училище 1893, АГШ 1899. Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР с лета 1918; с 1 янв. 1919 начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, 8 мая — 27 июля 1919 нач. штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кав. корпуса, с 28 нояб. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апр. 1920 руководил строительством укреплений в Северной Таврии, в июне — сентябре 1920 генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1920 в Германии (Висбаден), с 1921 в Эстонии. Ум. 5 июля 1929 в Тарту.
- ¹³¹ **Михайлов Сергей Васильевич**, р. 19 мар. 1893 в Курске. Окончил реальное училище. Учился на Высших коммерческих курсах. Штабс-капитан. В Вооруженных силах Юга России. Ранен. В эмиграции к 1923 в Болгарии, в Варне.
- ¹³² **Южная армия** образована на Восточном фронте 23 мая 1919 из Оренбургской армии, Южной группы и Оренбургского военного округа. Состояла из 1-го Оренбургского казачьего, 4-го Оренбургского, 5-го Стерлитамакского, 11-го Яицкого армейского, Сводно-Туркестанского корпусов, 1-й Оренбургской казачьей и Отдельной конной башкирской бригады. В июне она насчитывала 15,2 тыс. шт., 12 тыс. саб., 7 тыс. невооруженных, 247 пулеметов и 27 орудий. В середине июля 1919 армия пополнилась 11-й Сибирской стрелковой дивизией. Участвовала в июньском наступлении на Оренбург, а с конца июля 1919 действовала самостоятельно (Ставка не имела о ней сведений), в авг. прикрывала Башкирию и Оренбургскую обл. и удерживала Верхнеуральский район, пытаясь сохранить связь с Уральской армией. В это время она состояла из 8 оренбургских казачьих полков, 21-й Яицкой пех. дивизии, двух конных и артил. дивизионов. После потери Верхнеуральска отошла на юго-восток и в сентябре вышла из Тургайской степи в районе Петропавловска, и 18 сен. вновь была переименована в Оренбургскую армию. 10 окт. 1919 она вошла в состав Московской группы армий. После боев под Орском и Актюбинском отошла в Семиречье, где 6 янв. 1920 вошла как Оренбургский отряд (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии и Сызранская отд. егерская бригада) в составе Отдельной Семиреченской армии.

- ¹³³ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 авг. 1879 в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский КК 1897, Николаевское кав. училище 1899, АГШ 1908. Офицер 1-го Оренбургского казачьего полка. Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 окт. 1917), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) дек. 1917 командующий войсками Оренбургского ВО, с 25 июля 1918 генерал-майор, с 17 окт. 1918 командующий Юго-Западной армией (с 28 дек. 1918 Оренбургская отд. армия). С 23 мая 1919 генерал-инспектор кавалерии (до 18 сен. 1919) и одновременно походный атаман всех казачьих войск (до 16 окт. 1919), 18 сен. — 16 окт. 1919 командующий Оренбургской отдельной армией, с 6 янв. 1920 нач. гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 4 окт. 1918). 2 апр. 1920 отступил в Китай. Смертельно ранен при попытке похищения и скончался 7 фев. 1921 в Суйдине.
- ¹³⁴ **Белов Петр Андреевич (Виттекопф Ганс Альфредович)**, р. 22 апр. 1881. Частная гимназия 1899, Виленское пехотное ЮУ 1902, АГШ 1912. Офицер 117-го пехотного полка. Полковник (1917), старший адъютант штаба 27-го армейского корпуса, 9-й кав. дивизии, 3-й армии. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 2 июня 1918 нач. штаба Сибирской армии и Омского ВО, с 13 июня 1918 нач. штаба Сибирской армии, с 13 нояб. 1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 21 фев. 1919 командующий Стерлитамакским сводным корпусом, с 23 фев. 1919 нач. штаба 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, с 9 мар. 1919 командующий 8-й стрелковой Камской дивизией, на 22 апр. 1919 врид командующего Южной группой войск Западной армии, с 23 мая командующий Южной армией. Орд. Св. Владимира 3 ст. с мечами; с 18 сен. 1919 в распоряжении верховного главнокомандующего, затем помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, с 24 окт., на 14 нояб. 1919 главный нач. по разгрузке Омска и Сибирской магистрали (магазинов). Генерал-майор (12 авг. 1918). В 1921 нач. партизанского отряда в Западной Сибири. В эмиграции в Харбине (по др. данным — расстрелян большевиками 1920 в Омске).
- ¹³⁵ **Волков Александр Александрович**. Окончил Моск. ун-т 1901. Коллежский советник, проф. Московского ин-та путей сообщения. Арестован 1 сен. 1919 в Москве по делу «Национального Центра». Расстрелян большевиками 23 сен. 1919 в Москве.
- ¹³⁶ **Шиллинг Николай Николаевич**, р. 16 дек. 1870. Из дворян. Николаевский КК 1888, Павловское ВУ 1890. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 17-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. 1918 в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добр. армии и ВСЮР с 1 сен. 1918 в Киевском центре, нояб. — дек. 1918 зам. представителя Добр. армии в Киеве, с 1 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 янв. 1919 нач. 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 10 июля 1919 командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 авг. также и Херсонской) губ., с 26 авг. 1919 командующий войсками Новороссийской области, освобожден 18 мар. 1920. В эмиграции в Чехословакии, предс. кружка Георгиевских кавалеров в Праге, к 1933 член Союза русских военных инвалидов. Арестован в мае 1945. Ум. ок. 3 мая 1946 в Праге.
- ¹³⁷ **Некрасевич-Поклад Константин Иванович**, р. 13 авг. 1884. Полоцкий КК 1903, Михайловское артил. училище 1905. Офицер 55-й артбригады. Подполковник, командир 3-й батареи 8-й Сибирской стрелковой артбригады. В Астраханской армии (начальник резерва), во ВСЮР командир запасной батареи, на окт. 1919 в Офицерской артил. школе в Севастополе. Полковник (ств. 27 сен. 1918). В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров-артиллеристов.
- ¹³⁸ **Поручик Баккал**, окончивший Сергиевское артил. училище в 1915, был ранен 11 окт. 1919 под Чувардино и умер от ран на следующий день.
- ¹³⁹ **Савицкий Вячеслав Дмитриевич**, р. 7 мар. 1880 в Екатеринодре. Оренбургский КК, С.-Петербургский технологический ин-т (не окончил), Николаевское кав. училище 1903. Есаул Собственного Е.И.В. конвоя. В нояб. 1917 глава военного ведомства Кубани, в конце 1917 — 1918 советник Кубанского пр-ва. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине. С 12 мар. 1918

- полковник, член Кубанского краевого пр-ва по военным делам, затем командирован во Францию, член Кубанской делегации в Париже, где остался. Генерал-майор (с осени 1918). Ум. 12 фев. 1963 в Голливуде (США).
- ¹⁴⁰ **Макаренко Иван Леонтьевич**, р. 1882. Из казаков ст. Новошербиновской Кубанской обл. Кубанская учительская семинария, Николаевское кав. училище 1917. Хорунжий Кубанского казачьего войска, член Кубанского пр-ва. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде Кубанской Рады. С лета 1918 уполномоченный Кубанского пр-ва при правительстве ВВД, окт. 1918 председатель Законодательной Рады, лидер «черноморцев». В нояб. 1919 скрылся. В эмиграции с апр. 1920 в Чехословакии. Убит 7 мая 1945 в Праге при взятии Праги частями РОА.
- ¹⁴¹ **Аплаксин Иван Иванович**. Михайловское артил. училище 1917. Прапорщик. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 18 дек. 1920 в 7-й батарее 5-го артдивизиона. Подпоручик. В эмиграции в США (Нью-Йорк), член Общества офицеров-артиллеристов.
- ¹⁴² **Бермонт Павел Рафаилович** (он же князь **Авалов Павел Михайлович**), р. 4 мар. 1884. Сын капельмейстера Сибирского стрелк. полка. Произведен в офицеры за боевые отличия 1905. Штабс-ротмистр. Георгиевский кавалер. В авг. 1918 нач. контрразведки Южной армии в Киеве; летом 1918 нач. вербовочного пункта той же армии на Украине, осенью 1918 нач. добровольческого отряда на Украине, с фев. 1919 формировал «Партизанский конно-пулеметный отряд» в Германии, затем командующий Западной Добр. армией в Прибалтике. Генерал-майор. После неудачного наступления на Ригу отошел в Германию. В эмиграции в Германии, в Югославии, с 1944 в США. Ум. 27 дек. 1973 в Нью-Пальсе (США).
- ¹⁴³ **Слащев Яков Александрович**, р. 29 дек. 1885 в С.-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Реальное училище в СПб. 1903, Павловское ВУ 1905, АГШ 1911. Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добр. армии с 18 янв. 1918, в июне 1918 нач. штаба отряда Шкуро, с июля 1918 командир Кубанской пластунской бригады, с 15 нояб. 1918 начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем нач. штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апр. 1919 генерал-майор, нач. 5-й пех. дивизии, с 2 авг. 1919 нач. 4-й пех. дивизии, с нояб. 1919 командир 3-го армейского корпуса, с мар. 1920 командир 2-го армейского корпуса, с 19 авг. 1920 в распоряжении Главнокомандующего Генерал-лейтенант (с мар. 1920). В эмиграции, с 21 дек. 1920 в отставке. 3 нояб. 1921 вернулся в СССР и служил в РККА. Убит 11 янв. 1929 в Москве.
- ¹⁴⁴ **Мрозовский Михаил Дионисьевич**, р. 1885. Сын полковника. Полоцкий КК 1904, Михайловское артил. училище 1906. Офицер крепостной артиллерии и 4-й артил. бригады. Подполковник, командир 3-й батареи 180-го артдивизиона. 1918 в гетманской армии; сотник, с 7 дек. 1918 помощник командира 13-го тяжелого арт. полка. Во ВСЮР. Полковник (с 1920). В эмиграции в Югославии, 1922—1923 член Ново-Врбаского отдела Общества русских офицеров в Королевстве СХС, член Общества офицеров-артиллеристов.
- ¹⁴⁵ **Мрозовский Иосиф Иванович**, р. 14 дек. 1857. Из дворян Гродненской губ. Полоцкая военная гимназия 1874, Михайловское артил. училище 1877, Михайловская артил. академия 1882. Офицер л.-гв. 1-й, л.-гв. 3-й и л.-гв. Стрелковой артил. бригад, нач. 1-й гвардейской пехотной дивизии. Генерал от артиллерии, командир гренадерского корпуса, командующий войсками Московского ВО. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Ницце (Франция), член Общества офицеров-артиллеристов. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Член полкового объединения л.-гв. Семеновского полка. Ум. 16 сен. 1934.
- ¹⁴⁶ **Мельнский Александр Иванович**, р. 1890 в Виннице. Киевский КК 1910, Киевское ВУ 1912. Капитан. Во ВСЮР с дек. 1919 в Офицерской артил. школе в Севастополе. В Русской армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». В эмиграции до 1941 во Франции, член Общества офицеров-артиллеристов. Во время 2-й мировой войны — в казачьих частях германской армии, начальник 1-го казачьего училища в Лиенце. Полковник. Ум. 18 окт. 1969 в Монморанси (Франция).

- ¹⁴⁷ **Жарков Константин Павлович.** Константиновское артил. училище 1905. Офицер 2-й Кубанской конной батареи. Полковник. В Доб. армии и ВСЮР; с 11 дек. 1918 командир Кавказского казачьего конно-артил. дивизиона, командир Корниловского конного полка, в распоряжении инспектора артиллерии Кубанского казачьего войска, с 12 янв. 1919 руководитель Учебно-подготовительной артил. школы. В Русской армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров-артиллеристов.
- ¹⁴⁸ **Улагай Сергей Георгиевич,** р. 19 окт. 1875. Сын офицера. Воронежский КК 1895, Николаевское кав. училище 1897. Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917. В Добр. армии; с нояб. 1917 — в начале 1918 командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанской пластуноского батальона. С 22 июля 1918 нач. 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 фев. 1919 командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 нояб. 1918 генерал-майор, с окт. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 нояб. 1919 в распоряжении командующего Добр. армией, в дек (до 10 дек.). 1919 командующий конной группой; мар. 1920 командующий Кубанской армией, с 8 апр. 1920 в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 командующий Группой войск особого назначения, в авг. 1920 руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время 2-й мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. После 1941 — во Франции. Ум. 29 апр. 1944 в Марселе.
- ¹⁴⁹ **5-й кавалерийский корпус.** Сформирован во ВСЮР 27 июня 1919. Включал 1-ю и 2-ю кав. дивизии и 10-ю отдельную телеграфную роту (на 5 окт. 1919 также отдельный конно-артил. и Сводно-конный дивизионы, 7-я и взвод 8-й конно-артил. батарей). Во время осеннего отступления вел арьергардные бои на Украине вместе с частями Войск Киевской и Новороссийской областей. Некоторые полки корпуса отошли на Одессу с Войсками Новороссийской области и затем в ходе Бредовского похода — в Польшу. Остальные сохранившиеся полки были сведены к 19 нояб. 1919 в 1-ю кав. дивизию.
- ¹⁵⁰ **Скуратовский Федор Андреевич.** Алексеевское ВУ 1917. Прапорщик. В Вооруженных силах Юга России в 4-й Кубанской пластуноской батарее.
- ¹⁵¹ **Браун Александр Дмитриевич,** р. 1887. Капитан. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. В эмиграции там же. Ум. 31 янв. 1951 в Шель (Франция).
- ¹⁵² **Алексеевская дивизия** (Партизанская генерала Алексева пехотная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 окт. 1919 (выделена из 9-й пехотной дивизии) в составе 1-го и 2-го Алексеевских и Самурского полков, запасного батальона, Отдельной ген. Алексева инженерной роты и Алексеевской артил. бригады. По прибытии в Крым 25 мар. 1920 переформирована в Отдельную партизанскую генерала Алексева пехотную бригаду. 19 апр. 1920 была расформирована.
- ¹⁵³ **Кельчевский Анатолий Киприанович,** р. 8 июня 1868. Из дворян. Псковский КК 1889, Константиновское ВУ 1891, АГШ 1900. Генерал-лейтенант, командующий 9-й армией. 1918 в гетманской армии. В Донской армии с 22 нояб. 1918; на 20 нояб. 1918 нач. штаба Восточного (Царицынского) фронта, 15 фев. 1919 — 27 мар. 1920 нач. штаба Донской армии, затем военный и морской министр Южнорусского пр-ва. Эвакуирован в нач. 1920 на корабле «Габсбург». С 25 мар. до 6 апр. 1920 нач. штаба Донского корпуса. Вышел в отставку 10 апр. 1920. Эвакуирован до осени 1920 из Крыма на корабле «Соломея». В эмиграции с мая 1920 в Германии, главный редактор журнала «Война и мир». Ум. 1 апр. 1923 в Берлине.
- ¹⁵⁴ **Топорков Сергей Михайлович,** р. 25 сен. 1881. Из казаков ст. Акшинской Забайкальского каз. войска. Произведен в офицеры из заряд-прапорщиков 1905. Полковник, командир Чеченского и Татарского конного полков. В Добр. армии, во Втором Ку-

- банском походе штаб-офицер Кубанского (Корниловского) полка Кубанского казачьего войска, летом — осенью 1918 командир 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 2 нояб. 1918 командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 дек. 1918 генерал-майор, с 19 янв. 1919 нач. Терской казачьей конной (1-й Терской казачьей) дивизии, с 22 июля, на 5 окт. 1919 командир 4-го конного корпуса, в марте 1920 командир 3-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, 1922 атаман Донской казачьей станицы в Белой Церкви, с 1923 помощник Кубанско-го атамана и председатель правительства. Ум. в фев. 1931 в Белграде.
- ¹⁵⁵ **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 янв. 1874 в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кав. училище 1896. Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. 1918 в гетманской армии; начальник 10-й кав. дивизии. Осенью 1918 сформировал отряд в Чугуеве и 19 янв. 1919 присоединился с ним к Добр. армии; с 19 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 мар. 1919 командир 2-го конного полка, 5 июня — 7 июля 1919 врид. начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 командир Отдельной кав. бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 командир 1-й бригады 1-й кав. дивизии, с 19 нояб. 1920 командир конной дивизии, с 11 дек. 1919 генерал-майор, с 18 дек. 1919 командир 5-го кав. корпуса. В Русской армии с 28 апр. 1920 командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920). Орден Св. Николая Чудотворца. В Галиполи нач. 1-й кав. дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кав. училища в Белграде, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия. С сен. 1924 пом. нач., с 21 янв. 1933 нач. 4-го отдела РОВС, предс. объединения кавалерии и конной артиллерии. С окт. 1944 в Германии. Ум. 21 мар. 1947 в Мюнхене.
- ¹⁵⁶ **Букретов Николай Адрианович**, р. 6 апр. 1876 в Тифлисе. Из горских грузинских евреев-кантонистов. Приписной казак Кубанского казачьего войска. Образование: Тифлисское реальное училище 1894, Алексеевское ВУ 1896, АГШ 1903. Офицер 15-го гренадерского полка. Генерал-майор, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады. Георгиевский кавалер. В Добр. армии; 9—17 янв. 1918 командующий Кубанской армией, затем в отставке. С осени 1918 председатель продовольственного комитета Кубанского пр-ва, 19 дек. 1919 — апр. 1920 Кубанский атаман. В эмиграции в Константинополе, затем в США. Ум. 8 мая 1930 в Нью-Йорке.
- ¹⁵⁷ **Успенский Николай Мигрофанович**, р. 1875. Из казаков ст. Каладжинской Кубанской обл. Ставропольская гимназия 1894, Михайловское артил. училище 1897, АГШ 1905. Полковник, командир Кубанской казачьей бригады в Персии, с 1 нояб. 1917 управляющий Кубанским военным ведомством. В Добр. армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в составе Кубанского ВУ; с 6 дек. 1918 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 23 мая 1919 нач. 1-й конной дивизии, командир бригады Кавказской конной дивизии под Царицыном до 5 сен. 1919 (с июня 1919 врид командира 4-го конного корпуса), на 5 окт. 1919 начальник 1-й конной дивизии, с 23 окт. 1919 в распоряжении Кубанского атамана, член Кубанского пр-ва, преподаватель Александровского ВУ, с 31 окт. 1919 в резерве чинов Кубанского каз. войска, с 11 нояб. 1919 Кубанский войсковой атаман. Генерал-майор (с 18 дек. 1918). Ум. от тифа 17 дек. 1919 в Екатеринодаре.
- ¹⁵⁸ **Семилетов Эммануил Федорович**, р. 16 июня 1873. Из казаков ст. Богоявленской ОВД. Новочеркасское казачье ЮУ 1893 (офицером с 1894). Офицер 12-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина (из отставки; 1917) 15-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с конца 1917 командир партизанского отряда, полковник. Участник Степного похода, нач. собственного отдельного отряда, с 11 апр. 1918 командующий Северной группой. Вышел в отставку 8 мая 1918. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 10 окт. 1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 6 дек. 1918 командир Донского пешего батальона. С 11 янв. 1919 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 6 фев. 1919 командующий партизанскими отрядами Донской армии, с апр. 1919 начальник Сводно-Партизанской дивизии, с мая по окт. 1919 нач. 3-й отдельной Донской до-

бровольческой бригады. Генерал-майор (с 27 апр. 1918). С окт. 1919 в отставке. Ум. от тифа 9 дек. 1919 в Новочеркаске.

¹⁵⁹ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 фев. 1883. Из дворян. Воронежский КК 1901, Николаевское кав. училище 1903, АГШ 1914. Офицер 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. Подполковник, нач. штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В нояб. 1917 нач. Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 командир Корниловского конного полка Кубанского каз. войска, сен. 1918 полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 нояб. 1918 нач. 1-й конной дивизии, с 8 дек. 1918 генерал-майор, член Кубанского войскового пр-ва, с 25 янв. 1919 зачислен по Ген. Штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. 1919 — командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской армии с сен. 1920 командир конной группы (бывш. ген. Бабиева). В эмиграции в Югославии; член Общества офицеров Ген. Штаба. Кубанский войсковой атаман. Во время 2-й мировой войны врид нач. Главного управления казачьих войск. Был произведен в генерал-лейтенанты, но этого производства не признавал. После 1945 — в США. Ум. 30 окт. 1979 в Нью-Йорке.

¹⁶⁰ **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 мар. 1887. Бакинская гимназия, Николаевское кав. училище 1908. Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 янв. 1918 в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полк. Кузнецова, в марте 1918 взят в плен, но освобожден, с 1 авг. 1918 в резерве чинов при штабе Кубанского казачьего войска, затем в 1-м Лабинском полку, с 3 окт. 1918 командир Корниловского конного полка, с 23 сен. 1918 полковник, орд. Св. Георгия 4 ст. (3 нояб. 1918), с 26 янв. 1919 генерал-майор. С 26 янв., на 5 окт. 1919 начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919). Убит 30 сен. 1920 у с. Шолохово.

¹⁶¹ **Протасович Виктор Александрович**, р. 1886. Сын офицера. Псковский КК 1903, Михайловское артил. училище 1905. Подполковник, командир батареи 28-й артил. бригады. В Добр. армии и ВСЮР в июне 1918 рядовой в 3-й артиллерийской бригаде, затем командир 2-й батареи, с 13 апр. 1919 командир 2-го дивизиона в Дроздовской артил. бригаде, сен. — окт. 1919, на 30 дек. 1919 — 1-го дивизиона. В Русской армии до эвакуации Крыма. Полковник (с 16 июня 1920). Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона на Корсике. В эмиграции в Болгарии и Франции, 1931 помощник командира Дроздовского арtdивизиона в Париже. 1956–1964 начальник 1-го отдела РОВС, член правления Общества Галлиполийцев. Ум. 2 окт. 1966 в Монморанси (Франция).

¹⁶² **Титов Всеволод Степанович**. Николаевский КК 1906, Павловское ВУ 1908. В Добр. армии, ВСЮР и Русской армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма; янв. 1920 командир 2-го Дроздовского полка. Полковник (с 5 нояб. 1919). Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского полка в Болгарии, к 1949 в Германии. Ум. 7 дек. 1962 в Гамбурге.

¹⁶³ **Деев Григорий Григорьевич**, р. 24 нояб. 1877. Карачевская гимназия 1891, Чугуевское пехотное ЮУ 1893, АГШ 1902. Офицер 12-го пех. полка. Генерал-майор, нач. почтово-телеграфной и этапно-транспортной части Главного управления военных сообщений. В Добр. армии и ВСЮР; с 24 нояб. 1918 в резерве чинов при штабе Главкомандующего ВСЮР, на 3 июля, с 13 авг., сен. — окт. 1919 нач. снабжений Добр. армии.

¹⁶⁴ **Пуришкевич Владимир Митрофанович**, р. 12 авг. 1870 в Кишиневе. Из дворян Бессарабской губ. Новороссийский ун-т 1895. Чиновник МВД. Член Гос. Думы, лидер правых. В Вооруженных силах Юга России; издатель журнала «Благовест» в Ростове. Ум. от тифа в янв. 1920 в Новороссийске.

¹⁶⁵ **Гусельщиков Адриан Константинович**, р. 26 мая 1871 в ст. Гундоровской. Из дворян ОВД, сын офицера. Новочеркасское казачье ЮУ 1900 (офицером с 1901). Офицер 5-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина, пом. командира 52-го Донского казачьего полка. В Донской армии; руководитель восстания в ст. Гундоровской.

С 4 апр. 1918 нач. обороны Гундоровско-Митякинского района, с 26 мая 1918 командир сформированного им Гундоровского полка, командующий войсками Хоперского округа и района, с 1918 полковник, с 1 окт. 1918 генерал-майор, начальник Северного отряда, затем в фев. 1919 6-й Донской дивизии, с весны 1919 нач. 8-й Донской конной дивизии, осенью 1919 командир 2-го Донского корпуса, с 22 нояб. 1919 командир 3-го Донского корпуса, с дек. 1919 командир 4-го Донского корпуса, фев. 1920 командир 3-го Донского корпуса, с мар. 1920 нач. 3-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с фев. 1919). Орден Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос: с 12 дек. 1920 нач. 2-й Донской казачьей дивизии. В эмиграции с 1921 в Болгарии, затем во Франции. Ум. 21 фев. 1936 в Виши (Франция).

¹⁶⁶ **Стариков Терентий Михайлович**, р. 8 апр. 1880. Из казаков ст. Екатерининской Области Войска Донского. Новочеркасское казачье ЮУ 1902 (офицером с 1903), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа. Войсковой старшина, пом. командира 5-го Донского казачьего полка, член Войскового Круга ВВД. В Донской армии. Участник Степного похода; в мар. 1918 руководитель восстания в районе ст. Екатерининской, командир отряда своего имени в Северном отряде Южной группы (с 19 мая в составе группы ген. Татаркина), с 17 июля — 3-го пешего отряда, с июля 1918 полковник, командир 1-го пешего отряда; в авг. 1918 командир отряда войск Усть-Медведицкого района, генерал-майор; с 23 фев. 1919 командир группы своего имени в 1-й Донской армии, с апр. 1919 начальник 7-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 командир 7-й Донской конной бригады, затем командир Сводного корпуса, в начале мар. 1920 врид командира 4-го Донского корпуса. Эвакуирован в Турцию. 29 июня 1920 возвратился в Крым (Севастополь) на корабле «Саратов». В Русской армии с апр., в июле — окт. 1920 в прикомандировании к штабу ВВД. Генерал-лейтенант. Эвакуирован до осени 1920 из Севастополя на корабле «Вел. князь Александр Михайлович». В эмиграции на 1922 в Югославии, затем в Чехословакии, председатель Общеказачьего сельскохоз. союза, 1928—1929 предс. ЦК союза комитета «Вольного казачества». Ум. 11 дек. 1934 в Праге.

¹⁶⁷ **Ползиков Михаил Николаевич**, р. 26 окт. 1875 в Орле. Из дворян. Орловский КК 1893, Павловское ВУ 1895. Полковник, командир арtdивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы — Дон, командир легкой батареи. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м легком арtdивизионе, затем командир дивизиона в Дроздовской артил. бригаде. В Русской армии командир Дроздовской бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции к апр. 1922 в Болгарии, член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. 6 июня 1938 в Вассербиллинге (Люксембург).

¹⁶⁸ **16-й гусарский Иркутский полк Императорской армии** был возрожден во ВСЮР. Ячейка полка формировалась при Белозерском пехотном полку. С 27 авг. 1919 дивизион полка входил в Сводный полк 1-й отдельной кав. бригады. С 16 апр. 1920 дивизион полка входил в 4-й кав. полк. 9 окт. 1920 эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кав. дивизии, с которым погиб 30 окт. у д. Мамут под Джанкоем.

¹⁶⁹ **19-й драгунский Архангелогородский полк Императорской армии** был возрожден во ВСЮР. Летом 1919 эскадрон полка входил в Сводно-уланский полк, с 27 авг. 1919 дивизион полка входил в Сводный полк 1-й отдельной кав. бригады. В авг. 1919 развернулся в полк из двух пеших и конного эскадронов. С 16 апр. 1920 эскадрон полка входил в 4-й кав. полк.

¹⁷⁰ **Павлов Александр Александрович**, р. 11 июля 1867. Из дворян Волынской губ. Киевский КК 1885, Николаевское кав. училище 1887. Офицер л.-гв. Гусарского полка, командир л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир Кавказского кав. корпуса. Георгиевский кавалер. 1918 командующий Астраханской армией. В Вооруженных силах Юга России; командир Астраханского корпуса, с 21 мар. 1919 в распоряжении атамана ВВД, затем в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с янв. 1920 командир 4-го Донского корпуса, а также командир конной группы из частей 4-го и 2-го Донских корпусов, с конца фев. 1920 в резерве чинов при Военном управлении, с 13 мая 1920 генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР.

Эвакуирован на пароходе «Константин». В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Ум. 7 дек. 1935 в Земуне (Югославия).

¹⁷¹ **Орлов Николай Иванович.** Симферопольская гимназия, Варшавский ветеринарный институт (не окончил). Штабс-капитан 60-го пех. полка. В дек. 1917 командир офицерской роты Крыма, летом 1918 председатель Общества взаимопомощи офицеров в Симферополе, сформировал Симферопольский офицерский батальон, затем командир 1-го батальона Симферопольского офицерского полка. Весной 1920 поднял мятеж против командования в Крыму. Расстрелян красными в Симферополе вместе с братом Борисом дек. 1920.

¹⁷² **Субботин Владимир Федорович,** р. 10 мар. 1874. Из дворян Курской губ. Орловский кадетский корпус 1892, Николаевское инженерное училище 1895, Николаевская инженерная академия 1900. Генерал-майор, начальник инженеров Румынского фронта. В Добровольческой армии; с 11 янв. 1918 в резерве чинов при штабе армии, затем комендант штаба Кавказской Добровольческой армии, с 11 янв. 1919 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 26 фев. 1919, к янв. 1920 комендант крепости и начальник гарнизона Севастополя, с 23 июня 1919 Севастопольский градоначальник с оставлением в прежней должности и градоначальник Севастополя. В Русской армии начальник инженеров до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, 1921 член Общества кавалеров ордена Св. Георгия, 1921–1923 член Союза русских инженеров. После 1945 — в Парагвае. Ум. 4 сен. 1937 в Асунсьоне.

¹⁷³ **Князь Романовский, герцог Лейхтенбергский Сергей Георгиевич,** р. 4 июля 1890 в Петергофе. 2-й КК, Морской корпус 1911. Старший лейтенант 2-го Балтийского флотского экипажа. Во ВСЮР и Русской армии. Капитан 2-го ранга (с 29 мар. 1920). В эмиграции в Италии. Председатель Русского Собрания в Риме, после 1945 — почетный председатель Русского Национального Объединения, сотрудник журнала «Военная Белья». Ум. 16 дек. 1974 в Риме.

¹⁷⁴ **Чернавин Виктор Васильевич,** р. 1877. Из дворян. Омская гимназия, Николаевское инж. училище 1899, АГШ 1904. Полковник, и.д. генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии, нач. штаба 51-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 19 авг. 1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 янв. 1919 — в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии, с 24 янв. 1919 генерал-квартирмейстер штаба Крымско-Азовской армии, апр. 1919 начальник штаба той же армии, с 31 мая 1919 нач. штаба 3-го армейского корпуса, с 18 авг. 1919 до 19 фев. 1920 нач. штаба Войск Новороссийской обл., янв. 1920 нач. штаба Одесского ВО. Генерал-майор. В эмиграции в Чехословакии, к 1930, до 1938 служащий Пражского архива. Ум. 1956 в Оломоуце (Чехословакия).

¹⁷⁵ **Ненюков Дмитрий Всеволодович,** р. 18 янв. 1869. Морской корпус 1889, Морская академия 1908. Вице-адмирал, нач. морского управления Верховного главнокомандующего. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР; с 1 апр. до 1 дек. 1918 нач. Одесского центра армии (утв. 2 фев. 1919), с мар. 1919 управляющий военно-морской базой Одессы, с 20 авг. 1919 командующий Черноморским флотом. Эвакуирован из Крыма на корабле «Вел. князь Александр Михайлович» и в Салоники на корабле «Константин». На май 1920 и к лету 1921 в Югославии. В эмиграции там же. Ум. 3 (5) июля 1929 в Белграде.

¹⁷⁶ **Бубнов Александр Дмитриевич,** р. 6 мая 1883 в Варшаве. Сын офицера. Гимназия 1900, Морской корпус 1903, Морская академия 1913. Контр-адмирал, и. д. нач. Морского управления Ставки ВГК (1917). После 25 окт. 1917 уволился с флота и выехал в Париж. Дек. 1918 — начало 1919 член русской делегации на Версальской мирной конференции от правительства адм. Колчака. Во ВСЮР и Русской армии; с 20 авг. 1919 до 8 фев. 1920 нач. штаба Черноморского флота. Эвакуирован в Турцию. 29 июня (2 окт.) 1920 возвратился в Русскую армию в Крым (Севастополь) на транспорте «Константин». В эмиграции во Франции и Югославии; 1923–1941 профессор в югославской Морской академии. Ум. 2 фев. 1963 в Кралье (Югославия).

- ¹⁷⁷ **Сухенко Антон**. 4-я Тифлисская школа прапорщиков 1915. Сотник Кубанского казачьего войска. В Добр. армии и ВСЮР в составе 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 13 нояб. 1918 подьесаул. В фев. 1920 командир партизанского отряда в районе ст. Новоминской. Есаул.
- ¹⁷⁸ **Третьяков Николай Александрович**, р. 1877. Тифлиссский КК 1894, Михайловское артил. училище 1897, Михайловская артил. академия. Офицер л.-гв. 3-й артил. бригады. Полковник, командир дивизиона л.-гв. Стрелковой артил. бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 2 янв. 1918; командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 мар. 1918 командир 4-й батареи, с мар. 1918 при штабе ген. Маркова, затем командир 1-го легкого артдивизиона, с 4 апр. 1919 командир 1-й арт. бригады, с июня 1919 командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, с июня 1919 нач. Алексеевской дивизии, с 16 окт. 1919 командир Алексеевской бригады. С 26 мар. 1920 нач. Марковской дивизии. Генерал-майор (1918). Застрелился 14 окт. 1920 у с. Днепровки.
- ¹⁷⁹ **Витковский Владимир Константинович**, р. 21 апр. 1885 в Пскове. Из дворян С.-Петербургской губ. 1-й КК 1903, Павловское ВУ 1905. Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добр. армии; с весны 1918 в отряде полк. Дроздовского, летом 1918 командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), с 24 июня 1918 командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 нояб. 1918 командир бригады 3-й дивизии с 18 дек. 1918 генерал-майор, с фев. 1919 начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской армии с 2 авг. 1920 командир 2-го армейского корпуса, с 2 окт. 1920 командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апр. 1920). На 28 дек. 1920 нач. 1-й пехотной дивизии и заместитель ген. Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на 1 июля 1925 в Софии, на дек. 1924 председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев в Нише (Франция), на 1 мая 1938, 12 авг. 1940, 1958—1960 в Париже, председатель полкового объединения, на нояб. 1951 представитель объединения л.-гв. Кексгольмского полка в США, 1960 член правления ПРЭ. Ум. 18 янв. 1978 в Пало-Альто (США).
- ¹⁸⁰ **Романовский Иван Павлович**, р. 16 апр. 1877 в Луганске. Из дворян, сын офицера. 2-й Московский КК 1894, Константиновское артил. училище 1897, АГШ 1902. Офицер л.-гв. 2-й артил. бригады. Генерал-майор, 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего. Георгиевский кавалер. Участник выступлений ген. Корнилова, быховец. В Добр. армии с нояб. 1917, с дек. 1917 нач. строевого отдела штаба Добр. армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с фев. 1918 нач. штаба Добр. армии, с 8 янв. 1919 нач. штаба Главнокомандующего ВСЮР, затем помощник Главнокомандующего ВСЮР; уволен 20 мар. 1920. Генерал-лейтенант (с 12 нояб. 1918). Эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апр. 1920.
- ¹⁸¹ **Драгомиров Абрам Михайлович**, р. 21 сен. 1868 в С.-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерала от инфантерии. Пажеский корпус 1887, АГШ 1893. Офицер л.-гв. Семеновского полка, нач. 16-й кав. дивизии, командир 9-го армейского корпуса. Генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С авг. 1918 помощник Верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 окт. 1918 — сен. 1919 одновременно предс. Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 11 сен. 1919, дек. 1919 главноначальствующий и командующий войсками Киевской обл. С 8 мар. 1919 зам. председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сен. 1920 председатель кавалерской думы Ордена Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), член Общества офицеров Ген. штаба и Общества кавалеров ордена Св. Георгия, с 1924 генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 во Франции, руководитель особой работы РОВС, к 1 янв. 1934 член, затем председатель Общества офицеров Ген. штаба. В годы 2-й мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества Ветеранов. Ум. 9 дек. 1955 в Ганьи (Франция).
- ¹⁸² **Колтышев Петр Владимирович**, р. 27 мая 1894 в Ораниенбауме. Псковский КК 1911, Павловское ВУ 1913, курсы академии Генштаба 1917. Капитан, и.д. начальника шта-

ба 2-й стрелковой дивизии. В Добр. армии и ВСЮР; участник похода Яссы-Дон в составе штаба Стрелкового полка отряда полк. Дроздовского, оперативный адъютант; с июня 1918 нач. штаба 3-й пехотной дивизии, с 8 авг. 1918 в распоряжении генерал-квартирмейстера Добр. армии, нач. штаба сводного отряда под Ставрополем, затем — Манычского отряда ген. Станкевича, с сен. 1918 подполковник, старший помощник начальника оперативного отдела штаба Добр. армии до мар. 1920. В Русской армии летом 1920 пом. командира 1-го Дроздовского полка до эвакуации Крыма. Дважды тяжело ранен. Полковник (с 14 апр. 1920). На 1 авг. 1922 в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции, таксист. Ум. 9 авг. 1988 в Сен-Женевьев-де-Буа.

¹⁸³ **Иванис Василий Николаевич.** Подпоручик. В Добр. армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: фев. — мар. 1918 в 4-й батарее, затем в 1-й батарее. Весной 1920 председатель Кубанского пр-ва. В эмиграции.

¹⁸⁴ **Воронович Николай Владимирович,** р. 25 апр. 1887. Пажеский корпус 1908. Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, 1917 председатель Лужского Совдепа. 1918—1920 командир армии «зеленых» на Черноморском побережье. В эмиграции в США. Ум. 18 июля 1967.

¹⁸⁵ **Эрдели Иван Георгиевич,** р. 15 окт. 1870. Из дворян Херсонской губ. Николаевский КК 1888, Николаевское кав. училище 1890, АГШ 1897. Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал от кавалерии, нач. 14-й кавалерийской дивизии, 2-й гвардейской кав. дивизии, командующий Особой армией. Георгиевский кавалер. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добр. армии с нояб. 1917; янв. — мар. 1918 представитель Добр. армии при Кубанском пр-ве. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир отдельной конной бригады. С июня 1918 нач. 1-й конной дивизии, с 31 окт. 1918 в распоряжении Главнокомандующего, с 16 апр. 1919 командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до мар. 1920 нач. Владикавказского отряда. Эвакуирован. 20 июля 1920 прибыл из Севастополя в Варну на корабле «Цесаревич Георгий». 24 авг. 1920 возвратился в Русскую армию в Крым на корабле «Русь». В Русской армии в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции во Франции, с 1930 предс. Союза офицеров-участников войны во Франции, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Ген. штаба, с июня 1934 нач. 1-го отдела РОВС. Ум. 30 июля 1939 в Париже.

¹⁸⁶ **Андгуладзе Георгий Бежанович,** р. 17 окт. 1864. Из крестьян. В службе с 1883. Тифлисское ВУ 1888. Офицер 151-го пех. полка. Генерал-майор, командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР; в июне 1918 ему поручена организация центра в Тирасполе, с 23 нояб. 1918 формировал в Симферопле сводный полк 13-й пех. дивизии, с 8 фев. 1919 командир Крымского сводного пех. полка. Во ВСЮР и Русской армии нач. 13-й пех. дивизии, авг. 1920 командир группы войск из 13-й и 34-й дивизий. Генерал-лейтенант (30 дек. 1920). В эмиграции председателя объединения 13-й пех. дивизии. Ум. 23 мар. 1948 в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

¹⁸⁷ **Гравицкий Георгий (Юрий) Константинович,** р. 4 апр. 1883 в Новгороде-Северском. Из мещан. Новгород-Северское городское училище, Чугуевское пехотное ЮУ 1902 (офицером с 1903). Офицер 126-го пех. полка. Полковник, командир 428-го пехотного полка. В Добр. армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 10 авг. 1919 командир Сводно-стрелкового полка, с 1 авг. 1920 командир 2-го Марковского полка, затем командир Алексеевского полка, затем нач. Марковской дивизии. Генерал-майор. Орд. Св. Николая-Чудотворца. Галлиполиец; подвергнут взысканию по суду за участие в возвращенческом движении. В 1922 вернулся в СССР, инспектор пожарного отдела управления ВОХР ВСНХ. Арестован 30 авг. 1930. Расстрелян по делу «Казачьего блока» 8 апр. 1931 в Москве.

¹⁸⁸ **Харжевский Владимир Григорьевич,** р. 6 мая 1892. Прапорщик запаса, студент Горного ин-та. Штабс-капитан. В Добр. армии и ВСЮР с 19 фев. 1918 в отряде полк. Дроздовского; участник похода Яссы-Дон в составе 2-й роты Стрелкового полка, затем в 1-м Дроздовском полку (капитан), с 6 дек. 1919 командир 2-го Дроздовского полка,

- с осени 1920 начальник Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с сен. 1920). Галлиполиец. На 1 авг. 1922 и осенью 1925 в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, Чехословакии. Окончил Горный институт в Праге, горный инженер. С 1945 в Германии, с 1949 бухгалтер в Марокко, с 1956 в США. Предс. объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев, с 27 янв. 1957 1-й помощник начальник РОВС, 19 мая 1967 — начало 1979 начальник РОВС и Дроздовского объединения. Ум. 4 июня 1981 в Лейквуде (США).
- ¹⁸⁹ **Кутателадзе Даниил Ефимович.** Павловское ВУ 1906. В Добр. армии и ВСЮР в Самурском полку; уст. старшинство в чине полковника с 20 авг. 1919. Погиб (утонул) в нач. апр. 1920 в операции у Геническа.
- ¹⁹⁰ **Абрамов Федор Федорович,** р. 23 дек. 1870. Из дворян ОВД, сын генерал-майора, ст. Митякинской. Полтавский КК 1888, Александровское ВУ (не окончил), Николаевское инж. училище 1891, АГШ 1898. Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с янв. 1918, до 11 фев. 1918 командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии с 4 мая 1918, с 10 мая 1918 нач. 1-й Донской конной дивизии, 28 окт. 1919 — 24 мар. 1920 инспектор кавалерии Донской армии, с 25 мар. 1920 в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 командир Донского корпуса, с 10 окт. 1920 — командующий 2-й армией Русской армии. Генерал-лейтенант (с 26 авг. 1918). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 дек. 1920 — командир Донского корпуса и помощник Главнокомандующего. В эмиграции с 8 сен. 1921 в Болгарии (11 окт. 1922 — 1924 в Югославии) 1923—1924 член Общества офицеров Ген. штаба, 1 сен. 1924 — 22 сен. 1937 нач. 3-го отдела РОВС, с янв. 1930 пом. председателя РОВС, 22 сен. 1937 — 23 мар. 1938 начальником РОВС. Участник формирования казачьих частей во время 2-й мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 в Германии, с 1948 в США. На нояб. 1951 почетный председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. Ум. 8 мар. 1963 в Лейквуде (США).
- ¹⁹¹ **Граф дю Шайла Александр Максимович.** Из дворян Могилевской губ. Петербургская духовная академия, офицерский экзамен 1917. Прапорщик, помощник старшего адъютанта штаба 8-й армии. В Донской армии; на 5—28 янв. 1919 хорунжий, переводчик в разведывательном отделе штаба Донской армии. Фев. — мар. 1920 нач. политического отдела штаба Донского корпуса, редактор газеты «Донской вестник». Сотник. 6 апр. 1920 отдан под суд за попытки сеять рознь между казаками и добровольцами. Вышел в отставку окт. 1920 подьесаулом. В эмиграции к 1922 стал большевистским агентом в Болгарии.
- ¹⁹² **Турбин Александр Федорович,** р. 12 янв. 1858. Московская военная прогимназия 1874, С.-Пб. пехотное ЮУ 1877. Офицер л.-гв. Финляндского полка, командир л.-гв. Волынского полка. Генерал-лейтенант, командир 5-го Сибирского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской армии; с 20 июля 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с окт. 1919 Подольский губернатор, мар. — до 8 апр. 1920 комендант крепости Севастополь. В эмиграции в Чехословакии. Ум. 9 сен. 1922 в Ужгороде (Чехословакия).
- ¹⁹³ **Пиленко Дмитрий Юрьевич,** р. 1893. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1915. Подпоручик 50-й артил. бригады. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м отдельном артил. дивизионе, затем в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Поручик (с 11 янв. 1919). Ум. от тифа 9 апр. 1920 в Севастополе.
- ¹⁹⁴ **Лавринович Николай Николаевич.** Подпоручик. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Штабс-капитан.
- ¹⁹⁵ **Никольский Константин Алексеевич (Александрович),** р. 15 июня 1895. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Капитан. После 1945 — в Аргентине. Ум. 29 фев. 1960 в Буэнос-Айресе.

- ¹⁹⁶ **Агеев Н.П.** Товарищ председателя Донского войскового Круга, член Южно-Русского правительства. Расстрелян большевиками по делу «Казачьего блока» 3 апр. 1931 в Москве.
- ¹⁹⁷ **Писарев Петр Константинович**, р. 17 дек. 1874 на Дону. Из дворян ОВД, сын офицера, казак ст. Иловлинской. Атаманское техническое училище. В службе с 1893, Новочеркасское казачье ЮУ 1898 (офицером с 1899). Офицер 5-го Донского казачьего полка. Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добр. армии с янв. 1918 в партизанском отряде полк. Краснянского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона и помощник командира Партизанского полка, с июня 1918 командир Партизанского (затем Алексеевского) полка, с 12 нояб. 1918 генерал-майор, с 15 дек. 1918 командир бригады 2-й дивизии, с 19 янв. 1919 командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской армии, с 10 апр. 1919 нач. 2-й Донской стрелковой бригады, с 27 июня 1919 нач. 6-й пех. дивизии, с авг. 1919 командир 1-го Кубанского корпуса, с 15 июля по сен. 1919 также нач. гарнизона Царицына, с 9 сен., на 5 окт. 1919 нач. Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. Прибыл в Крым во главе остатков Донских и Кубанских казачьих частей, избежавших капитуляции на Кавказском побережье. С начала апр. 1920 комендант крепости и градоначальник Севастополя, с 24 апр. 1920 командир Сводного корпуса, с 7 июля 1920 — конного корпуса, с 1 авг. 1920 — 1-го армейского корпуса Русской армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с авг. 1919). В эмиграции в Греции, 1920—1921 представитель Донского атамана, к 1 янв. 1922 член Общества русских монархистов в Греции, затем в Югославии и Франции, с 1937 председатель Союза Первоходников. Ум. 22 дек. 1967 в Шель (Франция).
- ¹⁹⁸ **Носович Анатолий Леонидович**, р. 27 окт. 1878. Из дворян. Псковский КК 1897, Николаевское кав. училище 1899, АГШ 1910. Полковник, командир л.-гв. Уланского Его Величества полка. С мая 1918 с одобрения Московской организации армии поступил на службу в РККА, нач. штаба Северо-Кавказского ВО, бежал 11 окт. 1918, с того же числа в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской армии нач. тылового района по борьбе с партизанском движением. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, член Общества офицеров Ген. штаба. Ум. 25 янв. 1968 в Ницце (Франция).
- ¹⁹⁹ **Ширков Владимир Николаевич**. Константиновское артил. училище 1916. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского ардивизиона в Болгарии. Штабс-капитан.
- ²⁰⁰ **34-я пехотная дивизия**. Сформирована во ВСЮР 10 нояб. 1919 из офицерского кадра полков этой дивизии Императорской армии при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 дек. входила в состав 3-го армейского корпуса. Ее ядром послужили пехотные части Екатеринославского отряда, пришедшие в Крым в конце дек. 1918 и вошедшие в состав 4-й пехотной дивизии как Сводный полк 34-й пехотной дивизии. В Русской армии с 7 июля 1920 входила в состав 2-го армейского корпуса. На 16 апр. 1920 включала 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский (1-я бригада), 135-й Керчь-Еникальский и 136-й Таганрогский (2-я бригада) пехотные полки, 34-ю артил. бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 7-й отдельной инженерной роты), с 4 сен. 1920 — также и Отдельный конный Симферопольский дивизион.
- ²⁰¹ **Морозов Василий Иванович**, р. 30 окт. 1888 в ст. Семикаракорской ОВД. Из казаков той же станицы. Новочеркасское казачье училище 1908. Офицер 7-го Донского казачьего полка. Подъесаул, командир сотни 58-го Донского казачьего полка. В Донской армии; 1919 командир 76-го Донского каз. полка, 6-го Донского каз. полка, с нояб. 1919 полковник, с янв. 1920 командир конного отряда своего имени, с фев. 1920 командир 2-й Донской отдельной бригады, с 29 мар. 1920 нач. Сводной конной дивизии, с 4 мая 1920 — 2-й Донской конной дивизии, с 8 авг. 1920 — 2-й кав. дивизии, с 16 сен. 1920 в распоряжении Донского атамана, на 1 окт. 1920 командир 2-й бригады 1-й Донской конной дивизии. Генерал-майор (29 мар. 1920). Орден Св. Николая Чудотворца 2 окт.

1920. Был на о. Лемнос, с 12 дек. 1920 командир 2-й бригады 1-й Донской дивизии. Осенью 1925, на 1931 нач. Донского офицерского резерва в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Ум. 30 янв. 1950 в Клагенфурте (Австрия).
- ²⁰² **13-я пехотная дивизия.** Сформирована во ВСЮР 10 нояб. 1919 при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 дек. входила в состав 3-го армейского корпуса. Ее ядром послужил Сводный полк 13-й пех. дивизии. В Русской армии с 7 июля 1920 входила в состав 2-го армейского корпуса. На 16 апр. 1920 включала 49-й Брестский, 50-й Белостокский (1-я бригада), 51-й Литовский и 52-й Виленский (2-я бригада) пехотные полки, 13-ю артил. бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту, с 4 сен. 1920 — также и Отдельный конный Виленский дивизион.
- ²⁰³ **Агоев Владимир Константинович,** р. 4 апр. 1885 в ст. Ново-Осетинской Терской области, казак ст. Черноярской. Сын урядника. Реальное училище приюта пр. Ольденбургского, Алексеевское ВУ 1906. Офицер 1-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. Полковник (с 1917), командир 1-го Волгского полка Терского каз. войска. Один из организаторов Терского восстания, с июня 1918 нач. войск Пятигорской линии, авг. — сен. 1918 командующий Терскими войсками. Тяжело ранен окт. 1918 под ст. Марьинской. В Добр. армии и ВСЮР; командир бригады, затем состоял по Терскому каз. войску, с 29 июня 1919 генерал-майор, с 22 июля 1919 нач. 1-й Терской казачьей дивизии, в Русской армии нач. 3-й конной и 1-й кав. дивизий. Убит 12 (18) авг. 1920 у с. Агайман в районе Сергозов.
- ²⁰⁴ **Назаров Федор Дмитриевич.** Из казаков ст. Ново-Николаевской ОВД, сын учителя. Новочеркасское казачье училище 1916. Хорунжий 2-го Донского запасного казачьего полка. В Донской армии; с нояб. 1917 нач. партизанского отряда. Участник боев у Ростова в нояб. 1917 и под Синявской в янв. 1918. Участник Степного похода: нач. собственного отдельного отряда. В апр. 1918 во время общедонского восстания формировал отряд в д. Орловке, затем член Войскового круга ВВД. Сотник (с 6 окт. 1918; ств. 8 фев. 1918). 1918—1919 есаул, командир 42-го Донского казачьего полка, с конца 1919 командир бригады. Участник Бредовского похода. Прибыл из Польши в Крым. Полковник. В Русской армии в авг. 1920 нач. десантного отряда, высадившегося у ст. Ново-Николаевской. По возвращении — до эвакуации Крыма. В эмиграции на 1922 в Болгарии, затем на Дальнем Востоке, в 1920-х командир отряда в Монголии, с 6 нояб. 1927 в Китае, затем в СССР во главе партизанского отряда. Покончил самоубийством в окружении 17 июня 1930 (или в начале авг. 1931 у ст. Пограничной).
- ²⁰⁵ **Кельнер Константин Александрович,** р. 23 янв. 1879. Из дворян, сын генерал-майора. 1-й КК, Павловское ВУ. Полковник, командир 9-го стрелкового полка. Участник похода Яссы — Дон в составе Стрелкового полка. В Добр. армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 23 июня до июля 1918 командир Солдатского батальона, затем полка, с 18 янв. 1919 командир 2-го Офицерского полка (27 янв. 1919 уст. ст.-во в чине); сен. — нояб. 1919 командир 1-й бригады 3-й пехотной (затем Дроздовской) дивизии, с мая 1920 пом. начальника (летом 1920, до 6 авг. врид начальника) той же дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. 1922 выслан из Болгарии. Осенью 1925 в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Генерал-майор. В эмиграции там же. С 1945 в Австрии, затем в Венесуэле. Ум. 1969.
- ²⁰⁶ **2-й гусарский Павлоградский полк Императорской армии** был возрожден во ВСЮР 18 сен. 1919: дивизион полка был сформирован из Саратовского конного дивизиона. Прикомандирован к Астраханской казачьей дивизии. В окт. 1919 входил в 1-й Кубанский корпус. С 16 апр. 1920 эскадрон полка входил во 3-й, с 8 авг. 1920 — во 2-й, с 22 авг. 1920 — в 4-й кавалерийский полк.
- ²⁰⁷ **Пашкевич Яков Антонович.** Поручик. В Добр. армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, нач. пулеметной команды полка; с 26 дек. 1918 капитан. В начале 1919 нач. учебной команды Корниловского полка, с мая 1919 командир 2-го Корниловского полка. Полковник (с 8 окт. 1919; одновременно с чином подполковника). Орд. Св. Николая Чудотворца. Убит 15 июля 1920 в с. Большой Токмак в Сев. Таврии.

- 208 **Мазинг Ричард Ричардович.** Студент. Подпоручик. Участник похода Яссы — Дон. В Добр. армии и ВСЮР в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Поручик. Убит 29 июля 1920 под Полугородом.
- 209 **6-я пехотная дивизия.** Сформирована в Русской армии. С 7 июля 1920 входила в состав 1-го, с 4 сен. 1920 3-го, а с конца окт. 1920 — 2-го армейских корпусов. С 4 сен. 1920 включала Кавказский стрелковый, Самурский (1-я бригада), 25-й пехотный Смоленский и Сводно-стрелковый (2-я бригада) полки, 6-ю артил. бригаду, запасный батальон, отдельную инженерную роту и Отдельный конный генерала Алексеева дивизион.
- 210 **Якубовский Владимир.** Студент. Подпоручик. В Добр. армии и ВСЮР в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады. Убит 5 авг. 1920 у Гейдельберга.
- 211 **Богданов Виталий Андреевич,** р. 1898. Одесский КК 1916, Константиновское артил. училище 1917. Прапорщик 26-й артил. бригады. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м отдельном артдивизионе, 1919 в Дроздовской конной батарее. В Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Ранен 5 авг. 1920 у Гейдельберга. Подпоручик (11 янв. 1919). Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Капитан. Ум. 29 июня 1973 в Париже.
- 212 **2-я Донская конная дивизия.** Сформирована в Русской армии 1 мая 1920 из частей 2-го и 4-го Донского отдельного корпуса как 2-я Донская дивизия (две бригады, конный и конно-артил. дивизионы и запасный батальон), с 4 сен. — конная. Входила в состав Донского корпуса. Состав: 3-й Калединский, 4-й Назаровский (1-я бригада), 5-й атамана Платова, 6-й атамана Ермака и Зюнгарский (2-я бригада) конные полки, 2-й Донской запасный конный дивизион и 2-й Донской конно-артил. дивизион.
- 213 **3-я Донская дивизия.** Сформирована в Русской армии 1 мая 1920 из частей 1-го и 3-го Донских отдельных корпусов как пешая (две бригады, конный и 1-й Донской легкой артил. дивизионы и запасный батальон). С 4 сен. 1920 входила в состав Донского корпуса. Состав: Гундоровский Георгиевский полк, 7-й, 10-й (1-я бригада), 18-й и 8-й (2-я бригада) Донские конные полки, 3-й Донской запасный батальон, 3-й Донской конный дивизион и 1-й Донской легкой артдивизион.
- 214 **Лейб-гвардии Атаманский полк Императорской армии** был возрожден в Донской армии. Офицерами полка в мае 1918 был укомплектован состав 2-го полка Молодой армии, который вскоре получил прежнее наименование и старый штандарт. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии.
- 215 **Лейб-гвардии Казачий полк Императорской армии** был возрожден в апр.- мае 1918 в Донской армии. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии.
- 216 **Скоблин Николай Владимирович,** р. 1894. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 1-го Ударного отряда и Корниловского ударного полка. В Добр. армии с нояб. 1917 с полком. Капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: помощник командира полка, капитан. С 1 нояб. 1918 командир Корниловского полка, с 12 нояб. 1918 полковник, с 26 мар. 1920 нач. Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 26 мар. 1920). На 18 дек. 1920 в штабе Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, 1930 завербован ГПУ и участвовал в похищении ген. Миллера; 1937 бежал в Испанию. Ум. 1938.
- 217 **Татаркин Григорий Васильевич,** р. 27 нояб. 1873. Из казаков ст. Новочеркасской ОВД, сын коллежского асессора. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское казачье ЮУ 1895 (офицером с 1896), АГШ. Офицер 16-го Донского казачьего полка. Полковник, командир 33-го Донского казачьего полка. Участник Степного похода. В Донской армии; командир отряда своего имени, в конце апр. 1918 командир 1-го конного полка Северного казачьего отряда Южной группы, с 19 мая 1918 командир Северного отряда, с 17 июля 1918 командир 1-го конного отряда, на 29 авг. 1918 генерал-майор, командир отряда войск Усть-Медведицкого района, с 11 мар. 1919 начальник 4-й конной дивизии, с 12 мая 1919 командир 9-й Донской конной бригады, 19 окт. 1919 пом.

- начальника 2-й Донской конной дивизии. В Русской армии в июне 1920 командир бригады той же дивизии, с 18 авг. 1920 нач. 2-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма (и на 15 янв. 1921). Генерал-лейтенант (19 окт. 1919). Был на о. Лемнос. 1921 нач. 1-й Донской каз. дивизии. 1922 выслан из Болгарии в Сербию, осенью 1925 в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции в Белграде. Во время Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих частей германской армии и РОА. С 1942 Донской атаман. Ум. 14 окт. 1947 под Мюнхеном.
- ²¹⁸ **Дрон Владимир Степанович.** Виленское ВУ 1913. Капитан. В Добр. армии во 2-м офицерском стрелковом (Дроздовском) полку. Во ВСЮР и Русской армии пом. командира, затем командир 3-го Дроздовского полка. Орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. Убит окт. 1920 на Перекопе.
- ²¹⁹ **Фостиков Михаил Архипович,** р. 25 авг. 1886. Из казаков ст. Баталпашинской Кубанской области, сын вахмистра, внук офицера. Ставропольское реальное училище, Алексеевское ВУ 1908, АГШ 1917. Офицер 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска. Войсковой старшина, командир сотни 4-го Сводного Кубанского (Ставропольского) казачьего полка и конного отряда особого назначения. С 1 апр. по 6 июля 1918 в подпольных станичных организациях. В Добр. армии; в июле 1918 в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 полковник. Летом 1919 командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, с 5 июня 1919 генерал-майор, сен.-дек. 1919 командир 1 Кубанского полка, с 10 дек. 1919 до 9 мар. 1920 начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; 10 раз ранен. В мар. 1920 командующий повстанческой «Армией Возрождения России» на Кубани, с которой в сентябре отошел в Грузию. В Русской армии начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант (с 17 окт. 1920). Был на о. Лемнос: командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Ум. 29 июля 1966 в Белграде.
- ²²⁰ **Барон Маннергейм Карл-Густав-Эмиль Карлович,** р. 4 июня 1867 в Вильянце под Або. Гельсингфорский лицей 1887, Николаевское кав. училище 1889. Генерал-лейтенант, командир л.-гв. Уланского Его Величества полка, нач. отдельной гвардейской кав. бригады, нач. 12-й кав. дивизии, командир 6-го кав. корпуса. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Финляндии. Главнокомандующий белой армией, к маю 1918 очистил Финляндию от красных, до июля 1919 регент Финляндии, с 1939 Главнокомандующий финской армией. Фельдмаршал. Ум. 27 янв. 1951 в Швейцарии.
- ²²¹ **Фон Глазенап Петр-Владимир-Василий Владимирович,** р. 3 мар. 1882 в Гжатске. Из дворян Лифляндской губ., сын офицера. 1-й Московский КК 1901, Николаевское кав. училище 1903, Офицерская кав. школа 1913. Офицер 13-го драгунского полка. Ротмистр гвардейского запасного кав. полка. Полковник, командир особого ударного отряда своего имени. В Добровольческой армии с дек. 1917. участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 мар. 1918 командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады, с 9 окт. 1918 начальник 4-й дивизии, затем Ставропольский военный губернатор, с 23 мар. 1919 нач. Сводно-Горской конной дивизии, с 27 мар. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (с 12 нояб. 1918 генерал-майор), отчислен с 8 окт. 1919. С лета 1919 в Северо-Западной армии; с 18 окт. 1919 генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник Главнокомандующего, 26 нояб. 1919 — 22 янв. 1920 командующий Северо-Западной армией. Орден Св. Влад. 3-й ст. с меч. 22 окт. 1919. Генерал-лейтенант (с 24 нояб. 1919). Весной 1920 формировал и до авг. 1920 командовал 3-й Русской Армией в Польше, затем формировал Русский легион в Венгрии, с 1922 в Германии, с 1925 в Данциге, с 1939 в Варшаве. С 1946 организатор и председатель Союза Андреевского флага. Ум. 27 мая 1951 в Мюнхене.
- ²²² **Мельников Вячеслав Петрович.** Сибирской КК 1901, Михайловское артил. училище 1903. Офицер 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка. Полковник. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма; летом 1920 командир батальона в 1-м Дроздовском полку, затем до сен. 1920 командир того

же полка. Галлиполиец; 1920—1924 подвергнут взысканию по суду за участие в возвращенческом движении. Осенью 1925 в составе Дроздовского полка в Болгарии.

²²³ **Чеснаков Николай Владимирович**, р. 1880 в Вильне. Полоцкий КК 1899, Константиновское артил. училище 1901. Полковник, командир гаубичной батареи. В Добр. армии и ВСЮР в 3-й артил. бригаде, с 24 авг. 1919 командир 3-й батареи; окт., на 30 дек. 1919 командир 1-й батареи Дроздовской артил. бригады. В Русской армии командир той же батареи, с сен. 1920 командир 1-го Дроздовского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор (нояб 1920). Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского полка в Югославии. В эмиграции там же (Белград), к 1940 член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. 14 нояб. 1944 (1946) в Нови-Саде (Югославия).

²²⁴ **Репьев Михаил Иванович**, р. 14 сен. 1865. Из дворян Симбирской губ. Симбирский КК 1882, Константиновское ВУ 1884, Офицерская артил. школа 1908. Офицер 91-го пехотного полка. Генерал-майор, нач. 166-й пехотной дивизии и врид командира 18-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР в распоряжении Черноморского военного губернатора, сен. 1918 инспектор артиллерии Астраханского корпуса, 1-го армейского корпуса, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 24 июля, в сен. — окт. 1919 инспектор артиллерии 5-го кав. корпуса, с 13 нояб. 1919 — войск Киевской области, затем в резерве чинов войск той же области, с 8 дек. 1919 в резерве чинов войск Новороссийской области (на 25 мар. 1920 не прибыл), начальник обороны Новороссийска. Эвакуирован. 30 мая 1920 возвратился в Русскую армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской армии инспектор артиллерии 1-й армии, окт. 1920 инспектор артиллерии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (27 янв. 1919). На 18 дек. 1920 в Галлиполи, инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса. В эмиграции апр. 1922 в Болгарии, затем в Югославии, с 1924 в Париже. Первый председатель Главного правления Общества Галлиполийцев и Общества Галлиполийцев во Франции, член Общества офицеров-артиллеристов, в 1931 помощник по строевой и хозяйственной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, с 1933 помощник командира 1-го арм. корпуса. Председатель Общества офицеров-артиллеристов во Франции, предс. объединения Симбирского КК. Ум. 29 апр. 1937 в Париже.

²²⁵ **Бодовский Станислав**. Константиновское артил. училище 1917. Прапорщик. В Добр. армии и ВСЮР в 4-й батарее Дроздовской артил. бригады. Штабс-капитан. Убит 30 сен. 1920 под д. Рождественское.

²²⁶ **Драченко Даниил Павлович**, р. 8 дек. 1876. Из мещан. Одесское пехотное ЮУ 1897, АГШ 1908. Офицер 37-го пех. полка. Полковник, командир 153-го пех. полка. В начале 1918 командир русского корпуса в Закавказье. В Добр. армии и ВСЮР; с 17 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 мар. 1919 нач. 4-й Терской отдельной пластунской бригады, затем нач. 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 нач. Астраханского отряда, командующий войсками западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления, с 1920 представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуме. В Русской армии в авг. 1920 нач. штаба группы войск ген. Улагая во время Кубанского десанта, затем нач. штаба 2-й армии, с 2 сен. до 2 окт. 1920 командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров Ген. штаба и Общества кавалеров ордена Св. Георгия, к 1931 нач. Загребского отдела РОВС и предс. комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Ум. 1941—1945.

²²⁷ **2-я кавалерийская дивизия**. Сформирована в Русской армии 28 апр. 1920 как 2-я конная (с 8 авг. 1920 кавалерийская) дивизия из Отдельной кав. бригады. Входила в 1-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 — в Конный корпус. Состав: 5-й, 6-й и 7-й кав. полки (1-я бригада), 3-й (из 2-й Донской конной бригады и Таврического конного дивизиона) и 4-й Донские казачьи полки (2-я бригада), Запасный конный полк (из 2 эскадронов запасного полка 9-й кавалерийской дивизии и 2 запасных Донских сотен), 4-й и 5-й конно-артил. дивизионы. С 7 июля 1920 включала 4-й, 5-й (1-я бригада), 6-й и 7-й (2-я бригада) кав. полки и 4-й конно-артил. дивизион, с 8-го авг.

1920 — 2-й, 4-й и Кавказский кав. полки, а с 22 авг. 1920 к ним добавился переданный из расформированной 1-й Отдельной кав. бригады 7-й кав. полк. С 4 сен. 1920 в состав дивизии возвращен 5-й конно-артилл. дивизион.

²²⁸ **Отдельная Терско-Астраханская казачья бригада.** Сформирована в апр. 1920 в Крыму из остатков терских и астраханских казачьих частей. С 28 апр. как Терско-Астраханская бригада входила в состав 3-й конной дивизии, с 7 июля — отдельная бригада. Летом 1920 входила в состав Группы войск особого назначения, участвовавшей в Кубанском десанте. С 4 сен. 1920, действуя отдельно в составе Русской армии, включала 1-й Терский, 1-й и 2-й Астраханские казачьи полки, Терско-Астраханский казачий конно-артилл. дивизион, Отдельный запасный Астраханский казачий дивизион и Отдельную Терскую запасную казачью сотню.

²²⁹ **Агоев Константин Константинович,** р. 23 мар. 1889 в ст. Ново-Осетинской Терской области, казак ст. Черноярской. Реальное училище приюта пр. Ольденбургского 1907, Николаевское кав. училище 1909, Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа. Офицер 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. Войсковой старшина, помощник командира 1-го Волгского полка. Георгиевский кавалер. С нояб. 1917 в Терской обл., участник Терского восстания: весной 1918 формировал (как и Шкуро — по мандату советских властей) партизанский отряд в Терской области, с 18 июня 1918 нач. конницы Пятигорской линии, врио командующего линией, с 27 сен. 1918 командир 1-го Терского казачьего полка. Тяжело ранен 16 нояб. 1918 под ст. Солдатской. С нояб. 1918 в Добровольческой армии; с 5 фев. 1919 командир 1-й бригады 1-й Терской казачьей дивизии, полковник, затем 2-й бригады (нояб. 1919), 4 апр. — 4 мая, 18 июня — 27 июля 1919 врид начальника 1-й Терской казачьей дивизии, командир Отдельной бригады, 1919 начальник Терско-Астраханской дивизии. В Русской Армии командир Терско-Астраханской казачьей бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 4 мая 1920). Был на о. Лемнос, командир Терско-Астраханского полка. В эмиграции в Болгарии, с 1930 в США. С 25 дек. 1952 по 1970 Терский атаман. Ум. 21 апр. 1971 в Стратфорде, Коннектикут (США).

²³⁰ **Семенов Григорий Михайлович,** р. 13 сен. 1890 в пос. Куранджинском ст. Дурулгуевской Забайкальской обл. Оренбургское казачье училище 1911. Офицер 1-го Верхнеундинского полка. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного пр-ва в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. Осенью 1917 член подпольной антисоветской организации в Петрограде. В белых войсках Восточного фронта; с 19 нояб. 1917 в боях с большевиками в Верхнеундинске, нач. сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 окт. 1918 командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 дек. 1918 командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 25 мая 1919 по 3 авг. 1919 командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 18 июля 1919 генерал-майор и помощник командующего войсками Приамурского ВО и главный нач. Приамурского края, с 11 нояб. 1919 командующий войсками Читинского (с 5 дек. Забайкальского) ВО, с 24 дек. 1919 главнокомандующий всеми вооруженными силами Д. Востока и Иркутского ВО, с 10 фев. 1920 главнокомандующий войсками Российской Восточной Краины. Одновременно с 19 нояб. 1918 походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апр. 1919 походный атаман Забайкальского и с 23 апр. 1919 Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апр. 1920 — походный атаман всех казачьих войск Российской Восточной Краины, с 28 апр. 1921 походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант (с 24 дек. 1919). В эмиграции в Китае, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». Арестован 22 авг. 1945 в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 авг. 1946 в Москве.

²³¹ **Пешня Михаил Александрович,** р. 1885 в Вильне. Из мещан. Гимназия, Виленское ВУ 1907, Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа 1910. Полковник, командир 73-го пех. полка. Георгиевский кавалер. В Добр. армии; с весны 1918 в Корниловском

ударном полку, в сен. 1918, командир 3-го батальона, с 24 июля 1919 командир 2-го Корниловского полка, затем командир 1-го Корниловского полка, с 13 нояб. 1919 командир бригады Корниловской дивизии, с 13 мая 1920 помощник начальника той же дивизии. В Русской армии с осени 1920 нач. Марковский дивизии. Генерал-майор (27 мая 1920). Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, с 1926 во Франции; таксист. 1920—1931 командир Марковского полка. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й вып). Ум. 4 дек. 1937 в Париже.

232 **1-я кавалерийская дивизия.** Сформирована 16 апр. 1920 в Русской армии в Крыму из входивших в состав прежней 1-й кав. дивизии Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го, 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских полков, состоявших в Крымском корпусе Туземного и Татарского полков, а также Сводной бригады Кабардинской дивизии, прибывающих из Сочи терцев и подразделений всех остальных гвардейских, 2-го Курляндского, 6-го Волынского, 11-го Чугуевского и 14-го Ямбургского уланских, 4-го Мариупольского, 5-го Александрийского, 6-го Клястицкого, 7-го Белорусского и 10-го Ингерманландского гусарских полков. Вошла в 2-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 — в Конный корпус. Состав: Гвардейский, 1-й (1-я бригада), 2-й, 3-й (2-я бригада), 4-й и 5-й (3-я бригада), кав. полки, Запасный конный полк (6 эскадронов), 1-й, 2-й и 3-й конно-артиллерийские дивизионы. 28 апр. 1919 реформирована в 1-ю конную дивизию (с 8 авг. 1920 снова кавалерийская) в составе Гвардейского, 1-го (1-я бригада), 2-го, 3-го и 4-го (2-я бригада) кав. полков, Запасного конного полка (5 эскадронов), 1-го и 2-го конно-артиллерийских дивизионов. 7 июля 1920 4-й кав. полк передан во 2-ю кав. дивизию, а с 8 авг. 1920 вместо переданного туда же 2-го кав. полка в ее состав введен из этой дивизии 6-й кав. полк. С 4 сен. 1920 включала вместо 2-го 3-й конно-артил. дивизион.

233 **7-я пехотная дивизия.** Сформирована в Русской армии. С 4 сен. 1920 входила в состав 3-го армейского, а с конца окт. 1920 — Кубанского корпусов. С 4 сен. 1920 включала 1-й Партизанский генерала Алексеева (см. Алексеевский полк) пехотный, Терский пластунский (1-я бригада), 1-й и 2-й Кубанские стрелковые (2-я бригада) полки, 7-ю артил. бригаду, запасный батальон, Отдельную Кубанскую инженерную сотню и Отдельный Запорожский Кубанский казачий дивизион.

234 **Потапов Исаакий.** Владимирское ВУ 1916. Подпоручик. В Добр. армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 18 июня 1919 поручик, к окт. 1919 штабс-капитан, помощник командира 3-го батальона в 1-м Дроздовском полку. 1920 капитан, командир батальона во 2-м Дроздовском полку. Орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. Тяжело ранен окт. 1920. Ум. от ран в Константинополе (или 27 окт. на Перекопе).

235 **Сохранский Алексей Васильевич,** р. 1897 в Тамбове. Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской армии на бронепоезде «Георгий Победоносец», с 28 нояб. 1919 капитан, окт. 1920 командир того же бронепоезда. Подполковник. Орд. Св. Николая-Чудотворца. Взят в плен 28 окт. 1920. Расстрелян большевиками 4 дек. 1920 в Джанкое.

236 **Пюжоль Александр Артурович.** Сын подполковника. 1-й КК, Михайловское артил. училище. Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. В эмиграции там же. Ум. 23 окт. 1964.

237 **2-й конный генерала Дроздовского полк.** (2-й офицерский конный полк, с 10 окт. 1919 — 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротм. Гаевским 5 мар. 1918 как Конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы — Дон. 29 апр. 1918 реформирован в Конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая — 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 22 мая 1919 входил в состав Отдельной кав. бригады. С 19 июня — осенью 1919 входил в состав 2-й бригады 2-й кав. дивизии. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кав. бригады и был интернирован в Польше. Дивизион полка

- (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апр. 1920 обращен на формирование Отдельной кав. бригады, с 28 апр. 1920 вошел в 5-й кав. полк. Из Польши полк прибыл 25 июля; 8 авг. 1920, соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона.
- ²³⁸ **Кейда Георгий Тимофеевич**. Произведен в офицеры за боевое отличие 1916. Прапорщик 2-го Заамурского конного полка. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 в 1-й полуроте авто-пулеметной роты Технического полка в Галлиполи. Поручик. В эмиграции во Франции. Ум. ок. 16 дек. 1958.
- ²³⁹ **Елецкий Анатолий Захарович**, р. 1896. Из крестьян Воронежской губ. 1-я Тифлисская школа прапорщиков 1916. Прапорщик. В Добр. армии и ВСЮР; дек. 1919 капитан в 1-м Дроздовском полку. В Русской армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма, командир 2-го Дроздовского полка. Подполковник. В Галлиполи командир батальона Дроздовского полка. Полковник. В эмиграции во Франции, к 1932 в Антибе.
- ²⁴⁰ **Кобаров Михаил Алексеевич**. Тверское кав. училище 1907. Штабс-ротмистр 7-го драгунского полка. В Добр. армии в отряде полк. Дроздовского; участник похода Яссы-Дон в составе Конного дивизиона, нояб. 1918 во 2-м конном (Дроздовском) полку, с 16 нояб. 1918 командир 3-го офицерского эскадрона, с 30 сен. 1919 ротмистр, с 26 апр. 1920 подполковник. В Русской армии авг. 1920 командир 2-го конного полка, затем конного дивизиона Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского полка в Югославии. В эмиграции в Болгарии. Ум. 10–11 июня (19 июля) 1962 в Веллингтоне (Новая Зеландия).
- ²⁴¹ **Росляков Михаил Сергеевич**, р. 14 фев. 1871. Симбирский КК 1889, Михайловское артиллерийское училище 1892. Офицер л.-гв. 3-й и л.-гв. 1-й артил. бригады. Генерал-майор, командир 5-й артиллерийской бригады, инспектор артиллерии 9-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР; в распоряжении Ставропольского военного губернатора, с 11 янв. 1919 нач. артиллерии Крымской пех. дивизии, с 27 окт. 1918 нач. артиллерии 4-й дивизии, с 1 июня 1919 в штабе войск Новороссийской области, сен. — окт. 1919 командир 4-й артил. бригады, с 11 дек. 1919 инспектор артиллерии 3-го армейского корпуса, к апр. 1920 инспектор артиллерии Крымского корпуса. В Русской армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с 18 апр. 1920). Галлиполиец, командир сводного конно-артил. дивизиона. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. 28–29 окт. 1929 в Нише (Югославия).
- ²⁴² **Выгран Владимир Николаевич**, р. 26 мар. 1889. Полоцкий КК 1907, Елисаветградское кав. училище 1910. Ротмистр (подполковник) 9-го уланского полка. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР; 1918 в гусарском Ингерманландском дивизионе, с 4 янв. 1919 полковник (уст. старшинство в чине с 20 авг. 1919), затем в эскадроне своего полка в Сводном полку 9-й кав. дивизии, в июне 1919 — фев. 1920 командир 9-го уланского полка в 9-й кав. дивизии. В Русской армии в мае 1920 командир бригады 2-й конной дивизии, командир Отдельной кав. бригады, затем 1-й кав. дивизии. Дважды тяжело ранен. Генерал-майор (с 1920). Галлиполиец, командир 1-й бригады Кавалерийской дивизии. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже и югославской армии. С 1938 нач. Кавалерийской дивизии, после 1945 председатель Русского эмигрантского комитета в Зальцбурге (Австрия) и директор русского кадетского корпуса в Версале, председатель объединения Офицеров кавалерии и Комитета помощи русским военным инвалидам. С 1949 в США, к 1969 сотрудник журнала «Военная Белья». Ум. 24 июня 1983 в Сан-Франциско (США).
- ²⁴³ **Попов Петр Викторович**, р. 31 мар. 1883. Пажеский корпус 1903, АГШ 1910. Офицер л.-гв. Конной артиллерии. Подполковник штаба Кавказской кав. дивизии, нач. штаба 2-й Забайкальской казачьей бригады. Во ВСЮР; в апр. — мае, летом 1919 командир Сводного полка Кавказской кав. дивизии. Полковник. В Русской армии коман-

дир 1-го кав. полка. В Галлиполи на той же должности. В эмиграции в Югославии. Ум. 22 апр. 1922 в Битоле, Македония.

²⁴⁴ **Глебов Иван Александрович**, р. 8 мая 1885. Из дворян Орловской губ. Таганрогская гимназия, Николаевское кав. училище 1908. Подполковник 5-го гусарского полка, помощник командира Крымского конного полка. В дек. 1917 командир 2-го Крымско-татарского полка. Участник боев в Крыму в янв. 1918 затем в Татарском полку Туземной дивизии до 22 июня 1918. Полковник. В Добр. армии; с 8 дек. 1918 командир эскадрона и дивизиона 5-го гусарского полка (к фев. 1919 в Ялте), с 3 мая (с 12 сен.) 1919 командир 5-го гусарского полка, в Русской армии командир 1-го и 2-го кав. полков до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец, командир 3-го кав. полка. В эмиграции в Югославии, 1938 руководитель Высших военно-научных курсов в Мариборе.

²⁴⁵ **Ряснянский Сергей Николаевич**, р. 18 сен. 1886. Из дворян. Полтавский КК 1904, Елисаветградское кав. училище 1906, АГШ 1914. Офицер 10-го гусарского полка. Капитан, в распоряжении нач. штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добр. армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в разведывательном отделе штаба армии. 23 мар. 1918 командирован к ген. П.Х. Попову. В апр. 1918 подполковник, нач. разведывательного (контрразведывательного) отдела штаба армии; с конца 1918 полковник, нач. штаба конной группы Донской армии, с 25 мар. 1920 в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, 24 апр. — 10 окт. 1920 командир Гвардейского кав. полка, сен. 1920 командир 2-й бригады 2-й кав. дивизии, 12—14 окт. 1920 врио командира Гвардейского кавалерийского полка. Галлиполиец, командир 4-го кав. полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, 1922—1923 преподаватель Николаевского кав. училища, член Общества офицеров Ген. штаба. Во время Второй мировой войны служил нач. штаба в 1-й Русской Национальной армии. После 1945 — в США, с 1954 нач. Северо-Американского отдела РОВС и зам. начальника РОВС, редактор «Вестника совета российского зарубежного воинства». Ум. 26 окт. 1976 в Нью-Йорке.

²⁴⁶ **Крейтер Владимир Владимирович**, р. 1889 (1890). Суворовский КК 1907, Николаевское кав. училище 1909, АГШ 1914—1915. Полковник 1-го гусарского полка, нач. штаба бригады. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР; с 1 окт. 1918 нач. особого отделения части Ген. Штаба Военного и Морского отдела, с 22 июля, осенью 1919 нач. штаба 1-й кав. дивизии. В Русской армии до эвакуации Крыма; нач. штаба конного корпуса ген. Барбовича, командир 2-й бригады 2-й кав. дивизии. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-майор. На 28 дек. 1920 нач. штаба Кавалерийской дивизии в Галлиполи. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже; на 1 апр. 1937 член Общества офицеров Ген. штаба. Служил в Русском Корпусе (нач. штаба корпуса). Издатель сборника о Суворовском КК (Париж, 1949). Ум. 23 июня 1950 в Дахау (Германия).

²⁴⁷ **Фок Анатолий Владимирович**, р. 3 июля 1879 в Оренбурге. Из дворян Новгородской губ. Псковский КК 1897, Константиновское артил. училище 1900. Офицер Кавказской гренадерской артил. бригады, Полковник, командир 51-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добр. армии с 4 июня 1918 рядовым в конно-горной батарее 3-й дивизии, с 2 июня 1918 командир 2-й конно-горной батареи, затем командир 1-го конно-горного артдивизиона, сен. 1918 командир артдивизиона 1-й конной дивизии, с 25 дек. 1918 инспектор артиллерии 1-го Кубанского корпуса и командир 2-го конно-артил. дивизиона, с 10 нояб. 1919 командир Кавказской стрелковой артил. бригады, с 18 нояб. 1919 — начальник тыла Кавказской армии, с мар. 1920 снова командир Кавказской стрелковой артил. бригады (с весны 1920 — Отдельного сводно-артил. дивизиона), апр. 1920 командующий артиллерией Перекопского укрепления, затем командир 6-й артил. бригады, с окт. 1920 инспектор артиллерии 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 19 авг. 1919). Галлиполиец, командир сводной артил. бригады. В эмиграции в Болгарии и Франции, в 1931 возглавлял группу 1-го армейского корпуса в Париже, член Общества офицеров-артиллеристов.

Окончил курсы Ген. Штаба в Париже. Доброволец армии ген. Франко, подпоручик испанской армии. Убит 4—6 сен. 1937 в Кинто де Эбро под Сарагоссой.

²⁴⁸ **Ерогин Лев Михайлович**. Сын капитана. 2-й КК 1902, Константиновское артил. училище 1904. Подполковник, командир батареи 18-й артил. бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; дек. 1917 — янв. 1918 командир 3-й офицерской батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир 3-й отдельной батареи, затем 1-й батареи 2-й артил. бригады. 1918 пер. в полковники (утв. с 6 нояб. 1919). Командир 2-й артиллерийской бригады, с 16 окт. 1919 — Корниловской артиллерийской бригады; в Русской армии на той же должности, с 27 окт. 1920 нач. Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В фев. 1921, осенью 1925 командир Корниловского арtdивизиона в Болгарии. В эмиграции в Польше, нач. отдела РОВС. Ум. 26 мар. 1941 в Варшаве.

²⁴⁹ **Машин Петр Николаевич**, р. 1 фев. 1877 в Харькове. Киевское ВУ 1905 (1907). Подполковник. В Добр. армии в отряде полк. Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, фев. — мар. 1918 старший офицер 4-й батареи, затем в 1-й батарее, апр. 1918 нач. хозяйственной части той же батареи, с 10 июля (3 авг.) 1918 командир 1-й батареи, с 16 дек. 1918 полковник, командир дивизиона 1-й артил. бригады, с 4 апр. 1919 командир 1-го дивизиона, с июня (авг.) 1919 командир Марковской артил. бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 6 июня 1920). Галлиполиец. Осенью 1925 в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии, до дек. 1926 командир Марковского артил. дивизиона. Ум. в эмиграции.

²⁵⁰ **Икишев Сергей Михеевич**, р. 20 июня 1874. Сын коллежского ассессора. 3-й Московский КК 1892, Александровское ВУ 1894, Офицерская артил. школа 1913. Офицер 25-й артил. бригады. Полковник 22-й артил. бригады, командир 180-го отдельного арtdивизиона. В Добр. армии с дек. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, инспектор артиллерии армии, с 12 фев. 1918 командир 1-го легкого арtdивизиона, летом (авг.) 1919 зам. нач. 6-й пехотной (затем Сводно-гренадерской) дивизии, затем командир Сводно-гренадерской артил. бригады, с 15 апр. 1920 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В апр. 1922 в Болгарии. В эмиграции в Югославии (Белград), член Общества офицеров-артиллеристов, к осени 1925 командир Алексеевского арtdивизиона. Ум. в Белграде.

²⁵¹ **Эрдман Павел Николаевич**, р. 1873. Московское пехотное ЮУ 1893 (офицером с 1894). Полковник, командир 2-й батареи 52-й артбригады, командир 1-го дивизиона 21-й артбригады. Генерал-майор. В начале 1918 командующий артиллерией Дагестанской армии, с осени 1918 командир 21-й артбригады ВСЮР, в сен. 1919 командир 3-го дивизиона 8-й артбригады. В Русской армии командир тяжелого арtdивизиона до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 18 дек. 1920 командир 5-го арtdивизиона. В апр. 1922 в Болгарии. Осенью 1925 в составе того же дивизиона в Югославии. В эмиграции там же, к 1940 член Общества офицеров-артиллеристов.

²⁵² **Баркалов Владимир Павлович**, р. 21 мар. 1882 в Киевской губ. Из дворян Курской губ. Орловский КК 1900, Константиновское артил. училище 1902. Офицер 2-й артил. бригады. Подполковник, командир батареи 132-го отдельного арtdивизиона. Георгиевский кавалер. Участник октябрьских боев с большевиками в Москве. В Добр. армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник разведывательного отдела штаба армии. Во ВСЮР и Русской армии в бронепоездных частях: на бронепоезде «Князь Пожарский», с 6 авг. 1919 командир бронепоезда «Грозный», с 19 сен. 1919, дек. 1919 командир 6-го бронепоездного дивизиона, с 17 мая 1920 до эвакуации Крыма командир 2-го бронепоездного дивизиона. Галлиполиец. На 30 дек. 1920 командир 6-го арtdивизиона (полковник). В апр. 1922 в Болгарии, осенью 1925 во Франции, член Общества офицеров-артиллеристов. Генерал-майор. Ум. 16. дек. 1941 в Париже.

²⁵³ **Достовалов Евгений Исаакович**, р. 26 июня 1882. Сын стат. совет. Сибирский КК 1900, Константиновское артил. училище 1902, АГШ 1912. Офицер 26-й артил. бригады. Полковник (с 1917), и.д. нач. штаба 15-й пехотной дивизии. В дек. 1917 помощник начальника штаба Крымских войск, 2 янв. 1918 взят в плен, освобожден и уехал из

Крыма (по другим данным — скрывался в Крыму до апр. 1918). В Добр. армии с весны 1918 в штабе 1-й дивизии до осени 1918; с 20 нояб. 1918 нач. Сальского отряда Донской армии, затем в прикомандировании к Кубанскому ВУ, с 27 авг. 1919 в распоряжении генерал-квартир. штаба Главнокомандующего ВСЮР, осенью 1919 генерал-майор, обер-квартирмейстер Добровольческого корпуса, мар. 1920 нач. штаба того же корпуса. В Русской армии нач. штаба 1-го армейского корпуса, с авг. 1920 — 1-й армии. Генерал-лейтенант. На 18 дек. 1920 нач. штаба 1-го армейского корпуса в Галлиполи. В эмиграции к 1922 в Греции; 1920—1924 подвергнут взысканию по суду. Вернулся в СССР, служил в РККА. Расстрелян 1938.

²⁵⁴ **Штейфон Борис Александрович**, р. 1881 в Харькове. Из мещан. Харьковское реальное училище, Чугуевское ВУ 1902, АГШ 1911. Георгиевский кавалер. Полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С 5 апр. 1918 в Харьковском центре Добр. армии (утв. 2 фев. 1919), летом 1918 нач. штаба Южной армии. Осенью 1918 нач. штаба 3-й пехотной дивизии; в начале 1919 командир Белозерского и Архангелогородского полков, нач. штаба Полтавского отряда, с дек. 1919 нач. штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован. 30 мая 1920 возвратился в Русскую армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской армии в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1920). Эвакуирован на корабле «Стегед». Галлиполиец, комендант города и лагеря Русской армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии; 1923—1924 член Общества офицеров Ген. штаба, нач. штаба и командир Русского Корпуса. Ум. 30 апр. 1945 в Загребе (Югославия).

²⁵⁵ **Лукин Евгений Дмитриевич**, р. 1884. Псковский КК 1901, Николаевское инж. училище 1903. Полковник. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 командир Технического полка в Галлиполи. В июле 1922 в лагере «Селемие». В эмиграции на 1922 в Венгрии. Осенью 1925, 1931 командир Технического батальона в Югославии, к 1939 председатель Общества Галлиполийцев в Югославии. Служил в Русском Корпусе. С 1949 в Парагвае, майор в парагвайской армии, служащий в техническом отделе. Председатель Общества Галлиполийцев. Ум. 24 июня (июля) 1957 в Асунсьоне.

²⁵⁶ **Апухтин Константин Валерианович**, р. 6 мар. 1881. Пажеский корпус 1902, АГШ 1911, Офицерская кав. школа. Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества и Крымского конного полков. Георгиевский кавалер. Полковник, командир 17-го уланского полка. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР с авг. 1919 из подполья в Одессе; нач. штаба гарнизона города и нач. штаба десантного отряда, занявшего Одессу в окт. 1919, на 6 нояб. 1919 командир 2-го Таманского полка Кубанского казачьего войска Днестровского отряда войск Новороссийской области, командир сводной конной бригады, Отдельной Боярской группы войск, нач. штаба отряда ген. Оссовского, нач. штаба 5-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода, нач. штаба отдельной кав. дивизии. В июне 1920 в лаг. Стржалково. 20 июля 1920 эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской армии командир Запасного кавалерийского полка до эвакуации Крыма. В фев. 1921 командир Запасного кав. дивизиона в Галлиполи. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже; на 1938 представитель полкового объединения в Югославии. С 1924 в КИАФ, с 1928 генерал-майор, с 1929 генерал-лейтенант, заведующий делами КИАФ, 1941 представитель Русского Корпуса в Югославии. Ум. 1945 в Югославии.

²⁵⁷ **Звягин Михаил Андреевич**. Полковник, командир 108-го пехотного полка. В Добр. армии; с 29 окт. 1919 командир Самурского полка, в апр. 1920 полковник, командир Алексеевской бригады (из Алексеевского и Самурского полков), нач. десанта у Генническа. В Русской армии нач. 6-й пехотной дивизии. Генерал-майор. В эмиграции комендант города Галлиполи до 29 янв. 1921. Осенью 1925 в составе Дроздовского полка в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Убит до 1945.

²⁵⁸ **Булак-Булахович Станислав-Мария Никодимович-Михайлович**, р. 10 фев. 1883. Из крестьян Ковенской губ. Произведен в офицеры за боевое отличие 1915. Штабс-ротмистр 2-го уланского полка. В Северо-Западной армии с 2 нояб. 1918 (перешел с от-

- рядом от красных), произведен в ротмистры, с нояб. 1918 подполковник, организатор и начальник пехотной дивизии, 1919 нач. южного участка Северного корпуса, с мая 1919 полковник. Генерал-майор (с июня 1919). 24 авг. 1919 исключен из армии и бежал в Эстонию. 1920 командующий Русской народной армией в Польше. Остался в Польше, директор лесных разработок. Убит 10 мая 1940 в Варшаве.
- ²⁵⁹ **Шапаровский Владимир Митрофанович**, Из дворян Екатеринославской губ., сын полковника. Полтавский КК 1910, Михайловское артил. училище 1913. Подполковник артиллерии. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма в составе 4-й батареи Дроздовской артил. бригады. Галлиполиец. Перешел на беженское положение 11 дек. 1920. В эмиграции на 1922 в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Пропал без вести 18 окт. 1944 под Авалой (Югославия).
- ²⁶⁰ **Абамеликов Михаил Васильевич**, 13 сен. 1893. Киевский КК 1911, Киевское ВУ 1913. Штабс-капитан Сергиевского артил. училища. В Добр. армии в составе Кубанско-Софийского военного училища; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде. С 3 нояб. 1919, в мае 1920 командир 8-й батареи. Полковник. Ум. 21 мар. 1979 в США.
- ²⁶¹ **Князь Долгоруков Павел Дмитриевич**, р. 9 мая 1866 в Москве. 1-я Московская гимназия, Московский ун-т 1890. Статский советник. Член 2-й Государственной Думы, земский деятель Московской губ., тов. председателя ЦК партии Народной Свободы. 1918 член и тов. председателя Национального центра. В Добр. армии и ВСЮР; с 10 окт. 1918 в Осваге. Эвакуирован до авг. 1920 из Новороссийска. В эмиграции с 1920 в Константинополе, Белграде, Париже, Варшаве. 1921 член Русского Совета. Арестован 1926 в Харькове после перехода границы СССР. Расстрелян большевиками 9 июня 1927 в Москве.
- ²⁶² **Раевский Николай Алексеевич**, р. 1894 в Вытегре. Сын судебного следователя. СПб. ун-т (не окончил) 1915, Михайловское артил. училище 1915. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Чехословакии. Капитан. В эмиграции в Праге, окончил Карлов университет; 1926–1931 член Общества русских, окончивших вузы в Чехословакии. В 1945 схвачен и вывезен в СССР; был в ссылке в Минусинске. В 1970-х в Алма-Ате.
- ²⁶³ **Георгиевич Михаил Милошевич**, р. 20 апр. 1883. Киевский КК, Константиновское артил. училище 1903, АГШ 1909, Офицерская кав. школа 1910. Полковник, нач. штаба 107-й пех. дивизии (в плену с 1917). Во ВСЮР с начала 1919 в конном корпусе ген. Врангеля, с янв. 1919 нач. штаба 1-й Кубанской конной дивизии, затем в штабе Кавказской армии, нач. штаба 1-й кав. дивизии, сен-окт., до 11 нояб. 1919 нач. штаба 4-го конного корпуса, затем в штабе Главнокомандующего ВСЮР, командирован к адм. Колчаку, вернулся в Крым; в Русской армии до эвакуации Крыма, нач. Корниловского ВУ. Генерал-майор (с 29 сен. 1919). Галлиполиец. Осенью 1925 в составе училища в Югославии. В эмиграции там же (Белград), член Общества офицеров-артиллеристов, член Общества офицеров Ген. штаба. Служил в Русском Корпусе. После 1945 — в Германии, затем в Австралии, нач. отдела РОВС. Ум. 8 мая 1969 в Сиднее.
- ²⁶⁴ **Скрипников Петр Яковлевич**. Поручик. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады, до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского полка во Франции. Штабс-капитан.
- ²⁶⁵ **Даватц Владимир Христианович**, р. 6 июня 1887. Университет. Профессор математики Харьковского университета. Во ВСЮР с лета 1919; доброволец-рядовой на бронепоезде «На Москву». В Русской армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Подпоручик (с 25 янв. 1920). Галлиполиец. Осенью 1925 в составе 6-го арtdивизиона в Югославии. В эмиграции там же, секретарь Общества Галлиполийцев в Белграде, член Общества офицеров-артиллеристов. Служил в Русском Корпусе. Убит 6 нояб. 1944 под Сиеницей (Югославия).
- ²⁶⁶ **Сквориков Константин Михайлович**, р. 9 мая 1895. Михайловское артил. училище 1915. Поручик. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации

- Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Болгарии. Подполковник. Служил в Русском Корпусе. В эмиграции в США. Ум. 29 дек. 1991.
- ²⁶⁷ **Дикий Семен Евсеевич.** Михайловское артил. училище 1916. Подпоручик. Во ВСЮР и Русской армии в 3-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Чехословакии. В эмиграции там же. Ум. после 1937.
- ²⁶⁸ **Кутше Всеволод Николаевич.** Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 37-й артил. бригады 1915. Поручик. В Добр. армии и ВСЮР в 3-м легком арtdивизионе; с 14 янв. 1919 штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Аргентине. Ум. ок. 24 июля 1955.
- ²⁶⁹ **Ставицкий Иван Павлович,** р. 1873 в С.-Петербурге. Из дворян, сын инженер-механика флота. 1-й кадетский корпус 1892, Николаевское инж. училище 1895, Николаевская инж. академия 1902. Генерал-майор, нач. инженеров 8-й армии. В Добр. армии, ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма; зам. нач. Военно-инженерного управления, с 20 окт. 1918 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего с назначением в распоряжение Главного начальника снабжений, 1919 нач. Новороссийской военной базы, окт. 1919 нач. базы в Феодосии, затем июля 1920 нач. гарнизона Феодосии, с 15 авг. 1920 нач. снабжений Русской армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Болгарии, представитель ген. Врангеля в Софии, с 1925 во Франции. Ум. 5 мар. 1966 в Кормей-ан-Паризи (Франция).
- ²⁷⁰ **Козловский Александр Николаевич,** р. 5 авг. 1864. Киевский КК 1882, Михайловское артил. училище 1885, Михайловская артил. академия 1890, Офицерская артил. школа. Офицер 3-й гренадерской артил. бригады. Генерал-майор, инспектор артиллерии 1-го Туркестанского армейского корпуса. Один из руководителей Кронштадтского восстания, с 3 мар. 1921 член штаба обороны крепости. В эмиграции в Финляндии. 1931 исчез в Гельсингфорсе.
- ²⁷¹ **Цейдлер Герман Федорович,** р. 1861. Московский ун-т 1888. Действ. стат. советник, проф. СПб. женского медицинского ин-та. В эмиграции в Финляндии, к 1921 главноуполномоченный Красного Креста.
- ²⁷² **Конопакский Борис Владимирович.** Капитан. Во ВСЮР и Русской армии в 4-й батарее Дроздовской артил. бригады до эвакуации Крыма. Тяжело ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции.
- ²⁷³ **Мартаков Николай Константинович (Максимович).** Саратовская школа прап. 1916. Подпоручик. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Болгарии. Полковник. В эмиграции там же, член Общества офицеров-артиллеристов.
- ²⁷⁴ **Шатилов Павел Николаевич,** р. 13 нояб. 1881 в Тифлисе. 1-й Московский КК, Пажеский корпус 1900, АГШ 1908. Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добр. армии и ВСЮР с дек. 1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 янв. 1919 нач. 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конного корпуса, с мая 1919 генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 нач. штаба Добр. армии, 27 июля — 13 дек. 1919 нач. штаба Кавказской армии, с 26 нояб. (13 дек.) 1919 по 3 янв. 1920 нач. штаба Добр. армии; 8 фев. уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 мар. 1920 помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 нач. штаба Русской армии. Генерал от кавалерии (с нояб. 1920). В эмиграции в Константинополе, состоял при ген. Врангеле, затем во Франции, 1924—1934 нач. 1-го отдела РОВС, член Общества офицеров Ген. штаба, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия на нояб. 1951 почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Ум. 5 мая 1962 в Аньере (Франция).
- ²⁷⁵ **Осипов Михаил Петрович.** Капитан. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. В эмиграции там же. Ум. после 1975 в Париже.

- ²⁷⁶ **Булатов Владимир Семенович.** Полтавский КК 1901, Михайловское артил. училище 1904. Полковник. Во ВСЮР и Русской армии 2-й батарее в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Югославии. В эмиграции во Франции, председатель комиссии по составлению истории бригады. Ум. ок. 22 сен. 1957.
- ²⁷⁷ **Чертков Александр Алексеевич,** р. 1888. Одесское пехотное ЮУ. Подполковник 60-го пехотного полка. Участник похода Яссы — Дон в составе Стрелкового полка. Присоединился к отряду полк. Дроздовского в Бердянске. В Добр. армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; командир роты, янв. 1919 командир батальона, затем помощник командира во 2-м Дроздовском полку. В Русской армии до эвакуации Крыма. Осенью 1925 в прикомандировании к 6-му арtdивизиону во Франции. Полковник. В эмиграции там же, 1934 член правления Общества Галлиполицев в Париже. Ум. 26 сен. 1938 в Париже.
- ²⁷⁸ **Алексинский Григорий Алексеевич,** р. 16 сен. 1879 в Дагестанской обл. Литератор. Член Гос. Думы. 1918—1919 член «Союза возрождения». В эмиграции во Франции, 1921 член Русского Совета. Ум. 4 окт. 1967 в Париже.
- ²⁷⁹ **Данилов Георгий (Юрий) Никифорович,** р. 13 авг. 1866 в Киеве. Из дворян Киевской губ. Киевский КК 1883, Михайловское артил. училище 1886, АГШ 1892. Генерал от инфантерии, командующий 5-й армией. В Русской армии пом. нач. Военного управления. В эмиграции во Франции, 1921 член Русского Совета. Ум. 3 фев. 1937 в Булони под Парижем.
- ²⁸⁰ **Гирс Михаил Николаевич,** р. 1856. Из дворян, сын министра ин. дел. В службе с 1877. Вольноопределяющийся. Георгиевский кавалер. Тайный советник, российский посол в Риме, глава русского дипломатического корпуса за границей, с 1920 глава Совещания послов. В эмиграции в Италии, 1919 член «Союза возрождения России в единении с союзниками» в Риме, затем во Франции. Ум. 27 нояб. 1932 в Париже.
- ²⁸¹ **Бернацкий Михаил Владимирович,** р. 6 окт. 1876. Проф. Петроградского политехнического института, управляющий отделом труда министерства торговли и промышленности, министр финансов Временного пр-ва. Во ВСЮР; весной 1919 министр финансов пр-ва ген. Шварца в Одессе, затем нач. управления финансов, член Особого совещания, мар. 1920 министр финансов Южно-Русского пр-ва. Эвакуирован из Новороссийска. Летом 1920 в Константинополе, затем нач. гражданского управления, с 29 мар. 1920 нач. Финансового управления пр-ва ген. Врангеля. В эмиграции в Бриндизи, руководитель Российского центрального объединения, затем во Франции, в 1931 член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Ум. 16—17 июля 1943 в Париже.
- ²⁸² **Де Поллини Борис Брониславович.** Михайловское артил. училище 1902. Полковник. В Добр. армии и ВСЮР; окт. 1918 в 3-й гаубичной батарее 3-й (Дроздовской) артил. бригады, с 4 янв. 1919 в тяжелой батарее, с 24 апр. 1919 командир 8-й батарее, с 23 окт. 1919 командир 3-го отдельного тяжелого гаубичного арtdивизиона. В Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, нач. Гимнастическо-фехтовальной школы. Осенью 1925 в составе Алексеевского арtdивизиона (прикомандирован к 1-й Галлиполийской роте) во Франции, член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. ок. 19 апр. 1969.
- ²⁸³ **Шапиловский Владимир Павлович,** р. 15 июля 1886. Из дворян Ярославской губ., сын офицера. Нижегородский КК 1904, Константиновское артил. училище 1906. Капитан 53-й артил. бригады. В Добр. армии в отряде полк. Дроздовского; участник похода Яссы-Дон; командир орудия конно-горной батареи; осенью 1918 командир взвода, дек. 1918 старший офицер 1-й конно-горной батареи, с апр. 1919 командир 2-й конной батареи в Дроздовской артил. бригаде. Полковник (к дек. 1918). В Русской армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Чехословакии. В эмиграции там же; 1922—1926 член Союза русских педагогов в Чехословакии, до 1930-х член Общества Галлиполицев, к 1933 член, а на 1937 зам. председателя Союза русских военных инвалидов в Чехословакии, к 1934 член СУВВ в Праге. Ум. 1954 в Праге.

- ²⁸⁴ **Куксевич Василий Михайлович**, р. 29 июля 1894. Поручик. Во ВСЮР и Русской армии шофер в Запасном броневом авто и танковом дивизионе до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Дооб». На 18 дек. 1920 в 3-м батальоне Технического полка в Галлиполи. В эмиграции в списках Технического батальона в Чехословакии, в 1933 член Галлиполийского землячества в Брно. Штабс-капитан. После 1945 — в США, секретарь отдела Общества Галлиполийцев в США. Ум. 24 мар. 1990.
- ²⁸⁵ **Радионов Андрей Львович**. Чугуевское ВУ 1915. Во ВСЮР в стрелковом полку при 1-й Кубанской казачьей дивизии, затем в составе Дроздовского полка. Галлиполиец. Штабс-капитан. В эмиграции в Австралии. Ум. 9 июля 1972 в Мельбурне.
- ²⁸⁶ **Кусонский Павел Алексеевич**, р. 7 янв. 1880. Полтавский КК 1897, Михайловское артил. училище 1900, АГШ 1911. Офицер 10-й артил. бригады. Полковник, нач. оперативного отдела Ставки ВГК. В Добр. армии и ВСЮР; с июня 1918 генерал для поручений при Главнокомандующем, с 1 янв. 1919 генерал-квартирмейстер штаба Добр. армии (с мая — Кавказской армии), летом — осенью 1919 нач. штаба 5-го кав. корпуса. В Русской армии и.д. начальника гарнизона Симферополя, с авг. 1920 нач. штаба 3-го армейского корпуса, к окт. 1920 нач. штаба 2-й армии до эвакуации Крыма. Затем пом. нач. штаба Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 16 фев. 1922). В эмиграции в Югославии; 1923–1924 член Общества офицеров Ген. штаба, затем во Франции, в распоряжении председателя РОВС, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Ген. штаба, с 1934 нач. канцелярии РОВС, с 1938 в Бельгии. Арестован немцами 1941 в Брюсселе. Ум. 22 авг. 1941 в лагере Брендонк.
- ²⁸⁷ **Добрянский Владимир Андреевич**. Ветеринарный врач. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Дроздовского арtdивизиона в Болгарии.
- ²⁸⁸ **Куявский Александр Альфонсович**, р. 1880. Чугуевское пехотное ЮУ 1898. Полковник 46-го пех. полка. 1918 в гетманской армии; с 10 июля 1918 командир 10-го полка, 30 сен. 1918 назначен командиром 8-го полка. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма, 1920 командир 136-го пех. Таганрогского полка, командир бригады 34-й пех. дивизии. Орд. Св. Николая-Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе Алексеевского полка в Болгарии. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, в 1931 возглавлял группу РОВС в Коломбеле. Ум. 28 апр. 1968 в Ментоне (Франция).
- ²⁸⁹ **Артифксов Леонид Александрович**, р. 15 апр. 1887. Из дворян Терской обл., сын преподавателя реального училища. Тифлисская гимназия 1907, Алексеевское ВУ 1909. Офицер 1-го Сибирского казачьего полка. Командир сотни 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Капитан (с 1915), командир 6-го броневомобильного отделения. Георгиевский кавалер. Участник похода на Петроград в окт. 1917. В Добр. армии; в июле 1918 эмиссар Добр. армии в Тифлисе, с 13 окт. 1918 пом. командира Корниловского конного полка. Ранен 16 окт. 1918, с 8 дек. 1918 командир 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, с 6 мая 1919 командир Корниловского конного полка, с 18 июня (24 июля) 1919 генерал для поручений при командующем Кавказской армией, с 2 дек. 1919 генерал для поручений при командующем Добр. Армией; в Русской армии окт. 1920 при ген. Врангеле для особых поручений до эвакуации Крыма. Генерал-майор (1920). В мае 1921 входил в состав ближайшего окружения ген. Врангеля. В эмиграции в Югославии. Ум. 3 июня 1926 в замке Вурберг у Птуя (Югославия).
- ²⁹⁰ **Власенко Сергей Николаевич**, р. 7 авг. 1870. Киевский КК 1888, Александровское ВУ 1890, Офицерская артил. школа. Офицер 2-го стрелкового полка. Полковник, командир 8-го Туркестанского стрелкового арtdивизиона и 1-го отдельного тяжелого арtdивизиона. 1918 в гетманской армии; 7 сен. 1918 назначен командиром 38-го легкого артил. полка. В Добр. армии и ВСЮР в 3-й артил. бригаде, с 10 авг. 1919 инструктор Учебно-подготовительной артил. школы. В Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Генерал-майор (с 17 янв. 1922). 1922 выслан из Болгарии. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров-артиллеристов. Осенью 1925 в составе Офицерской артил. школы. Ум. после 1934.

- ²⁹¹ **Бреннеке Константин Николаевич**, р. 21 окт. 1887. Сын офицера. 2-й Московский КК 1905, Михайловское артил. училище 1908. Офицер 4-й артил. бригады. Подполковник (1917), командир 6-й батареи 40-й артил. бригады. В белых войсках Северного фронта командир 7-го артил. дивизиона. 10 мар. 1920 перешел финскую границу и помещен в лагерь Лахти в Финляндии. На 29 апр. 1920 в лагере Хермола, к 30 июня 1920 в лагере Хеннол (Тавастгуст). 4 сен. 1920 убыл во Францию. Осенью 1925 в составе Алексеевского артдивизиона в Югославии. В эмиграции там же, член Общества офицеров-артиллеристов, затем в Германии. Ум. после 1957.
- ²⁹² **Карцов Владимир Александрович**, р. 15 июля 1860. Из дворян. Пажеский корпус 1879, АГШ 1885. Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Генерал-лейтенант, командир 1-й бригады Кубанской казачьей дивизии (с 1915 в отставке). Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине, начальник обоза Кубанского отряда. С 11 мая 1918, с 15 нояб. 1918 и на 22 янв. 1919 до 4 авг. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, затем в белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1919 в прикомандировании к штабу Верховного главнокомандующего, с 2 окт. 1919 в распоряжении командира 2-го отдельного Степного корпуса. В Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, председатель офицерского суда чести. Летом 1921 ближайший помощник и переводчик Кутепова. В эмиграции в Югославии, председатель объединения 5-го гусарского полка, член Общества офицеров Ген. штаба. Ум. 15 окт. 1938 в Белой Церкви (Югославия).
- ²⁹³ **Карташев Антон Владимирович**, р. 11 июля 1875 в Кыштыме Пермской губ. Духовная семинария, СПб. духовная академия. Профессор, министр исповеданий Врем. Пр-ва. Арестовывался осенью 1917. Летом 1918 член Национального Центра в Москве. 1919 зам. председателя и министр ин. дел, министр культа Северо-Западного пр-ва, 1920 член Русского Совета при Главнокомандующем Русской армии; в эмиграции председатель РНК в Париже, с 1925 проф. духовной академии. Ум. 10 сен. 1960 в Ментоне.
- ²⁹⁴ **Базаревич Сергей Иосифович**, р. 1880. 1-й Московский КК, Николаевское инж. училище 1901, Офицерская электротехническая школа. Офицер 2-го понтонного батальона. Капитан (с 1912). Во ВСЮР и Русской армии в частях связи до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 в радиороте Телеграфного батальона Технического полка в Галлиполи, зав. учебной частью Офицерской инженерной школы. В эмиграции в Югославии. 1 нояб. 1922 — 1 янв. 1926 преподаватель Крымского КК. Служил в Русском Корпусе. Ум. 27 янв. 1960 в Дорнштадте (Германия).
- ²⁹⁵ **Цыгальский Александр Викторович**, р. 1880. Из дворян, сын генерал-майора. Николаевское инж. училище 1900. Офицер саперного батальона. Полковник. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Начальник Офицерской инженерной школы. В эмиграции в Болгарии, затем в США. Поэт, издатель журнала «Вестник русского духовного Воскресения» в Бостоне. Член ОБВВ. Ум. 21 сен. 1941 в Сиэттле.
- ²⁹⁶ **Резниченко Сергей Васильевич**, р. 28 дек. 1872 в Санкт-Петербурге или в Одессе. Подпоручик л.-гв. Павловского полка. Действ. стат. советник. Чиновник особых поручений Министерства земледелия. Во ВСЮР и Русской армии; представитель Всероссийского Земского Союза в Галлиполи. На 14 фев. 1921 в лагере Канробер (ст. Макрикей) в Румынии. В эмиграции во Франции, с 25 нояб. 1926 в Риве. Ум. 12 янв. 1940 в Сэ (Франция).
- ²⁹⁷ **Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич**, р. 28 авг. 1859 в Бежецком у. Тверской губ. Образование: Пажеский корпус 1878, Военно-юридическая академия 1890. Офицер л.-гв. Конной артиллерии, с 1883 — военно-судебного ведомства. Генерал-лейтенант (по отставке 1905), проф. Военно-юридической академии. Член Гос. Думы, сенатор. В Северо-Западной армии; с июля 1919 ведал вопросами агитации и печати в Политическом совещании при ген. Юдениче, редактор газеты «Русская жизнь». В эмиграции во Франции (в Париже). Член Национального комитета. В 1921 посетил Галлиполи,

после чего сделал доклад в Константинополе «Правда о Галлиполи». В эмиграции во Франции. Ум. 17 фев. 1927 в Париже.

²⁹⁸ **Хрипунов Алексей Степанович.** Александровский лицей 1904. Чиновник МВД, главноуполномоченный Всероссийского Земского союза. В эмиграции в Париже. 1920–1921 член Земгора (Российского Земско-Городского комитета помощи беженцам). Председатель Всероссийского Земского союза, член Торгово-промышленного союза. Казначей лидейского объединения во Франции. Ум. 27 фев. 1975 в Канне (Франция).

²⁹⁹ **Леонтьев Максим Николаевич,** р. 26 авг. 1871. Пажеский корпус 1890, АГШ 1896. Офицер л.-гв. 3-й артил. бригады. Генерал-майор л.-гв. 1-й артил. бригады, представитель Врем. пр-ва во Франции. С 1920 военный агент и представитель Русской армии в Чехословакии до 1923. В эмиграции к 1932 во Франции, с 1936 на Таити. Ум. 9 июня 1948 на о. Таити.

³⁰⁰ **Ломшаков Алексей Степанович,** р. 9 мар. 1870 в Барнауле. Сын священника. Сибирский КК 1887, СПб. технологический институт 1892. Проф. СПб. политехнического института, технический директор Правления Русско-Балтийского судостроительного и механического о-ва. С фев. 1918 на Юге России. В эмиграции с 1920 в Чехословакии, 1921–1923 член Союза русских инженеров. Ум. 10 мая 1960 в Праге.

³⁰¹ **Савченко Петр Севастьянович,** р. 17 дек. 1881. Из дворян, сын генерал-майора. Воронежский КК 1899, Михайловское артил. училище 1902, Военно-юридическая академия 1910. Офицер конной артиллерии. Подполковник, преподаватель Чугуевского ВУ. 1918 в гетманской армии (войсковой старшина), 7 нояб. 1918 назначен помощником инспектора классов Чугуевской сводной военной школы. Во ВСЮР и Русской армии преподаватель Корниловского ВУ до эвакуации Крыма. Полковник (ств. 6 дек. 1917). В эмиграции в Югославии, 1 сен. 1923 — 1 сен. 1929 преподаватель Крымского КК, к 1931 возглавлял группу Общества Галлиполийцев в Горажде, 1 сен. 1936 — 1 сен. 1936 преподаватель Первого Русского КК, к 1938 в Белграде, член Общества офицеров-артиллеристов.

³⁰² **Шостаков Алексей Николаевич,** р. 1 июля 1877. Псковский КК 1895, Константиновское артил. училище 1898, АГШ 1906. Офицер штаба 10-й кав. дивизии. Полковник, командир 8-го пех. полка. Георгиевский кавалер. 1918 в гетманской армии; нач. штаба 1-й конной дивизии. Генерал-майор. В эмиграции к 1919 в Германии, затем к 1923 в Югославии; на сен. 1930 член Общества офицеров Ген. штаба. Ум. после 1922.

³⁰³ **Пандуло Иона Моисеевич.** 1-я Петергофская школа прап. 1917. Прапорщик. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, автор памятника на кладбище в Галлиполи). Подпоручик. Осенью 1925 в составе Алексеевского полка в Латвии.

³⁰⁴ **Успенский Василий Николаевич.** Подпоручик. Во ВСЮР и Русской армии в Корниловской артил. бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В фев. 1921 в 1-й батарее Корниловского артдивизиона. Расстрелян по суду 1921 в Галлиполи за передачу сведений французам.

³⁰⁵ **Щеглов Петр Николаевич,** р. ок. 1876. Полковник Собственного Е.И.В. Железнодорожного полка. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». После эвакуации — в 5-м артил. дивизионе. Галлиполиец. Расстрелян за просветскую агитацию 30 июня (1 июля) 1921.

³⁰⁶ **Брагин Александр Константинович.** Казанское пехотное ЮУ 1904, АГШ 1914. Офицер 10-го гренадерского полка. Полковник. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции с 1921 в Бразилии (Сан-Паулу).

³⁰⁷ **Жилинский Василий Николаевич** (Жилинский-Фези Василий Георгиевич), р. 1877. Полоцкий КК 1896, Константиновское артил. училище 1899, АГШ 1906 (1907). Полковник, нач. штаба 108-й пех. дивизии. В Донской армии; с 10 окт. 1918, на 15 фев. 1919 нач. штаба Северной группы, нач. штаба 8-го Донского армейского корпуса, с 23 фев. 1919 — нач. штаба 1-й Донской армии, 1919 командир 1-го Донского пластунского полка. В эмиграции с 1921 в Бразилии, глава русской колонии. Ум. 20 сен. 1956 в Сан-Паулу.

- ³⁰⁸ **Баскаков Вениамин Иванович**, р. 25 мар. 1861. Из казаков Терского казачьего войска, ст. Ермоловской. Образование: Владикавказское реальное училище 1877, Константиновское ВУ 1879, АГШ. Генерал-майор, проф. академии Генштаба (в отставке с 1906). Во ВСЮР; представитель Терского казачьего войска на Верховном круге в Екатеринодаре. Эвакуирован из Новороссийска в мар. 1920. В эмиграции в Югославии; на сен. 1930 член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 11 фев. 1941 в Белграде.
- ³⁰⁹ **Пятницкий Владимир Леонидович**, р. 4 окт. 1889. Смоленское реальное училище 1907, Тверское кав. училище 1909, Подготовительные курсы академии Генштаба 1917 (АГШ 1918). Штабс-ротмистр 5-го уланского полка. В Донской армии; с 13 дек. 1918 старший адъютант штаба Северной группы Восточного фронта, с 25 янв. 1919 старший адъютант штаба 8-го Донского армейского корпуса, с 27 мар. 1919 ротмистр, с 30 апр. 1919 помощник старшего адъютанта штаба 1-й Донской армии, с 19 мая 1919 нач. штаба 13-й Донской казачьей дивизии, с 8 июля 1919 обер-квартирмейстер штаба 1-го Донского корпуса, с 10 авг. 1919 старший адъютант штаба оперативного отдела, с 1 нояб. 1919, к 5 мар. 1920 обер-квартирмейстер штаба конной группы Донской армии; с 25 мар. 1920 в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 23 апр. 1920, в июле — окт. 1920 старший адъютант оперативного отдела штаба ВВД. Подполковник с пер. в полковники 4 (10) мая 1920. В эмиграции 1921 в Бразилии. Ум. после 1922.
- ³¹⁰ **Годнев Иван Алексеевич**, р. 30 апр. 1897 в Симбирске. 1-я Симбирская гимназия 1915, Николаевское инж. училище 1916, Офицерские аэрофотограмметрические курсы 1917. Прапорщик штаба Особой армии; в белых войсках Северного фронта с 5 дек. 1918 в Славяно-британском легионе в разведывательном отделе штаба командующего союзными силами., с 8 мар. 1919 в русских частях, с 9 апр. 1919 в 1-й Польской инженерной роте, с 1 апр. 1919 подпоручик. В окт. 1919 — фев. 1920 командир взвода 2-й инженерной роты. Поручик. На 29 апр. 1920 в лагере Хермола, к 30 июня и на 10 окт. 1920 в лагере Хеннол (Тавастгуст) в Финляндии. В Русской армии в инженерных частях до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 во 2-й роте Саперного батальона Технического полка в Галлиполи, затем в составе управления инженера 1-го армейского корпуса. Подпоручик. Осужден к расстрелу в Галлиполи за передачу сведений французам, бежал. В эмиграции во Франции (1922 в Париже, переводчик, учился в Сорбонне). Ум. 2 окт. 1962 в Париже.
- ³¹¹ **Прокофьев Михаил Александрович**. Суворовский КК 1911, Константиновское артил. училище 1914. Подполковник конной артиллерии. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. 26 окт. 1921 выехал в Прагу, 1922 возглавлял группу 1-го армейского корпуса в Праге. После 1945 во Франции, член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. 4 мар. 1976 в Париже.
- ³¹² **Сапунов Петр Петрович**, р. в Николаеве. Из дворян, сын генерал-майора. Отдельные гардемариные классы 1917. Мичман линейного корабля «Имп. Екатерина Великая». В Добр. армии командир корабля на Каспийской флотилии, затем на эсминцах Черноморского флота «Цериго» и «Живой» до эвакуации Крыма. Эвакуирован на эсминце «Цериго». Вахтенный начальник яхты «Лукулл»; погиб на ней 15 окт. 1921 в Босфоре.
- ³¹³ **Ширяев Григорий Иванович**, р. 6 фев. 1882 в Харькове. Харьковский ун-т. Преподаватель того же ун-та. Подпоручик. Во ВСЮР и Русской армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 дек. 1920 в составе Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 в составе 1-й Галлиполийской роты в Чехословакии. В эмиграции там же, доктор, член правления Общества Галлиполийцев в Брно, к 1935 проф. университета в Брно. С 1945 в Германии, с 1951 в США. Ум. 18 июня 1954 в Нью-Йорке.
- ³¹⁴ **Базилевич-Княжиковский Иван Христофорович**, р. 1891 в Черниговской губ. Севастопольская авиашкола. Подпоручик 24 или 21-го авиационного отряда. Во ВСЮР и Русской армии в авиационном отряде до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед». На 18 дек. 1920 в 1-й роте авиационного батальона Технического полка в Галлиполи. Штабс-капитан. 26 окт. 1921 выехал в Прагу. В эмиграции в Чехословакии. Погиб в авиакатастрофе.

С. В. Волков, доктор исторических наук

Именной указатель

- Абамеликов Михаил Васильевич 535, **698**
Абрамов Федор Федорович 353, 466, 525, 573, **686**
Агеев Н.П. 368, **687**
Агоев Владимир Конст. 395, 396, 398, 399, **688**
Агоев Константин Конст. 480, 485, **692**
Адамович, подпор. 470, 522, 533, 540, 549, 564, 575, 605
Акацатов М.Е. 661
Александр Карагеоргиевич, принц Сербии 310
Алексеев Михаил Вас. 7, 39–41, 249, 628, 650, **665**
Алексинский Григ. Алексеевич 588, **700**
Али-Фуад-паша 387
Ангуладзе Георгий Бежанович 351, 352, 505, **685**
Андреевский, шт.-кап. 276, 415
Антоний, архимандрит 658
Аплаксин Иван Иванович 259, **678**
Апухтин Конст. Валериян. 525, **697**
Арнак Генрих 15, 25, 78, 82, 187, 258, 347, 589, 616, 640, 648, 649, 655
Арнак Ольга 15, 25, 78, 82, 111, 126, 135, 138, 149, 187, 258, 347, 589, 616, 620, 638, 640, 648–650, 655
Артифексов Леонид Александр. 606, **701**
Архангелов Андрей Александр. 22–24, **663**
Архангельский, шт.-кап. 267
Ассен-Аймер (Кулинич) Федор 157, **673**
- Бабиев Ник. Гаврил. 291, 366, 398, 401–404, 407, 408, 449, 474, 478, 487, **681**
Баженов Ник. Парфеньевич 178–181, 183, 191, **673**
Базаревич Сергей Иосифович 637, **702**
Базилевич-Княжиковский Иван Христоф. 659, **704**
Баккал, поручик 248, **677**
Балабас 257
Барбович Иван Гав. 289–292, 295, 304, 309, 315, 324, 325, 328, 335, 338, 382, 393, 401–404, 407, 409, 410, 433–436, 486–489, 492, 502, 505, 512, 519, 525, 555, 624, **680**
Баркалов Владимир Павл. 525, **696**
Баскаков Вениамин Иван. 654, **704**
Бахметьев Борис Александр. 593
Бекаревич, прап. 77
Белов Петр Андр. (Виттекопф Ганс Альф.) 240, **677**
Бермонт Павел Рафаил. (он же кн. Авалов Павел Мих. 261, 661, **678**
Бернацкий Михаил Влад. 588, **700**
Бертело Анри 75
Бирилев Александр Мих. 107, **672**
Богаевский Африкан Петр. 102, 103, 291, 354, 476, 560, 591, **671**
Богданов Виталий Андр. 421, 600, 603, **689**
Богурский, вольноопр. 34, 44
- Бодовский Станислав 474, 475, **691**
Болдырев Василий Георг. 73, **668**
Болховитинов Леонид Митр. 90, **669**
Боржинский Федор 73
Борис III, царь Болгарии 641
Боркентаген Борис Бор. 98, **671**
Боровский Ал-др Александр. 32, **664**
Брагин Александр Конст. 653, 654, **703**
Браун Александр Дмитр. 276, 361, 419, **679**
Бредов Ник. Эмильевич 184, 211, 332, 370, 410, 422, 433, 436, 524, **675**
Бреннеке Конст. Ник. 616, **702**
Бригге Ч. Дж. 255
Брусилос А.А. 108, 482, 639
Бубнов Александр Дмитр. 319, **683**
Буденный Семен Мих. 268, 290, 293, 298, 300, 301, 314–318, 374, 380, 382, 400, 465, 478, 482, 483, 487, 490, 492, 497, 502, 614
Букретов Ник. Адрианович 290, 293, 346, 366, 368, **680**
Булак-Булахович Станислав Мих. 516, 530, 540, 561, **697**
Булатов Владимир Семен. 558, 568, 582, **700**
Булгаков Вл. Вл. 37, 44, 52, **665**
Бурдюков Исая Степанович 363
Быч Лука Лаврентьевич 74, 254, **669**
- Вавилов Василий Иван. 32, **664**
Вавилова Людм. Вас. 32, 39, 41, 51, 73
кн. Вадбольский Н.П. 662
Ващинский, пор. 97, 99, 174
Вейган М. 431
Вениамин (Федченков), еп. 350, 364, 464, 533, 534, 591
Вертинский Александр 115, 648
Веселовский А.А. 443
Вильгельм II, имп. Германии 54, 93
Вильман Эдуард Карлович 127, 134, 143, 217, 229, 314, 322, 348, 391, **672**
Вильсон Вудро 40, 102, 106
Винниченко В.К. 74, 107
Витковский Владимир Конст. 317, 337, 352, 354, 372, 381, 402, 423, 435, 436, 524, 544, 549, 562, 565, 574, 580, 636, 663, **684**
Власенко Сергей Ник. 612, **701**
Волков Александр Александр. 246, **677**
Володин, атаман 441, 475, 479, 605
Воронович Николай Владим. 346, **685**
Воротнюк 504, 505
Восканьянц Саркис Давыдович 77, 198, **669**
Врангель Петр Ник. 146, 205, 237, 256, 257, 266, 271, 272, 277, 279, 286, 303, 310, 341–346, 349–360, 364, 369, 372–374, 379, 385, 387, 389, 391, 394, 418, 419, 441, 445, 446, 464–468, 477–479, 481, 498, 506–519, 523, 526, 529, 534–537, 539, 547, 549, 551–555, 559–563, 565, 567, 569–582, 588–592, 600–604, 614, 626, 629–633, 639, 641, 646, 651, 656, 658
Врангель Ольга Мих. 621, 622, 627
Выгран Владимир Ник. 525, **694**

Выдренко Аркадий Емельянович 52, **665**
Гаргер, семья 81, 82, 85
Генне Христофор 77
Георгиевич Михаил Милошевич 538, **698**
Гинденбург Пауль фон 93, 133
Гирс Михаил Ник. 588, **700**
Глазенап фон Петр Влад. 465, **690**
Глебов Иван Александр. 525, **695**
Годнев Иван Алексеевич 656, **704**
Головач, капитан 46, 80
Голубятников Алексей Феогниевиич 62, **667**
Гольнский Михаил 110
Гонорский Борис Ник. 52, 263, 612, **666**
Горлов Александр Тим. 81, **669**
Гофман Макс, нем. ген. 550
Гравицкий Георгий (Юрий) Конст. 352, 449, 525, **685**
Греков Конст. Митр. 96, **671**
Григорьев Ник. Александр., атаман 153, 193
Григорьев, полк. 208, 209, 216, 219
Гризе Павел Карлович 648, 649
Гриневич Ник. Ник. 182, 189, 197, 447, 451, 452, 510, 513, 527, 552, 556, 558, 563, 573, 604, 606, 611
Гришин (Алмазов) Алексей Ник. 66, **668**
Громов, шт.-кап. 150
Гросберг Мартин Мартын. 52, **666**
Грушевский Мих. Серг. 107
Гудар Георгий Ипполитович 159, **673**
Гудим—Левкович Виктор Влад. 92, 215, 226, 288, 347, 366, 405, 434, 447, 486, 487, 507, 530, 543, 564, 566, 574, 580, 589, 600, 603—611, **670**
Гусельщиков Адриан Конст. 305, 432, 497, 505, **681**
Гутор Алексей Евг. 120, **670**
Гучков Александр Иван. 93, 570

Даватц Владимир Христ. 542, 543, 548, 553, 558, 587, 588, 594, 595, 598, 600, 604, 607, 610, 619, 621, 625, 628, 632, 634, 638, 643, 649, 655, 698
Данилов Георгий (Юрий) Никифор. 588, **700**
Дастуров, полк. 463
Де Поллини Борис Бронисл. 589, **700**
Деев Григорий Григ. 298, **681**
Деникин А.И. 37, 52, 55, 66, 81, 91, 102, 103, 133, 165, 174, 217, 220, 236, 237, 254, 257, 258, 266, 286, 291, 293, 299—301, 305, 308—311, 315, 319, 328, 330, 331, 341—344, 356, 359, 376, 481, 483, 511, 517, 538, 588
Денисов С.В., ген.-лейт. 96, 102
Дзиковицкий 24, 41, 46, 80, 111, 117, 119, 127, 129, 130, 197, 315, 339, 467, **663**
Диденко прап. 79, 157
Дикий Семен Евсеевич 548, 553, **699**
Добровольский Андр. Андр. 44
Добрянский Влад. Андр. 605, **701**
Долганов Петрос 59
Долгоруков Павел Дмитр., кн. 537, 539, 540, 588, **698**
Достовалов Евг. Исаакович 525, 552, 587, **696**
Драгомиров Абрам Мих. 342, **684**

Драценко Даниил Павл. 478, **691**
Дроздовский Мих. Гордеевич 7, 22, 88, 344, 565, **663**, 667
Дро (Канаян Драстамат) 540
Дрон Владимир Степанович 446, **690**
Думенко Б.М. 301, 314, 315, 382
Дунсовский, полк. 552
Дутов Александр Ильич 240, **677**
Граф дю Шайла Александр Макс. 353

Егоров Александр Ник. 131, 139, 150, 367, 411, 419, 508, 534, 573, 579, **672**
Елецкий Анаст. Захар. 524, 582, **694**
Ерогин Лев Мих. 525, 599, **696**
Жанен М. 328
Жарков Конст. Павл. 267, **679**
Жилинский Василий Ник. 653, 654, **703**
Житкевич Дм. Венедикт. 209, 213, 216, 218, 219, 336, 596, **675**
Жлоба Д.П. 47, 390, 392, 400
Жордания Ной Ник. 375

Залесские, братья 615, 616, 625, 632, 648
Залесский Богдан 638
Звягин Михаил Андр. 525, **697**
Зеленин Евгений Ильич 208, 219, **676**
Зиновьев Петр Петр. 30, 35, 38, 44, 161, 193, 314, 398, 443, 445, 504, **664**

Иванис Василий Ник. 346, **685**
Иванов Сергей Серг. 27, 28, 30, 35, 41, 42, 44, 45, 51, 73, 430, **664**
Икаев Александр Иван. 77, 80, 96, **669**
Икишев Сергей Михеевич 525, 618, 642, 659, **696**
Иоффе А.А. 53, 63
Ирман Влад. Александр. (Ирманов) 199, **675**

Каверин Николай Леонт. 29, **664**
Кавернинский Влад. Измайл. 62, **667**
Кавецкая В.В. 188
Калабухов 254—257, 291
Калинин, ген. 402, 408
Каменев Серг. Серг. 569
Карташев Антон Влад. 635—637, **702**
Карцов Влад. Александр. 623, 630, **702**
Качупалова Ольга Ник. 355
Кейда Георгий Тим. 519, **694**
Граф Келлер Федор Артур. 57, **667**
Кельнер Конст. Александр. 396, 402, 421, **688**
Кельчевский Анаст. Киприан. 286, 353, **679**
Кемаль-паша (Кемаль Ататюрк) 521, 540, 593, 614, 656
Керенский Александр Фед. 570, 591
Клемансо Жорж 97, 133
Клембовский ген. 120
Кленяев Андр. Сем. 92, 136, 137, 271
Кобаров Мих. Алексеевич 525, **694**
Козицын, пор. 269, 270
Козловский Ал-др Ник. 568—570, 572, 573, **699**
Колтышев Петр Влад. 342—343, 524, 589, **684**

Колчак А.В. 73, 90, 99, 105, 120, 134, 137, 139, 146, 148, 159, 165, 175, 194, 195, 240, 259, 261, 266, 310, 328, 397, 557, 569, 641
Колобакина Мария Алексеевна 502, 535
Кононов, юнкер 58, 419
Конапакций Борис Влад. 573, **699**
Константин I, король эллинов 530, 595, 619, 656
Корнилов Л.Г. 40, 665
Корольков Георгий Карп. 90, **670**
Крапивкин Иван Иосиф. 77, **669**
Красавин, подпор. 360, 361
Краснов Петр Ник. 66, 101–103, 561, 661, 662, 669
Крейтер Владимир Влад. 525, **695**
Кривошеин Ал-др Вас. 445
Крокосевич (ст.) Георгий Кондрат. 123, 614, 630, **672**
Крокосевич (мл.) Евгений 123, 128, 147, **672**
Кузьмин-Караваев Влад. Дмит. 641, 642, 652, **702**
Куксевич Василий Мих. 594, **701**
Куландин Семен И. 229, 312, 459, **676**
Кун Бела 195, 370
Кусонский Павел Алекс. 601, 656, **701**
Кутателадзе Даниил Ефим. 352, **686**
Кутепов Ал-др Павл. 192, 263, 308, 329, 330, 337, 341, 343, 354, 370, 402, 434, 435, 445, 446, 465, 486, 489, 496, 511, 518, 523, 524, 528, 544, 554–556, 562, 565, 570, 572, 575–580, 583, 586–591, 594–597, 602, 607, 613, 619, 621, 624, 626, 631–636, 639–641, 645–651, 656, 659, 660, **674**
Кутше Всеволод Ник. 551, 573, 574, 601, 619, 643, **699**
Куявский Ал-др Альфонс. 605–606, 608, **701**

Лавринович Николай Ник. 363, 522, 526, 551, 579, 596, 599, **686**
Лактионов Влад. Нилевич 192, 348, **674**
Лебедев, полк. 467, 552
герцог Лейхтенбергский Сергей Георг. 318, 661, **683**
Ленин В.И. 54, 63, 66, 90, 97, 114, 236, 237, 262, 370, 468, 550
Леонтьев Максим Ник. 641, **703**
Лепарский Александр Иван. 26, 363, 364, 374, 543
Лернер Конст. Макс. (Мих.) 117, 182, 190, 194, 204, 287, 411, **672**
Либкнехт Карл 90
Литвинов М.М. 370
Ллойд Джордж Д. 255, 260, 265, 270
Ломшаков Алексей Степ. 641, **703**
Лонгинов, пор. 99, 443, 527, 595
Лохвицкий Н.А. 460
Лукин Евгений Дмитр. 50, 259, 260, 262, 267, 274, 292, 322, 605, **697**
Луковников 98, 161, 509
Львов Г.Е., кн. 102
Людендорф Эрих фон 608
Люксембург Роза 90

Люш Александр Алекс. 30, 31, 38, 44, 73, 73, 88, 90, 287, 317, 430, 459, 543, 550, **664**
Ляхов Влад. Платон. 106, **671**

Мазинг Ричард Ричард. 415, **689**
Майдель Яков Христофор., барон 182, 193, 226, 386, 387, 390, 411, 423, 446, 465, 543, 551, 564, 573, 593, 607–610, 612, 635, **673**
Май-Маевский Влад. Зенонович 228, 244, 266, 267, 272, 318, **676**
Макаренко Иван Леонт. 257, 258, **678**
Маклаков В.А. 102
Мальвинский, полк. 630, 631
Мамонтов Конст. Конст. 198, 238, 279, 315, **674**
Манжула С.Ф. 257
Маннергейм Карл Карлович, барон 465, **690**
Манштейн Влад. Влад. (мл.) 154, 227, 280, 289, 296, 297, 304, 309, 313, 327, 336, 337, 340, 344, 355, 395, 399, 416, 425, 435, 441, 446, 484, 524, 541, 552, 565, 599, **672**
Марадудин М.С., артист 260
Мардиросевич Вал. Маркович 163, 299, 548, 573, 605, **673**
Марков Сергей Леонид. 40, **665**
Мартаков Николай Конст. 575, **699**
Мартель де Д., граф 479
Махно Н.И. 85, 87, 88, 90, 91, 94, 153, 220, 230, 233, 237, 238, 244, 253, 264, 273, 299, 315, 329, 345, 354, 369, 374, 391, 394–396, 441, 450, 475, 479, 490, 568
Машин Петр Ник. 525, **696**
Медынский Ал-др Иван. 267, **678**
Мельников Вяч. Петр. 465, 466, **690**
Миллер Евг. Карл. 328, 630
Милюков Павел Ник. 102
Мирович, мичман 92, 288, 411, 447, 486, 507
Миролюбов Ал-др Александр. 22, **663**
Михайлов Сергей Вас. 233, 235, 242, **676**
Морозов Вас. Иван. 348, 353, 364, 389, 391, 393, 398–404, 407, 409, 421, 434, **687**
Мрозовский Иосиф Иван., ген. 267, **678**
Мрозовский Мих. Дионис., полк. 267, 268, **678**
Мусин-Пушкин, подполк. 424
Мяснянкин, прап. 33, 34

Назаров Федор Дмитр. 401, **688**
Намитокоев А.А. 254
Нариманов Нариман-оглы 369
Науменко Вяч. Григ. 315, **681**
Некрасевич-Поклад Конст. Иван. 247, **677**
Неюков Дм. Всеволод. 319, **683**
Нератов Анатолий Анат. 93, **670**
Неручев Вас. Серг. 47, 55, 314, 315, 425, 446, 467, 594, 643, **666**
Низяев Иосиф Дмитр. 198, 231, 610, 611–616, 625, 626, 632, 641, 648, 649, 660, **674**
Никифорова Маруся (Мар. Григ.) 27
Никольский Алексей Ник. 26, **663**
Никольский Конст. Алекс. 143, 193, 367, 421, **686**

Новгородский Мих. Иван. 103, **671**
Носович Анат. Леонид. 385, **687**

Ольденбургский, принц 385
Ольшанский, подпор. 159
Омельченко 257
Орлов Алексей Емел. 7
Орлов Ник. Иван. 318, 319, 330, **683**
Орлова Лидия Алексеевна 126
Орлова Ольга Эдуард. 7
Осипов Михаил Петр. 580, **699**
Отченашев Николай 33, **664**
Отченашевы, братья 33, 34, 52

Павлов Ал-др Александр. 317, **682**
Падейский Сергей Игнат. 22, 110, 111, **662**
Пандуло Иона Моисеевич 644, **703**
Парчевская И.М. 80
Пашкевич Яков Антон. 409, **688**
Перекрестов 443, 444
Персианцев 15
Петлюра С.В. 63, 70, 74, 75, 107, 220, 264, 345, 349, 369
Петрик, вольноопр. 183, 229, 235
Петров Ник. Ник. 44, 117, 118, 120, 121, 129, 378, 394, 435, 551, **666**
Пешня Мих. Александр. 484, 524, **692**
Пиленко Дм. Юрьевич 65, 304, 360, 444, **668, 686**
Писарев Петр Конст. 379–382, 423, 439, 448, 463, 465, 518, **687**
Плевицкая Надежда 269
Покровский Виктор Леонид. 110, 126, 167, 256, 257, 266, 303, 319, 330, **678**
Ползиков Михаил Ник. 307, 343, 377, 383, 401, 441, 524, 532, 541, 544, 565, 578, 580, 583, 584, 589, 596, 616–618, **682**
Полчанинов Владимир Павл. 15, 18, 92, 103, **661**
Пользинский Мих. Петр. 30, 32, 34, 39, 44, 48, 49, 73, 153, 156, 269, 271, 287, **664**
Попов Петр Викт. 525, **694**
Потапов Исаакий 452, 501, **693**
Прокофьев Мих. Александр. 657, 658, **704**
Протасович Виктор Александр. 292, 441, 582, **681**
Пуришкевич Влад. Митр. 303, **681**
Пужоль Ал-др Артур. 505, 506, 508, **693**
Пятницкий Влад. Леонид. 654, **704**

Радионов Андрей Львович 601, 602, **701**
Раевский Ник. Алексеевич 541, 548, **698**
Раковский Х.Г. 63, 195
Ревшин, ген. 382
Резниченко Сергей Вас. 640, 651, **702**
Репьев Мих. Иван. 467, 494, 525, 552, 594, 596, 612, 639, **691**
Реут М.И. 16, 100
Родзянко М.В. 105
Романовский Иван Павл. 341, 344, 538, **684**
Росляков Михаил Серг. 525, **694**
Россовский Анат. Перфил. 81, **669**
Рубашкин, полк. 463

Рузский Ник. Влад. 58, **667**
Рухлов Сергей Васильевич 58, **667**
Рязанцев, полк. 552
Ряснянский Сергей Ник. 525, 595, **695**

Сабинин В.А., певец 236
Савицкий Вяч. Дмитр. 254, **677**
Савченко Петр Севаст. 395, 643, 644, 659, **703**
Сазонов Сергей Дмитр. 102, **671**
Сазонова Надежда 69, 70
Самуэлов Ал-др Артемьевич 85, 89, 159, 169, 181–189, 191, 193, 473, 552, 568, 583, 593, 605–609, **669**
Сапезко, подпор. 33, 52, 80, **664**
Сапунов, фельдф. 145
Сапунов Петр Петрович 658, **704**
Седельников Андрей Конст. 7, 15–21, 23–27, 30–35, 37–39, 43, 46, 49–59, 62, 64–71, 74–78, 87, 89–92, 98, 100, 104–111, 116, 123–127, 130, 132, 142, 143, 149, 165, 170, 171, 174, 197, 198, 217, 276, 323, 638, 649, **661**
Секретев Ал-др Степ. 373
Семенов В.В. 661
Семенов Григ. Мих. 481, 540, 576, 619, 620, **692**
Семилетов Эммануил Фед. 290, **680**
Сергеев, подпор. 260, 267
Сидорин Влад. Ильич 103, 261, 277, 285, 307, 318, 319, 353, 364, **671**
Сквориков Конст. Мих. 543, **698**
Скоблин Николай Влад. 433, 484, 524, 552, 599, **689**
Скоропадский П. 57, 114, 661, 662
Скрипников Петр Яковл. 540, 547, 564, **698**
Скуратовский Федор Андр. 269, 341, 349, **679**
Слащев Яков Александр. 264, 318, 319, 341, 352, 374, 378–380, 389, 392, 401, 418, 422, 423, 433, 507, 514, 552
Слесаревский Александр Павл. 46, 134, 137, 159, 217, 224, 230, 423, 427, 434, 452, 471, 490, 504, 508, 548, 558, 589, 610, 611, **666**
Снесарев Андрей Евг. 90, **670**
Соколов Павел Александр. 23, 24, 144, 170, 443, 605, 608–612, **663**
Соколо-Поповский, кадет 287
Соколовский Георг. Леонт. 363, 443, 466
Сорокин И.Л. 23, 58
Сохранский Алексей Вас. 503, **693**
Ставицкий Иван Павл. 553, **699**
Сталин И.В. 254
Стариков Терентий Мих. 305, **682**
Стеклов (Нахамкис) Ю.М. 186
Степанов (мл.) 22, 23, 25, 37
Степанов (старш.), корнет 22–24, 147, 338
Субботин Влад. Фед. 318, 474, **683**
Судзиловский Ник. Вас. 107, 109, 110, **672**
Сулима, кап. 490, 541, 543, 550, 602
Сушена Антон 334, **684**
Сушков В.С. 74
Сченснович Пол. Ал. 15, **661**
Сытин Павел Павл. 90, 91, 103, 108, **670**

Тавлинова (Орлова) Наталья Влад. 9
Тарасевичи (братья) 19, 187, 188
Татаркин Григ. Вас. 435–437, **689**
Татарников, подпор. 93, 142, 148, 150, 229,
276, 287, 543, 548, 550, 602
Тимошенко Иван Петр. 301, 302
Тимановский Ник. Степ. 158, 290, **673**
Тимченко Ал. Иван., подпор. 27, 30, 32
Титов Всеволод Степ. 296, **681**
Тихменев, полк. 463, 525
Томассен, франц. полк. 574, 591, 594, 630,
634–636
Томилов Борис Александр. 16–18, 63, 235,
661
Томилова З.Е. 19
Топорков Сергей Мих. 289, 290, **679**
Третьяков Ник. Александр. 336, **684**
Троицкий Павел, артист 342, 450, 457
Троцкий Л.Д. 54, 63, 66, 90, 94, 95, 103, 108,
162, 167, 185, 219, 238, 302, 340, 410, 482, 513,
524, 569
Тундутов, кн. 661
Турбин Ал-др Фед. 355, **686**
Туркул Антон Вас. 218, 225–228, 289, 295–
297, 309, 326, 335, 343, 350, 354, 399, 406,
411, 416, 421, 427, 446, 449, 465, 468, 472,
473, 489, 495, 496, 500, 502, 504, 518, 524,
577, 629, **675**
Турчанинов Всеволод Вячесл. 189, **673**
Тютюник Юрий Осип., атаман 370
Тяжельников Иван 18, **661**

Улагай Сергей Георг. 268, 290, 321, 341, 355,
366, 433, **679**
Ураталде Г. 375
Успенский Василий Ник. 645, 656, **703**
Успенский Ник. Митроф. 290, **680**

Фальц-Фейн Ф.Э. 348, 380, 381
Федько И.Ф. 392, 393
Феттинг Николай 21, **662**
Фибих Фридрих Фридр. 62, **667**
Филимонов Ал-др Петр. 74, 254, 290, **668**
Филипповский-Самарин В.Н. 346
Фок Анатолий Влад. 525, 532, 606, 607, **695**
Форд Генри 588
Фостиков Мих. Архип. 463, 465, 499, 500,
525, **690**
Фощ, марш. 431, 537, 549

Харжевский Влад. Григ. 352, 425, 448, 449,
504, 505, 525, **685**
Хольман Г.К. 303, 310
Хржановский, полк. 657
Хрипунов Алексей Степан. 621, 642, 653,
703

Цейдлер Герман Фед. 571, **699**
Цыгальский Ал-др Викт. 637, 657, **702**

Чалый Антон, атаман 471, 475, 479
Чернавин Виктор Вас. 319, **683**
Чернов В.М. 570

Чертков Ал-др Алексеевич 587, **700**
Черчилль У. 255
Чеснаков Ник. Влад. 465, 466, 524, 661, **691**
Чижов Борис Ник. 22, **663**
Чичерин Г.В. 106, 107, 359, 361

Шапаровский Влад. Митрофан. 533, **698**
Шапиловский Владимир Павл. 590, **700**
Шарай, кап. 177, 182, 183
Шарпи, фр. ген. 569, 576, 631
Шатилов Павел Ник. 486, 578, 579, 583, 601,
699
Шацилло Евг. Александр. 77, 80, 96, 339,
669
Шейн Ал-ндр Аристион. 50, 55, 109, 112,
114, 116, 121, 129, 204, 211, 213, 276, 366, 371,
423, 504, 535, 540, 541, 561, 566, 573, 580, 581,
587, 591, 599, 612, 616, **666**
Шидловский 19, 339
Шиллинг Ник. Ник. 246, 310, 319, 330, **677**
Шинкевич Виктор Антон. 191, 276, 443,
575, **674**
Ширков Владимир Ник. 386, 387, 575, **687**
Ширяев Григорий Иван. 659, **704**
Шифнер (Шифнер-Маркевич) Антон
Мейнгард. 199, 525, 555, **674**
Шкуро Андрей Григ. 66, 105, 106, 110, 120,
124–126, 128, 134, 148, 153, 198, 201, 204, 220,
261, 279, 291, 321, 341, 346, 366, **668**
Шостаков Алексей Ник. 644, 648, 655, 659,
660, **703**
Шапков, подпор. 52, 80
Штейнгель Влад. Рудольфович 29
Штейфорс Борис Александр. 525, 633, **697**
Шуликов Александр 107, **672**
Шуликов Петр 98, 107, 192, **671**
Шульгин Вас. Вит. 588
Шульман Мих. Иван. 36, 52, 356, **664**

Щеглов Петр Ник. 652, 653, **703**
Шелкунов, пор. 49, 348
Щербак Захар Фед. 28, 29, 130, 142

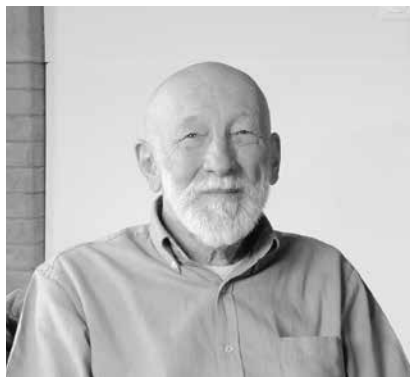
Энвер-паша 375
Эрдели Иван Георг. 347, 368, **685**
Эрдман Павел Ник. 525, **696**

Юденич Ник. Ник. 108, 230, 259, 261, 262,
310, 328, 376, 387, 465, 561, 567, 569, 630
Юзефович Яков Давидович 231, 268, 368,
676
Юкельсон, вольноопр. 76, 78

Ягубов (ст.) Александр Георг., полк. 171,
174, 182, 192, 219, 423, 504, 530, 540, 541,
551, 552, 558, 565, 568, 589, 599, 610, 616, **673**
Ягубов (мл.) Михаил Георг. 157, **673**
Яковлев Ал-др Влад. 92, 628, **670**
Якубовский Владимир 420
Яшке Николай Ник. 27, 28, 30–32, 34, 35,
44, 62, 64, 65, 68, **664**
Яценко Григорий, атаман 395

Дорогие читатели!

Я бесконечно счастлив, что дневник моего отца Георгия Орлова, который он вел в самые трудные дни своей жизни и жизни его Родины, наконец, увидел свет в России. Папа мало рассказывал мне о годах Гражданской войны, потому что вспоминать те события было тяжело. Он очень любил Россию и был готов защищать ее. В 1917 году ему казалось, что власть большевиков — это ненадолго, он верил, что Россия найдет в себе силы воспрянуть к новой жизни и ее ждет в будущем расцвет. Эта вера заставила его бросить образование и отправиться на юг, в Добровольческую армию, в рядах которой он сражался три года, был дважды ранен, голодал и замерзал на позициях. Но случилось иначе: армия генерала Врангеля была вынуждена покинуть Россию, затем был год «Галлиполийского сидения», после которого папе посчастливилось попасть на учебу в Прагу.

Моя мама бежала из Петрограда к тете в Польшу, потом с контрабандистами попала в Прагу, где, учась в университете, познакомилась с папой. Он стал выдающимся инженером и получил хорошую работу в отделе городского строительства. Но вскоре началась война, жизнь в Праге была очень тяжелой, продукты получали по карточкам. Я постоянно голодал, и маме едва удалось меня спасти.

В конце апреля 1945 года при наступлении Красной армии нашей семье пришлось покинуть Прагу, чтобы избежать ареста отца. В товарном вагоне одного из последних поездов мы уехали в австрийский Зальцбург. Там нас встретили американцы. Через несколько дней папа нашел полуразрушенный дом, в котором мы спали на полу, а мама готовила в саду на самодельной кирпичной печке.

Спустя некоторое время, через отдаленных родственников мамы, отца пригласили в Швейцарию для работы в строительной фирме. Его знали там по книге, написанной для студентов-инженеров. Швейцария уже закрыла свои границы, но мы успели въехать. Добрались до Берна, и там наша жизнь постепенно наладилась. Я окончил школу, потом университет и стал архитектором. Мой папа умер в 1964 году, мама в 1971, оба потеряли здоровье вследствие пережитых лишений и страданий.

Революция раскидала нашу семью. В 1921 году меня через объявление в газете нашла двоюродная сестра. Много позже мы узнали, что оба папиных брата были расстреляны в 1937 году в Белоруссии, сестра Лидя попала со своим мужем в Аргентину.

Папа всю жизнь хранил свой военный архив: рукописный дневник в четырех толстых переплетенных тетрадах, свой погон Дроздовца, документы и семейные фотографии. Сейчас, когда дневник отца издан в России и его смогут прочитать русские люди, я хочу, чтобы его военные реликвии тоже вернулись в Москву — город, который он очень любил и часто вспоминал в дневнике. Я хочу передать архив Георгия Орлова в музей Русского Зарубежья. Надеюсь, эти реликвии найдут там достойное место и будут полезны и интересны моим соотечественникам, которых я искренне люблю и желаю им благополучия.

*Вадим Георгиевич Орлов,
Берн (Швейцария), май 2019 г.*

Содержание

<i>С.В. Волков. Предисловие научного редактора</i>	5
Об авторе дневника	7
1918 год	13
Отправление из Могилева в Добровольческую армию (12.08)	15
Прибытие в Дроздовскую дивизию на ст. Кавказская (29.08)	23
Командировка в Новороссийск.	
Встреча кораблей союзников в порту Новороссийска (10.11)	58
1919 год	85
Начало боевых действий у станции Железной (25.02)	112
Приказ ген. А.И. Деникина о наступлении на Москву (28.06)	174
Добармия занимает Полтаву (16.07), Белгород (18.08), Орел (30.09) ..	185
Командировка в Севастополь в артиллерийскую школу (9.10)	228
Возвращение на фронт. Отступление белых армий (27.12)	272
1920 год	283
Приезд ген. Деникина в г. Азов. Смотр войск (31.01)	308
Отступление белых войск к Черному морю через кубанские станицы: Канеловская (19.02), Старо-Деревянковская (23.02), Славянская (4.03), Крымская (12.03)	320
Погрузка в Новороссийске на транспорт «Рион» (14.03) и приход в Севастополь (17.03)	338
Боевые действия в Причерноморье и за Каховку (июль – октябрь) ..	402
Отход в Крым (21.10)	495
Корабли Русской армии ген. П.Н. Врангеля покинули Крым (2.11) ..	512
Выгрузка с кораблей в Галлиполи (9–13.11)	519
1921 год	545
Галлиполийский лагерь: устройство быта, учеба, голод, болезни ...	547
Парад в Галлиполи с участием ген. П.Н. Врангеля (15.02)	561
Получение письма из Германии от родственников (6.09)	638
Подготовка к отъезду в Прагу на учебу. Гибель яхты «Лукулл»	656
Комментарии (сост. д.и.н. С.В. Волков)	661
Именной указатель	705
Послесловие Вадима Орлова	710

Содержание

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ 16+

Георгий Орлов

Дневник добровольца.

Хроника гражданской войны. 1918–1921

Редактор — *Е.М. Гончарова*

Верстка — *А.А. Базилевич*

ООО «Содружество “Посев”»

127051, Москва, ул. Неглинная, 27/2/26, стр. 1, пом. 96

Тел./факс: (495) 625-9248, 625-8138, e-mail: posevru@gmail.com

Формат 60×90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в АО «ИПК “Чувашия”»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

ISBN 978-5-906569-19-6

9 785906 569196

12.08.1918. <...> Решил я ехать в армию потому, что я непримиримый враг хамства и той мерзости, которую развели в России большевики, и в момент отъезда желал и думал помочь как можно скорее справиться с большевизмом, а затем поехать в Москву и продолжать заниматься в институте тогда, когда моя работа не нужна будет армии. <...>

19.10.1919. ...Бои идут серьезные и весьма напряженные. Как ни верти, а наши цепи всё еще слишком малочисленны и редки. Вообще уже пора ставить погуще линию фронта, а против латышей и китайцев это даже необходимо. На позиции же чересчур мало народу, а между тем в тылу, в городах видно колоссальное количество офицеров и молодых, сильных, здоровых и опытных людей. Что они делают в городах и почему не хотят принять участие в этой героической борьбе, непонятно... Почти все так не хотят возвращения красных и боятся их. А между тем, сами испытывают страх перед фронтом и всячески стараются увильнуть от него, предпочитая сидеть в тылу и выезжать на нашей шее, не считаясь совсем с тем, что подчас мы, несмотря на все усилия, из-за нашей малочисленности не в состоянии удержать красных. <...>

25.09.1921. В свое время Англия, оказывая недостаточную поддержку нам, тем самым, быть может, преследовала цель затягивать гражданскую войну и увеличивать русскую разруху, с одной стороны, а с другой, — ей чисто коммерчески выгодно было ликвидировать свои сомнительной денежной ценности излишние военные запасы. Какими смешными и наивными кажутся мне сейчас те чувства надежды на благородную помощь и расположение, которые я испытывал в 1918 году при известии о скором прибытии союзников. <...>

*фраза
сидеть
или лучше
военная
или безоруж
мечской бою
разосит, рай
ше наступило
идеи Завое
Френксера
никогда соби
авказались
ти а свои про
авийским
министров, кот
ции в посоль
ские; на Фран
переводит. Т
уже давно. С
оч. границы
англичане не
ны, кто в о
и прависки
Белко интере
пери ибор
отор не то,
возможност
применител
себя переде
лино, кот
бондосом
для домо*